IZVESTIJA OTDELENIJA RUSSKAGO JAZYKA I SLOVESNOSTI IMPERATORSKOJ AKADEMII NAUK

V/1900

3/4

1964

AKADEMISCHE DRUCK- U. VERLAGSANSTALT

GRAZ - AUSTRIA

Photomechanischer Nachdruck der
Akademischen Druck- u. Verlagsanstalt
Graz / Austria

Printed in Austria
318.64

Новый интерлюдій XVIII-го вѣка.

Въ 1859 г. во 2-мъ томѣ «Лѣтописей русской литературы и древности» покойный Н. С. Тихонравовъ издалъ впервые 7 интерлюдіевъ первой половины XVIII-го вѣка съ рукописи (XIV Q, 19), принадлежащей Императорской Публичной библіотекѣ. Эти «Proludia», какъ они называются въ рукописи, представляютъ рядъ полныхъ грубаго народнаго юмора сценокъ, въ которыхъ выступаютъ: раскольникъ, цыганъ и литвинъ; цыганъ и нѣмецъ-лѣкарь; маркитантъ съ пирогами, ставленникъ-дьячокъ и мошенники; дьячокъ съ сыновьями и подьячій; грекъ, барышникъ и цыганы; жидъ и раскольникъ; могильникъ и кобыльникъ. Со времени изданія Тихонравова число юмористическихъ интерлюдіевъ XVIII-го вѣка, на сколько намъ извѣстно, не увеличилось. Новѣйшій изслѣдователь начальной исторіи русскаго театра П. О. Морозовъ разсматриваетъ въ своемъ трудѣ[1]) только эти 7 и останавливается на вопросѣ о времени ихъ сочиненія. Въ настоящее время, благодаря случайной находкѣ, мы имѣемъ возможность обнародовать еще одинъ интерлюдій такого же типа и того же времени, какъ раньше извѣстные. Издаваемый нами ниже интерлюдій «Шапошникъ и мужикъ» оказался, вмѣстѣ съ «Могильникомъ и кобыльникомъ», въ рукописной тетрадкѣ, судя

1) Исторія русскаго театра, т. I (до половины XVIII в.) Спб. 1889, стр. 334—337.

по почерку и бумагѣ, второй половины XVIII-го вѣка, доставленной Этнографическому Отдѣлу И. О. Л. Е. А. и Этнографіи въ Москвѣ г. Прокопіемъ Дилакторскимъ изъ Вологодской губерніи. Напомнимъ, что г. Дилакторскій уже не однажды доставлялъ Этнографическому Отдѣлу любопытныя, добытыя имъ у простого народа, рукописныя тетрадки XVIII-го вѣка. Такъ изъ присланныхъ имъ рукописей были напечатаны въ «Этнографическомъ Обозрѣніи»: «Вѣдомость о масленичномъ поведеніи 1762 года»[1]) и «Исторія о мизгирѣ»[2]).

Тетрадка съ новымъ интерлюдіемъ состоитъ изъ двухъ сложенныхъ въ четвертку листовъ плотной, желтоватой, достаточно захватанной, бумаги съ водянымъ знакомъ въ видѣ сложнаго гербового щита, принадлежащимъ бумагѣ второй половины XVIII вѣка. Изъ шестнадцати страницъ тетрадки заняты рукописью двухъ интерлюдіевъ 13, прочія три не исписаны. Въ верху 1-й страницы большими вычурными церковно-славянскими буквами написано заглавіе «КОМЕДІЯ», относящееся къ обѣимъ пьесамъ, такъ какъ онѣ не имѣютъ отдѣльныхъ названій, а начинаются первая словами: «*Шапошникъ торгуя шапками говоритъ*»; вторая, почти съ начала 7-й страницы, словами: «*Выходитъ могильникъ копать могилы а после къ нему приходитъ кобылякъ которой ищетъ кобылы и спрашиваетъ у могильника, да оба глухіе*».

Достаточно вскользь просмотрѣть комедію «Шапошникъ и мужикъ», чтобы убѣдиться въ ея принадлежности къ тому же репертуару, въ который входили извѣстные раньше интерлюдіи. Продувной продавецъ шапокъ, расхваливающій свой товаръ передъ пришедшимъ въ городъ мужичкомъ, «заозерскимъ пестеремъ», живо напоминаетъ по характеру и пріемамъ ловкаго маркитанта съ подовыми пирогами, зазывающаго покупателей разными прибаутками; а обманываемый мужикъ, лишившійся купленной шапки,—ставленника-дьячка, пріѣхавшаго въ городъ изъ захолустнаго села и обворованнаго городскими мошенниками.

1) Этн. Обозр. кн. XXIV, стр. 118.

2) Тамъ же, кн. XXV, стр. 180—182.

Та же противоположность хитраго горожанина сельскому простофилѣ. Языкъ и складъ новаго интерлюдія тотъ же, что и ранѣе извѣстныхъ. Можемъ даже отмѣтить почти полное совпаденіе въ двухъ стихахъ, вложенныхъ въ уста сопоставленныхъ нами лицъ — маркитанта и шапошника. Такъ, навязывая ставленнику-дьячку свои пироги, маркитантъ говоритъ:

«Не какую тутъ надобно денегъ тѣ груду:
Копѣекъ полдесятокъ, такъ и тѣмъ доволенъ буду» [1]).

Въ новой «комедіи» шапошникъ, расхваливая мужику свои шапки, говоритъ:

«Веть я денег те некакую с тебя возму груду,
То^л^ко дай копеекъ тритца^т^, та^к^ я и тѣ^м^ доволе^н^ буду».

Напоминая по основной мысли и содержанію всего ближе интерлюдій (или Proludium tertium) «Маркитантъ, ставленникъ и мошенникъ», новая пьеска по языку особенно близка къ интерлюдію «Могильникъ и кобылякъ», съ которымъ она совмѣстно вписана въ тетрадку, доставленную г. Дилакторскимъ. Языкъ обѣихъ пьесокъ настолько характеренъ, что заслуживаетъ нашего полнаго вниманія.

Резюмируя свой краткій обзоръ интерлюдіевъ П. О. Морозовъ дѣлаетъ слѣдующія замѣчанія: «На сколько эти интерлюдіи вѣрны изображаемому въ нихъ быту, на столько же и языкъ ихъ, живой и выразительный, вѣренъ простонародной рѣчи. Каждое дѣйствующее лицо говоритъ по своему, соотвѣтственно своей національности и положенію» [2])... Дѣйствительно, рѣчь раскольника сбивается на церковно-славянскій ладъ, въ говорѣ цыгана, кромѣ цыганскихъ словечекъ, слышатся полонизмы и малоруссизмы, литвинъ *дзекаетъ*, нѣмецъ-докторъ произноситъ латинскія фразы, маркитантъ сыплетъ прибаутками, грекъ изъ Константинополя говоритъ ломанымъ русскимъ языкомъ, жидъ изъ западнаго края мѣстнымъ говоромъ, но съ еврейскимъ цоканьемъ и проч. Въ обѣихъ пьесахъ нашей рукописи языкъ нѣ-

1) Лѣтописи русской литературы и древности, т. II, 1859, отд. II, стр. 47.
2) Назв. соч. стр. 337.

которыхъ лицъ уснащенъ яркими признаками сѣверно-великорусскаго говора, причемъ особенно характернымъ является *чоканье.* Всего лучше выдержаны областныя сѣверно-русскія особенности въ рѣчахъ мужика, котораго шапошникъ называетъ «заозерскимъ пестеремъ».

Перечислимъ главныя особенности его говора:

1) *ё* (въ рукописи іо) вмѣсто неударяемаго *е* въ конечномъ слогѣ: обманываеті*о*, копеі*о*къ. Послѣ шипящихъ вм. е пишется о: жо (же), ежжо=есть-же; какъ-жо.

2) Конечное *я* въ возвратномъ мѣстоименіи—*ся* переходитъ въ о: болтатчо, подвигатчо.

3) *И* вм. *ѣ*: в*и*тіоръ, ум*и*іошъ, смотр*и*ть.

4) Е вмѣсто я (а) въ слогахъ передъ мягкими согласными отмѣтили мы въ словахъ: тритчети, двачеть.

5) Мягкое ц́ и ч́: браець, нахлучю.

6) О вм. ы въ словѣ: *боло*; ё (написано о) вм. ѣ въ словахъ: цона, *смохотворъ*; ю вм. е въ словѣ *очюнь*.

7) Чоканье: браечь, офичѣры, чвѣтомте, купечь, ченою, тритчети, хочечо (=хочется), горочкіе, глупчи, двачеть, болтатчо, подвигатчо.

8) *Що* вм. что, хотя встрѣчается и *што*.

9) *Яя* вм. ѣе въ сравн. степени: поскоряя.

Эти особенности мѣстнаго говора не всегда выдержаны, но все же встрѣчаются въ рѣчахъ мужика въ такомъ количествѣ (особенно чоканье), что придаютъ имъ своеобразный отпечатокъ.

Тѣ же мѣстныя особенности сѣверно-великорусскаго чокающаго говора находимъ мы въ интерлюдіи «Могильникъ и кобылякъ» и притомъ, что̀ особенно интересно, онѣ встрѣчаются въ новомъ спискѣ гораздо чаще, чѣмъ въ спискѣ, изданномъ Тихонравовымъ. Приведемъ нѣсколько примѣровъ.

Такъ въ прежнемъ спискѣ *чоканье* является только въ двухъ случаяхъ: черквамъ, кормилча. Въ новомъ гораздо чаще: браечь (нѣсколько разъ), гнотча, плутча, біотча, управитча, подратча, побитча, приметчо, проедатчо.

Буква *е* прежняго списка замѣнена буквой *о* (ё) въ нѣсколькихъ случаяхъ: съ ной (въ прежнемъ: съ ней), прыщошъ (въ прежн.: прыщешь), сыщошъ (въ прежн.: сыщешь), жо (въ преж.: же), знаіотъ (въ прежн.: знаетъ), читаіотъ (въ прежн.: читаетъ), діоржать (въ прежн.: держать).

Вмѣсто *было* въ новомъ спискѣ дважды *боло*.

Вмѣсто *бѣлинькой* прежняго списка въ новомъ: *биленкой*, вмѣсто *нагрѣть* въ новомъ спискѣ *нагрить*, вм. *посмотрѣть* въ новомъ *посмотрить*.

Предложная приставка раз- въ новомъ спискѣ въ нѣсколькихъ случаяхъ измѣнена на роз-: ростолкуешь (растолкуешь), розогрѣвался (разогрѣвался), розворотило (разворотило).

Въ нѣсколькихъ случаяхъ въ новомъ спискѣ является такъ наз. членъ: могилу-ту (въ прежн.: могилу), горшокъ-отъ (въ прежн.: горшокъ), воровство-то (въ прежн.: воровство), хребіототъ (въ прежн.: хребётъ), шерстью-то (въ прежн.: шерстію).

Вмѣсто возвратн. мѣст. *ся* въ словѣ «закатился» въ новомъ спискѣ читаемъ -со: закатилсо.

Является вопросъ, какъ объяснить появленіе этихъ фонетическихъ отличій въ новомъ спискѣ. Но этотъ вопросъ находится въ тѣсной связи съ другимъ: представляетъ ли новый списокъ только копію пьесы или запись по памяти.

Сличая новый списокъ съ прежнимъ, мы убѣдимся, что отличія, хотя иногда и незначительныя, встрѣчаются почти въ каждомъ стихѣ. Иногда онѣ состоятъ въ перестановкѣ тѣхъ же словъ въ стихѣ, иногда въ прибавкѣ лишняго слова, иногда въ измѣненіи суффикса имени существительнаго или прилагательнаго, иногда въ различіи времени или вида глагола, иногда въ написаніи того или другого слова. Однако число стиховъ одно и то же, и при всѣхъ различіяхъ они исходятъ на тѣ же риѳмы. Чтобы объяснить отношеніе новаго списка къ раньше извѣстному нужно предположить, что либо списывавшіе первый, можетъ быть авторскій, списокъ пьесы относились къ его тексту довольно свободно, позволяя себѣ нѣкоторыя измѣненія, кото-

рыя, чрезъ рядъ переписчиковъ, дали текстъ въ томъ видѣ, въ какомъ мы находимъ его въ вологодской рукописи; либо что пьеска, будучи легко разучиваема наизусть для представленія, могла быть впослѣдствіи вновь записана по памяти, причемъ внесеніе нѣкоторыхъ варіантовъ является почти неизбѣжнымъ. Послѣднее предположеніе, т. е. что записи интерлюдіевъ могли дѣлаться иногда по памяти, представляется намъ правдоподобнымъ особенно въ виду нѣкоторыхъ фонетическихъ, діалектическихъ, отличій новаго списка, въ которомъ замѣтно стараніе внести больше діалектическихъ оттѣнковъ, чѣмъ сколько ихъ находимъ въ прежнемъ спискѣ. Мѣстныя сѣверно-великорусскія черты въ говорѣ мужика, копающаго могилу, и его собесѣдника, ищущаго кобылу, были несомнѣнно уже въ основной редакціи, т. е. были внесены уже сочинителемъ. На это указываютъ, напр., слова: черквамъ, кормилча (въ обоихъ спискахъ), отчіово (прежн.), нагрѣть съ ѣ произносимымъ какъ *и* (риѳмуется съ «заступить»), свѣта (произносится свита, такъ какъ риѳмуется съ «разбита»); «съ голыми рукамъ» и друг. Но другіе случаи, въ которыхъ слышался мѣстный говоръ, были вѣроятно стерты въ памяти лица или лицъ, не знавшихъ этого говора и набрасывавшихъ піесу, выученную ими наизусть, на бумагу. Напротивъ, неизвѣстный намъ вологодскій любитель интерлюдіевъ, какой-нибудь семинаристъ, записавшій двѣ разсматриваемыя нами пьески, могъ не только сохранить особенности хорошо знакомаго ему говора, но и внести нѣкоторыя болѣе типичныя черты отъ себя. Этимъ предположеніемъ, кажется, можно объяснить бо́льшее усиленіе мѣстнаго элемента въ вологодскомъ спискѣ «Могильника и кобыляка» сравнительно съ ранѣе извѣстнымъ. Впрочемъ, какъ бы то ни было: сохранилъ ли только авторъ вологодскаго списка діалектическія особенности уже бывшія въ обѣихъ пьесахъ, или подбавилъ къ нимъ другія, въ томъ и въ другомъ случаѣ новооткрытая рукопись представляетъ научный интересъ, какъ одна изъ раннихъ попытокъ передать письмомъ особенности сѣверно-великорусскаго окающаго и чо-

кающаго говора. Опредѣлить болѣе точно мѣстность, въ которой была написана рукопись, конечно, нѣтъ возможности. Фонетическія особенности, которыми уснащены рѣчи могильника, кобыляка и мужика, покупающаго шапку, встрѣчаются на огромномъ пространствѣ окающаго сѣвера Россіи. Такъ, вмѣстѣ съ чоканіемъ и цоканіемъ [1]), замѣна е звукомъ ё (о) отмѣчена въ разныхъ говорахъ губерній: Новгородской, С.-Петербургской, Олонецкой, Архангельской, Вологодской, Ярославской, Пермской [2]); замѣна *ѣ* звукомъ *и* въ тѣхъ же губерніяхъ; е вм. я въ губ. Вологодской, Пермской [3]); *що* вм. *што*, *что* слышится въ губ. Новгородской, Архангельской, Вологодской, Ярославской, Вятской и др. [4]); возвратное мѣстоим. *со* вм. ся извѣстно въ губ. Олонецкой, Вологодской [5]). Сравн. степень съ исходомъ *-яя* извѣстна въ говорахъ олонецкихъ, вологодскихъ, пермскихъ [6]). Въ огромномъ районѣ, по мѣстамъ, отмѣчено и употребленіе творит. множ. числа на *-мъ* (рукамъ). Но въ виду того, что рукопись была добыта изъ рукъ простонародья Вологодской губерніи, въ говорахъ которой можно найти всѣ діалектическія особенности, встрѣчающіяся въ рѣчахъ дѣйствующихъ въ пьесахъ мужиковъ, едва ли мы ошибемся, если предположимъ, что рукопись была написана въ той же губерніи, въ которой была найдена.

Новый списокъ пьески «Могильникъ и кобылякъ» отличается отъ изданнаго Тихонравовымъ не только числомъ мѣстныхъ діалектическихъ особенностей. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ даетъ другое чтеніе и исправляетъ вкравшіяся въ прежній списокъ ошибки. Отмѣтимъ два-три случая. Такъ въ прежнемъ спискѣ читается, въ разсказѣ сына о смерти отца:

---

1) Примѣровъ послѣдняго, быть можетъ случайно, нѣтъ въ обѣихъ пьесахъ.

2) См. А. И. Соболевскій «Опытъ русской діалектологіи», вып. I, 1897, стр. 43, 47, 48, 51, 52, 56.

3) Тамъ же: стр. 53, 62.

4) Тамъ же: стр. 45, 51, 52, 53, 56, 59, 60.

5) Тамъ же: стр. 50, 54.

6) Тамъ же: стр. 49, 53, 55, 63.

«Да отчіово то и умеръ, какъ не отъ *солонова* тѣста?»

Въ новомъ спискѣ вмѣсто *солонова* тѣста оказывается нѣчто другое болѣе понятное:

«Да не ѿ чего то умеръ што не ѿ *солюженою* тѣста», т. е. отецъ его объѣлся тѣстомъ, изготовленнымъ изъ муки и солоду, для кваса.

Слова кобыляка: «Ей! что, братъ, тя такъ рано свозило въ полночь?» читаются въ новомъ спискѣ правильнѣе: «Эй, што бра^т тя рано *взвозило* въ полночь?»

Дальнѣйшій стихъ того же кобыляка:

«Ну гдѣ же вотъ теперь его сыщешь?»

читается въ новомъ спискѣ съ болѣе умѣстной формой мѣстоименія, такъ какъ рѣчь идетъ о кобылѣ: «ну гдѣ во^т топере еіо сыщошъ?»

Часть одного дальнѣйшаго стиха, очевидно неразборчиво написанная въ рукописи и замѣненная Тихонравовымъ точками, читается въ новой рукописи вполнѣ ясно:

Да какъ не хлызить, а этого тебѣ, браэчь, не избыть.

Ср. хлюздить — кривить душой, жилить; хлуздать — скользить; хлиздить—не устоять въ словѣ, вывертываться.

Но есть случаи, гдѣ чтеніе прежняго списка, кажется, слѣдуетъ предпочесть. Такъ въ немъ сынъ говоритъ:

«А когда посмотрѣть бачка то желаешь,
То хоть завтра ко мнѣ приди ты».

Въ новомъ спискѣ вм. бачка читается: *бога^тства*, что̀ едва ли не позднѣйшая замѣна оригинальнаго *бачка*. Такою же неудачной замѣной представляется намъ въ новой рукописи глаголъ *гноча* (т. е. гнётся) въ стихѣ:

«И брюхо то такъ всіо выше да выше гноча»

вмѣсто: *дміотсе*, какъ читается въ прежнемъ спискѣ.

Наконецъ новый списокъ «Могильника и кобыляка» на 14 стиховъ короче прежняго. Онъ кончается словами могильника:

«У ково? У бачка то? У іово были три собаки».

Между тѣмъ какъ въ прежнемъ текстѣ за этими словами слѣдовало объясненіе, почему покойный отецъ держалъ собакъ, приглашеніе разсерженнаго кобыляка, обращенное къ могильнику—итти вмѣстѣ въ «губерску кончелярію», приглашеніе, на которое тотъ отвѣчаетъ невпопадъ любезнымъ приглашеніемъ идти смотрѣть амбары съ пожитками, оставшимися послѣ его отца.

Такимъ образомъ оба списка взаимно поправляютъ другъ друга въ отдѣльныхъ мѣстахъ, и мы сочли поэтому не излишнимъ вслѣдъ за текстомъ новаго интерлюдія напечатать и текстъ «Могильника и кобыляка» по вологодской рукописи.

КОМЕДІЯ.

I.

Шапошникъ, торгуя шапками, говоритъ:

Много, братъ, нашилъ я шапокте еще с лѣта
А купцовъ на нихъ и по сіе время нѣта.
Уже морозъ, кажется, великъ наступаетъ,
А шапокте ни единой чл҃вкъ не покупаетъ.
Идя мужикъ по ряду уши потираетъ.

Шапошникъ.

Э братъ дядя, что ты по ряду шипко шахаешъ?
Знатно уште у тебя озябли, что ихъ потираешъ.
Наде тебѣ эту худую шапку переменить,
Да и воронамъ на гнездо бросить.
Чортъ ли видалъ гдѣ ч҃тные люди эдакіе шапки нося[т],
Хоть ѿдать ея нищи[м], и тѣ на нея плюнутъ да брося[т].

Мужикъ.

Добро, браечь[1]), никакіе мы людите офичѣры[2]) чесные,
Носимъ шапките и тѣ старые худые.
У тя, братъ, шапокте ожжошшо[3]) купить,
А купишъ, недолго наносишъ, будетъ же бросить.
Хотя онѣ у тя чвѣто̆те[4]) и пригожи,
Да к моей, браечь, непо̑лично къ деревенской рожи.
Живіотъ и ета старая: та̑же ка̑ и новая ушите грѣе̄,
А ка̑ нахлучю[5]) хоть в какой моро[з] витіоръ не провѣе̄.

Шапошникъ.

Ха, ха, ха! Эдакои г̑да кто вида[л] ходӣ по рядуто балагу[р],
Смотрите какой онъ взя[л] в зубы те дуръ.
Вѣть скупость же злая в человѣке то зародится:
Радъ нетолко из рубля, но ис полушки задавится.
Ушите и такъ, кажется, ѿ морозуто побилѣли,
А онъ еще говоритъ, что опрѣли.
Поди, дуракъ, деревенской Өалелѣй,
Купи хорошую шапку, да ушите обогрѣй.

Мужикъ.

Зна[л] бы я и самъ, браечь, ка[к] бы по моей мошнѣ шапката попала,
Да у васъ купить,—такъ у меня чермезина та[6]) мала.

Шапошникъ.

Да по̑винсе поближе, посмотри, веть не всѣ дорогие,
Такъже и по твоей ценѣ есть дешевые.
А то ты, заозер(с)кой пестерь[7]), ушите морозишъ.
Денгите веть у тебя есть, а въ едакой шапчонке бродишъ.

---

1) Братецъ. 2) Офицеры. 3) Ожѣшься. 4) Цвѣтомъ те.

5) Нахлобучу. По Далю—нахлучить ряз. сибир: 6) Мошна?

7) *Пестѣрь* сѣв.-вост. большая корзина, плетенка раструбомъ, плетеная или шитая берестяная, лубочная, для носки сѣна и мелкаго корма скоту; лыч-

Мужикъ.

Разве, браець, подвинутся посмотри̃, нѣ̃ли по моей де̇-жинѣ?

Шапошникъ.

Поди, небось, недорого ѿдамъ на починѣ:
Подвигайся посмеляя, приступай къ шапка̃то поближе.

Мужикъ.

Нечево, браецъ, на верхные те смотри̃, подайко которая виси̃ пониже.

Шапошникъ.

Натко, дядюшка, изво̇ всяко смотрѣти,
А какъ купишъ, любя станешъ носити.

Мужикъ.

Сто ко бра̃ посмотри̃ боло хорошенко,
А то обманываетіо вы нашу братью частенко.

Шапошникъ.

Что ты, дядюшка, изволи̇ говори̃? У нас никогда этово не бывало:
Не обмане̃ ста, хоть приди пар(е)некъ малой.

Мужикъ.

Да добро! Нечево много попусту болтать:
Ста̃ боло какъ можно торговать.
Ну що жо, господи̇ купэчь, дорога-ли ка̂ она у тя ченою?

Шапошникъ.

Не бо̂ста, дядюшка, изво̇ хороше̇ко торгова̃ся со мною.
Веть я денегте некакую с тебя возму груду,
То̇ко дай копеекъ тритца̃, та̂ я и тѣ̇ доволе̇ буду.

ной большой кошель; въ плетеныхъ пестерахъ держатъ шерсть, пеньку; также средней величины корзина по грибы, по ягоды, которую носятъ на спинѣ. «Экой ты пестерь, пехтѣря!»—неповоротливый, неуклюжій, мѣшокъ. (Даль).

Мужикъ.

О браечь, ско^{л} дорого! Ка^{к} по моему бы взя^{л} четыре алтына.

Шапошникъ.

Нѣ̄, другъ, я еще о^{б}шибся,—надобно просӣ с тебя по^{л}тина,
А ты хочешъ за 12 копеекъ эдакую шапку взяти.
Веть ста стыдно и в людите сказати.

Мужикъ.

Да ка^{к}жо, бра̄, по твоему? Скажитко, чѣ^{м} ты меня о^{б}ве-
веселит̄
Не ужли таки цоныто нисько^{л}ко не сложишъ?

Шапошникъ.

Акой ты! Кажется, у тебя борода велика,—
А умато нѣтъ в тебѣ ни на лыка.
Вѣ̄ хо̄ кому ея показа̄, та никто непохаетъ.

Мужикъ.

Ой всякъ васъ обманщиковъ знаетъ!

Шапошникъ.

Да добро! Что много говорӣ? Изво^{л}ко на стулъ садӣца.
Во̄ тебѣ и зеркало,—изво^{л}ко посмотритца.
Ахъ куды ста ка̂ тебѣ изря̂но шапката пристала!
Хо̄ куды поди,—та̂ вся̂ скаже̄, что тебя неоругала.
Посмотритко ста на тебѣ шапката какъ баетъ!
Не обманываю: право что она тя не мало украшаетъ,
Да и ушите твои очень прикрыла.

Мужикъ.

Ну братъ, топере и мнѣ кажется мила.
То^{л}ко выпустишли из тритчети копее̂ што или нѣту?
А мнѣ хочечо [1]) очю^{н} [2]) купӣ шапкуту эту.

---

1) Хочется. 2) Очень.

Шапошникъ.

Ну доброй члвкъ, дах ли пох полтины?
Болши хошъ ка, не выпущу копейки едины.
Веть тебѣ выных лавкахъ эдакой шапки не сыска.

Мужикъ.

Добро! Хошъ и дорога, да извох денги брать.

Шапошникъ.

Ну топере, дядюшка здравствуй с шапкой новой!

Мужикъ.

Спасибо что достави", господи" торговой!
Нужо топере здраво оставайся.

Шапошникъ.

Прости, прости, дядюшка, и впре" с нами знайся.

Ошеши мужи ѡ лавки да хвастаетъ.

О браечь, я чаях што воровати горочкиете[1]) купчѝ[2]),
Ано ѥжжо[3]) такие ка и наша братья деревеxскіе глупчѝ[4]).
Смотритетко, господа, какая шапката хороша!

(Другой мужкъ прише говоритъ):

Не ужли ты дах, побратимъ, за еіо два гроша?

1-й мужикъ.

Какой ты смохотворъ проклятечь—
Я чалъ[5]) што ты мохвишъ похтину, браечь.

2-й мужикъ.

Да ты посмотритко, за што похтината дать?

1-й мужикъ.

Нѣ, браечь, не умиіошъ[6]) ты торговать:
Веть я за еіо дах копеі дврачеть пять!

1) Городскіе. 2) Купцы. 3) Есть же. 4) Глупцы. 5) Чаялъ. 6) Умѣешь.

2-й мужикъ.

О братецъ, и вправды льзя эте де̃ги дать:
Я не досмотри', ано веть у нея весь и вершоко̃ новой;
Постой, постой я издалей что и околышо̑ бобровой.
Ахъ, дядюшка, ско' ты мастеръ торговать
И шапо'те хорошыхъ выбирать!
Не обши'ся ста ты, не да' лишныя копейки.
Веть ста поиска̃ во всемъ ряду эдакой тулейки.
Прикажи̃ко ста пожалуй мнѣ на голову надѣть.

1-й мужикъ.

Изво' ста какъ тебѣ надей посмотрѣть.

2-й мужикъ.

Хороша ста, хороша ста, да она же еще и не ма̀ла.
Смотритетко, г̑пда, ка' она и мнѣ пристала!
Пожалуйко, свѣти̑ мой, мнѣ в ней погулять,
А я в то̃ ча' буду, изво тo'ко здѣсь обождать.

Мужикъ.

Нѣ̃, браечь, недосукъ долгото мнѣ здѣсь бо'та̃чо,
Пора ужъ и домой в деревню подвига̃чо:
Да добро! Виде' ты человѣко̃ доброй, — поди да принеси поскоряя.

3-й мужикъ.

Эдакая ты борода пустая!
Впря̃ не попусту деревенской нашъ бра̃ назва' зевака:
Во̃ тя обмануль и унесъ (шапку) какъ собака.
Ну гдѣ ты ево, полоротой, станешъ искать?

1-й мужикъ.

Нѣтъ, браэчь, не такия мы люди что у насъ вохове̃ (?) пропада̃.
Мы и сами на это ужъ доки:
Пойду да ка' найду, да нагну, да ѿломаю ему и боки!

II.

Выходи̅ могильни̑ копа̅ могилы а после къ нему приходи̅ кобыля˟ которой ищетъ кобылы и спрашивае̅ у моги˟ника, да оба глухие.

Моги˟ни˟ копае˟ о̓цу могилу, са˟ говоритъ:

А вой вой, батюшко ты мой!
Топере уже недождатца мнѣ тебя домой.
Какъ ѣздилъ боло ты на добычку хоть въ по˟ночку,
А приѣхал, мнѣ привезошъ гости˟ца своему сыночку.
А вой вой, батюшко ты мой, голупчикъ биленкой,
Пошто ты меня оставилъ, миленкой?
Закатилъсо ты, солнышко моіо красно,
Покинулъ ты меня бѣднаго напрасно.
И некому меня теперь по головке ушъ погладитъ,
Толко всякъ по затылку заѣха˟ ладитъ.
И некому за меня сироту теперь заступить:
Толко всякъ хочетъ вшивицу нагрить.
Куды мнѣ бѣдную головушку девать?
Вста˟ да хо˟ скажи, какую тебѣ могилуту копать.
Оди˟ пришо˟ копать ѡ̅цу могилы
Другой к нему приходя ищетъ кобылы
Эй, што бра˟ тя рано взвозило в по̀лночь?

Могильникъ.

Спасибо, доброй человѣкъ, надей божия помочь.

Кобылякъ.

Не вида˟ли ты этта моей кобылы?

Могильникъ.

Хорошо, голупчикъ, пособитко мнѣ копа˟ могилы,
Однако здѣсь есть и лопата.

Кобылякъ.

Нѣʼ не гораздо собой она была нисковата,
Такъ и очень была невысока[1]).

Могильникъ.

Нашто?—не надобно очень глубока:
Полно хотя бы выкопаʼ на три локти.

Кобылякъ.

Гдѣ? Когда еще ей къ медвѣдю попасть в кокти!
Толʼко воʼ недавно лише з двора збежала.

Могильникъ.

Полно,—эдакая яма да ужъ будетъ мала?
Куды ему с ной? хоть кому таʼ будетъ полно.

Кобылякъ.

Дакъ, да как тебѣ не знаʼ? Веть и ты на ней ѣжживаʼ до-воʼно:
Помнишъ, какъ и тебя хватила зубомъ?

Могильникъ.

Э батъ! на што подстилать лубомъ
Таки также ліожитъ и без луба.

Кобылякъ.

Да тото ти и есть што раʼсѣчена губа.
Помнишъ какъ веть я на ней ѣхаʼ мостомъ?

Могильникъ.

То правда што ужъ великъ то велиʼ былъ ростомъ,
И в ночи не попадай было ему на дуло.

---

1) Въ прежнемъ спискѣ отрицанія *не* нѣтъ.

Кобылякъ.

А еіо тогда чуть носомъ то не по^{т}кнуло,
Да ѿ тово то веть у еіо и губата разбита...

Могильникъ.

О! што до свѣта,—то до свѣта
Часто снъ идинъ ходи^{л} по^{в}лѣтямъ.
И то ешто когда, какъ со мною пойде̋ по черква̋,
То ужъ не придіо̋ з голыми рукамъ.

Кобылякъ.

Эхъ! Діоржа^{т} было, діоржа^{т}: ве^{т} она и всіо дрягае^{т} нога̋.
Ну гдѣ во^{т} топере еіо сыщошъ?

Могильникъ.

Какъ не прыска^{т}? Таки и гораздо на радостя^{х}те прыщо^{ш},
Какъ иногда принесошъ и хорошенкую добычку.

Кобылякъ.

А коли у тебя, ѿданжо мою кобыличку.
Для чего ты не сказываешъ до сего мѣста?

Могильникъ.

Да не ѿчего то умеръ што не ѿ соложеного тѣста:
Тре^{т}ева дни ка^{к} пришо^{л} бутто волкъ проголода^{л}ся,—
На ту то пору в печи съ тѣстомъ горшокъ розогрева^{л}ся.
Ну да во̄ на туто причину бутто чортъ сунулъ мачку:
Выняла ис печи то горшоко̄ да подала бачку;
А онъ съ ша^{л}ныхте какъ впусти^{л} туда рыло,
Да ужъ дулъ, дулъ, пока брюхото ка^{к} гору розворотило.
Ѿ тогото ему и сміорто^{н}ката припала...

Кобылякъ.

Нѣ̄ не пропала,—она на люди попала:
Веть ты самъ мнѣ давече сказа^{л}, што у тя моя кобыла...

Могильпикъ.

Што ужъ браэчь дѣла҃? Пришло копа҃ могила,
Коли ужъ ему такая смерть пришла.

Кобылякъ.

О бра҃! Этово ты не плети: она у тя, а не ушла.
Какъ хошъ ѿдавай, хошъ роди бокомъ...

Могильникъ.

Ну правду ты говоришъ, бра҃, што вышло ему воровството
съ сокомъ,
А всіо в евто҃ мачка роспроклятая виновата...

Кобылякъ.

Што вріошъ? Она была не горбата:
Веть и вашъ сусѣтъ Сверчокъ знаіотъ.

Могильникъ.

Да,—то понома҆, а то недавно дьячоко҃ читаіотъ:
Во҃ лишъ за ѱалтыръ токото приня҆ся топеря.

Кобылякъ.

Да што ты меня бранишъ? Ра҆ве ты са҃ тетеря,
Да и другихте тетерями называешъ...

Могильникъ.

А коли посмотри҃то бога҃ства то желаешъ,
То хо҆ взавтра ко мнѣ приходи ты.

Кобылякъ.

Во҃ дуракъ какой,—скажи ты примѣты!
Веть я тебѣ давече говорилъ.

Могильникъ.

Да ты разве тогда без ушей былъ?
Попъ в о^{л}тарѣ паки да паки поіотъ,
А дьячокъ ка^{к} роспусти^{в} пропастьту, да вѣчную памя҃ деріо҃.
Ты говори чорту аминь,
А чортъ таки всо глядитъ в овинъ [1]).

Кобылякъ.

Ѿдай мнѣ кобылу: полно ша^{л}берить то.

Могильникъ.

Еще да што ужъ болше мѣритто?
Будетъ кажется с нево доволно долины.

Кобылякъ.

Да то,—во лбу то у еіо 2 пестрины,
А хребіото҃ таки почти и весь піострой.

Могильникъ.

Ѡ помяни его Бг҃ъ, то ужъ былъ на ето вострой:
Таки частіохонко почти ходи^{л} на Волгу...

Кобылякъ.

Да ве҃ я тебѣ мо^{л}вилъ што гриву имѣе҃ долгу,
А ты по си^{х} ужъ мѣстъ не росто^{л}куешъ...

Могильникъ.

Што ужъ, браечь, дѣлать? И не хотя горюешъ,
Когда ужъ бачка корми^{л}ча нестало,
А при ніомъ такъ никогда горя не бывало.
А то всо та^{к} здѣлала мачка дура...

1) Здѣсь, повидимому, что-то спутано: въ прежнемъ спискѣ стихи отъ 74-го по 79-й составляютъ продолженіе рѣчи кобыляка.

Кобылякъ.

Врошъ ты ка" мери"! Моя кобыла не бура,
Она шерстью то почти вся сѣра.

Могильникъ.

Гдѣ бра̄ у ево—туте то и мѣра:
Какъ куды пойдіотъ да ловко попадіотъ,
То лишка не возміотъ,—то'ко однѣ сани нагребіо̄.
А домойто ка" прикатӣ, та" ужъ любо посмотрить.

Кобылякъ.

Да ка" не хлызить, а тебѣ, браэчь, этово не избыть:
Какъ хочешь, браечь, это твоіо дѣло.

Могильникъ.

Да во̄ завтра увидишъ—таки совсѣ̄ почернѣло,
И брюхото такъ всіо выше да выше гноччa... [1]).

Кобылякъ.

Да тебѣ нужды нѣтъ, што она ногами те быотча:
Ѿдай,—веть я тебя плутча [2]) всего перекореню...

Могильникъ.

Да то часто бывало, что ка" возміотъ дубину,
Да еще товарищи были два сына поповы.
И тѣ ужъ празда то робята здоровы:
Какъ когди пойдіотъ на болшую дорогу сними,
То пожалуи управитча хоть з десятерыми.
А што на кабакѣ хотя бы маліохо"ко зашумѣло,—

---

1) Въ прежнемъ спискѣ правильнѣе: дміотсе.

2) Въ прежнемъ спискѣ вмѣсто словъ *тебя плутча* болѣе крѣпкое ругательство.

Ѡ! давай подрачча побитча: то ево дѣло.
А кто за нево примеччо[1]), то ужъ напустит в гачи...

Кобылякъ.

За што? У меня одна и есть, да и той не о̄дает клячи!

Могильникъ.

Право,—таки без шуток, хотя бы кто, — в гачи у его на-
пустит:
Веть онъ пожалуй и самому чорту право никогда не спу-
стит...

Кобылякъ.

Нѣт, братъ, нечево болше такто проедаччо:
Хот и не хотѣлось боло ужъ мнѣ с тобой подраччо,
Я ужъ вижу что с тобой у меня не быт без драки...

Могильникъ.

У ково? У бачкато? У іово были три собаки[2]).

Всев. Миллеръ.

---

1) Въ прежнемъ спискѣ: «И нѣчего таки право, за кого. примется, напустить въ гачи».

2) Въ прежнемъ спискѣ за этимъ стихомъ слѣдуетъ продолженіе разговора кобыляка съ могильникомъ:

Хоть и самъ онъ былъ не послѣдній воръ,
Да таки надобно, чтобы стрегли и свой дворъ,
Для тово, что часто и то бываетъ,
Что и чортъ на чорта набѣгаетъ.
Также и бачко: тотъ, хоть и самъ воръ былъ,
Таки назадъ то оглядывался, чтобы и самого кто не обрилъ.

Кобылякъ.

Нѣтъ, братъ, турусу на колёсахъ везёшь,
Пойдёмъ-ко въ губерску кончелярію: тамъ инако запоешь,
А то ты точишь шары да вары.

Могильникъ.

Пойдемъ, коли хошь, то увидишь, какіе амбары
Послѣ бачка пожитковъ тѣхъ стоятъ.

Кобылякъ.

Не грози! отдашь небось; пойдемъ ка братъ!

Могильникъ.

Да вотъ и увидишь, что и у боярина столько нѣту.

Кобылякъ.

А когда ногу сломилъ, то отдашь и свою за эту.

Къ исторіи города Холмогоры.

Исторія и происхожденіе города Холмогоры два раза послужили предметомъ довольно подробнаго изслѣдованія. Въ 1790 г. Крестининъ издалъ свое «Начертаніе исторіи города Холмогоръ», а въ нашемъ вѣкѣ уже Шёгренъ (Sjögren) въ своемъ историко-статистико-филологическомъ опытѣ о зырянахъ посвятилъ рядъ страницъ праисторіи этой мѣстности [1]). А. Н. Сергѣевъ въ «Опытѣ объясненія названій русскихъ городовъ», помѣщенномъ въ Сборникѣ въ память перваго русскаго статистическаго съѣзда 1870 года [2]) производитъ названіе Холмогоры очевидно отъ русскихъ словъ «холмъ» и «гора», сопоставляя ихъ съ городами Холмъ въ Псковской и Люблинской, Горбатовъ въ Нижегородской и Горки въ Могилевской губерніяхъ. Эти города, полагаетъ А. Н. Сергѣевъ (стр. 614), получили свое названіе отъ возвышенностей, на которыхъ они построены. Это предположеніе было бы весьма справедливымъ, если бы Холмогоры было исконнымъ названіемъ этого города, который въ разное время называется различно. Форма Холмогоры впервые появляется только во время царствованія Петра Великаго, но на ряду съ ней въ теченіе XVIII в. еще удерживается и старое названіе, которое, правда, постепенно вытѣсняется. Болѣе древняя форма попадается во всевозможныхъ памятникахъ предыдущихъ вѣковъ. Въ книгѣ Боль-

1) Sjögren. Gesammelte Schriften, I т., стр. 395 сл.
2) Сборникъ вышелъ въ 1875. См. стр. 603—635.

шого Чертежа (1627 г.) и въ Двинской Лѣтописи пишется: Колмогоры. Въ актахъ 1328 г. также. Въ царской грамотѣ 7058 г. (1550 г.) говорится о Колмогорцахъ и Колмогоры. Но встрѣчаются и другіе варіанты этого имени. Въ Русскомъ Архивѣ за 1865 г.[1]) напечатанъ памфлетъ на Ломоносова, сочиненный «Im Juli 1754» кѣмъ-нибудь изъ его враговъ среди нѣмцевъ-академиковъ. Стихотвореніе это начинается строками:

Es war einst einer aus Kolmgorod,
Wo alle grosse Boven herkommen,
Der war als Bauer-jung ums Brodt
Im Kloster aufgenommen...

Kolmgorod, значитъ, было ходячимъ среди тогдашняго общества названіемъ мѣста рожденія Ломоносова. Наконецъ мы имѣемъ свидѣтельство съ начала XVII в. въ записной книжкѣ шведскаго пастора Bureus, учителя Густава Адольфа[2]); по немъ употреблялась форма Kolmegorådh. Всѣ эти варіанты въ общемъ сходятся на томъ, что первая часть имени производное отъ корня *Kolm,—а вторая могла быть тождественной съ русскимъ словомъ «городъ». «Холмогоры» же не встрѣчаются ни въ одномъ болѣе древнемъ начертаніи. Это обстоятельство и запрещаетъ намъ довольствоваться созвучіемъ формы Холмогоры съ русскими словами «холмъ» и «горы», указывая на холмистую мѣстность, въ которой расположенъ этотъ городъ.—На мѣстѣ Холмогоръ сохранилось воспоминаніе о «городищѣ», о которомъ говорится еще въ лѣтописи подъ 1540 г. (7048 г.): «жалованныя грамоты и всякіе указы и судебники съ Москвы присыланы на ихъ имя и положены на Городищѣ въ казнѣ въ Спасскомъ большомъ соборѣ». Городище означаетъ мѣстность, сохранившую

1) Стр. 475 — 478. Выражаю многоуважаемому С. К. Буличу свою искреннюю признательность за сообщеніе этой важной для меня справки.

2) Издана въ журналѣ: «Bidrag till Kännedom om de svenska landsmålen och svenskt folklif» № 24.—1886.

еще видимые остатки прежняго поселенія. Такъ близъ Холмогоръ въ деревнѣ Вавчугѣ есть небольшой на тамошнемъ озерѣ островъ, называемый понынѣ «городище» въ доказательство бывшаго тамъ нѣкогда укрѣпленія по случаю войны. Но если бы «городище» въ Холмогорахъ было русскаго происхожденія, то навѣрное сохранились бы остатки и развалины его. Вѣдь въ 30 верстахъ выше Холмогоръ въ мѣстности Орлецы видимы еще донесь слѣды старинной русской крѣпости. Съ одной стороны не удалось объяснить исконное названіе Холмогоръ изъ русскаго языка, съ другой «городище» указываетъ на давнишнее заселеніе этой мѣстности. Естественно думать, что Холмогоры получило свое названіе еще отъ финскихъ племенъ, раньше русскихъ занявшихъ этотъ край. На этомъ основаніи Шёгренъ пытался найти въ зырянскомъ языкѣ искомыя основы. Такъ онъ думалъ, что зыряне прозвали впервые нашу мѣстность Kolemgort, т. е. оставленный дворъ, и что посредствомъ народной этимологіи изъ зырянской формы Kolemgort получилась русская Колмогоры и Холмогоры. Народная этимологія, превращающая Kolemgort въ Колмогоры вразумительна только въ томъ случаѣ, если въ русскомъ языкѣ существуетъ какое-нибудь слово, производимое отъ корня *колм—, и если это слово имѣетъ какое-нибудь отношеніе къ нашей мѣстности. Если же Kolem— ассоціировалось съ «холмъ», то спрашивается, отчего не сразу получилась форма Холмогоры, а посредствующая ступень Колмогоры. Я понимаю, что могъ получиться такой переходъ Kolemgort=Kolemgory=Холмогоры, т. е., что сперва передѣлалась вторая часть, потомъ первая часть названія. Переходъ же *Kolem подъ вліяніемъ «холмъ» сперва въ *Колмо—, а черезъ нѣсколько столѣтій только въ *Холмо—, для меня остается подъ сомнѣніемъ. Кромѣ того, такое толкованіе Kolemgort=«оставленный дворъ», поставило бы на очереди вопросъ, къ какой народности принадлежали поселенцы, оставившіе этотъ «gort»? Происхожденія нашего города и первоначальнаго его прозванія эта гипотеза не выяснила бы.

Производили Колмогоры также отъ финскаго числительнаго три=kolme. Объясняли такъ, что на мѣстѣ Холмогоры раньше существовали три деревни: теперь — Курцево, Карповка и Падрокурье. Но эти селенія врядъ ли восходятъ къ очень отдаленнымъ вѣкамъ. Не только нѣтъ о нихъ письменнаго свидѣтельства, но и народная память не сохранила намъ слѣда о троичности первобытнаго населенія Холмогоръ. Да и мало вѣроятно, чтобы первые обитатели сѣвера сгущались въ одной мѣстности и образовали три селенія въ одномъ пунктѣ. Во-первыхъ, Двинская земля была раньше далеко не такъ многолюдна, какъ теперь, а далѣе, сами Холмогоры, чѣмъ дальше удаляемся отъ нашего времени, представляются все незначительнѣе. До XVII в. Холмогоры не почитались городомъ. Крестининъ отмѣчаетъ, что «Холмогоры въ первомънадесять вѣкѣ первымъ селеніемъ или посадомъ на Двинѣ не были». Новгородскіе начальники жили въ деревняхъ Матигорѣ и Ухтостровѣ, а въ Холмогорахъ расположились лишь заволоцкіе купцы. Всѣ эти обстоятельства указываютъ на то, что Холмогоры только въ послѣдніе вѣка, стали болѣе населенной мѣстностью, и гипотезу о существованіи здѣсь издревле трехъ деревень приходится отнести къ области миѳа.

На берегу рѣки Волхова сохранилось до нашихъ дней преданіе о нѣкоемъ Городищѣ; какъ думаютъ, здѣсь нѣкогда жилъ Рюрикъ; во всякомъ случаѣ это мѣсто называется въ исландскихъ сагахъ Holmgarðr. Не есть ли «городище» въ Холмогорахъ также воспоминаніе о какомъ-нибудь древнемъ Holmgarð'ѣ? Шёгренъ доказывалъ, что Двина на томъ мѣстѣ, гдѣ могъ находиться этотъ древній Holmgarðr, въ извѣстный періодъ перемѣнилъ свое теченіе, превращая большое поле въ островъ. Holmgarðr, правда, означаетъ «островной домъ», но мы вовсе не нуждаемся въ такой тяжеловѣсной аргументаціи. Въ Финляндіи въ окрестности гор. Ловизы есть мѣстность, также называемая Holmgård. Названіе это возникло по поводу того, что маленькій ручеекъ образовалъ островъ, на которомъ и выстроенъ помѣщичій домъ; Holmgård однако называется вся мѣстность на раз-

стояніи нѣсколькихъ верстъ. Такъ и Holmgård на Двинѣ могъ указывать на любой островокъ въ рѣкѣ, а ихъ около Холмогоръ цѣлое множество, и вовсе мы для этого не принуждены предполагать радикальныя измѣненія въ природѣ самой мѣстности.

Когда впослѣдствіи были прерваны сношенія съ скандинавами, то Holmgarðr перешло въ распоряженіе финскихъ народностей, главнымъ образомъ, зырянъ. Такъ какъ они придыхательныхъ гортанныхъ звуковъ не знаютъ, то Holmgarðr должно было подвергнуться измѣненію. Тутъ-то Holm— перешло въ Kolm— и ассоціировалось съ Kolme = три. При изслѣдованіи мѣстныхъ названій нужно дѣлать различіе между первоначальными и секундарными образованіями: первыя требуютъ строгаго соблюденія фонетическихъ законовъ и ясно выраженнаго этимологическаго смысла, при вторыхъ возможно совмѣстное отраженіе разныхъ языковъ, народная этимологизація, ненормальное въ грамматическомъ смыслѣ искаженіе и т. п. При образованіи новыхъ словъ и именъ нужно имѣть въ виду, что выдумка, шутка, острота врядъ ли могутъ служить исходнымъ пунктомъ. Фантазія и остроуміе вступаютъ въ свои права уже послѣ, когда новообразованіе вошло во вкусъ. Если бы мы не знали, что русское слово «самоваръ» восходитъ къ татарскому sanabar, то уже одинъ наивно шутливый характеръ русской его этимологіи долженъ навести насъ на мысль, что «самоваръ» не первичная форма этого слова, а народное осмысленіе какой-нибудь другой, теперь уже менѣе понятной. Въ окрестностяхъ Петербурга, говорятъ, есть деревня Автово. Думаютъ, что Автово народная форма вмѣсто «этого» и разсказываютъ, что Государь не понявъ разъ этой формы, далъ поводъ прозвать деревню «Автово». Такіе анекдоты никогда не должны удовлетворять этнографа. Между тѣмъ постоянно грѣшатъ противъ этого требованія вѣроятно потому, что при позднѣйшихъ измѣненіяхъ и переходахъ географическихъ именъ дѣйствительно допустимы такія этимологіи. Много такихъ объясненій встрѣчается въ брошюркѣ: «Къ вопросу о названіяхъ населенныхъ и другихъ мѣстъ С.-Пе-

тербургской губерніи 1899 г.». Самостоятельно *Kolmegort не могло возникнуть; оно указываетъ на что-то предшествующее, что мы и находимъ въ скандинавскомъ прозвищѣ Holmgarðr. Не «три деревни» вызвали народную этимологію, а фонетическая необходимость замѣнить звукъ h звукомъ к и возникшее отсюда естественное совпаденіе съ kolme — три. Эта ассоціація могла произойти гораздо позже и вѣроятно тогда, когда почувствовался болѣе сильный наплывъ жителей въ эту мѣстность. Аналогію къ этой этимологизаціи представляетъ названіе рѣки Kymmene въ Финляндіи. Kymmene, — по-фински «десять», указываетъ на многія развѣтвленія и рукава этой рѣки. Первоначально употреблялась и еще теперь сохранилась форма Kymi съ родительн. пад. Kymen. Притомъ «y» короткій звукъ, иначе не могло бы его замѣнить kymmene; поэтому я не рѣшаюсь произвести его отъ финскаго слова Kyymi=пѣна. Любопытна во всякомъ случаѣ передѣлка Kymen въ Kymmene, хотя десять рукавовъ едва ли удастся насчитать. Такъ же и Holm=Kolm соединилось съ Kolme, хотя прямого повода къ такой связи и не было. На счетъ этой ассоціаціи нужно отнести и вставку звука «e» въ Kolmegorod. Перешедшій на русскую почву это «e» было понято какъ соединительная гласная и замѣнено болѣе обычнымъ «o». Итакъ мы прослѣдили развитіе нашего имени отъ Holmgarðr — *Kolmgord — *Kolmegord — *Kolmegorod — Kolmogorod.

Какъ уже сказано, посредствующая форма Kolmegorod засвидѣтельствована въ записной книжкѣ Bureus'а и поддерживается варіацией Kolmgorod въ стихахъ на Ломоносова. Johan Thomasson Bureus, род. 1568 г., † 1652 г. служилъ въ Стокгольмѣ при канцеляріи короля, съ 1600 г. занимался приведеніемъ въ порядокъ государственнаго архива. Bureus питалъ многосторонніе научные интересы, былъ между прочимъ и первымъ въ Швеціи, который дѣлалъ фольклористическія записи. Въ 1651 г. онъ преподнесъ королю книгу въ 900 листовъ, заключающую по его словамъ различныя собранія (collectaneer), которыя въ той или другой степени могутъ служить для изученія

древностей (till Antiquiteternas excolerande). Въ этой книгѣ среди юридическихъ терминовъ, списковъ цѣнъ на разные товары, записей о бытѣ и промыслахъ различныхъ мѣстностей, среди сказокъ и преданій, описаній земледѣльческихъ и другихъ орудій, одеждъ и обычаевъ, среди объясненій пословицъ, чужихъ и устарѣлыхъ словъ и какихъ-нибудь чудесныхъ приключеній попадается такого рода помѣтка: «Въ Kolmegorådh, лежащій въ Россіи у Бѣлаго Моря, ѣздятъ англичане, голландцы, французы съ всевозможнымъ сукномъ и вымѣниваютъ за это дорогіе мѣха». Постоянныя сношенія между торговымъ міромъ Западной Европы и Бѣлымъ Моремъ устанавливаются къ концу XVI вѣка и Bureus отмѣчаетъ этотъ любопытный фактъ, о которомъ онъ зналъ вѣроятно не изъ русскаго, а изъ какого-нибудь иностраннаго источника. О Россіи онъ зналъ очень немного; въ его записяхъ упоминается только о пограничныхъ столкновеніяхъ съ русскими и о нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Прибалтійскаго края и Финляндіи. О бытѣ лапландцевъ у него очень частыя и точныя замѣтки. Очевидно его связи простирались не столько на востокъ, сколько на сѣверъ. Это обстоятельство исключаетъ возможность, чтобы Bureus слышалъ форму Kolmegorådh изъ русскихъ источниковъ. Какъ бы тамъ ни было, эта форма указываетъ на третій фазисъ въ исторіи города Холмогоры, на русское вліяніе и на переименованіе нашей мѣстности на русскій ладъ. Въ 1471 г. Холмогоры подпали подъ власть московскихъ царей и тогда вѣроятно понадобилось и оффиціальное названіе. Какъ и слѣдовало ожидать, раньше всего подверглась руссификаціи вторая часть имени garðr = *gord въ «городъ». Получилась форма «Колмегородъ» или «Колмогородъ».

Такъ какъ Холмогоры не отличались богатствомъ и многочисленностью населенія, то названіе его «городомъ» могло казаться страннымъ и во всякомъ случаѣ не отвѣчало дѣйствительному представленію о немъ. Съ другой стороны вдоль теченія Двины то-и-дѣло попадаются холмы, которые русскими обозначались «горами». Такимъ образомъ, получился цѣлый рядъ

мѣстныхъ именъ, оканчивающихся на «—горы» и произведенныхъ отъ горы: Ровдогоры, Матигоры, Пильегоры, Хаврогоры, Моржегоры, Кирьигоры и т. п. Немудрено, что и Колмогородъ подвергся измѣненію и ассимилировался съ названіями только что перечисленными. Въ результатѣ получилась форма «Колмогоры», которая употреблялась еще въ XVIII в. Вначалѣ того же вѣка рядомъ съ ней водворяется новая этимологизація «Холмогоры».

Непосредственно русское слово «холмъ» не могло примкнуть къ древнесѣверному *holm— уже потому, что оба слова различнаго значенія: сканд. holmr = островъ, а русское: холмъ = возвышенность. Кромѣ того нельзя обходить молчаніемъ формы Колмогоры и др., такъ что Холмогоры съ Holmgarðr прямой связи не имѣютъ. Въ XVIII в. Колмогоры стало извѣстной мѣстностью уже благодаря тому, что отсюда вышелъ Ломоносовъ, отецъ русской науки. Не только Колмо—, первая часть имени, оказалось совершенно непонятнымъ, но и обозначеніе «горы» звучало какъ то странно относительно мѣстности, которая ужъ вовсе не была такъ гориста. Напротивъ, по увѣренію Крестинина, можно усматривать Холмогоры лежащимъ въ долинѣ, потому что кругомъ возвышенности съ разныхъ сторонъ. Но на островѣ находятся низкіе холмы. Отсюда могло явиться новое осмысленіе загадочнаго и неточнаго имени Колмогоры. Замѣна «Холмогоры» указываетъ на холмы, и первая часть этого имени какъ будто поясняетъ вторую.

Послѣдняя перемѣна, происшедшая въ имени, занимающемъ насъ, принадлежитъ уже нашему времени. Въ школьной терминологіи и въ образованномъ обществѣ принято произносить Холмогóры съ удареніемъ на второй составной части слова. На мѣстѣ же, какъ мнѣ любезно сообщилъ проф. И. А. Шляпкинъ, говорятъ Хóлмогоры, Холмогóры же обозначаетъ жителей этой мѣстности. Быть-можетъ, удареніе на первомъ слогѣ слова ведетъ свое начало еще отъ древнескандинавскаго Hólmgarðr, державось еще въ переходныхъ формахъ Kólmegorod и Кóлмо-

горы и теперь мало по малу уступаетъ мѣсто новому преобразованію въ Холмогóры. Но этотъ послѣдній переходъ еще не завершился и пока мы наряду съ новѣйшей формой Холмогóры еще застаемъ исконное удареніе Хóлмогоры.

Въ исторіи названія Холмогоры мы установили слѣдующую смѣну формъ:

скандинавск. Holmgarðr
(произносилось: *Holmgord)
зырянск.: *Kolmgord
*Kolmegord
русск.: Kolmgorod
Kolmegorod (Kolmegorådh)
*Kolmogorod
Колмогоры
Хóлмогоры
Холмогóры.

Обратимся теперь къ вопросу, чтò представлялъ изъ себя пресловутый древнескандинавскій Holmgarðr?

Въ связи съ преувеличенными представленіями о богатомъ и могущественномъ государствѣ Біарміи находится и ложное мнѣніе о Holmgarðr — Холмогоры. Въ предполагаемомъ мѣстѣ видѣли столицу Біарміи, вполнѣ отвѣчающую высокой степени культуры всей страны. Шёгренъ справедливо отвергаетъ мнѣніе о какомъ бы то ни было прежнемъ величіи, но не рѣшился однако лишить эту мѣстность всякаго ореола стародавней славы. Шёгренъ полагаетъ, что на мѣстѣ теперешняго Холмогоры стоялъ храмъ Jomali, который постоянно подвергался нападенію и грабежу викинговъ. О подобномъ набѣгѣ викинговъ на храмъ Jomali мы имѣемъ три исландскихъ разсказа въ довольно подробномъ изложеніи, но ни въ одномъ изъ нихъ не упоминается о томъ, что идолъ и храмовое имущество находилось на островѣ. Напротивъ, подробности противорѣчатъ этому предположенію.

Такъ въ сагѣ объ Олафѣ Святомъ[1]) мѣстность, гдѣ находился храмъ, описывается слѣдующимъ образомъ: þeir kómu fram í rjóðr eitt mikit, en í rjoðrinu var skiðgarðr hár, hurð fyrir ok læst (они пришли къ большому очищенному мѣсту въ лѣсу, гдѣ увидѣли высокій заборъ, но ворота были заперты). Въ сагѣ объ Qrvarodd'ѣ[2]) викинги дѣлаютъ носилки, чтобы унести богатства; и это указываетъ на то, что они шли пѣшкомъ и не могли подъѣхать на корабляхъ. Кромѣ того въ текстѣ прямо говорится: Oddr ok hans menn fara nú til lands ok siðan til haugsins—Oddr и его воины выходятъ на берегъ и потомъ направляются къ холму. Далѣе они возвращаются внизъ вдоль рѣки, но лѣсъ остается по другой рукѣ. (Fara þeir nú ofan med ánni, var þar mǫrkin til annarrar handar). — Наконецъ, дѣйствіе одного эпизода въ сагѣ о Боси происходитъ кругомъ да около храма и все время въ дремучемъ лѣсу. И Боси вмѣстѣ со своими спутниками подобно Одду оставляетъ корабли и углубляется сухопутьемъ въ означенный лѣсъ. На многихъ лошадяхъ они потомъ привозятъ похищенное золото и драгоцѣнности, а экипажъ встрѣчаетъ ихъ съ великою радостью (báru á mǫrgum hestum gull ok gersemar til skips sin ok urðu menn þeira þeim fegnir. Rafn, Fornaldar sǫgur norðlanda III, стр. 215).—Этими свидѣтельствами, такъ единодушно подчеркивающими тотъ фактъ, что храмъ Jómali стоялъ въ большомъ лѣсу и въ извѣстномъ разстояніи отъ берега рѣки, и совершенно умалчивающими о какомъ бы то ни было островѣ, устраняется предположеніе Шёгрена, что Holmgarðr былъ мѣстонахожденіемъ біармійскаго идола. Вѣроятно также, что храмъ, содержащій много богатыхъ жертвоприношеній, расположился не на открытомъ берегу, а поодаль и въ скрытомъ мѣстѣ.

Итакъ, Holmgarðr не былъ ни мѣстомъ языческаго жертвоприношенія, ни древнимъ городомъ. По моему убѣжденію Holmgarðr ничего общаго съ біармійцами не имѣлъ. По свидѣтельству

---

1) Цитируется по изданію Rafn'a, Antiquités Russes, I т.

2) По изданію Boer'a 1888 г.

Ohthere, норвежскаго мореплавателя IX в., только одинъ берегъ Двины былъ заселенъ: dæt land wæs eall gebun on oðre healfe þære ea (страна была вся заселена на одной сторонѣ рѣки)[1]).— На какомъ именно берегу, объ этомъ молчатъ наши письменныя свидѣтельства, и рѣшительный отвѣтъ дадутъ развѣ археологическія находки. Но мы съ большой вѣроятностью можемъ догадываться, что біармійцы жили на правомъ берегу Двины. Дѣло въ томъ, что переселеніе урало-алтайскихъ народовъ вообще шло съ востока на западъ, и та народность, которую скандинавы застали у низовьевъ Двины, пришла сюда съ востока или юго-востока, но отнюдь не съ запада. Слѣдовательно, она достигла раньше восточнаго берега Двины, нежели западнаго, и согласно вышеприведенной выдержкѣ во время первыхъ посѣщеній викинговъ еще не заняла лѣваго берега рѣки. Но если на одномъ изъ острововъ у лѣваго берега Двины было поселеніе, весьма древнее и чѣмъ-то замѣчательное, то ясно, что оно не принадлежало біармійцамъ, а самимъ скандинавамъ. Отсюда и объясняется скандинавское названіе — Holmgarðr. Принимая въ соображеніе центральное положеніе этой мѣстности, глубокое здѣсь теченіе Двинскихъ водъ и то обстоятельство, что соединеніе Пинеги открываетъ путь въ отдаленныя страны Мезени и Печеры, легко убѣдиться въ важности этого пункта въ торговомъ отношеніи. На самомъ дѣлѣ, Holmgarðr былъ скандинавской торговой колоніей, пристанищемъ для викинговъ, пріѣзжавшихъ къ низовьямъ Двины съ цѣлью мирной торговли. То же мнѣніе высказалъ уже J. J. Egli въ своемъ трудѣ: Nomina geographica 1872 г. хотя въ нѣсколько преувеличенномъ тонѣ: «...war der Ort der grosse Stapelplatz der durch Chazaren, Bulgaren und Biarmier vermittelten Waaren des Binnenlandes»[2]). — О такой торговлѣ скандинавовъ съ туземцами повѣствуетъ напр. сага объ Олафѣ Св. Въ одномъ изъ ея эпизодовъ разсказывается какъ

1) *Kluge*. Angelsächsisches Lesebuch.

2) При этомъ Egli ссылается на статью *Spörer*, Nowaja Semlja, найти которой мнѣ не удалось.

два норвежца Þórir и Karli совершаютъ поѣздку въ Біармаландъ. Когда они прибыли въ Біармію, то выбрали мѣсто для торговли; тотчасъ же начались торговыя сношенія; всѣ получили весьма крупныя суммы денегъ, если платили деньгами; Þórir бралъ бѣличьи, бобровые и собольи мѣха; Karli имѣлъ очень много денегъ, на которыя купилъ большое количество мѣховыхъ товаровъ. Но когда прекратились торговыя сношенія, то они поплыли внизъ по рѣкѣ Двинѣ, и миръ съ туземцами прекратился [1]).—Намекъ на торговыя сношенія мы находимъ и въ сагѣ объ Орваръ-Оддѣ. Когда біармійцы большой толпой двигаются на Орваръ-Одда, то онъ спрашиваетъ, чтò имъ угодно. Они отвѣчаютъ, что хотятъ вести съ нимъ торговлю, и потомъ поясняютъ, что желали бы купить оружіе [2]).

Такимъ образомъ враждебныя столкновенія между скандинавами и біармійцами смѣнялись и мирнымъ обмѣномъ товаровъ и цѣнностей по взаимному соглашенію. Этимъ то отношеніямъ и обязанъ своимъ происхожденіемъ норманскій поселокъ Holmgarðr на островкѣ Двины. Если о немъ не помнятъ саги, то это не должно удивлять насъ; съ Holmgard'омъ не было связано воспоминаніе о славныхъ подвигахъ воиновъ-викинговъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I. О словѣ garðr.

Въ фино-угорскихъ языкахъ можно различать слѣдующія двѣ группы словъ:

---

1) En er þeir komu til Bjarmalands þá lǫgðu þeir til kaupstaðar; tókst þar kaupstefnu; fengu þeir menn allir fullræði fjár er fé hôfðu til at verja; þórir fekk of grávöru ok bjór ok safala; Karli hafði ok allmikit fé, þat er hann keypti skinna vöru mikla. En er þar var lokit kaupstefnu, þá héldu þeir út eptir ánni Vinu; var þá sundrsagt friði við landsmenn (Antiquités Russes, I т., стр. 335a).

2) Þeir vilja eiga kaupstefnu við yðr... Kaupa við yðr vápnum (Boer, стр. 34).

I группа: зырянск.: gort, gurt = землянка; пермск.: gort = жилище; вотякск.: gurt = жилище, jurt = палатка; мордовск.: jurhta = домъ; татарск.: jört = палатка, jurt = жилище; остякск.: kōrt, kūrt = жилище.

II группа: зырянск.: karta = скотный дворъ, дворъ; пермск.: то же; мордов.: kardă = стойло для лошадей, kardas = дворъ; остякск.: karta = скотный дворъ; финск.: kartano = дворъ, совокупность строеній одного двора; лапландск.: gardde = кругъ, garde = окруженное заборомъ мѣсто; мадьярск.: kärt = садъ. (Сл. *Donner*, Vergl. Wörterbuch, стр. 51).

Обѣ группы отличаются другъ отъ друга по значенію: первая—жилище, вторая—дворъ, загороженное мѣсто; но и фонетически между ними есть разница: первая, допуская варіанты gort—gurt—jurt—jört, указываетъ на исконный гласный звукъ o, вторая на a; въ первой преобладаетъ согласный звукъ g и произведенное отсюда j, во второй k. Наконецъ, въ первой группѣ совершенно отсутствуютъ западно-финскіе и лапландскіе говоры. Изъ всего сказаннаго мы можемъ вывести слѣдующее заключеніе: karta = дворъ и gort = жилище различныя слова; районъ и путь ихъ распространенія совершенно другой.

Въ индо-европейскихъ языкахъ дѣйствительно есть корень, сходный съ тѣмъ, который легъ въ основу финскихъ gort и karta. Отсюда производится цѣлый рядъ словъ: греческ. χόρτος = заборъ, скотный дворъ, пастбище; латинск.: hortus = огородъ, cohorstis = скотный и птичій дворъ; иранск.: gort = поле, предназначенное для посѣва. Сравнивая эти слова со второй группой финскихъ словъ, приходишь къ такому выводу: 1) основное значеніе этого корня = загороженное мѣсто, дворъ; 2) вторая группа финскихъ словъ весьма древнее заимствованіе, сохранившее еще первобытное, общее значеніе этого слова. Заимствованіе возможно только изъ германскихъ языковъ, вѣроятно готскаго. Ср. готск.: garda = стойло, загороженное мѣсто; древненѣмецк. garto = садъ и скандинавск. garðr въ Эддѣ = заборъ (Atlamál 41, Rigsþula 12) загороженное мѣсто (þrymskviða 23),

дворъ (Oddrúnargrátr 25), змѣиный дворъ (Atlakviđa 32), посѣянное поле (Atlamál 60).—Къ этимъ общимъ значеніямъ нашего слова германскіе языки прибавили еще свои спеціальныя, что однако сопровождалось съ извѣстной дифференціаціей формъ. Переходъ отъ загороженнаго мѣста, скотнаго двора ко двору вообще, къ самому дому и цѣлому комплекту домовъ, кажется мнѣ совершенно естественнымъ, но основа въ этихъ случаяхъ мѣняется. Наряду съ готск. garda = стойло получилось gards = домъ, αὐλή. Въ древненѣмецк.: garto = садъ имѣетъ параллель: gart = уѣздъ, округъ. Въ Эддѣ garđr въ значеніи цѣлаго комплекта построекъ—gehöft, употребляется какъ plurale tantum. Такъ въ Skirnismál 14 и тамъ же въ прозаическомъ отрывкѣ послѣ 10 строфы, Þrymskviđa 4 и др. Вѣроятно финское заимствованіе произошло въ то время, когда въ германскихъ языкахъ еще не было этихъ параллельныхъ формъ и когда съ основой *gard—еще не соединялось понятіе дома или цѣлаго поселенія. Заимствовали это слово западные фины и передали его восточнымъ родичамъ. Лапландское garde я считаю самостоятельнымъ заемомъ изъ скандинавскихъ говоровъ, и мадьярская форма также заимствована независимо отъ финовъ. Готское garda въ западно-финскихъ языкахъ должно было дать karda, въ то время какъ лапландцы сохраняютъ звукъ g, какъ и доказываетъ форма garde.

Современное значеніе русскаго слова «городъ» получилось также довольно просто: такъ какъ первые русскіе города вѣроятно были ни что иное, какъ окруженныя деревяннымъ заборомъ мѣста, то ихъ и прозвали «загороженными поселеніями»—городами. (Ср. слова «огородъ» и «загородить»). Весьма вѣроятно, что скандинавское garđr никогда не означало города въ современномъ смыслѣ, а лишь занятое постройками мѣсто. Если скандинавы прозвали Византію Mikligarđr, то это могло случиться и по аналогіи съ русскимъ названіемъ Царьградъ, какъ справедливо думаетъ Томсенъ[1]). Толкуя скандинавскія названія, обра-

1) Der Ursprung des russischen Staates, стр. 83.

зованныя изъ garðr, нужно обязательно имѣть въ виду, что само по себѣ garðr «города» въ современномъ смыслѣ не означаетъ; иначе можно преувеличить значеніе какого-нибудь мѣста, которое на самомъ дѣлѣ никогда и не думало быть городомъ. Русское слово городъ въ перебоѣ значенія сдѣлало скачекъ, переходя отъ «загороженнаго мѣста» прямо къ значенію «города», и не зная значенія «дома, жилища». Поэтому пра-германскій корень *gerð— съ русскимъ кромѣ общаго родства никакой связи между собою не имѣютъ. Но и русское «городъ» и зырянское «gort = жилище» не могутъ быть заимствованы одно отъ другого. Зырянское gort скорѣе указываетъ на скандинавское *garð—. Возможна ли такая передача?

Въ Эддѣ правда основа *garð— въ значеніи «дома, gehöft» всегда образуетъ только plurale tantum; но впослѣдствіе употребляется и то и другое число. Фонетическое затрудненіе при объясненіи gort изъ garðr заключается въ томъ, что намъ неизвѣстно произношеніе этихъ словъ въ живой рѣчи. Несомнѣнно a въ gárðr звучало довольно закрыто и приближалось къ o. Впослѣдствіе звукъ á совпалъ со звукомъ ǫ́. Этотъ процессъ, пишетъ Noreen (Altisl. Gramm. § 80), завершился въ 1250 г. Восточно-скандинавскіе языки выразили его начертаніемъ å у шведовъ и aa у датчанъ, новоисландскій — au. Но когда впервые a могло произноситься какъ ǫ? Передъ r + cons. во всякомъ случаѣ раньше чѣмъ въ другихъ положеніяхъ. Что касается окончанія «rðr» въ словѣ garðr, то послѣднее «r» вѣроятно существовало только для глаза, а не для слуха. Кромѣ того, это r отбрасывалось во всѣхъ косвенныхъ падежахъ. Трудно представить себѣ, чтобы скандинавы долго сохраняли трудную для произношенія комбинацію rðr послѣ того, какъ «r» утратило свое вокальное значеніе. Если же предположимъ, что «r» затерявалось въ живой рѣчи, то и ð не могло сохранять свой первичный характеръ; оно въ произношеніи сближалось со звуками þ и даже t. Такимъ образомъ переходъ garðr въ gort, быть можетъ, объясняется уже на скандинавской почвѣ. Я не настаиваю на томъ, чтобы

заимствованіе зырянами скандинавскаго слова garðr произошло въ очень раннюю пору, но я предполагаю, что викинги занесли это слово при своихъ поѣздкахъ къ низовьямъ Двины. Тогда понятно, почему западные фины совершенно незнакомы съ этимъ словомъ. Зыряне передали gort = домъ своимъ восточнымъ сосѣдямъ. Самымъ удобнымъ случаемъ, при которомъ зыряне могли познакомиться со словомъ garðr въ значеніе «дома» былъ тотъ, если скандинавы сами построили garðr среди мѣстнаго населенія.

II. Holmgarðr-Gardaríki.

Gardaríki — обычное названіе Руси въ исландскихъ сагахъ. Насколько мнѣ извѣстно, никто еще не дѣлалъ попытки болѣе точно опредѣлить значеніе этого названія. На первый взглядъ ясно, что Gardaríki произведено изъ двухъ словъ: garda — род. пад. мн. ч. отъ garðr и ríki. Толкованіе, что Gardaríki = «изобилующая городами страна» предполагаетъ для второй части: ríki значеніе «богатства» въ родѣ нѣмецкаго reich. Но это для древне-сѣвернаго языка весьма невѣроятно. Въ Эддѣ ríkr = могущественный, сильный, славный; а ríki = могущество, власть, государство, слава. Корень отъ ríki относится къ санскритскому глаголу râjan = владѣть и форма ríki пріурочилась къ тому, чѣмъ владѣютъ; — отсюда безъ натяжки выводятся побочныя значенія. — Богатый = dives въ древне-сѣверномъ auðigr или auðugr. Кромѣ того, ríkr не соединяется непосредственно съ род. пад., а говорятъ ríkr at fé. — По всему этому переводъ Gardaríki = «богатая городами страна» невозможенъ; ríki обязательно значитъ «страна, владѣніе», а родительный падежъ указываетъ, кто владѣетъ страной, кому она принадлежитъ. Получился бы переводъ — «страна городовъ». Но совершенно непо-

нятно, съ какой стати скандинавы прозвали бы древнюю Русь «страной городовъ» по преимуществу. Въ лѣтописи Нестора нѣтъ ни одного намека на обиліе городовъ на Руси, но многое у него говоритъ противъ такого предположенія. Такъ первые князья то-и-дѣло основываютъ города; значитъ, ихъ раньше въ большомъ количествѣ не было, а они возникли въ такое позднее время, что до Нестора доходила традиція объ ихъ основаніи. Объ Олегѣ говорится: «се же Олегъ нача городы ставити». — Когда Козары напали на полянъ и князь ихъ спрашиваетъ, гдѣ они были, то отвѣчаютъ: «въ лѣсѣ на горахъ, надъ рѣкою Днѣпрскою». О городѣ же какомъ-нибудь нѣтъ и рѣчи. Не зачѣмъ было скандинавамъ удивляться обилію на Руси городовъ, тѣмъ болѣе, что Gardaríki слѣдуетъ толковать совсѣмъ иначе.

Въ предыдущей замѣткѣ я указалъ на то, что въ древне-сѣверномъ языкѣ слѣдуетъ различать garðr, употребляемое въ единств. и множ. числахъ въ смыслѣ «забора» и «загороженнаго мѣста», и garðar, употребляемое какъ pluraletantum въ значеніи «комплекта построекъ, цѣлаго поселенія». Пониманіе garðar какъ pluraletantum подтверждается и мѣстными названіями:

Въ сагѣ о Боси встрѣчается городъ Nóatúnum, который въ варіантѣ называется Nóagörðum. Тамъ же герои отправляются въ Geirrauðargarðar.

На западномъ берегу Исландіи въ области Akranes и Alptanes двѣ мѣстности назывались Garðar. Тамъ же мѣстечко Leirárgarðar. Во всѣхъ этихъ случаяхъ garðar означало одну опредѣленную мѣстность, а не цѣлое множество мѣстностей. Если удобно передать garðar русскимъ словомъ городомъ, то garðar было бы не «города», а «городъ».

Но очень многія топографическія обозначенія на древне-сѣверномъ языкѣ отличаются двойственностью формъ. Чередуются напр. образованія на sandr и sandar, vágr и vágar, strǫnd и strandir и др. Такъ же на ряду съ garðar встрѣчаемъ и garðr. Земля въ Эддѣ = miðgarðr; на западѣ Исландіи находится мѣстность Miðgarðar. Въ эддическихъ пѣсняхъ мѣстонахожденіе бо-

говъ называется ása garðar, на ряду съ 'Asgarðr. Поэтому, названія мѣстъ, оканчивающіяся на garðr, нисколько не могутъ служить опроверженіемъ моей гипотезы, что garðar pluraletantum, обозначающее не нѣсколько топографическихъ пунктовъ, но одну опредѣленную мѣстность. Мало того, замѣтивъ, что скандинавскій языкъ въ географической номенклатурѣ часто допускаетъ какъ единственное такъ и множественное число для обозначенія одной и той же мѣстности, я предполагаю, что Holmgarðr могло и называться *Holmgarðar.

Отмѣчу еще другую особенность въ древнескандинавской номенклатурѣ. Сложныя названія могли отбрасывать первую часть слова: Alptanes, Kjalarnes и др. назывались и просто Nes, Bláskógaheiðr, Rauðamelsheiðr и др. просто = Heiðr; Vestfirðir, Austfirðir = Firðir; Húnaflói = Flói; Kaldakinn = Kinn. Согласно съ этимъ наблюденіемъ *Holmgarðar дало бы Garðar, подобно тому какъ Ulmerugi у Іорнанда (*Holmrygir) соотвѣтствуетъ Rugi. — Garðar дѣйствительно попадается въ древнесѣверныхъ памятникахъ, и Möbius въ своемъ словарѣ переводитъ его Русь — Russland. Намъ выяснилось, что Garðar = Holmgarðr.

Далѣе, предполагая, что Garðar отвѣчаетъ Holmgarðar, нельзя оспаривать, что Gardaríki могло получиться изъ Holmgarðaríki. Такая форма сохранилась въ трехъ мѣстахъ въ сагѣ о Боси, правда, въ болѣе поздней, но зато вполнѣ оригинальной редакціи. Первая часть *Holmgarða — безусловно род. пад. мн. числа, но также для меня ясно, что слѣдуетъ перевести этотъ терминъ: область Holmgarð'a, а не область Holmgarð'овъ. Такимъ образомъ у насъ получилось слѣдующаго рода уравненіе:

Garðar = *Holmgarðar = Holmgarðr;
Garðaríki = Holmgarðaríki = область Holmgarð'a.

Gardaríki обозначало слѣдовательно не Русь вообще, но совершенно особый терминъ, сложившійся во времена первыхъ скандинавскихъ сношеній съ той частью Руси, гдѣ впослѣдствіи

властвовалъ Великій Новгородъ. Garðaríki соотвѣтствуетъ очевидно вполнѣ опредѣленному политическому понятію. Одно мѣсто у Нестора проливаетъ свѣтъ на это древнее государство, столицей или центромъ котораго скандинавы считали свой Holmgarðr: «прія власть Рюрикъ и раздая мужемъ своимъ грады, овому Полотескъ, овому Ростовъ, другому Бѣло-озеро. И по тѣмъ городомъ суть находници Варязи, а перьвии насельници въ Новѣгородѣ Словѣне, въ Полотьстѣ Кривичи, въ Ростовѣ Меря, въ Бѣлѣозерѣ Весь, въ Муромѣ Мурома; и тѣми всѣми обладаше Рюрикъ».—Быть можетъ, въ этихъ строкахъ перечисляются тѣ области, которыя входили въ составъ Garðaríki.

К. Ѳ. Тіандеръ.

Замѣтки по древне-славянскому переводу Св. Писанія.

IV [1]).

Толкованія пророческихъ мѣстъ съ обличеніями жидовина.

Изслѣдователи Толковой Палеи много разъ высказывали недоумѣнія по поводу отсутствія въ Палеѣ протолкованнаго пророческаго текста. Дѣйствительно, исторія домостроительства Божія о спасеніи рода человѣческаго и въ особенности вразумленіе жидовина въ истинѣ воплощенія Спасителя, въ отверженіи іудеевъ и призваніи язычниковъ — являются недоконченными и какъ-то странно оборванными въ извѣстной намъ Палеѣ на пророчествахъ значительно менѣе важныхъ, чѣмъ писанія великихъ и малыхъ ветхозавѣтныхъ пророковъ — на пророческихъ изреченіяхъ Соломона. Ожидалось бы, что составитель столь обширной ветхозавѣтной исторіи до времени Соломона долженъ былъ съ особенною обстоятельностію использовать писанія пророковъ и завершить все изложеніемъ евангельской, новозавѣтной исторіи. И такой замыселъ — въ особенности относительно пророковъ — у составителя Палеи, повидимому, былъ: такъ, послѣ изложенія Завѣтовъ двѣнадцати патріарховъ, составитель говоритъ: «но аще

1) Замѣтки I—III были помѣщены въ Извѣстіяхъ Императорской Академіи Наукъ за 1898 г. т. VIII, № 5, и за 1899 г. т. X, № 4.

и симъ патріархомъ не вѣроуюши, имамъ ти прѣложити и всѣхъ пррк҃ы гл҃авшаꙗ по радѹ» (Колом. Пал. 475). Еще ранѣе, при повѣствованіи о св. Троицѣ при сотвореніи міра, составитель обѣщаетъ подробно говорить объ этомъ предметѣ послѣ: «ѿ велихъ патріархъ и пррк҃ъ и бж҃твнъꙇ҃ и ст҃хъ ст҃ль писаныи пошедъше ти оукажемъ». Странно было бы думать, что при обѣщаніи доказать отъ всѣхъ пророкъ — составитель Палеи имѣлъ въ виду всего только отрывочныя, спѣшно набросанныя, почти не протолкованныя пророческія мѣста изъ Псалтири и писаній Соломона.

Недавно стали намъ извѣстны толкованія на нѣкоторыя мѣста изъ пророковъ съ обличеніями жидовина. Что такое представляютъ эти толкованія по отношенію къ Палеѣ?

Толкованія пророковъ съ обличеніями противъ жидовина содержатся въ ркп. XVII в. въ 4° на 73 л. — изъ собранія Ундольскаго № 12 (по описанію Ундольскаго — Библейскія мѣста съ толкованіями). Рукопись эта представляетъ не весь пророческій текстъ съ указаннымъ полемическимъ толкованіемъ: толкованіе обнимаетъ здѣсь только слѣдующія мѣста священнаго ветхозавѣтнаго текста: Бытія 1 1, 2, 6, 9, 26, Исаіи 1 1—8, 6 4—12, 11 1, 4—7, 9—10, Варуха 3 36, 4 1—4, Даніила 2 31—37, 44—45, 38—43, Исаіи 8 9, 12—14, 9 2, 6, 7, 7 10—15, 8 1—4, 55 1—18, 56 1, 2, 12 3—6, 60 4—20, 61 1—11, 62 1—7, 9—12, 63 1—6, 11—14, Іезекіиля 36 16—28, 37 1—14, 1 1, 3—28, 2 1—8. Обрывается ркп. на 9 ст. 2 гл. кн. пр. Іезекіиля. Текстъ приводится не подъ рядъ, а въ выборкахъ по особымъ отдѣламъ: «Исаія великїй пророкъ ѡ рожествѣ христовѣ тако прорече» — Ис. 11 1, «Ѿселѣ на́чнемъ їезекїилево видѣнїе и пррчество» — Іез. 37 1, «Видѣнїе їезекїилево же» — 1 26 и т. д.

Чтеній изъ другихъ пророковъ, кромѣ указанныхъ здѣсь, нѣтъ, но намъ извѣстна другая ркп. въ одномъ изъ московскихъ рукописныхъ собраній, гдѣ № 12 Ундольскаго прекрасно дополняется. Эта другая рукопись XVI в., безъ начала, но имѣетъ средину указаннаго здѣсь пророческаго текста и дальнѣйшее его

продолженіе, а въ концѣ текста послѣсловіе съ нѣсколькими любопытными свѣдѣніями. Въ послѣсловіи этомъ — приводимъ по памяти — говорится, что составитель толкованій — простецъ, неученый, что онъ искренно вѣруетъ въ Бога, преклоняется предъ божественными писаніями, отметаетъ и даже плюетъ на всѣ басни, не исходящія изъ божественнаго источника. Если тому же самому лицу, которое писало послѣсловіе, принадлежитъ — въ чемъ мы не сомнѣваемся — предисловіе къ этимъ толкованіямъ въ ркп. Ундольскаго, то свѣдѣнія эти могутъ быть дополнены тѣмъ, что побужденіемъ къ составленію толкованій было общее желаніе уяснить заповѣди господни для всѣхъ вѣрующихъ, безъ какого-нибудь особеннаго частнаго побужденія: «святїи отцы вся пророческая и апостольская видѣнїя, и притча, и глаголы и словеса преложиша толкованїемъ на разумъ, да ся не блазнятъ въ писанїи правовѣрнїи христіяне, якоже жидовстїи архіереи и книжницы взавидѣвше Христу погибоша». Іудейское невѣріе служитъ только поводомъ къ укрѣпленїю священныхъ истинъ въ умахъ вѣрующихъ: «заповѣди господня чисты суть и беспорока, но безъ расмотренія нелзѣ имъ быти ——— аще бо ся жидовѣ с расмотреніемъ и с раз8момъ книги почитали, не быша славѣ гд҃а распяли».

Содержаніе ркп. Ундольскаго № 12 слѣдующее. Лл. 1—5. «Предисловіе книги, глаголемѣй: лучши бысть злата и сребра и каменія драгаго». Въ предисловіи этомъ говорится о высказанныхъ уже нами побужденіяхъ къ составленію толкованій святыхъ книгъ. Лл. 5—9: «Списаніе и пророчество великаго Моисея Боговидца, емуже данъ бысть Богомъ первый законъ на скрижалѣхъ. Той же пиша рече: искони сотвори Богъ небо и землю, земля же бѣ невидима и неукрашена, и тма верху бездны. Бездною зоветъ множество водъ, а тмою зоветъ мглы». Толкованіе Северіана Гевальскаго: Нач.: «внимай извѣстно: бездну убо и тму Богъ ли сотвори, и вѣмъ, глубоко есть разумѣніе». Слѣдуетъ объясненіе указанныхъ выше пяти стиховъ 1 гл. кн. Бытія.

Съ 9—73 лл. идутъ толкованія главнаго въ ркп. пророче-

скаго текста. Пророческій текстъ берется въ извлеченіяхъ и не слѣдуетъ общему порядку главъ и пророческихъ книгъ: видно, что онъ приводится по особенному плану. Въ общемъ планъ этотъ опредѣляется паримiями Рождества Христова и страстной седмицы, хотя въ частности пророчества часто связываются между собою только однимъ, именно, что всѣ они направлены къ одной цѣли — обличенiю жидовина. Характеренъ, напр., переходъ отъ истолкованія Ис. 1 8, гдѣ рѣчь идетъ объ отверженiи iудеевъ (оставится дщи Сiона, яко куща въ винтоградѣ) къ Ис. 6 4, гдѣ говорится о частныхъ обстоятельствахъ призванія пророка Исаiи къ его пророческому служенiю (и взяся наддверiе отъ гласа, имже вопiяху, и домъ наполнися дыма): если о какой либо связи здѣсь и можетъ быть рѣчь, то только о самой общей. Незамѣтно особыхъ стремленій и къ богословской отчетливости въ истолкованiи. Такъ въ объясненiи Iезек. 37 8 (мертвыя кости стягиваются, по пророческому слову, жилами) толкователь готовое объясненiе пророческаго текста изъ Толковыхъ Пророчествъ осмысливаетъ съ такою непритязательностью: «мню убо се азъ многогрѣшный, яко въслѣдуетъ се второе поновленiе первому збытiю: якоже бо х҃с премудростiю созда прадеда нашего адама и созда убо преже тѣло, потомъ вдохну въ него душу, такоже и нынѣ». Тамъ, гдѣ составитель толкованія говоритъ объ участiи Христа въ созданiи прадѣда нашего Адама своею премудростiю, оригиналъ толкованія — Толковыя Пророчества — говоритъ только слѣдующее: «въслѣждаеть первому сътворенiю и второе поновленiе: якоже бо прадѣда адама тѣло прежде сѧ създа, ти потомъ в'дохну сѧ ему душа, такоже и нынѣ». Толкователь въ осмысливанiи этого толкованія проявилъ двѣ особенности: указалъ на свое участiе въ его составленiи, хотя такого участія не было, и высказалъ богословскую неосмотрительность, заявивъ, что Христосъ своею премудростiю сотворилъ человѣка. Вотъ еще два примѣра своеобразнаго, непритязательнаго богословствованія толкователя. Въ изъясненiи Ис. 62 5—7 говорится, что, когда Iисусъ Христосъ сказалъ Ни-

кодиму, что, кто не родится свыше, не можетъ внити въ царствіе Божіе, то семьдесятъ апостоловъ, услышавши это, смутились и сказали: «намъ не увидѣть царствія Божія—и пошли оттуда (?) въ нѣкую весь,—а прочее писано въ евангеліи» (на полѣ: Іоан. зач.). Въ Іоан. 3 3 и далѣе, гдѣ идетъ рѣчь о бесѣдѣ Іисуса Христа съ Никодимомъ, ничего нѣтъ объ отношеніи семидесяти апостоловъ къ этой бесѣдѣ, и прибавку о семидесяти нужно отнести за счетъ какого нибудь невысокаго источника, поставленнаго толкователемъ на ряду съ евангеліемъ. Въ толкованіи на Ис. 6 11—12 къ извѣстному изъ Толковыхъ Пророчествъ объясненію св. Василія Великаго послѣ словъ «но ѡбаче из'браніи полꙋчиша» присоединено толкованіе также изъ какого-то апокрифическаго источника: «Наѳанъ пророкъ во цр҇тво дв҇дово, сицѣ пр҇рчествова ѡ҇ хр҇тѣ, яко родитися ему ѿ дв҇ы: видѣхъ, рече, дв҇ꙋ, держащꙋ младенецъ бес посяга мужескаго». Такія апокрифическія вставки пророческаго характера—неизвѣстнаго, покамѣстъ, мнѣ происхожденія—нерѣдки и въ толкованіи, содержащемся въ другой, упоминаемой нами рукописи. Поэтому заявленіе послѣсловія объ исключительномъ уваженіи составителя къ источникамъ богооткровеннымъ нужно понимать, конечно, съ значительнымъ ограниченіемъ.

Другая рукопись, содержащая продолженіе Ундольск. № 12, представляетъ толкованія на избранныя мѣста изъ кн. пр. Исаіи, Іереміи, Михея, Іоиля и нѣкоторыхъ другихъ пророковъ, и содержитъ также изъясненіе на извлеченія изъ кн. Притчей и характерное пророчество Ездры, извѣстное въ Начальной Лѣтописи въ концѣ рѣчи философа къ Владиміру (благословенъ Богъ, руцѣ распростеръ свои, спасъ Ерусалима). Вмѣстѣ съ этимъ послѣднимъ пророчествомъ, особенно бросается въ глаза въ этой ркп. одно мѣсто изъ толкованія кн. Іереміи 8 7.: «горлица, ластовица, щоуръ, селныѧ птиц҇, разоумѣша лѣтоу прих҇ѿ», которое не разъ уже обращало на себя вниманіе нашихъ изслѣдователей [1]), читав-

1) Ср. Н. К. Никольскій, Климентъ Смолятичъ, стр. 40 и 192.

шихъ его въ Словесахъ избранныхъ Григорія Ѳеолога, извѣстныхъ въ спискахъ XV в., а по происхожденію относящихся, повидимому, къ значительно болѣе раннему времени[1]). Начинается эта вторая ркп. толкованіемъ изъ кн. пр. Исаіи. Такимъ образомъ въ ней текстъ первой ркп. Унд. повторяется на значительномъ протяженіи и это даетъ неопровержимое право почитать эту вторую ркп. вполнѣ однородною съ первою и дополненіемъ первой.

Источники толкованій и ходъ работы составителя провѣрены нами только на протяженіи ркп. Ундольскаго и потому у насъ рѣчь будетъ только о нихъ. — Толкованіе пророческаго текста ведется въ избранныхъ и указанныхъ отрывкахъ стихъ за стихомъ въ тѣхъ предѣлахъ и въ той формѣ, въ какой дается оно въ Толковыхъ Пророчествахъ. Священный текстъ выписывается въ такомъ же размѣрѣ, въ какомъ выписано заразъ въ Толковыхъ Пророчествахъ (т. е. одинъ стихъ, два или болѣе). Основное ядро толкованій тоже заимствовано изъ Толковыхъ Пророчествъ — съ урѣзками, измѣненіями и упрощеніемъ въ языкѣ. Иногда въ Толковыхъ Пророчествахъ на какое-либо мѣсто приводится не одно, а два или три толкованія разныхъ святыхъ отцовъ, — въ такихъ случаяхъ въ нашихъ толкованіяхъ или выбирается какое либо одно толкованіе или всѣ они сливаются вмѣстѣ. Имена толкователей отмѣчаются не всегда вѣрно: часто не обозначенныя именами толкованія Толковыхъ Пророчествъ являются здѣсь съ именами Василія Великаго, Іоанна Златоуста, Ѳеодорита и, разумѣется, обозначенія эти не соотвѣтствуютъ истинѣ. Это основное ядро нашихъ толкованій, легко опредѣлимое изъ сопоставленій съ извѣстными намъ Толковыми Пророчествами, составляетъ бо̀льшую половину всего истолковательнаго матеріала въ пророческихъ выборкахъ. Другую — меньшую половину составляютъ толкованія, заимствованныя не изъ Толковыхъ Пророчествъ, а изъ другого источника, а также обличенія жидовина. Иногда эти вторыя толкованія слѣдуютъ не-

1) Тамъ-же, стр. 100—101 и др.

посредственно за толкованіемъ изъ Толковыхъ Пророчествъ, но чаще они стоятъ самостоятельно, отдѣльно, хотя иногда надъ ними стоитъ имя того же отца, толкованіе котораго приводится въ данномъ мѣстѣ въ Толковыхъ Пророчествахъ. Получается впечатлѣніе, что составитель имѣлъ предъ собою на ряду съ Толковыми Пророчествами и другое неизвѣстное толкованіе и изъ перваго «толковаго» списка выписывалъ имя отца, а изъ другого — самое толкованіе. Обличеніе жидовина имѣетъ въ текстѣ характерное внѣшнее отличіе отъ остальнаго текста: оно начинается всегда съ прописной буквы (въ ркп., содержащей вторую половину толкованія — съ киноварной) и всегда очень замѣтно выдѣляется изъ текста толкованій.

Откуда взяты всѣ эти вторыя толкованія и обличенія жидовина — мы можемъ указать, хотя, покамѣстъ, не совсѣмъ полно. Источниками ихъ мы считаемъ Прѣніе Григорія Омиритскаго съ Ерваномъ и въ особенности русскую, довольно осмысленную компиляцію, извѣстную въ сп. XV в., но существовавшую и раньше, — «Словеса святыхъ Пророкъ». Здѣсь у насъ, покамѣстъ, рѣчь будетъ только о связи съ этими толкованіями Прѣнія Григорія Омиритскаго съ Ерваномъ[1]). Прѣніе архіепископа омиритскаго съ іудеемъ Ерваномъ должно было касаться тѣхъ же вопросовъ, какіе затрогивались въ нашей противуіудейской литературѣ, т. е. вопроса о троичности лицъ въ Богѣ, пришествія на землю Сына Божія, его страданій, смерти и воскресенія, поэтому естественно было бы ожидать въ этой однородной литературѣ связи болѣе, чѣмъ случайной. И такая связь, по нашимъ наблюденіямъ, есть. Въ толкованіи на Ис. 11 1 — Исаія великій пророкъ о рожествѣ Христовѣ тако прорече сказая: «изыде жезлъ ис корене іессеева, и цвѣтъ отъ него изы-

1) Списки, бывшіе у насъ подъ руками: Четьи Минеи Макарія, Синод. Б. № 989, декабрь, — переводъ Прѣнія приписанъ здѣсь преподобному отцу нашему Антонію, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ спискахъ, и еще отдѣльный списокъ Синод. Б. № 750, XVI в. Греческій оригиналъ — Синод. Б. ркп. № 360. Къ сожалѣнію, «Словесами святыхъ Пророкъ» мы могли воспользоваться только въ «Приложеніи» къ этой «Замѣткѣ».

детъ» — приводится толкованіе съ именемъ Ѳеодорита: «Жезлъ менить давида вопарившася, зане великъ царь бысть отъ иессея прошедъ, и царство его силно наста. Корень — Богородица, цвѣтъ—Христосъ изъ рода давидова взыде». Толкованіе это въ дѣйствительности Ѳеодориту не принадлежитъ. Откуда же оно? Намъ кажется, оно составное — и составлено неумѣло: если жезлъ — Давидъ, а цвѣтъ — Христосъ, то корень не можетъ знаменовать собою Богородицу; упоминаніе о Богородицѣ въ такомъ сочетаніи неумѣстно. Вставка такая объяснится, если сопоставить данное толкованіе съ Прѣніемъ Григорія Омиритскаго, гдѣ въ толкованіи на это мѣсто читаемъ: «корень їесеѡвъ— моа владычица и богородица марїа» (Синод. В. № 750, л. 48β). Нѣсколько ниже въ нашемъ толкованіи — въ 11 10 корню іессееву дается знаменованіе Христа: корень иессеовъ хр҃тосъ: ѿ иессея бо по роду изыде. Такое же другое толкованіе (корень— Христосъ) дается и въ Прѣніи Григорія Омиритскаго. Самое энергичное — хотя отъ постояннаго употребленія стереотипное въ нашемъ толкованіи — обличеніе упорствующаго жидовина сравниваетъ жидовина съ аспидомъ глухимъ, затыкающимъ уши: Ис. 63 1—8 съ именемъ Ѳеодорита: «слыши, жидовине зловѣрне, аки аспидъ глухій, затыкая уши свои ј не слышитъ, тако и ты, зловѣрне жидовине, не слышиши», на слова Іезек. 37 12—14: «сего ради пророцы с҃не ч҃лчь — — — то҃: се убо, жидовине забвенне, слыши ушима своима, не буди, яко аспидъ глухій: се къ вамъ гл҃етъ г҃ь рекъ» и т. д. Грозное стереотипное обличеніе это оказывается крайне безобиднымъ повтореніемъ заключенія обличительной рѣчи омиритскаго архіепископа (Синод. № 750, лл. 120—121) въ истолкованіи Ис. 9 6, обращенномъ къ упорствующему Ервану: — — — «аще н҃нѣ не вѣроуеши емоу (бесконечному ѡномоу и кон'ца не ӣмоущомоу), донелиже можаше приѡбрѣтати, егда же емоу предстанеши нагъ и обремененъ въ д҃нь воскр҃ниа, тог҃а ѿщетишиса, ꙗко пр҃рчьскаа изъоучивъ и вет'хоую всю в' конець прошедъ не во҆хотѣ познати прореченнаго, но оуже заградилъ еси оуши и ѡчи смѣжилъ, ꙗко аспидъ

глꙋхыи затыкающи оуши своꙗ, иже не слышати гла҃ обавающиго ꙗже о спасенїи твоемъ».

Весьма возможно, что и самое побужденіе обличать невѣрнаго жидовина явилось подъ впечатлѣніемъ литературнаго невѣрника—въ родѣ Ервана,—а не живой исторической, хотя бы и собирательной, личности. Слишкомъ уже мало въ этихъ обличеніяхъ внутренней живости, не говоря уже объ отсутствіи жгучести и какихъ либо отпечатковъ современности, неизбѣжныхъ у искренняго горячаго полемиста. Поэтому, намъ кажется, не удивительное природное миролюбіе русскаго человѣка—какъ говорятъ иные,—уничтожаетъ жгучесть вражды къ обзываемому въ нашей противу-іудейской литературѣ далеко не лестными эпитетами жидовину, а отсутствіе наличнаго внутренняго чувства къ существовавшему только въ переводной византійской книгѣ противнику вѣры.

Къ какому времени относится составленіе нашихъ противу-іудейскихъ толкованій? Извѣстные намъ два списка толкованій относятся къ XVII и XVI вв. Слѣдовательно, XVI в.—самый поздній предѣлъ ихъ появленія. Отрывки изъ толкованій встрѣчаются въ Словесахъ избранныхъ святаго Григорія Ѳеолога въ сп. XV в.[1]) и Изборникѣ XIII в. Публичной Библіотеки. Вотъ эти мѣста: 1) упомянутое уже мѣсто изъ Іерем. 8 7[2]) въ нашемъ толкованіи во второй ркп. и въ «Словесахъ избранныхъ» вопросо-отвѣтъ LXXII. 2) Упомянутое выше толкованіе Ис. 11 1, неизвѣстнаго, покамѣсть, происхожденія читается въ

Унд. № 12:	«Слов. избр.» и Изборн. XIII в:
Жезлъ менить давида воцарившася, зане великъ царь бысть отъ иессея прошедъ, и царьство	Жьзлъ ѥсть цр҃тво дв҃во, а цвѣтъ ѥсть хс҃ъ изиде из домоу дв҃два.

1) Ср. Никольскій, Климентъ Смолятичъ, стр. 190—194.

2) Прркъ Іеремїи. Горанца, ластовица, щоуръ, селныꙗ птица̑, разоумѣша лѣтоу пришⷭ҇тво. тл҃. Горанцю глть прркъ црквы, а ластовицю Ішаиа кртлꙗ, а щоура великаго оучитела павла̑ премоудраго, а лѣто хс҃ъ, да ꙗко птици тыи проповѣдають лѣто приходащеѥ, тако и сии проповѣдають пришествїе хво. Источникъ отрывка этого—

его сильно наста. Корень—Богородица. Цвѣтъ — Христосъ изъ рода давидова взыде.

3) Характерная, своеобразная послѣдовательность шестой главы Исаіи вслѣдъ за стихами первой главы, наблюдаемая нами въ толкованіи, наблюдается и въ «Словесахъ избранныхъ» [1]).

4) Сказаніе Даніиломъ сна Навуходоносору—Дан. 2 31—34—, истолкованное въ смыслѣ предсказанія о будущей судьбѣ міра и будущемъ царствѣ Христовомъ, также содержится въ «Словесахъ избранныхъ», въ Изборникѣ и въ толкованіи противъ жидовина [2]).

Совпаденіе въ существенныхъ чертахъ отдѣльныхъ толкованій пророческихъ изреченій въ «Словесахъ избранныхъ» и въ Изборникѣ XIII в. съ нашими противоіудейскими толкованіями по нашему мнѣнію—даетъ право относить время первоначальнаго возникновенія нашихъ толкованій къ эпохѣ не позднѣе XIII в.

Изъ сопоставленія противоіудейскихъ толкованій съ «Словесами» и «Изборникомъ» XIII в. нельзя, впрочемъ, заключить о томъ, что толкованія эти существовали въ XIII в. въ томъ же видѣ, въ какомъ мы имѣемъ ихъ въ дошедшихъ до насъ спискахъ XVI—XVII в. и что они непосредственно послужили источникомъ для указанныхъ памятниковъ. Болѣе поздняя обработка толкованій несомнѣнна: ни въ «Словесахъ», ни въ Изборникѣ нѣтъ обличенія жидовина и обращенія къ нему, нѣтъ также и отмѣченной выше въ толкованіи на Ис. 11 1 вставки изъ Прѣнія Григорія Омиритскаго. Слѣдовательно, или прибавки эти въ толкованія внесены послѣ написанія Изборника

слово, приписываемое Іоанну Златоусту—ѿ горницѣ и ѿ црькви дшеполезно—указанъ у Н. К. Никольскаго, тамъ же, стр. 70.

1) Послѣ Ис. 1 21, 25—26 читается 6 1—8, 4. Обличенія жидовина въ 6 4—что есть въ Унд. 12—въ «Словесахъ» нѣтъ: начало толкованія въ Унд. № 12: то Васианово: видиши ли, жидовинѣ, прчство благосоставися, въ «Словесахъ»: то васіліево: видиши ли прчстві благосъставленія. Въ Толк. Пророч., откуда заимствовано это толкованіе, также нѣтъ обращенія и дальнѣйшаго обличенія жидовина: видиши ли прчства благосоставленіе.

2) О Дан. 2 31—34 см. ниже.

XIII в. или Изборникъ пользовался не непосредственно нашими толкованіями, а только ихъ первоисточникомъ.

Далѣе. Можно даже, кажется, говорить о болѣе крупныхъ измѣненіяхъ въ дошедшихъ до насъ толкованіяхъ въ сравненіи съ ихъ видомъ въ XIII в. Наблюденіе наше касается толкованія на Даніила 2 31—37, 44—45, 38—43 — по сопоставленію съ извлеченіемъ на тоже мѣсто Дан. 2 31—34 въ «Словесахъ избранныхъ» и въ Изборникѣ. Дѣло здѣсь въ слѣдующемъ. Толкованія на указанные стихи 2 гл. Даніила въ Унд. № 12 замѣтно выдѣляются изъ ряда другихъ по своей несвязности и невыразительности. Видно, что, несмотря на имена славныхъ отцевъ—Василія, Златоуста и Григорія—толкованіе представляетъ только пересказъ пророческаго текста, вышедшій изъ-подъ пера очень малоопытнаго. Между тѣмъ по связи рѣчи — и при томъ выразительной — здѣсь ожидалось бы толкованіе Дан. 2 31 и пр. въ смыслѣ предсказанія о зачатіи отъ Дѣвы и рождествѣ Христовѣ. Такое предположеніе необходимо сдѣлать потому, что предшествующее Дан. 2 31 толкованіе пророчества Варуха 3 36—4 1—4 — «се богъ нашъ и не приложится инъ къ нему — — и посемъ на земли явися и съ человѣки поживе» и т. д. направлено къ убѣжденію жидовина въ истинѣ воплощенія, что и выражено въ заключеніи толкованія: «Слыши убо, жидовине, слово се, кольми ясно пророкъ сказѹетъ ѡ воплощеніи господни: нѣсть бо иного, развѣ сего, иже на земли явися и въ человѣцехъ ходи»— — —, послѣдующее же за Дан. 2 31 толкованіе Ис. 8 8—9 на слова: Съ нами богъ: разѹмѣйте языци и покаряйтеся, ꙗко съ нами богъ—и далѣе: оуслышите и до послѣднихъ земли—могло бы говорить только о радости, о ликованіи всѣхъ языковъ по поводу пришествія въ міръ Спасителя, между тѣмъ вразумленіе жидовина, заключающее сущность толкованій, говоритъ о большемъ: слыши убо, жидовине, како пророкъ повѣда ясно зачатіе ѿ двы, и ржтво хво во истину убо хвалится. Какъ же толкователь убѣждаетъ жидовина въ истинѣ зачатія отъ дѣвы и рождествѣ, если о нихъ совсѣмъ нѣтъ рѣчи ни въ Ис.

8 1—9, ни въ наличномъ толкованіи Дан. 2 31—37 и др.? Ясно, что въ предшествующемъ Ис. 8 8—9 толкованіи Дан. 2 гл. должно быть раскрытіе этихъ христіанскихъ истинъ. И толкованіе такого характера, дѣйствительно, было въ данномъ мѣстѣ: Изборникъ и «Словѐса избранныя», представляющія сокращенныя выборки изъ этого толкованія въ вопросо-отвѣтной формѣ, въ свое время пользовались такимъ толкованіемъ. Вотъ чтеніе Изборника XIII в., л. 21: «Данилъ прркъ навъходоносороу рꙋ҃тво ісоусово сказа. рс҃: ты црю видаше. и се тѣло ѥдино вельѥ. и обличьѥ ѥго кроугло стоꙗше предъ тобою. то҃. тѣло великоѥ миръ ѥсть кроугълъ. И здракъ лица ѥго страшьнъ. глава ѥго ѿ злата чиста. то҃. Глава ѥсть црьство вавилоньско. Роуцѣ ѥго и пьрси имый мъышцѣ сребрьнѣ. то҃. Црьство пьрскоѥ. и мидѣиско. Чрево и стегнѣ мѣданѣ. то҃. Црьство. алѥксандрьско. и македоньско. Нозѣ часть ѥтера желѣзна. и скоудѣ҃. то҃. Црьство римьско. Вида дондеже оутръжеса камень ѿ горы. Христосъ ѿ нбсе». Послѣдній отвѣтъ (толкованіе) — Христосъ ѿ нбсе — указываетъ на такое толкованіе первоисточника, въ которомъ Даніилово пророчество 2 31—35 направлялось къ уясненію общей преемственности царствъ и завершенію ихъ всѣхъ царствомъ Христовымъ. Вотъ, намъ кажется, это (по смыслу) изначальное толкованіе, замѣненное почему то въ Унд. № 12 безцвѣтнымъ перифразомъ. Представляемъ параллельно и эту позднѣйшую замѣну [1]).

---

1) Первоначальное (первый столбецъ) толкованіе приводимъ по ркп. XVII в. Унд. № 18, лл. 274—279, гдѣ содержится русское сборное толкованіе на кн. Даніила. Позднѣйшее толкованіе (второй столбецъ)—по ркп. Унд. № 12, о которой мы упоминали выше, лл. 22—23. Внушительныя имена Василія Великаго, Іоанна Златоустаго и Григорія (Богослова) приведены въ этомъ вторичномъ толкованія только для показу: у Вас. Вел. и Григ. Богосл. ничего подобнаго такому толкованію нѣтъ, то же, что соединено съ именемъ Златоуста, принадлежитъ исключительно священному тексту кн. пр. Даніила и, хотя читается у Златоуста [Migne, S. G. t. LVI, pag. 208], но заимствовано прямо изъ готоваго славянскаго перевода: все, что приведено изъ 2 гл. Дан., какъ толкованіе, въ сущности есть замаскированное именами святыхъ отцевъ толкователей и перестановкой стиховъ (2 31—37, 44—45, 38—43) передача рождественской пареміи изъ кн. Даніила—толкованія нѣтъ ни одного слова.

Ре҇ даниил навхоносору црю. пр: 2 31. ты видѣ ј се тѣло едино велие і про҇ла. т. Всю слову мира сего ѡбраз се знаменае҇, ꙗко і апл пишитъ, ꙗко миръ се есть ѡбразо҇ і сѣне҇ грядущи҇ [1]), на неже зиждити не имам. И совѣти црю навхоносору ему быти в послѣднꙗ дни. Бжие се изволение бы҇ хотя авил цртва, что не вси, толико д҇ божии, по ни же люде е҇ імѣху оскорбити҇, ѿ нихже цртво вавилоское прежнее бы҇. пр. 38. Ты еси глава злата, 39. Послѣди тебе востане҇ цртво другое, меншее ѿ тебе, еже е҇ сребро. т. Си цртво перское [2]), е нача҇ за кира. пр. 39. Цртво же третие е҇ е мѣ҇, ѡдолѣе҇ все земли. т. Сире҇ цртво греское, е начa҇ за александра макидо҇скā. Ми҇ское бо цртво ѿ асирискa҇ разорено бы҇, сие ѿ перскаго, і ѡво макидо҇ски҇ і сие ри҇ски҇. пр. 40. и цртво четвертое буте҇ крепле, ꙗки желѣзо: ј ꙗко желѣзо ѡточиваe҇ все, тако утончи҇ все ј умꙗчи҇. т. Сире҇ цртво римско, ѡни биꙗоу ѡдолѣвши мало не все

Пáки данíил рече к навходоносóру: 31. ты, царю, сóнїя вúдѣ: И сè тѣло вéлие едúно, і ѡ҇блúчие ѐгò крýгло, стоя пред лицемъ твоúмъ, и зракъ лица ѐгò стрáшенъ, 32. и главà ѐгò ѿ злáта чúста, руцѣ и мышцѣ и пéрси его сребрꙗнѣ, и чрево и стéгнѣ мѣдꙗны, 33. гóлени желѣзни, нóзѣ убо по(ча)стемъ: чáсть желѣзна, часть глúнна: 34. зрáше же, дóндеже ѿсѣчеся камень ѿ горы не рукáми, и пáдъ нá ногу желѣзну и глинну, і истни до концà: 35. Тогдà истрéсе и глина, и желѣзо и мѣдь, и сребрò и злáто. ј бысть ꙗко прахъ ѿ гумна лѣтнаго: и взя их вѣтромъ многимъ, и не обрѣтеся ѐму мѣсто: кáмень же разрази тѣло. и бысть в гóру вéлию и напóлни всю зéмлю. то҇. василїево. 36. Сè ѐсть сонъ, и сказáнїе, ѐже предъ царéмъ, речé. 37. Ему же бгъ небны цртво дáстъ крѣпко и держáвно в сéмъ вѣцѣ. И того мѣсто 44. воздвигнетъ бгъ небесное цртво в вѣкъ

1) Посл. св. ап. Павла къ Евр. 101.

2) На полѣ: асирiское.

вселенⁿе'. пᵖ. 41. и еже видѣ нозе ј пеⁿсты, ча҃ желѣзна, ча҃ же глина, то црство раздѣлено бѹдеть. тˡ. Црⷭ҇тво ри҃ско јⁿначала аⁿ до ко҃ца бы҃ меж҃ѹ себе раⁿдѣ҃ши҃ і чюно, ꙗко стоꙗ҃ можаше, аⁿ напослѣдо҃ ненавистꙗ҃ і вражда҃ вн8трьни҃ імꙗ҃. ни во то бы҃. пᵖ. 41. И ѿ кореніа желѣзо бѹдѣ в не҃, і ꙗкоⁿ видѣ желѣзо смѣшено со глиною. тˡ. Желѣзо҃ і глиною ꙗвлꙗѐ двои лю҃ в се҃ црⷭ҇твѣ, сирѣ҃ лю҃и браⁿны҃ і бл҃ги҃, по си҃ же распрѣ творꙗщи҃ і немиⁿны҃. пᵖ 43. і ꙗко видѣ желѣзо смѣшено ко глине, смѣсꙗсꙗ во племена҃ чл҃чки҃, но не бѹдѣ҃ прилепающи си' к сем8, ꙗкоⁿ желѣзо не смѣшаѐсѧ со глиною. (тˡ). Сирѣ҃ не бѹдѣ҃ добро хотѣние ѿ ни҃. пᵖ. 44. і во дн҃ь цр҃ь тѣ҃. тˡ. Сирѣ҃ во времена црⷭ҇тва ри҃ска. пᵖ. 44. Востави҃ бг҃ъ нбн҃ы' црⷭ҇тво, е҃ во вѣки не разсыплѐсꙗ, і црⷭ҇тво его люде҃ јнѣ҃ не ѡстанѐсꙗ. тˡ. Сирѣ҃ црⷭ҇тво хв҃о вѣчное. пᵖ. 44. Ѡто҃чи҃ і извѣ҃ всѣ црⷭ҇тва, а то стане҃ в вки҃. тˡ. Сотвори҃ коне҃ вси҃ не истлѣет', и црⷭ҇тво ѐго людемъ инѣмъ не оста́нетсѧ, і исто́пчеть і извѣеть всѧ҃ црⷭ҇тва и той црⷭ҇тв8еть в' вѣкъ. 45. Иже видѣ ѿсѣчѐсѧ ка́мень ѿ горы без р8ки, и истончи́ть гли́н8, и желѣзо, и мѣдь, и сребро̀ и зла́то. Бг҃ъ вели́кіи сказа̀ царю̀, и́мьже подобаеть быти по сихъ: и́стиненъ ѐсть со́нъ и вѣрно сказаніе ѐго̀. Проро҃. 38. На не́й же живу́тъ сн҃ве чл҃честіи, звѣ́ріе по́льстіи, и пти́цы небесныѧ, и ры́бы морски́ѧ, да́лъ ѐсть в ру́к8 твою̀, и поста́вилъ тѧ҃ ѐсть властели́на всѣ́мъ: то҃ злато8҃. 38. Ты҃ ѐсѝ глава зла́т8. 39. і в слѣ҃д тебѣ̀ воста́нетъ црⷭ҇тво и́но́е ма́лее тебѐ, и́же ѐсть сребро̀, ца́рь же трѐтіи, и́же мѣ́дь, и́же о̀долѣетъ всѐй земли́, 40. царство же четвѐртое бу́детъ крѣ́пліи ꙗко желѣзо, и па́ки [1]) ѡ҆тончева́етъ и у҆ма́гчиваетъ а҆ки желѣзо [2]), та́ко же и то́й у҆тончи҃ и у҆ма́гчитъ всѐ. Проро҃. 41. А ѐже ча́сть желѣзна, ча́сть гли́нна, то҃ ѹ҆бо

---

1) Ꙗко желѣзо и па́ки,—слѣдовало бы написать: Ꙗко желѣзо: и ꙗко желѣзо.

2) Ꙗки желѣзо ожидалось бы на мѣстѣ и паки.

цр҇тва҇. п҇. 45. ї ꙗко҇ видѣ, ꙗко ѿсѣче҇ камѐ ѿ горы бе҇рꙋкꙋ ї ѡто҇чи глинꙋ ї желѣзо, мѣ҇, сребро ҆злато. т҇. Сиꙗ горà сиѡ҇, ѡна҇ знаменаше црко҇ ј лю҇е бж҇ии, еще҇ ї пр҇тꙋю дв҇ꙋ мр҇ию, ѡ҇ неꙗ҇ плотию ро҇сꙗ х҇с не ѿ сѣмени мꙋ҇ска, но ѿ дх҇а ст҇а.

ца́рьство раздѣле́но бу́детъ, и҆ ѿ корени желѣза бу́детъ в не́мъ, ꙗ́коже видѣ желѣзо смѣшено з гли́ною: 42. ї персты ножнїи, то҇ григо́рїево. Ча́сть у҆бо желѣзна и҆ гли́нна, ча́сть же бу́детъ царьства крѣпка, и҆ ѿ себѐ са́мо бу́детъ сокрꙋша́емо. 43. А желѣзо смѣшено́ з гли́ною, смѣшено бу́дет҇ у҆бо колѣно въ человѣ́цехъ, и не бу́детъ сїи прилѣпающе к сему̀, ꙗко желѣзо не смѣшаетсѧ з глиною.

Первоначальное толкованіе съ упоминаніемъ въ концѣ его о Пречистой Дѣвѣ Маріи и о совершившемся чрезъ нее воплощеніи восходитъ — по нашему мнѣнію — къ славянскому переводу толкованія на Даніила св. Ипполита и составляетъ краткую передачу — въ нашемъ спискѣ уже интерполированную — третьяго видѣнія этого толкованія [1]). Когда оно замѣнено наличнымъ толкованіемъ въ противоіудейскомъ комментаріи и какъ велика область подобныхъ замѣненій — при отсутствіи надлежащихъ рукописей — мы сказать не можемъ.

Итакъ существованіе основного состава противоіудейскихъ толкованій можетъ быть засвидѣтельствовано памятниками XIII в.

---

1) Третье видѣніе Даніила въ толкованіи св. Ипполита по ркп. XII—XIII в. Чудовск. № 12 издано И. И. Срезневскимъ — Отчетъ о пятнадцатомъ присужденіи наградъ графа Уварова 25 сентября 1872 г. Спб. 1874 стр. 173—182, греческій текстъ Ипполита (третьяго видѣнія нѣтъ) у Эд. Братке — Das neu entdeckte vierte Buch des Daniel-Kommentars von Hippolytus, Bonn 1891 и полный у Бонветча — Die griechischen christlichen Schriftsteller der ersten drei Jahrhunderte, Leipzig 1897, русскій переводъ — Творенія св. Ипполита, вып. I. Казань, 1898. Славянскій переводъ толкованія на кн. пр. Даніила (полный—въ ркп. XVI в. Моск. Д. Ак. № 486) по нашимъ наблюденіямъ, указаннымъ въ нашемъ докладѣ въ Славянской Коммиссіи Моск. Арх. Общ. 10 марта 1900 г., сдѣланъ былъ не позднѣе времени царя Симеона болгарскаго.

Когда соединено съ этимъ основнымъ матеріаломъ обличеніе жидовина, когда введены въ него вставки изъ Прѣнія Григорія Омиритскаго съ Ерваномъ и произведены другія измѣненія — должно опредѣлиться съ расширеніемъ соотвѣтствующаго матеріала.

Но нѣтъ ли препятствій къ признанію XIII в. временемъ образованія толкованій — со стороны составныхъ частей ихъ? Не представляются ли болѣе поздними по происхожденію источники этихъ толкованій? Намъ извѣстна большая часть этихъ источниковъ — и вотъ что представляютъ они по времени своего происхожденія. 1) Толковыя Пророчества — самый важный источникъ толкованій, давшій болѣе половины истолковательнаго матеріала, по происхожденію относятся къ концу IX или началу X в. — ко времени царя Симеона. 2) Прѣніе Григорія Омиритскаго съ Ерваномъ по языку и по другимъ даннымъ должно относиться къ первымъ вѣкамъ славянской письменности [1]). 3) «Словеса святыхъ Пророкъ», какъ будетъ показано ниже [2]), стоятъ въ связи съ памятниками XIII в. Наличныхъ препятствій къ отнесенію существенной части толкованій къ XIII вѣку со стороны источниковъ толкованія, такимъ образомъ, не имѣется.

Мѣстомъ составленія нашихъ толкованій на основаніи чисто русскихъ, дошедшихъ до насъ—хотя и позднѣйшихъ—списковъ, можно считать только Россію. Этому не противорѣчатъ и извѣстные намъ источники толкованій: всѣ они издавна были извѣстны у насъ въ готовыхъ славянскихъ переводахъ.

---

1) Вотъ характеристика языка Прѣнія по ркп. Синод. Б. XVI в. № 750. Древнія глагольныя формы: л. 1 β: Ѿхожаашє, л. 3 молаашєсѧ; др. ф. склоненій: л. 1β: исцѣлаашє нєдѫжныихъ, ib. прѣвыимъ, л. 4β: єфіопьскааго, славнааго, л. 2: тихомъ и кроткымъ гласомъ. Фонетическія особенности: л 3: вєѣкъ нєдѫгъ; тѣже особенности, можетъ быть, позднѣйшія: ѣ, вм. и, и наоборотъ: л. 58 вєлѣци, л. 60: свѣдитєльствуєши, л. 62: прⷪ҇рци — — въ никыⷯ бо главизнахъ намъ Іоудєѡⷨ помогающє ѡврѣтаютъ, въ никыиⷯ жє и вамъ иⷯ Ѿ языкъ. Сербизмы: л. 66β: тѹка агнаць, 67: бысте ми въ ситость, л. 103: ѡ сѫдашниⷯ, л. 102: освѣдоковано сотвори, л. 121 бѣлѣга, насѣлѣжєно, л. 140 хлѣбу мирисающому. Словарныя особенности: л. 4: скрада: повєлѣваєт скрадѣ огнєнѣи и злѣ быти, л. 5: црковникъ — ἱερεύς, л. 65: честнѣиши пѹдари, колико. Изначально ли въ спискѣ вліяніе сербскаго извода, сказать трудно. Во всякомъ случаѣ признаки древности перевода несомнѣнны.

2) См. ниже, стр. 811—812 въ «Приложеніи».

На основаніи приведенныхъ данныхъ мы склонны думать, что противоіудейскія толкованія пророковъ, извѣстныя намъ въ спискахъ XVI—XVII вв., составляютъ часть не обработаннаго, не додѣланнаго — такъ сказать — черноваго окончанія Толковой Палеи. Какъ произведеніе не обработанное, какъ матеріалы, окончаніе это не имѣло, можно думать, устойчиваго вида — и въ толкованіяхъ пророковъ мы видимъ, можетъ быть, только переработку этого матеріала, произведенную какою-то неумѣлою позднею рукою примѣнительно къ невзыскательнымъ потребностямъ русскаго книжника. Въ частности къ этому выводу приводятъ такія соображенія. Если освободить наши толкованія отъ очевидныхъ историческихъ наслоеній (предисловіе и послѣсловіе, толкованія на начальные стихи 1-ой гл. Бытія) и подновленности въ языкѣ, то толкованія эти по общему характеру и источникамъ какъ нельзя болѣе восполнятъ конецъ извѣстной нынѣ Толковой Палеи. Толковая Палея—по признанію изслѣдователей—представляетъ не одинаковую степень обработанности: первыя двѣ части Палеи, обнимающія исторію отъ творенія міра до исхода Израиля изъ Египта обработаны лучше—подробнѣе и доказательнѣе, третья — отъ исхода Израиля до времени царя Соломона представляетъ изложеніе библейской исторіи, въ концѣ весьма неискусно собранное изъ ряда пророчествъ съ незначительными толкованіями. Рядъ извѣстныхъ въ славянскомъ переводѣ толкованій Филона и Ипполита на книгу Пѣснь Пѣсней въ концѣ Палеи находитъ весьма естественное продолженіе изъ столь же извѣстныхъ у насъ, какъ и сейчасъ упомянутыя, толкованій на пророковъ — Василія Великаго, Өеодорита, Іоанна Златоустаго и того же Ипполита римскаго въ толкованіи на книгу Даніила. Самая историческая прибавка къ толкованію на пророковъ—въ видѣ изъясненія первыхъ стиховъ 1 гл. кн. Бытія по Северіану гевальскому, можетъ быть, не совсѣмъ безсмысленно случайна: толкованія Северіана были одною изъ составныхъ частей толкованія Палеи на 1 гл. Бытія (2-ая часть—Шестодневъ Василія Великаго). Наша рукопись въ этой при-

бавкѣ содержитъ, такимъ образомъ, одинъ изъ матеріаловъ, который вошелъ затѣмъ въ лабораторію составителя Палеи. Наконецъ, есть одна небольшая, но характерная подробность. Въ толкованіяхъ мы наблюдали пользованіе Прѣніемъ Григорія Омиритскаго съ Ерваномъ, при чемъ въ памятникѣ XIII в., пользовавшемся толкованіемъ или его первоисточникомъ, вставки изъ Прѣнія не замѣчалось. Вставка изъ Прѣнія внесена послѣ составленія толкованія. Нѣчто подобное можно замѣтить и въ Палеѣ. Имя Изъдраиль[1]) толкуется въ Палеѣ такимъ образомъ: «Ѿ Авера оубо Ѥврѣи прозвани бысте, нынѧ же Ѿ израдноѣ (вар.

1) Коломенская Палея л. 334. Объясненіе этого толкованія у В. М. Истрина—Замѣчанія о составѣ Толковой Палеи — Извѣстія отдѣленія русскаго языка и словесности Имп. А. Н. 1897, II. стр. 205—намъ кажется, не можетъ быть принято. Объясненіе дается такого рода: «Сказавъ объ единоборствѣ Іакова съ Богомъ, редакторъ (Палеи) добавляетъ: тоуже и наречеса Изъдраиль. занеже баше д҃ жены поѧлъ, 334, 16—18. Такъ какъ такое толкованіе расходилось съ библейскимъ, то редакторъ прибавилъ нѣсколько поясненій: не похоти же ра҃ но чадолюбиы требоваше. тѣмь же и Ѿ помысла дѣюмыхъ судиться. Ѿ Авера убо евреи прозвани бысте, нынѧ же Ѿ израдноѣ [издраныѣ вар.] жилы Изъдраили нарекостеся. сирѣчь оумъ бога зьрѧ, 334,18—26. Послѣднее объясненіе принадлежитъ русскому автору: Издраиль отъ издранной жилы. Первое же толкованіе непонятно». Далѣе дѣлается попытка первое толкованіе, т. е. Израиль въ смыслѣ баше д҃ жены поѧлъ оправдать еврейской этимологіею. Намъ кажется, въ первомъ случаѣ въ Палеѣ дается не толкованіе имени Изъдраиль, а сообщается безотносительно къ имени взглядъ автора на извѣстный поступокъ Іакова (что онъ имѣлъ 4-хъ женъ): «тамъ онъ и получилъ наименованіе Израиля. Такъ какъ онъ взялъ себѣ четырехъ женъ не по силѣ чувственныхъ вожделѣній, а по побужденіямъ чадолюбія, то по этимъ внутреннимъ намѣреніямъ своимъ ему надлежало получить и соотвѣтствующую оцѣнку: отъ Авера вы получили наименованіе Евреевъ, а нынѣ отъ издраныѣ жилы назывались Израильтянами, сирѣчь оумъ бога зьрѧ». Было бы логически неправдоподобно отдѣлять занеже баше д҃ жены поѧлъ отъ послѣдующихъ словъ: центръ тяжести здѣсь лежитъ въ мысли, что за чистоту сердца Іаковъ удостоился быть родоначальникомъ Израильтянъ — и странно было бы видѣть, что эта главная мысль явилась только какъ «поясненіе» мысли второстепенной. Пришлось бы признать, что— вопреки намѣреніямъ редактора — поясненія перетянули къ себѣ всю силу мысли. Грамматическія точки отправленія главной мысли — по нашему мнѣнію—занеже — — — требоваше тѣмь же — — — (διότι — — — ἔδει οὖν — — —).— Замѣтимъ, что образъ для издраныѣ жилы дается въ значительной степени священнымъ текстомъ Быт. 32 32: сего ради не ꙗдатъ сынове і҃илевы жилы, иже ѿтерпе, иже есть въ широтѣ стегна, даже до дне сего: понеже прикоснѹся широтѣ стегна іаковлѧ жилы, иже ѿтерпе.

издраныѣ) жилы Изъдраили нарекостеса. сирѣчь оумъ бога зьра». Послѣднее толкованіе имени Израиль, т. е. оумъ бога зьра, намъ представляется вставкою позднѣйшаго происхожденія въ сравненіи съ первымъ толкованіемъ — для соединенія этого толкованія съ прежнимъ понадобилась спайка «сирѣчь» — и при томъ вставкою, заимствованною изъ Прѣнія Григорія Омиритскаго (Ч. М. Макарія, декабрь — Синод. Б. № 989, л. 365): «оумъ зрѧ ба ӥль тлъкѹетса, понеже оубо вы Їѹдее, иже нѣкогда бѣсте оумъ зрѧ ба, пришедшѹ к вамъ единородномѹ снѹ бжїю своею волею смѣжисте очи ваши не видѣти его и погѹбисте еже быти оумъ зрай ба, еже ӥль тлъкѹетса, ѿнюдѹже ıазыци, иже тогда слѣпи бахѹ вьстекоша вѣровавше бгѹ и единородному снѹ ба оца и внезапѹ прозрѣша стое крщенїе прїемъше, и абїе възложиса на них имa израиль рѹкою бжїею ѿıато ѿ васъ, ннѣ бо иже ба зрать поистинѣ ӥль наричютьса».

Какъ выразительную особенность Палеи выставляютъ существованіе въ ея текстѣ церковныхъ пѣснопѣній. И съ этой стороны Прѣніе Григорія Омиритскаго могло не остаться безъ вліянія на пріемы толкователя [1]).

Такимъ образомъ, сходство источниковъ, общность въ пользованіи нѣкоторыми изъ нихъ, одинаковый характеръ толкованія и даже видимая умѣстность противоіудейскихъ толкованій въ концѣ извѣстной намъ доселѣ Толковой Палеи — по нашему мнѣнію исключаютъ возможность видѣть въ нихъ случайное произведеніе или грубую поддѣлку подъ готовый образецъ, а, напротивъ, даютъ право усматривать въ нихъ не совсѣмъ удач-

---

1) Ркп. № 750 Син. Б. л. 35: Єреанъ: Θеманъ — что сказѹетса; гора же част и присѣнна что глтъса; (Григорій:) Оуко Θеманъ ѿ вышнихъ сказѹ его пришедша, иже і ѿ нбсе, иже і ѿ въстока, юже истинна показѹ, ꙗко ѿ дѣвческаго тѣла гать его прїити въчлченїемъ ꙗкоже и прииде ѿ сватыа владычицы приснодвыа мрїа: гора же присѣнна сиа дѣва єсть ӥз неѧ родиса — — — Частою гора (Божія Матерь) называется — говорится далѣе — зарадн непрохожденїа дѣвственнаго (понеже чаща горамъ неѹдобь проходима єсть). Здѣсь приведено толкованіе прор. Аввакума 3з, давшаго основаніе ирмосу четвертой пѣсни канона 1 гласа: Єлыша древле аввакѹмъ хрте чѹдный твой слѹхъ, и страхомъ взыкаше: ѿ юга бгъ прїидетъ, и стый ѿ горы приосѣненныа чащи, спасти помазанныа: слава силѣ твоей господи.

ную обработку естественнаго, давно ожидаемаго наукой, окончанія Палеи.

Предлагая эту попутную при нашихъ занятіяхъ замѣтку, мы не сочтемъ себя разбитыми на голову, если мѣсто противоіудейскихъ толкованій пророковъ въ нашей письменности — съ неизбѣжнымъ расширеніемъ въ будущемъ соотвѣтствующаго матеріала — окажется нѣсколько инымъ. Большая опредѣленность въ установленіи этого мѣста въ будущемъ несомнѣнна. Намъ достаточно, покамѣстъ, если, при дальнѣйшемъ уясненіи хода русскихъ толкованій св. Писанія, указываемыя нами изъясненія пророческихъ мѣстъ окажутся не внѣ русла противоіудейскаго обличительнаго направленія, связаннаго съ исторіей Толковой Палеи.—

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Приводимъ разборъ состава противо-іудейскихъ толкованій пророческихъ мѣстъ, содержащихся въ ркп. XVII в. собр. Ундольскаго № 12 (въ Московскомъ Румянцовскомъ Музеѣ) чрезъ сопоставленіе съ доступными намъ въ настоящее время первоисточниками[1]).

Мѣста изъ книги пророка Исаіи.

Начало: «Пророчество исаино списано бысть и истолковано святыми отцы и епископы Василіемъ великимъ и Θеодоритомъ и Іоанномъ Златоустомъ и Кирилломъ».—Составлено на основаніи

---

1) Для сравненія привлечены были списки Толковыхъ Пророчествъ XV—XVI вв.: Синод. Биб. № 118, Синод. Биб. № 301 — оба XV в. Рум. М. № 28 — XVI в., списокъ Чет. Миней Макарія за мѣс. май — Синод. Биб. № 994, Прѣніе Григорія Омиритскаго съ Ерваномъ — № 750 Синод. Биб. Другіе источники отмѣчаются въ своемъ мѣстѣ. Чтеніе пророческаго текста будетъ выписываться только въ случаяхъ несовпаденія съ чтеніемъ Толк. Прор. Изъ толкованій будемъ отмѣчать начала и тѣ мѣста изъ средины или конца, которыя по своему особому появленію въ толкованіи свидѣтельствуютъ о другомъ источникѣ или какой либо особенности обработки.

надписаній различныхъ толкованій св. оо. въ Толковыхъ Пророчествахъ. Въ наличности такого начала въ спискахъ Т. П. нѣтъ.

1 1: Видѣніе еже видѣ исаія, сынъ амосовъ, на июдею и на іерусалимъ, во дни іозія, царя іоафамля, и іоахазовы и езекіины, иже царствоваша въ іюдеехъ. Толк. василіево. Нач. Въ повѣстехъ нашихъ истовѣе есть зракъ слышания вняти: ни ухомъ бо мощно есть страшнаго и гордаго познати, ни похотнаго насладитися.—Заимствовано изъ Толковыхъ Пророчествъ. Въ Толк. Пр. толкованіе Василія Вел. значительно сокращено въ сравненіи съ греческимъ текстомъ у Миня (t. XXX. S. G. p. 132—136). Съ толкованіемъ Василія Вел. непосредственно слито слѣдующее: Нач. Видѣніе нарече бывающихъ.—Это толкованіе Өеодоритово: Нач. Видѣнїе наричетъ будущихъ. — Заимствовано изъ Толковыхъ Пророчествъ—Рум. 28, л. 275 β.

1 2, 3, 4, 5—6, 7, 8. И пророческія чтенія и толкованія на нихъ заимствованы изъ Толковыхъ Пророчествъ. Рум. 28, л. 275 β—276 β.

6 4. То̑. василиево: Нач. видиши ли, жидовинѣ, прр҃чество бл҃госоставная.— Приспособлено къ обличенію жидовина. Заимствовано изъ Толковыхъ Пророчествъ: Рум. 28, л. 288 β: видиши ли прр҃чества бл҃госъставленїе. Толкованіе надписано именемъ св. Василія Вел. произвольно: у Миня нѣтъ.

6 5. То̑. Өеодоритово: Нач. се яснѣе сихъ сказа гл҃я.—Заимствовано изъ Толк. Пр. Рум. 28, л. 289: се яснѣе соуммахъ сказа гл҃ѧ.

6 6—7. И прилѣте (Рум. 28: и поустисѧ) ко мнѣ единъ отъ серафимъ — — — то̑ өеодоритовъ: Нач. и се субо являетъ прегрѣшеніемъ молчание. — Заимствовано изъ Толковыхъ Пророчествъ. Рум. л. 289.

6 8—10. То̑ Өеодоритово: Нач. бывающее жидов'ско проявленїе гн҃е сѹпротивное проповѣдаетъ.—Заимствовано изъ Толковыхъ Пророчествъ — Рум. 289 β.

6 11—12. То̑: Нач. тяжку сущю проповѣданію ѿ бг҃а мня безъ конца казнь бывающѹ.—Толкованіе въ Толковыхъ Проро-

чествахъ надписывается именемъ Василія Великаго (у Миня есть — t. XXX, 444). Толкованіе Василія Вел. оставляется на словахъ: «но ѡбаче изъбранніи полꙋчиша». Къ этимъ словамъ присоединено толкованіе изъ другого источника: наѳанъ пророкъ во цр҃тво дв҃дово сицѣ прр҃чествова ѡ хр҃тѣ, яко родитися ему ѿ дв҃ы: видѣхъ, рече, дв҃ꙋ держащꙋ младенецъ бес посяга мужеска. Видиши ли, жидовинѣ, страшно повѣдаетъ пророкъ, провидя духомъ, х҃во рожтвс пребывати дѣвою. Которая бо дѣвая иная родила сн҃ъ и̓ родити имать, развѣ пречтгыя бц҃и. Та бо едина роди безъ мꙋжа, рѣкше не ѿ плотнаго зачатия, по ѿ дх҃а ст҃а, недовѣдомо и несказаемо. — Источникъ наѳанова пророчества мнѣ, покамѣстъ, неизвѣстенъ. Повидимому, это бродячее пророчество: въ другихъ ркп. оно читается въ другихъ сочетаніяхъ [1]). Такъ въ «Словесахъ святыхъ пророкъ» пророчество это стоитъ въ толкованіи кн. Притчей Соломоновыхъ 9 гл. послѣ 11 ст.: «сим бо, рече, кова(рь)ствомъ много поживеши лѣть приложитътисѧ лѣта животоу. (Толк.) Коварство толкоуеть разумъ, то есть дѣиство, да егоже боудеть разоу и дѣла чтга к хоу вѣрою, то приложатьсѧ тѧ лѣта животоу. Сице солом҃ъ пророчтвова о х҃ѣ (и) наѳанъ пркъ въ цр҃тво дв҃дво прорече сице о хѣ, ꙗко родитисѧ емоу ѿ д҃вы: видѣ, рѣ, дѣвицю держаще» и т. д. Въ Сборникѣ XVII в. послѣдній стихъ 9 гл. кн. Притч. и пророчество Наѳана приведены послѣ толкованія кн. Пѣсни Пѣсней: 1 15, 5 1, 2 3. Пророчество наѳаново, такимъ образомъ, является странствующимъ, и первоначальное мѣсто его указать въ нашихъ толкованіяхъ трудно. Нельзя, впрочемъ, не замѣтить, что въ «Словесахъ святыхъ пророкъ» пророчество это умѣстнѣе, чѣмъ въ нашихъ толкованіяхъ и въ Сборникѣ XVII в: въ «Словесахъ» оно отчетливо

1) Имѣемъ въ виду далѣе 2 рукописи: копію съ ркп. собр. А. И. Яцимирскаго западно-русскаго происхожденія XV в. — «Словеса ст҃ы прркъ ѿ сн҃ѣ бж҃ьи, ѿ схожении е̓го на землю, и̓ ѿ воплощении ѿ прч҃тыѧ бц҃а, и̓ ѡ извлѧкъ лении родꙋ христьꙗньскомꙋ, и̓ ѡ ѿверженни жидовъ и̓ ѡ расточенїи и̓хъ» и Сборникъ XVII в. безъ заглавнаго листа, великорусскаго происхожденія со статьею толковаго противоіудейскаго содержанія. За доставленіе ихъ намъ приносимъ искреннюю признательность высокоуважаемому проѳ. М. И. Соколову.

стоитъ въ концѣ толкованія одной паримiи (Притч. 9 1—11 — читается очень часто) и предъ началомъ другой — Ис. 11 1—16. Съ предыдущими толкованіями пророчество наѳаново не стоитъ въ смысловой связи ни въ одной ркп., слѣдуетъ же за нимъ во всѣхъ трехъ ркп. Ис. 11 1. Съ этимъ пророчествомъ пророчество Наѳана при невысокой требовательности можетъ быть поставлено въ связь и по смыслу. Поэтому связь пророчества Наѳана съ Ис. 11 1 можетъ считаться до нѣкоторой степени изначальною.

11 1. Ісаїя великіи пр҃ркъ ѡ рожествѣ христовѣ тако прорече сказая: изыде жезлъ ис корени іессеева, и цвѣтъ отъ него изыдетъ. Толк. Ѳеодоритово. Нач. Жезлъ менить давида воцарившася, зане великъ царь бысть отъ іессея прошедъ, и царьство его сильно наста. Корень — Богородица, цвѣтъ — Христосъ изъ рода давидова взыде. — Толкованіе Ѳеодориту не принадлежитъ: Ѳеодоритово толкованіе въ Толковыхъ Пророчествахъ начинается: «сперва выше сего проповѣда ѿ цр҃тва ѐммануи҃лева, се же есть бж҃їа с҃на». Въ этомъ сочетаніи Ис. 11 1 и толкованіе безъ вставки «корень — Богородица» читается въ Словесахъ святыхъ Пророкъ XV в. и въ Сборникѣ XVII в. Такъ же читается это мѣсто въ Изборникѣ XIII в. и «Словесахъ избранныхъ Григорія Ѳеолога» XV в. (см. выше). «Корень-Богородица» — вставка изъ Прѣнія Григорія Омиритскаго съ Ерваномъ (ср. выше, стр. 795).

11 2—3. Почиетъ, рече, на нем' д҃хъ бж҃їй, д҃хъ премудрости и разума, д҃хъ свѣта и крѣпости, д҃хъ свидѣния и благовѣрия, д҃хъ страха бж҃їя исполнит и. — Видиши ли, иновѣрниче, ѡ с҃нꙋ бж҃їю г҃летъ: д҃хъ бж҃їи повѣдаетъ на нéмъ пр҃ркъ, иже ѿ б҃га ѿ҃ца ӥсхóдитъ и на с҃нѣ почиваѐ равнѣ. Чего ти исполненъ; премудрость в немь показуеть и разꙋм': кто бо изслѣдить бж҃їю прем҃рость, и чїи разꙋмъ бж҃їй разꙋмь; ꙗкоже той исаїа рече (40 13): кто свѣдаеть разꙋмъ г҃нь; Свѣть менитъ ӥ крѣпость: того бо свѣтъ неизмѣненъ ј той единъ крѣпокъ: гдꙋ҃ бо, рече, крѣпокъ ӥ силенъ. А еже г҃леть свидѣніе ӥ бл҃говѣрие, той бо свѣдаеть всяческая, ј той глава всему началу и свершенію. Бл҃говѣрїе же, понеже по ч҃лколюбїю сми-

ренъ и блгъ. И страха бжия наполненъ, сирѣчь волю ѿчю сотворити и стго дха дѣйство. Видиши ли, иновидниче, все божески дѣтели повѣдаеть в немъ прркь и по всему бголѣпномꙋ подобию изьяви: ј бга суща во плоти в немъ дарны дѣтели ѿ отца приемша, ꙗко и ꙁ҃ даровъ пода своего чл̃колюбия ꙁ҃ дней миротворенія показа, седмию же стыхъ соборъ весь миръ научи, имиже грѣхи вселенныя ѡчисти. Речеши ли, жидовине, двдꙋ ли глеть или соломонꙋ рече, то лжеши, ѡкаянне. Сия бо во цртвіи сꙋдила еста въ славѣ, а ѡ семъ исаїя глетъ: не на лица сꙋдящаго, но въ славѣ сꙋди, ни по бесѣде ѡбличитъ (Ис. 11 з), рече, по рѣчемъ, еже есть прѣние, но сꙋдити в правдꙋ, рекше на срца. Видиши ли, жидовине, не тако судъ его повѣдаетъ, аки земнаго царя, на лица сꙋдящаго, и не речетъ смотряща, но воплотившагося бга в наше подобие и нашего ради спасенія, бжіи сꙋ повѣдаетъ его на срца сꙋдяща, зане прозрѣти всѣхъ срца, да вашꙋ злобꙋ прозря и васъ ѿверже, а насъ прия.

11 4. Пророк. Сꙋдити бо, рече, смиреннымъ в правдꙋ сꙋдъ. Тл. Смирены бо быхомъ властію бѣсовскою, но провѣдыи првныя к себѣ, вѣдыи ꙗко вѣровати нам усердно — и ѡбличитъ, и рече, правдою земли славныя. Тл. Ваши князи ј архиереи, тіи бо славны быша тогда. Пррче. И поразитъ словомъ устъ своихъ. Тл. Сирѣчь новым закономъ, еѵлскимъ словомъ поразитъ требища идольская. Про. И дхомъ устъ своихъ убиетъ нечестиваго, Тл. Рекше диявола: вси бо въ прелести бяхꙋ. — Такъ идетъ толкованіе до Ис. 11 10, т. е. до конца париміи.

Чтеніе Ис. 11 1—10 заимствовано изъ «Словесъ святыхъ пророкъ» XV в. или аналогичнаго ему памятника (въ «Словесахъ» толкованіе Ис. 11 1—10 читается на 73—78 лл.). О существованіи этого чтенія ранѣе XV в., даже въ XIII в. свидѣтельствуетъ Изборникъ XIII в. Спб. Публичной Библіотеки № 18, въ которомъ вкратцѣ воспроизводятся два мѣста изъ этого толкованія: указанное уже нами толкованіе Ис. 11 1: Исаия рече: тако глеть гдь: изидеть жьзлъ ис корене иосѣова и цвѣтъ ѿ корене изидетъ. Толкованіе: жьзлъ ѥсть цртво двдво, а цвѣтъ

есть хсъ изиде из домоу двдва — а также непосредственно слѣдующее за нимъ въ Изборникѣ (Н. К. Никольскій, Климентъ Смолятичъ, стр. 191) толкованіе Ис. 11 8, заимствованное, разумѣется, изъ одного источника съ 11 1. Вотъ это чтеніе Изборника XIII в.: Отроча мало въ изводу аспидомъ и ѿдоинон птенцемъ аспидовымъ роуксу въложить. и не створать зла. то(лкованіе): Се створи павьлъ, съпираяся съ кникоры и съ стоикы и съ философы: въложи бо въ сьрдьца ихъ слово. акы роукоу, а ѿнѣхъ срдца бахоу гнѣзда бѣсомъ и не могоша зла створити ничтоже= Словесамъ святыхъ пророкъ по сп. XV в.: «видиши, жидовине, весь придо҃ хвъ исаия презра повѣдаеть: ѡтроча, ре҃, младо во ѡгнѣздо аспидомъ ѿдоено нна воуложе, дита аспиоу роукоу вложити и не сотворать емоу зла. Отроча мла҃ павла мѣнить, зане со всѣми спирашеся и злыми вашими лоукавыми фарисѣи книжники, и ѿдоено: оста бо са прени҃ дѣлъ. Вложи аки роукоу слово бжье в срца ихъ, а сии в гнѣздо адовиты҃ змиевъ. тѣхъ бо срца гнѣздо бѣсомъ и не врѣдиша его николиже, рекше не могоша ск҃онити с вѣры».—Отсюда можно, кажется, заключать, что первоисточникъ «Словесъ» XV в. относится ко времени не позднѣе XIII в. Такова же, слѣдовательно, по времени происхожденія и составная часть пророческихъ противо-іудейскихъ толкованій, заимствованная изъ «Словесъ святыхъ пророкъ».

Варуха 3 36—4 1—4. Нач. Се бгъ нашъ и не приложится инъ къ нему. Ѡбрѣте всякъ путь хитрости и дасть іакову ѡтроку своему, ійлю возлюбленному ѿ него. то҃ Григориево. Нач. Гдь нашъ ісъ хртосъ пребысть убо аки исперва бжтвенѣ аще се и бысть, еже не бѣ, се же есть видимый члкъ на земли явися.— Это мѣсто представляетъ паримію въ навечеріе Рождества Христова. Заимствовано изъ Толковыхъ Пророчествъ (Макар. Ч. М. № 994 Син. Б. май, л. 23β., Толк. Пр. Синод. Б. № 118, л. 570). Изначальность слѣдованія Варуха 3 36—4 1—4 сряду послѣ Ис. 11 1—10 не можетъ быть доказана: въ «Словесахъ святыхъ пророкъ» за Ис. 11 1—10 слѣдуетъ толкованіе другой рождественской пареміи — Ис. 9 6: ѡтроча родися снъ данъ бы

намъ. Ѿтроча х҃ь есть с҃нъ б҃жи, бог҃мь ѿц҃емь дань намъ, емоуже вла҃ бъіти на рамѣ его: Ида бо на распѧтье понесе на рамоу к҃ртъ, то есть власть его, тѣмъ бо побѣди ада.—Въ концѣ пареміи изъ кн. Варуха читается незначительное по силѣ мысли обличеніе жидовина: слыши убо, жидовине, слово се: кольми ясно пророкъ сказȣетъ ѡ воплощеніи г҃ни. Нѣсть бо иного, развѣ сего, иже на земли ꙗвися и въ человѣцехъ ходи. Ѿле слово се истинно и не можеся развратити никими же враги, аще и покȣшаются зѣло нечестивіи и т. д. Источника этого обличенія я не знаю.

Даніила 2 гл. 31—37, 44—45, 38—43 ст. — Нач. Паки даніилʼ рече к навходоносорȣ: ты, царю, сонія видѣ. Неизначальность этого толкованія и возможный первовидъ его указаны выше.

Исаіи 8 8—9. Съ нами б҃гъ: разȣмѣйте языцы и покаряйтеся, ꙗко съ нами б҃гъ. то҃. Феѡдоритово во всѐ стихи. Нач. Емʼмануилъ убо по жидовскȣ ꙗзыкȣ г҃лется с нами б҃гъ (Мѳ. зач. в.). Начало толкованія заимствовано изъ Толковыхъ Пророчествъ — Синод. Б. № 118, л. 105. Конецъ измѣненъ. — Пр҃рче҃. Оуслышите и до послѣднихъ земли. Слыши убо, жидовинѣ зловѣрниче, како пророкъ повѣдаетъ ясно зачатие ѿ дѣвы и р҃жтво х҃во во истину убо хвалится.— Толкованіе это будетъ умѣстнымъ здѣсь только при предположеніи иного предшествующаго толкованія на Дан. 2 гл. (ср. 798—799 стр.).— Пророч. Крѣпцы покарйтеся. то҃. Видиши ли, жидовинѣ ѡкаянне, пр҃ркъ на ратники глаголетъ ко ѡдолѣвшимъ н҃нѣ израильтяномъ и асириѡмъ. — Досюда заимствовано изъ Толковыхъ Пророчествъ съ своеобразнымъ приспособленіемъ противъ окаяннаго жидовина — Син. Б. № 118: л. 105: Ѳеодоритово: оуповаетъ пр҃ркъ на ратникы и глаголетъ ко ѡдолѣвшимъ н҃нѣ израильтомъ и сиромъ.— Далѣе толкованіе изъ другого источника: Слыши убо, како ȷезекия царь ѡболкъся вс вретище ȷ вниде в домъ г҃нь и плакася вельми. в ту же нощь изыде ан҃гл г҃нь ȷ избивъ ѿ полка асиріиска р҃пс ———.

8 12—14, 9 2, 6, 7, 7 10—15, 8 1—4. И священный текстъ и толкованіе заимствованы изъ Толковыхъ Пророчествъ (ср. Синод. Библ. № 118, л. 102) съ примѣненіемъ къ обличенію жидовина. Ср. напр. 7 15: Нач. толкованія: смотри, о жидовине зловѣрне и беззаконне, како ти сказуеть сущаго бога и поистиннѣ како ти полагаеть ѡ немъ божество и человѣчество = въ Т. Пр.: смотри, како сказаē ба сȣща по истиннѣ тогожде и человѣка, како ти повѣдаē о немь.

55 1—3. Толк. Ѳеодоритово. Нач. пророческими усты х҃с намъ глаголетъ всебогатый источникъ.—Заимствовано изъ Толк. Пр.—Синод. Б. № 118, л. 159: проповѣданіи пр҃рческиѵ намъ х҃с гл҃етъ всеѧ бл҃готы источникъ.

55 4—5. Толк. Златоустово. Нач. Обѣщавъ имъ ꙗко благая снѣсте и насладится во благихъ дȣша ваша. Заимствовано изъ Толк. Пр.—Синод. Б. № 118, л. 159β: ѡбѣщавъ имъ, ꙗко бл҃гаѧ из'ꙗсте и напитаетсѧ дш҃а ваша во бл҃гыт҃.

55 6—7. Толк. Нач. Се же г҃дь нашъ і҃с христосъ къ жидомъ рече: не ропщите сами к себѣ. Заимствовано изъ Толк. Пр.—Синод. Б. № 118, л. 159β: ꙗвѣ гл҃а сежде г҃ь нашъ і҃с хрт҃ь къ жидовѡмъ: не поропщите сами к себѣ.

55 8—10. Толк. Нач. Возбраняетъ убо не невѣровати вѣрȣющемȣ въ х҃а. Заимствовано изъ Толк. Пр.—Синод. Б. № 118, л. 160: возбранѧетъ не невѣровати вѣрȣющимъ ко х҃ȣ.

55 10—13, 56 1—2. Толк. Нач. Се притчею истинною и знаемою начинаетъ извѣстовати. Заимствовано изъ Толк. Пр.—Синод. Б. № 118, л. 160β: съ притчею истин'ною и҆ знаемою начинаетъ и҆звѣстовати.

Исаіи 12 3—6. Заимствовано изъ Толк. Пр.

Исаіи 60 7—12. Толк. Ѳеодоритово. Нач. Толкуеть же сѧ слово и сказȣеть, благовѣствȣетъ бо призваніе ꙗзыкъ. Заимствовано изъ Толк. Пр.—Синод. Б. № 118, л. 169 (безъ отмѣтки Ѳеодоритово): оустроеніе имать се слѡво, ꙗ҆коже є҆ и҆ сказа́етъ, бл҃госовѣстоуетъ бо̀ и҆ призва́ніе 'стран'ско.

60 13—15 то҃. Нач. Горѣ же есть имя Ѳиникия, древия много

имѹще. Заимствовано изъ Т. Пр.— Синод. Б. № 118, л. 169β: Горѣ ймѧ ёсть Финикіисти, дѹбрава много имѹщи.

60 15—20 толк. Златоустово. Нач. Слыши убо, ѡ іерусалимѣ.— Синод. Б. № 118, л. 170 безъ отмѣтки «Златоустово».

Исаіи 61 1 толк. Василіево. Нач. Преже убо глаголю ти ѡ званныхъ языкъ. Заимствовано изъ Толк. Пр.—Синод. Б. № 118, л. 171 (безъ отмѣтки Василіево): еже свыше гл҃а ѡ призовѡмы ѿ странъ. Далѣе общее увѣщаніе жидовина: разумѣй жидовинѣ, кто сый помазанъ бысть——— знай, жидовинѣ, кто изъяви велия и преславная якоже христосъ и того пророка не бысть, ѡ темь рече имъ, а христосъ уже пришелъ. Разумѣй, жидовинѣ, ꙗко сей есть истинный христосъ, иже отъ святыя марїя родися———.

61 2—9. Василїево. Нач. Лѣто же есть благопріятно. Заимствовано изъ Толк. Пр. (за исключеніемъ отмѣтки Василїево). Далѣе обличеніе: Разумѣй, жидовине, аще злодѣй бы былъ, то доброе бысте отъ бога прияли, а не злое———, видиши ли, жидовине, властель х҃с пріиде отъ Іессея во плоти, того бо ждахомъ и на него уповахомъ. Заимствовано изъ «Словесъ св. пророкъ» — л. 83 об.

61 10—11, 62 1 толк. Нач. Благочестиву на нѧ простре рѹку, многими подобными благодатьми вѣнчаетъ ѧ҃. Заимствовано изъ Толк. Пр.— Синод. Б. № 118, л. 172.

62 2—5 то҃. Феодоритово. Нач. Слыши убо, паки къ церкви творитъ словеса. Заимствовано изъ Толк. Пр. (безъ отмѣтки Феодоритово).—Синод. Б. № 118: Нач.: паки къ ц҃ркви творитъ.

62 5—7 то҃. Василиево. Се о іерусалимѣ глаголетъ: Нач. Стража наречетъ учителя. Толк. Пр. Син. Б. № 118, л. 173— безъ «Василиево». Въ концѣ толкованія мало умѣстная вставка о 70 апостолахъ (ср. выше, стр. 791—792).

62 10—11 то҃. Василїево. Нач. Каменїе мню жидовѣ и ꙗзыцы, аще убо кто ѿ жидовъ или ѿ языкъ вѣровавшихъ призвани ко крещенію. Источникъ не ясенъ.

62 11—12 то҃. Григориево. Нач. Проповѣдуетъ убо соѳония

пророкъ ясно. Толк. Пр. (безъ отмѣтки Григориево): проповѣдаетъ спаcноу пришествие х҃во. Далѣе увѣщаніе жидовина: Нач. видиши ли, жидовине, како, пророцы вамъ хотя, но гл҃ахꙋ постягаючи васъ — — —. Источникъ не найденъ.

63 1—8 то҇ Златоустово. Нач. Слыши убо, ѿ жидовине и невѣрне, премудрое и ясное пророческое прорицаніе и возшествіе на небо господа нашего і҆с҃а х҃а — — — Едемъ же ꙁовется ѡгненъ еллинскимъ языкомъ, восоръ же плоть или плотянъ — — — то҇ Ѳеодоритово. Слыши, жидовине зловѣрне, аки аспидъ глухїи затыкая уши свои ј не слышитъ, тако и ты, зловѣрне жидовине, не слышиши.— Толкованіе сборное: обозначеніе «Златоустово» дѣйствительности не соотвѣтствуетъ,— принадлежитъ, вѣроятно, редактору толковачій. Разъясненіе имени едема ведется на основаніи или въ соотвѣтствіе съ Толковыми Пророчествами (Синод. Библ. № 118, л. 174), толкованіе восора въ такомъ видѣ встрѣчается въ сказаніяхъ невѣдомымъ рѣчамъ и въ спискахъ Толк. Пр. XV—XVI в. встрѣчается на поляхъ ркп. Послѣднее толкованіе, обозначенное именемъ Ѳеодорита, заимствовано изъ Прѣнія Григорія Омиритскаго съ Ерваномъ (см. выше, стр. 796). Для начальнаго обращенія къ жидовину непосредственнаго источника не знаемъ.

63 11—14 то҇ (заклеено) «гл҃етъ укоряя васъ и подъемля беззаконія ваша» — —. Толк. Пр. Синод. Б. № 118, л. 174β.

Мѣста изъ книги пророка Іезекіиля.

36 16—18. И бысть слово г҃не ко мнѣ: с҃не ч҃лчь, вселися убо домъ і҆и҃левъ на земли своей, зане оскверниша ю пути своими и тмою идолскою — — — то҇. Нач. Се убо дѣла сия сама свидѣтельствують. Толк. Пр. Синод. Б. № 118, лл. 285β—286.

36 18—19. Крови ради, еже пролияша — — — то҇ Златоꙋстаго. Нач. Обыдоша мя, рече, плоды винограда, иже насадили бѣхꙋ. Заимствовано изъ Толк. Пр.— Синод. Б. № 118, 286 л.:

Крови дѧ, юже пролиаша — — — тъ̑ (безъ отмѣтки «Златоустаго»): объимаша, рече, плъ̑ сада, иже бѣша насадили.

36 20—21. І внидоша въ ꙗзыки своꙗ — — — тъ̑ Васілиево. Нач. Се же, жидовинѣ, о васъ же гл̅еть: живуще убо въ злобѣ и въ беззаконіи. Толк. Пр. Синод. Б. № 118, л. 286: и в'нидоша въ страны — — — тъ̑. Нач.: Во злобѣ живѹще.

36 22—23. Сего ради рцы дому израилеву — — — тъ̑. Нач. Не вы бо есте, рече, подобни спасу, но языкомъ лѣпо есть — — — Вы же, жидовѣ, не ясте вѣры ученію х̅ву — — —. Послѣдняя прибавка или сочинена редакторомъ или заимствована изъ того источника, откуда взяты вообще обличенія жидовина общаго характера. Начальное чтеніе и толкованіе взято изъ Т. Пр.— Синод. Б. № 118, л. 286.

3 24. Гл̅еть гд̑ь: пріиму вы отъ языкъ — — — тъ̑ Феодоритово. Нач. Се убо п̑ррkъ ясно повѣдаеть ѡ двоихъ, си̑рѣчь ѡ а̑п̑лѣхъ ȷ ѡ вѣровавшихъ языцѣхъ — — —. Подновлено чтеніе Толк. Пр.: и поимѹ вы отъ странъ — — — (опущено обозначеніе Θеодоритово). Се и до обои̑ гл̅ѣ и до възвратив'шихсѧ жидовъ и до вѣровавшиихъ ѹченню евангельскѹ.

36 25. Покроплю на вы чистѹ воду — — — тъ̑ Григоріево. Водѹ нарече Іерданъ, в немже к̑р̑тися г̑дь нашъ і̅с х̅с — — —. Вы же, жидовинѣ, яко противника и лестьца нарекѡсте. Передѣлано изъ Толк. Пр. Обличеніе взято изъ другого источника — изъ «Словесъ св. пророкъ» (ср. лл. 84 об., 85).

36 26. И дамъ вамъ с̑р̑це ново — — — тъ̑. Нач. Се убо сказуетъ премѣненіе на уншее. Передѣлано изъ Толк. Пр.

36 26. И ѿиму ѡдѣянное с̑р̑це ваше, си̑ рѣчь каменно, и дамъ вамъ с̑р̑це плотяно — — — тъ̑. Нач. Не мни убо, ѡ жидовинѣ невѣрне, роде любодѣянныи, сего глаголеши, убо преже пришествія х̅ва бысть се. Передѣлано изъ Толк. Пр.

36 27. И сотворю, да во ѿправданіихъ моихъ ходите — — тъ̑. Нач. Се есть ѡсобь с̅таго д̅ха. Передѣлано изъ Толк. Пр.— Синод. Б. № 301, л. 199.

36 28. И вселитеся на земли — — — тъ̑. Нач. Се убо гл̅еть

х҃с ученикомъ — — — Ѡ жидовинѣ, ѡ зловѣрниче и злосердие, повѣдай х҃вы чюдныя дѣтели: вся сказа чювьствомъ вамъ, жидовинѣ, пророчествоваше — — — Обличеніе изъ неизвѣстнаго источника.

Ѿселѣ начнемъ Іезекіилево видѣніе и пр҇рчество. Унд. № 12, л. 54β.

37 1. Бысть на мнѣ рука господня. т҇о Θеодоритово. Нач. Рукою г҃нею силу его сказуетъ, паки же есть духовное видѣніе. Заимствовано изъ Толк. Пр. — Синод. Б. № 301, л. 200 (обозначенія «Θеодоритово» нѣтъ).

37 2. И то бяше полно костей человѣческихъ, и ѡбведе мя окрестъ ихъ, и се мнози зѣло на лицы поля. т҇о. Нач. Сличнаго дѣломъ убо явленіе приемлетъ — — — Послушай, жидовинѣ, како даніилъ пр҇ркъ изъяви вамъ ѿпущеніе изъ вавилона, коли бысте въ плѣну въ к҃а-е лѣто работы вашея. Явися ему Богъ, яко по ѯ҃θ седмицъ х҃с пріиде месия. Се видѣніе въ вавилонѣ въ плѣненіи сущемъ. Вы же, окаянніи жидове не вѣроваете х҃ву пришествію и на крестѣ его яко противника и лестьца распясте его: боле египетския работы разгнѣвася на васъ б҃гъ и вавилонскаго плѣна тогда бо ѿда вамъ б҃гъ, а нынѣ се законъ вашъ изверже. Ваши бо отцы соблазнишася, погубивъ умъ свой злонравіемъ, забывше лѣтъ седмичныхъ, убиша с҃на божия, и въ послѣдніи д҃нъ и часъ предани будете муцѣ вѣчней: возрите нань, егоже прободоша ј восплачетеся, но плачь вашъ уже ничто же возможеть. — Намъ же християномъ вѣровавшимъ пришествію его і оученію еу҃альскому наказуетъ убо симъ телесемъ нашимъ воскресеніе — — — Заимствовано — начало и конецъ — изъ Толк. Пр. — Синод. Б. № 301, л. 200. Въ срединѣ вставлено значительное обличеніе жидовина — и вставлено довольно толково. Толковыя Пророчества — пророчество Іезекіиля 37 2 о полѣ, полномъ костей — изъясняютъ въ смыслѣ обѣщанія Божія отчаявшимся въ вавилонскомъ плѣну іудеямъ о возвращеніи ихъ въ отечество, а по отношенію къ христіанамъ въ смыслѣ обѣтованія всеобщаго воскресенія изъ мертвыхъ. Краткое сопостав-

леніе іудеевъ и христіанъ даетъ поводъ редактору подробнѣе указать на виновность іудеевъ, не повѣрившихъ Божію обѣтованію о возвращеніи ихъ изъ плѣна и соединенному съ нимъ пророчеству о Спасителѣ, и для этой цѣли онъ приводитъ указаніе на пророчество Даніила о 70 седьминахъ и на то, какъ отнеслись іудеи къ этому Даніилову пророчеству. Заимствовано это обличеніе жидовина изъ «Словесъ святыхъ пророкъ» (въ копіи нашей на лл. 75 об., 84 об.—85). Въ «Словесахъ» мѣсто это представляетъ выводъ изъ толкованія пророчества Даніила о седьминахъ, изложеннаго на основаніи 10-го видѣнія Даніила въ изъясненіи св. Ипполита римскаго. Вотъ это мѣсто въ «Словесахъ»: послоушай жидовине, ако пришель есть х҃ь. како ти даниль пр҃ркь ѿ приходѣ его чисто зьави. повѣде бо ему. аӥгль во вавилони. во. к҃. л҃ѣ. работы вашеа. ави ему б҃гъ. ако. по ҂зф седмиць. х҃ъ приде месиа——— разоумѣи жидовине. оуже хъ пришелъ е҃ть. по ҂зѳ седьмиць. ѿнелѣже данилоу изьави. аӥгль. да аще вѣроуеши жидовине. даниӏоу. вѣроуеи х҃воу пришествию. аще ли бы не прешелъ х҃ъ. проповѣдаа ны закономъ пр҃ркы. то прославилъ бы азыкъ вашь. и вы вознеслиса бысте. и пр҃рчествовали. ако б҃гопротивника. и асца[1]). пропеньше. но коли пропасте х҃а. сами в пагоубѣ бысте. болше егоупьскои работы. разгнѣваса на васъ. б҃гъ. а ны не весь вашь законь вашь. изьверже. ѡ҃ци бо ваши. соблазнишаса. погоубивше оумъ. свои злоньравиемь. забывше числи лѣть. седьмичныхъ. оубиша сн҃а б҃жиа. дошедьше зла и вась наоучиша. безаконьствоваше неправдѣ проза бо аӥгъ наше вѣроваше. а ваше невѣрованье. ци не повѣда данилоу бо его. ако намъ вѣровати в онь. а вамъ не вѣровати х҃оу. скончаються греси. запечатлѣються неправды[2]). тоуть наши грѣхи скончашеса. понеже вѣровахомъ емоу. а ваши неправды запечатлѣшаса. хранимы соуть до дне соудьнаго. зане не вѣровасте в онь. во д҃нь же соудьныи ѿкрыються. тог҃а пре-

1) Лесца.

2) Дан. 9 24.

дани боудоуть моуцѣ вѣчний. ако же захариа реч. прркь. возрать нань егоже прободоша. и восплачютьса. но пачь оуже вашь ничесоже помоть.

37 3, 4—6, 7, 8, 9, 10, 11. И священный текстъ и толкованія заимствованы изъ Толковыхъ Пророчествъ.

37 12—14. Сего ради прорцы, сне члчь — —. то. Нач. Се убо, жидовине забвенне, слыши ушима своима, не буди яко аспидъ глухіи. Се къ вамъ глетъ гь рекъ: аще убо вы глете и мните жестоко, тоже сохранихъ со ꙋсердіемъ явѣ, яко се удобѣе того сотворю.—Заимствовано изъ Т. Пр., но въ началѣ толкованія [се убо — — — аспидъ глухіи] сдѣлана вставка изъ Прѣнія Григорія Омиритскаго (ср. въ статьѣ стр. 795).

Видѣніе іезекіилево, како видѣ гда при рѣцѣ ховарѣ, бывшу ему въ плѣну соущꙋ. Се убо начнемъ повѣдати вся по ряду извѣстно.

Іезек. 1 1, 3, 3—4, 5, 5—13, 13. Текстъ пророческій и толкованіе заимствованы изъ Толковыхъ Пророчествъ. Въ стихѣ 13 послѣ словъ толкованія «Ѿ огня являетъ убо бѣдꙋ и гнѣвъ и пагубу жидомъ»—прибавлено обличеніе жидовина: Видиши ли, жидовинѣ, яко знаменія показа вамъ бгъ преже римской ратицы, да бысте видяще знаменія сего познали казнь божію, хотящꙋю на васъ быти. Вы же видяще и не видѣсте, а слышасте и не слышасте (рѣчь идетъ далѣе о казняхъ, постигшихъ Іерусалимъ при разрушеніи его Титомъ), а знаменія, иже бяхꙋ на іерꙋсалимъ, писаны обрящеши предъ ѱалтырею. Паки убо на преднее возвратимся.—Въ точности источникъ этого обличенія, покамѣстъ, намъ неизвѣстенъ.

1 15—18, 19, 21, 22—25. И пророческій текстъ и толкованія заимствованы изъ Толковыхъ Пророчествъ. Послѣ толкованія на 22—25 изъ Т. Пр., именно, послѣ словъ — «непостиженъ же есть сын бгъ и всесиленъ бгъ: все убо творитъ, елико хощетъ»— слѣдуетъ иное толкованіе — слѣдующее: Якоже соломонъ рече ѡ воплощеніи его притчею: аще и не вся мудростная вдавъ гдь вѣдати ми гаданія притча извѣстія и темнословія, но все сей

мудрости четвера не могу разумѣти. рцы, соломоне, чего не разꙋмѣеши. Стопъ орла летяща, поуть змiи по камени, стези лодiи по водѣ, поуть моужа въ юности. Соломонъ бо снитiе его повѣдаше духомъ, а дѣлъ его страшныхъ не вѣдаше: то ти перваго сего разꙋмѣти не можетъ, якоже по ѡрлѣ слѣда не знати есть и не довѣдати чл҃чю естеству, а другому пути, змiи по камени: змiи дияволъ, а камень — Христосъ, а путь — искушенiе х҃во ѿ него: не вѣдаше бо дияволъ, яко с҃нъ божiи есть, но мня яко проста человѣка, грѣха въ немъ стрежаше, но не обрѣте по реченномꙋ: грѣха не творитъ, ни льсти бысть, рече, во ꙋстѣхъ его: дивляшебося дияволъ, помышляя, кто можетъ быти: ястъ и пиетъ и спитъ, яко человѣкъ, плоть нося, а дѣла божески дѣетъ: да якоже змiя по камени творити пути не можетъ, тако и дияволъ ѡ дѣле х҃вѣ ни грѣха, ни льсти не можетъ. А третие— стези лодiи по водѣ: вода — миръ, а лодья — человѣчество б҃жiя изволенiя: в миру бо семъ яко х҃р҃т҃о ходя насъ учити, да тоя носимыя б҃жiя плоти чл҃колюбныя истлити адъ не можетъ, но якоже стези ладiиной не видѣти есть на водѣ, тако б҃жiя снития во адъ. Насъ помилова, а васъ лишися, насъ призва и усвои, вы вся благая видѣсте, а не вѣровасте, а мы не видѣхомъ, вѣровахомъ въ него, тѣмъ вся добрая прияхомъ, а вы злая. Да что хощеши ми рещи противу сему, ѿ жидовинѣ.—Заимствовано изъ «Словесъ святыхъ пророкъ», гдѣ толкованiе это — на Притчи Соломона 30 19 — стоитъ вслѣдъ за изъясненiемъ нѣкоторыхъ мѣстъ изъ книги Пѣсни Пѣсней на лл. 67—69 об. Неудачно приставленное заключенiе этой обличительной рѣчи — «Насъ помилова» и далѣе — взято съ л. 70 об. Въ «Словесахъ» рѣчь эта приведена умѣстнѣе и выразительнѣе.

Видѣнiе Iезекiилево же: 1 26, 27—28, 2 1, 1, 2, 3, 4, 4—5, 6. И священный текстъ и толкованiя приведены по Толковымъ Пророчествамъ. Толкованiе 6 ст. начинается обличительною прибавкою общаго характера: Слыши убо, ѿ жидовинѣ зловѣрне, гл҃етъ пр҃ркъ—и далѣе измѣненное чтенiе изъ Т. Пр.: г҃дь не велитъ убо боятися васъ, но ѡбличати васъ и учити — —.

27, 8. И священный текстъ и толкованія заимствованы изъ Толковыхъ Пророчествъ. Въ началѣ толкованія на 8 ст. ничтожная прибавка: гдѣ убо глаше пррку, рече — и далѣе по Т. Пр.: не глаголи убо спротиву повелѣннымъ тебѣ мною, ни вслѣдуй глаголющимъ противу — —.

29. И видѣхъ: се рука простерта ко мнѣ и в нѣй свитокъ книгъ... Священный текстъ заимствованъ изъ Толковыхъ Пророчествъ. Этимъ чтеніемъ и заканчивается рукопись Ундольскаго № 12.

Изъ разсмотрѣнія всего состава противоіудейскихъ толкованій мы приходимъ къ тому выводу, что отношеніе толкованій, заимствованныхъ изъ Толковыхъ Пророчествъ, къ толкованіямъ изъ иныхъ источниковъ можетъ быть выражено, какъ 5 : 4 [1]). Такъ какъ большая часть толкованій, заимствованныхъ не изъ Толковыхъ Пророчествъ, какъ оказывается, принадлежитъ къ кругу довольно обработанныхъ противоіудейскихъ изъясненій пророческихъ мессіанскихъ мѣстъ, и существованіе этихъ обработанныхъ источниковъ нашихъ толкованій засвидѣтельствовано памятниками XV и XIII вв., то догадка наша о связи противоіудейскихъ толкованій въ ркп. Ундольскаго № 12 съ Палеей, какъ намъ кажется, не совсѣмъ безосновательна. Для болѣе точнаго уясненія этихъ отношеній къ Палеѣ послужитъ крайне необходимое уясненіе намѣчающихся болѣе древнихъ противоіудейскихъ толкованій, каковы «Словеса святыхъ пророкъ» XV в. [2]) и вообще всего круга нашей старинной противоіудейской письменности.

По составу священнаго текста ркп. Унд. № 12 представ-

---

1) Толкованія, составляющія переработку Толковыхъ Пророчествъ примѣнительно къ обличенію жидовина, отнесены къ группѣ иного, не толковаго происхожденія. Въ частности отношеніе толкованій изъ Толковыхъ Пророчествъ къ толкованіямъ иного происхожденія выражается какъ 100 : 58, къ толкованіямъ только переработаннымъ, хотя заимствованнымъ изъ Толковыхъ Пророчествъ,—какъ 100 : 22.

2) Сожалѣемъ, что съ «Словесами св. Пророкъ» мы имѣли возможность ознакомиться только тогда, когда статья наша была уже въ наборѣ.

ляетъ рядъ паримій изъ пророческихъ — и частію изъ иныхъ — книгъ, содержащій въ себѣ самое выразительное и убѣдительное для жидовина доказательство божественности Іисуса Христа, Его рожденія, явленія въ міръ, совершеннаго имъ дѣла искупленія и дарованія благодати церкви Христовой, благоустроенія и славы этой церкви, отверженія народа избраннаго, воскресенія Христова и дарованной вслѣдствіе этого воскресенія всѣмъ вѣрующимъ надежды на полученіе вѣчной жизни. Взяты паримія, положенныя на вечернѣ въ праздникъ Рождества Христова, на Срѣтеніе Господне, на первую недѣлю великаго поста, на Богоявленіе, на страстную седмицу. Изъясняются паримія и въ «Словесахъ святыхъ пророкъ» и въ другихъ аналогичныхъ по духу противоіудейскихъ памятникахъ. Уяснить эту черту толкованій — будетъ лежать на обязанности будущаго изслѣдователя болѣе полнаго объема противоіудейской письменности.

И. Евсѣевъ.

Московская историческая энциклопедія XVI вѣка.

Въ описаніи лицевого сборника Московскаго Историческаго Музея В. Н. Щепкинъ замѣчаетъ: «Разсмотрѣніе текста этой рукописи заставляетъ видѣть въ ней первый томъ колоссальной исторической энциклопедіи, задуманной и исполнявшейся въ расширенномъ объемѣ по программѣ русскаго хронографа. Сборникъ Ист. Музея есть не единственная рукопись XVI в., приводящая къ предположенію, что такая энциклопедія существовала...» [1]). Перечень—не совсѣмъ полный,—и палеографическое описаніе извѣстныхъ въ настоящее время остатковъ огромнаго лицевого историческаго свода, который, по мнѣнію В. Н. Щепкина, «наряду съ Минеями Четьими Макарія, долженъ былъ бы составить гордость нашей книжности XVI вѣка», — находимъ въ первомъ томѣ труда Н. П. Лихачева: «Палеографическое значеніе бумажныхъ водяныхъ знаковъ»—(въ гл. IV-й и въ «Описаніи бумажныхъ водяныхъ знаковъ», стр. 300—318).

Изученіе этого памятника московской письменности представляетъ, несомнѣнно, большой историко-литературный интересъ. Онъ возникъ въ эпоху, когда Московская Русь, упоенная высокимъ положеніемъ, какого достигла — по крайней мѣрѣ въ сознаніи своихъ государственныхъ людей и своихъ книжниковъ — подъ властью Грознаго царя, подводила итоги своимъ историческимъ воспоминаніямъ, ища въ нихъ оправданія притя-

---

1) Извѣстія Отд. Р. яз. и Сл. 1899, т. IV, кн. 4.

заніямъ, шедшимъ такъ далеко... Историческая обстановка, въ которой зародился и вырабатывался нашъ памятникъ, очерчена кратко, но выразительно на стр. CLXXVII—CLXXVIII—упомянутаго труда Н. П. Лихачева. Слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить, что замыселъ подобнаго свода не представлялъ совершенной новинки въ древне-русской письменности. По характеру и составу онъ непосредственно примыкаетъ къ такъ называемому Еллинскому лѣтописцу, литературная исторія котораго, согласно новѣйшей гипотезѣ А. А. Шахматова [2]), начинается — на Руси — не позднѣе XI вѣка, а въ предполагаемой пра-родинѣ его, Болгаріи, восходитъ къ X вѣку. Осложненный и расширенный такъ, чтобы составить обзоръ важнѣйшихъ, съ точки зрѣнія московскихъ книжниковъ XVI в., явленій всеобщей исторіи—онъ долженъ былъ быть слитъ съ общерусской лѣтописью, изображавшей ростъ и значеніе Москвы — послѣдняго Рима. «Лѣтописи человѣчества отъ сотворенія міра, черезъ книгу Бытія и хронографы, черезъ возможно полный сводъ старыхъ русскихъ лѣтописей, должны были быть закончены подробнымъ изложеніемъ событій счастливаго царствованія великаго государя царя и великаго князя Ивана Васильевича» (Лихачевъ).

Внѣшность изданія должна была соотвѣтствовать широтѣ замысла; текстъ свода писанъ на лучшей бумагѣ, какую въ то время можно было достать, и иллюстрированъ множествомъ миніатюръ. Части свода, дошедшія до насъ, содержатъ 9700 съ лишнимъ листовъ и болѣе 16.000 иллюстрацій.

Въ виду исключительной цѣнности этого памятника московской письменности и московскаго искусства представляется не лишнимъ дать описаніе матеріала, какимъ мы располагаемъ для его изученія; матеріалъ этотъ состоитъ изъ 10 фоліантовъ, разсѣянныхъ по разнымъ книгохранилищамъ. Эти фоліанты содержатъ disjecta membra лицевого свода XVI вѣка. Кромѣ того мы имѣемъ 5 томовъ копіи, сдѣланной въ XVII в. съ нѣкоторой

---

2) «Древнеболгарская энциклопедія X вѣка». Византійскій Временникъ, 1900, т. VII, № 1.

его части, и 1 томъ XVIII в., содержащій копію съ отрывка того же свода.

Два слова о датировкѣ нашихъ лицевыхъ рукописей. Семь лѣтъ тому назадъ въ брошюрѣ «Царственная книга, ея составъ и происхожденіе» я исходилъ въ изученіи лицевого свода изъ того предположенія, что эти рукописи относятся къ XVII в. и даже ко второй его половинѣ, опираясь на авторитетное мнѣніе проф. Соболевскаго. А. И. Соболевскій не отрицаетъ того, что, изучая лицевой сводъ, мы имѣемъ дѣло съ письменностью и искусствомъ XVI в., но полагаетъ, что до насъ дошелъ не подлинникъ, а позднѣйшая копія. По крайней мѣрѣ, относительно «Царственной книги» онъ выражается такъ: «этотъ списокъ, по нашему мнѣнію, сдѣланъ уже въ половинѣ XVII вѣка, но его оригиналъ — и текстъ, и рисунки — былъ составленъ современниками событій», и прибавляетъ при этомъ, что Буслаевъ, въ одномъ частномъ случаѣ, «представилъ прекрасное доказательство современности рисунковъ событіямъ» [1]). Мнѣніе проф. Соболевскаго не стоитъ одиноко, какъ можно видѣть изъ собранныхъ Н. П. Лихачевымъ данныхъ по исторіи вопроса.

Но дальнѣйшее изученіе матеріала заставляетъ меня примкнуть къ тому мнѣнію, что наши лицевыя рукописи должны быть отнесены къ XVI в. Не рѣшаюсь ничего высказывать по поводу того полуустава, которымъ писаны эти рукописи, и по поводу котораго Н. П. Лихачевъ указываетъ, что ему неизвѣстно, «можно-ли привести такія особенности полуустава конца XVI вѣка, которыя могли-бы *безошибочно* отличать его отъ полуустава второй половины XVII вѣка»; но позволю себѣ указать на скоропись приписокъ на рукописи «Царственной книги» и «Никонов. съ рис.», т. е. Синодальной № 962. Эта скоропись современна полууставу, который ее переписываетъ на бѣло; а, вмѣстѣ съ тѣмъ, она характерна и родственные ей почерки можно встрѣтить въ рукописяхъ XVI в., а не XVII-го. Къ об-

1) «Археол. Изв. и Замѣтки» 1897 г. № 3, стр. 66.

стоятельной и доказательной археологической аргументаціи В. Н. Щепкина и палеографической Н. П. Лихачева можно прибавить, въ пользу того-же мнѣнія, нѣкоторыя косвенныя соображенія изъ исторіи нашихъ рукописей. Но къ этому удобнѣе будетъ вернуться послѣ ихъ обзора, а пока довольно и того, что въ главномъ пунктѣ нѣтъ разногласія: въ подлинникѣ или копіи, но мы имѣемъ дѣло съ памятникомъ XVI вѣка.

I.

Первый томъ лицевого свода дважды описанъ В. Н. Щепкинымъ — кратко въ статьѣ: «Два лицевыхъ сборника Историческаго Музея» (Арх. Изв. и Зам., годъ V, № 4, стр. 102 слѣд.) и обстоятельнѣе въ ст.: «Лицевой сборникъ Имп. Русск. Ист. Музея» («Извѣстія» т. IV, кн. 4). Этотъ «сборникъ» — рукопись въ 1031 листъ съ 1677 раскрашенными рисунками — содержитъ часть Библіи и исторію о Троянской войнѣ. Библейская часть сборника состоитъ изъ: 1) Книги Бытія, текстъ которой дополненъ вставками изъ разныхъ источниковъ (статья о Серухѣ и началѣ идолопоклонства изъ Манассіи; «Откровеніе Авраамово»; статья, вводящая книгу Іова и сокращенный пересказъ этой книги; «О убіеніи Исавли» — изъ Амартола; «Завѣты патріарховъ»); 2) кн. Исходъ; 3) кн. Левитъ; 4) Книги Чиселъ; 5) Второзаконія; 6) книги Іисуса Навина и 7) книги Судей.— За книгой Судей слѣдуетъ переводъ Троянской Исторіи Гвидо-де-Колумны, въ текстъ котораго вставлена и «Повѣсть о созданіи и потопленіи Тройскомъ», т. е. извѣстная по спискамъ хронографа болгарская «Притча Троянская».

Небольшіе дефекты въ книгѣ Бытія отчасти пополняются лл. 242—255 рукописи (лицевой) Житія св. Николая Чудотворца Рум. Музея (Больш. № 15) [4].

---

4) Кн. Бытія съ конца VII гл. (20—21) до середины XI-й гл. Текстъ Ел. лѣт. (Кир.—Бѣл. сп. № 1/6 лл. 21—26) со вставками изъ Хр. I-й ред. Порядокъ этихъ лл.: 245—255; 242, 244, 243.

Къ описанному В. Н. Щепкинымъ первому тому лицевого свода непосредственно примыкаетъ Лицевой сборникъ Импер. Акад. Наукъ. Это огромный фоліантъ въ 1475 л. (на рукописи, по ошибкѣ нумераціи получилось 1476). Порядокъ листовъ, какъ и въ другихъ томахъ свода, перепутанъ. Текстъ надо читать въ такомъ порядкѣ: л.л. 1 — 9; 17; 20; 18; 21 — 32; 73—90; 47—72; 39—45; 33—38; 46; 292—304; 279—291; 267—278; 251—266; 233—250; 219—232; 187—218; 91—186; 305—855; 873—906; 856—872; 907—1476.

Палеографическое описаніе этой рукописи—было бы повтореніемъ того, что В. Н. Щепкинъ говоритъ о музейскомъ сборникѣ. Тотъ же почеркъ, тѣже рисунки, причемъ найдутся — не въ примѣръ другимъ частямъ свода — образцы лучшихъ видовъ миніатюры. Бумага — въ общемъ таже, что и въ другихъ частяхъ свода; преобладаютъ водяные знаки изъ числа тѣхъ, какіе воспроизведены у Н. П. Лихачева на CLXX стр. I-го тома: монограммы изъ буквъ: A—F; J—D; J—R; B—V; J—L; P—R; B—B; P—J; A—P—R. Но встрѣчается также монограмма (безъ украшеній) изъ крупнаго C, со вписаннымъ внутрь его J (I); а также нѣсколько варьянтовъ знака: «свинья», какъ въ атласѣ Лихачева №№ 1698—1703. Кромѣ того на листкѣ, который подклеенъ послѣ л. 855, чтобы дописать послѣднія строки законченной тетради, виденъ знакъ — гоздава (см. у Лихачева № 2750 и 2751).

Перейдемъ къ содержанію сборника.

Начинается онъ съ «книгы глаголемыи Роуѳь» и на л.л. 1—8 помѣщенъ полный текстъ этой книги.

На л. 9 — «книги деватыа гл҃емыа греческиⷨ ꙗзыкоⷨ тетрогасилїωсъ».

Текстъ первой книги Царствъ на лл. 9—17; 20; 18; 21—32; 73—90; 47—72; 39—45; 33—35. Послѣдняя глава закончена на 1-й стр. 35-го листа.

На второй стр. 35-го л. нач. вторая книга Царствъ —

л.л. 35 об.—38; 46; 292—304; 279—291; 267—278; 251—266; 233—250; 219—225.

На л. 225 об.—нач. 3-я кн. Царствъ—лл. 225 об.—232; 187—218; 91—145.

На л. 145—нач. 4-я кн. Царствъ—л.л. 145—186; 305—338, кончая словами: «и не послꙋшаша и не сотвориша» (гл. XVIII, ст. 12).

На л.л. 338—356—«Книгы глемыѧ товіѧ».

Съ л. 356 продолжается IV кн. Царствъ — съ 13-го ст. гл. XVIII («и въ д҃і е на деса҃ лѣто цр҃ѧ ієзекіѧ».) — до первой стр. л. 367 (гл. XXI, ст. 16).

На л.л. 367 об.—369—выписки изъ Амартола (Муральтъ—стр. 167), при чемъ, преимущественно, взяты его цитаты изъ γραφῆ, а собственныя разсужденія составителя хроники — опущены; цитаты Амартола восходятъ къ Паралипоменону II, гл. XXXIII.

На л.л. 370—388—текстъ IV-й кн. Царствъ — съ 18 ст. XXI гл.—до конца.

На л.л. 388 об.—416—книга Есөирь — 9 главъ и начало 10-й, съ извѣстнымъ въ русскихъ спискахъ окончаніемъ: «И возложи цр҃ь ахасъверосъ дани на зе҃лю и на ѡ҇тровы морьскіѣ и всако дѣло тверди его и мощи его. и расповѣданіе величіѧ мардохаева. имже возвеличѧ его цр҃ь. и та соуть написана въ книга҃ памѧтны҃ и цре҃ въ мадѣйскихъ и фарисѣйскыхъ. ѣко мардахай іюдей другъ цр҃ѧ агасъвероса. и великъ въ іюдеи҃ и волникъ мно҃ства братіѧ своеѧ взыска доброты люде҃ свои҃ и проповѣдаѧ миръ всѣмъ чадомъ свои҃. аминь. аминь».

Съ л. 416 об. нач. книга пророка Даніила.—«Видѣніе даниила прр҃ока. видѣніе пер҃вое. ѡ сꙋсанѣ».—лл. 416 об.—424= XIII гл.

л. 424—«и пото҃ книгы данила прр҃ка. Провидѣніе же временъ послѣднихъ. Видѣніе а҃ е. Како прр҃чествова. въ плѣнѣ въ вавилонѣ. Како цр҃ю сонъ сказа. Данилъ сей бѣ ѿ колѣна іюдина»... и т. д. — выдержка изъ сказанія о жизни пророка Да-

нiила по Дорофею. (См. у Горскаго и Невоструева въ Опис. рук. Синод. биб. I, стр. 112).

л. 425. «Видѣніе в'торое данилово ω плѣненіи іωакима црѧ и снωвъ іюды іерлимѹ граду». л.л. 425—428 (нач.)=гл. I.

л. 428. «Видѣніе данилово г е како црю сонъ сказа». л.л. 428—434 = гл. II.

л. 435. «Ѡ образѣ и ω трех отроцѣх видѣніе данилово д е.» л.л. 435—450=гл. III, причемъ сохранены толкованія Ипполита [5]) — изъ кн. II § XVII sqq.; но толк. § XXXVIII къ ст. 97-му—отброшены.

л. 450 об. «Видѣніе данилово е о снѣ доуба егда изгнанъ бы навхоносоръ црь».

л. 450 об.—453 (перв. стр.) — Начало IV-й гл. съ толкованіями Ипполита изъ кн. III, § 1 sq.

л. 453 об. «Цртво вавилоньское а навходносорово» — выдержка изъ Амартола (Мур. стр. 191,19 — 192,23), причемъ приведенъ и 30-й ст. IV-й гл. Даніила, какъ цитата Амартола, на л. 455.

л. 455 об.—458. «Сїи Даніилъ молашеса бгоу ω навходносорѣ. и молащѹса и валтасароу снѹ єго. и єгда быс навходносоръ звѣрь и скот да не погыбнет. бѣ бω пре̑нлѧ страна— л. 456 — єго ѩко волови. и съ главою и задъ же и нозѣ ѩко л'вови. ѩви же сѧ препбнодну ω тайнѣ си. ѩко скотъ боудетъ за скотское его плотосластіе. и жестовыи єго ѩко волъ подъ игомъ непріѧзненом боудет. левъ же за стрестство и замѹчительство и звѣрьство. — — — — — — — — и конецъ на стр. первой л. 458: прпбный же бжіи данилъ рече: млть мнѣ боуди не ωставити наслѣдіѧ ωца моего. и прилѣпитиса наслѣдіи необрѣзаных».— Это выдержка изъ сказанія о житіи пророка Даніила (Дорофея; ср. л.л. 515—516 ниже).

На л. 458—слѣдуетъ за приведенными словами—выдержка

5) См. «Творенія св. Ипполита, епископа римскаго» въ русскомъ переводѣ, изд. Казанской Дух. Акад. Вып. I. Каз. 1898 г.

изъ Амартола о Навуходоносорѣ 192,24—; тутъ и 31-й ст. IV-й гл. Дан. въ той же ред., какъ у Амартола.

л. 458 об. «Цр҃тзо. в҃. оулемар'дахово сн҃а навхо҃носорова. иже цр҃твова въ вавилонѣ» — изъ Амар. 192,10 sq. съ сокращеніемъ, но и доб.: «сѣде ѡхоніа в вавилонѣ в темницы ке҃ лѣтъ.» (на л. 459).

л. 459. «Цр҃тво г҃-е бал'тасарово сн҃а навхо҃носорова. иже цр҃твова въ вавилонѣ»—Амар. 192,10 sq.

л. 459 об. «Видѣніе данилово ѕ҃ е о писаніи перстъ». л.л. 459 об.—462=гл. V ст. 1—29.

л. 462 об.—Заглавіе пропущено; на полѣ киноварь: «цр҃тво»; нач.: Валтасаръ же пиры творꙗше..... л.л. 462 об.—463—изъ Малалы, стр. 151 (Бонн. изд.).

л. 464—466. «Видѣніе данилово з҃ е о д҃ зверех»= гл. VII.

л. 467—468 (нач.) — «Видѣніе данилово и҃ е ѡ соудѣ». Нач.: «Рече бѡ тако востанетъ дроугый цр҃ь бестоуденъ»...— Дан. гл. XI, ст. 36—38, 39, 41—43, 45 (Ср. ту же редакцію съ тѣми же пропусками у Срезневскаго въ XV прис. нагр. гр. Уварова, ст. 221) — сюда-же—не на мѣстѣ—приписанъ стихъ 27-й гл. IX-й, вмѣсто конца 45-го ст. гл. XI.

л. 468. «Видѣніе данилово ѳ҃-е ѡ овнѣ и ѡ козѣ»—л. 471= гл. VIII, ст. 1—37.

л. 472—475. Цр҃тво д. дарьево мидꙗнина иже црьствова в' вавилонѣ»—изъ Малалы 152—153.

л. 475 об. «Видѣніе данилово і҃. о рвѣ и ѡ в'мѣтаніи» — гл. V, ст. 30—31 и гл. VI. Послѣдняя кончается на л. 482 и на немъ же начало гл. IX, весь текстъ которой на л.л. 482—484. Отличія отъ каноническаго текста объясняются толкованіями Ипполита кн. III, §§ XVIII и XIX, кромѣ указанія на возрастъ Дарія.

л.л. 485—491. «Цр҃тво ϊ҃ кира цр҃ꙗ прьскаго. иже прьствова въ Вавилонѣ». Нач.: По прьствїи же астоугага цр҃ꙗ прь-

ска бы҃ црь прьсѡ҃ кvръ прьсанинъ»... Разсказъ о Кирѣ, включая статью: «Ѡ ѿпꙋщеніи жидовъ изъ вавилона» — составленъ, кромѣ начала, изъ текста Малалы (153,14—158,5) и Амартола (198,16 sq).

На л. 492. «Видѣніе данилово а҃і о цре҃ оужьскы҃ и сѣверьски҃. о бранї и о видѣніи аггла о соудѣ и ѡ антихѣ. Л.л. 492—505=гл. X и XI. На л. 492 об. слово: «ѡгнены» (ст. 6, X-й гл.) писано киноварью. На л. 495 передъ 3-мъ ст., гл. XI—заглавіе (кин.): «Ѡ ан'тихѣ». Л. 505 конч. 45 ст. XI гл.—«на горѣ свѧтѣй сѣвера»—вм. «Савеи».

Л.л. 505—508. «Ѡ михаилѣ црѣ».—гл. XII.

Л. 508. «Видѣніе данилово. в҃і. Ѡ искоушеніи вvла. и ѡ обличеніи жрецъ». Л.л. 508—515 = гл. XIV; на л. 512 заг.: «Ѡ оубіеніи зміѧ».

Л. 515 об. «Данилъ пррк҃ъ. се преложеніе ѿ жидовъска. ѳеѡдоритово есть». Нач.: «Данилъ сей оубо бѣ ѿ колѣна іюдова — — — — — —. но и красенъ блгтію вышнаго». Тоже сказаніе о житіи Даніила, что на л. 424, по другому списку, съ мелкими варіантами, и тутъ же:

На л. 516 — тоже, что на л. 455 об. — «сій молисѧ ѡ навхоносорѣ — — — и звѣрьство», а дальше иначе: «ѡбразы бо сіѧ имуть сильніи въ юности. на старость же звѣріе бываютъ хитающе. потребѧще. моучаще. поражающе. нечествꙋюще. и возмездіѧ ѿ праведнаго соуи пріемлюще»,— затѣмъ опять, какъ л. 456—«разꙋмѣвже — — — — необрѣзанницѣхъ».

Л. 516 об. Заг. «Ѡ оумртвіи данила пррка» (кин. въ строку за предыдущимъ) — тоже сказаніе, какое указано у Горскаго и Невоструева (I, 112): «и дрꙋгымъ цремъ перьски҃ мнѡга знаменіѧ сотвори — — — — гь бо (приб. сверху) славитъ стыѧ своѧ славѧща҃ его». (л. 517).

Съ л. 518 по 585 идетъ хронографическій текстъ, восходящій къ славянскимъ компиляціямъ изъ Амартола и Малалы. Отмѣчу нѣкоторыя черты этой редакціи хронографа.

Л.л. 518—520—содержатъ выдержки изъ Малалы и Амартола въ-перемѣшку (Мал. 158₆—₁₅; Ам. 198₂₁; Мал. 159₇—₉). Исторія Юдиѳи передана близко къ разсказу Мал. 159₉—160₉—но въ болѣе пространной редакціи — на л.л. 521—524. Дальше — л.л. 525—540 — тоже соединеніе Мал. и Амарт. (Мал. 158—161 и отд. выдержки изъ 169—170; Амар. 200—205). На л. 541 — заг. «Начало црьства римьского» — не на мѣстѣ, ибо слѣдуетъ текстъ о философахъ Еллинскихъ (Мал. 161). Малалою объясняется и текстъ л.л. 542—559 (161—169). Переводъ вообще маловразумительный и часто непонятный безъ греческаго подлинника. На этихъ листахъ привлекаетъ вниманіе передача нѣкоторыхъ собственныхъ именъ:

Δαρεῖος ὁ Νόθος—Таймичичь (л. 538); на л. 552: «во атолтьстѣй странѣ, рекше въ Рімѣ»=ἐν Αἰτωλίας....., а дальше Αἰτωλία переводится—Италія. Древнее названіе Беневента — Агрѹрпипенъ—съ сохраненіемъ формы вин. пад.—Ἀργυρίππην; Βενέβεντος—Вѣневортивосъ, съ поправкой: Вѣнецѣа.

Л. 559 об. «Ѡ роженіи. Рома. и Рима». Разсказъ о древней исторіи Рима — л.л. 559—585—, въ общемъ, соотвѣтствуетъ тексту Малалы (178—188) но нѣсколько пространнѣе и многословнѣе, съ повтореніями, обличающими другой источникъ (не Амар.). Напр.: л. 559 об. «Потѡ же црствоваста въ Италіи. в. западны[х] страна[х] два брата. Ро[м] и Римъ. егда црьствова Езекеа въ іерлмѣ и бысть въ ві лѣто цртва его. быста два брата в западны[х] страна[х] Ромъ и Римъ. Ромъ же старѣе Рима» — и на л. 563: «Ѡ созданіи града Рима» — «Цртвоваста же два брата Ромъ и Римъ. Ромъ же старѣи братъ Римовъ градъ сотвори»...

Л. 586—чистый.

Л. 587: «Житье и жизнь и дѣяніе и вса бран'на Алеѯнра цра макидоньскаго». На л.л. 587—807 — текстъ Александріи той 2-й редакціи, что у Истрина (Алекс. рус. хрон.) — въ приложеніи стр. 131—242.

Л. 808. «Начало цртва црга града». Тотъ же отрывокъ изъ

слова Меѳодія Патарскаго о Царствіи языкъ послѣднихъ временъ, что во 2-й редакціи Еллинскаго лѣтописца (Поповъ. Обз. хр. I, 82)—на л.л. 808—814. Затѣмъ слова: «мы же паки на предлежащее възвратимсѧ»—составляютъ переходъ къ разсказу о Египетскомъ царствѣ по Малалѣ и Амартолу.

На л.л. 815—855—текстъ, главный источникъ котораго Малала (196—217), со вставками изъ Амартола о Евреяхъ въ Египтѣ, о второмъ взятіи Іерусалима (Ам. 208—211; л.л. 829—833), объ Іудѣ Маккавеѣ (Ам. 211—212; л.л. 234 об. 236; Ам. 225: л. 837-об).—Послѣ л. 855 подклеенъ листокъ, на которомъ дописанъ текстъ, не умѣстившійся на предыдущей страницѣ.

За 855 л. долженъ слѣдовать 873: загл.: «Црство второе Августово сына Июлья».—«в лѣ ,е у ѯе Из'браша»—лл. 873—884 об.=Мал. 218—226. На л.л. 884—887 характеристика Августа пополнена разсказами, взятыми изъ Манассіи (ср. Поповъ, I, 127): «лют' бо бѣ зѣло и гнѣвливъ вскорѣ изрицаѧ ѡсоужденіе. потомже в раскаяніе прихожаше и кротость. сѣдаше оубо нѣкогда правленіе творѧ. и смерть изрече не ѿ ложно. но вскорѣ на мнѡги члки. Моужъ же нѣкто премоудръ именем миникіе (Μαικήνας) не могіи приближитисѧ и наказати кесарѧ народа ради на хартіи написавъ сице. оубице престани сѫдѧ. — —» и т. д.; затѣмъ идетъ другой разсказъ объ Аѳинодорѣ, который исцѣлилъ кесаря отъ грѣха любострастія и умеръ со словами: «блго есть мнѣ, яко жива кесарѧ ѡставивъ оумираю». Этимъ кончается л. 887.

Л. 888. «Слово стго ѡца Епифаніѧ о житьи сты бца мтри га нашего іс ха» 6). Слово Епифанія—въ той же редакціи, т. е. съ тѣми же сокращеніями и тѣми же прибавками, какъ въ Толстовскомъ спискѣ Еллин. Лѣт. 2-й ред. л. 890. «О рождествѣ стыѧ бца—л. 894 об. «Ѡ блговѣщеніи»—л. 897 «О рждтвѣ га нашего іс ха.—л. 878. «О волсвѣхъ»—Всѣ эти статьи—въ

6) Греч. текстъ—у Mingarelli. Anecdota litteraria. III, стр. 42 слѣд.

русской редакціи восходятъ къ тексту Епифанія, но со значительными отмѣнами, которыя отчасти объясняются заимствованіями изъ Амартола (215 sq.) и Малалы (229—231), отчасти— изъ другихъ источниковъ.

Л. 906 конч. словами: «абіе бо пріѧтъ сего ѿ бга послана пагоу —»; продолженіе текста «— бнаѧ рана — —» на л. 856.

Л.л. 856—862 — выдержки изъ Малалы — (227—235) и Амартола (215, 229). Разсказъ о Тиверіи на л.л. 259 об.—260: «Сей тивиріи кесарь исперва оубѡ крѡтокъ — — — хощꙋ рꙋно ѡстригати овцамъ не до самыѧ плѡти сирѣчь съ щадѣніемъ имати ѿ сущихъ по роукою»—изъ Манассіи (Поповъ, I, 129).

л. 862 об. «Ѡ крщеніи гa нашего ісa хa и о іѡaнѣ пртчи». Текстъ приведенъ у Попова, Обз. хрон., I, 129 (изъ хрон. № 1440); согласно тому же хронографу и отрывокъ изъ Іосифа Флавія объ Іоаннѣ Крестителѣ (Поповъ. 130—131) на л. 863.

Л. 864: Кинов.: «Раздрѣшаетъ сонъ гдяь пртча іѡанъ ірѡдꙋ өилиппꙋ—», какъ въ Кир.-Бѣлоз. спискѣ книги Іосифа Флавія (а не хрон. 1440) (Поп. I, стр. 132). Выписки изъ житія Предтечи конч. на л. 872 (Поп. 133). За л. 872 долженъ слѣдовать 907.

На л.л. 907—909 — выдержки изъ Малалы (237—239).

Л. 909 — безъ связи съ предыдущимъ — даетъ разсказъ о бракѣ въ Канѣ («На оутріѧ же изыде іс въ галилею» — согласно Епифанію: Л.л. 909—912 = Епиф. (67—73); противъ греч. текста слова Епифанія добавлено о вступившемъ въ бракъ кананитѣ: «живши с женою лѣта два и оумре жена. се есть Симонъ кананитъ единъ отъ ві».

На л.л. 913—921 — разсказъ о новозавѣтныхъ событіяхъ (914—«Ѡ распѧтіи гa нашего іс хa»; 915—«Ѡ катапетазмѣ»; 916 об.—«Ѡ воскрніи гни»; л.л. 918 sq.—о сошествіи св. Духа, о судьбѣ Пилата, Анны и Каіафы и объ апостолахъ) составленъ изъ апокрифическихъ сказаній (близко, но не тожественно съ указ. у Попова I, 137—138), слова Епифанія (о воскресеніи и

вознесенія), Малалы (241—243), Амартола (235—236) и Флавія (о катапетазмѣ, изъ «De bello Jud.»—кн. V, гл. 5, § 4; съ доб. какъ у Попова, I, 138).

Л. 921 об. «Цр̃тво д̃ гаіево сн̃а тиверіева и҆ цр̃твова в римѣ»—923 = Мал. (242) въ соединеніи съ Амарт. (238—239).

На л.л. 923 об.—925—отрывокъ изъ Епифанія («имѣяше же ст̃аа бц̃а іакова брата гн̃а о всемъ пръваго——»). стр. 77—80.

Л.л. 925 in fine—934—опять соед. выписокъ изъ Амар. (239 сл.) и Мал. (243—251).

Л. 935 об. «О преставленіи ст̃ыа бц̃а». л.л. 935—938—изъ Епифанія съ доб. изъ апокрифа о Ѳомѣ: «По малѣ всѣмъ соущимъ тоу г̃ дни и пріиде фома ап̃лъ. несыи поıасъ ст̃ѣи бц̃и —————— и взаса ст̃ое и нескверное и всенепорочное тѣло ѿ очию ихъ».

Л. 938 об. «Сказаніе о възвиженіи хлѣба ст̃ѣй бц̃и».—Это, какъ и разсказъ объ ап. Ѳомѣ вставка въ житіе Епифанія. Текстъ тотъ же, что въ Толстовскомъ сп. Ел. лѣт. 2-й ред.—онъ кончается на л. 939—и слитъ съ дальнѣйшими выписками изъ Епифанія.

На л. 940—новая вставка изъ Амар.—о евангеліи Іоанна—и послѣднія строки Епифанія.

Л. 940 об.—964—выписки изъ Малалы (251—257) и Ам. (269—285), но съ доп. нѣсколькихъ мелочей и датъ, которыхъ въ нашихъ греческихъ текстахъ М. и Ам. нѣтъ.

Л. 965. Книга Іосифа Маттафиıа еврѣıанина. До л. 1474—переводъ Іосифа Флавія «De bello Judaeico». Греческій текстъ [7]) переданъ болѣе или менѣе полно, но въ сжатомъ переводѣ, съ небольшими пропусками и кое-какими вставками изъ другихъ источниковъ. Переводъ тотъ же, что описанъ Срезневскимъ, съ небольшими отличіями. Нач.: «Прележит' же повѣствованіе ѡ

7) Flavii Jozephi Judaei opera omnia. Стереотипное изд. Таухница.

иродѣхъ історіѧ извѣстное...» Этого начала въ греч. подлинникѣ нѣтъ; въ спискѣ, описанномъ Срезневскимъ иначе [8]).

Л. 1007 об. «Слово ѿ Иосифово о плѡненіи іерлм̃стѣ̃» — нач. II-й кн. Флавія (съ пропускомъ 1-й строки).

Л. 1019 об. «Ѡ іѡанне пр̃тчи» — этотъ отрывокъ изъ Флавія уже встрѣчался выше въ Сборникѣ — на л. 863, но въ другой редакціи. — Тамъ — какъ въ хронографѣ Собр. Погодина № 1440 (Поповъ. Обз. хр. I, 130—131), а тутъ, какъ въ Кирилло-Бѣлозерскомъ спискѣ (ib.).

Л. 1033 об. Кесарьствова Тиверій и Оульѧнъ с̃нъ Филиппъ сый... Первыя слова — «Кесарьствова — — снъ» — непонятны и, повидимому, не на мѣстѣ. Остальное, — см. въ Кир.-Бѣлоз. спискѣ (Поп. 132) и у Срезн. (л. 44) — въ греч. — нѣтъ.

Л. 1035 — вставка изъ житія Предтечи: «и женоу его Иродіаду поѧтъ иродъ — —». У Поп. 133 въ другой редакціи.

Л. 1038 об. «О іс̃е х̃с» — статья, которой въ греч. нѣтъ — см. Поповъ, стр. 134.

Л. 1048. «Таки Клавдій своѧ властелѧ пославъ...» тоже (ib. 139).

Л.л. 1093—1276 — III—V гл. Флавія — до § 4, V-й гл. — Переводъ дѣлится на «слова», какъ подлинникъ на главы; кромѣ того — рядъ киноварныхъ заголовковъ, которыхъ въ греч. текстѣ нѣтъ.

На л. 1276 об. Вставка въ описаніи храма: «на четыре углы създанъ верхъ и на̃ тѣми ти̃ла [л. 1277] ми четвертаѧ титла висѧтъ. тѣми грамотами показаѧ іс̃а ц̃рѧ». Затѣмъ картинка, и загл.: «Ѡ іс̃ѣ єгда єго пригвоздиша на к̃ртѣ» — и продолженіе текста: «Не ц̃ртвовав'ша распѧтаго ѿ іоудеи. зане проповѣдаша разореніе града и ѡпоустѣніе» — дальше текстъ Флавія въ сокращенной редакціи.

Л. 1279. «Ѡ катапетазмѣ і ѡ іс̃ѣ. ѡ кꙋстодіи». — Вставка: «си̃ же катапетаз'ма — — — ина мнѡга знаменіа страшна ска-

8) «Свѣдѣнія и замѣтки», LXXXV.

жють бывша тогда»—та же, что на л. 916, въ другой редакціи. Но тутъ она продолжена: «и того оубіена по погребеніи не ѡбрѣтоша въ гробѣ гл҃ахоу. ѡви бо творахоу въставша· его. ѡви͂ оукрадена его своими дрꙋги. не вѣмъ͂ которіи правѣйше гл҃ють — — — — — — — — таковаꙗ ѡ тои катапетазмѣ гл҃ема соу҃. и про тоу виноу раздраніе еѧ есть».

Л.л. 1280—1403—Флавія кн. V—VI.—Тутъ Симонъ всегда съ прозваніемъ Нигеръ, а Іоаннъ—«иже есть Хананъ», чего у Флавія нѣтъ; на л. 1390—«газофилаксъ, именемъ Финѣѧ»—Флавій имени не приводитъ.

Л. 1402—миніатюра вырѣзана, и на ея мѣсто вклеенъ листокъ для новой; одинъ изъ титловъ первой строки—попалъ уже на этотъ листокъ.

Съ л. 1403 об. нач. VII книга Флавія.

Между 1462 и 1463, повидимому, не достаетъ листа: пропущена середина § 5-го, 8-й главы. (По изд. Таухница, стр. 168).

Текстъ Флавія кончается на л. 1474: —«Лоупъ тогда владѣꙗше на҃ Египтомъ и на҃ Александріею и по томъ по҃визаніи скоро посла грамоту къ кесареви»—(Флавій гл. XI—седьмой книги, § 4.)—Конца исторіи Флавія, т. е. окончанія 4 § X-й гл. и всей гл. XI—нѣтъ. Это поясняется словами, писанными въ строку тѣмъ же почеркомъ: «не разумѣвѣ͂ бо ѿиныхъ» (sic).

Л. 1474 об. «И бываетъ ѿ адама до титова плѣненія»—разсчетъ годовъ изъ Амарт. (325 5—9)—кончая: «по вознесеніи же г҃ни лѣ҃ м҃а»—затѣмъ изъ Малалы (260 15—261 7); «Евсѣвеи же списа ꙗко͂ въ праздникъ ихъ х҃а распаша іюдѣи — — — — нощію бо пріѧтъ гра҃ титъ сіающоу лоунѣ»; затѣмъ идутъ слова, которыхъ нѣтъ ни у Ам., ни у Малалы: «въ д е лѣ҃ ц҃ртва оуспасіанѧ взѧ титъ іе҃рлимъ. а по взѧтьи іе҃рлимовѣ. оумре оуеспасіанъ за по҃ ш҃ста лѣта».

На этомъ рукопись кончается. Вторая страница л. 1476—чистая.

II.

Изложеніе событій римской исторіи прерывается въ описанной рукописи на царствованіи Веспасіана. Продолженіемъ хронографа, вошедшаго въ лицевую энциклопедію — служатъ л.л. 1—6 рукописи Синодальной Биб. № 962, такъ называемой «Никоновской лѣтописи съ рисунками». Первый листъ — оборванъ, такъ что сохранилась только часть украшавшей его картинки: въ лѣвомъ углу — старый императоръ въ гробу; въ центрѣ — молодой императоръ обращается съ рѣчью къ окружающимъ его приближеннымъ; — вверху — онъ идетъ со свитой въ горной мѣстности, гдѣ работаютъ жнецы, слѣва — Домиціанъ бесѣдуетъ съ женой Тита; справа — Тита закрываютъ въ гробу. Картинка эта соотвѣтствуетъ тексту Амар. — о началѣ царствованія Тита (327 18—23)[9]).

Л.л. 2—6 — даютъ характеристику Тита («Дивный же Титъ философъ и добрый язычникъ — — — —» л. 2), описаніе изверженія Везувія и толкованіе этого явленія «нѣкоихъ крестьянъ» и Патрикія Прусійскаго — изъ Амартола (327 23—331 4).

Л. 6 конч. словами: «молнія солнечнаго огня ярѣйши — —».

Непосредственно къ этимъ словамъ примыкаетъ текстъ перваго листа лицевого хронографа Имп. Публ. Библіотеки (F. IV, 151): «— и свѣтлѣйши и сил'нѣйши.....».

О рукописи этого хронографа см. у Н. П. Лихачева, т. I, стр. 300—301. Она состоитъ изъ 1217 л.; листы нѣсколько перепутаны только въ началѣ; порядокъ долженъ быть слѣдующій: 1—8; 10—55; 9; 56—1216.

---

9) Въ переводѣ ркпси Синодальной Биб. № 86 текстъ этотъ слѣдующій: «Црство титово сна оуспасіана аі иже в Римѣ. в лѣт. ѕфпа. По оуспасіанѣ црствова снъ его титъ три лѣта и в часъ жа'венный весь днь шествовавъ. и врювъ точа позрима. и снцемъ обаланмъ. весьма зело изнемогъся и еще дышущу ему въ гробъ вложи его. доментіанъ братъ его повелѣніемъ жены Титовы».

Что касается содержанія рукописи — то въ основѣ его лежитъ славянскій переводъ Амартола; выписокъ изъ Малалы — значительно меньше, чѣмъ въ предыдущей части; но довольно много статей изъ другихъ источниковъ.

Л. 1 — заканчиваетъ выдержку изъ Амартола о поученіи Патрикія Прусійскаго — кончая: «и вса прмͬростію сотвори. исполни же прмͬрѡсти дшевныа (въ подл. не совсѣмъ то: «Πάντα ἐν σοφίᾳ 'εποίησας καὶ ἐνέπλησας τὰ ἄψυχα καὶ τὰ ἔμψυχα» — Ам. 332). Затѣмъ: «Цртво. ві. домен'тіане. сна оуспасіана иже црьствова в риме». Идутъ выписки изъ Амартола, при чемъ его перечни мучениковъ, погибшихъ въ каждое царствованіе — постоянно полнѣе, чѣмъ въ текстѣ, изд. Муральтомъ.

Слѣдуютъ статьи: «Ѡ аполонтіанѣ вълхвѣ»; «Цртво гі неврамле»; «цртво ді трашне». Въ послѣдней—значительныя дополненія: «При томъ семеѡнъ в҃ стль въ іерлимѣ по Іакове брате гни»—и длинный перечень мучениковъ; далѣе; «при семъ оумре Лѹка еѵалистъ — — — — — — — — и симъ знаменіемъ оувѣданъ бысть гробъ». (л. 8) — сказаніе о кончинѣ и обрѣтеніи мощей св. Луки.

Продолженіе на л. 10: «Его же чтное и стое тѣло — — — — — положи его въ црkви стыхъ аплъ». Дальнѣйшія выписки изъ Амартола на л.л. 10—26 пополнены лишь, какъ сказано, именами мучениковъ.

Л. 26 об. статья — «Ѡ феѡдорѣ жидовинѣ» — отнесена къ царствованію Филиппа, а не Гордіана, какъ у Амартола.

Между царствованіемъ Филиппа и Декія — пропускъ, сравнительно съ Амартоломъ, что вызвало и замѣну словъ — въ началѣ статьи: «Цртво ї Декіево»: «Μετὰ δὲ Γάλλον ἐβασίλευσε Δέκιος» — словами: «По Филиппѣ же цртвова Декій». Длинный списокъ мучениковъ при Діоклетіанѣ предшествуетъ статьѣ: «цртво м Диѡклетіанѣ».

За л. 55—долженъ слѣдовать 9. На немъ читаемъ заглавіе: «Црство мв констино. Ѿца костантинова. иже цртвова в римѣ», не соотвѣтствующее тексту: «тогда оубо Диаклитіанъ. оубивъ

Коυрина» и т. д. — Заглавіе это должно бы стоять на л. 56— передъ словами: «Той оубо конста бѣ о҃цъ ст҃го константина».— На слѣдующихъ листахъ идетъ разсказъ о рожденіи и дѣтствѣ Константина, котораго нѣтъ у Амар. Этотъ разсказъ извѣстенъ по спискамъ 2-й ред. Елл. лѣт. (Толстовскій, F. IV, 91—у Попова не отмѣчено), такъ же, какъ и слѣдующія статьи о Константинѣ: на л. 68 об. «Ѡ поставленіи на ц҃рства ц҃ра константина. во вританіи», на л. 69 — «Ѡ оумртвіи ц҃ра констьи»; на 69 об. — «Ѡ брани перской с костантиномъ». (Это легенда о плѣнѣ Константина и о его подвижничествѣ христіанскомъ); на л. 75 — «Ѡ видѣніи ц҃ра костантина» — (описаніе наружности); на л. 77 — «Ѡ брани с Максентіемъ» и на л. 81 — «Знаменіе креста».

Съ л. 85 — начинаются снова выписки изъ Амартола (Мур. 382—398): «ω кр҃щеніи костантина ц҃ра» (л. 85); «Начало ц҃ртва кр҃тьанскаго. первое царьство цра костантина правовѣрнаго в лѣто ,εωмг е» (л. 93); «Прѣніе жидомъ съ селиверстомъ» (л. 98).

Затѣмъ идутъ выписки — о крещеніи индѣянъ и армянъ, о землетрясеніи въ каменной (сверху приписано — «стѣй») странѣ (греч.: *καμπάνια*), о змѣяхъ въ «мелетинстѣй странѣ» — изъ Амар. 403.

На л.л. 107 об.—118—статьи: «Ѡ іюдѣωх иже восхотѣша ц҃рьковь создати»; «Ѡ побѣде коньстантинꙋ с маѯиміаномъ» (нач.: «Мыж паки къ православномоυ великомоυ ц҃рю коньстантінꙋ и къ доблестѣ и к мꙋжествꙋ подвигъ слωво приведе.»); «Ѡ побѣдѣ константинове с микиніемъ» (л. 111), «Ѡ взатіи града византіа».

На л. 119: «Ѡ созданіи коньстантина града» — изъ Амар. 398.

На л. 129—«Ѡ аріи еретицѣ» (нач.: «Гнѣвоυж тѣзный Арій во Александрѣи свою ересь на церквах проави».

Л. 130: «Соборъ первый ст҃ыхъ ѿцъ»; на л. 133 киноварью: «нонко въ соборѣ бѣ чюдо прѣніе спиридоново с философомъ».

Л. 140 об. «Слово ѡ бл҃женнѣм и ст҃ѣмъ ц҃ри коньстаньтинѣ сказаніе ѡ црьковныхъ взысканіихъ».

На л. 146 нач. ст.: «Ѡ Еленѣ цр҃цы, како ходи въ іер҃лимъ на взысканіе ч҃тнаго кр҃та»—; въ концѣ (л.л. 169—170) о сотвореніи Константиномъ трехъ крестовъ «по числоу показанных емꙋ на бранѣхъ», съ толкованіемъ ихъ значенія.

На л. 171—извѣстіе о трусѣ, бывшемъ въ Константинѣ градѣ.

Л. 173: «Ѡ преставленіи Еленинѣ».

Л. 174 об. «Ѡ пріѧтіи Аріа». Эта статья, какъ и дальше на л.л. 175—193—выписки изъ Амартола (436—7): «Ѡ антоніи великомъ (л. 180), и рядъ извѣстій изъ царствованія Константина Великаго безъ заголовковъ; затѣмъ: «Ц҃рство второе костантіево с҃на коньстантинова. иже ц҃ртвова в коньстантинѣ градѣ» (л. 189 об.), «Ѡ просаженіи аріа» (л. 190 об.) и нѣсколько краткихъ извѣстій (л.л. 191—193).

На л. 193 об.: «Ѡ іоуліане престоупницѣ»: «Иоуліанъ же братъ галловъ чтецъ бысть во антіѡхіисцѣй ц҃ркви — — — — и бж҃ественное кр҃щеніе кровми идольскими ѿмывъ ѿ него. и бл҃гоч҃тіа ѡбнажи его» (л. 195) легенда объ отпаденіи Юліана [10]).

Л.л. 196—7—выписки изъ Амартола (439).

Л. 197 об.: «Ц҃рство г-е. іоуліана престоупника. иже ц҃ртвова в константине граде»—изъ Малалы (326 сл.) до л. 203, гдѣ, послѣ словъ Малалы (331): «идеже ц҃рь іоульанъ и вѡи его станомъ сташа» вставка [11]): «сый бо и еще в҆ персидѣ. пꙋсти бѣса на западъ...» (приведено у Попова, I, 46—7).

Л.л. 207—214—выписки изъ Амартола о кончинѣ и о началѣ царствованія Юліана.

Л. 215: «Цртво д-е авіане иже ц҃ртвова в константинѣ граде»—изъ Малалы (334 сл.).

Л. 219: «Цртво е҃-е іоуалентіановѡ и оуалентово». Съ этой статьи и до л. 332—выписки изъ Амартола (453—496): «о из-

10) Ср. Кедрина. Σύνοψις Ἱστοριῶν, Бонн. изд. I, стр. 524—5.

11) Тамъ же, стр. 526.

біеніи мнихъ» (л. 224); «чюдо о хромомъ» (л. 225 об.), «чюдо о слѣпомъ», «чюдо ѡ оуенѣ. ѥа же дѣти прозрѣти сотвори» (л. 226) и т. д.; «Житіе ст҃аго ѿца арсенія» (л. 261) объ Іоаннѣ Златоустѣ и «ѡ преставленіи Іѡанна Злаоустаго» (л. 327).

На л.л. 333 об.— 344 — статьи изъ хронографа (см. Поповъ. I. стр. 146—7): «Ѡ оноріи цр҃ѣ»; «црство ѳ-е ѳеѡдосіа малаго» (л. 336 об.); «ѡ евдокіи црцы» (л. 338); «о воскресеніи сѐми ѡтрокъ иже въ Ефесѣ»; (л. 342) «ѡ трусѣ» (л. 344) — (источники указаны у Попова).

Л. 347. «О ст҃ѣмъ третіем вселеньскомъ собѡрѣ. ѿ втораго собѡра до треьаго лѣтъ н҃»—изъ Амарт. (499—500).

Л. 351 — «О перской брани — нач.: «Власій же колѣну перскому властитель»; имени «Власій» у Амартола нѣтъ.

Л. 353. «Егда ѳеѡдосій цр҃ь ѡбѣда оу мниха» — изъ Амартола.

Л. 354 об. «Ѡ двце. иже оумори атилоу» До л. 373 — тотъ текстъ, что у Попова I, стр. 50 (Елл. лѣт. 2-й ред.): «Въ црство его оулентиніанъ — — —» и далѣе: «ѩко же индѣ въ писаніи гл҃ахоу» — — — (Поповъ, 50—51).

На л.л. 373 об.—414 — рядъ статей хронографа 1-й ред. (ср. Поповъ I, 147—8): «Ѡ вражде црцы евдокіи»,—кончая— на л. 378— словами: «цр҃ь же оустыдѣвся ѡстаса — л. 379— таковаго безумія»; затѣмъ ст.: «Ѡ несторіи еретицѣ» (изъ Амартола); «О оуалентініане цр҃и и ѡ взатіи рима изгирихомъ» (это не на мѣстѣ: ср. Поповъ, I, 146); «црство ї е маркіане иже црствова в констянтинѣ градѣ» (л. 388); «Ѡ ст҃ѣмъ четвертомъ сѡборѣ» (л. 391); «Црство а҃і л'ва великаго» (л. 397 об.) и «црство в҃і л'ва оунаго». Начало послѣдней статьи — по Амартолу (ср. Поповъ, I, 148)—а далѣе текстъ Малалы (376 стр.).

Л. 415 об.— 460. «Црство г҃і ѕиноново» — изъ Малалы и Амартола, какъ указано и цитировано у Попова (I, 86—7).

Л. 461 об. «Ѡ вдовичинѣ дщерѣ» (ср. ib. 87).

Л. 462 об.—466—«Црство д҃і анастасьево»—изъ Амартола, съ дополненіемъ на л. 467: «Сіи же цр҃ь анастасіи изначала ѩвлашеса бл҃гочестивъ. помалѣ же изверже злыи ѩдъ....».

Отсюда и до л. 482 — вставка статей хронографа (Поповъ, I, 148—149) въ иномъ порядкѣ: «ω возбраненіи неправеднаго (рукопись—праведнаго) злата» (л. 473); «ω тоуркох и ω началнице их аламѹндаре» (л. 475); «ω см҃рти ц҃ра анастасіа» (л. 480).

Л.л. 483—573: «Цр҃тво еі оустіаново» — изъ Амартола; «Ѡ казнехъ антіохіи патое паденіе» — изд. у Попова, I, 59 sq. (л. 491); «Ѡ оустіане ц҃ри» (л. 506 об.); «Цр҃тво ѕі оустіана великаго» — изъ Амартола; «Сказа́ніе ѡ́ созда́ніи великіа б҃жіа ц҃рькви ст҃ыа софе́а ꙗже е̑сть в' костан'тинѣ градѣ. ю̄ созда бл҃говѣр'ныи ц҃рь оу̑стіанъ» — полная редакція сказанія, изданная въ «Лѣт. Рус. Лит.» кн. III (ср. Поповъ, I, 87) кончается на л. 573.

Л.л. 573 об.—591: «Ѡ брани на оуандалы и на р҃искаго ригѹ гелимера» и «о ереси афөор'тодокі҃ской» — см. Поповъ, I, 150. Затѣмъ идетъ разсказъ о жидовиновомъ сынѣ и «цр҃тво ѕі оустиново (л. 583) — иной порядокъ, чѣмъ въ хронографѣ (см. ib. 150), редакція таже.

Л.л. 592—597: «О соудіи пр҃внемъ» и «Ѡ софіи цр҃ци о ω снатіи долга с народа» — ib. 151.

Л.л. 597 об.—603 — «Цр҃тво ӣі тиверіево» — по Амартолу сокращенно; «ц҃рство ѳі маврикіево» — по Амартолу съ разсказомъ о «дивахъ», послѣ котораго слова: «о се̑ же доселѣ и на прочее ш ствуемъ» — Это согласно Елл. Лѣт. 2-й ред. Затѣмъ — л. 603 — вставка: «Хоз҃рωю же перскомоѹ ц҃рю изгнаноѹ ω̑ цр҃тва — — — — — —», статья «ω тоуркахъ», приведенная у Попова, I, 151—152 — (кончая: и абие преста моръ», ред. хр. № 1440) и далѣе: «хоз҃рωи же паки пріатъ цр҃тво тогда іωаннъ патріархъ постникъ скончаса и бысть киріакъ патріархъ в негω мѣстω» (л. 604).

Л. 605. «Маврикій же ц҃рь сотвори зата — — —» ср. Поповъ, I, 152.

Далѣе до л. 627: «Цр҃тво к҃ фоки мч҃тла» (л. 615 об.), «Ѡ см҃рти маврикіевѣ» (л. 616); «слово ω черноризьци» (л. 625);

«црТво ка иракліево» (л. 627) — какъ въ Елл. Лѣт., т. е. изъ Амартола, съ доб., указ. у Попова I, 88.

Л.л. 628—650 — разсказъ о персидской войнѣ; «ѡ пришествіи персанъ на іерлимъ и на црьградъ»; «о побѣдѣ еже на Хозроа» (л. 639); «о смрти Иракліевѣ» (л. 648 об); «црство константиново сна иракліева» (л. 949 об.) — ср. Поповъ, I, 153—154.

Л.л. 650 об.—677: «Ѡ нѣкоеⷨ бгатѣ сотворшиⷨ милтыню и раскаявса веземъ злато и оумре»; «ѡ евагріи философѣ его* крети соунесіи епнъ и дасть емоу рꙋкописаніе» (л. 653 об.); «ѡ тасіотѣ воскшемъ ѿ мртвыхъ» (л. 659); «слово іѡанна Златаоустаго ѡ оумршихъ» (л. 667 об.) и выдержки изъ другихъ словъ Златоуста; «ЦрТво кг-е иракліоново» (л. 674); «црТво кд констино сна констянтинова» (л. 676 об.) «ѡ бохмите еретицѣ» (л. 677). — Эти статьи изъ Амартола, какъ въ Елл. лѣтописцѣ, но послѣдняя дополнена выдержкой изъ Манассіи: «Конста же црь вноукъ Иракліевъ — —» см. Поповъ, I, 154.

Л. 694 об. «ЦрТво кє константиново брадатаго» — изъ того-же источника (Поповъ, I, 154), но свѣдѣнія о еретикахъ дополнены согласно Еллинскому лѣтописцу.

Л. 700 об. «О стѣмъ вселеньскомъ шестомъ соборѣ» — изъ Амартола (Поповъ, 154).

За разсказомъ о соборѣ — статьи: «о срацинехъ»: «в лѣта* сего константина пріидоша* срацины...», о болгарахъ (л. 705), «црство кѕ оустіане» (л. 707 об.) — согласно Елл. лѣтописцу.

Л. 711 «О второмъ собраніи стго собора шестаго» — изъ Амартола и слѣдуетъ статья: «ЦрТво кз леѡнтіево» — изъ Манассіи — см. Поповъ, I, 155.

Л. 719. «ЦрТво ки аспимара тиверія» — нач. по Амартолу, какъ Елл. лѣт.; затѣмъ: «имаше оубо аспимаръ греческую власть — — —» изъ Манассіи, см. Поповъ, I, 155.

Изъ того-же источника на л.л. 722 об.—734 ст.: «црТво кѳ иоустіана корноноснаго»; «црТво л филиппика иже (рук.— воиже) и варданъ» (л. 729); «ЦрТво ла артеміа» — см. Поповъ,

I, 155—156, гдѣ указаны и дополненіе къ Манассіи, взятыя — для послѣдней статьи — изъ Амартола; въ концѣ небольшое доб. къ тексту хронографа: «— — — бо башу вѣтры праводыхающими и тамо ѿметнушаса цра. и во адрамантіи — — —».

Л.л. 735 — 738: «Цр̃тво ӏ̃в феѡдосіа» — изъ Амартола. Статья «о лвѣ цри» до словъ: «нараженъ въ войники» — согласно Елл. лѣт. (только вм. имени Леѡнъ, какъ въ Толстовскомъ спискѣ, тутъ: «Конанъ»).

Далѣе вставка изъ хронографа и ст.: «цр̃тво ӏ̃г лва савранина» (л. 741 об.) — какъ у Попова, I, 157.

Л.л. 743—772: «Ѡ попраніи иконъ»; «О моужи иже милостыню твораше а блоуда не ѡсташе» (л. 761): «Ѡ черноризцѣ его же связа григоріи папа рим̃скіи и пославъ на грѡбъ діакона раз̃рѣши его» (л. 764); «цр̃тво ӏ̃д константиново гноютезнаго» (л. 766), «ѡ знаменіахъ и ѡ мороу» (л. 769) — согласно Елл. лѣтописи.

Л.л. 773—783; со словъ: «таковаа слышавъ д̃шею радостный іѡанъ Дамаскинъ»; ст.: «ѡ воине артавазда на копронима» (л. 780 об.); — и кончая (л. 783): «и ѡвощіе властное пожата въ сытость» — текстъ хронографа (Поповъ, 158).

Л.л. 783—806; со словъ: «и на болгары иде съ вои»; «ѡ мразѣ» (л. 784); «знаменіе»; «трꙋсъ»; «цр̃тво ӏ̃є леѡнтово» (л. 793 об.); «какѡ оуби гричь оубіицоу г̃дина своего» (л. 795); «цр̃тво ӏ̃ѕ костантиново» — согласно Елл. лѣтописцу.

Л.л. 807—808: «Ѿ шестаго собора до седьмаго лѣтъ р̃кв а ѿ адама лѣтъ ҂ѕ и тє. а ѿ воплощеніа г̃на. лѣ̃ ѡсмьсотъ и пать. о с̃тѣмъ вселеньскомъ собѡрѣ сед̃момъ» — кончая: «таковое празденство празновати. оукрѣпленіе с̃тыхъ икѡнъ в а̃ ю недѣлю с̃таго поста» — изъ Амартола, согласно хронографу (Поповъ, 158).

Л. 808 об. «Сказаніе ѡ латынех. како ѿстоупиша ѿ православныхъ патріархъ» — въ ред., приведенной у Попова, I, 159 (изъ хрон. № 1440), и въ продолженіи подъ отдѣльными заглавіями: «ѡ формосе папе» (л. 818); «ѡ проклятіи латынь»

(л. 820 об.); «ѡ петрѣ гоугнивѡмъ» (л. 821 об.); «о вретаніи ѡ кнзи аламанитскомъ» (л. 822 об.)—ср. Поповъ, 161.

Л.л. 825 об.—828: «Ѡ изгнаніи ирины црцы ѿ црьства» и «ѡ ослепленіи цра константина»—текстъ, родственный тѣмъ же статьямъ Елл. лѣт., по списку Т., но первая сокращаетъ, а вторая полнѣе приводитъ общій источникъ.

Л. 832: «Црство із иринино», согласно Елл. лѣтописцу.

Л.л. 834 об.—929: «цртво ли никифора геника»; «ѡ николе воине» (л. 847) «цртво іѳ-е ставрикіево (л. 849); «о кононехъ когда начало пріаша» (л. 851 об.); «о ѿложеніи мяса инокомъ» (л. 852) — — и т. д. включая статью: «цртво мд-е михаила и феѡдоры, иже оутвердиша поклоненіе чтых икѡнъ» (л. 915)—согласно хронографу (Поповъ, I, 161—163).

Л. 930 об.: «Ѡ оклеветаніи мефодіа патріарха»—изъ Амартола и Манассіи, но выдержка изъ Манассіи въ иномъ переводѣ, чѣмъ у Попова, 164.

Л. 938 об.: «Ѡ василіи македоньстемъ» — изъ Манассіи (ср. Поповъ, 164), объ изгнаніи Ѳеодоры безъ особаго заглавія, и объ убіеніи Ѳеоктиста по Амартолу, затѣмъ о Вардѣ по Манассіи.

Л. 951 об. «О крщеніи болгарьскомъ» — тотчасъ за разсказомъ о Вардѣ — «нѣкогда брани бывши» — тотъ же текстъ, что у Попова, I, 165, изъ Толст. хронографа № 171,— но по другому списку (съ варьянтами).

Л. 954: «О друзѣмъ кнзѣ болгарскомъ»—текстъ изъ Амартола (приведенъ у Попова, 167); закл. нѣсколько полнѣе: «— — — — и миръ истинный сотвори и ѿпоусти их во своаси съ великою чтью. и тако весь градъ (вм. родъ) болгарьскіи стѡе крщеніе воспріатъ....».

Л. 965 об. «О хлевѣ цревѣ»—изъ Амартола (Поповъ, 167).

Л. 966 об.—968. Разсказъ о первомъ нападеніи Руси на Царьградъ — по Амартолу, съ доб. именъ Аскольда и Дира, какъ въ Елл. лѣт. 2-й редакціи.

Л.л. 970—989: «О убіеніи Варды Кесаря» и непосред-

ственно за этой статьей: «о разбіеніи зерцала» (ср. Поповъ, I, 168).

Л.л. 989—1046: «Ѡ оубьеніи михаила цра» и «цртво мг е Василія Македонскаго» (л. 1000 об.) — согласно Елл. лѣтописи.

Л. 1046 об. «О кнзи роустѣ» — то сказаніе, что въ Никон. лѣт. (П. С. Р. Л. IX, стр. 13) и въ хронографѣ (Поповъ, I, стр. 169—170); заключеніе, какъ въ Ник. лѣт. (ср. Поповъ, I, стр. 170).

Л. 1053 об.— разсказъ о смерти царя Василія Македонянина (безъ заглавія), нач.: «Црю же ловъ дѣющꙋ. и ѡлень нѣѿкоудꙋ превеликъ ꙗвися....» — до: «сна своего самодръжьце и алексанра брата его» — изъ Амартола (стр. 765); далѣе добавлено изъ другого источника: «бѣ василей ѡбразо телесны ꙗсенъ...» — описаніе наружности Василія и разсказъ о Никифорѣ, сынѣ Фоки.

Л. 1057. (Цртво мѕ е леѡново» — изъ Амарт. (стр. 766—771); нач. отличается отъ Амарт.: «по оумртвіи же васильевѣ самодръжавномоу пріатію леѡнтъ бысть прврый сынъ его...»; мѣсто изгнанія патр. Фотія Βόρδονος — названо «Мѡсковъ».

Л. 1070 об. «брань болгарская» — Амартола 771 — 774; τούρκοις передано «оугрѡ»; противъ греч. текста доб. имя болгарина, принимавшаго плѣнныхъ: «феѡдоръ искреніи сын симеѡнꙋ».

Л. 1081 — 1091 — выписки изъ Амартола о Никифорѣ Фокѣ.

Л. 1085. «Ѡ воинѣ ѡлгове на црьгра» — «Присе лѣ при поиде ѡлегъ на греки — — — — — — и пріиде ѡлегъ къ кіевꙋ. несыи злато и паволоки и вино и ово. и всака оузорочьа безчисленнаа. и прозваса ѡто грекѡ оле вѣщіи. и бяхꙋ тогда людіе погани и невѣгласи» (Ср. Изборникъ Попова, стр. 3; и Ник. въ П. С. Р. Л. IX, 19).

Л. 1091 об.—1217 — выписки изъ Амартола: въ концѣ царствованія Льва добавлено: «при се в римѣ бы папа формосъ еретикъ. и разврати нѣмци ѿ греческой вѣры» (л. 1155);

«Цр҃тво м҃з е алексан҃дрωво» (л 1155 об.); «цр҃тво м҃и е констан- тина багранород'наго».

Кончается рукопись текстомъ изъ Амартола: «Фоцѣ же леωнтȣ во мнωгȣ скорбь недооумѣвающȣ. ꙗко всеѧ надежда неполȣчившȣ. возмѧ всѧ бежа ко градȣ атеоуса пришедшȣ и не пріѧтȣ бывшоу». (Ср. Амарт. 815,11).

Непосредственное продолженіе этого текста находимъ на л.л. 623—626 «Никоновской съ рисунками» (Синод. № 962): «И в селѣ нарицаемаго и леωнтовω. пр҃шед'шȣ емоу и ꙗтоу бывъшȣ ———» (л. 623) ————— кончая на л. 626: «и сїѧ исхитивъ во ωпсикїи ωземьствова въ своѧ имъ села. ꙗко на романа свѣщающимъсѧ». (Амарт. 815,11—816,11).

III.

Таковы дошедшіе до насъ остатки отдѣла всеобщей исторіи лицевой энциклопедіи XVI вѣка. Всматриваясь въ составъ этой части нашего памятника, не трудно замѣтить, что въ основѣ ея лежитъ одна изъ редакцій Еллинскаго лѣтописца, именно та, которая сохранилась для насъ въ спискѣ середины XVI в., въ двухъ рукописяхъ: Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря, нынѣ Петербургской Духовной Академіи, № 1/6, и Синодальной Библіотеки № 86. Но текстъ Еллинскаго лѣтописца (2-й редакціи 2-го вида, по терминологіи А. А. Шахматова) подвергся значительной переработкѣ; во многихъ мѣстахъ находимъ дополненія, почерпнутыя изъ хронографа І-й редакціи (см. Поповъ, Обзоръ хрон. І, 95 сл.) и другихъ источниковъ. Не вижу основанія предполагать, чтобы компиляція, тожественная той, какую находимъ въ составѣ лицевого свода, существовала до него; болѣе вѣроятнымъ представляется предположеніе, что мы имѣемъ передъ собою продуктъ самостоятельной редакціонной работы. Уже первая, описанная г. Щепкинымъ, часть энциклопедіи зна-

чительно отступаетъ отъ Еллинскаго лѣтописца. Такъ, напримѣръ, въ разсказѣ о столпотвореніи находимъ тѣ дополненія изъ Манассіи, которыя составляютъ принадлежность хронографа I-й редакціи (ср. Поповъ, I, 104). Роднитъ энциклопедію съ тѣмъ же хронографомъ и «Повѣсть о созданіи Тройскомъ» (тамъ же 124), а Троянская Исторія Гвидо-да-Колумны—въ подлинномъ видѣ, а не въ польской передѣлкѣ — является тутъ, если не ошибаюсь, въ старшемъ изъ русскихъ списковъ: хронографъ I-й редакціи ея не знаетъ и, быть можетъ, ее надо считать новымъ пріобрѣтеніемъ нашей компиляціи. Другія дополненія къ библейскому тексту, которыя читаются одинаково и въ лицевой энциклопедіи и въ спискахъ хронографа I-й редакціи—отмѣчены В. Н. Щепкинымъ (о Серухѣ и началѣ идолопоклонства, л. 13; объ Іовѣ, л. 98 сл.; «о убіеніи Исавли», л. 107 и пр.). Тѣмъ же авторомъ указано относительно библейскихъ текстовъ энциклопедіи, что «текстъ нашего списка въ общемъ сходенъ съ текстомъ древнѣйшихъ Синодальныхъ экземпляровъ, описанныхъ Горскимъ и Невоструевымъ». Замѣчаніе это оправдывается и рукописью Имп. Акад. Наукъ, гдѣ текстъ книгъ Руѳь и Царствъ, сходенъ съ Геннадіевскимъ. Книга Товія-переводъ съ Вульгаты, но нѣсколько отличающійся отъ Геннадіевскаго. Послѣдній точно передаетъ текстъ латинскаго подлинника, а нашъ списокъ не знаетъ нѣкоторыхъ его словъ [12]) напр.: ст. 1: опредѣленіе положенія Nephthali («quae est ——— Sephet»); ст. 4—8: «nihil tamen puerile gessit——————legem dei puerulus observabat»), etc.; и въ тоже время даетъ мелкія дополненія къ тексту Вульгаты: напр.: въ 1 стихѣ: бысть въ дни салманасара царя асирійска, «иже самарію плѣни ініла расточи ї колѣнъ. и в неи азычникъ посади».—Тоже надо сказать и о книгѣ Есѳирь: редакція ея таже, что въ Вульгатѣ, но сходство нашего списка съ Геннадіевскимъ прерывается на началѣ 10-й главы (ст. 3-й);

12) Тѣхъ, которые въ печатныхъ изд. Вульгаты (Heyse-Tischendorf. Lipsiae, 1873; «Biblia Sacra Vulgatae editionis» Sixti V. Lugduni, 1792)—помѣщены въ скобкахъ.

далѣе Геннадіевскій списокъ даетъ въ буквальномъ переводѣ съ латинскаго все, что въ Вульгатѣ слѣдуетъ за припиской переводчика: «quae habentur in Hebraeo, plena fide expressi; haec autem, quae sequuntur, scripta reperi in editione vulgata, quae graecorum lingua et litteris continentur», а нашъ списокъ, какъ и списокъ — Кирилло-Бѣлозерскій — Еллинскаго лѣтописца — заканчиваютъ книгу Есѳирь, какъ приведено выше, въ описаніи академической рукописи, л. 416 [13]).

Такимъ образомъ энциклопедія слѣдуетъ Еллинскому лѣтописцу и въ библейскихъ текстахъ. «Видѣнія» Даніила — выборки изъ толкованій Ипполита на книгу пр. Даніила — также подтверждаютъ это. Порядокъ и составъ этихъ выписокъ въ общемъ тотъ-же, что въ Кирилло-Бѣлозерскомъ спискѣ, но счетъ видѣній другой. Въ Кирилло-Бѣлозерскомъ: 2-е видѣніе о Сусаннѣ; 3-е «како цр҃ю сонъ сказа»; 4-е «ѡ образѣ тѣла и о трехъ отроцѣхъ»; 5-е «ѡ снѣ доуба»; 6-е «ѡ писаніи перстъ»; 7-е «ѡ четырехъ звѣрѣхъ»; 8-е «ѡ соудѣ»; 9-е «ѡ овнѣ и ѡ козѣ»: 10-е «ѡ рвѣ и ѡ вмѣтаніи»; 11-е «ѡ цр҃ехъ оужьских и сѣверскых»; 12-е «ѡ искꙋшеніи вѵла». Въ лицевомъ спискѣ: 1-е о Сусаннѣ; 2-е «ѡ плѣненіи іѡкима цр҃а и сн҃ѡвъ іюды»; остальныя, какъ въ Кирилло-Бѣлозерскомъ. Порядокъ главъ въ обоихъ спискахъ одинаковъ: XIII, I—V, VI, XI (ст. 36—45), VIII, конецъ V—VI, X—XII, XIV. Но толкованія къ ст. 36—45—XI-й гл. выпущены въ лицевомъ спискѣ, и, вообще, выписки изъ Толкованій Ипполита, нѣсколько отличаются отъ тѣхъ, какія находимъ въ Кирилло-Бѣлозерскомъ: онѣ сокращеннѣе, кое-что выпущено (напр. то, что въ Кир.-Бѣл. па л. 810: «Толкъ. Великое море весь міръ наречется — —»).

Сказаніемъ Дороѳея о пророкѣ Даніилѣ редакторъ лицевого свода пользовался самостоятельно. Какъ выше указано, на л.л. 424 и 455 об.—457 находимъ выдержки изъ этого сказанія въ

---

13) Т. е. Геннадіевскій списокъ пополнилъ изъ Вульгаты текстъ перевода Есѳири съ еврейскаго.

соединеніи съ выписками изъ Ипполита; изъ нихъ только первая — на л. 424 — читается въ Геннадіевскомъ спискѣ Библіи и въ Кирилло-Бѣлозерскомъ № $^1/_6$; на л.л. 515 — 516 читаемъ то же сказаніе цѣликомъ, какъ въ Успенскомъ спискѣ Миней (л. 320 об.).

Между выписками изъ кн. Даніила съ толкованіями — вставлены выдержки изъ Амартола, Малалы и др. источника, причемъ, какъ во 2-й редакціи Еллинскаго лѣтописца — извѣстія о древнѣйшей исторіи Рима помѣщены передъ Александріей [14]). — Выписками изъ Малалы (до 1884) — кончается рукопись К.-Б. № $^1/_6$, какъ и текстъ лицеваго свода передъ Александріей (л. 585). Дальнѣйшая часть свода, въ общемъ, сходна съ продолженіемъ Кир.-Бѣл., сохранившемся ввидѣ отдѣльной рукописи — Синод. № 86. Сходство это, начиная съ Александріи и отрывка изъ слова Меѳодія Патарскаго — полное, включая всѣ дальнѣйшія выписки изъ Малалы и Амартола до царствованій Августа (л.л. 587—884). Но разсказъ объ Августѣ (л.л. 884—887) дополненъ изъ хронографа I-й редакціи (Поповъ, I, 127). Въ заимствованіяхъ изъ слова Епифанія Кипрскаго о житіи св. Богородицы лицевой сводъ слѣдуетъ Еллинскому лѣтописцу 2-й редакціи, но дальнѣйшее изложеніе слова дополняетъ на основаніи хронографа. Эти дополненія: 1) заключительныя строки статьи объ Августѣ на л.л. 858 об.—859: «Авгѹстъ» кесарь актаоуносъ цр҃твова в риме — — — четвертомѹ звѣри болѣ инѣхъ и ѡбразно именоуетъ»; 2) характеристика Тиверія; на л.л. 859 об.—860; 3) о крещеніи Іисуса Христа и о Крестителѣ (л.л. 862 об.—872), причемъ лицевой сводъ только въ разсказѣ о толкованіи Іоанномъ сна Ирода Филиппа отступаетъ отъ редакціи хронографа. Остальное согласно Еллинскому лѣтописцу, причемъ лицевой сводъ повторяетъ описку Синод. № 86: на л. 859 время правленія Тиверія означено: «лѣ҃ кв҃. типо҃» —

14) Объ этой особенности 2-й ред. Елл. лѣт. ср. Шахматова: «Начальный кіевскій лѣтописный сводъ и его источники» въ «Трудахъ этногр. отд.» XIV.

вмѣсто: «лѣтъ кв и полъ»; въ Синод. 86: «лѣ҃. кв. типωлъ». Такъ и все дальнѣйшее изложеніе — до л. 964 — сходно съ Елл. лѣтописцемъ (Син. 86 и Толстовскій сп. Публ. Библ. F. IV. 91), кромѣ статей о распятіи и о катапетазмѣ (лл. 914—916), которыя—изъ хронографа (Поповъ, I, 137—138).

Далѣе редакторъ лицевого свода внесъ полный (кромѣ конца) переводъ Іосифа Флавія «о войнѣ іудейской», но текстъ послѣднихъ страницъ академической рукописи — слѣдуетъ Еллинскому лѣтописцу.

Въ такомъ же отношеніи къ Еллинскому лѣтописцу, какъ лицевая рукопись Академіи Наукъ стоитъ и лицевой хронографъ Публичной Библіотеки. Какъ текстъ первыхъ листовъ Синод. № 962 («Ник. съ рис.»), такъ и текстъ названнаго хронографа — сходны съ текстомъ 2-й ред. Елл. лѣт. (Син. и Тол. сп.). Какъ въ Син. 86, и въ лицевомъ не на мѣстѣ заглавіе «цр҃тво ив костино» (л. 9), но разсказъ о Діоклетіанѣ въ лицевомъ прерывается на словахъ: «римскія плѣняху страны» (конецъ 9-го л.), а затѣмъ — на л. 56 — идетъ рѣчь о «констѣ» отцѣ св. Константина. Довольно длинный пропускъ въ разсказѣ о Діоклетіанѣ и Максиміанѣ («и расмотривше римъстѣй скыпетры дрьжащей ркоша диωклитіанъ и максиміанъ и еркоуⁱ — — — — — — — ω немъ же по семъ азъ вамъ скажю» — Син. 86), — повидимому, всего естественнѣе объяснить утратой лицевыхъ листовъ, между 9-мъ и 56-мъ[15]). Тамъ, гдѣ Толст. списокъ отличается отъ Син. 86 — лицевой сходенъ съ послѣднимъ: напр.: на л. 129 — «Гнѣвоѡтѣзный Арій — — — — —» — въ Син.: «Гнѣвожѐтезный» — и переправлено: «гноеⁿтезный». На л. 133: «но ѩко въ соборѣ бѣ чюдо...»; Син.: «нъ ѩко в соборѣ...»; Толст.: «и бысть же въ соборѣ — —» и т. п.

Первое дополненіе въ лицевомъ хронографѣ сравнительно съ Елл. лѣт. встрѣчаемъ на лл. 187—188: «Коньстантинъ»

15) Пропускъ этой статьи характеренъ для другой ред. Елл. лѣт. (Троиц. 728 и Унд. 1). См. у Шахматова: «Древнеболг. энцикл.». Виз. Вр. VII, № 1. Но въ лицевомъ хр. — начало ея имѣется.

сн҃ъ большій великаго коньстантина. въста на меншаго брата коньстꙋ — — —» и рядъ извѣстій: о мученикахъ «ѿ савѡріа цр҃а перьскаго»; объ открытіи мощей первомученика Стефана; о Павлѣ Фивейскомъ; объ Антопіи Великомъ; и кончая извѣстіемъ о Маркѣ «иже нарицается безсмертный сего ради ꙗко ӡ҃ лѣтъ ѿ н҃ли до н҃ли причащааса ст҃ыхъ дарѡвъ и хлѣба не вкоꙋшаше и на землю не плюнꙋ». Этихъ выписокъ изъ Амартола* — нѣтъ въ Елл. лѣтописцѣ; онѣ взяты въ сводъ изъ другого источника (хронографа?). Также пополнены выписки изъ Амартола на л.л. 191—193 (за статьей: «о просаженіи Арія»); и въ разсказѣ о Юліянѣ Отступникѣ—л.л. 193 об.—195 лицевой сводъ слѣдуетъ не Елл. лѣтописцу, а хронографу I-й ред. (напр.: Арх. № 28).

Далѣе дополненія изъ хронографа—(послѣ сходнаго съ Елл. лѣт. текста листовъ 196—327) — на л.л. 333 об.—346 и на л.л. 373 об.—414, какъ выше указано. Но въ этихъ статьяхъ мѣстами видно вліяніе Елл. лѣтописца: такъ на л. 388 — заглавіе: «Цр҃тво г҃ е маркіане и҃ црт҃вова в констянтинѣ градѣ»—изъ Елл. лѣт., хотя текстъ—изъ хронографа; на л. 414 об.—415— царствованіе Льва Юнаго изложено по хронографу и Елл. лѣт.: первый далъ лишь краткую замѣтку Амартола (Поповъ, I, 148), а второй — выписку изъ Малалы. Остальныя вставки изъ хронографа въ текстъ Еллинскаго лѣтописца, какія находимъ въ лицевомъ хронографѣ Публичной Библіотеки — указаны выше въ описаніи этой рукописи.

Въ итогѣ получаемъ такое опредѣленіе хронографической части лицевого свода: это списокъ второй редакціи 2-го вида Еллинскаго лѣтописца, дополненный на основаніи хронографа I-й редакціи; изъ другихъ источниковъ нашей компиляціи главный—славянскій переводъ Іосифа Флавія «О войнѣ іудейской».

IV.

Описанная выше часть лицевой энциклопедіи составляла какъ бы введеніе къ московскому лѣтописному своду. Къ сожалѣнію, первой части этого свода не сохранилось, и даже высказанное въ брошюрѣ: «Царственная книга, ея составъ и происхожденіе»—предположеніе, будто ее надо подразумѣвать подъ «первой частью древняго лѣтописца», находившейся въ кабинетѣ Имп. Екатерины II въ день ея кончины [16]), приходится признать неосновательнымъ. Глѣбовскій и Козицкій—издатели «Древняго лѣтописца»—оставили неизданной «Древняго лѣтописца, часть I, folio», о чемъ упоминаетъ Новиковъ въ рецензіи на это изданіе, называя неизданную часть—третьей [17]). Принимая во вниманіе, что на рукописяхъ, послужившихъ оригиналомъ двухъ томовъ «Древняго лѣтописца», читаемъ помѣтки: «Остерманъ № 2», и «Остерманъ № 3», а помѣтка: «Остерманъ № 1» находится на переплетѣ лицевого сборника Академіи Наукъ, надо этотъ сборникъ признать первой частью Древняго лѣтописца. Этимъ объясняется, почему издатели ограничили свой матеріалъ №№ 2 и 3: № 1 не былъ русской лѣтописью и не подходилъ къ задачамъ изданія.

Такимъ образомъ, лѣтописнаго текста отъ начала Руси до 1114 г. не только нѣтъ въ нашихъ лицевыхъ рукописяхъ, но нѣтъ основанія предполагать, что онъ былъ въ рукахъ любителей русской исторіи XVIII в.; нѣтъ его и въ копіи съ лицевого свода, сдѣланной въ XVII в.

Лѣтописный текстъ, излагающій событія съ 1114 до 1567 г., сохранился въ лицевомъ сводѣ, разбитомъ на 6 фоліантовъ: Го-

---

16) Ж. М. Н. Пр. 1872 г. № 8. Статья Мурзакевича: «Кабинетъ зимняго дворца Имп. Екатерины II».

17) «С.-Петербургскія Вѣдомости», 1777, № 19.

лицынскій, Лаптевскій, 2 ч. Древняго лѣтописца (Остермановскій сп.), Шумиловскій и «Никоновскій съ рисунками» или Синодальный; особнякомъ стоитъ Царственная книга.

Палеографическую характеристику перечисленныхъ рукописей см. у Лихачева (указ. соч.). Ихъ содержаніе—особая редакція московскаго лѣтописнаго свода, на характеристикѣ которой слѣдуетъ нѣсколько остановиться, потому что замѣчанія, высказанныя въ брошюрѣ о Царственной книгѣ—и не полны, и не точны. Особенно неудачной была попытка выдѣлить Шумиловскую рукопись, какъ особо переработанную часть лицевого свода, и приравнять ее, въ этомъ отношеніи, къ Царственной книгѣ.

Археографическая Коммиссія воспользовалась дошедшими до насъ остатками лицевого свода при изданіи IX—XI т.т. «Полнаго Собранія Русскихъ Лѣтописей», разсматривая ихъ, какъ списки Никоновской лѣтописи. Дѣйствительно, въ основѣ лицевого лѣтописнаго свода лежитъ сводъ Никоновскій—и сходство, дословное, за исключеніемъ мелкихъ варьянтовъ, лицевыхъ списковъ съ другими списками Никоновской лѣтописи въ большей части текста—сдѣлало возможнымъ и удобнымъ ихъ сводное изданіе. Но не мало нашлось и такихъ мѣстъ, гдѣ лицевыя рукописи пришлось противопоставить всѣмъ остальнымъ спискамъ, печатая ихъ текстъ особымъ столбцомъ, параллельно тексту послѣднихъ. Эти значительныя отступленія редакціи лицевыхъ списковъ отъ основнаго Никоновскаго текста, такъ же, какъ и многіе мелкіе варьянты, оказываются, при ближайшемъ разсмотрѣніи, *результатомъ позднѣйшей переработки Никоновскаго свода, на основаніи другихъ источниковъ*. Редакція лицеваго свода есть послѣдняя по времени редакція Никоновской лѣтописи и привлеченіе ея къ дѣлу при изданіи этой послѣдней — вполнѣ естественно. Впрочемъ, Археографическая Коммиссія, по случайнымъ обстоятельствамъ, не вполнѣ воспользовалась лицевыми рукописями. Исчерпавъ матеріалъ Голицынскаго и Лаптевскаго списковъ, при изданіи т. IX П. С. Р. Л. и X-го до

стр. 139, Коммиссія къ «Древнему лѣтописцу» обратилась лишь въ XI т. Такимъ образомъ, варьянты Остермановскаго списка къ тексту, который напечатанъ на стр. 139—234-й X-го тома не вошли въ изданіе.

Голицынскій [18]) и Лаптевскій списки даютъ лѣтописный текстъ за 1114—1252 гг. Отличія ихъ отъ основного Никоновскаго текста столь значительны, что большая часть первой половины X-го т. П. С. Р. Л напечатана въ 2 столбца. Главный источникъ этихъ отличій и дополненій Воскресенская лѣтопись; лишь очень немногія изъ нихъ не объясняются сопоставленіемъ съ Воскресенскимъ текстомъ. При этомъ вставки дѣлались не вполнѣ механически: редакторъ лицевого свода часто соединялъ оба изложенія; тамъ, гдѣ онъ предпочитаетъ Воскресенскій текстъ, онъ часто пополняетъ его на основаніи Никоновскаго — и наоборотъ. Мѣстами,— очень рѣдко,— можно отмѣтить переработку источника — либо для связи съ предыдущимъ и послѣдующимъ, либо для сокращенія или распространенія.

Вѣ статьѣ о Мономаховыхъ регаліяхъ — «Княженіе великаго князя Володимера Всеволодича Монамаха въ Кіевѣ, внука Ярославля»—(П. С. Р. Л. IX, стр. 143—144)— лицевой сводъ сначала («По преставленіи же — — — — марта въ 20 день») слѣдуетъ Никоновской, съ небольшими отличіями (слова: «и

---

18) Т. е. его первые 381 л.л.; объ остальной части см. ниже. Голицынскій списокъ изданъ кн. Щербатовымъ подъ заглавіемъ: «Царственный лѣтописецъ» (Спб. 1772 г.). Текстъ въ изданіи воспроизведенъ въ слѣд. видѣ: л.л. 1—I-я стр. л. 65 (до стр. 25, кончая «а иныхъ живыхъ плѣни»); причемъ текстъ л.л. 7—13 вовсе пропущенъ (ср. П. С. Р. Л. т. IX, стр. 145 и Ц. Л. стр. 3); л.л. 80—119; л. 65 об. (стр. 41 со словъ: «Въ лѣто 6647») — л. 77 (I-я стр.); 120 (стр. 47: «Въ лѣто 6651») — л. 151 (I-я стр.); л. 77 об. (стр. 62: «Того же лѣта поима грады Юрьевы»)—79; л. 151 об. (стр. 63: «Того-же лѣта бысть знаменіе»); дальше текстъ въ порядкѣ рукописи, но съ пропусками: нѣтъ текста л. 515 и I-й стр. 516 (стр. 225 передъ словами: «Того же лѣта погорѣ градъ Полотескъ весь»); л.л. 558 и слѣд. до I-й стр. л. 585 вкл. (стр. 243 передъ словами: «Сказаніе вкратцѣ о Латынѣхъ») и л.л. 612 об.—615 (стр. 256 передъ словами: «Отъ иныхъ книгъ о Петрѣ Гугнивомъ»). Кромѣ того, указана лишняя картинка на стр. 204 передъ загл.: «О Аврааміи владыцѣ Суздальскомъ»; въ рукописи въ этомъ мѣстѣ нѣтъ миніатюры.

пріяша его Кіяне съ великою честью» добавлены на основаніи В. 3), а затѣмъ (со словъ: «и людіе возрадовашася — — — — егда ставятся на великое княженіе») приводитъ статью В-ской (ib. VII, 23).

Менѣе удачно введена вставка изъ В. (VII, 52) на стр. 187—188, т. IX: издатель отмѣтилъ въ началѣ и концѣ ея «пропуски»; понимать это надо такъ, что ред. Л. слишкомъ механически ввелъ выдержку изъ В. въ текстъ Н.; кончается эта вставка Л. такъ: «Во утріи же день прінде князь великій же кіевскій — — — —» (ср. В.: «Во утріи же день прінде Юрьи исполчився къ Кіеву...»).

Вставка на стр. 191—194 изъ В. (56—58) вводится словами: «Чежскій же король (это изъ Н.) и Ляхове не идоша» (В.: «Ляхове же не идоша..»). Текстъ вырѣзанныхъ листовъ Л., сходный съ В., возстановляется по копіи XVII в. Въ эту вставку изъ В.—внесенъ изъ Н. текстъ—«Того же лѣта князь великій Юрьи Долгорукій — — — на помощь къ себѣ» (IX, 194), въ замѣнъ словъ В.: «Князю Юрью же.... ми въ помочь» (VII, 58).

Такое же соединеніе В. и Н. па стр. 208, IX т.: «пивъ бо Юрьи — — — грабяху» изъ В. 66, но слова: «княживъ лѣтъ 33» и «сынове его — — — Всеволодъ» изъ Н.

На стр. 209—210, 211—212, 231—вставки изъ В. (66, 67).

На стр. 238—239—изъ В. (VII, 84) съ доб. изъ Н.: «и тако возвратишася кождо во свояси»; конецъ о Глѣбѣ—на основаніи В. (84), съ доб. перечня предковъ.

На стр. 249—250, 252, 253, 254—изъ В. 89—90, 91.

Но разсказъ о войнѣ Андрея Боголюбскаго съ Новгородцами (IX, стр. 241—244) взятъ ред. Л. не изъ В., а изъ Степенной книги (т. I, стр. 302—304), причемъ ея текстъ нѣсколько пополненъ на основаніи Никоновской.

Въ текстѣ Г. и Л., изданномъ въ X т. П. С. Р. Л. находимъ также значительное количество вставокъ и измѣненій, сравнительно съ Никоновской, которыя по большей части—объяс-

няются заимствованіями изъ Воскресенской. Характерный образецъ мозаичной редакціонной работы, сводившейся къ слiянію ред. В. и Н., находимъ на стр. 10: тутъ слова: «Болгари же изъ города Собѣкудя — — — — видѣвше же ихъ Болгари» — изъ В. (VII, 96—97); «Божіей помощью — — — — устрашени быша» — изъ Н.; «побѣгоша» изъ В.; «и никому же — — — — гоними» изъ Н.; «Бѣлозерци — — — — вои» изъ В.; «видѣвше — — — — въ слѣдъ ихъ» изъ Н.; «сѣкуще я» изъ В.; «Половцемъ — — — — тысящь» изъ Н.; «Всеволодъ — — — — — челобитіемъ» — изъ Воскресенской.

Соединеніе В. и Н. находимъ на стр. 12—17, 22, 24—26, 26—30, 36, 52, 53—55; на стр. 19—21 [19]) и 61—62 — не всѣ мелочи текста лицевыхъ рукописей объясняются В. и Н.; на стр. 29 пропущены слова В: «Рюрикъ же рѣчи своея не управи, свата своего великаго князя Всеволода не дождавъ, приступи къ Ольговичемъ» (VII, 106), потому что замѣнены выше словами Н.: «Всеволоду же Юрьевичю о семъ коснящу — — — — помирися со Ольговичи»; и наоборотъ, пропуски Л., указанные на стр. 31 (пр. 3 и 4), объясняются тѣмъ, что извѣстія эти приведены на стр. 28 изъ В. На стр. 75 въ выписку изъ В. внесены изъ Н. слова: «въ одной срачицѣ» (писаны на поляхъ, причемъ знакъ «ὑ» указываетъ мѣсто вставки). Дальнѣйшія соединенія В. и Н.: на стр. 79 (съ перестановкой словъ В.: «Во утріи же — — — Логина», которыя въ В. VII, стр. 125 выше послѣ словъ: «въ монастыри Вознесенія за Златыми враты»); 83—86; 87 (изъ В., 128: «и губи множество ихъ»), 105, 107, 108—109, 110—113, 113—115, 117—118. Стоитъ только выдѣлить все, что̀ есть въ текстѣ лицевыхъ рукописей тожественнаго съ сосѣднимъ текстомъ Никоновскимъ, — и останутся заимствованія изъ Воскресенскаго.

---

19) При печатаніи стр. 21—22 т. X-го П. С. Р. Л. произошелъ недосмотръ: въ рукописи Л. первая стр. 440 л. кончается: «сынъ Дмитріи, Октября въ 25», а на 2-й стр. этого листа идетъ текстъ: «въ лѣто 6702. Князь велики Всеволодъ—» (ср. стр. 21 и 22). Въ Л. нѣтъ всего того, что̀ напечатано между этими словами.

Есть и рядъ простыхъ, дословныхъ вставокъ изъ В.: на стр. 11, 31 (съ измѣненіемъ порядка извѣстій), 32—33, 35. Въ послѣдней очевидны слѣды механическаго соединенія текстовъ: Л. пишетъ такъ: «Тоѣ же зимы князь велики Кіевскій Рюрикъ Ростиславичь——— взяша великій и славный градъ Кіевъ Рюрикомъ и Ольговичи———»; неудачная конструкція объясняется тѣмъ, что до словъ «градъ Кіевъ» Л. слѣдуетъ Н., а затѣмъ переходитъ къ В., гдѣ читаемъ: «взятъ бысть Кіевъ Рюрикомъ и Ольговичи———» (VII, 107). Далѣе изъ В: 74—76; 77 (заглавіе; см. пр. к.), 78—79, 82 (двѣ вставки), 89, 90, 93, 97—98 (съ перестановкой извѣстій), 99, 99—101 [20]), 103, 133.

Но иногда сличеніе съ Воскр. не объясняетъ отличій Лап. отъ Ник. Таковы варьянты на стр. 1 (пр. в.), 2 (пр. а.), 8 (пр. т.), 9, 28 (слова: «а полкы есмь ихъ побѣдилъ»), 30 (пр. л.), 43 (О перенесеніи мощей св. Симеона; Л., какъ Хрон. 1-й ред.; въ Ник. эти строки Хр-фа пропущены, и выписаны слѣдующія: «и умоленіемъ———— сотвори»), 42 («Того же лѣта посла папа——— въ Римъ») 59 (это, быть можетъ, простое сокращеніе Ник.); 68 (пр. п.). Кромѣ того, въ нѣкоторыхъ текстахъ, составленныхъ путемъ соединенія Ник. и Воск., нѣкоторыя мелочи, какъ было указано для стр. 19—21 и 61—62,—не объясняются этими источниками. Такъ въ статьѣ: «О войнѣ на Болгары» (стр. 83—86) — добавлено нѣсколько отдѣльныхъ словъ: послалъ Юрій Олега «съ воинствы своими въ помощь»; бысть радость въ Володимирѣ «о пришествіи Святославли»; Юрій не пріятъ «моленія ихъ и отпусти ихъ» и т. п.; или въ статьѣ: «о войнѣ на Мордву (стр. 94—95), вм. текста В. (VII, 134): «а скоты избиша, а полонъ послаша назадъ, а Мордва вбѣгоша въ лѣсы» читаемъ болѣе распространенное описаніе: «а села пожгоша—» и т. д. Но всѣ отличія этого рода такъ мелки, что нѣтъ основа-

20) Слова: «Того же лѣта пріиде изъ Кіева архіепископъ Спиридонъ—————— и всея Руси (т. X, 100) читаются въ Л. на л. 279 — передъ словами: «того же лѣта въ Новѣградѣ Стефанъ Твердиславичь——» (тамъ же, 101).

нія объяснять ихъ самостоятельной работой редактора лицевого свода: они могутъ быть отличіями списковъ, а не редакцій.

Иное дѣло сказанія объ Александрѣ Невскомъ и Михаилѣ Черниговскомъ. Ихъ редакція въ лицевомъ сводѣ значительно отличается и отъ Ник. и отъ Воск., такъ какъ сказанія эти переработаны на основаніи Степенной книги. Сказаніе о Невской побѣдѣ въ началѣ (т. X, стр. 119—120) изложено по Степ. книгѣ (т. I, стр. 357—358) съ нѣкоторыми добавленіями изъ Ник.; далѣе лицевой сводъ слѣдуетъ сперва Ник., потомъ Воск. (стр. 121—122), но молитву Александра приводитъ по Степ. книгѣ (I, 361).—Въ послѣдующихъ новгородскихъ извѣстіяхъ Лап. слѣдуетъ Воск., пополняя ею Ник., но посольство арх. Спиридона и встрѣча Александра Новгородцами изложены подробнѣе, чѣмъ въ обѣихъ.

Разсказъ о Ледовомъ побоищѣ также составленъ изъ Ник. и Воск.; но слѣдующія за нимъ извѣстія о чудѣ во Псковѣ и о кончинѣ Варлаама Хутыньскаго (т. X, 128)—взяты изъ Степ. Книги (I, 353—354).

Изъ нея же взяты статьи: «Хоженіе Александрово во Орду, ему же Батый удивися и честь велію въздаде» (стр. 134—135: ср. Степ. Кн. I, стр. 365—366) и «Плѣненіе Неврюево» (стр. 138—139; ср. Степ. Кн. I, стр. 367—368).

«Повѣсть объ убіеніи князя Михаила Черниговскаго и боярина его Ѳедора отъ царя Батыя въ Ордѣ», напечатанная изъ Лап. въ приложеніи къ X т. П. С. Р. Л.,—та же, что въ Степ. кн. (I, стр. 340 сл.), но съ дополненіями изъ Воскр. (т. VII, стр. 153—155); изъ нея взяты: начало («Въ то же лѣто убіенъ — — — — затворяхуся въ градѣхъ», кромѣ словъ «Богу сице попустившю»; замѣтка о юности Михаила («Сей блаженный — паучины»); слова: «иніи-же бѣжаша — — Богу молящеся»; «затворившихся во градѣ немилостивно изби»: «татарове же начаша звати — — — — — поклонишася ему» (это на стр. 237—238); «еюже льститъ христіаны» (стр. 239); обращеніе кн. Михаила къ Ѳедору и жалоба волхвовъ Батыю (стр. 240); упоми-

наніе о боярахъ Бориса Васильковича (стр. 241); слова: «иже бо постыдится — — — въ родѣ семъ»; моленіе Бориса и отвѣтъ Михаила; слова: «тогда ѣха Елдега — — — за Христа»; «и глаголаху ему — — — мученичны» (стр. 242); «святая же тѣлеса — — — — на устрашеніе поганымъ» (стр. 244); изъ Ник. (стр. 131—132): слова: «и во всей Русской земли славна тебя сотворю» (на стр. 242) и «та же рече — — — — — бесконечная» (на стр. 242).

V.

Продолженіе лицевого свода, послѣ небольшого пробѣла, объясняемаго утратой листовъ,— находится въ такъ называемомъ «Древнемъ лѣтописцѣ» или «Остермановскомъ» спискѣ Никоновской лѣтописи. Эта рукопись въ двухъ фоліантахъ содержитъ лѣтописный текстъ за 1253—1424 годы. Отличія его отъ Ник. — съ начала княженія Дмитрія Донского — приведены въ XI т. П. С. Р. Л. Они носятъ тотъ же характеръ, что отличія Г. и Л., т. е. въ большинствѣ сводятся къ заимствованіямъ изъ Воскресенской лѣтописи [21]).

Отмѣчу только тѣ изъ нихъ, которыя не объясняются Воскресенской.

На стр. 63—64 читаемъ двѣ вставки, изъ которыхъ вторая восходитъ къ Новг. IV (П. С. т. IV, стр. 80), какъ указано въ изданіи.

На стр. 198—153: Д. выпускаетъ славянскія и греческія извѣстія, конечно потому, что они нашли уже мѣсто въ хронографической части энциклопедіи.

---

21) Иногда ред. Д. не умѣетъ избѣжать повтореній, слѣдуя двумъ источникамъ: напр. на стр. 91: «появишася — — — полки рати Литовскія» (изъ Н.) «и узрѣша Смоляне въ полѣ стяги Литовскія рати» (изъ В). Одно и тоже извѣстіе (о Семенѣ Лугвенѣ) сперва изъ Н. (на стр. 95), потомъ изъ В. (стр. 121).

На стр. 157 въ Д. находится болѣе подробная запись о побѣдѣ кн. Константина Бѣлозерскаго надъ Шведами.

Повѣсть о Владимирской иконѣ въ Д.— изъ Степ. Кн. (см. пред. къ XI т., П. С. Р. Л.). Въ «Повѣсти древней, списанной о житіи великаго князя Михаила Александровича Тверскаго» (стр. 175—183) — Д., слѣдуя въ общемъ Ник. и пополняя ее Воск. (ср. стр. 179—180 съ Воск. VIII, стр. 73—74), даетъ имя матери Михаила «Настасѣя», котораго нѣтъ въ Н. и В., отступаетъ въ разсказѣ о перенесеніи иконы въ соборъ, выпускаетъ разсказъ о впечатлѣніи, какое произвелъ слухъ о желаніи князя постричься.

На стр. 198—201 — «Вмалѣ сказаніе о блаженной великой княгини Евдокіи» — взято изъ Степ. Кн. (I, 509—514), съ сильнымъ сокращеніемъ гл. 15 и пропускомъ 16 и 17-й.

Дальнѣйшій текстъ лицевого лѣтописнаго свода — за 1425—1534 г.г.— сохранился въ спискѣ Шумиловскомъ (Публ. Биб. F. IV, 232) и въ послѣдней части Голицынскаго (л.л. 382—1035), въ такомъ порядкѣ: Шум. л.л. 1—23, затѣмъ одинъ утраченъ, 25, 24; къ л. 24 примыкаютъ л.л. 382—1035 Г-го; далѣе, остальные—26—986 л.л. Шумиловскаго.

Въ указанной части Г. мы имѣемъ переработку Никоновскаго текста на основаніи Воскр. лѣтописи и Степенной Книги.

Въ «Повѣсти о Фотіи митрополитѣ» (л.л. 406—415; «Цар. лѣт.» стр. 166 — 177) отличіе Г.— только въ перестановкѣ текста (годъ кончины и мѣсто погребенія указаны въ концѣ, а не въ началѣ повѣсти, какъ въ другихъ сп. Ник., причемъ добавлено: «паслъ церковь Божію 22 лѣта и 10 мѣсяць»), и мелкихъ варьянтахъ.

Вставки изъ Воскр.: на л.л. 704—705 («Въ лѣто 6956 — — о нападеніи казанцевъ, съ поправкой: Воск. VIII, стр. 121: «посла противу ихъ князя» (имя пропущено), а Г.: «посла противу ихъ воиньство свое»); л. 709. «О поставленіи на митрополью Рускую Иону владыку Рязанскаго» (Воск. 121; Цар. лѣт. 295—296); л.л. 737—738 (Цар. лѣт., стр. 306—307)—

начало статьи «О взятіи Царягорода» (Воскр 125 — кончая «иже зовется Констянтинъ градъ»); л.л. 900—905 (Цар. лѣт. стр. 379—381): «Того же лѣта поиде безбожный царь Махмутъ — — — — — и съѣде въ монастырь къ Спасу» (Воскр. 151—152).

Вставки изъ Степ. кн.: л.л. 958—959 (Цар. лѣт. 401—402): «О преставленіи блаженнаго Іоны, арх. Новоградскаго», до: «по преставленіи же — — — — Іоны людіе Новоградстіи» (Степ. кн. II, 102); л.л. 965—967 (Цар. лѣт. 406—408): «Посланіе Филиппа митрополита въ Новъградъ» и «Поученіе Феофилово» (Степ. кн. II, 105—106); л. 975 (Цар. лѣт. 412—413)—молитва великаго князя (ib. 110); л. 976 (Цар. лѣт. 413) «и тако благочестія дѣлатель — — — со многымъ умиленіемъ» (ib. 110); л. 977 (Цар. лѣт. 414): «всея Русіи великаго князя Владимера — — — — — дръжавы вашея» (ib. 110); л.л. 980—981 (Цар. лѣт. 416—417): «Въ богоспасаемѣмъ же градѣ — — — — на новгродцы» (ib. 111); л.л. 985—987 (Цар. лѣт. 418—419): «бяше же земля Новоградская езеры — — — на брезѣ у езера Илменя» (ib. 112); л. 993 (Цар. лѣт. 421) — «а окаянніи измѣнници — — всея ихъ рати» (ib. 113), въ соед. съ Ник., изъ котораго слова: «спроста рещи плотници и гончары» — вставлены въ текстъ Степ. кн.; л.л. 994—995 (Цар. лѣт. 422) соединеніе Ник. со Степ. кн. (113); л. 1001 (Цар. лѣт. 424) — «трепетъ вниде въ сердца наши — — — и многія власти» (ib. 114—115); л.л. 1002—1003 (Цар. лѣт. 425): «возвѣщающе такову преславну — — — радость велія во всѣхъ» (ib. 115); л.л. 1004 (Цар. лѣт. 426) «Князю же Михаилу — — — — — — съ Коробьинымъ» (ib. 115); л. 1005—1006 (Цар. лѣт. 427), «Збытіе пророчества преподобнаго Зосимы Соловецскаго» (ib. 116); л.л. 1007—1008 (Цар. лѣт. 427—428) — соед. Ник. съ Степ. Кн. (116); л.л. 1012—1014 (Цар. лѣт. стр. 489—430): «О нареченномъ владыцѣ Феоѳилѣ» (ib. 117); л. 1020 (Цар. лѣт. 432—433): «О пришествіи великаго князя отъ Новаграда на Москву» (ib. 118); л.л. 1024—1026 (Цар. лѣт.

434) — конецъ той-же статьи (ib. 118). Такимъ образомъ, весь разсказъ о паденіи Новгорода передѣланъ на основаніи Степенной книги.

Такого же рода передѣлку Никоновскаго текста находимъ и въ Шумиловскомъ спискѣ; только въ этой части лицевого свода дополненія черпались, кромѣ Воскресенской лѣтописи и Степенной книги, также изъ Софійскаго Временника и свода, схожаго съ Новгородской IV.

Изъ Воскр.: л. 107 об.: «Ѡ ростóвскихъ князѣхъ» (П. С. т. VIII, стр. 180); л.л. 111—113=В. 181 [22]), причемъ въ Ш. было написано, какъ во всѣхъ сп. В.: «мендидирѣа», но потомъ затерто мѣломъ и поверхъ поправлено: менглигирѣа; л. 164 об. = В. 183, съ сохраненіемъ описки: «агизирѣеву», какъ всѣ списки В., а «менгирѣя» переправлено па менглигирѣя; л.л. 289—316[1] = В. 200—204; л.л. 317—326 = В. 204—205; л.л. 328—331 = В. 205; л.л. 332—344 = В. 205—207; л. 366[1] = В. 213; л.л. 373—377 = В. 214—215; л.л. 389 об.—395 = В. 216; л. 401 = В. 217; л.л. 411—415 = В. 217—218; л. 431 об.= В. 219; л.л. 433 об.—435 = В. 219; на л.л. 436—441 разсказъ о митр. Зосимѣ составленъ изъ текстовъ Степ. кн., Новг. IV и В. 220; л. 441 об.= В. 221+ Новг. IV (П. С. IV, стр. 159); л. 444[1] и 445 = В. 221; л.л. 449 об.—453 = В. 221—222 (съ варьянтами); л. 485 = В. 225; л. 495 об.= В. 226; л. 517—520= В. 229—230 съ сохраненіемъ изъ Ник.: «Послалъ князь великій — — — подъ городъ Выборъ»; л. 524=В. 231; л. 547=В. 233; л.л. 573—575 = В. 237; л.л. 608—609 = В. 241; л. 618 = В. 241—242; л.л. 657—659 = В. 246; л. 668 = В. 247; л. 678 = В. 248; л. 682=соед. Воск. (248) и Ник.; конецъ л. 288=В. 249; л. 691 = В. 249; л. 698 об.= В. 250; л. 699 об.= В. 250; л.л. 735—737 = В. 254—255; л.л. 754—759 = соед. В. (257—258) съ Ник.; л. 817 об.=В. 268.

22) Знаки равенства надо понимать условно: на соотв. листахъ Ш. есть вставки съ указанныхъ стр. Воскр.

Изъ Степ. Книги: л. 284 об.—289 = т. II, стр. 136—137; л.л. 344 об.—345 = стр. 139 («Тогда же быша — — — на Угру»); л.л. 345—354 = посланіе Вассіана (заглавіе и помѣтка: «конецъ посланію», кин., какъ въ Степ. Кн.); л. 356 = стр. 150 («Во градѣ же богоспасаемомъ...»); л.л. 377—379 = стр. 151 («Воеводъ же своихъ — — — дань даяти себѣ»); л. 436 sq.—см. выше; л. 460 = стр. 158 («а на Углечь — — — ничимъ же») л.л. 831 об.—832 = стр. 195 («О лукавномъ соединеніи кралевѣ съ Крымскимъ» — — — «ихъ же тогда одолѣ»); л. 833 = стр. 195—196 («знаменіе въ соборной церкви»); л. 834 — разсказъ о набѣгѣ Магметъ Гирѣя составленъ изъ текстовъ Степ. книги и Ник. лѣт.: начато, какъ въ Степ. кн. II, стр. 196: «по си^x же не мнωго времѧ минꙋ. лꙋкавнѣйши», а затѣмъ, какъ въ Ник.: «безбожный, гордый....» (т. VI, стр. 228); на л. 834 об. опять тексгъ изъ Степ. кн., который продолжается на л.л. 835—850=стр. 196—201 (до «бояшеся рускія рати»); л.л. 884—887 = стр. 205—206 (до «исправленіемъ благочестія»); л. 888 — къ извѣстію Ник. о рожденіи Ивана Вас. присоединенъ текстъ изъ Степ. кн. (206; «и не токмо все русское царство...»); л.л. 889—890 — соед. Ник. и Степ. кн. (206—207); л. 891 — тутъ видны слѣды редакціонной работы: сперва написано, что младенецъ у купѣли «бѧше поддержимъ нѣкоими избранными двема иноки тоѧ же ωбители. третій же старець троецкой іевъ коурцовъ» (ср. Воскр. VIII, 274), но слова «третій-же...» и т. д. зачеркнуты; и ниже: «пріяша от с҃тыя купѣли Данилъ и Касіанъ» — послѣднее имя писано по заклеенному, кажется: «іовъ»; л.л. 891—896=стр. 207—210 («потребными издоволивъ ихъ»; л. 897 = стр. 210—211 («о немъ же послѣди речется»); л. 960 об. = стр. 211 («О лукавствѣ исламовѣ»).

Изъ Соф. Вр. (Соф. II): л.л. 119—131=П. С. Р. Л. т. VI, стр. 200—203; л.л. 131—142 = стр. 203, л.л. 14 —154 = стр. 204—205; л.л. 937 об.—939=стр. 265—266.

Изъ Соф. лѣт. особаго состава, часть которой издана, какъ «Отрывокъ русской лѣтописи», въ VI т. П. С. Р. Л.: л.л. 919—

923=стр. 288—289; л.л. 929 об.—937=стр. 289—290, съ добавленіемъ имени нарядчика при постройкѣ моста: «а нарѧдчикъ былъ Ѳилатъ Бобровникъ»; л.л. 951 об.—952 (до: утреннее пѣніе отпѣти)=стр. 291; л.л. 975—986=стр. 290—291, кончая извѣстіемъ о пожарѣ во Псковѣ.

Столь большое количество дополненій къ Никоновскому тексту въ Шумиловскомъ спискѣ понятно, такъ какъ тутъ излагались событія княженій Ивана III и Василія III, полныхъ особенно живого интереса для составителей лицевого свода, воздвигавшихъ своеобразный художественный и историческій монументъ Московскому Царству. Тѣмъ интереснѣе отмѣтить, что редакторъ (-ры) свода работалъ надъ готовымъ и уже обработаннымъ матеріаломъ, не имѣя, повидимому, почти никакихъ источниковъ, кромѣ ранѣе существовавшихъ сводовъ. Въ Шумиловскомъ спискѣ могу отмѣтить только два извѣстія, которыхъ не нахожу[1]) въ извѣстномъ лѣтописномъ матеріалѣ: на л. 426 об. 427[1]—перечислены мастера, привезенные Ралевыми изъ Италіи въ 1490 г.: «и приведоша с собою к великомꙋ кн҃зю мастеровъ архитектонъ имене̑ петръ антоній да оучн҃къ его замантѡ мастеры стѣнные и полатные да поушечного мастера ꙗкова з женою. да серебраны҃ мастеровъ христофора з двема оучн҃ки ѿ рима да ѡлберда немчина из любска. да карла со оучн҃ко̑ из медиѡлама да петра раика грека из венецѣи да каплана бѣлых черньцовъ. августинова закона ивана списателя арганнаго игреца. да лѣкаря жидовина мистра леѡна из венецѣи»; и на л. 433 — «о отпущеніи шꙋрина великаго кн҃зѧ Андреѧ в свою землю. Тоя҃ зимы отпустилъ кн҃зь великіи шурина своего брата великія кн҃гини Соѳіи Андрея Фомина с҃на деспота амморрейскаго въ свою землю». Кромѣ того на л.л. 679—681 сказаніе «Ѡ положеніи мощей великых кн҃зей и оудѣлных во архаг҃глѣ»—вначалѣ сходное съ Ник. VI, 180, затѣмъ распространеннѣе.

1) Кромѣ Типографскаго лѣтописца, стр. 317, гдѣ есть первое извѣстіе. Оба—указаны А. А. Шахматовымъ въ Симеоновской лѣтописи («Извѣстія», т. V, кн. 2-я, стр. 503—504).

VI.

Послѣ новаго пробѣла (нѣсколько листовъ утрачено: Ш.— л. 974—кончается извѣстіемъ о посольствѣ Кудояра; см. Ник., по Ак. изд., т. VI, стр. 259—передъ статьей о преставленіи вел. к. Василія Ивановича)—дальнѣйшій текстъ лицевого свода сохранился въ рукописи Моск. Синод. Биб. № 962, такъ называемой «Никоновской съ рис.». Ея 7—93 л.л. даютъ текстъ за 1535—1542 г.г., л.л. 94—495 за 1553—1560 г.г., а л.л. 496—622 за 1563—1567 г.г. Дефекты этой части свода нѣсколько пополняются «Царственной книгой» и копіей XVII в., о которой — ниже.

«Ник. съ рис.» весьма мало отступаетъ отъ Никоновскаго текста въ той редакціи, какая сохранилась въ спискахъ Об., а также Б. А. Н. и Т.,—до л. 361, первая страница котораго кончается такъ, какъ эта редакція—извѣстіемъ о походѣ въ Ливонію въ 1558 г. (Ак. изд. т. VII, стр. 312). Оригиналомъ «Ник. съ рис.» нельзя считать ни одного изъ этихъ списковъ;— какъ весь лицевой сводъ—она, по многимъ варьянтамъ, можетъ быть имъ противопоставлена и, кромѣ того, не знаетъ тѣхъ отдѣльныхъ извѣстій, какими они заканчиваются. Ея особенности должны быть отнесены на счетъ того подлинника, какой находился въ рукахъ писцовъ; сколько-нибудь явныхъ слѣдовъ позднѣйшей переработки указать нельзя, если оставить въ сторонѣ извѣстныя скорописныя поправки и дополненія.

Со второй стр. 361 л. идетъ продолженіе свода, почерпнутое изъ того же источника, какъ въ сводѣ, который сохранился, между прочимъ въ печатной Львовской, но также и въ нѣсколькихъ рукописяхъ. Но въ этомъ сводѣ изложеніе доведено лишь до февральскихъ событій 1560 г., а въ «Ник. съ рис.» оно продолжается до 1567 г. Если до 1560 г. редакторъ лицевого свода могъ воспользоваться готовымъ сводомъ, сходнымъ съ Львовской лѣтописью, то дальнѣйшее изложеніе слѣдуетъ, пови-

димому, признать продуктомъ самостоятельной работы, отразившейся также въ сдѣланныхъ скорописью поправкахъ и дополненіяхъ на разныхъ листахъ «Ник. съ рис.» и «Царств. книги»; въ пользу предположенія, что въ послѣдней части лицевого свода мы имѣемъ самостоятельную работу ея редактора (того-же, который дѣлалъ упомянутыя скорописныя приписки или нѣтъ,— это другой вопросъ), говоритъ и то обстоятельство, что эта часть свода вовсе не отразилась въ нашей письменности конца XVI и даже XVII в., если не считать единственной копіи съ лицевого свода.

Къ этой копіи теперь и обратимся. Она сохранилась въ двухъ рукописяхъ: Лебедевской [23]) (нынѣ Публ. Биб-ки) и Александро-Невской (Пет. Дух. Ак. № 298). Обѣ эти рукописи, тожественныя по своимъ палеографическимъ особенностямъ, слѣдуетъ разсматривать, какъ одну копію съ части лицевого свода.

Лебедевская рукопись [24]) при переплетѣ въ XVIII в. раздѣлена на 4 тома; всего въ ней 929 л. Первыя три тома содержатъ копію съ 1—381 л.л. Голицынскаго списка и со всего Лаптевскаго, безъ отступленій и съ сохраненіемъ дѣленія текста на отрывки, служившіе въ оригиналѣ— подписями подъ картинками. Текстъ сильно перепутанъ, очевидно, потому, что передъ переписчикомъ былъ лицевой сводъ съ перепутанными листами. Эти три тома не даютъ ничего новаго, сравнительно, съ Г. и Л. для изученія лицевого свода. За то важенъ IV-й томъ. Первый

23) IV томъ Лебедевской рукописи изданъ подъ загл. «Лѣтописецъ русскій (Московская лѣтопись)» въ «Чтеніяхъ» за 1895 г. Но того, что напечатано въ этомъ изданіи на стр. 1—9—въ рукописи нѣтъ и откуда взятъ текстъ указанныхъ $8^1/_2$ стр. остается неизвѣстнымъ (очевидно, изъ какой-то другой рукописи покойнаго А. Н. Лебедева, но въ изданіи указанія нѣтъ). IV томъ Леб. начинается словами: «а в Колугу царя Дербышъ Алѣя» (стр. 9). Точно также нѣтъ въ рукописи текста, отпечатаннаго на стр. 31—32 отъ словъ: «отъ лѣта 6958 — — — — » до: «церкви надо рвомъ», и на стр. 85: «Приходъ ко Государю отъ Турскаго салтана купца его Мустаѳы Челебея» — до словъ: «ковры шелковы золотомъ». Не имѣя подъ руками рукописи, я не рѣшился отмѣтить это странное обстоятельство въ рецензіи, помѣщенной въ Ж. М. Н. Пр. 1895 г. № 6.

24) См. Ж. М. Н. Пр. 1895 г. № 6, стр. 466 сл. Рецензія на изд. «Чтеній».

его листъ—606 общей нумераціи—даетъ копію съ утраченнаго листа «Ник. съ рис.» передъ ея 94 л., текстъ котораго: «а въ Колугу — — — — — царю Азстораханскому»—см. въ изд. «Чтеній» стр. 9 (ср. Ник. VII, стр. 206); далѣе Леб. 781 л. даетъ копію съ утраченнаго листа «Ник. съ рис.», который слѣдовалъ за ея 399 л.: «И Богданъ — — — — — Голбенъ городъ» (ib. стр. 110; ср. Львовскую, т. V, стр. 261). Но главную цѣнность Леб. составляютъ ея листы 830 об. — 929, сохранившіе текстъ утраченныхъ листовъ лицевого свода, съ изложеніемъ событій съ февраля 1560 г. по февраль 1563 г. Этимъ пополняется пробѣлъ между 495 и 496 л.л. «Ник. съ рис.» (см. въ изд. «Чтеній» стр. 135—189).

Александро-Невская лѣтопись [25]) есть пятый томъ Лебедевской ркп͠си, ея 930—1498 л.л., хотя, по содержанію, ея мѣсто было-бы между 3 и 4 томами, что и вызвало ошибочное замѣчаніе о нумераціи ея листовъ въ упомянутой рецензіи на изданіе «Чтеній». Она содержитъ вначалѣ, на л.л. 3—135 об., копію съ л.л. 496—622 «Ник. съ рис.» (эта часть А.-Н. лѣт. издана въ III т. Русск. Ист. Библ. подъ названіемъ «Отрывокъ изъ лѣтописи о временахъ царя Іоанна Васильевича Грознаго», но съ дефектомъ [26]); а затѣмъ копію съ разрозненныхъ и перепутанныхъ листовъ «Ник. съ рис.», отчасти такихъ, которые въ подлинникѣ утрачены: ихъ мѣсто было бы передъ ея 7 л. и между 93 и 94 л.л. «Ник. съ рис.». Въ брошюрѣ о «Царств. книгѣ» я уже отмѣтилъ, что А.-Н. лѣт., списывая тѣ-же листы, которые были оригиналомъ для «Царств. книги», не вполнѣ совпадаетъ съ «Царственной книгой». Это потому, что А.-Н. даетъ копію съ листовъ «Ник. съ рис.», сохраняя поправки, сдѣланныя на послѣдней скорописью редактора; а въ «Царств. книгѣ» есть отличія, которыя внесены, очевидно, при перепискѣ на-бѣло, сверхъ этихъ поправокъ.

---

25) См. «Царств. книга, ея составъ и происхожденіе», стр. 28—29.
26) См. «Царств. книга, ея происхожденіе и составъ», стр. 25, пр. 32.

Судя по характеру всей копіи, можно А.-Н. считать вѣрнымъ спискомъ съ утраченныхъ листовъ «Ник. съ рис.» и воспользоваться ею для реставраціи нашего дефектнаго экземпляра послѣдней. Но затрудненіе представится въ томъ, что нѣкоторые листы были передъ переписчикомъ въ двухъ и трехъ видахъ: повидимому, это тѣ, «двойные и тройные» многіе листы, о которыхъ говоритъ кн. Щербатовъ въ предисловіи къ изданію «Царственной книги»; къ сожалѣнію, онъ не говоритъ, были ли одни изъ дублетовъ разцвѣчены, а другіе нѣтъ, что̀ очень вѣроятно, ибо естественно предположить, что одни изъ нихъ, собственно, принадлежали къ «Ник. съ рис.», а другіе къ «Царств. книгѣ». Щербатовъ, подбирая изъ этихъ листовъ «Царственную книгу», сберегъ лишь подходившіе къ общему ея типу листы нераскрашенные. При сличеніи тѣхъ отрывковъ лицевого свода, которые дважды встрѣчаются въ А.-Н. лѣтописи нетрудно замѣтить, что повтореніе — не буквальное и что одинъ изъ варьянтовъ дословно схожъ съ соотвѣтствующимъ мѣстомъ «Царств. книги», а другой сохраняетъ первоначальную редакцію листа «Ник. съ рис.». — Такъ напр. л. 40—41 Цар. кн. буквально списаны на л. 227 А.-Н.; но раньше тотъ же текстъ писанъ съ вар.: въ перечнѣ бояръ, призванныхъ къ вел. князю, послѣ Шуйскихъ (см. «Царств. кн.» стр. 18) стоитъ: «и михаила воронцова и михаила тучкова и князя михаила глинскаго», причемъ эти имена въ А.-Н. перечеркнуты; къ л. 41 дублетъ ко̀піи даетъ лишь незначительный варьянтъ: «и приказалъ имъ великій государь» — въ «Царств. кн.» (какъ А.-Н. на л. 227) словъ «вел. госуд.» нѣтъ (стр. 18). Текстъ л. 140 Царств. кн. — сперва въ видѣ копіи съ л. 18 «Ник. съ рис.»; затѣмъ (на л. 529) съ «Царств. кн.» и т. д.

Что касается остальныхъ листовъ, не имѣющихъ дублетовъ, то для сравненія съ «Ник. съ рис.» могутъ служить только 7—93 л.л. послѣдней; А.-Н. даетъ копію съ нихъ, придерживаясь Никоновской тамъ, гдѣ Царств. кн. на соотвѣтствующихъ листахъ (113—218 и 222—231) отступаетъ отъ нея. Отсюда

естественно заключить, что и остальныя чтенія Ал.-Нев., отличающіяся отъ чтеній «Царств. книги», возстановляютъ для насъ текстъ утраченныхъ листовъ «Ник. съ рис.».

Съ помощью такой реставраціи, можно сдѣлать выводъ, что въ лицевомъ сводѣ находились уже вставки изъ Софійскаго Временника, Степенной книги и Львовской лѣтописи, которыя находимъ въ «Царств. книгѣ»,—находились раньше, чѣмъ началась новая, вторичная переработка изложенія за время отъ кончины Василія III до середины 50-хъ годовъ XVI в.—Такъ разсказъ о болѣзни и смерти Василія Ивановича, заимствованный изъ Соф. Вр., находился въ «Ник. съ рис.»; но она ближе держалась своего источника, чѣмъ «Царств. кн.»: Ал.-Нев. лѣтопись сохраняетъ, напр., имена Глинскаго, Воронцова, Тучкова тамъ, гдѣ «Царств. кн.» ихъ выпускаетъ, хотя и въ ней они перечеркнуты; нѣтъ въ ней нѣкоторыхъ вставокъ «Царств. кн.», и т. п. [27]). Но нѣкоторыя отступленія отъ «Соф. Вр.» на лицо: напр. упоминаніе старца Мисаила Сукина («Царств. кн.» стр. 7), вставки изъ «Степ. кн.» (тамъ же стр. 11) и др.

Наконецъ, копія съ лицевого свода, о которой идетъ рѣчь, знаетъ и тѣ скорописныя поправки и дополненія, которыя составляютъ самую существенную особенность «Ник. съ рис.» — Лебедевская рукопись позволяетъ возстановить нѣкоторыя изъ нихъ, сильно попорченныя при переплетѣ. Онѣ достаточно извѣстны, чтобы стоило на нихъ останавливаться.

Изъ этихъ замѣчаній видно, какое важное значеніе имѣютъ Лебедевская и Александро-Невская рукописи для изученія лицевого свода.

Въ концѣ А.-Н. лѣтописи — на л. 535 новой нумераціи — (лѣтопись кончается на 534, а затѣмъ одинъ листъ чистый) — начинается статья: «Ѡ ракѣ преподобнаго сергия чюдотворца и о походе г҃дра ц҃ра і великаго кн҃за ѳедора ивановича всеа рꙋсіи к троице в сергиевъ монастырь» — отрывокъ изъ сказанія о бо-

27) Ср. въ брошюрѣ о Царств. книгѣ, пр. 35.

гомольи царя Ѳедора и царицы Ирины по случаю переложенія мощей чудотворца въ новую раку; — сказаніе это прерывается на л. 537. На л.л. 538—553 — описаніе вѣнчанія на царство Ѳедора Ивановича. И то, и другое — копія съ лицевыхъ листовъ. Согласно мнѣнію Н. П. Лихачева («Палеогр. знач.» т. I, стр. CLXXX) эти листы, скопированные въ А.-Н. лѣт. и найденные Щербатовымъ въ той пачкѣ лицевыхъ листовъ, изъ которыхъ онъ составилъ «Цар. кн.» — не относятся къ первоначальному составу лицевого свода, а являются слѣдомъ неудачной попытки вернуться къ работѣ, брошенной въ концѣ 60-хъ годовъ.

Далѣе, послѣ трехъ страницъ чистыхъ, на л.л. 554—574 въ А.-Н. лѣтописи идетъ копія съ лицевой Александріи, но не той, какую находимъ въ составѣ нашего свода, въ сборникѣ Академіи Наукъ; эта часть А.-Н. рукописи имѣетъ и свою особую нумерацію листовъ, чѣмъ подтверждается, что она не относится къ отрывкамъ лицевого свода.

На этомъ можно закончить обзоръ матеріаловъ для изученія лицевой энциклопедіи XVI в., такъ какъ «Царственной книгѣ» мною былъ посвященъ особый этюдъ, а упомянутая выше копія съ части этой энциклопедіи, сдѣланная въ XVIII в.[28]), такъ точно передаетъ нашу Шумиловскую рукопись, что никакого значенія не имѣетъ.

VII.

Въ началѣ этой статьи было упомянуто, что авторъ считаетъ датировку лицевыхъ рукописей XVI вѣкомъ — установленной, благодаря изслѣдованію Н. П. Лихачева. Въ обширномъ трудѣ своемъ Н. П. Лихачевъ разсмотрѣлъ и тѣ возраженія, какія дѣ-

28) Рук. Имп. Пуб. Биб. F. IV. 575.

лались и дѣлаются противъ его метода. Главное изъ нихъ — указаніе на возможность написанія памятника на залежавшейся старой бумагѣ — не имѣетъ силы по отношенію къ лицевому своду. Трудно, въ самомъ дѣлѣ, представить себѣ, чтобы болѣе 9000 листовъ бумаги разныхъ клеймъ, бывшей въ употребленіи въ XVI в. залежалось на нѣсколько десятковъ лѣтъ, чтобы въ XVII в. на этой бумагѣ была выполнена обширная литературная и художественная работа и чтобы, при этомъ, въ рядъ большихъ фоліантовъ не попало ни одного листа бумаги новой, бывшей въ ходу въ эпоху, къ которой думаютъ отнести наши экземпляры лицевого свода. Съ другой стороны, стиль миніатюръ, на характеристикѣ которыхъ останавливались Ѳ. И. Буслаевъ, признававшій «Царственную книгу» памятникомъ XVI в., хотя, непонятнымъ образомъ, отдѣлилъ отъ нея хронографъ Публ. Библіотеки, отнеся его къ XVII в., а, въ новѣйшее время, В. Н. Щепкинъ,—не имѣетъ аналогій въ лицевыхъ рукописяхъ XVII вѣка. Мѣсто, которое принадлежитъ этимъ миніатюрамъ въ исторіи русской живописи, получило превосходную оцѣнку въ IV главѣ I-го тома труда Н. П. Лихачева. Глава эта займетъ почетное мѣсто въ литературѣ по исторіи русскаго искусства; конечно, детальная разработка данныхъ, какія указаны Лихачевымъ, потребуетъ еще много труда. Вопросъ этотъ заново поставленъ на очередь Н. В. Покровскимъ для обсужденія на XII Археологическомъ Съѣздѣ: «миніатюры въ царскихъ рукописяхъ XVI, XVII вѣковъ». Въ заключеніе, считаю не лишнимъ отмѣтить нѣкоторыя второстепенныя наблюденія надъ рукописями, сохранившими для насъ разрозненные члены одного и того же лицевого свода, наблюденія, которыя понятны только при указанной ихъ датировкѣ.

Какія трудности сопряжены съ истолкованіемъ происхожденія скорописныхъ приписокъ на «Ник. съ рис.» и «Царств. кн.», если относить ихъ къ XVII в.—это отчасти отмѣчено и въ брошюрѣ о Царств. книгѣ, а теперь настойчиво указано Н. П. Лихачевымъ и А. А. Шахматовымъ. Но и вообще составъ

лицевого свода былъ бы иной, если бы этотъ памятникъ возникъ въ XVII в.: его источники не выходятъ изъ круга московской книжности XVI в. и среди нихъ нѣтъ слѣда тѣхъ польскихъ литературныхъ вліяній, которыя такъ характерны для историческихъ компиляцій XVII в. Понятно, что вопроса о томъ, чтобы текстъ лицевого свода могъ быть плодомъ литературной дѣятельности московскихъ книжниковъ изъ временъ первыхъ Романовыхъ — и не возникало. Но и въ судьбѣ нашихъ лицевыхъ рукописей есть черты, необъяснимыя при поздней датировкѣ.

Мы имѣемъ копію съ части лицевого свода, сдѣланную въ XVII в. «близко къ половинѣ его» (Лихачевъ) — и копія эта показываетъ, что передъ писцомъ были только разрозненные и перепутанные листы подлинника. Среди нихъ очень мало такихъ, которые для насъ утрачены, да относительно ихъ есть основаніе предполагать, что они, хоть частію, были еще на лицо въ концѣ XVIII в. Въ общемъ тѣ дефекты въ лицевомъ сводѣ, о которыхъ мы сожалѣемъ, были уже дефектами въ XVII в. Утрату всей первой части лѣтописнаго свода, быть можетъ, надо считать очень давней и связать съ разгромомъ Смутнаго Времени.

Нѣсколько листовъ изъ лицевой Библіи сохранились вмѣстѣ съ Житіемъ Николая Чудотворца, рукописью, о которой Н. П. Лихачевъ замѣчаетъ, что она «уже въ XVII столѣтіи ходила изъ рукъ въ руки». Это лицевое Житіе — той же работы, какъ лѣтописи. На лицевомъ сборникѣ Акад. Наукъ имѣется слѣдующая запись по листамъ: «лѣта ҂з҃ѕ҃ѯ҃ѳ҃ сию книгу положилъ в домъ свт҃го живоноснаго воскрнія гд҃а бг҃а и спаса нш҃его іи҃са хрс҃та нωваго іерл҃има смиренный никωнъ бж҃иею мл҃тию патриархъ. а кто восхощетъ ю усвоити ꙗко же ахавъ сынъ ха҃миквъ или утаитъ ꙗкоже ананіа и сапфира да ѿиметъ ѿ него гдь бг҃ъ ст҃ую свою мл҃сть и затвори҃ двери ст҃ыхъ своихъ щедрωтъ и да придетъ на него небл҃вение и клятва и казнь божия душевная и тѣлесная в нн҃ѣшне҃ вѣце и в будуще҃ вѣчна мука. а кто сие писание каки҃ злы҃ умышленіе҃ испише҃ ѿ книги сея да

испише̃ его имя гдь бг̃ъ ѿ книги животныя»; вкладная эта писана по перепутаннымъ листамъ 1—30; вообще академическая рукопись сохранилась въ томъ видѣ въ какомъ она была переплетена въ XVII в.: подъ переплетомъ бумага XVII в. съ водянымъ знакомъ «la folie» (крупныхъ размѣровъ) и буквами F. T. (T обернуто верхомъ внизъ); нѣкоторые листы (32, 39, 83), оборванные, подклеены бумагой со сложнымъ знакомъ (гербовый щитъ). Въ XVII в. потребовали подклейки и нѣкоторые листы хронографа Публичной Биб.: они подклеены бумагой со знакомъ «la folie»; Н. П. Лихачевъ и самый переплетъ относитъ къ XVII в. Той же бумагой подклеены и нѣкоторые листы «Ник. съ рис.», а подъ ея переплетомъ (позднѣйшимъ) сохранился листъ бумаги XVII в.

Все это заставляетъ думать, что лицевыя рукописи въ XVII в. были уже разрознены, отчасти разошлись по разнымъ рукамъ [30]), требовали мѣръ для охраны ихъ отъ разрушенія, а часть ихъ листовъ была уже растеряна. Такая судьба роскошнаго изданія, вышедшаго изъ рукъ царскихъ мастеровъ, была совсѣмъ непонятна, если бы оно изготовлено было въ XVII в. Для лицевого свода XVI в. естественно, что буря Смутнаго Времени разнесла и потрепала его листы,— но будь онъ произведеніемъ временъ первыхъ Романовыхъ — онъ въ XVII в. былъ-бы новымъ и цѣлымъ, да и до насъ дошелъ бы, надо полагать, въ большей сохранности.

А. Прѣсняковъ.

---

29) Дальнѣйшая судьба этого лицевого тома объясняется припиской, изъ которой видно, что онъ былъ въ рукахъ Петра Великаго и переданъ имъ въ «Лѣтній домъ»; откуда поступилъ въ библіотеку Акад. Наукъ; затѣмъ томъ этотъ былъ у Остермана и возвращенъ Академіи вмѣстѣ съ двумя томами «Древняго лѣтописца» слѣдственной коммиссіей послѣ паденія его.

30) Судя по записи на Музейскомъ сборникѣ, онъ въ Петровскія времена принадлежалъ стольнику М. В. Мещерскому. Только-что изданные С. А. Бѣлокуровымъ документы «Записного Приказа» показываютъ, какъ скудны были лѣтописные матеріалы въ царскомъ дворцѣ Алексѣя Михайловича. Будь лицевой сводъ созданіемъ этого времени — дьякъ Кудрявцевъ не могъ бы оказаться въ столь безпомощномъ положеніи.

Матеріалы для характеристики средне-болгарскаго языка [1]).

II. Отрывокъ четвероевангелія Григоровича XIII—XIV вѣка.

Отрывокъ четвероевангелія конца XIII или начала XIV вѣка, которому посвященъ настоящій выпускъ «Матеріаловъ», принадлежитъ Московскому Румянцовскому Музею (№ 1692, въ описаніи рукописей Григоровича—*Викторова* № 10), куда онъ поступилъ въ числѣ прочихъ рукописей В. И. Григоровича. Нѣкогда принадлежалъ онъ Хиландарскому монастырю. В. И. Григоровичъ отмѣчаетъ этотъ памятникъ въ числѣ источниковъ, служившихъ ему при составленіи списка словъ, который онъ предложилъ въ дополненіе къ «*Lexicon Linguae Slovenicae*» Миклошича (1851 г.) въ статьѣ «Замѣчаніе о лексикальномъ изученіи рукописей, писанныхъ на древнесловянскомъ языкѣ» [2]).

Отрывокъ заключаетъ въ себѣ 39 пергаменныхъ листовъ мелкаго, изящнаго полууставнаго письма, въ 8-ку, и содержитъ Евангеліе Іоанна съ 12-го стиха II-ой главы до конца.

Одинъ листокъ изъ рукописи — отрывокъ Евангелія отъ Луки зач. б҃ꙁ—б҃и — былъ подаренъ В. И. Григоровичемъ свя-

---

1) *Продолженіе.*—Начало было помѣщено въ Извѣстіяхъ Отдѣленія русск. яз. и слов. Имп. Акад. Н., въ т. IV (1899), кн. 3, стран. 800—868.

2) *Статьи, касающіяся древняго словянскаго языка*, Виктора Григоровича. Казань 1852 г., 97 стр.

щеннику нижегородскаго второго дѣтскаго пріюта, А. В. Карамзинскому, въ 1869 г., а нынѣ находится въ собраніи рукописей Общества Любителей Древней письменности въ Петербургѣ за № LXXV (=2001).

Въ каталогѣ рукописей, принадлежащихъ Обществу, значится, что листокъ купленъ въ Москвѣ у купца Силина у Ильинскихъ воротъ 25 августа 1879 года. На самомъ листкѣ отмѣчено: XIII ст. еванг. отъ Луки отъ В. И. Григоровича 11 апрѣля 69 г. Казань.

Привожу текстъ листка полностью [1]):

ѥе. притьчѣ ѡ создании стлпу. [2])·

Ia мнѣ. и вьзненавидить ѿца своего
и матере жены· и чадь· и братиѫ
и сестрь· еще же и своеѫ дш҃ѫ· не може
ть мои оученикь быти· и иже не но
сить кр҃та своего· и вьслѣдь мене и
деть. не можеть мои быти оученикъ·
Кто бо ѿ ва҃ хотѧ стльпь сьздати· не прѣ
жде ли сѣдь· разчтеть имѣниѥ аще има
ть иже ѥсть на сьвршение. да не ег
да положить ѡснование, и не м҃
жетъ сьвршити. вьси видѧщеи
начнѫть рѫгатисѧ емоу гл҃аще· ѣко
сь чловѣкь начать здати, и не мо
жеть сьвршити· Ли кыи ц҃рь иды
кь иномоу ц҃рю. сьитисѧ на брань.
не сѣдь ли прѣжде свѣщаваать. аще
силень есть. сь десатиѫ тисащь· срѣ
сти градѫщаато съ двѣма десатма

1) Буду обозначать этотъ листокъ I а (лицевая сторона) и I б (оборотъ), а листы остальной рукописи арабскими цифрами.

2) Киноварью.

тисащама на нь. аще ли же ни и е
ще далече емоу сѫщоу· ѡлтвѫ по
слави. молить сѧ о мирѣ· тако ѹбо
вьсѣкь ѿ ва̑. иже не ѿречетсѧ всег̑
своего имениꙗ (sic.)· неможеть мои бы
ти оученикь· Добро есть соль. аще же соль

Iб.

из притчѣ ѡ ста ѡвець [1]).

ѡбоуꙗеть вь чемь ѡсолитсѧ· ни вь
земли ни вь гнои трѣбѣ есть· вьнь
исыплатсѧ· имѣѧи· оуши слыша
з҃а ти да слышить· ко̑ вто̑ ср̑ѣ ѡ не̑ лоу̑
оп҃з Во Идѣше сь ісо̑мь наро̑· И бѣхѫ же кь
немоу приближаѫщесѧ· вьси мы
тарие и грѣшници· и послоушать ег̑
рьптахѫ фарисеи· и книжници гл҃а
ще· ꙗко сь грѣшникы приемлеть
рп҃з и с ними ꙗсть. Ре̑ же кь нимь притч̑
сиѫ гл҃а· кыи ч҃ловѣкь ѿ ва̑· имыи сто
ѡвець· и погоубль единѫ ѿ нихь· не
ѡставит ли девати десать. и девати·
вь поустыни· и идеть вь слѣдь по
гыбшѫа· до идеже ѡбращѫть ж. и о
брѣть ж вьзлагаеть на рамѣ свои·
роу̑жсѧ· и пришедь вь домь· сьзываеть
дроугы и сасѣды и гла нимь· ро̑утесѧ
со мноѫ ꙗко ѡбрѣть ѡвцѫ моѫ погы
бшѫа· гл҃ѫ вамь. ꙗко тако радо̑ть
бѫдеть на не̑и· ѡ единомь грѣшь
ницѣ каѫщимсѧ· неже ѡ дева
ти десть и девят. праведникь· еже

1) Киноварью.

Почеркъ и правописаніе.

§ 1. Почеркъ разсматриваемаго памятника,—мелкій и тонкій,— отличается оригинальностью и изяществомъ. Буквы сидятъ на линіяхъ.

Формы отдѣльныхъ буквъ заставляютъ отнести рукопись скорѣе къ XIV вѣку, чѣмъ къ XIII. Особенно поддерживаетъ это опредѣленіе форма буквы ж съ сильно урѣзанными верхними рожками. Буква ѵ довольно часто представляетъ значительное отклоненіе отъ стараго типа, которое, быть можетъ, также указываетъ на XIV вѣкъ: ѵ, т. е. вертикальное основаніе буквы и правый рожекъ составляютъ одну линію, влѣво отъ которой идетъ другой рожекъ. Горизонтальная черта буквы и часто поднята очень высоко.

Ѫ иногда основнымъ пріемомъ въ своемъ написаніи напоминаетъ ж Боянскаго Ев.: язычекъ внизу примыкаетъ къ правой ножкѣ и часто выгнутъ, какъ и въ Боянскомъ Ев. (I л.). Въ ѧ отъ правой ножки влѣво идетъ иногда горизонтальная черта, которая соединяется съ концомъ язычка; начертаніе ѧ приближается въ такихъ случаяхъ къ ѧ. (I а).

Отдѣльныя буквы связаны иногда въ лигатуру; такъ р и ѣ соединены такимъ образомъ, что вм. ѣ взято лишь т и нижній конецъ такого урѣзаннаго ѣ приставленъ справа вверху къ р. Въ словѣ нн҃ѣ (=нынѣ) правая вертикальная линія перваго н и лѣвая второго н слились въ одну: нн (27 б, 29 а bis).

Буквы т и н соединены въ тн (I б).

§ 2. Для обозначенія старословянскихъ полугласныхъ ъ и ь употребляется, какъ правило ь, ъ лишь рѣдкое исключеніе. Подробнѣе объ употребленіи ь, ъ — ниже.

§ 3. Для обозначенія старословянскаго ы употребляется послѣдовательно ы; ꙑ я успѣлъ замѣтить лишь въ нѣсколькихъ случаяхъ: оумывалныцѧ 27 б, слꙑшати 12 а, слꙑшахомь 26 а.

§ 4. Для выраженія старословянскихъ **ж** и **ѧ** употребляютъ оба эти знака. Подробнѣе объ ихъ употребленіи — ниже.

§ 5. Рядомъ съ о въ началѣ слова и въ срединѣ слова послѣ гласной употребляется **ѡ** и **ѻ**: рядомъ съ **оца** 12 б, 13б, 31 а б, 31 б, 205, **овцахь** 20 а, **отвѣща** 12 б, **отвѣщашж** 34 б. находимъ: **ѿца** 20 б, 8 а bis б, 17 а ter, 9 а, 7б, 11а bis, 16а б, 4 раза I а, 11 б, 21 а bis, 31 б, 20 а, 30 б, 31 а б, 32 б, 5 а, 29 а б, 30 а; **ѡцоу** 29 а, 30 а, 36 б bis 32 а, 5 а б; **ѡвець** I б, **ѡвцамь** 19 б и т. п.; въ предлогахъ: **ѿ** 2 б, Iа, 13 б а; **ѿвѣща** 13 а, **ѿерши** 21 б, **ѡбонь** 3 б, 10 б; **ѡ** I б, 32 б, 28 а, 2 б, 3 б; послѣ гласной: **иѡрдана** 3 б; **иѡань** 3 б; **үесоѡмоү** 28 б, **иноѡмоү** I а; **июдеѡмь** 34б; **прозрѣвшоѡмоү** 18 б; **пославшоѡмоү** 31 б, 8 а, 14 а; **ицѣлѣвшоѡмоү** 7 б; **ѻ**: — **ѻ҃ца** 15 б bis, 11 б bis, 31 б; **ѻнже** 19 а, 7 б, 32а; **ѻбрѣть** I б. **ѻ҃вѣща** 27 б bis, **ѻтвѣщашж** 19 а, **ѻт** (всего) 32 б. ср. просто **от** 3 а.

§ 6. Рядомъ съ **оү** употребляется **ȣ**: **ȣбо** I а, **рекшȣ** 35 а, **вьздавшȣ** 10 б.,— **вшоѡмȣ** 8 а.

§ 7. Для выраженія сложнаго звука **шт** — употребляется знакъ **щ**: **свѣщавалть** I а, **тисащь** I а, **сжщоү** I а и т. д.

§ 8. Для обозначенія звука, происшедшаго изъ **г** въ положеніи предъ мягкими гласными: **и**, **ѣ** употребляется знакъ **ꙁ**; особаго знака, употреблявшагося въ такихъ случаяхъ въ старословянской кириллицѣ **ꙁ**,— нѣтъ: ср. **мноꙁы** 2 б, 12а, 26б, 20б, 6 а, 24 а, 22 б, 21 б, bis 16 а, 12 б, 14 а, 23 б, 25 а, 14 б, 6 а, **дроуꙁы** 14 б, 37 а, 31 а, 36б; **кнаꙁы** 13б, **полꙁа** 25б, **полꙁа** 12б.

Йотація.

§ 1. При звукахъ **ж** и **ѧ** йотація въ нашемъ памятникѣ не выражается; вмѣсто **ѭ** всюду находимъ **ж** (или **ѧ**), вмѣсто **ѩ** — **ѧ** (или **ж**): **седмжѧ** 6 б, **кжѧ** 6 б, **сжи** 6 а, **грѣжса** 35 а и т. п.

Знакъ **ѥ** встрѣчается изрѣдка, обычно же для обозначенія йотованнаго **є** употребляется простое **є**: **єже** 3 а bis, **ємоү** 2 б,

єдꙗ 2 б, **єще** I а, **есть** I а bis, **его** I б, 3 а, **ѡснованиє** I а, **съвръшениє** I а, **вѣроуєте** 3а bis, **приємлеть** I б, **бже** 2 б и т. п.

но: **имѣниє** I а, **ієгда** 31 б, 6 а, **ієсть** 11 б,—въ послѣднихъ 2 примѣрахъ **іє** киноварное.

§ 2. При звукѣ **а** йотація въ началѣ слова, обычно, выражается знакомъ **ꙗ**: **ꙗко** I б bis I а, 2 б, 30 а, 3 а и др. (всего я замѣтилъ 192 случая), **ꙗмо** 16 а bis, 28 б, 29 а, **ꙗже** 31 а, 8 а, 2 б, 28 б, 8 б, 16 а, 29 б, 19 б, 16 б bis, 14 а, 7 а, 9 а, 20 б, 35 а, 37 б, **ꙗкѣ** 13 а bis, 24 а, **ꙗвaтьсꙗ** 3 б, **ꙗвaтсꙗ** 17 б, **ꙗвисꙗ** 13 а, 37 а bis, **ꙗвихъ** 21 а, **ꙗвлѣти** 30 а, **ꙗвлꙗсꙗ** 30 а, **ꙗсть** I б, **ꙗждь** 5 б, **ꙗсти** 5 б, 6 а, 12 а, 10 б, **ꙗдꙗи** 12 а, **ꙗдыи** 28 а, 12 а, **ꙗдать** 35 б, 9 б, **ꙗдѣахꙙ** 10 а, **ꙗдшиимь** 10 а, **ꙗсꙙ** 11 б а, 12 а, **ꙗсꙗ** 10 б, **ꙗли** 10 б, **ꙗзꙑ** 36 б, **ꙗцѣм(же)** 7 а. При такой массѣ случаевъ **ꙗ** въ началѣ слова я замѣтилъ лишь 3 случая **ѣ**: **ѣко** 37 а (ѣ киноварное), **ѣже** 2 б, 9 б. (**ꙗ**: **ѣ**=242: 3).

§ 3. Также обычнымъ является **ꙗ** и внутри слова: **бжиꙗ** 9 а, 24 а, 3 б, 19 а, 8 б, 10 б; 8 а, 2 б, **ꙁнамениꙗ** 9 б, 21 б, 2 б, 18 а, 26 а, 37 а, 14 а, **мариꙗ** 36 а, 24 б, 22 б, 23 а, 36 б, **стоꙗше** 14 а, 35 а, 34 б, **стоꙗхꙙ** 35 а, **прѣпоꙗсасꙗ** 27 а, 37 а, **поꙗсашесꙗ** 37 б, **поꙗшеть** 37 б, **диꙗвола** 17 б, **диꙗволь** 27 а, **оугоднаꙗ** 16 а, **видѣниꙗ** 9 а, **моꙗ** 37 а, **оубоꙗшꙙсꙗ** 10 а, **боꙗстесꙗ** 18 б, **достоꙗше** 4 б, **тивериꙗды** 10 б, **тивериꙗдьска** 9 б, **болшаꙗ** 29 б, **ѡбоуꙗеть** I б, **иꙗкова** 5 а, **назареꙗ** 34 б, **братиꙗ** 13 а, **камениꙗ** 21 а, **спсениꙗ** 20 б, **мосеꙗ** 13 б, **мꙑꙗшесꙗ** 7 а, **месиꙗ** 5 б, **назарѣꙗ** 34 б, **каꙗ** 25 б, **растоуенаꙗ** 24 а, **-иꙗ** n. s. f. 12 б, 10 б, 22 б.

Но при этомъ находимъ вмѣсто **ꙗ** внутри слова — **ѣ**: **моѣ** n. s. f. 4 а, 12 а bis 11 б, 17 б, 32 а, 31 а bis, **твоѣ** 13 а, **своѣ** 36 б, **братиѣ** 13 а, 12 б, **бжиѣ** 17 б, **диѣволь** 12 б, **неприѣзни** 32 б, **мариѣ** 36 а, **сложениѣ** g. s. 34 а, **погребениѣ** g. s. 24 б, **знамениѣ** acc. pl. n. 23 б, **иѣковь** 4 б, **стоѣше** 10 б, 36 а, **знаѣли** 29 а, **вьметаемаѣ** 24 б.

Наконецъ, рядомъ съ **ꙗ** и **ѣ** употребляется и просто **а**, т. е. йотація не обозначается: **злаа** 3 б, 8 б, **земльнаа** 3 а, **благаа** 8 б, **вънй** 25 а, **любодѣании** 16 б, **прѣлюбодѣании** 15 а bis, **знаани** 29 а, **прѣпоасавъ** 27 б, **моа** 25 б, **шестаа** 4 б, **въ распѣание** 14 а, **исаиа** 26 б, **галилеане** 6 б.

Такимъ образомъ внутри слова при 54 **ꙗ** — 24 **ѣ** — 15 **а**.

§ 4. Йотація при **оу** выражается правильно знакомъ **ю**.

Въ словѣ **иоуда** и производныхъ отъ него — постоянно **ю**: **июда** 24 б, 30 а, 34 б bis, **июдѣ** 27 а, **июдеж** 4 б, 6 б, 12 б, 23 а, **июдеи** 16 б, 11 а, 4 б, 22 а, 13 а, 14 а, 16 а, 35 б, **июдене** 35 а, 25 а, 7 б, 21 а bis, 12 б, 11б, 17 а б, 15 а, 18 б, **июдеѡмъ** 16а, 7 б, **июденскъ** 12б, 7 а, 2 б, 9 б, **июденска** 13 а, **июденскы** 35 б; и затѣмъ чрезъ стяженіе: **юденск....** 3 б bis, **юдеж** 7 а, 22 а, **юдеѡмъ** 7 а, **юдеи** 22 б, 5 б, 24 б, **юда** 28 б. При всѣхъ этихъ примѣрахъ одинъ лишь разъ: **иѹденскыѫ** 34 б.

Вм. **оуже** и **оунѣ** находимъ: **юже** 7 а, 19 а, 3 а, 31 а, 18 б, 6 а, 30 б, 22 б и **юнѣ** 24 а, 31 б.

Йотація при согласныхъ.

Послѣ согласныхъ знакъ **ꙗ** не употребляется; вмѣсто него является **ѣ**.

§ 1. Послѣ **л̑**: **оучителѣ** acc. s. 27 б; **родителѣ** n. dual. 18 б (4 раза), 17 б bis, **колѣ** n. s. bis 11 а, **помышлѣете** 24 а.

§ 2. Послѣ группы *«губной + л»*: **оставлѣеть** 20 а, **оставлѣѫ** 30 а, **иклѣти** 30 а, **рымлѣне** 23 б, **аурааmлѣ** 16 б bis n. pl. n., **власвимлѣеши** 21 а, **ѿ ерлимлѣнъ** 13 б, **дивлѣхжса** 13 а, **кораблѣ** gen. s. 10 а б, **люблѣше** 21 б, 23 а.

§ 3. Послѣ **р̑**: **црѣ** acc. s. 10 а, **морѣ** gen. s. 10 а, 9 б, 10 б bis, **распрѣ** n. s. 14 б, 18 а, 20 б, **разарѣше** 7 б, **творѣше** 9 б, 2 б, 7 б, **самарѣнъскы** 4 б, **самарѣне** 6 а, **самарѣнехъ** 4 б, **самарѣнинъ** 17 а, **самарѣнини** 4 б.

§ 4. Послѣ н: гонѣхѫ 7 б, клан҄ѣтиса 5 а б, клан҄ѣитеса 5 б, клан҄ѣеиьса 5 б, клан҄ѣѫщиихъ 5 б, клан҄ѣетса 5 б, гнѣ 26 б.

§ 5. Послѣ с смягченнаго въ словѣ вьсь (πᾶς) и производныхъ отъ него: вьсѣ n. acc. pl. n. 8 а. 6 б, 4 а, 5 б, 6 а, 31 а, 32 а bis, 30 а, 21 б, всѣ 34 б, 31 а, 27 а, вьсѣкь I а, 11 б, 31 б, 11 а, 3 б, 5 а, 3 а, всѣкь 3 а, 26 б, всѣко 7 а, 11 а, всѣкѫ 32 а, 30 б, вьсѣкѫ 30 б.

acc. s. слова лазарь — находимъ въ формѣ: лазара 22 а, 24 б bis, 25 а.

При сѣмо 10 б — также само 5 а, — вѣроятно, — особое образованіе.

Такимъ образомъ, мягкіе согласные въ разсматриваемомъ памятникѣ строго отличаются отъ соотвѣтствующихъ твердыхъ; форма лазара — вѣроятно представляетъ независимую параллель къ формѣ мягкаго склоненія лазарѣ.

Употребляя ѣ для выраженія йотованнаго гласнаго а, нашъ памятникъ не знаетъ обратной постановки ꙗ вм. ѣ и въ этомъ отношеніи примыкаетъ къ той же группѣ памятниковъ, что̀ и разсмотрѣнное въ первомъ выпускѣ настоящихъ «Матеріаловъ» Боянское Евангеліе.

Качество согласныхъ ш, ж, ч, шт, ц.

Мы видѣли, какъ обозначается йотованное а послѣ мягкихъ согласныхъ; теперь разсмотримъ обозначеніе йотаціи послѣ согласныхъ ш, ж, ч, шт, ц, чтобы извлечь изъ этого разсмотрѣнія матеріалъ для опредѣленія качества этихъ согласныхъ въ языкѣ писца нашего памятника, такъ какъ это качество не безъ значенія въ фонетической мѣнѣ ж и ѫ.

§ 1. Первоначальныя сочетанія ш съ йотованнымъ а являются въ нашемъ памятникѣ въ видѣ сочетаній: -ша: каша 32 б, 31 а, коша gen. s. 10 а, дш҃а 25 б, бывьша 10 а, болша 8 а, 14 а, — слабшаго 31 а, 8 б, 11 а, 13 б, 28 а, 30 а, — вшаго 6 а, 26 б bis, 17 б.

Въ такомъ же видѣ являются старыя, — уже праславянскія, сочетаніе ш+ѣ (изъ первоначальнаго š+ě) въ глагольныхъ темахъ: **слыша** — I б, 35 а, 25 а, 4 а, 14 б, 12 а, 15 а, 23 б, 26 а bis, 21б, 31а, 22 б, 8а, 9 а, 22а, 12а, 37а, 19а, 11 б, 19 а б, 16 а, 30 а, 6 б, 17 а, 16 б, **слоуша** — 4 а, 17 а bis, 23 б, 20 а, 19 а, 20 б, 8 а, **глаша** — 23 а, 19 б, 27 б, **выпраша** — 35 а, 18а, 15 а, 31 б, 6 б, **искоуша** — 9 б, 15 а, **ноша** 24 б, **оутѣша** — 23 а, **оустраша** — 30 а, — **грѣша** 7 б, **въскрѣша** — 8 а.

Параллельно исключительному употребленію сочетаній **ша** — находимъ также исключительно — **шоу**: **сътворьшоу** 26 а, **въздавшꙋ** 10 б, **бывшꙋ** 37 а, **рекшꙋ** 35 а.

§ 2. Подобно сочетаніямъ **ша** — находимъ исключительно сочетанія **-жа**, **-ца**, **-ща**-

Сочетанія **жа** —: **мрѣжа** 37 а, **множаншѫ** 4 а, **можаше** 23 а, **можахѫ** 26 б, 37 а, **вьлажааше** 7 а, **слоужааше** 24 б, — **лежааше** 23 а, 7 а, — **лежало** 36 а, **лежаахѫ** 15 а.

§ 3. Сочетанія — **ща**: — **вѣща** 24 б, 14 б ter, 15 б, 5 а, 3 а, 2 б, 35 а, 34 б, 26 а, 25 б, 4 б, 21 а, 35 б и др. **свѣщашѫ** 24 а, **свѣщами** 34 б, **крщааше** 3 б, **крщаеть** 4 б, **тисащама** I а, **свѣщаваать** I а, **вьмѣщаете** 16 б, **възвѣщажщи** 36 б, **стоящааго** 23 б, **вьсходаща** 12 а, **градаща** 20 а, **днеаща са** 36 а, **-аща** 10 а, 8 а, 27 а, 36 а, **лежаща** 7 а, **градѫщааго** I а, **стоѫща** 36 а, **-жща** 32 а, 34 б, 22 б, 9 а, 27 б.

Сочетанія **щоу**-: **ѡщоутить** 24 а, **сѫщоу** 37 а, 7 б, I а, **дꙋшѫщоу** 10, **-ащоу** 6 б, 16 а.

§ 4. Сочетанія **ца**-: **ѡ҃ца** (**о҃ца**, **є҃ца**) 12 а б, 13 б, 17 а (4 раза), 20 б, 31 б bis, 11 б 31 а, 15 б bis, bis, 8 б, 9 а, 7 б, 8 а, 16 б, (4 раза), 16 а и др., **градьца** 21 б, 14 б, **конца** 27 а, **мышьца** 26 б, **чадца** 28 б, **ѡ овцахь** 20 а, **ѡвцамь** 20 а, 19 б, **с҃рца** 31 б, 26 б, **оубиница** 17 а, **нарицается** 22 а, **нарицаемыи** 36 б, 37 а, 4 б, 22 а, 18 б, 5 б, 24 а.

При этомъ вмѣсто **цѣль** находимъ однажды: **цаль** 7 б; при-

давать значеніе этому примѣру небезопасно — въ виду его единичности.

Сочетаніе **цоу-**: **отцоу** 36 б bis, 32 а, 30 а, 9 а, 5 а б, 29 а.

§ 5. Наоборотъ, послѣ согласнаго ч находимъ ѣ и ю: **прнчѣ** n. s. 1 б, **чѣшж** 34 б, **оучѣше** 13 а, 15 а, **чѣждинхъ** 7 а, **запечѣтлѣ** 4 а, **печѣсте** 36 а, **печѣшеса** 24 б, **печѣлин** 32 б bis, **печѣль** 32 б bis, **члобѣчѣ** acc. s. m. 12 а, **члчѣ** 12 а, **члоучѣ** 16 а, **облнчѣет(ма)** 17 а, **чюдитеса** 8 а, **чюдѣ** 6 б, **чюждахжса** 5 б, **члчю** 26 а, **члобѣчю** 3 а.

Приведенныя данныя даютъ право думать, что въ языкѣ писца старую мягкость сохранялъ лишь согласный ч, согласные же ш, ж, щ, ц отвердѣли.

Полугласные ъ и ь.

§ 1. Для обозначенія звуковъ изъ праславянскихъ ъ и ь нашъ памятникъ знаетъ, какъ правило, лишь одинъ знакъ — ь; ъ является рѣдкимъ исключеніемъ: **въсѣкъ** 11а, **лъжъ** 17б, **клькъ** 20а; **єдинъ** 15а. Отъ чистаго ъ нужно отличать особый видъ знака ь, употребляющійся, обыкновенно, въ концѣ строки: ср. **рѣхь** 31б, **створить** 25б, — съ росчеркомъ влѣво отъ вершины вертикальной линіи.

Употребленіе одного знака на мѣстѣ этимологическихъ ъ и ь указываетъ на совпаденіе этихъ звуковъ въ одномъ глухомъ ъ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ они не подверглись выпаденію или вокализаціи.

При разсмотрѣніи судьбы старыхъ полугласныхъ въ языкѣ нашего памятника, насколько судьба эта характеризуется фактами правописанія, буду различать положеніе полугласныхъ въ *открытомъ* и *закрытомъ* слогѣ въ концѣ и въ срединѣ слова.

§ 2. Въ *конечномъ открытомъ* слогѣ полугласные совпали въ языкѣ нашего памятника въ одномъ звукѣ, обозначаемомъ за рѣдкими исключеніями знакомъ ь: **оучєникь** 1 а, **кь слѣдь** 1 а,

стльпь Iа, **чловѣкь** Iа, **силень** Iа, **посланъ** Iа и **сь** Iа, **црь** (=царь) Iа, **брань** Iа:

Въ извѣстныхъ условіяхъ, — а именно въ тѣсномъ сочетаніи словъ при энклизѣ или проклизѣ: предъ энклитическими частицами **же, бо, ли**, энклитическими мѣстоименными формами **ма, та, са, ти** и въ предлогахъ — знакъ для полугласнаго, находившагося въ конечномъ открытомъ слогѣ, опускается вовсе, ср. **оучених же** 35а, **он же** 18а, 10а, 19а, 7б, **сам же** 2б, **ѡ нем же** 9б, 22а, 28а, **им же** 36б bis, **их же** 31б, **кь ним же, их же** 31б, **вьнже** (=**вь нь же**) 34б, **сих же** 31а, 7а, 34а, **прием же** 28б, **вцѣм же** 7а, **шед же** 18а, **принят же** 9б, **тоуждем же** 19б, **вьсклонжеса** 15а, **сам бо** 7б, 9б, **аз бо** 16б, 23б, (**ѡ**) **сем бо** 6а, **вьсѣк бо** 3б, **пльт бо** 12а, **пат бо** 5а, **градет бо** 30а, **четврьдиевен бо** 23б, **аз ли** 12б, **ѡ сем ли** 32б, **имам ли** 34б, **имат ли** 24а, **рѣх ли** 23б, **сих ли** 3а, **дажд ми** 5а, 4б, **даст ми** 11а, **рѣх ти** 2б, **дал ти** 4б, **слѣп са роди** 18б, **вьврьжет ма** 7а, **он ма** 32а, **видѣв ма** 37а, **облнчѣет ма** 17а, **избрах вы** 31а bis, **вьзлюбих вы** 31а, 30б, 28б, **оубиет вы** 31б, **положих вы** 31а, **наставит вы** 32а, **разоумѣх вы** 9а, **ижнят вы** 31б, **любил би** 31а, **не могл би** 19а, **едии бѣ** 24б, **тат бѣ** 24б, **просител бѣ, ѡн бѣ** 8б. Не подходятъ подъ эти условія энклизы лишь два примѣра: **вес мирь** 34а, **цѣл бит** 7б.

Съ примѣрами, какъ **слѣп са роди, он ма, видѣв ма, ѡблнчѣет ма**, можно сопоставить пропускъ полугласнаго въ глагольныхъ формахъ страдательнаго и возвратнаго залоговъ, сложенныхъ съ мѣстоименіемъ **са**, какъ: **нарицается** 22а, 7а, **мнится** 31б, **вьзмятится** 25б, **разорится** 13б, **вьзрадоуется** 32б, **разорится** 13б, **изьврьжется** 30б, **смжщается** 30а, **родится** 2б, **сьбждется** 26б, **сбждятса** 32б, **сьбждятса** 28а, **ѡбратятса** 26б, **ѡкатса** 17б, **дрьжатса** 36б, **учитатса** 24а, **сьнемлятса** 35а и др. т. п. (—**ет са** 5б, 18а, 20а, -**нт са** 29б, -**атса** 25б, 35б), **родихса** 35б, **оумыхса** 18а; но: **потькнеть са** 22а.

Конечный полугласный предлоговъ въ тѣсномъ сочетаніи со слѣдующимъ словомъ — въ открытомъ слогѣ сочетанія: **из него**

5а, без грѣха 15а, без мене 30б (въ этихъ предлогахъ конечное ъ исчезало уже въ праславянскомъ); в ма 26б, в земи 25б, в мирѣ 25б, в ржцѣ 27а, в сжботж 13б, в на же 10б. Въ громадномъ большинствѣ случаевъ сравнительно съ этими немногими примѣрами пропуска конечное ъ предлога въ сохраняется; ср. вь ма 11б а, 14а, 26б, 32а, 29б, 22б, вь на 8б, 7а, вь іюдеж 12б, вь юдеи 12б, вь юдеихь 20б, 24а, вь себѣ 12а, вь ка 9а, вь вась 16б, вь домь 7б, вь корабла 10б, вь корабь 37а, вь дѣ 36б, 24б, вь вѣ 10а, 3а, 34а, 19а, 22б, 32б, 3а, 3б, вь весь 21а, 22б, 26б, 35б, вь кж... 6б, 18а, 7а, вь тж- 37а, вь сж—7б, вь рж— 4а, вь са... 3б, вь темницж 3б, вь недѫзѣ 7а, вь вѣ. . 26а, вь расѣлиие 14а и др.

К тебѣ 32б, к себѣ 26а, 25а, к нимь 10а, 14б, к немоу 14б, 30а, 21б, 16а, к вамь 29б, 32а bis, к томоу 37а, 24а, 29б, 15а, 12б, 32а б; послѣднее, впрочемъ, могло быть нарѣчіемъ. Гораздо чаще ъ въ предлогѣ къ удерживается: кь ѡтоу 32а bis, кь бѫ 27а, кь жж... 6а, кь фа... 18а, кь уесоѡмоу 28б, кь ним же 21а и др.

С нимь 25а, с тобож 37а, с ризами 36а, с небесе 11а б, с вечера 27а, с нами 35а, 12б, с вами 30а, 31б, 29а б, 14а ср. сь пжти 4б, сь влатвож 35а и т. п. (до 30 случаевъ).

ѡб онь 3б, 10б, прѣд ними 19б, 26б, от вѣка 19а ср. оть сего 12б, оть того 24а.

Аналогичное явленіе относительно пропуска конечнаго ъ въ открытомъ слогѣ сочетанія наблюдается въ Боянскомъ Ев. Сказанное о немъ при разборѣ языка Боянскаго Ев. имѣетъ значеніе и для разсматриваемаго памятника [1]).

§ 3. Обращаюсь къ разсмотрѣнію судьбы полугласныхъ въ положеніи ихъ *въ открытомъ слогѣ внутри слова.*

Выдѣляю въ особую группу формы, сложенныя съ *префиксами* из–, въз–, раз– (изъ первоначальныхъ изъ, възъ, разъ), такъ какъ отпаденіе конечнаго ъ въ этихъ предлогахъ имѣло

1) См. Изв. Отд. русск. яз. и слов. т. IV, кн. 3, стр. 824.

мѣсто еще въ праславянскомъ, гдѣ формы съ ъ и безъ него употреблялись рядомъ.

Примѣры: **изгнашѫ** 31а, **изгонить** 19б, **извраxь** 12б, **изврах(ꙑ)** 31а bis; но: **изъгнань** 26а, **изъврьжетсѧ** 30б, **изъгнании** 26б; формы глагола **възлюбити**: **вьзлюби** и т. п. 27а bis, 30б, 31а, 28б, 34а, 3а б, 30а, 28б, 26б, 29б, въ глаголѣ **възлежати**: 37б, 9б, 27б, 24б, 28а б; **вьзмѫтитсѧ** 25б, 28а, 23а, 7а bis; **вьзвѣстить** 32а bis, 5б, **вьзвѣщаѭщи** 36б, **вьзложити** 14б, **вьзбоудити** 22а, **вьзненавидѣти** 31б bis; **вьзнесеть** 26а, **вьзнесе** 3а bis ср. 16а, 31а (**вьзне...**), **вьзгласи** 35б, 25а, 23б, 18б, **вьзмѫ** 36б, **вьзмѫть** 23б, **вьзметь** 20б, 32а, **вьзми** 7б bis а, **вьзмѣте** 23а, **вьздрасть** 18б bis, **вьздань** 9б, **вьздаиши** 10б, **вьзождеши** 37б, **вьзведь** 23б, 9б, **вьзрадоуетсѧ** 32б, **вьзрадовалисѧ** 30а, **вьзроуетсѧ** 32б, **вьзрадоуетсѧ** 32б, **вьзроукатисѧ** 8б, **вьзроукашѫсѧ**, **вьспроси** 34б, **вьсхождѫ** 36б, **вьсходѧщи**, **вьсхытити** 21а bis; въ послѣднихъ примѣрахъ конечный согласный предлога **вьз**–, послѣ отпаденія ъ ассимилировался слѣдующему отзвучному согласному; очевидно въ единичномъ примѣрѣ: **вьсьхытать** 10а — второе ь не имѣетъ фонетическаго значенія; можетъ быть также не фонетическое значеніе имѣетъ выпаденіе ъ въ **вьс**– изъ **вьз**– въ примѣрѣ: **вь вскрѣше...** 22б, 8б, при **вьскрисеть** 22б bis, **вьскрѣси** 24б, **вьскрѣ...** 8а, 12а, 11а, 36а, 22б, 11б.

Переходя къ остальнымъ примѣрамъ съ полугласнымъ въ открытомъ слогѣ внутри слова, сперва разсмотрю тѣ группы, въ которыхъ ъ относится къ префиксамъ. Существованіе рядомъ глаголовъ простого и сложнаго: **ходити** и **вьходити** и т. п. дѣлало особенно яснымъ сознаніе составныхъ частей второго изъ нихъ, а потому полугласный въ такихъ группахъ находился подъ особенно сильнымъ вліяніемъ грамматической аналогіи; могло писаться послѣдовательно **вьходити**, а произноситься **входити**.

Такимъ образомъ, формы, сложныя съ предлогомъ **въ**, постоянно пишутся въ нашей рукописи съ сохраненіемъ полугласнаго: **вьпрашаеть** 31б, **вьпроси** 35а, **вьпрашаахѫ** 18а, **вьпрашаѫ**

—15а, **въпросити** 28а, **въпрашаеши** 35а, **въпра**—6б, 32а, **въпро-** 18б bis, 7б, 17б, **въстанѣте** 30б, **въстань** 37а, **въста** 23а bis, 27а, **вънидє** 35а, 36а, 35б, 10б, 28б, **вънити** 2б, **въведи** 35а, **възлагахть** 30б, **въложи** 37а, **вложь** 27а, **въдасть** 27а, **въждатиса** 11а, **вьжжжетса** 5а bis, **въсѣдх** 37а, **въсѣде** 25а, **вьлиѝ** 27а, **вьшєдшй** 25б, **вьмѣстити** 37б, **въсльзи** 23а, **въврьзѣте** 37а, **въврьгх** 37а, **въврьжет(ма)** 7а, **въспать** 34б, **вьслѣдь** 36а, **вълѣзъ** 37а, 10а, **вълѣзх** 10б, **вълазить** 7а, **влажааше** 7а.

При этомъ я замѣтилъ лишь одинъ случай пропуска полугласнаго въ словѣ сложномъ съ предлогомъ **въ**: **власти** 2б.

Гораздо чаще пропускъ полугласнаго въ префиксѣ **съ**–, въ сложеніи; ср. формы глагола:

сътворити 30б bis а, 26а, 8б, 37б, 35б а, 37а, 25а, 23б, 18а bis, 10а, 9б, 13б bis, 16б, 31б, 6б, 28а, 6а, 7а, 29б.

створи 10а, 17б, 21б, 6б, 7б, 31б, **створать** 31б а, **створить** 30б, 25б, 29б, 14а bis, **створа** 29б, **створимь** 10б, **створити** 23а, **створите** 9б, **створихъ** 27б, **створишх** 25а, **створшен** 8б.

сьбждетьса 35а, 26б, 31я, **сьбждхтса** 28а.

сбждетса 34б, **сбждхтса** 32б.

сьниди 6б, **сьнидє** 11б, **сьнидх** 10а.

снидеть 6б.

сьбира– 30б, 34б, **сьберѣте** 10а, **сьбра**– 10а, 36б, 23б; **сьберєть** 24а.

сьшеды 11б, 3а, 12а, **сьхо**– 6б.

сьзирахх 28а, **сьблаз**– 31б, **сьста**– 37б.

сьблю– 32б, 31а, 17аб, 29б bis, 30б, 30а, **сьврь**– 6а, 8б, 34а.

сьнемлатсѧ—35а, **сьгрѣ**—156, 176, 76; **сьжра**- 266, 256, 326.

свѣдѣтельства 3а, **свѣдѣтельство** 86 (9 разъ), **свѣдѣтельствова** 28а, **свѣща**- Ia, **свѣдѣтельствоу**- 26, 4а, **свѣть** 346, **смѫщаетсѧ** 30а, **сињсть** 116, **свить** 36а.

Въ предлогѣ **отъ**: **отьмѣтажисѧ** 27а; но: **отвѣща** 126 bis, **отвѣщашѫ** 19а, 346.

§ 4. Въ *коренныхъ* слогахъ формы съ сохраненіемъ полугласнаго въ открытомъ слогѣ и съ пропускомъ его въ различныхъ звуковыхъ группахъ находятся въ различныхъ отношеніяхъ. Приведу эти группы въ алфавитномъ порядкѣ.

бьр–/бр: **избрахь** 28а, **избрах (мы)** 31а bis, **сьбрани** 366, **сьбрашѫ** 236.

вьс–/вс–: **всего** 31а bis 326 ter, 34а bis, **всемоу** 11а, 30а, 6а, 27а, **вси** 276 bis.

вьсего 31а, 326, 116, 3а, **вьсемоу** 156, 30а, 376, 176, 35а, 3а, 13а, **вьсѣхь** 28а, 21а.

всѧ 26а, **всѣ** 27а, 346, 31а, **всѣмь** 176, **всѣми** 4а, **всемь** 16а, 326, **всѣкь** 3а bis, 266, **всѣко** 7а, **всѣкѫ** 32а, 306, **всего** Ia.

вьсе 376, 11а, **вьсѣ** 32а bis, 30а, 56 bis, 4а, 216, 6а bsi, 6 bis, 8а, 31а, 4а, **вьсѧ** 26, 196, **вьси** Ia 6, 136, 20а, 116, 236, 86, 35а, 286, 86, 36, 15а, **вьсѣкь** Ia, 3а 6, 116, 316, 11а, 5а, **вьсѣко** 11а, **вьсѣкѫ** 306, 11а, 236, 16а, 246 bis, 13а, 35а.

вьи–/ви:

вьиѣ 35а, 36а.

вьү–/вү: **ковүежець** 246.

ковьүежець 286.

гьи–/ги: **изьгнани** 266, **изь**-

гнань 26а, **изгнашѫ** 31а, 19а bis.

дъв-/дв-: два 6а, 10а, 22а, 12б, 36а, 37а, **двоѫ** 15б, 6б, **двѣ** 9б, 22а, **двѣстѣ** 37а; **двѣма** Iа.

дъщ-/дщ: **дьщи** 25а.

жьн-/жн-: жнжи 6а bis.

зъв-/зв-: звахѫ 25а, **кьзва** 26б, **зваше** 14а.

зъл-/зл-: зла 13а, **злодѣи** 35б, **злѣ** 35а bis, **зло** 3б.

зьр-/зр-: зрѣ 18ба, **зрѣхь** 18а, **прозрѣвшоомоу** 18б.

кьд-/кд-: где 15а, **гдѣ** 15б, съ ассимиляціей к слѣдующему д послѣ выпаденія ъ.

кьгд: **кьгда** 10б.

кьм-/км-: тькмо 3а, 7б, 10б, 11б, 24б, 34а, 29а, 27б bis, 32б.

кън-/кн-: книгь 37б, **книгы** 14б, 13а, 14а, 28а, 36а, 21а, 9а. **кьнигы** 9а, 32б; **кьнигамь** **книгахь** 37а, **кнnäжиници** 15а, **кназы** 13б, **кназь** 14б, 26б, 32а.

кът-/кт-: кто Iа, 5б, 18б, 19а, 17а, 4а, 28а ter, 29а, 5б, 16а, 15а, 3а, 37б, 12б ter, 12а, 15б, 18б, 17б, 18а, 14б, 20а, 17а, 11б bis, 4б, 31а bis, 31б, 32б, 24а, 32б, 26ба, 22а bis, 20б, 7б, 21а, 30б, 37а, 19а, 25б bis, 21а, 31б, 30а, 13б (4 раза), 2б, 13а, 14ба; **никто** 28б, **хто** съ измѣненіемъ гортаннаго к въ х предъ слѣдующимъ т.

льѕ-/лѕ: полѕа 25б, **полѕѫ** 12б.

лъж-/лж: **льжѫ** acc. s. 17а.

льст–/лст–: **льстить.**

льщ–/лщ–: **-льщени** 14б.

мьн–/мн–: **мнѣ** Ia, 20б, 18a, 4a, 11a, 15б ter, 8б quater, 11a bis, 29a bis, 12б, 17a, 37б bis, 30б a, 29б bis, 32б, 7б, 14a, 27a, 34a bis, 34б bis, 21a, 25б ter, 31б, 21б bis, 17б. **мьнѣ** 35б, 36б, 34a.

множ— 34a, 31б, 29a bis, 16a, 20a, Iб.

мните 9a, 31a, **-мнить** 32б, 24a, **мнитса** 31б, **мнѣшж** 22a, **мнѣхж** 28б, **мнащи** 36б.

мън–/мн– **могь** 25б, 30б, 25a, 9б bis, **многа** 7a, 37a, 21a, 9б, 23б, 37б, **многы** 3б, 29a, **много** 13a, 24б, 32a, 30a, 6a.

мноѕы 26б, 6a, 12a, 24a, 20б, 22б, 16a, 21б bis, 12б, 23б, 25a, 14б a; **множество** 7a, **множаншж** 4a, **множицеж** 34б.

мьзд–/мзд–: **мьздж** 6a.

ньд–/нд–: **дондеже** 29a.

ньм–/нм–: **сьмница** 18б, **сьмницж** 26б, 31б; **сьмници** 12a, **сьмницихь** 35a.

пъщ–/пщ–: **рьпщжть** 14a, 12a, **рьпщите** 11б.

път–/пт–: **рьптахж** 11a, 13a, Iб.

рыц–/рц–: **рыци** 20б, 36б.

сьд–/сд — **зде** 22б, 23a съ ассимиляціей согласнаго **с**, послѣ выпаденія полугласнаго, слѣдующему согласному **д**.

съл–/сл–: **посла** 35a, 34a ter; 9a, 4a, 36б, 8б, 10б, 23б,

12а, 17а, 14а ter, 21а, **посла** 28а, 32а, 36б, **послеть** 30а, **послань** 4а, **посласте** 8б, 21б, **послах(вы)**, **послеть** 30а, **пославын** 15б bis, 27а, 11б, 8б, 16а, 13б, **пославшаго** 8б, **пославшоѡмоу** 31б.

сън-/сн-: сна 22а.

сть-/ст-: двѣсти 37а, **ста** Iб, **сто** Iб.

съш-/сш-: **исьшеть** 30б.

тъгд-: **тьгда** 22а, 5б.

При этомъ въ одномъ случаѣ первоначальное ъ въ открытомъ слогѣ этого слова въ положеніи предъ двумя согласными перешло въ о: **тогда** 28б.

тьм-/тм-: тмѣ 15б, 26б, 36а, **тьмѫ** 3б. **тма** 10а.

тъкн-/ткн-: **потькнеться** 22а.

тъу-/ту-: притуа 19б; **приуѣ** Iб.

чьт-/чт-: чтѡ 2б, 32а ter, 35а bis, 13б, 7б, 31а, 18б, 20б, 14б, 15а, 27а bis, 35б, 30а, 36а, 10а б, 37б bis, 24а, 17б, 19а б, 17а, 37а, 27б, 17а, 25б, 29а, 5б, 15а, 23б, 14а, 9б ter. **чтѫ** 17а, **чти** 15а, **чтеть** 25б, **чтете** 17а, **чтѫть**, **ничто** 28б.

шьл-/шл-: шли 22б, 4б, **шла** 16а.

§ 5. Дополню эту характеристику судьбы полугласныхъ въ открытомъ слогѣ въ различныхъ звуковыхъ группахъ примѣрами, въ которыхъ полугласный относится къ суффиксу. Выдѣляю въ особую группу эти примѣры въ виду того, что въ судьбѣ полугласныхъ въ суффиксальныхъ слогахъ въ различныхъ звуковыхъ группахъ могла имѣть бóльшее значеніе аналогія.

бък-/бк-: любке 9а, 28б, 31а, **любки** 30б bis.

бъш-/бш-: -бше 10а.

вьд-/вд-: правды 13б, **правдѣ** 32а bis.

вьн-/вн-: дивно 19а; **-вни** 6б.

вьц-/вц-: ѡвцѫ 19б ter, 20а, **ѡвцамь** 19б.

кчь-/кч-: ѡкчи 19б.	
кън-/кш: пославшаго 8б, 11а, 13б, 30а, 28а, 31а, **по-славшоѡмоу** 14а, 8а, **бывши** 27а, **бывшоу** 37а, **слышавшие** 14б, **прозрѣвшоѡмоу** 18б, **въз-давшѹ** 10б, **исцѣлѣвшоѡмоу** 7б, **-вше** 23б, 36б, 37а, 25а, 23а, 10а, **-вшаго** 6а, 26б bis, 17б, **-вша** 6а, **-вшимь** 16а, **-вши** 23а, **вшоѡмѹ** 8а, 14а.	**бывьша** 10а, **слышавьше** 15а, 12а, **слышавьшѫ** 35а, **-вьше** 6б, **-вьшен** 37а.
вльш-/влш-:	**ставльше** 15а.
дьн-/дн-: сиѣдно 37а, **пра-ведникь** 1б, **праведнии** 13б, 34а, **празника** 27а, 13а, **празникь** 28б, 25б, съ выпаденіемъ **д** въ группѣ **здьн-; вртоградникь** 36б, **-дини** 14а, **-дни** 27а.	**празьника** 14а.
дьск-/дск-:	**тивериадьска** 9б.
дьц-/дц-: градца 14б, **чадца** 28б.	**градьца** 21б.
дъш-/дш-: шдшиимь 10а, **при-шедшимь** 7б, **пришедшѫ** 23а, **вьшедши̑** 25б.	**-шедьше** 23б.
жьб-/жб-: слоужбѫ 31б.	
жъд-/жд-: кьждо 9б, 15а.	
жьн-/жн-: книжници 15а, **-жии** 28б, **-жних** 16а.	**недѫжьных** 9б.
къш-/кш-: рекшѹ 35а, **рек-ши** 36а, **-кши** 22б bis.	
льн-/лн-: печѣлни 32б bis, **свѣтилникь** 8б,**- лныи** 32б, **-лни-ка** 4б, **оумывалница** 27б.	
льств-/лств-:	**свѣдѣтельство** (9 разъ), **свѣ-**

дѣтельства 3а и др. [3б, 28а, 20б, 2б, 25а, 9а, 13а, 4а, 15б (7 разъ)].

льш-/лш-: болша 8а, 14а, болшаꙗ 29б.

мьн-/мн-: племеникь 20а bis.

мльн-/млн-:

земльнаꙗ 3а.

мьсц-/мсц-: сиꙗоуамсцѣ 18а.

мъш-/мш-: -мши 24б.

ньн-/нн: истинно 8б, 15б bis, истиннаꙗ 30б, -нны 11а, истино 12а, 8б, съ выпаденіемъ одного изъ двухъ н.

гвоздиньныѧ 36б; истиньно 15а.

ньск-/нск-:

самарѣньскы 4б.

ньц-/нц-: стоудеици 4б, конца 27а.

нъш-/нш-: наүенше 15а.

пьц-/пц-: -пцоү 18а.

рьм-/рм-: двермн 19а.

рьн-/рн-: двериици 35а.

ръш-/рш-: ѿер-ши 21б,— ршааго 23а.

рьш-/рш-: сътворше 35а.

сътворьшоү 26а.

сьн-/сн-: десное 34б.

тък-/тк-: патгоү 21а, -ткы 10а.

тьн-/тн-: -тны 11б.

тьм-/тм-: десатма Iа.

тъш-тш-: плетше 10б.

үьн-/үн-: вѣүныи 5а, вѣүна 32б, вѣүны 12а, 37а, 11б, вѣүнѣмь 10б, -үны 6а, 8а, 9а, -үныи 3а, 11а, -үно 25б, -үнѣмь 27а.

чьств-/чств-: **ѡтечьства** 6б.

шьн-/шн-: **брашно** 10б bis, 12а, **-шна** 4б, **-шно** 5б, 6а, **грѣшници** Iб, **грѣшникы** Iб, **вышнихь** 16а, **-шникь** 19а.

шьц-/шц-: **мышьца** 26б.

щьн-/щн-: **тисащникь** 34б.

щьш-: **обращьшиже са** 36б.

Въ одномъ случаѣ находимъ вокализацію суффиксальнаго **ь** въ открытомъ слогѣ: **праведены** 8б. — или опискою подъ вліяніемъ предшествующаго **е**, или подъ вліяніемъ фонетической формы: **праведенъ**.

§ 6. Приведенныя данныя показываютъ, что *въ различныхъ звуковыхъ группахъ полугласный въ положеніи его въ открытомъ слогѣ имѣлъ различную судьбу.*

Въ группѣ **вьр-** полугласный, повидимому, уже выпалъ: при 5 примѣрахъ типа **вра** не находимъ ни одного примѣра сохраненія полугласнаго въ данной группѣ въ нашемъ памятникѣ. Выпаденіе полугласнаго въ группѣ **вьр-** отмѣчено было мною и въ Боянскомъ Евангеліи: 15 примѣровъ **-вра**, ни одного **вьра** [1]). Изъ старословянскихъ памятниковъ то же явленіе отмѣчено В. Н. Щепкинымъ въ Саввиной книгѣ [2]). То же, вѣроятно, нужно сказать о группѣ **във**: ср. **любв-** 5 примѣровъ; въ Боянскомъ Ев. также **-вв-** (5 примѣровъ) [3]).

Въ группѣ **-въш-** одинъ случай выпаденія, ни одного — сохраненія полугласнаго.

Въ группѣ **-вьд-** 3 примѣра выпаденія. 3 случая **-вд-** уже въ Мар. Ев. но при 7 **вьд-** (**въд-**).

Выпаденіе полугласнаго въ группѣ **вън-**, **вьн** предполагается лишь двумя примѣрами, гдѣ **ь** относится къ суффиксу **-ьн-**, но это указаніе парализуется двумя примѣрами сохраненія **ь** въ словѣ **вьнѣ** и шестью примѣрами сохраненія полугласнаго отно-

---

1) Изв. Отд. русск. яз. и сл. IV, 3 кн 833 стр.

2) Тамъ же III, 2 кн. 428 стр.

3) Тамъ же IV, 3 кн. 833, 837 стр.

сящагося къ предлогу въ: вьнити. Хотя последніе могутъ быть объясняемы вліяніемъ грамматической аналогіи, однако данное отношеніе фактовъ не даетъ увѣренности, что полугласный въ данной группѣ выпалъ. Данныя Саввиной книги свидѣтельствуютъ, съ другой стороны, что въ говорѣ ея группа вьи — уже потеряла ь.

Такъ какъ относительно группъ кънр-, къст-, кък-, кыл-, кыд-, кыж-, кым-, късл-, къкр-, късп-, имѣются лишь такіе примѣры, въ которыхъ полугласный относится къ префиксу, то не рѣшаюсь дѣлать изъ нихъ опредѣленныхъ выводовъ. Вѣроятно, полугласный сохранялся въ группѣ кънр-, а быть можетъ и въ нѣкоторыхъ другихъ изъ этихъ группъ.

Группа кьс- въ 28 примѣрахъ, относящихся къ коренному слогу, потеряла полугласный и въ 59 примѣрахъ удержала его; такое отношеніе цифръ дѣлаетъ вѣроятнымъ предположеніе, что въ говорѣ писца нашего памятника группа кьс- существовала съ глухимъ звукомъ, какъ и въ говорѣ Боянскаго Ев. и Синодика Царя Бориса XIV вѣка[1]). Случаи съ пропускомъ полугласнаго въ данной группѣ должны быть въ такомъ случаѣ объяснены, какъ остатокъ оригинала писца, представлявшаго иной говоръ: ср. послѣдовательное кс- въ Саввиной книгѣ[2]).

Въ группѣ кьц- можно предполагать выпаденіе ь въ виду 5 примѣровъ кц-, гдѣ ь относится къ суффиксальному слогу; ничто не мѣшаетъ предположить тоже и относительно группы кьч-, хотя здѣсь на лицо лишь одинъ примѣръ.

Несомнѣнно выпаденіе глухого въ группѣ кьш-: ср. 29 кш- при 6 — кьш-, гдѣ 6 относится къ суффиксу и 1 къ кьш-, гдѣ ъ принадлежитъ префиксу къ. Выпаденіе ь въ группѣ кьш- можно констатировать и для Боянскаго Ев.

Въ группѣ кльш- у меня отмѣченъ лишь одинъ примѣръ сохраненія полугласнаго...

1) Изв. Отд. русск. яз. и слов. IV, 3 кн., 837—8 стр.
2) Тамъ же III, 2 кн., 428 стр.

Группа **гъи-**, вѣроятно, утратила **ъ**: ср. 5 **ги-** и ни одного **гъи-**. Въ Саввиной книгѣ, по крайней мѣрѣ внутри слова, также **гъи-** измѣнилось въ **ги-** [1]).

Группа **дъв-** утратила **ъ**: ср. 12 **дв-**, ни одного **дъв-**; въ Боянскомъ Ев. 30 **дв**, ни одного **дъв-**; изъ старословянскихъ памятниковъ тоже въ Саввиной книгѣ.

Группа **дьи-** > (= измѣнилась) въ **ди-**; **-ди: дьи** = 11 : 1.

Группа **дъш-**, вѣроятно, >**дш**; **дш: дъш** = 4 : 1 (**ъ** относится къ суффиксу).

Группа **жьи-**, вѣроятно, > **жи**: ср. 2 **жи-** въ коренномъ слогѣ, 3 **жи-** при одномъ **жьи-** въ суффиксальномъ слогѣ.

Вѣроятнымъ кажется выпаденіе **ъ** въ группѣ **зъл-**: ср. 5 **зл-** и ни одного **зъл-**; въ Боянскомъ Ев. 15 **зл-**, ни одного **зъл**.

Два примѣра **где** (**гдѣ**),—съ ассимиляціей первоначальнаго **к** (**къде**) слѣдующему звучному **г** позволяютъ думать, что полугласный въ группѣ **къд-** выпалъ.

Наоборотъ, въ группѣ **кѣгд-** нужно предполагать сохраненіе полугласнаго, хотя у меня отмѣченъ лишь одинъ примѣръ **кѣгд-**.

Группы **към-**, **къи-**, **кът-** потеряли полугласный ср. 10 **км-**, 14 **ки-** при 3 **кьи-**, 59 **кт-**. Для группъ **къи-** и **кът-** тоже можно констатировать и въ Боянскомъ Ев.: 27 **ки-** и 42 **кт-**, при отсутствіи случаевъ сохраненія **ъ**.

Группа **льств-**, повидимому, оставалась безъ измѣненія: при 25 **льств-** ни одного **листв-**.

Возможно, что **льш-** > **лш-**: я отмѣтилъ выше 3 **лш-**, гдѣ выпавшее **ь** относится къ суффиксу.

Несомнѣнно выпаденіе полугласнаго въ первоначальныхъ группахъ **мъи-**, **мьи-**: 53 **ми-** при одномъ **мьи-** и 38 **ми-** при отсутствіи **мъи-** (этимологическаго). Тоже въ Боянскомъ Ев.: 66 **ми-** вм. **мъи-** и 12 **ми-** вм. **мьи-**. Въ Софійскомъ Синодикѣ XIV в. 109 **ми-**. при 1 **мьи-**. Изъ старословянскихъ памятниковъ

1) Тамъ же, 432 стр.

установлено выпаденіе ъ, ь въ этихъ группахъ для Зогр. Ев., Мар. Ев., Савв. кн.[1]).

Въ группахъ ьм- и ьн-, вѣроятно ь выпалъ ср. 5 м- и 7 н- при 2 ьн-. 34 примѣра сл- вм. съл- указываютъ на выпаденіе полугласнаго въ группѣ съл-, и въ этомъ случаѣ показанія нашего памятника совпадаютъ съ данными Боянскаго Ев., гдѣ я отмѣтилъ 20 сл-, ни одного съл-. Тоже отмѣтилъ относительно Савиной книги В. Н. Щепкинъ[2]).

О выпаденіи ь въ группѣ сьд- свидѣтельствуетъ ассимиляція с слѣдующему звучному з- въ двухъ отмѣченныхъ выше примѣрахъ.

Для характеристики судьбы группы сьн- у меня лишь 3 примѣра сн-, но я склоненъ признать ихъ за достаточное свидѣтельство о выпаденіи ь: ср. о раннемъ его выпаденіи въ данной группѣ у В. Н. Щепкина[3]). 4 примѣра сьн- относятся къ соединенію словъ съ префиксомъ съ, гдѣ грамматическая аналогія въ нашемъ памятникѣ довольно сильно сказывается; гораздо слабѣе она проявляется въ суффиксальныхъ слогахъ, и здѣсь, правда въ одномъ случаѣ, находимъ сн-.

Имѣя въ виду особыя условія, въ которыхъ находилось въ различныхъ звуковыхъ группахъ ъ, относящееся къ префиксу съ, мы изъ примѣровъ этого ряда можемъ остановиться съ извѣстнымъ довѣріемъ лишь на нѣкоторыхъ: такъ 9 случаевъ съкл- мы можемъ считать свидѣтельствомъ сохраненія ъ въ данной группѣ въ виду звукового состава этой группы; съ другой стороны, 16 примѣровъ ск- вм. сък- заставляютъ предполагать въ этой группѣ выпаденіе ъ.

Что касается группы сътв-, гдѣ съ префиксъ, то сътв-: ств =24:19.

Если принять во вниманіе, что при сохраненіи на письмѣ ъ могла имѣть извѣстное значеніе аналогія, то количество примѣ-

1) Изв. Отд. русск. яз. и сл. III, 2 кн. 443—444 стр.
2) Тамъ же, 449 стр.
3) Тамъ же, 450 стр.

ровъ пропуска ъ является достаточно значительнымъ, чтобы предположить въ данной группѣ выпаденіе ъ. Значительное число случаевъ написанія **ств-** отмѣчено мною въ Боянскомъ Ев. Утрату ъ въ группѣ **сътв-** принимаетъ В. Н. Щепкинъ для Саввиной книги[1]).

Вѣроятно выпаденіе ъ и въ группѣ **сът-**: ср. 3 **ст-**.

Въ группѣ **тъгд-**, несомнѣнно, полугласный сохранялся въ виду качества согласныхъ, соединенныхъ въ ней полугласнымъ.

Въ группахъ **тьм-**, **тъв-** съ нѣкоторой вѣроятностью можно допустить выпаденіе полугласнаго; относительно **тьм-** въ пользу выпаденія 4 **тм-** при 1 **тьм-** въ коренномъ слогѣ 1 **тм-**, гдѣ пропущенъ ь суффикса; 1 **тъм-**, гдѣ ъ относится къ префиксу **отъ**, въ виду этого послѣдняго имѣетъ ограниченное значеніе; **тв-** 4 раза, причемъ ъ относится къ префиксу **отъ**. Несомнѣннымъ является выпаденіе ь въ группѣ **чьт-**: 45 **чт-** нашего памятника ср. съ 98 **чт-** въ Боянскомъ Ев.; изъ старословянскихъ памятниковъ ср. 96 случаевъ **чт-** въ Саввиной книгѣ[2]).

Наконецъ, вѣроятно выпаденіе полугласнаго въ группахъ **шьи-** (10 **ши-**) и **чьи-** (13 **чи-**), гдѣ ь относится къ суффиксу **ьи-**.

§ 7. Перехожу къ разсмотрѣнію фактовъ, характеризующихъ судьбу полугласныхъ въ положеніи ихъ въ *закрытомъ* слогѣ слова или сочетанія а) въ *концѣ* слова и б) въ *срединѣ* слова.

Конечное ъ въ закрытомъ слогѣ сочетанія вокализуется: **гласось** 26а; но **оучениkь ть**. Вокализація конечнаго ъ въ закрытомъ слогѣ въ сочетаніи его съ послѣдующей энклитикой замѣчена мною, такимъ образомъ, въ одномъ лишь примѣрѣ.

Нѣсколько больше примѣровъ вокализаціи конечнаго ъ, относящагося къ предлогамъ, въ тѣсномъ сочетаніи ихъ со слѣдующимъ словомъ; но и здѣсь чаще ъ сохраненъ:

---

1) Изв. Отд. русск. яз. и сл. III, 2 кн., стр. 451.
2) Тамъ же, 452 стр.

ко мнѣ 29б, 34а, **ко тмѣ** 15б.

ср.—**вь нь** 13а, 16а, 14а, 11а, 23б bis, 3а, 26б, 14б bis, 21б, 6а, 19; **вьнже** (=вь нь же) 34б; **вь мнѣ** 34а, 21б, 30а, 29б bis, 12а, 30б, 5 разъ, **вь мьнѣ** 29б; **вь ть** 7б, 10б; **вь всѣмь** 17б, **вь всемь** 16а, 32б; **въ тмѣ** 26б; **вь тьмнѣ** (вм. вь тьмѣ) 26а, **вь книгахь** 37а; **вь свѣдѣние** 8б, **вь воскрѣшение** 8б bis, 22б; **вь кртѣ** 35б; **вь срце** 27а; **вь цркве** 13а, 15а, **вь цркви** 20б, 13б, 24а, 35а.

со множ 31б, 1б.

ср.—**сь множ** 34а, 16а.

ко мнѣ 12б, 11а bis б, 14а, **ко смрти** 21б.

ср.—**вь мнѣ** 11а.

§ 8. *Внутри слова* ъ въ положеніи въ закрытомъ слогѣ слова въ большинствѣ случаевъ сохраняется и лишь въ немногихъ примѣрахъ переходитъ въ чистое о:

кьнь 26а, 35б, 11а, 1б.

конь 19а bis, 23б, 30б.

сьль 28а (=сълъ, т. е. посолъ).

льжъ 17а б.

сьминцин 12а, **сьминциа** 18б, **сьминцѧ** 31б, 26б, **сьминцинхь** 35а.

рьпщите 11б, **рьпщѧть** 14а, 12а, **рьптахѫ** 1б, 11а, 13а.

тькмо 3а, 7б, 10б, 11б, 27б bis, 24б, 29а, 32б, 34а.

кьждо 9б, 15а.

начатокь 16а; **точ** 27а.

Всего, такимъ образомъ, 6 примѣровъ вокализаціи ъ при 30 примѣрахъ сохраненія его.

§ 9. Совершенно иначе группируются факты, относящіеся къ судьбѣ ь въ *закрытомъ* слогѣ:

весь 35б, 22б, 21а, 19а, 32б, 27б, 31а bis, 27а, 25б, **вє̑** 19а, 31а, 22б, 34а bis, 29б, 32а б, 3а, 10а, 13а, 7а, 30а, 24а, 8а, 3б, **вес (мирь)** 34а, **весъ** 26б.

день 10б, 7б, 11б, 36б, **дє̑н** 24б, 11а, 29б, 24а, 12а, 27а, 36б, 14а, 32б, 17б.

-шедь 22б, 26а, Iб, 32а, 34б; **шель** 31б, 2б, 10а, 22б; **шє̑** 7а, **шедже** 18а, **шедьше** 23б, **вьшедші̑** 25б, **пришедшимь** 7б, **пришедшѧ** 23а, **силєнь** I, **ра-вень** 7б, **четвредн҃евен (во)** 23б, **кѡнець** 35б, **ковчежець** 24б, **ковь-чежець** 28б, **стоуденець** 4б, 5а.

-ець 37а, 4б, 36б, **-ень** 4а, 13б, 16а, 17б, 15б, 18б, 22а, 18а.

ѡтець 17а, **праведнын** 34а, 13б, **праведникь** Iб bis.

овець 20б, **ѡвець** Iб, **ѡтечь-ствѣ** 6б, **вь темницѫ** 3б, **двєрници** 35а, **начєнше** 15а.

сьньмь 23б.

По аналогіи — е вм. ь изъ положенія въ *закрытомъ* слогѣ перенесено въ *открытый* слогъ:

чести 6б; **праведны** 8б.

Такимъ образомъ, на 87 случаевъ вокализаціи ь въ закрытомъ слогѣ я замѣтилъ лишь одинъ примѣръ сохраненія ь.

Сопоставленіе примѣровъ сохраненія и вокализаціи полугласныхъ ъ и ь въ нашемъ памятникѣ, — въ положеніи ихъ въ

закрытомъ слогѣ слова или сочетанія, — обнаруживаетъ ясную разницу въ судьбѣ ъ и въ судьбѣ ь въ данномъ положеніи — въ языкѣ писца.

Между тѣмъ какъ ь въ *закрытомъ* слогѣ, несомнѣнно, перешло въ немъ въ чистое є, ъ, нужно думать, оставалось въ говорѣ писца безъ измѣненія.

Изъ всѣхъ примѣровъ вокализаціи ъ въ закрытомъ слогѣ къ говору писца можно отнести лишь — начатокъ и тон: суффиксъ—окъ и форму тон знаютъ въ настоящее время и восточноболгарскіе говоры, вообще сохраняющіе ъ въ закрытомъ слогѣ, какъ глухой звукъ.

Остальные примѣры вокализаціи настолько немногочисленны, что легко могутъ быть объяснены, какъ остатокъ оригинала писца, знавшаго вокализацію ъ въ закрытомъ слогѣ: въ срединѣ слова примѣры съ ъ: къ примѣрамъ съ — о = 30 : 4 (я исключилъ тон и начатокъ); конечное ъ префиксовъ сохранено 49 разъ и вокализовано 11 разъ.

Итакъ, по отношенію къ судьбѣ раціональныхъ ъ и ь разсматриваемый памятникъ относится къ той же группѣ памятниковъ, что̀ и Боянское Ев. или Евангеліе Сречковича.

§ 10. Въ особую группу должны быть выдѣлены примѣры є изъ ь въ положеніи предъ и въ извѣстныхъ категоріяхъ, обычные въ среднеболгарскихъ памятникахъ: бєи 4б, 22б (=божеи изъ *божьи); болеи 17а, 30а, 28а bis, 5а, 31а; сеи 18а б.

§ 11. Въ написаніи *плавныхъ сочетаній* при традиціонной постановкѣ глухого послѣ плавнаго замѣчаются слѣдующія отклоненія:

1) при сьврьшѫ 8б, сьврьшени 34а, сьврьшение Iа, сьврьшити Iа bis, сьврь... 6а, вьврьжет ма 7а, изьврьжетса 30б, врьзы 15а, вьврьзѣте 37а, ѿврьзе 18а, вльнъ 20а, стльпь Iа, гдѣ группа «*плавный + глухой*» произошла изъ праславянской группы «*глухой + плавный*»,— находимъ формы съ пропускомъ полугласнаго: вь вртѣ 35б, вртоградникь 36б, поврнать 5а, неспрва 17а,

31б, 12б, **смрдить** 23а, **скрьи** 32б, **скрьь** 31б,— примѣры, свидѣтельствующіе о выпаденіи глухого въ данныхъ группахъ въ живомъ языкѣ; это свидѣтельство поддерживается примѣромъ: **ко смрти** 21б, гдѣ вокализація конечнаго **ъ** предлога, вѣроятно, находится въ связи съ исчезновеніемъ полугласнаго въ плавномъ сочетаніи слѣдующаго слова.

Впрочемъ, примѣры такой вокализаціи (**ко**>**къ**) я относилъ выше къ оригиналу писца; въ такомъ случаѣ и исчезновеніе глухого въ плавныхъ сочетаніяхъ даннаго типа относится еще къ эпохѣ этого оригинала, что не мѣшаетъ предположить тоже и для писца.

2) Въ плавныхъ сочетаніяхъ, происшедшихъ изъ праславянскихъ сочетаній *«плавный + глухой»* при **кьсльѕи** 23а, **пльт** (**ко**) 12а — находимъ: **плть** 12а bis, **крилаше** 3б, 4б, **крилеть** 4б и съ другой стороны — **брение** 18а bis, 17б, **брениемь** 17б.

Формы типа **брение**, повидимому не относятся къ языку писца, а внесены имъ въ свою копію изъ оригинала. Помимо того, что для языка писца мы не имѣемъ основаній предполагать ***бреньие** (а вокализація полугласнаго въ такихъ сочетаніяхъ происходила именно въ закрытомъ слогѣ — предъ **ь** слѣдующаго слога, ставшимъ неслоговымъ), форма **пльт ко** наводитъ на мысль, что въ языкѣ писца уже не было формъ вродѣ **плоть**, **кровь**, встрѣчающихся въ памятникахъ XI вѣка, какъ нѣтъ ихъ въ современныхъ болгарскихъ говорахъ. Въ плавныхъ сочетаніяхъ, происшедшихъ изъ соотвѣтствующихъ праславянскихъ безъ перестановки, глухой, какъ показываетъ Зогр. Ев., сохранялъ еще въ первое время слоговое качество, а попадая въ закрытый слогъ, какъ въ формѣ **плъть**, переходилъ въ чистое **о**. Въ языкѣ писца формы типа **плоть**, повидимому, были уже вытѣснены формами косвенныхъ падежей, гдѣ **ъ** было въ открытомъ слогѣ и потому съ теченіемъ времени исчезло. Всюду распространился одинъ общій типъ, сгладившій первоначальныя различія, — типъ ***плть**, т. е. плавный безъ глухого или съ неслоговымъ глухимъ, который на письмѣ могъ опускаться.

Юсы.

§ 1. Въ разсматриваемомъ памятникѣ я не замѣтилъ фактовъ, опредѣляющихъ звуковое значеніе ж и ѧ. Довольно многочисленные примѣры союза иж рядомъ съ иь=ить не могутъ быть разсматриваемы, какъ случаи замѣны ъ чрезъ ж, такъ какъ въ нихъ мы можемъ имѣть дѣло съ такими же праслованскими параллелями, какъ иж и иъ, сж и съ (ср. иь 8б, 11а, 5а, 15б, 3а, 14б, 12б, 23б, 16б, 4а и др. и иж 3а, 24б, 15б, 13а, 25а, 10б и др.).

Примѣру ѧ вм. ь: кораблѧ acc. s. 10б — не могу придавать значенія въ виду его единичности.

§ 2. Взаимная мѣна юсовъ является въ слѣдующемъ видѣ:

I) послѣ ж, ш, щ — ѧ замѣняется чрезъ ж: бжжать 19б, лежжща 7а, дръжжтсѧ 36б, лежжщь 36а, лежжщж 36а bis, 37а bis, възлежжщимь 9б, възлежж n. s. m. partic. 28а, възлежжщиихъ 24б, 28б, жать 6а, жжтва 6а, жжждж 5а, жжждеть 14а, вьжждатисѧ 11а, вьжжжетсѧ 5а bis.

уъшж gen. s. 34б, дшж gen. s. I, погыбшжѧ acc. s. f. Iб, множаишж 4а, искръшж 12а, слышавъшжѧ acc. pl. 35а, оутъшжть, пришедшжѧ acc. pl. m. 23а, створишж 25а, мнъшж 22а, свѣщашж 24а, -вѣщашж 24б, изгнашж 31а, 19а bis, оуслышжть 8б а, бѣшж 19б, 3б, бишж 35б, слышашж 4а, 25а, познашж 37а, -шж 3 л. мн. аориста 3б, 6б, 6а ter, 7б, 2б, 5а и съ 34—39 л. 21 разъ. ищжи 13б, лежжщж acc. pl. 36а bis, 37а bis, инщжѧ acc. pl. 24б, сжщж gen. s. f. 4б. сжщжѧ acc. pl. 27а, въсльплжщж gen. s. f. 5а, -жщж gen. s. f. 6а.

II) послѣ л҄, р҄, н҄, группы «*губной + л*» или губного непосредственно смягченнаго — вм. ж находимъ ѧ:

гл҃ѧ 1 sing. praes. Iб, 2б, 28а, 30а, 29б, 28ба, 19б, 11б, 10б, 28а, 12а, 17б, 13б, 11а, 16б bis, 16а bis, 27а, 28а, 32б, 31а б, 25б, 8а, 17а, 19б, 6а; волѧ 8б bis, 11а bis, 13б, 6а acc. s.;

мола 34а, 32 б, **оумола** 29б, **посла** 31б, **възглагола** 27а, **исцѣла** 26б, 1 sing. praes.

на на acc. s. f. 15а, **въ на** 8б, 7а, **к наже** acc. s. f. 10б.

твора 1 s. praes. 21б, 20б, 30б, 27б, 21а, 8б, 16а, 11а; **створа** 29б, 6а, **оузра** 32б, **вечера** acc. s. f. 24б; но: — **сътвора** 29б.

любла 30а, 37б, 1 sing. praes., **възлюбла** 1 s. pr. 30а, **погоубла** 11а, **гыблащее** 10б.

оставла 1 s. pr. 29б, **прославла** 1 s. pr. 26а, **слаѣаса** 17б, **вѣласа** 30а.

земла acc. s. 37а bis, **зема** 3б; **приемла** 1 s. pr. 9а, **приемлащіе** 9а, **приема** 1 s. pr. 8б, **силоуамла** acc. s. f. 18а.

III) Послѣ слитнаго согласнаго **ч** — **а** сохраняется безъ измѣненія: **чада** 24а; **облачатса** 3б и т. п.; на мѣстѣ первоначальнаго **ж** является также — **а**: **плачащиса** 36а, **плачащеса** 23а, **плачащѫаса** 23а, **притча** acc. s. f. 16, 19б.

Послѣ согласнаго **ц** находимъ при правильномъ сохраненіи **ж**: **темницж** acc. s. 3б и т. п. въ одномъ случаѣ **а** вм. **ж**: **оумышлѧница** 27б, но этому единичному случаю врядъ ли можно придавать значеніе въ виду нѣсколькихъ случаевъ противоположнаго характера: **овцж мож** acc. pl. 37б bis, 20б n. pl.; **овцж своѫ** n. pl. 20а; **овцж** acc. pl. 20а ter.; эти 7 случаевъ **-цж** вм. **-ца** даютъ основаніе думать, что въ говорѣ писца послѣ **ц** **а** измѣнялось въ направленіи къ **ж**, а не наоборотъ.

Выше мы опредѣлили качество согласныхъ **ш**, **ж**, **щ**, **ц**, **ч**; мы видѣли, что изъ всѣхъ этихъ согласныхъ мягкостью въ говорѣ писца отличалось лишь **ч**, согласные же **ш**, **ж**, **ц**, **щ** были тверды.

Этимъ наблюденіемъ я не думаю объяснять разницу въ мѣнѣ юсовъ послѣ **ч** съ одной стороны и послѣ **ш**, **ж**, **ц**, **щ** съ другой: не ставлю этой разницы въ непосредственную связь съ твердостью или мягкостью данныхъ согласныхъ; отвердѣніе **ш**, **ж**, **ц**, **щ** — можетъ быть явленіе болѣе позднее, нежели измѣненіе **а** въ на-

правленій ж послѣ этихъ согласныхъ (въ Боянскомъ Ев. мы видѣли измѣненіе а въ ж послѣ ш, ж при мягкости ихъ), но предварительное выясненіе качества согласныхъ, послѣ которыхъ наблюдается мѣна юсовъ,— не лишній матеріалъ для связнаго изложенія исторіи этого любопытнаго среднеболгарскаго фонетическаго процесса, — исторіи, къ которой я надѣюсь вернуться въ заключительномъ выпускѣ своихъ «Матеріаловъ».

IV) Послѣ j — постановка юсовъ не отличается совершенной послѣдовательностью.

Въ началѣ слова а этимологическое удерживается очень рѣдко; въ большинствѣ случаевъ его замѣняетъ ж: при правильномъ ати 14б я замѣтилъ: жти 14а, 6б, 21б, жстє 37а, жли 9а, жшж 34б, жзыкь 23б, 24а, жуньнь 9б, жуньмлхь 10а, ж = acc. pl. 32б bis, 20а, 21а, 16а, 32б, 34а (4 раза), 34б, жже acc. pl. 28а, 29б, 20а, 34б, 8б, 4б.

При обычномъ сохраненіи ж: ср. ж acc. s. f. 20 bis и др.— изрѣдка а вм. ж: аже acc. s. f. 34а б, а acc. s. f. 20б bis.

Послѣ гласной и—ж обычно сохраняется, а вм. а стоитъ ж: исаиж gen. s. 26б, пижи 5а (partic.), біж acc. pl. 4а, приж 27б, прижти 10а, 29б, 20б; прижсь 20б, прижть 28б, 37а, прижт же 9б bis, сиж 19б, -иж gen. s. 21б, 24б, 4б; но въ одномъ случаѣ я замѣтилъ а вм. ж: коєж смртиа 26а (instr. s.).

Послѣ гласной є- вм. а находимъ ж: вашеж gen. s. f. 32б, моеж gen. s. f. 21а, своеж gen. s. f. I, сеж g. s. f. 31а, 26а, 5а, июдеж g. s. f. 23а, юдеж 7а, вторицеж 18б, еж gen. s. f. 32б, 24б, 37а, 21б bis, 22, -еж gen. s. f. 6б, 14б ter.

Послѣ гласной о- при обычномъ сохраненіи ж: влатвож instr. s. 35б, водож 2б — я замѣтилъ лишь одинъ примѣръ а вм. ж: своа acc. s.; первоначальное же а обычно замѣняется знакомъ ж: мож gen. s. 17а, свож gen. s. 13б, 2б, свож acc. pl. 27б, 19б, 31а, мож acc. pl. 20а, 37б, 29б, 26б, 30б, мож nom. pl. 20б, 35б.

стож partic. 35а, 26а, стожщи 15а, стожщаго 23б, стож-

щихъ 35а; **ѧ** первоначальное сохранено лишь въ одномъ случаѣ: **моѧ** nom. pl. 20а.

Послѣ **ѣ** вм. **ѧ** — находимъ **ѫ**: **нмѣѫ** part. 4а, 29б, Іб, **сѣѫн** 6а, **грѣѫсѧ** 35а.

Послѣ **а** — также **ѫ** вм. **ѧ**: **дѣлаѫн** 3б, **прѣдаѫн** 37б, **прѣбываѫн** 29б, **послоушаѫ** 4а, **искоушаѫн** 9б, **съблюдаѫ** 29б, **отьмѣтаѫнсѧ** 27а, **каѫщнимсѧ** Іб.

Послѣ **ы**: **ѫ** вм. **ѧ**: **тыѫ** acc. pl. 20а, **нуденскыѫ** n. pl. 34б, **гвозднньныѫ** acc. pl. 36б, **-ыѫ** gen. s. f. 15а, 24б, 25б, **-ыѫ** acc. pl. 8а, 15а.

Послѣ **оу**: **обнноуѫсѧ** 35а (part.), **ѡбнноуѫсѧ** 20б, **вѣроуѫн** part. 3а bis, 11б, 29б, 4а, 26б. **-уѫн** part. 14а, **-оуѫн** part. 11а, 15б, 8б, 13б, 22б, 22а.

Послѣ **ѫ** первоначальное **ѧ** сохраняется и вмѣсто **ѫ** этимологическаго также находимъ **ѧ**: **сѫщѫѧ** acc. pl. 27а, **инщѫѧ** acc. pl. 24б, **пришедшѫѧ** acc. p. 23а, Іа, **слышавьшѫѧ** acc. pl. I 35а; **погыбшѫѧ** acc. s. f. Іб, **юденскѫѧ** acc. s. 3б, **плачащѫѧсѧ** 23а acc. s., **седмѫѧ** acc. s. 6б, **кѫѧ** acc. s. 6б, 35б, **ѡдеснѫѧ** acc. s. 37а, **-ьскѫѧ** acc. s. 15а, **-ащѫѧ** acc. s. 30б.

Такимъ образомъ, постановка **ѫ** и **ѧ** послѣ **ѫ** рѣзко отличается отъ постановки юсовъ послѣ другихъ гласныхъ.

§ 3. Долженъ еще упомянуть о нѣсколькихъ случаяхъ графическаго смѣшенія юсовъ — послѣ твердыхъ согласныхъ; случаямъ этого смѣшенія, немногочисленнымъ въ сравненіи съ примѣрами послѣдовательной мѣны **ѫ** и **ѧ** послѣ извѣстныхъ согласныхъ, нельзя, конечно, придавать значенія матеріала для научныхъ выводовъ.

Прежде всего необходимо выдѣлить особую категорію случаевъ такого смѣшенія: въ старыхъ формахъ аориста сигматическаго 3 л. мн. ч. оканчивалось на **-ѧ** (**шсѧ**) въ нашемъ памятникѣ вмѣсто **-ѧ** находимъ **-ѫ**: **пришѫсѫ** 25а, 6а, **ѫсѫ** 37а, 18б, **вѣсѫ** 18а, 34б, **положнсѫ** 36а, **привѣсѫ** 15а, **вьзасѫ** 21а. Такъ какъ въ живомъ языкѣ писца эти архаическія формы аориста,

можно думать, уже не существовали, то писецъ, перенося ихъ изъ своего оригинала въ копію, иногда невольно подчинялся вліянію аористныхъ формъ 3 л. мн. ч. на — **шѫ** и переносилъ изъ этой флексіи **ѫ** въ старую флексію **-с -ѧ**; иногда же онъ сохранялъ правильную форму своего оригинала: **вьзасѧ** 36а[1]).

Возможно, что обратному вліянію формъ на **-сѧ** обязаны своимъ возникновеніемъ формы: **идѣхѧ** 25а, **исповѣдахѧ** 26б. Несомнѣнно, что писецъ уже потерялъ чутье въ различеніи различныхъ формъ аориста и формъ имперфекта; флексіи **-шѫ** вм. первоначальнаго **-шѧ**, **-сѧ** и **-хѧ** путались въ его представленіи.

Такимъ образомъ, 11 примѣровъ нефонетическаго смѣшенія юсовъ,—повидимому,— морфологическаго происхожденія.

Затѣмъ примѣры: **градаща** 20а, **поманашѫ** 25а вм. ожидаемыхъ **граджща**, **поманжшѫ**, вѣроятно представляютъ извѣстный типъ описокъ, гдѣ **ѧ** вм. **ѫ** явилось механически подъ вліяніемъ предшествующаго **ѧ**.

Остаются 5 примѣровъ: **сасѣды** 1б, **вѣрѧ** acc. s. 8а; **княѕь** 26а, **дасѫдѧ** 1 s. pr. 26б, **принлѣкѧ** 26а, послѣдніе 3 случая относятся къ 26 листу, писанному инымъ, нежели остальная рукопись, болѣе широкимъ, неумѣлымъ почеркомъ.

Нѣкоторыя явленія въ области гласныхъ.

§ 1. Праславянское ĭ въ положеніи предъ j, являвшееся въ старославянскихъ памятникахъ въ видѣ **и** и въ видѣ **ь** различно въ различныхъ діалектахъ, въ нашемъ памятникѣ является въ видѣ **и**, какъ въ Боянскомъ Ев. и другихъ среднеболгарскихъ памятникахъ: **братнѣ** 13а, 12б, **братиѧ** 13а, **диѩволь** 12б, **диѩволь** 27а, **диѩвола** 17б, **бїѩ** 8а, 10б, 2б, 3б, 24а, 9а, 19а, 8б, **бжїѣ**

1) Я остановился на этомъ морфологическомъ объясненіи фактовъ, такъ какъ измѣненіе **ѧ** въ **ѫ** послѣ **с** ограничено одной лишь указанной категоріей случаевъ ср. **всѧ** 26а, **вьсѧ** 2б, 19б, а потому не имѣю права видѣть здѣсь фонетическое измѣненіе, вызванное качествомъ согласнаго **с**, который по своей природѣ могъ вліять также какъ и **ѕ** или **ц** извѣстнымъ образомъ на слѣдующую гласную.

17б, **бйе** 2б, **марии** 23а, 22б, 24б, 36а б, **марнѣ** 36а, **знаменню** 9б, 21б, 2б, 18а, 26а, 37а, 14а, 23б, **видѣнию** 9а, **сщѣню** 20б, **сложеннѣ** 34а, **каменню** 21а, **стаѕание** 3б, **любодѣаниіи** 16б, **погребеннѣ** 24б, **бренне** 18а bis, 17б, **бреннемь** 17б, **ѡснованне** Iа, **сьвршенне** Iа, **тиверниады** 10б, **тиверниадьска** 9б, **-ню** 10б, 12б, 22б (n. s. f.).

§ 2. Смѣшеніе **ы** и **и** на письмѣ, въ нѣсколькихъ примѣрахъ отмѣченное мною въ Боянскомъ Евангеліи, въ разсматриваемомъ памятникѣ носитъ своеобразный характеръ, который почти не позволяетъ говорить о соотвѣтствующемъ совпаденіи звуковъ **ы** и **и** въ произношеніи писца.

Въ пользу мысли о такомъ совпаденіи можно указать развѣ лишь одинъ примѣръ: **оумывалныца** 27б. Но и тутъ нужно замѣтить, что во-первыхъ случай этотъ относится къ страницѣ, писанной инымъ, неумѣлымъ и небрежнымъ почеркомъ, но не рукой главнаго писца, во-вторыхъ характерно въ данномъ случаѣ самое начертаніе **ы**, обычно въ нашей рукописи не употребляемое; слѣдовательно возможно, что это **ы** было перенесено изъ оригинала, хотя, конечно, могъ его внести и второй писецъ, у котораго были свои пріемы.

Остающіеся примѣры — весьма опредѣленнаго характера: всѣ послѣ **ѕ** и одинъ лишь—послѣ **ж**: **мноѕы** 24а, 26б, 12а, 6а, 14а, 21б bis, 12б, 16а, 14б, 23б, 25а, 20б, 22б, 2б; **дроуѕы** 31а, 36б, 14б, 37а; **книѕы** 13б; **врьѕы** 15а (imper.); **воѕы** 21а; **жжыка** 35б.

Такъ какъ я не замѣтилъ измѣненія группы **ѕа-** въ **ѕѫ** въ нашемъ памятникѣ, (единичное **полѕѫ** 12б—можетъ быть фактъ морфологическій) то и не могу въ данномъ случаѣ говорить о лабіализаціи звука **и** послѣ **ѕ**, а скорѣе объ отвердѣніи **ѕ**; что касается примѣра **жжыка**,— то его можно разсматривать и какъ слѣдъ лабіализаціи **и** послѣ **ж** ср. **жа—жѫ** и какъ результатъ отвердѣнія **ж**. Но единичность примѣра ослабляетъ значеніе каждаго изъ возможныхъ объясненій.

§ 3. Стяженіе: **прѣлюбодѣани** 15а bis, **къ братн** 36б; **къ юден** 12б; **къ юденхъ** 20б, 24а.

§ 4. Въ трехъ случаяхъ замѣчается смѣшеніе **ѣ и е**; число это настолько невелико, что трудно настаивать на фонетическомъ значеніи этихъ примѣровъ: **именни** Iа, **бесноужщагося** 20б, **къ всѣмь** 17б.

§ 5. Остается отмѣтить нѣсколько единичныхъ случаевъ, относящихся къ вокализму:—**възроукатися** 8б вм. **възрадоватися**, **ѡброусомь** 23б вм. **оуброусомь**; (**кто**)**моу** (вм. **кто емоу**)—можетъ быть и фактомъ морфологическимъ; **да оутѣшаты и, прославиты и** вм. **-тъ и**,—можетъ быть остатокъ стараго оригинала рукописи.

Согласные.

§ 1. Въ смягченіи *губныхъ* преобладаетъ въ нашемъ памятникѣ измѣненіе губного предъ йотованнымъ гласнымъ въ группу «*губной+л*»:

земли Iа, 10б, 15а, **землѧ** 37а, 4а gen. s., **землѧ** acc. s. 37а bis, **земльнаа** 3а.

корабль 10ба, **кораблѣ** 10ба, **кораблѧ** acc. s. 10б;

-емлеть 32а, 4а, 28а, 13б, 6а, 3а, Iб, **-емлете** 21а б, 9а, 16а, 17а, **-емлѧ** 27а, 9а (1 s. pr.).

приемлаи part. 28а bis, **приемлаще** 9а, **въземлеши** 20б.

възлюбль 27а, **люблѧ** 1 s. pr. 30а bis, 37б bis.

люблѣше 23а, 21б.

ставльше 15а, **оставлѧ** 1 s.

земи 25б, 34б, **земѧ** 3б, 26а.

корабь 37а, **корабн** n. pl. 10б.

приемѧ 1 s. pr. 8б.

pr. 29б, **оставлѭ** 30а, **остав-лѣеть** 20а.

прославлѧ 1 s. pr. 26а, **про-славлень** 14б, **славѧ̂сѧ** 1 s. pr. 17б.

погоүбль 1б, **погоүблѧ** 1 s. pr. 11а.

аүраамле 16б bis, **аүраамлѣ** 16б bis.

силоүамлѧ acc. s. f. 18а, **кѵлѣти** 30а.

гыблащее 10б, **власвимлѣе-шн** 21а.

̂ерлнмлѣне 13б, **дивлѣхѫсѧ** 13а.

прѣположенне 13а.

Такой значительный перевѣсъ формъ съ l epentheticum надъ примѣрами непосредственнаго смягченія губныхъ: 57 первыхъ и 8 вторыхъ — весьма интерессенъ въ памятникѣ XIII—XIV в. Въ Боянскомъ Ев. отношеніе первыхъ и вторыхъ формъ таково, что не трудно допустить въ говорѣ писца непосредственное смягченіе губныхъ: его иллюстрируютъ 33 примѣра при 44 случаяхъ l epenthetici. Отношеніе формъ одного и другого типа въ нашемъ памятникѣ совершенно иное.

Тѣмъ не менѣе и для говора нашего писца я склоненъ допустить непосредственное смягченіе губныхъ, а 57 случаевъ l epenthetici относить къ его оригиналу: общій характеръ языка нашего памятника не напоминаетъ тѣхъ, пограничныхъ съ Сербіей, болгарскихъ говоровъ, которые знаютъ смягченіе губныхъ посредствомъ l epentheticum. Быть можетъ, оригиналъ нашего отрывка отличался особенной послѣдовательностью въ постановкѣ l epenthetici въ виду древности, на которую указываетъ морфологія и лексика копіи, и этой особенностью его объясняется обиліе формъ съ l epentheticum въ нашемъ отрывкѣ.

§ 2. О качествѣ согласныхъ ш, ж, ч, щ была рѣчь выше.

§ 3. т вм. ѳ: тома 36б, 29а, 37а; томѣ 36б, 37а; витезда 7а.

§ 4. Вмѣсто ѕ всюду употребляется з: мозѣ 28а, 24б, кназь 2б и др. Примѣры были приведены выше.

§ 5. При силоуамсцѣ 18а находимъ -ьстѣмь 37а.

§ 6. Выпаденіе полугласнаго въ группахъ льн-, льш-, быть можетъ, сопровождалось измѣненіемъ первоначально мягкаго л въ л среднее; такое л среднее можно подозрѣвать въ примѣрахъ, какъ: болша 8а, 14а, болшам 29б, пеѣлии 32б bis, оумываланица 27б, быть можетъ на л среднее указываетъ и лоублѣше 28а.

§ 7. Перестановка согласныхъ: едга 26б, 25а bis, 27б вм. югда.

§ 8. Пропускъ и вставка согласныхъ: расѣание 14а, прнтѣ n. s. Iб, ѡца 5а, 12а б, 13б, 17а, 20б, 31б, 31а, 15б, 11б, 8б, 9а, 7б, 16б и др. ѡцоу 30а, 36б, 32а, 9а, 5а б, 29а, празникь 25б, 28б, празника 13а, 27а, 14а, сквзѣ 4б. Вставка согласнаго д въ группѣ зр: въздрасть 18б bis, раздрѣшите 23б, въздроуется 32б, но: възроукашжсл 36б; възрадоуетсл 32б, възрадовалисл 30а.

§ 9. Отмѣчу еще нѣсколько отдѣльныхъ случаевъ; ассимиляція согласныхъ послѣ выпаденія полугласнаго: зде 22б, 23а; що ср. Боянское Ев., Орбельск. тріодь.

Склоненіе.

§ 1. Въ *именномъ* склоненіи отмѣчу слѣдующія формы: любве acc. sing. 28б, форма обычная въ среднеболгарскихъ памятникахъ; им. п. мн. ч. отъ словъ *темы jo-* по аналогіи словъ *темы -i*: нюдене 21а bis, 11б, 12б, 17а б, 18б 15а, 35а, 25а, 7б; стяженныя формы: кь брати 36б, прѣлюбодѣаним 15а bis;

овцн acc. pl. вм. **овцѧ** 20а; наконецъ, два примѣра, быть можетъ указывающіе на потерю чутья въ различеніи падежныхъ флексій: въ род. п. ед. ч. **полꙁѫ** 12б, **сестрѫ** (**и марты сестрѫ еѫ**) 21б; форма **самарѣнинѫ** (**жены самарѣнинѫ сѫщѫ**) 4б, вм. ожидаемаго **самарѣныня** вѣроятно описка.

§ 2. Въ *мѣстоименномъ* склоненіи: смѣшеніе им. ед. ч. м. р. и ср. р.— **иже и иеже**: **за слово иже**... 30б, 31а; **нынѣние иже**... Iа; gen. s. f. **моѫ** вм. **моиеѩ** 17а, **ѡ кымь** 28а вм. **о комь**,— твор. вм. мѣстн.

§ 3. Въ *сложномъ* склоненіи: въ род. п. ед. ч. м. р. прилагательныхъ почти всюду встрѣчаемъ архаическія формы на—**ааго**; параллельно этому: **каѫщиимса** loc. s. m. Iб и даже **ѩдшиимь** 10а.

Въ дат. п. ед. м. р. находимъ формы на — **оомоу**: **пославшоѡмоу** 14а, 31б, 8а, **прозрѣвшоѡмоу** 18б, **изцѣлѣвшоѡмоу** 7б.

По мнѣнію акад. Фортунатова[1]), формы дат. п. ед. ч. м. р. на — **оомоу** старословянскихъ памятниковъ болгарской редакціи —произошли изъ общесловянскихъ формъ на—**йоти*, которыя въ свою очередь возводятся къ формамъ на—**йети* (—**йети* >*йоти* вслѣдствіе уподобленія *е* предыдущему *й*); а формы на —**йети*—изъ—*йȷети* чрезъ выпаденіе ȷ въ положеніи между гласными.

Подъ вліяніемъ формъ сложнаго склоненія флексія -**оомоу** является въ нашемъ памятникѣ и въ соотвѣтствующей падежной формѣ мѣстоименнаго склоненія: **иноѡмоу** Iа, **чесоѡмоу** 28б.

§ 4. Отмѣчу наконецъ несклоняемое прилагательное **свободь**: **свободь бѫдѣте** 16б.

---

1) Лекціи по фонетикѣ старословянскаго языка.

Глаголъ.

§ 1. Въ 3 л. ед. ч. настоящаго времени въ двухъ случаяхъ пропущена флексія -ть: **нѣ** 12б=**нѣсть**; **дас** 4а =**дасть**.

Въ 1 л. мн. ч. наст. вр. флексія -мы: **вѣмы** 6а; **есмы** 19б.

Однажды мнѣ встрѣтилась ассимилированная форма 3 л. ед. ч. наст. вр.: **свѣщавааать** Ia, ср. **съвѣштаваать** въ Маріинскомъ Евангеліи.

§ 2. Формы прошедшаго времени въ нашемъ памятникѣ представляютъ самый интересный пунктъ въ его морфологіи. Богатая коллекція архаизмовъ вмѣстѣ съ лексикальной стороной рукописи указываетъ, что непосредственный или ближайшій оригиналъ писца былъ однимъ изъ древнѣйшихъ старословянскихъ памятниковъ; но рядомъ съ примѣрами архаическихъ аористовъ и часто въ нихъ самихъ отразились морфологическія потери болгарскаго языка, относящіяся къ эпохѣ послѣдняго писца.

Формы аориста второго или сильнаго сохранились въ нашемъ памятникѣ въ значительномъ количествѣ примѣровъ; но онѣ вообще не представляютъ особенной рѣдкости въ среднеболгарскихъ памятникахъ; ср. **придь** 1 в. 20а, 35б, 17а, 15б, 16б, 9а, **изыдь** 16б, **вьзыдь** 36б, **идѫ** 3 pl. 34б, 12б, 10б, 23б, **придѫ** 10б, 21б, 6а, 24б, 5б, 6б, 37б, 3б, 14б, **сьнидѫ** 10а, **вьнидѫ** 35б, **вьзыдѫ** 24а, 13а, **изыдѫ** 25а, 37а, 5б, **падѫ** 34б, **оснідѫ** 20б, **срѣтѫ** 6б, **вьврьгѫ** 37а, **вьсѣдѫ** 37а, **излѣзѫ** 37а, **вьлѣзѫ** 10б.

Сюда же относится форма 3 л. мн. ч. вспомогательнаго глагола—**бѫ**: **грѣха нє бѫ имѣли** 31б bis, **да и бѫ оучили** 24а, 15а.

Рядомъ съ послѣдней формой потенціальныя формы: **бимь** (**да нє прѣдань бимь быль** 35б), **би** 17б bis, 31а (**любила би**) 4б (**ты би проснла**) 16б, **бисте** 16б ter., 29а, 15б, 9а, **биша**, но послѣдняя форма уже въ среднеболгарскомъ видѣ: **бишѫ**: **слоугы мои подвизалыса бишѫ** 35б.

Сохранившіяся формы аориста сигматическаго стараго типа, указывающія на весьма древній оригиналъ писца, вмѣстѣ съ

тѣмъ свидѣтельствуютъ, что въ живомъ языкѣ писца онѣ уже не существовали. Для 1 л. ед. ч. имѣются слѣдующіе примѣры: **прижсь** 20б, 30б и **сьблюсь** 30б; въ 3 л. мн. ч. — правильныя формы: **иса** 10б, **вьзаса** 36а bis, **сьблюса** 31а и рядомъ съ ними — **вѣсж** 34б, 18а, **привѣсж** 15а, **жсж** 37а, 18б, **прижсж** 6б, 25а, **вьзасж** 23б, 21а, **положисж** 36а, **исж** 11а, 11б, 12а; въ этихъ послѣднихъ примѣрахъ писецъ ставитъ **ж** вм. **а** подъ вліяніемъ флексіи **-шж** вм. стараго **-ша** въ 3 л. мн. ч. *х-аориста.*

Первоначальное различіе между аористными и имперфектными формами, повидимому, въ языкѣ писца начало утрачиваться; имперфектныя и аористныя темы и флексіи смѣшивались или взаимно вліяли другъ на друга; явились такія формы, какъ: **бѣшж** 3б, **рѣхж** 12б, **идѣха** 25а, **исповѣдаха** 26б.

§ 3. Наконецъ, отмѣчу еще нѣсколько мелкихъ явленій въ области глагола: причастныя формы наст. вр. **иджи** 12а, **сжи** 2б, 3а, 11б вм. **сыи**, **идыи**; 3 л. ед. ч. аориста **заповѣдѣ** 15а вм. **заповѣда**, — вѣроятно подъ вліяніемъ **вѣдѣ**; infin. **поурьсти** вм. **поурѣти**, — примѣръ смѣшенія презентной и инфинитивной основъ; **идж рыбы ловить** 37а, — сохраненіе супина.

Причастныя формы на **-жи** среднеболгарскихъ памятниковъ соотвѣтствуютъ формамъ **живаи**, **градаи**, **саи**, **ѣдаи** старословянскихъ памятниковъ, возникшимъ по аналогіи **пиша**, **дѣлаѩ**. Подъ вліяніемъ формъ **иджи**, **сжи** и т. п. явилось въ нашемъ памятникѣ **живжи** 6а bis, хотя первоначальная форма **живыи** должна была бы сохраниться въ виду мягкости предшествующей **ы** — согласной **й**, чего не было въ формахъ **живаи**, **саи**.

Лексика.

Лексическіе архаизмы, въ обиліи сохранившіеся въ небольшомъ сравнительно отрывкѣ нашемъ, поддерживаютъ указаніе глагольныхъ формъ на его глубокой древности — непосредственный или ближайшій оригиналъ.

Непереведенныя слова: **епендитомь** 37а, сохранившееся въ древнѣйшихъ текстахъ: Зогр. Асс. Остр. Ник.; **параклить** 31б, 32а, 30а, 29б; **соударь** 36а, 23б; но **ѡброусомь** 23б; **власвимлѣеши** 21а; **лентн** 27а; **леѡнтнемь** 27б ср. Мар. Ев. **лентнемь** 371.15; **кюрнкмн** (χειρίαις)—это слово сохранено непереведеннымъ кромѣ нашего памятника лишь въ Никольскомъ Ев., остальные тексты, даже Зографск. и Маріинск. имѣютъ переводное **оукронмь**. Впрочемъ, нашъ памятникъ представляетъ ту особенность, что въ немъ соединены переводное и непереведенное выраженія: **обазань оукронмь ногама н ржкама. кюрнкмн н лнце его ѡброусомь. сударемь обазано.** 23б.

Древнія выраженія: **непрнѣзнь** 32б. (Болѣе новое выраженіе вм. стараго **отъ непрнѣзнн:—отъ лжкаваго**); **братрь** 9б; **клепала** 26а, 37б, 35б (позже **знаменоуы**); **не роднть** 20а; **нспытн** (=**спытн**) 31б; **етерн** 12б; **трѣва** 9б; **пѣназехь** 24б, **жжыка** 35б; **соулѣе** 6б.

Новыми являются слѣдующія выраженія: **кѹрь** (вм. стараго **кокотъ**) 29а; **нсправа** 31б, 17а, 12б; **вьлѣзж** 10б; **нзлѣзж** 37а.

Представленный анализъ фонетики и морфологіи Григоровичевскаго отрывка Четвероевангелія XIII—XIV в. обнаруживаетъ значительную близость между говоромъ, отразившимся въ отрывкѣ, и говоромъ, нашедшимъ себѣ выраженіе въ Боянскомъ Евангеліи.

Проведу параллель между правописаніемъ того и другого памятника:—тридцать пять случаевъ неправильнаго употребленія ѯ (25 ꙃ вм. ѯ и 10 ѯ вм. ꙃ) при 62 примѣрахъ правильнаго—достаточны для утвержденія, что ѯ въ языкѣ писца Боянскаго Ев. уже отсутствовало; по крайней мѣрѣ ничѣмъ доказать противоположнаго не можемъ. Если бы писецъ зналъ ѯ, а ꙃ вм. ѯ нашелъ въ своемъ оригиналѣ, то живое произношеніе во многихъ случаяхъ исправило бы ошибку оригинала, и формы съ ꙃ вм. ѯ оказались бы въ гораздо меньшемъ количествѣ.

Если для говора Боянскаго Ев. отсутствіе ѯ весьма вѣроятно, то для говора нашего памятника это несомнѣнно. Нашъ писецъ былъ или смѣлѣе или менѣе связанъ въ этомъ пунктѣ своимъ оригиналомъ.

Значительное сходство между Боянскимъ Ев. и Григоровичевскимъ отрывкомъ замѣчается и въ пріемахъ йотаціи: въ употребленіи є вм. ѥ, ѫ и ѧ вм. ѭ и ѩ, въ употребленіи знаковъ ꙗ, ѣ, ѧ для обозначенія йотованнаго а; мелкія различія не имѣютъ существеннаго значенія: въ Боянскомъ Ев. въ началѣ слова ѣ и ꙗ употребляются почти равноправно, въ Григоров. отр. ꙗ значительно преобладаетъ; въ срединѣ слова въ Боянск. Ев. обычно ѧ, рѣдко ѣ и ꙗ, въ Григоров. преобладаетъ ꙗ (54), рѣже ѣ (24), еще рѣже ѧ (15).

Послѣ согласныхъ въ обоихъ памятникахъ—исключительно ѣ.

И Боянск. Ев., и Григоров. отр. такимъ образомъ, относятся къ той группѣ памятниковъ, въ которой ѣ не замѣняется чрезъ ꙗ, и отражаютъ среднеболгарскіе говоры, въ которыхъ произношеніемъ ѣ, вѣроятно, было *ʻа* или *ʹä*.

Еще интереснѣе совпаденіе между Боянск. Ев. и Григоров. отр. въ судьбѣ полугласныхъ. Начать съ правописанія: оба памятника для выраженія среднеболгарскаго ъ, въ которомъ совпали старые полугласные, употребляютъ ь — Боянск. Ев. преимущественно, Григоров. Отр. почти исключительно. Оба памятника сходятся въ судьбѣ полугласнаго, какъ въ открытомъ, такъ и въ закрытомъ слогѣ; въ выпаденіи полугласнаго въ открытомъ слогѣ въ различныхъ звуковыхъ группахъ замѣчаемъ очень часто,—всюду, гдѣ я имѣлъ возможность провести сравненіе,—совпаденіе: ср. выпаденіе полугласнаго въ группахъ дъв-, мън- (мьн-), съл-, сътъ-, чьт-; сохраненіе — въ группѣ вьс-.

И тотъ, и другой памятникъ сохраняютъ ъ въ закрытомъ слогѣ.

Далѣе, почти полное сходство между Боянск. Ев. и Григоров. Отр. замѣчаемъ въ мѣнѣ носовыхъ: ср. измѣненіе группъ шѧ, жѧ, щѧ въ группы шѫ, жѫ, щѫ въ обоихъ памятникахъ; измѣ-

неніе группъ л̑ѫ, н̑ѫ, р̑ѫ въ группы л̑а, н̑а, р̑а; переходъ ца въ цѫ, но чѫ въ ча. Все различіе сводится къ тому, что въ Боянск. Ев. первоначальное ѫ является выдержанно въ видѣ ѫ, тогда какъ въ Григоров. Отр. въ этомъ отношеніи замѣчается незначительное колебаніе; весьма возможно, что это различіе имѣетъ лишь ороографическое значеніе.

При этомъ замѣчается различіе между Боянск. Ев. и Григор. Отр. въ качествѣ шипящихъ, которые въ послѣднемъ повидимому отвердѣли, за исключеніемъ ч, тогда какъ въ Боянск. Ев. старая мягкость сохраняется и при ш, ж.

Нѣкоторые примѣры, — въ Григор. Отр. очень малочисленные, даютъ поводъ думать, что оба памятника отразили среднеболгарскій говоръ, знавшій измѣненіе о неударяемаго въ оу.

Наконецъ, я склоненъ думать, что и въ говорѣ Григор. Отр., какъ и въ говорѣ Боянскаго Ев. губные смягчались непосредственно.

Характеризуя языкъ Григоровичевскаго Отрывка XIII—XIV вѣка, я намѣренно уклонялся отъ разъясненія тѣхъ фонетическихъ процессовъ, которые въ немъ находилъ, напримѣръ отъ теоретическаго разсмотрѣнія вопроса о среднеболгарской мѣнѣ юсовъ. Тоже я дѣлалъ въ первомъ выпускѣ «Матеріаловъ» при анализѣ правописанія Боянскаго Евангелія. Дѣлалъ я это, избѣгая необходимости повторяться, такъ какъ систематическому изложенію основныхъ вопросовъ среднеболгарской фонетики намѣренъ посвятить особый выпускъ «Матеріаловъ», гдѣ и воспользуюсь тѣми фактами, которые отмѣчены мною при анализѣ отдѣльныхъ памятниковъ.

С. Кульбакинъ.

6 мая 1900 г. Одесса.

Замѣтка о говорѣ Шацкаго уѣзда Тамбовской губерніи.

Въ мартѣ 1899 года я записалъ въ Москвѣ отъ одной бабы Шацкаго у. нѣсколько пѣсенъ и другихъ матерьяловъ, представляющихъ, на мой взглядъ, нѣкоторый интересъ со стороны языка. Несмотря на крайнюю неполноту, записанный мною матерьялъ, какъ мнѣ кажется, можетъ дать интересныя дополненія къ тому, что до сихъ поръ извѣстно о говорахъ Тамбовской губ. Конечно, было бы желательно имѣть объ этихъ говорахъ болѣе подробныя и точныя свѣдѣнія, чѣмъ тѣ, какія я могъ извлечь, оставаясь въ Москвѣ.

Крестьянка, отъ которой записанъ прилагаемый матерьялъ, — Анна Селивёрстова, изъ села Балушева, Шацкаго у., Оладнинской волости. Село Балущево — недалеко отъ станціи Нижне-Мальцево («Ни́жно-Ма́ічи́ва́») Моск.-Казанской желѣзной дороги, въ 154 верстахъ отъ Рязани, слѣдовательно, въ сѣв.-зап. части Тамбовской губ. Несмотря на то, что въ мартѣ 1899 г. Анна Селивёрстова жила въ Москвѣ уже 11-й мѣсяцъ, говоръ ея, повидимому, мало измѣнился подъ вліяніемъ Московскаго. Она только стала иногда яснѣе произносить ц тамъ, гдѣ она прежде выговаривала ч́, склонное къ ц, употреблять мѣстоименіе што̀ рядомъ со своимъ роднымъ щò и чò и т. п.; быть можетъ, въ Москвѣ же ею усвоены дат. личныхъ мѣстоименій: тибé, сибé (при табé, сабé) и к твердое послѣ мягкаго звука

вмѣсто ея родного к̓ въ томъ же положенiи. Но возможно, что всѣ или нѣкоторыя изъ этихъ особенностей были ей извѣстны и до прiѣзда въ Москву.

О Тамбовскомъ говорѣ извѣстно до сихъ поръ очень не много. Б. Ляпуновъ въ своей замѣткѣ «Нѣсколько словъ о говорахъ Лукояновскаго уѣзда, Нижегородской губернiи»[1]) приводитъ нѣкоторыя историческiя свѣдѣнiя о Тамбовской губ., взятыя имъ у Дубасова[2]) и на основанiи этихъ данныхъ высказывается предположительно о характерѣ Тамбовскихъ говоровъ. По его словамъ, въ Тамбовско-Шацкомъ краѣ «извѣстна дѣятельность нѣкоторыхъ сѣв.-зап. монастырей, какъ Кириллова-Бѣлоозерскаго, переводившаго на новыя свои вотчины крестьянъ изъ Бѣлозерскаго и Пошехонскаго уѣздовъ»; туда же шли и добровольные переселенцы изъ разныхъ сѣверно-великорусскихъ областей[3]). Кромѣ этихъ историческихъ справокъ Ляпуновъ отмѣчаетъ также, что въ одной дер. Лукояновскаго у. переселенцы изъ Тамбовской губ. (какого уѣзда?) окаютъ, а въ другой — акаютъ, но цокаютъ. На основанiи такихъ данныхъ, Ляпуновъ предположилъ, что въ Тамбовской губ. могутъ встрѣтиться «говоры съ мѣной ц и ч, оканьемъ и другими сѣверными чертами» — «это несомнѣнно, если обратимъ вниманiе на исторiю колонизацiи этого края»[4]). Мои записи подтверждаютъ это предположенiе Ляпунова, такъ какъ рядомъ съ чертами южно-великорусскими въ представляемомъ мни говорѣ являются и черты сѣверно-великорусскiя. Южно-великорусскими особенностями этого говора можно считать — яканье и глухiя гласныя, у вмѣсто в, г въ словѣ кърагот (д), х въ сапох и чи̓тверъх, окончанiе род.-вин. падежа един. числа личныхъ мѣстоименiй на -é, т̓ въ окончанiи 3-го лица наст. врем. глаголовъ и -ут̓ въ окончанiи

---

1) «Живая Старина» 1894, стр. 143—177.

2) «Очерки изъ исторiи Тамбовскаго края» 1883—1887. Лично я съ этой книгой не знакомъ.

3) «Ж. Ст.» 1894, стр. 155.

4) Тамъ же, стр. 164 и прим. 2-е.

3-го л. множ. глаголовъ 2-го спряженія и смѣшеніе женскаго и средняго рода. Сѣверно-великорусскія черты — слѣдующія: неударяемое о, г взрывное, -в- въ род. пад. мѣстоименій и прилагательныхъ, ч́ц́ вмѣсто ц, род.-вин. пад. един. ч. личныхъ мѣстоименій на -я́, стяженныя формы глаголовъ и -се въ окончаніи возвратныхъ глаголовъ. Такимъ образомъ вліяніе сѣверно-великорусскихъ и южно-великорусскихъ нарѣчій другъ на друга здѣсь выражается въ другой формѣ, чѣмъ въ Московскомъ говорѣ, что и вполнѣ понятно, потому, что это взаимное вліяніе явилось независимо отъ вліянія Московскаго говора. Сѣверный край Тамбовской губерніи, по словамъ того же Ляпунова, былъ «искони приблизительно въ одинаковыхъ условіяхъ» съ южными уѣздами Нижегородской губ. и восточными—Рязанской[1]), а потому главнѣйшія особенности, отмѣчаемыя мною въ моихъ записяхъ, какъ наприм., чоканье, спорадическое безударное о и пр., извѣстны и въ говорахъ Касимовскаго и Спасскаго уу. Рязанской и Ардатовскаго, Лукояновскаго и др. Нижегородской губерніи. (Ср. Будде. Къ исторіи великорусскихъ говоровъ, Каз. 1896; Соболевскій, Опытъ русской діалектологіи, вып. I, стр. 26 и 103).

Нѣсколько словъ о точности записи. Весь прилагаемый матерьялъ я старался записывать строго фонетически, но вслѣдствіе недостаточной опытности въ записываніи у меня остались неотмѣченными нѣкоторыя явленія, а именно: въ записяхъ не различается в (губно-зубное) и w (губное), несомнѣнно существующее въ разсматриваемомъ говорѣ; мягкость согласныхъ передъ слѣдующей мягкой согласной не вездѣ отмѣчена.

Въ виду того, что матерьялъ — случайный и не полный, я не стану давать систематическаго описанія говора, а отмѣчу только наиболѣе характерныя черты.

Гласныя ударяемыя. *ó* вмѣсто *á* въ окончаніи слова въ присказкѣ: «дъ кайчó, нам па рю́мъчки винчó (род. пад.?)»; въ пѣснѣ:

1) Тамъ же, 151.

«ни мајо́ во́ля́», гдѣ о́ могло явиться благодаря смѣшенію женскаго рода съ среднимъ. Въ началѣ слова о́ — въ уменьшительномъ имени «О́ня́ = Анюта, при неуменьшительномъ А́н(н)ъ.

о́ изъ е́ отмѣчу, между прочимъ, въ личныхъ суффиксахъ настоящаго времени глаголовъ 1-го спряженія: ти̇ко́т, жыво́т, зъраст̇от̇, ни пјо́ и пр., въ уменьшительныхъ на -о́чьк (ь = і глухому открытому): сни̇жо́чкъм и пр.

а́ между двумя мягкими звуками сохраняется, какъ а́: гря́с, пря́ст, взя́т, хазя́йн и пр.

е́ передъ твердыми согласными — довольно открыто, какъ изъ е́, такъ и изъ ѣ. Впрочемъ ме́ⁱрӑ, ме́ⁱлки и даже: мин (=мнѣ—въ пѣснѣ), гдѣ eⁱ и и изъ ѣ.

е́ изъ ѣ сохранилось, между прочимъ, въ словахъ бе́к, бе́глӑ и се́к, се́клӑ съ удареніемъ на основѣ (въ тѣхъ говорахъ, гдѣ произносятъ бо́к — бо́х и со́к, — въ двусложныхъ формахъ удареніе на окончаніи: бягла́ — богла́, сякла́ — сокла́) и въ словѣ зве́здычкя̆, зве́здушки.

Дифтонги у̑о́ и о́у̑: висилюо́хоный и пагуо́душкӑ — въ пѣснякъ и винóум — въ сказкѣ — имѣютъ случайный характеръ и, вѣроятно, объясняются реторическими условіями.

Долгія гласныя: ӑбјивля́т (3 л. един. ч.), да́ къ (= дай-ка) въ сказкѣ, быть можетъ, тоже случайны, хотя да́ къ — нѣсколько разъ.

Неударяемыя гласныя. Аканье — южно-великорусское, не Московское, но и не Рязанское: сяла́, жала́нъј[1]), јаво́, чаво́, святы́м, сядо́чки, чаты́ри, аткрытӑ, ръзбяру́, пъ'мяну́лъ, зъплялăс и пр., но: сънриди́лси, миня́, тибе́, жыни́лси и пр. Точно также и передъ шипящими: ришо́ткој, бижа́л, сни̇жо́чкъм, но рядомъ и: биряшке́, биряжо́чки. Изрѣдка встрѣчается даже очень сильное аканье: јајо́, няјо́, сястри́ча при обычномъ нијо́, систри-

1) Буквой ј въ концѣ слога послѣ гласной я обозначаю звукъ, который правильнѣе было бы передать черезъ i̯, но я пишу i̯ только въ долгихъ дифтонгахъ.

ча. Отрицаніе въ предударномъ словѣ звучитъ какъ «*ни*», но также: ня байш (причитанье).

Въ слогахъ, не предшествующихъ непосредственно ударенію, *а* (*я*) слышится рѣдко, главнымъ образомъ, въ открытомъ концѣ словъ, наприм. въ сказкѣ: жыничча, нихарошья, нинависничя, первъва, гуся, аччюдыва и пр., но и тамъ замѣняется глухимъ. Глухой звукъ, замѣняющій первоначальныя *о* и *а* въ неударяемыхъ слогахъ, звучитъ очень закрыто и при пѣніи чаще слышится, какъ *ы*, чѣмъ какъ *а*.

Въ немногихъ случаяхъ является неударяемое *о*, преимущественно въ пѣсняхъ, а именно: 1) въ словахъ съ двоякимъ удареніемъ: ми́л*о*ј, си́н*о*ј при милóј, синóј, а также — ж*о*лтéнким; разговорное, вѣроятно: жóлтьнким. Всѣ 3 случая — въ пѣсняхъ; 2) въ пѣсняхъ же въ суффиксѣ -оньк: висилюбх*о*ньк, глупóх*о*нкя, чистóх*о*нкя и др. При повтореніи пѣсенъ «басомъ», т. е. не при пѣніи, Анна произносила въ этомъ суффиксѣ *у*: висилóхуньк, глупóхункя и пр.; 3) особо стоятъ слова б*о*ятси и ришóткој — тоже въ пѣсняхъ. Въ разговорѣ — только «Нижн*о*-Мáлчива».

е (*е*'): за с*е*бя́, п*е*ришла, п*е*рихóду, ж*е* (нѣсколько разъ), васпрáшиваје̄, пахвáтываје̄т, дáставáлáс*е*, разгýливалс*е*; ăбувáјс*е*, сéрц*е* (?), нынш*е* (кромѣ трехъ послѣднихъ—всѣ остальные примѣры изъ пѣсенъ).

Долгія гласныя неударяемыя, врядъ ли только реторическаго происхожденія, встрѣчаются раза 3 — 4 въ окончаніи именит. пад. ед. числа прилагательныхъ женск. рода: любимā сястрича, бóсā, нихарóшā, а также въ словѣ пāбéдыл; рядомъ съ любимā также: любимъя, нихарóшья и пр.

Приставное *и* — въ словѣ истóшки и, быть можетъ—искāмия: «там стаит искамия» (въ пѣснѣ).

Согласныя: *г* — въ большинствѣ случаевъ — взрывное, причемъ это *г* распространилось и на такія слова, какъ кърагóт(д), кърагóднъя и даже кагдá, тагдá рядомъ съ каγда, када и т. п., гдѣ γ — общерусское, не переходившее въ сѣверно-великорус-

скомъ нарѣчіи въ *г* взрывное (ср. сѣв.-великор. ковды́ и колды́, каревóт или коровóт и пр.). Въ другихъ случаяхъ γ у меня отмѣчено только въ «Бóγу», да и то въ молитвѣ. Но въ концѣ слова рядомъ съ *к* изъ *г* встрѣчается два раза и *х*: «сапóх нъ нагé» и «чит̇вéрх».

Въ род. пад. един. ч. мѣстоименій и прилагательныхъ — исключительно *в*, а не γ: ничавó, кавó, явó, нáшъвă, пéрвъвă, харóшъвă и пр.

Звукъ ў неслоговое и, быть можетъ, *w* губное, а также и *у* слоговое вмѣсто и рядомъ съ *в*: ў маjóм саду́, нъ забаў дéушкъм; удóвушкă, юду́юшкă (въ пѣснѣ,—изъ уду́ушка, гдѣ *у́* изъ *ów* или дифтонга *óў* передъ *у*), юдóвушки. Въ словахъ *óт* (=вотъ), галóушкă и т. п. выпало, вѣроятно, именно *w* или ў неслоговое, а не *в*. Но рядомъ съ этими звуками и, повидимому, чаще, встрѣчается *в* губно-зубное (въ концѣ словъ и передъ глухой согласной — ф).

Вмѣсто *ф* (не изъ в) является звукъ, средній между *ф* и *х*, а *ф* и *х* совпадаютъ въ одномъ среднемъ между ними звукѣ. Прим.: фхáртук, сафхjáнъıj сапóх, Ф'jóдăр, фхилип, х̓и́мкă, Афхимjă, Пархéнтъj (= Парѳеній); *ф* вмѣсто *х* — только одинъ разъ, въ словѣ фъ'т (= хоть).

к и *г* послѣ мягкаго звука смягчаются: Пéткя, Вáскя, Ф'и́лкя, дéнгьми, бójкяя, зладéjкя, звездъıчкя, в рéчкю, мальнкиj, дарóжьнкю и пр. Послѣ *ш* и *ж* звуки *к* и *г* сами по себѣ, кажется, не смягчаются: Ми́шкă, Вáнюшку и др., хотя: гарну́шкя, Мáшкя, старóнушкю, гдѣ смягченіе, можетъ быть,—по аналогіи съ другими уменьшительными или другими падежами. Подражательное смягченіе является также и въ такихъ формахъ, какъ: за у́ткими, э́тъкьj (Ах ты пóс э́тъкьj!). Наоборотъ, нѣсколько разъ попадается *к* несмягченное послѣ *ч*: Балу́шичкă, лáвъчка, лáвъчку, я́блъчкă и др. Не сказалось ли здѣсь вліяніе московской жизни?

Мягкія *к'* и *г'* никогда не переходятъ въ зубныя, кромѣ слова ăндьл, гдѣ *д* изъ *г* очень старое.

Вмѣсто *ц* слышится обыкновенно звукъ *ч́* очень мягкое со свистящимъ оттѣнкомъ или *ц́* мягкое шепелявое: чар, куричя, систри́чя, личо́, двянáччьт, жыни́ччя, здрáствъ[у]и[е]ччь и пращáццъ и др. Остальныя шипящія: *ч* старое произносится, какъ *ч* очень мягкое чистое, не переходящее въ *ц́*; *щ* — какъ слитный звукъ *ш́* + *ч́*, а не какъ *шш*; *ш* и *ж* не вполнѣ мягки, но мягче, чѣмъ обыкновенно эти шипящія въ южно-великорусскихъ говорахъ (ср.: Шяцкъвă).

щ въ словѣ ещё въ пѣсняхъ можетъ являться въ видѣ *шт*: *иштó* и *jиштó*, но въ разговорѣ чаще *ищó*.

Вмѣсто *штó* (=что) въ разговорѣ (по крайней мѣрѣ, въ вопросѣ) нерѣдко *щó* и *чó*.

л — среднее, т. е. полумягкое на мѣстѣ литературнаго л твердаго: сказала, малчáт и др.

Губныя мягки между прочимъ и передъ j и мягкими средненебными: абjивлят, пjó, дéфки и др., и на концѣ словъ въ словахъ: сéм, вóсим и т. п.

с мягкое—въ словѣ сис'три́ча и даже сястрá (случайно?) и въ частицѣ *с*: дá-с (= да-съ).

Мягкія согласныя вмѣсто твердыхъ передъ гласными (съ соотвѣтствующимъ измѣненіемъ самихъ гласныхъ)—въ словахъ: *ви*сакá («на высóкаj» — въ другой пѣснѣ — вѣроятно, описка); рóзьн; *ри*бяты (вмѣсто: робята).

Твердыя согласныя вмѣсто мягкихъ — въ словахъ: пи*с*мó, мáми*н*кă, зáи*н*ка.

Отмѣчу еще отдѣльныя слова: *к*рéст (крястóм кристиччя — въ молитвѣ), вó*т*ъчка (=водочка), уми*шт*ит (=умѣстить).

При пѣніи является *вставное j* между гласными. Это *j* можетъ даже раздѣлять одну и ту же гласную, если она очень протягивается при пѣніи, какъ наприм.: кабájáк вмѣсто кабáк; jудájáлых=удáлых; пиjаскé=пяскé (т. е. пяскé=п[і]аскé разложилось на пиаскé). Это вставное *j* въ какихъ то случаяхъ (въ положеніи между конечной гласной одного слова и начальной — другого?) можетъ удваиваться: jон jиз зáмку jjубижáл, а также

является иногда въ началѣ слова послѣ слова, кончающагося на согласную, или въ концѣ слова передъ словомъ, начинающимся съ согласной (въ послѣднемъ случаѣ, собственно, не *j*, а ј): за ј жылéзнăј, јон јиз зáмку, слáткај вóтычка и др.

Другія фонетическія особенности говора видны изъ записей.

Склоненіе. Среди существительныхъ можно отмѣтить слѣдующія формы: с прáвидна путя́ (родит. един.); кáм*иня* (род. ед.); твор. рóжъј отъ имен. рóш; мѣстный на -é отъ основъ на -*и*: нă грудé, ф пичé; дитó (имен. един.), род.-вин. — дитя́; склоненіе слова небо по склоненію основъ на -а: нéбă и нóба, род. ед. — нóби и нéбя (обѣ формы слѣдуетъ понимать, какъ «небѣ», гдѣ *ѣ* — окончаніе род. пад. един. числа основъ на -а, первоначально только ʲа); архаическій имен. един. — свякры́ (твор. един.: свякрóвию — въ пѣснѣ); родит. множ.: зýп нéт и ад жóнушкăф (въ пѣснѣ).

Краткія (безчленныя) или стяженныя формы прилагательныхъ: óчыі харóшу, любúмā систри́чя и др. Въ словѣ любимā и т. п. окончаніе растянуто, что̀ можетъ указывать именно на стяженіе. Винит. един. числа прилагательныхъ жен. р. оканчивается на -ъю (рѣже — ую съ открытымъ глухимъ *у*) не подъ удареніемъ, а подъ удареніемъ — на -*ýю*: такýю, какýю, начнýю (описка, вмѣсто нашнýю? ср. «ва нашнóј» въ одной прибаскѣ); вин. на -ýя въ записяхъ не встрѣчается.

Дат. пад. един. ч. личныхъ мѣстоименій: *табé*, *сабé*. Формы тибé, сибé, быть можетъ, усвоены уже въ Москвѣ. Винит. пад. — на *é*: минé, тибé, сибé, и, чаще, на -*а* (*я*): миня́, тибя́, сибя́. Одинъ разъ въ пѣснѣ — винит. *тé*: чирѝс тé ж ја изъвялася. Стяженныя формы притяжательныхъ мѣстоименій: мавó, твавó, мамý, но также: па мóјму. Именит. множ. указательныхъ и притяжательныхъ мѣстоименій — на *é* и на *ú*: анé, мајé, но чаще: маи́, тваи́. Отмѣчу числительное јидúнăј (јидúнăј у ниу дитó).

Глаголъ. Окончаніе 3-го лица обоихъ чиселъ настоящ. врем.

всегда — *т̇*: кóшкъ мяýчит̇, таргýит̇, пляшут̇, прибасáют̇, зде́лýют̇; въ двухъ примѣрахъ этого *т̇*. совсѣмъ нѣтъ: пјó и вăспрáшивăјô (оба слова — въ пѣсняхъ).

Въ окончаніи 3-го л. множ. числа глаголовъ 2-го спряженія не подъ удареніемъ является *у*: кýп*ют̇*, мóл*ют̇*, гóнют̇, лю́бют, вывóдют̇ и пр.

Стяженная форма глагола встрѣчается только два раза въ пращáцць и ăбјивля́т̇ (обѣ формы — 3 л. ед. ч.), причемъ гласная, получившаяся отъ стяженія, во второмъ случаѣ растянута, что объясняется, вѣроятно, реторическими причинами.

Въ возвратной формѣ глаголы оканчиваются на -си, -ся, -се и с̇. Примѣровъ на -се — немного: ăбувáјсе — въ сказкѣ; дăставáлăсе, разгýливаісе — въ пѣсняхъ. С твердое въ окончаніи возвратныхъ глаголовъ не встрѣчается.

Глаголъ «бѣжать» спрягается исключительно по второму спряженію: бижáт̇ — 3 л. множ. числа.

Дѣепричастія на -мши: сазрéмши, вы́бръмши.

Нарѣчія. тý = тутъ, въ пѣснѣ: «Кто (Хто?) ш ту у васъ з упакóјнйчьк?»; ъдпавá = за одно.

Словообразованіе. Отмѣчу сл.: волй *мýжјина* = мужчина.

Интересно также словоупотребленіе: кънишóнък, кънишáты = жеребенокъ, жеребята; коч = пѣтух; чунóк = поросенокъ и пр.; мѣстоим. щó и чó (вѣроятно родительные падежи отъ «что») рядомъ со «штó».

Синтаксисъ. Здѣсь отмѣчу употребленіе прилагательныхъ и мѣстоименій въ женскомъ родѣ при существительныхъ средняго рода: вă нивóлнăю... жытјó; хът̇ аднá бъ яблъчкă скатилăс̇; я сваю̇ слóву ни бýду измини́т̇; на прáвъј тóлки пă крылé; јијó — о письмѣ: дá къ я јијó пръчитáю. При этомъ и сами существительныя средняго рода переходятъ въ женское склоненіе, ср. сваю̇ слóву — винит. пад.; с нóби или с пéбя — род. пад. и др. Смѣшеніемъ средняго рода съ женскимъ вызвано, быть можетъ, выраженіе: ни мајô вóля (въ пѣснѣ). Числительное въ мужескомъ

родѣ при существительномъ средняго рода: јидинăј у ниγ дитó. Впрочемъ, формы средняго рода прилагательныхъ еще не совсѣмъ утратились: вă чистóя пóля и др. (въ пѣсняхъ).

Управленіе глаголовъ: фсéм святы́м јон јумаля́л или: óт какóму Богу мóлют — съ дат. пад.; измѣнять съ винит. пад. въ значеніи: быть невѣрнымъ: я сваю́ слóву ни бýду изминят = не стану не сдерживать, непремѣнно сдержу.

Напѣвы прилагаемыхъ пѣсенъ и даже прибасокъ отличаются сравнительно съ соотвѣтствующими пѣсенными и прибауточными напѣвами въ Московской губ. большей протяжностью и мелодичностью. Манера пѣть пѣсни фальцетомъ или речитативомъ (обѣ эти манеры сильно распространены въ Московской губ.) Аннѣ Селиверстовой неизвѣстны.

При пѣсняхъ указаны кое-гдѣ варіанты къ нимъ изъ сборниковъ Шейна (Великоруссъ въ своихъ пѣсняхъ, обрядахъ, обычаяхъ... томъ I, вып. 1), А. И. Соболевскаго (Великорусскія народныя пѣсни) и нѣкоторыхъ другихъ.

Н. Дурново.

2-го мая
1900 г.

1.

Пръ чаря́

Как нaж бáтюшкӑ и ча́р̓,
Я̆ликсáндрӑ jóн гӑсудá|р̓ъ,
пъ свајéj слáвнъ(j) па я́р̓ьмй
(дъ) jон разгу́ливӑлсе.
jон салдáтушку jон рибя́тушку
jонваспрáшивајē:
. . . .
хӑрашó·ль дӑ х вам рибя́ты
Ох и дъ на при́ступи дъ вам стая́ || тѣ,
вам на прáвъj тóл̓ки нӑ крылé,
нъ камы́ж гóр̓кӣ траве́?
Оɣ дъ камы́ж гóр̓кя̆я травá
мнóга гóря янá нӑпринялá 2;
Оɣ дъ кáк салдá(тъ)чка(я) гълавá
мнóга с̓л̓óз дъ янá прълилá

Про эту пѣсню сказывавшая говорила, что «ны́ншĕ jajó ни пaю́т̓».

2.

Къраго́днъя

Ску́шна жы́т̓ мне в дирéвни
пајéду я жыт̓ в *Маску́*,
в Маскве́ жыт̓ ви́силéя,
забу́ду я гру̓с̓ таску́.

Ој^{а} зăрастóт мая ну дарóшка
Тр^{а} ăх травóј ана́ муравóј 2
Ах юш ты тра́вушка ну мура́вушка
јох зилóнинкăј был лужóк
как на јéтим (ох й) на лужóчки
Ах вăраста́л а́лыј чвятóк (или: чветóк)
Как на јéтим тóлкя на чвятóчки
три пта́шки та́ма сидя́т
и éти пта́шъчки х^{ъ} ну каку́шики [1])
жа́лăна яни́ паю́т;
жа́лăнна птăшки паю́т,
разлу́ку с ми́лым даю́т.
(Й) разлу́ка ма́ша разлу́ка
чу- эх чу́жь да́л^{и}нăя стăрана́
разлу́ка разлу́ || ука
чю́жà ^{ъ} да́л^{и}нăя старóн^{ъ}ка.
Как на (ј)етăј нă старóн^{ъ}ки
Эх дă (ј)ўдóвушка тàм жывóт
—— юду́юшкă тàм^{ъ} жывóт.
Ка́к у јéтај у юдóвушки
чéтвира ю не^{і}ј х дитéј
Я три ю нèј быль дóчи
ядин у неј был^{ъ} сынóк
ох сынă ф шкó- ф шкóлу я- яддала́
γ дé- сына γ дéлу призвяла́
сама ж юспакóилыся
взяла́ спа́т анà лягла́.

---

1) Ср. сѣв.-великор. коку́шка. При повтореніи пѣсни «басомъ»: «куку́шки»

3.

1 Ка́к пад̉ бе́лӑю пӑд̉ бир̉о́зӑю
Аj люли́ люли̇, пад̉ бир̉о́зӑю
х муш учи́л жану́, муш угрю́мӑю,
Аj люли́ люли̇, муш угрю́мўю
муш угрюмӑю, дъ нилюди́мъю
Аj люли́ люли̇, дъ нилюди́мъю.
Каг жана́ тъ му́жў дъ ни ᶲскари́лыся̆
Аj люли́ люли̇, дъ ни ᶲскари́лыся̆,
5 пирит с̑вокъ̆рӑм на кале́нъчки стӑнавилыся̆
Аj люли́ люли́, дъ стӑнавилыся̆ и т. д.
ы моj с̑во́кър
атыми́ миня́ с̑во́кър ба́тюшка
ят лихо́вӑ му́жӑ ат с̑ир̉ди́тыва.
— Ни маjо́ во́ля̆, дъ во́ля̆ му́жjина̇.
Аj люли́ люли̇, дъ воля̆ му́жjина̇.
10 Как пад̉ бе́лӑю дъ пӑд̉ бир̉о́зӑю
Аj люли́ люли̇, пад̉ бир̉о́зӑю
муш учи́л жану̇, муш угрю́мъю
муш угрю́мъю, дъ нилюди́мӑю.
Каг жаᵃна́ тъ мужу ни скари́лыся̆
пир̉т с̑вякро́вию дъ нӑ кале́нӑчки стӑнавилыся̆:
15 — Ты с̑вякры́ мӑя ма́тушка, я̆тыми миня́
ят лихо́вӑ му́жӑ я̆т сир̉ди́тыва.
— Ни маjо́ во́ля̆, дъ во́ля̆ му́жjина.
Как пад̉ бе́лӑю дъ пӑд̉ бир̉о́зӑю
дъ муш учи́л жану́, дъ муш угрю́мъю
20 муш угрю́мъю, дъ нилюди́мӑю.
Как жана́ тӑ му́жу дъ васкари́лыся̆
дъ нӑ кале́нъчки пирид̉ ним дъ стӑнавилыся̆
23 ты прас̑ти́, прас̑ти́ муш миня́ винава́тъю
— Ана́ му́жу ни хате́лъ бы́лъ въскари́тс̑и, ни слухаᵃтц̑ъ.

Ср. Шейнъ №№ 462—463; Соболевскій II, 524—537; III, 5 (вторая половина).

4.

Садилъ, садил манáх чиро̀мушику,
садьл, паил дă пăливáл—
— И растѝ, и растѝ мая̀ чиро̀мушикŏ,
танкá и (х) висакá;
сазирéіј, сазрéі̯ мая̀ чиро̀мушикă,—
чóрънăя гря̀с,
какъ чóрънăя гря̀с.
И па сазъре́мъшы ту чиро̀мушику
у -х- нилъзя̀ зăламáт.
Кáк ы ни вы́бырымши,
дă ни вы́быйрымшы || крáснўю дéвушику
нилъзя̀ да (јијо) зáмуж взят
нилзя̀ зáмуж взят.
Уш ја вы́биру, ух ја высимытрю̀
вазъму́ дă зă себя̀
Паръхáј бу́рй пагўбдушика,
ах ва мóј дă зилóн сáт
вă мóј дă зилòн сáт.
Кàк ы ў мајóм саду̀
со ва сáдики
калина растот;
калѝнушка (растот) да со с малѝнушкăј,
с малѝнушкъј || да ну паду́-х-и ки-ти-ки-ти-ты,
паду́і̯ витярóчик,
паду́ј, паду́ј а ты витярóчик
ва мóј зилóныј [1]) вă садóчик.
В мајóм саду́ да со ва сáдики

---

1) или: Въ мој зилóн (или: зéлин) тóлкя̆ (вă) садóчик (или: сáт).

калйнă раст̇о́т̇,
калйнушка да с̇о́ с малйнăю,
лазóривы̆ј ч̆вéт,
гдé жă̆ мој мйлòј п̇јóт̇
и јон й пити ни п̇јó,
дă̆ јон галýп°чик и мóј || тапéр̇
за мнóј м°ладóј шл̇óт̇,
а я̇ мъладá,
óγ да с̇ó млад̇óхун̇°кя,
замéш"кы̆лыся̆, замéшкы̆лыся̆
я за гýсими, ъ́γ дá с̇ó за ýт"ками
да прабéгы̆лă̆.

Вторая половина пѣсни со ст. 19, ср. Шейнъ №№ 1241—1242; Соболевскій II, 262—268; Филатовъ (Русск. Филолог. Вѣстн. т. 40) стр. 6—7, № XVII; Каринскій—Русск. Филол. Вѣстн. т. 40, стр. 123, № 6 и др. Стихи 8—13 ср. Шейнъ, № 409, конецъ.

5.

Вдол̇ ја бéришку пахáжывы̆ла,
чернабы́л̇ трафку залáмливы̆ла,
са вады́ гусéј загáнивыла:
Тéгъ гýси, тéгъ сéры сă̆ вады́,
áј вы гýси ни наплáвылися̆?
как и я жъ мъладá спă̆наплáкылыся̆
наплакáлыс̇, нарыдáлыс̇(я̆),
давнó [1]) с̇ мйлым ни видáлыс̇(я).
Паганю я гусеј лéбидј дамóј
(м)ни на фстрéчу ид̇óт̇ пáрин̇ [2]) мă̆ладóј.
Стáл он шýты̆чку зашýт°ливыти

---

1) или: «три гóдă». 2) Вм. «ид̇óт̇ пáрин̇» тж: «áфичéрик».

на пра́вўю но́шку насту́пливыт(и)
за бяло́ личо́ пахва́тывъје̄т.
— Ни хвата́j милоj за бе́лӑй личо́:
маjо́ личинкя̆ разга́ристӑй,
мая̆ ма́минка дага́д*ли́вӑй
приду́ *дамо́* дӑгада́иччя
ш чяво̀ личо́ рӑзгара́иччя:
разгара́иццı ана̀ с пи́вӑ или з зе́линӑ вина́
хаj ты Са́ня̆ ва канпа́ничи была́
аj ты Са́ня̆ сла́тку во́тъчку пила́,
сла́ткаj во́тычка яни́сывӑя̆,
а я кра́снӑй де́ушкӑ распи́сынӑй,
наспи́сына̀, нӑрисо́вынӑя̆,
нӑписо́вънā̆я̆ дъ нӑрисо́вынӑя̆,
чо́рны бро́ви дъ нӑвидо́ный,
глаза́ се́ры дъ рӑзвисо́лый.

Ср. Шейнъ №№ (566), 567, 568; Филатовъ (Русск. Филол. Вѣстн. т. 40), стр. 6—7, № XVII, и др.

6.

Пришла́ но́ч тям*на́,
дъ лажу́с спа́т адна,
лажу́ся̆, баюся биз *мило́*[1]) друшка́.
биз мило́[1]) друшка́ дъ биро́д гру́с таска́,
гру́с таска́ миня̆ бирот,—дъляко́[2]) мил жыво́т;
далокӑ, далокӑ (он) на тоj стӑране́,
далокӑ, далокӑ, ни бли́скӑ ка мне́;
хо́дит моj милоj то́ю стӑрано́j
то́ю стӑрано́j* ма́шыт мо́j* милоj
пра́вӑю руко́j,

При повтореніи пѣсни «басомъ» пѣвица произносила: 1) милъвъ, 2) дало́къ

рукôј пра́вăю дъ шля́пăј чôр'нăю.
— Су̊да́ркă, суда́ркă, пьриjди́ суда́.
— Я *бă* ра́дă пёришла́, дъ перихôду[1]) ни нашла́
Пирихôт тъ я (хут̇ и)[2]) нашла́
дъ жôрдычка танка́
дъ жôрдычка танка, дъ ре́чкă глубака́
ре́чкă глубакă
Как ва јетăј ва речки купа́лси бабôр,
ку̊палси, купа́лси, дъ (он) ни *вы́кыпалси*[3])
ни вы̇кы̇палси[3]) дъ бôл̇ши вы̇мърылси.
Ахôт̇нички с̇ви́щут̇, чôрнъ бабра́ и́щут̇,
хôчуд̇ бабра́ би́ти, жыне́ шу̊бу шы̇т̇,
жыне́ шу̊бу шит̇, бабрôм аблажы̇т̇.

Дъ каи̇чя̇.

Ср. Шейнъ № 556.

Вторая половина пѣсни ср. Соболевскій IV, 18.

7.

Как на высôкај у гаре́
та̀ма стрôили нôвыј каба́-ј͡-ак[4])
ох ни пра де́вык ска́жым, ни пра ба́п
ни пра де́вык ска̀жым ни пра ба́п,
а пъ- прă јуда́-ј͡-алых[5]) ска́жым прă рибя́т,
прă рибя́т || ы ох ы зашôл ма- х- зашôл ма́л̇чик
вы̇пил шка́л̇чик и
оγ дъ висилюôхôник[6])
и- х- мал'чик јон пашôл
висил̇ô- -х -а -хôник[6]) ма̇л̇чик јон пашôл,

При повтореніи пѣсни «басомъ» пѣвица произносила:

1) пьрихôт (отм.: винит. при отрицаніи!). 2) добавила слова, стоящія въ скобкахъ 3) *вы́кыпалси*.

4) каба́к. 5) уда́лых 6) ви́силôхуни́к (ви́сил̇ôхъньк).

ф кӑрагóд г дéфкӑм г бáбым маі̇чик зашлó
ф пращáј д̇еф̇ки, пращя̇ј бáбы,
нȧм тапéря̆ дėфъки бáбы ни да вác
нам тапéря̆ дéфъки (дъ) бáбы ни да вác;
ва салъдáты вязу́ṫ нác,
вӑ салдáты óх ы ва никру́ты
ва нивóі̇нӑю брȧтцы жыṫјó.

Ср. Филатовъ (Русск. Филолог. Вѣстн. т. 40), стр. 12, № XXXVII;

1-я половина пѣсни ср. Соболевскій IV, 260.

8.

Я пају́ду́ тӑ зъ гóря̆
вӑ чистóя̆ пóля̆,
ва чистóя̆ пóля̆.
Как (ф) чистóмъ (та) пали́[1])
(ф)с̇о чис̇тóхонька,
там ц́вяты (та) ч́вяту́ṫ
лазóривыя̆
дӑ за-(?)зóривыя̆.
Я сар̇ву́ (та) ч́вятóк
я сав̇ју́ (та) вянóк
я *сваму́* ли милóму
на галóву́чъку[2]):
— Ты наси́ (ка) ṫ, милóј[3])
дӑ ни ски́дӑъвӑј[4])
дъ ни ски́дывӑј,
дӑ миня́ жӑ мӑладу́
ни паки́дывӑј.

При повтореніи пѣсни «басомъ» Анна произносила:
1) пóли. 2) нъ галóвъчку. 3) ми́лој. 4) ни ски́дывъј.

Как ъ я жӑ мӑладá
со младо̀хон҄кя̆[5]),
я младо̀хон҄кя̆[5])
и глупохон҄кя̆[6]).

Ср. Шейнъ №№ 794 — 796.

9.

Ма̀льчик был *слабо̀днăj*,
ни знáл он гóри ни нужды́,
радны́я фсѐ любúли бӑлавáли кáг дитя́
баластво́ ш јавѐ згубúлӑ
јон ѐбился̆ с прáвиднӑ путя́
с маскóвскъм зáмкъм (ј)он спазнáлси,
ф катóрӑм три́ ж годá сидéл,
сидéл вичéрнию парóю,
лампáтка *ту́снӑя* гари́т;
за ј жылéзнӑј за ришóткăј
Чисавóј салдáт стаи́т.
Стӑнавúлси (ј)он на калéнки
фсéм святы́м он умалял.
Святы́я явó ӑправдáли —
ф трубу́ кáмину прабрáлси
јон јиз зáмку ј̀ј̀убижáл
Бижáл јон лéсъм, бижа̀л то̀мным,
Бижáл дарóшкăј стăл҄бавóј.
Прибижáл он кӑ двару́
раст́януɫлси на палу́,
яво мáминкӑ пӑтхадúла,
спадымáлӑ (ф)сó явó.

---

5) младо̀хуи́кь. 6) глупо̀хуики.

10.

Гуля́ј, гуля́ј[1] мая́ милая
да ни влюба́јси ни ф каво́
да ф тваи́х лятка́х любит апа́сна
да ты завя́ниш ка́к трава́,
завя́ниш, ми́лая, засо́хниш
ра-чве́с ни мо́жыш ни́кагда́.
Кагда́ жӑ ро́зьн расчвята́ит,
да фся́к стара́иччя сарва́т,
кагда́ жа де́фкӑ мӑлада́я,
да фсяк стара́иццця любит;
кагда́ жа де́фка пӑстаре́ла,
да фсяк стара́иццця забы́т.

11.

То́мнај но́чи́нкя мне ни спи́тця,
са́м ја ни зна́ю, пӑчаму́
сам ја ни зна́ю, ма́льчик, пӑчаму́.
Кра́снӑя де́вушка дӑ мне сказа́ла
— За мно́ј, ма́льчик, ты ни гани́с,
јес паго́ниссси, ма́льчик, за мно́ј,
пӑтиря́иш (ӑ) ты сво́ј *спако́ј*
сво́ј спако́ј,
своj спако́ј, своj висо́лыј
сво́ј (висо́лыј) *ми́лој* рӑзгаво́р.
На́м далжно́ с табо́ј растаццця,
тибя́ бо́льшы мѝло̀ј ни вида́т.
Спо́мни ми́лој эу дей прикра́снӑј, —
мы купа́ццця с табо́ј мѝло̀ј шли́.
Е́у да-мы купа́лися̆, да мы разбира́лис

нӑ круте́нким (ӑ·мы) биряшке́[1]),
нӑ крутенким а мы биряжо́чки,
на жо̀лтенким а мы на пиязке́[2])
е да, ни юс̓ⁱпе́ли я[3]) мы разабра́цця,
си́лнòj дóж̓жичик прашóл.
— Ты пралéj, пралéj, ты пралéj да
(дӑ) си́лнŏj дóжжик пӑскарéj,
си́лнъ̆j дóжжик а ты пӑскарéj(а),
зӑмачи́ маю Натáшу (или: Натáлjу)
ты пад̓ бéлым пӑт шатрóм.

12.

Зӑ тапя́ми зӑ маря́ми
мил галóфку пӑлажы́л;
мил палóжын ф чóрⁱным грóби
накры́т бéлым пӑлатⁱнóм.
О к няму дéвушкӑ хади́лӑ
ва д̓вяна́тчитй часóф
Ох с нej фстричя́ⁱси (и) пӑравня́лси
в бéлым сáвъни мирⁱтвéч
— Штó жё ты дéфка пóзна хóдиш
ни баи́сси никавó?
— О дӑ кавó жё мнé бояіси (или: баятца)
з̓дѐс̓ мој ми́лој схăранóн.
О́ на н̓óм пáмитник чугýнај
изýкⁱрáшинⁱ сирябⁱрóм.
Э́х (й) јон раслисъ̆н јон ъ рӑзукрáшъ̆н —
на н̓ом вы́бити (й) славá.
Э хто знáит̓ прӑчитáит̓

---

1) или: биряшкý. 2) т. е. пескѣ. 3) т. е. «не успѣли а»; при повтореніи «басомъ» «ни усп́ѣли».

ăт̄чавó *уж* óн пăмирáл
ох·рýчки нóшки јòн слажы́л
глазá *пóд лэп* упуćтил.

дъ канḯця.

13.

Задýмъл камáрик он ˣ жынйцā
взя̓л сабé жанỳ мýху пăлятýху
анá ни пря́ćт̄ь ни ткáт̓ ни гарáздā
ни пачáт̄ъчик матат̄ ни юмéит̓
ни зóлътăм вăшиват̓ ни гарáзда (или: юмéит̓).
Сел камáрик ˣ нă дубóчик
ȅвярнýл сваю̀ галóвушку пăд листóчйк
Сăбралáся̆ шýря̆ бýря̆,
Камáрикă здýлă.
Юпáлъ камáр̓ нă падмóćтик,
рашшип разбил свай кóćти.
Сăбирáлиć мýхи пăлятýхи
сăбирáли кăмар̓óвы̆ кóćти
яни̓ сóбръли въ рагóшку
пăнислй камáрикă нă дарóшку,
павéсили кăмáрика зă дубóчйк
јéдут̓ ъ гăспадá ˣ палкóвъничкн
спрáшвýют ктó ш ту у вáз̆ з упакóјнйчьк?
— Э́тъ *упакóјнйк* кумарйщă.

Ср. Шейнъ № 998 — 1000.

14.

Ка́к на на́шим ба́ринѐ[1])
как на на́шым сударе́[2])
та́к скрипи́т, та́к скрипи́т у няво́
во́т туда̀ *суда̀* скрипи́т
ва фсе сто́ръны скрипит
сах̂ᶠја́ный сапо́*х* и нӑ наге́.
Как у на́ш ӯ ба́рыни̇
как у на́ш ў суда́рыни
та́к шуми́т, та́к шуми́т у нијо́
о́т туда́ суда́ шуми́т,
ва фсе сто́ръны шуми́т —
— чо́рᵊнъјᵊ фха́ртук нӑ груде́ (или: груди́)
(в)от туда́ суда́ тико́т
ва (ф)се сто́рыны тико́т
ды с[3]) купа́линки[4]) вада́
Как у на́шъв у ба́ринӑ
как у на́шъвъ сўдаря́
та́к стаи́ᵗ, та́к стаи́т у няво́
вӑрано́јᵊ ко́нᵊ на́ дваре́.
Как ю на́шъј ў бары́ни
как ю наш ю суда́ры́ни
Касматӑ јᵊ лахма́тӑ ю нјо́
чо́рᵊнӑ(я) я́ры́чкӑ нӑ дваре́
....

1) или: «Как у наш ӯ (т. е. нашъў' у) ба́ринъ». 2) «-ӯ наш -у су́даря́». 3) «дъ -ис». 4) купа́лины.

Пѣсню пѣвица знала плохо и, должно быть, напутала.

15.

За́нка, за́нка, || се́рӑј гърнаста́нка,
Дѝлякó і̓ табе́ за́нка вы́скычи̓т
дѝлякó і̓ табе́ се́рӑя вы́прыгнут̓
ӡде́ся̆ гърада́ туре́чкія
(дъ) замо́чки ниме́чкия.
За́нка *привиӷни́с̓*, се́рӑя вӑрахни́с̓.
Се́рая *пи́ӷвярну́лыс̓*, што́ янѝ пӑкачну́лыс̓
Занка пиӷвярну́лыс̓, штѝ янѝ пӑкачну́лыс̓
За́нка шо́към - бо́към
Пирид на́шым кӑраго́дым —
За́нка пиӷвиӷнис̓ и диви́чь пъкланис̓
Иштó [1]) пъцалу́јси,
Бо́льшы ни балу́јси.

Напѣвъ очень красивый и разнообразный. Пѣсня—игровая. Въ середку выходитъ изображающій заиньку и исполняетъ то, о чемъ говорится въ пѣснѣ, перевертывается и «танчу́ить».

16.

Я качу́, качу́, качу́,
Я гаро́шик мӑлачу́,
на папо́м *на та́чку* [2]).
Ка мне́ ку́рушки бижа́т̓
и варо́нушки литя́т̓;
я па ку́ричи чапо́м,
пӑ варо́ни тӑпаро́м.
(В)о́т ис ку́ричи пяро́,
из варо́ни ядро́.

---

1) При пересказѣ пѣсни «ба́съм», т. е. словами: «ищо́».
2) Т. е. «на попо́вомъ на точку́» = на току́.

Пăкатúлысˀ ет јадрó
ва Балýшичка сялó;
вот прасúлысˀ нăчавáтˀ,
мавò Вáнюшку качáтˀ,
юш качатˀ јавó качáтˀ,
а он стáнитˀ маiчáтˀ.

Ср. Шейнъ №№ 117, 118, (120), 121 и начало 122, но у Шейна эти №№ не колыбельные.

17.

Афсéнˀ, афсéнˀ
Мы хадúли, мы гулáли
фсé сˀвятыя вичарá.
афсенˀ, афсéнˀ
дъ мы искáли, праискáли
Ивáнъв двóр.
асéнˀ, асéнˀ.
Как Ивáнъв двóр
весˀ каiчóм ăбвидóн
афсéнˀ, афсéнˀ и т. д.
весˀ каiчóм ăбвидóн,
(дъ) весˀ тынóм аптынóн;
дъ сталбы тóчиныя́,
дъ пăзалóчиныя́
Дъ кàк сирéтˀ (и) тă дварá
Там стаúтˀ искамiя.
Кáк на јéтыј нă скамјé
сидúд брáт сястрóј;
как сястрá тă братă
югавáриванˀт:
— Дъ мы пајéдим брàд жынúтца,

д мы ваз̓йо́м зӑ тибя́
ка́к ᵊ я́ жа ю тибя́
дᵊ с̓вит̓о́л ме́сй̆ч
дӑ Ива́нушᵊка.
Кра́сна со́лᵊнушᵊка —
с̓о вит̓ А́нушᵊка;
дъ мѐˡлки̓ з̓ве́здушᵊки —
дъ иγ де́тушᵊки.
Кишки́ ды̆ жалу́дᵊки
ф пиче́ˡ сидя́т̓,
дӑ на на́с ани глидят.
да в д̓вери та ламáj
дӑ вит̓ нам ᵊ пӑдавáj.

Эта же пѣсня поется и съ припѣвомъ «кӑляда́». 2.

Ср. Шейнъ, колядная № 1030 и овсеневыя: №№ 1037, (1039 — 1040) и 1042.

Прибáски.

1 Патиря́ла я кале́чкӑ
ни ф сусе́ки ни в муке́;
Ох засушы́л милój сир̓дечкӑ,
Яно́ но́ит̓ нафсягда́

---

2 Ну каки́й но́ня̆ го́ды,
ну каки́ жӑ вримяна́
ох сӑбира́ли на̀шы *южнѣтъ*
ни памя́нут̓ пра миня́.

---

3 Памяну́ли мат̓, ат̓е́ч
где шата́иччя̆ пад̓ле́ч;
миня̀ со́лнушкӑ ни гре́ит̓,

над гало́ӯушкăј тума́н;
над гало́ушкăј тума́н.
Миня̀ ми́лаїкиј ни лю́бит̓
рăскажу́ падру́шки ва́м.

Вязу́т̓, вязут̓ малатца́
биз̀ *мате́ри* биз атця́,
а *јишто́* тă удалы́х
ад жо́нушкăф мăлады́х.

---

5 Гăлава́ мая кружы́тця
пајду г до́хтыру личы́цц,
јаму́ дохтур ни памо́жыт,
он гало́фку рăстряво́жыт̓

---

6 Шо́л я ни́зъм, шо́л гаро́ј,
н̓о́з гармо́ню пăт цало́ј
пăт пало́ј, пало́ј, пало́ј,
пăт пра́въю стăрано́ј.

---

7 Ты гари́, гари́, ӏучи́нă
Што жала́лă, пăлучи́л.
пăлучи́ла я палу́чку
зăлато́ј кал̓цо́ на ручк,
јѐт кале́чкă зăлато́я
с пра́въј ру́чики с̓нято́ј.

---

8 Вы скажы́тя ра̀ди Бо́га,
где́ мне к̓ ми́лъму даро́г

---

9 (В)о́т сказа́ли прă миня́
што яччā́јнај жи̓зни я́
(в)о́т како́ј ж ноня наро́т,
сталбы́ ма́жът̓ у варо́т.

---

10 Скóлкя я́ ни свáтьіси,
скóлкя ни старáлъси,
свáтъл, свáтъл ја дифчóнку
шчитáл јијò за сваю́,
даставáлăсе дифчóнка
тавáрищу маяму́,
ни тавáрищу, ни мнé,
нигадя́ю брăматé.

11 Аj мамáшă, мали́ Бóгу,
ни пајду́ зăму́ш јиj Бóгу;
а мамáшă, кла́низ в зéмлю,
ни пајду́ я в балшу́ сéмју.

12 Óт какóму Бóгу мóлют,
ва салдáты мужéј гонют.
јот какóм жă юмаля́ют
вă салдáты вăгапя́ют.

13 Гóря дéфки нам вясноj,
вяснóј фсé рибя́ты вă пашнóј.
Давáј дефки сăбирáччя
Из нашнóј рибя́тў дажыдáччя.
От мы дефки сăбрали́сй
фсéх рибя́т ъ дăждали́с

14 Чирис сáт ы випаигрáт
ли́сты я наси́ла.
Ягчавó ш ты мне милóј ни купи́л
Чавò я праси́лă?

15 Я праси́ла ю тибя́
купи́т чимири́чки, [? черевички ?]
а мнé ми́лоуј атка́зáл —
нóшки пивили́чки.

16 Штó я здéлылй сабáка? —
вышлй зáмуж зй салдáтй!
Штó я здéлылй зладéјкя?—
вышла зáмуж маладéнкя.

---

17 От какáя гóркяя
зăрадилыся бóјкяя
18 С нéбя звéздăчкя скатилыс
какá я гóркя зăрадилыс.
с нéбь звéздăчкя скáтилáс,
какá я нищáснъя рáдилáс.
С нóби звéздычкя юпáла
а я горкяя прапáла.

---

19 Свéтит мéсич и луна́,
дéфки люблют игруна́.
Свéтит мéсич и зарнича
надајéлй мне балнича.

---

20 Ты систрича мая Оня,
табé рáдысть а мнè гóря
табé рáдысть и висејја,
я мне гóркиј сăкрушéнја.

---

22 Ты разми́лăя падрýшкă
нам[1]) адна с табóј падýшкă
ты разми́лыј дружòк Вáся
чирис тé ж ја извялáся,
извялáся искрушылыс
я сафсем был избисилыс.

---

23 — Ој мамáшă, штó ни жéниш?
— Вазмóж дýру, кудà дéниш?

1) у нáс.

— А я ду́ру ни люблю́,
Либ заре́жу, либ убj́у́.

---

24 Я сиде́ла на дубо́чки
я клява́лă жăлудо́чки,
я сиде́лă на дива́ни,
написа́лă писмо Ва́ни
я сиде́лă я на кры́ши
написа́лă писмо́ Гри́шы,
я сиде́лă я нако́шки,
нăписа́л писмо́ Алошки,
я сиде́лă я на ба́ни,
нăписала писмо́ Ва́ни,
я сиде́лă нă гарну́шки,
написа́ла писмо́ Ваню́шки.

---

25 Я сиде́ла нăд акно́м
jе́ла ка́шу с мылако́м
Ювида́ла ми́лыва̀
(в)зялá кашу ки́нула́.

Сказка.

Сича́с ни напо́мню ни па чо́м... Напо́мнылă.

Жыл бра́т сястро́j; у них былá ла́вычкă аткрытă; аткрыва́ли.... ла́вычку бра́ли.... вино́(мъ торговали). Сястра́ (какъ-то говоритъ брату): «Ну́жнъ табе́ бра́тьч жыни́ччя, а то мне́ о́чьн тру́дно́ зъ скати́нъj хади́т». Паслу́шылсй и жыни́лся; взял сибе́ жану́ таку́ю краса́вичу, о́чьн харо́шу. Та́м, чѐриз го́т нъради́лсй у них сыно́чьк, а он жыво́т (все по прежнему и) таргу́ит вино́ум (не: вину́ом!). Прихо́дит он абе́дът, (с) сястро́j здра́ствъ-и́ччь и праща́ццъ, ухо́дит апя́т. Жана́ яво́ о́чьн была́ нихаро́шья,

ѝинави́сᵗнича. Посли нявó взялá пе́рвъвă сáмъвъ харóшъвá гу́ся, убилă јавó; вымъзълă фся ф крóф и пашлá скáзъвът мýжу: «Твая любимă сястрича убилă јавó (и меня всю кровью вымазала). Óн јиј муш ăтвичáит жинé: «Иди, иди *ачᶣудъва*, я приду́ дóмă фсé вáши дяᵉлá ръзбяру́». (Вотъ мужъ приходитъ домой, пообѣдалъ, а) Ничавó пра éтъ ни пъᵞмянул. Јéј апят дасáднъ, штó .... и пашóл пращáј, ни пъмянул ничавó. (Тогда жена опять, какъ онъ ушелъ), вы́бръл пóсли јавó сáмъвъ лу́ччьвъ утóнкă, (зарѣзала его, вымазалась вся въ кровь и пошла сказывать мужу): «(в)óт твая любимă сястрича убила сáмъвъ лу́ччьвă утóнкъ» (и пр.). (А мужъ ей отвѣчаетъ: «Иди, иди отсюдова) «Я дóмъ фсé вáши дялá разбяру». (Вотъ приходитъ онъ домой,) паздрáствъвълся и *пашóл пращáј*, ничавó ни пъмянул. У нéј *былó* óчьн *кънишáт*[1]) многă. Анá пéрвъ сам(ъвъ лучшаго конишонка взяла, да убила) — јеј *хóтчă здéит* сястру́ тъᵞ явó. Апяд жъ пабéглъ к няму́ (къ мужу и сказываетъ: «Твоя любимая сестрица убила твого самаго лучшаго конишонка» и пр. А онъ ей мужъ опять все отвѣчаетъ:) «Иди, иди аццюдувъ (я приду, дома всѣ ваши дѣла разберу. Опять приходитъ домой, поздравствовался, пообѣдалъ и пошелъ прощай, а про конишонка ничего не помянулъ. Вотъ жена видитъ, что ей не удается сдѣять сестру-то его). А у них адин мáлчик, јидинăј у ниγ дитó и јест, убил и пашлá (къ мужу и сказываетъ. Вотъ мужъ пришолъ домой, съ сестрой ничего не говоритъ). Патóм пăбéдыл (и говоритъ сестрѣ): Любимăя мая систрича, ăдявáјсă и абувáјсе, и мы паéдим[2]) с табóј». Паéхъли, јéхъл .... прямъ........ «Ну́, гъварит, сястричă, слáз, гъварит, ... (Потомъ и спрашиваетъ у нея:) «Гъвари, сястричă. Хтó пéрвъвъ гусь сéк?» Анá ни скáзывъит пръ снаху́ ничавó: «Ру́ки рéзъли, глазá видили». — «Хтó жъ мавó пéрвъвъ утóнкъ сéк?» (Она опять про сноху не сказываетъ ничего: «Руки рѣзали, глаза видѣли»). — Хтó жъ мавó пéрвъвъ кънишóнкъ убил?». (Она опять то же от-

1) кънишóнък=жиреᶦбóнăк.

2) Не «паједи́м», а скорѣе: «паᶦéдим».

вѣчаетъ).—Хтó ж маво́ (единого) дитя́ [зд. «дитя́»—не винит.= имен., а род. въ смыслѣ винит. отъ именит. «дитó»] убия?». (Она и тутъ не сказываетъ про сноху ничего:) «Рýки би́ли, глаза́ ви́дили». (Мужъ ей и говоритъ:)—«Клади́ рýки, сястра́». Ани́ (=а они) уш у нéј пълажóны. Он јеј атсéк и ујéхъл.

Скóлки ана́ врéми хади́лъ (по лѣсу). Бó(h) зна́ит уш скóлкя. Хóдид бóса .... (въ изорваномъ) адиянь..........

....

Прасјáил свéт. ат лéсъ индалóкъ са́т. ана к éтъму са́ду дашла́. Стаи́т я́блъи.—«Хъд бы сучóчик ъбламилсй, хът адна́ бъ я́блъчкă скътилáс!» Сучóк тъ ăтламилсй, я́блъчкă скатилъс. Ана́ дастáлъ, сјéлъ. А къраулщик (услыхалъ, что она съѣла и говоритъ): «Хтó в мајóм саду јест старýшкъ, то буд мая́ ма́тушкъ; јéз дивичь, бут мая́ систричă, јест мущи́нъ—бут мој бра́тьч. Ана к нямý туды и пашла́. Он взял јијó зъ рукáф»', гъварит: Иди к мајéј ма́тири, к мамý атц'ю». Ну ăбјивлят: «Я привóл сабé нивéсту». ......—«Куды ж мы јијó биз рук вазмóм?»—Ну́, гъварит, я сваю слóвŭ ни бýду изминят никаүда́ и вазмý за́муж зъ сибя́. Чирис палгóдъ (?) нъради́лъз дитó: па грýди в зóлъти, пъ калéнъ ф сирибрé ....

(А отецъ то въ это время былъ въ отъѣздѣ. Жена и послала къ мужу съ) писмóм [не: писмóм!] (что такъ-и-такъ, родила тебѣ сына, по груди въ золотѣ, по колѣна въ серебрѣ......... Дальше, кажется, посланецъ случайно попадаетъ къ ея снохѣ, ради которой братъ ей отрубилъ руки. Та приглашаетъ посланца «зајтит» къ нимъ и разспрашиваетъ, куда и зачѣмъ онъ идетъ. Онъ говоритъ, что, дескать, иду отъ такой то), нясý јијó мýжу писмó *пръздравля́т* (съ сыномъ. А сноха ея и говоритъ:) «да́ къ я јијó пръчитáю» (потомъ прочитала письмо, затѣмъ, кажется, напоила посланца до-пьяна и подмѣнила письмо, написавши:) «твая́ жана́ ръдила́ сéръвъ късбиля́». (Мужъ прочиталъ письмо и говоритъ): «Пус хут сéръвъ късбиля, дъ блюди́ть јавó дъ миня́». (На обратномъ пути посланецъ опять заходитъ къ ея снохѣ, а та опять проситъ его): «да́ къ я јијо пръчитáю» (а сама взяла и)

н'ъ̀писа́лъ јијо: «Ко́ли жъ ръдила́ къбиля́, тъг згани́ти јијо́ съ двара́». *Свякры́* гъвари́т:: «Я тибя́ (должно быть: «не пущу», потому что дальше говорится о другомъ ребенкѣ. Должно-быть, свекровь ее полюбила. Далѣе въ сказкѣ — пропускъ. Повидимому, мужъ вернулся, а послѣ опять уѣхалъ. Только у нея опять) нърадила̀'си́ рибо́нък; ма̀лчиг-жа; пайзнъвъ (должно быть — по груди въ золотѣ, по колѣни въ серебрѣ? Опять жена посылаетъ къ мужу съ письмомъ, а сноха ея подмѣниваетъ это письмо другимъ, въ которомъ пишетъ ея мужу, что его жена родила кота. Мужъ, получивъ это письмо, пишетъ отвѣтъ:) «хут мая́ жана́ ръдила́ ката́, дъ пус он жыво́т пака́миз дъ миня́».

(Далѣе разсказчица почти ничего не могла припомнить).

Ср. Аѳанасьевъ, № 158, всѣ варр. съ примѣчаніемъ.

Причитанье.

. . . . и маѓ и аца (атчя́) схърании̇а. Ва пе́рвъх у нас вот . . . .

Карми́льц ты мој ба́тюшкă, куда́ жъ ты та́к убра́лси, и снъриди́лси? Въ' каку́ю ш ты так даро́жьнкю, и въ като́ру ты так старо́нушкю (или: старо́нушку)? атку́дъ жъ мы тибе́ бу́дим дъжида́тси, и ътку́дъ'въ мы тибе́ ста́ним стрича́т; с като́рыј даро́жьнки, с като́ръј старо́нушки? ссе́ тваи́ исто́шки — даро́шки зърасту́т траво́ј мураво́ј; ссе́ тваи́ сля́до́чки зъпаду́д бе́лъм снижо́чкăм. (Пла́чут). Карми́льч мој ба́тюшкă, што́ жъ ты ничаво́ мне ня ба́иш, ни ътвяча́иш? — Скрипи́л ты свајо́ се́рце кре́пшь бе́лывă *ка́минă*. — Нъ каво́ жь ты мине́ (миня́) аста́вил и спаки́нул, ни́дъкарми́ло́ну ј нидъпајо́ну"? Я ищь мълада́ и глупа́, (тк) каму́ жă мне́ сваю́ гало́вушку приклани́т? каму́ ж вы . . . миня́ прика́зыв . . . . . ? Нъ каво́ жъ вы миня́ аста́вил, на браѓц'ъ или нă систри́чу *фъ'т* (т. е. хоть)? Жала́нъј ты мој бра́тьч, ни паки́н (ни паки́ньш) ты миня́ апо́сли карми́личь ба́тюшки! мне́ тапе́р ăкрамя́ тибя́ бра́тьч не́ къму бо́лшь свајеј г'лавы́ приклани́т.

Карми́льч ты мој ба́тюшкӑ, што́ ш эть ты с на́ми гадо́г бъ другој јищо́ по́жил бъ. Нъ каво́ *ж* ты нас е́тиγ *глупы́х* ищь нисмы-сло́ных..... ? Како́ј жъ ты наш карми́льч батюшкъ, нас э'дъ-ки́х нища́сных на́з зъради́л? ищь мы́ ж *глупы́*, мълады́ ищь, ни-смысло́ны......

Молитва вечеромъ.

Я́нъ раба̀ спат лажы́тця,
крястом кристи́цця,
крястом Бо́γу мо́личчя,
крястом а́нди́ї ра́ду́иччя.
а́ндыї ты мо̀ј а́ндыї,
а́ндыї съхрани́тыї,
съхрани́ маю̀ ду́шў пами́луј
ӑд варо́ф, ът разбо́јникъф,
ӑд дявна́ччьти лихи́х
лихама́нкъф.

Отрывки изъ разговора и пр.

«Адинъцьт ме́сичьф в Маскве́, да́-с... Тамбо́скаj, Шя́цкъва уjе́зду, во́лъсти Ала́дни́скаj... (Ни́жно-Маичи́вӑ), сяла́ Баjу́шьвӑ, А́н(н)ъ Силиво́рстъвӑ, (лѣтъ) два́цьт во́сьм...» Далѣе разговоръ шелъ о собственныхъ именахъ животныхъ и о томъ, какъ ихъ подзываютъ. «Ко́ч—па ва́шьму—пяту́х— ... ти-ти-ти... бижа́т нипуто́м» (т. е. на этотъ зовъ — пѣтухи и куры). Утокъ подзываютъ словомъ «у́тя» или «ут», свиней (поросятъ): «чуф, чуф, чух, чух». Собственныя имена собакъ: шяро́к, дружо́к, жу́чкӑ (жу́чк...). Коровъ зовутъ такими именами: «въскрисе́ньjь jе́сли ате́лиць — красу́лкя, ф пънидеjльк — нидеjкя, вафто́рни́к — таро́нък, ф се́риду—сирядафкъ, ф чи́тве́рх..... (?), jе́сли ф пя́тни-

ч́ю — пи°то́нкӑ, ф субо́ту — субо́ткӑ». Домовой называется «ха-зя́йн». Онъ любитъ, чтобы коровы во дворѣ были всѣ одного цвѣту, а «jе́сли ку́пют̓ каро́ў ни таво̀ *цвѣ́ту*, то ана̀ иссо́хнит̓ или здо́хнит̓». Когда зубъ выпадетъ, то его бросаютъ па печку со словами: «Мышк, мы́шкъ, ваз̓ми̓ мој зу́б *дирвяно́ј*, дај мне къ-стяно́ј». Далѣе разговоръ идетъ о пѣснѣ «Садилъ монахъ черемушку»: «Ни напо́мню я што́тъ (или -що́-тъ). Апо́сли уш на-по́мню, ъднава́ тада̀ запи́съвът̓... Напо́мньіӑ... Пӑспява́йти за-пи́съвът̓?... Зря̀ зъплялас̓... фсе́ дура́чкии слава́... У на̀с то́лкь стару̀хи игра́ют̓ (т. е. эту пѣсню); ане́ выво́дют̓, выво́дют̓, ста́-рыи. Я́ иш ни па и́хниму... Па мо́јму, ся̀. Дъ каи̓чо́. На́м па рю́мъчки винчо́, нъ заба́ў де́вичьм... нъ распе́ф кра́сну де́фку, ъ нъ заба́ф ста́ру ба́бу». Слѣдующій разговоръ — о прибаскахъ: «Ну иγ г Бо́гу: палу́ччи ни паху́жы... страмна́! Рибя̆ты вот jе́-дут̓ въ начну́ю, вот и съчиня́ют̓ их... Пля́шут̓ (а̓ ?), дъ приба-са́ют̓:

От̓ я пе́синку спаю́
Пра жыни́твӑ пра сваю́;
Я жыни́лси, пӑлюби́лси 2,
луч ја (?) в ре́чкю юхади́лси...

Дъ вит̓ ана́ жӑ ӑдина́къ'вӑ... Та́к и э̓ндык ниискла́днъ». Далѣе,—по поводу нѣкоторыхъ отдѣльныхъ словъ: «Гарну́шкя — и́ш вот труба́ кӑк э̓тъ з̓де́лўют̓ кълпачко́м; в э̓тим кълпачке́ з̓де́лъна пирикла́дъчкя̆; та́м ищ асо́бијь...» ...«Пая́ркъ-тӑ» — шерсть, которую «с ма̓и̓нких тъ с̓нима́ют̓»[1])

Н. Дурново.

---

[1]) И. М. Тарабринъ, у котораго А. Селивёрстова и другая баба изъ Балушева жили въ кухаркахъ, сообщилъ слѣдующія поправки къ моей статьѣ: А. Селив. *родомъ* не изъ Балушева; въ самомъ Балушевѣ говорятъ не такъ. Особенности говора, которыя я объяснялъ вліяніемъ Москвы, вѣроятнѣе всего, принадлежатъ именно Балушевскому говору. Н. Д.

И. И. Носовичъ.

(Род. 1788 † 25 іюля 1877).

(КРАТКІЙ БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ).

Грустно и больно становится на душѣ, когда подумаешь, какъ равнодушно наше общество нерѣдко относится къ потерямъ тружениковъ науки, дѣятельность которыхъ небезплодно проходила предъ его глазами и на его же пользу, а еще грустнѣе то, что это равнодушіе лишаетъ людей дорожащихъ наукою возможности узнать во-время о выбытіи изъ ихъ рядовъ достойныхъ дѣятелей на разрабатываемой ими нивѣ и помянуть этихъ дѣятелей добрымъ словомъ и оцѣнкою ихъ трудовъ, въ назиданіе живущему и грядущимъ молодымъ поколѣніямъ.

Изъ многихъ подобныхъ примѣровъ приведемъ на этотъ разъ одинъ, но весьма поучительный.

Въ 1877 г. въ г. Мстиславлѣ (Могилевской губерніи) умеръ извѣстный бѣлорусскій этнографъ И. И. Носовичъ и никто изъ русскихъ просвѣщенныхъ жителей, какъ этого города, такъ и изъ подгородныхъ православныхъ помѣщиковъ,—въ числѣ которыхъ были и отставные профессора университета,—не нашелъ нужнымъ взять на себя трудъ сообщить хотя въ немногихъ строкахъ въ мѣстныхъ губернскихъ вѣдомостяхъ о кончинѣ такого заслуженнаго труженика русской науки. Поэтому и слухъ объ этой для нея потерѣ не дошёлъ до столицъ и ихъ органовъ пе-

чати, такъ что ни Академія Наукъ, ни Географическое Общество, въ трудахъ которыхъ покойный этнографъ принималъ дѣятельное участіе, ничего не знали въ 1877 году о томъ, существуетъ ли еще на свѣтѣ И. И. Носовичъ? Съ такимъ именно вопросомъ осенью помянутаго года, во время моихъ разъѣздовъ по Бѣлоруссіи по порученію II-го Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ, обратился ко мнѣ покойный предсѣдатель его, Я. К. Гротъ. А такъ какъ жизнь и дѣятельность Носовича меня самого и давно очень интересовали, то запросъ незабвеннаго для меня академика еще болѣе усилилъ во мнѣ желаніе собрать, какъ можно болѣе достовѣрныхъ для біографіи нашего этнографа данныхъ, которыя въ одно и тоже время могли бы удовлетворить мою собственную любознательность и послужить посильнымъ отвѣтомъ на заданный запросъ.

Долго всѣ мои направленные къ этой цѣли поиски оставались безуспѣшными. Наконецъ лѣтомъ 1878 года, во время моего лѣченія въ Кеммернѣ, я неожиданно встрѣтился съ однимъ изъ сыновей покойнаго Носовича, состоявшимъ тогда директоромъ Слуцкой гимназіи, съ которымъ я былъ нѣсколько знакомъ прежде, во время моей службы въ Витебской гимназіи. Первый же вопросъ мой ему былъ объ его отцѣ. Какъ же я былъ удивленъ, когда онъ въ отвѣтъ мнѣ сказалъ, что почтенный его родитель скончался еще въ 1877 г. Когда же я сталъ его упрекать, что до сихъ поръ никто изъ сыновей такого почтеннаго отца не позаботился сообщить въ какой-либо газетѣ о его смерти, то мой, нѣсколько сконфуженный собесѣдникъ сталъ оправдываться какими-то семейными обстоятельствами и службой. Такъ на этотъ разъ нашъ разговоръ кончился ничѣмъ. На слѣдующее лѣто я снова встрѣтился съ В. И. Носовичемъ въ томъ же Кеммернѣ и опять приступилъ къ нему съ тѣми же напоминаніями; но и въ этотъ разъ мой собесѣдникъ выставилъ мнѣ на видъ тѣ-же фатальныя домашнія обстоятельства. Съ тѣхъ поръ я въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ не отставалъ отъ него, все докучая ему письмами объ одномъ и томъ же. Наконецъ въ 1885 г. я

получилъ отъ него нѣкоторыя данныя для краткаго очерка жизни и дѣятельности почтеннаго его родителя. Эти весьма скудныя данныя онъ, согласно предложеннымъ ему мною вопросамъ въ скоромъ времени пополнилъ новыми, почерпнутыми частью изъ автобіографическихъ записокъ своего отца, частью же изъ личныхъ его воспоминаній о немъ.

Всѣ эти данныя, предоставленныя моимъ почтеннымъ корреспондентомъ въ полное мое распоряженіе, я предлагаю ихъ здѣсь въ нѣсколько измѣненной формѣ.

Иванъ Ивановичъ Носовичъ родился въ 1788 году въ селѣ Грезивцѣ, Быховскаго уѣзда, Могилевской губерніи, въ православный семьѣ причетника, который въ послѣдствіи былъ рукоположенъ во священники. Дѣдъ Ивана Ивановича, Григорій, еще въ дѣтствѣ, подъ владычествомъ Рѣчи Посполитой, закабаленный изъ священническихъ дѣтей въ крѣпостные Кадинскаго помѣщика Поцѣя, долженъ былъ жить среди простыхъ бѣлорусскихъ крестьянъ и потому весьма естественно, что онъ говорилъ ихъ языкомъ, жилъ по ихъ обычаямъ и привычкамъ. Но постоянно помня свое происхожденіе, свое духовное званіе, онъ, достигши юношескаго возраста и не смотря на всевозможныя препятствія, началъ стремиться къ изученію церковной грамоты, въ чемъ онъ въ скоромъ времени успѣлъ до такой степени, что наконецъ былъ назначенъ дьячкомъ въ село Долгій Мохъ, откуда впослѣдствіи былъ переведенъ въ Грезивецъ, гдѣ и окончилъ свою жизнь. Не удивительно, что и сынъ такого энергичнаго въ стремленіи къ просвѣщенію отца былъ не менѣе расположенъ къ грамотѣ, къ наукамъ, къ бѣлорусской рѣчи, на которой онъ выросъ, къ обычаямъ, окружавшей его съ дѣтства крестьянской среды. «По разсказамъ покойнаго моего отца», говоритъ Василій Ивановичъ Носовичъ, «его отецъ, Иванъ Григорьевичъ, хотя и вышелъ изъ Могилевской семинаріи дьячкомъ (такъ какъ вслѣдствіе смерти своего отца не могъ окончить полнаго курса ученія) и поступилъ на дьячковское мѣсто своего родителя въ Грезивцѣ, тѣмъ не менѣе онъ любилъ науки, что̀

видно будетъ изъ дальнѣйшихъ моихъ сообщеній. Здѣсь, въ Грезивцѣ, онъ и женился на дочери священника мѣстечка Рясны (Чериковскаго уѣзда), Аглаѣ Андреевнѣ Ходкевичъ. Здѣсь и родился мой отецъ. Мать моего отца, по его словамъ, была женщина добродѣтельная, воспитанная въ страхѣ Божіемъ и притомъ умная». «Отецъ нашъ», говоритъ въ своей автобіографіи Иванъ Ивановичъ, «получившій основательное начало въ наукахъ, самъ принялся учить насъ грамотѣ, когда мнѣ было пять лѣтъ, а брату шесть съ половиною. Я всегда съ большимъ вниманіемъ слушалъ разсказы моего отца изъ Священной исторіи. Когда мнѣ минуло шесть лѣтъ, я уже читалъ славянскую и русскую печать. Отецъ нашъ былъ строгій и взыскательный педагогъ. Каждая наша шалость не оставалась безъ справедливаго наказанія, но наказаніе его всегда было стоическое, съ хладнокровіемъ, безъ всякой запальчивости и заносчивости, если только онъ не былъ выведенъ изъ терпѣнія непокорностью непреклонной его волѣ или сопротивленіемъ его наказанію. Онъ требовалъ безпрекословной, абсолютной покорности. Моя покорность смягчила отцово сердце такъ, что я отъ руки его получалъ только по три удара, а въ случаѣ важной вины — не болѣ пяти. Чтобы примѣромъ моимъ научить старшаго брата быть покорнымъ и терпѣливымъ, отецъ, при наказаніи начиналъ съ меня, по бѣлорусской пословицѣ: «оўцу стригуць, а ты, баранъ, дзивись». Но примѣръ не дѣйствовалъ на брата, онъ не перемѣнилъ своей методы упрашиванья, почитая мою покорность лукавствомъ. Читателю поступки нашего отца съ нами, можетъ быть, покажутся жестокими, но я благоговѣю передъ ними, ибо они устремлены были на то, чтобы пріучить насъ къ готовности терпѣливо переносить всякіе случающіеся въ жизни удары судьбы. Я помню незабвенныя его слова: «Если ты не хочешь перенести отеческія наказанія, то, что будетъ, когда *тя препояшеть?*» Отецъ былъ весьма трудолюбивъ, почему, держа въ хорошемъ порядкѣ свое сельское хозяйство и съ успѣхомъ обрабатывая свою дьячковскую часть земли, жилъ въ довольствѣ. Сверхъ того онъ былъ хорошій рыболовъ и опыт-

ный садовникъ. Имѣя прекрасный почеркъ, что̀ въ тогдашнія времена было рѣдкостью, онъ имѣлъ порядочный доходъ отъ письмоводительства по имѣнію — въ какой-то близкой къ Грезивцу конторѣ. Это доказываетъ, что онъ былъ неутомимъ въ трудахъ. При разнообразныхъ своихъ занятіяхъ отецъ, такъ какъ самъ нѣкогда воспитывался въ нововозведенной духовной семинаріи, успѣлъ утверждать и насъ въ правильномъ чтеніи и письмѣ *по-латынски* и русски и, преподавая намъ начальныя познанія латынскаго языка, приготовилъ насъ къ поступленію въ семинарію, усовершенствованную по возможности средствъ святителемъ Георгіемъ Конисскимъ, и приготовилъ такъ, что будучи неполныхъ десяти лѣтъ, отчетливо зналъ склоненіе существительныхъ, прилагательныхъ, мѣстоименій и спряженіе всѣхъ глаголовъ, даже неправильныхъ, зналъ части рѣчи и различіе ихъ. Когда отецъ въ 1798 г. представилъ насъ въ могилевскую семинарію, то всѣ ученики высшихъ классовъ, окруживъ насъ, давали намъ этимологическіе вопросы и, получая на нихъ удовлетворительные отвѣты, смотрѣли на насъ, какъ на какое то чудо». «Когда отецъ мой»,— продолжаетъ В. И. Носовичъ, «со своимъ старшимъ братомъ учился въ семинаріи, то дѣдушка нашъ, Иванъ Григорьевичъ, былъ рукоположенъ преосвященнымъ Григоріемъ Конисскимъ во священники Вольмірской церкви (Чериковскаго у.)».

Иванъ Ивановичъ успѣшно окончилъ курсъ ученія въ Могилевской семинаріи въ памятномъ для Россіи 1812 году.

Первые годы по выходѣ изъ названнаго заведенія онъ служилъ сперва учителемъ въ духовныхъ училищахъ Могилевской губерніи, а затѣмъ въ нихъ же инспекторомъ.

«О начальной своей учительской службѣ въ Духовномъ вѣдомствѣ отецъ въ своей автобіографіи говоритъ такъ: «Могилевское семинарское правленіе, заботясь о приведеніи въ порядокъ духовныхъ училищъ, разстроенныхъ въ 1812 году, назначило меня въ августѣ мѣсяцѣ 1813 года учителемъ высшаго отдѣленія и инспекторомъ Оршанскаго духовнаго уѣзднаго училища,

почему въ первыхъ числахъ сентября (того же года) я туда отправился и вступилъ въ дѣятельную служебную жизнь. Ровно черезъ годъ, по предложенію ректора Мстиславскаго духовнаго уѣзднаго училища, перемѣстился туда на такія же должности, оказавшіяся вакантными». Здѣсь, какъ и въ Оршѣ, онъ, между прочимъ, составилъ изъ своихъ учениковъ хоръ и училъ ихъ нотному пѣнію по методѣ Бортнянскаго. Нужно при этомъ замѣтить, что онъ порядочно игралъ на скрипкѣ».

Въ 1818 году семинарское правленіе возложило на него исправленіе ректорской должности, которую онъ исполнялъ до 1822 года. Въ этомъ же году онъ изъ Духовнаго вѣдомства перешелъ на болѣе выгодную службу въ Министерство Народнаго Просвѣщенія. Къ этому переходу вынудило его положеніе семейное. У него тогда было уже четверо дѣтей: одна дочь и три сына, которымъ онъ хотѣлъ дать лучшее образованіе, чѣмъ давали тогда духовныя училища, да и служба учителя министерства народнаго просвѣщенія въ то время лучше оплачивалась, чѣмъ въ духовныхъ школахъ. Ему, на первыхъ же порахъ, поручено было устроить Динабургскую гимназію. Затѣмъ онъ былъ смотрителемъ Молодеченскаго 5-ти-класснаго дворянскаго училища, и съ честью окончилъ службу смотрителемъ таковаго же Свенцянскаго училища, гдѣ онъ получилъ орденъ св. Станислава 3-й степени».

«Службу свою въ Свѣнцянахъ отецъ мой оставилъ, какъ онъ самъ разсказываетъ въ своей автобіографіи, по слѣдующему обстоятельству: «въ концѣ августа 1843 года я былъ въ Вильнѣ и явился къ директору Скарабели. Онъ принялъ меня вѣжливо и предложилъ выпить у него чашку кофе. Но поданный мнѣ кофе былъ со сливками. Это было 29-го августа, въ день Усѣкновенія главы Іоанна Предтечи, въ который по правилу церкви, я во всю жизнь мою хранилъ постъ. Я, не обинуясь, отказался, извиняясь тѣмъ, что въ этотъ день я пощусь. Скарабели вѣрно обидѣлся, потому что уже постнаго (кофе) мнѣ не подали и потому, что, не спросся меня, въ сентябрѣ мѣсяцѣ представилъ меня по-

печителю къ отставкѣ». Объ этомъ отецъ узналъ въ слѣдующемъ году, когда попечитель, при личномъ свиданіи поздравилъ его «съ выслугою генеральскаго пенсіона» въ 600 рублей, который, по выходѣ въ отставку, онъ получалъ до самой смерти».

Въ числѣ вопросовъ, предложенныхъ мною почтенному В. И. былъ и слѣдующій: «Что можете сказать о вліяніи вашей матери на вашего отца?» и т. д.

На этотъ довольно щекотливый вопросъ онъ чистосердечно мнѣ отвѣчалъ слѣдующее:

«Какъ не трудно мнѣ, какъ сыну, характеризовать свою мать, но скажу откровенно то, что̀ знаю. Самъ отецъ во многихъ мѣстахъ своей автобіографіи отзывается о ней, какъ о доброй женѣ и милосердой женщинѣ, чему приводитъ и примѣры. Я же могу къ этому прибавить, что она была очень бережлива, добросовѣстная жена, хорошая хозяйка-домоправительница, пожалуй, скопидомка. Закупки жизненныхъ припасовъ и предметовъ для домашняго обихода всегда дѣлалъ отецъ, а мать уже распоряжалась ими. Очевидно она выросла бѣлоручкой и вышла замужъ, будучи гувернанткой, а потому не умѣла дѣлать базарныхъ закупокъ, но семейная жизнь пріучила ее заниматься домашнимъ хозяйствомъ. Вліяніе на литературную дѣятельность отца она, если и имѣла, то чисто пассивное. Помню, что она меня выучила читать, а дальнѣйшее обученіе мое производилъ отецъ, пока сталъ посылать въ училище. Вѣроятно и прочихъ своихъ дѣтей она выучила грамотѣ».

«Неожиданная отставка моего отца вызвала большое сожалѣніе какъ у его подчиненныхъ,—учащихъ и учащихся, такъ и со стороны всего свѣнцянскаго общества».

«Возвратившись на родину, онъ купилъ себѣ въ Мстиславлѣ домикъ и, какъ обыватель этого города, какъ домовладѣлецъ, онъ вскорѣ, по предложенію мѣстнаго предводителя дворянства, былъ назначенъ депутатомъ въ мѣстную квартирную коммиссію. Эта служба дала ему право на полученіе ордена св. Владиміра за 35-ти-лѣтнюю службу».

Въ часы свободные отъ лѣтнихъ занятій Иванъ Ивановичъ занимался литературой по интересовавшимъ его предметамъ. Такъ, онъ написалъ статью: «О борьбѣ благочестія съ суевѣріями и заблужденіями во времена ветхозавѣтной церкви».

«Первую мысль заняться собираніемъ матеріаловъ по бѣлорусской этнографіи подали ему бѣлорусскіе священники. Вотъ какъ объ этомъ говоритъ онъ въ своей автобіографіи: «Въ праздники Рождества Христова, будучи у Ивана Максимовича (своего племянника) въ гостяхъ, я нашелъ тамъ довольно много священниковъ его благочинія, людей образованныхъ, которые, говоря о современной филологіи, всѣ совѣтовали мнѣ заняться бѣлорусскимъ нарѣчіемъ, богатымъ предметомъ для разработки его. Съ этого времени я началъ собирать матеріалы для составленія словаря бѣлорусскаго нарѣчія и съ начала 1848 года положилъ начало по этому предмету». «Для успѣшнаго выполненія этого дѣла», замѣчаетъ при этомъ В. И. Носовичъ, «отецъ мой не жалѣлъ никакихъ издержекъ, ѣздилъ въ разныя, интересовавшія его бѣлорусскія мѣстности. Живя съ малыхъ лѣтъ среди сельскаго люда, хорошо зналъ какъ нарѣчіе бѣлоруссовъ, такъ и множество ихъ пѣсенъ, пословицъ, поговорокъ и т. п. Онъ зналъ и чтилъ ихъ обычаи. Помню, что когда я, бывало пріѣзжалъ на каникулы въ Мстиславъ къ родителямъ, большей частью во время *дожинокъ*, то жницы приходили къ намъ въ домъ съ вѣнками изъ ржаныхъ колосьевъ и съ жатвенными пѣснями, причемъ разъ на меня, молодого панича былъ возложенъ такой вѣнокъ. Отецъ мой зналъ очень хорошо не только текстъ пѣсенъ, но и ихъ мотивы и любилъ ихъ пѣть. Особенно восхищался онъ напѣвомъ одной пѣсни о томъ, какъ заря потеряла ключи и т. д. Жаль, что не помню ея продолженія *). Помню еще, что онъ, какъ только на-

---

*) Вотъ текстъ этой пѣсни:

Пора, жонки, домовъ ицц!
Поцеряла зоря ключи,
Коло постаци идучи,
Да съ соуникомъ гуляючи,

чалъ собирать матеріалы для словаря, то всегда носилъ при себѣ тетрадку, куда немедленно вносилъ каждое новое для него слово, которое попадалось ему въ разговорѣ съ простолюдиномъ, каждую интересную пѣсню, пословицу и т. п.

Люди, болѣе или менѣе образованные, родомъ бѣлоруссы, всегда относились вполнѣ сочувственно къ этнографическимъ трудамъ моего отца, всячески способствовали ему въ этомъ. Что касается простолюдиновъ, то они простодушно сообщали ему требуемыя свѣдѣнія за чаркой ли горѣлки, за стаканомъ ли чаю, или просто по расположенію къ нему. Не помню, чтобы отецъ жаловался на тупое отнѣкиванье бѣлорусскихъ простолюдиновъ сообщать ему тотъ или другой матеріалъ народной поэзіи».

«Въ 1850 году Ив. Ив. представилъ въ II отдѣленіе Императорской Академіи Наукъ: 1) краткое филологическое наблюденіе надъ бѣлорусскимъ нарѣчіемъ, 2) Краткое собраніе бѣлорусскихъ словъ и 3) Сборникъ (до 1000) бѣлорусскихъ пословицъ, который впослѣдствіе былъ напечатанъ въ академическихъ изданіяхъ. За всѣ доставленные труды академія удостоила И. И. награды въ 150 р. Въ 1852 году имъ представленъ былъ академику Изм. Ив. Срезневскому сперва сборникъ народныхъ бѣлорусскихъ басенъ, повѣстей и былей, а вслѣдъ за тѣмъ и другой сборникъ бѣлорусскихъ пѣсенъ. Но оба эти сборника Ивана Ивановича пропали и, какъ кажется, безслѣдно.

По смерти протоіерея Григоровича, занимавшагося составленіемъ областнаго бѣлорусскаго словаря для Имп. Академіи Наукъ II ея отдѣленіе и готово было предложить это дѣло моему отцу, но нѣкоторые его сочлены не рѣшались дать на это

А мѣсика гукаючи.
«А взойдзице, ясны зорки
И найдзице ключи звонки:
Пора землю одмыкаци,
Пора росу выпущаци.

Зап. II. Г. Общ. т. V. Бѣлорусскія пѣсни, собранныя И. Носовичемъ, стр. 95 (отд. оттиска, СПБ. 1874, стр. 51, № 9).

свое согласіе, въ виду преклонности его лѣтъ, заставившей ихъ опасаться, что ему не удастся довести этотъ трудъ до конца, почему съ предложеніемъ этой работы отдѣленіе обратилось къ молодому бѣлоруссу, г. Микуцкому. Но какъ ни горько было Ивану Ивановичу узнать это рѣшеніе Отдѣленія, однако оно не въ силахъ было погасить въ немъ неугомоннаго желанія продолжать заниматься этимъ завѣтнымъ для него дѣломъ, на которое онъ потратилъ столько труда и времени и притомъ чувствовалъ въ себѣ еще достаточно силы, чтобы довести его до желанной цѣли. Поэтому онъ не переставалъ хлопотать, чтобы Академія поручила ему этотъ трудъ. Но это однако ему не удалось. Онъ добился отъ Отдѣленія только того, что оно ему поручило составить алфавитный указатель старинныхъ бѣлорусскихъ словъ, заключающихся въ актахъ Западной Россіи, для чего оно и выслало ему и самые акты. За этотъ трудъ, надъ которымъ Ив. Ив. работалъ не менѣе пяти лѣтъ, онъ былъ награжденъ двумя стами рублями.

Наконецъ въ 1861 году, послѣ долгихъ, усиленныхъ хлопотъ Ив. Ив. удалось-таки добиться того, что Отдѣленіе предложило ему представить его бѣлорусскій словарь на конкурсъ къ полученію Демидовской преміи, которая ему и была присуждена въ размѣрѣ 714 р., съ тѣмъ, чтобы деньги эти были ему выданы только по напечатаніи всего труда. Послѣ долгихъ колебаній И. И., по совѣту одного академика, рѣшился представить свой многолѣтній трудъ въ распоряженіе академіи, которая и напечатала его на своемъ иждивеніи, выдавъ автору въ его пользу сто экземпляровъ.

Въ 1864 г. И. И. представилъ въ Имп. Геогр. Общество свой сборникъ бѣлорусскихъ пословицъ (до 3000), за который удостоился получить золотую медаль, а въ 1865 г. выбранъ членомъ-сотрудникомъ этого общества по отдѣленію этнографіи. Въ этомъ же году онъ, за представленный имъ во II Отдѣленіе Имп. Академіи наукъ, на соисканіе преміи гр. Уварова, указатель старинныхъ бѣлорусскихъ словъ, имъ извлеченныхъ изъ историче-

скихъ актовъ Западной Россіи, получилъ 1500 рублей. Это же отдѣленіе выразило свое сочувствіе къ полезной дѣятельности И. И. еще и другимъ образомъ. По его представленію Государь Императоръ, во вниманіе къ ученымъ заслугамъ Носовича, всемилостивѣйше соизволилъ въ 1870 году наградить его орденомъ св. Станислава 2-й степени.

Остальную часть своей жизни Иванъ Ивановичъ провелъ въ городѣ Мстиславлѣ среди семьи младшаго своего сына, которую онъ взялъ къ себѣ въ домъ на свое попеченіе. Привыкши къ постоянному труду, онъ не въ состояніи былъ вести жизнь бездѣятельную, а потому и не переставалъ заниматься литературными трудами. Но огорченія, переносимыя имъ за пороки младшаго сына, сильно потрясли его довольно крѣпкій организмъ. Онъ сталъ быстро дряхлѣть, къ тому же неумѣренное напряженіе глазъ все болѣе и болѣе ослабляли его зрѣніе. Уже съ іюня 1876 года онъ въ письмахъ своихъ къ отсутствующимъ дѣтямъ начинаетъ жаловаться на слабость зрѣнія, но все-таки продолжалъ писать ихъ самъ. Но чѣмъ дальше, тѣмъ почеркъ его становился все неровнѣй и неровнѣй: то строка находитъ на строку, то попадается только начало слова, а иногда только конецъ его. Съ начала 1877 г. письма отъ него стали получать писанными уже подъ диктовку, рукой младшаго брата, только съ его собственноручной подписью. Въ иныхъ письмахъ онъ дѣлаетъ приписки, разобрать которыя было весьма трудно. Въ іюнѣ 1877 г. у Ив. Ив. начало проявляться такое ослабленіе организма, что когда онъ настойчиво пробовалъ ходить безъ посторонней помощи, то все падалъ и сильно ушибался. Въ іюлѣ у него на ногахъ стала показываться опухоль. Старецъ постепенно угасалъ и наконецъ 25-го іюля въ три часа утра означеннаго года скончался на 89 году своей жизни. Онъ похороненъ на кладбищѣ Пустынскаго монастыря. Въ похоронахъ его участвовало все Мстиславльское духовенство съ извѣстнымъ радѣтелемъ о народномъ образованіи въ краѣ,—архимандритомъ Пустынскаго монастыря, отцемъ Антоніемъ во главѣ».

Со времени смерти нашего этнографа прошло уже 23 года. Дѣло изученія бѣлорусскаго племени въ отношеніи этнографическомъ и діалектическомъ успѣло съ тѣхъ поръ шагнуть далеко впередъ. На это поприще выступила и стала дѣйствовать съ замѣчательнымъ успѣхомъ цѣлая вереница новыхъ, хорошо приготовленныхъ ретивыхъ дѣятелей, большею частью изъ мѣстныхъ уроженцевъ въ Бѣлоруссіи, которымъ, безъ сомнѣнія, приходилось нерѣдко пользоваться словаремъ Носовича, какъ необходимымъ подспорьемъ при своихъ работахъ. Однако до сего времени не слышно, чтобы кто-нибудь трудился надъ составленіемъ словаря бѣлорусскаго нарѣчія въ болѣе полномъ, болѣе согласномъ съ требованіями современной филологіи видѣ. Для этой работы въ литературѣ нашей накопилось, кажется, достаточно и сыраго, строительнаго матеріала и критическихъ указаній для его обработки, — въ трудахъ Безсонова, Потебни, Карскаго, Ляцкаго, Никифоровскаго, Романова, Апеля, Недешева, Соболевскаго и мн. др. Также ничего не слышно, чтобы кто-нибудь изъ вышеперечисленныхъ этнографовъ печаловался объ отысканіи, собираніи и обнародованіи матеріаловъ для жизнеописанія перваго бѣлорусскаго лексикографа, труженическое существованіе котораго на бѣломъ свѣтѣ прошло и имъ не въ малый прокъ. Изъ предыдущаго краткаго очерка жизни и трудовъ И. И. Носовича читатель видѣлъ, что въ рукахъ его сына Василія Ивановича, которому теперь идетъ 8-й десятокъ, находятся біографическія записки его отца. Ихъ непремѣнно слѣдовало бы издать пока еще можно. Еще въ 188... году почтенный Василій Ивановичъ читалъ мнѣ нѣкоторые отрывки изъ этихъ записокъ, которые я прослушалъ съ большимъ любопытствомъ и вынесъ такое впечатлѣніе, что въ общемъ своемъ составѣ онѣ, помимо ихъ біографическаго значенія, заключаютъ въ себѣ не мало интереснаго и характернаго изъ общественной и политической жизни Бѣлоруссіи въ концѣ 18-го и первой половинѣ 19-го столѣтія. Кромѣ означенныхъ записокъ И. И. Носовича, будущему составителю его біографіи можно будетъ воспользоваться подходя-

щими къ его цѣли данными изъ переписки его со II Отдѣленіемъ Имп. Академіи Наукъ, Этнографическимъ Отдѣленіемъ Имп. Геогр. Общества и съ недавно умершимъ академикомъ А. Ѳ. Бычковымъ. Вся эта переписка безъ сомнѣнія хранится нерушимо, какъ въ семействѣ послѣдняго, такъ и въ архивахъ названныхъ учрежденій. Во всякомъ случаѣ я счелъ нравственнымъ своимъ долгомъ напомнить объ этой задачѣ тѣмъ, кому болѣе всего о ней вѣдать и думать слѣдуетъ. Пора или вѣрнѣе, выражаясь по-бѣлорусски: пора еще не *перепорѣла*.

П. Шейнъ.

Нѣсколько словъ о дошедшихъ до насъ памятникахъ языка Полабскихъ славянъ.

(Отчетъ о поѣздкѣ въ Германію лѣтомъ 1900 года).

Почти тридцать лѣтъ прошло уже со времени появленія извѣстнаго труда Шлейхера «Laut- und Formenlehre der Polabischen Sprache» (St.-Petersburg, 1871). Несмотря на всѣ свои достоинства эта работа не можетъ удовлетворить лингвиста, обращающагося къ ней за свѣдѣніями о томъ не существующемъ [1]) въ настоящее время западно-славянскомъ языкѣ, который обыкновенно называется полабскимъ, уже по той причинѣ, что авторъ

---

1) Когда именно окончательно замолкла славянская рѣчь въ той части Ганновера, гдѣ она дольше всего сохранялась, сказать трудно за неимѣніемъ точныхъ данныхъ. Если Геннингъ, жившій отъ 1649 до 1719 г., жаловался, что трудно найти человѣка, который могъ бы толково сообщить необходимыя свѣдѣнія о родномъ языкѣ, такъ какъ на немъ говорятъ уже только немногіе старики, такъ что лѣтъ черезъ 20—30 онъ исчезнетъ, и если Парумъ Шульце, жившій отъ 1678 до 1734 г. въ деревнѣ Süthen Люховскаго округа, съ грустью заявляетъ, что ему трудно говорить и писать на родномъ языкѣ, что его младшій братъ уже совсѣмъ не понимаетъ по-славянски, и только нѣкоторые старики говорятъ на смѣшанномъ языкѣ («когда я и три особы въ моей деревнѣ умремъ, то никто, надо думать, не будетъ точно знать, какъ называется по-вендски собака»—прибавляетъ онъ), то свѣдѣнія о томъ, будто еще въ началѣ и даже первой половинѣ текущаго вѣка говорили по-полабски, получаютъ надлежащее освѣщеніе только при томъ предположеніи, что были отдѣльныя лица, которыя кое-что знали о своемъ родномъ языкѣ; эти свѣдѣнія сопоставлены въ послѣдній разъ г. Францевымъ въ XLIII т. «Русскаго Филологическаго Вѣстника» (№№ 1 и 2 за 1900 г.), стр. 280 сл. См. также Archiv für slawische Philologie, XXII, p. 318 sq.

положилъ въ основаніе своего изслѣдованія почти исключительно извлеченіе изъ первоисточниковъ, сдѣланное Юглеромъ въ 1809 году. Если, однако, лингвистъ, познакомившись съ трудомъ Шлейхера, пожелаетъ провѣрить и дополнить его выводы на основаніи самостоятельнаго изученія памятниковъ, то и здѣсь его постигнетъ разочарованіе: полнаго и научно обставленнаго изданія этихъ памятниковъ нѣтъ. Гильфердингъ, напечатавшій въ 1856 году въ V томѣ Извѣстій Отд. русск. яз. и слов. Имп. Ак. Н. «Памятники нарѣчія залабскихъ глинянъ и древлянъ», ограничился немногими, довольно случайно и произвольно выбранными образцами, переданными къ тому же вообще не съ надлежащею точностію. Пфуль воспроизвелъ въ XVI и XVII т. журнала «Časopis towaŕstwa Maćicy serbskeje» (1863—1864 гг.) все то, чтò было въ то время извѣстно въ этой области и чтò было разсѣяно по различнымъ повременнымъ и неповременнымъ изданіямъ. Существеннымъ недостаткомъ послѣдняго изданія является то обстоятельство, что Пфуль не обратился къ самимъ подлинникамъ. И послѣ появленія труда Шлейхера, прямо указавшаго на стр. 2 на отсутствіе изданія полнаго словаря Геннинга, «главнаго источника для ознакомленія съ этимъ діалектомъ» (т. е. съ полабскимъ языкомъ), не было ничего сдѣлано въ этой области. Понятно, поэтому, что полное изданіе всѣхъ извѣстныхъ намъ памятниковъ полабскаго языка, по возможности по подлиннымъ рукописямъ, является предметомъ крайней необходимости тѣмъ болѣе, что въ настоящее время вновь оживился интересъ къ научному изслѣдованію остатковъ этого языка. Второе Отдѣленіе Императорской Академіи Наукъ и на этотъ разъ пошло на встрѣчу назрѣвшей потребности: минувшимъ лѣтомъ нижеподписавшійся былъ командированъ въ Германію для изученія на мѣстѣ всѣхъ доступныхъ намъ памятниковъ полабскаго языка. Принося Второму Отдѣленію Императорской Академіи Наукъ глубокую благодарность за нравственную и матеріальную поддержку, оказанную мнѣ при этомъ, я считаю своимъ долгомъ предложить нижеслѣдующее въ видѣ предварительнаго отчета.

Такъ какъ и количественно, и качественно матеріалъ, собранный пасторомъ Геннингомъ, долженъ быть поставленъ на первомъ мѣстѣ, то я начну именно съ обзора того, чѣмъ мы обязаны этому лицу, имя котораго исторія славянской филологіи должна занести на почетную страницу. Христіанъ Геннингъ родился въ 1649 г. въ м. Iessen въ Саксоніи. Въ 1677 г. онъ состоялъ проповѣдникомъ при Люнебургскомъ Лейбъ-Кавалерійскомъ полку, а въ 1679 г. онъ получилъ мѣсто проповѣдника въ Вустровѣ (Wustrow), гдѣ и умеръ 70 лѣтъ отъ роду 27-го сентября 1719 г.[1]). Проведя 40 съ лишнимъ лѣтъ своей жизни среди полабскихъ славянъ, уже сильно въ то время онѣмеченныхъ, онъ, какъ человѣкъ ученый и любознательный, не могъ не заинтересоваться прошлымъ и языкомъ остатковъ нѣкогда могущественнаго славянскаго племени. Надо замѣтить, что интересъ этотъ постоянно подогрѣвался различными лицами, частью высокопоставленными особами, съ которыми Геннингъ встрѣчался, частью былъ въ перепискѣ, а извѣстно, что въ XVII и XVIII в. вообще очень интересовались различными «рѣдкостями и курьезами» и въ той области, которая входитъ въ кругъ вѣдѣнія лингвистики, не только, конечно, изъ простого любопытства, но и по болѣе серьезнымъ побужденіямъ. Какъ мы увидимъ ниже, и извѣстный философъ Лейбницъ велъ цѣлую переписку по части языка, обычаевъ и древностей полабскихъ славянъ, результатомъ которой явились извѣстные, сообщенные въ Collectanea etymologica матеріалы. Въ предисловіи къ окончательной полной редакціи своего словаря Геннингъ сообщаетъ между прочимъ слѣдующее[2]): «Въ настоящее время здѣсь говорятъ по-вендски немногіе старики; съ молодежью они уже не говорятъ на этомъ языкѣ, такъ какъ надъ этимъ стали бы смѣяться. Молодежь чув-

1) Эти свѣдѣнія заимствованы мною изъ 3-го вып. изданія Neues Vaterländisches Archiv 1823 г. (стр. 232, прим.), гдѣ они воспроизведены изъ такъ называемой Pfarr-Registratur.

2) Важнѣйшія мѣста представляютъ точный переводъ, остальное—подробный пересказъ.

ствуетъ такое отвращеніе къ родному языку, что не хочетъ не только ему учиться, но даже не хочетъ слышать и его звуки. Такимъ образомъ черезъ 20 или 30 лѣтъ этотъ языкъ исчезнетъ. Будучи назначенъ по соизволенію Божію сюда (т. е. въ Вустровъ) проповѣдникомъ, я началъ искать памятниковъ вендскаго языка, но безуспѣшно, такъ какъ никакихъ памятниковъ не было, потому что въ прежнее время ни одинъ вендъ не умѣлъ ни писать, ни читать. Венды, получившіе образованіе, тщательно скрывали свое происхожденіе, а иноплеменники не очень заботились объ этомъ языкѣ, такъ какъ не получили бы отъ этого «предпріятія» (Unternehmen) ни пользы, ни чести. Проповѣди знаменитаго Бруно, написанныя имъ на вендскомъ языкѣ, не сохранились. Не найдя никакихъ памятниковъ, я охладѣлъ къ дальнѣйшимъ поискамъ (т. е. памятниковъ языка) и записывалъ между тѣмъ нѣкоторые обычаи и повѣрья, собираясь сопоставить ихъ съ обычаями другихъ языческихъ народовъ и опубликовать съ нѣкоторыми примѣчаніями. Пожаръ 1691 г., истребившій все мое имущество, уничтожилъ и эти записи. Послѣ этого я имѣлъ честь встрѣчаться съ многими знатными людьми, которые выражали желаніе узнать что-либо о вендскомъ языкѣ. Нѣкоторые изъ нихъ приглашали даже къ себѣ отдѣльныхъ вендовъ и записывали нѣкоторыя слова. Это обстоятельство вновь пробудило во мнѣ угасшій было интересъ къ этому языку. Сначала казалось, что я взялъ на себя напрасный трудъ, такъ какъ никто изъ вендовъ не хотѣлъ сознаться, что онъ еще говоритъ на своемъ родномъ языкѣ, опасаясь встрѣтить съ моей стороны насмѣшку или издѣвательство. Къ тому же это былъ все простой, необразованный народъ, который, какъ и вообще необразованные люди, не могъ объяснить «причину» того или другого слова. Въ будни крестьяне были заняты работой, а заниматься своими изслѣдованіями въ воскресенье мнѣ было неудобно, такъ какъ послѣ службы мнѣ необходимъ былъ отдыхъ. Къ тому же я не зналъ, какую пользу могутъ они принести, такъ какъ ни церковь, ни общежитіе не нуждаются въ этомъ языкѣ, такъ что онъ можетъ

исчезнуть безъ особаго ущерба. Однако, чѣмъ больше было препятствій, тѣмъ сильнѣе росло во мнѣ желаніе. Наконецъ, Богу было угодно, чтобы я встрѣтилъ въ своемъ приходѣ человѣка, который не только согласился приходить ко мнѣ каждое воскресенье послѣ службы, но и былъ настолько искусенъ, что могъ давать мнѣ удовлетворительныя разъясненія; къ тому же онъ могъ писать. Чтобы отблагодарить своего учителя, который къ крайнему моему сожалѣнію умеръ годъ тому назадъ, я сообщу его имя. Онъ назывался Johann Janieschge изъ Кленова въ Вустровскомъ округѣ и былъ такой хорошей жизни, что ни начальство, ни проповѣдники не имѣли никакихъ непріятностей по его поводу. Послѣ долгихъ трудовъ мы записали то, что̀ содержатъ слѣдующія страницы. Я не выдаю этого труда за полный словарь: то, съ чѣмъ венды не имѣли дѣла, или то, съ чѣмъ имъ рѣдко приходилось встрѣчаться, они не умѣютъ назвать, напр., ни одинъ вендъ не можетъ сказать, какъ на чистомъ ихъ языкѣ называется стулъ, такъ какъ въ древности они не имѣли стульевъ и сидѣли на землѣ».

Приведенныя мною слова Геннинга требуютъ лишь немногихъ поясненій. Во-первыхъ, съ заявленіемъ о томъ, что «вендскій», т. е. полабскій языкъ уже почти вымеръ, что сами старики, не говоря уже о молодежи, стыдятся своего родного языка, какъ будто плохо вяжется замѣтка, которою снабжена извѣстная, записанная имъ пѣсня, а именно слова: «Пѣсня, которую поютъ венды, когда они очень веселы въ обществѣ». На самомъ дѣлѣ, мнѣ кажется, это замѣчаніе не подрываетъ перваго свидѣтельства, такъ какъ, повидимому, самъ Геннингъ не слышалъ этой пѣсни непосредственно изъ устъ народа, но получилъ тѣмъ же путемъ, какъ и прочій матеріалъ, такъ что вышеприведенныя слова являются какъ бы комментаріемъ, не указывающимъ непремѣнно на современную записи обстановку. Во-вторыхъ, слова Геннинга: «Къ тому же я не зналъ, какую пользу они (т. е. изслѣдованія) могутъ принести» въ той связи, въ которой они находятся, ясно указываютъ на то, что такое сомнѣніе было дѣломъ

момента, являлось результатомъ цѣлаго ряда разочарованій и неудачъ при собираніи необходимаго матеріала, такъ какъ Геннингъ несомнѣнно очень хорошо понималъ, какое значеніе имѣетъ его трудъ. Въ первой части предисловія онъ между прочимъ говоритъ о языкѣ вообще, о различныхъ теоріяхъ родственныхъ отношеній между отдѣльными языками, о еврейскомъ языкѣ, какъ родоначальникѣ всѣхъ языковъ, при чемъ имъ высказывается сомнѣніе въ правильности такого взгляда, наконецъ о томъ важномъ значеніи, какое имѣетъ славянскій языкъ, родоначальникъ цѣлой группы языковъ. Далѣе, мы увидимъ, что Геннингъ дѣлалъ попытки составить сравнительный словарь западнославянскихъ языковъ. Неужели человѣкъ съ такими обширными познаніями и интересами могъ высказать вышеприведенную мысль иначе, какъ не въ минуту разочарованія? Наконецъ, замѣтка о Бруно, писавшемъ проповѣди на полабскомъ языкѣ, относится очевидно къ священнику Бруно, дѣйствовавшему въ половинѣ XII в. въ Старгардѣ (см. «Исторію балтійскихъ славянъ» Гильфердинга, т. IV «Собранія сочиненій» Кожанчиковскаго изданія 1874 г., стр. 231).

Геннингъ, какъ можно судить по дошедшимъ до насъ матеріаламъ, имъ собраннымъ, работалъ цѣлый рядъ лѣтъ надъ различными вопросами, касающимися исторіи и языка полабскихъ славянъ. Въ библіотекѣ верхнелужицкаго ученаго общества въ Герлицѣ находится толстый томъ въ четвертку, содержащій слѣдующія рукописи, частью подлинники, частью копіи записей Геннинга, собранныя и переплетенныя вмѣстѣ въ довольно случайномъ порядкѣ: 1) на 142 стр. разсужденіе подъ заглавіемъ: Kurzer Bericht von der Wendischen Nation überhaupt; /Insonderheit/ Von den Lüneburger Wenden und /deren Abkunfft/ Auch von ihrem Pago dem so/genanten Drawän/, abgefasst /Anno 1705/. Къ этому заглавію, писанному, какъ и весь текстъ рукою Геннинга, прибавлено другою рукою: von Christian Henning /von Iessen Pastore/ zu Wustrou. 2) Подробное оглавленіе предыдущаго разсужденія по отдѣламъ, писанное тою же рукою, что

и части сборника за №№ 7—9; 3) на 26 стр. черновикъ 3-ьей части «Kurzer Bericht», именно «Gründliche Nachricht von dem Wendischen Pago Drawän genant» съ поправками редакціоннаго характера; въ «Kurzer Bericht» эта часть вошла опять съ нѣкоторыми измѣненіями; 4) Vocabularium Venedicum oder Wendisches Wörter-Buch von der Sprache, Welche [1]) unter den Wenden in den Chur-Braunschweig-Lüneburgischen Ämtern Lüchow und Wustrow annoch im Schwange gehet (рука Геннинга) von Christian Hennig (другая рука). Содержаніе этой части сборника, писанной рукою самого Геннинга, слѣдующее: a) введеніе о языкѣ вообще, о происхожденіи языковъ (см. выше), о славянскомъ языкѣ и мѣстномъ вендскомъ, какъ его нарѣчіи, о ходѣ работъ самого Геннинга (см. выше) и о передачѣ звуковъ, ударенія и количества полабскаго языка, принятой Геннингомъ; b) сопоставленіе нѣкоторыхъ словъ полабскаго, лужицкаго, польскаго и чешскаго языковъ; c) названія нѣкоторыхъ городовъ въ Oberland, получившихъ свои имена отъ вендовъ, съ этимологическими экскурсами; d) «Отче Нашъ»; 5) безъ особаго заглавія на 152 л. краткая въ извѣстномъ отношеніи редакція полабсконѣмецкаго словаря Геннинга съ приложеніемъ полабскихъ названій 6 городовъ, а также прозвищъ ихъ жителей на нѣмецк. яз. (см. ниже о трехъ редакціяхъ этого словаря), писанная его рукою и послужившая источникомъ для большаго количества списковъ, къ числу которыхъ принадлежитъ и извѣстный списокъ фонъ-Платова (von Plato, т. е. von Platow). Особый интересъ представляетъ эта редакція по тому, что при каждомъ полабскомъ словѣ находятся соотвѣтствующія и частью родственныя по корню слова чешскаго и польскаго языковъ; 6) черновая рукопись Геннинга подъ заглавіемъ: «Teutsch-Wendisches Wörter-Buch von der (Wendischen) [2]) Sprachen, welche annoch unter den Wenden im Daneburgischen, Herzogthums Lüneburg im Schwange gehet», причемъ другою рукою обозначено, что это трудъ Геннинга. Эта часть

1) Это слово начинаетъ новую строку.

2) Вычеркнуто.

сборника очень важна въ виду того, что представляетъ собою черновикъ, куда Геннингъ заносилъ тѣ слова, которыя ему удалось слышать. Она состоитъ изъ длиннаго списка нѣмецкихъ словъ въ алфавитномъ порядкѣ, заимствованнаго изъ какого нибудь печатнаго словаря, куда въ разное время Геннингъ присоединялъ услышанное имъ соотвѣтствующее полабское слово или выраженіе, при чемъ не всѣ нѣмецкія слова переведены имъ на полабскій языкъ, хотя, съ другой стороны, значительное количество словъ, не вошедшихъ въ первоначальный списокъ, помѣщено имъ на правой (спеціально предназначенной для этихъ дополненій) половинѣ страницы, частью въ ужасномъ безпорядкѣ. Эти-то матеріалы и легли въ основаніе какъ полной (двухъ типовъ), такъ и краткой редакціи словаря, а потому тщательное изученіе взаимнаго отношенія всѣхъ этихъ матеріаловъ должно дать любопытныя указанія; во-первыхъ, въ основной черновой рукописи нерѣдко одно и то же слово заносилось въ нѣсколько пріемовъ, при чемъ мы можемъ прослѣдить постепенное улучшеніе транскрипціи; много ошибокъ, недоразумѣній исправлялось имъ по мѣрѣ того, какъ расширялись его свѣдѣнія; во-вторыхъ, обработка этого первоначальнаго матеріала дѣлалась имъ въ разное время, при чемъ каждая изъ нихъ представляетъ извѣстныя отличія, въ особенности въ знакахъ ударенія и долготы. Итакъ, ясно, что подробное критическое изученіе всего этого матеріала должно дать драгоцѣнныя указанія для лингвиста, возстановляющаго полабскій языкъ. Въ концѣ словаря имена числительныя; 7) извлеченіе изъ полной редакціи словаря на 110 стр., сдѣланное тою же рукою, которой принадлежитъ и часть сборника подъ № 2, съ присоединеніемъ названій мѣсяцевъ, дней, городовъ, прозвищъ ихъ жителей, числительныхъ и нѣкоторыхъ сопоставленій, заимствованныхъ изъ списка полабскихъ словъ параллельно съ соотвѣтствующими имъ словами лужицкаго, польскаго и чешскаго языковъ, о которомъ я говорилъ выше; 8) сдѣланное тою же рукою извлеченіе всѣхъ словъ и выраженій, относящихся къ Богу, а также нѣкоторыхъ другихъ словъ; 9) при-

надлежащія той же рукѣ замѣтки о нѣкоторыхъ нѣмецкихъ словахъ и именахъ.

Итакъ, описанный мною сборникъ представляетъ, во-первыхъ, черновые матеріалы Геннинга и, во-вторыхъ, ту редакцію словаря, которую я называю краткою. Полной редакціи словаря въ этомъ сборникѣ нѣтъ, но она сохранилась въ двухъ видахъ въ рукописяхъ, принадлежащихъ другимъ учрежденіямъ. Во-первыхъ, мы имѣемъ автографъ Геннинга, принадлежащій Ганноверской Королевской Библіотекѣ въ составѣ рукоп. № 842. Въ переплетенномъ въ кожу томѣ въ четвертку мы находимъ подъ заглавіемъ, писаннымъ рукою Геннинга: «Vocabularium Venedicum oder Wendisches Wörter-Buch von der Sprache, welche unter den Wenden in den Chur-Braunschweig-Lüneburgischen Ämtern Lüchow und Wustrow annoch im Schwange gehet. Nebst einer Vorrede von der Sprache des Menschen und derselben Mannigfaltigkeit, insonderheit von der Slavon-oder Wendischen Sprache», во-первыхъ, предисловіе съ нѣкоторыми приложеніями, въ числѣ которыхъ есть и извѣстная пѣсня съ нотами, писанное не рукою Геннинга, а кѣмъ-то, очевидно, по его порученію, и затѣмъ собственноручно писанный Геннингомъ словарь съ приложеніемъ именъ числительныхъ, названій мѣсяцевъ и городовъ. Во-вторыхъ, мы имѣемъ рукопись Геттингенской Университетской Библіотеки (№ 257), тоже томъ въ кожаномъ переплетѣ, 4°. Заглавіе: «Vocabularium Venedicum, oder Wendisches Wörter-Buch, Von der Sprache, Welche unter den Wenden in den Chur-Braunschweig-Lüneburgischen Amtern Lüchow und Wustrow annoch im Schwange gehet» писано рукою Геннинга, слова же: «Auctore Christiano Henning, pastore in Wustrau прибавлены другою рукою; третьей рукѣ принадлежитъ приписка: ✝1719 Sept. 27. aet. 70. S. Spiel u. Spangenberg, Neues Vaterländisches Archiv b. 3. S. 396 (статья, откуда заимствованы мною вышеприведенныя біографическія данныя о Геннингѣ). Второю же рукою сдѣлана на оборотѣ заглавнаго листа помѣтка: Gerardus Abbas Lucensis, а также замѣтка на внутренней сто-

ронѣ передней крышки переплета: Donum Dni Henningi Pastoris I Gustrauw. Это послѣднее замѣчаніе даетъ намъ указаніе на происхожденіе какъ этой, такъ можетъ быть и Ганноверской рукописи. Надо думать, что авторъ дарилъ экземпляры словаря лицамъ, которыя упоминаются въ предисловіи. Кромѣ заглавія рукою Геннинга вписаны въ текстѣ словаря два слова и двѣ вставки въ предисловіи (л. 43 и 89—90). Предисловіе вмѣстѣ съ приложеніями, тѣми же, что и въ рукописи, вошедшей въ составъ гёрлицкаго сборника, и въ Ганноверской рукописи, за исключеніемъ пѣсни, писано не рукою Геннинга, но и не тѣмъ почеркомъ, которымъ писаны соотвѣтствующія части Ганноверской рукописи, далѣе словарь съ приложеніемъ числительныхъ, названій мѣсяцевъ, городовъ и прозвищъ жителей 6 знаменитѣйшихъ городовъ страны вендовъ (на нѣмецкомъ языкѣ) писанъ третьимъ почеркомъ (почеркъ Геннинга я считаю первымъ), не такъ красивымъ и старательнымъ, какъ второй почеркъ[1]).

Итакъ, Геттингенскій экземпляръ представляетъ собою цѣликомъ, по крайней мѣрѣ въ основномъ текстѣ, не оригиналъ, а копію, изготовленную, однако, надо думать, по почину самого Геннинга, о чемъ свидѣтельствуетъ заглавіе, писанное имъ самимъ, а также помѣтка прежняго владѣльца рукописи, что она получена имъ въ подарокъ отъ самого автора, не говоря уже о двухъ упомянутыхъ мною выше поправкахъ и вставкахъ. Что касается Ганноверскаго экземпляра, то онъ состоитъ, какъ замѣчено выше, частію изъ подлинной рукописи автора (между прочимъ заглавіе и здѣсь писано самимъ Геннингомъ), частью изъ копіи (предисловіе съ приложеніями). Насколько я могу судить уже теперь, на основаніи предварительнаго изученія вопроса, Геттингенская рукопись представляетъ собою и въ той части, которая содержитъ словарь, копію подлинной рукописи Геннинга,

---

1) Гдѣ въ настоящее время находится списокъ словаря съ предисловіемъ, содержавшимъ «Kurzer Bericht», которымъ пользовался Юглеръ, неизвѣстно. Также ничего мнѣ неизвѣстно о спискѣ, который былъ въ рукахъ у Челаковскаго.

которая до насъ не дошла. Объ этомъ свидѣтельствуютъ нѣкоторыя ошибки писца и нерѣдкіе сравнительно случаи отсутствія знаковъ ударенія. Такая напр. описка, какъ Neintgeincka вм. Nêmtgéimka s. v. Iungfer не могла быть сдѣлана по самому существу иначе, какъ при перепискѣ съ неразборчиво написаннаго Геннингомъ оригинала. Я сказалъ выше, что этотъ оригиналъ до насъ не дошелъ. Именно, уже при поверхностномъ ознакомленіи съ упомянутыми словарями не трудно замѣтить между ними такія отличія, которыя не допускаютъ мысли объ общемъ оригиналѣ. Для меня несомнѣнно, что въ нашихъ рукописяхъ имѣемъ два типа полной редакціи словаря. Если предисловіе въ обоихъ типахъ то-же и совпадаетъ съ оригинальной рукописью въ Гёрлицкомъ сборникѣ (за исключеніемъ, понятно, пѣсни въ Ганноверскомъ экземплярѣ), то, съ другой стороны, словарь представляетъ нѣкоторыя отличія какъ по составу, такъ и по передачѣ матеріала. Во-первыхъ, экскурсы при нѣкоторыхъ словахъ, содержащія частью поясненія, между прочимъ, произношенія, а частью цѣлыя статьи изъ области суевѣрій и обычаевъ, въ обоихъ словаряхъ редактированы съ извѣстными отличіями въ выраженіяхъ, расположеніи словъ и т. п., а частью онѣ полнѣе въ Ганноверскомъ экземплярѣ (это относится напр. къ статьѣ s. v. Erdmännchen). Во-вторыхъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ порядокъ, въ которомъ приводятся слова, какъ заглавныя, такъ и внутри отдѣльныхъ статей, не совпадаетъ въ той и другой редакціи. Въ-третьихъ, Ганноверская редакція представляетъ и кое-какіе, въ общемъ незначительные пропуски выраженій и словъ, находящихся какъ въ черновой, такъ и въ Геттингенской рукописи (частью это слова, относительно которыхъ дѣлаются указанія, что ихъ надо искать въ другомъ мѣстѣ). Что касается второго пункта, то уже при бѣгломъ ознакомленіи съ рукописями видна бо́льшая близость къ черновой Геттингенскаго экземпляра, чѣмъ Ганноверскаго, какъ по передачѣ звуковъ полабскаго языка, такъ и по надстрочнымъ знакамъ (ударенія и долготы), хотя и Геттингенская рукопись въ извѣстныхъ (немногочисленныхъ, впрочемъ)

случаяхъ не совпадаетъ съ черновой. Даже орѳографія нѣкоторыхъ нѣмецкихъ словъ въ Геттингенской рукописи въ общемъ та же, что и въ черновой, между тѣмъ какъ въ Ганноверскомъ экземплярѣ она нѣсколько иная, отъ чего частью зависятъ и различія въ расположеніи словъ. Все это вмѣстѣ взятое приводитъ меня къ заключенію, что Геттингенская рукопись словаря (о предисловіи я буду говорить нѣсколько ниже) старше по времени Ганноверской, т. е. лучше сказать, оригиналъ, лежащій въ основаніи Геттингенскаго экземпляра, старше Ганноверскаго автографа. Во-вторыхъ, сохранившаяся у насъ черновая, по всей вѣроятности, не единственный черновой матеріалъ, бывшій у Геннинга. Противъ перваго вывода говоритъ, однако, какъ-будто то, что какъ разъ Геттингенскій экземпляръ представляетъ въ предисловіи вставки, сдѣланныя одновременно (судя по бумагѣ и чернидамъ) съ соотвѣтственными вставками въ рукописи предисловія въ Гёрлицкомъ сборникѣ. Первая изъ нихъ содержитъ нѣкоторыя цитаты изъ средневѣковыхъ поэтовъ, а вторая (болѣе длинная) касается мнѣнія Stiernhelm'a о томъ, что праязыкомъ, отъ котораго произошли всѣ другіе языки, былъ именно скиѳскій языкъ; книга его Runa Svetica еще не выходила въ то время, когда Геннингъ писалъ предисловіе, но и позже онъ ея не могъ достать, по причинѣ ея рѣдкости въ Германіи; онъ сообщаетъ указанное мнѣніе по «Программѣ» Дикмана. Однако, нельзя забывать того, что копія первой полной редакціи могла сохраняться у автора и послѣ того, какъ онъ пустилъ въ оборотъ уже вторую редакцію; даря ее своему другу, онъ сдѣлалъ указанныя двѣ вставки и поправки. Что сталось съ подлинникомъ первой редакціи, неизвѣстно. Судя потому, что въ предисловіи упоминаются книги начала девяностыхъ годовъ XVII в., Геннингъ составилъ его не раньше конца этого послѣдняго, сами же словари въ окончательной редакціи должны относиться къ еще болѣе позднему времени.

Кромѣ двухъ полныхъ редакцій словаря существуетъ, какъ мною было уже упомянуто, еще третья редакція, которую я

предложилъ бы назвать «краткой» въ виду слѣдующаго: это последняя (и по времени) редакція представляетъ собою лишь списокъ нѣмецкихъ словъ съ соотвѣтственными полабскими безъ всякихъ примѣчаній и поясненій, за исключеніемъ самыхъ необходимыхъ (о произношеніи нѣкоторыхъ написаній, очень рѣдко по существу значенія слова); далѣе, довольно значительный фразеологическій матеріалъ полныхъ редакцій сюда не вошелъ. Въ одномъ отношеніи (я говорю пока о внѣшней сторонѣ) эта краткая редакція представляетъ шагъ впередъ сравнительно съ полными редакціями, именно, здѣсь почти уничтожены всѣ ссылки путемъ внесенія соотвѣтственнаго полабскаго слова. Гёрлицкая рукопись (въ составѣ сборника) краткой редакціи какъ уже сказано выше, писана самимъ Геннингомъ и представляетъ огромную важность по той причинѣ, что здѣсь при каждомъ полабскомъ словѣ указаны родственныя образованія чешскаго и польскаго языковъ. Несомнѣнно, изученіе примѣненныхъ Геннингомъ написаній словъ этихъ двухъ языковъ, должно дать указанія на то, какъ слѣдуетъ читать и извѣстныя буквы въ полабскихъ словахъ. Далѣе, въ этой краткой редакціи есть нѣкоторыя особенности, раздѣляемыя и Ганноверскою рукописью полной редакціи, а именно она по орѳографіи подходитъ къ этой послѣдней ближе, чѣмъ къ Геттингенской. Кое въ чемъ она отличается и отъ извѣстной намъ черновой; между прочимъ, здѣсь есть нѣсколько новыхъ словъ.

Наконецъ, что касается предисловія къ полнымъ редакціямъ словаря, то оно составлено было едва ли не раньше окончательной обработки черновыхъ матеріаловъ. Подлинная рукопись самого Геннинга сохранилась въ Гёрлицкомъ сборникѣ. черновой мы не имѣемъ, такъ какъ сохранившаяся черновая представляетъ только словарь, при чемъ примѣчанія здѣсь изложены вообще лишь конспективно.

Кромѣ описанныхъ мною двухъ полныхъ и одной краткой редакціи полабско-нѣмецкаго словаря мы имѣемъ еще одинъ небольшой словарь, тоже нѣмецко-полабскій, писанный рукою са-

мого Геннинга. Эта рукопись составляетъ собственность Ганноверской Королевской Библіотеки (XXIII, 841). Особенность разсматриваемаго словаря состоитъ въ томъ, что слова расположены не въ алфавитномъ порядкѣ, а по группамъ значеній. Эти группы слѣдующія: a) человѣкъ и части его тѣла; b) домашнія животныя и относящіяся къ уходу за ними понятія; c) пища растительная и животныя, при чемъ здѣсь не выдержанъ строго порядокъ и наряду съ животными, употребляемыми человѣкомъ въ пищу, стоятъ животныя и птицы, вообще несъѣдобныя; слова, относящіяся къ охотѣ, помѣщены здѣсь же; d) стихіи, при чемъ слово «огонь» служитъ естественнымъ переходомъ отъ предыдущей группы; e) одежда; f) принадлежности домашняго обихода, полевыхъ и домашнихъ работъ; g) напитки; h) день и ночь, ихъ части и привѣтствія.

Когда именно, для кого и съ какою цѣлью, былъ составленъ Геннингомъ только-что описанный словарь, неизвѣстно. Нѣкоторыя предположенія я выскажу нѣсколько ниже, когда буду говорить о цѣлой группѣ маленькихъ словарей XVII и XVIII в.

Въ заключеніе настоящаго отдѣла, посвященнаго описанію словарей Геннинга, я не могу не остановиться на спискахъ, которыхъ сохранилось довольно большое число, при чемъ они представляютъ вообще краткую редакцію.

Кромѣ Геттингенскаго списка полной редакціи, стоящаго, какъ мы видѣли, на особомъ положеніи и замѣняющаго намъ до извѣстной степени оригиналъ, мы имѣемъ въ настоящее время, насколько мнѣ извѣстно, только одинъ списокъ полной редакціи, именно Ганноверскаго типа[1]). Рукопись, заключающая упомянутый списокъ, принадлежитъ Обществу Historischer Verein für Nieder-Sachsen въ Ганноверѣ и представляетъ folio; писана въ XVIII в., безъ заглавія, но съ выписками прежняго владѣльца на вставныхъ листахъ изъ Потоцкаго, Эккарда и др. Предисловія нѣтъ, но приложенія къ нему съ пѣсней и нотами помѣщены

1) Гдѣ находится экземпляръ, бывшій въ рукахъ Юглера, неизвѣстно.

непосредственно за словаремъ. При текстѣ молитвы «Отче Нашъ», а также и пѣсни, указаны прежнимъ владѣльцемъ варіанты по тексту, сообщенному Эккардомъ. Писана рукопись небрежно, съ цѣлымъ рядомъ недоразумѣній и ошибокъ; не имѣетъ вообще никакого значенія, такъ какъ представляетъ копію извѣстнаго намъ оригинала.

Списковъ краткой редакціи мы имѣемъ достаточное количество. Мнѣ извѣстны слѣдующіе экземпляры этого «Вендскаго словаря» (Wendisches Lexicon), какъ они обыкновенно озаглавливаются: a) рукопись Геттингенской Университетской Библіотеки (№ 258), писанная довольно небрежно въ XVIII вѣкѣ; прежній владѣлецъ ея A. Voigt расписался на заглавномъ листѣ; пріобрѣтена на аукціонѣ въ 1870 г. послѣ Canzlei-Direktor v. Willich въ Целле; b) рукопись Общества Historischer Verein für Nieder-Sachsen въ Ганноверѣ (№ 20), принадлежавшая нѣкогда г. A. R. Warlich; переписана очень старательнымъ почеркомъ; c) рукопись № 18 того же Общества, принадлежавшая нѣкогда г. E. L. Grisebach, который отмѣтилъ, что получилъ ее въ подарокъ отъ г. Корфа (H. Hauptmann Korf in Lüchow); квартъ; заглавіе: Wendisches und Teutsches Lexicon aus der alten Wenden in Lüchowscher und Dannebergischen Graffschafft wohnenden Unterthanen Munde gesammelt von Weyland H. Magister Hennings von Iessen, gewesenen Predigern zu Wustrow.—Auch theils geändert, theils supliret aus der alten Leute Munde und pronunciation, in anno 1751; d) рукопись Магдебургской городской библіотеки (XII Quarto 23); e) рукопись канцеляріи Oberapellationsgericht въ Целле, фоліо.

Всѣ указанныя выше рукописи содержатъ краткую редакцію полабско-нѣмецкаго словаря Геннинга безъ того сравнительнаго матеріала, который является въ оригиналѣ, сохранившемся въ составѣ Гёрлицкаго сборника. За текстомъ словаря помѣщаются обыкновенно названія 6 городовъ и прозвища ихъ жителей; послѣднія на нѣмецкомъ языкѣ. Все это есть и въ упомянутой подлинной рукописи, гдѣ, впрочемъ, есть и нѣсколько позже впи-

санныхъ добавленій. Если мы пока оставимъ въ сторонѣ тѣ «дополненія и поправки»[1]), которыя находятся въ рукописи *с* то окажется, что не всѣ списки представляютъ непосредственно копію оригинала, а именно объ этомъ ясно свидѣтельствуетъ, помимо всего прочаго, одинъ большой пропускъ, начиная съ Bettdecke и кончая Bieten auf eine Wahre. Этотъ пропускъ не находится только въ рукописи, отмѣченной мною буквою *a*. Эта послѣдняя рукопись вообще сравнительно очень хорошо передаетъ оригиналъ Геннинга и выгодно отличается въ этомъ отношеніи отъ всѣхъ прочихъ, вообще очень плохихъ, изобилующихъ грубыми ошибками, свидѣтельствующими о томъ, что писецъ не понималъ оригинала; надстрочныхъ знаковъ ударенія и долготы почти нѣтъ, а если они проставлены, то нерѣдко это сдѣлано ошибочно; смѣшиваются они также самымъ грубымъ образомъ (напр. ˝ и ˆ). Къ этой же категоріи относится и извѣстный списокъ Платова. Гдѣ въ настоящее время находится этотъ списокъ, неизвѣстно; списокъ канцеляріи суда въ Целле, какъ я могу удостовѣрить, во всякомъ случаѣ не тотъ, который принадлежалъ Платову; указанія на то, что онъ хранится именно тамъ, простое недоразумѣніе: списокъ въ Целле, не говоря уже о содержаніи, даже но внѣшности и формату отличается отъ списка Платова; что касается его внутреннихъ достоинствъ, то онъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ лучше этого послѣдняго.

Теперь возникаютъ два вопроса: во-первыхъ, представляетъ ли списокъ *a* копію того оригинала краткой редакціи, которая сохранилась въ видѣ собственноручной рукописи Геннинга въ составѣ Гёрлицкаго сборника, и, во-вторыхъ, каковы взаим-

1) Эти дополненія и поправки состоятъ изъ текстовъ («Отче Нашъ» и «Исповѣдь») по записи Мюллера, а затѣмъ изъ списка прозвищъ жителей различныхъ мѣстечекъ «страны вендовъ» (на нижне-нѣмецкомъ языкѣ) съ ссылкою на Neues Hannoverisches Magazin 1795 г., сокращеній собственныхъ именъ мужскихъ и женскихъ, ничего не дающихъ для полабскаго языка и наконецъ изъ списка статьи Геннинга о Pagus Drawän. Дополненія эти сдѣланы, очевидно, позже, чѣмъ былъ переписанъ основной текстъ словаря.

ныя отношенія списка *a* и всѣхъ прочихъ списковъ, а также, какъ относятся другъ къ другу эти послѣдніе.

Что касается перваго вопроса, то отсутствіе въ спискѣ *a* сопоставленій изъ области чешскаго и польскаго языковъ само по себѣ еще ничего бы не рѣшало ни въ ту, ни въ другую сторону, такъ какъ эти послѣднія такая составная часть текста, которая легко можетъ быть выдѣлена даже при чисто механической перепискѣ (именно, Геннингъ вездѣ тщательно отмѣтилъ чешскія и польскія слова буквами B и P). При ближайшемъ, однако, сопоставленіи обѣихъ рукописей нельзя не замѣтить того, что списокъ *a* представляетъ очень точную копію именно того самаго текста, который мы находимъ въ составѣ Гёрлицкаго сборника за указаннымъ выше исключеніемъ.

Что касается второго вопроса, то я начну съ второй его половины. Во-первыхъ, при ближайшемъ разсмотрѣніи списковъ *b*, *c*, *д* и списка Платова по изданію Пфуля обнаруживается несомнѣнная близость *b*, *c*, *д* и *Pl.* (этимъ послѣднимъ сочетаніемъ буквъ я буду условно обозначать списокъ Платова). Относительно *b* и *d* у меня возникаетъ даже подозрѣніе, не списаны ли они прямо съ этого послѣдняго. Относительно *c* можно сказать, что онъ, вѣроятно, списанъ не прямо съ *Pl.*, и что между ними была какая-то промежуточная ступень. На первую половину можно отвѣтить такъ: *Pl.* не зависитъ отъ *a* и представляетъ копію самого оригинала, впрочемъ, очень плохую.

Итакъ, мы познакомились вкратцѣ съ обширнымъ матеріаломъ, собраннымъ Геннингомъ. Мы видѣли, что онъ распространялъ свой словарь въ спискахъ собственноручныхъ и дѣлавшихся по его заказу, при чемъ велъ корреспондецію съ лицами, интересовавшимися такъ или иначе полабскимъ языкомъ (ср. напр. матеріалы Геннинга, сообщенные у Эккарда). Жестокая иронія судьбы, мнѣ кажется, въ томъ, что какъ разъ его трудъ, о распространеніи котораго онъ не мало заботился, остается до сихъ поръ неизданнымъ въ цѣломъ. За исключеніемъ главы изъ «Gründliche Nachricht» — «Vom Pago Drawän», напечатанной въ Neues

Vaterländisches Archiv въ 1822 г. (кн. II), мы имѣемъ лишь изданіе краткой редакціи словаря по списку Платова, сдѣланное Потоцкимъ, затѣмъ въ болѣе исправномъ видѣ въ упомянутомъ выше Архивѣ за 1832 г. и наконецъ перепечатку этого послѣдняго въ изданіи Пфуля. Кромѣ того мы имѣемъ болѣе мелкія вещи, а именно изданіе молитвы «Отче Нашъ», а также одной пѣсни (но безъ нотъ) у Эккарда, воспроизведенное Гильфердингомъ и Пфулемъ; нѣкоторыя слова, выписанныя по группамъ значеній (о Богѣ и т. д.) (см. выше описаніе Гёрлицкаго сборника) напечатаны въ 1752 г. въ Hannov. Gelehrte Anzeigen; наконецъ, нѣкоторыя отдѣльныя слова напечаталъ Добровскій въ 1814 и 1815 гг. въ своей Čitanka въ видѣ дополненія къ Петербургскому словарю; сообщенія Добровскаго воспроизведены у Пфуля.

Второе мѣсто послѣ Геннинга занимаетъ по количеству сообщаемаго матеріала хроника Парумъ-Шульце, которой посчастливилось гораздо больше. Уже въ 1794 г. въ Annalen der Braunschweig-Löneburgischen Churlande (Zweites Stück) было напечатано извлеченіе изъ этого памятника, состоящее изъ нѣсколькихъ фразъ. Какъ извѣстно, изъ подлинной рукописи пропало 11 полулистовъ, содержащихъ гораздо больше, чѣмъ напечатано въ помянутомъ журналѣ. Исторія этой пропажи разсказана у Гильфердинга, который напечаталъ оставшуюся часть разговоровъ и словъ, воспроизведя и напечатанное въ Анналахъ. Въ третій разъ эта послѣдняя часть хроники Шульце напечатана у Пфуля, который воспроизвелъ и сообщенную Гильфердингомъ остальную часть. Наконецъ, въ 1892 году появилось изданіе лексическаго и фразеологическаго матеріала хроники Парумъ-Шульце, сдѣланное проф. Калиною по найденной имъ рукописи Zakładu narodowego imienia Ossolińskich во Львовѣ (№ 26). Въ слѣдующемъ году онъ же напечаталъ изслѣдованіе о языкѣ изданнаго имъ текста. Какъ та, такъ и другая работа напечатаны въ изданія Краковской Академіи Наукъ «Rozprawy i Sprawozdania Wydziału filologicznego Akademii Umiejętności», т. XVIII и XXI и

выпущены также отдѣльными оттисками подъ заглавіемъ «Jana Parum Szulcego Słownik języka połabskiego», части I и II. Хотя Львовская рукопись представляетъ копію оригинала, тѣмъ не менѣе она имѣетъ большое значеніе по тому, что была сдѣлана до того времени, когда пропало 11 листовъ подлинника. Если ближе присмотрѣться къ тексту этой копіи, то нельзя не замѣтить значительныхъ отступленій въ написаніи словъ отъ подлинника, что̀ и указано проф. Калиною на стр. 10 сл. Эти отступленія обязаны своимъ происхожденіемъ цѣлому ряду ошибокъ и недоразумѣній переписчика, незнавшаго, очевидно, по-полабски. Помимо этого наша копія имѣетъ большое значеніе, такъ какъ представляетъ полный текстъ безъ пропусковъ, происшедшихъ отъ порчи подлинника (утрата 11 листовъ и клочка одной изъ страницъ). Что же касается недостаточно точной передачи, то недочеты этого рода до извѣстной степени устраняются сравненіемъ съ другими аналогичными случаями, а также съ словаремъ Юглера, куда вошелъ и матеріалъ изъ хроники Шульце. Проф. Калина въ приложеніи къ основному тексту далъ также и сводъ тѣхъ полабскихъ словъ, которыя встрѣчаются въ самомъ нѣмецкомъ текстѣ хроники; это въ большинствѣ случаевъ собственныя имена. Къ сожалѣнію изданіе проф. Калины не отличается желательною точностью, а слова и собственныя имена послѣдней категоріи выписаны положительно небрежно; не говоря уже о большомъ количествѣ пропусковъ, запасъ полабскихъ словъ пополненъ собственнымъ именемъ Iwanowna, сопоставляемымъ съ русск. ivanovna. На самомъ дѣлѣ Парумъ Шульце, разсказывая о женитьбѣ одного изъ графовъ на русской, сообщаетъ, что ее звали Katarina Iwanowna. Изслѣдованіе о языкѣ разсматриваемой хроники также вообще не можетъ быть названо удачнымъ.

Теперь мнѣ остается еще разсмотрѣть рядъ небольшихъ словарей и текстовъ, относящихся къ XVII и XVIII вв., частью, слѣдовательно, ко времени, предшествовавшему дѣятельности

Геннинга и Парумъ Шульце. Прежде всего я перечислю эти матеріалы въ хронологическомъ порядкѣ.

1) Письмо люховскаго амтмана Миттофа къ Шрадеру съ отвѣтомъ на 9 предложенныхъ этимъ послѣднимъ вопросовъ о древностяхъ, мѣстныхъ рѣдкостяхъ и языкѣ полабскихъ славянъ. Напечатано оно въ 1717 году въ Leibnitii Collectanea etymologica. Миттофъ сообщилъ Лейбницу въ отвѣтъ на 6-ой вопросъ, что, по его свѣдѣніямъ, на полабскомъ языкѣ нѣтъ ни книгъ, ни какихъ-либо старыхъ письменныхъ памятниковъ, и что этотъ языкъ быстро вымираетъ, такъ что онъ едва могъ найти человѣка, который сообщилъ бы «Отче Нашъ» на родномъ языкѣ. Кромѣ текста этой послѣдней Миттофъ прилагаетъ еще пять «молитвъ», одинъ текстъ, озаглавленный Beichte и два текста Passions-Gesang. Кромѣ этого письмо Миттофа содержитъ въ видѣ отвѣта на 8-ой вопросъ нѣсколько замѣчаній «о произношеніи», а въ отвѣтъ на 9-ый вопросъ сообщается, что нѣмецъ по-полабски называется Sjostje. Въ приложеніи къ этому письму въ Collectanea напечатанъ небольшой словарь въ алфавитномъ порядкѣ, безъ указаній на источникъ. Въ Ганноверской Королевской Библіотекѣ сохранилась подлинная рукопись этого словаря (XXIII, 841), неизвѣстно кому принадлежащая, а также (XXIII, 842ᵃ) a) подлинное письмо Миттофа къ Шрадеру, b) письмо Freiherr'a v. Winterstädt'a, адресованное Шрадеру, съ сообщеніемъ, что Миттофъ послалъ ему подробное письмо съ отвѣтами на вопросы, и что онъ напрасно старался найти вендскую книгу, но что, по его мнѣнію, подобная книга найдется въ Вольфенбюттелѣ; кромѣ этого Винтерштедтъ сообщаетъ о находкахъ погребальныхъ урнъ; c) письмо Шрадера къ Лейбницу съ препровожденіемъ упомянутаго письма Миттофа и черновикъ отвѣта Лейбница на оборотной сторонѣ, гдѣ частью повторены примѣчанія, которыми Лейбницъ снабдилъ текстъ «Отче Нашъ»; d) черновикъ Лейбница, содержащій этотъ послѣдній текстъ съ примѣчаніями; e) два клочка, изъ которыхъ одинъ сообщаетъ на латинскомъ языкѣ слѣдующее: Hermanni Slavonici

Postilla impressa exstat in Bibl. Augusti Ducis Gvelfab. conscripta ea lingua qua hodie Venedi utuntur, quorum primaria urbs est Lochovia съ прибавленіемъ словъ charaktero Germanico и замѣтки ex rel. d. Hasemanni; кромѣ того здѣсь же приписано: Idem habet Slavonicam Graecam Hieronymi ut putat Methodon cum Prosodia; второй клочекъ подъ заглавіемъ Wendisch in Lüneburgen содержитъ три полабскихъ слова. Въ дѣйствительности порядокъ отдѣльныхъ статей въ папкѣ подъ вышеупомянутымъ номеромъ нѣсколько иной, чисто случайнаго происхожденія. Подлинная переписка Лейбница по вопросамъ, касающимся полабскихъ славянъ, имѣетъ для насъ серьезное значеніе, такъ какъ въ Collectanea тексты изданы не съ надлежащею точностью. Что касается первыхъ двухъ упомянутыхъ клочковъ, то свѣдѣніе о постиллѣ на «вендскомъ» языкѣ пока не оправдывается: до сихъ поръ, насколько мнѣ удалось узнать, такой постиллы не найдено, и никакихъ другихъ свѣдѣній о ней не имѣется.

2) Словарь Пфеффингера, сообщенный Эккардомъ въ его книгѣ Historia Studii Etymologici 1711 г. Этотъ словарь составленъ по его словамъ, въ 1698 г. Іог. Фр. Пфеффингеромъ, инспекторомъ люнебургской рыцарской академіи, во время пребыванія среди вендовъ. Въ Ганноверской Королевской Библіотекѣ сохранился въ папкѣ XXIII, 841 подъ № 6 словарь, писанный рукою Пфеффингера, подъ заглавіемъ Vocabulaire Vandale; въ томъ, что разсматриваемый текстъ писанъ рукою Пфеффингера, легко убѣдиться, сравнивъ почеркъ черноваго письма Пфеффингера (въ томъ же сборникѣ) къ какому-то Monsieur (заключительная фраза письма, предшествующая подписи, также по-французски) съ препровожденіемъ замѣтки объ обычаяхъ и суевѣріяхъ вендовъ, которая, по мнѣнію автора письма, составлена въ 1662 г. при General-Visitation въ графствахъ Данненбергъ и Люховъ. Эта подлинная рукопись Пфеффингера заключаетъ въ общемъ тотъ же словарный матеріалъ, который сообщенъ Эккардомъ, также представляетъ въ началѣ каждой статьи французское слово, но отличается отъ печатнаго текста, во-первыхъ,

тѣмъ, что группы словъ сходныхъ по значенію не имѣютъ заголовковъ (да и само распредѣленіе матеріала на группы не проведено такъ строго и въ томъ же порядкѣ), а, во-вторыхъ, тѣмъ, что представляетъ нѣкоторыя объяснительныя примѣчанія, не вошедшія въ изданіе Эккарда; наконецъ, печатный текстъ представляетъ нѣсколько новыхъ замѣчаній (напр. объясненіе названія октября Weiniamôn. C'est à dire, le mois du vin, и нѣсколько лишнихъ словъ. Если мы сопоставимъ съ этимъ слова Эккарда: «Nos nihil mutamus, sed eodem, quo accepimus, modo illud offerimus», то нельзя не придти къ выводу, что оригиналъ Пфеффингера, который сохранился въ Ганноверской Королевской Библіотекѣ, не тотъ, которымъ пользовался Эккардъ. Во всякомъ случаѣ этотъ послѣдній по времени позднѣе, такъ какъ заключаетъ нѣсколько лишнихъ словъ и представляетъ, помимо указанныхъ выше отличій по части объясненій, въ общемъ болѣе строгое распредѣленіе словъ на отдѣльныя группы.

3) Словарь, сохранившійся въ рукописи, принадлежащей Ганноверской Королевской Библіотекѣ (въ составѣ уже упомянутаго сборника XXIII, 841); заглавіе его слѣдующее: «Wendische Vocabeln. An Monsieur de Baucoeur (послѣдняя буква, кажется, именно *r*). Anno 1710». Слова здѣсь расположены не въ алфавитномъ порядкѣ, а по группамъ значеній; собственно словарю предпослана краткая замѣтка о произношеніи нѣкоторыхъ знаковъ и буквъ. Языкъ вездѣ нѣмецкій. Напечатанъ не былъ.

4) Сборникъ полабскихъ словъ, составленный писцомъ Люховскаго окружнаго правленія Гинцемъ въ 1786 г. Гильфердингъ, издавшій впервые этотъ небольшой словарь, ничего не упомянулъ о томъ, гдѣ находится подлинная рукопись. Если она и сохранилась, то во всякомъ случаѣ составляетъ частную собственность; въ общественныхъ и государственныхъ книгохранилищахъ ея нѣтъ. Впрочемъ жалѣть объ утратѣ ея особенно не приходится, такъ какъ Гинцъ выписалъ свой матеріалъ изъ словаря Шульца, надѣлавъ при этомъ цѣлый рядъ ошибокъ вслѣд-

ствіе своего незнанія полабскаго языка (ср. слова проф. Калины въ введеніи къ изданію словаря Шульца, стр. 12 сл.).

Прочіе, извѣстные мнѣ матеріалы, лишь частью напечатанные, нельзя расположить въ точномъ хронологическомъ порядкѣ, такъ какъ у насъ отсутствуютъ необходимыя для того свѣдѣнія. Для нѣкоторыхъ изъ нихъ, впрочемъ, можетъ быть установленъ terminus post quem.

I) Молитва «Отче Нашъ» и «Исповѣдь», напечатанныя по записи Мюллера Гемпелемъ въ II т. изданія Neues Vaterländisches Archiv (1822 г.). Издатель Гемпель сообщаетъ, что рукопись съ этими двумя полабскими текстами была подарена ему въ 1789 г. лейтенантомъ Корфомъ, жившимъ въ Люховѣ. Мюллеръ, бургомистръ г. Люхова, умершій въ 1755 г., которому принадлежала рукопись, и послѣ смерти котораго она досталась Корфу, записалъ упомянутые тексты со словъ бабушки своей жены Emerentzia Wehlings, при этомъ сообщается, что ея братъ M. Caspar Wehling былъ первымъ нѣмецкимъ проповѣдникомъ въ Bülitz Люховскаго округа, терпѣлъ преслѣдованія отъ мѣстныхъ жителей и наконецъ получилъ удовлетвореніе: выборные отъ каждой деревни были посажены въ Вольфенбюттелѣ въ тюрьму на хлѣбъ и на воду на 14 дней въ особенности за то, что они позволили себѣ сказать, будто бы имъ легче получить проповѣдника, чѣмъ пастуха. О томъ, гдѣ находится подлинная рукопись Мюллера и сохранилась ли она вообще, ничего неизвѣстно. Въ рукописи краткой редакціи словаря Геннинга, отмѣченной мною буквою *c* и полученной нѣкогда въ подарокъ отъ того же Корфа, названнаго уже, очевидно, по повышеніи въ чинѣ, капитаномъ, въ числѣ дополненій помѣщены оба текста Мюллера, представляющіе нѣсколько варіантовъ сравнительно съ изданіемъ Гемпеля.

II) Словарь (полабско-нѣмецкій), напечатанный Домейеромъ въ Hamburgische Vermischte Bibliothek, 1744 г. Издатель сообщаетъ, что означенный словарь составленъ по бумагамъ пас-

тора, жившаго въ XVII в. среди вендовъ въ одной изъ приходовъ графства Данненбергъ. Подлинная рукопись неизвѣстна.

III) Словарь (нѣмецко-полабскій), изданный въ XXII т. журнала «Archiv für slawische Philologie», по рукописи, найденной г. A. Vieth въ Копенгагенѣ и принадлежавшей нѣкогда Mich. Richey, род. въ Гамбургѣ въ 1678 г. и тамъ же умершему въ 1761 г. Время написанія точно неизвѣстно; на основаніи сходства чернилъ съ тѣми, которыми писана 1-ая часть рукописи, издатели относятъ словарь къ 1672 г.

IV) Полабско-нѣмецкій словарь XVIII в., принадлежащій Ганноверской Королевской Библіотекѣ (въ составѣ сборника XXIII, 841); писанъ латинскими буквами лицомъ, дѣлавшимъ помѣтки на рукописи словаря 1710 г. Порядокъ не алфавитный, а по группамъ, составленнымъ довольно послѣдовательно по сходству значеній, съ соотвѣтственными заглавіями, какъ-то: 1) Von Gott, den Geistern etc.; 2) Von der Welt Theilen; 3) Von den Menschen, dessen Theilen, Verrichtungen, Zufällen; 4) Die Lüneburgische Wendische Sechsstädte; 5) Die benachbarten Städte sind; 6) Von der Kleidung; 7) Von essen und trinken; 8) Von Künsten und Handwercken; 9) Von Zahmen und Wilden Thieren, Vogeln und Gewürm; 10) Von Bäumen, Pflantzen, Blumen; 11) Von der Verwandschafft; 12) Von den Theilen des Hauses; 13) Vom Hausgeräthe; 14) Zahlwörter; 15) Wie man einander grüsset und dancket, willkommen heisset und zutrincket. Не изданъ.

Итакъ, мы видимъ, что въ XVII и XVIII в. было въ оборотѣ нѣсколько небольшихъ словарей полабскаго языка. Уже это одно наводитъ на мысль, что они не независимы другъ отъ друга, тѣмъ болѣе, что нѣкоторые изъ нихъ обнаруживаютъ сходство и въ расположеніи матеріала по извѣстнымъ группамъ. Ближайшее изслѣдованіе этого вопроса я пока отлагаю до того времени, когда въ рукахъ читателя будетъ полный сводъ всѣхъ памятниковъ полабскаго языка, теперь же я позволю себѣ пред-

ложить нѣсколько общихъ выводовъ, къ которымъ я пришелъ на основаніи предварительнаго изученія текстовъ. Словарь 1710 г., описанный у меня подъ № 3, и словарь подъ № IV неизвѣстнаго года находятся въ слѣдующемъ соотношеніи: словарь № IV представляетъ собою почти весь матеріалъ словаря № 3, только расположенный въ другомъ порядкѣ; отступленія въ орѳографіи незначительны и легко объясняются. Словарь Геннинга, въ составѣ сборника Ганноверской Королевской Библіотеки, о которомъ я говорилъ выше, былъ, очевидно, въ рукахъ лица, составлявшаго словарь № IV, такъ какъ въ рукописи слова отмѣчены цифрами черезъ 5 тою же рукою, которая дѣлала помѣтки въ словарѣ № 3 и которою написанъ словарь № IV. Этотъ словарь не алфавитный, а по группамъ сходныхъ по значенію словъ, при чемъ матеріала въ немъ меньше, чѣмъ въ № 3 и № IV.

Далѣе, при сравненіи словаря Геннинга со словаремъ № 3 видно, что авторъ словаря № 3 заимствовалъ отсюда часть матеріала. Остальное взято тоже изъ словаря Геннинга, но болѣе полнаго. Что касается словарей Домейера и Копенгагенскаго, то уже г. Ягичъ указалъ въ объяснительныхъ примѣчаніяхъ къ изданію этого послѣдняго, что Домейеръ воспользовался матеріаломъ Копенгагенскаго словаря. Матеріалы Пфеффингера также, повидимому, имѣютъ общій съ нимъ источникъ. Прототипъ этой второй группы словарей, насколько можно судить, восходитъ во всякомъ случаѣ въ цѣломъ не къ Геннингу [1]). Такимъ образомъ мы видимъ, что собиратели полабскихъ словъ въ значительной степени пользовались услугами Геннинга, который даже составилъ для одного изъ нихъ списокъ словъ, расположенныхъ по сходству значеній, и, какъ кажется, онъ относится не къ раннему періоду его дѣятельности, а къ той эпохѣ, когда онъ составлялъ свои словари.

Помимо перечисленныхъ мною выше памятниковъ языка полабскихъ славянъ мы имѣемъ еще цѣлый рядъ источниковъ,

---

1) Ср. приведенное мною выше замѣчаніе Геннинга о томъ, что являлись въ его мѣстность различныя лица, записывавшія полабскія слова.

откуда можемъ почерпнуть нѣкоторыя свѣдѣнія по этой части. Во-первыхъ, въ различныхъ словаряхъ, сборникахъ и т. п. произведеніяхъ, которыя были, въ большомъ ходу въ XVIII в. между прочимъ встрѣчаются и матеріалы по полабскому языку, но они не оригинальны и основаны на тѣхъ источникахъ, которые выше указаны. Во-вторыхъ, въ собраніяхъ грамотъ и актовъ тѣхъ провинцій Прусскаго королевства и нѣкоторыхъ другихъ союзныхъ государствъ, гдѣ нѣкогда жили полабы, встрѣчаются такіе акты и документы, которые содержатъ отдѣльныя полабскія слова и собственныя имена. Въ-третьихъ, топографическія названія мѣстностей, нѣкогда населенныхъ полабами, даютъ также довольно цѣнный матеріалъ. Наконецъ, въ-четвертыхъ, изслѣдованіе заимствованій изъ славянскихъ языковъ въ нижне-нѣмецкихъ говорахъ даетъ также важныя указанія и обогащаетъ нашъ запасъ свѣдѣній о полабскомъ языкѣ. Матеріалъ изъ источниковъ этихъ четырехъ категорій уже извлекали не разъ (см. напр. у Пфуля, въ русской литературѣ — у Гильфердинга, Первольфа), но, къ сожалѣнію, далеко не съ надлежащею критикою и полнотою.

Итакъ, обширный матеріалъ, не одинаковаго, впрочемъ, достоинства, дошедшій до насъ, какъ остатки языка славянскаго племени, продвинувшагося дальше своихъ сородичей на западъ и утратившаго въ неравной борьбѣ съ нѣмецкимъ элементомъ свою національность и свой языкъ, требуетъ частью изданія, а частью переизданія, а на основаніи такого критическаго изданія должны быть вновь составлены словарь и грамматика, при чемъ послѣдняя должна захватить вопросъ шире, чѣмъ то могъ въ свое время сдѣлать Шлейхеръ; именно, научное изслѣдованіе ближайшихъ родственниковъ полабскаго языка подвинулось уже настолько впередъ, что настала пора, когда историческая грамматика отдѣльныхъ славянскихъ языковъ, входящихъ въ составъ западной вѣтви, не можетъ не считаться съ цѣлымъ рядомъ эпохъ, лежащихъ между языкомъ общеславянскимъ эпохи его распаденія и позднѣйшими стадіями въ развитіи отдѣльныхъ

западно-славянскихъ языковъ. Въ видахъ посильнаго исполненія этой задачи въ ближайшемъ будущемъ я намѣренъ приступить къ печатанію матеріала, собраннаго мною во время моего путешествія, и къ разработкѣ грамматики и словаря полабскаго языка.

В. Поржезинскій.

Москва, 26-го сентября 1900 г.

Печатное изданіе «Исторіи о Казанскомъ царствѣ» 1791 г.

Какъ извѣстно, «Исторія о Казанскомъ царствѣ» была издана въ 1791 г. подъ слѣдующимъ заглавіемъ: «Исторія о Казанскомъ царствѣ неизвѣстнаго сочинителя XVI столѣтія по двумъ стариннымъ спискамъ. Въ Санкпетербургѣ, Иждивеніемъ Императорской Академіи Наукъ, 1791 года». (4 + VIII + 263 стр.).

Въ «Предувѣдомленіи» издатель говоритъ: «Разные имѣются списки сего сочиненія, изъ котораго и покойный г. Рычковъ и Лызловъ, какъ видно, почерпнули [1]). Два такіе списка стариннаго письма въ библіотекѣ Московской Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ архива подъ номерами 71 и 74 сохраняются, изъ которыхъ первый гадательно въ другой половинѣ 17-го, а послѣдній около конца 16-го или въ началѣ 17-го столѣтія писаны» [2]). Списокъ № 71 положенъ въ основаніе текста, а варіанты взяты изъ списка № 74.

Списки № 71 и № 74 хранятся и теперь въ библіотекѣ Московскаго Главнаго Архива М. И. Д., но только подъ № 48/68 (= № 71) и № 95/125 (= № 74).

---

1) Разумѣются упомянутые выше въ «Предувѣдомленіи» «Опытъ Казанской Исторіи древнихъ и среднихъ временъ, сочиненъ Петромъ Рычковымъ. Въ С.-Петербургѣ. При Императорской Академіи Наукъ 1767 года» и «Скиеская исторія» Андрея Лызлова.

2) См. «Предувѣдомленіе», стр. 1—2.

Что это, дѣйствительно, тѣ самыя рукописи, по которымъ было сдѣлано печатное изданіе «Исторіи» 1791 г., доказываетъ слѣдующее. 1) Текстъ печатнаго изданія «Исторіи» сходенъ буквально (исключая, конечно, опечатокъ, неправильно прочтенныхъ словъ, неправильнаго раздѣленія словъ) съ текстомъ списка № 48/68 (= № 71), а варіанты печатнаго изданія съ соотвѣтствующими мѣстами списка № 95/125 (= № 74). 2) Рукописи № 48/68 и № 95/125 вполнѣ подходятъ къ тому, что сказано въ «Предувѣдомленіи» о № 71 и № 74 (см. «Предувѣдомленіе», стр. 2, 3—4). 3) № 71 и № 74, написанные стариннымъ почеркомъ и чернилами, находятся на нынѣшнихъ рукописяхъ № 48/68 и № 95/125, именно на внутренней сторонѣ первой половины переплета въ № 95/125 стоитъ «74», а въ № 48/68 на 4-мъ листѣ (ненумерованномъ), вверху, есть «№ 71», при чемъ подъ № 71 идетъ оглавленіе, писанное также стариннымъ почеркомъ, которое, дѣйствительно, не совпадаетъ съ содержаніемъ списка, какъ говорится про № 71 и въ «Предувѣдомленіи» (стр. 3).

№ 95/125 (= № 74) въ 8 д. л., 10 + 249 + 2 (въ концѣ чистыхъ) листа. Въ переплетѣ съ деревянными досками, съ кожаннымъ корешкомъ. На корешкѣ: 1) (вверху) печатный ярлычекъ «38» (видно, что наклеенъ на другой), 2) (внизу) «№ 133 по оп. Арх. Ком. Дост. изъ Моск. Глав. Архива М. И. Дѣлъ». Писана рукопись разборчивой скорописью первой половины XVII в. Киновари нигдѣ нѣтъ, кромѣ первой строки текста [1]).

л. 1. «№...» [2]) Подъ №: «Історія о Казанскомъ царствѣ, и о взятіи онаго. Писана стариннымъ письмомъ XVI-го столѣтія».

л. 2—10 об.: «Оглавленіе». (Почеркъ иной, чѣмъ въ текстѣ).

1) А. Е. Викторову рукопись эта была извѣстна подъ № 38: см. Лѣтопись занятій Археогр. Комм. Вып. VII, отд. IV, стр. 8.

2) Число выскоблено. Быть можетъ, это находится въ связи съ судьбой рукописей Миллера: ихъ требовали изъ Архива въ Академію Наукъ.

. . . .

Послѣдняя глава—79: «О вѣсти бывшей с москвы государю царю отъ царицы и великія княгини лист. 246-й».

(Въ текстѣ, дѣйствительно, это послѣднее заглавіе, хотя текстъ не оканчивается указанной главой).

Послѣ л. 10 об. одинъ листъ чистый и далѣе идетъ текстъ рукописи. Счетъ листовъ отдѣльный.

л. 1: «История[1]) о казанскомъ царстви о начале царства казанскаго і о брани і о побѣдахъ великихъ князеи Московъскихъ с цари казанскими і о взятиі царства казанъскаго»[2]).

Нач.: Красныя убо и новыя повести сея достоитъ намъ радостно послушати о христоименитие людие яко же содѣяшася преславная в нашеи земли во дни наша в лѣта же православнаго благочестиваго и державнаго государя (л. 1 об.) царя и великаго князя івана васильевича всеа русиі самодержца.....

л. 238: «О приведени предъ царя і великаго князя казаньскаго царя». Въ этой главѣ нѣтъ одного листа: вставленъ листъ поновѣе, на какихъ писано и «Оглавленіе», и того же письма. Л. 238 об. кончается: «но покажи на мнѣ милость на сво (л. вставленный, ненумерованный) емъ холопе великіи царя дерзнулъ противъ твоея державы прелстихся отъ безумныхъ казанцевъ»... Конецъ вставленнаго листа: лобзая брата своего Владиміра Андреевича, царь Иванъ Васильевичъ говорилъ: «отечество наше взыскася прародителей нашихъ царство (л. 239) дящее[3]) яко [о]вьча на пустыни к намъ возвратися богъ мене смирен-

---

1) При печатаніи принято: ѧ, ꙗ = я; ѡ = о; ѹ, ȣ = у; і = і; титла раскрыты; надстрочныя буквы внесены въ строку и послѣ нихъ, смотря по надобности, поставлены ъ и ь; надстрочные знаки (паерокъ, придыханіе, точки) опущены; поставленное въ квадратныя скобки добавлено мною.

2) Все это, кромѣ первыхъ буквъ, написано киноварью.

3) Такъ.—Эта часть слова («дящее») показываетъ, что текстъ въ недостающемъ листѣ былъ, кажется, иной.

наго государемъ учинилъ в велицеи росиі і восточному царству казани»...

Кончается текстъ рукописи разсказомъ о приходѣ царя въ Троице-Сергіевъ монастырь (начало этой главы на л. 247 об.) и молитвой у мощей преп. Сергія: л. 248 об.: «по совершеніи же молебнаго пѣния прия благословение отъ игумена і отъ всея братиі молитву і поклонение і умоленъ бывъ отъ нихъ вкусити хлѣба у живоначалные троицы во обители преподобнаго (л. 249 [1]) Сергія православный же царь обѣщася имъ и по востаніи отъ трапезы благовѣрный царь пріемъ благословеніе отъ игумена и отъ братіи и поиде къ царствующему граду Москвѣ».

Далѣе половина л. 249 и л. 249 об. чистые. Послѣ л. 249— два листа ненумерованные, чистые, изъ которыхъ одинъ поновѣй (бумага такая, какъ въ «Оглавленіи»), а другой старинный, на какихъ и текстъ.

Рукопись № $^{48}/_{68}$ (= № 71 печ. изданія).— См. о ней «Предувѣдомленіе», стр. 2—4.— Въ листъ, листовъ: 5 (ненумерованныхъ) + 166 + 1 (ненумерованный); скоропись второй половины XVII вѣка. Въ бумажномъ переплетѣ. На корешкѣ: (вверху) «№ 18» (синимъ карандашемъ переправлено на «48»), (внизу) «№ 115 по оп. Арх. Ком.—Дост. изъ Моск. Глав. Архива М. И. Д. [2])».

Первыя 2 листа чистые. На л. 3 об. (почеркомъ новымъ и чернилами новыми): «Книга содержащая въ себѣ:

---

1) Этотъ листъ вставленъ. Бумага и почеркъ тѣ же, что въ «Оглавленіи».

2) А. Е. Викторову была извѣстна эта рукопись подъ № 18: см. Лѣтопись занятій Археографической Коммиссіи. Вып. VII, отд. IV, стр. 8.

5) Краткое описаніе объ образѣ и о свойствахъ земнаго круга стр. . . . . 140 на об.
6) Описаніе о птицахъ, звѣряхъ и зміяхъ по алфавиту (конца нѣтъ) стр. . . . . 163»

Далѣе половина листа 3 об. чистая.

л. 4 (почеркомъ XVIII в.) *№ 71* [1])

книга содержащая въ себѣ

Сихъ двухъ номеровъ не имѣется при сей книгѣ. {
1. Лѣтопись отъ сотворенія мира до 1661 года. Р. Хр.
2. Родословіе Россійскихъ государей отъ Рюрика до імператора петра II.
}

3. Історія о казанскомъ царствѣ и о взятіи онаго царемъ Іваномъ васильевичемъ.

4. Лѣтописецъ въ кратцѣ отъ адама, по большей части содержащій Історію о Сибири до 1670 года.

5. Переводъ съ книги именуемой *водной* миръ; сирѣчь краткое описаніе о кораблеплаваніи.

6. Краткое описаніе о образѣ и свойствахъ земного круга. (Конца у сей книги нѣтъ)».

л. 4 об. и л. 5 чистые.

л. 1 (*нумерованный* = собственно 5-ый л., отъ начала рукописи): «Повѣствуется въ историяхъ, что сенека θилосовъ, толикою памятью отъ естества одаренъ былъ, яко каталогъ (роспись) ,в именъ въ себѣ содержащиі. единою прочетъ. всѣ оные имена не токмо тѣмъ чиномъ яко же написаны бяху, но і впять без всякаго погрѣшения изустно сказати можаше.

Матридатъ дванадести двухъ народовъ сими же владяше языки толь добро знаяше, что отъ каждаго народа посланникамъ аудиенцию и отвѣтствие давалъ без переводчика.

Киръ царь персидскіи, всѣхъ воевъ своихъ (ихже превелие число бяше) имена знаяше.

---

1) Цифра «71» перечеркнута двумя чертами и все стоящее подъ № 71 перечеркнуто крестъ-на-крестъ.

Ѳемистоклъ началникъ аѳиненскиі и та. яже не хотяше памятствоваше; и яже забыти желаше, не можаше,

Сицевою превосходною памятию, аще бы вси человѣцы изобиловали, то и самыхъ мню исторіи. и книгъ издания никако же требѣ было бы.

Но понеже многшая человѣковъ часть слабую имать память, на вспоможение тоя, изобрѣтеся образъ легкаго. содержащихся въ историяхъ или в коей либо книзѣ вещей. пріискание алѳавитнымъ указаниемъ; который и на священныя ветхаго и новаго завѣта книги, рачители е божественнаго писания тщателнѣйше сочинили, нарекше оныи греческимъ языкомъ сvмфоніа латинскимъ же конкорданціа.

л. 1 об. чистый.

л. 2. «Лѣтописецъ» см. л. 3 об. (ненумерованный, въ оглавленіи, № 1)—до л. 7 об.

л. 8 и л. 9 чистые.

л. 9 об., внизу, почеркомъ XVIII в.: «якы иное есть быти метаѳрастомъ. а иное преводникомъ; метаѳрастъ бо слово до слова изображаетъ, а преводникъ силу изображаетъ»,

л. 10. «О обрѣзаниі

О обрѣзание еже уставися. лѣта мира ҂вмз прежде рождества христова ҂ацкв. авраамова же чѳ лѣта. и тако обрѣзание в совершенномъ мужескомъ уже возрастѣ терпѣти долженствовалъ»...

л. 10 об. «выракъ на иесуса пилатовъ

азъ понтіискій пилатъ, судия во иерусалимѣ, подъ непобѣдимѣйшимъ императоромъ тивериемъ, ему же благополучное щасливо буди царство, понеже на сие уставленъ есмь да по правдѣ всѣхъ и сонмищу іудейскому сужду, слышавъ и уразумѣвъ вину иісуса назарянина. его же связана іудеи привидоша, тако сужду»...

Внизу л. 10 об.: «изъ ѳеатрона историческаго».

л. 11. «речения ѳилосовская.

Приступа к началствующимъ аки до огня не зѣло облизно, да не сожешися, ни далече да не озябнеши....»

л. 12. «ис. пращицы.

В трехъ бо языцѣхъ. ими-же священное евангелие написано сначала православныя вѣры. тресловно писаша, якоже видѣти есть; матѳеи еврейскимъ языкомъ написалъ спасителево имя сице, іасѹсъ, подобнѣ и марко святыи римскимъ языкомъ написалъ сице, і҆е́сѹсъ: також де и лука святыи и іоаннъ греческимъ языкомъ і҃исъ:»

л. 12 об. чистый.

л. 13. «О затмѣніи солнца и луны.

Солнечное и лунное затмѣние откуду бываетъ, хотя у многихъ нынѣ и не за великую вещъ имѣется нежели какъ прежде бывало, обаче многия существа причины в тонкость не видуще. или поняти того не могуще. охотно познать желаютъ еже есть сице»...

л. 13 об. «вписано изъ календаря которої на лѣто 1728-е

Генварь

28 панихида по императорѣ петрѣ первомъ

ѳевраля 25 дня о коронаціи Его величества петра втораго молебенъ благодарственної

июня 28 панахида по императорѣ петрѣ первомъ»...

л. 15: «Книга глаголемая история о казанскомъ царствѣ и о взятиі его [отъ] царя і великаго князя іванна василевича всеа русиі.

И[1])стория о казанскомъ царстве глава [2]) а҃»... и т. д. отдѣльное оглавленіе «Исторіи». Послѣдняя глава о҃з; «второму [2]) же лѣту отъ рождения царевича».

л. 18 об.: Сказание вкратце о зачале царства каза́нскаго како и отку́ды і в которыя лѣта начася. и о брани и о побѣдахъ

1) Доселѣ киноварью.

2) Первыя буквы этихъ словъ киноварью.

великихъ князей Московскихъ со царьми казанскими. и о взятиі же того царства казанского отъ благочестиваго царя і великого князя іванна василевича московского і всеа росиі.

Красныя убо и новыя повести сея достоитъ намъ радосно послушати, о христоименитие люди̂е. яко же содѣяшася преславная в нашеі земли во дни наша в лѣта же преславнаго и благочестиваго царя і великого князя іванна василевича самодержца всеа русіи...».

Киноварью писаны оглавленія и первыя буквы текста главъ. Числа главъ выставлены до гл. ѯв.

л. 109: Лѣтописецъ вкратце». (См. отдѣльное оглавленіе рукописи впереди). Нач.: «Отъ адама же убо до потопа. ҂всм̃в лѣта, по потопе же убо и по ное начаша множитися на земли человѣцы...».

Кончается «Лѣтописецъ» на л. 132 об. Послѣднія слова см. въ «Предувѣдомленіи» къ печ. изд. «Исторіи», стр. 3—4.

л. 133. «Переводъ книги именуемыі водный миръ сирѣчь краткое описание о обрѣтениі первого морскаго карабелного ходу. и новыхъ незнаемыхъ земель, тако же описание о всѣхъ государствахъ краткое сказание о началѣ і дѣтстве корабелного хождения даже и до сихъ времянъ.

П[1])онеже убо всемогущему і премудреішему богу изволившу се вся яже с человѣческимъ разумомъ двоиственно осязатися не можетъ сотворити, кругловидно тончаіши же вещи, материі разделилъ моря же и землю совокупи, во единъ кругъ понеже земля в различныхъ мѣстехъ моремъ покрыт[а] [2]) во иныхъ же мѣстехъ земля возвысися надъ водами, дабы твари животныя земныя і водныя каждую свою пищу и потребу приобретали, человѣкъ же аще дражаишая есть тварь іже иногда и руками божиіма сотворенъ обаче же сначала велми недоразумителенъ бысть дабы се великое здание и чюдеса того достоіно

---

1) Доселѣ киноварью.— Позволяю себѣ выписать нѣсколькими строчками больше, чтобы дать нѣкоторое представленіе о слогѣ перевода.

2) Въ рукописи: покрыто.

умныма очима возрилъ наипаче же в потребленіі хожденія морскаго к которому дѣлу із давнихъ временъ учения (л. 133 об.) и показания требовали яко же ине приобрели.

П[1])овемъ же ныне мало о хожденіі корабелнемъ по морю древнихъ...».

л. 140 об.: «краткое описание, обьявление о образѣ и свойства[хъ] земнаго круга.

Б[2])огъ вѣчный і всемогуящаі изъ начала своею премудростию неизреченною весь миръ не изъ чего же сотворилъ...».

л. 163: «О птицахъ і о звѣрехъ д[и]виіхъ и о змияхъ великихъ выписано изъ алѳавита.

Алканостъ птица імѣетъ гнездо на брезѣ песка во краі морѧ и тутъ кладетъ яица свои...».

Недостатки изданія «Исторіи о Казанскомъ царствѣ» 1791 г. были указываемы не разъ[3]). Археографическая Коммиссія, какъ извѣстно, постановила издать такъ называемый Казанскій лѣтописецъ (=«Исторію»), и поручила изданіе А. Е. Викторову, но, за болѣзнью, А. Е. Викторовъ, начавъ работу, отказался отъ

1) Эта буква киноварью.

2) Доселѣ киноварью.

3) См. Казанскія губернскія вѣдомости 1857, № 18 стр. 157: «Нѣсколько словъ о «Казанской исторіи», послѣсловіе къ статьѣ г. Пупарева». (Статья А. Г. Пупарева — въ Казанскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ 1857, № 13—16: «Одинъ изъ списковъ Исторіи о Казанскомъ царствѣ»); Чтенія Моск. Общества Исторіи и Древностей 1883, кн. 2: «Свѣдѣніе о нѣкоторыхъ славянскихъ рукописяхъ, поступившихъ изъ книгохранилища св. Троицкой Сергіевой Лавры въ библіотеку Троицкой Духовной Семинаріи въ 1747 г. Сообщилъ архим. Леонидъ». Стр. 129; А. И. Артемьева, «Описаніе рукописей, хранящихся въ библіотекѣ Имп. Казанскаго Университета», въ «Лѣтопись занятій Археографической Коммиссіи. 1876—1877 гг.». Вып. VII. Спб. 1884. Стр. 37. С. М. Шпилевскаго, Древніе города и другіе булгарско-татарскіе памятники въ Казанской губерніи. Казань. 1877. Стр. 556; митр. Евгенія, Словарь писателей духовнаго чина. Ч. I, стр. 273; Филарета, Обзоръ русской духовной литературы. Изданіе 3-е. Спб. 1884, стр. 142.

изданія. Коммиссія постановила объ изданіи «лѣтописца» «возобновить сужденіе въ одномъ изъ слѣдующихъ засѣданій» [1]).

Съ своей стороны считаю нужнымъ сказать, что, не смотря на всѣ указанные недостатки изданія 1791 г., нельзя не обратить вниманія на то, что именно выборъ списковъ былъ сдѣланъ рукой опытной. И до нашего времени сохранилось (а въ XVIII вѣкѣ, быть можетъ, еще больше было) достаточное количество списковъ «Исторіи», около 170 (мнѣ, по крайней мѣрѣ, извѣстно столько до сихъ поръ) [2]); но, какъ будетъ указано въ другомъ мѣстѣ, при такомъ большомъ количествѣ, строго говоря, не встрѣчается большого разнообразія. По моему мнѣнію, было собственно двѣ редакціи. Списки «№ 71» (= № $^{48}/_{68}$) и «№ 74» (= № $^{95}/_{125}$), по которымъ было сдѣлано изданіе «Исторіи», именно списки двухъ различныхъ редакцій.

Сдѣлано ли было это случайно, т. е. «№ 74» (= № $^{95}/_{125}$) взятъ былъ какъ старѣйшій списокъ, а «№ 71» (= № $^{48}/_{68}$)— какъ болѣе полный списокъ? Въ этомъ отношеніи, мнѣ кажется, нельзя не обратить вниманія на то, что оба списка «№ 71» и «№ 74» нѣкогда принадлежали Г. Ф. Миллеру [3]) и что изданіе

1) См. «Лѣтопись занятій Археографической Коммиссіи за четыре года», вып. V, Спб. 1871, отд. IV, стр. 168—169; вып. VII, за 1878—81 г. Спб. 1888, отд. IV, стр. 8; вып. VI, стр. 11.—А. Е. Викторовъ уже началъ-было работу по изданію, что можно, напримѣръ, видѣть изъ замѣтокъ (карандашомъ) въ рукописи Ундольскаго № 774. Въ этой же рукописи есть листки, писанныя рукой А. Е. Викторова и содержащія дополненія къ тексту рукописи Ундольскаго. № 774: см. «Славяно-русскія рукописи В. М. Ундольскаго. Изданіе Московскаго Публичнаго и Румянцовскаго Музеевъ». М. 1870. Стр. 22.—Описаніе рукописи Ундольскаго № 774 въ статьѣ Г. Кунцевича. «Исторія о Казанскомъ царствѣ. (Ея списки)». Стр. 39—54. [Печатается].

2) Въ этотъ счетъ, за весьма небольшимъ исключеніемъ, не вошли хронографы, которые уже во второй редакціи имѣютъ «Исторію»: см. «А. Поповъ. Обзоръ хронографовъ». Вып. II, стр. 135—136.

3) См. Князь Н. В. Голицынъ. «Портфели Г. Ф. Миллера». М. 1899. Стр. 22. Ср. «Предувѣдомленіе» къ «Исторіи», стр. 2—4 и мои замѣтки о спискахъ «№ 71» и «№ 74». Въ каталогѣ рукописей библіотеки М. Главнаго Архива М. И. Д. листки съ указаніемъ нѣкоторыхъ рукописей Миллера лежатъ почти въ такомъ же порядкѣ, какъ указано на стр. 22 въ книгѣ Н. В. Голицына «Портфели Г. Ф. Миллера», и карандашомъ написаны соотвѣтствующіе нумера «по старому каталогу».

было сдѣлано лицомъ, жившимъ въ Москвѣ и, болѣе или менѣе, извѣстнымъ Академіи Наукъ [1]).

Г. Кунцевичъ.

---

1) «Исторія о Казанскомъ царствѣ» была напечатана «Въ Санкпетербургѣ, иждивеніемъ Императорской Академіи Наукъ, 1791 года». Подъ «Предувѣдомленіемъ» подпись:

«Въ Москвѣ
1790 г. Э. С.»
Октября 10 дня.

Общераспространенное мнѣніе, что «Исторія» была издана Стриттеромъ: см., напр., А. Поповъ. Обзоръ хронографовъ. Вып. II, стр. 185; В. С. Иконниковъ. Опытъ русской исторіографіи. Т. I, кн. 1, дополненія, стр. XLI.— Ср. «Отчеты о занятіяхъ и изданіяхъ Археографической Коммиссіи за 25-лѣтіе ея существованія (1834—1859) и рѣчи, читанныя въ Публичномъ ея собраніи 27 декабря 1859 г.» Спб. 1860. Здѣсь, на стр. 55—81, статья А. Ѳ. Бычкова: «Обзоръ хода изданія лѣтописей въ Россіи». Стр. 66 пр. 27: объ изданіи «Исторіи о Казанскомъ царствѣ» 1791 г. *не* сказано, что оно было сдѣлано Стриттеромъ).— Стриттеръ, замѣститель Миллера, съ 1783 г., по Московскому архиву иностранной коллегіи, называлъ себя «Иваномъ»: см. напр., «Исторія россійскаго государства, сочиненная Статскимъ совѣтникамъ и Кавалеромъ *Иваномъ Стриттеромъ*. Часть I. Въ Санкпетербургѣ, 1800 года. Печатано у содержателя Типографіи Коммиссіи объ учрежденіи Школъ, Ѳедора Брункова». Подъ «Предисловіемъ» подпись: «*Иванъ Стриттеръ*». См. тоже ч. II и III (онѣ изданы «по Высочайшему повелѣнію Коммиссіею объ учрежденіи народныхъ училищъ. Въ Санкпетербургѣ, при Императорской Академіи Наукъ», ч. II въ 1801 г., ч. III, въ 1802 г.). Настоящее имя Стриттера было Іоганъ-Готлибъ.

П. Д. Боборыкинъ, Европейскій романъ въ XIX-мъ столѣтіи. Романъ на западѣ за двѣ трети вѣка. Спб. 1900.

Художникъ-писатель мыслитъ и обобщаетъ о̀бразами; теоретическія обобщенія на почвѣ его личной практики или въ границахъ того литературнаго рода, которому онъ самъ служилъ, ему не всегда удаются. Причинъ тому нѣсколько; самая невинная—субъективизмъ писателя, хотя бы проповѣдника объективности и детерминизма. «Опытъ» по теоріи романа Шпильгагена такъ же неудаченъ, какъ изслѣдованіе г. Боборыкина, первый, недавно вышедшій томъ котораго имѣетъ самостоятельное, принципіальное для автора значеніе, почему и можетъ быть разсмотрѣнъ особо.

Это—плодъ десятилѣтней подготовительной работы, старыхъ и повторенныхъ чтеній въ области шести западныхъ литературъ, и притомъ въ оригинальныхъ текстахъ (стр. XII). Оговорку автора, что онъ бралъ «матеріалъ, болѣе или менѣе извѣстный всѣмъ образованнымъ людямъ, у насъ и за границей» (стр. XIII), я вмѣняю писательской скромности; дѣло, впрочемъ, не въ матеріалѣ, а въ постановкѣ литературно-историческаго метода, который авторъ считаетъ почему-то новымъ, себя его провозвѣстникомъ, и въ примѣненіи этого метода къ эволюціи романа. Главная задача труда, говорится въ одномъ мѣстѣ, «относится не къ эрудиціи въ тѣсномъ смыслѣ, а къ обобщающей обработкѣ того, что̀ предполагается уже болѣе или менѣе извѣстнымъ» (стр. XIV). Подъ эрудиціей подразумѣвается, очевидно, накопленіе фактовъ—для фактовъ; г. Боборыкинъ виновенъ не столько въ этомъ своеобразномъ пониманіи термина, сколько въ предположеніи, что его читателямъ извѣстенъ матеріалъ, который онъ обобщаетъ, и всѣ они согласились съ нимъ въ томъ, что̀ такое романъ, что̀ такое сокращенный романъ—новелла (стр. 425), о которой авторъ вспомнилъ лишь въ отдѣлѣ «пробѣловъ и недосказовъ» (сл. Послѣсловіе), многіе изъ которыхъ эрудитъ бы не допустилъ. Мы не требуемъ отъ автора формулы, Боже упаси, а все-же

чего-нибудь болѣе опредѣленнаго, чѣмъ слѣдующая: «романъ вбираетъ въ себя, въ той фазѣ развитія, до которой онъ дошелъ, всѣ рессурсы трехъ установленныхъ (?) формъ поэтическаго творчества вообще: эпоса, лирики и драмы, представляя собою разновидность эпическаго творчества» (стр. 41). Это формула Гюйо (стр. 129), но Гюйо не писалъ спеціально объ эволюціи романа; отъ автора мы вправѣ были ожидать постановки основной «вѣхи», которая дала бы намъ возможность оріентироваться въ послѣдующихъ обобщеніяхъ. И напрасно онъ косится на эрудита: эрудитъ, быть можетъ, ничего бы не обобщилъ, но навѣрно спросилъ бы себя: слѣдуетъ-ли ему считаться съ романами въ стихахъ, составляетъ ли форма изложенія какую-нибудь существенную разницу между ними и романами въ прозѣ? Для автора этотъ вопросъ остается неяснымъ до конца: на стр. 225 онъ говоритъ о Чайльдъ-Гарольдѣ и Донъ Жуанѣ Байрона, «хотя и стихотворныхъ поэмахъ, но принадлежащихъ къ области романа» (сл. стр. 265), хотя бы косвенно (стр. 324). Оказывается, что такое причисленіе позволительно (стр. 398), что стихотворная форма не мѣшаетъ отнести Пана Тадеуша «къ тому виду эпической поэзіи, какой принято называть теперь романомъ, точно такъ же, какъ и нашего Евгенія Онѣгина», съ котораго авторъ считаетъ «дѣйствительное нарожденіе художественно-реальнаго русскаго романа» (стр. 557); что если Ламартиновскій Жосленъ не попалъ въ его обзоръ, то потому, что не представлялъ никакихъ новыхъ пріобрѣтеній творчества. И тутъ-же замѣтка: что если бы расширить стихотворнымъ романомъ рамки изслѣдованія, то его первенствующій объектъ, романъ въ прозаической формѣ, рисковалъ бы потерять свое главное мѣсто (стр. 607; сл. стр. 601: о Гейне). Этого, признаться, мы не понимаемъ; впрочемъ, на стр. 494 авторъ отдѣляетъ повѣствовательную прозу, разумѣя романъ, отъ «поэзіи въ тѣсномъ смыслѣ», т. е., какъ онъ самъ поясняетъ, отъ стихотворныхъ произведеній лирическаго и эпическаго рода.

Книга г. Боборыкина распадается на два отдѣла: методическій и историческій, изъ которыхъ первый дѣлится на двѣ части—отрицательную (Художественно-литературная критика въ XIX вѣкѣ, стр. 54 слѣд.) и положительную (Жизнь и Творчество, стр. 164 слѣд.; Содержаніе романа въ его развитіи, стр. 191 слѣд.; Эволюція пріемовъ мастерства, стр. 223 слѣд.); второй отдѣлъ трактуетъ о главныхъ вѣхахъ западнаго романа (стр. 371 слѣд.). Главы о Читающей публикѣ (стр. 150 слѣд.), о Между-литературныхъ вліяніяхъ

(стр. 252 слѣд.), о Личности и судьбѣ писателей (стр. 302 слѣд.) вторгаются въ планъ книги, порой затемняя его.

Мнѣ желательно было овладѣть этимъ планомъ, что не легко: г. Боборыкинъ пишетъ для большой публики, просторно и дискурсивно рьяно и плодовито, какъ самъ онъ о комъ-то выразился, повторяясь и не разъ резюмируя себя въ словахъ «Отъ автора» (стр. IX слѣд.), въ Предисловіи (стр. XVII слѣд.), въ Введеніи (стр. 1 слѣд.), въ Выводахъ (стр. 589 слѣд.), въ Послѣсловіи (стр. 597 слѣд.); какъ будто ищетъ пути или желаетъ кого-то убѣдить. И «письмо» его, чтобы выразиться его терминомъ, не всегда внятно, порой до халатности небрежно. «Попутно забирая множество лицъ и эпизодовъ, пришлось (Гуцкову въ Римскомъ Волшебникѣ) нанизывать ихъ на одну якобы руководящую нить, не сдерживая своего чисто авторскаго желанія набить свою вещь пикантнымъ внѣшнимъ интересомъ или эффектно-тенденціознымъ добромъ» (стр. 475); послѣ Гуцкова «въ нѣмецкой беллетристикѣ поднялись требованія въ сторону реальной правды, и предметомъ литературнаго изображенія дѣлались нравы, люди, природа, съ гораздо большей заботой о вѣрности наблюденія, о передачѣ настоящаго колорита, о болѣе требовательномъ мастерствѣ воспроизведенія» (стр. 478); Вальтеръ Скоттъ своими романами «поддерживалъ постоянную связь публики съ судьбами отечества» (стр. 495); Диккенсъ облекалъ все, чему сочувствовалъ, «въ налетъ поэтическихъ настроеній» (стр. 505) и т. д.—Нѣсколько соображеній способенъ вызвать и словарь автора. Я не говорю о выраженіяхъ, въ которыхъ каждый узнаетъ писателя реалиста, любителя «красочныхъ» эффектовъ и живописной правды, оберегающаго собственность такой фразы, какъ «мирное завоеваніе русскимъ романомъ западной Европы» (стр. 294, прим. *): «это выраженіе было впервые употреблено въ нашей печати авторомъ настоящаго труда»), дорожащаго, вѣроятно, и картинностью слѣдующихъ оборотовъ и словъ: *напирать* на что-нибудь (настаивать, обращать особое вниманіе); «романъ *вбираетъ* въ себя... всѣ ресурсы» (стр. 41); Жоржъ Зандъ съ необычайной жадностью *вбирала* въ себя чтенія (стр. 327); Notre Dame de Paris, по сюжету и пріемамъ, *отлиняла* (= отразилась, повліяла) на сверстникахъ Гюго (стр. 268), Жоржъ-Зандъ—на цѣлую эпоху (стр. 281), на Нодье отлиняли Гёте и Юнгъ и т. д. (стр. 605); *почвенная* беллетристика (стр. 498); человѣкъ *бытовой*, какъ нынче выражаются, а не кабинетный (стр. 495); *мизерабельная* смерть (стр. 526); *злободневный*, что самъ авторъ признаетъ жаргономъ (стр. 483); вѣхи, не только *дви-*

гательныя (стр. 381), но и *поступательныя* (стр. 607), что граничитъ съ чудомъ; *рѣзвое* творчество (стр. 352); *дѣлечество* (стр. 317, 327) подъ стать *маньячеству*; жизнь, какъ *свалка* аппетитовъ и грубыхъ страстей (стр. 431, 437, 441). — Легче, впрочемъ, «*отпрепаривать*.... вліяніе» (стр. 267; сл. стр. 436: отпрепаровка главной страсти) подобныхъ выраженій на читателя, чѣмъ освоиться съ отвлеченнымъ словаремъ автора, съ цѣнностью, которую онъ даетъ такимъ терминамъ, какъ *эсто-психологіи, психо-общественный, психо-бытовой*, какъ *собирательная творческая психія* европейскаго человѣчества въ взаимодѣйствіи избраннаго меньшинства и массы, массы и маленькой кучки людей, считающихъ себя (?) яркими выразителями духа эпохи; кучки и отдѣльныхъ умовъ и талантовъ, получающихъ значеніе чего-то какъ бы независимаго отъ общаго хода развитія литературнаго творчества (стр. XIII, 160—1, 185, 187, 259; сл. 262, 282—3). Значеніе «собирательной психіи» сокращается по мѣрѣ того, какъ мы подвигаемся въ глубь книги: авторъ не съумѣлъ съ ней совладать, какъ не совладалъ съ другими ходячими отвлеченностями, которыми орудуетъ не всегда вразумительно. По смыслу своей задачи онъ не могъ безъ нихъ обойтись, онъ видимо ихъ любитъ, играетъ ими, какъ другіе играютъ въ порочный «*экзотизмъ*» (стр. 427), но въ его рукахъ они таятъ, и читателю не всегда удается вкусить отъ ихъ смысла. На стр. 205 я встрѣчаю напр. рубрику «*идея*», «что обозначается словомъ *замыселъ*, которое болѣе цѣльно выражаетъ тотъ моментъ (?), когда въ душѣ писателя зарождается творческое ядро произведенія». Очевидно, идея здѣсь = поэтическій замыселъ; далѣе говорится *объ идеяхъ «въ тѣсномъ смыслѣ»* («въ настоящемъ коренномъ значеніи»), философскихъ и этико-соціальныхъ. Это не то, что творческія идеи = органическіе замыслы, которые художникъ либо находитъ въ себѣ «внезапнымъ обнаруженіемъ непроизвольной творческой работы», либо пріобрѣтаетъ «путемъ усвоенія жизненнаго матеріала»; далѣе онѣ характеризуются, какъ «единство, совокупность цѣлаго синтетическаго образа».—«Въ исторіи развитія замысловъ (т. е. творческихъ идей поэтическихъ произведеній) въ романѣ XIX вѣка до 60-хъ годовъ включительно мы видимъ, какъ идеи (въ тѣсномъ смыслѣ: философскія и т. д.) дѣлались все болѣе и болѣе *способными* на творческую обработку, расширяли содержаніе замысловъ, дѣлали ихъ крупнѣе по своему общечеловѣческому значенію, заключали въ себѣ и болѣе здоровые жизненные идеалы» (стр. 209, 211, 592—3). Выражаясь проще: философскія и другія идеи «въ тѣсномъ смыслѣ»

отражались послѣдовательно въ поэтическихъ замыслахъ и образахъ, расширяя ихъ содержаніе. Это не ново, наблюдалось и не въ одномъ XIX-мъ вѣкѣ; что разумѣетъ авторъ подъ *способностью* идей «въ тѣсномъ смыслѣ» на творческую обработку, на проникновеніе въ замыслы, остается его тайной: о Донъ Кихотѣ говорится въ другомъ мѣстѣ, что его идея (въ тѣсномъ смыслѣ) заключала въ себѣ жизненный матеріалъ, который напрашивался на образное воспроизведеніе (=замыселъ, сл. стр. 225); можно точно также говорить, и съ большимъ, пожалуй, основаніемъ, о способности замысловъ обновляться содержаніемъ наростающихъ въ обществѣ идей.

Все это разсужденіе, внушенное желаніемъ выяснить понятіе поэтическаго замысла, совершенно не приготовляетъ къ опредѣленію, падающему, какъ снѣгъ на голову: что это—единство, совокупность цѣлаго синтетическаго *образа*.— Тавтологія вмѣсто объясненія.

Возвращаюсь къ плану книги. Мнѣ кажется, авторъ неясно представлялъ себѣ логическое соотношеніе двухъ ея отдѣловъ; иначе не соединилъ бы ихъ подъ однимъ заглавіемъ. Во введеніи и первыхъ частяхъ труда онъ ратуетъ противъ тѣхъ, которые обрабатываютъ различные виды изящной литературы съ цѣлями, сторонними области прекраснаго, выставляя на первый планъ нравственное или утилитарное значеніе литературнаго продукта, либо руководясь въ своихъ сужденіяхъ безпринципнымъ, субъективнымъ дилеттантствомъ. «Всѣ эти направленія, играющія еще роль въ современной критикѣ изящной литературы, неминуемо связаны съ системой *приговоровъ, похвалъ и порицаній*, противъ которой въ послѣдніе годы стали раздаваться, особенно на западѣ, протестующіе голоса тѣхъ, кто ратуетъ за болѣе научные пріемы критики. Эта система будетъ держаться до тѣхъ поръ, пока оцѣнка не явится результатомъ объективнаго обслѣдованія того, какъ данная область творчества двигалась и почему она дала тѣ или другіе результаты» (стр. 7—8). Другими словами: изученіе законовъ, по которымъ совершается эволюція поэтическаго творчества, установитъ объективныя мѣрила и опредѣлитъ относительныя цѣнности тамъ, гдѣ теперь царитъ произволъ похвалъ и порицаній. «До сихъ поръ большинство критиковъ довольствуется пріемами оцѣнщиковъ, которые позволяютъ себѣ безповоротно судить, произнося похвалы и порицанія. Эволюціонный принципъ и могъ бы очистить критику отъ такого рода пріемовъ» (стр. 33). По своимъ воззрѣніямъ на задачу критика-естествоиспытателя Сентъ-Бевъ, «долженъ былъ

бы воздерживаться отъ приговоровъ, въ которыхъ есть что-либо больше или меньше того, что̀ прямо вытекаетъ изъ предварительнаго обслѣдованія творческой жизни писателя». Его личная жизнь несомнѣнно отражалась на тонѣ тѣхъ или иныхъ сужденій, «онъ бывалъ и слишкомъ строгъ, и слишкомъ снисходителенъ» и т. д. (стр. 78). Онъ *не былъ достаточно объективенъ*, можетъ быть потому, объясняетъ г. Боборыкинъ, что, какъ стихотворецъ и романистъ не добился крупнаго имени (ib.); за нѣсколько страницъ (стр. 72—3) читаемъ, какъ разъ, обратное: «какъ романистъ и поэтъ, онъ (Сентъ-Бёвъ) не занялъ выдающагося положенія, и это обстоятельство отразилось на его *критическомъ безпристрастіи*»!

Будемъ надѣяться, что эволюціонная критика избѣгнетъ въ будущемъ подобныхъ противорѣчій; пока въ лицѣ г. Боборыкина она не только не сдѣлала никакихъ пріобрѣтеній, не выяснила никакихъ законовъ, которые можно было бы, по выраженію автора, отнести на ея активъ (стр. 403; сл. стр. 448), но и потопила въ неясной фразеологіи нѣсколько уже добытыхъ въ этой области результатовъ. Когда читатель, осилившій первую часть книги, гдѣ отмѣняются старые и водружаются новые принципы, переходитъ ко второй, гдѣ указываются «вѣхи, какія были вбиваемы отдѣльными продуктами единичной и собирательной человѣческой психіи» (стр. XVIII) на пути развитія романа, онъ невольно поставитъ себѣ вопросъ, какой новый принципъ будетъ руководить выборомъ вѣхъ, и пріятно изумится, увидѣвъ, что все осталось по прежнему, по обычному, что авторъ забылъ молодыя проказы первой части и незамѣтно для себя вернулся къ старой табели о рангахъ.

Обозрѣніе «вѣхъ» совершается въ лишь ограниченной мѣрѣ по шести литературамъ; приняты во вниманіе собственно три: французская, нѣмецкая и англійская; первая беретъ перевѣсъ, авторъ, очевидно, съ нею болѣе и знакомъ, чѣмъ напр. съ нѣмецкой, въ обозрѣніи которой есть недоборы. Такъ Люцинда Фридриха Шлегеля упомянута лишь въ примѣчаніи къ Алфавитному указателю, чѣмъ и объясняется, что проповѣдь женской эманципаціи и свободной любви отодвинута въ исторіи нѣмецкаго романа къ вліянію Жоржъ Занда (стр. 463), тогда какъ Wally Гуцкова (1835) повторяетъ идеи Люцинды (1799 г.). Хронологическія границы обозрѣнія указаны въ заглавіи; захватывается въ извѣстной мѣрѣ XVIII-й (напр. Руссо); менѣе XVII-й вѣкъ; далѣе горизонты теряются, и можно было-бы пожалѣть о томъ, еслибы авторъ серьезно сталъ на эволюціонную точку зрѣнія: процессы литературной эволюціи повторяются, и эти

повторенія даютъ впечатлѣніе нѣкоторой законности. Но г. Боборыкинъ всецѣло стоитъ теперь на почвѣ приговоровъ, похвалъ и порицаній, работаетъ тѣми же опредѣленіями и рубриками, суетность которыхъ призналъ, ставя ихъ въ укоръ старой критической школѣ: лжеклассицизмъ, романтизмъ, реализмъ, натурализмъ (стр. 10 слѣд.). Чтобы имѣть нѣкоторое право орудовать этими понятіями, надо, чтобы авторъ освѣдомилъ насъ, что̀ онъ подъ ними разумѣетъ и не забывалъ бы—хронологіи. По поводу романтизма, напр., сказано, что его необузданный субъективизмъ съ безпорядочными полетами фантазіи былъ подготовительною ступенью къ художественному реальному творчеству, помогалъ широкому захвату реальной дѣйствительности въ области европейскаго романа новой эпохи (стр. 398, 399). Сказано это, между прочемъ, по поводу Гофмана и Жанъ Поль- Рихтера; а реализмъ Стендаля и Бальзака даетъ поводъ къ такимъ соображеніямъ: «Не нужно забывать, что въ 1830 году романтизмъ былъ еще въ полномъ ходу. Что̀ представлялъ онъ собою въ первую треть вѣка? Торжество фантазіи и чувства, эмоціи, протестъ опять-таки во имя страсти, свободы вплоть до самыхъ крайнихъ эксцессовъ. Этимъ и поддерживался тотъ субъективизмъ, которому нанесла ударъ художественно-реальная беллетристика у Стендаля и Бальзака» (стр. 445). О подготовительномъ значеніи романтизма авторъ забылъ, забылъ, что въ первую треть вѣка онъ не уходилъ въ однѣ эмоціи—и забываетъ намъ сказать, что Бальзакъ читалъ Гофмана, что не только Бальзакъ, но и другіе французскіе романисты испытали его вліяніе. Детальныя описанія Бальзака, полныя часто ненужныхъ подробностей, нерѣдко напоминающія магазинъ старьевщика или антиквара, трактуетъ-ли онъ о политикѣ или химіи, медицинѣ или парфюмеріи—этотъ жанръ описаній, явившійся чѣмъ-то новымъ во Франціи 1830—40-хъ, навѣянъ Гофманомъ. Я привелъ мнѣніе Брюнетьера; авторъ могъ-бы отмѣтить это, когда объяснялъ въ Послѣсловіи (стр. 598), почему не разбиралъ отдѣльныхъ произведеній Ж. П. Рихтера и Гофмана, какъ «epochemachend», онъ предпочелъ ограничиться указаніемъ, «какіе новые, для Германіи, элементы творческаго содержанія и манеры, тона и писательской фантазіи они ввели въ общій поступательный ходъ беллетристической эволюціи». Къ Германіи, оказывается, слѣдуетъ присоединить и Францію, чѣмъ не отрицается воздѣйствіе французской беллетристики на нѣмецкую (стр. 461).

Элементы творческаго содержанія, оттѣнки писательской фантазіи даютъ понятіе о цѣломъ рядѣ такихъ-же выраженій или

опредѣленій, украшающихъ ту или другую вѣху, напр. *поэтическая правда*, *жизненная правда*, *творческій реализмъ*, *внутренняя интуиція* (стр. 481) и т. д.; вѣрность, точность и гораздо бóльшая трезвость чувствуется въ Chartreuse de Parme по сравненію съ описаніями Виктора Гюго (стр. 412); у Фрейтага не было творческой силы Диккенса, за то чувство художнической требовательности выше (стр. 492) и т. п. Вы охотнѣе миритесь съ эпитетами: огромный, крупный, крупнѣйшій, чѣмъ съ отвлеченной, невѣсомой фразеологіей, которой поступательно измѣряется «удѣльный вѣсъ» писателей, ихъ «сортъ»; я считаю себя вправѣ перенести на нихъ сказанное о читателяхъ съ запросами «сортомъ повыше» (стр. 410). Полагаю, что самъ авторъ, такъ рьяно выступившій противъ системы приговоровъ, удивился, перечитавъ свою книгу и очутившись — въ необойденномъ домѣ. Напрасно онъ увѣряетъ себя и насъ на послѣдней страницѣ (стр. 609), что онъ давалъ не приговоры, а *оцѣнки*, сравнительныя опредѣленія достоинствъ и недостатковъ того или другого произведенія по отношенію къ тому, чтò было позади и чтò явилось позднѣе; безъ этого, говоритъ онъ, нельзя вѣдь и «ставить никакихъ вѣхъ творческой и художнической эволюціи». Дѣйствительно нельзя, пока не выработаны ея законы, чего авторъ не сдѣлалъ, а послѣдовательность не эволюція, если не внести въ нее условный принципъ и не принять его логическое развитіе за историческое. Для автора напримѣръ романъ XIX-го вѣка развивается, хотя и съ колебаніями (сл. стр. 232: Вертеръ, Рене, Оберманъ представляютъ собою *регрессъ* въ смыслѣ объективности формы), по линіи отъ субъективизма къ объективности, отъ условности къ реализму, къ реальному роману, типомъ котораго является бальзаковскій. Предположимъ, что это фактически вѣрно, — это будетъ послѣдовательность, но если на реальный романъ станутъ смотрѣть какъ на итогъ какого-то нормальнаго, органическаго развитія, это я сочту приговоромъ, оцѣнкой, аттестатомъ, выданнымъ извѣстному литературному жанру. Эта аттестація и проходитъ красной нитью по книгѣ г. Боборыкина, и онъ принимаетъ ее за эволюцію: бальзаковскій романъ — это «созидающій (?) организмъ», служащій главной задачѣ изящной литературы XIX вѣка: «захватывать какъ можно ярче, правдивѣе и проникновеннѣе суть современной дѣйствительности, угадывать и воспроизводить главныя теченія психической жизни, принимающей въ условіяхъ данной общительности (?) характерныя формы, проявляющей себя въ цѣломъ рядѣ типовъ и портретовъ, въ своеобразныхъ особенностяхъ частныхъ и

общественныхъ нравовъ» (стр. 186). Такой романъ, жизненный, *нормальный* (стр. 218), ищетъ соотвѣтствія «съ объективной научной правдой»; эта правда, «знаніе, основанное на точномъ наблюденіи», является «почвой, грунтомъ» для всякой литературной работы, претендующей на художественную правду (стр. 444—5); художественная правда — «сліяніе наблюдательности (воспріятій отъ научной, жизненной правды) съ чисто творческимъ починомъ», превращающимъ воспріятія «въ самобытные образы», такъ, чтобы «изъ реальныхъ подробностей жизни, схваченныхъ художникомъ, «выдѣлялось нѣчто особенное, чтобы получалось впечатлѣніе, говорящее въ развитомъ читателѣ тому, что̀ мы называемъ чувствомъ прекраснаго» (стр. 446—447). Вотъ это и есть художественный реализмъ; въ сущности авторъ повторилъ опредѣленіе, данное имъ выше (сл. стр. 4—5) по поводу отношенія жизненныхъ идей къ идеямъ-замысламъ-о̀бразамъ: то-же сліяніе жизненной правды съ художественной, съ творческимъ почином и самобытными о̀бразами, то-же отрицаніе всего, что̀ называется направленіемъ (стр. 593), предвзятыхъ намѣреній въ изящномъ творчествѣ (стр. 523), субъективизма, несовмѣстнаго съ его задачами (стр. 528), идеализаціи чувствительности (стр. 547), юмора и сатиры, въ которыхъ писательское *я* мѣшаетъ «свободному созерцанію» жизненной правды (сл. стр. 506 слѣд.; сл. стр. 512, 520, 583), и притомъ не всей правды, а избранной, потому что изображенію особенныхъ психическихъ настроеній и страстей (какъ напр. у Эдгара Поэ, стр. 526) нѣтъ мѣста въ беллетристикѣ, стремящейся« къ воспроизведенію *правдивыхъ нормъ жизни*» (сл. ограниченіе на стр. 530).

Что такое «правдивыя нормы жизни», какъ не одно изъ субъективныхъ опредѣленій-приговоровъ, непозволительныхъ при эволюціонномъ методѣ? (стр. 609). Что такое реализмъ, какъ не субъективная категорія, опредѣляющая зрительный уголъ извѣстнаго меньшинства? Авторъ противополагаетъ его разнымъ условностямъ (стр. 168), хотя бы классической теоріи поэзіи, мѣшавшей художественной правдѣ (стр. 185), стилистическимъ традиціямъ и пріемамъ, отъ которыхъ не освобождались даже геніальные люди (стр. 246, 251, 390), тогда какъ о лицахъ Бальзака говорится, что они «удалились отъ всѣхъ прежнихъ условныхъ символовъ, чтобы зажить сложной и полной жизнью» (стр. 436). Дѣло идетъ, стало быть, объ условностяхъ въ пониманіи жизненной и художественной правды, условностяхъ, побѣжденныхъ реализмомъ. Но я не вижу здѣсь противорѣчій. Жизнь стала сложнѣе, общественная роль писателя от-

крыла ему болѣе широкіе районы наблюденій, но для французскаго классика XVII вѣка жизнь съ ея идейнымъ содержаніемъ, ограниченнымъ кругозоромъ сословія и двора, была такимъ-же предметомъ наблюденій и воспріятій, такой же жизненной правдой, какъ для Бальзака матеріалъ его Человѣческой комедіи; документовъ по человѣческой природѣ (стр. 433) было меньше, но интересъ къ нимъ не менѣе интензивенъ. Что касается правды художественной, то она всегда условна, адэкватна реальности, жизненной правдѣ на столько, на сколько она для извѣстной литературной эпохи, для ея «меньшинства», суггестивна, дозволяетъ досказывать недосказанное до полноты реальнаго впечатлѣнія или вызываемаго реальностью чувства. Когда живопись изображала близкое и далекое на одной плоскости, зритель несомнѣнно видѣлъ въ ней несуществующую для насъ даль; мы требуемъ перспективы. Это «теперешній нашъ аршинъ», какъ выразился авторъ о Жоржъ Зандѣ, говоря, что на нашъ вкусъ она претворяетъ жизнь недостаточно объективно (стр. 467); такъ и стиль Бальзака не высоко стоитъ «на теперешній вкусъ» (стр. 242). Въ этомъ смыслѣ дантовскій символизмъ также условенъ — и вмѣстѣ реаленъ, какъ описанія bric-à-brac реалистическаго романа. Символизмъ (о немъ нѣсколько сомнѣній мимоходомъ, стр. 204—5, 588) и реализмъ, въ отношеніи къ художественной правдѣ, лишь различныя выраженія одной и той-же условности; не направленія, а пріемы, видимыя противорѣчія которыхъ ощущаются лишь въ переходныя поры, въ смѣнѣ литературныхъ школъ, пока они не сгладятся, и что̀ ощущалось, какъ реализмъ, не войдетъ въ ряды условностей и символовъ. Можно сказать, что задача искусства и состоитъ въ созданіи такихъ условностей, какъ нашъ поэтическій языкъ, какъ нѣкоторые типы, ёмкость которыхъ, отвѣчающая на спросы поколѣній, можетъ быть, одно изъ главныхъ условій того, что̀ мы называемъ красотою. Донъ Кихотъ для насъ символъ, и то, что̀ мы подсказываемъ ему, несомнѣнно шире и глубже содержанія, которое раскрывалось въ немъ Сервантесу.

Если воззрѣнія автора на развитіе романа внушены понятнымъ въ немъ влеченіемъ къ роману реалистическаго типа, роману-изслѣдованію (о Флоберѣ стр. 569), что̀ указываетъ не на объективно-научный принципъ, а на субъективную оцѣнку, то теоретическія соображенія, изложенныя въ первой части труда, но не нашедшія примѣненія во второй, грѣшатъ полнымъ несоотвѣтствіемъ задачи автора матерьялу, которымъ онъ располагалъ. Съ фактами одного литературнаго рода, и притомъ субъективно освѣщенными, нельзя

было задаться цѣлью опредѣлить природу «прекраснаго творчества» вообще—и въ связи съ нимъ «заняться эволюціей отдѣльнаго вида литературныхъ произведеній», т. е. романа (стр. 3).

Авторъ исходитъ изъ положенія, что искусство, въ данномъ случаѣ изящная словесность, беллетристика, принадлежитъ къ особой области душевной дѣятельности, въ которой мы имѣемъ дѣло не съ пользой, не съ отвлеченной истиной, не съ цѣлями моральнаго свойства, а съ удовлетвореніемъ потребности въ красотѣ (стр. 4). Косвенно она можетъ служить и цѣлямъ этическимъ, научнымъ и т. д., критикъ можетъ пользоваться ею именно съ этихъ точекъ зрѣнія,—авторъ ни у кого не отнимаетъ этого права (стр. XX), за что его поблагодарятъ,—но, говоритъ онъ, «не слѣдуетъ брать главными мѣрилами въ дѣлѣ изученія изящной литературы... политическіе, моральные и разные другіе мотивы», превращая «главный предметъ изслѣдованія въ какой-то привѣсокъ культурной жизни», тогда какъ объясненія ему слѣдуетъ искать въ самобытныхъ законахъ «развитія той стороны человѣческой души, которая способна на чувство прекраснаго и на изящное творчество» (стр. 22, 23). Искусство довлѣетъ прежде всего себѣ, его оцѣнка опредѣляется его спеціальными задачами и законами, по которымъ совершается эволюція его явленій.

Итакъ: *красота*, *творчество*; къ этому присоединяется и *литературное мастерство*; къ этимъ рубрикамъ сводятся соображенія автора.

Что такое *красота*? Вопросъ этотъ ставится (стр. 33, 39 слѣд.) и не рѣшается. Одни отрицаютъ существованіе красоты внѣ нашего «я», другіе признаютъ; казалось бы, автору слѣдовало подвергнуть эту «распрю подробному разбирательству» (стр. 40), но онъ считаетъ это не нужнымъ, полагая вѣроятнымъ «существованіе нѣкоторой органической связи между нашей потребностью въ изящномъ и тѣми элементами внѣшняго міра, которые способствовали развитію и закрѣпленію этой потребности» (стр. 41). Но это не рѣшеніе вопроса: вѣдь изъ того, что впечатлѣнія, полученныя нами отъ нѣкоторыхъ объектовъ внѣшняго міра, возбуждаютъ въ насъ чувство прекраснаго, еще не выходитъ, чтобъ эти объекты были прекрасны сами по себѣ. Они не всегда и вызывали то чувство; тому доказательствомъ исторія вкусовъ, хотя бы исторіи художественнаго идеала природы, котораго авторъ касается не разъ, не попытавшись привязать къ нему эволюцію прекраснаго. Вмѣсто того онъ отдѣлывается такимъ напр. сравненіемъ: цвѣтокъ, плодъ растенія

нимало не похожи на другія его части, никто, «имѣющій хотя какое нибудь научное образованіе», не скажетъ, чтобы они подчинялись особымъ законамъ прозябанія, а между тѣмъ въ плодѣ, особенно въ цвѣткѣ замѣчается «такая своеобразная мощь органическаго творчества», что какъ-то не вѣрится въ ихъ сродство съ низменными частями организма, какъ корень, кора, стволъ. «Но что такое роскошный цвѣтокъ... какъ не наглядное, прочное, стоящее передъ нами доказательство того, какъ и въ мірѣ растительномъ..., послѣднимъ словомъ, вѣнцомъ такъ называемаго прозябанія является творчество художественное, создается красота, въ которой... нельзя не видѣть высшаго выраженія всѣхъ жизненныхъ элементовъ?» (377).

О *художественномъ творчествѣ*, но уже безъ метафоры, говорится много и также неопредѣленно. Подъ этимъ терминомъ авторъ понимаетъ психическую способность къ созиданію идей и образовъ, простыхъ и сложныхъ, новыхъ объектовъ, имѣющихъ только нѣкоторую общую связь съ тѣмъ, что существуетъ (стр. 35); такъ создается область художественной красоты, которую слѣдуетъ признать за вполнѣ самостоятельный міръ душевной жизни человѣчества (стр. 195). Едва-ли кто согласится съ авторомъ, что, даже послѣ его объясненія, терминъ творчества «совершенно опредѣленный» (стр. 45); онъ отграничиваетъ его отъ фантазіи (стр. 192, 200), но это ни къ чему не служитъ, ибо своего пониманія фантазіи авторъ не разъясняетъ, вѣроятно, полагая его общеизвѣстнымъ. Дѣло творческой фантазіи — созданіе идей-замысловъ-образовъ, съ ученіемъ о которыхъ мы познакомились выше. Они, въ сущности, и составляютъ содержаніе художественнаго произведенія; мы знаемъ уже, что ихъ слѣдуетъ отличать отъ идей въ тѣсномъ, коренномъ смыслѣ, изъ которыхъ не всѣ способны на творческую обработку. Къ сожалѣнію, то, что сказано о замыслахъ въ главѣ, посвященной содержанію романа, такъ запутано посторонними экскурсами, что существенное забыто, если только авторъ представлялъ его себѣ раздѣльно; забыта и эволюція, а здѣсь и было мѣсто, гдѣ ей приложиться. Двѣ строки посвящены «значенію сюжетности» (стр. 197), типамъ и общимъ мотивамъ (197—9). Сюжетности авторъ не даетъ большаго значенія, но замѣчаетъ, что работа всего культурнаго человѣчества завѣщала намъ «огромное творческое содержаніе *идей, образовъ, сюжетовъ, фабулъ*», начиная съ двухъ гомерическихъ поэмъ, которыя нѣкоторые эстетическіе судьи считаютъ за нѣчто недосягаемое. По мнѣнію автора, недосягаемости нѣтъ, шедёвры

могутъ быть и впереди: уже въ греческихъ романахъ видно развитіе «сюжетности и психологическихъ мотивовъ, вмѣстѣ съ противорѣчіемъ между тонкостью изобразительныхъ пріемовъ и подчиненіемъ извѣстнымъ традиціоннымъ рамкамъ разсказа» (стр. 202—3). Остаются традиціонныя рамки фабулы, типовъ, ибо онѣ передаются, мигрируютъ (стр. 197), обновляясь стилистически и развивая свое психологическое содержаніе. Авторъ трижды цитуетъ доказательный примѣръ изъ Тэна (стр. 198, 224, 288—9): въ самую блестящую пору итальянской живописи художники были ограничены незначительнымъ количествомъ сюжетовъ изъ миѳологіи и священнаго писанія, а между тѣмъ они питали «цѣлый творческій періодъ въ развитіи искусства», и «занимательность и значительность *содержанія*» играли болѣе важную роль въ успѣхѣ произведенія, чѣмъ самые *сюжеты*. Съ точки зрѣнія терминологіи г. Боборыкина это не совсѣмъ ясно, ибо сюжеты-замыслы равносильны содержанію литературнаго произведенія; если-же подъ содержаніемъ разумѣются на этотъ разъ не художественныя, творческія идеи, а идеи въ тѣсномъ смыслѣ, этическія, религіозныя и другія, то представлялся случай поставить вопросъ: какія изъ нихъ и подъ вліяніемъ какихъ общественныхъ спросовъ становились способными на «творческую обработку», какъ выражается авторъ, или какіе сюжеты-замыслы переживали чередованіе идей и міросозерцаній, оставаясь на очереди новыхъ художественныхъ требованій. Это поставило бы вопросъ о красотѣ, о художественно-прекрасномъ на исторически-эволюціонную почву, и кажется страннымъ, почему г. Боборыкинъ не вступилъ на нее: это былъ бы «лучшій методъ» (стр. 204).

Миновалъ онъ ее и въ вопросѣ, который, казалось, вызывалъ автора по существу. «Только тѣ идеи и замыслы обнаруживаютъ себя въ изящной формѣ, которые имѣютъ эстетическій характеръ» (стр. 224). Подъ формой, *пріемами мастерства*, авторъ разумѣетъ стиль, особенности языка, синтаксическаго склада, композиціи, описательные пріемы и т. д. (стр. 157, 163). Здѣсь задачамъ эволюціонной критики были честь и мѣсто. «Своеобразность, новизна, починъ, освобожденіе отъ *традицій*, отъ *преемственности* пріемовъ въ этой области пріобрѣталась сравнительно труднѣе, чѣмъ въ сферѣ содержанія идей, настроеній», говорится въ одномъ мѣстѣ; недостатки формы «или слишкомъ медленное развитіе новыхъ пріемовъ (болѣе соотвѣтственныхъ и содержанію и возрастающему развитію публики) накладываютъ руку на цѣлый рядъ произведеній, иногда на протяженіи вѣковъ» (стр. 227); «разные декламаторскіе и оратор-

скіе пріемы» уступаютъ мѣсто фразѣ и ритму, вызваннымъ болѣе искренними настроеніями (стр. 246, 251). Въ стилистическомъ преданіи есть несомнѣнно задерживающіе элементы, медленно уступающіе новымъ, но и воспитывающіе ихъ въ своихъ формахъ, раскрывающіеся для новаго содержанія, какъ старые сюжеты для новаго освѣщенія. Новшества здѣсь нѣтъ, а есть претвореніе, эволюція; «ни одинъ писатель, какъ бы онъ ни былъ даровитъ, не можетъ создавать (языкъ) цѣликомъ, онъ пользуется готовымъ матеріаломъ, и его починъ сказывается главнымъ образомъ въ комбинаціяхъ, въ новомъ употребленіи словъ, въ творчествѣ (?) образовъ посредствомъ извѣстныхъ символовъ» (стр. 249). Эту точку зрѣнія и слѣдовало распространить на всю главу, посвященную эволюціи пріемовъ мастерства, которая, вмѣсто того, явилась «свалкой» всякихъ замѣтокъ и сообщеній, безъ видимой системы и съ постояннымъ нарушеніемъ границъ, поставленныхъ непосредственной задачей. Мы слышимъ, по поводу Вертера и Рене, о «новизнѣ пріемовъ и тона, своеобразности языка, его благородствѣ и поэтическомъ лиризмѣ» (стр. 225)—и XIX вѣку вмѣняется, какъ характерное его явленіе, забота о языкѣ ради языка, какъ цѣли художественныхъ заботъ; въ XVII и XVIII вѣкахъ онъ являлся, будто бы, болѣе средствомъ, орудіемъ (стр. 234). Авторъ могъ бы припомнить здѣсь коллективное («собирательное») явленіе style précieux, эвфуизма. Замѣтки о композиціи, фактурѣ романа разбросаны какъ-то случайно (стр. 227 слѣд., стр. 251), обобщенія отзываются общимъ мѣстомъ (стр. 245: двойное движеніе писательскаго мастерства: отъ общаго къ частному и отъ частнаго къ общему); непонятно, зачѣмъ, въ главѣ о «мастерствѣ» снова поднятъ вопросъ о тенденціяхъ — по поводу резонерствующихъ и описательныхъ отступленій въ Новой Элоизѣ. Вѣдь въ дѣлѣ «формы» идейныя тенденціи не при чемъ; дѣло въ эпизодахъ, какіе бы они не были, разрывающихъ композицію.

Мы можемъ такъ резюмировать впечатлѣніе, произведенное на насъ книгой г. Боборыкина: читателямъ будетъ крайне любопытно познакомиться со взглядами нашего извѣстнаго писателя на развитіе, совершившееся за двѣ трети вѣка въ излюбленной имъ области творчества; они поблагодарятъ его за тонкія наблюденія и оригинальность оцѣнокъ, плодъ обширныхъ чтеній и наблюденій, гума-

нистической настроенности и—нѣкоторой литературной партійности, но едва-ли имъ удастся связать приговоры романиста съ положеніями теоретика. Ибо г. Боборыкинъ искренній эволюціонистъ лишь по вожделѣніямъ, не по методу; недостаточно говорить о его важности (стр. 589), о лучшемъ методѣ (стр. 204), надо было имъ проникнуться, и не строить широкія схемы эволюціоннаго процесса, что, при настоящемъ положеніи подготовительныхъ работъ, даетъ въ результатѣ неосязательныя обобщенія хотя бы Летурнó, а начать съ изученія мелочныхъ фактовъ, подводя имъ частные итоги, повѣряя ихъ взаимно и, опираясь на нихъ, готовить матеріалы для будущаго синтеза. Кое-что въ этомъ смыслѣ уже сдѣлано, хотя не въ томъ районѣ критической литературы, который излюбилъ авторъ (Taine, Hennequin и др.). Еслибъ онъ уяснилъ себѣ неизбѣжность такого именно рода изслѣдованія, первая часть его книги была бы написана иначе, или не написана вовсе, не ко вреду второй.

А. Веселовскій.

Жизнь и поэзія Н. М. Языкова. Критико-біографическое изслѣдованіе В. Я. Смирнова. Пермь. 1900. 266 стр.

Н. М. Языковъ былъ замѣтной величиной въ той плеядѣ пѣвцовъ, имена которыхъ сгруппировались около свѣтлаго имени Пушкина. Великій поэтъ нашъ, вмѣстившій въ себѣ все лучшее изъ поэтической жизни XVIII в., намѣтившій все содержаніе лирики XIX столѣтія, былъ для своихъ современниковъ тѣмъ великимъ чародѣемъ, отъ прикосновенія котораго расцвѣтали таланты, рождались художественныя идеи, создавались цѣлыя литературныя направленія [1]). И. Языкова коснулась рука Пушкина, и онъ испыталъ вліяніе великаго художника.. По его признанію,—

...геній радостно трепещетъ,
Свое величье познаетъ,
Когда предъ нимъ гремитъ и блещетъ

---

1) Припомнимъ слова самого Пушкина: «могу сказать, что въ послѣднее пятилѣтіе царствованія покойнаго государя я имѣлъ на все сословіе литераторовъ гораздо болѣе вліянія, чѣмъ министерство, не смотря на неизмѣримое неравенство средствъ». (Соч. Пушкина, 1887, VII, 278).

Иного генія полетъ;
Его воскреснувшая сила
Мгновенно зрѣетъ для чудесъ!..[1])

Нельзя говорить объ Языковѣ, какъ и о другихъ писателяхъ начала и середины XIX в., не исходя изъ Пушкина; нельзя и Пушкина охватить во всей его гигантской величинѣ, не изучивъ, хотя бы, его современниковъ.

Языковъ выступилъ на литературное поприще съ очень ограниченнымъ кругомъ поэтическихъ образовъ: его первые литературные опыты всѣ исходили изъ туманной поэзіи Оссіана и, главнымъ образомъ, его нѣмецкихъ подражателей. Для мечтательнаго юноши расплывчатый образъ «барда», поющаго о подвигахъ «сѣдой старины», казался тогда очень привлекательнымъ,— и въ результатѣ получился цѣлый рядъ «бардическихъ» пѣснопѣній въ честь героевъ Руси и Ливоніи [2]). Жизнь въ нѣмецкомъ обществѣ, отразившаяся даже на Жуковскомъ, писателѣ болѣе зрѣломъ, конечно должна была тѣмъ сильнѣе сказаться на поэтическомъ развитіи юноши-Языкова,—и, дѣйствительно, оказывается, что молодой поэтъ, преклонявшійся передъ свѣтилами нѣмецкой литературы, свысока относился ко всѣмъ русскимъ писателямъ, не исключая и Пушкина [3]). Но если онъ родныхъ поэтовъ мѣрилъ мѣркою Лессинга, Гёте и Шиллера, то самъ въ своей поэзіи взялъ у нихъ очень немногое: Wein, Weib und Gesang,—вотъ, что вынесъ онъ изъ знакомства съ нѣмецкой литературой. Молодой, здоровый физически, окрыленный нѣмецкой поэзіей, онъ съ головой окунулся въ жизнь нѣмецкаго кутилы-студента: искрометныя струи вина, объятья «хищной дѣвы», радости здоровья, силы и молодости,— вотъ, о чемъ сталъ пѣть нашъ юный «бардъ». Не Батюшковъ, изящный, немного холодный [4]) съ его ложно-классическимъ эпикуреизмомъ, а здоровый нѣмецкій буршъ слышится въ застольныхъ пѣсняхъ Языкова въ честь вина и красотокъ... А въ это время на русскомъ Парнасѣ Жуковскій, съ

---

1) Стихотворенія Н. М. Языкова, изд. 1898 г., т. I, 94—5.

2) Дерптскіе нѣмцы, говорятъ, восхищались его музой и видѣли въ немъ пѣвца его «второй» родины — Дерпта. (Сб. учен.-лит. О-ва при Юр. университетѣ, II, 131).

3) Предисловіе къ «Бахч. фонтану» онъ находилъ «глупымъ», въ «Евгеніи Онѣгинѣ» онъ видѣлъ «отсутствіе вдохновенія» и «рифмованную прозу» (Садовниковъ, «Отзывы соврем. о Пушкинѣ». Истор. В., 1883, № 12). «Вотъ, кого должны мы уважать на безлюдьѣ!» (ibid.) восклицалъ онъ по адресу Пушкина.

4) Мнѣніе г. Смирнова.

его чистой самоотверженной любовью, воспѣвалъ эту любовь въ мелодичныхъ стихахъ, юный Пушкинъ выходилъ изъ-подъ гнета чуждыхъ вліяній и пѣлъ уже свои чувства, расцвѣтавшія въ его «многогранной» душѣ... Несмотря на все свое пренебреженіе къ русской поэзіи, не могъ и Языковъ не замѣтить того пути, на который выходила русская лирика, — и вотъ, онъ сталъ творить свои «элегіи», въ которыхъ сумѣлъ выразить лучшія чувства своей души. Приблизительно въ это время произошло сближеніе Языкова съ Пушкинымъ: лѣто 1826 года, проведенное имъ въ обществѣ Пушкина, было въ его жизни цѣлой эпохой. Въ письмѣ къ Вульфу отъ 17 февраля 1827 г. онъ, вспоминая объ этомъ времени, говоритъ: «я вопрошалъ совѣсть мою и, внимая отвѣтамъ ея, не нахожу во всей моей жизни ничего подобнаго красотою нравственною и физическою, ничего пріятнѣйшаго и достойнѣйшаго сіять золотыми буквами на доскѣ памяти моего сердца, нежели лѣто 26 года» [1]). И мы поймемъ эти слова, когда припомнимъ, какимъ обаятельнымъ собесѣдникомъ былъ Пушкинъ въ кругу близкихъ друзей [2]). Чтобы убѣдиться, что̀ далъ великій поэтъ Языкову въ литературномъ отношеніи, стоитъ сравнить картину Тригорскаго, нарисованную Языковымъ въ 1826 году, съ тѣми блѣдными пейзажами родной природы, которые набросаны имъ въ раннихъ стихотвореніяхъ, хотябы даже въ стихотвореніи: «Родина» (1824 г.) [3]). Понять мирную красоту русской природы, очевидно, помогъ Языкову тотъ, кто два мѣсяца вмѣстѣ съ нимъ любовался этою природою! Къ тому же періоду «пушкинскаго» вліянія относятся лучшія его «посланія» къ друзьямъ: живымъ участіемъ, добродушіемъ, изрѣдка теплымъ юморомъ вѣетъ отъ этихъ стихотворныхъ писемъ,— «поэзія дѣйствительной жизни» вступила въ свои права: туманъ оссіановскаго міра разсѣялся навсегда, приподнятыя, не всегда искреннія пѣсни въ честь вина и любви звучатъ уже не такъ назойливо-громко,—поэтъ опредѣлился. Какъ Пушкинъ, онъ сдѣлался поэтомъ «земли»,— небеса не звали его къ себѣ, какъ Лермонтова; таинственное «тамъ» не манило его, какъ Жуковскаго. Но, если Пушкинъ сумѣлъ къ этой землѣ отнестись съ чувствомъ высокой, чистой любви, если онъ на этой землѣ отыскалъ много добра и красоты, прочувствовалъ драматизмъ ея жизни,—то Языковъ былъ менѣе счастливъ: его пѣсня бѣдна содержаніемъ,—она слишкомъ одностороння: Нашъ поэтъ—

1) Спб. Вѣд., 1866, № 163. 2) Зап. Смирновой.
3) Стих. Н. М. Языкова, I, 213.

...безпечными глазами
Глядѣлъ на міръ и *міру былъ чужой;*
Онъ сладостно бесѣдовалъ съ-друзьями;
Онъ красоту боготворилъ душой;
Онъ воспѣвалъ счастливыми стихами
Харитъ, вино, и дружбу, и покой!

— вотъ его самооцѣнка: онъ — «міру чуждъ»: въ тѣсномъ кругу друзей и только для нихъ воспѣваетъ онъ земныя утѣхи! Звонъ чаръ, улыбка дѣвы, дружба и любовь, красоты природы, — вотъ, чѣмъ онъ живетъ—остальной весь міръ для него въ туманѣ: онъ—

...видитъ міръ туманными глазами
И любитъ жизнь за пѣсни и вино! [1])

Ему страшна —

...дорога черезъ свѣтъ;
Не пьяный — признается онъ — вижу я дорогу:
А пьянъ, до ней мнѣ дѣла нѣтъ,
Я, какъ слѣпой,—и слава Богу! [2])

Онъ знаетъ, что міръ идеаловъ «полнѣе и краше, чѣмъ житейскій», но его,—восклицаетъ не безъ удали поэтъ—

Утопилъ я въ шумной чашѣ
Просвѣщенья моего! [3])

— и въ результатѣ, его «рѣзвая» муза, полюбившая «молодецкіе восторги» и «вольность братскаго житья» — гуляетъ по землѣ, «наслаждаясь на обумъ» [4])...

Таково содержаніе безпечной, поверхностной, незлобивой поэзіи Языкова, шумно-ликующей, полной молодой страсти и нѣги... Когда прошла пора юности, и жизнь стала утомлять поэта, онъ—

...питомецъ буйныхъ лѣтъ,
И проповѣдникъ разногласный
Мірскихъ соблазновъ и суетъ— [5])

— онъ не ушелъ въ область духа, онъ не дошелъ до мучительнаго сознанія, что жизнь его была пуста и безполезна,—напротивъ, онъ съ грустью вспоминалъ о томъ, что прошло, и жалѣлъ, что про-

1) Тамъ же, 184. 2) Тамъ же, 78. 3) Тамъ же, 244. 4) Тамъ же, 244. Прекрасно выражаетъ житейскую философію Языкова стихотвореніе «Кубокъ». (I, 234). 5) Тамъ же, 218.

шлаго не вернешь... Иногда въ поэзіи этого времени проскользнетъ струйка юмора, изрѣдка, какъ будто, проснется и сейчасъ же замретъ жажда какихъ то «святыхъ» пѣсенъ.. Укоровъ совѣсти онъ не знаетъ, слезы и жалобы ему почти невѣдомы. Когда болѣзнь приковала его къ кровати, когда жизнь сузила около него свои рамки,—его шумная поэзія не переродилась, а просто утихла, угасла; потускнѣли прелестные образы давно прожитого,—отъ поэзіи осталась въ его распоряженіи лишь звучная версификація,—и вотъ, создается имъ небольшая группа религіозныхъ стихотвореній, нѣсколько драматическихъ отрывковъ, да «славянофильскихъ» посланій, которыя, правда, сильны любовью къ родинѣ, но, къ сожалѣнію, сильны и духомъ нетерпимости «къ не нашимъ», т. е. западникамъ...

Такою, въ широкихъ чертахъ, представляется намъ поэзія Языкова. Suum cuique—и Языковъ, при всей его односторонности, вложилъ *свое* въ сокровищницу русской лирики[1]), выразивъ себя въ образѣ цѣльномъ и ясномъ. Конечно, изслѣдовать его поэзію, понять его, какъ поэта и человѣка, необходимо, а потому понятенъ тотъ интересъ, съ которымъ мы взяли въ руки «критико-біографическое изслѣдованіе» «жизни и поэзіи Н. М. Языкова», изслѣдованіе, вышедшее въ свѣтъ недавно и принадлежащее перу г. Смирнова.

Эта работа представляетъ изъ себя: 1) біографическій очеркъ поэта, составленный по очень немногимъ пособіямъ и щедро иллюстрированный цитатами изъ стихотвореній Языкова—2) попытку объяснить произведенія поэта съ историко-литературной стороны. Надо сознаться, что біографическая часть «изслѣдованія» не дастъ никакого представленія объ Языковѣ, какъ человѣкѣ, а «критика» его, какъ поэта, не дастъ картины его поэтическаго развитія: передъ нами лишь подробный перечень (однако съ непростительными пропусками) и пересказъ стихотвореній Языкова, изрѣдка въ сопровожденіи бѣглыхъ указаній на литературныя вліянія, подъ которыми они написаны.

Прежде всего укажемъ на нѣкоторые недостатки *библіографическаго* характера. Въ концѣ предисловія г. Смирновъ говоритъ слѣдующее: «въ своемъ совмѣстномъ (?!) и хронологически послѣдова-

1) «Стихотворенія г. Языкова имѣли на общественное мнѣніе такое же полезное вліяніе, какъ и проза Марлинскаго: они дали возможность каждому писать не такъ, какъ всѣ пишутъ, а какъ онъ способенъ писать». (Бѣлинскій, Соч. IX, 268; еще: 258, 267).

тельномъ изложеніи о (!) жизни и поэзіи Языкова мы руководствовались, вмѣстѣ съ его поэтическими произведеніями, печатнымъ матеріаломъ о немъ, появившемся въ разныхъ періодическихъ и непеіодическихъ изданіяхъ, какъ при жизни поэта, такъ и послѣ его смерти до позднѣйшаго времени»[1]). Казалось бы, при такомъ заявленіи автора мы могли разсчитывать на полноту его библіографическихъ знаній, тѣмъ болѣе, что онъ пытается нѣсколько разъ пересчитывать, то изданія сочиненій Языкова [2]), то біографическія статьи о немъ [3]),—между тѣмъ, онъ не подозрѣваетъ о существованіи *послѣдняго Суворинскаго самаго полнаго* изданія стихотвореній Языкова, вышедшаго въ свѣтъ подъ редакціей А. Л. Флоридова[4])! Самоувѣренно заявляя, что «изъ писемъ Языкова къ Гоголю пока извѣстно въ печати только одно»[5]) — онъ, очевидно, не знаетъ о томъ, что уже 4 года назадъ въ «Русской Старинѣ» напечатана переписка Языкова съ Гоголемъ! [6]). Изъ біографическихъ очерковъ ему неизвѣстны большія статьи Шенрока [7]) и Столярова [8]). Съ письмами Языкова къ брату [9]) г. Смирновъ тоже незнакомъ,—между тѣмъ, они бросаютъ яркій свѣтъ на всю юность поэта. Ссылается авторъ чаще всего на статьи Семевскаго[10]) и Перевлѣескаго[11]), рѣже на работу г. Барсукова: «Жизнь и труды Погодина», г. Матвѣева: «Гоголь и его переписка съ друзьями», на анонимную статью: «Лирическая поэзія послѣдователей Пушкина»[12]), на работы Погодина [13]), Шевырева [14]) и Вяземскаго [15]), составленныя по случаю смерти поэта и перепечатанныя при изданіи его сочиненій въ 1858 году. Интересно, что мимо неблагопріятныхъ отзывовъ объ Языковѣ г. Смирновъ старается пройти, словно не замѣчая ихъ: оттого онъ даже не использовалъ всѣхъ тѣхъ статей, что приложены къ изданію 1858 года,— вскользь коснулся онъ Бѣлинскаго, совершенно замолчалъ остроумную статью изъ «Библіотеки для чтенія»[15]), не останавливается на статьѣ Гоголя, сумѣвшаго, несмотря на свои дружескія отношенія къ поэту, сказать объ Языковѣ много правды. Въ результатѣ такого страннаго отношенія къ литературѣ

1) Смирновъ, «Жизнь и поэзія Н. М. Языкова», 3. 2) Тамъ же, 1—2. 3) Стр., 249. 4) Оттого г. Смирновъ не знаетъ, что первое печатное произведеніе Языкова относится къ 1819 году, а не къ 1822 (Смирновъ, 29).
5) Тамъ же, 159. 6) «Русск. Стар.», 1896, № 12. 7) «Вѣстн. Евр.», 1897, № 11—12. 8) «Сб. учен.-литер. О-ва при Юр. у-тѣ», II, 10. 9) Въ извлеченіи напечатаны въ «Истор. В.», 1883, № 12. 10) «Р. Арх.», 1867, № 5 и 6.
11) Перепеч. при изд. стих. Языкова, 1858 г. 12) «Моск. Обозр.», 1859, кн. II, отд. I, 99—227. 13) Перепеч. при изд. соч., 1858. 14) Тоже:
15) Тоже. 15) Тоже.

«изслѣдователь», понадѣявшись на свои силы, составилъ книжку, которая по достоинствамъ ниже многихъ работъ его предшественниковъ.

Обиліе ссылокъ и цитатъ изъ сочиненій Языкова, казалось, говорило бы о хорошемъ знакомствѣ «изслѣдователя» съ сочиненіями поэта, но и въ этомъ можно сомнѣваться: онъ, напримѣръ, совсѣмъ не останавливается на личности Очкина [1]), воспѣтаго Языковымъ, не объясняетъ отношеній поэта къ Дириной, которой тотъ много посвящалъ стиховъ, наконецъ, не уясняетъ себѣ онъ отношеній къ Воейковой. Чуть не всѣ восхваленія красавицъ г. Смирновъ относитъ къ одной Воейковой. Разбираться въ любовныхъ стихотвореніяхъ не легко, а, если не знаешь истиннаго характера отношеній поэта къ извѣстной женщинѣ, такъ и невозможно. Языковъ красавицъ воспѣвалъ много,— по собственному признанію, въ юности много похвалъ посвятилъ онъ, напримѣръ, К. К. Павловой [2]); былъ, тоже въ юности, «неизмѣннымъ поэтомъ» еще какой то красавицы [3]). Немудрено, что г. Смирновъ, упустивъ это изъ виду, путается при объясненіи, кому посвящено то или другое стихотвореніе: оттого на стр. 43 «божественной Харитой» названа Воейкова, на стр. 67 — это стихотвореніе относится къ какой то «неизвѣстной красавицѣ» и воспоминанію о «мелкой интригѣ». Такія колебанія и противорѣчія встрѣчаются дальше у г. Смирнова не одинъ разъ,—оттого образъ поэта не рисуется цѣльнымъ и законченнымъ и для читателя, незнакомаго съ работами его предшественниковъ остается совсѣмъ, напримѣръ, непонятнымъ, почему это Языковъ *«застѣнчивый»*, *разгульный* и *«святой»* — одно лицо: передъ нами, вмѣсто біографіи и характеристики поэта, какіе то куски мозаики, неискусно склеенные... Даже отношеній Языкова къ Гоголю не выяснилъ г. Смирновъ,— а вѣдь это сдѣлать можно было такъ легко, благодаря, хотя бы такой общеизвѣстной работѣ, какъ «Матеріалы для біографіи Гоголя» Шенрока [4]). Между тѣмъ, опустивъ важное, авторъ занимается такими пустяками, какъ, напримѣръ, доказываетъ изо всѣхъ силъ, что Языковъ еще ребенкомъ страстно и сознательно любилъ отечество [5]),— и какъ доказываетъ ! — цитируя стихотворенія, написанныя въ 30-хъ и даже 50-хъ годахъ! [6]). Хочется г. Смирнову извинить Языкова за то, что онъ попалъ въ «нѣмец-

1) Стих. Языкова, 10. 2) Тамъ же, 364. 3) Стр., 255. 4) Есть и отдѣльная статья г. Шенрока на эту тему («Р. Стар.», 1889, № 1); на нее ссылается г. Смирновъ, но мало ею пользуется. 5) Смирновъ, 9, 10—18. 6) Смирновъ, 15 и др.

кій» университетъ,—и вотъ оказывается, по его мнѣнію, поэта манила въ Дерптъ «серьезная» постановка науки, а также и то, что онъ усмотрѣлъ въ Дерптѣ «пламенный алтарь для православнаго служенія» [1]). И всѣ эти соображенія разсыпаются въ прахъ, какъ только приходится г. Смирнову говорить о томъ, чѣмъ занимался поэтъ въ Дерптѣ! Смущаетъ автора, между прочимъ, и то, что Языковъ съ увлеченіемъ игралъ... въ свайку [2]),—и вотъ, онъ старается объяснить читателю, какое душевное состояніе довело поэта до такого униженія (?)!

Мы не будемъ говорить о другихъ подобныхъ же недостаткахъ книги г. Смирнова и перейдемъ къ его историко-литературнымъ толкованіямъ поэзіи Языкова. Одна маленькая цитата даетъ намъ представленіе о знакомствѣ автора съ русской литературой вообще: «подъ «аравою отчаянныхъ пѣвцовъ» нужно разумѣть (?) бездарныхъ подражателей (имена?) элегій Жуковскаго, которыхъ очень много (!) было въ двадцатыхъ годахъ и которые довели до крайней утрировки и безъ того безпочвенный (?) нѣмецкій романтизмъ ложнымъ, придуманнымъ выраженіемъ чувства (?) мрачнаго унынія, безнадежной тоски и непримиримо-пессимистическимъ воззрѣніемъ на человѣческую жизнь, что въ тогдашней литературѣ и вызвало противъ нихъ сильныя нападки» [3]). Хотя г. Смирновъ и ссылается послѣ этой цитаты на «Исторію русской словесности» Галахова, но все-таки онъ, очевидно, блуждаетъ по дебрямъ русской словесности съ завязанными глазами! Еще меньше знаетъ г. Смирновъ иностранныя литературы, однако (уже безъ помощи Галахова) рѣшительно заявляетъ, что у Языкова «нѣтъ переводовъ произведеній иностранной литературы, а равно и болѣе или менѣе (?) близкихъ подражаній имъ» [4]). Исходя изъ такого утвержденія, онъ отстаиваетъ «самобытность» поэта, допуская только въ юности слабое вліяніе Оссіана и Батюшкова. Роли Пушкина въ поэтическомъ развитіи Языкова г. Смирновъ совсѣмъ не понялъ: «усвоивъ изъ поэзіи Батюшкова» «естественность и художественность изображенія», Языковъ, по его мнѣнію, пошелъ «рука объ руку со своимъ великимъ сверстникомъ А. С. Пушкинымъ» [5]),—между тѣмъ, онъ былъ ученикомъ великаго поэта, и при томъ далеко отставшимъ отъ своего учителя! Не разъединять, а сближать двухъ поэтовъ долженъ всякій серьезный изслѣдователь,—это сближеніе должно быть крае-

---

1) Тамъ же, 31—2. 2) Стр., 87. 3) Стр., 109. 4) Стр., 262. Даже изъ работъ Геттнера, Шерера и др. подобныхъ исторій нѣмецкой литературы видно, кому подражалъ Языковъ. 5) Стр., 265.

угольнымъ камнемъ его работы, такъ какъ всѣ поэты-современники Пушкина интересны только, какъ его сподвижники, которыхъ онъ многому училъ и у которыхъ иногда самъ учился.

Къ крупнымъ недостаткамъ книги г. Смирнова, недостаткамъ, бросающимся сразу въ глаза, относится также его неумѣренное славянофильство, лишившее «изслѣдованіе» обѣщаннаго въ предисловіи «хладнокровія» и «безпристрастія». По меньшей мѣрѣ странно считать кругъ московскихъ славянофиловъ какимъ-то исключительнымъ «средоточіемъ московской умственной жизни въ лучшемъ смыслѣ слова» [1]), отзываясь въ тоже время о западникахъ такъ: «послѣдователи этого направленія, получившіе названіе западниковъ, широко развивая свои взгляды путемъ закулисныхъ (?) кружковыхъ бесѣдъ, въ то же время съ чрезвычайной настойчивостью проводили ихъ въ литературѣ» [2]). «Заносчивый и нестѣсняемый въ полемикѣ съ литературными противниками требованіями нравственной добропорядочности Герценъ» [3]),—вотъ одинъ изъ «враговъ» Языкова и, вмѣстѣ съ тѣмъ, г. Смирнова. Этотъ злодѣй, по его словамъ, «казуистическими пріемами въ полемикѣ имѣлъ въ виду уронить нравственное достоинство честныхъ славянофиловъ въ глазахъ современнаго и, главнымъ образомъ, молодого общества» [4]). Изъ такого отношенія къ западникамъ вытекаетъ и толкованіе языковскихъ «переложеній псалмовъ» въ томъ смыслѣ, что подъ «боголюбивымъ мужемъ», «послушнымъ сердцемъ и умомъ мудрости высокой»—надо подразумѣвать славянофила, а подъ «злочестивымъ мужемъ», «глубокомысленно ставившимъ гордую науку превыше Истины Святой» [5])—западника. Въ стихотворной картинкѣ «Сампсонъ», съ сюжетомъ изъ Библіи, г. Смирновъ увидѣлъ «намекъ» на западниковъ, «отторгшихся вслѣдствіе своихъ «предательскихъ мнѣній и святотатственныхъ сновъ» отъ народной правды и завѣтовъ отечественной исторіи» [6]).

Въ заключеніе, не можемъ не указать автору и на стилистическую неряшливость его «изслѣдованья»: періоды (иногда въ 13 стр.) онъ строитъ неправильно; разстановка словъ мѣстами невозможная; выраженія, къ которымъ онъ прибѣгаетъ, дѣланныя и иногда непонятныя. Напримѣръ: «онъ относился съ *соотвѣтствующимъ* расположеніемъ» [7])—означаетъ на языкѣ г. Смирнова: «онъ отвѣчалъ взаимностью»; Волга навѣяла на поэзію Языкова «*преимущественную*

---

1) Тамъ же, 115. 2) Стр., 194. 3) Стр., 240. 4) Стр., 247.
5) Тамъ же. 6) Стр., 248. 7) Стр., 8.

силу» [1]); «*скромноуединенное* помѣщеніе»[2]); «*немаловажную также неблагодарную* роль» [3]); въ стихахъ выражаетъ «*парализованіе* въ немъ свободной воли» [4]), «*колебательное* состояніе любви» [5]), «*неотрадная* жизнь» [6]), «*бездѣятельно-лѣнивое* состояніе сопутствовало ему при *изолированіи* себя отъ веселыхъ товарищей» [7]); произведеніе имѣетъ «*прикрыто-шуточный* характеръ» [8]); жилъ въ Ниццѣ «вслѣдствіе *извѣстнаго въ ней* теплаго климата» [9]); статья представляетъ собою «*пассивное* отраженіе отрицательныхъ взглядовъ» [10]). Приведенные нами образчики внутреннихъ и внѣшнихъ недостатковъ книги г. Смирнова, думается намъ, позволяютъ говорить о ея ненаучности и даже безполезности.

В. Сиповскій.

Новые труды по исторіи сербо-хорватской литературы.

II.

Очерки исторіи сербо-хорватской литературы А. Степовича, директора Коллегіи Павла Галагана, прив.-доцента Университета Св. Владиміра. Кіевъ, 1899. VI + 395. Цѣна 3 рубля.

Г. Степовичъ предлагаетъ смотрѣть на его книгу какъ на научно-популярное сочиненіе. «Я старался, говоритъ онъ въ введеніи, соединить научность изложенія съ общедоступностью, стараясь достичь въ первомъ отношеніи полноты, вѣрности и новизны данныхъ, а во второмъ—легкости и интереса». Къ этимъ требованіямъ мы присоединимъ еще одно — общеобязательное: осмысленное изложеніе фактовъ, въ ихъ причинной связи и послѣдовательности. Посмотримъ, насколько этимъ условіямъ удовлетворяетъ вышеназванный трудъ.

Прежде всего грѣшитъ г. Степовичъ противъ твердо установленнаго въ наукѣ принципа исторической критики литературныхъ

---

1) Тамъ же, 9. 2) Стр., 23. 3) Стр., 36. 4) Стр., 51.
5) Тамъ же, 53. 6) Стр., 84. 7) Стр. 8) Стр., 108. 9) Стр., 158. 10) Стр., 250.

фактовъ и явленій. Простое перечисленіе именъ писателей и ихъ произведеній есть библіографія, пересказъ содержанія—своего рода литературная лѣтопись, и только анализъ, объясненіе литературныхъ явленій можетъ считаться наукой. Къ сожалѣнію, мы должны напоминать г. Степовичу очень старыя мысли о томъ, что «литература есть продуктъ вѣка и народа, въ связи съ развитіемъ государственныхъ, общественныхъ и моральныхъ понятій», что «историческая критика разсматриваетъ литературныя произведенія въ ихъ преемственной и послѣдовательной связи» и т. п. Разъединяя литературу и жизнь, г. Степовичъ лишаетъ древній періодъ сербохорватской литературы всякаго интереса; отсюда же и болѣе важный недостатокъ всей книги—отсутствіе раздѣльности въ изложеніи судебъ сербо-хорватской литературы. Тожество сербскаго и хорватскаго языковъ, ближайшее этнографическое родство сербовъ и хорватовъ, стремленіе нѣкоторыхъ ученыхъ и поэтовъ изъ сербовъ и хорватовъ къ полному духовному единенію—все это недостаточно для того, чтобы, игнорируя религіозную, политическую, соціальную и культурную особность двухъ племенъ, излагать безъ всякой оговорки вперемѣшку произведенія сербской и хорватской литературы, какъ будто, дѣйствительно, «объединеніе двухъ племенъ стало совершившимся фактомъ» (352 стр.). Мы бы очень желали, чтобы исчезъ столь пагубный сербско-хорватскій дуализмъ, чтобы широкая идея «славянства» заняла мѣсто узкихъ, часто мелочныхъ и эгоистическихъ стремленій отдѣльныхъ вѣтвей одного народа, но мы не вѣримъ, чтобы наше желаніе уже осуществилось, и такой видный представитель сербской науки, какъ Ст. Новаковичъ, въ своей только что вышедшей брошюрѣ: «Српска книга, њени продавци и читаоци у XIX веку» (Београд. 1900) авторитетно заявляетъ, что «ево се скоро више од педесет година једнако прокламује са свим могућним ентузијазмом у свима приликама где се декламује српско и хрватско јединство, ма да њега у ствари непрестано нема те нема» (91 стр.). Этотъ разладъ ведетъ свое начало съ той поры, какъ хорваты въ IX вѣкѣ, на три вѣка раньше сербовъ, образовали свое отдѣльное и довольно сильное государство, а затѣмъ подчинились вліянію романо-германскаго міра (католицизмъ, аристократизмъ, латинскій языкъ), тогда какъ сербы примкнули къ греческому востоку. Такимъ образомъ, борьба сербовъ и хорватовъ—борьба двухъ различныхъ историческихъ преданій, и нужно, чтобы нѣсколько поколѣній сербовъ и хорватовъ прожило общими умственными интересами, чтобы эти интересы проникли въ политику,

школу, народную массу,—тогда только станетъ возможнымъ нелицемѣрное братство. Нельзя дѣлить между сербами и хорватами народную словесность, въ силу консервативности народныхъ началъ, отчасти и церковнославянскую письменность, проистекавшую изъ общаго источника, необходимо указывать на широкія общеславянскія симпатіи въ дубровницкой литературѣ, взаимныя вліянія въ современной сербской и хорватской литературахъ, но — такія явленія, какъ грамоты хорватскихъ князей и древнѣйшія хорватскія лѣтописи на латинскомъ языкѣ, нѣкоторыя отличительныя черты глаголической письменности, западно-европейскій характеръ далматино-дубровницкой литературы и образованности, наконецъ, иллиризмъ и современныя литературныя направленія у хорватовъ—все это можетъ быть понято и оцѣнено лишь на хорватской почвѣ; точно такъ же, какъ литературный консерватизмъ въ сербской литературѣ, періоды сравнительнаго процвѣтанія и упадка, возрожденіе и нынѣшнее состояніе ея объясняются фактами общественной и умственной жизни сербскаго племени.

Переходя отъ общаго къ частному, мы должны замѣтить, что нѣтъ никакой возможности перечислить все, что пропущено авторомъ или изложено неудовлетворительно: въ этомъ отношеніи не можетъ быть и рѣчи о «полнотѣ и новизнѣ» данныхъ, какъ обѣщалъ намъ авторъ; поэтому мы здѣсь ограничимся нѣсколькими выписками и фактами изъ книги Степовича, въ подтвержденіе нашей мысли; въ случаѣ же надобности, мы могли бы привести всѣ недочеты труда г. Степовича.

Вся исторія сербо-хорватской литературы раздѣлена, по старой схемѣ, на три періода. Начинается изложеніе съ письменности болгаро-сербской и собственно сербской; объ устной словесности авторъ, къ сожалѣнію, совершенно умалчиваетъ, а она — гордость сербскаго народа, ею внушены лучшія строфы дубровницкихъ поэтовъ, да и въ современномъ творчествѣ сербовъ не мало мотивовъ народной поэзіи; нѣтъ въ этой главѣ ничего и о глаголической письменности, имѣвшей такое значеніе въ борьбѣ хорватовъ за литургію на славянскомъ языкѣ. Изъ богатой церковной письменности авторъ приводитъ «для примѣра» лишь два образчика, причемъ неполно указываетъ даже особенности сербскаго правописанія. Выдержкамъ г. Степовича изъ сербскихъ христоматій Ж. П. (Примере из српске литературе, д. I, II) и Новаковича (Примере књижевности и језика старога и српско-словенскога)—другихъ источниковъ Степовичъ почти не цитируетъ—вѣрить совершенно нельзя: такъ, напримѣръ, въ трехъ строчкахъ на страницѣ 10-й (отъ словъ «светая

Елена...») мы насчитали пять ошибокъ! Съ точки же зрѣнія содержанія эти выдержки совсѣмъ не характерны. Совершенно неожиданно (таковы, впрочемъ, всѣ переходы г. Степовича) вставлена въ исторію сербской литературы страница о ереси богомиловъ, безъ всякой связи съ послѣдующими литературными фактами, хотя бы апокрифами; къ тому же здѣсь отождествляются попъ Богомилъ и Іеремія, попъ болгарскій, распространеніе ереси относится къ дохристіанскому періоду Болгаріи (стр. 14). Такова «новизна» фактовъ. При изложеніи литературы житій не указывается никакой связи и послѣдовательности съ хронографами и лѣтописями; послѣ Доментіана вмѣсто ученика его Данилы идетъ рѣчь о Григоріи Цамблакѣ (онъ же у автора на 6-й стр. подъ именемъ Самвлака); сочиненія св. Саввы перечислены не всѣ; въ общей оцѣнкѣ житійной литературы повторяется ставшее уже шаблоннымъ мнѣніе о ея ничтожествѣ, но не дается анализа пріемовъ реторики житій, не указывается на постепенный переходъ отъ житій святыхъ къ историческимъ біографіямъ и т. п. Въ памятникахъ права не указаны весьма важныя для состоянія сербо-хорватскаго языка въ XIII — XV в. грамоты; бытовой матеріалъ законниковъ и статутовъ недостаточно оцѣненъ; въ числѣ библіографическихъ пропусковъ можно, напримѣръ, указать изданіе статута о. Крка, сдѣланное Обществомъ Любителей Древней Письменности. Въ общемъ эта первая глава (3—34) столь скудна, что выше ея мы ставимъ изложеніе въ «Лекције из историје српске књижевности» Симича (Београд, 1897), разсматриваемыхъ какъ учебникъ для среднихъ школъ; несравнимо выше стоитъ изложеніе соотвѣтствующаго періода и у Шурмина (Povjest književnosti hrvatske i srpske); не говоримъ уже о такой цѣнной книгѣ какъ Ягича «Исторія сербско-хорватской литературы» (рус. пер. 1871) или спеціальныхъ монографіяхъ.

Средній періодъ сербской литературы занятъ дубровницкой литературой. Жаль, что авторъ не говоритъ о латинской поэзіи въ Далмаціи; съ нею, конечно, больше связи у дубровницкой поэзіи, чѣмъ съ вышеизложенными житіями, поученіями и т. д. Въ хронологіи (Менчетичъ, Лучичъ), въ свѣдѣніяхъ объ отдѣльныхъ произведеніяхъ (Пелегринъ Ветранича, комедіи Даржича, драмы Вл. Менчетича) г. Степовичъ часто грѣшитъ; мѣстами авторъ излишне многословенъ (Рельковичъ) или, наоборотъ, ограничивается такими характеристиками: «Никола Димитровичъ (1510—53) извѣстенъ развѣ по надгробному стихотворенію, написанному въ честь его Мавромъ Ветраничемъ» (80 стр.). И это все о Димитровичѣ; также мало о

Николѣ Налѣшковичѣ, даровитомъ представителѣ дубровницкой комедіи. Особенно рѣзко нарушаетъ г. Степовичъ свое обѣщаніе «вводить читателя въ самыя произведенія» (3 стр., прим.) въ отдѣлѣ славонской и собственно хорватской литературы.

За то г. Степовичъ готовъ цѣликомъ пересказать въ третьемъ очеркѣ (писатели новаго періода сербской литературы) всѣ монографіи, какія онъ читалъ о Досиоеѣ Обрадовичѣ (Радченко), Вукѣ Караджичѣ (Кулаковскій), Бранкѣ Радичевичѣ (Вуловичъ), Нѣгошѣ (Лавровъ), Змаѣ-Іовановичѣ (Хаджичъ и др.). Но на трагедіяхъ Лазаря Костича, которыми онъ и славенъ, на драмахъ Драгутина Илича г. Степовичъ вовсе не останавливается, новѣйшихъ сербскихъ писателей не называетъ даже по имени. Примѣровъ странной непослѣдовательности здѣсь сколько угодно. Такъ, автору ничего не стоитъ приравнять Воислава Илича къ Пушкину и потомъ заявить, что его поэзія однообразна, скудна по содержанію, исполнена грубыхъ и нехудожественныхъ подробностей и что отъ нея вѣетъ пошлостью (315—317 стр.). Вообще оцѣнка произведеній новой литературы сдѣлана г. Степовичемъ съ эстетической точки зрѣнія по извѣстному рецепту: малосодержательныя восклицанія о дарованіи автора, патетическій восторгъ по поводу отдѣльныхъ мѣстъ, пересказъ мелочей, безъ вниманія къ идеѣ цѣлаго, безъ указанія отношенія произведенія къ интересамъ общественнымъ. Что г. Степовичъ сильно сочувствуетъ устарѣвшей эстетической точкѣ зрѣнія, очевидно изъ его туманныхъ и въ высокой степени наивныхъ разсужденій о сущности прекраснаго (209 и 285 страницы).

Иллирское движеніе изложено у автора безъ надлежащаго пониманія; къ писателямъ «иллиризма» отнесенъ и Николай Черногорскій и всѣ нынѣшніе хорватскіе писатели; всей хорватской литературѣ, начиная съ Л. Гая, посвящено столько-же, сколько выше было удѣлено одному Бранку Радичевичу: такова «художественная гармонія частей» не въ теоріи, а на дѣлѣ! Очевидно, что на 40 страницахъ не введешь читателя въ произведенія литературы хорватовъ за послѣдніе полвѣка и поневолѣ приходится «перечислять» имена (337, 341, 360 и сл. стр.), но хотя бы дѣлалась эта перекличка въ порядкѣ! А то мы находимъ въ этомъ историко-литературномъ каталогѣ г. Степовича полную безсистемность: сербъ Игнатовичъ, сербъ Филиповичъ, хорватъ Шеноа, хорватъ Пальмовичъ, сербъ Трифковичъ и т. д. Характеристики въ двѣ-три строчки, притомъ часто взятыя изъ такого авторитетнаго источника, какъ примѣчанія къ перево-

дамъ изъ славянскихъ поэтовъ г. Уманова-Каплуновскаго (срав. Баянъ 50 стр. и Степовичъ о Шеноа 360 стр.).

Достойно вѣнчается дѣло г. Степовича обзоромъ науки и повременныхъ изданій у сербовъ и хорватовъ. Здѣсь не перечтешь всѣхъ ученыхъ, неизвѣстныхъ г. Степовичу; неизвѣстенъ, напримѣръ, П. Будмани, не сочтенъ достойнымъ быть выдѣленнымъ С. Любичъ; не названы болѣе крупные историческіе труды Ст. Новаковича и т. д.

Какъ въ исторіи и эстетикѣ, такъ и въ политикѣ г. Степовичъ не силенъ. Хорватскимъ политическимъ партіямъ и повременнымъ изданіямъ посвящено ровно 15 строкъ! Вся суть сербскихъ партій оказывается въ личныхъ отношеніяхъ. Между тѣмъ, для русскаго читателя слѣдовало бы подчеркнуть, какъ служатъ народности въ ея борьбѣ за существованіе среди чуждыхъ стихій сербская и хорватская наука, разныя общества (особенно матицы) и печать.

Приложеннымъ азбучнымъ указателемъ пользоваться нельзя, ибо часть именъ, упоминаемыхъ въ книгѣ, пропущена въ Указателѣ (Водопичъ, Герчичъ, Хидья, Шеноа и др.), или же на указанныхъ страницахъ нѣтъ указанныхъ именъ (Банъ, Иличъ В., Казначичъ, Магарашевичъ, Пучичъ, Раичъ І., Томичъ и др.).

Но, можетъ быть, не отличаясь «полнотой, вѣрностью и новизной данныхъ», книга г. Степовича исполнена «легкости изложенія». Увы, и эта надежда насъ обманула. Языкъ книги какой то славяно-сербскій (слова: преимуществовать, благобытъ, цѣлодневный, политикообщественный, интеллигентно-художественный, тихогрустный, сладостнотоскливый; выраженія: сердца любятся и вздыхаютъ другъ за другомъ и т. п.), любимое словечко г. Степовича «такъ сказать» повторяется почти на каждой страницѣ, мѣстами по два и по три раза на одной страницѣ; изложеніе часто некстати прерывается разными посторонними вставками: напримѣръ, дѣятельность Бранко Радичевича разбирается съ перерывомъ въ 16 страницъ, или, не докончивъ рѣчи о Якшичѣ (292—296), авторъ говоритъ «нѣсколько словъ» о Ненадовичѣ (294—5). Образцомъ неудобочитаемаго языка служитъ вся книга; для доказательства приведу только одну, совершенно случайную выдержку (стр. 12): «Любовь собственно сербскихъ читателей, для которыхъ, какъ и для болгаръ, личность Александра была еще болѣе, благодаря самой мѣстности его рожденія и воспитанія (Македонія), къ повѣсти о великомъ царѣ выразилась, между прочимъ, въ томъ обстоятельствѣ, что, не смотря на огромную распространенность въ народной толщѣ, судя по рукописнымъ изво-

дамъ, стараго перевода, въ 1844 г. явился еще и другой переводъ съ греческаго, нѣсколько иного извода» и т. д. и т. д. Чтеніе дѣлается еще болѣе тяжелымъ отъ постоянныхъ повтореній, отъ того, что текстъ пестрятъ библіографическія указанія, которыя должны бы помѣщаться въ примѣчаніяхъ, наконецъ, отъ чудовищнаго количества опечатокъ.

Нѣкоторымъ увеселительнымъ развлеченіемъ служатъ лишь переводы г. Вѣры Глумовой, въ которыхъ, не смотря на то, что ихъ Степовичъ называетъ весьма удачными, соотвѣтствуетъ оригиналу не болѣе одной строчки на десять (ср. 261 стр.) и еще болѣе—стихотворные и вольные переводы самого г. Степовича. Предлагая любителямъ обратиться къ его книгѣ (стр. 263—7 или 294), приведу здѣсь лишь одну строфу:

Положи вѣнки ты, вила,
На два охладѣлыхъ гроба:
Юрій Якшичъ и Любиша
Славили тебя вѣдь оба.

Послѣ всего сказаннаго никто, надѣюсь, не ждетъ отъ меня общаго заключенія объ «очеркахъ исторіи сербохорватской литературы» А. Степовича.

А. Липовскій.

Сербская Матица и ея дѣятельность.

Въ южной Венгріи, въ Новомъ Садѣ (Ujvidék) — центрѣ культурной жизни австрійскихъ сербовъ—пріютилось съ давнихъ поръ научно-литературное общество «Сербская Матица», извѣстное у насъ любителямъ славянской литературы и исторіи полу-научнымъ, полу-литературнымъ органомъ своимъ «Летопис Матице Српске».

Въ послѣдніе годы общество это переживало тяжелую пору упадка энергіи и дѣятельности. Осенью 1899 года вокругъ старыхъ дѣятелей Матицы сплотилась молодая партія, задавшаяся цѣлью поднять культурное значеніе Матицы, поставить ее на ту высоту, какую по идеѣ она и должна занимать. Трудами этой молодежи изданъ и послѣдній объемистый томъ Лѣтописи Матицы: о немъ рѣчь впереди.

Новое движеніе является весьма характернымъ и любопытнымъ протестомъ противъ современнаго застоя въ сербскомъ обществѣ и заслуживаетъ полнаго къ себѣ вниманія.

Матица имѣетъ за собою длинную исторію. Основано это общество въ 1825 году нѣсколькими лицами—шестью богатыми торговцами и адвокатомъ Иваномъ Хаджичемъ-Светичемъ. Явилось оно какъ бы отзвукомъ движенія тридцатыхъ годовъ, возродившаго интересъ къ національной идеѣ, къ политическому и культурному прошлому народовъ. Историки этого времени указываютъ, не безъ основанія, что знаменитый въ то время славистъ Павелъ Шафарикъ первый подалъ австрійскимъ сербамъ мысль основать такое общество. До 1864 года Матица помѣщалась въ Будапештѣ, и въ ея распоряженіи находились значительныя суммы фонда, пожертвованнаго на дѣла благотворительности Савой Текели. Когда сербы стали хлопотать о переводѣ Матицы въ Новый Садъ, «въ отечество сербской науки», то венгерское правительство, всегда недоброжелательно смотрѣвшее на попытки славянъ стать на свои ноги, всѣми силами старалось, если не уничтожить совсѣмъ, то по крайней мѣрѣ по возможности ослабить значеніе этого общества. И впослѣдствіи, послѣ перехода Матицы изъ Будапешта въ Новый Садъ, сербамъ въ теченіе многихъ лѣтъ приходилось выдерживать упорную борьбу съ мадьярами. Правительственные органы обвиняли Матицу въ сепаратизмѣ, указывали на ея антигосударственное направленіе и, наконецъ, заставили отобрать у Матицы фондъ Текели. Фондъ былъ переданъ въ вѣдѣніе сербской церковной общины въ Будапештѣ, при чемъ община безъ разрѣшенія правительства не имѣла права производить какія бы то ни было затраты изъ суммъ этого фонда.

Несмотря на всѣ препятствія, сербамъ удалось отстоять свою независимость, правда, относительную. Въ настоящее время стѣснительныхъ мѣръ меньше. Матица имѣетъ опредѣленный уставъ, утвержденный правительствомъ, но дѣйствуетъ подъ непосредственнымъ контролемъ бдительныхъ мадьярскихъ чиновниковъ.

Уставъ Матицы такъ опредѣляетъ ея задачи. Сербская матица—общество, имѣющее цѣлью матеріально и духовно содѣйствовать, развивать и распространять сербскую литературу и искусство и такимъ путемъ поднимать просвѣщеніе сербскаго народа.

Съ этой цѣлью Матица издаетъ на свои средства оригинальныя и переводныя произведенія сербскихъ и иностранныхъ писателей; покупаетъ рукописи для изданія; переиздаетъ выдающіяся сербскія

произведенія. Она обсуждаетъ мѣры, ведущія къ процвѣтанію сербской литературы; назначаетъ преміи за лучшія сочиненія, награждаетъ произведенія по вопросамъ науки, искусства и литературы, представленныя на эти преміи; издаетъ повременный органъ, отвѣчающій задачамъ общества; заботится о возможно широкомъ распространеніи въ народѣ лучшихъ литературныхъ сербскихъ и иностранныхъ произведеній и проч.

Дѣйствительными членами Матицы считаются лица, единовременно внесшія 50 гульденовъ; почетные—избираются за особыя литературныя заслуги. Иностранцы могутъ быть лишь почетными членами, и то съ особаго разрѣшенія венгерскаго правительства.

Основной капиталъ Матицы составился изъ единовременныхъ членскихъ взносовъ и крупныхъ пожертвованій деньгами и угодьями. Пополняется онъ путемъ тѣхъ же взносовъ и на счетъ прихода по нѣкоторымъ статьямъ. Нынѣ капиталъ этотъ, превышающій милліонъ гульденовъ, и угодья Матицы въ общемъ приносятъ сумму дохода, покрывающую съ избыткомъ всѣ расходы Матицы.

Свои суммы Матица затрачиваетъ главнымъ образомъ на воспитаніе неимущей сербской молодежи, на изданіе полезныхъ и доступныхъ по цѣнѣ для народа книгъ и на печатаніе своего литературнаго органа..

Съ 1838 по 1900 годъ на средства Матицы получило воспитаніе въ среднихъ и высшихъ школахъ, мѣстныхъ и заграничныхъ, болѣе 400 юношей. Стипендіи (до 600 гульденовъ) назначаются изъ девяти капиталовъ, завѣщанныхъ для этой именно цѣли Матицѣ доброхотными жертвователями.

Книгъ для народа, за все время своего существованія, Матица издала собственно немного — около сотни. Въ эту народную библіотечку вошли самыя разнообразныя сочиненія, напр. «Жизнь В. Франклина», «Правила о воспитаніи дѣтей», «Уходъ за пчелами», «Разсказы Л. Н. Толстого», «Сербскія народныя пословицы», «Землевѣдѣніе» и т. п. Каждая книжка, независимо отъ количества страницъ, стоитъ 10 крейцеровъ (8 копеекъ). Нѣкоторымъ школамъ и церковнымъ общинамъ, сравнительно бѣднымъ, Матица посылаетъ свои изданія безплатно.

Заботится Матица и о своихъ служащихъ. Для ея чиновниковъ существуетъ пенсіонная касса, дающая право, послѣ 40 лѣтъ службы, на полученіе пенсіи въ размѣрѣ полнаго жалованья.

Число членовъ Матицы до 1898 года значительно возростало съ

каждымъ годомъ. Въ 1899 и 1900 число ихъ сильно колеблется. Вотъ точная таблица этого роста за послѣдніе годы:

1896 г....1344 чл.	1898 г....1474 чл.
1897 »...1416 »	1899 »...1330 »

Въ 1900 году число членовъ, сравнительно съ предыдущимъ годомъ, увеличилось, но еще не достигло цифры 1898 года. Почетныхъ членовъ Матица насчитываетъ 83. При Матицѣ организовано такъ называемое «Литературное Отдѣленіе» (Књижевно Одељење), состоящее изъ 79 дѣйствительныхъ и 10 почетныхъ членовъ (преимущественно изъ королевства Сербіи). Главная его задача — литературная и научная дѣятельность, постоянная работа для Лѣтописи и организація литературно-ученаго дѣла.

Литературнымъ органомъ Матицы со времени ея основанія былъ журналъ «Летопис» [1]). Первоначальная программа Лѣтописи была очень широка и вмѣстѣ съ тѣмъ неопредѣленна. Лѣтопись должна была давать сербской публикѣ «все то, что̀ касается вообще славянскихъ народовъ и въ частности сербовъ». Кругъ читателей этого журнала былъ весьма ограниченъ: содержаніе его было доступно лишь избраннымъ. Лѣтописи предстояло не легкое дѣло — создать себѣ читающую публику, предлагая ей подходящій къ ея интересамъ матеріалъ. Конечно, Лѣтопись въ тѣ времена не могла быть ни вполнѣ научнымъ, ни чисто литературнымъ органомъ: сотрудники ея были люди хотя и достойные, но далеко не подготовленные къ научной и литературной дѣятельности. Лѣтопись пыталась дать своимъ читателямъ разнообразный и интересный матеріалъ. Кромѣ статей, трактовавшихъ о прошломъ славянъ, она помѣщала и статьи, касавшіяся современнаго просвѣщенія и знакомившія публику съ литературными силами Сербіи и другихъ странъ.

Начиная съ 29 книжки (въ 1832 — 1841 г. при редакторѣ Т. Павловичѣ), Лѣтопись нѣсколько отступила отъ первоначальной программы. Съ одной стороны она стала обращать больше вниманія на прошлое сербовъ, живущихъ въ Венгріи, но съ другой не теряла связи и съ культурнымъ настоящимъ славянъ. Въ этотъ періодъ опредѣленной программы однако она не держалась: печаталось все, что̀ попадало въ редакцію случайно, отъ случайныхъ сотрудниковъ.

Съ 1842 по 1853 годъ редактировалъ 81 — 88 кн. Лѣтописи

---

1) Съ 1896 г. Матица ежегодно издаетъ «Рад и Именик Матице Српске» — подробный отчетъ о дѣятельности. *Авт.*

Иванъ Суботичъ, человѣкъ весьма дѣятельный, энергичный, съ широкими планами. Въ королевствѣ сербскомъ въ это время возникло «Общество Сербской Словесности» (Друштво Српске Словесности — въ 1842 году) со своимъ литературнымъ органомъ «Гласникомъ» (1847 г.). Это общество и его «Гласник» заставили Лѣтопись нѣсколько сузить первоначальную програму. Лѣтопись становится больше областнымъ провинціальнымъ журналомъ, задачей котораго является изданіе памятниковъ по исторіи сербовъ въ Венгріи. Новый редакторъ приглашаетъ священниковъ и сельскихъ учителей собирать матеріалы живой старины; настоятелей монастырей призываетъ оберегать и описывать монастырскіе архивы и древности, проектируетъ снимать и издавать палеографическимъ путемъ старыя сербскія рукописи, собирать старинныя монеты и т. д. Онъ же отводитъ въ журналѣ впервые особый библіографическій отдѣлъ — Књижество; наконецъ, первый поднимаетъ вопросъ о средствахъ распространенія въ народѣ просвѣщенія, для чего издаетъ ежегодно по одной книжкѣ, полезной для народа въ практическомъ отношеніи. Такимъ образомъ програма Ив. Суботича ничѣмъ не отличается отъ современныхъ програмъ научныхъ журналовъ. Журналъ, однако, не создалъ читающей публики: онъ мало привлекалъ подписчиковъ и не расходился. Это заставило редактора ввести новую рубрику въ Лѣтопись — «Новеле» — для читателя средней руки.

Слѣдующій редакторъ г. Георгіевичъ, издававшій Лѣтопись до 1858 г. (97—99 кн.), въ основахъ не измѣнилъ програмы своего предшественника, а только расширилъ и дополнилъ ее.

Въ 60-хъ и 70-хъ годахъ въ королевствѣ Сербскомъ прекращается извѣстная борьба сербскихъ ученыхъ изъ-за новаго фонетическаго правописанія, устанавливается литературный языкъ. Впервые у сербовъ появляются ученые историки, обладающіе критическими пріемами (монахъ Ил. Руварацъ и Ст. Новаковичъ). Прежнее Общество Словесности преображается въ спеціальное «Сербское Ученое Общество» (Српско Учено Друштво). Этотъ сильный взрывъ научнаго и литературнаго энтузіазма въ Балканской Сербіи почти не отразился на Новосадской Матицѣ и ея Лѣтописи. Начиная съ 100-й книжки (1859 г.) и, съ небольшимъ перерывомъ, до 184-й (1896 г.) редакторствовалъ и секретарствовалъ въ одно и то же время въ Матицѣ А. Хаджичъ, человѣкъ не безъ способностей, котораго втянула однако сонливая обстановка, а будничныя Новосадскія дрязги отвлекали отъ настоящаго дѣла. Журналъ не прогрессировалъ: въ теченіе почти 40 лѣтъ онъ едва прозябалъ. Насколько была плодо-

творной дѣятельность Матицы въ этотъ несчастный періодъ, показываетъ статистика. Съ 1864 по 1890 г., т. е. за 16 лѣтъ, вышло всего 12 книжекъ Лѣтописи, а ихъ должно было выйти 64. Издательская дѣятельность Матицы для народа за послѣдніе 40 лѣтъ тоже была незначительна. При этомъ не слѣдуетъ забывать того обстоятельства, что Матица, обладая хорошими средствами, *всегда* могла платить своимъ сотрудникамъ и часто назначала большія преміи за работы, но таковыхъ работъ никто не представлялъ.

Въ существующее при Матицѣ Књижевно Одељење съ 1864 по 1896 годъ было избрано 122 члена; изъ нихъ за все время принимали участіе въ литературной дѣятельности только 30 человѣкъ. Что же дѣлали остальные? Остальные *критиковали*. Дѣло въ томъ, что Литературное Отдѣленіе между прочимъ получаетъ на разсмотрѣніе и оцѣнку новыя рукописи — оригинальныя и переводныя. Какими то судьбами среди членовъ Литературнаго Отдѣленія выработалась традиція—не писать для Лѣтописи, не работать на литературномъ поприщѣ, что они, по идеѣ отдѣленія, должны собственно дѣлать, а *критиковать*. Исторія Лѣтописи (ея отчеты) указываетъ, насколько разносторонни были эти критики. Одно лицо, напримѣръ, представляло отчетъ по разнымъ вопросамъ, оцѣнивая присылаемыя въ Отдѣленіе рукописи по литературѣ (драма, комедія), по физикѣ, по этнографіи, по химіи, по географіи, по медицинѣ, по исторіи, по сельскому хозяйству. Почти всегда случалось при этомъ, что одобренныя критиками Матицы и напечатанныя затѣмъ работы недружелюбно встрѣчались настоящей критикой, доказывавшей ихъ несостоятельность. Такъ продолжалось долго; въ концѣ концовъ, впрочемъ, оказалось, что критиковать некого, и члены Литературнаго Отдѣленія «отъ того часа почили на лаврахъ».

Въ теченіе длиннаго періода литературной дѣятельности Матицы три раза выходилъ перечень статей и замѣтокъ, помѣщенныхъ въ Лѣтописи. Въ 1828 году вышелъ указатель къ книжкамъ 1 — 15: Содержаніе одъ свію частица Сербске Лѣтописи отъ год 1825 — 1828. Въ пятидесятыхъ годахъ вышло продолженіе этого указателя: Содержаніе свію частій Сербског Лѣтописа отъ год 1829—1850. Наконецъ, въ 1896 году въ 185 книжкѣ Лѣтописи помѣщенъ составленный двумя авторами Садржај свију Летописа од 1 — 184 књиге. Первый указатель по авторамъ (мало полезный) составилъ редакторъ Лѣтописи А. Хаджичъ, а второй по отдѣламъ (весьма цѣнный)—Дж. Поповичъ.

Какова была просвѣтительная дѣятельность Матицы за послѣд-

ніе годы, можно видѣть изъ прилагаемой таблицы, показывающей, сколько расходилось ежегодно членскихъ, платныхъ и даровыхъ экземпляровъ Лѣтописи и издаваемыхъ для народа книгъ [1]).

	Лѣтопись:			Книги:	
	Членскіе.	Платные.	Даровые.	Платныя.	Даровыя.
1896 г.	1150	20	859	2000	2492
1897 »	1200	19	668	2000	663
1898 »	1315	26	217	2000	974
1899 »	1310	15	369	1015	2147
1900 »	1213	19	561	1000	1612

Даровые экземпляры Лѣтописи и книгъ разсылаются ежегодно сербскимъ народнымъ школамъ, читальнямъ, библіотекамъ, церковнымъ общинамъ въ Венгріи. Изъ приложенной таблицы не трудно усмотрѣть, что и распространеніе изданій Матицы въ послѣдніе два года шло значительно слабѣе прежняго.

На Матицѣ со дня ея основанія лежала культурная миссія: она призвана была ширить сербскую идею, распространять славянскую литературу и вообще просвѣщеніе среди сербовъ, живущихъ въ предѣлахъ Венгріи. Такимъ образомъ съ одной стороны она являлась противовѣсомъ мадьярской и нѣмецкой пропагандѣ, съ другой же стороны парализовала до извѣстной степени притязанія хорватовъ. Основатели Матицы и лучшіе ея дѣятели такъ и понимали ея назначеніе, но въ послѣдующіе годы тѣ, кто призванъ былъ вершить дѣла Матицы, не особенно ясно, очевидно, сознавали, куда имъ итти, въ силу чего дѣятельность и культурное значеніе Матицы значительно ослабѣли.

Матица со своимъ литературнымъ органомъ съ 1864 года и до осени 1899 г. плелась черепашьими шагами. Одинъ изъ ея дѣятелей на свою бѣду предпринялъ недавно изданіе каталога библіотеки Матицы, на что истрачена была значительная сумма. Каталогъ составленъ плохо, безъ всякой системы, безъ пониманія дѣла и безъ особеннаго ущерба можетъ быть изъятъ изъ употребленія. Это неудачное изданіе сослужило, однако, службу, вызвавъ на очередь вопросъ о преобразованіяхъ и оживленіи дѣятельности Матицы.

Молодая партія, затѣявшая переворотъ, напечатала рядъ статей, въ которыхъ освѣтила весьма ярко со всѣхъ сторонъ нынѣшнее по-

1) Данныя извлечены изъ печатныхъ отчетовъ Матицы. *Авт.*

ложеніе Матицы и начертала планъ будущихъ дѣйствій Матицы, высказавъ такимъ образомъ свои pia desiderata.

Причину настоящей слабости Матицы новое поколѣніе видитъ въ самомъ сербскомъ обществѣ, поставляющемъ ей членовъ и дѣятелей.

Общество это не энергично, лѣниво, не любитъ серьезнаго труда и только внѣшнимъ образомъ, формально дѣлаетъ видъ, что трудится. Въ работѣ оно руководствуется не идеей, не широкими взглядами, не общей пользой, а мелкими побужденіями, обыкновенно даже личными выгодами, самолюбіемъ. Въ немъ нѣтъ ни достаточной выдержки, ни твердыхъ принциповъ, нѣтъ ни самопожертвованія, ни искренности, ни сознанія общественнаго единства: ихъ мѣсто заступаютъ пустая амбиція, апатія, эгоизмъ, притворство и ложь. Такое общество не можетъ дать Матицѣ достаточнаго количества хорошихъ работниковъ; если же и попадаются дѣльные и надежные люди, то среда сразу ихъ деморализуетъ, отвлекая ихъ отъ серьезной работы въ область мелкихъ дрязгъ и партійныхъ споровъ...

Итакъ, перестроить Матицу, оживить ея дѣятельность—это значитъ передѣлать общество, создать новую породу людей. Къ такимъ горькимъ выводамъ приходятъ строгіе, но, по нашему мнѣнію, вполнѣ справедливые критики.

Какъ паліатива, рекомендуется бóльшій разборъ при пріемѣ въ члены Литературнаго Отдѣленія, куда необходимо выбирать людей съ литературнымъ прошлымъ и литературными дарованіями. Матица должна собрать у себя лучшія литературныя и ученыя силы, занятыя теперь постороннимъ дѣломъ, обезпечить ихъ матеріально, давъ имъ такимъ образомъ возможность на свободѣ работать для Матицы и для народа, заниматься наукой и литературой. Помимо того Матица должна давать средства для дальнѣйшаго образованія и учителямъ среднихъ школъ, посылая ихъ за границу,—иначе новое поколѣніе будетъ походить на старое. Свои силы Матицѣ необходимо направить: 1) на научную разработку многихъ вопросовъ, 2) на культурную миссію — распространеніе въ широкой массѣ результатовъ, добытыхъ наукой. Лѣтопись Матицы всегда должна имѣть въ виду просвѣщеніе сербовъ, ихъ культурное развитіе. Девизомъ ея пусть будетъ отнынѣ: За Србе у Угарскоj и о Србима у Угарскоj (Для Сербовъ Венгерскихъ и о Сербахъ Венгерскихъ).

Съ чисто внѣшней стороны проектъ рекомендуетъ сдѣлать Лѣтопись учено-литературнымъ органомъ, выпускать ее 6 разъ въ годъ книжками въ размѣрѣ отъ 7 до 8 печатныхъ листовъ; кромѣ

того издавать ежегодно для народа по 6 книгъ литературнаго и научно-популярнаго характера. Послѣднее предложеніе о реформѣ Лѣтописи уже принято правленіемъ Матицы.

Мы всецѣло стоимъ на сторонѣ новаго проекта, но съ своей стороны считаемъ не лишнимъ высказать нѣкоторыя сомнѣнія. Въ 60-хъ и 70-хъ годахъ Матицѣ, какъ мы видѣли, не удалось создать себѣ читающую публику по двумъ причинамъ: 1) отсутствовали люди, которые бы могли работать на литературномъ полѣ; все печатавшееся въ лѣтописи, за малыми исключеніями, носило чисто случайный или же слишкомъ спеціальный характеръ; 2) сама публика, для которой работала Матица, была мало культурна, и заинтересовать ее было не такъ легко. Въ настоящее время умственный уровень сербовъ значительно повысился, интересъ къ литературѣ и наукѣ выросъ, а Матица по прежнему продолжаетъ дѣйствовать не особенно успѣшно. По нашему мнѣнію, главная причина этого неуспѣха кроется въ томъ матеріалѣ, который предлагала до сихъ поръ своимъ читателямъ Матица.

Читателями Матицы были и будутъ лица средняго класса и средняго умственнаго развитія: для нихъ долженъ быть и соотвѣтственный матеріалъ. Такимъ матеріаломъ могутъ быть: 1) научно-популярные очерки по исторіи и литературѣ славянъ и другихъ народовъ, по искусству, по философіи, такіе же очерки по точнымъ наукамъ; 2) беллетристическія произведенія сербскихъ и иностранныхъ писателей. Въ данномъ отношеніи особенное вниманіе должно быть обращено на русскую литературу.

Что же касается тѣхъ научныхъ статей по исторіи сербовъ и тѣхъ сырыхъ матеріаловъ по литературѣ ихъ и этнографіи, какіе до сихъ поръ печатались въ Лѣтописи, то мѣсто имъ либо въ приложеніяхъ къ Лѣтописи, либо въ отдѣльныхъ изданіяхъ Матицы. Въ этомъ случаѣ Матица, чтобы имѣть успѣхъ среди своей публики, не должна копировать ученыя записки академіи русской, юго-славянской или сербской: у нихъ другія задачи, иныя цѣли.

Издательская дѣятельность Матицы, направленная на снабженіе народа дешевыми популярными книжками, можетъ быть обращена съ большою пользою для дѣла и въ другую сторону: Матица можетъ и должна издавать для широкой публики и болѣе серьезныя работы—именно, отдѣльныя монографіи по исторіи и литературѣ какъ славянъ, такъ и другихъ народовъ, а также хорошіе учебники для низшихъ и среднихъ школъ. Хорошимъ примѣромъ можетъ служить ей въ данномъ случаѣ Хорватская Матица.

Мы согласны съ тѣмъ, что Матица, располагающая хорошими средствами, должна сплотить вокругъ себя литературныя и научныя силы Сербіи, обезпечивъ ихъ для успѣха работы матеріально. Пусть поставляютъ они для Лѣтописи необходимый матеріалъ; спеціальныя же ихъ работы должны вестись въ области исторіи, литературы, этнографіи и археологіи и психологіи сербовъ и печататься независимо отъ Лѣтописи, предназначаясь для болѣе узкаго круга читателей — спеціалистовъ.

При такомъ только условіи намъ кажется возможнымъ дальнѣйшій успѣхъ Матицы, при такомъ только условіи заинтересуетъ она, привлечетъ публику и сослужитъ ту службу, какой отъ нея всегда ожидали.

Нынѣшнее движеніе весьма симпатично, но мы сомнѣваемся, чтобы оно имѣло долгій и прочный успѣхъ при прежней программѣ и при прежнихъ порядкахъ: не хватитъ у Матицы силъ. Въ послѣдней (202 и 203) книжкѣ Лѣтописи обширный и разумно составленный библіографическій отдѣлъ въ 130 страницъ заполненъ шестью работниками. На сколько же книжекъ хватитъ этихъ шести человѣкъ!..

Мы отъ души желаемъ полнаго успѣха новымъ дѣятелямъ симпатичнаго учрежденія; пусть только они, для вящаго успѣха своего дѣла, обратятъ больше вниманія на литературу и вообще на умственную жизнь Россіи. Знакомство съ этими сторонами Россіи не пропадетъ безъ пользы для читателей Лѣтописи [1]).

Трудами новой партіи, одержавшей побѣду надъ старой, издана послѣдняя книжка Лѣтописи:

Летопис Матице Српске. Књига 202 и 203. Свеска II и III за годину 1900. У Новом Саду, III+480.

---

1) При составленіи даннаго очерка мы руководствовались слѣдующимъ матеріаломъ: А. Хаџић: Опроштај Уредников (Летопис, књ 185, 1896 г.), М. Савић: Предисловіе къ указателю Лѣтописи (ibidem), Рад и Именик Матице Српске године 1896—1900; статьями въ первомъ номерѣ повременнаго изданія «Покрет» (Нови Сад 1899 г.). — Іов. Рад(онића), Ст. Ст(анојевића), М. J(акшића), Тих. О(стојића), а также точно и свѣдѣніями, почерпнутыми изъ личнаго знакомства съ положеніемъ и дѣлами Матицы. *Авт.*

По своему содержанію выпускъ этотъ чрезвычайно интересенъ. Изъ статей историко-литературнаго характера отмѣтимъ:

1) Симе Томића: Књижевни и научни рад Павла Іос. Шафарика (окончаніе, начало въ 197 книжкѣ Л.).

2) J. Радонића: Прилошци историји словенског препорођаја крајем прошлога и почетком овог века. (Окончаніе, начало см. 201 кн. Л.). Авторъ статьи извлекъ матеріалы изъ книги И. Ягича «Новыя письма Добровскаго, Копитара и др.».

3) Бл. Бранчић: Шандор Петефи. Крит.-біогр. очеркъ.

4) Б. Недић: Студије о новијим српским писцима: I. Б. П. Ненадовић.

По исторіи — М. Јакшића: О Вићентију Іовановићу (1731 — 1737 г.).

Матеріалы: Писма Ђуре Даничића Іовану Бошковићу (съ 187 кн. Л.).

С. Матавуља: Биљешке једног писца.

Обращаетъ на себя вниманіе библіографическій отдѣлъ, до сихъ поръ слабѣйшая сторона Лѣтописи. Раздѣленъ онъ на два отдѣла: критическія статьи и библіографическія замѣтки. Во второмъ отдѣлѣ замѣтки въ свою очередь распредѣлены по предметнымъ группамъ. Особое мѣсто занимаетъ обзоръ дѣятельности разныхъ обществъ и учрежденій литературнаго и ученаго характера. Въ библіографическомъ отдѣлѣ разсмотрѣны всѣ появившіяся за послѣднее время работы по славяновѣдѣнію на славянскихъ яз. и на русскомъ, нѣмецкомъ, французскомъ и мадьярскомъ.

В. Кораблевъ.

Z oboru slavistiky. Uvažuje Dr. V. Vondrák.

(Časopis M. K. Č., R. LXXIV, 1900, sv. I, str. 18—37).

Въ этой статьѣ, содержательной и поучительной, какъ все, что выходитъ изъ подъ пера этого вѣнскаго ученаго, авторъ рѣшаетъ два капитальныхъ вопроса славянской филологіи: 1) вопросъ объ отношеніи славянскихъ языковъ къ германскимъ и 2) вопросъ о родинѣ старославянскаго языка. На первый изъ этихъ вопросовъ г. Вон-

дракъ даетъ отвѣтъ отрицательный: по его мнѣнію, никогда не существовало единаго германско-литовско-славянскаго языка, и извѣстный переходъ *b* (*bh*) въ m (спорадически встрѣчающійся и въ другихъ языкахъ, напр. греческомъ и латинскомъ) доказываетъ только то, что германцы сосѣдили нѣкогда со славянами въ европейской прародинѣ. На то же указываютъ нѣкоторыя лексикальныя сходства, какъ сѣв.-нѣмецк. *berr*, слав. босъ, лит. bãsas; сѣв.-нѣм. eiscôn, ст.-сл. искати, лит. jëszkoti; переходъ группы *sr* въ *str*; общій суффиксъ *-sko-* и, наконецъ, переходъ дифтонга *eu* въ ju въ общеславянскомъ языкѣ. Съ послѣднимъ явленіемъ авторъ сопоставляетъ переходъ въ готскомъ того же дифтонга (eu—eo) въ *iu*, весьма понятный при измѣненіи коренного *e* въ этомъ языкѣ въ *i*. Но какъ справедливо уже замѣтилъ проф. Зубатый (Věstník slovanských starožitností, sv. 4, str. 20), слав. ю словъ любъ, рюти и т. п. можетъ восходить и къ лит. jau въ словахъ sziaurỹs, riaugmi и могло произойти изъ слав. *jou путемъ простой перегласовки. Такъ какъ переходъ *eu* въ *iu* встрѣчается и въ другихъ германскихъ нарѣчіяхъ, то д-ръ Вондракъ полагаетъ, что заимствованіе славянами этого процесса могло произойти только тогда, когда готы еще жили по Вислѣ въ сосѣдствѣ съ другими германскими племенами. И съ этимъ мнѣніемъ врядъ ли можно согласиться, такъ какъ, если славяне могли заимствовать у готовъ слова вродѣ оусерязь, книга и т. п. въ время передвиженія послѣднихъ по западной и южной Россіи, то ничто не мѣшаетъ намъ отнести къ той же эпохѣ и рефлексъ *ju* изъ **eu*, если только указанное г. Вондракомъ сходство не есть результатъ простого случая. Къ той же эпохѣ нашъ авторъ относитъ и заимствованіе славянами такихъ словъ, какъ мъіто, хъізъ и др., въ которыхъ коренная гласная восходитъ къ *ū* изъ готск. *ō*. Черезъ посредство готскаго же языка проникло къ славянамъ названіе Дунай, въ которомъ *у* произошло изъ готск. ō (кельт. ā). Отсюда г. Вондракъ дѣлаетъ тотъ выводъ, что Дунай не былъ никогда колыбелью славянскаго племени. Послѣ этихъ замѣчаній, съ которыми врядъ ли можно спорить, авторъ переходитъ къ рѣшенію второго поставленнаго имъ вопроса — о родинѣ старославянскаго языка. Эта родина, по его мнѣнію, — Македонія. Паннонская теорія находитъ въ немъ горячаго противника. Нѣмецкія слова, встрѣчающіяся въ текстѣ древнѣйшихъ старославянскихъ памятниковъ, могли проникнуть сюда или непосредственно изъ Македоніи, или только въ позднѣйшіе годы дѣятельности славянскихъ апостоловъ въ Моравіи. Также ничего, по его словамъ,

не доказываютъ и старославянизмы въ словахъ, заимствованныхъ мадьярами у славянъ, такъ какъ это заимствованіе могло совершиться еще до прихода ихъ въ Паннонію. Въ заключеніе своего этюда, д-ръ Вондракъ опровергаетъ гипотезу В. Н. Щепкина о неморавскомъ происхожденіи «Кіевскихъ отрывковъ».

Этому высокоинтересному этюду, съ большинствомъ положеній котораго нельзя не согласиться, авторъ предпослалъ нѣсколько вѣрныхъ замѣчаній объ упадкѣ славяновѣдѣнія, въ особенности русскаго, и объ отсутствіи въ такъ называемыхъ «образованныхъ» слояхъ славянскихъ обществъ даже элементарныхъ свѣдѣній о первомъ общеславянскомъ языкѣ.

K odsutí *t* ve 3 osobě praesentní ve slovanštině.

Podává I. Horák (Listy filologické, R. XXVII, str. 219—222).

Авторъ пытается опредѣлить фонетическія условія отпаденія согласной *t* въ окончаніи 3 л. ед. и мн. ч. наст. вр. славянскихъ глаголовъ. Прежде всего, онъ справедливо указываетъ, что это t ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть объясняемо какъ окончаніе иньюнктива; противъ этого говоритъ: 1) долгота теперешнихъ чешскихъ глагольныхъ суффиксовъ въ формахъ въ родѣ: nesou, словацк. nesú, hoří, словацк. horia; 2) произношеніе суффикса этихъ глаголовъ какъ ia (horia) въ верхне-лужицкомъ языкѣ, который только въ срединѣ слова допускаетъ такой рефлексъ ѧ, въ другихъ случаяхъ произнося его какъ о: břemo, pijo. Отсюда слѣдуетъ, что ок. *t* можетъ быть только слогового происхожденія. Спрашивается теперь, почему же оно отпало? Для объясненія явленія авторъ указываетъ, что не изъ всякаго ą, ę, сопровождаемаго слогомъ, возникаетъ въ чешскомъ языкѣ долгій рефлексъ. Такъ, при чешск. pout и польск. pąć, имѣемъ чешск. kus и польск. kęs. «Причина различія количества этихъ словъ заключается въ удареніи; въ первомъ случаѣ удареніе было на суффиксѣ, во второмъ—на корнѣ», что доказываетъ и глаголъ kouše (1 л. ind.). Это удареніе и обусловило отпаденіе t въ 3 л. мн. глаголовъ, откуда по аналогіи распространилось и на 3 л. ед. ч. Изъ всѣхъ славянскихъ языковъ этотъ процессъ не ко-

снулся только русскаго. языка, чему было причиной сравнительно позднее отпаденіе въ немъ глухихъ и употребленіе многочисленныхъ формъ 3 л. мн. ч. съ неударяемымъ и краткимъ суффиксомъ.

Не отрицая за такой гипотезой достоинства величайшей простоты, врядъ ли можно признать ее убѣдительной во всѣхъ отношеніяхъ. Достаточно указать, что въ восточно-болгарскомъ языкѣ окончанія -т сохраняется именно въ 3 л. мн. ч. и отпадаетъ въ 3 л. ед., гдѣ суффиксъ былъ въ большинствѣ случаевъ краткокъ,—такимъ образомъ совершенно обратно теоріи г. Горака.

Zur Declination des zusammengesetzten Adjektivums von Dr. W. Vondrák.

(Arch. f. slav. Ph., B. XXII, 1900, S. 6—11).

Рѣчь идетъ о тѣхъ немногихъ формахъ сложныхъ прилагательныхъ старославянскаго языка, которыя, въ противоположность другимъ своимъ товарищамъ, не разложимы на формы именного и мѣстоименнаго склоненія. Это, какъ извѣстно, образованія твор. ед. ч. м., р., дат. и мѣстн. пп. мн. ч. всѣхъ родовъ, а также формы дат. и твор. дв. ч. Автора вполнѣ понятно не удовлетворяетъ ни Миклошичъ, видѣвшій въ первой части этихъ формъ особую тему прилагательныхъ (ср. его Ueber die zusammengesetzte Decl. in den slav. Spr., Wien. Sitzungsb., phil-hist. Cl. LXIII, 133 и Formenl. in Par., 29), ни разрушившій гипотезу послѣдняго Лескинъ (Decl., 131). Предложенное послѣднимъ объясненіе твор. п. добрꙑимь изъ *dobrъmь -jimь черезъ выпущеніе мь въ первой части послѣдняго слова и черезъ удлиненіе ъ передъ слѣд. j въ ы, — не можетъ быть принято, по мнѣнію г. Вондрака, уже потому, что первая часть предполагаемой формы должна была звучать **dobromь*. Вслѣдствіе этого, авторъ рѣшается предложить свое объясненіе явленію, по которому указанныя формы произошли по аналогіи тв. п. мн. ч. добрꙑими. Слабая сторона этой гипотезы заключается, по нашему мнѣнію, въ невыясненности того пути, какимъ аналогія твор. мн. могла вліять на род. и дат. мн. и затѣмъ уже посредствомъ *послѣднихъ* на твор. един.

L' Évangéliaire slavon de Reims dit: Text du sacre. Édition facsimile en héliogravure publiée sous les auspices de l'Akadémie Nationale de Reims précédée d'une Introduction historique par L. Leger.

Reims—Prague, 1889. 4°, 45 стр. текста + 94 листа снимковъ.

Исторія этого великолѣпнаго изданія слѣдующая. Въ 1896 г., во время посѣщенія Государемъ Императоромъ Парижа, тогдашній французскій министръ народнаго просвѣщенія г. А. Рамбо, въ числѣ другихъ документовъ, касающихся франко-русскихъ культурныхъ сношеній, велѣлъ выставить въ Священной Часовнѣ (Sainte-Chapelle) дворца Правосудія и Реймское Евангеліе, спеціально привезенное для этой цѣли изъ Реймса. Это обстоятельство оживило интересъ къ знаменитому памятнику, нѣсколько заглохшій послѣ тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ, когда долго готовившееся изданіе евангелія Сильвестра (1847) вызвало цѣлую литературу. Одинъ изъ служащихъ при Реймской Городской Библіотекѣ, г. В. Шарлье (V. Charlier), предпринялъ фотографическое изданіе цѣлой рукописи и успѣшно осуществилъ его благодаря щедрости реймскаго торговца г. Лимишэна (P. Limichin). Одинъ экземпляръ этого изданія былъ поднесенъ нашему Государю, другой—Имп. Публичной Библіотекѣ, третій—Парижской Національной и четвертый—Реймской биліотекѣ. Такъ какъ для ученаго міра это изданіе все-таки оставалось недоступнымъ, то Реймская Академія обратилась къ извѣстному французскому профессору славянскихъ нарѣчій Луи Леже съ просьбой высказать свое мнѣніе по поводу возможности изданія памятника для широкой публики. Послѣдній въ свою очередь обратился съ запросомъ къ г. Дюжардену и, получивъ благопріятный отвѣтъ, выписалъ рукопись въ Парижъ, гдѣ она и была вторично сфотографирована въ спеціальномъ помѣщеніи Національной Библіотеки.

Этому изданію проф. Леже предпослалъ очень обстоятельное введеніе, въ которомъ разсмотрѣлъ исторію Реймскаго евангелія. Авторъ воспользовался при этомъ почти всѣмъ важнѣйшимъ, что написано объ этомъ загадочномъ памятникѣ въ славянскихъ литературахъ. Первая глава посвящена разсмотрѣнію культурныхъ условій, объясняющихъ появленіе въ предѣлахъ Чехіи евангелія, спи-

саннаго безъ сомнѣнія для нуждъ православной церкви (политика Карла IV, піететъ къ Прокопію и пр.); во второй главѣ излагаются судьбы Сазавскаго монастыря, а слѣдовательно и исторія самого памятника до времени его появленія въ Царьградѣ. Наконецъ, въ третьей главѣ сообщаются свѣдѣнія объ исторіи рукописи т. е. собственно объ исторіи нашихъ знаній о ней со времени ея появленія въ предѣлахъ Франціи. Здѣсь русскій читатель найдетъ для себя и кое-что новое, напр. выписки изъ каталога Реймской библіотеки и нѣкоторые неизданные матеріалы, доставленные проф. Леже ак. Ламанскимъ. Тѣмъ же русскимъ ученымъ составлена значительная часть «литературы» евангелія, обнимающей около 130 названій.

Хотя послѣ послѣдняго филологическаго анализа рукописи, сдѣланнаго проф. Соболевскимъ на страницахъ «Русскаго Филологическаго Вѣстника» въ 1887 г., и трудно надѣяться, чтобы новое изданіе памятника дало какіе-нибудь новые освѣщающіе исторію русскаго языка факты, все-таки нельзя не привѣтствовать предпріятія французскаго друга славянства: недоступность для большинства славянскихъ ученыхъ мѣста храненія рукописи, ея загадочныя историческія судьбы и относительная древность ея,—все это заставляетъ признать геліографическое изданіе Евангелія въ высокой степени цѣннымъ подаркомъ славянской филологіи.

Люблянскиятъ-български ръкописъ отъ XVII в. . Отъ С. Аргировъ (Минист. сб., XVI—XVII (1900), стр. 246—313).

Загребскиятъ ръкописъ на Владислава граматика. Отъ проф. М. Сперанскій (тамъ же, стр. 325—338).

Аджарскиятъ ръкописъ. Съобщава Н. Начовъ (тамъ же, стр. 483—491).

Статья г. Аргирова представляетъ всестороннее палеографическое и лингвистическое описаніе рукописи, первыя свѣдѣнія о которой сообщилъ, какъ извѣстно, еще въ 1869 г. В. И. Ламанскій въ статьѣ «Непорѣшенный вопросъ» (Ж. М. Н. Пр., ч. 143 и 144). Такъ какъ сообщенныя въ этой статьѣ свѣдѣнія были довольно кратки, то г. Аргировъ, имѣвшій возможность списать всю рукопись цѣликомъ, и напечатавшій ее по всѣмъ правиламъ новѣйшей критики

въ XII т. министерскаго «Сборника», весьма кстати присоединилъ и очеркъ особенностей языка памятника. При этомъ, авторъ не только описываетъ явленія, но иногда и объясняетъ, впрочемъ, не всегда удачно. Такъ, врядъ-ли можно согласиться съ тѣмъ, чтобы ꙗ въ такихъ словахъ, какъ хвáлꙗть, молꙗть, чинꙗть и т. п. было обязано своимъ возникновеніемъ изъ е(-ѧ) отсутствію ударенія, а не только аналогіи формъ вродѣ *трижать, мльчать*; чтобы *са* возникло изъ сѧ подъ вліяніемъ сѫ(тъ), а не путемъ простой лабіализаціи; чтобы ѣ подъ удареніемъ произносилось какъ еа, а безъ ударенія какъ е (ср. примѣры нéма, зберéме, наберéте и пр.); чтобы ѣ въ словѣ *смѣри* возникло изъ *и*; чтобы *а* въ членѣ *атъ* перешло сюда изъ род. ед., а не было простымъ результатомъ вокализаціи глухого (какъ иначе объяснить членъ въ прилаг. и числит. малкіатъ, прьвіатъ?) и т. д. Не смотря на рядъ такихъ промаховъ, статья г. Аргирова заслуживаетъ полнаго уваженія, какъ чрезвычайно тщательный сводъ матеріала.

Во второй статьѣ г. Сперанскій сообщаетъ новыя данныя о рукописи Владислава-Грамматика 1469 г., въ свое время описанной еще Даничичемъ (Starine I) и хранящейся теперь въ Библіотекѣ Южнославянской Академіи Наукъ. Оказывается, что Даничичъ не только неточно описалъ внѣшній видъ рукописи, но и не вполнѣ исчерпалъ заключающійся въ ней матерьялъ. Отъ его вниманія ускользнули многочисленныя приписки, сдѣланныя Владиславомъ на поляхъ рукописи и характеризующія его писательскую личность, а также правописаніе сборника, доказывающее его связь съ школой Константина Костенчскаго. Г. Сперанскій вполнѣ успѣшно восполнилъ и тотъ и другой пробѣлъ.

Третья статья содержитъ извлеченія изъ сборника апокрифическаго содержанія 1715 г., найденнаго недавно въ Аджарѣ (въ Пловдивскомъ округѣ) и принадлежащаго къ сербской редакціи.

Vorläufige Berichte der Balkan-Commission.

Erstes Heft: I—VI. Wien, 1900. 8°, 106 стр. (Treitl-Stiftung der Kais. Ak. d. W.).

Какъ показываетъ заглавіе, книга заключаетъ въ себѣ только предварительное изложеніе итоговъ Балканскихъ экспедицій, снаряженныхъ Вѣнской Академіей Наукъ лѣтомъ 1897 и 1898 г.г.

Цѣлью этихъ экспедицій было собираніе матерьяла двоякаго рода: археологическаго и діалектологическаго. Надъ первой задачей трудились проф. Евг. Борманнъ и д-ръ Эрнстъ Калинка, изслѣдовавшіе въ восточной Болгаріи и Румыніи надписи, главнымъ образомъ по скольку онѣ нашли себѣ пріютъ въ разныхъ музеяхъ, а также проф. Генрихъ Бартль, который въ одно время съ К. Шкорпилемъ изучалъ лѣтомъ 1898 г. остатки архитектурной старины. Изъ языковъ Балканскаго полуострова вниманіе коммиссіи обратили кромѣ вымершаго древнеро́манскаго діалекта Далмаціи, для изученія остатковъ котораго былъ командированъ д-ръ М. Бартоли, — языки болгарскій и сербо-хорватскій, и притомъ въ наименѣе обслѣдованныхъ частяхъ ихъ территоріи. Такъ, проф. Л. Милетичъ собиралъ діалектическіе матеріалы въ восточной Болгаріи, сравнительно скудно представленные даже въ «Сборникѣ» болг. Министерства Нар. Просвѣщенія,—этомъ thesaurus'ѣ linguae bulgaricae, по выраженію одного ученаго; г. Олафъ Брохъ изучалъ говоры юго-западной Сербіи, проф. Гиртъ — западной Сербіи, г. Решетаръ — Черногоріи и г. Аранца — говоры далматинскихъ острововъ между Сплѣтомъ и Задромъ. Обо всѣхъ этихъ сербо-хорватскихъ говорахъ въ наукѣ до сихъ поръ имѣлись только фрагментарныя извѣстія, и потому нельзя не признать такое распредѣленіе сферъ дѣятельности экспедицій въ высшей степени удачнымъ и цѣлесообразнымъ.

Не смотря на то, что сообщенные въ книгѣ матерьялы имѣютъ чисто подготовительный характеръ и представляютъ не что иное, какъ извлеченіе изъ частныхъ писемъ экскурсантовъ къ главному посреднику и замѣстителю (Obmann-Stellvertreter) экспедицій акад. Ягичу, и теперь уже внѣ всякаго сомнѣнія крупное значеніе результатовъ, достигнутыхъ послѣдними.

Для изученія восточно-болгарскихъ говоровъ проф. Л. Милетичъ совершилъ два путешествія: первое въ августѣ и сентябрѣ 1897 г., второе въ іюлѣ и августѣ 1898 г. Во время перваго путешествія авторъ посѣтилъ прежде всего окрестности Прѣслава, Джумаи, «Герловской краины», Котла и особенное вниманіе обратилъ на говоры горныхъ деревень Шумена и Провадіи. Здѣсь имъ отмѣчены такія интересныя явленія, какъ употребленіе ъ вм. ы въ словахъ пъј, vъј (=vы, пы) и i вм. ж подъ удареніемъ послѣ палат.: duši, dari. Поѣздка въ Добричъ убѣдила проф. Л. Милетича въ томъ, что въ примыкающей къ Добруджѣ части Болгаріи болгары составляютъ пришлый элементъ и до сихъ поръ сохраняютъ въ своемъ языкѣ черты говоровъ своихъ разнообразныхъ метрополій. Изъ

Варны М. проѣхалъ пароходомъ до Бургаса, откуда посѣтилъ села «рупцевъ» и «загорцевъ». Діалектологическое изслѣдованіе языка тѣхъ и другихъ показало, что загорцы говорятъ говоромъ, близкимъ къ Шуменскому, тогда какъ нарѣчіе «рупцевъ» болѣе похоже на говоръ рупчосскихъ родопцевъ. Еще болѣе богато результатами было второе путешествіе М., который, посѣтивъ всѣ оставшіяся ему неизвѣстными въ діалектологическомъ отношеніи мѣстности восточной Болгаріи, пришелъ къ выводу, что Шуменское нарѣчіе простиралось нѣкогда на всю восточную Болгарію. Гораздо шире въ прежнее время было распространено, по его мнѣнію, и нарѣчіе рупцевъ, обнимавшее всю ѳракійскую низменность. Отличительнымъ признакомъ обоихъ этихъ нарѣчій, по мнѣнію М., является членъ, который въ первомъ имѣетъ форму ot, а во второмъ *ъt*. Въ частности, вниманіе путешественника обратили остатки формъ неопредѣленнаго накл. въ образованіяхъ, подобныхъ za piti, za miti въ Габровскомъ и мн. др. говорахъ, переходъ *t* и *d* передъ мягкими гласными въ ḱ и ǵ—въ Дрѣновскомъ, древнее произношеніе ы послѣ гортанныхъ въ Гостилицѣ, употребленіе члена въ косвенныхъ пп. cărjatŏgŏ, čeljakătŏgŏ — въ селахъ Сырта (Sъrt-Dörfer), ударяемая долгота въ Аврені и Эркечѣ.

Не менѣе цѣнны наблюденія, сдѣланныя извѣстнымъ діалектологомъ г. О. Брохомъ въ юго-западной Сербіи (стр. 93—106). Свое путешествіе этотъ ученый началъ съ Враньи, населеніе которой въ своемъ языкѣ имѣетъ много общихъ чертъ съ говоромъ окрестныхъ селъ. Таково употребленіе глухого звука, напр. въ словахъ kъd, sъs, произношеніе сербскаго ћ какъ t́ (великорусское ть), экспираторный характеръ ударенія, сравнительно рѣдкое употребленіе падежей и нѣк. др. Враньскій говоръ на востокѣ постепенно переходитъ въ шопскій, образцомъ котораго г. Брохъ выбралъ говоръ села Крива Феја (почти на границѣ съ Болгаріей); кромѣ только что указанныхъ особенностей, языкъ жителей этого села замѣчателенъ употребленіемъ древней формы прич.: čuvál, molil, сохраненіемъ глухого звука въ формулѣ trъt: slъza, slъnce, совпаденіемъ въ одномъ звукѣ сербскихъ ć и ћ: ćovék и ćérka и др. Помимо этихъ основныхъ чертъ, оба говора имѣютъ множество и индивидуальныхъ отклоненій, быстро, однако, сглаживающихся подъ вліяніемъ сербскаго государственнаго языка (Reichssprache).

Болѣе спеціальную задачу преслѣдовало путешествіе извѣстнаго лейпцигскаго профессора Гирта въ западную Сербію (въ августѣ и сентябрѣ 1898), въ языкѣ жителей которой онъ долженъ былъ

найти слѣды икавскаго нарѣчія (стр. 55 — 60). Въ результатѣ этой поѣздки оказалось, что произношеніе ѣ какъ *i* господствуетъ только въ округѣ Азбуковицѣ или Подринскомъ, но нигдѣ исключительно, а всегда рядомъ и съ другими рефлексами ѣ: *je* и *e*. Послѣдній проникъ вѣроятно сюда изъ литературнаго языка черезъ солдатъ и другихъ людей, побывавшихъ въ столицѣ, а первый — черезъ переселившихся въ недавнее время въ Подрины герцеговинцевъ.

Два путешествія М. Решетара — въ августѣ и сентябрѣ 1897 г. и въ іюлѣ и августѣ 1898—имѣли предметомъ изслѣдованіе говоровъ Черногоріи и Которской губы (стр. 10 — 17 и 50 — 55). Въ языкѣ первой страны г. Решетаръ указалъ на замѣчательное различіе произношенія долгаго ѣ въ говорахъ зетскихъ магометанъ и христіанъ. Въ то время какъ послѣдніе произносятъ этотъ звукъ какъ ije, первые употребляютъ на его мѣстѣ преимущественно *i*. Цѣнныя данныя г. Решетаръ собралъ и относительно природы черногорскаго глухого, который онъ опредѣляетъ какъ неопредѣленный звукъ, произносящійся то какъ узкое а (на югѣ и западѣ), то какъ открытое ае (на сѣверѣ и востокѣ). Что касается ударенія, то г. Решетаръ обратилъ особенное вниманіе на чакавскій характеръ послѣдняго въ большей части черногорской территоріи. То же наблюденіе было сдѣлано еще раньше А. А. Шахматовымъ (въ приложеніи къ этюду «Къ исторіи удареній въ славянскихъ языкахъ». Спб., 1898, стр. 31 — 34), также какъ и отмѣченное хорватскимъ ученымъ перенесеніе ударенія съ конечныхъ открытыхъ слоговъ на предыдущій.

Діалектологическія наблюденія надъ которскими говорами дали возможность г. Решетару сдѣлать важныя поправки къ предложенному Брайковичемъ раздѣленію этихъ говоровъ на три зоны въ отношеніи акцентуаціи: герцоговинскую, бокезскую и черногорскую.

Много новыхъ фактовъ въ области діалектологіи островной Далмаціи открылъ и д-ръ І. Аранца, совершившій двѣ поѣздки (въ авг. 1897 и 1898 г.г.) на многочисленные острова, усѣивающіе морской путь изъ Задра въ Сплѣтъ (стр. 17 — 23 и 60 — 70). Предѣлы библіографической замѣтки позволяютъ намъ указать здѣсь только на такія интересныя явленія, какъ употребленіе дифтонга *ie* вм. *ē*: piet, šiest — на о-вѣ Хварѣ, переходъ ā и ō въ å и u: lîpō, stûl и отсутствіе ŗ: gārlo, zārno — на о-вѣ Вишѣ, переходъ конечнаго *en* въ *in* на о-вѣ Зларинѣ и мн. др.

Опис славенских рукописа софиjске библиотеке; саставио Свет. Вуловић.
(Споменик XXXVII [други разред], Беогр. 1900).

Необходимость составленія систематическаго и цѣльнаго описанія славянскихъ рукописей Софійской Народной Библіотеки уже давно живо ощущалась каждымъ, кому приходилось работать въ этомъ богатомъ книгохранилищѣ. Имѣющійся въ библіотекѣ для пользованія публики каталогъ рукописей не помогаетъ оріентироваться въ ея сокровищахъ, такъ какъ даетъ неточныя, а иногда даже прямо невѣрныя свѣдѣнія. Такъ, не говоря уже о томъ, что онъ не всегда указываетъ редакцію, къ которой относится извѣстная рукопись, произвольно опредѣляетъ ея форматъ, неточно передаетъ содержаніе, этотъ каталогъ указываетъ нерѣдко совершенно ошибочныя даты, относя, напр., одну рукопись къ XI в.!

Поэтому, большую услугу славистикѣ оказала Сербская Академія, издавъ въ XXXVIII кн. своего «Споменика» описаніе рукописныхъ богатствъ этой библіотеки, составленное недавно скончавшимся сербскимъ ученымъ Вуловичемъ. Она состоитъ изъ 236 №№. Изъ нихъ 142 относятся къ рукописямъ сербской редакціи, 59—къ болгарской, 14—къ русской, 4—къ русско-болгарской, 2—къ сербо-болгарской, 12—къ смѣшанной и 3—неизвѣстно къ какой. Изъ рукописей сербской редакціи только одна (отрывки изъ Минеи) принадлежитъ XIII—XIV в., 9—къ XIV, 10—къ XIV—XV, 23—къ XV, 12—къ XV—XVI, 36—къ XVI, 17—къ XVI—XVII, 28—къ XVII, 3—къ XVII—XVIII и 2—XVIII; изъ памятниковъ болгарской ред. одна (Евангеліе—апракосъ) относится къ XIII—XIV вв., 4—къ XIV, 4—къ XIV—XV, 5—къ XV, 6—къ XV—XVI, 10—къ XVI, 8—къ XVI—XVII, 10-къ XVII, 2—къ XVII—XVIII, 3—къ XVIII, 4—къ XIX, одна къ неизвѣстному; изъ рукописей русскихъ 5 принадлежатъ къ XVII, 2—къ XVIII, 5—къ XIX и одна—къ неизвѣстно какому. По матеріалу всѣ рукописи бумажныя, за исключеніемъ 11 пергаментныхъ сербскихъ и 7 болгарскихъ. Наконецъ, что касается содержанія, то рукописи сербской редакціи состоятъ изъ 9 псалтырей, 29 евангелій, 7 апостоловъ, 1 апокалипсиса, 2 сборниковъ бесѣдъ Ефрема Сирина, 11 тріодей, 1 пентикостарія, 16 октоиховъ, 28 миней, 1 пролога, 4 требниковъ, 8 служебниковъ, 1 па-

негирика, и т. д. Болгарскія рукописи состоятъ изъ 1 псалтири, 14 евангелій, 6 апостоловъ, знаменитаго Синодика царя Бориса и цѣлаго ряда богослужебныхъ книгъ и сборниковъ духовнаго содержанія. Въ число русскихъ рукописей входятъ, кромѣ 1 сборника: 2 тріоди, 1 октоихъ, 1 минея, 1 прологъ, 1 требникъ, 1 служебникъ и нѣк. др.

Такъ какъ авторъ въ своемъ описаніи избѣгаетъ приводить изъ рукописей выписки, то трудно сказать что-нибудь опредѣленное о филологическомъ значеніи описанныхъ имъ рукописей. Мы обратили вниманіе только на рукопись № 24 (болгарское ев.-апр. XIII—XIV в.в.), употребляющую одинаковую букву какъ для ж, такъ и ѫ.

Die Entwicklung serbischer Sätze mit *te* von Parataxis zu Syntaxis von A. Leskien.

(Arch. f. Sl. Ph. B. XXII, 1900. S. 1—5).

Авторъ различаетъ пять моментовъ въ исторіи этого развитія. Первый моментъ составляетъ такое паратактическое соединеніе предложеній, въ которомъ содержаніе второго является результатомъ перваго: напр. udovica nije imala poroda te sve imuće svojega muža naslijedila. Во второй моментъ второе предложеніе получаетъ уже чисто консекутивное значеніе: ljude oslijepiše te ne mogahu naći vrata; это значеніе выступаетъ еще рельефнѣе, если первое предложеніе указываетъ время или состояніе: dogodi se te Kain prinese Gospodu prinos (3 моментъ); консекутивное значеніе постепенно переходитъ въ финальное: niti se užiže svijeća i meće pod sud nego na svijetnjak, te svijetli svima, koji su u kući (Матѳ. V, 15) (4 моментъ); наконецъ, te получаетъ иногда и функціи относительнаго мѣстоименія: pošlju za njega jednoga od onih te su se bili okupili (Врчевичъ, Podrug) (5 моментъ).

Въ этой картинѣ, нарисованной знаменитымъ славистомъ съ обычной его точностью выраженій, по нашему мнѣнію, излишне только выдѣленіе въ разныя рубрики двухъ первыхъ моментовъ, не имѣющихъ между собою никакихъ существенныхъ отличій.

Relativne rečenice u hrvatskom jeziku.

Napisao D-r A. Musić. (Preštampano iz CXXXVIII knj. «Rada» jugoslav. akad. znanosti i umjetnosti). U Zagrebu. 1899. 8°, 48 стр.

Rečenice s participiom pret. act. II. u hrvatskom jeziku. Napisao D-r A. Musić (Preštampano iz 140 kn. «Rada»). U Zagrebu 8°, 72 стр.

Въ первомъ изъ этихъ этюдовъ г. Мусичъ предлагаетъ опытъ классификаціи относительныхъ предложеній съ синтактической точки зрѣнія. Авторъ раздѣляетъ ихъ на двѣ главныхъ группы. Къ первой принадлежатъ такъ называемыя паратетическія предложенія, въ которыхъ мѣстоименіе, хотя относится къ существительному главнаго предложенія, но можетъ быть замѣнено указательнымъ или анафорическимъ мѣстоименіемъ, напр. No ne fala staroj majci, koja (ona) iskoli dijete. Вторую категорію составляютъ такъ называемыя гипотетическія предложенія, въ которыхъ относительному мѣстоименію въ придаточномъ предложеніи всегда соотвѣтствуетъ въ главномъ опредѣленное указательное мѣстоименіе, напр. kakvo sjeme posiješ, onako ćeš i žito vrći. Доказательство, что въ предложеніяхъ послѣдняго рода всегда заключается условный смыслъ безъ условнаго союза, составляетъ интереснѣйшую часть этюда. Ходъ его такой. Прежде всего авторъ указываетъ, что мѣстоименіе предложеній второй категоріи имѣетъ всегда общенеопредѣленное значеніе, т. е. оно относится къ какому угодно субъекту извѣстнаго ряда. Но отсюда слѣдуетъ, что такія мѣстоименія можно употреблять только въ субпозитивныхъ (допустительныхъ) предложеніяхъ, т. е. такихъ, въ которыхъ обозначаемое глаголомъ дѣйствіе не утверждается, а только допускается. Такимъ образомъ, въ то время какъ значеніе индивидуально-неопредѣленныхъ мѣстоименій выражаетъ формула кто = x, формула перваго будетъ кто = или x, или y, или z. А это значитъ, что кто = x, если оно не = y или z. Доказавъ условный характеръ относительныхъ предложеній 2-го разряда, г. Мусичъ утверждаетъ, что мѣстоименіе послѣдняго постепенно стало относиться не только къ своему корреляτиву, но и къ субъекту главнаго предложенія, и такимъ образомъ изъ гипотетическихъ предложеній возникли паратетическія. Напримѣръ, гипотетическое предложеніе: Koja tikva često na vodu ide, (ona) će se

razbiti дало паратетическое: Razbit će se (ova) tikva, koja često na vodu ide.

Во второмъ этюдѣ находимъ столь же содержательно составленный очеркъ исторіи прич. прош. вр. II, какъ синтаксической формы. Г. Мусичъ различаетъ въ этой исторіи три фазы: «1) причастіе употребляется въ самостоятельныхъ предложеніяхъ какъ предикатъ или какъ предикативный аттрибутъ (въ гипотетич. или условномъ значеніи). 2) Предложеніе, въ которомъ находилось причастіе въ качествѣ предикативнаго аттрибута, распалось на два предложенія, главное и придаточное (гипотетич. или условное), и въ придаточномъ причастіе изъ предикативнаго аттрибута сдѣлалось предикатомъ. 3) Для болѣе яснаго указанія, какое время присоединяется къ субъекту обозначаемое причастіемъ свойство, къ причастію стали присоединять формы глагола biti; такъ возникли формы: (po)hvalio sam, (po)chalio budem и др... Но рядомъ съ ними употребляется еще причастіе и самостоятельно — какъ архаизмъ» (стр. 71—72).

Предоставляя знатокамъ славянскаго синтаксиса сказать свое авторитетное слово по поводу выводовъ г. Мусича, мы здѣсь замѣтимъ только, что съ послѣднимъ положеніемъ не согласуются историческія данныя исторіи живыхъ славянскихъ языковъ (въ особенности русскаго), по которымъ вспомогательный глаголъ въ perfectum'ѣ показываетъ стремленіе къ исчезновенію, а не къ утвержденію.

Žaltař Poděbradský podle rukopisu Dráždanského. Vydal A. Patera.

V. Praze, 1899. (Sbírka pramenův ku poznaní literárního života v Čechách, na Moravě a v Slezsku, Skupina I, řada 1, č. 2).

Этотъ замѣчательный памятникъ чешскаго языка былъ написанъ въ 1396 г. для Елизаветы, жены пана Яна Бочка изъ Кунштадта и дочери Петра изъ Вартенберга. По смерти бездѣтнаго Бочка, рукопись досталась его брату Викторину, отцу Юрія Подѣбрада. Въ родовомъ замкѣ (въ Олешницѣ, въ Сил.) потомковъ этого

короля рукопись и хранилась до 1886 г., когда, по смерти герцога Вильгельма Брауншвейгскаго, она поступила съ собственность Королевской Дрезденской Публичной Библiотеки. На 172 пергаментныхъ листахъ in F-o она содержитъ, кромѣ псалтыри: 1) римскій календарь, 2) пѣсни изъ В. и Н. Завѣта (cantica), 3) гимнъ св. Амвросія и св. Августина, 4) символъ вѣры св. Аѳанасія, 5) «литанію» на семь псалмовъ, 6) такъ называемыя preces maiores, 7) септены, т. е. семь покаянныхъ псалмовъ съ молитвами, 8) вигиліи за вѣрныя души и нѣк. др. Рукопись, если не считать нѣсколькихъ вырѣзанныхъ листовъ, сохранилась очень хорошо; она написана крупнымъ уставомъ и содержитъ рядъ миньятуръ и разрисованныхъ инициіаловъ. Въ составленіи рукописи принимали участіе два писца, какъ видно изъ двухъ ея почерковъ. Изъ особенностей изъ правописанія замѣчательны обозначеніе ě послѣ d, t, n и губныхъ буквами ye, ie: hnyew, styety, nadyegy, myesycz, pyet, ļ посредствомъ l и иногда ll: naplnyen, pllnost, твердаго l посредствомъ ll: Ludmilly, vslyssallo, ŗ посредствомъ r: srdcze, krwaweho и др. Въ отношеніи лингвистическомъ рукопись отличается широкимъ распространеніемъ перегласовки и частымъ употребленіемъ двугласной uo; замѣчательно также употребленіе прич. наст. вр. стр. зал. на m, дат. domowy и превосх. степ. съ na вм. позднѣйшаго naj. По составу своему Подѣбрадская псалтырь принадлежитъ, какъ указалъ еще Шафарикъ въ своей статьѣ: «O nejstaršich rukopisech českého žaltáře» (Rozbor staročeské literatury, I, str 115), къ той категоріи рукописей, къ которой относится и Виттенбергская псалтырь.

Таковъ памятникъ, предлагаемый нынѣ въ великолѣпномъ изданіи въ научное пользованіе г. А. Патерой. Изданный текстъ отличается отъ подлиннаго только тѣмъ, что онъ, въ противоположность послѣднему, раздѣленъ на псалмы и стихи и снабженъ интерпункціей. Къ изданію приложены два великолѣпныхъ снимка съ двухъ листовъ рукописей, словарь и небольшое введеніе, содержаніе котораго мы только что передали. Вообще, относительно пріемовъ изданія, трудъ г. Патеры можно признать вполнѣ безукоризненнымъ; можно только пожалѣть, что издатель приводитъ варіанты изъ Виртембергской и Клементинской псалтыри не всѣ сполна, а только тѣ изъ нихъ, которые объясняютъ неясныя мѣста.

Rozbor podřečí Hornoostravského ve Slezsku. Napsal Ian Loriš v Praze 1899 (Rozpravy české Akad., R. VII, č. 1, tř. III). 8°, 89 стр.

Интересъ настоящей работы, которая, по обстоятельности сообщаемыхъ свѣдѣній, несомнѣнно займетъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ небогатой литературѣ по чешской діалектологіи, не только лингвистическій, но и этнографическій: она содержитъ новыя данныя для рѣшенія вопроса о племенномъ происхожденіи моравскихъ валаховъ, которые, населяя берега верхней Остравицы и Моравки, занимаютъ юго-западный уголъ Тѣшинскаго герцогства до угорской границы на югѣ и до Ломны—на востокѣ. Окруженные почти со всѣхъ сторонъ польскимъ населеніемъ (горалями по верхнему теченію Ольши и Вислы, польскими валахами въ окрестностяхъ Тѣшина и Скочова и ляхами въ окрестностяхъ Фрейштадта и Богумина), языкъ этихъ валаховъ представляетъ чрезвычайно сложный конгломератъ чешскихъ и польскихъ особенностей, во взаимномъ отношеніи которыхъ можно разобраться только послѣ тщательнаго историческаго анализа. Самъ авторъ относитъ верхнеостравскій говоръ къ числу чешскихъ, но съ такимъ опредѣленіемъ можно согласиться только съ оговорками. Внимательное изученіе сообщенныхъ г. Лоришомъ діалектическихъ данныхъ показываетъ, что фонетика верхнеостравскаго нарѣчія имѣетъ гораздо больше сходныхъ чертъ съ польскимъ языкомъ, чѣмъ съ чешскимъ. Таковы постоянное удареніе на второмъ слогѣ отъ конца, потеря количества, переходъ «наклоненныхъ» а, е, о въ закрытыхъ слогахъ въ o, i, u, затемненіе a и e передъ *m* n *n* въ *u* и *i*, *y*, частое отсутствіе перегласовки, различеніе l и ł, употребленіе согласныхъ ć, dz, dź, ś, ź и мягкихъ губныхъ и другія особенности, которыя вполнѣ совпадаютъ съ характерными чертами сосѣднихъ польскихъ говоровъ. Правда, рядомъ съ этими особенностями въ верхнеостравскомъ нарѣчіи встрѣчаются и чисто чешскія явленія, но всѣ они или представляютъ реминисценціи прежняго періода исторіи языка, какъ напр. сохраненіе чешскаго ударенія въ фразѣ prő Jana svatého, be̋z uroku, или представляютъ только спорадическія уклоненія отъ общей нормы говора. Изъ послѣднихъ достаточно указать на отсутствіе «наклоненной» гласной въ открытыхъ слогахъ такихъ

словъ, какъ vrana, brana, на отсутствіе перехода е въ о послѣ мягкихъ согл. въ закрытыхъ слогахъ, на употребленіе твердыхъ свистящихъ и зубныхъ и др. Поэтому, если верхнеостравское нарѣчіе и можно назвать чешскимъ, то лишь *по происхожденію*, современное же его statu quo гораздо больше напоминаетъ польскій языкъ, чѣмъ чешскій.

Кромѣ систематическаго описанія верхнеостравскаго говора и введенія къ нему, въ книгѣ находится еще довольно длинный списокъ словъ этого нарѣчія, еще неотмѣченныхъ ни въ одномъ изъ печатныхъ словарей, перечень географическихъ именъ въ долинѣ р. Моравки и, наконецъ, образцы верхнеостравскаго нарѣчія. Языкъ одного изъ нихъ, записанный на востокѣ территоріи говора, уже почти ничѣмъ не отличается отъ сосѣдняго польскаго

Z dziejów średniowiecznego piśmiennictwa polskiego przez St. Dobrzyckiego.

(Prace fil., t. V, zesz. 1, стр. 977—995).

Авторъ сообщаетъ интересныя свѣдѣнія о двухъ памятникахъ польской письменности XV в., которые обязаны своимъ возникновеніемъ вліянію родственной чешской литературы. Это, во-первыхъ, такъ называемая «постная» пѣснь 1488 г., которую проф. Нэрингъ (Altpolnische Sprachdenkmäler, с. 184) считаетъ самостоятельнымъ польскимъ произведеніемъ и приписываетъ перу блаж. Владислава изъ Гельнёва. Но послѣдовательное сравненіе текста этой пѣсни съ старочешской же пѣснью подобнаго же содержанія, напечатанной г. Менчикомъ въ 1880 г. по рукописи Вѣнской Придворной Библіотеки (XVI в.), приводитъ г. Добржицкаго къ неоспоримому выводу, что польская пѣснь не есть оригиналъ, а только переводъ чешской. Владиславъ изъ Гальнёва поэтому не могъ явиться авторомъ самой пѣсни, но только редакторомъ одного изъ позднѣйшихъ ея списковъ, между прочимъ и того, который изданъ Нерингомъ и Бобовскимъ. Посредничество чешской литературы г. Добржицкій предполагаетъ и для отрывка изъ «Житія св. Маріи», изданнаго Мацѣевскимъ въ его извѣстныхъ «Dodatkach» и имѣющаго своимъ источникомъ апокрифическое евангеліе псевдо-Матѳея.

Przyczynki do nowego słownika języka polskiego Zebrał H. Łopaciński.
(Prace filologiczne, tom V, 1899, zesz. III, str. 681—995).

Подъ такимъ скромнымъ названіемъ авторъ напечаталъ цѣлый областный словарь польскаго языка, содержащій нѣсколько тысячъ словъ, или совершенно неизвѣстныхъ словарямъ Линде и «Виленскому», или представляющихъ спеціальные термины изъ жизни школьниковъ, охотниковъ и разныхъ ремесленниковъ. Этотъ громадный матерьялъ черпался почти изъ всѣхъ краевъ территоріи польскаго языка, не исключая и Подгалья, прусской Куявіи и Познанскаго герцогства—мѣстностей, не затронутымъ авторомъ въ I части его матерьяловъ (см. I zesz, IV t. «Prac filologicznych). Такъ какъ работа г. Лопатинскаго въ свое время была оцѣнена по достоинству такими компетентными учеными, какъ Брикнеръ (Archiv für sl. Ph. XV, s. 586), Малиновскій («O niektórych wyrazach ludowych») и Крынскимъ (Wędrowiec, 1892, № 14 и 29), то прибавить что-нибудь къ ихъ характеристикѣ намъ не приходится. Мы замѣтимъ только, чтомногіе изъ примѣровъ представляютъ прекрасныя параллели къ русскимъ словамъ.

Г. Ильинскій.

Dr. Anatol Lewicki. Dzieje Narodu Polskiego w zarysie.

Warszawa, 1899.

Книга эта является варшавскимъ изданіемъ сочиненія того же автора подъ заглавіемъ: Zarys Hystoryi Polskiej aż do najnowszych czasów, вышедшаго въ Краковѣ въ 1897 г.

Трудъ г. Левицкаго представляетъ собою учебную книгу, и, какъ учебную книгу, сочиненіе г. Левицкаго можно рекомендовать всякому, кто въ цѣляхъ самообразованія стремится или пополнить свои отрывочныя свѣдѣнія по Польской исторіи, или познакомиться впервые съ прошлымъ польскаго народа. Рекомендовать сочиненіе г. Ле-

вицкаго въ этомъ смыслѣ можно потому, что оно удовлетворяетъ вполнѣ всѣмъ тѣмъ требованіямъ, какія могутъ быть предъявлены къ учебной книгѣ. Если отъ автора учебной книги требуется, чтобы онъ въ болѣе или менѣе сжатомъ видѣ изобразилъ исторію народа, сообразно со всѣми новѣйшими данными науки, и чтобы при изложеніи судебъ народа, преслѣдуя чисто педагогическія цѣли, предполагалъ въ читателѣ какъ можно меньше свѣдѣній съ одной стороны, а съ другой, желая привести читателя къ извѣстнымъ выводамъ, не давалъ бы ему готовыхъ, такъ сказать, обобщеній, посредствомъ однихъ лишь логическихъ построеній, но самымъ подборомъ научно-сгруппированныхъ фактовъ наводилъ бы читателя на тѣ положенія, которыя желаетъ установить, то г. Левицкій, благодаря умѣлому подбору и распредѣленію матеріала, выполнилъ эту задачу прекрасно.

Изложенію исторіи Польши г. Левицкій предпослалъ краткое введеніе, въ которомъ онъ даетъ географическій обзоръ страны и перечисляетъ земли, входившія ъ составъ Польскаго государства въ эпоху его блеска, знакомитъ читателя съ разселеніемъ древнихъ славянъ, ихъ религіей, общественнымъ бытомъ, и наконецъ вкратцѣ изображаетъ сношенія славянъ съ ихъ сосѣдями въ языческую эпоху славянства.

Въ этомъ послѣднемъ очеркѣ авторъ разсказываетъ объ образованіи государства Само, возникновеніи Великоморавской державы, и наконецъ о началѣ Русскаго государства, исторію котораго доводитъ до принятія Владиміромъ Св. христіанства.

Подобное введеніе въ учебной книгѣ является весьма цѣннымъ, такъ какъ оно подготовляетъ читателя къ пониманію въ исторіи Польши тѣхъ взаимныхъ отношеній, которыя возникали между поляками и ихъ сосѣдями. Послѣ этого краткаго введенія, авторъ приступаетъ къ изложенію польской исторіи. Онъ дѣлитъ исторію Польши на 4 эпохи: Пястовскую, Ягеллоновскую, Элекціонную и эпоху послѣ раздѣловъ.

Исторію каждой эпохи авторъ дѣлитъ на періоды, въ зависимости отъ тѣхъ внутреннихъ измѣненій, которыя происходили въ государственномъ строѣ Польши. Исторію каждаго періода авторъ излагаетъ по царствованіямъ, а въ заключеніе даетъ краткій очеркъ всего періода, обращая при этомъ вниманіе на измѣненія, какъ во внѣшней политикѣ, такъ и во внутреннемъ строѣ государства. Въ соотвѣтственныхъ мѣстахъ книги приложены генеалогическія таблицы.

Таковъ планъ сочиненія г. Левицкаго.

Познакомимся теперь съ его трудомъ съ точки зрѣнія тѣхъ идей, которыя долженъ вынести читатель его книги.

Для этой цѣли лучше всего обратить вниманіе на ту главу, въ которой авторъ излагаетъ причины паденія Польши, и посмотрѣть, насколько выставленныя здѣсь авторомъ положенія вытекаютъ изъ всего предшествующаго изложенія исторіи польскаго народа.

Раздѣляя причины паденія Польши на зависящія отъ самихъ поляковъ и на независящія отъ ихъ воли, авторъ на первомъ мѣстѣ ставитъ недостатки государственнаго строя Польши.

Къ этому выводу читатель приведенъ, можно сказать, авторомъ всѣмъ изложеніемъ польской исторіи.

Изображая постепенное развитіе Польскаго государства, г. Левицкій показываетъ читателю, какъ первый періодъ польской исторіи, въ теченіе котораго власть князя была неограниченной, смѣнился въ удѣльное время періодомъ можновладства, когда княжеская власть ослаблялась раздачею привилегій: духовенству, свѣтскимъ магнатамъ, или баронамъ, и пришлому нѣмецкому элементу, пользовавшемуся полнымъ самоуправленіемъ на почвѣ такъ называемаго Магдебургскаго права. Въ этотъ періодъ, по выраженію г. Левицкаго: «Państwo polskie przedstawia ponickąd szachownicę, złożoną z pól wyjętych z nod prawa książęcego i bezpośrednio mu podlegających, podobnie, jak to było podówczas w państwach zachodnich» (стр. 101).

Но удѣльный періодъ смѣнился періодомъ единовластія. Вслѣдствіе объединенія государства была введена новая организація, опирающаяся на самоуправленіи отдѣльныхъ земель, а вслѣдствіе призванія Людовика Венгерскаго былъ провозглашенъ впервые принципъ элекціи короля. Кошицкими постановленіями 1374 г., которыя магнаты обратили въ свою пользу, были узаконены тѣ привилегіи, которыми пользовались они до сихъ поръ въ силу обычая. Такимъ образомъ ко времени Ягеллоновъ сложилась олигархическая монархія, въ которой на ряду съ королемъ стоялъ сенатъ, состоявшій изъ важнѣйшихъ сановниковъ государства.

Эта олигархическая монархія постепенно превращается при Ягеллонахъ въ монархію шляхетско-демократическую; а это превращеніе явилось результатомъ побѣды шляхты надъ можновладствомъ. Разборъ, сдѣланный г. Левицкимъ, Нешавскихъ статутовъ 1454 г., Піотроковскихъ—1496 г., конституціи «Nihil Novi» 1505, сеймовыхъ постановленій въ Быдгощѣ 1520 г. и Торнѣ въ 1521 г., и наконецъ устава Сигизмунда I 1538 г., показываетъ читателю, какъ шляхта,

добившись политическаго значенія въ государствѣ, достигаетъ постепенно окончательнаго первенства надъ всѣми чинами государства, закрѣпощаетъ крестьянъ и устанавливаетъ барщину; сосредоточиваетъ постепенно въ своихъ рукахъ судъ, принадлежавшій раньше гминамъ, добивается запрещенія мѣщанамъ покупать имѣнія, надзоръ же за торговлею и ремеслами поручаетъ воеводамъ.

Съ достиженіемъ этого полнаго преобладанія въ государствѣ шляхты возникаетъ монархія шляхетско-демократическая, въ которой на ряду съ королемъ и сенатомъ появляется «посольская изба», причемъ значеніе сената сводится къ первоначальной роли простого королевскаго совѣта; однако и сеймъ не получилъ преобладающаго вліянія; главную роль играютъ сеймики, въ составъ которыхъ входитъ вся шляхта извѣстной земли и которые снабжаютъ своихъ пословъ на общій сеймъ инструкціями.

Посвятивъ внутреннему строю Ягеллоновской эпохи цѣлую главу, очень ясно написанную: «Przegląd urzadzeń wewnetrznych», г. Левицкій приводитъ читателя къ тому заключенію, что недостатокъ государственнаго строя Польши заключился въ слабости исполнительной власти короля, въ зависимости сеймовъ отъ сеймиковъ и посольскихъ инструкцій, въ недостаткѣ значительнаго постояннаго войска и постоянныхъ податей.

Эти недостатки государственнаго строя и необходимость реформъ сознавались лучшими представителями общества. И стремленіе къ реформамъ получило свое выраженіе въ эпоху реформаціи въ Польшѣ, когда желаніе провести церковную реформу соединилось съ попытками обновить государственный строй, т. е. произвести, такъ называемую, «экзекуцію правъ». Эпохѣ развитія гуманизма и реформаціи авторъ отводитъ значительное мѣсто въ своей книгѣ и даетъ правильное освѣщеніе. Церковная реформа состояла, по его словамъ, въ томъ, чтобы создать національную церковь. «Это должна была быть церковь, устроенная по образцу русской, насколько возможно, съ согласія Рима, подъ властью синода и короля; должны были быть удержаны епископства, уничтоженъ целибатъ, установлено таинство причащенія подъ обоими видами и богослуженіе на народномъ языкѣ» (стр. 209).

За проведеніе этой программы послы готовы были усилить ограниченную прежними конституціями королевскую власть. Но реформа не удалась, и вмѣсто національной церкви протестанты добились лишь акта вѣротерпимости 1562 г. и Сандомирскаго соглашенія 1570 г.

Реформы государственнаго строя проведено не было, а между тѣмъ Сигизмундъ I Августъ скончался въ 1572 г.

Дѣло выбора новаго короля и управленія государствомъ въ безкоролевье взяла въ свои руки шляхта; она составила конфедерацію, провозгласила принципъ свободной элекціи короля и заключенія съ нимъ pacetа conventa.—Анализъ такъ называемыхъ «Artykułów Henrycyańskich» даетъ автору возможность вѣрно оцѣнить тѣ послѣдствія, какія имѣла для всего послѣдующаго времени первая элекція короля. Она превратила «монархію наслѣдственно-избирательную» въ избирательную, или Рѣчь Посполитую съ выборнымъ королемъ, т. е. установила республику,—форму правленія, опасную въ виду существованія сильныхъ правительствъ у сосѣдей; короли съ этого времени избирались по большей части изъ иностранныхъ дворовъ, и стали преслѣдовать свои династическія цѣли, что влекло за собою колебаніе въ польской политикѣ; вольная элекція открывала доступъ чужестраннымъ проискамъ и интригамъ при установившемся liberum vęto; самымъ вреднымъ постановленіемъ «обязательствъ Генриха Валуа» было постановленіе «de non praestanda obedientia, результатомъ чего явилось представленіе о рокошѣ, т. е. о законномъ вооруженномъ сопротивленіи королевскимъ распоряженіямъ; а изъ понятія рокоша возникло понятіе «конфедерацій», созываемыхъ теперь и при королѣ.

Такимъ образомъ анализомъ государственнаго строя авторъ приготовилъ читателя къ исторіи элекціоннаго періода; читателю понятны теперь всѣ вмѣшательства во внутреннія дѣла Польскаго государства иностранныхъ державъ, изъ которыхъ каждая преслѣдовала свои политическія цѣли.

Изображая эпоху королей изъ Саксонскаго дома, авторъ еще разъ возвращается къ характеристикѣ государственнаго строя элекціоннаго періода, причемъ имѣетъ въ виду подчеркнуть, что исторія Польши въ это время есть ни что иное, какъ исторія магнатскихъ фамилій и ихъ кліентовъ, и что если Польша тогда уже не пала, то это зависѣло отъ соперничества сосѣдей. Тогда спасало Польшу ея безсиліе, тогда появилось знаменитое изрѣченіе: «Polska nierządem stoi». Раздавались и въ эту эпоху голоса о реформахъ, но провести реформы теперь уже нельзя было безъ помощи иностранной державы,—это сознавали и Потоцкіе и Чарторыйскіе,—до того уже сильно было вмѣшательство въ дѣло Польши ея сосѣдей. А это вмѣшательство въ концѣ концовъ и привело къ раздѣламъ Польши.

Мы и отмѣтимъ теперь взгляды автора на тѣ вопросы изъ эпохи раздѣловъ, которые вызываютъ различныя мнѣнія.

Авторъ правильно приписываетъ идею раздѣла Польши Фридриху II, такъ какъ императрица Екатерина II желала сохранить свое господство надъ всей Польшею, гдѣ русское вліяніе установилось прочно со времени Петра В., о чемъ авторъ говоритъ въ обзорѣ царствованія Августа II.

О конституціи 1775 г., установившей Постоянный Совѣтъ, авторъ высказываетъ мнѣніе, что она «была не безъ пользы для народа».

Къ дѣятельности четырехлѣтняго сейма авторъ относится весьма сочувственно и о конституціи 3-мая очень высокаго мнѣнія. «Конституція 3-го мая, говоритъ онъ, давала Польшѣ наилучшую форму правленія, какая была возможна въ неизмѣримо трудныхъ условіяхъ того времени. Она нашла счастливую середину между старыми институціями и крайними доктринами, которыя провозглашались современной французской революціей» (стр. 35).

Въ другомъ мѣстѣ авторъ замѣчаетъ: «вслѣдствіе развитія школъ и просвѣщенія народъ самъ исполнилъ преобразованіе государства въ конституціи 3-го мая, но это было уже слишкомъ поздно» (стр. 362).

Изъ вышеизложеннаго видно, какимъ образомъ авторъ подготовляетъ читателя къ чтенію главы о причинахъ паденія Польши, среди которыхъ первое мѣсто у него занимаетъ несовершенство государственнаго строя. Мы остановились подробно на изображеніи г. Левицкимъ недостатковъ Польскаго государственнаго строя, какъ главнѣйшей причины паденія Польши потому, что проведеніе въ общество этого правильнаго взгляда считаемъ важнымъ достоинствомъ труда г. Левицкаго, какъ учебной книги.

Въ числѣ другихъ причинъ паденія Польши авторъ указываетъ:

во-1-хъ, на антагонизмъ церквей восточной и западной; этотъ антагонизмъ обѣихъ церквей, непосредственно столкнувшихся на территоріи Рѣчи Посполитой, привелъ къ вооруженной борьбѣ. «Усилія, говоритъ авторъ, съ обѣихъ сторонъ (?!) для соединенія этихъ церквей въ связи съ угнетеніемъ крестьянъ, общимъ тогда, впрочемъ, для всего міра, вызвали казацкія войны, которыя истощили Рѣчь Посполитую и лишили ее восточныхъ областей».

во-2-хъ, на географическое положеніе Польши, причемъ заслуживаютъ вниманія въ этомъ отношеніи двѣ стороны вопроса:

а) Польша распространяла западную цивилизацію на востокъ и защищала ее отъ варварскихъ народовъ востока. Эту задачу она исполняла съ самаго начала своего политическаго бытія (dziejowego istnienia), то соединяя народы восточные съ собою посредствомъ уніи и колонизаціи, то ведя безчисленныя войны на востокѣ, которыя держали здѣсь ея вооруженную силу постоянно въ оковахъ (na uwięzi). Эта цивилизаторская дѣятельность является наибольшею гордостью Польши, но эта же дѣятельность на обширныхъ пространствахъ требовала чрезвычайныхъ усилій.

б) Границы Польши были открыты съ востока и запада, а между тѣмъ она лежала серди государствъ, которыя стремились расширяться ей во вредъ. Пока Польша была сильна, она могла не только отражать ихъ отъ своихъ границъ, но и удерживать въ зависимости отъ себя. Потомъ роли измѣнились. Въ то время, когда Польша, подтачиваемая внутреннимъ разстройствомъ, все болѣе тратила силы и значеніе, Россія, Прусія и Австрія достигли военнаго могущества и въ концѣ концовъ воспользовались ея слабостью для того, чтобы раздѣлить ея земли.

въ-3-хъ, упадокъ просвѣщенія.

«Упадокъ школъ и просвѣщенія въ массѣ народа въ XVII и въ XVIII столѣтіяхъ принадлежитъ къ самымъ печальнымъ явленіямъ Польской исторіи (dziejów polskich)».

Патріотизмъ пріобрѣлъ фальшивое направленіе. Необразованная шляхта видѣла въ своихъ вольностяхъ образецъ государственныхъ установленій, а въ liberum veto «зѣницу вольности», въ безнарядьи же щитъ противъ чужого насилія. Поэтому попытки реформъ разбивались не только вслѣдствіе чужого насилія, но и вслѣдствіе ослѣпленія всей шляхты.

Подъемъ просвѣщенія и школъ далъ возможность народу преобразовать государство въ конституціи 3-го мая, но было уже поздно. Поэтому въ упадкѣ просвѣщенія надлежитъ видѣть послѣднюю причину внутренняго разстройства и паденія Рѣчи Посполитой.

Мы привели подробно всѣ положенія автора потому, что они очень характерны для его историческаго міросозерцанія.

А между тѣмъ внимательный читатель, проанализировавъ ихъ, остается не вполнѣ удовлетвореннымъ. Въ нихъ утверждается съ одной стороны, что цивилизаторская дѣятельность на востокѣ составляетъ гордость Польши, а съ другой подчеркивается, что эта дѣятельность требовала большого напряженія силъ, а между тѣмъ

государство внутри и безъ того страдало отъ разстройства; необходимость содержать большую военную силу вызывалась тѣмъ, что государства, которыя ее окружали, стремились распространяться въ ущербъ Польшѣ. Авторъ, къ сожалѣнію, не указалъ на тѣ мотивы, которыми руководились въ своей дѣятельности эти государства. А между тѣмъ изученіе Русской исторіи представляетъ политику московскихъ государей очень ясной и опредѣленной, они добывали отъ Польши «свою вотчину», и вовсе не думали о соединеніи церквей. А если такъ, то не было ли ошибкою Польши ея усиленное стремленіе на востокъ?

Этимъ мы и окончимъ разсмотрѣніе первыхъ трехъ эпохъ Польской исторіи.

Переходимъ теперь къ послѣдней части труда г. Левицкаго. Въ этой части авторъ разсматриваетъ событія послѣ 1795 г.

Онъ раздѣляетъ исторію польскаго народа этой 4-й эпохи на 4 періода: первый отъ 1795 — 1815, второй отъ 1815 — 1831, третій (1831—1864), и послѣдній представляетъ взглядъ на положеніе Польши послѣ 1864 г.

Въ началѣ послѣдней части своего труда авторъ устанавливаетъ то положеніе, что раздѣлы Польши были безправьемъ и политическою ошибкой.

Политическая ошибка состояла въ томъ, что раздѣлы усилили въ Европѣ Россію, истинная задача которой заключается въ распространеніи цивилизаціи въ Азіи, и породили союзъ трехъ раздѣлившихъ Польшу державъ для удержанія за собою отнятыхъ земель, не смотря на то, что во всемъ остальномъ интересы этихъ государствъ расходились.

Политическая жизнь Польскаго народа въ эту эпоху представляетъ 70-лѣтнюю борьбу за независимость. Эта борьба питалась убѣжденіемъ, что независимая Польша необходима для Европейскаго равновѣсія.

Первый періодъ борьбы поляковъ совпалъ съ эпохою наполеоновскихъ войнъ; тогда возникли первые польскіе легіоны, тогда дѣйствовалъ кн. Адамъ Чарторыйскій, тогда возникло варшавское герцогство, которое должно было быть «pionem na szachownicy jego (т. е. Наполеона) działań i służyć mu do jego swiatowładczych celów (стр. 387), наконецъ на Вѣнскомъ конгрессѣ, послѣ 4-го раздѣла польскихъ земель, какъ говоритъ авторъ, было создано Царство Польское.

Говоря о Царствѣ Польскомъ, авторъ указываетъ на то, что

императоръ Александръ любилъ и уважалъ поляковъ, но что онъ сразу оказалъ имъ недовѣріе, такъ какъ назначилъ намѣстникомъ генерала Заіончка, а не ожидаемаго всѣми кн. Чарторыйскаго, главнокомандующимъ же в. кн. Константина Павловича, недружелюбно относившагося къ конституціи.

Авторъ слѣдитъ за тѣмъ, какъ подъ вліяніемъ начавшейся на Западѣ реакціи и Карльсбадскихъ постановленій 1819 г. въ Царствѣ Польскомъ были введены цензура и надзоръ за школами, какъ проявлялась на сеймахъ оппозиція правительству и какъ, на подобіе западно-европейскихъ обществъ массонскихъ и карбонаріевъ, стали появляться тайныя общества въ Царствѣ.

Введеніе дополнительной статьи къ основнымъ законамъ на послѣднемъ сеймѣ, запрещавшей публичныя засѣданія сейма, показало, что Царство Польское «находится надъ пропастью». Однако возстаніе, по мнѣнію автора, было невозможно при жизни имп. Александра, несмотря на существованіе заговоровъ,—народъ не пошелъ бы за заговорщиками.

Возстаніе вспыхнуло лишь въ 1830 г. Результатомъ этого возстанія было уничтоженіе конституціи, введеніе, такъ называемаго, Органическаго Статута и назначеніе намѣстникомъ кн. Паскевича. Тогда началась примѣняться въ управленіи система «wynarodowienia i zvusyfikowania Polski, a w pierwszym rzędzie krajów Ruskich i litewskich», и авторъ перечисляетъ предпринятыя въ этомъ направленіе правительствомъ мѣры.

Возстаніе 1830 г. отразилось также на положеніи поляковъ въ Австріи и Пруссіи. Въ Галиціи «возобновилась, говоритъ г. Левицкій, система полицейскаго управленія, основанная на недовѣріи, цензурѣ и возбужденіи одного класса общества противъ другого»; въ княжествѣ Познанскомъ возникла система «подавленія всего польскаго въ колыбели Польши, для того, чтобы ею (т. е. Польшею) увеличить нѣмецкое отечество».

Послѣ подавленія возстанія началась изъ Царства Польскаго усиленная эмиграція во Францію. Но среди эмигрантовъ не было единства; были двѣ главныя партіи: одна сгруппировалась около «Hotel Lambert» кн. Чарторыйскаго, который считался въ Европѣ представителемъ Польши; эта партія дѣйствовала на дипломатическомъ поприщѣ; другая партія, во главѣ которой стояла «Централизація демократическаго общества» видѣла помощь для отечества во всеобщей соціальной революціи и выкинула антишляхетское знамя. Подъ вліяніемъ этой партіи возникли вторженія Заливскаго,

Артура Завиши, возстаніе, руководимое ксендзомъ Петромъ Спѣгеннымъ (христіанскимъ соціалистомъ) и наконецъ возстаніе въ Галиціи 1846 г. Это возстаніе положило конецъ независимой краковской республикѣ.

1848-й годъ, охватившій стремленіемъ къ свободѣ западные народы, внушалъ и полякамъ надежду на лучшую долю. Но подавленіе революціи въ Пруссіи, Италіи, Австріи и Венгріи, бомбардировка Кракова и Львова, разсѣяла надежды, онѣ лопнули «какъ мыльные пузыри»,—началась реакція.

Характеренъ для взглядовъ автора его разсказъ о движеніи въ Галиціи. Здѣсь простой людъ сохранилъ свою вѣру и русскій языкъ. И вотъ послѣ паденія Польши между русинами начало проявляться сознаніе своей народности, начались потомъ и политическія стремленія. Это движеніе приняло характеръ русскій, непріязненный для Польши и для ея прошлаго. «Хотѣли, говоритъ авторъ, вырвать изъ исторіи $^1/_2$ тысячи лѣтъ общей жизни, а споры общественные и церковные, равно какъ и козацкіе войны представляли какъ борьбу за народность русскую, будто подавляемую Польшею». Австрійское правительство покровительствовало этому движенію, и съ 1848 г. выступилъ на сцену русскій клиръ.

Новыя надежды у поляковъ проявились во время Крымской войны; расчитывали на Наполеона III; Чарторыйскій хлопоталъ, чтобы поднять снова Польскій вопросъ и перенести театръ военныхъ дѣйствій въ польскую землю. Но надежды не осуществились. Не осуществились онѣ и послѣ вступленія на престолъ имп. Александра II, и наконецъ «народное горе вылилось, какъ говоритъ авторъ, въ незабытые 1861 и 1862 г.г. въ настоящій потокъ религіозно-политическихъ манифестацій, которыя разжигали мысль до экстаза».

Правительство пошло на уступки.

Эти уступки и реформы Вѣлепольскаго, который «былъ человѣкомъ большихъ способностей, могучаго ума и добрымъ польскимъ патріотомъ» обезпечивали царству польскому широкое самоуправленіе. Но стремленіе Вѣлепольскаго дѣйствовать въ союзѣ съ Россіей отстраняли его и отъ партіи «Бѣлыхъ» и отъ партіи «Красныхъ». Народъ домогался цѣлой и независимой Польши. Вспыхнуло возстаніе. Надѣялись на вмѣшательство Европы. Но это вмѣшательство свелось къ дипломатическимъ нотамъ и повредило Польшѣ, такъ какъ продлило пролитіе крови безъ всякой пользы.

Возстаніемъ 1863 г. оканчивается 70-лѣтняя борьба поляковъ за независимость.

Положеніе поляковъ въ Пруссіи и Россіи ухудшилось; въ Россіи прежнее Царство Польское превратилось въ Привислянскій край, въ Германіи Бисмаркъ началъ свою Kulturkampfen, и только въ Галиціи съ 1867 г. совершенно измѣнилось отношеніе правительства къ народу. Указавъ на ростъ Галиціи со времени предоставленія ей самоуправленія, авторъ говоритъ, что этотъ ростъ убѣдительно свидѣтельствуетъ съ одной стороны о томъ, какое благодѣтельное вліяніе оказываетъ управленіе, основанное на довѣріи и свободѣ гражданъ, а съ другой, какая непочатая сила коренится въ польской народности, несмотря на политическій упадокъ. Но и вся исторія послѣ раздѣловъ, продолжаетъ авторъ, свидѣтельствуетъ объ этой живучести народа. По мнѣнію автора, недостатки, отъ которыхъ страдала Польша, самъ народъ успѣлъ устранить въ конституціи 3-го мая, а въ теченіе послѣдней эпохи народъ работалъ въ духѣ идей этой конституціи; освобожденіе крестьянъ съ землею является дѣломъ не правительствъ, а самого общества.

Времена Варшавскаго герцогства, Царства Польскаго, когда поляки управлялись самостоятельно, и современное развитіе Галиціи, доказываютъ, что поляки были способны къ самобытности.

Книгу свою авторъ заканчиваетъ словами: «о возстаніяхъ теперь никто въ Польшѣ не думаетъ. Улучшеніе и, гдѣ нужно, сохраненіе народнаго быта, является въ настоящее время единственнымъ стремленіемъ польскаго народа».

Этимъ и мы закончимъ свой отчетъ о книгѣ г. Левицкаго.

Владиміръ Криксинъ.

Рукописи В. А. Жуковскаго,

хранящіяся въ библіотекѣ гр. Александра Алексѣевича и Алексѣя Александровича Бобринскихъ.

Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ гр. Алексѣй Александровичъ Бобринскій, а затѣмъ и отецъ его, гр. Александръ Алексѣевичъ, любезно разрѣшили мнѣ ознакомиться съ принадлежащими имъ рукописями В. А. Жуковскаго. Бѣглаго обзора было достаточно, чтобы признать ихъ цѣнными: въ нихъ я нашелъ нѣсколько ненапечатанныхъ еще стихотвореній и прозаическихъ отрывковъ и, кромѣ того, варіанты произведеній, извѣстныхъ въ печати. Рукописи эти перешли къ гр. Александру Алексѣевичу отъ его матери, Софіи Александровны, урожденной гр. Самойловой, съ которой Жуковскій, какъ извѣстно, находился въ большой дружбѣ и личность которой вполнѣ заслуживаетъ вниманія. Припомнимъ слова, сказанныя о ней кн. П. А. Вяземскимъ: она «была женщина рѣдкой любезности, спокойной, но неотразимой очаровательности.... Есть женщины, которыя «какъ лиліи, не трудятся, не прядутъ», но просто красуются и благоухаютъ. Этой прелестью въ высшей степени обладала гр. Бобринская. Ей равно покорялись мужчины и женщины. Она была кроткой, миловидной, плѣнительной наружности. Въ глазахъ и улыбкѣ ея были чувство, мысль и доброжелательная привѣтливость. Ясный,

свѣжій, совершенно женскій умъ ея былъ развитъ и освѣщенъ необыкновенной образованностью. Европейскія литературы были ей знакомы, не исключая и русской. Жуковскій, встрѣтившій ее еще у двора императрицы Маріи Θеодоровны, при которой была она фрейлиной, узналъ ее, оцѣнилъ, воспѣвалъ и остался съ нею навсегда въ самыхъ дружескихъ сношеніяхъ. Императрица Александра Θеодоровна угадала ее по сочувствію и сблизилась съ нею...., часто съ нею видалась и вела постоянную переписку.... Графиня мало показывалась въ многолюдныхъ обществахъ. Она среди общества, среди столицъ, жила какою-то отдѣльною жизнью, домашнею, келейною; занималась воспитаніемъ сыновей своихъ, чтеніемъ, умственной дѣятельностью; она, такъ сказать, издали и заочно слѣдила за движеніями общественной жизни, но слѣдила съ участіемъ и пропицательностью. Салонъ ея былъ ежедневно открытъ по вечерамъ. Тутъ находились немногіе, но избранные»[1]). Считаю не лишнимъ дополнить характеристику этой замѣчательной женщины нѣсколькими біографическими подробностями, которыя я заимствовалъ съ согласія гр. Александра Алексѣевича изъ составленной имъ рукописной біографіи гр. Софіи Александровны. Нѣкоторыя изъ этихъ подробностей могутъ имѣть значеніе при выясненіи отношеній къ ней Жуковскаго.

Гр. Софія Александровна Самойлова родилась въ Петербургѣ 4 октября 1797 года. Въ семьѣ годомъ ея рожденія считался 1799, который значится и на могильной плитѣ въ склепѣ, устроенномъ при входѣ въ церковь св. Благовѣщенія въ Петербургѣ, и только впослѣдствіи въ бумагахъ ея отца, гр. Александра Николаевича, нашлось письмо, изъ котораго ясно видно, что она родилась въ 1797 году. Въ 1810 г. послѣ домашней подготовки она поступила въ Екатерининскій институтъ, гдѣ на нее обратила вниманіе императрица Марія Θеодоровна. Окончивши въ 1816 г. курсъ института съ шифромъ, она была назначена фрейлиною

---

1) «Русскій Архивъ» 1869, б., стб. 2037—2039. Также: Кн. П. А. Вяземскій. Полное собраніе сочиненій, т. VII, стр. 223—224.

и переѣхала въ Зимній дворецъ[1]). Мать ея, Екатерина Сергѣевна, урожденная кн. Трубецкая, прекрасно понимая весь вредъ разсѣянной жизни, относилась строго къ молодой фрейлинѣ, которая никого кромѣ родныхъ не посѣщала и никуда не могла выѣхать безъ ея позволенія. Когда въ 1817 г. дворъ на продолжительное время переѣхалъ въ Москву, она не разрѣшила дочери этой поѣздки, ссылаясь на то, что шумное пребываніе въ первопрестольной прерветъ ея занятія пѣніемъ, музыкой, рисованіемъ и т. п. Весной 1818 г. Софія Александровна отправилась вмѣстѣ съ императрицей за границу[2]), откуда вернулась къ 1819 году[3]). Лѣто 1820 года Софія Александровна провела въ Павловскѣ, гдѣ ближе сошлась съ гр. Алексѣемъ Алексѣевичемъ Бобринскимъ, съ которымъ была знакома и раньше, а въ концѣ ноября сдѣлалась его невѣстой. 27 апрѣля 1821 года они повѣнчались.

---

1) Въ качествѣ компаньонки при ней находилась уже немолодая дѣвица-англичанка, Рóма. Вотъ какъ характеризуетъ ихъ взаимныя отношенія гр. А. А. Бобринскій: «Дѣвица Рома скоро пріобрѣла надъ гр. Софіей Александровной такую власть, что превратилась въ строгую, сварливую гувернантку. Она взяла въ руки все хозяйство молодой фрейлины, не позволяла ей выѣзжать и принимать у себя безъ ея вѣдома и присутствія и даже отказывала въ чистыхъ перчаткахъ, если не считала этого нужнымъ. Она ворчала и бранилась съ утра до вечера, однако же любила свою воспитанницу и была ей предана. Гр. Софія Александровна переносила все это терпѣливо, хотя иногда и плакала, но впослѣдствіи сохранила къ miss Roma уваженіе и благодарность».

2) Очевидно, объ этой поѣздкѣ пишетъ А. Я. Булгаковъ П. А. Вяземскому 14 августа 1818 года: «А ѣдутъ съ императрицею Маріею Θеодоровной: Александръ Львовичъ Нарышкинъ для шутокъ, Альбедиль—для денегъ, Туркестанова — для ума, графиня Самойлова — для рожицы и графиня Ливенъ и Нелидова». (Остафьевскій архивъ князей Вяземскихъ. Переписка кн. П. А. Вяземскаго съ А. И. Тургеневымъ. Спб. 1899. I, стр. 113—114).

3) Къ этому году, вѣроятно, и относится знакомство съ ней Жуковскаго. Съ ея родителями онъ могъ познакомиться у гр Анны Владиміровны Бобринской, у которой онъ часто бывалъ, и которая лѣтомъ 1819 года устраивала въ Павловскѣ много баловъ. Слѣдуетъ при этомъ отмѣтить нѣкоторыя записи въ дневникѣ Жуковскаго: 13 августа 1819 года: «Балъ графини Бобринской». 19 авг. «У Бобринскихъ» 27 авг. «У Самойловыхъ: пригл. въ Петерб.— voeux téméraires». 29 авг. «По утру. Альбомъ Самойлов.» 3 сентября: «Чт. V. temer.» 4 сент. «Вечеръ у Бобринск. *Разговоръ*.» 15 сент. «Къ Карамз.: одна Екатер. Андр О Самойл.» 17 сент. «Вечеръ у Бобринскихъ». Дневникъ прерывается на 18 сент. 1819 г. (Рукописи В. А. Жуковскаго, поступившія въ Имп. Публичную Библіотеку въ 1884 г., переплетъ № 3).

Семейная ея жизнь, посвященная заботамъ объ образованіи и воспитаніи дѣтей, полна трогательныхъ эпизодовъ, характеризующихъ ее, какъ мать и какъ жену, но цѣль моей статьи не позволяетъ мнѣ останавливаться на этомъ подробно [1]). Приведу только слова сына Софіи Александровны, которыми онъ заканчиваетъ ея біографію: «Графиня Софія Александровна оставила послѣ себя память женщины съ рѣдкими качествами ума и сердца. Глубоко религіозная, мать нѣжная и умная, вѣрная супруга и вѣрный другъ, высокообразованная женщина, краса и честь своего времени и вѣка». Этотъ восторженный отзывъ вполнѣ оправдывается фактами.

Гр. Софія Александровна, а послѣ нея сынъ и внукъ тщательно сохранили всѣ рукописи Жуковскаго до незначительной записочки включительно, и такимъ образомъ мы имѣемъ не только новый литературный матеріалъ, но и намеки на новыя біографическія данныя, интересныя для характеристики личности поэта. Что̀ же касается варіантовъ стихотвореній напечатанныхъ, то и они могутъ имѣть важность въ глазахъ редактора будущаго критическаго изданія сочиненій В. А. Жуковскаго, а такъ какъ рукописи, принадлежащія частнымъ лицамъ, подвержены различнымъ случайностямъ и не всегда доступны, то я счелъ необходимымъ привести эти варіанты цѣликомъ, «не мудрствуя лу-

---

1) Не лишенъ интереса разсказъ о 14 декабря 1825 г., переданный въ ея біографіи: «14 декабря мужъ Софіи Александровны, кавалергардскій поручикъ, поѣхалъ во дворецъ на выходъ и принятіе присяги, но вскорѣ вернулся, переодѣлся въ походную форму и поскакалъ верхомъ къ своему полку на Адмиралтейскую площадь. Гр. С. А. очень за него безпокоилась. Послышались выстрѣлы. Нѣсколько разъ приходили посланные отъ мужа разносчики пряниковъ съ извѣстіемъ отъ него, что онъ живъ и здоровъ. Ядро картечное, пролетѣвъ по Галерной ул., засѣло въ штукатуркѣ ихъ дома (теперь № 58 по Галерной ул.). Когда вечеромъ все утихло, графиня сѣла на извозчика и съ горничною своею поѣхала на площадь, гдѣ, переѣзжая отъ бивачнаго огня къ огню, отыскала кавалергардскій полкъ, но мужа въ полку не было. Она была въ большомъ безпокойствѣ, полагая, что онъ раненъ, и это отъ нея скрываютъ. Но одинъ изъ его товарищей, гр. Ферзенъ, сѣлъ верхомъ, поѣхалъ смѣнить гр. Бобринскаго, разъѣзжавшаго съ патрулемъ, и далъ ему возможность вернуться и успокоить жену».

каво». Такимъ образомъ въ моей статьѣ читатели найдутъ подробный и точный до мелочей обзоръ всего полученнаго мною[1]).

I.

На первомъ мѣстѣ по обилію матеріала слѣдуетъ поставить альбомъ въ кожаномъ сафьянномъ переплетѣ съ застежками. На переплетѣ мѣдная пластинка съ буквой Ж. Первая страница альбома занята стихотвореніемъ на нѣмецкомъ языкѣ, при чемъ ни заглавіе, ни авторъ не указаны. Это — стихотвореніе Гёте «An Lottchen» съ небольшими урѣзками и кое-гдѣ подчеркнутыми словами, чтò доказываетъ намѣреніе В. А. Жуковскаго придать ему опредѣленное значеніе. Поэтому привожу его цѣликомъ въ томъ видѣ, какъ оно переписано:

Mitten im Getümmel mancher Freuden,
Mancher Sorgen, mancher Herzensnoth,
Denk ich *dein*.....
Wohl ist mir's, dass ich dich nicht verkannt,
Dass ich gleich dich in der ersten Stunde,
Ganz den Herzensausdruck in dem Munde,
Dich ein *wahres gutes Kind* genannt.

Still und eng und ruhig auferzogen
Wirft man uns auf Einmal in die Welt;
Uns umspülen hunderttausend Wogen,
Alles reizt uns, Mancherlei gefällt,
Mancherlei verdriesst uns, und von Stund zu Stunden
Schwankt das leichtunruhige Gefühl;
Wir empfinden, und was wir empfunden,
Spült hinweg das bunte Weltgewühl.

---

1) Кромѣ орѳографіи.

Wohl, ich weiss es, da durchschleicht uns innen
Manche Hoffnung, mancher Schmerz.
Liebe [1]), wer kennt unsre Sinnen?
Liebe [1]), wer kennt unser Herz?
Ach, es möchte gern gekannt sein, überfliessen
In das Mitempfinden einer Creatur,
Und vertrauend zwiefach neu geniessen

Alles Leid und Freude der Natur.
Und da sucht das Aug' so oft vergebens
Rings umher, und findet Alles zu;
So vertaumelt sich der schönste Theil des Lebens
Ohne Sturm und ohne Ruh;
Und zu deinem ewgen Unbehagen
Stösst dich heute, was dich gestern zog.
Kannst du zu der Welt nur Neigung tragen,
Die so oft dich trog,
Und bei deinem Weh, bei deinem Glücke,
Blieb in eigenwillger starrer Ruh?
Sieh da tritt der Geist in sich zurücke,
Und das Herz—es schliesst sich zu.

So fand ich dich und ging dir frei entgegen!

За этимъ стихомъ былъ написанъ и слѣдующій, тщательно потомъ соскобленный:

O sie ist werth zu sein geliebt!

На второй страницѣ подъ печатью, которая изображаетъ на черномъ фонѣ бѣлый *столбъ съ фонаремъ, кидающимъ свѣтъ*, помѣщенъ эпиграфъ: «Все въ жизни къ прекрасному средство!» и слѣдующее не появлявшееся въ печати разсужденіе о счастьѣ жизни:

---

1) У Гёте: «Lottchen».

«...Я когда-то сказалъ: счастіе жизни состоитъ не изъ отдѣльныхъ наслажденій, но изъ наслажденій съ *воспоминаніемъ*, и эти наслажденія сравнилъ я съ фонарями, зажженными ночью на улицѣ: они раздѣлены промежутками, но эти промежутки *освѣщены* и вся улица свѣтла, хотя *не вся* составлена изъ свѣта [1]). Такъ и *счастіе жизни!* Наслажденіе — фонарь, зажженный на дорогѣ жизни; воспоминаніе — свѣтъ, а счастіе — рядъ этихъ фонарей, этихъ прекрасныхъ, свѣтлыхъ воспоминаній, которыя всю жизнь озаряютъ. Надежда — пустое слово: она привлекательна только для неопытности, которая не знаетъ жизни, для которой вся прелесть этого слова заключена въ его непостижимости [2]). И что надежда? Безпокойное, хотя нерѣдко сладостное ожиданіе чего-то въ будущемъ; такое ожиданіе только вредно: оно уничтожаетъ настоящее. Позабудь о будущемъ, чтобы жить какъ должно; пользуйся настоящею минутою, ибо только она есть *вѣрное* средство къ прекрасному! Зажигай свой фонарь, не заботясь о тѣхъ, кои Провидѣніе дастъ зажечь послѣ; въ *свое* время ты оглянешься и за тобою будетъ прекрасная, *свѣтлая дорога*. Между настоящею минутою и неизвѣстнымъ предѣломъ жизни помѣсти не *Надежду*, а *Провидѣніе:* переходя отъ одной озаренной яркимъ воспоминаніемъ минуты къ другой такой-же, нечувствительно дойдешь до этого предѣла, за которымъ вѣрное, неизмѣнное будущее. Объ немъ можно думать безъ волненія, оно не мѣшаетъ жизни! Но что-же здѣшнее будущее? Приходитъ-ли она когда-нибудь такимъ, какимъ мы его себѣ воображаемъ? На что-же ему вѣрить и объ немъ заботиться? Прошедшее-же пускай идетъ съ нами *рядомъ!* Пусть будетъ нашимъ добрымъ, утѣшительнымъ, ободряющимъ спутникомъ?

---

1) Теперь становятся понятными выраженія въ письмахъ Жуковскаго: «Зажигайте около себя и въ сердцахъ своихъ дѣтей *фонари свои* и *наши* будутъ горѣть тамъ и здѣсь и отвѣчать вамъ своимъ свѣтомъ». «На свѣтѣ только и хорошаго, что *фонари*» (К. К. Зейдлицъ: «Жизнь и поэзія В. А. Жуковскаго». СПБ. 1883, стр. 105 и 107).

2) Ср. «Надежда—лукавый предатель» («Тэонъ и Эсхинъ»).

Для сердца прошедшее вѣчно! [1])

Можно нѣкоторымъ образомъ сказать, что существуетъ только то, чего уже нѣтъ! Будущее можетъ не быть; настоящее можетъ и должно перемѣниться; одно прошедшее не подвержено измѣняемости: воспоминаніе бережетъ его; и если это воспоминаніе чистое, то оно есть Ангелъ-Хранитель нашего счастія; оно утѣшаетъ наши горести; оно озаряетъ предъ нами неизвѣстность будущаго. Ясный фонарь на дорогѣ жизни... что онъ? Одно-ли наслажденіе, столь же быстрое и тлѣнное, какъ пролетающая минута? О, нѣтъ! доброе чувство, высокая мысль, прекрасное дѣло — имъ однимъ принадлежитъ воспоминаніе! Эти свѣтлыя минуты, въ которыя мы жили сердцемъ, созданнымъ для прекраснаго, высокаго и добраго, можно назвать минутами божественнаго откровенія: въ эти минуты Божество неотрицаемо. Я назвалъ бы каждое прекрасное чувство, каждую высокую, сердцемъ внушенную мысль *Богомъ!* Не онъ ли говоритъ въ нихъ душѣ человѣческой: *я здѣсь!* и какъ въ такую минуту не отвѣчать Ему: *вѣрую, Господи!* И рядъ такихъ минутъ, въ которыя Божество, блеснувъ передъ тобою собственнымъ же твоимъ чувствомъ, не угасло, но оставило тебѣ *свѣтъ свой* въ воспоминаніи,— рядъ фонарей... вотъ счастіе! и оно вѣчно, какъ душа съ ея неизгладимыми воспоминаніями!

Еще одна мысль, которая здѣсь у мѣста: жизнь есть *воспитаніе*. Все въ ней служитъ урокомъ. *Цѣль* жизни — знать хорошо урокъ свой, чтобы не пристыдить себя передъ верховнымъ учителемъ. *Гдѣ* придется употребить уроки его въ пользу — это знаетъ только Онъ. Что онъ учитъ *не напрасно* — это вѣрно,

---

1) «Тэонъ и Эсхинъ». Ср.

«О, наша жизнь, гдѣ вѣрны лишь утраты,
Гдѣ милому мгновенье лишь дано,
Гдѣ скорбь безъ крылъ, а радости крылаты
И гдѣ навѣкъ минувшее одно»

(«На кончину королевы Виртембергской»).

и въ *знаніи этого*, основанномъ на чувствѣ, вся наша Вѣра. Павловскъ, 29 августа 1819»[1]).

Это разсужденіе прекрасно характеризуетъ основныя черты міровоззрѣнія Жуковскаго. Вотъ почему нѣкоторые взгляды, высказанные въ немъ, вызываютъ въ памяти цѣлый рядъ произведеній поэта. Такова, напримѣръ, мысль о настоящемъ, прошедшемъ, будущемъ и о роли въ человѣческой жизни воспоминанія; эта мысль, спутница Жуковскаго отъ юношескихъ лѣтъ до поздней старости, красною нитью проходитъ черезъ всю его литературную дѣятельность. Сравнимъ съ только-что приведенными словами слѣдующіе отрывки:

«Вся наша жизнь была бы однимъ послѣдствіемъ скучныхъ и несвязныхъ сновидѣній, когда бы съ настоящимъ не соединялись тѣсно ни будущее, ни прошедшее—три неразлучныя эпохи: одна украшаетъ другую; одна отъ другой заимствуетъ прелесть». («Три сестры». 1808 г. Дальнѣйшій разсказъ представляетъ не что иное, какъ разсужденіе о настоящемъ, прошедшемъ и будущемъ).

«Развѣ тому, кто наслаждался, не остается меланхолической, усладительной привязанности къ прошедшему?» («Кто истинно добрый и счастливый человѣкъ». 1808 г.).

«Живешь воспоминаньемъ:
Его очарованьемъ
Преображенный свѣтъ
Одинъ вездѣ являетъ
Душѣ твоей предметъ». («Къ Батюшкову». 1812 г.).

«Нашлось иль нѣтъ земное счастье —
Но *милое минувшихъ дней*
[На ясномъ утрѣ упованья

1) Очевидно, это и есть тотъ альбомъ, о которомъ говоритъ Жуковскій въ указанной выше записи въ дневникѣ подъ 29 авг. 1819 г.: «По утру. Альбомъ Самойловой».

Насъ веселившая звѣзда]
Милѣйшимъ будетъ завсегда
Сокровищемъ воспоминанья».

(«Кн. Оболенской». 1821).

Прекрасное «дѣйствуетъ на нашу душу не *настоящимъ*, а темнымъ воспоминаніемъ всего прекраснаго въ *прошедшемъ* и тайнымъ ожиданіемъ чего-то въ будущемъ». (Приписка къ стих. «Лалла-Рукъ». 1821 г.).

«Настоящее казалось бѣднымъ, а будущее ничего не обѣщало въ жизни.... Но добрый геній, *воспоминаніе*, прилетѣло ко мнѣ на помощь». («Отрывокъ изъ письма о Саксоніи». 1821 г.).

«О, милое воспоминаніе
О томъ, чего ужъ въ мірѣ нѣтъ!
О, дума сердца — упованіе
На лучшій, неизмѣнный свѣтъ». («Мотылекъ и цвѣты».
1822 г.).

«Тамъ на жизненномъ предѣлѣ
Два сопутника насъ ждутъ;
Ободритель — упованье,
Геній младости живой,
И любовь — воспоминанье,
Стражъ земного неземной». («Прощальная пѣснь воспитанницъ Общества благородныхъ дѣвицъ». 1827 г.).

«Блаженъ, кто носитъ
Въ своей душѣ святую память, вѣрность
Прекрасному минувшему!» («Камоэнсъ». 1839 г.).

Прекрасное «дѣйствуетъ на нашу душу не однимъ присутственнымъ *настоящимъ*, но и неяснымъ въ одно мгновеніе сліяннымъ *воспоминаніемъ* всего прекраснаго въ прошедшемъ и тайнымъ *ожиданіемъ* лучшаго въ будущемъ». (Письмо къ Н. В. Гоголю «Слова поэта — дѣла поэта». 1848 г.).

«И со мною на просторѣ
Тамъ милое *минувшее* мое,
Въ воспоминаніи дружася съ *настоящимъ*,
Всегда присутственною невидимкой
Спокойно жило». («Вел. кн. Маріи Николаевнѣ».
1851 г.).

За приведеннымъ выше разсужденіемъ слѣдуютъ 44 произведенія Жуковскаго, начисто переписанныя его рукою, и одно его же стихотвореніе, переписанное рукою гр. С. А. Самойловой. Привожу ихъ въ томъ порядкѣ, въ какомъ они помѣщены въ альбомѣ:

1. Голосъ знакомаго мимопролетѣвшаго генія. (Къ мимопролетѣвшему генію) [1]).
2. 17 августа 1819. (Праматерь внукѣ).
3. Ländler-gras. (Цвѣтъ завѣта) [2]).
4. Къ К. Вяземскому. (Отвѣтъ кн. Вяземскому на его стихи: «Воспоминаніе»).
5. Эпитафія. (Надгробіе И. П. и А. И. Тургеневымъ).
6. Пловецъ. (Стансы).
7. Эпитафія, Мими (Чижикъ).
8. Жизнь и ея Ангелъ. (Жизнь).
9. Павловскъ 29 іюня 1819. (Платокъ графини Самойловой).
10. «Больной покинутый поэтъ...» [3]).

---

1) Въ скобкахъ мною указаны соотвѣтственныя заглавія по 9 изд. сочиненій В. А. Жуковскаго.

2) Объ этомъ стихотвореніи пишетъ А. И. Тургеневъ кн. П. А. Вяземскому: «Посылаю тебѣ стихи Жуковскаго, написанныя по заказу великой княгини. Она же дала и тему на нѣмецкомъ: «Ländler-gras; у нѣмцевъ — цвѣтъ завѣта». («Остафьевскій архивъ» I, 276).

3) Датировано 8 іюля, а не 8 іюня, какъ въ 9 изданіи, и находится въ связи съ слѣдующимъ, неразборчивый черновикъ котораго въ Публ. Библ. (Бумаги Жуковскаго, № 29, л. 12), и которое написано 9 іюля. О немъ П. А. Ефремовъ упоминаетъ въ 9 изд. (въ примѣчаніяхъ ко II тому, стр. 555), но въ текстѣ не приводитъ, очевидно, за неимѣніемъ болѣе или менѣе разборчивой рукописи.

11. «Ужъ думалъ я, что я забытъ...» (въ печати не появлялось).
12. 17 сентября. Нач. «Напрасно я мечтою льстился...» (въ печати не появлялось) [1]).
13. «Имя гдѣ для тебя...».
14. «Вчера я васъ не убѣдилъ...» (въ печати не появлялось) [2]).
15. Къ графинѣ Шуваловой послѣ ея дебюта въ роли мертвеца.
16. Баллада, въ которой описывается, какъ одна старушка ѣхала на черномъ конѣ вдвоемъ, и кто сидѣлъ впереди.
17. «Минувшихъ дней очарованье...».
18. Сказка о красномъ карбункулѣ.
19. Посланіе къ Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ. (Государынѣ Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ первый отчетъ о лунѣ).
20. Посланіе къ Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ. 29 іюля.
21. Двѣ надписи къ портрету Императрицы Елизаветы Алексѣевны.
22. Къ портрету великой княгини.
23. Къ портрету Батюшкова [3]).
24. Къ портрету Гёте.

---

1) Черновикъ въ Публичной Библіотекѣ, бумаги Жуковскаго № 29, об. л. 25; переписанное начисто не рукою Жуковскаго тамъ же, № 15, об. л. 85.

2) Оно есть въ Публичной Библіотекѣ: № 29 об. л. 27; № 15, л. 87.

3) «Пѣвецъ любви, отважный воинъ,
Съ нимъ друженъ богъ войны, съ нимъ друженъ Аполлонъ,
По дарованію достоинъ славы онъ,
По сердцу счастія достоинъ».

Это четверостишіе съ перестановкой первыхъ двухъ стиховъ находится въ рукописяхъ Публ. Библ., № 29, об. л. 21. И. А. Бычковъ озаглавилъ это стихотвореніе (Бумаги В. А. Жуковскаго. СПБ. 1887, стр. 88) по рукописи «Къ Т. Б.» и высказалъ догадку, что оно относится къ Т. Е. Боку, къ которому Жуковскій написалъ 3 стихотворныхъ письма (Сочиненія, 9 изд., т. I, с. 423—425). Со словъ И. А. Бычкова къ Боку относитъ это стихотвореніе и П. А. Ефремовъ (примѣч. къ I т., стр. 527). Ошибка объясняется тѣмъ, что въ рукописи заглавіе очень неясно. Впрочемъ, и по содержанію отнести его къ Т. Боку трудно.

25. Весеннее чувство.
26. Путешественникъ и поселянка.
27. Мщеніе.
28. Монахиня (Утѣшеніе).
29. Близость весны.
30. Цеиксъ и Гальціона.
31. Три путника.
32. Гаральдъ.
33. Три пѣсни.
34. Пѣсня бѣдняка.
35. Узникъ.
36. 1-ое и 2-ое дѣйствія «Орлеанской дѣвы».
37. Пѣсня.
38. Къ графинѣ Шуваловой (въ печати не появлялось)[1]).
39. Къ А. Г. Хомутовой.
40. Къ Нарышкину.
41. Къ К. Ѳ. Голицыну (не появлялось въ печати)[2]).
42. Циркулярное посланіе (не появлялось въ печати)[3]).
43. Къ княгинѣ А. Ю. Оболенской. (Нач. «И такъ еще намъ суждено»).
44. Къ ней же. (Нач.: «Княгиня, для чего отъ насъ»).
45. «Товарищъ! вотъ тебѣ рука». («Посланіе В. А. Перовскому»). Переписано рукою гр. Самойловой и датировано: «23 іюля 1820 года. Павловскъ».

Привожу прежде всего стихотворенія, не появлявшіяся въ печати:

9 іюля.

Ужъ думалъ я, что я забытъ,
Что риѳмы жалкаго посланья

---

1) Черновикъ этого стихотворенія находится въ Публичной Библіотекѣ (бумаги В. А. Жуковскаго, № 26, л. 97). Слѣдовательно, догадка И. А. Бычкова, что оно относится къ гр. Самойловой, невѣрна (Бумаги Жуковскаго, стр. 62).

2) Черновикъ въ Публичной библіотекѣ, бумаги Жуковскаго, тетр. № 29, об. л. 49.

3) Ср. Тамъ же, тетр. № 26, л. 95.

Не пробудили состраданья,
И что пора мнѣ за Коцитъ,
Сказавъ: прости! земному свѣту,
Гдѣ нѣтъ и жалости поэту!
Съ тоски я потащился въ садъ,—
А скука прогнала назадъ:
Но подхожу къ дверямъ съ кручиной,
А у дверей ужъ радость ждетъ
И съ очарованной корзиной
Мнѣ улыбаясь подаетъ
Здоровье, силы, вдохновенье!
Не думайте, чтобъ сновидѣнье
Сшутило такъ съ душой моей
И чтобъ придворный вашъ лакей,
Отправленный съ корзиной вами,
Моими принятъ былъ глазами
За милую царицу фей,
За жизнедательную *Радость!*
Нѣтъ! не мечты минутной сладость
Очаровала душу мнѣ!
Могу-ль такъ грубо обмануться?
Когда бъ случилось то во снѣ—
Я не подумалъ бы проснуться!
Сама богиня то была!
Сосудъ судьбы она дала
Мнѣ въ скромномъ образѣ корзины!
Въ задатокъ всѣхъ житейскихъ благъ,
Въ бумажныхъ свернуты листахъ,
Въ ней золотые апельсины,
Янтарный сочный виноградъ,
Душистыхъ абрикосовъ рядъ,
И ананасы съ земляникой,
И сливы пухлыя съ клубникой
Явились въ блескѣ предо мной

Я принялъ трепетной рукой —
И мнилось, таинство судьбины,
На днѣ лубошныя корзины,
Разоблачилось для меня,
И жизнь ужъ стала не загадка.
О ты, прелестная перчатка!
Тебя я знаю: ты родня
Перчатки той честолюбивой,
Которую поэтъ счастливой
Весной прошедшею въ Кремлѣ,
Поймалъ на мраморномъ столѣ,
Когда, гордясь сама собою,
И въ ссорѣ съ милою рукою
На волю рока отдапа,
Глядѣлась въ зеркало она!
А ты, башмакъ, ты братъ Дельфину!
Отправивъ брата-близнеца
За странникомъ-платкомъ въ пучину,
Найди для странника-пѣвца
На сушѣ вѣрную дорогу,
Хотя и сшитъ для красоты,
Хотя ему не въ пору ты,
Хотя пожмешь немного ногу!
Но какъ назвать тебя, платокъ!
Какъ ты зашелъ въ мой уголокъ?
Въ часъ добрый! гость, судьбою данный!
Я знаю, тотъ непостоянный
Платокъ-измѣнникъ и бѣглецъ,
Не можетъ быть твоей роднею.
Пускай сіяетъ онъ звѣздою —
Ты будь *моимъ!* тебѣ пѣвецъ
Себя отнынѣ повѣряетъ.
Когда онъ жизнью заскучаетъ
И мрачнымъ путь найдетъ земной,

Лицо закроетъ онъ тобой.
Подъ сей завѣсою чудесной
Все станетъ вдругъ опять прелестно
Для добровольнаго слѣпца,
А то, что оскорбляетъ око,
Незримо будетъ и далеко
Отъ покровеннаго лица.
Когда жъ въ страну воображенья
Захочетъ полетѣть поэтъ,
А риѳмъ и жаркихъ мыслей нѣтъ,
И вялы крылья вдохновенья —
Тебя лишь стоитъ разостлать!
Ты будешь коврикъ окрыленной
И можешь за предѣлъ вселенной
Пѣвца и Музу перемчать!

---

17 сентября.

Напрасно я мечтою льстился,
Напрасно я вчера просился,
Графиня, къ вамъ поздравить васъ!
Что въ поздравленьи! вы сказали
И холодно мнѣ отказали —
Благодарю и за отказъ!
Не до меня вамъ! вы съ гостями!
Я знаю, повидаться съ вами
Теперь небесные пришли
Очарователи земли,
Васъ посѣщавшіе и прежде:
Любовь и *Вѣра* — благодать,
Подруги молодой *Надеждѣ*,
И *Мудрость*, милая ихъ мать,

Вамъ давшая свое названье
И васъ нарекшая *своей!*
Я ваше не дерзну вниманье
Отвлечь отъ свѣтлыхъ сихъ гостей;
А развѣ тайное желанье
Шепну вамъ издали душой.
И въ немъ вамъ нужды нѣтъ, я знаю!
Но я вамъ благъ земныхъ желаю,
Какъ вѣрный, вшедшій въ храмъ святой,
На жертвенникѣ Провидѣнья
Приноситъ теплыя моленья
Не для небесъ, а для себя.
Моляся душу возвышаетъ
И все въ молитвѣ заключаетъ,
И мысль награды истребя!
И кто-же запретитъ мнѣ сладость
Жить съ вашимъ благомъ, какъ съ мечтой,
Души сопутницей родной,
Желать, чтобъ все, что ваша младость
Такъ обѣщаетъ намъ, сбылось,
Чтобъ счастье жизни вамъ далось
Достойнымъ васъ и неизмѣннымъ,
Не тѣмъ ничтожнымъ и пустымъ,
Разсѣянно-обыкновеннымъ,
Которое такъ часто зримъ
Желаній вѣтреныхъ предметомъ,
Которое одинъ обманъ,
Къ молитвамъ хладный истуканъ,
Вотще боготворимый свѣтомъ!
Кто вашу душу прочиталъ,
Тотъ сердца тайнымъ упованьемъ
Иное счастье вамъ создалъ,
Тому любезнѣйшимъ желаньемъ
Сія прекрасная мечта,

И ободряющей звѣздою
Сіяетъ надъ его тропою
Любимой жизни красота!
Васъ небо, вѣрьте, отличило!
Оно недаромъ отворило
Вамъ область опыта, сей свѣтъ!
Прекраснаго въ семъ свѣтѣ нѣтъ:
Въ него *прекрасное* съ собою
Мы вносимъ съ нашимъ бытіемъ,
Мы лишь въ себѣ его найдемъ!
О, ваше сердце вѣрно встрѣтитъ
Прямую *прелесть жизни* сей,
И рядъ веселыхъ фонарей
Дорогу вашу всю освѣтитъ!
Пусть друга-Ангела рука
Ихъ зажигаетъ передъ вами!
А я, хотя *издалека*
За вами слѣдуя глазами,
Васъ буду сердцемъ провожать
И благодарно ихъ считать!

---

5 октября. Гатчино [1]).

Вчера я васъ не убѣдилъ
Своею прозою убогой!
Съ холодностью внимали строгой
Вы все, что̀ я ни говорилъ.

---

1) Это стихотвореніе находится въ рукописи Публ. библ. среди текста, который вошелъ въ альбомъ, подаренный Жуковскимъ Самойловой вмѣстѣ съ Библіей (см. ниже). Очевидно, 17 сентября онъ послалъ ей помѣщенное выше стихотвореніе «Напрасно я мечтою льстился», не рѣшаясь поднести альбомъ. 4 октября онъ бесѣдовалъ съ нею, что видно изъ стих. «Вчера я васъ не убѣдилъ», написаннаго 5 октября, а 7 октября онъ принялся писать post-scriptum (см. ниже).

Не знаю, быть краснорѣчивымъ
Умѣлъ-ли бъ Цицеронъ при васъ,
Но то я знаю, что подчасъ
Хотя и радъ бы стать болтливымъ,
Но всѣ растеряны слова
И бродитъ кругомъ голова.
Но дѣло не о томъ!... стихами
Позвольте то вамъ повторить,
О чемъ ужъ я дерзнулъ просить
Васъ прозы скудными словами.
Вотъ самый вѣрный вамъ разсказъ:
На этихъ дняхъ (въ послѣдній разъ,
Когда изъ Павловскаго сада
Я быстро такъ перескочилъ
На мостовую Петрограда,
Когда я въ Петербургѣ былъ)
Я шелъ Фонтанкой въ размышленьѣ,
И *ваше* божество *Забвенье*,
Вашъ вѣрный, неразлучный другъ,
Не шло, къ несчастію, со мною;
Я былъ одинъ или съ мечтою
Вдвоемъ — не помню! только вдругъ,
У Симеоновскаго моста,
Служивый Марса молодой,
Пріятный, небольшого роста,
Съ лицомъ, блестящимъ остротой,
Въ измайловскомъ мундирѣ, словомъ
Черкасовъ встрѣтился со мной.
И вижу я, что подъ покровомъ
Его веселости живой
Какъ будто грустное таилось;
Онъ руку дружески мнѣ далъ;
И слово за слово открылось
Мнѣ то, что взоръ мой угадалъ.

Увы! по виду онъ виною
Тяжелою обремененъ.
Но вправду.... виноватъ-ли онъ?
Зачѣмъ коварною судьбою
Ему былъ тотъ альбомъ врученъ,
Который весь своей рукою
Вы потрудились написать?
Его ужасно въ руки брать:
Волшебство каждая въ немъ строчка!
Тамъ каждая въ линейкахъ точка
Коварнымъ хвостикомъ своимъ,
Какъ талисманъ, обворожаетъ
И сердцу гласъ тотъ повторяетъ,
Который, разъ бывъ слышенъ имъ,
Съ нимъ познакомитъ вдохновенье,
И раззнакомитъ съ нимъ *забвенье!*
Чѣмъ виноватъ Черкасовъ мой?
Повѣрьте, долго онъ сражался
Съ неизбѣжимою судьбой,
И ей бы вѣрно не поддался,
Когда бы не поддаться могъ!
Враждующій какой-то богъ
Его невольно въ преступленье
Увлекъ. Отвергнувъ подозрѣнье,
Сестрѣ любезной въ угожденье
Неосторожнымъ онъ перомъ
Вашъ переписывалъ альбомъ.
А рядомъ съ нимъ Мечта сидѣла
И *шепотомъ* по нотамъ пѣла
Все то, что̀ *вслухъ* пѣвали вы,
И сердце слушало невольно,
А сердца слишкомъ ужъ довольно
Для потрясенья головы!
Ему всегда побѣда въ спорѣ

Съ напрасно-гордой головой,
Но что-жъ, когда еще съ судьбой
Оно въ коварномъ заговорѣ!
Неосторожный витязь мой,
Занявшись милой перепиской,
Не могъ бѣды замѣтить близкой
И лишь тогда ее узналъ,
Когда ея добычей сталъ.
Судьбы постигнувши коварство,
Онъ вздумалъ, что найдетъ лѣкарство
Отъ яда, выпитаго имъ,
Въ сообществѣ съ подругой думы,
Которою часы угрюмы
Такъ часто мы животворимъ,
Которой дѣйствіе чудесно,
Которая въ досужій часъ
Приводитъ непримѣтно насъ
Къ пріятному самозабвенью,
Насъ покоряетъ размышленью
И намъ, обманутымъ тщетой,
Тщеты обманчивость являетъ,
И призракъ, узнанный душой
Съ летучимъ дымомъ исчезаетъ.
Короче — въ подкрѣпленье силъ,
Совсѣмъ разстроенныхъ борьбою
Съ необоримою судьбою,
Черкасовъ трубку закурилъ:
Судьба того-то и желала!
Коварная очаровала
Непостоянной трубки дымъ:
Всѣ мысли вдругъ сліялись съ нимъ.
Какъ легкій геній, подымался
Онъ надъ сверкающимъ огнемъ,
И милый образъ отражался

Душѣ обрадованной въ немъ.
И вмѣстѣ съ нимъ душа летала
И, съ нимъ летая, прилипала
Къ тѣмъ очарованнымъ листамъ,
Которыхъ видъ, очамъ опасной,
Ее плѣнилъ такъ самовластно...
Она съ нимъ и осталась тамъ!
И такъ, судьбою побѣжденный
Черкасовъ, вамъ боясь отдать
Альбомъ вашъ, дымомъ закуренный,
Опять его переписать
Для васъ своей рукой рѣшился.
Ужель напрасно онъ трудился?
Графиня, умоляю васъ,
Не требуйте оригинала!
Его судьба ужъ наказала!
Къ тому жъ — сказать бы въ добрый часъ —
То въ первый и въ послѣдній разъ.

Къ графинѣ Шуваловой.

20 мая 1820. Въ исходѣ 11 часа ввечеру.

Уже одиннадцатый часъ!
Графиня, поздравляю васъ
Съ веселымъ вашимъ возвращеньемъ
Изъ той печальной стороны,
Куда вы были сновидѣньемъ
Обманчивымъ отвлечены
Отъ милыхъ свѣта наслажденій,
Отъ ясной младости своей,
Отъ жизни, счастья и друзей!
Повѣрьте мнѣ, тотъ мрачный геній,

Который вѣсть вамъ приносилъ
О вашей тратѣ невозвратной,
Не грозный генiй *смерти* былъ,
Но *жизни* генiй благодатной.
Онъ вашу душу испыталъ.
Ея невинности прекрасной
Изображенiемъ ужасной
Могилы онъ не испугалъ:
Вы съ тихой твердостью взглянули
На чашу, поданную вамъ,
О свѣтѣ, можетъ быть, вздохнули,
Но поднесли ее къ устамъ
Съ покорной вѣрой въ Провидѣнье...
И такъ, забудьте сновидѣнье,
Смутившее напрасно васъ!
Теперь вы заживо узнали,
Сколь мало страшенъ смерти часъ:
Вы на порогѣ томъ стояли,
Къ которому идетъ нашъ путь,
Къ которому невольно мчимся,
Но за который такъ боимся
Изъ бытiя перешагнуть.
Смотрите! Генiй-испытатель
На семъ порогѣ роковомъ
Стоитъ ужъ въ образѣ иномъ:
Веселый блага прорицатель,
Давъ руку младости живой,
Обнявшись съ милою надеждой,
Онъ ужасъ двери гробовой
Своей волшебною одеждой
Для взора вашего закрылъ,
Онъ факелъ *жизни* воспалилъ,
Онъ свѣтитъ вамъ къ земному счастью,
Онъ васъ къ *прекрасному* влечетъ

Своею дружественной властью.
Идите-же, куда зоветъ
Его священное призванье;
Живите, вѣря небесамъ!
Для добрыхъ жизнь очарованье —
Кому-жъ и жить, когда не вамъ.

Къ К. Ѳ. Голицыну.

Я слова, князь, не позабылъ:
Я вамъ должникъ за Каталани!
И если я не заплатилъ
Еще обѣщанной вамъ дани,
То все я передъ вами правъ.
Собачій вѣрный біографъ,
Я ждалъ отъ васъ нетерпѣливо
Записокъ точныхъ, чтобъ на нихъ
Сослаться въ надписи правдивой
И честь воздать въ стихахъ моихъ
Согласно съ истиною строгой
Покойницѣ четвероногой.
Но я напрасно ожидалъ:
Князь Ѳедоръ въ шумномъ кругѣ свѣта
Среди веселій пировалъ,
Забывъ собаку и поэта.
Пора напомнить вамъ объ ней!
Чтобъ въ эпитафіи моей,
Напрасно пышными стихами
Передъ потомствомъ не солгать,
Чтобъ о собакахъ не сказать
Того, что̀ часто надъ гробами
Временщиковъ и богачей,
И полководцевъ, и царей

Чертятъ безстыдными рѣзцами
На гордыхъ мраморныхъ доскахъ,
Короче, чтобы могъ въ стихахъ
Я пса покойнаго представить
Въ *его*, а не въ *чужой* красѣ,
Прошу мнѣ полную доставить
Записку о покойномъ псѣ:
У васъ, я думаю, остался
Въ бумагахъ списокъ послужной.
Во-первыхъ: какъ онъ назывался?
Потомъ: породы былъ какой,
Дворовый, гончій иль лягавой?
Иль пудель съ головой курчавой,
Иль мопсъ, изнѣженный храпунъ,
Съ наморщенной арабской мордой,
Иль шпицъ, иль догъ, флегматикъ гордой,
Иль быстрый англійскій прыгунъ?
Иль, можетъ быть, онъ мышеловкой
Коротконогой вамъ служилъ,
Иль триксой желтопузой былъ,
Или съ кудрявою головкой,
Съ обритой спинкой и хвостомъ,
Для шутки назывался *львомъ*,
Былъ дѣтямъ мирною игрушкой
И рѣдко ссорился съ подушкой?
Еще знать хочетъ Аполлонъ,
Чему покойникъ былъ ученъ?
Умѣлъ-ли подавать онъ лапку?
Умѣлъ-ли по приказу шапку
Съ прохожихъ невзначай срывать?
Умѣлъ-ли морду приподнявши,
Моргая носомъ, хвостъ поджавши,
На заднихъ лапочкахъ стоять?
Да сверхъ того, каковъ былъ свойствомъ:

Привѣтливъ былъ-ли для *своихъ?*
Умѣлъ-ли лаять на *чужихъ?*
И отличался-ли геройствомъ,
Когда случалось вызывать
Ему на рыцарскую драку
За кость соперницу-собаку?
Короче, я желаю знать
Въ подробность все, что̀ съ нимъ случалось:
Какою смертью умеръ онъ?
Когда и гдѣ похороненъ?
И много-ли сиротъ осталось,
Чтобы объ немъ напоминать,
Чтобы для васъ, ворча и лая,
Покойника изображая,
Его утрату замѣнять?

Циркулярное посланіе.

Извѣстно всѣмъ, что Аполлонъ
Все вѣдаетъ, все хочетъ вѣдать!
Теперь узнать желаетъ онъ,
Званы-ли фрейлины обѣдать
Къ графинѣ Бобринской? И въ чемъ
Сбираются туда: въ каретѣ,
Въ линейкѣ, въ дрожкахъ иль верхомъ?
И проситъ ихъ онъ о поэтѣ,
Которому въ жары пѣшкомъ
На званый пиръ итти накладно.
Ему отъ риѳмъ довольно чадно!
Имъ поэтическій угаръ
Давно владѣетъ своевольно:
Одной горячки ужъ довольно

И солнечный не нуженъ жаръ.
Надежду робкую приноситъ
Онъ къ нѣжнымъ фрейлинскимъ сердцамъ
И мѣста на линейкѣ проситъ,
Когда найдется мѣсто тамъ.
Земныя милыя богини,
Хариты царскаго дворца,
Возьмете-ль вы съ собой пѣвца
На дачу Бобринской графини?
Скажите въ двухъ словахъ отвѣтъ.
Когда нельзя, то просто: *нѣтъ!*
Но если можетъ Рокъ рѣшиться
Изъ тайной урны вынуть *да*,
То вы примолвите: когда
Поэтъ вашъ долженъ къ вамъ явиться,
Чтобъ Грацій не заставить ждать
И на обѣдъ не опоздать?

Всѣ эти стихотворенія, за исключеніемъ одного «Напрасно я мечтою льстился», дышащаго неподдѣльнымъ чувствомъ горячей дружбы, могутъ быть охарактеризованы словами А. И. Тургенева: «Посланія его къ фрейлинамъ павловскимъ забавны, и онъ и въ нихъ поэтъ, но поэтъ болтунъ» [1]).

Изъ остальнаго матеріала, заключающагося въ этомъ альбомѣ, останавливаютъ вниманіе нѣкоторыя мѣста изъ «Орлеанской дѣвы», неизвѣстныя въ печати. Такъ, въ I дѣйствіи, явленіи 7, король говоритъ:

«Не унывай, моя Агнеса.
Есть Франція и за Луарой.
Мы тамъ найдемъ счастливѣйшій предѣлъ!

1) Остафьевскій архивъ, т. I, стр. 271.

Тамъ небеса безоблачно спокойны,
Тамъ чище воздухъ, тамъ невинный нравы!
Прекрасный тамъ цвѣтетъ любовь и жизнь!»

Стихи, напечатанные курсивомъ, въ печати не появлялись. Не пропущены также въ рукописи слова Агнесы въ явленіи 8: послѣ заявленія Ла-Гира:

«Судьба войны на нашей сторонѣ.
Дано сраженіе: мы побѣдили»,—

Агнеса говоритъ:

«Небесная Гармонія! Побѣда!»

Нѣтъ пропуска и въ рѣчи Іоанны, дѣйствіе I, явленіе 10. Въ рукописи послѣ словъ «Когда земной любви она не знаетъ», читаемъ:

«Какъ ты была я дѣвой непорочной
И мной Господь, Божественный рожденъ,
И я сама Божественною стала».

Слова Дюнуа (тамъ же) тоже переведены:

«Ея глазамъ, невинности прекрасной
Ея лица я вѣрю, а не чуду!»

Такимъ образомъ, предположеніе П. А. Ефремова, что «нѣкоторыя мѣста подлинника... можетъ быть исключены тогдашней цензурою» [1]), справедливо. Очень можетъ быть, что по требованію цензуры исключена и 4-ая строфа изъ «Гаральда», которой въ изданіяхъ нѣтъ и которая въ рукописи читается такъ:

Что сладко такъ примапчивъ гласъ?
Что душу всю мутитъ?
Что прижимается и льнетъ
Къ бойцамъ подъ твердый щитъ?

---

1) Соч. В. А. Жуковскаго, 8 изд., т. II, стр. 513. И. А. Бычковъ не соглашался съ этимъ предположеніемъ (Бумаги Жуковскаго, стр. 10).

Таковъ матеріалъ, заключающійся въ этомъ альбомѣ и цѣнный во всѣхъ отношеніяхъ. Что касается остальныхъ стихотвореній, то нужно замѣтить, что большинство изъ нихъ было или неизвѣстно въ рукописяхъ или извѣстно только въ черновикахъ, и съ ихъ редакціей необходимо считаться; но для удобства читателя варіанты и нѣкоторыя соображенія по поводу ихъ я выдѣляю въ особую главу.

II.

Одно изъ приведенныхъ выше стихотвореній («Напрасно я мечтою льстился») написано 17 сентября 1819 года. Въ этотъ же день Жуковскій хотѣлъ поднести гр. С. А. Самойловой альбомъ, но поднесъ его нѣсколько позже по причинамъ, которыя онъ самъ указываетъ. Этотъ альбомъ также сохранился. Онъ имѣетъ видъ толстой книги въ 16-ую долю листа съ золоченымъ обрѣзомъ, въ роскошномъ кожаномъ переплетѣ, на корешкѣ котораго напечатано: «Glaube, Liebe, Hoffnung», а внизу «II». Въ альбомѣ написано Жуковскимъ слѣдующее[1]):

«17 Сентября 1819.

«Вы позволили мнѣ сдѣлать вамъ подарокъ въ день вашего Ангела: я вздумалъ подарить васъ такою книгою, которая могла бы служить вамъ вмѣсто *руководства въ чтеніи другихъ книгъ* и добрымъ, вѣрнымъ товарищемъ на цѣлую жизнь. Книга, которую я для этого выбралъ, которой пользу *отчасти* знаю по собственному опыту (я прочиталъ ее въ первый разъ въ такое время, когда мнѣ былъ очень нуженъ ободрительный совѣтникъ), по своему *заглавію* прилична дню вашего Ангела, а по своему содержанію прилична вамъ. При ней Библія, необходимая для

---

1) Черновикъ написаннаго въ этомъ альбомѣ есть и въ рукописяхъ Имп. Публ. Библ. (Бумаги Жуковскаго, тетр. № 29, л. 26). Но онъ мѣстами неразборчивъ и кромѣ того не исчерпываетъ всего содержанія.

того, чтобы прочитать ее съ пользою: я выбралъ нѣмецкую для того, что авторъ ссылается всегда на библію нѣмецкую: вамъ легче будетъ отыскивать тѣ мѣста, на которыя онъ въ ней указываетъ. Приложенную же *бѣлую книгу* вы наполните *своимъ*. Я началъ ее нѣкоторыми собственными мыслями, которыя набросалъ безъ порядка и связи. Пусть будутъ онѣ здѣсь вмѣсто предисловія. Сіе ихъ достоинство состоитъ въ томъ, что онѣ могутъ возбудить ваши собственныя мысли и еще въ томъ, что онѣ произведены искреннимъ желаніемъ вамъ такого счастія, на которое имѣете право болѣе многихъ и которое можете найти легче многихъ: надобно только на него *посмотрѣть со вниманіемъ* и оно ваше».

Дальше подъ эпиграфомъ изъ Шиллера:

Wisset, ein erhabner Sinn
Legt das *Grosse* in das Leben
Und er *sucht es nicht* darinn.

набросаны слѣдующія мысли:

«Это *великое*, это *прекрасное* таится въ насъ самихъ, и жизнь дана для того, чтобы узнать его тайну: въ этомъ *узнаніи* вся ея цѣль; оно одно составляетъ прямое ея достоинство. Жизнь есть училище, въ которое душа входитъ младенцемъ, изъ котораго должна выйти возмужалою и созрѣвшею.

«Можно сказать, что вокругъ насъ ничто не существуетъ отдѣльно: все беретъ образъ души нашей; все ея отголосокъ; все оживляетъ она тѣмъ бытіемъ, которое въ ней самой таится.

«Мыслить, чувствовать — вотъ прямая (внутренняя) жизнь наша. Она *только обнаруживается* посредствомъ дѣйствія, которымъ, такъ сказать, мы связаны съ тѣмъ, что насъ окружаетъ. Чѣмъ болѣе совершенства въ мысляхъ и чувствахъ, тѣмъ лучше и вѣрнѣе наши дѣйствія. Если дадимъ себѣ первое, то послѣднее само собою будетъ ея послѣдствіемъ.

Счастіе жизни — красота души, неизмѣняющаяся посреди перемѣнчивыхъ случаевъ жизни.

«Съ каждою новою мыслію, съ каждымъ новымъ чувствомъ прибавляется къ душѣ нѣчто такое, чего въ ней еще не было. Это нѣчто становится ея вѣчною, неотъемлемою собственностію.

«Мысли и чувства, въ разное время посѣщавшія душу, сливаются въ ея сущность и составляютъ наконецъ ея величіе или низость, ея красоту или безобразіе. Такимъ образомъ можно сказать, что наша душа, отдѣльно, сама по себѣ существующая, есть въ то же время и произведеніе всего, что посредствомъ мысли и чувства вошло въ нее въ теченіе жизни: произведеніе болѣе или менѣе совершенное и *пріобрѣтеніе этого совершенства*, для коего единственно дана человѣку его земная жизнь, зависитъ отъ насъ самихъ. Провидѣніе есть только всемогущій нашъ *помощникъ:* оно только предлагаетъ намъ способы, только поддерживаетъ или усиливаетъ наше стремленіе; но пользоваться предлагаемыми способами, но повиноваться святому стремленію — это предоставлено намъ самимъ и здѣсь мы неограниченно свободны.

«Два способа пріобрѣтать сіе совершенство: *извлекать прекрасное изъ опытовъ жизни*; *извлекать прекрасное изъ самого себя*.

«*Опыты жизни* — здѣсь мы не иное что, какъ путешественники по землѣ Провидѣнія. Оно съ заботливою попечительностію окружаетъ насъ житейскими встрѣчами. Добро и зло, великое и малое, все есть его посланникъ, есть испытатель и слѣдовательно совершенствователь души нашей. Отъ насъ требуетъ оно только прекраснаго. Всякій случай жизни есть *средство* къ прекрасному: не наше дѣло вступаться въ распоряженіе сихъ случаевъ, въ критическій разборъ сихъ предлагаемыхъ намъ средствъ — мы должны и можемъ только *исполнять требованія* промысла. Скажу опять мы *не властны* въ выборѣ средствъ, то есть въ выборѣ тѣхъ случаевъ счастливыхъ или несчастныхъ, тѣхъ радостей или печалей, которыя должны посѣтить насъ въ жизни, — это дѣло Провидѣнія! Но мы *властны* во всякомъ случаѣ вслушаться въ одобрительный его голосъ, во всякомъ

случаѣ понять его высокое требованіе и свободно исполнить то, чего оно требуетъ. Опыты жизни, съ этой стороны разсматриваемые, представляются въ блескѣ величественномъ; жизнь въ этомъ случаѣ есть нѣчто святое и драгоцѣнное. Въ такомъ понятіи объ жизни заключается наша *твердость*, болѣе нужная въ мелкихъ, ежедневныхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ легко забыться, нежели въ случаяхъ важныхъ, пробуждающихъ всю нашу душу и заставляющихъ ее вооружиться всѣми своими силами. — И такъ, при каждомъ представляющемся опытѣ жизни (въ этотъ разрядъ входитъ все, что *внѣ* насъ: и люди, насъ окружающіе, и вся необъятная природа) при каждомъ представляющемся опытѣ жизни спрашивать: *что прекрасного можно извлечь изъ него?* Внутренній голосъ всегда откликнется на вопросъ нашъ. *Вслушаться и исполнить!* Душа сдѣлается выше, и мы на шагъ приближимся къ своему назначенію. Найденное прекрасное сдѣлается *нашимъ*. Свѣтлый фонарь загорится и не угаснетъ. А мы *впередъ!* чтобы зажечь новый, такой же неугасимый.

«*Извлекать прекрасное изъ самого себя*—быть съ собою, разбирать свою жизнь, свои обязанности, свое прошедшее и будущее, въ присутствіи строгаго свидѣтеля, *совѣсти*, въ присутствіи великаго ободрителя, *Бога*. Внутренность нашей души — безопасное, всегда вѣрное наше прибѣжище и въ счастіи и въ несчастіи. Кому знакомъ этотъ пріютъ, кому легко находить въ него дорогу, тотъ истинно независимъ; тотъ, смиренно покоряясь своей судьбѣ, никогда не будетъ ни рабомъ ея, ни жертвою. Внутренность души нашей — здѣсь наше владычество; въ это святилище впускаемъ мы однихъ только избранныхъ; все, что *внѣ* его, покорствуетъ судьбѣ; все, что *въ немъ*, то наше и независимо. *Быть съ собою* значитъ давать себѣ отчетъ въ томъ, каковы мы, что пріобрѣли въ теченіе прошедшей жизни своей, что можемъ и должны пріобрѣсти еще въ будущемъ. *Быть съ собою* значитъ давать бытію своему полноту и твердость, цѣнить и объяснять то, что насъ окружаетъ, отдѣляться отъ внѣшняго, чтобы знакомиться со внутреннимъ. Но быть съ собою можно

только въ *уединеніи*, въ которомъ, можно сказать, настоящая жизнь наша. Оно одно даетъ намъ необходимую свободу мыслить и чувствовать, въ него приносить ту добычу, которую собираемъ посреди свѣта, въ немъ пользуемся сокровищемъ, нами скопленнымъ, и въ немъ только узнаемъ истинную цѣну самой свѣтской жизни.

«Одинъ изъ дѣйствительнѣйшихъ способовъ *быть съ собою* есть *чтеніе*. Если чтеніе почитать только однимъ занятіемъ, однимъ лѣкарствомъ отъ скуки, то оно не иное что, какъ разсѣянность, принадлежащая къ безчисленному множеству мелочей, развлекающихъ нашу душу посреди свѣта. Но совсѣмъ напротивъ: чтеніе есть одна изъ *важнѣйшихъ нашихъ обязанностей*. Миллеръ говоритъ: Lesen ist nichts; lesen und denken — etwas; lesen, denken und fühlen — die Vollkommenheit [1]). Читать надобно съ тою же цѣлію, съ какою надобно жить, то есть для усовершенствованія души своей. Книги — идеальный свѣтъ посреди свѣта существеннаго. Но въ существенномъ мы зависимы отъ всего, что насъ окружаетъ; мы невластны ни выбирать, ни перемѣнять тѣхъ людей, съ коими насъ сводитъ судьба наша, мы непроизвольно принимаемъ тѣ впечатлѣнія, которыя даетъ намъ все окружающее насъ и отъ насъ независимое; мы свободны только *извлекать нравственное добро* изъ сихъ неподвластныхъ намъ впечатлѣній. Въ книгахъ напротивъ! въ нихъ, можно сказать, повторяется тотъ же міръ и съ тѣми же впечатлѣніями, но здѣсь мы уже *властны въ выборѣ*; здѣсь можемъ окружать себя только тѣмъ, что сходно съ нашею цѣлію, что близко нашей душѣ, что можетъ ее возвысить и усовершенствовать. Съ книгою въ рукѣ, не сходя съ мѣста, мы прикликаемъ къ себѣ все, что есть, было и можетъ быть прекраснаго въ природѣ и это *все* единственно для того, чтобы *присвоить* его душѣ, чтобы дать ей достоинство для счастія и несчастія, чтобы освѣтить передъ нею здѣшнюю жизнь, чтобы ее приготовить для жизни будущей, вѣрной,

1) Это изреченіе Жуковскій приводитъ и въ письмѣ къ А. И. Тургеневу (К. К. Зейдлицъ. «Жизнь и поэзія В. А. Жуковскаго.» Спб. 1883, стр. 78).

хотя и неизвѣстной. Чтеніе въ этомъ смыслѣ есть *дѣятельность высокая*, *одно изъ твердѣйшихъ основаній нашей нравственности*.

«*Чтеніе для женщины* не то, что *чтеніе для мужчины*. Кругъ мужчины обширный и многообъемлющій. Сверхъ общей цѣли человѣчества, *нравственнаго образованія*, онъ можетъ имѣть и множество другихъ, особенныхъ, какъ человѣкъ государственный, какъ ученый и прочее. Кругъ женщины ограниченный. Въ него входитъ одно только *просто человѣческое*. Ей нужно только пріобрѣсти то, что на нѣмецкомъ языкѣ такъ прекрасно называется Weiblichkeit и для чего нѣтъ еще выраженія въ языкѣ нашемъ. Въ этомъ словѣ я вижу всю прекрасную жизнь женщины: простоту, неискуственность глубокаго чувства, просвѣщеннаго знаніемъ; знакомство со всѣмъ, что есть лучшаго въ природѣ и въ обществѣ; богатство свѣдѣній не для блеска, но для скромнаго внутренняго наслажденія, для мирнаго, я бы сказалъ, *стыдливаго* сіянія посреди немногихъ, ей принадлежащихъ любовію. Женщина создана для семейства — въ немъ ея дѣятельность, чистая, всегда полезная, всегда благодатная! Въ свѣтѣ она должна только находить минутный отдыхъ и то для одного разнообразія, для живѣйшаго почувствованія цѣны прямого, ею одною творимаго счастія. Ей нужны только тѣ знанія, которыя могутъ быть *полезны въ тѣсномъ кругу домашнихъ*; она въ выборѣ ихъ должна ограничить себя однимъ только *лучшимъ* и это лучшее должна она перелить въ свою душу, дабы нравственнымъ добромъ, ею пріобрѣтеннымъ, счастливить *немногихъ избранныхъ*. Чтеніе для мужчины весьма часто бываетъ скучною, утомительною работою, чтеніе женщины всегда можетъ быть чистымъ наслажденіемъ, и за сіе наслажденіе получаетъ она еще награду: *усовершенствованіе нравственное*, то именно, что составляетъ цѣль бытія человѣческаго.

«Итакъ, въ короткихъ словахъ: читать одно *лучшее* и читать *не для разсѣянія*, а для того, чтобы чтеніемъ *дополнять уроки жизни;* очистить и возвысить душу, дать мыслямъ ясность, поря-

докъ и полноту; яснѣе достигнуть свою цѣль и безпрестанно усиливать свое къ ней стремленіе; читать не много, но много *мыслить*, дабы чужое обратить въ собственное. Читать въ нѣкоторомъ *порядкѣ*».

«Маленькая книжка, которую здѣсь прилагаю, можетъ быть прекраснымъ основаніемъ чтенія въ такомъ смыслѣ. *Вѣра, любовь, надежда*, а сказать однимъ словомъ, высокая *мудрость* — это цѣль жизни; таково содержаніе этой книжки. Въ ней мало для чтенія, зато много для размышленія. Въ ней приведено въ одинъ ясный порядокъ все то, что заключается въ разныхъ книгахъ святого писанія. — *Религія истинная и нравственное совершенство одно и то же:* кто возвышаетъ душу свою, тотъ сближается съ Богомъ. Къ этому *все* должно вести насъ въ жизни — и *всѣ* другія книги должны быть для васъ только дополненіемъ *этой*. Сперва прочитать ее, но, чтобы прочитать какъ должно, надобно выписать изъ библіи всѣ тѣ мѣста, на которыя ссылается авторъ, и точно въ томъ порядкѣ, въ какомъ онъ назначилъ: такимъ образомъ, все существенное святаго писанія, то именно, что̀ можетъ быть всегда примѣнено къ дѣятельной жизни, будетъ для васъ соединено въ одно порядочное цѣлое. Этой работы будетъ надолго: положите себѣ за правило каждый день *наполнить одну страницу выписками*, этого довольно: день не будетъ потерянъ. Когда всѣ выписки кончатся, то перечитать книжку *вмѣстѣ съ ними* — это окончательное чтеніе все возобновитъ въ мысляхъ и все приведетъ въ порядокъ. Но эти выписки не займутъ *всей* этой бѣлой книги, останется большая половина ея бѣлою: она для *дополненій*. Что найдете въ другихъ книгахъ прямо прекраснаго, такого, что можетъ быть годно для *зажженія свѣтлаго фонаря*, то записывайте сюда; но еще болѣе записывайте то, что придумаете сами; вамъ не будетъ недостатка въ прекрасныхъ мысляхъ и чувствахъ. Такимъ образомъ, эта книжка, данная вамъ въ минуту сердеч-

3*

наго желанія вамъ добра, въ минуту надежды, что это желаніе сбудется, эта книжка будетъ современемъ заключать въ себѣ сокровище *добраго* и *прекраснаго*, будетъ повѣреннымъ и свидѣтелемъ вашей жизни, доброму и прекрасному посвященной. А я повторю здѣсь сказанное прежде[1]):

Я вѣрю — ваше сердце встрѣтитъ
Прямую прелесть жизни сей,
И рядъ веселыхъ фонарей
Дорогу вашу всю освѣтитъ.
Пусть друга-Ангела рука
Ихъ зажигаетъ передъ вами...
А я, хотя *издалека*
За вами слѣдуя глазами,
Васъ буду сердцемъ провожать
И благодарно ихъ считать.

«P.S. *7 октября*. Написавши все это, я былъ нѣсколько времени въ нерѣшимости, отдавать-ли вамъ мою книгу или нѣтъ. Признаюсь въ слабости: *ложный стыдъ* меня удерживалъ. Дарить Библіею осьмнадцатилѣтнюю дѣвушку, утомлять ея вниманіе совѣтами... я посмотрѣлъ на себя глазами свѣта и показался смѣшнымъ самому себѣ. И въ этомъ я *виноватъ* передъ вами. Въ чистотѣ и безкорыстности моего намѣренія заключено и его оправданіе. Могу быть страннымъ, только не въ вашихъ глазахъ. Если еще не имѣю права сказать: *я знаю васъ!* то могу сказать: *я васъ предчувствую!* то есть, я вижу васъ *такою*, какою вы быть можете, въ увѣреніи, что мое предчувствіе сбудется. Эта надежда оправдываетъ и мой выборъ. Къ тому же я и не безъ награды: *помыслить вслухъ для васъ и вмѣстѣ съ вами о добромъ есть счастіе*. Вы *не должны* жить, какъ живутъ обыкновенно; жизнь ваша должна быть *прекрасною*, а все прекрасное жизни можно выразить однимъ словомъ: *религія!* (изъ этого по-

---

1) См. напечатанное выше стихотвореніе «Напрасно я мечтою льстился».

нятія исключается все, что̀ есть суевѣріе, все, что̀ выдумано слабымъ невѣжествомъ; религія—сближеніе съ Божествомъ посредствомъ мысли, чувства, долга!). Чѣмъ ранѣе этотъ товарищъ присоединится къ жизни, тѣмъ она яснѣе, счастливѣе, выше—и чтеніе съ выборомъ, съ порядкомъ, съ постоянствомъ есть одно изъ вѣрнѣйшихъ средствъ произвести это товарищество. Религія, необходимая человѣку вообще, для женщины въ особенности служитъ самымъ надежнымъ помощникомъ: она беретъ для нея характеръ нѣжнѣйшій, ея особенному характеру болѣе соотвѣтствующій; она теряетъ для нея все метафизическое, отвлеченное и обращается въ глубокое, ясное, животворное чувство, которое убѣдительнѣе всякаго умозрѣнія; она оживляетъ для нея ея должности и даетъ ей сладостную твердость для мелкихъ, ежедневныхъ пожертвованій, которымъ женщина, по своему положенію въ свѣтѣ, безпрестанно бываетъ подвержена. Чѣмъ ранѣе войдетъ она въ ея жизнь, тѣмъ жизнь ея сдѣлается вѣрнѣе и безопаснѣе, тѣмъ изобильнѣе будетъ она истинными, неперемѣнчивыми наслажденіями. Мы почти на каждомъ шагу встрѣчаемъ женщинъ, которыя, посвятивъ свѣжую свою молодость легкомысленной разсѣянности свѣта, истощивъ ею лучшія свои чувства, передаются религіи въ такое время, когда свѣтъ покидаетъ ихъ: но этотъ переходъ принужденный! Онѣ приносятъ усталую душу въ святилище, съ ними входитъ туда сожалѣніе о томъ, что̀ для нихъ невозвратно потеряно, и небесное дѣлается для нихъ насильственною, слѣдовательно, неудовлетворительною замѣною земнаго, все еще любезнаго, хотя уже имъ давно чуждаго. Онѣ добровольныя изгнанницы, тоскующія втайнѣ по отчизнѣ, ими покинутой. И по большей части ихъ запоздалая религія бываетъ соединена съ нетерпимостію (intolerance) и съ суевѣріемъ, недостойнымъ души человѣческой. Небесное должно быть съ земнымъ неразлучно: не уничтожая его, оно только его освящаетъ! Это два товарища, ведущіе насъ къ одной и той же цѣли. Не въ позднее осеннее время жизни, но въ первой молодости весенней, когда душа еще *въ цвѣту*, должны мы познакомиться съ рели-

гіей. Она не противна свѣту, не требуетъ затворничества; напротивъ, она очищаетъ и еще болѣе усиливаетъ всѣ наши житейскія связи. Но узнанная въ молодости, безъ принужденія, а по естественному стремленію души, она обращается въ ея сущность, становится радостнымъ, безмятежнымъ *бытіемъ внутреннимъ въ отношеніи къ намъ самимъ* и дѣятельною *любовію въ отношеніи ко всему, что насъ окружаетъ*. И такая только жизнь можетъ быть *вамъ* прилична. Теперь ваша душа *въ полномъ цвѣту!* Съ запасомъ прекрасныхъ качествъ (способовъ счастія) стоите вы у начала дороги, ведущей въ обѣтованную землю; какъ не пожелать, чтобы вы пошли по ней, окруженныя всѣми прямыми, достойными васъ благами жизни! Наша душа, какъ магнитъ, имѣетъ притягательную силу для всего прекраснаго (но она можетъ имѣть и силу отрицательную, какъ тотъ же магнитъ). Этой притягательной силы въ душѣ вашей много! Давайте ей пищу: все прекрасное прильнетъ къ ней само собою» [1]).

---

1) Въ этотъ альбомъ вложенъ еще отдѣльный листокъ съ совѣтами относительно чтенія: «Сперва прочитать книжку, не отыскивая въ Библіи тѣхъ мѣстъ, которыя въ книжкѣ назначены, а просто для того, чтобы получить одно общее понятіе о томъ, что̀ говоритъ авторъ. Потомъ начать дѣлать выписки: довольно одной страницы на день. Потомъ перечитать книжку съ выписками изъ Библіи. Это будетъ полный курсъ христіанской нравственности. Всякое другое чтеніе только дополненіе этого. Нѣкоторыя книги просто для удовольствія, но удовольствіе чистое принадлежитъ къ нравственности. Чтобъ дѣлать выписки, надо имѣть всѣ три книги передъ собой. Сперва заглянуть въ книжку, записать параграфъ, № и ту книгу и стихъ изъ Библіи, которыя назначены авторомъ; потомъ пріискать ихъ въ Библіи и выписать; для большей легкости отыскиванія я вклеилъ пергаментныя кусочки въ Библію, на которыхъ выставлены вполнѣ заглавія тѣхъ книгъ, которыя въ книжкѣ назначены сокращенно; кончивъ одну выписку, опять заглянуть въ книжку, выписать параграфъ, № и пр., опять пріискать въ Библіи и выписать и такъ далѣе: такой порядокъ облегчитъ работу. Работы же этой будетъ надолго, если выписывать не болѣе страницы въ день. Думаю, что лучше вмѣсто обыкновенныхъ нѣмецкихъ буквъ писать французскими и какъ можно мельче, дабы уписать болѣе и послѣ имѣть менѣе труда при чтеніи. Переводъ Библіи Лютеровъ; языкъ нѣсколько старинный, но переводъ прекрасный, лучшій изъ всѣхъ. Чего нельзя будетъ понять, справляться съ французскимъ переводомъ». Слѣдуетъ объясненіе сокращеній напр. 1 Mose... Das 1 Buch Mose и т. д. «Я думаю, лучше начать выписки съ 3 главы Ich kenne Ihn, вторая заключаетъ въ себѣ одно историческое, слѣдующія — *христіанскую нравственность*». Слѣдуетъ образецъ, какъ выписывать.

Эти строки [1]) драгоцѣнны, такъ какъ даютъ яркую картину нравственнаго міросозерцанія Жуковскаго и показываютъ, что настроеніе, которымъ отмѣчены его послѣднія произведенія, сложилось «не въ позднее осеннее время жизни, но въ первой молодости весенней». Драгоцѣнны онѣ и для біографа, который задастъ вопросъ, какимъ чувствомъ онѣ навѣяны, дружбой-ли къ дѣвушкѣ, обаятельной по своимъ нравственнымъ качествамъ, или любовью, подававшей Жуковскому надежду «зажечь свой фонарь» послѣ трагической развязки его отношеній къ М. А. Протасовой. Не имѣя точныхъ данныхъ для рѣшенія этого вопроса, я выскажу только нѣсколько соображеній.

Послѣднія стихотворенія, записанныя Жуковскимъ въ альбомъ, который онъ подарилъ гр. С. А. Самойловой, «Къ кн. А. Ю. Оболенской» и «Къ ней же» [2]) относятся къ іюлю 1820 года. Вслѣдъ за ними помѣщено посланіе къ В. А. Перовскому: «Товарищъ, вотъ тебѣ рука!», переписанное уже рукою С. А. Самойловой и датированное *23 іюля 1820 года*. Въ этомъ по-

1) Въ черновикѣ (Имп. Публ. Библ., бумаги Жуковскаго, тетр. № 29, л. 29) есть еще продолженіе. Говоря о Франклинѣ, Жуковскій указываетъ, что онъ «умѣлъ найти то счастіе, которое должно принадлежать всякому человѣку и которое состоитъ *въ спокойствіи внутреннемъ*, основанномъ на увѣреніи, что жизнь употреблена какъ должно, на добро и пользу себѣ и другимъ. Въ своихъ запискахъ изъясняетъ онъ для насъ, какимъ средствомъ дошелъ онъ до этого нравственнаго совершенства. Выписываю для васъ все это мѣсто»... Выписки нѣтъ, а вслѣдъ за этимъ написано: «Вы спросите меня, для чего я это выписалъ... но я надѣюсь, что вы и не спросите, а сáми себѣ скажете, для чего! У меня сидитъ въ головѣ мысль, что вамъ надобно быть *совершенною*; желаніе и надежда, что вы должны сдѣлаться совершенною, есть мой сердечный товарищъ. Природа съ своей стороны дала вамъ все для этого нужное; остальное зависитъ отъ вашей доброй воли. Если бы все, что здѣсь написано, были однѣ только выдумки»... На этомъ черновикъ кончается.

2) Въ этомъ стихотвореніи Жуковскій, между прочимъ, рисуетъ идеалъ жены. Заканчивается оно такъ:

«Кое-какъ буду путь опасной,
Судьбѣ отдавшись, продолжать!
Беречь свой челнъ отъ потопленья
Среди невѣрной глубины,
И терпѣливо доставленья
Ждать мнѣ обѣщанной жены».

сланіи, проникнутомъ элегическимъ тономъ, читаемъ слѣдующія строки:

«Товарищъ, вотъ тебѣ рука!
Ты другу во время сказался;
Къ любви душа была близка:
Уже въ ней пламень загорался,
Животворитель бытія,
И жизнь отцвѣтшая моя
Надеждой снова зацвѣтала;
Опять о счастьѣ мнѣ шептала
Мечта, знакомецъ старины...
Прелестно-быстрое видѣнье,
Давно не посѣщавшій другъ,
Меня внезапно навѣстило,
Меня внезапно уманило
На первобытный жизни лугъ.
Любовь мелькнула предо мною;
Съ возобновленною душою
Я къ лирѣ бросился моей,
И подъ рукой нетерпѣливой
Бывалый звукъ раздался въ ней:
И мертвое мнѣ стало живо,
И снова на бездушный свѣтъ
Я оглянулся какъ поэтъ.
Но удались, мой посѣтитель,
Не у меня тебѣ гостить;
Не мнѣ о жизни возвѣстить
Тебѣ, святой благовѣститель!»

Эти стихи, несомнѣнно, имѣютъ автобіографическое значеніе, и если дата 23 іюля 1820 года вѣрна, то они легко могутъ быть приписаны отношеніямъ Жуковскаго къ Самойловой. 23 іюля помѣчено это стихотвореніе и въ «Русскомъ Архивѣ» [1]),

1) 1878 г., II.

хотя годъ не указанъ. Между тѣмъ по рукописямъ Публичной Библіотеки можно думать, что стихотвореніе начато 10 іюля [1]), а цѣликомъ написано 2 августа *1819* года. Такимъ образомъ, время точно неизвѣстно, и, въ виду біографической важности этого стихотворенія, представляются интересными слѣдующіе два вопроса: 1) къ 1819 или 1820 году относится посланіе къ Перовскому? 2) если оно относится къ 1819 году, судя по рукописямъ Публичной Библіотеки, то чѣмъ объяснить дату 23 іюля 1820 года въ альбомѣ гр. Самойловой и 23 іюля-же въ «Русскомъ Архивѣ»? Во всякомъ случаѣ, хотя мы и не можемъ пока рѣшить, относится ли посланіе къ 1820 году или нѣтъ, однако въ нашихъ рукахъ есть еще намеки на то, что между гр. Самойловой и Жуковскимъ лѣтомъ 1820 года было какое-то объясненіе. 21 сентября 1820 года Нелединскій-Мелецкій пишетъ: «Жуковскій очень утѣшается тѣмъ, что ѣдетъ путешествовать», а 8 октября даетъ уже болѣе обстоятельный разсказъ о Жуковскомъ: «При отъѣздѣ моемъ Жуковскій, какъ сказывали мнѣ, объяснялся съ Г. С. [2]). — Въ бытность твою здѣсь, ты знала, что считали его въ нее влюбленнымъ. Онъ ей сказалъ, что отъѣзжаетъ съ сожалѣніемъ о томъ, что исканію его дружбы ея она не отвѣтствовала, и изъявленіе *его къ ней дружбы* приписала, какъ видно, другому чувствованію, которое, впрочемъ, внушить она всѣхъ болѣе можетъ. Какъ доведено было до этого и что далѣе имъ было сказано, не знаю; но на эти слова, она, сказываетъ, — молчала и будто показались у ней на глазахъ слезы. Какъ ты это растолкуешь? По мнѣнію К. И. [3]), отъ которой я это слышалъ, — онъ это говорилъ для того, что боится слыть влюбленнымъ: il craint extrêmement d'être ridicule. — А буде она подлинно плакала, то мнѣ кажется отъ досады. — И подлинно: какъ? Человѣкъ приходитъ женщинѣ сказать: не подумай, ради Бога, чтобъ я въ тебя былъ влюбленъ!!» [4]). При-

---

1) См. набросокъ первыхъ 9 стиховъ (бумаги Жуковскаго, № 29, л. 13).
2) Очевидно, гр. Самойловой.
3) Вѣроятно, Е. И. Нелидовой.
4) Хроника недавней старины. Изъ архива князя Оболенскаго-Нелединскаго-Мелецкаго. Спб. 1876, стр. 241—242.

помнимъ при этомъ, что въ концѣ ноября 1820 года гр. Самойлова сдѣлалась невѣстой гр. А. А. Бобринскаго. Въ записяхъ Жуковскаго, хранящихся въ Публичной Библіотекѣ, имя графини Самойловой съ этого времени встрѣчается только одинъ разъ. 23 декабря 1820 года онъ пишетъ: «У гр. Шуваловой: письмо Самойловой» [1]). Все это позволяетъ предполагать, что прежнія дружескія отношенія между ею и Жуковскимъ были на нѣкоторое время нарушены. Въ виду этого, особенный интересъ пріобрѣтаетъ одно письмо Жуковскаго къ гр. Софіи Александровнѣ, сохраненное гр. А. А. Бобринскимъ: «Посылаю вамъ, графиня, извѣстную бумагу, которую прочтите, подпишите и возвратите мнѣ. Подпишите тамъ, гдѣ другія дамы подписались; надъ своею подписью я оставилъ мѣсто для князя Александра Николаевича Голицына. Благодарю васъ за деньги; онѣ отданы мною нашему кассиру, пастору Мюральту. А я здѣсь подписуюсь

Какъ вы сказали: *старый другъ!*
Животворительное слово!
Имъ жизнь помолодѣла вдругъ,
Имъ и все *старое* какъ будто стало *ново*» [2]).

— Вотъ весь матеріалъ, который позволяетъ дѣлать догадки, но не опредѣленные выводы.

Кромѣ указанныхъ уже рукописей, заключающихъ въ себѣ безусловно важный матеріалъ, въ библіотекѣ гр. Бобринскихъ сохранилось еще въ отдѣльномъ видѣ «Циркулярное посланіе»,

---

1) Бумаги Жуковскаго № 3 (в).

2) Къ сожалѣнію, я не могу опредѣлить, къ какому времени относится это письмо. Пасторъ Мюральтъ, упоминаемый здѣсь, очевидно, Муральтъ, извѣстный реформатскій пасторъ, содержатель славнаго въ свое время пансіона въ Петербургѣ. Муральтъ былъ въ очень хорошихъ отношеніяхъ съ Жуковскимъ. По крайней мѣрѣ, въ одномъ изъ писемъ его 1827 года къ роднымъ читаемъ: «Mit dem Gouverneur des Thronfolges, Oberst Mörder, und dem Studiendirektor, dem Dichter Shukowski, lebe ich in vertrauten Verhältnissen»... (Iohannes von Muralt. Eine Pädagogen und Pastoren-Gestalt der Schweiz und Russlands, von Dalton. Wiesbaden, 1876. S. 147).

приведенное выше, вмѣстѣ съ конвертомъ, на которомъ слѣдующая надпись:

«Циркулярное посланіе
къ чувствительнымъ сердцамъ,

въ которомъ изображается горестное состояніе нѣкотораго стихотворца, принужденнаго употребить собственныя 2 ноги для путешествія въ жаркое время на званый обѣдъ и желающаго перемѣнить сіе горестное состояніе на радостное, дабы роскошно прокатиться въ императорской линейкѣ и услаждаться дорогою, въ ожиданіи земного обѣда, небеснымъ завтракомъ разговора съ любезными граціями двора Ихъ Императорскихъ величествъ и высочествъ XXX.

Въ тетради, которая заключаетъ въ себѣ это посланіе и конвертъ, находится еще слѣдующее письмо Жуковскаго съ надписью «Ея Сіятельству Графинѣ Софьѣ Александровнѣ Самойловой»:

«Графиня, будьте вы спокойны!
Счастливцы-рыцари, которыхъ жребій васъ
Такъ нѣжно занималъ, здоровы въ добрый часъ
И быть здоровыми достойны
За то, что въ васъ могли участье возбудить.
Пріятно умереть, слыхалъ я, на дуэли.
Но тотъ, о комъ бы вы минуту пожалѣли,
Тотъ долженъ жизнью дорожить»[1]).

---

1) Эти стихи есть и въ рукописяхъ Жуковскаго, принадлежащихъ Публичной Библіотекѣ (№ 29, л. 19).

III.

Въ заключеніе привожу варіанты извѣстныхъ уже въ печати стихотвореній Жуковскаго. Это матеріалъ громоздкій, но лучше заслужить упрекъ въ излишней точности, чѣмъ въ томъ, что «мы лѣнивы и нелюбопытны».

Рукопись [1]).

Голосъ знакомаго мимопролетѣвшаго генія [2]).

Зачѣмъ опять *манишь* къ обѣтованной
Про милую надежду ей *пѣвалъ*
Гдѣ лугъ душистъ, гдѣ воды *сладкогласны*
Томительной унылостью влеталъ,
Ее тѣснилъ *таинственнымъ* желаньемъ
Во *дни* утратъ, во *дни* печали тайной,
Не ты-ль всегда *ея бесѣдой* былъ
Иль тихою надеждою сулилъ
Или *одной* мечтой лишь поманишь.

17 августа 1819 [3]).

Свой первый шагъ житейскій соверши

---

1) Сочиненія. Изданіе 9.

Къ мимопролетѣвшему генію.

Зачѣмъ опять *влечешь* къ обѣтованной
Про милую надежду ей *шепталъ*
Гдѣ лугъ душистъ, гдѣ воды *свѣтлоясны*
Таинственной унылостью влеталъ,
Ее тѣснилъ *томительнымъ* желаньемъ
Въ *часы* утратъ, въ *часы* печали тайной,
Не ты-ль всегда *бесѣдой сердца* былъ
И тихою надеждою сулилъ
Или *опять* мечтой лишь поманишь.

Праматерь внукѣ.

Твой первый шагъ житейскій соверши

2) Ср. бумаги Жуковскаго въ Публ. Библ. № 15, л. 10, № 29, об. л. 21.

3) Ср. тамъ-же, № 29, л. 20. За исключеніемъ «прими-жъ ее» редакція сходна съ рукописью гр. Бобринскаго.

Тебя явить предъ *тайнымъ* провидѣньемъ
Ты ждешь земли недавній *уроженецъ*
Съ младенчески-*спокойною* душой
И *входъ въ него отверстъ* передъ тобой
Здѣсь родина прекрасная твоя
Сюда *неси* покорно и смиренно
Все то, что жизнь тебѣ ни удѣлитъ
Прими ее, божественный хранитель.

Ländler-gras [1]).

Донынѣ ты съ непышной красотой
Въ твоихъ листахъ вся жизнь *протекшихъ* лѣтъ
Въ нихъ *тайное* цвѣтетъ воспоминанье;
И вѣетъ въ нихъ давнишняго привѣтъ
Отжившее *предъ нами* оживало
Сія небесъ вечернихъ *красота*
И ободрялъ на благо *милый* гласъ
Они еще *скрывались* въ оный часъ
И жизнь *предъ* нимъ какъ легкій вѣетъ сонъ
Его предавъ безпечному веселью
Веселое младенчество промчится,

Тебя явить предъ *вѣчнымъ* провидѣньемъ
Ты ждешь, земли недавній *урожденецъ*
Съ младенчески-*невинною* душой
И *здѣсь его престолъ* передъ тобой
Прекрасная отчизна здѣсь твоя
Сюда *иди* покорно и смиренно
Со всѣмъ, что жизнь тебѣ ни удѣлитъ
Прими жъ ее, божественный хранитель.

Цвѣтъ завѣта.

Доселѣ ты съ непышной красотой
Въ твоихъ листахъ вся жизнь *минувшихъ* лѣтъ
Въ нихъ *милое* цвѣтетъ воспоминанье;
Съ нихъ вѣетъ мнѣ давнишняго привѣтъ
Отжившее *намъ снова* оживало
Сія небесъ вечернихъ *чистота*
И ободрялъ на благо *тихій* гласъ
Они еще *таились* въ оный часъ
И жизнь *надъ* нимъ какъ легкій вѣетъ сонъ
Безпечному предавъ его веселью
Младенчества веселый сонъ промчится,

1) Неразборчивый черновикъ тамъ-же, № 29, об. л. 1.

Житейское разоблачать лѣта
Услышитъ онъ возвышенныя вѣсти.

Къ К. Вяземскому [1]).

О другъ, *въ твоей душѣ моя мнѣ* отозвалась
И мнѣ вожатымъ быть *надежда отказалась*
Смѣнилъ блестящія *мечтательнаго* краски
Однообразный жизни цвѣтъ
Изъ-подъ обманчиво-*смѣявшіяся* маски
И тщетно мы хотимъ призвать воспоминанье.

Эпитафія.

На мѣстѣ семъ судьба разрознила нашъ кругъ
Чтобъ встрѣтить съ торжествомъ *прекрасный* часъ свиданья.

Пловецъ.

Первой строфы помѣщенной въ 9 изд., нѣтъ.

Вотъ примѣръ! *Безъ страха* въ свѣтъ!
Менѣ, чѣмъ другимъ, опасна.

Разоблачать житейское лѣта
Дойдутъ къ нему возвышенныя вѣсти.

Отвѣтъ кн. Вяземскому на его стихи: «Воспоминаніе».

О другъ, *въ твоемъ мое мнѣ сердце* отозвалось
И мнѣ вожатымъ быть *желанье отказалось*
Смѣнилъ блестящія *мечтательныя* краски
Однообразной жизни цвѣтъ
Изъ-подъ обманчиво-*смѣющіяся* маски
На что-же, другъ, хотѣть призвать воспоминанье.

Надгробіе И. П. и А. И. Тургеневымъ.

Судьба на мѣстѣ семъ разроднила нашъ кругъ
Чтобъ встрѣтить съ торжествомъ *великій* часъ свиданья.

Стансы.

Вотъ примѣръ! *Безпечно* въ свѣтъ!
Меньше, чѣмъ другимъ, опасна.

1) Въ изданіяхъ это стихотвореніе отнесено неправильно къ 1823 г. Вѣдь всѣ приводимыя здѣсь стихотворенія записаны были Жуковскимъ въ альбомъ въ промежутокъ времени отъ августа 1819 до іюля 1820 г.

Эпитафія Мими [1]).

Веселыя природы гость мгновенный
Онъ образцемъ былъ дружбы неизмѣнной
Мими игралъ и *жизнь* любилъ и пѣлъ
Но вѣрный другъ изъ *свѣта* улетѣлъ.

Жизнь и ея Ангелъ (сонъ).

Были *свѣжіе* луга
Милый ангелъ при тебѣ [2]).
10 *сентября.*

Павловскъ. 29 іюня 1819 [3]).

Не знаю, *да и* радъ, признаться, что не знаю
Здѣсь *въ безопасномъ я углу* воображаю
Все то, что было мнѣ описано отъ васъ
Всемірнаго успокоенья
Съ какою прелестью *на дремлющихъ брегахъ*
Какъ онъ сквозь вѣтви липъ на *зелень* пробирался

Чижикъ.

Прекрасныя природы гость мгновенный
Примѣромъ былъ онъ дружбы неизмѣнной
Мими игралъ и *жить* любилъ, и пѣлъ
Но вѣрный другъ изъ *міра* улетѣлъ.

Жизнь (видѣніе во снѣ).

Были *зелены* луга
Добрый спутникъ при тебѣ.
10 *августа.*

Платокъ гр. Самойловой.

Не знаю, *даже* радъ, признаться, что не знаю
Здѣсь *безопасно я все то* воображаю,
Что такъ прекрасно мнѣ описано отъ васъ
Вечерняго успокоенья
Съ какою прелестью *по дремлющимъ брегамъ* *)
Какъ онъ сквозь вѣтви липъ на *землю* пробирался

1) Ср. тамъ-же, № 29, л. 20. Редакція совпадаетъ съ рукописью гр. Бобринскаго.

2) Этотъ стихъ, какъ и заглавіе, измѣненъ, вѣроятно, по требованію цензуры, такъ какъ въ рукописяхъ Публичной Библіотеки (№ 15 л. 92, № 29 л. 22) онъ читается такъ же, какъ въ рукописи гр. Бобринскаго.

3) Ср. тамъ же № 29, л. 6 (неразборчивый черновикъ) и № 15, л. 92 (писано не Жуковскимъ).

* Въ рукописи гр. Бобринскаго сначала было такъ же, но потомъ исправлено.

И даже въ *лодку* къ вамъ сажусь
Любуюсь, какъ онѣ кругомъ руля играютъ
Неизбѣжимо *бы со мною совершился*
Себя забывъ, я кинулся бъ въ пучину
Пугалъ на днѣ морскомъ балладами Ундину
Пускай бы *каждый* часъ я могъ имъ любоваться
Такой бы выдумкой платокъ мой не пропалъ,
Да весь бы вдругъ моря мой вызовъ взбунтовалъ.
Сплылось бы все ко мнѣ: изъ темныя конурки
Явились бы: и китъ съ огромными усами
Не съ тѣмъ, чтобы ловить, а только чтобъ пугать
Хотя *грозилася* на жизнь пѣвца пучина
Сквозь тучи на него сіяютъ небеса
И это въ самомъ дѣлѣ такъ
Тотъ самый, что въ Москвѣ графиня Катерина
Красавица, *на берегахъ* Гадеса
Принцесса же, умомъ другая *Рохелана*
И не предстанетъ *ей*
Алжирскій витязь нашъ терять не станетъ словъ
Съ *плѣненныхъ* христіанъ, и *кликнулъ* кличъ военный
Платокъ красавицы, ко *древку* пригвожденный

И даже въ *шлюпку* къ вамъ сажусь
Любуясь, какъ онѣ кругомъ руля играютъ
Неизбѣжимо *бъ совершился*
Забывъ себя, я бросился бъ въ пучину
На днѣ морскомъ пугалъ балладами Ундину
Пускай бы *всякій* часъ я могъ имъ любоваться
Тогда бы для меня платокъ мой не пропалъ,
Зато бы весь моря мой вызовъ взбунтовалъ.
Стеклось бы все ко мнѣ: изъ темныя конурки
Явился бы и китъ съ огромными усами
И не ловилъ бы ихъ, а только бы пугалъ
Хотя *ярилася* на жизнь пѣвца пучина
И на него изъ тучъ сіяютъ небеса
И въ самомъ дѣлѣ это такъ
Тотъ самый, что въ Москвѣ графиня Катерина *(pour la rime)*
Красавица, *у береговъ* Гадеса
Принцесса же, умомъ другая *Роксолана*
И не предстанетъ *къ ней*
Алжирецъ храбрый нашъ не будетъ тратить словъ
Съ *несчастныхъ* христіанъ, и *крикнулъ* кличъ военный
Платокъ красавицы, ко *древу* пригвожденный

И славно совершивъ святой любви завѣтъ
И здѣсь легко придумать намъ развязку
Первостепенная *въ собраніи* кометъ
Увидимъ мы другія.

Больной покинутый поэтъ...

Болѣзнь *упрямая* мѣшаетъ
Въ глаза *онъ не видалъ* клубники [1])
Простуду съ *желчною* горячкой [1])

8 *іюля.*

Заглавія нѣтъ.

Намъ слышно, каждое чувство.

Къ графинѣ Шуваловой (послѣ ея дебюта въ роли мертвеца) [2]).

Какая *мрачная* обнова
Дворцовый этотъ уголокъ
Явилось *страшное* видѣнье
Ужасный призракъ гробовой
Съ веселымъ *юности* лицомъ

Свершивъ со славою любви святой завѣтъ
Не трудно угадать развязку
Первостепенная *изъ всѣхъ другихъ* кометъ
Настанутъ намъ другія.

Больной покинутый поэтъ...

Болѣзнь *упорная* мѣшаетъ
Въ глаза *не видывалъ* клубники
Простуду съ *желтою* горячкой.

8 *іюня.*

Къ ней.*)

Имъ слышно, каждое чувство.

Къ графинѣ Шуваловой.

Какая *страшная* обнова
И этотъ тихій уголокъ
Явилось *грозное* видѣнье
Унылый призракъ гробовой
Съ веселымъ *прелести* лицомъ

1) Въ рукописи Публичной Библіотеки (№ 29, об. л. 5) читается такъ же. Ср. тамъ же № 15, л. 83.

2) Ср. тамъ же, № 15, л. 89 (почеркъ не Жуковскаго) и № 29, об. л. 14.

*) Есть тамъ же, № 15, об. л. 10.

Изъ тьмы *увядшимъ* мертвецомъ
Но вдругъ, *убивъ* воображенье,
И я *узналъ* свою ошибку
Свободно начали дышать.

24 іюля Павловскъ.

Въ послѣднихъ 4 стихахъ этого стихотворенія слова: вы, сердцѣ, головы — подчеркнуты.

Баллада, въ которой описывается, какъ одна старушка ѣхала на черномъ конѣ вдвоемъ, и кто сидѣлъ впереди [1]).

На кровлѣ вранъ печально прокричалъ...
Старушка слышитъ и блѣднѣетъ.
Печальну вѣсть ей черный вранъ сказалъ:
Надъ ней часъ смерти тяготѣетъ.

Но лишь *къ одру пришелъ* съ дарами онъ
Какъ смерти *гласъ*, ея протяжный стонъ
Я кровь младенцевъ *похищала*

Изъ тьмы *ужаснымъ* мертвецомъ
Но вдругъ, *сразивъ* воображенье,
И я *забылъ* свою ошибку
Свободнѣй начали дышать.

24 іюля.

Баллада и т. д.

На кровлѣ воронъ дико прокричалъ:
Старушка слышитъ и блѣднѣетъ.
Понятно ей, что воронъ тотъ сказалъ;
Слегла въ постель, дрожитъ, хладѣетъ.

Но лишь *пришелъ къ одру* съ дарами онъ
Какъ смерти *крикъ*, ея протяжный стонъ
Я кровь младенцевъ *проливала*

1) Эта баллада напечатана впервые въ 1831 году; въ 5-мъ изданіи она отнесена къ 1814 году, что вполнѣ соотвѣтствуетъ составленному самимъ Жуковскимъ перечню сочиненій, написанныхъ въ 1814 г. (Публ. Библ. Бум. Жук. № 77, л. 25). Подъ заглавіемъ «Старушка» она находится въ рукописяхъ Публичной Библіотеки № 15, л. 20 и № 36, л. 1. Въ обѣихъ рукописяхъ почеркъ не Жуковскаго, но послѣдняя исправлена имъ. Редакція 9 изданія совпадаетъ съ исправленнымъ текстомъ. Такъ какъ всѣ стихотворенія, находящіяся въ этой тетради, относятся къ 1831 г., то, очевидно, баллада была исправлена Жуковскимъ для изданія 1831 г. Въ рукописи гр. Бобринскаго текстъ этой баллады совпадаетъ съ неисправленнымъ текстомъ рукописи Публ. Библ., слѣдовательно, здѣсь мы имѣемъ первоначальную редакцію.

И кости мертвыхъ *отрывала*
Во храмъ внесенъ, *у алтаря* прибитъ
Изъ воска *бѣлаго* горѣли
Чтобъ крѣпокъ былъ *затворъ* церковныхъ вратъ
Съ обрядомъ *симъ* молитеся три дня
И тихій гробъ, и *черный* рядъ поповъ
И заперлись *растворы* тяжкихъ вратъ
По совершеніи моленья
Ужасный вой, ужасный *громъ* и трескъ
И снова *стукъ, и ревъ*, и трескъ у вратъ
И дымъ отъ свѣчъ *туманный* побѣжалъ
Пѣтухъ запѣлъ... и прочь враги бѣгутъ
И стихло все.., дьячки смѣлѣй поютъ
Чуть виденъ гробъ *въ туманѣ* черный
Часъ отъ часу *сильнѣе стукъ* у вратъ
Главы поднять не смѣетъ въ страхѣ

Строфы 39 и 40 въ обратномъ порядкѣ, сравнительно съ изданіемъ.

И *Онъ* предсталъ весь въ пламени очамъ
Ужасный, мрачный, разъяренной,
И вкругъ него огромный Божій храмъ
Казался печью раскаленной.

И кости мертвыхъ *похищала*
Во храмъ внесенъ, *предъ алтаремъ* прибитъ
Изъ воска *яраго* горѣли
Чтобъ крѣпокъ былъ *запоръ* церковныхъ вратъ
Съ обрядомъ *тѣмъ* молитеся три дня
И тихій гробъ, и *длинный* рядъ поповъ
И заперлись *затворы* тяжкихъ вратъ
Передъ начатіемъ моленья
Ужасный вой, ужасный *шумъ* и трескъ
И снова *ревъ, и шумъ*, и трескъ у вратъ
И дымъ отъ свѣчъ *туманныхъ* побѣжалъ
Запѣлъ пѣтухъ... и прочь враги бѣгутъ
Смѣлѣй дьячки на крылосахъ поютъ
Чуть виденъ гробъ *во мракѣ* черный
Часъ отъ часу *страшнѣе громъ* у вратъ
Поднять глаза не смѣетъ въ страхѣ
И *Онъ* предсталъ весь въ пламени очамъ
Свирѣпый, мрачный, разъяренной;
Но не дерзнулъ войти онъ въ Божій храмъ,
И ждалъ предъ дверью раскаленной.

Едва сказалъ: исчезните! цѣпямъ—
Онѣ разсыпались золою!
Едва рукой коснулся обручамъ
Они истлѣли подъ рукою.

Подобнаго *сему* стенанью
И ко вратамъ пошла она съ врагомъ:
Тамъ зрѣлся конь чернѣе ночи
Храпитъ и ржетъ, и пышетъ онъ огнемъ
И какъ пожаръ *пылаютъ* очи.

И на коня *добычу взбросилъ* врагъ
И сѣлъ впередъ; и быстротечно.

«Минувшихъ дней очарованье»...

И зримо ей *минуту* стало.

Сказка о красномъ карбункулѣ.

Сядь, разскажи намъ, какъ помнишь, когда Маргарета
Чуть не заснула. *Стѣснясь* Маргарета, Луиза и Лотта
Съ донцемъ и пряжей подсѣли къ огню и примолкли
Кровелькой трубку *накрылъ* и сказалъ: послушайте, дѣти

И съ громомъ гробъ отторгся отъ цѣпей,
Ничьей не тронутый рукою,
И вмигъ на немъ не стало обручей...
Они разсыпались золою.
Подобнаго *тому* стенанью,
Шатаяся пошла она къ дверямъ:
Огромный конь чернѣе ночи,
Дыша огнемъ, храпѣлъ и прыгалъ тамъ,
И какъ пожаръ *пылали* очи.
И на коня *съ добычей прянулъ* врагъ,
И трупъ завылъ, и быстротечно.

Минувшихъ дней очарованье...

И зримо ей *въ минуту* стало.

Красный карбункулъ (сказка изъ Гебеля).

Сядь, разскажи намъ, какъ помнишь, когда *сестра* Маргарита
Чуть не заснула. *Вотъ* Маргарита, Луиза и Лотта
Съ донцами, съ пряжей проворно подсѣли къ огню и примолкли.
Кровелькой трубку *закрылъ* и сказалъ: послушайте, дѣти

Ты не уйдёшь отъ меня, *шепнулъ*, покосившись, зеленый
Вѣрно рекрутскій наборщикъ? *сказала* хозяйка, подслушавъ
Нѣтъ, друзья, не къ нему: къ отцу, къ матери—имъ *захотѣлось*
Плачь и крушися, какъ хочешь; хоть съ горя умри, не *пособишь*
Если жъ нужда случится во мнѣ, крикни лишь: Бука
Мина сидитъ надъ *изодранной* Библіей въ тяжкой *кручинѣ*
Мина, зачѣмъ ты, зачѣмъ *пробуждалась! Сколько бъ кручины*,
Сколько бъ *тоски неизбѣжной* тебя миновало на свѣтѣ
Вальтеръ сидитъ за столомъ и *мѣшаетъ* крапленыя карты
Проданы всѣ съ молотка, *а* жена пропадаетъ отъ горя.
Дома только и дѣла, что крикъ, да упреки, да слезы
Вывелъ опять изъ тюрьмы. *Завернемъ* по дорогѣ, сказалъ онъ
Какъ тебя *встрѣтятъ?* ты голоденъ, холоденъ, худъ и оборванъ
Права пословица: счастливъ *игрой*, *да* несчастливъ женою
Только? тотъ *отвѣчалъ*. Чегожъ испугался, безмозглый
Въ сердце къ нему заронилось *тяжкое* слово; а Бука
Всталъ онъ, ни слова не молвилъ, *и съ Букою въ темное поле*

Ты не уйдешь отъ меня, *проворчалъ*, покосившись, зеленый
Вѣрно рекрутскій наборщикъ? *шепнула* хозяйка, подслушавъ
Нѣтъ, друзья, не къ нему: къ отцу, къ матери—имъ *въ угожденье*
Плачь и крушися, какъ хочешь; хоть съ горя умри, не *поможешь*
Если жъ нужда случится во мнѣ, *ты* крикни лишь: Бука
Мина сидитъ надъ *разодранной* Библіей въ тяжкой *печали*
Бѣдная Мина, зачѣмъ ты, зачѣмъ *ты въ себя приходила?*
Сколько бъ *кручины жестокой* тебя миновало на свѣтѣ.
Вальтеръ сидитъ за столомъ и *тасуетъ* крапленыя карты
Проданы всѣ съ молотка, *и* жена пропадаетъ отъ горя,
Дома *же* только и дѣла, что крикъ, да упреки, да слезы
Вывелъ опять изъ тюрьмы. *Не зайти-ль* по дорогѣ, сказалъ онъ
Какъ тебя *примутъ?* ты голодѐнъ, холоденъ, худъ и оборванъ
Права пословица: счастливъ *игрою*, несчастливъ женою
Только? тотъ *возразилъ*. Чего жъ испугался, безмозглый
Въ сердце къ нему заронилось *тяжелое* слово; а Бука
Всталъ онъ, ни слова не молвилъ, *и въ поле темное съ Букой*

Такъ разсказывалъ дѣдушка *дѣткамъ*. Чуть смѣя дыханье
Дѣвки боятся; на что пхъ *пугать* небывальщиной — полно!

Посланіе къ императрицѣ Маріи Θеодоровнѣ [1]).

Знать исключительно желаетъ *слыть* она
Совсѣмъ не *примѣчаетъ*
Туманнымъ сумракомъ наполненныхъ лѣсовъ
Великолѣпнаго съ лазури *нисхожденья*
Вечернимъ пламенемъ сіяетъ въ вышинѣ
И вмѣстѣ съ пламенемъ *вечернимъ* угасаетъ
И сѣть багряная *на* мракѣ липъ сіяетъ
И пламень *вечера*, сквозь чащу ихъ *прокравшись*
То одинокій *дубъ* съ холма черезъ рѣку
И *вѣтеръ* флагомъ шевелитъ
Тамъ *тише* волны плещутъ
И *трепетнѣе* блещутъ
Ей слышится полетъ
Невидимыхъ прелестныхъ [2])

Такъ разсказывалъ дѣдушка *внучкамъ*. Чуть смѣя дыханье
Дѣвки боятся; на что ихъ *стращать* небывальщиной—полно!

Государынѣ Императрицѣ Маріи Θеодоровнѣ первый отчетъ о лунѣ, въ іюнѣ 1819 года.

Знать исключительно желаетъ *быть* она
Совсѣмъ не *замѣчаетъ*
Прозрачнымъ сумракомъ наполненныхъ лѣсовъ
Великолѣпнаго съ лазури *снисхожденья*
Заката пламенемъ сіяетъ въ вышинѣ
И вмѣстѣ съ пламенемъ *заката* угасаетъ
И сѣть багряная *во* мракѣ липъ сіяетъ
И пламень *запада*, сквозь чащу ихъ *прорвавшись*
То одинокій *вязъ* съ холма черезъ рѣку
И *воздухъ* флагомъ шевелитъ
Тамъ *тихо* волны плещутъ
И *трепетные* блещутъ
Ей слышится полетъ
Недвижимыхъ прелестныхъ

1) Очень неразборчивый черновикъ тамъ же № 29, об. л. 8.

2) Конечно, «полетъ невидимыхъ», а не *«полетъ недвижимыхъ»*, какъ печаталось въ изданіяхъ.

Изъ *донесенія* въ поэму превратился
Сколь онъ привлекателенъ красотою
Мелькаетъ съ *сътью* рыбака
Всходящій *благостію* ясной
Для *унывающихъ* усладой [1])
И вѣчно *мирный*, вѣчно ясной
Подмѣтилъ мелькомъ я луну за облаками
И смѣю *утверждать*, что сдѣлалась она
По старому кругомъ ея носились
То волновалися, то *рдѣли*, то дымились
На крѣпости *ударилъ* часъ
Чудяся *странному* видѣнью
Она, разрывъ его, открыла
Одно я знаю: въ немъ преданье
Еще жъ упоминаютъ въ немъ

20 іюля. Павловскъ.

Посланіе къ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ. 29 іюля.

Упрямство вижу *здѣсь* одно
А, солнцу лиру посвятивъ
И знойнымъ днемъ *раскалена*

Изъ *описанія* въ поэму превратился
Какъ онъ привлекателенъ красотою
Мелькаетъ съ *тѣнью* рыбака
Всходящій *прелестію* ясной
Для *уповающихъ* усладой
И вѣчно *тихій*, вѣчно ясной
Замѣтилъ мелькомъ я луну за облаками
И смѣю *утвердить*, что сдѣлалась она
И что по старому кругомъ ея носились
То волновалися, то *рдѣлись*, то дымились
На крѣпости *пробило* часъ
Чудяся *страшному* видѣнью
Его разрывъ, она открыла
Однако знаю, въ немъ преданье
Еще упоминаютъ въ немъ

20 іюля.

Напечатано безъ заглавія въ примѣчаніяхъ ко II тому, с. 551.

Упрямство вижу *лишь* одно
И солнцу лиру посвятивъ
И знойнымъ днемъ *распалена*

1) Ср. съ слѣдующимъ стихомъ: «*для сирыхъ* — вѣрною отрадой».

Во мглѣ *багряной* исчезаетъ
Застѣнчивой *иль непокорной*
Въ лунѣ *послушной* стихотворной
Онъ съ *тихой* кротостью сравнилъ
Ихъ *благотворное* влiянье
Какъ *по* лазурной вышинѣ
Луна свой *легкiй* полусвѣтъ.

Стихотворенiе «Къ портрету великой княгини Александры Θеодоровны» читается такъ же, какъ въ рукописи, принадлежащей П. И. Бартеневу (примѣчанiя ко II т. 9 изд. сочиненiй Жуковскаго, стр. 545).

Путешественникъ и поселянка [1]).

Которымъ жажду утоляешь
Которымъ жажду утоляю
Въ которомъ *пью.*
Сосудъ напиться изъ ручья
Твой *станъ* божественно прекрасный
Они лежатъ и вѣтеръ
Ты лучшаго созданья *твоего*

Во мглѣ *туманной* исчезаетъ
Застѣнчивой *или упорной*
Въ лунѣ *прекрасной* стихотворной
Онъ съ *милой* кротостью сравнилъ
Ихъ *животворное* влiянье
Какъ *на* лазурной вышинѣ
Луна свой *робкiй* полусвѣтъ.

Путешественникъ и поселянка.

Въ которомъ жажду утоляешь
Въ которомъ жажду утоляю
Въ которомъ *воду мы беремъ*
Кувшинъ напиться изъ ручья
Твой *ликъ* божественно прекрасный
Въ печальный мохъ одѣвъ главы священны (этого стиха въ рукописи нѣтъ).
Лежатъ они и вѣтеръ
Ты лучшаго созданья *своего*

1) Довольно неразборчивый черновикъ тамъ же № 29, л. 32.

А я *сосудъ* водой наполню
Земные дни вкушаетъ
И *пышно* зеленѣетъ
Изъ *кирпича* и каменныхъ обломковъ
Наслѣдствомъ *хижинки* пріютной
И ты, среди великихъ.

Близость весны [1]).

Сквозь тонкій паръ луна
Таинственно сіяетъ.

Цеиксъ и Гальціона [2])

Я твое сердце? *Или* не стало въ немъ прежней любови
Буйству границъ; и земля и моря имъ *подвластны;* сгоняютъ
Но, постоянный въ желаньи, онъ ввѣритъ *свою Гальціону*
Тихо пошла Гальціона, пала на одръ одинокій
Берегъ повсюду равно *удаленъ*, повсюду невидимъ
Сами гребцы на работу *спѣшатъ;* одинъ убираетъ
Вѣтры, слетаяся, бьются, и море, *вздуваяся*, воетъ
Мчится трахинское *судно легкимъ* игралищемъ бури

А я *кувшинъ* водой наполню
Земную жизнь вкушаетъ
И *живо* зеленѣетъ
Изъ *кирпичей* и каменныхъ обломковъ
Наслѣдствомъ *хижины*—пріютной
А ты, среди великихъ.

Близость весны.

Таинственно луна
Сквозь тонкій паръ сіяетъ.

Цеиксъ и Гальціона.

Я твое сердце? *Ужели* не стало въ немъ прежней любови
Буйству границъ; и земля и моря имъ *покорны*; сгоняютъ
Но, постоянный въ желаньи, онъ ввѣритъ *своей Гальціоны*
Тихо пошла Гальціона *и* пала на одръ одинокій
Берегъ повсюду равно *отдаленъ*, повсюду невидимъ
Сами гребцы на работу *бѣгутъ*; одинъ убираетъ
Вѣтры, слетаяся, бьются, и море, *вздымаяся*, воетъ
Мчится трахинское *легкое судно* игралищемъ бури

1) Въ изданіяхъ неправильно отнесена къ 1822 г.
2) Ср. черновикъ тамъ же № 29, л. 39.

Вдругъ съ волной упадетъ, и — *кругомъ взгроможденное море* —
Бѣшенъ встаетъ на дыбы, и грудью *бросается* въ копья
Такъ яримая вѣтромъ волна, *кидаясь* на мачты
Взмокнули всѣ паруса; смѣшались съ водами пучины
Въ помощь отца *и* въ помощь Эола, водой *поглощаемъ*
Къ богу сему полети отъ меня повелѣть, чтобъ немедля
Есть *не вдали* киммеріянъ пустая гора съ каменистой
Съ *тысячью* травъ: изъ нихъ усыпительный сокъ выжимая
Богъ, разметавшись на ложѣ, нѣжитъ разслабленны члены
Миръ души, *удалитель* заботъ, усталаго сердца
Въ городъ Ираклов Трахины *въ ликѣ* царя полетѣла,
Вѣрнымъ видѣньемъ погибель супруга явить Гальціонѣ
Все выражаетъ: *поступь, движенья тѣла* и голосъ
Даже *отмѣны* одеждъ и каждому свойственны рѣчи
Но способенъ онъ *только брать* человѣческій образъ
Чудятся ночью; *а тѣ* народъ и гражданъ *облетаютъ*
Голову *тихо* склонилъ и въ мягкій пухъ погрузился
Онъ *подходитъ* къ одру Гальціоны; струею лилася

Вдругъ съ волной упадаетъ и, *кругомъ взгроможденному морю*,
Бѣшенъ встаетъ на дыбы, и грудью *кидается* въ копья:
Такъ яримая вѣтромъ волна, *бросаясь* на мачты
Взмокли всѣ паруса; смѣшались съ водами пучины
Въ помощь отца, въ помощь Эола, водою *душимый*
Къ этому богу лети отъ меня повелѣть, чтобъ немедля
Есть *въ сторонѣ* киммеріянъ пустая гора съ каменистой
Съ *множествомъ* травъ: изъ нихъ усыпительный сокъ выжимая
Богъ, разметавшись на ложѣ, *тамъ* нѣжитъ разслабленны члены
Миръ души, *усладитель* заботъ, усталаго сердца
Въ городъ Ираклов Трахины *подъ видомъ* царя полетѣла,
Тамъ сновидѣньемъ погибель супруга явить Гальціонѣ
Снова лазурью по радугѣ свѣтлой она полетѣла (этого стиха въ рукописи нѣтъ).
Все выражаетъ: *и поступь, и тѣлодвиженья* и голосъ,
Даже *всѣ виды* одеждъ и каждому свойственны рѣчи;
Но способенъ онъ *брать лишь одинъ* человѣческій образъ
Чудятся ночью; *другіе* жъ народъ и гражданъ *посѣщаютъ*
Голову *томно* склонилъ и въ мягкій пухъ погрузился
Онъ *подошелъ* къ одру Гальціоны; струею лилася

Правда, почудилось мнѣ, что *на* миломъ лицѣ выражалось
Вотъ то мѣсто... (и *мутные взоры призрака* искали)
Къ смерти навстрѣчу *летѣлъ* ты... почто жъ Гальціону
Я не утратила: смерть *настигла* бы насъ неразлучныхъ
Нынѣ жъ *отсутственна* гибну твоею погибелью; море
Бѣдный супругъ мой; все раздѣлимъ; пускай насъ *во гробѣ*
Если не урна одна, то надпись одна сочетаетъ
Было утро; она повлеклася на *берегъ моря*
Прошлое думою, взоръ *печальный* она устремляла
Что-то, словно какъ трупъ... но что? для *взора* неясно.
Кто бы ни былъ погибшій, но *въ морѣ* погибъ онъ; и горько
Горе, бѣдный, тебѣ! и горе *твоей* овдовѣвшей
Вѣтры смиряетъ, пловца бережетъ, и *волны* спокойны.

Три путника.

Въ свой край *воротяся* изъ дальней земли
Въ *свѣтелкѣ* свѣча предъ иконой горитъ;
Въ *свѣтелкѣ* красавица въ гробѣ лежитъ
И горько заплакалъ, и взоръ *отвратилъ*.

Правда, почудилось мнѣ, что *въ* миломъ лицѣ выражалось
Вотъ то мѣсто... (и *мутно глаза привидѣнья* искали)
Къ смерти навстрѣчу *спѣшилъ* ты... почтожъ Гальціону
Я не утратила: смерть *постигла* бы насъ неразлучныхъ
Нынѣ жъ, *въ отсутствіи*, гибну твоею погибелью; море
Бѣдный супругъ мой; все раздѣлимъ; пускай насъ *въ могилѣ*
Если не урна одна, то *хоть* надпись одна сочетаетъ
Было утро; она повлеклася на *тихое взморье*
Прошлое думою, взоръ *помраченный* она устремляла
Что-то, какъ трупъ, но что? для *печальнаго взора* неясно.
Кто бы ни былъ погибшій, но *бурей* погибъ онъ; и горько
Горе, бѣдный, тебѣ! и горе *женѣ* овдовѣвшей
Вѣтры смиряетъ, пловца бережетъ, и *воды* спокойны.

Три путника.

Въ свой край *возвратяся* изъ дальней земли
Въ *свѣтлицѣ* свѣча предъ иконой горитъ;
Въ *свѣтлицѣ* красавица въ гробѣ лежитъ
И горько заплакалъ, и взоръ *опустилъ*.

Гаральдъ.

Отбиты *въ дракѣ* знамена
(4 строфа). Что сладко такъ примапчивъ гласъ?
Что душу всю мутитъ?
Что прижимается и льнетъ
Къ бойцамъ подъ твердый щитъ?

Три пѣсни.

Первые два стиха въ обратномъ порядкѣ сравнительно съ изданіемъ.

Пѣсня бѣдняка.

Сады веселыхъ богачей
И нивы ихъ кругомъ.

Узникъ [1]).

Цвѣла я
Но тщетно съ ней онъ *раздѣленъ*
Все видитъ онъ; во *мглѣ* она
Огонь *младыхъ ея* ланитъ
Тобою въ *сладостной* веснѣ
Когда же сердце *милый* взоръ
Погибшаго не *воротить*
Въ мечтанье думой погруженъ
Онъ таялъ, гаснулъ и *погасъ*.

Гаральдъ.

Отбиты *вражьи* знамена
Этой строфы нѣтъ.

Пѣсня бѣдняка.

Я вижу замки богачей
И ихъ сады кругомъ.

Узникъ.

Жила я
И тщетно съ ней онъ *разлученъ*
Все видитъ онъ; во *тьмѣ* она
Огонь *ея младыхъ* ланитъ
Тобою въ *пламенной* веснѣ
Когда же сердце *ясный* взоръ
Погибшаго не *возвратить*
Душой въ мечтанье погруженъ
Онъ таялъ, гаснулъ и *угасъ*.

1) Въ 5 изданіи Жуковскій отнесъ это стихотвореніе къ 1816 году, подъ которымъ оно напечатано и въ послѣдующихъ изданіяхъ, но черновики его относятся къ 1819 году (тамъ же № 29, об. л. 33).

ОРЛЕАНСКАЯ ДѢВА.

ПЕРВОЕ ДѢЙСТВІЕ.

Явленіе 1.

Дюнуа. *Съ монархіей состарѣвшіе*, дѣлятъ
Въ *бездѣйственномъ покоѣ* расточали

Явленіе 2.

Король. Нашъ конетабль прислалъ *ко мнѣ свой мечъ.*
Дюнуа. Но въ пору онъ узналъ *сію науку*
Король. *При немъ царей безплодный* жезлъ цвѣтетъ
Изъ легкихъ *онъ желаній* зиждетъ тронъ
Дю-Шатель. О государь, *доселѣ* я щадилъ
Король. Который онъ *даетъ своей душѣ*
Призвать назадъ *старинны времена*
Лѣта любви, когда любовь вздымала
Гдѣ *рыцари на судъ сбираться* будутъ
Дюнуа. *Случалось* мнѣ читать, что *неразлучна*
Была любовь и рыцарская доблесть
Не пастухи, слыхалъ я *отъ отцовъ*

ОРЛЕАНСКАЯ ДѢВА.

ПЕРВОЕ ДѢЙСТВІЕ.

Явленіе 1.

Дюнуа. *Старинныя жилища чести*, дѣлятъ
Въ *бездѣйствіи покоя* расточали

Явленіе 2.

Король. Нашъ конетабль прислалъ *мнѣ мечъ свой*; *онъ...*
Дюнуа. Но въ пору онъ узналъ *сіе искусство*
Король. *Для насъ при немъ нашъ мертвый* жезлъ цвѣтетъ
Изъ легкихъ *сновъ себѣ онъ* зиждетъ тронъ
Дю-Шатель. О государь, *до сихъ поръ* я щадилъ
Король. Который онъ *душѣ своей готовитъ*
Призвать назадъ *то время старины,*
Тѣ дни любви, когда любовь вздымала
Гдѣ *рыцарей дѣла судимы* будутъ
Дюнуа. *Случилось* мнѣ читать, что *неразлучны*
Любовь и рыцарская доблесть были
Не пастухи, слыхалъ *я, а герои.*

Явленіе 3.

Чиновникъ. Часъ отъ часу *грознѣй и ближе;* сбиты
Въ *сей крайности* высокій Рошепьеръ
Когда къ нему *въ сей срокъ не будетъ* войска
Мы къ тебѣ
Подъ непріятельской пришли защитой
Дюнуа. *О стыдъ! Но* какъ Сантраль могъ согласиться
На *договоръ столь гнусный?*

Чиновникъ. *Государь,*

Явленіе 4.

Король. Я бѣденъ? *Я красою женъ владѣю!*
Дюнуа. И *черпаетъ изъ бочки Данаидъ.*
Агнеса. *Жизнь отдавалъ стократъ онъ за тебя*
Преобрати свой дворъ *во станъ военный*
Свою *нужду,* когда король примѣромъ
Король. И такъ, должно *предсказанное* сбыться
Въ пророческомъ жару мнѣ *предвѣщала*
Дюнуа. Сейчасъ *съ коня сошелъ онъ* у крыльца.

Явленіе 3.

Чиновникъ. Часъ-отъ-часу *неизбѣжимый;* сбиты
Въ *такой бѣдѣ* высокій Рошепьеръ
Когда къ нему *не подоспѣетъ* войска
Непріятель
Насъ пропустилъ, и мы пришли тебя
Дюнуа. *Возможно-ль?...* Какъ Сантраль могъ согласиться
На *гнусный этотъ договоръ?*

Чиновникъ. *О, нѣтъ!*

Явленіе 4.

Король. *Я бѣденъ? Нѣтъ... Взгляните на нее;*
Дюнуа. *И бочку Данаидъ наполнить мыслитъ*
Агнеса. *Онъ жертвовалъ тебѣ стократно жизнью*
Преобрати свой дворъ *въ военный станъ*
Свою *бѣду,* когда король примѣромъ
Король. Итакъ, должно *обѣщанное* сбыться
Въ пророческомъ жару мнѣ *предсказала*
Дюнуа. Сейчасъ *сошелъ съ коня онъ* у крыльца.

Явленіе 5.

Ла-Гиръ. Что *рыцаремъ убить его отецъ*
Король. Когда *же сей* постыдный договоръ
Дюнуа. Безумное властительство *гражданъ!*
Ла-Гиръ. *Вездѣ я зрѣлъ торжественны врата*
Я видѣлъ самъ, какъ Гарри Ланкастеръ
Какъ нашъ *Бургундъ, упавши на колѣна*
Дюнуа. Какъ? не проливъ *единой капли крови*
Ты думаешь ничтожнымъ словомъ вырвать
Агнеса. Есть *избранный* цѣлитель тяжкихъ ранъ
Король. Счастливить *я могу* народъ спокойный
Агнеса. Она всегда *живетъ, не измѣняясь*
Король. За мой вѣнецъ. Но вызовъ мой *отринуть*
Иль матери *чудовищной подобясь,*
Свое дитя на жертву самъ я брошу?
Нѣтъ! Нѣтъ! спаси его моя погибель.
Дюнуа. Во времена *междоусобной брани*
Итакъ, *отринь* изнѣженную жалость
Пусть догоритъ зажженная война
Геройство—ты жъ *не мужески* рожденъ

Явленіе 5.

Ла-Гиръ. Что *дю-Шатель убилъ его отца*
Король. Когда *жъ такой* постыдный договоръ,
Дюнуа. Безумное властительство *толпы?*
Ла-Гиръ. *Я видѣлъ рядъ торжественныхъ воротъ*
Таясь въ толпѣ, я видѣлъ, какъ Ланкастеръ
Какъ нашъ *Филиппъ, бургундскій герцогъ, братъ твой*
Дюнуа. Какъ? не проливъ *ни капли крови, ты*
Осмѣлишься ничтожнымъ словомъ вырвать
Агнеса. Есть *истинный* цѣлитель тяжкихъ ранъ
Король. Счастливить *могъ бы я* народъ спокойный
Агнеса. Она всегда *жива и неизмѣнна*
Король. За мой вѣнецъ. Но вызовъ мой *отвергнуть*
Иль матери *свирѣпой уподобясь,*
Своихъ дѣтей на жертву самъ я брошу?
Нѣтъ, лучше самъ погибну, ихъ спасая!
Дюнуа. Во времена *войны междоусобной*
Итакъ, *отбрось* изнѣженную жалость
Пускай война сама свой огнь потушитъ
Геройство—ты жъ *не мужемъ быть* рожденъ

Явленіе 6.

Король. *Ужели съ нимъ разстаться такъ несносно?*
Дю-Шатель. Склонись на миръ съ *Бургундцемъ*, государь
Король. Что жизнь твоя *за этотъ миръ заплата?*

Явленіе 7.

Король. Не унывай, моя Агнеса.
Есть Франція для насъ и за Луарой.
Мы тамъ найдемъ счастливѣйшій предѣлъ!
Тамъ небеса безоблачно спокойны,
Тамъ чище воздухъ, тамъ невиннѣй нравы!
Прекраснѣй тамъ цвѣтетъ любовь и жизнь.
Агнеса. *Почто должна я страшный день сей видѣть!*

Явленіе 8.

Ла-Гиръ. Дано сраженіе; *ты побѣдилъ.*
Агнеса. *Небесная Гармонія! Побѣда!*
Король. *Я побѣдилъ? Не вѣрю я побѣдамъ.*
Агнеса. *Спокойствіе и примиренье!*

Явленіе 9.

Архіепископъ. Принцы!
Раулъ. Выходитъ *дѣвица; на головѣ*

Явленіе 6.

Король. *Ужель разстаться съ нимъ такъ тяжело!*
Дю-Шатель. Склонись на миръ съ *Филиппомъ*, государь
Король. Что жизнь твоя *цѣною примиренья?*

Явленіе 7.

Король. Не унывай, моя Агнеса.
Есть Франція для насъ и за Луарой.
Стиховъ, слѣдующихъ въ рукописи за этимъ, въ изданіи нѣтъ.
Агнеса. *Какой должна я страшный встрѣтить день!*

Явленіе 8.

Ла-Гиръ. Дано сраженіе; *мы побѣдили.*
Словъ Агнесы: «Небесная Гармонія! Побѣда!» въ изданіи нѣтъ.
Король. *Мы побѣдили? Нѣтъ, то слухъ невѣрный*
Агнеса. *Согласіе и миръ!*

Явленіе 9.

Архіепископъ. *Графъ, государь,*
Раулъ. Выходитъ *къ намъ дѣвица; яркій шлемъ*

Шеломъ; какъ божество, она идетъ,
Въ единый мигъ все войско *растолпилось*
И скоро здѣсь *сама она* явится

Явленіе 10.

Архіепископъ. Въ какомъ краю *ты родилась? и кто*
Іоанна. *Чтобы вытѣснить* на тронъ нашъ иноземца
Возьми *сіе* святое знамя, мечъ
Сей опояшь и имъ неустрашимо
На подвигъ *сей погибельный* дерзать
Какъ ты была я дѣвой непорочной
И мной Господь, Божественный рожденъ,
И я сама Божественною стала.
Къ *обителямъ* блаженства полетѣла
Дюнуа. *Ея глазамъ, невинности прекрасной*
Ея лица я вѣрю, а не чуду!
Іоанна. *Скорѣе вспять* Луара потечетъ
Дюнуа. *Мы бросимся за дивною* во слѣдъ
Король. Такъ, я тебѣ свое *вручаю* войско
Іоанна. Чудеснымъ сномъ *указанъ мнѣ сей мечъ*

Явленіе 11.

Іоанна. Теперь скажи: *какой вашъ договоръ?*

На головѣ; идетъ, какъ божество,
Въ единый мигъ все войско *разметалось*
И скоро здѣсь *она сама* явится

Явленіе 10.

Архіепископъ. Въ какомъ краю *родилась? Кто и гдѣ*
Іоанна. *Чтобъ посадить* на тронъ нашъ иноземца
Возьми *мое* святое знамя, мечъ
Мой опояшь и имъ неустрашимо
На подвигъ *гибельный такой* дерзать
Словъ Іоанны: «Какъ ты... Божественною стала.» въ изданіи нѣтъ.
Къ *обители* блаженства полетѣла
Словъ Дюнуа: «Ея глазамъ... не чуду!» въ изданіи нѣтъ.
Іоанна. *Скорѣй назадъ* Луара потечетъ
Дюнуа. *За дивною мы бросимся* во слѣдъ
Король. Такъ, я тебѣ свое *ввѣряю* войско
Іоанна. Чудеснымъ сномъ *мнѣ этотъ мечъ указанъ*

Явленіе 11.

Іоанна. Теперь скажи: *въ чемъ ваше предложенье?*

ДѢЙСТВІЕ II.

Явленіе 1.

Ліонель. Честь Англіи *упала* предъ тобой
Тальботъ. *Погибли!* адъ за Францію воюетъ

Явленіе 2.

Герцогъ. Тому знакомъ *языкъ безстыдной лжи*
Изабелла. Пока *не сталъ раздоръ неисцѣлимымъ*
Чѣмъ ближе врагъ—и будь онъ сынъ *родной*—

Явленіе 3.

Тальботъ. Чтобъ истребить мечту, *предъ коей бодрость*
Бездѣйственна и войско цѣпенѣетъ.
Ліонель. *Мнѣ уступи сей легкій поединокъ*
Хочу унесть въ виду всего ихъ войска

Явленіе 4.

Стражи (за сценой). *Къ ружью! Къ ружью!*
Іоанна. *Меня влекущій Духъ?* Лети стрѣла

ДѢЙСТВІЕ II.

Явленіе 1.

Ліонель. Честь Англіи *погибла* предъ тобой
Тальботъ. *Пропали!* адъ за Францію воюетъ

Явленіе 2.

Герцогъ. Тому знакомъ *и лжи языкъ безстыдный*
Изабелла. Пока *раздоръ еще не разгорѣлся*
Чѣмъ ближе *къ сердцу* врагъ—и будь онъ сынъ—

Явленіе 3.

Тальботъ. Чтобъ истребить мечту, *передъ которой*
Все наше войско въ страхѣ цѣпенѣетъ.
Ліонель. *Дай мнѣ, Тальботъ, съ ней выйти въ поединокъ*
Въ виду всего ихъ войска принесу

Явленіе 4.

Стражи (за сценой). *Къ оружію!*
Іоанна. *Мной властвующій духъ?* Лети стрѣла

Явленіе 5.

Тальботъ. Бѣгутъ; *врагу* отпора нѣтъ; весь лагерь
А все вокругъ меня въ *бреду* безумства
И *женщинѣ-ль* — о вѣчный стыдъ — *исторгнуть*

Явленіе 6.

Монгомери. Куда бѣжать?.. Кругомъ враги, *повсюду смерть*!
Погибельный, она свирѣпствуетъ... И нѣтъ
Зачѣмъ переплывалъ я море? *Бѣдный я!*

Явленіе 7.

Іоанна. Или *птенцовъ* младыхъ у львицы истребилъ
Монгомери. И, зримая вблизи, *ты боль* не страшна
Передъ коимъ все смиряется, молю: смягчися!
На родинѣ младая ждетъ меня невѣста,
Прекрасная, какъ ты, *во цвѣтѣ милой* жизни.
Іоанна. Несчастный! *ты-жъ* родителей напомнилъ мнѣ
Поймутъ, что значитъ скорбь по *милымъ невозвратнымъ*
За кою вы въ безуміи переступили
Умри, другъ... И *почто* такъ робко трепетать
Монгомери. А ты, призвавъ *къ себѣ* на помощь весь твой адъ

Явленіе 5.

Тальботъ. Бѣгутъ; отпора нѣтъ; весь лагерь
А все вокругъ меня въ *чаду* безумства
И *женщина-ль*—о вѣчный стыдъ—*исторгнетъ*

Явленіе 6.

Монгомери. Куда бѣжать?.. Кругомъ враги, *вездѣ погибель*
Губительный, она свирѣпствуетъ... И нѣтъ
Зачѣмъ переплывалъ я море? *Бѣдный! бѣдный!*

Явленіе 7.

Іоанна. Или *дѣтей* младыхъ у львицы истребилъ
Монгомери. И, зримая вблизи, *уже ты* не страшна
Передъ которымъ все смиряется, молю:
Смягчись! на родинѣ меня невѣста ждетъ,
Прекрасная, какъ ты, *въ прекрасномъ цвѣтѣ* жизни
Іоанна. Несчастный! *ты* родителей напомнилъ мнѣ
Поймутъ, что значитъ скорбь по *милыхъ невозвратныхъ*
Которую безумно вы переступили
Умри, другъ... И *зачѣмъ* такъ робко трепетать
Монгомери. А ты, призвавъ на помощь весь твой *страшный* адъ

Явленіе 8. Іоанна одна [1]).

Іоанна. Но только повелитъ *нужда*—готова сила;

Явленіе 9 [2]).

Рыцарь. Ты здѣсь отступница? Твой часъ *насталъ*
На плахѣ умереть—не *славно* пасть

Явленіе 10 [3]).

Герцогъ. Ни васъ, рабовъ *постыдныхъ* чародѣйства
Іоанна. Ни слова, Дюнуа... Ла-Гиръ, *ни съ мѣста*
Герцогъ. И *хитрый* духъ, вселившійся въ нее
Іоанна. *Святѣй* борьбы за родину? Давно-ли
Когда же то, что я *рекла, есть благо*
Кто могъ *его внушить* мнѣ, кромѣ неба? [4])

Пѣсня (Отымаетъ наши радости) [5]).

Холодна къ самимъ бѣдамъ

Къ А. Г. Хомутовой (въ отвѣтъ на ея стихи и посылая ей черную тафту, которую человѣкъ мой ей забылъ отнесть) [6]).

Вчера *любезною* рукою
Графини Бобринской *мнѣ* данъ

---

1) Относится къ явленію 7.

Іоанна. Но только повелитъ *мой долгъ*—готова сила;

2) Явленіе 8.

Рыцарь. Ты здѣсь отступница?... Твой часъ *ударилъ*
На плахѣ умереть—не *съ честью* пасть

3) Явленіе 9.

Герцогъ. Ни васъ, рабовъ *презрѣнныхъ* чародѣйства
Іоанна. Ни слова, Дюнуа... Ла-Гиръ, *умолкни*
Герцогъ. И *адскій* духъ, вселившійся въ нее
Іоанна. *Святой* борьбы за родину? Давно-ли
Когда же то, что я *сказала, свято*
Кто могъ *внушить его* мнѣ, кромѣ неба?

Пѣсня.

Охладѣвъ къ самимъ бѣдамъ

Письмо къ Аннѣ Григорьевнѣ Хомутовой.

Вчера *мнѣ милою* рукою
Графини Бобринской *былъ* данъ

4) Такимъ образомъ, къ концу 1819 или началу 1820 г. первыя 2 дѣйствія «Орлеанской дѣвы» были переведены вполнѣ.
5) Черновикъ тамъ же № 29, л. 43.
6) Черновикъ тамъ же № 29, об. л. 47.

Благодарю моимъ *чертямъ*
Его ни *на* какую славу
Еще жъ *скажу: вы сами* правы
За нимъ по кочкамъ, задыхаясь,
Мнѣ *подписала* мой дипломъ
Я бабочкой къ нему прильнулъ
И съ нимъ въ богининъ храмъ чудесный
Невидимо перепорхнулъ
Пускай *досадуетъ* Парнасъ
Я *въ совѣсти моей* спокоенъ
Здѣсь честь имѣю вамъ послать
Не думайте, *чтобъ* наша братья,
Пѣвцы, не *знали* исполнять
Чтобъ онъ съ *тафтою* къ вамъ *бѣжалъ*
Ужасное, *явилась* мнѣ
Нѣтъ, не забылъ; совсѣмъ *иное*

Къ Нарышкину [1]).

Дана *капризничать* свобода
Да я и тайну вамъ открою:
Вся сволочь Пинда *вслѣдъ* за мною

Благодарю моимъ *духамъ*
Его ни *за* какую славу
Еще жъ *прибавлю я*: *вы* правы
Къ нему по кочкамъ, задыхаясь,
Мнѣ *написала* мой дипломъ
Къ нему я бабочкой прильнулъ
И вслѣдъ за славою порхнулъ
Пускай *бранитъ меня* Парнасъ—
Я *буду въ совѣсти* спокоенъ
Я честь имѣю вамъ послать
Не думайте, *что* наша братья,
Пѣвцы, не *знаютъ* исполнять
Чтобъ онъ съ *тафтой* къ вамъ *побѣжалъ*
Ужасное, *предстала* мнѣ
Нѣтъ, не забылъ; совсѣмъ *другое*

Къ Нарышкину.

Дана *причудничать* свобода
Другую тайну вамъ открою:
Вся сволочь Пинда, *вся* за мною

1) Черновикъ тамъ же № 29 л. 48.

И на землѣ тепло *имъ* нужно,
Къ тому же *кромѣ сихъ* боговъ
Волшебницъ, *лѣшаевъ*, духовъ
(*Не позабывъ* про камелекъ)
Признаться, *вспомню* лишь о немъ

Объясненіе.

На взморьѣ *свѣжемъ* и спокойномъ
И я тому примѣромъ снова!
Я безъ хозяина считалъ
Мнѣ съ неба пасмурно сырова
И давъ ему для *риѳмы лиру*,
Спѣшу *для смысла* перейти

Къ княгинѣ А. Ю. Оболенской (И такъ еще намъ суждено) [1].

Веселымъ гостемъ появлялась

Къ ней же (Княгиня, для чего отъ насъ) [2].

Досужное воображенье
Давно его изображенье
Мнѣ сочинило наугадъ!

И на землѣ тепло *намъ* нужно.
Къ тому же *сверхъ моихъ* боговъ,
Волшебницъ, *лѣшихъ и* духовъ
(*И не забывъ* про камелекъ)
Признаться, *вспомнишь* лишь о немъ

Объясненіе.

На взморьѣ *свѣтломъ* и спокойномъ
И этому примѣромъ снова
Мнѣ съ неба пасмурно-сырова
И давъ ему для риѳмы *лиру*,
Спѣшу *скорѣе* перейти

Къ кн. Оболенской.

Веселой гостьей намъ являлась

Къ ней же.

Досужное воображенье
Мнѣ сочинило наугадъ.

1) Черновикъ тамъ же № 29, л. 51.
2) Черновикъ тамъ же № 29, об. л. 51.

Но что умчитъ стремленье лѣтъ
И въ обольстительныхъ лучахъ

«Товарищъ! вотъ тебѣ рука!»

За горизонтомъ *ветхій* кровъ
Неизъяснимымъ упованьемъ
Прискорбно-сладкимъ ожиданьемъ
Невыразимою *тоской*
Всей милой *горестью* своей
На первобытный *жизн* лугъ
Товарищъ грустный — молчаливость.

Остальныя стихотворенія рукописи не отступаютъ отъ текста 9 изданія.

Н. Кульманъ.

И что умчитъ стремленье лѣтъ
И въ обольстительныхъ лугахъ.

«Товарищъ! вотъ тебѣ рука!»

За горизонтомъ *отчій* кровъ
Прискорбно-радостнымъ желаньемъ,
Невыразимымъ упованьемъ,
Невыразимою *мечтой*
Всей милой *прелестью* своей
На первобытный *въ жизни* лугъ
Угрюмый спутникъ — молчаливость.

Изъ синтактическихъ наблюденій.

Къ вопросу о классификаціи безсубъектныхъ предложеній.

I.

Предлагаемая статья преслѣдуетъ цѣль *методологическую* и предназначена служить введеніемъ въ дальнѣйшія историко-сравнительныя изслѣдованія, предпринятыя авторомъ въ области безсубъектныхъ предложеній.

Ближайшею задачею является установленіе *синтактическаго* принципа классификаціи безсубъектныхъ предложеній. Это вытекаетъ изъ усвоеннаго авторомъ основного воззрѣнія на задачи научнаго синтаксиса, которое сводится къ слѣдующему.

Подобно тому какъ въ отдѣльномъ словѣ мы различаемъ (оставляя въ сторонѣ внѣшнюю, звуковую форму) 1) *значеніе* (матерьяльное содержаніе) и 2) *грамматическую форму*, такъ и въ *предложеніи* мы должны различать 1) его *матерьяльное содержаніе*, его смыслъ (то, что̀ сказано) и 2) его *синтактическую форму* (то, какъ сказано — въ смыслѣ грамматическомъ). Актъ грамматическаго (лингвистическаго) мышленія въ отдѣльномъ словѣ сводится къ психологическому процессу *апперцепціи* даннаго содержанія (представленія, понятія и т. д.) извѣстною *морфологическою категоріею* (существительнымъ, прилагательнымъ, глаголомъ и т. д.). Актъ грамматическаго мышленія въ предложеніи сводится къ психологическому процессу *апперцеп-*

ціи даннаго содержанія извѣстными *синтактическими категоріями* (подлежащимъ, сказуемымъ, дополненіемъ и т. д.). Эти синтактическія категоріи суть тѣ-же морфологическія (тѣ-же существительныя, прилагательныя, глаголы и т. д.), но только дѣйствующія не въ отдѣльномъ словѣ, а въ предложеніи. Не трудно видѣть, что въ предложеніи постановка грамматической апперцепціи не такая, какъ въ отдѣльномъ словѣ: въ предложеніи грамматически апперцепируется, кромѣ извѣстнаго представленія или понятія, еще и роль его, какъ подлежащаго, какъ сказуемаго и т. д. Иначе говоря, грамматическое мышленіе въ его синтактическомъ выраженіи исполняетъ значительно бо̀льшую умственную работу, чѣмъ та, какую исполняетъ оно внѣ синтактическаго выраженія. Выяснить характеръ и психологическій смыслъ этой — синтактической — умственной работы, изслѣдовать историческіе пути ея развитія и, наконецъ, опредѣлить ея значеніе и назначеніе въ общей экономіи мышленія человѣческаго, возвышающагося надъ языкомъ, — таковы конечныя задачи научнаго синтаксиса. Отсюда и вытекаетъ методологическое требованіе, гласящее, что въ изслѣдованіи синтактическихъ формъ прежде всего нужно имѣть въ виду *предложеніе съ его составными частями*, и первымъ вопросомъ, здѣсь возникающимъ, долженъ быть вопросъ о томъ, что̀ и какъ въ предложеніи *синтактически апперцепировано*, и что̀ и почему *неапперцепировано*. Отправляясь отъ этого вопроса, изслѣдователь старается вникнуть въ характеръ, въ духъ оборота, уловить его синтактическія особенности и тонкости, на которыхъ основано его значеніе и призваніе въ общей экономіи и въ развитіи грамматическаго мышленія въ данномъ языкѣ. Когда дѣло идетъ о томъ, чтобы изслѣдовать цѣлый разрядъ извѣстныхъ оборотовъ, и самъ собою выдвигается впередъ вопросъ о ихъ классификаціи, тогда, конечно, съ особливой настойчивостью сказывается потребность найти въ этихъ оборотахъ общую имъ, объединяющую ихъ синтактическую черту и положить *ее* (а не другія черты) въ основу классификаціи.

Исходя изъ этой точки зрѣнія, мы выводимъ, для классификаціи безсубъектныхъ предложеній, *синтактическій принципъ*, сводящійся къ слѣдующему.

Отличительная черта безсубъектныхъ оборотовъ, при всемъ ихъ разнообразіи, это—отсутствіе (полное или неполное) подлежащаго. Въ нихъ подлежащее *не апперципировано грамматически, или же его грамматическая апперцепія не полна, не завершена.* Оттуда самъ собою вытекаетъ принципъ, гласящій, что въ основаніе *синтактической классификаціи* безсубъектныхъ предложеній должно быть положено не что иное, какъ именно столь характерный для нихъ моментъ *отсутствія подлежащаго*, при чемъ различныя степени этого отсутствія дадутъ указанія для распредѣленія наличнаго матеріала безсубъектныхъ оборотовъ по разновидностямъ.

Однимъ словомъ, принципъ классификаціи, мною выставляемый, гласитъ, что *сперва*, т. е. именно въ дѣлѣ классификаціи, которое, конечно, себѣ не довлѣетъ, а только служитъ исходною точкою для дальнѣйшихъ изслѣдованій, надлежитъ изслѣдователю *смотрѣть въ сторону подлежащаго*, хотя оно и отсутствуетъ, *а не въ сторону сказуемаго*, какъ это обыкновенно дѣлается, и какъ дѣлаетъ это *Миклошичъ* въ своемъ классическомъ трактатѣ «Subjectlose Sätze».

Обычное, традиціонное дѣленіе безсубъектныхъ предложеній основывается, какъ извѣстно, на матеріальномъ значеніи сказуемаго (такія-то предложенія выражаютъ извѣстныя явленія природы, напр. «морозитъ», es regnet, такія-то обозначаютъ процессы, происходящіе въ организмѣ и въ душѣ человѣка, какъ «тошнитъ», «ломитъ», taedet, miseret и т. д.). Послѣ сказаннаго выше излишне пояснять, насколько такое дѣленіе не синтактично. Замѣчу только, что въ свое время оно было полезно (въ смыслѣ эмпирическаго изученія), и что, какъ увидимъ ниже, оно можетъ и теперь пригодиться въ дѣлѣ изслѣдованія происхожденія того или другого безсубъектнаго оборота. Въ общемъ, можно сказать, что оно стоитъ къ синтаксису безсубъ-

ектныхъ предложеній примѣрно въ такихъ же отношеніяхъ, въ какихъ стоитъ словарь къ этимологіи. Распредѣленіе безсубъектныхъ оборотовъ, по ихъ матеріальному значенію, между извѣстными рубриками есть именно ихъ «словарь», который можетъ пригодиться, но въ которомъ нельзя видѣть синтактической постановки вопроса.

Другое дѣленіе, основанное на формально-грамматическомъ значеніи сказуемаго, уже гораздо ближе подходитъ къ синтактической точкѣ зрѣнія; поэтому его значеніе неоспоримо. Чтобы стать вполнѣ синтактическимъ, ему недостаетъ только, такъ сказать, *оглядки на подлежащее*. Ниже увидимъ, въ чемъ должна состоять эта «оглядка». У Миклошича ея нѣтъ: приведеніе субъектныхъ оборотовъ, равносильныхъ, *по матеріальному значенію*, безсубъектнымъ (какъ напр. *es weht* и *der Wind weht*, Subjectl. Sätze[2], стр. 43), не можетъ считаться таковою, потому что тутъ опять выдвинуто содержаніе фразы, *а не грамматическая форма* сказуемаго, которую-то и нужно привести въ извѣстную связь съ моментомъ отсутствія подлежащаго.

Оба способа дѣленія безсубъектныхъ предложеній у Миклошича примѣнены слѣдующимъ образомъ. Какъ извѣстно, онъ дѣлитъ безсубъектныя предложенія сперва съ точки зрѣнія формально-грамматической на 4 большіе отдѣла: I, безсубъектныя предложенія съ глаголомъ активнымъ; II, — съ глаголомъ возвратнымъ; III, — съ глаголомъ пассивнымъ и IV, — съ именемъ, соединеннымъ съ глаголомъ *esse*. Внутри же этихъ отдѣловъ онъ размѣщаетъ традиціонныя рубрики, основанныя на матеріальномъ содержаніи, какъ-то: 1) предложенія, выражающія существованіе предмета («es giebt einen Gott» и др.); 2) предложенія, относящіяся къ явленіямъ природы («свѣтаетъ», es regnet и т. д.); 3) — обозначающія тѣлесныя и душевныя состоянія («тошнитъ», mich hungert, miseret и пр.); 4) — выражающія чувственныя воспріятія (es brennt, «въ воздухѣ пахло резедой»); 5) предложенія, указывающія на силу по ея дѣйствію (es schüttelt mich, po vsêh udih me je trgalo, хорут.); 6) предложенія, выражающія

таинственное, фантастическое (es spukt); 7) — выражающія недостатокъ или, напротивъ, нѣчто противуположное недостатку (es gebricht mir daran, млр. дали хліба, коли *зубъ не стало*, — лежучи у Ильи *силы прибыло*); 8) предложенія, выражающія отвлеченныя отношенія (польск. chodzi o to — es handelt sich darum; wie geht es mit deiner Gesundheit? и т. п.). Всѣ эти 8 рубрикъ входятъ въ составъ I-го отдѣла (глаголъ активный). Во II-мъ (глаголъ возвратный) находимъ предложенія, выражающія «абсолютно» какое-либо дѣйствіе или состояніе (ит. si va; хор. drêmalo se mi je; какъ ей живется? Hier schläft sich angenehm и т. д.). Въ III-мъ отдѣлѣ (глаголъ пассивный) — то-же самое (das Verbum bezeichnet abzolut einen Vorgang oder Zustand), напр. млр. ушукано мене, цсл. глąсъ троубы оуслышано будетъ, лат. curritur, itur, turbatum est domi и пр. Наконецъ тотъ-же смыслъ имѣютъ и предложенія, принадлежащія къ IV-му отдѣлу: es ist kalt, es wird Abend, на дворѣ было жарко и т. д. [1]).

Изъ этого обзора видно, какъ много вниманія удѣляетъ Миклошичъ тому, что̀ именно выражаютъ безсубъектныя предложенія, очевидно приписывая этому моменту первостепенную важность. Что-же касается критерія формально-грамматическаго (четыре большихъ отдѣла), то онъ остался какъ бы внѣ изслѣдованія и представляется введеннымъ только для большей ясности или систематичности въ распредѣленіи и обозрѣніи матеріала. Тщетно будемъ мы искать у Миклошича отвѣта на вопросъ напр. о томъ, какая внутренняя связь существуетъ между пассивностью или возвратностью глагола съ одной стороны и безсубъектностью предложенія съ другой. Въ общемъ трактатъ Миклошича представляетъ собою только описаніе или картину наличнаго инвентаря безсубъектности въ индо-европейскихъ языкахъ, преимущественно въ славянскихъ. Въ своемъ родѣ этотъ трудъ долженъ быть признанъ образцовымъ. Миклошичъ, по характеру своего огромнаго дарованія, былъ прежде всего великій

1) Миклошичъ почему-то не оговариваетъ, что, по большей части, это — предложенія не съ именемъ, а съ нарѣчіемъ.

систематизаторъ,—и его трактатъ о безсубъектныхъ предложеніяхъ является образцомъ ясной, отчетливой, стройной систематизаціи матеріала и, въ этомъ смыслѣ, надолго останется незамѣнимымъ.

Въ посмертномъ трудѣ Потебни — «Изъ записокъ по русской грамматикѣ, ч. III. — Объ измѣненіи значенія и замѣнахъ существительнаго» — находимъ главу (XII-ю, стр. 403 — 485), посвященную изслѣдованію безсубъектныхъ предложеній. Здѣсь собранъ обширный матеріалъ изъ русскаго и другихъ славянскихъ языковъ. Въ противуположность Миклошичу, Потебня не былъ систематизаторомъ, и въ его трудахъ (въ особенности же въ посмертныхъ, не получившихъ окончательной отдѣлки) мы не находимъ той стройности въ объединеніи и расположеніи матеріала, какою такъ выгодно отличаются работы Миклошича. Но за то Потебня былъ великій мыслитель, — и его сила — въ глубокомъ проникновеніи въ психологію языка и въ творчествѣ научной мысли, созидающемъ новыя идеи, открывающемъ новыя перспективы. Этотъ рѣдкій даръ проявляется и въ изслѣдованіи о безсубъектныхъ предложеніяхъ, озаглавленномъ «Устраненіе подлежащаго». Уже это заглавіе указываетъ на основную точку зрѣнія и на то направленіе, въ которомъ поведено изслѣдованіе, къ сожалѣнію, сдѣланное лишь вчернѣ. Въ противуположность Миклошичу, Потебня смотритъ на безсубъектность, какъ на явленіе не первичное, не архаическое, и ближайшей задачей его изслѣдованія было — раскрыть субъектное происхожденіе различныхъ безсубъектныхъ оборотовъ. Оттуда сама собою вытекала необходимость выдвинуть впередъ моментъ матеріальнаго содержанія. Изслѣдованіе Потебни открывается анализомъ оборотовъ, подведенныхъ подъ формулу: «безсубъектное сказуемое ощущеній и воспріятій внѣшнихъ явленій» (стр. 405). Этотъ пріемъ, какъ сказано выше, вступаетъ въ свои права, разъ дѣло идетъ не о классификаціи, а о выясненіи происхожденія отдѣльныхъ безсубъектныхъ оборотовъ. Въ нашихъ дальнѣйшихъ изысканіяхъ намъ придется неоднократно обращаться къ изслѣдо-

ванію Потебни, гдѣ, кромѣ глубокихъ мыслей и цѣнныхъ указаній, находимъ важныя данныя для изученія самихъ *синтактическихъ формъ* безсубъектныхъ предложеній.

II.

Обращаясь къ нашей задачѣ — установить *синтактическій* принципъ классификаціи безсубъектныхъ предложеній, мы начнемъ съ указанія на слѣдующее мѣсто въ разсказѣ Тургенева «Собака»:

«И представьте вы себѣ, господа: только-что я задулъ свѣчу, *завозилось* у меня подъ кроватью! Думаю: крыса? Нѣтъ, не крыса: *скребетъ*, *возится*, *чешется*... Наконецъ, ушами *захлопало!*».

Субъектныя ли это предложенія или безсубъектныя?—Грамматическаго подлежащаго они не имѣютъ. Они бы его имѣли, если бы Тургеневъ сказалъ: *что-то* завозилось... *что-то* скребетъ... *оно* захлопало ушами. Но этихъ подлежащихъ у Тургенева нѣтъ, — и обороты по праву должны быть признаны безсубъектными. Читая фразу, мы ясно чувствуемъ, что въ ней грамматически апперцепированы *только сказуемыя*, что они-то прежде всего и проявились въ сознаніи, а та точка въ грамматической мысли, гдѣ должно было бы явиться подлежащее, осталась темною, непроявленною. Этотъ процессъ—*обходъ подлежащаго и движеніе мысли прямо къ сказуемому*—и есть основной *синтактическій признакъ безсубъектности*. Но засимъ *степень* безсубъектности можетъ быть весьма различна, находясь въ зависимости отъ участи той точки въ грамматической мысли, гдѣ должно было бы проявиться подлежащее. Если эта точка до конца остается темною, а тѣмъ болѣе если она совсѣмъ исчезаетъ изъ обихода даннаго процесса мысли, то процессъ становится абсолютно-безсубъектнымъ. Такъ въ оборотахъ: *тошнитъ*, *морозитъ*, *свѣтаетъ*, *хочется* и т. д. Здѣсь точка подлежащаго совсѣмъ отсутствуетъ, и ее даже нельзя возстановить искус-

ственно, ибо нельзя сказать: что-то свѣтаетъ, оно морозитъ, это тошнитъ. Говоря такъ, мы имѣемъ въ виду характеръ или строй этихъ оборотовъ въ русскомъ языкѣ; ниже у насъ будетъ рѣчь о нѣмецкихъ и французскихъ оборотахъ типа *es regnet*, *il pleut*, и мы увидимъ, что въ нихъ *es*, *il* совсѣмъ не то, что наши *что-то*, *оно*, *это*. Послѣднія — настоящія мѣстоименія (чего нельзя сказать о нѣм. *es* и фр. *il* въ указанныхъ оборотахъ), а потому, появляясь въ безсубъектномъ предложеніи, они замѣняли бы соотвѣтственное имя и играли бы роль подлежащаго. Замѣтимъ также, что существованіе рядомъ съ безсубъектнымъ соотвѣтствующаго ему субъектнаго, какъ напр. *дождитъ* — *дожчъ идетъ*, *дожчъ падаетъ* (Лекс. Памвы Берынды), ничуть не доказываетъ, чтобы въ безсубъектномъ сохранялась точка подлежащаго: если говорятъ «дождитъ», то точки подлежащаго нѣтъ, даже какъ темной, и ее нельзя искусственно проявить введеніемъ мѣстоименія; если же говорятъ: дождь идетъ (какъ въ современномъ общерусск. и въ старину: «потомъ найде дъжчь...», «бысть дъжчь съ градомъ...», 1-я Новг. л.), то *въ этомъ оборотѣ*, *въ этомъ процессѣ грамматической мысли* подлежащее на лицо, и это — предложеніе субъектное. Но вѣдь этотъ процессъ — совсѣмъ не тотъ, что въ оборотѣ «дождитъ». Въ послѣднемъ, какъ и въ *морозитъ*, *тошнитъ* и т. д., совсѣмъ пропало не только само подлежащее, но и то мѣсто въ грамм. мысли, гдѣ оно должно было бы находиться и гдѣ нѣкогда оно дѣйствительно и находилось. — Форма «дождь идетъ» могла бы заинтересовать насъ лишь въ томъ случаѣ, если бы мы задались цѣлью возстановить тотъ субъектный оборотъ, изъ котораго могъ возникнуть безсубъектный «дождитъ». Здѣсь лишній разъ подтверждается наше положеніе, что въ дѣлѣ классификаціи и выясненія степени безсубъектности того или другого оборота моментъ матеріальнаго содержанія (которое въ обоихъ — дождитъ и дождь идетъ — одинаково) никакого значенія не имѣетъ.

И такъ, въ абсолютно-безсубъектныхъ оборотахъ, какъ *дождитъ*, *морозитъ* и т. д., грамматическаго подлежащаго, т. е.

производителя признака, даннаго въ сказуемомъ, совсѣмъ нѣтъ. Изъ обихода грамматической мысли въ данномъ случаѣ исчезла сама точка, гдѣ нѣкогда находилось подлежащее, — и нѣтъ возможности его возстановить. Все вниманіе, вся грамматическая апперцепція сосредоточена на сказуемомъ, на признакѣ, въ немъ данномъ.—Не такъ стоитъ дѣло въ вышеприведенномъ мѣстѣ изъ «Собака» Тургенева. Здѣсь производитель признаковъ (завозиться, скрести, чесаться) отсутствуетъ, но его точка въ мысли имѣется и даже стремится проникнуть въ сознаніе. Она темна, но весь интересъ фразы въ томъ-то и состоитъ, чтобы эту точку освѣтить. Подлежащаго нѣтъ, но его ищутъ. Его ищутъ такъ настойчиво, что замѣститель въ родѣ «что-то», «оно» не удовлетворилъ бы. Хотятъ знать доподлинно, кто онъ такой — этотъ производитель данныхъ признаковъ, ищутъ его имени, его грамматической квалификаціи.

Это, стало быть, обороты не абсолютно-безсубъектные. Мы назовемъ ихъ *относительно-безсубъектными*.

Мы только-что говорили объ *исканіи* подлежащаго, о *стремленіи* или *потребности* узнать его и грамматически опредѣлить. Въ этомъ движеніи мысли въ сторону неизвѣстнаго подлежащаго нужно различать моментъ синтактическій и моментъ матеріальнаго содержанія. Послѣдній, опредѣляемый лексическимъ значеніемъ глаголовъ «завозиться», «скрести» и т. д., только указываетъ направленіе, въ которомъ въ данномъ случаѣ должны производиться поиски подлежащаго («думаю: крыса? Нѣтъ, не крыса: скребетъ...»). При другихъ лексическихъ значеніяхъ глаголовъ поиски производились бы въ другомъ направленіи, и результатъ ихъ оказался бы другимъ. Для насъ это безразлично. Но намъ важно отмѣтить присутствіе тутъ *чисто-синтактическаго момента*, состоящаго въ томъ, что въ обиходѣ грамматической мысли оставлено мѣсто для отсутствующаго подлежащаго, и что здѣсь сказывается стремленіе заполнить это мѣсто; въ сознаніи (и именно — въ *грамматическомъ*), можно сказать, подлежащее уже есть въ возможности, но только какъ

форма безъ содержанія, какъ вопросъ: кто? что? На этотъ вопросъ можно бы и сейчасъ отвѣтить, безъ дальнихъ хлопотъ,— мѣстоименіемъ неопредѣленнымъ.

Я нарочито взялъ рѣзкій примѣръ относительной безсубъектности, чтобы тѣмъ яснѣе очертить главный признакъ, на которомъ я строю самое понятіе относительной безсубъектности. Это именно — сохраненіе за подлежащимъ его мѣста въ процессѣ грамматической мысли и возможность апперцепціи подлежащаго въ сознаніи. Если же этой возможности нѣтъ, — оборотъ долженъ быть признанъ абсолютно-безсубъектнымъ.

Изъ существа дѣла вытекаетъ то, что степени относительной безсубъектности могутъ быть весьма различны, и слѣдов. въ языкѣ мы найдемъ цѣлый рядъ разновидностей относительно-безсубъектныхъ оборотовъ. Нѣкоторыя — важнѣйшія — изъ нихъ мы разсмотримъ ниже. А теперь постараемся разобраться въ вопросѣ о томъ,—всегда-ли и вполнѣ-ли одинакова *абсолютная* безсубъектность, или же и здѣсь можно найти кое-какіе оттѣнки?

III.

Такой оттѣнокъ я усматриваю въ нѣм. оборотахъ съ *es* и франц. съ *il*.

Нѣтъ сомнѣнія, что эти *es* и *il* (въ данныхъ оборотахъ) не являются мѣстоименіями: никакихъ именъ они здѣсь не замѣняютъ, а только исполняютъ особую синтактическую миссію, а именно указываютъ на то, что въ грамм. мысли еще какъ бы чувствуется (хотя и очень слабо) та точка, гдѣ должно было бы находиться подлежащее, и вмѣстѣ съ тѣмъ на то, что говорящій ничуть не заинтересованъ (грамматически) въ томъ, чтобы подлежащее въ самомъ дѣлѣ тамъ проявилось; даже болѣе: *es* и *il* обозначаютъ, что, по глубокому (если позволено такъ выразиться) *грамматическому* убѣжденію говорящаго, подлежащее и

не можетъ тамъ проявиться, что оно — въ этихъ оборотахъ — совсѣмъ и навсегда исчезло. Мы будемъ называть эти *es* и *il* *псевдомпстоименіями* и *мнимыми синтактическими величинами.*

Здѣсь будетъ у мѣста припомнить важнѣйшія черты изъ исторіи оборота.

Въ готскомъ нѣтъ соотвѣтственныхъ формъ съ мѣстоименіемъ *ita*. Иначе говоря, готское *ita* не выступаетъ еще въ роли псевдомѣстоименія, въ качествѣ мнимой синтактической величины. Да и соотвѣтствующія предложенія тамъ часто еще субъектны: Ioh. XVIII, 18, unte *kald* vas — ὅτι ψῦχος ἦν, гдѣ *kald* есть прилагательное-существительное ср. р. въ значеніи «die Kälte»; оно равносильно греческому сущ. ψῦχος и, какъ и послѣднее, является въ синтактической роли подлежащаго. Готскія безсубъектныя Luc. XVII, 29, *rignida* svibla yah funin... (pluit sulphure et igne) — ἔβρεξε πῦρ καὶ θεῖον (субъектно), — Matth. VI, 7: ...þugkeiþ im... (videtur eis...) — Matth. IX, 17: ...yah baioþum *gabairgada* (et ambobus consulitur) — καὶ ἀμφότερα συντηροῦνται (субъектно), — Ioh. VI, 35: *þaúrseiþ* mik — διψῶ, — Joh. VII, 37: jabai hvana *þaúrsjai*.... ἐάν τις διψᾷ (но Cor. I, 4, 11 þaúrsiþs visan указываетъ на субъектную форму), — Luc. XIX, 11 ...yah *þuhta* im (et visum est iis) — διὰ το δοκεῖν αὐτοὺς... Rom. 12,20: *gredoþ* mik — πεινῶ, — Luc. I, 3: *galeikaida* jah mis.... meljan — ἔδοξε κἀμοὶ ...γράψαι... и другія, въ противуположность современнымъ нѣмецкимъ, не имѣютъ мѣстоим. *ita*, такъ что напр. *rignida* = не es regnete, а = *regnete. Впервые псевдомѣстоименіе появляется въ др. - верх. - нѣм. (iz): *iz âbandêt* — vesperascit, но оно можетъ и отсутствовать. Приведу свѣдѣнія, сюда относящіяся, изъ «Grundzüge der Deutschen Syntax» Osk. Erdmann'а (1886 г.), I, 6 — 7: Ahd. steht die 3 sg. ohne Pronomen oft unpersönlich; bisweilen zeigt sich neben ihr ein *iz*, das entweder als Subjectsnominativ (eine Sache als Träger der Handlung andeutend), oder als bloss formale Ergänzung des Satzes gefasst werden kann. Мнѣ кажется, разъ въ гот. имѣ-

емъ уже абсолютно-безсубъектные обороты, какъ rignida, þuhta и проч., безъ *ita*, а въ др.-в.-нѣм. на ряду съ формами, заключающими въ себѣ *iz*, извѣстны формы безъ онаго, и вообще это *iz* является необязательнымъ, то едва ли можно говорить о немъ, какъ о *Subjectsnominativ*'ѣ, и слѣдуетъ видѣть въ немъ только *formale Ergänzung des Satzes*, т. е. то, что̀ мы называемъ мнимой синтактической величиной.—По направленію къ новому времени употребленіе псевдомѣстоименія все расширяется. Оно уже очень употребительно въ ср.-в.-нѣм.: ez âbandet, ez regent, отсутствуя (не всегда, впрочемъ) въ тѣхъ случаяхъ, когда дополненіе стоитъ передъ глаголомъ (mich durstet); такъ это въ новомъ нѣмецкомъ. Чередованіе *es hungert mich* и *mich hungert* показываетъ, что *es* есть указаніе или намекъ не на подлежащее, а только на его мѣсто въ грамм. мысли, и этотъ намекъ такъ слабъ и блѣденъ, что грамм. мысль ничего не имѣетъ противъ появленія на указанномъ мѣстѣ дополненія вмѣсто подлежащаго, которое все равно появиться здѣсь не можетъ. Этимъ лишній разъ оттѣняется синтактическая мнимость *es*, которая, съ другой стороны, получаетъ нѣкоторое освѣщеніе черезъ сопоставленіе съ *es* въ роли формальнаго дополненія, напр. въ *es treiben* (wie man es treibt....). *H. Paul* (Mittelhochdeutsche Grammatik, стр. 82) говоритъ: wie ëz als formelles subject des unpersönlichen satzes fungiert, so kann es auch für ein ganz unbestimmtes object gebraucht werden, напр. *ëz rûmen* (platz machen, sich entfernen), ëz *heben* (den anfang machen), *ëz wol tuon*, *ëz guot tuon* (sich auszeichnen) и т. д. Нетрудно видѣть, что здѣсь *ëz* въ роли формальнаго дополненія есть синтактическая величина совершенно мнимая: оно лишь указываетъ на ту—темную—точку въ грамм. мысли, гдѣ должно было бы проявиться дополненіе, если бы оно было; оно (ëz) указываетъ также и на то, что этого дополненія нѣтъ. И здѣсь *ëz* есть такое-же *псевдомѣстоименіе*, какъ и въ роли такъ называемаго «формальнаго подлежащаго». Мнимость этой синтактической величины явственно обнаруживается еще тѣмъ, что часто нельзя съ полной увѣренностью опредѣлить, чье

мѣсто она замѣщаетъ,—мѣсто ли подлежащаго, или дополненія, или обстоятельства. Такъ въ *ihn jammert es* (въ противоположность *ihn jammert des Volkes*[1]) можно, если не ошибаюсь, колебаться между пониманіемъ *es*, какъ «формальнаго субъекта», и его пониманіемъ, какъ формальнаго дополненія. Въ *es wurde (hart) gekämpft* Эрдманнъ склоненъ понимать *es*, какъ (фиктивное) нарѣчіе (обстоятельство): «in diesen Fällen diente das *es*, welches vielleicht nicht als Nominativ, sondern als accusativisches Adverb aufzufassen ist, nur zur formalen Ergänzung des Satzes...» (ib., стр. 8).

Это колебаніе, это какъ бы перескакиваніе *es* изъ одной категоріи въ другую служитъ характернымъ признакомъ того, что̀ мы называемъ синтактической мнимостью. Сюда же нужно отнести и плеонастическое употребленіе *es*: *es* ist ein Gott, *es* war einmal ein König. Это — какъ бы фикція безсубъектности или поддѣлка субъектнаго оборота подъ безсубъектный (по обращику *es giebt*...). Возможность такой «поддѣлки» ясно показываетъ, что *es* не является выраженіемъ опредѣленнаго синтактическаго момента, что оно — форма безъ содержанія, т. е. величина мнимая.

Во французскомъ псевдомѣстоименіе *il* изрѣдка встрѣчается уже въ древнѣйшихъ текстахъ, но рядомъ и чаще мы находимъ тамъ безсубъектные обороты безъ *il*, при чемъ послѣдніе представляются болѣе примитивными. Извѣстный оборотъ *il y a* въ древнѣйшихъ текстахъ лишь крайне рѣдко содержитъ въ себѣ псевдомѣстоименіе *il*, которое утвердилось въ немъ не раньше XII-го в.—Приведу обращики изъ «Chanson de Roland».

Оборотъ *il y a*... безъ псевдомѣстоименія *il* и безъ нарѣчія *y*:

Envirun lui *ad* plus de vint milie humes (стихъ 13) — «вокругъ него есть (имѣется) болѣе 20 тыс. человѣкъ».

Set anz *ad* pleins... (197) — «прошло 7 полныхъ лѣтъ...».

---

1) Примѣръ взятъ у Erdmann'a (o. c., стр. 7—8).

Meillur vassal *n'aveit* en la curt nul. (232) — «не было лучшаго вассала при дворѣ».

Un faldestoel *out* suz l'umbre d'un pin... (407) — «былъ тронъ подъ тѣнью сосны».

Noble barun *ad* ci! (467) — «Вотъ это благородный баронъ!».

N'*ad* tel vassal... (545) — «нѣтъ такого вассала...».

Meillur vassal n'*out* en la curt de lui (775) — «лучшаго вассала не было при его дворѣ».

N'*ad* plus felon... (910) — «нѣтъ (человѣка) болѣе беззастѣнчиваго...».

En tel bataille n'*ad* cure de bastun (1361) — «въ такомъ сраженіи нужны не палки, а...».

Sunez vos graisles tant que en ceste ost *ad* (2110) — «трубите въ рога, сколько ихъ есть въ этомъ войскѣ».

Suz ciel n'*ad* gent que... (3031) — «подъ небомъ нѣтъ народа, котораго...».

Оборотъ, какъ извѣстно, возводится къ народному и позднему латинскому *habet* съ вин.: habet hominem = др. фр. ad home (вин.). Безсубъектность оборота уже въ латинской формѣ несомнѣнна. И когда стали вводить въ его франц. форму псевдомѣстоименіе *il*, этому послѣднему уже нечего было замѣнять: подлежащаго давно уже тамъ не было.

Раньше мѣстоименія *il* было введено сюда нарѣчіе *i*, которое сперва могло и не быть мнимымъ. Въ слѣдующихъ примѣрахъ оно болѣе или менѣе явственно сохраняетъ свое обстоятельственное значеніе:

Des Francs de France en *i ad* plus de mil (178) — «*тамъ* (или *здѣсь*) есть (имѣется на-лицо) болѣе 1000 французовъ изъ Франціи».

N'*i ad* celui ki mot sunt ne mot tint... (411) — буквально: «нѣтъ *тамъ* (*тутъ*, среди 1000 сарацинъ, о коихъ говорится въ предыдущемъ стихѣ 410-мъ) такого, который бы произнесъ слово или провозгласилъ слово...».

Un faldestoel *i out* d'un olifant (609) — «тамъ былъ тронъ изъ слоновой кости».

Un amirafle *i ad* de Balaguer (894)—«*тамъ* есть одинъ эмиръ изъ Балагера».

Un almaçur *i ad* de Moriane (909)—«*тамъ* есть одинъ альмасуръ изъ Моріаны».

Pierre n'*i ad* que tute ne seit neire (982)—«*тамъ* нѣтъ камня, который весь не былъ бы чернымъ». Обстоятельственное значеніе нарѣчія *i* въ этомъ стихѣ съ совершенною очевидностію явствуетъ изъ таковаго же значенія *i* въ двухъ стихахъ, непосредственно предшествующихъ (980, 981), гдѣ нар. *i* стоитъ при другихъ глаголахъ въ оборотахъ субъектныхъ: Soleilz n'*i* luist, ne blez n'*i* poet pas creistre — Pluie n'*i* chiet, rusée n'*i* adeiset — «Солнце *тамъ* не свѣтитъ, ни хлѣбъ не можетъ *тамъ* расти, дождь *тамъ* не падаетъ, роса *тамъ* не касается (земли)».

Cel n'en *i ad* Munjoie ne demant (1482)—«*тамъ* нѣтъ между ними такого (человѣка), который не кричалъ бы: Munjoie!» [1]).

Cel n'en *i ad* ki ne criet: Marsilie! (1618) — «между ними (сарацинами) нѣтъ *тамъ* такого, который не кричалъ бы: Marsilie!» [2]).

Mult grant dulur *i ad* de chrestiens (1679) — букв. «очень большое страданіе *тамъ* (въ описываемомъ сраженіи) есть у христіанъ».

Mult grant damage *i out* de crestiens (1885) — букв. «очень большой ущербъ (уронъ) *тамъ* (въ описываемомъ сраженіи) былъ у христіанъ».

Vedeir puez les granz chemins puldrus,
Qu'asez *i ad* de la gent paienur (2426 — 2427) — букв.:
«Можете видѣть большія пыльныя дороги,
«Что довольно *тамъ* есть языческаго народа».

Livrent lur prez: assez *i ad* fresche herbe (2492) — «предо-

---

1) Военный крикъ и лозунгъ.
2) Имя сарац. царя.

ставляютъ имъ (конямъ) луга (пастбища): довольно есть *тамъ* (на этихъ лугахъ) свѣжей травы».

Grifuns *i ad* plus de trente milliers,

Nen *i ad* cel à Franceis ne se giet (2544—2545)—(Сонъ Карла: ему снятся разныя чудовища, въ томъ числѣ:)

«*тамъ* есть болѣе 30,000 грифоновъ,

«нѣтъ между ними (*i*,—всѣми этими чудовищами) такого, что̀ не бросилось бы на французовъ».

Cuntes e dux *i ad* bien ne sai quanz (2650)—(эмиръ сходитъ съ корабля, за нимъ слѣдуютъ 17 королей, а также:) «графовъ и дюковъ *тамъ* (въ этой свитѣ) есть много, не знаю сколько».

Jo ai cuntet n'*i ad* que set liwées—«Я сосчиталъ: всего *здѣсь* есть 7 льё».

Deus! tantes haustes *i ad* par mi brisiées (3386)—«Боже! столько копій *здѣсь* есть разломанныхъ пополамъ...».

N'en *i ad* cel sa lance n'i empleit (3418)—«нѣтъ между ними *тамъ* такого, который бы тамъ не дѣйствовалъ своимъ копьемъ».—Здѣсь обстоятельственное значеніе перваго *i* (при *ad*) подкрѣплено таковымъ же значеніемъ второго *i* (при empleit).

Des francs baruns *i ad* mult grant damage (3479)—букв. «*тамъ* (въ описываемомъ сраженіи)[1]) есть (происходитъ) очень большой уронъ у французскихъ бароновъ».

Doel *i avrat*... (3480)—«скорбь *тамъ* (въ томъ же сраженіи или, можетъ быть, въ этотъ день) будетъ...».

S'or *i ad* cel ki... (3669)—«если же *между ними* (*i*,—язычниками) есть (окажется) такой, который...».

Un en *i ad* à qui li altre entendent (3782)—«Одинъ между ними (en) *тамъ* есть, которому повинуются другіе».

Asez *i ad* Alemans... (3795)—«много *тамъ* есть нѣмцевъ...».

Nen *i ad* cel... (3805)—«нѣтъ *между ними* (*i*) такого...».

---

1) Или (судя по контексту), можетъ быть, «въ этотъ день».

Trente en *i ad* d'icels... (3958) — «30 изъ нихъ *тамъ* есть такихъ (что были повѣшены)». — Здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ, сочетаніе *en i*, повидимому, приводитъ не къ ослабленію, а скорѣе къ усиленію значенія *i*.

Въ другихъ случаяхъ это нар. *i* уже лишено опредѣленнаго обстоятельственнаго значенія, и оборотъ *i ad* равносиленъ одному *ad* — «есть», «имѣется». Напр.:

Tant ne l'vus sai ne preisier ne loer

Que plus n'*i ad* d'honur e de bontet (533—534)—«я не умѣю достаточно оцѣнить его передъ вами и восхвалить, потому что *нѣтъ* больше чести и доброты» (т. е. ни у кого больше, чѣмъ у него, Карла). Ясно, что *i* не значитъ напр. «здѣсь» или «въ немъ», и вообще никакого, сколько-нибудь замѣтнаго, обстоятельственнаго значенія придать ему нельзя.

N'*i ad* paien ne l'prit e ne l'aürt (854) — «*нѣтъ* язычника (не спеціально «тутъ» или «тамъ», а вообще), который бы не молился ему и не почиталъ бы его (Магомета)».

N'*i ad* paien de tel chevalerie (960) — «нѣтъ (вообще) язычника столь рыцарственнаго духа (какъ Маргаритъ Севильскій)».

Morz est li quens, de sun tens n'*i ad* plus (1560) — «умеръ графъ, его жизни (букв. времени) нѣтъ больше» (отъ его времени [жизни] ничего не осталось).

Se Carles vient, de nus *i avrat* perte (2117) — «если Карлъ пріидетъ, будетъ наша гибель (мы погибли)».

N'*i ad* Franceis, se à lui vient juster,

Voeillet o nun, n'i perdet sun edet (3169 — 3170) — «*Нѣтъ* (вообще) (такого) француза, который, если бы явился сразиться съ нимъ, волей-неволей не потерялъ бы своей жизни».

N'*i ad* Franceis ki... (3789)—«нѣтъ (вообще) француза, который...».

Qu'il fiert à colp, de sun tens n'*i ad* mais (3840) — «Кого онъ поразитъ ударомъ, у того ужъ нѣтъ болѣе жизни (времени)».

Псевдомѣстоименіе *il* въ разсматриваемомъ оборотѣ попадается крайне рѣдко. Мнѣ удалось отмѣтить лишь слѣдующіе три случая:

Il nen *i ad* ne veie ne sentier...

. . . .

Que *il* n'*i ait* o Franceis o paien (2399—2401).

«Нѣтъ ни дороги, ни тропинки... гдѣ бы не было (труповъ) французовъ или язычниковъ».

Il nen *i ad* chevalier ne barun

Que de pitiet mult durement ne plort (2418—2419).

«Нѣтъ ни рыцаря, ни барона, который бы отъ жалости не плакалъ горько».

Нѣсколько чаще встрѣчается *il* въ другихъ безсубъектныхъ оборотахъ, именно при *poet*, *cuvient*, *estoet* и проч. Напр.: *Il* ne *poet* estre qu'il seient desevret (3913)—«не можетъ быть (случиться), чтобы они (сражающіеся) были разлучены». [Но тутъже, 3914: seinz hum mort ne *poet* estre afinet—«безъ смерти человѣка (одного изъ нихъ) не можетъ (дѣло, безсуб.) окончиться», гдѣ нѣтъ *il*].—*Il* est *jugiet* que nus les ocirun (884)—«рѣшено, что мы ихъ убьемъ».—De cele part n'*estoet il* rien douter (LXXI, 3)—«съ этой стороны нечего опасаться».—Cument qu'*il seit* (3522)—«что̀ бы ни было».—Очень можетъ быть, что въ этихъ оборотахъ *il* еще сохраняло (иногда) долю мѣстоименнаго значенія.

При оцѣнкѣ синтактической роли этого *il* (въ безсуб. предложеніяхъ) нужно принять въ соображеніе слѣдующія данныя.

Не взирая на аналогію съ нѣм. *es* (il pleut = es regnet), романисты отказываются видѣть въ формѣ *il* мѣстоименіе *средняго рода* и возводить его къ лат. *illud*. Послѣднее должно было бы дать* *el* (а не *il*). *Il* можно вывести изъ лат. (поздняго) *illi*, передѣланнаго изъ *ille* по аналогіи съ *qui*. Стало быть, этимологически *il* является формою муж., а не средн. рода. *A. Darmestéter* называетъ его поэтому «un neutre logique et non un neutre grammatical». («Cours de grammaire historique de la lan-

gue française», II, 105) и объясняетъ, какъ это дѣлаютъ и другіе (Brunot, «Précis de grammaire historique de la langue française»[3], стр. 456), его появленіе въ безсубъектныхъ предложеніяхъ въ XII в. тѣмъ, что въ эту эпоху возникло обыкновеніе ставить личныя мѣстоименія вообще при глаголахъ, что̀ раньше не было обязательно. «Du jour où l'on dit *il vient*, *il débarque*, il dut paraître dur de dire *pleut*, *i a gens* (Darm. ib.). Тѣмъ не менѣе въ безсубъектныхъ оборотахъ формы безъ *il* продолжаютъ употребляться довольно часто — вплоть до XVI вѣка.

Само по себѣ это объясненіе представляется мнѣ довольно правдоподобнымъ. Но оно недостаточно: если внести сюда одну, на первый взглядъ, лишь терминологическую поправку, то весь вопросъ окажется значительно сложнѣе и потребуетъ болѣе глубокаго изслѣдованія. *Ars. Darmesteter* (какъ вообще французскіе ученые) называетъ *логическимъ* то, что̀ никоимъ образомъ къ логическому мышленію не относится и цѣликомъ умѣщается въ предѣлахъ мышленія грамматическаго. Въ логическомъ мышленіи нѣтъ грамматическихъ категорій вообще, и всего менѣе можно разсчитывать найти тамъ такую, какъ напр. *средній родъ именъ и мѣстоименій*. Поэтому, выраженіе «un neutre logique» есть «contradictio in adjecto». И если *il* въ безсубъектныхъ оборотахъ воспринимается сознаніемъ какъ *средній родъ*, то это сознаніе есть *грамматическое, а не логическое*. Мы скажемъ такъ: *этимологически il* (въ безсубъектныхъ оборотахъ) возводится не къ лат. *illud* сред. р., а, положимъ, къ **illi* (изъ *ille*) муж. р., но это только вопросъ его происхожденія, — *синтактически* же оно безспорно представляетъ собою *форму средняго рода*. И, конечно, при первомъ же появленіи своемъ въ разсматриваемыхъ оборотахъ оно уже ощущалось какъ средній родъ, а не мужескій. Это, конечно, въ нѣкоторой степени ослабляетъ силу той аналогіи съ употребленіемъ мѣстоименій личныхъ при глаголахъ, вліянію которой приписываютъ его появленіе въ безсубъектныхъ предложеніяхъ: *il* vient значитъ *er* kommt, но *il* pleut всегда значило *es* regnet. Тѣмъ не менѣе, я не буду отрицать

этого вліянія «личныхъ» глаголовъ на «безличные»; оно могло имѣть мѣсто, въ особенности — въ виду внѣшняго совпаденія обоихъ *il*. Но *главная* причина появленія *il* въ безсубъектныхъ предложеніяхъ скрывается не тутъ.

Мѣстоименія сред. р., какъ синтактическая категорія, уже существовали во франц. языкѣ въ первое же время его обособленія. Вторженіе одного изъ нихъ въ безсубъектные обороты не было сперва синтактической необходимостью, какъ и въ нѣмецкомъ; оно совершалось спорадически и постепенно, въ силу смутнаго, безотчетнаго стремленія говорящихъ отмѣтить въ грамматической мысли точку отсутствующаго подлежащаго. Это стремленіе вытекало изъ того, что, при всей абсолютной безсубъектности оборотовъ, въ нихъ еще чувствовалось—не самое подлежащее, — а его мѣсто. Въ этомъ я и вижу нѣкоторый оттѣнокъ въ абсолютной безсубъектности оборотовъ съ псевдомѣстоименіемъ сравнительно съ тѣми, въ которыхъ послѣдняго нѣтъ. Со стороны матеріальнаго содержанія между тѣми и другими формами нѣтъ никакой разницы, и напр. «морозитъ», gelat выражаютъ то же самое, чтò и *es friert*, *il gèle*. Различіе между ними только формальное синтактическое. Для практическихъ цѣлей рѣчи (для обмѣна мыслью) это различіе никакого значенія не имѣетъ. Но въ психологіи языка, въ общемъ развитіи грамматическаго мышленія и въ сферѣ отношеній послѣдняго къ мышленію высшему, надграмматическому созданіе новаго оборота, новой синтактической формы, новой морфологической категоріи являются фактами первостепенной важности. Въ данномъ случаѣ, т. е. въ вопросѣ о грамматической безсубъектности, мы имѣемъ дѣло съ устраненіемъ подлежащаго. Этотъ процессъ по праву долженъ быть разсматриваемъ, какъ одно изъ любопытныхъ проявленій общаго движенія грамматической мысли, развивающейся (какъ это впервые раскрыто глубокими изслѣдованіями Потебни) въ направленіи отъ мышленія грамматическими категоріями субстанціи (имени) къ мышленію грамматическими категоріями дѣйствія, дѣятельности, процесса (глагольными и

оглаголенными формами). Эта грамматическая эволюція, совершающаяся въ языкахъ со временъ незапамятныхъ, служитъ естественнымъ психологическимъ основаніемъ для аналогичной эволюціи высшаго, надграмматическаго мышленія, гдѣ мы явственно наблюдаемъ постепенный, вѣками совершающійся переходъ отъ категоріи «субстанціи» къ категоріи «процесса», отъ идеи матеріи къ идеѣ силы. Внутренняя, психологическая связь между высшимъ (логическимъ) мышленіемъ и грамматическимъ есть одинъ изъ основныхъ и важнѣйшихъ вопросовъ психологіи мысли. Онъ не только еще очень далекъ отъ рѣшенія, но даже не получилъ еще первоначальной постановки, безъ которой нельзя начать разрабатывать его. Въ интересахъ такой постановки я считалъ бы нелишенною значенія мысль, гласящую такъ: *логическое мышленіе развивается и организуется на счетъ умственной силы, сберегаемой въ мышленіи грамматическомъ.*

Къ числу процессовъ, сберегающихъ умственную силу, нужно отнести въ языкахъ появленіе *грамматическихъ фикцій и мнимыхъ величинъ* и затѣмъ *устраненіе* въ томъ или иномъ оборотѣ *той или иной грамматической категоріи:* фикціи и мнимыя величины суть такія формы грамматической апперцепціи, въ которыхъ *сознательная* сторона процесса (являющаяся по преимуществу *тратою* силы) доведена до извѣстнаго минимума,—устраненіе же категоріи есть устраненіе самой апперцепціи, а, стало быть, и сопряженной съ нею траты, хотя бы и минимальной. Съ этой точки зрѣнія, обороты «морозитъ», «свѣтаетъ», *diluculat*, *gelat*, *rorat* и т. д. представляются болѣе совершенными, больше сберегающими, чѣмъ *il pleut*, *il gèle*, *es regnet* и т. д., гдѣ даны мнимыя величины. Но, я думаю, такое впечатлѣніе обманчиво. Въ этомъ вопросѣ нужно сперва отдѣлить современные (славянскіе, итальянскіе и др.) обороты безъ псевдомѣстоименій отъ совпадающихъ съ ними по внѣшности древнихъ (латин., греч., санскр. и др.), относительно которыхъ мы не можемъ съ полной увѣренностью утверждать, что они не были — въ практикѣ рѣчи—мысли сопровождаемы, хотя бы и смутнымъ,

представленіемъ миѳическаго дѣятеля. Объ этомъ у насъ будетъ рѣчь ниже. Далѣе, ограничиваясь современными безсубъектными оборотами типа «морозитъ», абсолютная безсубъектность которыхъ внѣ сомнѣнія, и сравнивая ихъ съ оборотами типа «es regnet», «il pleut», мы должны, прежде чѣмъ вынести синтактическій приговоръ о тѣхъ и другихъ съ вышеуказанной точки зрѣнія, сперва вникнуть нѣсколько глубже въ роль и значеніе мнимыхъ величинъ. *Цѣнность для мысли мнимыхъ грамматическихъ величинъ сводится не только къ тому, что онѣ мало тратятъ, но также и по преимуществу къ тому, что, тратя мало, онѣ дѣлаютъ много.* Какую именно работу исполняютъ *es* и *il* въ данныхъ оборотахъ, — это мы старались разъяснить выше: они далеко не «безмолвствуютъ», и ихъ отнюдь нельзя упрекнуть въ «ничего не дѣланіи», — нѣтъ, — они «говорятъ», что слѣдъ мѣста отсутствующаго подлежащаго еще ощущается, но что этого подлежащаго нѣтъ и не нужно, — далѣе, своею формою *псевдомѣстоименія средняго рода* они *рѣшительно отрицаютъ* это подлежащее, какъ дѣятеля[1]), — наконецъ, становясь на его мѣсто, такъ сказать, обрываютъ нить традиціи, восходящей къ миѳическому дѣятелю, болѣе рѣшителвно, чѣмъ это дѣлаетъ оборотъ безъ псевдомѣстоименія простымъ устраненіемъ подлежащаго. Замѣтимъ между прочимъ, что даже послѣдній оборотъ, не содержа въ себѣ мнимой величины — псевдомѣстоименія, не обходится однако безъ извѣстной *фикціи*, именно — фикціи *средн. рода: морозитъ — морозило.* Здѣсь какъ разъ у мѣста будетъ вспомнить о спорадическихъ попыткахъ кое-гдѣ въ славянскихъ языкахъ ввести псевдомѣстоименіе, какъ въ разсматриваемый оборотъ, такъ и въ другіе. Уже Миклосичъ отмѣтилъ въ нижнелуж. формы, какъ *wono* jo wosym wotbito — es hat acht uhr geschlagen (Vergl. Synt., стр. 352 и «Subjectlose Sätze», стр. 44). Это приписываютъ вліянію нѣмецкаго, съ чѣмъ, повидимому, согласны Потебня («Изъ Зап.» III, 405) и Ягичъ («Beiträge zur

1) Потебня: «Средній родъ, какъ отрицаніе, знаменуетъ.:. новый шагъ мысли... («Изъ Записокъ» III, стр. 404; ср. все мѣсто, стр. 403—406).

slavischen Syntax», Denkschriften der K. Акад. d. Wiss., Wien 1900, XLVI B., стр. 14: Es ist ein Beweis fremder Denk- und Ausdrucksweise, wenn auch in einigen slavischen Sprachen zum Verbum noch *wono*, *ono*, *to* hinzugefügt wird). Но фактъ иноземнаго вліянія нисколько не подрываетъ психологическаго значенія самого процесса. Если лужичанинъ говоритъ *wono so błyska* и *wono hrima* не въ силу слав. традиціи, а въ силу подражанія нѣмецкимъ *es blitzt* и *es donnert* (Ягичъ, l. c.), то это ничуть не мѣшаетъ лужицкому *wono* исполнять ту же грамматическую роль и оказывать тѣ же услуги мышленію, какую играетъ и какія оказываетъ нѣмецкое *es*. Подражаніе и заимствованіе — училъ Потебня — есть только особый видъ творчества. Но, помимо того, мы имѣемъ въ малорусс. псевдомѣстоименіе *воно*, появившееся тамъ независимо отъ чужихъ вліяній. Потебня приводитъ: «*воно* сёму правда», «*воно* такъ и е», «Под бѣлою березою козаченьку вбито, — *Ено* его вбито да закинуто въ жито», а также указываетъ на употребленіе «*оно*» у Гоголя («*Оно*, конечно, домашнимъ хозяйствомъ заводиться всякому *похвально*...» и др., l. c. 405). Ягичъ приводитъ: «какъ подумаешь объ жизни, объ своей, такъ *оно* и выходитъ, что своя рубашка къ тѣлу ближе». — Онъ указываетъ также на аналогичные случаи (съ *to*) въ чешскомъ, гдѣ они признаются германизмами.

Самобытно-ли, или подъ иноземнымъ вліяніемъ возникаютъ такія явленія, они во всякомъ случаѣ знаменательны. Они показываютъ, что мнимыя величины (въ частности псевдомѣстоименіе) — это нѣчто нелишнее, желательное и полезное въ экономіи грамматическаго мышленія.

Въ разсмотрѣнныхъ выше безсубъектныхъ оборотахъ съ псевдомѣстоименіями *es*, *il*, *wono*, *воно*, *оно* эти мнимыя величины дѣлаютъ въ своемъ родѣ большое дѣло, но совершенно незамѣтно, необременительно для сознанія, и тратятъ, повидимому, только тотъ минимумъ силы, какой нуженъ для ихъ артикуляціи.

IV.

Теперь обратимся къ явленію *относительной безсубъектности*. Мы не задаемся цѣлью обозрѣть это явленіе во всемъ объемѣ его и выяснить его роль и значеніе въ экономіи грамматическаго мышленія. Наша задача ограничивается пока разсмотрѣніемъ лишь немногихъ разновидностей оборота въ интересахъ лучшаго выясненія самого понятія относительной безсубъектности.

Сюда, какъ я думаю, нужно отнести такъ назыв. «неопредѣленно-личныя» предложенія, каковы съ одной стороны наши «говорятъ», «пишутъ», «здѣсь не курятъ», «тише ѣдешь—дальше будешь» и т. д., а съ другой — нѣмецкіе съ *man* (*man sagt*) и франц. съ *on* (*on dit*).

Эти обороты я считаю не абсолютно—, а *относительно* — безсубъектными потому, что, очевидно, есть замѣтная разница, по синтактическому смыслу и характеру, между «говорятъ» и «морозитъ», между *man sagt* и *es regnet*, между *on dit* и *il pleut*. Въ *морозитъ, es regnet*, *il pleut* подлежащаго совсѣмъ нѣтъ,— въ нихъ дѣятель, производящій признакъ, данный въ сказуемомъ, отсутствуетъ и даже отрицается, такъ что здѣсь немыслимъ вопросъ: кто? что? — Иную картину являютъ намъ такъ назыв. «неопредѣленно-личныя» предложенія. При «говорятъ», *man sagt*, *on dit* вопросъ «кто?», можетъ быть, излишенъ, но далеко не невозможенъ. Мало того, эти обороты (если не ошибаюсь, въ особенности французскій съ *on*) нерѣдко употребляются въ значеніи, которое уже не можетъ быть названо «неопредѣленно-личнымъ», но соединено съ представленіемъ вполнѣ опредѣленнаго лица; такъ по-французски можно сказать *on va lire* въ смыслѣ «мы (здѣсь присутствующіе, или вы да я) будемъ читать»; ребенокъ говоритъ другому: *on va jouer?* — «будемъ играть?»—Въ такихъ случаяхъ подлежащее, замѣщенное мѣсто-

именіемъ *on*, отсутствуетъ только внѣшнимъ образомъ; оно не исчезаетъ изъ сознанія говорящаго и дано тамъ въ формѣ опредѣленнаго представленія; но только говорящій оставляетъ это представленіе какъ бы въ тѣни, и здѣсь оно еще тусклѣе, чѣмъ въ *nous* allons lire (jouer); интересъ грамматической мысли сосредоточенъ въ сказуемомъ, и поскольку такое сосредоточеніе ведетъ къ затемненію подлежащаго, постольку эти формы перестаютъ быть субъектными въ собственномъ смыслѣ.—Такъ-же точно и при неопредѣленно-личномъ употребленіи этихъ оборотовъ ихъ относительная безсубъектность сводится къ *обходу* (а не устраненію или исчезновенію) подлежащаго. Этотъ *обходъ* въ нашихъ «говорятъ», «просятъ не курить» сказался формальнымъ опущеніемъ подлежащаго, а въ *man sagt*, *on dit*—замѣною существительныхъ Mann и homme (hum) возникшими изъ нихъ неопредѣленными мѣстоименіями *man* и *on*. Отъ абсолютно-безсубъектныхъ «морозитъ» и пр. относительно-безсубъектные типа «говорятъ» отличаются еще тѣмъ, что въ нихъ нѣтъ фикціи *средняго рода;* нѣмецкіе съ *man* и франц. съ *on* въ свою очередь отличаются отъ абсолютно-безсубъектныхъ съ *es*, *il* тѣмъ, что въ нихъ нѣтъ *мнимой величины: man* и *on*—не псевдомѣстоименія, а *настоящія* мѣстоименія.

Обходъ подлежащаго можетъ имѣть весьма различный смыслъ, и побужденія, къ нему приводящія, бываютъ крайне разнообразны, но конечный результатъ во всѣхъ случаяхъ сводится къ одному: *къ сбереженію извѣстной части умственной силы черезъ опущеніе грамматической апперцепціи подлежащаго.*

Въ ряду побужденій къ обходу подлежащаго отмѣтимъ:

1) *Ненадобность опредѣленнаго обозначенія дѣятеля:* «говорятъ», «просятъ не курить», «здѣсь не курятъ» и т. д.; «И бысть дорогъвь Новегородѣ: и *купляху* кадь ржи по 4 гривнѣ...» (1-я Новг. л., подъ 1170 г.); «томь же лѣтѣ *заложиша* церковь» (Тамъ же, п. 1172 г.).

2) *Умолчаніе* о дѣятелѣ, оттѣняющее мысль, что онъ неизвѣстенъ, скрытъ, таинственъ; этотъ оттѣнокъ ясно сказывается въ оборотахъ, передающихъ слухи, толки, вѣсти, неизвѣстно кѣмъ пущенные, откуда и какъ распространившіеся, напр.: «.... въ 23 того же мѣсяца пополошишася людье [*субъектно*, чѣмъ еще рѣзче оттѣняется непосредственно слѣдующее:] *сългаша* бо [*безсубъектно*: не тѣ-же *людье*, а неизвѣстно кто, какіе-то злоумышленники], яко Святопълкъ у города съ Пльсковици....» (1-я Новг. л. п. 1138 г.).

3) *Умолчаніе* о дѣятелѣ въ силу того, что онъ достаточно ясенъ изъ матерьяльнаго значенія сказуемаго. Сюда принадлежитъ извѣстная въ нашихъ старинныхъ грамотахъ формула «*пишетъ*», напр.: «...а восе, господине (судья), грамота (на которую ссылается одна изъ тяжущихся сторонъ) передъ тобою, и судия взритъ въ грамату и въ грамотѣ *пишетъ*....» (Лихачевъ, Сборникъ актовъ, стр. 132). При «пишетъ» субъектъ, конечно, не «судья», а подразумѣвается лицо, писавшее грамоту; оно, въ данномъ случаѣ, само по себѣ не важно, а важно только то, что̀ написано въ грамотѣ. Этотъ оборотъ можно сопоставить съ современными «въ грамотѣ пишутъ», или «въ грамотѣ написано», но, по характеру или степени относительной безсубъектности, онъ все-таки разнится отъ нихъ тѣмъ, что форма *единственнаго числа* глагола дѣйств. невольно должна была направлять мысль въ сторону подлежащаго. Приведу еще нѣсколько образчиковъ этой формы: «И писци возрилис(ь) в грамоты, и в купчей грамоте *пишетъ*: се яз...» (тамъ же, стр. 138; правая грам. 1505 г.).— «А в жаловальной грамоте *пишетъ*... (тамъ же).— И судьи возрятъ въ список и въ спискѣ *пишетъ*: по великого князя грамотѣ...» (тамъ же 156; 1529 г.).—«И судья возрѣв грамоту и въ грамотѣ *пишетъ*: си суд судил Михаило...» (тамъ же 157).— «И судьи возрят в список з грамоты, и в списку *пишетъ*: по великого князя слову...» (тамъ же 168).—«И судьи велѣли передъ собою списокъ чести, и въ списку *пишетъ*: лѣта 7030 седмаго...» (тамъ же 177. Пров. Грам. 1530 г.).—«И судьи возрили в ду-

ховную грамоту и в духовной *пишетъ*: благословилъ есми...» (тамъ же, 182; Пр. Грам. 1531 г.).—Встрѣчается и чередованіе съ страдательнымъ оборотомъ: «И писцы велѣли перед собою грамоту чести и в грамоте *пишет*» (стр. 206), а далѣе: «И царь и великіи князь велѣл передъ со бою грамоту чести; и в грамоте *написано*: царь и великіи князь...» (стр. 212. Прав. Грам. 1551 г.).—«И Данило Романовичъ, выслушев сѣ два списка, вспросил обоих истцев: был лы вам таков суд, какъ въ сѣх обоих списках *пишетъ*? И оба истцы сказали, что им обоим истцем суд таков был, как в сѣх спискех *писано* (тамъ же, 231).

Такія чередованія показываютъ, что данный оборотъ становился все безсубъектнѣе. Но первоначально его безсубъектность была очень относительна,—можно сказать, она была лишь кажущеюся, какъ въ соотвѣтственныхъ греческихъ оборотахъ, отзывающихся большой архаичностью, напр.: ἐπειδὰν δὲ σημήνῃ τῷ κέρατι (Anab. II, 2, 4),—ἐπεὶ ἐγίγνωσκον αὐτοὺς οἱ Ἕλληνες βουλομένους ἀπιέναι, ἐκήρυξε (sc. ὁ κῆρυξ) τοῖς Ἕλλησι συσκευάσασθαι (ib. III, 4, 36; приведено у *Kühner-Gerth*, II, 32); также ἐσάλπιγξε (т. е. ὁ σαλπιγκτής), у Гомера—οἰνοχοεύει (т. е. ὁ οἰνοχόος) (Kün.-Gerth, ib.).—Подлежащее здѣсь не устранено,—оно только не названо; его мѣсто въ грамм. мысли еще за нимъ, но въ моментъ рѣчи это мѣсто остается сперва въ тѣни и освѣщается только тогда, когда проявится въ сознаніи моментъ сказуемаго. Этотъ процессъ хорошо поясняется аналогичными оборотами (субъектными) въ древне-еврейскомъ, гдѣ къ сказуемому, достаточно ясно указывающему на подлежащее, присоединяется выражающее его (подлеж.) причастіе того-же глагола, который взятъ въ сказуемомъ, напр. יִדְרֹךְ הַדֹּרֵךְ—jiδroχ haddoreχ (Ies. 16, 10)—der Kelterer keltert (точнѣе: Keltert der Kelternde) für «man keltert» (Gesenius-Rödiger, Gramm.[16], 254, Anm. 2)[1]).

---

1) Разсмотрѣніе соотвѣтственныхъ санскр. оборотовъ войдетъ въ одинъ изъ дальнѣйшихъ этюдовъ.

4) Обходъ подлежащаго связанъ съ оттѣнками *общераспространенности*, *обычности*, *обязательности*, *необходимости* того, что̀ выражено сказуемымъ: «обыкновенно *говорятъ*, что....», «по платью *встрѣчаютъ*, по уму *провожаютъ*», «тише *ѣдешь* — дальше *будешь*», «а жизнь, какъ *посмотришь* съ холоднымъ вниманьемъ вокругъ, такая пустая и глупая шутка» (Лерм.) и т. д.

Для изученія явленія относительной безсубъектности въ его происхожденіи и развитіи большой интересъ представляютъ древнѣйшіе образцы тѣхъ оборотовъ, которые впослѣдствіи стали абсолютно-безсубъектными. Сюда нужно отнести греч. ὕει. Въ эпоху, когда говорили Ζεύς ὕει (Il. XII, 25: ὕε δ'ἄρα Ζεύς; также Od. XIV, 456) это былъ оборотъ вполнѣ субъектный, остававшійся таковымъ и въ тѣхъ случаяхъ, когда, для краткости или по какимъ-либо другимъ причинамъ, подлежащее Ζεύς опускалось: оно присутствовало въ мысли. Это былъ только эллипсъ, какъ совершенно-правильно опредѣляются данные обороты у *Kühner-Gerth*, II, 33; Hierher (къ случаямъ эллипса, а не дѣйствительнаго отсутствія подлежащаго) gehören auch die Ausdrücke der Naturerscheinungen, bei denen die Griechen ursprünglich als Subject Ζεύς oder ὁ θεός hinzudachten, oft auch wirklich hinzusetzten: βροντᾷ — tonat und Ζεὺς δ'ἄμυδις βρόντησε, μ. 415, wie Juppiter tonat... Τὸν χειμῶνα ὕει σφι ὁ θεός Hdt. 3, 117 и просто ὕει Hdt. 4, 50... Ὀμβρήσαντος Ζηνός Hs. op. 415. Въ такомъ видѣ оборотъ былъ вполнѣ субъектенъ. Но съ теченіемъ времени онъ становился постепенно и спорадически *относительно-безсубъектнымъ* — въ тѣхъ случаяхъ, когда, говоря ὕει, βροντᾷ и т. д., забывали о субъектѣ, не держали въ сознаніи представленія о немъ, и въ предѣлахъ грамматической апперцепціи явственно выступало лишь сказуемое. Относительность сводилась къ тому, что мѣсто подлежащаго еще было за нимъ, и субъектъ еще могъ вновь появиться. Утвержденіе Миклосича, что подлежащее Ζεύς или θεός вводилось въ эти обороты, такъ сказать, заднимъ числомъ, что мы имѣемъ здѣсь предъ собою

случаи превращенія формъ (искони) безсубъектныхъ въ субъектныя, будетъ справедливо только въ томъ случаѣ, если мы внесемъ сюда слѣдующія поправки: эти обороты первоначально были субъектны (Ζεὺς, θεὸς ὕει), потомъ становились относительно-безсубъектными, наконецъ, еще не успѣвъ превратиться въ абсолютно-безсубъектные, возвращались (спорадически) къ первоначальной субъектности. Подлежащее Ζεύς или θεός могло дѣйствительно появляться въ этихъ предложеніяхъ заднимъ числомъ, но это-то и должно быть разсматриваемо, какъ живое свидѣтельство въ пользу того, что формы ὕει, βροντᾷ и пр. *еще не были абсолютно-безсубъектными.*

О санскритскомъ *varṣati* («дождитъ»), встрѣчающемся въ древнѣйшихъ текстахъ, трудно сказать съ увѣренностью, было-ли оно (въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ мы находимъ его) еще субъектно (т. е. не названное подлежащее подразумѣвалось), или уже стало *относительно-безсубъектнымъ.* Извѣстное мѣсто въ Ригъ-Ведѣ VII, 103, 3: yád īm enā̆ṅ uçató *abhy ávarṣīt* tṛṣyā́vataḥ prāvṛ́ṣy ā́gatā́yām — «...когда на нихъ (лягушекъ), страстно-желающихъ (дождя), томящихся жаждою, пролилъ дождь (безъ видимаго субъекта: «надождило»), при наступленіи сезона дождей...», а равно и соотвѣтственные случаи въ прозѣ Brāhmaṇās (Çt.-Br. 3, 1, 1, 8: ned abhivarṣād и др.) не заключаютъ въ себѣ никакихъ указаній или намековъ на то, какъ именно отражался въ сознаніи этотъ оборотъ. Но, съ другой стороны, мы находимъ намекъ на то, что здѣсь еще не было абсолютной безсубъектности, въ употребленіи причастія наст. дѣйств. (отъ того же глагола *varṣ*) *varṣan* въ значеніи «дождь», напр. Çt.-Br. 3, 1, 2, 14 táyaiṣā *várṣantaṃ* táyā himaṃ táyā ghṛ́ṇiṃ titikṣiṣyate—«ею (кожею) она (корова) легко будетъ переносить *дождь*, холодъ, жару». Прич. *varsan* въ знач. «дождь» могло быть сокращеніемъ выраженія *dyaur varsan* — «дождящее небо» или «дождящій Dyaus». Терминъ varsan — дождь былъ именемъ *съ внутреннею формою,* а въ основѣ таковой всегда скрывается предложеніе, въ которомъ былъ данъ *дѣятель*, производящій данный при-

знакъ, т. е. подлежащее было на-лицо.— Далѣе, можно указать на такіе случаи, какъ Ṛv. V, 84, 3... várṣanti vṛṣṭáyaḥ — «дождятъ дожди», Ṛv. X, 98, 1 ...parjányaṃ... vṛṣāya — «заставь дождить (пролить дождь) Парджанью, Ṛv. IX, 96, 3 ...varṣáyan dyā́m — «(Сома) заставляющій небо проливать дождь». Здѣсь, въ каузативахъ отъ varṣ, ясно указаны субъекты предиката varṣ: это дожди, богъ Parjanyas, небо (или богъ Dyaus). Послѣднее мѣсто (въ стихѣ IX, 96, 3) прямо указываетъ на оборотъ dyaur varṣati = Ζεὺς ὕει. — Наконецъ, необходимо принять во вниманіе общее религіозно-миѳическое міровоззрѣніе эпохи Ведъ, въ силу котораго всѣ явленія природы приписывались дѣятельности опредѣленныхъ божествъ. Субъекты такихъ глаголовъ, какъ varṣati, были не только предметомъ грамматической апперцепціи, но и глубокой религіозной вѣры. И если, въ той или иной фразѣ, они грамматически не обозначены, то это либо — эллипсъ, либо — первые всходы начинающейся *относительной* безсубъектности. — Укажу еще, что въ извѣстномъ гимнѣ о ниспосланіи дождя (Ṛv. X, 98) нѣтъ (въ 12-ти стихахъ) ни одного оборота, который хоть отдаленно намекалъ бы на безсубъектность, — и тамъ вездѣ указаны, даже поименованы опредѣленные миѳическіе дѣятели, прямо или косвенно производящіе дождь (Bṛhaspati, Parjanya, Agni).

Въ этихъ греческихъ и санскритскихъ формахъ (ὕει, varṣati) мы усматриваемъ только первые симптомы начавшагося движенія въ сторону безсубъектности. Въ другихъ языкахъ этотъ процессъ подвинулся значительно дальше и достигаетъ полной безсубъектности въ лат. pluit, ningit и др., въ нашихъ «свѣтаетъ», «морозитъ» и т. д. Въ дѣлѣ изслѣдованія данныхъ формъ со стороны ихъ происхожденія и постепеннаго развитія безсубъектности вступаетъ въ свои права и вопросъ о матеріальномъ содержаніи, о смыслѣ, о кругѣ явленій, къ которому эти выраженія относятся. Это именно—извѣстныя и обычныя явленія природы, съ которыми человѣкъ освоился съ незапамятныхъ временъ, и съ которыми тѣсно связаны его матерьяльныя инте-

ресы и весь обиходъ его жизни. Въ ту отдаленную эпоху, когда въ этой сферѣ воспріятій впервые началось движеніе грамматической мысли въ сторону относительной безсубъектности, миѳическіе производители соотвѣтственныхъ явленій были отлично извѣстны человѣку, т. е. подлежащія данныхъ оборотовъ были на-лицо. При нормальномъ теченіи вещей, когда для мысли важнѣе всего отмѣтить самый фактъ («пошелъ дождь»), а его виновника отмѣчать незачѣмъ, потому что онъ достаточно извѣстенъ, естественно возникалъ въ этихъ оборотахъ эллипсъ: (ζεύς) ὕει, (dyaur) varṣati. Мало того: данное явленіе, напр. дождь, могло приписываться различнымъ миѳическимъ дѣятелямъ, и, въ полномъ видѣ, соотвѣтственныя предложенія могли звучать различно: dyaur varsati, indro varṣati, parjanyo varṣati, даже varsan (или vṛṣtir) varṣati. Поэтому, когда опускали подлежащее, то могли и не отдавать себѣ отчета въ томъ, кому именно изъ этихъ миѳическихъ лицъ принадлежитъ грамматическая роль подлежащаго. Далѣе, вмѣсто того или другого изъ поименованныхъ дѣятелей являлось въ грамматическомъ сознаніи ихъ обобщеніе — *devas* (богъ): deo varṣati, θεός ὕει. Появленіе нарицательнаго вмѣсто собственнаго, обобщенія вмѣсто конкретнаго есть уже нѣкоторый, на первыхъ порахъ едва замѣтный, шагъ въ сторону ослабленія момента подлежащаго, умаленія его энергіи, какъ производителя признака. Этотъ шагъ становится замѣтнѣе, когда въ роли подлежащаго выступаетъ имя отвлеченное, какъ скр. devatā, божество. Тогда и эллипсъ пріобрѣтаетъ большее значеніе въ смыслѣ прецедента безсубъектности. Когда имѣлъ мѣсто эллипсъ собственныхъ именъ (indras, dyaus, parjanyas и т. д.) или ихъ ближайшаго обобщенія, нарицательнаго devas, тогда легко возникалъ, по тому или другому поводу, вопросъ о томъ, кто же именно въ данномъ случаѣ долженъ быть названъ, dyaus-ли, indras-ли, или же parjanyas, или наконецъ — всѣ вмѣстѣ. Разъ возникаетъ сомнѣніе или вопросъ, — точка подлежащаго усиливается, грамматическая потребность назвать его даетъ себя чувствовать, — субъектность предложенія высту-

паетъ явственнѣе. Когда же подлежащее, подвергшееся эллипсу, есть отвлеченіе («божество»), въ которомъ образы отдѣльныхъ дѣятелей слились и обезличились, и которое уже разсматривается какъ достаточная замѣна, какъ эквивалентъ каждаго изъ нихъ, тогда не возникаетъ сомнѣній и вопроса о ближайшемъ опредѣленіи субъекта («имя рекъ»), и грамматическая мысль имѣетъ возможность безпрепятственно итти дальше, мимо подлежащаго, къ сказуемому.

Рано начавшееся движеніе въ сторону безсубъектности въ грамматической апперцепціи явленій природы было задерживаемо всякій разъ, когда наблюдалось нарушеніе порядка. Напр. когда случалось бездождіе, то мысль невольно обращалась къ тому дѣятелю, который, по понятіямъ эпохи, производилъ дождь. Вотъ тутъ-то и возникалъ вопросъ, кто онъ, Индра или Парджанья, и подлежащее уже не могло быть обойдено. Въ такихъ случаяхъ не довольствовались и нарицательнымъ именемъ, какъ devas. Молитва о ниспосланіи дождя должна быть обращена къ опредѣленнымъ божествамъ (имя рекъ), а не къ «богу вообще». Безсубъектныя формы здѣсь невозможны.

Эти соображенія и замѣчанія имѣютъ цѣлью пояснить, въ какомъ смыслѣ и въ какихъ предѣлахъ можно, по нашему мнѣнію, съ успѣхомъ пользоваться моментомъ матерьяльнаго содержанія. Образцовое изслѣдованіе этого рода мы имѣемъ въ посмертномъ трудѣ Потебни, «Изъ Зап.» III, стр. 405 и слѣд.

V.

Едвали можно сомнѣваться въ томъ, что лишь незначительная часть безсубъектныхъ оборотовъ, извѣстныхъ въ новыхъ языкахъ, восходитъ въ отдаленную древность. Для многихъ формъ безсубъектности, столь характерныхъ для грамматической мысли новаго времени, мы не найдемъ въ древности соотвѣтственныхъ

формъ, или же, если таковыя и окажутся, то это, несомнѣнно, образованія не архаическаго типа, которыя въ древнихъ языкахъ были явленіемъ новымъ. Таковы между прочимъ обороты съ глаголомъ въ страдательномъ залогѣ и съ partic. necessitatis, извѣстные въ санскритѣ и представляющіе собою образованіе далеко не архаическое.

Достаточно просмотрѣть у Миклосича образцы различныхъ безсубъектныхъ оборотовъ въ новыхъ языкахъ, чтобы вынести впечатлѣніе, что безсубъектность есть явленіе все болѣе развивающееся и распространяющееся чуть-ли не по всѣмъ отдѣламъ грамматическаго мышленія.

Наблюдая эту картину, мы приходимъ къ заключенію, что должна быть какая-то связь между явленіемъ безсубъектности и общимъ развитіемъ грамматическаго мышленія. Возникаетъ вопросъ: не есть-ли безсубъектность только частный случай или крайнее выраженіе общей эволюціи грамматической мысли въ направленіи, характерныя черты котораго — перенесеніе центра тяжести грамматическаго предложенія въ сказуемое, пышное развитіе глагольности, перемѣны въ общей постановкѣ именъ въ языкѣ, особенно — существительныхъ, превращеніе идеи или грамматической роли подлежащаго, какъ производителя признака, въ грамматическую фикцію, появленіе псевдомѣстоименій и т. д.?

Постановка этого вопроса и разработка отдѣльныхъ задачъ, изъ него вытекающихъ, составитъ содержаніе нашихъ дальнѣйшихъ посильныхъ опытовъ, посвященныхъ изслѣдованію явленій безсубъектности.

Настоящую же статью я закончу указаніемъ на нѣкоторыя черты изъ исторіи языковъ, ближайшимъ образомъ связанныя съ тѣмъ, что̀ можно назвать *убылью грамматической апперцепціи подлежащаго*. Сюда относится, съ одной стороны, исчезновеніе или преобразованіе въ новомъ духѣ старыхъ оборотовъ, благопріятствовавшихъ болѣе энергичной апперцепціи подлежащаго, съ другой же — возникновеніе новыхъ синтактическихъ

формъ и морфологическихъ категорій, явно неблагопріятныхъ подлежащему.

Изъ числа первыхъ упомяну о *составныхъ сказуемыхъ со вторымъ именительнымъ* въ формѣ причастія или имени (сущ. и прилаг.). Второй именительный, хотя и образуетъ часть сказуемаго, но въ то же время тяготѣетъ и къ подлежащему, съ которымъ онъ связанъ ýзами согласованія. Это тяготѣніе и эта связь содѣйствуютъ тому, что моментъ подлежащаго проявляется въ сознаніи съ особливою силою, и слѣдовательно на него тратится много умственной энергіи. Съ тѣмъ вмѣстѣ подлежащее выступаетъ въ качествѣ очень энергичнаго дѣятеля, производителя признака, даннаго въ сказуемомъ, и превращеніе его въ фикцію или величину мнимую встрѣчаетъ въ характерѣ данныхъ оборотовъ наиболѣе серьезныя препятствія.—Энергія подлежащаго и избытокъ траты умственной силы на его апперцепцію яснѣе даютъ себя знать и должны быть признаны значительно-бóльшими въ оборотахъ съ причастіями (наст., аор., перф.), чѣмъ въ оборотахъ съ именами. Едвали можно сомнѣваться въ этомъ послѣ глубокихъ изслѣдованій Потебни (во II-ой части «Изъ зап. по русс. грамм.»—о составныхъ сказуемыхъ и с замѣнахъ второго именительнаго). Позволю себѣ также указать на мою посильную попытку изученія нѣкоторыхъ изъ этихъ формъ въ «Синтактическихъ наблюденіяхъ» (вып. I), гдѣ я имѣлъ между прочимъ въ виду показать относительную трату и сбереженіе умственной силы въ этихъ формахъ въ сферѣ сказуемаго. Подлежащее я оставилъ безъ разсмотрѣнія. Теперь укажу, что различіе въ тратѣ (или сбереженіи) умственной силы между напр. *бѣ проповѣдаѧ*, ἦν κηρύσσων съ одной стороны и «*проповѣдовалъ*»—съ другой не ограничивается моментомъ сказуемаго, но простирается и на моментъ подлежащаго. Въ оборотахъ съ причастіемъ подлежащее, если можно такъ выразиться, «*повторено*» въ причастіи. Причастіе отвѣчаетъ въ этихъ оборотахъ на вопросъ: каково *подлежащее* въ моментъ его дѣятельности? И здѣсь грамматическая мысль, такъ сказать,

не выпускаетъ подлежащаго изъ предѣловъ своей апперцепціи до конца фразы. Сама предикативность, присущая причастію, соединяясь въ немъ съ апперцепціей подлежащаго, съ напоминаніемъ о немъ, какъ о производителѣ признака, въ свою очередь содѣйствуетъ тому, что моментъ подлежащаго съ особенной силой отпечатлѣвается въ сознаніи и поглощаетъ много умственной силы, гораздо больше, чѣмъ въ оборотахъ съ именами, неимѣющими своей предикативности. Оттого обороты съ причастіемъ настоящимъ исчезли изъ обихода новыхъ языковъ, между тѣмъ какъ обороты съ именами (второй имен.) еще остались, хотя районъ ихъ распространенія гораздо уже, чѣмъ обыкновенно думаютъ [1]).

Въ ряду формъ съ причастіемъ нужно различать тѣ, въ которыхъ причастіе предикативно-аттрибутивно, отъ тѣхъ, въ которыхъ оно аппозитивно (*Потебня*, «Изъ Зап.» II, 182; «Синт. набл.», 33 и сл.). Причастія предикативно-аттрибутивныя тяготѣютъ къ подлежащему въ большей мѣрѣ, чѣмъ аппозитивныя, тѣснѣе примыкающія къ глагольной части предиката, и потому первыя больше послѣднихъ содѣйствуютъ проявленію и закрѣпленію подлежащаго въ сознаніи,— слѣдовательно увеличиваютъ трату силы на его апперцепцію.

Исчезновеніе этихъ оборотовъ, ихъ преобразованіе въ новые съ простыми глагольными сказуемыми, съ дѣепричастіями, съ обстоятельственными словами вмѣсто вторыхъ именительныхъ

---

1) Въ «er ist gut» слово *gut*—не прилагательное, а родъ нарѣчія (если не настоящее нарѣчіе), обстоятельственное слово. Если не ошибаюсь, первый указалъ на это Herm. Paul въ «Prinzipien der Sprachgeschichte», 313: Die formelle scheidung des adjectivums von dem adv. beruht auf der flexionsfähigkeit der ersteren und der dadurch ermöglichten congruenz mit dem subst. Wo dies formelle kriterium fortfällt, da kann auch die scheidung von dem sprachgefühl nicht mer strict aufrecht erhalten werden. ...Wir haben eigentlich kein recht mehr *gut* in sätzen wie *er ist gut gekleidet*, *er spricht gut* und *gut* in sätzen wie *er ist gut*, *man hält ihn für gut* einander als adv. und adj. gegenüberzustellen. Остроумныя замѣчанія, отчасти ограничивающія утвержденіе Paul'я, сдѣлалъ *Ries*, «Was ist Syntax?». стр. 161 (прим. 78). Равнымъ образомъ и въ формахъ, какъ ist sprechend, анг. j am speaking, мы имѣемъ дѣло не съ причастіями, а дѣепричастіями, и вторыхъ именительныхъ здѣсь нѣтъ.

знаменуетъ собою ослабленіе момента подлежащаго, сокращеніе траты на его грамматическую апперцепцію. Съ тѣмъ вмѣстѣ усиливается моментъ сказуемаго. Здѣсь еще нѣтъ безсубъектности, но уже есть перестановка центра тяжести предложенія въ направленіи къ сказуемому, перевѣсъ апперцепціи сказуемаго сравнительно съ апперцепціей подлежащаго.

Другой процессъ, дѣйствовавшій въ томъ же направленіи, это—исчезновеніе категоріи *medium*'а (âtmanepadam)[1]. Въ *medium*'ѣ, какъ извѣстно, было выражаемо, такъ сказать, самоутвержденіе подлежащаго; признакъ, данный въ глаголѣ, апперцепировался формами medium'а съ оглядкою на производителя этого признака, что̀ и способствовало вящему закрѣпленію подлежащаго въ грамматическомъ сознаніи. Быть можетъ, исторически формы medium'а предшествовали формамъ актива, который могъ (морфологически) образоваться чрезъ ослабленіе медіальныхъ окончаній (*si* изъ *saį*, *ti* изъ *taį*). Какъ бы то ни было, но *синтактически* активъ правильнѣе всего можетъ быть понятъ и опредѣленъ—*какъ ослабленный медіумъ*, и это ослабленіе, въ синтактическомъ смыслѣ, сводится къ устраненію лишней оглядки на подлежащее, къ пониженію энергіи его грамматическаго воспріятія.

На ряду съ исчезновеніемъ архаическихъ формъ и оборотовъ, сопряженныхъ съ болѣе энергическимъ воспріятіемъ подлежащаго, шло образованіе новыхъ формъ, клонившихся къ умаленію роли подлежащаго, подрывавшихъ «грамматическій интересъ» къ нему. Въ ихъ числѣ одно изъ важнѣйшихъ мѣстъ принадлежитъ *пассиву*, формѣ, какъ извѣстно, неархаической, возникшей въ индоевропейскихъ языкахъ уже послѣ ихъ раздѣленія. Сущность пассива въ томъ и состоитъ, что въ немъ производитель признака, даннаго въ глаголѣ, превратился изъ дѣйствитель-

---

1) Его остатки (не въ морфологическомъ, а въ синтактическомъ смыслѣ, кое-гдѣ сохранились: сюда—наши *играться* (не взаим.,— объ одномъ ребенкѣ), *драться* (не взаим.: «чего ты дерешься!»), употребленіе *себѣ*: «бывало, сижу себѣ, иду себѣ...», фр. s'en aller и т. п.

наго въ фиктивный и мнимый. Мы можемъ наблюдать различныя ступени фиктивности подлежащаго въ пассивныхъ оборотахъ, отъ такихъ, которыя еще не далеко ушли отъ дѣйствительности подлежащаго, какъ производителя признака, и до такихъ, гдѣ фиктивность его уже переходитъ въ мнимость. Потебня указываетъ («Изъ зап.» I, 94) на выраженіе «эта книга читается всѣми», какъ на такое, гдѣ въ подлежащемъ страд. оборота «книга» еще виденъ производитель признака «читать»: «она дѣлаетъ такъ, что всѣ ее читаютъ».—«Конечно»—замѣчаетъ Потебня—«такая самодѣятельность субъекта страдательнаго сказуемаго фиктивна, но она дѣйствительна въ грамматическомъ смыслѣ, какъ способъ изображенія» (Тамъ же).—Я предложу нѣсколько иную постановку вопроса, а именно: подлежащее страдат. оборота проявляется въ сознаніи далеко не съ тою силою и полнотой, какъ это имѣетъ мѣсто—*при прочихъ равныхъ условіяхъ*—въ оборотѣ активномъ: *его роль, какъ производителя признака*, въ страдат. оборотѣ *ограничивается и даже отрицается*, и это приводитъ къ тому, что производитель признака воспринимается сознаніемъ какъ не настоящій, *какъ фикція,— а въ результатѣ возникаетъ какъ-бы «грамматическое недовѣріе» къ подлежащему, родъ «подозрѣнія», что оно фиктивно не только въ своей роли производителя признака, но и въ своемъ синтактическомъ призваніи—какъ подлежащее.* Тѣнь фиктивности уже пала на подлежащее, и если фиктивность дойдетъ до мнимости, то и подлежащее, какъ таковое, а не только какъ производитель признака, станетъ мнимымъ. Въ предложеніи «эта книга читается съ удовольствіемъ» еще дана нѣкоторая возможность представить себѣ подлежащее въ роли производителя признака, т. е. мысль еще можетъ, потратя на это (и при томъ — непроизводительно) извѣстную долю вниманія и времени, вообразить «книгу» дѣйствующею такъ, что ее читаютъ съ удовольствіемъ. Также и въ предложеніи «онъ всѣми любимъ» можно остановиться мыслью на томъ, что это «*онъ*» такъ поступаетъ, является такимъ, отличается такими качествами, что всѣ его любятъ. Здѣсь еще сохраняется тѣнь или

намекъ на самодѣятельность подлежащаго. Не трудно видѣть, что въ подобныхъ случаяхъ много значитъ моментъ матерьяльнаго содержанія (смысла фразы), который можетъ искусственно поддержать въ сознаніи фикцію подлежащаго, какъ производителя признака. Но тамъ, гдѣ такой поддержки со стороны содержанія нѣтъ, роль подлежащаго, какъ производителя признака, *совсѣмъ не проникаетъ въ сознаніе: тамъ нѣтъ ея — даже въ смыслѣ фикціи, — и подлежащее дано тамъ только какъ отвѣтъ на вопросъ: кто? что? Такое подлежащее, въ которомъ нѣтъ даже и фикціи самодѣятельности, я буду называть фиктивнымъ и формальнымъ.* Въ предложеніяхъ: «письмо было послано», «весь городъ былъ объятъ пламенемъ», «N. N. убитъ горемъ», «честь была спасена», «подсудимый былъ осужденъ» и т. д. и т. д. совсѣмъ нѣтъ подлежащихъ какъ (даже фиктивныхъ) производителей признаковъ, а только есть *формальныя подлежащія* — какъ отвѣты на вопросъ «кто? что?». *Только въ этомъ смыслѣ* и апперцепируетъ ихъ грамматическая мысль, тратя на нихъ минимумъ силы и вниманія. Приблизительно это тотъ минимумъ траты, который превращаетъ грамматическую величину въ фиктивную. Если представимъ себѣ этотъ минимумъ доведеннымъ до нуля, то получимъ либо мнимое подлежащее, либо безсубъектность. Мнимое подлежащее въ страдательномъ оборотѣ я усматриваю въ тѣхъ переходныхъ (отъ субъектности къ безсубъектности) формахъ, гдѣ подлежащее уже, такъ сказать, поколеблено въ своей синтактической и даже морфологической позиціи, и гдѣ самый вопросъ «кто? что?» предъявляется не такъ легко и отчетливо, какъ обыкновенно. Таковы: *гласъ троубы услышано будетъ* (Mikl. Subj. S., 58), гдѣ съ увѣренностью нельзя сказать, именительный пад. *гласъ*, или винит., разоумно бысть Саулу свѣтъ ихъ — ἐγνώσθη τῷ Σαύλῳ ἡ ἐπιβουλὴ αὐτῶν (ib.), — *чтобъ было вѣдомо смертная наша погибель конечная* (Воззваніе моск. людей 1611 г.), — *а ржы было сѣяно у меня полчетверты четверти, а овса... сѣяно полосмы четверти:..* (Лихачевъ, Сборникъ акт., Прав. Грам.

1543 г.), *...тѣ вѣсти вѣдомо, ...такъ що видно була и уся одежа... а вырѣзано на той печати инъроїъ звѣрь* и др., разсмотрѣнные у Потебни («Изъ зап.» III, 456 и сл.).

Мнимое подлежащее этого рода встрѣчается и при активномъ глаголѣ, о чемъ въ свое время у насъ будетъ рѣчь.

Безсубъектность возникаетъ въ страд. оборотѣ, когда вопросъ «кто? что?» становится невозможнымъ: *itur*, *turbatum est* domi, млр. за мое жито, ще *мене бито*, нѣм. *es wird gegangen* и мн. др., приведенные у Миклосича Subj. S., 58—64.

Движеніе въ ту же сторону—*убыли подлежащаго*, т. е. сбереженія силы въ сферѣ его грамматическаго воспріятія—наблюдается и въ оборотахъ активныхъ.

Здѣсь нужно различать случаи:

1) когда подлежащее не можетъ быть *(при современномъ укладѣ мышленія)* понимаемо какъ самодѣйствующій производитель признака и только отвѣчаетъ на вопросъ «кто? что?»; напр.: «всѣ деньги вышли», «трава зеленѣетъ», «книга упала на полъ» и т. п.;

2) когда, напротивъ, подлежащее, оставаясь производителемъ признака, не отвѣчаетъ на вопросъ «кто? что?»—за ненадобностью этого вопроса, напр. я думаю, что... (=мнѣ думается, что...), я сказа́лъ (съ удареніемъ на глаголѣ), вы знаете, что... (=вамъ извѣстно, что...).—Это большею частію тѣ именно случаи, о которыхъ Потебня писалъ: «Такъ какъ въ выраженіяхъ, какъ «люблю» и равносильныхъ имъ, хотя и снабженныхъ знакомъ лица спереди (j'aime), есть только отношеніе къ лицу, а самое лицо (подлежащее) необозначено никакъ, ни качественно, ни указательно; то такія выраженія незаключаютъ въ себѣ ничего, кромѣ сказуемаго, т. е. *безсубъектны*» («Изъ зап.», I, 84).—Я не назову ихъ безсубъектными, потому что 1) мѣсто подлежащаго въ грамматической мысли здѣсь сохранено и 2) представленіе (мѣстоименное), находящееся тутъ, какъ бы слабо оно ни было, какъ бы мало грамматическая мысль ни интересовалась имъ, какъ подлежащимъ, *всетаки является въ*

роли самодѣйствующаго производителя признака. Вся суть дѣла только въ томъ, что этотъ производитель остается въ тѣни, не привлекаетъ къ себѣ вниманія, и вмѣстѣ съ тѣмъ его способность отвѣчать на вопросъ «кто? что?», хотя и не потеряна, но и не утилизуется, ибо, по смыслу фразы, этотъ вопросъ не нуженъ и не подымается. Напротивъ, въ выраженіяхъ: *я́* сказалъ» (съ удареніемъ на мѣстоименіи), «это *ты́* говоришь», c'est moi qui parle и т. д. мѣсто подлежащаго уже не въ тѣни, его роль, какъ производителя признака, выступаетъ явственно, и вопросъ *«кто?»* самъ собою напрашивается. Стало быть, все дѣло сводится къ тому, много-ли, или мало вниманія удѣлено подлежащему. Если ужь очень мало (я сказа́лъ, что...; думаю, что...; j'aime, dixi), и вся почти сила воспріятія устремлена на сказуемое, то мы назовемъ подлежащее такихъ предложеній *формальнымъ* и *фиктивнымъ;* пожалуй, въ иныхъ случаяхъ оно даже можетъ быть понято какъ мнимое («ну, *думаю,* бѣда...», *«какъ поживаете?»*, *«здравствуйте»*, *«прощайте»*, *«благодарю»*). Но настоящей безсубъектности (даже относительной) здѣсь всетаки нѣтъ. Мы видимъ въ этихъ формахъ только одно изъ многихъ проявленій того общаго стремленія сберегать силу насчетъ апперцепціи подлежащаго, которое въ явленіяхъ безсубъектности находитъ лишь крайнее свое выраженіе.

Изъ всего вышеизложеннаго выводится *программа* изысканій въ области безсубъектныхъ оборотовъ, которой мы будемъ придерживаться въ дальнѣйшемъ: 1) опредѣленіе *степени безсубъектности* того или иного оборота; 2) изученіе его *историческаго развитія,* его постепеннаго преобразованія изъ субъектныхъ въ безсубъектные (если для этого есть достаточно данныхъ) [1]; 3) изслѣдованіе *формы сказуемаго* съ *оглядкою* на (от-

1) Возможно, что найдутся безсубъектные обороты «безъ исторіи», безъ прошлаго, возникшіе силою *аналогіи* съ другими, исторически-образовавшимися. Вопросъ (кажется, незатронутый) о дѣйствіи аналогіи въ образованіи синтактическихъ формъ заслуживалъ бы вниманія.

сутствующее) подлежащее и *въ связи съ общей эволюціей данной морфологической категоріи въ языкѣ*; 4) приведеніе изучаемаго оборота въ связь съ общимъ движеніемъ грамматической мысли въ направленіи *убыли* грамматической апперцепціи подлежащаго.

Д. Овсянико-Куликовскій.

Сомнѣнія и противорѣчія

въ біографіи Гоголя

(Комментарій къ біографической канвѣ его).

II *).

Мы оставили Гоголя въ бодромъ, радужномъ настроеніи духа, которое явилось слѣдствіемъ его сближенія съ пушкинскимъ кружкомъ и его успѣховъ служебныхъ и литературныхъ (осенью 1831 г.). Съ января 1832 г. Гоголь уже получаетъ въ Патріотическомъ Институтѣ 1200 руб. въ годъ, и дѣла его идутъ все лучше и лучше (что̀, конечно, не мѣшаетъ ему временами сильно нуждаться въ деньгахъ); только здоровье, всегда некрѣпкое, начинаетъ его нѣсколько безпокоить, и онъ временами поругиваетъ «проклятый» петербургскій климатъ. Лѣтомъ 1832 г. Гоголь, внезапно покинувъ нанятую имъ дачу, уѣхалъ къ роднымъ, въ Малороссію. По дорогѣ онъ остановился на нѣсколько дней въ Москвѣ, былъ у И. И. Дмитріева, близко сошелся съ Погодинымъ, перезнакомился съ массой интересныхъ для него лицъ, и въ семьѣ Аксаковыхъ встрѣтилъ такой восторженный пріемъ, который не могъ не произвести на него впечатлѣнія; съ этихъ поръ онъ начинаетъ поговаривать о переселеніи въ Москву. Но пока связи его съ Петербургомъ очень крѣпки: зимою онъ помѣстилъ въ Патріотическій Институтъ двухъ маленькихъ сестеръ своихъ; съ Пушкинымъ, Плетневымъ, Жуковскимъ, кн. Одоевскимъ у него отношенія самыя дружескія. Въ

---

*) *Продолженіе.*— Начало см. въ Извѣстіяхъ Отдѣл. русск. яз. и слов. Имп. Акад. Наукъ т. V, кн. 2, стран. 591 слѣд.

это время Гоголь усиленно работаетъ то надъ исторіей, которую онъ преподаетъ въ институтѣ, то надъ комедіей и повѣстями; такъ прошелъ весь 1833 г., въ концѣ котораго у него явилась мысль добиваться каѳедры всеобщей исторіи въ Кіевѣ. Въ продолженіе всего этого двухъ-лѣтняго, сравнительно свѣтлаго періода въ біографіи Гоголя все ясно, за исключеніемъ развѣ того, какую повѣсть, статью или сцену когда писалъ онъ; но что̀ можно было сдѣлать для разъясненія *этихъ* пунктовъ, уже сдѣлано Н. С. Тихонравовымъ. Противорѣчатъ фактамъ слова Гоголя въ письмѣ къ матери отъ 20 декабря 1833 г., будто онъ думаетъ «ѣхать на два или на три мѣсяца въ Ревель, куда призываютъ меня разныя необходимыя для моего труда разысканія» [1]): какія разысканія могъ онъ производить въ Ревелѣ и какимъ образомъ преподаватель института могъ имѣть среди учебнаго года свободныхъ три мѣсяца?! — Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что перспективой этой небывалой поѣздки Гоголь хотѣлъ отдѣлаться отъ пріѣзда въ Петербургъ своего зятя Павла Осиповича Трушковскаго, съ которымъ у него было мало общаго и который своей провинціальной простотой могъ доставить много непріятныхъ минутъ столичному родственнику [2]). Но относительно хлопотъ Гоголя о Кіевской каѳедрѣ мы должны разобраться въ противорѣчіи, несравненно болѣе серьозномъ.

Какъ извѣстно, въ дѣлѣ перемѣщенія Гоголя въ Кіевъ усердно работалъ Пушкинъ, бывшій въ то время еще въ очень хорошихъ отношеніяхъ съ С. С. Уваровымъ [3]); не бездѣйствовали, надо думать, и другіе поклонники таланта Гоголя (Жуков-

---

1) V, 192.

2) Передъ довѣрчивой матерью Гоголь оправдался въ письмѣ отъ 9 марта одной фразой: «въ Ревель я уже не ѣду» (V, 197).

3) Соч. Пушкина по изд. Литерат. фонда VII, 348 (въ отвѣтъ на письмо Гоголя отъ 13 мая): «Я совершенно съ вами согласенъ. Пойду сегодня же назидать Уварова; кстати о смерти Телеграфа (запрещенъ въ апрѣлѣ) поговорю и о вашей (Пушкинъ долженъ былъ сказать Уварову, что нашелъ Гоголя очень больнымъ, чтобы показать необходимость переселенія Гоголя въ лучшій климатъ). Отъ сего незамѣтно перейду къ безсмертію, его ожидающему. *Авось уладимъ*».

скій, кн. Вяземскій), имѣвшіе на министра никакъ не меньшее вліяніе. Дѣло, очевидно, шло на ладъ [1]); тѣмъ не менѣе въ концѣ концовъ Гоголь искомой каѳедры не получилъ, а занялъ ее «нѣкій Цыхъ» (магистръ всеобщей исторіи, имѣвшій на самомъ дѣлѣ гораздо больше правъ на профессуру, нежели воспитанникъ «гимназіи высшихъ наукъ»). Отчего это произошло? А. В. Никитенко, служившій въ то время и въ канцеляріи попечителя учебнаго округа, и въ университетѣ, и въ цензурѣ, хорошо знавшій и Пушкина и Гоголя, довольно подробно разсказываетъ въ своемъ дневникѣ этотъ случай [2]), при чемъ сообщаетъ, что въ неудачѣ виновато непомѣрное самомнѣніе Гоголя: ему предлагали экстра-ординатуру, а онъ *потребовалъ* званія ординарнаго профессора и *6000 рублей единовременно* на уплату долговъ. «Это можетъ дѣлаться только въ Россіи, гдѣ протекція даетъ право на все!», патетически восклицаетъ по этому случаю Никитенко. Какъ бы повидимому не повѣрить человѣку, столь хорошо освѣдомленному и столь правдивому? А вѣрить ему не слѣдуетъ, по крайней мѣрѣ въ подробностяхъ. Самомнѣніе Гоголя въ этотъ періодъ его жизни было дѣйствительно велико, но и благоразуміе никогда его не оставляло; а просить у министерства 6000 р. «не въ зачетъ» въ его положеніи было бы положительно безумно.

29 марта, слѣдовательно приблизительно за полтора мѣсяца до визита Пушкина къ Уварову, Гоголь писалъ Максимовичу [3]): «*Мнѣ даютъ только адъюнкта*, увѣряя, впрочемъ, что черезъ годъ непремѣнно сдѣлаютъ ординарнымъ; и — признаюсь, я сижу затѣмъ только еще здѣсь, чтобы какъ нибудь *выработать себѣ на подъемъ* и раздѣлаться кое съ какими здѣшними *обстоятельствами*» [4]).

---

1) 29 марта 1834 г. Гоголь пишетъ Максимовичу: «Министръ мнѣ обѣщалъ *непремѣнно* это мѣсто» (V, 204).

2) Подъ 21 февраля 1835 г. (Русск. Ст. 1889, № 9, стр. 527—8).

3) V, 204.

4) Вѣроятно, слѣдуетъ читать: *обязательствами*. Въ позднѣйшемъ письмѣ Максимовичу (отъ 14 авг. 1834 г.) Гоголь упоминаетъ о своей «неуступчивости» «въ разсужденіи Кіева» (V, 223), но она проявлялась, очевидно, въ томъ, что онъ просилъ экстраординатуры вмѣсто адъюнктства.

Гоголь не имѣлъ ни разсчета, ни возможности обманывать Максимовича, который переходилъ на службу въ тотъ же кіевскій университетъ; Никитенко же занесъ въ свой дневникъ этотъ разсказъ *почти черезъ годъ* послѣ событія, очевидно, не на основаніи документовъ, а на основаніи чьего-то разсказа, сильно сгустившаго краски.

Съ какого времени Гоголь началъ свою службу въ петербургскомъ университетѣ, мы пока не знаемъ въ точности. В. В. Григорьевъ въ своей исторической запискѣ [1]) указываетъ только годъ (1834); а Кулишъ, неизвѣстно, на основаніи какого документа, увѣряетъ [2]), что онъ былъ утвержденъ адъюнктомъ *24 іюня 1834*. Но это невозможно помирить съ письмами Гоголя къ Погодину отъ 23 іюня [3]) и къ Максимовичу отъ 27 іюня [4]), въ которыхъ онъ и не заикается о каѳедрѣ въ Петербургѣ. Какъ ни былъ онъ наклоненъ къ скрытности, все же трудно предположить, чтобы онъ умолчалъ объ этомъ, отвергая предложеніе Погодина относительно адъюнктства въ Москвѣ, и совсѣмъ невозможно допустить, чтобы онъ черезъ три дня послѣ утвержденія, скрывалъ все дѣло отъ земляка и пріятеля и, какъ говорится, мазалъ его по губамъ надеждою, что скоро пріобрѣтетъ осѣдлость въ Кіевѣ [5]). Это противорѣчитъ и оффиціальному документу, сообщенному Н. А. Бѣлозерскою [6]): только *5 іюля* въ правленіе Патріотическаго института поступило отъ попечителя Петербургскаго Округа требованіе о засвидѣтельствованной копіи съ формулярнаго списка Гоголя, по случаю поданнаго имъ прошенія объ опредѣленіи на университетскую каѳедру. 5 іюля и есть terminus a quo; a terminus ad quem — письмо Гоголя къ матери отъ 1 августа, въ которомъ онъ прямо называетъ себя «профессоромъ здѣшняго университета» [7]). Этому соотвѣтствуетъ и письмо къ Погодину отъ 23 іюля [8]), гдѣ Гоголь говоритъ: «Я

1) Имп. С.-Петербургскій университетъ. Спб. 1870, стр. 93.
2) Зап. I, 102. 3) V, 214—5. 4) V, 215—7.
5) V, 216 «Ты приготовишь тамъ (въ Кіевѣ) все къ моему прибытію и пріищешь мѣстечко для покупки, ибо я хочу непремѣнно завестись домкомъ» и т. д.
6) См. выше, стр. 745. 7) V, 222. 8) V, 221.

на время рѣшился занять здѣсь каѳедру исторіи и именно среднихъ вѣковъ»; очевидно, дѣло уже «въ ходу», но «приказа» еще не послѣдовало. Весьма вѣроятно, что таковой состоялся *24-го іюля*, и у Кулиша не ошибка, а только опечатка.

Я счелъ нужнымъ остановиться на этой мелочи потому, что вышеуказанная опечатка или ошибка перешла и въ идеальную по точности работу Н. С. Тихонравова [1]).

Университетскимъ людямъ новаго поколѣнія вся исторія профессуры Гоголя можетъ показаться трудно объяснимой странностью, чтобы не сказать нелѣпостью: 25-лѣтній молодой человѣкъ, окончившій по послѣднему разряду курсъ въ учебномъ заведеніи, которое только потому могло считаться высшимъ, что вмѣстило въ свою программу нѣсколько юридическихъ и камеральныхъ предметовъ, получаетъ каѳедру всеобщей исторіи въ столичномъ университетѣ на томъ основаніи, что не безъ успѣха преподавалъ этотъ предметъ въ женскомъ институтѣ и набросалъ нѣсколько статеекъ, въ которыхъ можно замѣтить и умъ и талантъ, но невозможно видѣть сколько-нибудь основательной эрудиціи.

Никитенко въ указанномъ мѣстѣ объясняетъ это всемогуществомъ въ Россіи протекціи и необыкновеннымъ самомнѣніемъ Гоголя. Но самомнѣніе могло только мотивировать готовность Гоголя принять каѳедру, а не готовность начальства дать ее недостойному; протекціей же Гоголь пользовался не со стороны гг. Фамусовыхъ и Максимъ-Петровичей, а со стороны лучшихъ людей своего времени: Жуковскаго и Пушкина, которые, желая добра Гоголю, не могли же игнорировать и интересовъ университета. Очевидно, они надѣялись, что Гоголь оправдаетъ ихъ рекомендацію. Какъ могли они ошибиться такъ грубо?

Они ошиблись, это правда; но ошибку ихъ нельзя назвать ни грубой, ни непозволительной, какъ это доказывается прежде всего свидѣтельствомъ лицъ, наиболѣе заинтересованныхъ въ

---

1) Изд. 10-ое V, 561.

этомъ дѣлѣ — университетскихъ слушателей Гоголя: Иваницкій и Григорьевъ совершенно согласны въ томъ, что вступительная лекція молодого профессора, несмотря на его застѣнчивость, произвела прекрасное впечатлѣніе; на нее походила и та лекція въ октябрѣ, которую читалъ Гоголь въ присутствіи Жуковскаго и Пушкина. Стало быть Гоголь, несмотря на плохую свою подготовку, *могъ* хорошо читать, *могъ* увлекать своихъ слушателей, если бы только приготовлялся къ лекціямъ съ достаточной тщательностію. Онъ не былъ бы въ состояніи (по крайней мѣрѣ на первое время) ввести своихъ слушателей въ лабораторію науки, образовать свою ученую школу, но онъ имѣлъ полную возможность дать студентамъ то общее историческое развитіе, которое было нужно будущимъ педагогамъ и администраторамъ.

Гоголь былъ подготовленъ къ каѳедрѣ плохо; это фактъ; но едвали лучше его былъ подготовленъ къ той же каѳедрѣ Фридрихъ Шиллеръ, окончившій *медицинское отдѣленіе* штутгартской школы[1]) и исторію нигдѣ не преподававшій. Положимъ, между вступленіемъ на каѳедру Шиллера и профессорствомъ Гоголя прошло 45 лѣтъ, промежутокъ большой; но и между іенскимъ университетомъ и петербургскимъ разница немалая; если Жуковскій и Пушкинъ виновны въ неудачно направленной протекціи, то въ томъ же самомъ виновны Гёте и герцогъ Веймарскій, которыхъ, сколько знаю, за назначеніе Шиллера никто не упрекалъ въ непозволительномъ непотизмѣ, хотя Шиллеръ, какъ и Гоголь, недолго оставался профессоромъ и, *устремивъ* свою *энергію и способности на другое дѣло*, не вполнѣ удовлетворялъ своихъ слушателей.

Въ 1835 г. Шиллера, можетъ быть, и не назначили бы профессоромъ; но въ русскихъ университетахъ въ 30-хъ и даже въ 40-хъ годахъ отъ профессора вовсе не требовали многолѣтней, спеціальной подготовки. Припомнимъ всѣмъ извѣстныя блуж-

---

1) Припомнимъ, что всеобщая исторія, какъ предметъ университетскаго преподаванія вышла изъ юридическаго факультета (филологи интересовались только исторіей классическихъ народовъ).

данія И. И. Давыдова между философіей, высшей математикой и словесностью; другъ Гоголя Максимовичъ перешелъ съ каѳедры ботаники на русскую словесность; Погодинъ когда-то читалъ въ московскомъ университетѣ римскую словесность и даже издалъ оды Горація съ примѣчаніями и т. д. и т. д. Наконецъ самъ Никитенко, такъ жестоко осуждающій Пушкина и Жуковскаго за предоставленіе Гоголю каѳедры, на русскую словесность перекочевалъ съ политической экономіи и въ томъ же дневникѣ своемъ (подъ 21 октября 1831) сообщаетъ характерный фактъ, что въ факультетѣ и въ совѣтѣ споръ шелъ не о научномъ достоинствѣ его диссертаціи, а объ томъ, достаточно ли *краснорѣчиво* она написана.

Отъ профессора у насъ въ то время прежде всего требовались умъ, общее развитіе и талантъ изложенія; ни того, ни другого, ни третьяго, конечно, нельзя было отвергать у Гоголя, какъ нельзя было отвергать и нѣкоторой начитанности по исторіи, а, послѣ двухъ лѣтъ преподаванія, и знанія ея общаго, гимназическаго курса. Представимъ себѣ, что профессура была бы мечтою жизни Гоголя, вполнѣ удовлетворяла бы его; достигнувъ цѣли и прочитавъ удачно вступительную лекцію, онъ оставилъ бы всѣ другія работы и отдался бы наукѣ и дѣлу преподаванія со всею свойственной ему энергіей. Вслѣдствіе недостаточной подготовки, первые два-три года онъ былъ бы не вполнѣ на высотѣ своей задачи: онъ читалъ бы въ курсъ 10—15 блестящихъ лекцій, надъ темами которыхъ онъ имѣлъ досугъ поработать; остальныя были бы пересказомъ иностранныхъ общихъ сочиненій и монографій, но пересказомъ умнымъ и талантливымъ; студенты были бы довольны его лекціями, и ихъ довольство дѣйствовало бы пріятно-возбуждающимъ образомъ на профессора. Число усвоенныхъ имъ пособій возростало бы постепенно, и курсы его годъ отъ году пріобрѣтали бы бо̀льшую закругленность и глубину. Необходимость представить диссертацію заставила бы его поработать самостоятельно, по источникамъ, надъ извѣстнымъ вопросомъ и, войдя самъ въ лабораторію науки, онъ

сумѣлъ бы потомъ вводить въ нее и учениковъ своихъ; черезъ 5—6 лѣтъ Гоголь могъ бы быть прекраснымъ профессоромъ исторіи.

Но случилось не такъ. Для Гоголя, какъ и для Шиллера, профессура не была цѣлью жизни, а только «общественнымъ положеніемъ»; его, какъ и Шиллера, тянуло къ другой, болѣе обширной дѣятельности. Ему было бы тяжело затрачивать все свое время и всѣ свои силы на приготовленіе къ лекціямъ, и онъ, по свидѣтельству тѣхъ же своихъ слушателей, готовился крайне небрежно, а пропускалъ лекціи въ безсовѣстно-большомъ количествѣ. Положимъ, въ разсказахъ ихъ необходимо допустить нѣкоторое преувеличеніе, какъ это видно изъ конспектовъ, изслѣдованныхъ Н. С. Тихонравовымъ, и изъ тѣхъ тетрадокъ, которыя сохранились во владѣніи П. Я. Дашкова [1]); но жалобы самого Гоголя на «сонныхъ» и «безцвѣтныхъ, какъ Петербургъ» слушателей [2]) и въ концѣ концовъ его печальное сознаніе, что полтора года профессорства были годами его «безславія» [3]), доказываютъ справедливость «общаго мнѣнія» [4]): на каѳедрѣ Гоголь оказался не на своемъ мѣстѣ, чего не могъ предвидѣть ни онъ самъ, ни друзья его, добывшіе ему эту каѳедру.

Совершенно достаточное объясненіе этому даютъ общеизвѣстные факты: въ ту зиму (1834—5 г.), когда Гоголь читалъ въ университетѣ свои первые курсы (что̀ обыкновенно поглощаетъ безусловно все время молодого доцента, даже выдержавшаго магистерскій экзаменъ и защитившаго диссертацію) онъ не только продолжалъ попрежнему давать уроки въ институтѣ, но и издалъ *двѣ книги*: «Арабески» и «Миргородъ», обдумывалъ *двѣ комедіи* и написалъ совсѣмъ *новую повѣсть* для Московскаго Наблюдателя («Носъ»).

1) Студенты, естественно, сравнивали Гоголя съ старыми профессорами, являвшимися идеаломъ чиновничьей аккуратности и читавшими по вызубреннымъ тетрадкамъ.

2) Письмо Погодину отъ 14 дек. 1834 г. (V, 228).

3) Письмо тому же Погодину отъ 6 дек. 1835 г. (V, 246).

4) Тамъ же.

Конечно, не жадность къ деньгамъ была причиной такого многодѣланія, а внутренняя потребность таланта къ проявленію и упрашиванія друзей и поклонниковъ; только уроки въ Патріотическомъ институтѣ, гдѣ учились его сестры, Гоголь давалъ изъ матеріальныхъ выгодъ; но начальство института до сихъ поръ было такъ любезно съ нимъ, что оставить эти уроки не было ни малѣйшей возможности.

Понятно, что такая зима должна была жестоко утомить и истрепать нервы и безъ того не сильнаго юноши, которому еще до начала ея «доктора напрямикъ велѣли убираться» изъ Петербурга [1]).

Лѣтомъ 1835 г. Гоголю, наконецъ, удалось урваться не надолго на югъ; но при изложеніи этого путешествія біографы его должны наталкиваться на хронологическія противорѣчія, къ сожалѣнію, при нынѣшнихъ средствахъ едва ли примиримыя.

Гоголь началъ хлопотать о 4-хмѣсячномъ отпускѣ въ «Кавказскую губернію» еще въ апрѣлѣ. 12 апрѣля онъ пишетъ матери, что выѣзжаетъ изъ Петербурга «черезъ три недѣли, если не раньше» [2]), а 17 апрѣля Погодину: «черезъ двѣ недѣли буду въ Москвѣ» [3]). Но за этимъ письмомъ въ изд. Кулиша непосредственно слѣдуетъ письмо Гоголя къ матери отъ *15 іюня* изъ Петербурга же, и заподозрить издателя въ невѣрномъ датированіи его нѣтъ никакого основанія. Гоголь отвѣчаетъ въ немъ сразу на два письма матери: отъ 16 мая (получено имъ 2 іюня) и отъ 4 іюня (только что получено) и между прочимъ пишетъ: «Это лѣто я живу въ городѣ и не переѣзжаю на дачу. *Если буду къ вамъ, то не раньше августа*».

Очевидно, до насъ не дошло письмо (а, можетъ быть, и письма) Гоголя къ матери, писанное между 12 апр. и 15 іюня и объясняющее причину, почему онъ такъ задержался въ Петербургѣ, и намъ эта причина остается неизвѣстной и непонятной. От-

---

1) Письмо Максимовичу отъ 14 августа 1834 г. (V, 224).

2) V, 238.

3) V, 240.

носительно августа Гоголь, вѣроятно, обманулъ мать съ благою цѣлью: онъ не зналъ, когда именно ему придется выѣхать, и указалъ очень далекій срокъ. Ему удалось покинуть Петербургъ гораздо раньше, и 15 іюля онъ уже у себя дома на обратномъ пути изъ Крыма[1]).

Итакъ въ четыре недѣли Гоголь успѣлъ проѣхать больше 2000 верстъ и попользоваться крымскими грязями; трудно, но возможно при большой поспѣшности и при условіи ѣхать, почти не останавливаясь нигдѣ кромѣ Крыма.

Но въ Русскомъ Словѣ (1859, № 1, 86—7) напечатано письмо Гоголя къ Прокоповичу, помѣченное «май 24 Полтава», начинающееся такъ: «Пишу тебѣ изъ дому. Сижу дома на перепутьи *около недѣли уже*, не зная куда лучше ѣхать — на Кавказъ, или въ Крымъ, гдѣ нынѣ славятся минеральныя грязи и купальни въ морѣ. Изъ Москвы никакъ не могъ писать: было (чит. былъ) страшно захлопотанъ; при всемъ томъ многихъ не видалъ» и т. д. Очевидно, что это письмо относится къ 1835 г. (какъ его и помѣтилъ издатель), но *24 мая* рѣшительно невозможно согласовать съ вышеупомянутымъ письмомъ Гоголя къ матери отъ 15 іюня изъ Петербурга[2]). Я справлялся съ оригиналомъ, нынѣ находящимся въ Историческомъ Музеѣ; оказывается, что «*май* написано очень ясно и не подлежитъ никакому сомнѣнію»[3]). Стало быть, ошибся самъ Гоголь. Описку въ мѣсяцѣ допустить вполнѣ естественно; но читать *24 іюня* нѣтъ возможности изъ-за словъ: «сижу на перепутьѣ *около недѣли уже*»: отъ 15 іюня до 24-го всего 9 дней, и если Гоголь сидитъ дома даже только *пять дней*, то и въ такомъ случаѣ на путешествіе отъ Петербурга до Полтавы съ остановкой въ Москвѣ ему остается всего четыре дня, что безъ желѣзныхъ дорогъ немыслимо. Проф. Е. В. Пѣтуховъ въ новомъ, вполнѣ исправномъ изданіи писемъ Гоголя къ Про-

---

1) Письмо къ Жуковскому, въ Русск. Арх. 1871, стр. 948—9. Ср. письмо Срезневскому отъ 11 іюля.

2) V, 240—1.

3) Слова А. И. Станкевича.

коповичу [1]) предлагаетъ вмѣсто *24 мая* читать *24 іюля*. Но этому явно противорѣчитъ вышеупомянутое письмо Гоголя къ Жуковскому изъ Полтавы отъ *іюля 15-го* 1835 г., гдѣ Гоголь пишетъ: «Все почти мною извѣдано и узнано, только на Кавказѣ не былъ... Былъ только въ Крыму, гдѣ пачкался въ минеральныхъ грязяхъ. Впрочемъ, здоровье, кажется, ужъ отъ однихъ переѣздовъ поправилось» [2]). Противорѣчитъ предположенію г. Пѣтухова и остальное содержаніе письма къ Прокоповичу: все письмо переполнено еще свѣжими петербургскими и московскими воспоминаніями, и Гоголь проситъ добыть и выслать ему книгу и термометры въ деревню, что̀ было бы излишне въ концѣ іюля, не задолго до обратнаго отъѣзда въ Петербургъ [3]), куда Гоголь возвратился 1 сентября [4]).

Такъ разсуждалъ я въ началѣ сентября 1900 года, и, какъ видятъ читатели, мои разсужденія были довольно основательны, чтобы опровергнуть конъектуру проф. Пѣтухова; но самъ я, вслѣдствіе письма Гоголя къ матери отъ *15 іюня 1835 г.*, все-таки оставался въ очень затруднительномъ положеніи: мнѣ приходилось въ письмѣ Гоголя къ Прокоповичу предполагать *двойную ошибку* и вмѣсто *24 мая* читать *28*, *29* или *30 іюня*, да и притомъ приходилось предполагать удивительную быстроту передвиженія Гоголя: 15 іюня онъ еще спокойно сидитъ въ Петербургѣ, а черезъ недѣлю онъ уже у себя въ Васильевкѣ, при чемъ по дорогѣ успѣлъ захлопотаться въ Москвѣ (см. письмо Прокоповичу). Недѣлю просидѣлъ онъ дома, а 15 іюля пишетъ Жуковскому, что все почти имъ извѣдано и узнано, и онъ успѣлъ

---

1) Кіевъ, 1895, стр. 2 и 3; здѣсь между прочимъ исправлена ошибка перваго изданія, гдѣ письмо Гоголя отъ 1837 г. изъ Рима помѣчено *іюля 3*, что явно противорѣчитъ содержанію письма; у проф. Пѣтухова, какъ въ оригиналѣ, *іюня 3* (стр. 16).

2) Русск. Арх. 1871, стр. 948.

3) См. письмо къ Максимовичу отъ 20 іюля. V, 241.

4) См. письмо къ матери отъ 2 сентября. V, 243.

полѣчиться въ крымскихъ минеральныхъ грязяхъ; 20 же іюля онъ уже помышляетъ о возвращеніи въ Петербургъ съ заѣздомъ въ Кіевъ (см. письмо Максимовичу отъ 20 іюля). Въ какія нибудь 10 недѣль 2 раза пожить въ Полтавской губерніи, полѣчиться въ Крыму, 2 раза побывать въ Москвѣ и 1 разъ въ Кіевѣ — это дай Богъ и при нынѣшнихъ путяхъ сообщенія!

Помимо всего этого остается совершенно непонятнымъ, какія, безъ сомнѣнія, важныя причины могли задержать Гоголя, уже имѣвшаго въ карманѣ отпускъ изъ Университета и Института, въ Петербургѣ на цѣлыя полтора мѣсяца?[1])

Въ концѣ сентября мы съ В. И. Шенрокомъ рѣшили подѣлиться результатами нашихъ работъ по Гоголю, и онъ сообщилъ мнѣ свое прекрасно обоснованное предположеніе, что письмо отъ 15 іюня къ матери датировано Кулишемъ невѣрно: оно писано не въ 1835 г., а въ 1834 г.

Основаніе: Гоголь начинаетъ это письмо съ благодарности сестрѣ и ея мужу за *новаго племянника* и крестника. Это второй сынъ Трушковскихъ Ваня, о рожденіи котораго Марья Ивановна извѣстила своего сына письмомъ отъ 16 мая, безъ сомнѣнія, 1834 г., такъ какъ 6 ноября 1834 г. Гоголь пишетъ объ немъ и о братѣ его: «Цѣлую крестниковъ моихъ Николю и Ваню (V, 227); 15 декабря: «благодарю сестрицу.... и обнимаю малютокъ ея» (V, 229); 20 марта 1835 г.: «Обнимаю.... племянниковъ и Павла Осиповича» (V, 236) и 12 апр. 1835 г. «Обнимаю сестру и племянниковъ» (V, 240).

Такимъ способомъ прекрасно разрѣшаются всѣ недоумѣнія и противорѣчія касательно этого лѣта: Гоголь выѣхалъ изъ Петербурга, какъ и собирался, около 1 мая, пробылъ нѣсколько дней въ Москвѣ, ѣхалъ оттуда не по-фельдъегерски, а какъ слѣдуетъ и около 17 мая былъ у себя, въ Васильевкѣ; 24 мая онъ написалъ письмо Прокоповичу съ порученіями; вскорѣ затѣмъ

1) 17 апрѣля онъ пишетъ Погодину: «черезъ двѣ недѣли буду въ Москвѣ», а 15 іюня онъ еще въ Петербургѣ и въ письмѣ къ матери даже не упоминаетъ о немедленномъ выѣздѣ.

уѣхалъ въ Крымъ, откуда вернулся домой раньше половины іюля; въ первой половинѣ августа онъ поѣхалъ въ Кіевъ къ Максимовичу, оттуда на Москву и наконецъ въ Петербургъ, куда онъ вернулся 1 сентября, изо дня въ день израсходовавъ четыре мѣсяца своего отпуска.

Кстати о времени этого возвращенія. Проф. Пѣтуховъ [1]) считаетъ за фактъ, «что уже 30 августа 1835 года Гоголь былъ снова въ Петербургѣ», такъ какъ онъ вѣритъ датѣ, выставленной Кулишемъ на письмѣ Гоголя къ матери (V, 242). Но вѣрить ей нѣтъ никакой возможности въ виду содержанія этого письма: могъ ли Гоголь, только что вернувшійся въ Петербургъ изъ деревни, упрекать мать за то, что она *давно* не писала ему? Могъ ли онъ любопытствовать: «каковъ у насъ въ Малороссіи *неурожай* (sic; урожай?). Могъ ли онъ писать: «Какое прекрасное время настало *у насъ* въ концѣ августа!... Я до сихъ поръ еще не переѣхалъ въ городъ и... *все живу еще въ Стрѣльнѣ*»? Какъ наконецъ, согласовать все это съ слѣдующимъ его письмомъ отъ 2 сентября (V, 243), которое онъ начинаетъ словами: «Пишу къ вамъ на другой день послѣ пріѣзда моего въ Петербургъ»? Нѣтъ никакого сомнѣнія, что письмо это писано не въ 1835, а въ 1833 г., когда Гоголь, дѣйствительно, прожилъ лѣто на дачѣ въ Стрѣльнѣ, около Петергофа [2]).

Лѣтомъ 1835 г. Гоголь неожиданно для себя лишился мѣста въ Патріотическомъ институтѣ (гдѣ онъ, вѣроятно, порядочно манкировалъ уроками въ виду университетскихъ лекцій)

---

1) Тамъ же, стр. 2.

2) См. письмо къ матери отъ 9 авг. (V, 184), гдѣ необходимо вычеркнуть *и* послѣ слова: *Стрѣльнѣ*. Между этимъ письмомъ и ошибочно отнесеннымъ къ 1835 г. есть нѣкоторое противорѣчіе (9 авг. Гоголь пишетъ: болѣе трехъ дней, какъ я нахожусь въ городѣ. До сего же времени жилъ за городомъ, въ Стрѣльнѣ, около Петергофа», а 30 августа: «Я до сихъ поръ еще не переѣхалъ въ городъ»); но его объяснить не трудно: такъ какъ въ іюлѣ погода была плохая, Гоголь перебрался въ городъ, гдѣ онъ долженъ былъ мѣнять квартиру (Кіевск. Стар. 1888, № 3, стр. 624); когда же во второй половинѣ августа настали «дни ясные, солнечные совершенно лѣтніе» (V, 243), Гоголь опять перебрался на дачу, гдѣ, вѣроятно, еще оставалась часть его имущества.

и на зиму остался при одномъ «скверномъ университетскомъ жалованьи въ 600 руб.»[1]). Осенью онъ много работалъ, но не надъ наукой (написалъ «Коляску», началъ «Мертвыя Души» и обработывалъ «Ревизора»). Въ концѣ осени Гоголь узналъ, что ему приходится разстаться и съ университетомъ. Такимъ образомъ онъ остался при одной литературной работѣ, которой и отдается всецѣло съ поразительной для такого слабосильнаго и болѣзненнаго человѣка энергіей. Онъ обезпечилъ сбытъ своимъ произведеніямъ, убѣдивъ Пушкина не отказываться отъ изданія «Современника»[2]). Въ январѣ 1836 г. онъ уже закончилъ «Ревизора» и прочелъ его на вечерѣ у Жуковскаго[3]). Въ февралѣ и мартѣ онъ писалъ для «Современника» большую статью: «О движеніи журнальной литературы въ 1834 и 1835 г.» и тогда же изготовилъ рецензіи, напечатанныя въ № 1 пушкинскаго журнала; въ мартѣ онъ для него же отдѣлалъ «Утро чиновника» (по требованію цензуры превратившееся въ «Утро дѣлового человѣка»). Всю весну онъ занятъ хлопотами по постановкѣ «Ревизора», первое представленіе котораго состоялось 19 апрѣля. Шумный успѣхъ, восторгъ всѣхъ лучшихъ людей[4]) и вниманіе высшихъ сферъ сильно польстили самолюбію автора и дали ему непоколебимую вѣру въ свой талантъ и значеніе; но взрывъ негодованія и толки вкривь и вкось значительной части публики разстроили ему нервы и утомили его до послѣдней степени. Работаетъ Гоголь съ прежнимъ напряженіемъ (23 апрѣля онъ извѣщаетъ Щепкина, что «Женитьба» передѣлана и готова для сцены; въ маѣ онъ набросалъ «Петербургскія замѣтки» и, вѣроятно, тогда же «Игроковъ»), но чувствуетъ крайнюю необходимость перемѣнить обстановку и отдохнуть душею. 6 іюня Гоголь уѣзжаетъ за-границу.

---

1) Письмо къ Пушкину. (Русск. Арх. 1880).

2) Изд. Кулиша VI, 297.

3) Остаф. Архивъ III, 285.

4) Даже Никитенко, лично нерасположенный къ Гоголю и издѣвающійся надъ его «видомъ великаго человѣка», вынужденъ сознаться, что Гоголь своей пьесой принесъ огромную пользу обществу. См. его Дневникъ подъ 28 апрѣля.

Первый годъ его пребыванія тамъ, благодаря его многочисленнымъ письмамъ къ роднымъ, Погодину, М. П. Балабиной, Данилевскому, Плетневу, Жуковскому, Прокоповичу [1]) и разсказамъ лицъ, которыя встрѣчались съ нимъ въ чужихъ краяхъ, не представляетъ для біографа особыхъ затрудненій [2]); но во вто-

1) Кулишъ V, 263—291, Русск. Арх. 1871, 353—957 и пр.

2) Есть, правда, одна ошибка въ датѣ письма, но исправленіе ея едва ли можетъ въ комъ либо вызвать малѣйшее сомнѣніе. Въ Русскомъ Арх. 1871 г. на стр. 957 и слѣд. напечатано благодарственное письмо къ Жуковскому за деньги, полученныя при его помощи Гоголемъ отъ государя, помѣченное 30 октября 1837 г., а черезъ три страницы — письмо того же къ тому же, датированное такимъ образомъ: *Римъ. Апрѣль* $^{18}/_{6}$ *(1839)* и начинающееся словами: «Я пишу къ вамъ на этотъ разъ съ намѣреніемъ удручить васъ моею просьбою. Вы одни въ мірѣ, котораго интересуетъ моя участь». Далѣе Гоголь въ очень трогательныхъ выраженіяхъ изображаетъ свое печальное положеніе: здоровье его крайне разстроено, и только пребываніе въ Италіи можетъ спасти его. Деньги его на исходѣ, и впереди онъ не видитъ никакихъ средствъ добыть ихъ. «Заниматься какимъ-нибудь журнальнымъ мелочнымъ вздоромъ не могу, хотя бы умиралъ съ голоду: я долженъ продолжать мною начатый большой трудъ, который писать взялъ съ меня слово Пушкинъ, котораго мысль есть его созданіе и который обратился для меня съ этихъ поръ въ священное завѣщаніе». Онъ начинаетъ опасаться прямо таки голодной смерти. «Я думалъ, думалъ и ничего не могъ придумать лучше, какъ прибѣгнуть къ Государю. Онъ милостивъ; мнѣ памятно до гроба то вниманіе, которое Онъ оказалъ моему «Ревизору». Я написалъ письмо, которое прилагаю; если вы найдете его написаннымъ, какъ слѣдуетъ, будьте моимъ предстателемъ, вручите!» Но письмо должно быть вручено и въ томъ случаѣ, если оно написано не подобающимъ образомъ: «Скажите, что я невѣжа, не знающій, какъ писать къ Его высокой особѣ, но что я исполненъ весь такой любви къ Нему, какою можетъ быть исполненъ одинъ только русскій подданный, и что осмѣлился потому только безпокоить Его просьбою, что зналъ, что мы всѣ Ему дороги, какъ дѣти». Далѣе Гоголь выражаетъ желаніе, чтобы ему былъ назначенъ «такой пансіонъ, какой дается воспитанникамъ академіи художествъ, живущимъ въ Италіи, или хоть такой, какой дается дьячкамъ, находящимся здѣсь при нашей церкви» и рекомендуетъ Жуковскому указать государю на его повѣсти: *Старосвѣтскіе помѣщики* и *Тарасъ Бульба*, которыя нравились «совершенно всѣмъ вкусамъ». Гоголь оканчиваетъ это письмо такъ: «Меня одолѣваютъ теперь такія печальныя мысли, что я опасаюсь быть несправедливымъ ко всему, что должно утѣшать и восхищать душу. *Можетъ быть*, это отчасти *дѣйствіе той ужасной утраты, которую мы понесли*, и въ которой я до сихъ поръ не имѣю силъ увѣриться, которая, кажется, оборвала въ моей жизни лучшія ея украшенія и сдѣлала ее обнаженнѣе и печальнѣе».

Къ словамъ: *ужасной утраты* издатель дѣлаетъ примѣчаніе: «*Кончина молодого графа Іосифа Михайловича Вельгорскаго*».

Но гр. І. М. Вельгорскій былъ живъ $^{18}/_{6}$ апрѣля 1839 г.; только 3 мая

ромъ полугодіи 1837 г. мы снова наталкиваемся на путаницу, нелегко разъясняемую. Весь іюль этого года Гоголь несомнѣнно лѣчился въ Баденѣ[1]); по всей вѣроятности тамъ же или въ небольшихъ разъѣздахъ провелъ онъ и августъ; затѣмъ онъ долженъ былъ направить путь въ Италію черезъ Швейцарію. 19 сентября (неизвѣстно, какого стиля) мы находимъ его въ Женевѣ въ довольно печальномъ настроеніи: онъ безъ денегъ, боится ипохондріи; желудокъ его «гадокъ до невозможной степени»; вòды ему «ничего не помогли»[2]). Въ Женевѣ Гоголь пробылъ больше, нежели думалъ[3]), но въ гораздо лучшемъ состояніи, нежели въ началѣ: туда пріѣхалъ Данилевскій, и они «провели осень довольно пріятно». Здѣсь Гоголь получилъ вексель, который далъ ему возможность вернуться съ спокойнымъ сердцемъ въ Италію[4]). 30 октября Гоголь уже въ Римѣ и въ письмѣ къ Жуковскому выражаетъ свой восторгъ по поводу свиданія съ «душенькой» и «красавицей» Италіей и свою горячую благодарность государю и Жуковскому за «вспоможеніе»[5]).

Къ сожалѣнію, эту, повидимому, весьма опредѣленную хро-

этого года Гоголь пишетъ Погодину: «Іосифъ, кажется, умираетъ рѣшительно. Бѣдный, кроткій, благородный Іосифъ» (V, 370—1). «Ужасная утрата», безъ всякаго сомнѣнія, — смерть Пушкина, и *уже по одному этому письмо должно* быть отнесено къ 1837 году.

Кромѣ того, совершенно не вѣроятно, чтобы Гоголь, получившій полтора года назадъ «вспоможеніе» отъ государя черезъ посредство Жуковскаго (Русс. Архивъ, 1871, 957) въ апрѣлѣ 1839 г. снова обращался къ тому же средству, ни однимъ словомъ не упоминая объ успѣхѣ прежняго ходатайства Жуковскаго и ничѣмъ не оправдывая своей назойливости. Это важное письмо писано несомнѣнно $^{18}/_{6}$ апрѣля 1837 г. 8 іюня того же года Гоголь черезъ посредство Прокоповича и Плетнева освѣдомляется о судьбѣ своей просьбы. (Изд. Пѣтухова, стр. 17).

1) См. письмо Прокоповичу $^{9}/_{21}$ іюля и разсказъ Кулиша I, 209.

2) Письмо къ Прокоповичу, изд. г. Пѣтухова, стр. 21.

3) V, 294 «ожидая изъ Петербурга нужныхъ для меня писемъ»—пишетъ онъ матери, Жуковскому и М. П. Балабиной онъ объясняетъ это иначе — холерой, о которой не упоминаетъ матери, чтобы не напугать ея.

4) Такъ онъ пишетъ М. П. Балабиной (V, 315), но вѣрнѣе онъ получилъ здѣсь только извѣстіе о векселѣ, который дожидался его въ Римѣ (письмо Жуковскому, въ Русс. Арх. 1871, стр. 958).

5) См. вышеуказанное письмо 957—9.

нологію разрушаетъ письмо Гоголя къ матери изъ Милана отъ *24 ноября* 1837 г., въ которомъ онъ разсказываетъ ей о своемъ пребываніи въ Женевѣ, о переѣздѣ черезъ Альпы, о Миланѣ; въ концѣ его Гоголь говоритъ: «Я пробуду еще день въ Миланѣ и отправлюсь во Флоренцію, а оттуда въ Римъ». И такъ въ концѣ октября Гоголь уже въ Римѣ, а черезъ три недѣли переѣзжаетъ Альпы, направляясь изъ Швейцаріи въ Миланъ. Чтобы объяснить эту странность, г. Шенрокъ считаетъ необходимымъ «предположить, что уже вернувшись туда (въ Римъ) въ концѣ октября, Гоголь снова на короткое время долженъ былъ еще разъ пріѣхать въ Швейцарію»[1]). Но это предположеніе рѣшительно лишено вѣроятности: не говоря уже о томъ, что Гоголю было бы страшно трудно покинуть свою «душеньку» и «красавицу», до которой онъ только что добрался, и снова терпѣть 20-градусный морозъ на Альпахъ, и что все его описаніе переѣзда черезъ Сенъ-Плонъ ясно указываетъ на свѣжесть *перваго* впечатлѣнія (этотъ перевалъ былъ бы *третьимъ* въ этомъ году, если предположеніе г. Шенрока принять за фактъ), Гоголь въ письмѣ изъ Милана ясно говоритъ, что пишетъ матери раньше, чѣмъ могъ ознакомиться съ содержаніемъ ея писемъ, ожидающихъ его въ Римѣ; стало быть, до написанія этого письма Гоголь въ Римѣ еще не былъ.

Единственная возможность для біографа выпутаться изъ этого затрудненія — предположить ошибку въ датѣ того или другого письма: или на письмѣ къ матери изъ Милана вмѣсто *24 ноября* слѣдуетъ читать *24 октября* или на письмѣ къ Жуковскому изъ Рима *30 ноября* вмѣсто *30 октября*: и самъ Гоголь могъ ошибиться, и издатель могъ поставить одинъ мѣсяцъ вмѣсто другого; а шести, даже пяти дней и при тогдашнихъ путяхъ сообщенія было совершенно достаточно, чтобы проѣхать изъ Милана въ Римъ и успѣть нанять себѣ квартиру въ хорошо знакомомъ городѣ[2]). Первое вѣроятнѣе, такъ какъ во 1-хъ Ку-

---

1) III, 197 и тамъ же, прим. 2-ое; ср. тоже, III, 200.

2) Strada Felice № 126, ultimo piano. Р. Арх. 1871, стр. 959. Здѣсь Гоголь

лишъ, какъ уже доказано, не отличался безупречною аккуратностью относительно хронологіи; во 2-хъ самъ Гоголь въ письмахъ къ Жуковскому былъ, надо думать, болѣе осмотрителенъ, нежели въ письмахъ къ роднымъ; а въ 3-хъ, наконецъ, (и это аргументъ несокрушимый) необходимо принять во вниманіе письмо Гоголя къ Данилевскому отъ 2 февраля 1838 г.[1]), гдѣ Гоголь говоритъ: «Я... тотчасъ же по пріѣздѣ въ Римъ написалъ къ тебѣ письмо. Это было, если не ошибаюсь, *въ первыхъ числахъ ноября*». Гоголь могъ ошибиться на нѣсколько дней, но не на цѣлый мѣсяцъ. А кромѣ того, весьма вѣроятно, что онъ и не ошибся, а въ письмѣ къ Жуковскому, въ Россію (какъ, большею частію въ письмахъ къ матери во время этого пребыванія) держится стараго стиля, а въ письмѣ къ Данилевскому, жившему въ Парижѣ—новаго.

Г. Шенрокъ полагаетъ, что въ ту же осень Гоголь кромѣ этой двухкратной поѣздки въ Швейцарію, совершилъ еще путешествіе въ Парижъ къ Данилевскому[2]). Предположить такое путешествіе г. Шенрока заставили два недатированныя письма Гоголя къ Данилевскому одно изъ Ліона, отнесенное Кулишомъ къ 1837 г.[3]), а другое изъ Рима, пріуроченное, судя по мѣсту его напечатанія[4]), къ январю 1838 г. Изъ обоихъ писемъ видно, что Гоголь разстался съ Данилевскимъ очень недавно и именно въ Парижѣ, а изъ Парижа черезъ Ліонъ и Марсель проѣхалъ въ Римъ. Но г. Шенрокъ во-первыхъ упустилъ изъ виду, что путь изъ Парижа на Женеву вовсе не проходитъ черезъ Ліонъ и Марсель; во-вторыхъ, что самъ Гоголь въ началѣ ліонскаго

прожилъ всю зиму. См. его письмо къ Балабиной отъ апрѣля 1838 (V, 319) и письмо къ Прокоповичу безъ даты (изд. Пѣтухова, стр. 22).

1) V, 299.

2) Такимъ образомъ всѣ маршруты Гоголя за это время представляются въ такой послѣдовательности: «изъ Женевы онъ поѣхалъ въ Римъ и прибылъ туда въ концѣ октября, затѣмъ снова поѣхалъ въ Парижъ и въ Швейцарію, наконецъ *изъ Женевы* возвратился черезъ Сенплонъ, проѣхалъ мимо острова Isola Bella въ Миланъ, Флоренцію и Римъ» (III, 202 ср. 541).

3) V, 293—4. На немъ нѣтъ года и мѣсяца, но стоитъ *26, воскресенье.*

4) V, 297—9.

письма противупологаетъ путь, имъ избранный, пути черезъ Женеву [1]), и въ-третьихъ, въ концѣ этого письма Гоголь говоритъ о стихахъ на *пожаръ Зимняго дворца*, а пожаръ этотъ произошелъ *17 декабря 1837 г.*, слѣдовательно въ ноябрѣ этого года никакихъ стиховъ по поводу этого пожара существовать не могло. Соображенія же г. Шенрока, что недатированное письмо къ Данилевскому изъ Рима должно слѣдовать за ліонскимъ, совершенно справедливы; но такъ какъ ліонское письмо не можетъ относиться къ 1837 г., то и для римскаго надо искать другого пріуроченія.

Мнѣ думается, найти таковое не трудно. Въ августѣ *1838* года Гоголь живетъ близъ Неаполя въ Кастелла-Маре и во всѣхъ отношеніяхъ чувствуетъ себя неудовлетворительно: здоровье его расклеилось; работа надъ «Мертвыми Душами» идетъ вяло; «мои обстоятельства денежныя плохи, и всѣ мои родные терпятъ тоже», пишетъ онъ Погодину 20 августа [2]). Неаполь нравится ему гораздо менѣе Рима, да и тотъ утѣшаетъ его, повидимому, не такъ, какъ прежде. Совершенно неожиданно узнаетъ онъ, что Данилевскій, съ которымъ онъ распростился письменно еще 30 іюня и котораго считаетъ уже находящимся въ Петербургѣ, еще въ Парижѣ и въ весьма печальномъ положеніи: онъ «полубольной и подъ вліяніемъ скуки и тоски смертельной» [3]) (онъ сравнительно недавно узналъ о смерти матери), и въ добавокъ вексель, ему высланный, попалъ въ руки мошенника. Данилевскій зоветъ Гоголя пріѣхать въ Парижъ. У Гоголя, который искренно и сердечно любитъ Данилевскаго, является идея исполнить просьбу друга: утѣшить и развлечь его и самому развлечься въ его обществѣ [4]). Это будетъ, конечно, порядочный, и, при

1) «Я много, много кратъ досадовалъ на то, что взялъ эту подлую дорогу на Марсель. Ничего родного до самого Рима — это, право тоска. Тамъ хоть Женева» и пр. V, 293.

2) V, 333.

3) V, 334.

4) Тамъ же: «Я уже было простился съ тобою, уже отправилъ къ тебѣ письмо въ Петербургъ, уже, холодно сжавши сердце, приготовилъ на одиночество остатокъ своей жизни. Теперь опять виденъ мнѣ какой-то лучъ надежды тебя увидѣть».

его безденежьи, весьма чувствительный расходъ; но за то онъ имѣетъ основаніе думать, что путешествіе принесетъ пользу его здоровью. Гоголь немедленно сообщаетъ свою идею Данилевскому и настолько увлекается ею, что въ концѣ письма проситъ написать ему два отвѣта: одинъ въ Неаполь, а другой въ Марсель, чтобы захватить его по дорогѣ.

Гоголь, по видимому, не дождался отвѣта Данилевскаго въ Неаполѣ [1]); 28 августа (вѣроятно, по старому стилю) онъ уже на пути къ Парижу, въ Ливорно и, судя по тону письма къ матери, въ несравненно лучшемъ настроеніи духа, чѣмъ былъ на мѣстѣ [2]). За тѣмъ ни ей и никому другому нѣтъ писемъ до $^{13}/_{1}$ октября, когда Гоголь находится уже въ Генуѣ на пути въ Римъ. Не ясно ли, что этотъ мѣсяцъ слишкомъ Гоголь провелъ въ Парижѣ и на пути туда и оттуда черезъ Марсель? [3]).

Вотъ отчего въ письмѣ изъ Рима Данилевскому безъ даты (V, 297 — 9; датировать его нужно первой половиной октября 1838 г.) Гоголь говоритъ о нынѣшнемъ своемъ въѣздѣ въ Римъ, какъ о *третьемъ*, и пишетъ: «я еще до сихъ поръ не приладилъ себя къ Римской жизни: *Парижъ своими великолѣпными храмами* [4]) меня много разстроилъ... Мысль моя еще не вся оторвалась отъ Монмартра и бульвара des Italiens». Вотъ отъ чего въ письмѣ къ тому же Данилевскому отъ 31 декабря 1838 г. (V, 353 — 4) онъ вспоминаетъ, какъ *недавно* они играли на биліардѣ и какъ онъ, садясь въ дилижансъ, просилъ Козлова про-

1) Этотъ отвѣтъ (помѣченъ 27 августа), выражающій восторженную радость Данилевскаго при мысли о предстоящемъ свиданіи съ Гоголемъ, см. у г. Шенрока III, 237—8.

2) V, 336—7. Гоголь ни теперь, ни послѣ не сообщаетъ матери о своей поѣздкѣ въ Парижъ; онъ только пишетъ, что до его возвращенія въ Римъ «пройдетъ по крайней мѣрѣ мѣсяцъ»; очевидно, онъ самъ считалъ эту поѣздку нѣсколько легкомысленной; а въ глазахъ матери онъ всегда хотѣлъ быть очень благоразумнымъ.

3) Цифра *28*, выставленная на ліонскомъ письмѣ, должна означать 28 сентября по ст. стилю, что совершенно сходится съ пріѣздомъ Гоголя въ Геную $^{13}/_{1}$ октября.

4) На жаргонѣ Гоголя и Данилевскаго такъ назывались кафе.

вести ночь въ комнатѣ его Гоголя и не оставлять Данилевскаго одного. Непонятнымъ мнѣ остается одно слово въ концѣ недатированнаго письма изъ Рима: «Когда я изъ Неаполя выѣхалъ *во Франкфуртъ*, я не замѣтилъ совсѣмъ перемѣны въ небѣ и въ солнцѣ, и пріѣхавши *даже* въ Парижъ, мнѣ казалось все передо мною тоже небо» и пр. Но едва ли какая-нибудь смѣлая догадка можетъ объяснить путешествіе изъ Неаполя въ Парижъ черезъ Франкфуртъ, а слово: *даже* въ примѣненіи къ небу и солнцу несомнѣнно указываетъ, что Парижъ былъ самымъ сѣвернымъ пунктомъ путешествія Гоголя. Очевидно, вмѣсто Франкфурта надо читать какое то другое имя [1]).

Характерно одно противорѣчіе въ письмахъ Гоголя отъ той же второй половины 1838 г., которое, впрочемъ, не можетъ вызвать большихъ недоумѣній. 20 августа, въ тотъ же день, какъ онъ сообщаетъ Данилевскому свой, пока еще не установившійся планъ посѣтить его въ Парижѣ, онъ пишетъ Погодину очень задушевное письмо, въ которомъ, между прочимъ, проситъ у него взаймы на годъ или полтора 2000 (рублей асс.) [2]). 1 декабря эти деньги уже въ рукахъ у Гоголя; онъ очень благодаритъ за нихъ Погодина и составляетъ планъ уплатить ихъ вторымъ изданіемъ «Ревизора» [3]); а 31 декабря Гоголь пишетъ Данилевскому: «Я, пріѣхавши въ Римъ, нашелъ здѣсь для меня 2000 франковъ отъ добраго моего Погодина, который, *не знаю, какимъ образомъ, пронюхалъ*, что я въ нуждѣ и прислалъ мнѣ ихъ. Они мнѣ были очень кстати» [4]).

Г. Шенрокъ [5]) объясняетъ это противорѣчіе между фактомъ и его передачею «истинной деликатностью» Гоголя: онъ не хо-

---

1) Когда мы стали дѣлиться съ В. И. Шенрокомъ нашими соображеніями, онъ разрѣшилъ это мое недоумѣніе блистательнымъ образомъ: надо читать во *Францію* (такъ въ оригиналѣ, хотя не совсѣмъ разборчиво).

2) V, 332 - 3. Весьма возможно, что именно мысль о сверхсмѣтномъ расходѣ на поѣздку въ Парижъ побудила Гоголя озаботиться заранѣе о пополненіи своей кассы.

3) V, 348—350.

4) V, 352.

5) III, 235. Примѣчаніе.

тѣлъ признаться другу, что ради него долженъ былъ прибѣгнуть къ просьбамъ. Объясненіе было бы очень удачно, еслибы дѣло происходило такъ, какъ передаетъ его г. Шенрокъ. Но передача его не отличается полной точностью. Г. Шенрокъ говоритъ: «Гоголю пришлось въ это время выручить Данилевскаго изъ бѣды, въ которую тотъ попалъ, благодаря мошенническому похищенію какимъ-то евреемъ присланныхъ ему изъ дому денегъ... Узнавъ объ этомъ приключеніи, Гоголь немедленно написалъ письмо Погодину, въ которомъ убѣдительно просилъ его... прислать ему вексель въ 2000 руб. къ русскому (читай: римскому) банкиру Валентини. *Между тѣмъ* онъ отправилъ Данилевскому сохранявшійся у него билетъ въ 100 франковъ, говоря: «Я не трогалъ его никогда, какъ будто зналъ его пріятное для меня назначеніе, и, получивъ *изъ Рима* 200 франковъ, тотчасъ переслалъ ему».

Гоголь, дѣйствительно, обратился къ Погодину съ просьбою о 2000 въ тотъ же самый день (20 авг.), какъ получилъ извѣстіе о непріятности, случившейся съ Данилевскимъ; но нѣтъ никакого основанія думать, что этими деньгами онъ намѣревался выручить изъ бѣды друга, да въ данный моментъ Данилевскій и не жаловался на безденежье. Вексель, похищенный или присвоенный евреемъ, былъ ему нуженъ для возвращенія въ Россію; но уѣхать на деньги Гоголя, не отыскавъ векселя, было бы крайне не разсчетливо, и Гоголь не могъ посовѣтовать этого [1]). Выраженіе г. Шенрока: «между тѣмъ онъ отправилъ ему» и пр. заставляетъ читателя думать, что Гоголь тогда же отправилъ Данилевскому билетъ въ сто франковъ, а на самомъ дѣлѣ онъ отправилъ этотъ билетъ черезъ четыре съ половиною мѣсяца [2]),

1) Въ томъ же письмѣ отъ 20 авг. онъ говоритъ: «Можетъ быть, этотъ непріятный случай, такъ несчастный, эта исторія съ векселемъ, можетъ быть, она приключилась нарочно, чтобы тебѣ помѣшать этотъ годъ ѣхать» (V, 333). Эта исторія (въ чемъ она именно состояла, мы не знаемъ) благополучно окончилась въ началѣ слѣдующаго года. См. письма къ Данилевскому отъ 5 февр. (V, 358): «Я радъ, что процессъ наконецъ выигранъ и что мерзавецъ жидъ наконецъ таки наказанъ достойнымъ образомъ».

2) 31 декабря. См. V, 352.

когда Данилевскій, дѣйствительно оказался въ критическомъ положеніи; тогда же изъ полученныхъ (не *изъ Рима*, *а въ Римъ*) отъ Погодина 2000, Гоголь обѣщается переслать другу «франковъ, можетъ быть, 200»[1]), т. е. одну десятую часть, а девять десятыхъ онъ употребилъ на свои нужды. При чемъ же здѣсь «истинная деликатность?».

Очевидно, необходимо искать другого объясненія; единственно вѣроятнымъ мнѣ представляется слѣдующее.

Гоголь и въ это время оставался до нѣкоторой степени «таинственнымъ карло», какъ въ Нѣжинѣ, и хотя онъ искренно любилъ Данилевскаго, но не былъ съ нимъ вполнѣ откровененъ (какъ не былъ вполнѣ откровененъ и съ матерью): онъ и съ нимъ держался извѣстной политики и въ силу ея онъ передъ нимъ былъ непрочь похвалиться необыкновенною преданностью своихъ московскихъ друзей (которую онъ и дѣйствительно цѣнилъ очень высоко). Сознаться, что онъ просилъ ихъ помощи, ему не хотѣлось; выходило гораздо красивѣе, если бы они сами догадались помочь ему.

Замѣчательно вѣрно охарактеризовалъ Гоголя С. Т. Аксаковъ, сказавъ: «Онъ былъ не лгунъ, а *выдумщикъ*».

Объ этихъ 2000 (рубляхъ ассигнаціями или франкахъ — это почти одно и тоже) С. Т. Аксаковъ разсказываетъ слѣдующее[2]):

«Въ началѣ 1838 г. распространились по Москвѣ слухи, что Гоголь отчаянно боленъ въ Италіи и даже посаженъ за долги въ тюрьму. Разумѣется, послѣднее было совершенная ложь. Во всей Москвѣ переписывался съ нимъ одинъ Погодинъ; онъ получилъ, наконецъ, письмо отъ Гоголя, увѣдомлявшее о его болѣзни и трудныхъ денежныхъ обстоятельствахъ. Это письмо было писано изъ Неаполя отъ 20 августа. Между прочимъ Гоголь писалъ въ немъ: «Мнѣ не хотѣлось бы пользоваться твоею добротою. Теперь я доведенъ до того. Если ты богатъ, пришли вексель на 2000. Я тебѣ черезъ годъ, много черезъ полтора

---

1) Тамъ же.

2) «Исторія моего знакомства съ Гоголемъ». (Р. Арх. 1890, № 8, с. 13—14).

ихъ возвращу»[1]). Мы рѣшились ему помочь, но подъ большимъ секретомъ; я, Погодинъ, Баратынскій и Н. Ф. Павловъ сложились по 250 р. и 1000 р. предложилъ самъ по сердцу весьма добрый человѣкъ, И. Е. Великопольскій, которому я только намекнулъ о положеніи Гоголя и о нашемъ намѣреніи. *Секретъ былъ вполнѣ сохраненъ.* Погодинъ долженъ былъ написать къ Гоголю письмо слѣдующаго содержанія: «Видя, что ты находишься въ нуждѣ, на чужой сторонѣ, я, имѣя свободныя деньги, посылаю тебѣ 2000 р. асс. Ты отдашь ихъ мнѣ тогда, когда разбогатѣешь»[2]). Деньги были отосланы немедленно. *Съ этими деньгами случилась странная исторія.* Я удостовѣренъ, что онѣ были получены Гоголемъ, потому что въ одномъ своемъ письмѣ Погодинъ очень неделикатно напоминаетъ объ нихъ Гоголю, тогда какъ онъ далъ честное слово намъ, что Гоголь никогда не узнаетъ о нашей складчинѣ; но *вотъ что непостижимо:* когда финансовыя дѣла Гоголя поправились, когда онъ напечаталъ свои сочиненія въ 4-хъ томахъ, тогда онъ поручилъ всѣ расплаты Шевыреву и далъ ему собственноручный регистръ, въ которомъ даже всѣ мелкіе долги были записаны съ точностью; объ этихъ же 2000 не упомянуто; этотъ регистръ и теперь[3]) находится у Шевырева.

Самое простое объясненіе, что Гоголь забылъ объ этихъ 2000, не приходитъ въ голову С. Т. Аксакову, такъ хорошо изучившему нравъ Гоголя; очевидно, оно не годится и для насъ. Остается предположить, что Гоголь не считалъ себя обязаннымъ возвратить деньги, собранныя *въ складчину*, когда нѣкоторыхъ

---

1) Слова Гоголя воспроизведены буквально (см. V, 333); очевидно, во время составленія статьи, письмо это находилось въ бумагахъ С. Т. Аксакова.

2) Едва ли письмо было написано въ точности въ *такомъ* смыслѣ: Погодинъ, повидимому, оставилъ мѣсто для предположенія, что онъ занялъ эти деньги или что посылка ихъ была для него сопряжена съ затрудненіемъ, такъ какъ 1 дек. Гоголь пишетъ ему: «Мнѣ все кажется, что ты отказалъ себѣ и что нуждаешься. Если за «Ревизора» дадутъ вдругъ деньги, то ты, пожалуйста, пополни ими нанесенную мною пустоту твоему кошельку, или *отдай ихъ тому, у кого ты занялъ для меня»* (V, 349).

3) Писано въ 1856 г.

изъ складчиковъ, можетъ быть, и розыскать было затруднительно. Можетъ быть, и Погодинъ, раскаявшись въ своей неделикатности, просилъ Гоголя не упоминать объ этихъ деньгахъ.

Послѣ вышеупомянутаго путешествія въ Парижъ, Гоголь смирно сидитъ на мѣстѣ, въ Римѣ, но недоволенъ ни состояніемъ своего здоровья, ни результатами работы. Съ начала 1839 г. его развлекаетъ пріѣздъ друзей, сперва Жуковскаго, а потомъ Погодина, съ которыми онъ вновь изучаетъ или, какъ онъ выражается, «читаетъ» Римъ. Мѣсяцъ, который провелъ въ Римѣ Погодинъ (отъ 8 марта до 9 апрѣля)[1]) имѣлъ въ жизни Гоголя весьма важное значеніе. Погодинъ при всѣхъ недостаткахъ своего характера и ума, при нѣкоторой душевной холодности (которую, впрочемъ, едва ли не слишкомъ сильно подчеркиваетъ г. Шенрокъ, напр. III, 271 и въ многихъ друг.) былъ человѣкъ далеко не заурядный, крѣпкій духомъ и тѣломъ, имѣвшій всѣ необходимыя качества для пропаганды своихъ идей; а какъ разъ въ это время, послѣ своего путешествія по славянскимъ землямъ, онъ былъ весь проникнутъ *славянофильствомъ* въ наиболѣе точномъ значеніи этого слова. Съ другой стороны тотъ же Погодинъ явился въ Римъ съ горячею вѣрою въ значеніе *изученія народности*, которое давно уже исповѣдовали братья Гриммы и которому придалъ новую силу поворотъ въ гегеліанствѣ (даже и въ русскомъ), начавшемъ именно теперь поклоняться народу, какъ воплощенію естественности и простоты. Гоголь гораздо умнѣе и талантливѣе Погодина, но далеко уступаетъ ему въ научномъ развитіи и въ силѣ убѣжденій. Великій художникъ, онъ далеко не былъ великимъ мыслителемъ и, не смотря на свое самомнѣніе и малороссійское упорство, довольно легко подчинялся вліянію лицъ, которыхъ въ какомъ либо отношеніи считалъ выше себя. Онъ недавно потерялъ въ Пушкинѣ безконтрольнаго руководителя своихъ послѣднихъ лѣтъ; Жуковскій слишкомъ мягокъ и благодушенъ и слишкомъ романтиченъ, чтобы подчинить себѣ

1) См. его «Годъ въ чужихъ краяхъ». М. 1844, часть II.

такого практически-умнаго человѣка, какъ Гоголь; на Погодина же Гоголь и прежде, волей-неволей, смотрѣлъ снизу вверхъ, какъ на товарища по каѳедрѣ, гораздо лучше его подготовленнаго, хотя и старался скрывать это подъ видомъ независимости (припомнимъ, какъ онъ просилъ лекцій Погодина «для соображеній»). Въ Римѣ Погодинъ не работалъ почти вовсе, а цѣлые дни проводилъ съ Гоголемъ и, безъ сомнѣнія, говорилъ, говорилъ съ утра до вечера съ тѣмъ глубокимъ и нѣсколько назойливымъ убѣжденіемъ въ правотѣ своей, которое было ему свойственно [1]). Могъ ли не поддаться его рѣчамъ Гоголь, который какъ разъ въ это время находился въ критическомъ положеніи: отъ одного берега отсталъ, а къ другому еще далеко не успѣлъ пристать?

Результаты такіе: Гоголь немедленно по отъѣздѣ Погодина изучаетъ Снегирева и Сахарова, вступаетъ въ переписку съ Шафарикомъ, хлопочетъ за Колара и пр. [2]).

Еще частный, но очень характерный фактъ: Шевыревъ уже давно жилъ въ Римѣ, и Гоголь былъ съ нимъ знакомъ, но не искалъ сближенія [3]): натуры были слишкомъ несходныя; пріѣхалъ и пожилъ съ Гоголемъ Погодинъ, и Гоголь беретъ подъ свою охрану жену и сына Шевырева, сходится съ нимъ на *ты* [4]) и остается въ близкихъ отношеніяхъ на всю жизнь.

Немедленно по отъѣздѣ Погодина и Шевырева, въ маѣ 1839 г., Гоголь переживаетъ душевную драму, значеніе которой, я полагаю, не вполнѣ вѣрно опредѣлено новѣйшимъ біогра-

---

1) Подъ 26 марта Погодинъ записываетъ въ своемъ дневникѣ: «Толковали съ Гоголемъ о русской литературѣ за рюмкою сладенькаго и легонькаго дженсано, ей на здоровье и *на освобожденіе отъ двадесяти языковъ*». См. Погодина, Годъ въ чужихъ краяхъ, II, 89.

2) V, 369—71. Объ этомъ славянолюбіи Гоголя упоминаетъ и г. Шенрокъ (III, 291, прим. 2) и ставитъ это въ связь съ раннимъ интересомъ Гоголя къ галицкимъ пѣснямъ. Связь эта не подлежитъ сомнѣнію, но есть разница между полусознательнымъ украинофильствомъ юнаго Гоголя и его отношеніями къ славянству послѣ его совмѣстнаго житья съ Погодинымъ въ Римѣ и Маріенбадѣ.

3) V, 353.

4) V, 371.

фомъ Гоголя г. Шенрокомъ, который говоритъ [1]): «Какое сильное, *потрясающее впечатлѣніе* имѣла на Гоголя съ каждымъ днемъ надвигавшаяся смерть Віельгорскаго, видно уже изъ того, что въ эти *ужасные* дни *все остальное рѣшительно потеряло для него свое значеніе:* теперь для него были мертвы и утратили всякій смыслъ и волшебныя чары Рима, и высокіе художественные замыслы и впечатлѣнія, и воспоминанія о близкихъ друзьяхъ и знакомыхъ, и, тѣмъ болѣе, собственные мелкіе, эгоистическіе разсчеты и соображенія». Немного выше [2]) г. Шенрокъ объясняетъ это такъ: «Страшная трагедія послѣдняго разсчета съ жизнью, всегда оставляющая такое тяжелое, подавляющее чувство, является для присутствующихъ при кончинѣ особенно ужасной, когда неумолимая смерть избираетъ своей жертвой, какъ было и на этотъ разъ, существо прекрасное, чистое, съ богатыми надеждами и блестящими дарованіями [3]). Тогда естественный роковой исходъ болѣзни представляется какимъ-то оскорбительно нелѣпымъ, и самая жизнь получаетъ видъ печальной несообразности» и пр.

Немного ниже (III, 260) г. Шенрокъ говоритъ: «Проводя унылыя безсонныя ночи у одра друга, Гоголь сильно надорвалъ нервы: въ груди у него закипѣло озлобленіе противъ всего счастливаго, безмятежно пользующагося благами жизни» и т. д.

«Ужасные дни», ропотъ на безсмысленность жизни, озлобленіе, полное равнодушіе ко всему остальному, все это противорѣчитъ и фактамъ, и собственнымъ словамъ Гоголя. Въ письмѣ Погодину отъ 3 мая, гдѣ Гоголь заявляетъ: «Іосифъ, кажется, умираетъ рѣшительно» [4]), Гоголь выказываетъ интересъ и къ

1) III, 258.

2) Стр. 257—8.

3) По поводу дарованій и надеждъ, возлагавшихся на гр. Віельгорскаго мы должны исправить недосмотръ г. Шенрока; на стр. 256 того же III тома онъ цитируетъ «Годъ въ чужихъ краяхъ» Погодина, которому молодой графъ показывалъ «матеріалы для исторіи литературной критики»; надо читать: «матеріалы для литературы *русской исторіи*».

4) V, 367—371.

Старожитностямъ Шафарика и къ сочиненію Грифи о Сибилахъ и къ предстоящему путешествію въ Маріенбадъ и мн. др. Въ письмѣ къ Балабиной, писанномъ за день, за два до смерти Віельгорскаго, Гоголь вчитывается въ слогъ своей корреспондентки, даетъ совѣты, какъ ей поправить здоровье, говоритъ обстоятельно о своемъ, которое *non vale un fico*, зло и остроумно характеризуетъ «закопченную табачищемъ Германію», говоритъ объ игрѣ Каратыгина и т. д. [1]). Самъ Гоголь въ письмѣ къ Погодину такъ изображаетъ свое состояніе, тѣлесное и душевное: «Я теперь очень и слишкомъ (?) занятъ моимъ больнымъ Віельгорскимъ: сижу надъ нимъ ночи безъ сна и ловлю всѣ его мановенія. Есть святыя услуги дружбы, и я долженъ теперь ихъ исполнить. Но удивительно — я не чувствую никакой усталости; здоровье мое ничуть не сдѣлалось хуже. Даже лицо мое не носитъ никакихъ знаковъ изнеможенія. *Находятъ даже меня поправившимся. Сладки и грустны* мои минуты нынѣшнія. Но я вѣчно благодарю Бога, что во мнѣ случилась эта надобность и что именно случился въ это время я, а не лицо чужое, неродное, непріятное для больного» [2]).

Похоже ли это на надрывъ нервовъ, на озлобленіе?!

Черезъ нѣсколько дней послѣ похоронъ Віельгорскаго, когда уже настала пора, такъ сказать, «подвести итоги», Гоголь пишетъ Данилевскому: «Я похоронилъ на дняхъ моего друга, котораго мнѣ дала судьба въ то время, въ ту эпоху жизни, когда друзья уже не даются. Я говорю объ моемъ Іосифѣ Віельгорскомъ. Мы давно были привязаны другъ къ другу, давно уважали другъ друга; но сошлись тѣсно, неразлучно и рѣшительно братски только увы! во время его болѣзни. Ты не можешь себѣ представить, до какой степени была это благородно-высокая, младенчески-ясная душа! Выскочки ума и таланта мы видимъ часто у людей; но умъ, и талантъ, и вкусъ, соединенные съ та-

---

1) V, 372—6. Ср. въ письмѣ къ Данилевскому интересъ Гоголя къ немилости Уварова. (Шенрокъ III, 289—290).

2) V, 377.

кою строгою основательностью, съ такимъ твердымъ, мужественнымъ характеромъ, это явленіе, рѣдко повторяющееся между людьми»[1]) и т. д.

Изъ всего этого и изъ извѣстнаго отрывка «Ночи на виллѣ» (въ которомъ, по моему убѣжденію, нельзя не видѣть до нѣкоторой степени *произведенія литературнаго*) ясно, что Гоголь высоко цѣнилъ молодого графа, очень сблизился съ нимъ передъ его смертью и съ грустнымъ наслажденіемъ отдавался заботамъ о немъ, радуясь тому, что въ своей преждевременно состарѣвшейся и истомленной жизненной борьбою душѣ нашелъ способность къ «живой грусти прекрасныхъ лѣтъ юношества, если не отрочества»[2]), открылъ въ себѣ способность къ самопожертвованію, къ самозабвенію на пользу другихъ. Для Гоголя смерть Віельгорскаго была не «страшная трагедія», выбившая его изъ колеи, возбудившая ропотъ на Провидѣніе, а трогательная элегическая драма, примиряющая человѣка и съ собою и съ міромъ.

Вслѣдъ за смертію Віельгорскаго въ біографіи Гоголя оказывается какъ бы промежутокъ: мы имѣемъ его вышеуказанное письмо изъ Рима къ Данилевскому отъ 5 іюня и изъ Рима же письмо къ матери безъ числа, но съ годомъ и мѣсяцемъ (тотъ же іюнь), гдѣ онъ даетъ ей адресъ: въ Маріенбадъ въ Богемію[3]). Затѣмъ по дневнику Погодина (въ данномъ мѣстѣ, впрочемъ, не раздѣленному по днямъ) мы знаемъ, что въ началѣ *іюля* Гоголь былъ уже въ Маріенбадѣ, гдѣ остался долѣчиваться и послѣ отъѣзда Погодина, 8 августа. Если письмо къ матери отнести къ половинѣ *іюня*, то промежутокъ будетъ приблизительно равняться тремъ недѣлямъ. Гдѣ былъ, что дѣлалъ въ это

---

1) V, 378.

2) См. тоже, письмо Данилевскому. (V, 377).

3) V, 379. Письмо написано сухимъ, какъ бы раздраженнымъ тономъ; адресъ данъ условно: «адресуйте ваше письмо въ Маріенбадъ, въ Богемію; оттуда оно *будетъ ко мнѣ отправлено* вѣрнѣйшимъ образомъ». Это то самое письмо, которое возбудило негодованіе покойнаго О. Ѳ. Миллера. (Р. Ст. 1875, IX, стр. 105. Шенрокъ, III, 287).

время Гоголь, мы не знаемъ. Этотъ промежутокъ заполняютъ А. О. и О. Н. Смирновы довольно туманными разсказами, которые приводитъ г. Шенрокъ [1]). По словамъ Смирновыхъ, Гоголь, похоронивъ молодого графа, выѣхалъ на встрѣчу графини Луизы Карловны, матери покойнаго, и засталъ ее въ Марселѣ.

Но въ подробностяхъ (весьма существенныхъ) показанія Смирновыхъ расходятся. Изъ словъ дочери надо заключить, что Гоголь пріѣхалъ въ Марсель одинъ и первый объявилъ ей (графинѣ) о его (сына) кончинѣ. Когда онъ сказалъ ей это, «она сѣла на полъ, накрыла лицо шалью и просидѣла *двое сутокъ* (!). Гоголь *не отходилъ отъ нея* (!); онъ все старался ее растрогать, чтобы она заплакала, и наконецъ ему удалось это» и т. д. Въ разсказѣ матери еще менѣе ясности и еще больше... «поэзіи». «Весною этого (1838) года онъ (Іосифъ Віельгорскій) занемогъ; его послали въ Римъ на зиму, и тамъ на рукахъ Елиз. Гр. Чертковой и Гоголя увялъ этотъ прекрасный цвѣтокъ и скончался тихо, не жалѣя этого міра. Его мать была въ Марселѣ съ дочерьми и сыномъ Михаиломъ, когда Гоголь *привезъ неожиданно отца на пароходѣ* (?). Графиня не хотѣла вѣрить, когда нашъ консулъ сообщилъ ей *это извѣстіе* (?); она схватила его за воротникъ (!) и закричала: «вы лжете! это невозможно»! Потомъ, *не говоря ни слова, поѣхала въ Петербургъ*, усѣлась противъ портрета сына, покрытая длиннымъ креповымъ вуалемъ, не плакала и сидѣла, какъ каменный столбъ» [2]).

Молчаливая поѣздка графини изъ Марселя въ Петербургъ— чистый вымыселъ, опровергаемый несомнѣнными документами; но совмѣстная поѣздка графа-отца и Гоголя изъ Рима въ Марсель — дѣло возможное; только какъ примирить съ нею смерть гр. Іосифа на рукахъ у Гоголя? Можетъ быть, графъ-отецъ, не успѣвшій пріѣхать при жизни сына, поспѣлъ только къ его похоронамъ и послѣ нихъ взялъ съ собою Гоголя въ Марсель,

---

1) III, 263 и слѣд.

2) Шенрокъ, III, 264—5.

чтобы тотъ, какъ сочувствующій очевидецъ, доставилъ матери грустное утѣшеніе разсказомъ о послѣднихъ дняхъ покойнаго.

Фактъ этой поѣздки Гоголя до нѣкоторой степени подтверждается письмомъ графа-отца, которое здѣсь же приводитъ г. Шенрокъ и которое онъ по недосмотру датируетъ 1838 годомъ вмѣсто 1839 г.: въ немъ гр. М. Ю. Віельгорскій называетъ Гоголя *любезнѣйшимъ товарищемъ*, *незабвеннымъ спутникомъ* и сообщаетъ ему о душевномъ состояніи графини такимъ тономъ, который указываетъ на близкое участіе Гоголя въ семейномъ горѣ [1]). Странно только, что, характеризуя свою «прекрасную, прохладную дачу», графъ не прибавляетъ «на той же» или «на извѣстной вамъ» [2]).

Въ концѣ концовъ поѣздка Гоголя въ Марсель пока остается подъ вопросительнымъ знакомъ.

Пребываніе Гоголя на водахъ въ Маріенбадѣ [3]) въ іюлѣ 1839 года и образъ его жизни тамъ не возбуждаетъ ни малѣйшихъ сомнѣній, благодаря экспансивности Погодина. Но немедленно за тѣмъ начинается такая путаница, что въ ней невозможно разобраться безъ ряда исправленій въ текстахъ и болѣе или менѣе смѣлыхъ предположеній.

Погодинъ разсказываетъ [4]), что онъ 8 августа благословилъ Гоголя остаться долѣчиваться въ Маріенбадѣ и самъ уѣхалъ въ Мюнхенъ, Швейцарію и Италію; а Гоголь, судя по его письму

---

1) Мы вообще (?) ожидали графиню Воронцову... Она была бы помощницей въ моихъ безпрестанныхъ разговорахъ съ женой, у которой горесть все глубже и глубже укореняется. «Что я за мать», говоритъ она часто: «я воображала только, что я его любила, и не умѣла умереть!» и подобные парадоксы материнской любви, которыхъ и пересказать вамъ не могу, но которые понятны вашему сердцу». (Шенр., III, 265).

2) Письмо помѣчено 28 іюля, когда Гоголь давно уже былъ въ Маріенбадѣ; но куда адресовано оно, неизвѣстно. Во всякомъ случаѣ, судя по обѣщанію графа переслать приписку Жуковскаго къ Гоголю въ Римъ, Віельгорскіе не знали о намѣреніи Гоголя ѣхать послѣ водъ въ Россію.

3) Относительно пути, какимъ Гоголь ѣхалъ въ Маріенбадъ, мы, по его позднѣйшему письму къ А. А. Иванову (V, 385), можемъ только догадываться, что онъ былъ въ Женевѣ, гдѣ купилъ Иванову часы.

4) Годъ и пр. IV, 84.

къ Шевыреву[1]), уже 10 августа въ Вѣнѣ и ждетъ тамъ Погодина (?); 15 августа Гоголь снова въ Маріенбадѣ[2]), а 25 — опять въ Вѣнѣ[3]). Эти перелеты Гоголя заставляютъ г. Шенрока (III, 291) допустить двухкратное пребываніе Гоголя вмѣстѣ съ Погодинымъ въ Маріенбадѣ и двухкратное въ немъ лѣченіе. Но во-первыхъ въ четыре дня (между 10 и 15 августа, *включая туда же и проѣздъ*) немного налѣчишься, а во-вторыхъ, какое право имѣемъ мы не вѣрить маршруту Погодина именно въ одномъ этомъ пунктѣ? И что̀ бы могло заставить разсчетливаго до скупости Погодина, уѣхавъ изъ Маріенбада, снова возвращаться туда?

Единственное и, по содержанію писемъ, вполнѣ удобное средство выйти изъ этого затрудненія, это — допустить ошибку въ датѣ письма Гоголя къ Шевыреву, вмѣсто: «Вѣна. *10 августа*» читать: «Вѣна. *10 сентября*» и помѣстить это письмо послѣ письма къ матери отъ 28 августа[4]). Весьма вѣроятно, что ошибся не Кулишъ, а самъ Гоголь, поставившій истекшій мѣсяцъ вмѣсто текущаго. Такимъ образомъ окажется, что Гоголь провелъ въ Вѣнѣ на этотъ разъ почти мѣсяцъ: отъ 24 августа по 22 сентября по новому стилю и почти все время въ одиночествѣ; этого совершенно достаточно, чтобы почувствовать вдохновеніе для малороссійской драмы (стр. 383) и отчаяться въ ея созданіи, соскучиться безъ близкихъ людей (стр. 381) и, наконецъ, начать передѣлку Тараса Бульбы, справедливо пріуроченную къ этому времени Н. С. Тихонравовымъ[5]).

За поѣздкой Гоголя отъ Вѣны до Москвы мы можемъ слѣдить по книгѣ Погодина, которая въ данномъ мѣстѣ представляетъ правильный дневникъ, воспроизведенный, надо полагать, по

1) V, 380—1.
2) V, 382.
3) V, 382—3.
4) V, 283—4.
5) Изд. X. Т. I, стр. 625 и слѣд., 633 и слѣд. Но Тихонравовъ ошибался, предполагая, что Гоголь былъ въ Вѣнѣ съ конца іюня (чит. іюля? стр. 626).

черновымъ замѣткамъ. Но на стр. 217 и 226 въ этой книгѣ двѣ явныя числовыя ошибки, которыя могли ускользнуть отъ вниманія только такого небрежнаго корректора и торопливаго издателя, какимъ всегда былъ М. П. Погодинъ. Выѣхавъ изъ Маріенбада 8 августа, онъ ѣдетъ съ остановками на Мюнхенъ и оттуда черезъ Швейцарію на Италію, внимательно отмѣчая дни; 1 сентября онъ переѣзжаетъ Симплонъ; 3 сентября онъ въ Миланѣ, откуда направляется на Флоренцію, составляющую самый южный пунктъ его поѣздки. Направляясь оттуда на сѣверъ, онъ озаглавливаетъ продолженіе дневника словами: *Возвратный путь*, при чемъ ставитъ числа: *октябрь* 12/24—*ноября* 20 с. с., и затѣмъ отмѣчаются только числа, но не мѣсяцъ. Но изъ содержанія дневника очевидно, что возвратный путь начался съ 12 сентября того же стиля, какого Погодинъ придерживался до сихъ поръ, т. е. новаго, и въ данномъ мѣстѣ, если авторъ желалъ ввести оба стиля, онъ долженъ бы былъ поставить: $\frac{\text{августа 31}}{\text{сентября 12}}$—*сентябрь* с. с. Эта ошибка повлекла за собою другую: на стр. 226, переходя уже по необходимости въ предѣлахъ Россіи съ новаго стиля на старый, Погодинъ отмѣчаетъ свой пріѣздъ въ Гродно: *1 ноября или по нашему 19 октября*; но пріѣздъ Погодина и Гоголя въ Москву въ концѣ сентября подтверждается столькими документами, что здѣсь, безъ всякаго сомнѣнія, надо читать: *1 октября или по нашему 19 сентября*. Эти ошибки находятъ для себя нѣкоторое оправданіе въ томъ, что книга издавалась черезъ пять лѣтъ послѣ путешествія, а въ своихъ дорожныхъ замѣткахъ торопливый Погодинъ ставитъ только числа, но не мѣсяцы.

Между дневникомъ Погодина и письмомъ Гоголя къ Жуковскому оказывается разногласіе на четыре дня. По словамъ Погодина (стр. 225), они пріѣхали въ Варшаву до свѣта 28 сентября (т. е. 16 по ст. стилю) и пробыли всего день, такъ какъ Погодину здѣсь нечего было дѣлать (тѣмъ менѣе Гоголю) кромѣ визитовъ Линдѣ и Мацѣевскому и немногихъ покупокъ, и опять въ ночь поѣхали дальше. Гоголь же помѣтилъ свое письмо

Жуковскому, въ которомъ онъ молилъ его попросить государыню «что нибудь стряхнуть на нихъ (сестеръ его) отъ благодѣтельной руки своей»[1]), *Варшава. Сентября 12.* Кто изъ нихъ ошибся? Думаю, что Гоголь, который въ первый разъ послѣ многихъ мѣсяцевъ переходилъ на старый стиль и дневника ни до тѣхъ поръ, ни послѣ этого не велъ.

26 сентября нашего стиля Гоголь вмѣстѣ съ Погодинымъ въѣхали въ Москву, послѣ чего Гоголь поселился въ домѣ Погодина на Дѣвичьемъ полѣ. Это вполнѣ согласно съ несомнѣннымъ документомъ, съ запиской М. С. Щепкина къ С. Т. Аксакову[2]). Между тѣмъ у Кулиша (V, 386 — 9) напечатаны три письма Гоголя къ матери: *изъ Тріеста* отъ 26 сентября и изъ Вѣны отъ 24 и отъ 28 октября[3]). Согласовать эти письма съ несомнѣннымъ фактомъ возвращенія въ Россію еще въ сентябрѣ нѣтъ ни малѣйшей возможности; необходимо допустить, что Гоголь мистифицировалъ свою мать и посылалъ ей письма изъ Москвы, будто изъ-за границы. Вопросъ только въ томъ, изъ-за чего прибѣгъ Гоголь къ такой хитрости и пожалуй еще въ томъ, какимъ образомъ онъ могъ надѣяться обмануть мать, уже привыкшую получать письма съ заграничнымъ штемпелемъ. Г. Шенрокъ объясняетъ «странную мистификацію» опасеніемъ Гоголя, чтобы мать «не пріѣхала слишкомъ рано къ Погодину, тогда какъ Гоголю и безъ того неловко было помѣщать на долгое время у него всю семью»; но впрочемъ считаетъ возможнымъ и «какое нибудь иное практическое соображеніе»[4]). Опасеніе пріѣзда матери—дѣло возможное; но я полагаю, что Гоголь оберегалъ въ этомъ случаѣ не столько Погодина, который едва ли терпѣлъ большіе убытки отъ своихъ нахлѣбниковъ, сколько самого себя. Онъ еще изъ Варшавы писалъ Жуковскому: «Я про-

---

1) Р. Арх. 1871, 935—7.

2) С. Т. Аксакова. Исторія моего знакомства съ Гоголемъ. М. 1890 (Р. Арх. 1890, № 8) стр. 14—15.

3) Конецъ письма отъ 24 окт. см. у Шенрока III, 324—5.

4) III, 295.

живу у него (Погодина) мѣсяцъ, *затворясь отъ всѣхъ и всего: мнѣ нужно окончить мою нѣкоторую работу»* [1])

Гоголю, желавшему *затвориться отъ всѣхъ*, было, конечно, выгодно, чтобы мать считала его еще находящимся за-границей: и порученій ему давать нельзя и съ рѣдкими его письмами легче примириться. Что же касается до способа обмануть мать, о немъ догадаться не трудно: увѣряя ее, что ея письма будутъ доставлять изъ Москвы за границу «съ казеннымъ курьеромъ» [2]), онъ тѣмъ самымъ даетъ ей понять, что и его письма доѣдутъ до Москвы съ такимъ же курьеромъ и будутъ оплачиваться только отъ Москвы.

За дальнѣйшими событіями жизни Гоголя въ этотъ проѣздъ въ Россію мы можемъ слѣдить по высоко-художественному разсказу С. Т. Аксакова, который, повидимому, особыхъ сомнѣній возбудить не можетъ [3]).

---

1) Р. Арх. 1871, 987. Эта «нѣкоторая работа», безъ сомнѣнія, неудавшаяся драма изъ малороссійской исторіи, надъ которой Гоголь работалъ и въ Вѣнѣ и въ Петербургѣ, ради которой онъ такъ старательно изучалъ Шекспира, что не разставался съ нимъ и въ дорогѣ (С. Т. Аксаковъ, стр. 18).

2) V, 387.

3) Есть, правда, въ немъ одна ошибка и одно противорѣчіе, но не существенное и, кажется, легко устранимое. Начинаю съ противорѣчія. На стр. 20 Аксаковъ говоритъ: Гоголь «не зналъ, гдѣ остановится: у Плетнева или Жуковскаго... Наконецъ *3 ноября* я былъ у Гоголя. *Онъ только что переѣхалъ къ Жуковскому* и обѣщалъ на другой день, т. е. 4-го пріѣхать обѣдать къ намъ». А на стр. 25, разсказывая событія 16 ноября, Аксаковъ говоритъ: «Онъ (Гоголь) не приходилъ ко мнѣ (14 и 15-го ноября) потому, что переѣзжалъ отъ Плетнева къ Жуковскому во дворецъ». И такъ Гоголь въ теченіе двухъ недѣль оказывается переѣхавшимъ отъ Плетнева къ Жуковскому два раза!

Записки Аксакова составлены нѣсколько лѣтъ спустя послѣ событій и потому неточности въ нихъ не только возможны, но даже необходимы. Правда, въ *этой* части ихъ, въ разсказѣ о пребываніи Гоголя въ Россіи въ концѣ 1839 и началѣ 1840 года авторъ очень заботится о хронологической вѣрности и послѣдовательности и руководствуется документами (письмами, особенно къ женѣ, можетъ быть, чьимъ-то дневникомъ), но въ документахъ не могло быть указанія на день переѣзда Гоголя отъ Плетнева къ Жуковскому Къ счастію, эту редакцію записокъ мы можемъ сличать съ «Краткими свѣдѣніями и выписками», которыя С. Т. Аксаковъ сообщилъ Кулишу еще въ первой половинѣ 50-хъ годовъ, а въ этихъ Свѣдѣніяхъ (см. запись Кулиша I, 252) мы читаемъ: «Въ Петербургѣ онъ (Гоголь) остановился сначала у Плетнева, а *черезъ день не-*

Но С. Т. Аксаковъ, именно по художественности и высокому благородству своей натуры, очень мало интересовался той стороной жизни, которая въ это время какъ разъ угнетала Гоголя — стороной матеріальной, денежной. Только одинъ разъ и мимоходомъ дѣлаетъ онъ очень важное указаніе, но и его обставляетъ недомолвками и — sit venia verbo — наивной недогадливостью.

Онъ разсказываетъ (стр. 32), что 4 января 1840 г. онъ получилъ письмо отъ И. И. Панаева, въ которомъ тотъ отъ имени кн. Одоевскаго, Плетнева, Врасскаго, Краевскаго «и отъ себя умолялъ, чтобъ Гоголь не продавалъ своихъ прежнихъ сочиненій Смирдину за пять тыс. (и новой комедіи въ томъ числѣ), особенно по тому, что *новая комедія* будетъ напечатана въ «Сынѣ Отечества» или «Библіотекѣ для чтенія» [1]); а Врасскій предлагаетъ 6 тысячъ съ правомъ напечатать новую комедію въ «Отечественныхъ Запискахъ». Я очень хорошо понялъ благородную причину, которая заставила Гоголя торопиться продажею своихъ сочиненій, для чего онъ поручилъ все это дѣло Жуковскому; но о но-

---

дѣли переѣхалъ къ Жуковскому, который жилъ тогда во дворцѣ». Это вполнѣ соотвѣтствуетъ указанію Аксакова на 25 стр. Что же касается до указанія на стр. 20, оно, вѣроятно, возникло такимъ образомъ: въ матеріалахъ, по которымъ работалъ Аксаковъ, было отмѣчено, что 3 ноября Аксаковъ видѣлъ Гоголя у Жуковскаго, а такъ какъ позднѣе Гоголь переѣхалъ къ Жуковскому, то фактъ переѣзда и пріурочился невольно къ этому свиданію.

Ошибка касается времени отъѣзда изъ Москвы Марьи Ивановны Гоголь. Аксаковъ не говоритъ о днѣ ея отъѣзда, но увѣряетъ, что Н. В. Гоголь въ послѣднюю недѣлю своего пребыванія въ Москвѣ обѣдалъ у Аксаковыхъ пять разъ «по большей части съ *своею матерью* и сестрами» (стр. 36); «изъ этого слѣдуетъ заключить, что Марья Ив. еще была тогда въ Москвѣ. Между тѣмъ, разсказывая вслѣдъ за тѣмъ, объ отъѣздѣ Гоголя и Панова 18 мая, Аксаковъ не упоминаетъ Марьи Ив. ни въ числѣ тѣхъ, съ кѣмъ Гоголь прощался въ Москвѣ, ни въ числѣ провожавшихъ его; а Погодинъ *записалъ въ своемъ Дневникѣ* подъ 27 апрѣля (Н. П. Барсуковъ. V, 358): «Провожали Гоголюху (Гоголиху?). Всплакали и *деревяшки*». (Сестры Гоголя, изъ которыхъ одна разставалась съ братомъ, другая съ матерью?).

И такъ Марья Ив. уѣхала 27 апрѣля; Аксаковъ же, въ то время всецѣло занятый ея геніальнымъ сыномъ и пересказывавшій событія черезъ нѣсколько лѣтъ, легко могъ ошибиться; а документовъ для этого онъ подъ руками не имѣлъ (Ольга Семеновна уже давно вернулась въ Москву).

1) Оба журнала были въ непосредственной зависимости отъ Смирдина.

вой комедіи мы не слыхали. Я немедленно поѣхалъ къ Гоголю и, разумѣется, ни той, ни другой продажи не состоялось. Подъ *новой комедіей*, вѣроятно, разумѣлись разные отрывки изъ недописанной Гоголемъ комедіи, которую онъ хотѣлъ назвать «Владиміръ третьей степени». Я не могу утвердительно сказать, почему Гоголь не дописалъ этой комедіи; быть можетъ, онъ призналъ ее въ полномъ составѣ неудобною въ цензурномъ отношеніи, а можетъ быть, былъ недоволенъ ею какъ взыскательный художникъ».

Сопоставляя эти слова Аксакова съ письмами Гоголя, мы прежде всего убѣждаемся, что два письма, помѣщенныя въ «Русскомъ Архивѣ», 1871, подъ №№ 9 и 10 (стр. 0937—0943) неправильно пріурочены издателемъ къ 1839, и оба относятся къ январю 1840 г.— первое изъ нихъ написано вскорѣ послѣ 4 января, такъ какъ въ немъ упоминается о предложеніи Врасскаго (безъ его имени) продать Ревизора, Женитьбу и отрывки изъ неоконченной комедіи, а второе есть какъ бы продолженіе перваго и написано 10 или 11 января [1]).

Далѣе изъ этого сопоставленія явствуетъ, что Аксаковъ, при всей своей добротѣ и любви къ Гоголю, плохо понималъ его положеніе. Давъ ему необыкновенно-деликатнымъ способомъ 2000 р. въ Петербургѣ, Аксаковъ, почему-то — вѣроятно, на основаніи словъ самого Гоголя, руководимаго въ данномъ случаѣ благороднымъ побужденіемъ,—считалъ его лично обезпеченнымъ, и полагалъ, что онъ обезпокоенъ только невозможностью расплатиться съ нимъ, Аксаковымъ. А на самомъ дѣлѣ Гоголь,

---

1) «Письмо мое передаетъ Погодинъ», пишетъ Гоголь, и затѣмъ присоединяетъ рядъ горячихъ похвалъ передатчику; Погодинъ же выѣхалъ изъ Москвы въ Петербургъ «по дѣламъ службы» (съ отчетомъ о своемъ путешествіи по славянскимъ землямъ) *11 января* (см. Н. П. Барсуковъ V, 330). Отчетъ, какъ извѣстно, министромъ былъ въ извлеченіи представленъ государю, который наградилъ Погодина 2000 р. Любопытно, что московскіе недруги Погодина, напр. камеръ-юнкеръ Кашинцевъ, доносившій гр. Бенкендорфу о московскихъ слухахъ, именно Жуковскому приписывали мнимое возвышеніе Погодина (Н. П. Барсуковъ, тамъ же, стр. 347).

обманутый въ своихъ разсчетахъ на милость государыни, истратилъ, какъ свидѣтельствуетъ и самъ Аксаковъ, не мало денегъ (вѣроятно, большую часть изъ 2000) на сестеръ; впереди же ему предстояло потратиться на пріѣздъ матери въ Москву и, можетъ быть, на помощь ей. На какія деньги ѣхать ему заграницу, куда нельзя было и показаться, не имѣя 3—4 тысячъ въ карманѣ?

Гоголь никогда не былъ скупъ и жаденъ, но всегда, если не считать первыхъ мѣсяцевъ его жизни въ Петербургѣ, былъ очень остороженъ и предусмотрителенъ въ денежныхъ дѣлахъ. Онъ прекрасно зналъ, что нѣкоторыя изъ его сочиненій, а именно «Ревизоръ» «жадно требуются» публикой [1]); «Миргородъ» разошелся весь, но «Вечеровъ на хуторѣ» и «Арабесокъ» еще довольно»; онъ мечталъ о полномъ собраніи своихъ сочиненій, но не теперь, а по окончаніи «Мертвыхъ Душъ», въ успѣхѣ которыхъ онъ могъ быть увѣренъ. Тѣмъ не менѣе, уѣзжая изъ Петербурга, онъ поручилъ Жуковскому похлопотать о продажѣ новаго изданія всего прежде напечатаннаго, съ прибавкой «Женитьбы» и отрывковъ изъ Комедіи, при чемъ, можетъ быть, имѣлъ тайную надежду, что Жуковскій найдетъ возможность выручить его другимъ способомъ, черезъ государя. Но Жуковскій такой возможности не нашелъ и обратился къ Смирдину; Смирдинъ предложилъ 5000; Жуковскій, надо думать, не считалъ эту цѣну слишкомъ низкой, и по Петербургу распространились слухи о предстоящей сдѣлкѣ. Тогда литераторы другого кружка черезъ Аксакова сдѣлали Гоголю болѣе выгодное предложеніе.

Легко себѣ представить, какое грустно-комическое *qui pro quo* произошло между Аксаковымъ и Гоголемъ, когда первый уговаривалъ второго не соглашаться на невыгодную продажу (невыгоду ея, безъ сомнѣнія, выставилъ въ яркомъ свѣтѣ самъ Гоголь), такъ какъ ему, Аксакову, деньги не нужны, и онъ можетъ ждать ихъ сколько угодно, а Гоголь выражалъ ему благо-

---

1) Юный правовѣдъ Калайдовичъ просилъ Погодина (Н. П. Барсуковъ, V, 324) довести до свѣдѣнія автора, что «Ревизоръ» продается по 15 р. за экземпляръ.

дарность; про себя же думалъ: «милый ты человѣкъ, но наивный! *Мнѣ-то* деньги очень нужны и *я-то* ждать не могу».

Послѣ этого визита Гоголь и написалъ Жуковскому отчаянное письмо (№ 7), гдѣ доказывалъ жидовскую безсовѣстность Смирдина и въ заключеніе попросилъ собрать ему *въ складку* 4000 рублей взаймы[1]).

Къ вышеприведеннымъ словамъ Аксакова должна быть сдѣлана еще одна поправка на основаніи того же письма къ Жуковскому: подъ *новой комедіей*, безъ всякаго сомнѣнія, слѣдуетъ разумѣть не «Владиміра третьей степени», отъ окончанія которой Гоголь уже давно отказался, а совсѣмъ оконченную, но еще не совсѣмъ отдѣланную «Женитьбу». Она не новая для Аксакова, но будетъ новой для публики, и появленіе ея въ преобразованныхъ «Отеч. Запискахъ», конечно, сразу подняло бы этотъ журналъ.

Жуковскій вошелъ въ положеніе Гоголя и изъявилъ готовность дать ему 4000 руб. взаймы. Гоголь чрезвычайно обрадовался и написалъ своему «избавителю» коротенькое, но восторженное письмо[2]), которое переслалъ черезъ Погодина.

Это радостное извѣстіе Гоголь получилъ, повидимому, вскорѣ послѣ пріѣзда въ Петербургъ Погодина, т. е. близко къ серединѣ января, такъ какъ письмо, въ которомъ Гоголь увѣдомляетъ объ этомъ Погодина[3]), предшествуетъ не однимъ или двумя днями письму Гоголя къ тому же Погодину отъ 25 января; въ

---

1) Нѣсколько непріятно поражаетъ рѣзкое противорѣчіе между изображеніемъ имущественнаго положенія родныхъ Гоголя въ его письмѣ къ Данилевскому (отъ 29 дек. 1839), гдѣ онъ пишетъ: «Имѣніе наше во всякомъ отношеніи можно назвать хорошимъ» и пр. (V, 393—4) и словами его въ этомъ письмѣ къ Жуковскому: «*Бѣдный клочекъ* земли нашъ, пристанище моей матери, продаютъ съ молотка, и гдѣ ей придется преклонить голову, я не знаю» и пр. (Р. Арх. 1871, 938). Но необходимо принять въ разсчетъ впечатлительность Гоголя и тяжелое настроеніе его именно въ этотъ моментъ.

2) V, 395. Предпослѣдняя строчка этого письма: «У вашихъ теперь не случилось» совершенно непонятна мнѣ; вѣроятно, она прочтена ошибочно.

3) V, 395—6. Симпатична забота Гоголя о своихъ. «Мнѣ бы хотѣлось теперь же послать сколько нибудь домой; но не знаю, какъ это сдѣлать. Теперь у меня подъ рукой нигдѣ не имѣется въ виду достать».

послѣднемъ Гоголь уже вполнѣ освоился съ мыслью, что Римъ въ его рукахъ. Въ тотъ же день Гоголь пишетъ и къ матери, которую онъ уговариваетъ выѣзжать скорѣе, «чтобы и назадъ возвратиться по зимнему пути»[1]).

Марья Ивановна пріѣхала передъ Святой недѣлей[2]), а уѣхала, какъ мы узнаемъ изъ дневника Погодина, 27 апрѣля. Съ нею уѣхала и Анна Васильевна, а Елизавета Васильевна должна была 10 мая переселиться къ Раевской. Слѣдовательно письмо, адресованное Аннѣ Васильевнѣ Гоголь[3]) и сопровождавшее посылку браслета и почтовой бумаги, написано Гоголемъ между 27 апрѣля и 27-мъ мая; а три записки Гоголя, адресованныя Елизаветѣ Васильевнѣ[4]), писаны между 10 и 17-мъ мая и должны быть помѣщены послѣ письма Анны Васильевны.

Къ этому же времени слѣдуетъ, безъ всякаго сомнѣнія, отнести и письмо Гоголя къ матери отъ 17 мая, неправильно помѣченное Кулишемъ 1842 годомъ (V, 474): въ немъ Гоголь ссылается на свою посылку для Анеты *съ браслетами* (см. выше); ѣхалъ онъ въ 1842 г. въ Гастейнъ (см. письмо къ матери изъ Петербурга отъ 4 іюня V, 474—5), а главное, въ этотъ разъ мать и сестры Гоголя уѣхали послѣ него (см. Аксаковъ, стр. 64 и стр. 65).

Очень любопытный фактъ представляетъ подробно, хотя и съ чужихъ словъ, описанный С. Т. Аксаковымъ имянинный обѣдъ Гоголя, данный имъ 9 мая въ саду у Погодина: онъ наглядно показываетъ, какъ обширенъ и разнообразенъ былъ кругъ московскихъ знакомыхъ или, точнѣй, поклонниковъ таланта Гоголя. Не только молодые литераторы всѣхъ оттѣнковъ, какъ И. С. Тургеневъ, М. Ю. Лермонтовъ[5]) и Ю. Ѳ. Самаринъ стре-

1) V, 399.
2) Аксаковъ, стр. 34.
3) V, 400.
4) V, 396—7.
5) Лермонтовъ послѣ обѣда, когда всѣ разбились на маленькіе кружки, читалъ «Гоголю и другимъ, кто тутъ случились» отрывокъ изъ «Мцыри» (стр. 35). Любопытно мнѣніе Гоголя о Лермонтовѣ, которое С. Т. Аксаковъ вспоми-

мились видѣть поближе автора «Тараса Бульбы» и «Ревизора», но друзья Пушкина, какъ кн. П. А. Вяземскій и исконно московскіе поэты и романисты, какъ М. А. Дмитріевъ, Загоскинъ, которымъ реализмъ Гоголя долженъ бы, какъ говорится, стать поперекъ горла. А всего интереснѣй присутствіе здѣсь извѣстнаго декабриста М. Ѳ. Орлова, типичную фигуру котораго такъ талантливо очертилъ Герценъ въ I т. «Былого и Думъ»[1]). Что общаго между политико-экономомъ и химикомъ Орловымъ и другомъ Погодина Гоголемъ? [2]) Очевидно, его, какъ и другихъ, привлекли слухи о новомъ громадной важности произведеніи Гоголя, о «Мертвыхъ Душахъ», которыя Гоголь читалъ не только у Аксаковыхъ, но и у И. В. Кирѣевскаго «и еще у кого-то»[3]).

Гоголь выѣхалъ изъ Москвы 18 мая вмѣстѣ съ В. Пановымъ (проводы ихъ подробно описаны С. Т. Аксаковымъ стр. 36—37), и 10 іюня новаго стиля[4]) путешественники были уже въ Варшавѣ, а черезъ два дня должны были двинуться черезъ Краковъ на Вѣну. Гоголь былъ въ бодромъ настроеніи духа, какъ видно изъ всѣхъ его вѣнскихъ писемъ отъ конца іюня и начала іюля, и, по пріѣздѣ въ Вѣну, началъ пить маріенбадскую воду, которая на этотъ разъ имѣла на него, повидимому, самое благотворное вліяніе. Онъ почувствовалъ приливъ вдохновенія и усердно засѣлъ за работу. Такъ продолжалось приблизительно до половины *іюля*, когда В. Пановъ оставилъ Гоголя и Вѣну[5]).

наетъ черезъ нѣсколько недѣль: «живо помню слова ваши, пишетъ онъ Гоголю, что Лермонтовъ прозаикъ будетъ выше Лермонтова-стихотворца» (стр. 40).

1) Женевское изд. Т. VI, стр. 209 и слѣд. Въ портфеляхъ Чаадаевскихъ бумагъ въ Рум. Музеѣ можно, если не ошибаюсь, найти новый матеріалъ для его біографіи въ послѣдній періодъ.

2) У Н. П. Барсукова (Погод. V, 360) Орловъ, предлагая переслать посылку Гоголю черезъ Кривцова, называетъ его *нашимъ Гоголемъ*.

3) Аксаковъ 38.

4) Тамъ-же, стр. 40.

5) Въ письмѣ В. А. Панова отъ 21—9 ноября къ С. Т. Аксакову, напечатанномъ въ примѣч. у Кулиша (V, 424—5; перепечатано у Н. П. Барсукова, Погодина и пр. V, 368) стоитъ половина *іюня*; но уже г. Шенрокъ (III, 324) молча поправилъ *іюнь* на *іюль*, и онъ, безъ сомнѣнія, правъ: *12 іюня* Гоголь и Пановъ только выѣзжали изъ Варшавы на Вѣну черезъ Краковъ (V, 401), а самъ Па-

Вскорѣ послѣ его отъѣзда Гоголь заболѣлъ весьма серьозно и, какъ самъ онъ думалъ, очень опасно.

Свидѣтелями этой болѣзни Гоголя были только неизвѣстные намъ вѣнскіе врачи и Н. П. Боткинъ, который, сколько мы знаемъ, никакихъ записокъ не оставилъ. И такъ мы можемъ основываться только на разсказѣ самого Гоголя, написанномъ черезъ три мѣсяца послѣ событія.

17 октября 1840 г. Гоголь пишетъ изъ Рима Погодину [1]): «Я выѣхалъ изъ Москвы хорошо и дорога до Вѣны по нашимъ открытымъ степямъ тотчасъ сдѣлала надо мною чудо. Свѣжесть, бодрость взялась такая, какой я никогда не чувствовалъ. Я, чтобы освободить еще между прочимъ свой желудокъ отъ разныхъ старыхъ неудобствъ и кое-гдѣ засѣвшихъ остатковъ московскихъ обѣдовъ, началъ пить въ Вѣнѣ маріенбадскую воду. Она на этотъ разъ помогла мнѣ удивительно; я началъ чувствовать какую-то бодрость юности, и, самое главное, я почувствовалъ, что нервы мои пробуждаются, что я выхожу изъ того летаргическаго умственнаго бездѣйствія, въ которомъ я находился въ послѣдніе годы и чему причиною было нервическое усыпленіе... Я почувствовалъ, что въ головѣ моей шевелятся мысли, какъ разбуженный рой пчелъ; воображеніе мое становится чутко. О, какая была это радость, еслибъ ты зналъ! Сюжетъ, который въ послѣднее время лѣниво держалъ я въ головѣ своей, не осмѣливаясь даже приниматься за него, развернулся передо мною въ величіи такомъ, что все во мнѣ почувствовало сладкій трепетъ, и я, позабывши все, переселился вдругъ въ тотъ міръ, въ которомъ давно не бывалъ, и въ ту же минуту засѣлъ за работу, позабывъ, что это вовсе не годилось во время питія водъ, и именно тутъ-то требовалось спокойствіе головы и мыслей [2]). Но впрочемъ

новъ здѣсь же пишетъ, что онъ пробылъ съ Гоголемъ «почти четыре недѣли». Кромѣ того 7 іюля Гоголь пишетъ Аксакову, что его спутникъ собирается «послѣ завтра» оставить Вѣну (V, 109). Отложилъ ли Пановъ свой отъѣздъ или черезъ три мѣсяца забылъ день выѣзда, не знаю; вѣроятнѣе второе, такъ какъ онъ самъ пишетъ, что въ Вѣнѣ провелъ *почти* четыре недѣли.

1) V, 417 и слѣд.

2) Безъ сомнѣнія, это была работа надъ драмой изъ малороссійской исто-

какъ же мнѣ было воздержаться? Развѣ тому, кто просидѣлъ въ темницѣ безъ свѣту солнечнаго нѣсколько лѣтъ, придетъ въ умъ, по выходѣ изъ нея, жмурить глаза изъ опасенія ослѣпнуть, и не глядѣть на то, что̀ радость и жизнь для него? Притомъ я думалъ: «Можетъ быть, это только мгновеніе; можетъ, это опять скроется отъ меня, и я буду потомъ вѣчно жалѣть, что не воспользовался временемъ пробужденія силъ моихъ». Если бы я хотя прекратилъ въ это время питіе водъ! Но мнѣ хотѣлось кончить курсъ, и я думалъ: «Когда теперь я уже нахожусь въ такомъ свѣтломъ состояніи, по окончаніи курса еще болѣе настроено будетъ во мнѣ все». Это же было еще лѣтомъ, въ жаръ, и нервическое мое пробужденіе обратилось вдругъ въ раздраженіе нервическое. Все мнѣ бросилось разомъ на грудь. Я испугался; я самъ не понималъ своего положенія; я бросилъ занятія, думалъ, что это отъ недостатка движенія при водахъ и сидячей жизни, пустился ходить и двигаться до усталости, и сдѣлалъ еще хуже. Нервическое разстройство и раздраженіе возросло ужасно; тяжесть въ груди и давленіе, никогда дотолѣ мною не испытанное, усилилось. По счастію, доктора нашли, что у меня еще нѣтъ чахотки, что это желудочное разстройство, остановившееся пищевареніе и необыкновенное раздраженіе нервъ. Отъ этого мнѣ было не легче, потому что лѣченіе мое было довольно опасно: то, что̀ могло бы помочь желудку, дѣйствовало разрушительно на нервы, а нервы обратно на желудокъ. Къ этому присоединилась болѣзненная тоска, которой нѣтъ описанія. Я былъ приведенъ въ такое состояніе, что не зналъ рѣшительно, куда дѣть себя, къ чему прислониться. Ни двухъ минутъ я не могъ остаться въ покойномъ положеніи ни на постелѣ, ни на стулѣ, ни на ногахъ. О, это было ужасно! Это была та самая тоска, то ужасное безпокойство, въ какомъ я видѣлъ бѣднаго Вьельгорскаго въ послѣднія минуты

фія, переселившая его въ міръ, *въ которомъ онъ давно не бывалъ*. Оттого Пановъ и видѣлъ его надъ малороссійскими пѣснями (V, 425). Отъ неудачи этой работы Гоголь и скрывалъ потомъ отрывки ея съ такимъ раздраженіемъ (см. разсказъ Анненкова, «Воспоминанія» и пр. т. I, стр. 209).

жизни! Вообрази, что съ каждымъ днемъ послѣ этого мнѣ становилось хуже и хуже! Наконецъ уже докторъ самъ ничего не могъ предречь мнѣ утѣшительнаго... Я понималъ свое положеніе и наскоро, собравшись съ силами, нацарапалъ, какъ могъ, тощее духовное завѣщаніе, чтобы хоть долги мои были выплачены немедленно послѣ моей смерти. Но умереть среди нѣмцевъ мнѣ показалось страшно. Я велѣлъ себя посадить въ дилижансъ и везти въ Италію. Добравшись до Тріэста, я себя почувствовалъ лучше. Дорòга, мое единственное лѣкарство, оказала и на этотъ разъ свое дѣйствіе. Я могъ уже двигаться. Воздухъ, хотя въ это время онъ былъ еще непріятенъ и жарокъ, освѣжилъ меня. О, какъ бы мнѣ въ это время хотѣлось сдѣлать какую-нибудь дальнюю дорогу! Я чувствовалъ, я зналъ и знаю, что я бы возстановленъ былъ тогда совершенно. Но я не имѣлъ никакихъ срествъ ѣхать куда либо!» Теперь его здоровье «въ сомнительномъ положеніи», и онъ почти не можетъ работать.

Тоже самое, только значительно короче, сообщаетъ Гоголь П. А. Плетневу въ письмѣ отъ 30 октября [1]) (V, 422 и слѣд.).

Съ этимъ подробнымъ, но, очевидно, весьма субъективнымъ описаніемъ надо сопоставить то, чтò Гоголь говорилъ о своихъ вѣнскихъ припадкахъ значительно позднѣе, въ недатированномъ письмѣ М. П. Балабиной [2]): «страшнѣе всего мнѣ показалось то состояніе, которое напомнило мнѣ ужасную болѣзнь мою въ

1) «Я заболѣлъ жестоко и Боже, какъ заболѣлъ! Я самъ виноватъ: я обрадовался моимъ проснувшимся силамъ, освѣженнымъ послѣ водъ и путешествія и сталъ работать изо всѣхъ силъ, почуя просыпающееся вдохновеніе, которое давно уже спало во мнѣ; я перешелъ черезъ край и за напряженіе не вò время, когда мнѣ нужно было отдохновеніе, заплатилъ страшно. Не хочу вамъ говорить и разсказывать, какъ была опасна болѣзнь моя. Гемороидъ мнѣ бросился на грудь, и нервическое раздраженіе, котораго я въ жизнь никогда не зналъ, произошло во мнѣ такое, что я не могъ ни лежать, ни сидѣть, ни стоять. Уже медики было махнули рукой; но одно лѣкарство меня спасло неожиданно: я велѣлъ себя положить ветурину въ дорожную коляску,—дорога спасла меня. Три дня, которые я провелъ въ дорогѣ, меня нѣсколько возстановили. Но я и самъ не знаю, вышелъ ли я еще совершенно изъ опасности: малѣйшее какое-нибудь движеніе, незначащее усиліе, и со мной дѣлается не знаю чтò».

2) V, 462. Кулишъ отнесъ его къ 1842 г.

Вѣнѣ, а особливо, когда я почувствовалъ то подступившее къ сердцу волненіе, которое всякій образъ, пролетавшій въ мысляхъ, обращало въ исполина» и пр.

Я читалъ приведенныя выдержки изъ писемъ Гоголя нѣсколькимъ докторамъ-практикамъ, и они, расходясь въ частностяхъ, въ общемъ приходили къ заключенію, что въ данномъ случаѣ не можетъ быть рѣчи о какой-либо опасной для жизни болѣзни, но былъ сильный припадокъ мозгового и нервнаго переутомленія, вслѣдствіе неумѣренной мозговой работы при неблагопріятныхъ условіяхъ (жарѣ, одиночествѣ, питьѣ маріенбадской воды).

Нижеподписавшійся три-четыре раза въ жизни испытывалъ подобное состояніе вслѣдствіе сходныхъ причинъ; оно очень мучительно, и при немъ, дѣйствительно, человѣкъ какъ бы не можетъ найти себѣ мѣста, и что ни говори ему доктора, онъ чувствуетъ себя больнымъ серьозно. Любопытно, что и нижеподписавшемуся очень помогала дорога: одна—двѣ ночи въ вагонѣ, способныя разстроить нервы у здороваго человѣка, нервно-разстроеннаго приводятъ въ нѣкоторый порядокъ, послѣ чего снова становится доступной работа, но не столь напряженная и, по возможности, иного характера. Положеніе Гоголя значительно ухудшалось тѣмъ, что его мозговой «надрывъ» сопровождался желудочными страданіями и печальными мыслями объ улетающемъ вдохновеніи и запутанныхъ дѣлахъ своихъ. Всего же печальнѣе было для него то обстоятельство, что онъ не считалъ себя въ правѣ оставить надорвавшую его работу, ничѣмъ другимъ не могъ замѣнить ея и, возвращаясь къ ней, снова начиналъ чувствовать тоже крайнее «нервическое раздраженіе» и слабость; онѣ прекращаются (да и то, къ сожалѣнію, на время) только въ самомъ концѣ 1840 г. [1]).

1) 28 декабря Гоголь пишетъ С. Т. Аксакову: «я пишу къ вамъ, потому что здоровъ, благодаря чудной силѣ Бога, воскресившаго меня отъ болѣзни» (V, 425); тогда же Погодину: «Чудно-милостивъ и великъ Богъ, я здоровъ; чувствую даже свѣжесть, занимаюсь переправками, выправками и даже продолженіемъ «Мертвыхъ Душъ» (V, 428).

И такъ, общій характеръ, начало и конецъ этой полугодовой болѣзни Гоголя могутъ быть опредѣлены съ точностью; но нѣкоторыя частности возбуждаютъ сомнѣнія, едва ли при нынѣшнихъ средствахъ устранимыя безъ довольно рискованныхъ предположеній. Прежде всего возникаетъ вопросъ, когда именно Гоголь прибѣгъ къ спасительному лѣкарству — отъѣзду изъ Вѣны и трехдневному путешествію въ Тріэстъ, откуда онъ проѣхалъ въ Венецію?

В. А. Пановъ въ вышеуказанномъ письмѣ къ С. Т. Аксакову отъ $^{21}/_{9}$ ноября 1840 г. (слѣд. всего черезъ два-три мѣсяца послѣ событій) говоритъ, что онъ и Гоголь условились съѣхаться въ Венеціи *около половины августа*. Но Пановъ запоздалъ. «Въѣзжая въ Венецію *2 сентября*, продолжаетъ онъ: я дрожалъ, боялся его (Гоголя) уже не застать въ ней. Вмѣсто этого, встрѣчаю его на площади св. Марка и узнаю, что мы съ противуположныхъ сторонъ въѣхали въ одинъ и тотъ же часъ: болѣзнь, отъ которой онъ думалъ умереть, задержала его въ Вѣнѣ».

Нельзя выразиться опредѣленнѣе. Стало быть, Гоголь болѣлъ въ Вѣнѣ около мѣсяца; во второй половинѣ августа онъ совершилъ трехдневный переѣздъ до Тріэста, а оттуда (моремъ или сухимъ путемъ, въ виду потребности въ передвиженіи?) 2 сентября попалъ въ Венецію, гдѣ пробылъ около двухъ недѣль (совершенно достаточно для города, въ которомъ онъ, повидимому, не имѣлъ знакомыхъ) и 25 сентября н. с. — это число столь же опредѣленно указываетъ Пановъ — вмѣстѣ съ Н. П. Боткинымъ и В. А. Пановымъ пріѣхалъ въ Римъ.

Но мы имѣемъ цѣлыхъ два письма Гоголя *изъ Венеціи*, очень ясно датированныхъ *10 августа* и третье безъ даты, повидимому, оттуда же, написанное одновременно съ ними, если не раньше ихъ. 10 августа пишетъ Гоголь Погодинымъ, мужу и женѣ; перваго проситъ передать Щепкину прилагаемое дѣйствіе комедіи («Дядька въ затруднительномъ положеніи») и вскользь говоритъ о недавно бывшей съ нимъ болѣзни, а второй пишетъ объ

ея дѣтяхъ и кланяется отъ имени Венеціи и Ріальто[1]). 10-го же августа пишетъ онъ О. С. Аксаковой (С. Т. и К. С. Аксаковы были въ это время въ отъѣздѣ, что было извѣстно Гоголю) съ просьбою передать тому же М. С. Щепкину другое дѣйствіе той же комедіи; при этомъ Сергѣю Тимоѳеевичу онъ обѣщается писать изъ Рима[2]). Наконецъ самому М. С. Щепкину онъ пишетъ довольно длинное (о постановкѣ «Дядьки» на сценѣ) письмо, гдѣ говоритъ: «первое дѣйствіе я прилагаю при письмѣ вашемъ, второе *будетъ* въ письмѣ къ С. Т., а за третьимъ отправьтесь къ Погодину»[3]).

Стало быть, Пановъ ошибся и прямо-таки сочинилъ *2 сентября*, какъ день въѣзда Гоголя въ Венецію, и Гоголь уѣхалъ изъ Вѣны гораздо раньше?

Но, не говоря объ отсутствіи мотива и малой возможности такой странной ошибки со стороны Панова, не говоря о томъ, что Гоголю не было никакого основанія проживать въ Венеціи полтора мѣсяца и что очень нелюбезно было съ его стороны обѣщать писать С. Т. Аксакову изъ Рима, куда онъ намѣревался выѣхать только черезъ шесть недѣль (или мы должны предположить, что въ Венеціи его задержало какое-либо особое обстоятельство? Но на это нѣтъ указанія ни въ его письмахъ, ни у Панова), этому явно противорѣчитъ письмо Гоголя къ сестрѣ Аннѣ Васильевнѣ, помѣченное: *Вѣна. 7 августа*[4]) и относящееся несомнѣнно къ этому году[5]). Самъ Гоголь говоритъ, что до Тріэста онъ ѣхалъ 3 дня (ср. V, 423 и 418), да до Венеціи отъ Тріэста ему надо было ѣхать никакъ не менѣе сутокъ, и невозможно допустить, чтобы онъ послѣ болѣзни, едва въѣхавъ въ Венецію, немедленно усѣлся за письма, содержаніе которыхъ, напротивъ, показываетъ, что онъ уже нѣсколько дней спокойно

1) V, 412—3

2) Аксаковъ 42—3.

3) V, 410—412.

4) V, 409—410.

5) Изъ содержанія письма видно, что Анна Васильевна только-что пріѣхала въ деревню послѣ многолѣтняго отсутствія.

сидитъ на мѣстѣ. И такъ, ошибся не Пановъ, а Гоголь, надписавшій одно письмо 10-мъ августа вмѣсто 10 сентября и повторившій туже описку въ другомъ письмѣ (и, какъ увидимъ ниже, въ третьемъ), которое онъ писалъ немедленно вслѣдъ за первымъ.

Остается еще затрудненіе: въ письмѣ къ Щепкину (V, 410 и слѣд.), написанномъ, по всей вѣроятности, одновременно съ двумя другими, Гоголь говоритъ объ комедіи, будто ее перевели «въ нѣсколько дней *русскіе наши художники*», а онъ Гоголь «всю отъ начала до конца выправилъ, перемаралъ и переписалъ собственною рукою»[1]). Гдѣ нашелъ Гоголь такихъ художниковъ? Предполагать ихъ въ Вѣнѣ болѣе, чѣмъ затруднительно, да и самъ Гоголь указываетъ на свое одиночество въ Вѣнѣ, и во время болѣзни ему, конечно, было не до того, чтобы знакомиться съ художниками и раздавать имъ куски комедіи. Въ Венеціи? Здѣсь они нѣсколько вѣроятнѣе; но трудно сходившійся Гоголь не могъ въ недѣлю сблизиться съ ними настолько, чтобы пригласить ихъ къ совмѣстной работѣ. Такіе художники были въ Римѣ; но Гоголь туда еще не доѣхалъ.

Остается допустить, что Гоголь здѣсь немного мистифицируетъ Щепкина съ добрымъ намѣреніемъ, является, по выраженію С. Т. Аксакова, не «вруномъ, а сочинителемъ».

Послѣ дороги ему лучше и хочется работать; но взяться за творческія работы онъ опасается: ну какъ нервы сорвутся опять?! Онъ вспоминаетъ о *закладѣ* и небрежно, наскоро переводитъ комедію. Онъ не рѣшается признаться Щепкину, что комедія вся переведена имъ Гоголемъ: можетъ быть, это противорѣчило условіямъ *заклада*, а можетъ быть, Гоголь опасался, что чувствительный М. С. Щепкинъ, такъ высоко ставившій Гоголя, какъ поэта, придетъ въ непритворное отчаяніе, что тотъ тратилъ

1) Н. С. Тихонравовъ (изд. 10-е, II т., стр. 805—6), сличавшій комедію съ оригиналомъ, говоритъ, что переводъ «отличается близостью къ буквѣ подлинника, исполненъ небрежно и торопливо, такъ что многія мѣста комедіи переданы невѣрно». Относительно степени участія Гоголя онъ вѣритъ послѣднему на слово.

свое драгоцѣнное время на такую низменную работу ради его Щепкина. Поэтому онъ и присочинилъ «русскихъ нашихъ художниковъ», которыхъ вспоминалъ все чаще и чаще по мѣрѣ приближенія къ Риму.

Пересылка трехъ актовъ комедіи въ трехъ письмахъ къ разнымъ лицамъ должна удивить читателя, знающаго только современные почтовые порядки. Но въ то время, несомнѣнно, бандерольныхъ отправленій для рукописей не было; заграничныя письма оплачивались довольно дорого и, вѣроятно, имѣли предѣльный вѣсъ. Гоголь очевидно переписалъ комедію убористо, на тонкой почтовой бумагѣ[1]) и разбилъ ее на три письма.

Есть еще одно письмо Гоголя, помѣченное «Венеція. 10 августа» (1840 г.) — къ сестрѣ Елизаветѣ Васильевнѣ, которая осталась у Раевской[2]). Но оно не только не опровергаетъ сообщенія Панова о пріѣздѣ Гоголя въ Венецію лишь 2 сентября, а даже подтверждаетъ его. Во-первыхъ оно длинно, обдуманно и проникнуто бодростью духа, какой не могъ въ началѣ августа выказать Гоголь, заболѣвшій во второй половинѣ іюля; а во-вторыхъ Гоголь въ немъ даетъ сестрѣ свой адрессъ: *Poste restante*, *Римъ*, «куда я буду въ концѣ *этого* мѣсяца».

Итакъ Гоголь, отдохнувъ въ Венеціи и исполнивъ по возможности свои обязательства относительно московскихъ друзей и родныхъ, поѣхалъ не торопясь въ Римъ, куда и прибылъ, какъ свидѣтельствуетъ Пановъ, 25 сентября н. с.

Въ Римѣ въ первые дни Гоголь почувствовалъ себя лучше и могъ даже прогуливаться. Но чѣмъ дальше, тѣмъ становилось ему хуже, и во второй половинѣ октября онъ написалъ нѣсколько печальныхъ писемъ. Зимою Гоголь почувствовалъ себя лучше, и 28 декабря онъ пишетъ сразу два письма московскимъ друзьямъ: С. Т. Аксакову и М. П. Погодину, бодрыя, жизнерадостныя, но

1) Онъ пишетъ Щепкину: «Велите ее (комедію) тотчасъ переписать, какъ слѣдуетъ, съ надлежащими пробѣлами, и вы увидите, что она довольно толста» (V, 410).

2) Оно напечатано въ «Новомъ Времени», 1877, № 442.

проникнутыя религіознымъ экстазомъ[1]). Хотя улучшеніе здоровья Гоголя обрадовало близкихъ къ нему людей, но особый *тонъ* писемъ, «съ этихъ поръ сохранившійся навсегда» поразилъ Аксакова не особенно пріятно[2]).

Съ этихъ поръ наступаетъ третій и послѣдній періодъ жизни Гоголя, періодъ печальный и болѣзненный, не только физически, но и душевно.

А. Кирпичниковъ.

---

1) Аксакову онъ говоритъ: «теперь я пишу къ вамъ, потому что здоровъ, благодаря чудной силѣ Бога, воскресившаго меня отъ болѣзни... Много чуднаго совершилось въ моихъ мысляхъ и жизни» и т. д. (V, 425).

2) Аксаковъ, Исторія и пр., стр. 45—6.

Мелкіе тексты и замѣтки по старинной славянской и русской литературѣ *).

XXI.

Въ одной изъ предыдущихъ замѣтокъ (X) мы напечатали три посланія изъ переписки между молдавскими монастырями XV—XVII вв., причемъ обѣщали напечатать и другія наиболѣе интересныя изъ тѣхъ же посланій-образцовъ, по той же рукописи начала XVII вѣка [1]). Теперь отберемъ другія три посланія изъ переписки монастырей съ молдавскими епископами или,—какъ назывались они въ старину неправильно и не послѣдовательно,— архіепископами, романскими и радовскимъ.

Первое письмо мы относимъ къ 1531—1536 гг. Въ этомъ письмѣ игуменъ нямецкаго монастыря Ѳеодосій [2]), правившій въ указанные выше годы, отвѣчаетъ на запросъ архіепископа романскаго Макарія [3]) относительно іеромонаха Іоиля,

---

*) Продолженіе См. «Извѣстія Отдѣленія русск. яз. и слов. Имп. Академіи Наукъ», т. IV, 1899, кн. 2, стран. 428 слѣд.

1) *Извѣстія Отдѣленія русск. яз. и словесн. Императорской Академіи Наукъ*, т. IV, 1899, кн. 2-я, отд. оттискъ стр. 28-я, прим. 2-е.

2) Нѣкоторыя свѣдѣнія о жизни и литературныхъ трудахъ игумена Ѳеодосія собраны въ нашей работѣ «Изъ славянскихъ рукописей», М. 1898, стр. 64—65 и др.

3) Какъ видно по напечатанному тексту, въ письмѣ пропущено имя архіепископа и названіе епископіи, но послѣдняя несомнѣнно должна быть романская, такъ-какъ Нямецкій монастырь находился подъ управленіемъ роман-

кандидата на степень игумена другого молдавскаго монастыря, Воронецкаго. Отзывъ Ѳеодосія самый благопріятный для Іоиля и напоминаетъ похвальныя слова святымъ [1]): Іеромонаху Іоилю пятьдесятъ одинъ годъ, онъ украшенъ всякими добродѣтелями, начитанъ и знаетъ греческій языкъ; прекрасный переписчикъ, онъ проводитъ всѣ дни за перепиской книгъ, которымъ дѣлается краткій счетъ (всѣхъ книгъ 26-ть: 10 — въ Нямецкомъ монастырѣ, 5 — въ Быстрицкомъ, 6 — въ романской митрополіи, 3 — въ Побратскомъ монастырѣ, двѣ прилагаются къ письму), а изъ нихъ двѣ посылаются архіеп. Макарію, или въ подарокъ, или же только для сужденія объ искусствѣ Іоиля (послѣднее едва-ли, такъ-какъ въ романской епископіи было уже шесть книгъ, переписанныхъ Іоилемъ). Но самое цѣнное въ печатаемомъ письмѣ, это — упоминаніе о Цамблакѣ, который «оставивъ святительскую степень», прилежно занимался въ Нямецкомъ монастырѣ перепиской книгъ и поучалъ своими сладкими словами вѣрующихъ. Слѣдовательно, память о Цамблакѣ, игуменѣ, схимникѣ, переписчикѣ и проповѣдникѣ, жила еще въ срединѣ первой половины XVI вѣка и образъ его служилъ идеаломъ и примѣромъ для тогдашнихъ игуменовъ, такъ-какъ иначе не сравнивалъ бы съ нимъ игуменъ Ѳеодосій кандидата Іоиля. Текстъ письма:

Иⷯ бго̃ вышни̑ и҆збра̑но́мꙋ и҆ и҆сти́номоу пасти́рю ста̀да х҃ва и҆ ст҃ѣ̀шомꙋ оу҆чи́телю зе̑ли молдовлах(ı҆ис)ко̀. въсеос҃щен'но̃ а҆рı҆еп̑кпоу и҆м̑ ѿ и҆м̑к' тр̀ъгь въ бл҃гти ст҃гѡ д҃ха ѡ҆ г҃и радоваⷮ'сѧ. пише̃ ст҃ни тѝ смѣре̑нı҆и ı҆ермⷯ деѡдо́[сїе] и҆гꙋме̑ и҆ въ'

скихъ архіепископовъ съ самаго основанія ея, а имя архіепископа должно быть Макарій, такъ-какъ въ это время правилъ съ 1531-го года Макарій, похороненный въ основанномъ имъ монастырѣ Рышкѣ въ сентябрѣ 1557-го года.

1) Ср. «Указы како подобаетъ избирати годныхъ къ священству и ставити въ іерейскій и діаконскый санъ» въ архіерейскомъ служебникѣ XVI вѣка Моск. Синод. библіотеки № 366 (Описаніе, отд. III, стр. 100—102-я),— между прочимъ, «умѣетъ грамотѣ гораздъ». Ср. также греческіе и румынскіе тексты о годности къ епископству въ изслѣдованіи еписк. *Геннадія Енэчяну*. Condică Sânta mitropoliei Ungro-Vlachiei. Bucurescĭ, 1886 и др.

съборъ ѿ ст҃ѣ мн҃тирь па(н)кратѡро. понѐже въпрашаⷨ ѐс за ѐрмонаⷯ Іоⷩ. ѩко до(с)оиⷩ ⷷ да постави игꙋме. бы(ти) въ воронеⷰскіи мънⷷтирь. нинѣ ѿвѣщаж ѧ̀рхїере̑ ствꙋ ти ѩко ⷷ і̑ермоⷩ Іѡн҃ мѫжь чⷭ҇тнь и̑ всакими ѡ̆краше доброд҃ѣ(те)ль. и̑мы н҃а л. кънигаⷨ искѫсеⷩ и̑ въ писанїихъ ѿчьскы. ѕѣлѡ̀ и вѣ грьⷱскагѡ ѩзы. и̑ добро прѣписоⷡ кънигы мъногы. ѿ ни(х)же десать сѫть и̑ въ наⷨ мнⷷтир. и̑ е҃ въ бистрицⷦко. и̑ ѕ҃ въ ѳѡмаⷩско митропѡли. и̑ г҃ въ побраⷮско. и̑ в҃ ѿ ни(х) посилаⷬ до стⷩни т. и̑ житїе провода правеⷣно кроⷮко съ оу̑миленїеⷨ дшеⷡны по въсѧ̀ дьни прѣписоуѧ. кънⷢ. ѧ̀ки нѣкъгда гавріиⷧ цаⷭвлаⷨ игꙋмеⷩ ѿ н нѣмецкїи мнⷷтрь добри кънигы написаⷯ слаⷡкиⷯ. словесы поѹчаа. въсѧ̀ хрⷭтїаны и̑ трⷣ къ трꙋдоⷨ прѣлагаа. стлⷭкы степеⷩ ѿставль. къ бⷢꙋ ѿиде. Коⷩ. Гⷭ же споⷣби наⷭ грѣшни и̑ посла̑ни твои раⷣ млⷪтвъ оу̑гоⷣны полꙋчити прощенїе. прѣгрѣшенїа наша. въ дⷩь ѡ̆ⷮ страⷲны и̑ нелицемѣрны сѫⷣ гнⷭь. ѧ̀миⷩ.

Второе письмо — того же приблизительно времени. Игуменъ Побратскаго монастыря Гелактіонъ посылаетъ архіеп. романскому іеродьякона Памву для посвященія его во іеремонахи и брата Θеодосія для посвященія во іеродьяконы. Время игуменства Гелактіона намъ неизвѣстно, но архіеп. Макарій — лицо очень хорошо извѣстное не только въ исторіи романской епископіи, но и въ славяно-молдавской литературѣ, какъ авторъ лѣтописи и составитель нѣсколькихъ записей на рукописяхъ и надписи надъ храмомъ романской епископіи. Макарій поставленъ епископомъ 23-го апрѣля 1531-го года, а умеръ въ 1557-мъ году; до этого поставленія онъ былъ игуменомъ Нямецкаго монастыря [1]). Текстъ письма:

---

1) *Melchisedec episc. Romanului*, Chronica Romanului şi a episcopieĭ de Romanŭ, I, стр. 165—193, гдѣ приведены грамоты съ упоминаніемъ имени Макарія, а также и другія свѣдѣнія, касающіяся дѣятельности Макарія. *I. Bogdan*, Vechile chronice moldovenescĭ pănă la Urechia, стр. 69—89, 97—108 и др., гдѣ изданъ текстъ хроники, сдѣланы замѣчанія о языкѣ ея, стилѣ и историческомъ ея значеніи. О рукописяхъ, въ которыхъ упоминается архіеп. Макарій см. въ нашемъ описаніи слав. рукоп. Нямецкаго монастыря стр. 16 и 25-я.

И въ величѣи чьсти и благти прѣста дха живѫщом. въсесвѣлѣишо и из чрѣва мтрнѣ ѡсщенномꙋ и бго вишнї избраномꙋ въ еже быты истиномꙋ пастирю стмꙋ хвг стадꙋ, и стѣишо ꙋчителю въсѣ православнѣи зе̑ли мо̑довлахїиско. въсе ѡсщенои. кг макаріе епкпь рома̑скїи въ благти стго дха мно ра̑вати мтивїи наше влко велїе бжтены въ агглаской радости въсега ѡ стѣ дсѣ ами. Смеренїи и мешїи сны дшевнїи и прнїи молебнице велико ти стствꙋ. смеренїи гелактїѡ емона игꙋме, и ве събо ѿ ста мънати побра̑ской. смерено метаніе до лено лице. къ зе̑ли сътварѣе прѣ чтнаа лица чтномꙋ ти архїеренство. къ си же молеса и припадае къ стнѣ ти да сътворе любо бжїѫ и за волѣ стѣи мънати и да потрꙋди и съврьши на степ. іерескы имене пав̾ѡ. а дрꙋгїи бра имене дедосї, на степе дїакоскый. како да те вжде помѣ стнѣ ти. и мн имае благрѣти стнѣ ти, и въсемлтивїи. бь да ꙋмножи, благы дны и лѣта лѣто великомꙋ ти ахїерество. въ велицѣ здравїи и велити. въ въсѣкы дшевнѣ радости, до глъбоко старости ѡ стѣм дсѣ ами.

Кѡ. Источникꙋ бы трыномꙋ. вистри несла̑кы истачаѫщꙋ. и благвѣрни люде срца въ сла напаѫще. нашем млтивомꙋ ѡцꙋ кг епикꙋ макаріе ѡ стѣ дсѣ радовати.

Третье письмо — конца первой половины XVI вѣка. Въ немъ архіеп. радовскій Ѳеодосій отвѣчаетъ игумену и всему собору Нямецкаго монастыря, что письмо отъ нихъ онъ получилъ, но въ просьбѣ ихъ отказываетъ имъ. Соборъ Нямецкаго монастыря просилъ архіеп. Ѳеодосія поставить игуменомъ брата Киріяка. Архіепископъ отвѣчаетъ, что скоро этого нельзя сдѣлать, такъ какъ Киріакъ теперь исполняетъ обязанности екклисіарха и ему нужно сдать все церковное имущество (повидимому, радовской епископіи) по подробной описи; поэтому Ѳеодосій и даетъ имъ срокъ «до великомученика», очевидно до 23-го апрѣля, дня, съ которымъ связаны перемѣны не только въ чисто хозяйственныхъ дѣлахъ въ Молдавіи, но иногда и іерархическихъ и

даже чисто-политическихъ. Почему соборъ Нямецкаго монастыря обратился къ радовскому епископу, а не къ романскому, которому собственно былъ подчиненъ? Мы полагаемъ, что письмо это относится къ 1549-му или 1555-му году, когда всѣми любимый архіеп. Макарій былъ временно удаленъ отъ управленія епископіей и монахи не пожелали обращаться къ его замѣстителю [1]). Текстъ письма:

Смѣреніе дѣѡдосіе еп҃кпь радѡв'скіи. пише мн҃ и бл҃веніе братіа сщ҃еннико и діакони и въсѣмꙋ црк°вничеко простꙋ и прочіи въсемꙋ съборꙋ прѣбываѫщиеи въ ст҃ѣ ѡбытѣли па҃дократоро. и въ немецко бг҃о хранимо монасти. по си ѿ чтное ръкописаніе ваше ст҃ны. и къ на смѣрени. довже въ все поразꙋмѣхо вѣчіѡ [2]) ст҃нѣ ви. како прости са е в егꙋме и како просите и полюбите на бра кирна быти ва егꙋме. нь нѣ моцино и то нинѣ никакоже. зане е вѣзано клисіарство. донелиже не възме са ємꙋ сама [3]) ѿ вьсе подробно. не може творит никако. нж дадомо е днь послꙋжити до ст҃го вемника.

Считаю нужнымъ прибавить, что тексты этихъ грамотъ печатаются безъ всякихъ ошибокъ, и всякаго рода неправильности

1) Архіеп. радовскій Өеодосій, бывшій въ 1531—1536 гг. игуменомъ Нямецкаго монастыря, упоминается, между прочимъ, въ грамотѣ 1548-го года господаря Иліаша, подтверждающей покупку частей села Орцешь митр. романскимъ Макаріемъ и радовскимъ Өеодосіемъ и отдачу этихъ частей на вѣчное владѣніе Нямецкаго монастыря, гдѣ оба епископа были раньше игуменами. Этимъ еще объясняется, почему нямецкіе монахи обратились съ просьбой о посвященіи въ игуменъ брата Киріака именно къ Өеодосію. *Melchisedec*, Chronica Romanuluĭ etc., I, стр. 178. Лѣтописецъ Евөимій говоритъ слѣдующее: объ удаленіи съ каөедры Макарія господаремъ Ильяшемъ: «въсесватѣишаго и чистаго свщенноначалствомъ и молдавскаго оучителѣ кѵрь Макаріа романскаго епископа неправеднѣ и несъворнѣ и беспра̀вилнѣ съ прѣстола съгна съ съвѣтомь и наставленіемь матеріѧ своеѧ госпождеѧ Єленоѧ и Нѵѳора и Митрофана бывшаго и епископа», *I. Bogdan*, Vechice chronicele etc., стр. 166.

2) Должно быть рѣчіωмь т. е. рѣчамъ, посланію, письму.

3) Румынизмъ, должно быть възметса емꙋ сам⟨а⟩.=A şi lua *seamă*=принимать, получать отчетъ, счетъ, смѣту, вещи по списку, по описи и т. д.

въ языкѣ и правописаніи слѣдуетъ относить къ особенностямъ испорченнаго средне-болгарскаго языка въ Молдавіи.

XXII.

Въ своихъ «Историческихъ и археологическихъ замѣткахъ» [1]) преосв. Мелхиседекъ, епископъ романскій, среди рукописей молдавскаго Бисериканскаго монастыря, отмѣтилъ «Требникъ въ малую 8⁰, толщиною въ ладонь руки. Въ концѣ — *молитва св. ап. Павла противъ укушенія змѣи.* Эта молитва апокрифическая. Въ ней обращаются къ св. ап. Павлу; начинается она вспоминаніемъ того случая изъ Апостольскихъ Дѣяній, гдѣ говорится о томъ, что на пути въ Римъ на островѣ Мелитѣ Апостолъ былъ укушенъ ядовитой змѣей въ палецъ, но стряхнувъ змѣю въ огонь, онъ остался невредимъ (Дѣян. гл. 28); затѣмъ оканчивается окропленіемъ раны святой водой (stropirea mușcăturei cu aghiasmă)». Въ 1887-мъ году эта рукопись вмѣстѣ съ другими была взята проф. Гр. Точилеску и помѣщена вмѣстѣ съ другими въ библіотеку Національнаго музея древностей въ Букурештѣ, гдѣ хранится за № 1195-мъ [2]). Эта рукопись переписана въ 1527-мъ году (въ лѣ҃ ҂зл҃е съвръ҃ са сїѫ кни҃) Молдавскимъ полууставомъ; правописаніе ея, конечно, средне-болгарское. Молитва отъ змія по настоящему списку значительно отличается отъ обѣихъ версій, изданныхъ Н. С. Тихонравовымъ [3]) и какъ средне-болгарскій текстъ представ-

---

1) *Melchisedec episc. Romanului*, Notițe istorice și archeologice, adunate de pe la 48 mŏnăstirĭ și bisericele antice din Moldova. Bucuresti, 1885, стр. 87. Монастырь Bisericanĭ преосв. Мелхиседекъ посѣтилъ лѣтомъ 1884-го или 1885-го года.

2) Raporturĭ asupra câtorŭ-va mŏnăstirĭ, schiturĭ șibisericĭ din țĕră..., de *Gr. G. Tocilescu* in *Analele Academiei Române*, ser. II, vol. VIII, стр. 151—239.

3) Памятники отреченной русской литературы, т. II, стр. 353—355. Описаніе славянскихъ рукописей Моск. Синод. библіотеки, отд. III, стр. 173—174; *А. Веселовскій* въ Журн. Мин. Народн. Просв. 1882, кн. IX, стр. 213—216 и др.

ляетъ значительный интересъ. Для сужденія объ отношеніи средне-болгарскаго текста къ одному изъ греческихъ, приведемъ то мѣсто, гдѣ перечисляются разныя породы фантастическихъ змѣй [1]).

ἐξορκίζω ὑμᾶς, τὰς ἑξήκοντα πέντε ἥμισυ γενεὰς τῶν θηρίων τῶν ἑρπόντων ἐπὶ τῆς γῆς, εἰς τὸν θεὸν τὸν ποιήσαντα τὸν οὐρανόν... ὄφιν τὸν βλάπτοντα καὶ τὸν βασιλίσκον δράκοντα τὸν γενναῖον, ὄφιν τετραχάλινον, ὄφιν τὸν δενδροαναβάτην, ὄφιν τὸν δωδεκαχάλινον, ὄφιν τὸν λαγοδρόμονα, ὄφιν τὸν νεφελοειδῆν, ὄφιν τὸν τυφλὸν καὶ ἀόμματον, ὄφιν τὸν χορακοειδῆ καὶ ἔχιδναν τὴν σκολίαν τὴν ἔχουσαν τὰ φάρμακα εἰς τὴν δεξιὰν αὐτῆς σιαγῶνα. ὃν ἂν δάκνῃ ἄνθρωπον ἀδύνατόν ἐστιν τοῦ ὑγιᾶναι. ἔτι δὲ καὶ ὄφιν τὸν σκορπίον τὸ ἀποφύσισμα τοῦ διαβόλου, ἐπεὶ δὲ καὶ τὰς εἴχουσι τέσσαρας γενεὰς τοῦ ἀσπαλάγγου... (*A. Vassiliev. Anecdota, p. 331.*)

заклинаѫ вы, к҃ꙁ. ꙗдовиты҃х ѕвѣреи прѣсмыкаѫщимсѧ по земли. въ б҃а сътворшаго н҃бо и землѣ... змїѧ четвероустнаго. змїѧ в҃ї оустнаго. змїѧ ѡблаковиднаго. змїѧ врановидца. змїѧ заѫцотечнаго. змїѧ на дѫвѣ въсходѧщаго. змїѧ лѣ҃таѫщаго. ꙁмїѧ слѣпаго. и безьочиваго. василиска же и змеародного. еще же и скорпїа ѿ рода дїаволы. и ехидна лютаѫ имаѫщѫ ꙗдь въ деснѣи ланитѣ. аще оухопить ч҃лка, не възможе исцѣлитисѧ емоу...

(Средне-болгарскій списокъ 1527-го года).

1) Ср. интересное разсужденіе объ именахъ змѣй Епифанія Славинецкаго въ его переводѣ Бесѣдъ на Шестодневъ св. Василія Великаго: «аще дракона имя возмнится неприлично быти въ писаніи, идѣже писаша святіи отцы, премѣнити уже будетъ и иныхъ ядовитыхъ имена собственная аспида, василиска, скорпія, ехидны, мνрены и иныхъ и писати такожде общимъ именемъ зміи: вси бо тіи зміина рода суть. Аще ли же тіи собственно кіиждо имены гдѣ лучится написать, из вредно есть еже и дракона собственнымъ именемъ писати.... а въ минеяхъ не писано, чтобы тако печатати, но токмо показанія ради яко драконъ не ὄφις, но инъ». Описаніе слав. рукописей Моск. Синод. библіотеки, Отд. II, 1, стр. 44.

заклинаю вась вышшихь. ѯ. и половинѹ ршдовь звѣри пльзающихь по земли. вь и҃ма сьтворшаго н҃бо и землю... и василіскаа змія ршдомь. змія тетрахалина. змія додекахилина. змія лагодрома. змія и ехиднѹ. иже имать вь десной странѣ ꙗдь. що либо аще оуꙗсть немощно ѥсть емѹ. шжити. еще же к҃д, ршдь, свалкь (sic)...
(Сербскій текстъ 1423-го года).

Заклинаю васъ 400 и 60 и 5 и половину родъ звѣринъ,ползающихъ по земли, во имя Господа нашего Іисуса Христа, сотворившаго небо и землю... змію вредящую и василиска, и аспида, и змію облаковидную, змію огневидную, змію власяновидную, змію дубовеходную, змію вgriновидную, змію уядающую жены, ехидну морскую, имущую ядъ въ десной челюсти, еще же и скорпію, духновеніе діяволе.
(Русскій текстъ XVII вѣка.)

Повидимому, каждая пара этихъ текстовъ связана другъ съ другомъ общими выраженіями, отсутствующими въ остальныхъ, но во всякомъ случаѣ ихъ разности слѣдуетъ относить исключительно къ неодинаковымъ греческимъ оригиналамъ. Извѣстные намъ румынскіе тексты этой молитвы восходятъ къ славянскимъ, но все же очень далеки и отъ своихъ оригиналовъ и отъ греческихъ текстовъ. Въ румынскихъ народныхъ заговорахъ отъ укушенія змѣй нѣтъ ни слова объ ап. Павлѣ и вообще они не имѣютъ отношенія къ разсматриваемой молитвѣ, напримѣръ [1]):

1 «Пестрая козочка, змѣя отъ кожечки, кожечка отъ шкуры, шкура отъ мяса, мясо отъ костей, кости отъ мозговъ, укушеніе змѣи отъ лѣкарства пусть не останется столько, какъ маковое зерно, на четыре части разбитое, въ соръ выброшенное. Больной да будетъ излѣченъ.

1) *Dimitrie P. Lupașcu*, Medicina babelorŭ in *Analele Academieĭ Române*, ser. II, vol. XII, pp. 33—34. Ср. *V. Alexandri*, Poesiĭ populare ale romănilor, Bucurescĭ 1867, pag. 271. Заговоръ произносится надъ непочатой водой (apă neîncepută). А. Гастеръ совсѣмъ не касается даннаго вопроса въ своей книгѣ Literatura poporană română.

2 «Пестрая козочка, залѣзь подъ кустикъ, укуси змѣю за ея груди, змѣю за кость,—такому-то да будетъ на пользу.

3 «На полянкѣ подъ кустомъ — колодезь, въ колодцѣ — камышекъ холодный, голубенькій, подъ камышкомъ — змѣйка съ стальными зубами; зубы трогаютъ кожу, кожа — мясо, мясо — кость и чрезъ тѣло проходитъ ядовитая молнія. А подобно тому, какъ изъ облаковъ выходитъ блестящая молнія, точно такъ пусть выйдутъ изъ кости, изъ мяса, изъ кожи — вредныя укушенія стальными зубами той змѣи, которая находится подъ камышкомъ, подъ дикимъ кустомъ; да будетъ такой-то излѣченъ, какъ Господь его оставилъ.

Текстъ молитвы ап. Павла отъ змія выписана нами безъ удареній и придыханій, обычныхъ въ Молдавскихъ рукописяхъ:

М. стг поа ла павла. за зъмїа сице, аще оуа но. Тртое оче на. Тро нены воиньстъвь. Кѡ. Архистратизи Апле стыи. И кѡ. Твръдыа и бговѣ. И бци. Кѡ. Възбраннои.

Въ има ѿца и сна и стго дха. азь павель рабъ бжїи, иже иногда гонитель стымь цркви. и каменїемь метаахж на стыа съсжды и инаа съдѣа невѣдащоу ми вола бжїж. и вънегда изыдо съ силож въ киликїа. изше събра рожна мнѡжьство. на възгнѣщенїа ѡгню. и абїе ехидна и изшедши ѿ топлоты. обѣси ми са въ запастїе. десныа ржкы. аз же дхь стыи имыи. и истинна ха ба. отрасо еж ѿ ржкы моеж на въсходащїи пламень и съгори рожнемь. и ничтоже пострахь ѿ оугризенїа еж. на сънь обратиса. и прише архистратигь михаиль. и възгласи ма и ре ми възвигниса и стани, и прїими книга сїж. и обрѣщеши въ неи писанїе. не тъкмо ѡ единѡ тебе пострaвшимь. нж и о мнѡѕѣмь. и заура въста и обрѣто гнига сїж. въ неиже написана бѣхж сице, заклинаж вы, кз. ѩдовиты ѕвѣреи прѣсмыкажщиса по земли. въ ба сътворша нбо и землѣ. и въ сты аггль его. змїа четвероустна. змїа бі оустна. змїа ѡблаковидна. змїа врановидца. змїа зажцотечна. змїа на джбѣ въс-

ходащіа. змія лѣтажщаго. змія слѣпаго. и безъ очиваго. василискаже и змеа ро҃наго. еще же и скорпіа ѿ ро҃ діаволы. и ехидна лютаж имащжа ѩдь въ деснѣи ланитѣ. аще оухопи҃ члка не възможе исцѣлитиса емоу, аще не приспа҃е ста молтва. вѣрна҃ бжествна҃ ап҃ла павла запрѣщеніе.

И по се҃ нар҃е вѡдж чистж. напои болѣщаго. и покропи его, въ имѧ истиннаго б҃а. и ст҃го ап҃ла павла и прочі҃ст҃ы ап҃ль.

И аще далече е҃ оугризеныи. и напои повѣдавша҃. и абіе исцѣлѣеть врѣж҃енныи.

XXIII.

Въ одной изъ нашихъ замѣтокъ (XIV) мы привели нѣсколько выписокъ и глоссъ изъ ново-болгарскаго Евангелія XVIII вѣка Нямецкаго монастыря (по нашему Описанію № 14-й). Теперь сообщаемъ нѣсколько подобныхъ же выписокъ изъ такого-же Апостола, переписаннаго тѣмъ же писцомъ и переплетеннаго вмѣстѣ съ Евангеліемъ (по нашему Описанію № 18-й). Почеркъ рукописи очень похожъ на то письмо, которымъ всѣ рукописи Нямецкой библіотеки, повидимому въ XVIII-же вѣкѣ, были перемѣчены и снабжены ярлыками на корешкахъ; во всѣхъ этихъ заглавіяхъ славянскія рукописи названы болгарска. Повидимому, переводчикъ подъ руками имѣлъ кромѣ средне-болгарскаго текста и русскій печатный и греческій текстъ. Изъ пріемовъ переписчика мы отмѣтимъ совершенно произвольные переносы словъ. На поляхъ очень много глоссъ на чисто-народномъ болгарскомъ языкѣ; часто вмѣсто мѣстоименій текста на поляхъ пишутся соотвѣтствующія собственныя имена. Нѣкоторыя объясненія на поляхъ сдѣланы къ иноземнымъ словамъ; многія объясненія имѣютъ реальный характеръ, напримѣръ:

ѐпікꙋ́рій и҆ стоѝхъ тіа двата вѣха філосѡфи и҆ ꙋ҆ста́вихѫ

ѣресь. и ѡнѣзи дѣто послѣдоваха тіахната філософіа думаха ѐпікури и стойцы.

колоніа ѐ име латинско и такà думаха латинните ѐднò мѣсто в' готово коготѡ ѿ друга странà приселиха члвѣцы сирѣчь колоніа приселеніе.

ареопагъ вѣше на адина повышѐ суднилищіа тамѡ судаха віновáтите и рабѡтите ради вѣра.

главотáжь може да бывà ѐднà покрывка на главáта, илѝ покрывка с' коáту ѐврейте покрывà главыте имъ кога молать.

сікарей тейзи думы ѐ латінскій ѿ шека илѝ сѣка сирѣчь суха на ѐврейскій ꙗзыкъ сарепъ знаменува оружіе и ѐ кысь мечь.

Для образца языка приведемъ выписки изъ трехъ разныхъ мѣстъ Апостола:

деаніа стый апли писана ѿ стый апла и ѐѵглíста лука.

Первое такà слово сторихъ за сички, ѡ деѡфіле, оныа дѣто начè інсъ да струва и да учи, додѣ до день, в'онже като заповѣдà аглите при' дхъ стыи, койту изврà, вознесеса: прѣ тіа и постави себѣ жива подир' страданіе свое, с' многѡ истинните знаменій, днѝ четыредесать дѣто са ꙗвлáвашѝ тіа, и дѣто думаши, койту за цртвіа бжіа: с'тіахъ и дѣто ꙗде повѣлѝ имъ ѿ ієрусалима да не са ѿдѣла, но да чакать ѡбѣщаваніе оцу, дѣто слушахте ѿ мене: какво іѡаннъ такà крщавалъ ѐ с'вода, и выа имате да са крстите с' дхо стыи, не подир' многѡ тіа днѝ. ѡнизи такà като са сабраха запитуваха негѡ, дѣто думаха, гди, ако в'годиина тайзи устоáвашъ цртво ісраилево; и рече ка тіа: ни ѐ ваше да разумѣйте времѣта и годините. койту оцъ положи на своáта власть: но щѐ пріемните сына, като нападна. стагѡ дха на васъ, и щѐ будете ми марторы во ієрусалимъ и в' сичка іудеа и самаріа и додѣ до край земла. и тіа като рече, ѡнизи глѣдаха вдигнаса ѡблакъ под'зе негѡ ѿ очите тѣхни. и когà поглѣдали бахà на нбето, дѣто утводаши нему, и ето

мꙋ́жа два̀ пристоа́ха пред' тіа́хъ в' ѡ̀блекла̀ бѣ́ли, ко́йтꙋ рѣ́коха: мꙋ́жіе галілє́йскій, що стои́те и̓ глѣ́дате на нбо. то́йзе і̓и̃съ дѣ́то са вазнє́се ѿ ва́сь на нбѐто така́ва ще до́йде, с' ко́йтꙋ ѻ̀бразь видѣ́хте не́гѡ дѣ́то ꙋ̓тво́дашн на нбѐто (*Дѣяніе, глава I, стихи 1—11, зач. 1*).

соборное проводно писмо і̓а́кѡвле.

покора́вайтеса така̀ бгу, и̓ противи́теса діа́волу, и̓ ще бѣ́га ѿ ва́сь. прибли́жи́теса бгу. и̓ ще приближи́са ва́мь: ѡ̓чи́стите рꙋ́цѣ грѣ́шницы, и̓справѣ́ти срца̀ ва́шей двєдꙋ́шный. пострада́нте и̓ просалзы́те. и̓ плаче́теса. смѣ́хъ ва́шей в' пла́чь да ꙋ̓вы́рниса, и̓ ра́дость в' скрь́бь, смири́теса пре̑ гдa, и̓ ще вазди́гнива. не клѣвете́те є̓ди́нь дрꙋ́ги, бра́тіе: защо̀ он'же дѣ́то клѣвета́ва брата свой, и̓лѝ ѡ̓сꙋ́жда брата своє́гѡ, ꙋ̓клѣвета́ва зако́на, и̓ ѡ̓сꙋжда́ва зако́на; и̓ а̓ко зако́на ѡ̓сꙋ́ждашь, не сѝ сторилъ зако́на, но сꙋ́дникь. є̓ди́нь є̑ зако́нѡда́тель и̓ сꙋ́дникь ѻ̓н'же дѣ́то може да спа́сѝ и̓ да погꙋ́би. ты ко́й си дѣ́то ѡ̓сꙋжда́вашь дрꙋ́го; слꙋ́шайте сѣга̀ вы́а дѣ́то дꙋ́мате: дне́сь и̓лѝ ꙋ̓трѣ ще и̓де̑, во ѻ̓н'же гра́дь, и̓ ще сто́римь та́мь годы́на є̓дна́, и̓ ще тергꙋ́вамь, и̓ ще доби̑: ко́йтꙋ незна́йте, що ꙋ̓трѣ слꙋ́чиса: защо̀ кое́й живо́ть вашь; защо̀ па́ра є̑, коа́тꙋ ꙋ̓ма́ло ꙗ̓вла́етса, и̓ по́слѣ загꙋбоваса. в' мѣ́сто да дꙋ́мате вы́а: а̓ко гдь и̓ще, и̓ жи́ви бꙋ́демь, и̓ ще сто́римь това̀. и̓лѝ ѻ̓нова̀: и̓ сѣга̀ хва́литеса в' горели́вите ва́шей: са́ка хва́ла така́ва зла̀ є̑. ѻ̓н'же дѣ́то зна́е така̀ добро̀ да стрꙋ́ва, и̓ не стрꙋ́вагѡ грѣ́хъ не́мꙋ є̑ (*Глава 4-я, стихи 7—17, зач. 56*).

И̓ сѣга̀, бра́тіе, а̓ко до́йда ка̑ ва́сь ѧ̑зы́к и да дꙋ́ма̑, коа̀ ва́мь здобы́ваніе стрꙋ́ва̑, а̓ко ва́мь не дꙋ́мамь и̓лѝ во ѿкры́ваніи, и̓лѝ в' ра́зꙋмь, и̓лѝ в' прро́чествіи и̓лѝ в' наꙋче́ніи; ѻ̓дна́ко бе'дꙋ́шнаа гла́сь дѣ́то да́вать, а̓ко сви́рна свиріль, а̓ко гꙋ́сла, а̓ко лѵра, а̓ко разли́чваніе гла́сови не дада̑, какво́ тꙋ разꙋ́мно ще бꙋ́детъ ѻ̓но дѣ́то и̓гра́йшеса и̓лѝ свиршеса; ѿ

гу́сла; защо̀ а̀ко ве̓извѣстенъ гла́съ тру́ба да́де, ко́й ще у̓гото́вися на во́йска; така̀ и̓ вы́е а̀ко недобро̀ разу́мно сло́во да дѣте при̓ ѧ̓зы́ки, какво́ ще даса разу́мѣй о̀но дѣто ду́мате; защо̀ ще бу́дете на вазду́ха да ду́мате; толка така̀, а̀ко слу́чися, роди гла́совъ са в̓ ми́ръ, и̓ не е̓ди́нъ тiа́хъ ве̓ гла́сенъ. защо̀ а̀ко не позна̃ си́лы гла́су. ще буда съ дѣто ми ду́ма дру́го ѧ̓зы́чникъ. и̓ дѣто дума, ме́не дру́го ѧ̓зы́чникъ. така̀ и̓ вы́е, защо́ту ревни́тели стѐ дх҃о́вните, (ко́йту) ка̃ сази́данiе цр҃кови проси́те, да у̓множа́вате. *(Къ Коринѳ. 1-е посланіе, глава 14-я, стихи 6—12, зачало 155-е).*

Для характеристики глоссъ, выпишемъ всѣ глоссы изъ первыхъ сорока зачалъ апостольскихъ Дѣяній:

сѣлище — нива; е̓пiско́пiа — насле́данiе; ненадѣйно — и̓звúднашъ; бу́ра — като̀ и̓дешн дыха́нiе си́лно; совѣтъ — во́лю; болѣзните сме́ртная — врѣската; до́мъ і̓сра́илевъ — ро́дъ си́чки; река̀ с̓ слободе́нiе — с̓ во́лная ре́чь; спасе́теся — назе́теся; васхо́ждаха в̓ свати́лище — вазлизаха в̓ о̀лтаръ; потрѣбися — и̓з̓корѣни́ся; пле́мена — о̀те́чествiа; петро́во надѣя́нiе — п. своводе́нiе; ѧ̓ри́хася — смути́хася; грозе́нiе — прище́нiе; в̓ сохране́нiа — в̓ темни́ца; с̓ ну́жда — с̓ си́ла; да фѣрлите — да привеети; зговоръ — совѣтъ; покло́натъ — послу́жа̃; зако́нъ — завѣтъ; ма́чи о̀ц҃ы — злостори̇ о.; ѡ̓живе́атъ — ѡ̓хра́натъ; у̓го́денъ — прiа́тный; му́ките — зло̀ страда́нiе; младенцы — дре́вни дѣца̀; ѡ̓держа́нiе — принамере́нiе, получе́нiе; мучеши — злостру́ваши; ѧ̓зы́къ — наро́дъ; не поста́ви грѣха — не почи́тай грѣха; е̓диново́ленъ — согла́сенъ; му́ринъ — а̀рапинъ; е̓́гну́хъ — скупенъ; колесни́ца — кола̀; да са здоби́ва — да са полу́ча; у̓страша́ванiе — у̓гроже́нiе. ненадѣйно — и̓звидна́шъ; у̓гово́риха — согласи́ха; за́говоръ — зло̀ у̓мишле́нiе; серана — сарна̀ [1]); у̓смара̀ — тава́ка; ѿ спи́ри — ѿ чи́нъ во́йски; чуждинствива — нахо́ждася; сумна́вашися — мислися; не прили́чно — нелѣпо; чуждопле-

1) Зачало 23, ст. 36.

мѣнника — чуждороденъ; рѐчь — глаголь; во страны — село; нарѐчень — нарѐдѐнь; ꙋ̓мно́жиса — приложиса; четы́ре по четы́ре во́инни — шестна́деса҃ в.; слꙋ́жба — милости́на; постелника — койтꙋ ҇е на҃ пос҇елите или легло́тꙋ; ѿ цр҇тва — ѿ страна̀; и҆звѣде — и҆зба́ви; найдо́хъ — намѣрнхъ; заспа̀ — ꙋмрѐ; потрѣбно — прили́чно; стремлѣніе — напа́даніе; рꙋкополо́жиха — просвещи́ха; пресвѵ́тери — сщ҇енницы; не задѣвате — не без̓поко́йте; ѿчи́стать — и҆збѣгать; почтѐнии — пѐрви; посла́ніе — пи́смо; нахо́датса — пребыва҃; вдигна́хмиса ѿ трѡа́да — ѿтвори́хаса сь кора́бла; ꙋ̓ста́ви пра́вилы, положѐній; ма́йка — мать; порфѵ́ро продавайца — дѣто продаваши червѣни платна̀; ꙋ̓сѣтиха — позна́ха (*Зачала 1—40*).

XXIV.

Въ одномъ изъ сборниковъ XVI—XVII вѣка Національнаго музея древностей въ Букурештѣ [1]) мы заинтересовались небольшой статьей, трактующей о чудесныхъ свойствахъ 12-ти архангеловыхъ камней. Въ началѣ каждаго изъ ея отдѣловъ указывается болѣзнь, а затѣмъ — способъ исцѣленія отъ нея при помощи этого благодатнаго талисмана. Статья написана на народномъ сербскомъ языкѣ и интересна по многимъ спеціальнымъ выраженіямъ. Приведемъ весь текстъ, не отмѣчая въ скобкахъ обычными въ такихъ случаяхъ знаками [sic] тѣхъ словъ, которыя могутъ остаться непонятными, такъ-какъ текстъ переписанъ нами весьма точно и со всѣми надстрочными знаками:

а҆во ко́и чини҃ бл҃ь и҆сцѣлѐніа ѿ ка́мена а҆рхаг҃глова.

а҃. и҆сцѣлѐніе ѿ҃ ѡ҆чнѐ бо́лести. ѡ҆ва кои да се чини҃ а҆ по́миро. да поста́вишь ꙋ̑ ча́шицꙋ водѣ. и҆ да прѣкрьсти҃ ѿ немзи̇ камен-

---

1) Сборникъ, скорѣе всего, начала XVII вѣка, въ четвертку, писанный нѣсколькими почерками. Правописаніе сербское; встрѣчается буква ꙟ въ чи-

ко архаггловѣмь водицѹ три. и да рѣшь велико име стые троице. прѣстаа бце помагаи намь. и пото да налїешь око члкѹ ѡномзи водицо. ако ли тїе ѹгодно да ѹстрѹгнешь ѿ ѡнога и каменка ѹ вωдицѹ (л. 482) добро е.

в. исцѣлѥнїе ѿ сатаниньскога привидѣнїа и мѹченїа и страхованїа. да га носи члкь на грьлѹ:~

г. исцѣлѥнїе. комѹ то се страхованїа и привидѣнїа тази сатаниньскаа чинѣ. до пости, ꙁ. дни. ѡ хлѣбѹ и ѡ водѣ и ѡвокїю. и да чини апомиро каковое выше писано. да срька всако ѹтро за ѡнехзи ꙁ. дни. и тако помощїю бжїею исцѣлѣеть:~

д. исцѣлѥнїе ѿ срьчнѣ болести. да чини апомиро каковое выше рено. и да срькаашь соутра и ѹ пладне и вечрь:~

е. исцѣлѥнїе. младнць кь да е добиваа. и не може се растити с матерїю. дасе чини апомиро каковое више рено и да срькаа жена:~

ѕ. исцѣлѥнїе. комѹ кръвное течение чрѣвомь. да чини апомиро каковое више рено:~

ꙁ. исцѣлѥнїе. комѹ рѣса ѹ грьлѹ или грьло боли. да чини апомиро каковое више рено. и да срькаа.

и. исцѣлѥнїе. грозница кого дрьжи. да чини апомиро каковое више рено. и да срькаа кьда нога грозница почмѣ оухватать.

ѳ. исцѣлѥнїе. кога боли зѹбь. да чини апомиро каковое више

словомъ значенія. Краткое содержаніе сборника: Андріатисъ Іоанна Златоустаго, слова Георгія мниха и хартофилака, Анастасія Синайскаго, Іоанна Златоустаго ѿ книгъ глемыє оумиленнѥ (Маргаритъ), разсказъ аввы Аммона изъ Патерика, Іоанна Дамаскина—слово на Благовѣщеніе, Повѣсть о чудѣ архангеловъ въ обители Дохіаръ на Аѳонѣ, Мученіе св. Григорія еписк. Арменіи, Анастасія Синайскаго—о 6-мъ псалмѣ, Житіе Маріи Египетской, Евстафія и жены его Ѳеопистіи, Повѣсть о воздвиженіи пресв. Богородицы, объ исцѣлѣніяхъ отъ камня архангелова и проч. Конецъ рукописи утраченъ. На л. 110 об.— запись писца тайнописью: сии писа грѣшни симонъ. По инв. каталогу музея рукопись № 829.

писа́но. и҆ да ѹ҆зме водицѹ да дрьжи ѹ҆ ѹ҆стѣхъ до́бро є. и҆ пото҃. да пожрє҃. и҆моѹзи водицѹ. и҆лѝ за спѝ и҆лѝ не заспѝ:~

г҃, и҆сцѣлє́нїє. кьда се чл҃кь ѹ҆ймн рѹ́кама и҆ ногама. да чини҆ а҆помѝро каково́є ви́ше рє҃но. и҆ да срькаа сѹ҆тра и҆ ѹ҆ пла́днє и҆ вє҃рь:

аі҃. и҆сцѣлє́нїє. ѿ ѡ҆гницє. ѹ҆ началѹ кьда похвати бо́лєсть да затєчє. да чини҆ а҆помиро каковоє ви́шє пи҃но и҆ да срькаа.

ві҃. и҆сцѣлє́нїє. ѿ за́пора водѣ. да чини҆ а҆по́миро каковоє ви́шє рє҃но и҆ да срькаа:

ѿ чюмѣ и҆ ѿ дрѹзѣ болєсти҆ кто҆ съ вѣрою примаа. да чини҆ каковоє ви́шє пи҃но. мл҃тїю б҃жїєю и҆ помо́щїю ст҃ы и҆ бєзпльтни҆ а҆рхїстрати҃ и҆сцѣлѣтикє:~

XXV.

Отмѣчая рукописи Бисериканскаго монастыря, преосв. Мелхиседекъ указываетъ въ одной изъ нихъ «въ концѣ—особенныя формы обращеній къ митрополиту, къ господарю, къ боярамъ, къ игуменамъ или іеромонахамъ» [1]). Мы нашли эту же рукопись въ библіотекѣ Національнаго музея древностей въ Бухарештѣ за № 1198 [2]) и выписали эти посланія, причемъ замѣтили, что преосв. Мелхиседекъ пропустилъ самое интересное изъ посланій, послѣднее, въ концѣ котораго собраны, повиди-

1) Melchisedec, Notiţe istorice şi archeologice etc., стр. 88.

2) Рукопись эта — слѣдованная Псалтырь конца XVI вѣка, въ четвертку, на 260 листахъ; полууставъ Молдавскаго письма. Самый текстъ Псалтыри утраченъ и сохранились однѣ приложенія богослужебнаго содержанія; между прочимъ — такое замѣчаніе (л. 129 об.): брате мои, вьнимаи и зри, егда пїеши: а҃. чаша здравїє, в҃. сытость, г҃. весєлїє, д҃. бєзѹмїє, є҃. бѣсовскоє, ѕ҃. съмрьтнаа, з҃. мѫка вѣчнаа, отдѣльныя молитвы на разные случаи, пасхальныя таблицы и календарныя статьи; ѡ ѕвѣздѣ гл҃емѣи цигрь (съ русскаго), о несчастливыхъ дняхъ, указанныхъ Богомъ Моисею, краткая хронологія вселенскихъ соборовъ, выписки изъ аскетическихъ поученій и проч.

мому, не имѣющія отношенія къ посланію красивыя выраженія, напоминающія изреченія Пчелъ или Моленія нашего Заточника [1]). Относительно этого посланія мы склонны думать, что оно переписано съ русскаго оригинала.

прѣ҃словїа посланїѡ҃. гл҃емаа положенїа.

митрополитꙋ. Всеѡ҃ѣнишомоу вл҃цѣ. и равноап҃лѡ҃ съпр҃тлномоу. пастырю и оучителю. слове҃наго стада х҃ва. прѣѡ҃сщенномоу митрополитꙋ. или еп҃кпꙋ. им҃ гра҃у. кг҃. им҃. и посе҃. кѡ҃. И въсеблгы҃ б҃ъ да спо҃бить на҃ смѣреныи҃ ст҃ы мл҃твь ст҃го вл҃чства, ами҃.

гͦп҃рю. Бл҃гочьстивому и х҃ѡлюбивомꙋ. и бг҃о вѣнчанномоу. и самодръжавномоу гͦспнꙋ нашіемꙋ iѡ. гм҃кь воеводѣ б҃жїею мл҃тїю гͦп҃рю земли им и посе҃. кѡ҃. И въсе҃ блгы҃ б҃ъ и пр҃чтаа бг҃ѡм҃ти да оумнѡжи҃ лѣта мнѡга и д҃ни доври и да тѧ спо҃бить г҃ь б҃ъ цр҃твїоу н҃бномоу съ всѣми ст҃ми аминъ:

волѣринꙋ. Славномꙋ. и х҃ѡлюбивомꙋ. и въ православїи хр҃тїанства прославшомꙋ. и въсѣкои ч҃ти и славѣ до҃иномꙋ. с҃нꙋ цр҃ковномꙋ. прїателю нашемꙋ. жꙋпанꙋ има҃:

---

1) Къ литературѣ предмета, указанной нами въ X замѣткѣ, прим. 1-е, прибавимъ: Γράμματα ὁποῦ γράφει ὁ ἀρχιερεύς всего 17-ть образцовъ на греч. языкѣ въ рукописи 1669-го г. Синод. библіотеки № 328; послѣдняя Γράμμα ζητείας τῶν μοναχῶν (Систем. Описаніе *архим. Владиміра*, стр. 481); грамота патр. Каллиста въ Болгарію, переписанная какъ образецъ, а не какъ черновая, на греческомъ же языкѣ (*П. Сырку*, Къ исторіи исправленія книгъ, стр. 282); сборникъ посланій и грамотъ изъ собр. П. И. Щукина № 468, гдѣ приведено около 60-ти грамотъ, причемъ многія безъ всякихъ собственныхъ именъ (*А. И. Яцимирскій*, Опись, вып. II, стр. 240—245). Укажемъ также на образцы привѣтствій: сборникъ XVII вѣка № 115-й библіотеки Общества Любит. Древн. Письм. (*Хр. Лопаревъ*, Описаніе ч. I, стр. 212—216); рукопись 1687-го года изъ собр. П. I. Шафарика № 17-й (*М. Сперанскій*, Рукописи, стр. 64); рукопись XVII вѣка того же собранія № 26-й (тамъ же, стр. 86). Ср. Описаніе рукоп. Моск. Синод. библіотеки, отд. II, 3, стр. 701, гдѣ посланіе выписано тоже какъ образецъ. Многія посланія переписаны какъ образцы и копіи съ нихъ фактическаго примѣненія не имѣли, напримѣръ, открытое нами Посланіе Ивана Бѣгичева о видимомъ образѣ Божіемъ, гдѣ имя адресата всюду замѣняется имярекъ и др.

іегѹменѡ҃. или с҃щенноинѡкѡ҃. Иже въ велицѣи ч҃тн. и бл҃гтн въсест҃о д҃ха живѧщомѹ. въ разѹмѣ съвръшеномѹ. въ мѹ҃дрости искѹсномѹ. въ словѣ крѣпкомѹ. въ всѣ҃ добри дѣлѣ҃ ѕѣлѡ искѹсномоѹ. и ѿ б҃а възлюбленномѹ҃ и възвышенномѹ бл҃гы҃ ра҃ди твои҃ дѣаніи. пастырю и наставникѹ словесна҃ х҃ва ста҃да к҃г. ѿцѹ ѿце҃. кѡ҃. И въсебл҃гыи бл҃гыи б҃ь въсегда миръ свои после҃ на ѿчьство ваше. и с҃тыѧ вы м҃лтвы на на҃ грѣшны҃. ами҃.

дрѹ҃г. Како въспрінимѫ тѧ. ѡ сладкіи мои ѿ҃. како же ли изрекѫ великаа бл҃годѣаніа твоа, еже на наше показѹеши не-до҃инство. коели въздаріе ѡ мноѕѣ бл҃годѣтѣлствы въздоми с҃тини ти. или к҃ыѧ бл҃годарныѧ рѣчи възсле҃ ти. оутѣшеніа вѡ твоа, мнѡго възве҃лишѧ д҃шѫ моѫ. тъчіѫ се г҃ле҃ ти. въсе-видѧщее око да видитъ. и да възда҃ твоеи с҃тини тысѫщами свсѹбо, з҃е. въ бѫдѫще҃же, еже съ х҃омъ да слѣдниши живо҃ вѣчніи, и цр҃тво нескончаемое въ радести с҃ты҃. и да оуслы-шиши, е҃ сътвори единомѹ си҃ менши҃, мнѣ сътвори. того ради ѿсѫда дръзаѫще м҃ли҃сѧ. сътвори и еще къ м҃лти м҃ть. и къ бл҃годѣанію бл҃гть. прочаа҃ ꙗкоже и оусты къ оусто҃ м҃лти имать твоа с҃тнѣ: и възмръзи҃ ти въсесѫщее се҃мое вѣка сего. .ъдавай[1]) себе въсѣ҃ скръбны҃ въ врѣ҃ се. да ѡбрѣщеши живѡ҃ въ ѡно҃ вѣцѣ. и радости неизре҃ныѧ. Помышлей на въсѣ҃ д҃нь въ что въпаде. и помоли҃ ѡ ни҃же съгрѣши. и б҃ъ прости҃ ꙗ: Иного пѫтѣ вѣшша къ сп҃нію нѣ҃, тъчіѫ е҃ въсегда себѣ прѣ҃ б҃мь и ч҃лкы поѹхлѣти и ѡсѫждати҃ сѧ҃: Иже многы печали имѣѫ и рабь е҃ многы҃. а ѡставивыи въсѣ, сын дрѹ҃г боу҃ е҃. Наплънѣаи ѫтробѫ. и ѡбѣщаваѫсѧ цѣломѫ҃дрьствовати. по҃бень е҃ г҃лѧщомѹ ѡбѹздавати ѡгньное дѣиство стрьстіе҃: Не гнѣвлива д҃ма ц҃рко е с҃тго д҃ха: Г҃лa с҃тіи ѿци. ꙗ҃ ч҃лкъ даѧсѧ въ скръбь б҃а ради. вѣрѹе҃ въистинѫ ꙗко того б҃ъ съм҃нкы пріемле҃. слъзы оубо его въ кръве мѣсто пріемле҃ б҃ь. пла҃ крщае҃ ч҃лка. и твори҃ его бе҃ грѣха. стра҃ствіе наше е҃. е҃ дрьжати оуста своа. по҃ е҃ оуздa

1) Для прописной буквы оставлено мѣсто. Точно такъ же не дописаны и другія начальныя буквы въ этомъ письмѣ.

инокꙋ на грѣхы. помѣтами же ѥ҃. кѡ҃, неисто҃ на же҃скы҃ по҃: Лꙋчѥ ꙗ҃ти маса и пити вино. а не ꙗсти ѡклеветаніе҃ пл҃ братиа:

Во многихъ мѣстахъ смыслъ неясенъ несмотря на то, что текстъ переписанъ нами вполнѣ точно. Повидимому, переписчикъ не понималъ многихъ словъ въ необычномъ для него русскомъ правописаніи.

XXVI.

Въ сборникѣ словъ и житій, переписанномъ въ 1629-мъ году архіеп. и митр. сочавскимъ Анастасіемъ Кримковичемъ для ново-созданнаго имъ монастыря Драгомирны [1]), мы нашли апокрифическую молитву отъ града. Текстъ ея весьма близокъ къ такой же молитвѣ, напечатанной еписк. Мелхиседекомъ въ третьемъ томѣ капитальнаго изданія проф. *Gr. Tocilescu* въ Букурештѣ, Revista pentru istorie, archeologie şi filologie, стр. 381—382. Покойный ученый нашелъ эту молитву въ славянскомъ Евангеліи монастыря Анѳима въ Букурештѣ [2]); о самой рукописи преосв. Мелхиседекъ говоритъ, что «плохое начертаніе носитъ печать упадка славянства въ Румыніи. Поэтому, мы относимъ происхожденіе ея къ концу XVII или къ началу XVIII вѣка: Въ Евангеліи не показано ни имя писца, ни время

---

1) Краткія свѣдѣнія объ этой рукописи, принадлежавшей монастырю Драгомирнѣ еще въ 1859 году, сообщены въ нашей книгѣ «Изъ славянскихъ рукописей» М. 1898, стр. 69—70. Рукопись изъ собранія свящ. о. Ѳеофила Гепецкаго въ Бессарабіи; молитва противъ града читается на об. 326-го листа, среди другихъ молитвъ, обычныхъ въ молдавскихъ требникахъ.

2) Церковь Анѳима (biserica Antim) въ Букурештѣ основана въ 1715-мъ году митр. Анѳимомъ Иверскимъ (Antim Ivereanul) въ дни господаря Стефана Кантакузена, что̀ видно изъ греческой надписи на мраморной доскѣ. Церковь посвящена празднику всѣхъ святыхъ и отличается оригинальной архитектурой румыно-византійскаго позднѣйшаго стиля. Краткія свѣдѣнія объ этой церкви см. въ книгѣ *C. Bilciurescu*, Mŏnăstirile şi bisericile din România. Bucureşti, 1890, стр. 254—256 и др.

написанія; есть нѣсколько замѣтокъ недатированныхъ, например, на 17-мъ листѣ говорится: это Евангеліе принадлежитъ Констáнтину отроку Анѳима. На послѣднихъ листахъ—нѣсколько замѣтокъ: 1) пробы пера съ датами 1760 и 1768 гг., 2) румынская запись: Да будетъ вѣдомо, что эта книга принадлежитъ отроку Радулу, а поэтому пишемъ и мы, чтобы священникъ-ли или общество (bréslă = братство, цехъ и т. д.), кому случится, поминали-бы это имя, 3) на послѣднемъ листѣ — двѣ греческія записи: ἔγραψα ἔγω Κοσταν͂δηνος ῶ (sic) Ανθημος и ἔγραψα ἐγὸ ὀ Θόμος ἀπο του αγίου Σαβα ὀπυ διαβοζη ἐχὴ, 4) замѣтка на неизвѣстномъ языкѣ латинскими буквами. За послѣднимъ евангельскимъ чтеніемъ, въ видѣ продолженія Евангелія, тѣмъ же почеркомъ прибавлено заклинаніе противъ града, которое мы для болѣе удачной характеристики назвали молитвой-заговоромъ (rugăciune-vrajă). Это заклинаніе мы здѣсь воспроизводимъ по сербски (*чит.* по славянски) съ румынскимъ переводомъ, какъ доказательство полнаго невѣжества румынскаго духовенства во время господства славянства. Это заклинаніе носитъ заглавіе, написанное киноварью: молитва за градь, а на поляхъ—слова, заключенныя въ скобки: х͠с ѿдѣлъ (sic), которыя означаютъ: «Христосъ разлучилъ, разсѣялъ (a despărţit)»[1]).

Рукопись 1629-го года:

Вь има ѿца и с͠на и ст͠го
доха. Ѳидмй і͠с х͠с на мѣстѣ
ровнѣмь съ четири еу͠листы и
бесѣдоваше со оуче͠кы своими.
и се тоуча градна ѡсѣниса на͠
ними. и въставъ і͠с х͠с прѣкр͠ти
ж г͠щи. и рече еи. тоуча злаа

Изданіе еп. Мелхиседека:

Вь има ѿца и с͠на и ст͠го д͠ха
Ѳѣдѣше і͠су х͠с ѡн на цѣлинѣ
м͠стѣ и д͠ иеуг͠сти и дрьжаста
х͠с г͠лаше. и се ѡблакь градныи.
ѡсѣни над ними и ста г͠ь н͠шь
і͠су х͠с прѣкр͠сти. и рече. ѕлазі и
ѕтѣшися. бѫди медь. и млѣко.

1) Оба текста издаются безъ удареній и придыханій. Текстъ рукописи XVII вѣка изданъ преосв. Мелхиседекомъ не вполнѣ точно, со смѣшеніемъ и и и единственными надстрочными знаками ˜, несомнѣнно, вслѣдствіе недостатка шрифта.

и немл͠осръднаа. оулѣзан и оутишайсѧ скоро. вѫди медь и млеко. и прѣтворисѧ оу водѫ. иди въ поустынѧ и въ горѫ и вь дѫбы бес плода. вънидн въ вылїа. и въ шоумицѫ. тамѡ бѡ ти врьзити гнѣвь твои. а не винограды врѣдити. заклинаѫ та б͠мь гл͠авший̑ вь кымпинѣ сь моүсеѡмь, иже о единѣмь словеси скалѫ расцѣпи. тако и ты тоуча градна расцѣписѧ вь вѣки. и вѫди медь и млеко. и прѣтворисѧ вь воды. иди вь поустыни. и вь горѫ. и вь дѫбы бес плодѡвь. вьниди въ вылїа и вь боуковинѫ. тамо пролїаше гнѣвь свои. виноградь же не врѣди. заклинаю та тоуча градна вь жезль аарѡнѡвь процьфтшїи и провѐшїи люди из͠раилеви скрозѣ чрьмное море. фараона же гонитела съ плъки потопи. тако и ты тоуча градна расцѣписѧ вь вѣкы. и вѫди медь и млеко. и прѣтворисѧ ми вь водѫ. иди вь мѣста поустаа. и вь горѫ соухѫ. и вь дѫбь бес плода. вьниди вь сѣно и вь бꙋковинѫ, тамо изкрьзи гнѣвь твои. виноградь сеи не врѣди ничтоже. заклинаѫ та тоуча злаѧ вь б͠а давшаго із͠раильтѣнѡ̑ манинѫ на вьсакь и сьтворї ми водѫ. иди вь пꙋстыѫ горы. и вь неплодное дрѣвь. и вьниди вь вылїе. тамо си врьзи гнѣвь. и шꙋмь а ни винограды. сїѫ да ни врєдиши. Заклинаѫ та г͠лавшимь вь кѫпинѣ. сь моисеѡмь. ѡ единомь словеси расцѣпи камене. тако и ты бѣлы ѡблаче градныи. раздѣлисѧ. и разыдисѧ. и вѫди медь. и млѣко. и сьтвори ми водѫ. и иди вь пꙋстыѫ горы. тамо си врьзи шꙋмь и гнѣвь. а нивы сїѫ. ни винограды не врѣди. Заклинаѫ та бѣлы ѡблаче градныи. Вь жезльароневь. превведшомꙋ люд скозѣ море чрьмное. и фараона сь вои потопи. тако и ты бѣлы ѡблаче градныи растѫписѧ. и разыдисѧ. и вѫди медь и млѣко. иди вь пꙋстыѫ горы. и вь неплодное дрѣво. иди вь вылїе. тамо си врьзи гнѣвь и шꙋмь. а нивы сїѫ и винограды да не врѣдиши. Заклинаѫ та бѣлы ѡблаче градныи. вь б͠а давшагѡ ї͠срлтѣномь манинѫ. ѡртакꙋмиторь. лѣт м͠. Заклинаѫ та бѣлы ѡблаче градныи вь б͠а бл͠годевшаго. Єгоже рѡди (sic) неб͠сное ц͠рствїе ї͠су х͠с изшедше ѡт д͠вы вьплътщенсѧ. Заклинаѫ та бѣлы ѡблаче градныи вь г͠а. н͠шго ї͠су х͠с

днь артѡсь сь митрож (sic) лѣ м. заклинаж та тоуча градна вь ба блгодавша. его же ра вьплътися хс ѿ дѣвы мріи и пострада. и вьскрѣсе. заклинаж та тоуча градна вь га іс ха вѣтроу и вода запрѣтишемоу. и оулаже и бы тишина. тако и ты тоуча злаѧ нынѣ оулазаи. и оутѣшися. и прѣстани. и ѿиди ѿ хотаръ нши. за .д. пъприцљ г-цни.

запрѣтившомꙋ вѣтрꙋ. и морю и ꙋлаже и быст тишина велїа. тако и ты нинѣ вѣлы ѡблачеградным. ꙋлази. и ꙋтишися. и прѣстани. и вжди ꙗко и прахь на гꙋмнѣ. иди вь пꙋстыж горы. и вь неплодное дрѣво. и вь дивїе былїе. тамо си врьзи гнѣвь и шꙋмь. а ѡт синора нашего да идаши г. д пьприцљ. а нивы нашж и винограды да не врѣдиши вь вѣкы аминь. рьци г-цни.

Оба текста въ общемъ схожи между собой, но нашъ текстъ древнѣе и обнаруживаетъ слѣды древнѣйшаго перевода, напримѣръ: гора въ значеніи лѣса[1]), джвь въ значеніи дерева, кымпина съ сохраненіемъ носового элемента кжпина, сѣно въ значеніи травы, былія и др., слѣды живого языка, напримѣръ, оуводж, шоумица въ значеніи лѣса, воуковина тоже въ значеніи лѣса (буковаго), процъфтшїи, хотаръ въ значеніи границы (ср. hotar въ молдавскихъ грамотахъ XV — XVII вв.) и др.; наконецъ, нѣкоторыя выраженія не поняты, напримѣръ, ѡртикꙋмиторь (ср. ὀρτιγομήτηρ; Мелхиседекъ переводитъ cristeĭŭ — коростель, полевой дергачь, дроздъ и т. др.); нашъ переписчикъ передалъ артѡсь сь митрож, повидимому, совершенно по созвучію.

---

1) См. дальше и въ горж соухж. Ср. текстъ подобной же молитвы, но совершенно иного содержанія, изданной проф. *Е. I. Калужняцкимъ* по списку XVII вѣка: пойди въ свои пѵстыа мѣста, на сꙋхы лѣсы, на пѵргынѣ и т. д. *Arkiv für slavische Philologie*, Bd. XIV, Sonder-Abdruck, стр. 83.

XXVII.

Намъ не разъ приходилось говорить о трудности опредѣленія времени написанія рукописей молдавскаго письма, такъ какъ писцы усвоили себѣ красивый литургическій полууставъ, называемый нѣкоторыми палеографами и уставомъ, начала XV вѣка и писали имъ до начала XVIII вѣка. Въ спеціальномъ очеркѣ по славяно-молдавской палеографіи мы укажемъ нѣсколько примѣровъ ошибокъ русскихъ ученыхъ, относившихъ рукописи XVI и XVII вв. къ вѣку XV на основаніи характера полуустава, необыкновенно четкаго, красиваго и всегда выдержаннаго. Теперь отмѣтимъ только одну рукопись, которую намъ пришлось видѣть у С. Т. Большакова. Она переписана въ 1709-мъ году широкимъ, изящнымъ полууставомъ; снимокъ съ одной страницы этой рукописи многіе ученые относятъ къ XV вѣку, что вполнѣ правдоподобно, такъ какъ молдавскія рукописи XV вѣка писаны точно такимъ же полууставомъ, какимъ и рукопись 1709-го года. Въ современной рукописи записи она названа Параклитикомъ (параклисе), такъ какъ состоитъ изъ семи параклисовъ или молебныхъ пѣній важнѣйшимъ святымъ и праздникамъ. Извѣстные намъ русскіе списки Параклитиковъ XIV и XV вв. Моск. Синодальной библіотеки №№ 419—422 ничего почти общаго не имѣютъ съ рукописью 1709-го года. Составители описанія синодальныхъ рукописей говорятъ, что «Параклитикомъ у грековъ называется октоихъ, или осмогласникъ. Октоихъ, изданный въ 1873 г. въ Венеціи, имѣетъ такое заглавіе: Παρακλιτικὴ ἤτος ἡ μεγάλη ὀκτώηχος. Сіе названіе встрѣчается и въ нѣкоторыхъ славянскихъ изданіяхъ октоиха (Львовъ 1644, 1686 гг.), но по всѣмъ спискамъ синодальной библіотеки параклитикъ сокращеннѣе октоиха и довольно отъ него разнится» (отд. III, стр. 465).

Рукопись 1709-го года въ концѣ имѣетъ запись, первая половина которой писана на румынскомъ языкѣ, вторая по-славянски. Изъ нея мы видимъ, что Параклитикъ переписанъ дьякономъ Андроникомъ для епископа романскаго Пахомія, въ записи интересно слово напсахъ, въ такой формѣ встрѣчающееся исключительно въ древнѣйшихъ славянскихъ и русскихъ послѣсловіяхъ. Приведемъ описаніе рукописи:

Сборникъ молебныхъ пѣній, 1709 года, малаго формата всего около 150-ти листовъ, писанный четкимъ широкимъ полууставомъ Молдавскаго письма, по 13-ти строкъ на страницѣ. Заставки чрезвычайно оригинальны; онѣ напоминаютъ по рисунку и по раскраскѣ — молдавскіе ковровые узоры или же писанки. Правописаніе средне-болгарское.

Составъ рукописи: 1) чныи паракли҃с· ст҃ѣи и живоначаⷧнѣи тр҃ци.

2) чⷭ҇ны параклиⷭ҇ ст҃ы архистратигꙋ, и гавріилꙋ.

3) чⷭ҇ны параклиⷭ҇ ст҃омꙋ прⷣчи и кр тлю ѡанꙋ.

4) чⷭ҇тныи параклиⷭ҇ ст҃мꙋ великомⷱ҇никꙋ геѡргію.

5) чⷭ҇тныи параклиⷭ҇ ст҃мꙋ архїераⷬ҇хꙋ и чюдотворцꙋ некѡлаю.

6) чⷭ҇тныи параклиⷭ҇ ст҃ѣи прпⷣ внѣи параскеви.

7) чⷭ҇тны параклиⷭ҇ прест҃ѣи влчⷣци нашеи бцⷣи.

8) молитвы ст҃го григорїа двоеслова.

Запись молдавская и славянская, скорописью 1709-го года — предъ молитвами св. Григорія Двоеслова:

ачаⷭ҇те чиⷭ҇стите ши лъⷪ҇да҃ параклисе. а̀ феричници ши сꙟ҃нци. чеⷭ҇ мърици ши ши правослъвици а̀ а̀ле. лѣмьⷭ҇ скриⷭ҇. сꙟ҃нцїи сале. де дꙋѕеⷪ҇ юбиторюлꙋⷧ҇. ши диⷩ҇ дарꙋⷧ҇ сꙟ҃нтꙋлꙋⷧ҇ дх҃ъ. але҃.

Этотъ честный и славный Параклитикъ блаженнымъ и святымъ, величаемымъ и право славимымъ въ немъ, написалъ я его преподобію боголюбивому и даромъ Духа Святого избранному,

α) пахѡмїе. архїеп҃кпь рѡмаскїи. в҄ дн҃и бл҃гочистиваго и хр҃любивā.,Іѡ михаи̑ ракѡвице воевѡда. въ второе єгѡ гп҃ство. земли мѡ҇да҇ско̑. напса̑ а̑ наимѣ̑шии въ мѣ̑шиⷯ и смѣре̑нныи въ въсѣхь. а дрѡни҇ дїакѡ̑ в л҃тѡ. ҂зс҃зї. м҃ца. ю҃. в҃.

Далѣе — молдавскія записи: о томъ, что писецъ Андроникъ изъ монастыря Путны; о томъ, что въ монастырѣ «Проковѣ» (т. е. Покровскомъ) живетъ старецъ Нифонтъ, постриженный въ Нямецкомъ монастырѣ тридцать лѣтъ тому назадъ, — 1777-го года и др.

XXVIII.

Каноническія рукописи румынскихъ библіотекъ пока очень мало изслѣдованы; можемъ указать только на списки Синтагмъ Матѳея Властаря, отмѣченныя проф. Т. Флоринскимъ (Памятники законодательной дѣятельности Душана), и на списокъ той же Синтагмы Нямецкаго монастыря 1474 года, описанный нами. Но списки Кормчихъ пока не попадались. Поэтому, большой интересъ представляетъ рукопись Національнаго музея Древностей въ Букурештѣ, по инв. кат. № 328, представляющая списокъ XVI вѣка съ Кормчей конца XIII вѣка, сдѣланный красивымъ, четкимъ полууставомъ сербо-валашскаго письма и съ сербскимъ же правописаніемъ; изъ особенностей языка мы обратили только на частую замѣну п посредствомъ ф. Записей писца очень много; въ концѣ каждаго отдѣла писецъ въ одинакихъ выраженіяхъ благодаритъ Бога за окончаніе переписки данной статьи, но нигдѣ не указываетъ ни своего имени, ни времени или мѣста, гдѣ именно рукопись эта была переписана [1]). Неизвѣстно даже, кому принадлежатъ эти записи: писцу

1) Рукопись въ листъ (29 + 21½ сим.), на 322 листахъ плотной бумаги; полууставъ по 32 строки на страницѣ. Начало рукописи утрачено. Переплетъ кожаный.

рукописи 1295-го года или же переписчику XVI вѣка. Что касается состава и перевода Кормчей, то они вполнѣ согласны съ копіей Иловичьской рукописи 1262-го года (*V. Jagić*, Opisi i izvodi. VIII. Starine, Kn. VI, стр. 149—150). Мы сравнили 42-ую главу «ѡ масалиꙗнѣхъ иже соуть нинѣ глаголѥмии богомили вавоуни» и нашли только слѣдующія незначительныя разночтенія; нѣкоторыя изъ нихъ относятся къ порядку словъ во фразѣ.

Букурештскій списокъ:	*Иловичскій списокъ*:
ѥстьствомь соуть въ на҃ злаꙗ	ѥстьствомь соуть злаꙗ вь нась
φύσει εἶναι τὰ κακὰ ἐν ἡμῖν...	
тако пагоубы насытивьсе	таковыѥ пагоубы насытивь се
ταύτης τῆς λύμης ὑποπλησθείς...	
клеѳдерии	клеѵѳерии
Ἐλευθέριος	
бестоудне смѣшати	бестоудно смѣшати
ἀδεῶς χρῆσθαι	
нестидѣщесе никакоже	нестыдеще се никакоже
μηδὲν διαστέλλοντα	

Въ концѣ одной изъ главъ этой Кормчей по букурештскому списку, на л. 317-мъ и его оборотѣ читается слѣдующая запись, скопированная переписчикомъ XVI вѣка или съ подлинной рукописи конца XIII вѣка или же съ того оригинала, которой послужилъ промежуточной для него копіей:

Ѳкончашесе бг҃одх҃новенные сыѥ книги. номоканонь. помощию с҃тыѥ и тр҃иц. и силою животворещаѓ кр҃та. и м҃лтвами пр҃чтыѥ вл҃чце нашеѥ бц҃е. и въсѣхь с҃тыхь. амин҃ь.

Произыдоше на свѣть словѣньскаго ѥзыка. бг҃одх҃новен'ные сїе книгы. нарицаѥмыѥ номоканонь. помрачени бо бѣхоу прѣжѥ сего ѡблакомь моудрости ѥлин'скаго ѥзыка. н҃нѣ же ѡблисташе. рек'ше истльковани выше. и бл҃гтию б҃жїею ꙗсно сиꙗють. невѣ-

дѣнию тьмоу ѿгонеще. и въсе просвѣщающе свѣтомь разоумны. и ѿ грѣхь избавлѣюще. въсакь оубо оучитель. рекоу же епкпь и презвитерь или инь кто оучителски сань прѣдрьже. аще си книгь не вѣсть добрѣ. то ни самь себе знаеть кто е. прииникноу же въ глъбиноу бгодхновенны си книгь. ꙗко же въ зрьцалѣ и сам се оузри каковь е и какомоу пѡваеть емоу быти. и дроугие познаеть и наоучить. изиде же на свѣ наше ꙗзыка бжьствьное се писание. потьщаниемь и любовию мно (л. 317 об.) гою и желаниемь. измлада ѡсщенаго и бгочтываго и прѣѡсщенаго и прьваго архиепкпа. въсе[1]) ср'пскые земле и поморские кирь савы сна прпѡбнаго ѡца симеѡна прьваго наставника въсѣи ср'пьсцѣи земли. сь же блгочьстивыи архиепкпь. и краль [оставлено мѣсто] тво ѡбнови и ѡсти вь ср'псцѣи земли. писани же [оставлено мѣсто] сие. въ дни бгочьстиваго и блговѣрна и стородьнаго гна краль стефана оуроша. въсе ср'пьсцѣи земле и помор'скые. и брата мѹ гна стефане. зета краль оугрьськаго. повелѣниемь ию мтре. бгочьстивые и блговѣрные и стородние великые гже кралице въсе српскые земле и поморскые елѣне. тогда прѣдрьжещѹ прѣстоль стлтва срьпскые земле. ѡсмомѹ архиепкпѹ. ев'статию второмѹ имене. писаны же выше книгы сие. роукою мнѡгогрѣшнаго чрьн'ца гермaна. въ жоупѣ чрьнои стѣнѣ. въ мѣ рекомѣ домѹ спсвѹ милешевѣ. въ лѣ. ҂ѕ. ѿ. г. иньдикта. ꙁ. лѣто же бѣ слнцѹ. д. млю же вы почитающиен. и прѣписоующиен и. исправлѣюще почитаите. аще что погрѣши и блвите а не кльнѣте.

XXIX.

Апокрифическое житіе влмч. Ирины, крещенной ап. Тимоѳеемъ, замученной по приказанію отца ея Ликинія и восхищенной ангеломъ въ Ефесъ, давно уже издано Н. С. Тихо-

---

1) Въ рукописи: въ е.

нравовымъ по русскому списку XV вѣка Троице-Сергіевой лавры[1]). Укажемъ еще нѣсколько списковъ той же пространной редакціи[2]):

1. Минеи-Четьи митр. Макарія 1552-го года, л. 244. Май мѣсяцъ, 5-е число.

2. Сборникъ XVI—XVII вѣка изъ собранія гр. А. С. Уварова, № 1053, л. 260.

3. Сборникъ XVII вѣка того-же собранія № 1802, л. 285.

3. Сборникъ XVII вѣка того же собранія № 1903, л. 174.

4. Сборникъ XVIII вѣка того же собранія № 2048, л. 150.

5. Сборникъ начала XVII вѣка Пафнутіевскаго монастыря № 8, статья 29.

6. Сборникъ начала XV вѣка Троице-Сергіевской лавры № 669, л. 36.

7. Греческій текстъ по рукописи XVI вѣка Моск. Синод. библіотеки № 407-й, л. 358—388. Нач. Κατὰ τοὺς προλαβόντας χρόνους γέγονέ τις βασιλεὺς Λικίνιος...[3])

8. Сборникъ XVI вѣка Виленской публ. библіотеки № 105, л. 124 об.

9. Сборникъ XV вѣка Кирилло-Бѣлоозерск. мон. № $^{47}/_{1124}$, л. 406.

---

1) Памятники отреченной русской литературы, т. II, стр. 146—163.

2) Подробное оглавленіе великихъ Четіихъ - Миней,.. *архим. Іосифа*, стр. 147; *Леонидъ архим.*, Систематическое описаніе славяно-россійскихъ рукописей, ч. II, стр. 368, ч. IV, стр. 92, 289 и 417. *Павелъ Строевъ*, Описаніе рукописей и т. д., стр. 305; *Арсеній*, Описаніе слав. рукописей библіотеки Св.-Троицкой лавры ч. III, стр. 12 (списокъ изданный *Н. С. Тихонравовымъ* № 752, тамъ же, ч. III, стр. 148); *Ф. Добрянскій*, Описаніе рукописей, стр. 223; *Н. Никольскій*, Описаніе рукописей, составленное въ концѣ XV вѣка, стр. 246.

3) *Владиміръ архим.*, Систематическое описаніе, стр. 605. Описатель не указываетъ на изданія этого житія на греческомъ языкѣ; отмѣтимъ, между прочимъ, изданіе его въ изслѣдованіи *Альбр. Вирта*, Danae in christlichen Legenden, стр. 116—148.

Но рядомъ съ пространнымъ житіемъ, въ славянскихъ спискахъ встрѣчается, правда чрезвычайно рѣдко, и болѣе краткая редакція, представляющая большой интересъ для вопроса объ отношеніяхъ ея къ греческимъ текстамъ, а также къ славянской полной редакціи. Въ спискѣ макарьевскихъ Миней-Четьихъ 1552-го года эта краткая редакція отождествляется съ проложнымъ житіемъ, чтò едва-ли вѣрно, такъ-какъ для пролога она довольно велика. Уже въ самыхъ начальныхъ строкахъ этой редакціи мы видимъ ошибки, въ пониманіи собственныхъ именъ: Ирина Христова мученица бѣ дщи Василиска при (sic) Ликиніи (Βασιλεὺς Λικίνιος)... Та бѣаше единородна дщи Ликиніа Василиска... Та бѣше дъщи... и ликиніѫ матере ѿ града македѡнскаго (ср. гра̂ мегідсцѣ — Тихонр., II, 146) и др. Во многихъ мѣстахъ изложеніе очень не понятно. По всей вѣроятности, всѣ эти искаженія произошли уже на славянской почвѣ.

Поэтому, считаемъ полезнымъ привести здѣсь цѣликомъ текстъ этой краткой редакціи по юго-славянскому сборнику нашего собранія, переписанному въ 1448-мъ году извѣстнымъ писцомъ Гавріиломъ [1]).

м҃ніе с҃тыѫ велйком҃нцѫ йрйны ~

Та̂ бѣше дъщи єдинорóдна. ликйні҆а василйска. и҆ ликиніѫ мáтере. ѿ грáда македѡ́нскаго пинелопíи прьвѣе ѿ рѡдителéи ймєновааше са. бѣше же тѣломь лѣпà, и҆ крáсотѫ мнóгыѫ прінишъвші҆а. на высóцѣ стлъпѣ прѣбывааше. єгóже ѿц҃ь єѫ съзйдаль бѣше. съ ѡ҆трокѡ́вицами прѣкрáсныа г҃і тыа. мнóго и҆ нескѫ́дно въ и҆зѡбывáни ймѫщі҆а богáтство. прѣстѡ҃. и҆ трáпеза. и҆ свѣщникь злáтомь съковáнь. бѣше же вънега̂ съзйда ѿц҃ь єѫ стлъпъ лѣтѡ҃ шéсти҃. а҆пелі҆áно҃ старцє҃ (л. 207 об.) нѣкыимь кáжема. єгóже вї҆нéѫ ликйні҆евъ оу҆чиниль бѣше. вйдѣвши же гѡ́лѫба въшє҃ша нóсащи сѫчецъ маслйнныи на

1) Краткія свѣдѣнія объ этой рукописи въ нашей книгѣ «Изъ славянскихъ рукописей». М. 1896, стр. 34—35, прим. 1-е.

трáпезѫ полóжьшаго. тáже пакы́ видѣ ѡ҆рлà нóсаща вѣнéцъ ѿ различны ц҃вѣтéць и҆ на трáпезѫ полóжьшаго. пакы̀ ѿ и҆ного ѡ҆кънца а҆бїе гáврана въшеⷣша. нóсаща зъмїѫ и҆ полóжьшаго на прáпезѫ. недооу҆мѣвающиже̑са е҆и, и҆ помы́шлѣѭщи что̀ бѫдеть видѣнїе: и҆ что̀ вéщь ꙗ҆влѣеть. стáрец же а҆пелїáнъ тои̇ ѡ҆повѣда. ꙗ҆ко гѡ́лѫбь е҆ наказáнїе нрáвꙋ. а҆ сѫчецъ мáслинныи назнаменáнїе вéщеⷭ. и҆ ѿвръстїе кр҃щéнїю. ѡ҆рлее же, цр҃ѣ гѡрáмь сѫщааго вѣнца̀ радѝ. е҆же о̇ и҆збрáнны е҆ѫ и҆ дѡ́бры, назнáменаа съподелѣнїе. гáврана же съ зъмїеѫ, скръбь и҆ нáпасть ꙗ҆влѣѭща. и҆ въсè е҆лико тоѝ съповѣда. пóдвигъ м҃ч҃нїю е҆ѝ назнаменà. и҆же б҃а радѝ хотѣа (л. 208) ше пѡꙗ҆ти възде прѣслáвнаа въсѣ. о̇ нéиже г҃лется полóженꙋ бы́ти е҆ѝ и҆менїю и҆ нарѐно а҆г҃гломь. въмѣсто пинелопїи и҆рина. и҆ о̇ х҃ѣ е҆и скáзавшꙋ. ꙗ҆ко бѫдѫть ѿ нéѫ сп҃сéны д҃ша мнѡ́гыа ты́сѫща. тáкѡваа бо̀ къ нéи а҆г҃глꙋ рéкшꙋ. и҆ ꙗ҆ко доиде къ нéи пáвловь оу҆ченикь тимѡ́феи. и҆ тъи кр҃тѝ ѫ. таковóмꙋ же съмы́вшꙋсѧ. съкрꙋ́шивши ѿч҃ьскыа и҆дѡлы и҆ долꙋ низвръже. мѫ́чима же бы́вши. прѣбѣ своимь ѡ҆ц҃ем. и҆ кѡнимѝ попратиса е҆и повелѣ. въ нже и҆ е҆дѝномꙋ кóнїю скóчивши нѣкако нáпрасно похы́тившꙋ дéснѫа рѫкѫ цр҃евѫ и҆ съкрꙋ́шившꙋ и҆ того ꙋ҆съмрътивь. и҆ ч҃л҃чьскыимь гласо҆ сѫа м҃ницѫ ꙋ҆бл҃жáѭщꙋ. о҆нá же ѿ ѫзь ѿрѣши́вшиса. и҆ ꙋ҆мóлена бы́вши ѿ сълꙋ́чившїихъса тáмо. и҆ м҃л҃твоѫ въскрѣси ѡ҆ц҃а. и҆же и҆ съ три ты́сѫщами. и҆ женóѫ своéѫ м҃тре ст҃ыѫ вѣрѡваша въ х҃а. и҆ въспри (л. 208 об.) а҆ша ст҃ое кр҃щéнїе. ѡ҆ставаъ же цр҃тво. на стаъпѣ е҆гóже дъщери съзи́далъ бѣше. пр҃чее житїе пожи́ть. въсприéмши же цр҃тво седéкїꙋ. а҆бїе ст҃аа въ понѫждéнїе пожрѣти и҆дѡлѡⷨ, приведéна бы́вши и҆ непокóршиса. и҆ въ рѡвь глѫбóкь стръмоглáвь низри́нѫта бы҃. и҆дéже бѣхѫ ꙗ҆дѡ́витаа прѣсмыкаема различнаа. и҆ по четыринáдесате д҃нé и не врѣдима и҆звéдши. прѣстрьгáша нѡ́ѕѣ е҆ѝ. и҆ а҆бїе а҆г҃гломъ и҆сцѣлѣвши. тáже на кѡлесѝ тъѫ привазаша. и҆ прѣстà тéкѫщїа водà вáлѣѭщїа кѡ́ло. и҆ ст҃аа съхрáнишиса без врѣда. о̇ тáковѣм же чюдесѝ пристѫпиша къ х҃ꙋ д҃ша слѡвéсныа, и҆ ты́сѫщь. седéкїꙋ же цр҃ю ѿпаⷣшꙋ ѿ цр҃тва. савѡ́рїꙋ же с҃нꙋ е҆гò воевáвшꙋ на и҆згнáвшїи ѡ҆ц҃а е҆гò. ꙋ҆срѣтши е҆го ст҃аа и҆рина

ѹ̂ гра҃скыи̇ вра́тъ. то́го са́мого (л. 209) и̂ въсѣ̇ сѫщі̇и̇ съ ни́мь. мⷭ҇твож ѻ̂слѣ́пи. и̂ пакы̂ помо́лшисѧ зрѣ́то то́го сътво́ри. пригвѡ́здиша гвоздми̂ пѧ́тѣ є̂и̂ и̂ брѣ́мѧ плъно пѣ́ска на нѧ̂ наврѣзше. гнана бы҃ три̂ пъприщꙗ, зе́мли же разврьзши свои̂ бо́ка слѹ̂гы мⷭ҇тлевы пожрѣ́ть. и̂ ѿ невѣ́рныхь, в҃і ты́сѫщь мѫжі̇и. вънже а̂біе прі̇идѡша къ х҃вѣ вѣ́рѣ мѫжі̇е до триде́сѧте, ты́сѫщь. є̂ди́наче ц҃рю въ невѣ́ри прѣбыва́жщѹ. а̂гг҃лъ приш҃е́ порази є̂го бы́вши же мⷭ҇нци въ ѻ̂со́бі̇и. и̂ сквозѣ̇ гра́да х҃о́дѧщи. мнѡ́гаа прѣсла́вно творе́ні̇а и̂ чюдодѣ́иства съдѣ́лѡваахѫсѧ є̂ѫ ради̂. пришє́дши є̂и̂ къ стлъпѹ и̂де́же бѣ́ше ѿц҃ъ є̂ѫ̂ съ тимѡ́деомь презви́теромъ, т҃е́ тъмь д҃ше́и свои́мь ѹ̂чи́телствомь прі̇и́ти къ х҃ѹ прѣтво́ри. и̂ и̂́же съ не́ѭ въ ѹ̂чине́ныѧ. мѫжа къ стлъпоу, л҃г сѫщі̇и̇ въсѣ́мь х҃вѫ печа҃́ (л. 209 об.) пода҃́ и̂ к҃рще́ні̇е. въ гра҃́же кали́никъ пришє́дши. и̂де́же бѣ́ше нѹмері̇а́нъ ц҃рь. съро́дникъ сыи̇ прьвынимь ц҃ремь. и̂ то́моу въ лице ꙗ̂влъшисѧ, и̂ х҃а и̂сповѣ́давши. въ три̂ вѵ́лѡбы мѣ́дны ражде́жены въвръжена. ѿ прьваго въ вто́рыи, ѿ втораго въ тре́ті̇и. да въне́гда́же въло́жена бы҃ въ тре́ті̇и вѵ́лъ. прѣсла́вно пока́засѧ. двигшѹсѧ вѵ́лѹ и̂ пох҃о́дившѹ. та́же расѣ́дшѹсѧ. и̂ с҃тѣи неѡ̂па́ленѣ и̂зшє́дши. пристѫ́пиша къ х҃ѹ и̂ вѣ́рѡваша і҃ тъмь. ц҃реви развра́тившѹсѧ къ съмрь́ти. заповѣда̂ є̂пар-х҃оу различно мѫчити с҃тѫѧ повъсѫдѣ свѧзавшѹ и̂ съковавшѹ. и̂ ѡ̂гнь мнѡ́гыми дръвы запа́лшѹ съдѣлѹ. прѣбы҃ с҃таа невре́дима. а̂гг҃лѹ же ѫ̂зы развръгшѹ. ꙗ̂ко ѹ̂дивитисѧ є̂пархѹ и̂ и̂́же съ ни́мь. и̂ вѣ́рѡвавше пристѫ́пиша къ х҃оу. слѹ̂х҃ѹ же ѻ̂ не́и прослѹвшѹ, са (л. 210) вѡ́ръ пе́рскыи ц҃рь ме́чемь гла́вѫ є̂и̂ ѿсѣ́щи повелѣ̇ и̂ то́моу бывшѹ. въ гро́бъ поло́жена бы҃. а̂біе а̂гг҃ломь въскрѣ́шена. и̂ бл҃же́на бывши ѿ не́го. за є̂же х҃а ради̂ пострада. и̂ ради̂ є̂ѫ̂ вѣ́рѡвавші̇и. и̂ є̂же по врѣ́мени въспомина́ні̇а є̂ѫ̂. по ме́чнѣм же посѣче́ни. и̂ є̂же и̂з мр҃твы въск҃рсе́ні̇ѹ. г҃летсѧ вѣ́тьвь ма́сли́чнѫѧ въ рѫцѣ дрьжѫщи и̂ вънити въ гра҃ месемврі́а. и̂ ꙗ̂вльшисѧ ц҃рю. ц҃рю же с҃тѫѧ ви́дѣвшѹ, вѣ́рова въ х҃а и̂ кр҃тисѧ тимѡ́деомь презви́теромь. съ мнѡ́жьствомь тъмь р҃ и̂ де́сѧт. та́же прои́де с҃таа въ гра́д македи́нь къ рѡди́те-

лемь своимь. и обрѣте ѡца оуже ѿшеша. иже и много плакавши въоучинни себе прѣбывати съ мтріж. ѡблако же въсхыщена бывши и поставлена въ ефесъ. и ходѧ сквозѣ града творѧщи чюдеса мнѡга. и что равно ꙗко и съ аплы (л. 210 об.) въ сем же обрѣте апелтіана. егоже постави и оучителѣ сщенныимь пісменемь ѿцъ еж на стлъпѣ. стаа же себѣ въ ефесѣ въоучинивши и поемши шестіѧ мѫжіи, и апелтіана, изыдѡшѧ изь вьн града. и обрѣтши кивчегъ празднень и новь. идеже никтоже положень вѣше, и въ немь стаа въшедши, и повелѣ заповѣдавши. даже до четыри днии негжнжтыи камень егоже имать врьхоу кивчега еж положити апелтіанъ оучител. двѣма же днь мимошешима. обрѣтѡшѧ камень ѿвалень. и тѣло стыж ѡшеше. такѡваа же по тъщетномоу съмысло̂у. чл҃чьскомоу не ѧтовѣр'на сѫть. обаче же аще и приключилосѧ бѫдеть тако никтоже вѣсть занеже ѿ ба въсѣ възмѡжна. а еже ѿ чл҃къ не възмѡжна сѫть. прѣстаа стаа на испытаніе. привѣде (л. 211) ѡцоу своемоу ликінію. таже седекію. и савѡрію. и ноумеріаноу сноу севастіановоу. и ѿ ипарха наведена. и ѿ савѡра перскаго црѣ. градѡве же идеже пострада сѫть сі. македѡнъ. ѿчьство еж калиникь. кѡнстантіна. и месемвріа. мнѣніа же еж въспоминаніа съписа апелтіан оучитель еж:

XXX.

Въ сборникѣ Молдавскаго письма средины XVII вѣка, принадлежащемъ послушнику Ѳедору Брагишу въ Кондрицкомъ скитѣ въ Бессарабіи [1]), среди поученій на дни Великаго поста

---

1 Краткія свѣдѣнія объ этой рукописи сообщены нами въ примѣчаніи на 358-й стр. 2-й книги II тома *Извѣстій Отд. русск. яз. и словесн. Имп. Академіи Наукъ*. Издаваемое краткое житіе преп. Кирилла занимаетъ третій листъ 11-й тетради (рукопись по листамъ не перемѣчена).

встрѣчается краткая память преп. Кирилла учителя славянскаго, совершенно неизвѣстной редакціи. Въ самыхъ общихъ чертахъ она нѣсколько напоминаетъ ту память, которую находимъ въ пространныхъ Святцахъ русскаго письма того состава, какой — кажется — всегда читается съ предисловіемъ какого-то псковитянина къ царскому книгочію Софронію (XVI вѣка), напримѣръ, въ спискѣ изъ собранія гр. А. С. Уварова [1]) и др.; но списокъ кондрицкаго монастыря — хорошо выдержанный юго-славянскій текстъ. Приводя полностью эту краткую статью со всѣми надстрочными знаками, укажемъ въ скобкахъ параллели къ отдѣльнымъ, въ большинствѣ случаевъ сбивчивымъ показаніямъ ея, извѣстныя намъ и по другимъ памятникамъ древнѣйшей славянской агіографіи [2]).

мц҃а февраа въ. д҃і. дн҃ь. иже въ ст҃ыи҃ ѿц҃а нш҃е кѷрила архїеп҃кпа катон'ска҃. мѫдрагѡ философа и оучителѧ словенѡ҃. и блъгарѡ҃. и роусѡ҃.

Ст҃ыи кѷрилъ философъ родѡ҃ съ блъгари҃ ѿ солоуна града. грамотѫ новѫѧ сътвори. и прѣложи гръч'скыи ѧзыкъ на роу҃скыа книгы съ братомъ присныимъ свои҃ меѳодїемъ. иже и тъ

---

1) Святцы XVII вѣка № 685 (182). Леонидъ архим., Систематическое описаніе, ч. II, стр. 68.

2) Пользуемся случаемъ и приводимъ отрывокъ изъ житія Константина философа, по сербскому списку XV—XVI вѣка Нямецкаго монастыря № 66 (33), отрывокъ, гдѣ разсказывается о пребываніи Константина въ Херсонесѣ, куда онъ былъ приглашенъ хозарами (л. 136 об.): ѧкїе поути се ють. и херсона дошьдь, научисе тоу жидовскы бесѣдѣ и книгамь. о семь чести прѣложи граматикїю. и ѿ того разоумь въспрїемь. самарѣнинь же нѣкыи тоу живѣаше, и приходе къ нему, стезашесе съ нимь. и принесе книгы самарѣнскые и показа ему. испрошь ю оу него философь, затворисе въ храминѣ и на м҃лтву се наложи. и ѿ б҃а разумь прїемь, чтати (sic) начеть книгы бес порока. оузрѣв' же самарѣнинь, възвпїи велїемь г҃ласомь и р҃е. въистину иже въ х҃а вѣрують, въскорѣ д҃х ст҃ыи прїемлють и б҃гть. с҃ноу же се акїе крщьшу, и сам' се крьстїи по немь. и обрѣт же тоу еv҃аїе и ѱалтїрь, росьскы писмень писано. и ч҃лвка обрѣть г҃люща тою бесѣдою. и бесѣдовавь съ нимь, и сило (sic) рѣчи приемь. своеи бесѣдѣ прикладае, разанчїи писмень, гласнаа и съгласнаа и къ б҃оу м҃лтвоу дрьже, и въскорѣ начеть чисти (sic) и сказати. и мнозїи се ему дивлѣхоу б҃а хвалеще. Ср. Кирилло-Меѳодіевскій Сборникъ, 1868, стр. 1—42.

бы҃ прьвыи архїеп҃кпь мора҃скїи и чешьскїи. вь цр҃твѡ михаила цр҃а грьчьска҃. и вь д҃ни архїеп҃кпа кѡньстантина града бл҃жен-нагѡ патрїарха фѡтїа. в' лѣта кн҃за блъгар'ска҃ бориса и ра-стица бг҃оустнагѡ (ср. Ростиславъ бо... бг҃омь ѹстимъ. *Паннон-ское житіе Константина философа,*) кн҃за мора҃'скагѡ. и ко-стела (sic) кн҃за блати скагѡ и лѣсскагѡ. и зжвра (*ср.* Замврїи нѣкто родомъ козаринъ. *Проложное житіе Меѳодія, 11-е мая*) когана козан'скаго (sic). и карлоуса крала немѣчькагѡ (*ср.* краль нѣмечьскымь лю҃мь. *Срезневскій, свѣдѣнія и замѣтки, III, должно быть, Карлъ Толстый*). и доу'нам г҃пд҃рм жгорскагѡ (*ср.* на страны доунаискыѩ королю оугърскомꙋ въсхотѣ... *Паннон-ское житіе св. Меѳодія*). цр тьжащемꙋ же вь нѡв'градѣ кн҃зю роусьскомꙋ роурикоу. до рк҃в лѣ҃' прѣж҃е кр҃щенїа роускыѧ землѧ. а ѿ създанїа бл҃мь мїроу. вь л҃то ҂ѕ҃. т҃. ѯ҃. г҃' ·е· и азьбоукві незнаеми състави добрѣ. и кр҃ти слѡвены. и блъгары. погань-ства же ѿвръгшїи҃сѧ и҃. и постави ѻ҃в (*ср. число переводчиковъ александрійскихъ)* попы скорописци. прѣложи въ брѣѕѣ въсѣ кънигы (*ср.* посажь дъва попы скорописьцѧ зѣло прѣложи въ бързѣ вьсѧ книгы. *Паннонское житіе св. Меѳодія)* цръкѡ҃'нагѡ оустава ѿ грьчьскаго ѧзыка на блъгар'скїи. ѿ бл҃говѣщенїа же нимь наче҃'ши҃. и съконча҃'шимь на памать ст҃го в҃мч҃ника димї-трїа ѿ рѡднаго и҃ града селоуна, иже изнесе ст҃ы҃ и бг҃оносны҃ мѫжен си҃. (*ср.* начьнь ѿ марда м҃ца до дъвою десатоу и шестию д҃нь ѡктабра м҃ца. *Паннонское житіе св. Меѳодія*). по се҃' же наоучивь словены ст҃ы҃ кнїгамь. поживе кгриль фило-софь мѫдрыи лѣты. м҃в'. и прѣставися в' дн҃ѡ. ҂ѕ҃. т҃. д҃. ѯ҃. го (д *ошибка вм.* о *т. е. 6377—869 г. Ср. дату въ похвалѣ св. Кириллу Климента епископа и др.*). и постави еп҃кпы. ликїа (*ошибка, изъ имени страны.* бы҃ еп҃кпь въ ликїи. *см. краткое житіе въ рукописи XV—XVI вѣка, изд. въ VI томѣ Академическихъ Извѣстій*). савж. ангеларїа. горазда. наоу'ма. кли-мента. иже и тѣ бг҃оугодень ѩвися и кь ст҃ыи҃ ликоу съпри-чтеса. и положиш҃ж тѣлѡ его вь цр҃кви ст҃аго климента. идѣже и до д҃не прѣбываеть.

Такимъ образомъ, трудно сказать, кѣмъ составлено это краткое житіе, но несомнѣнно только, что авторъ пользовался и древнѣйшими извѣстіями, по всей вѣроятности, въ русскихъ спискахъ.

А. Яцимирскій.

Новый трудъ по русской библіографіи.

А. В. Мезіеръ. Русская словесность съ XI по XIX столѣтія включительно. Библіографическій указатель произведеній русской словесности въ связи съ исторіей литературы и критикой. Книги и журнальныя статьи. — Ч. I. Русская словесность съ XI по XVIII в. Спб. 1899. Ц. 2 р.

«Громадное большинство прекрасныхъ и достойныхъ вниманія книгъ и журнальныхъ статей, не утерявшихъ своего значенія и даже общаго интереса до сего дня, не находятъ себѣ читателей только потому, что читающей публикѣ онѣ неизвѣстны или потому, что она забыла о нихъ.

Всякій, кто имѣлъ возможность наблюдать, что и какъ читаетъ русская публика, прекрасно знаетъ, что она, за очень немногими счастливыми исключеніями, совершенно не умѣетъ оріентироваться въ матеріалѣ для чтенія...

Русская словесность — это одна изъ тѣхъ отраслей знанія, которая пользуется наибольшимъ почетомъ среди русской читающей публики. Больше всего читаются, возбуждаютъ наибольшій интересъ именно произведенія словесности.

На второмъ мѣстѣ по степени возбуждаемаго интереса стоятъ произведенія по исторіи русской литературы и критика произведеній словесности. Но насколько богаты всѣ эти отдѣлы? И богаты ли они? И въ чемъ состоитъ это богатство? И какія произведенія словесности вызвали наибольшее количество и какихъ изслѣдованій и критическихъ статей? Всѣ эти вопросы до сего времени остаются безъ отвѣта. Между тѣмъ они имѣютъ

несомнѣнно большой и научный, и литературный, и публицистическій интересъ.

Чтобы отвѣтить на всѣ эти вопросы, нужно подвести итоги всему тому, что сдѣлано русскими писателями, художниками, учеными, публицистами и критиками съ начала русской словесности; а для этого нужно предпринять громадный, кропотливый и неблагодарный трудъ составленія такого библіографическаго указателя, какой мы предлагаемъ въ настоящее время вниманію всѣхъ интересующихся даннымъ вопросомъ. Изъ предыдущаго видна цѣль даннаго труда и намѣреніе составительницы. Составительница не брала на себя задачу составленія указателя по возможности лучшихъ произведеній русской словесности, изслѣдованій ихъ и критическихъ статей о нихъ. Она помѣщала въ свой указатель по возможности всѣ произведенія, не прилагая къ нимъ никакой критической мѣрки. Она заботилась прежде всего о полнотѣ, и въ этомъ смыслѣ сколь возможно добросовѣстно отнеслась къ своей задачѣ. Если, быть можетъ, нѣкоторыя произведенія и не вошли въ указатель по недосмотру, то во всякомъ случаѣ всѣ главнѣйшія несомнѣнно вошли въ него. Работа производилась отчасти по разнымъ библіографическимъ указателямъ, каталогамъ и пр., отчасти же непосредственно по книгамъ. Составительницѣ пришлось перерыть громадную массу такихъ указателей и словарей, какъ С. А. Венгерова, Межова, Бурцева, Н. Семенова, длинный рядъ всякихъ каталоговъ — книжныхъ магазиновъ и библіотекъ, далѣе нѣсколько сотъ ученыхъ трудовъ...

Насколько было возможно, данныя, извлеченныя изъ всего этого матеріала, провѣрены непосредственно по книгамъ. Наибольшее количество труда выпало на долю составительницы при работахъ надъ 1 частью «Указателя», обнимающею русскую словесность съ XI по XVIII в. Матеріалы, вошедшіе въ эту часть, нерѣдко представляютъ большую библіографическую рѣдкость или помѣщаются въ очень мало распространенныхъ журналахъ, указателей статей которыхъ большею частію не суще-

ствуетъ. Съ другой стороны, не мало затрудненій представила и выработка той системы, въ какой удобнѣе всего можно расположить собранные матеріалы. Волей неволей тутъ пришлось прибѣгнуть къ цѣлой массѣ мелкихъ рубрикъ, придерживаясь приблизительно того плана, какой принятъ въ «Исторіи Словесности» проф. Порфирьева...

Составительница отнюдь не скрываетъ отъ себя, что ея работа не лишена очень и очень многихъ недостатковъ, быть можетъ, весьма существенныхъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, составительница надѣется, что даже при всѣхъ недостаткахъ, трудъ ея принесетъ свою долю пользы какъ для спеціалистовъ ученыхъ, такъ и для преподавателей русской словесности, а также и для учащихся, да и широкой публикѣ напомнитъ о существованіи многихъ хорошихъ книгъ и статей, несправедливо забытыхъ»... (Отъ издателя, I—II).

Въ общемъ Библіографическій указатель г-жи Мезіеръ — очень почтенная работа, прекрасная по своему замыслу, хотя, какъ увидимъ послѣ, далеко не безукоризненная по выполненію.

Прежде всего бросается въ глаза неумѣлая и даже небрежная классификація библіографическаго матеріала, доведенная до совершенно излишней мелочности и крайней искусственности.

Такъ, въ отдѣлѣ «*Библіографія русск. книгъ церковной печати*» (стр. 1 — 13) находимъ описаніе *рукописей* (стр. 1 и д.), перечни повременныхъ изданій, обществъ и учрежденій, посвященныхъ изученію русской старины (стр. 8 — 10, напр. «Архивъ историко-юридич. свѣдѣній» (№ 203), «Извѣстія И. Акад. Наукъ» (№ 211), «Чтенія въ И. Общ. ист. и древн. рос.» (№ 223), «Филологическ. Записки» (№ 260), «Этнографич. Обозр.» (№ 261), «Жив. Стар.» (№ 262) и др.), очерки исторіи духовн. академій (стр. 11), библіографію исторіи церкви и духовнаго просвѣщенія, полемической литературы (стр. 11 — 12), литературы о расколѣ и, наконецъ, библіографію періодической духовной литературы (стр. 12 — 13). Очевидно, составительница думаетъ, что духовная литература не мыслима безъ церковной печати.

Въ отд. *«Библiографiя русскихъ книгъ гражданской печати»* (стр. 13—21) попали не только Ефремова «Матерiалы для исторiи русск. литерат.» (№ 400), Кеппена «Матерiалы для исторiи просвѣщенiя въ Россiи» (№ 411), но и Отчеты о присужденiи премiй Демидова (№ 427) и наградъ гр. Уварова (№ 428).

Такiя изданiя, какъ: Новиковъ, Опытъ историч. словаря; Евгенiй, Словарь русск. писателей; Арсеньевъ, Словарь русскихъ писателей; Голицынъ, Списокъ русск. писательницамъ; Хмыровъ, Русскiя писательницы прошлаго времени, и др.— выдѣлены изъ общаго отдѣла *«Словари русск. писателей»* (№№ 455—478) и отнесены къ *«Библiогр. русск. книгъ гражданск. печати»* (№№ 393, 401—2, 433, 437—9).

Между *«Главными сочиненiями по исторiи русскаго языка и письменности»* указываются—Гумбольдтъ, О различiи организмовъ человѣческаго языка (№ 644) и М. Мюллеръ, Лекцiи по наукѣ о языкѣ и Наука о языкѣ (№ 682).

Къ *«Историческимъ словарямъ русск. рѣчи»* (стр. 26—27) относятся: Бётлингъ и Ротъ, Санскритск. слов. (№ 730), Коссовичъ, Санскрито-русск. слов. (№ 745), Лавровскiй Сербско-русскiй слов. (№ 746), Левченко, Опытъ русско-украинск. слов. (№ 747) и др.; но за то здѣсь не указаны: А. Дювернуа, Матерiалы для словаря др.-русск. яз. М. 1894 и Миклошичъ, Краткiй словарь шести славянск. языковъ, 1885.

Между *общими «Пособiями при изученiи древняго перiода русск. словесн.»* (стр. 28 и д.) отмѣчены: Деревицкiй, Письменность на первыхъ шагахъ ея развитiя (№ 788); Миллеръ, Рѣчь предъ защитой диссертацiи на степень доктора русск. словесн. (№ 802) и О древне-русск. литерат. по отношенiю къ татарскому игу (№ 804); Срезневскiй, Вступительная лекцiя въ курсъ исторiи (и) литературы славянск. нарѣчiй (№ 845); Некрасовъ, О задачахъ изученiя древне-русск. литер. и народн. поэзiи (№ 808); Сперанскiй, Дѣленiе исторiи литерат. на перiоды и влiянiе русск. литерат. на юго-слав. (№ 844), и др. статьи по совершенно *частнымъ вопросамъ.*

Въ литературѣ «*Вопроса о происхожденіи славянскихъ письменъ: кириллица и глаголица*» (стр. 60—61) находимъ статью проф. Пѣтухова «Къ вопросу о Кириллахъ авторахъ въ древне-русск. литерат.» (№ 1622), не имѣющую сюда никакого отношенія, и «Образцы языка церк.-славянск. по древнѣйшимъ памятникамъ глаголич. и кирилловск. письменъ.», Ягича (№ 1629а).

Памятники древне-русск. языка перемѣшаны съ старославянскими — и къ первымъ отнесены: Ассеманово Евангеліе (№ 1703), Зографское (№ 1706), Маріинское (№ 1707), Саввина книга (подъ однимъ нумеромъ съ Остромир. Еванг.) и Супрасльск. рукоп. (№ 1713).

Въ *общемъ обзорѣ* древне-русской переводной литер., между прочимъ, указываются: Плотниковъ, В. В., Исторія христіанскаго просвѣщенія въ его отношеніяхъ къ древней греко-русской (sic!) образованности. Періодъ I. Каз. 1885 г. (№ 1737а) [1]), Соболевскій, Образованность Московской Руси XV — XVII в. (№ 1742) и Успенскій, Очерки по исторіи византійской образованности (№ 1746).

Къ «*Сборникамъ сочиненій отеческихъ, учительныхъ*» (стр. 66) отнесено, какъ памятникъ древне-русской переводной литературы, «Ученіе двѣнадцати апостоловъ» (№ 1765).

Есть и другія несообразности въ распредѣленіи собраннаго матеріала по отдѣламъ.

Конечно, такіе отдѣлы, какъ: «*О характерѣ «книжнаго почитанія» въ древней Руси*» (стр. 60), «*Сборники повѣстей и сказаній, изданные по славянск. рукопис.*» (стр. 73), «*Учебное пособіе*» (стр. 74: XIX вып. Русск. классн. библіот., изд. Чудинова), «*Обзоръ лѣтописей сибирскихъ*» (83), «*Обзоръ лѣтописи литовской*» (ib.), «*Обзоръ лѣтоп. малорусскихъ*» (ib.), «*Изданія сибирскихъ лѣтоп.*» (стр. 85),—подобные отдѣлы, по меньшей мѣрѣ, излишни.

Бо́льшаго заставляетъ желать нашъ Указатель и со сто-

---

1) Между тѣмъ въ самомъ заглавіи книги значится: «*Отъ начала христіанства до Константина Великаго*».

роны полноты. Въ *«общемъ обзорѣ библіографическ. трудовъ»* (стр. 1) мы не нашли: Jagić. Bibliographische Uebersicht d. Erscheinungen auf dem Gebiete d. slavisch. Philologie u. Altertumskunde seit d. Jahre 1870 («Archiv f. slav. Phil.» Bd. I, 465 — 607); Fr. Pastrnek. Bibliograph. Übersicht über d. Slav. Philol. 1876 — 91. Berl. 1892; А. А. Кочубинскій, Итоги славянской и русской филологіи («Записки И. Новорос. Универс.», т. XXXIII (1882 г.), 237 — 475). Между *«отдѣльными трудами по библіографіи до-петровской письменности»* (стр. 1—8) не указанъ древнѣйшій библіографическій трудъ — «Описаніе рукоп. Кирилло-Бѣлозерскаго монаст., составленное въ концѣ XV в.» (Изд. И. Общ. любит. древн. письм. № CXIII). Сюда же относится ст. проф. Соболевскаго: «Кто былъ первый русскій библіографъ» («Труды VII Археол. Съѣзда», т. II, 218—19) и С. Н. Брайловскаго: «Кто же былъ первый русскій библіографъ?» («Русск. Фил. В.», XXXVI, 224 — 31).

Въ отдѣлѣ *«Библіографія рукописей и первопечатныхъ книгъ»* (№№ 7—201) нѣтъ: Арх. Леонидъ, Систематич. описаніе славяно-россійскихъ рукоп. собранія гр. А. С. Уварова. 1893 — 4, т. 1 — 4 [1]); Описаніе слав.-русск. рукописей А. А. Титова. Т. I, 1. Спб., 1893; Охранный каталогъ славяно-русск. рукоп. А. Титова. Вп. I—II. 1881—4; Н. И. Петровъ, Описаніе рукописн. собраній, находящихся въ г. Кіевѣ. В. I—II М. 1892—7; П. Гильтебрандтъ, Рукописное отдѣленіе Виленской Публ. библ. В. I—II; В. И. Ламанскій, О нѣкоторыхъ славянск. рукоп. въ Бѣлградѣ, Загребѣ и Вѣнѣ. Спб. 1854, и мн. др.

Между *«повременными изданіями . . . , посвященными изученію русской старины»* (стр. 8—10) очень странно не видѣть «Русской старины», «Кіевской Старины», «Чтеній въ Историч. Общ. Нестора Лѣтоп.», «Записокъ И. Русск. Археол. Общ.», «Трудовъ Славянской Коммиссіи Моск. Археологич. Общ.»,

---

1) Это изданіе надо искать между *Библіогр. указателями свѣтскихъ повѣстей переходнаго времени* (стр. 136).

«Вѣстника Археологіи и Исторіи», «Журн. Мин. Народн. Пр.» и нѣк. др. ученыхъ изданій.

Въ отд. *«Библіографич. указанія о трудахъ, посвященныхъ исторіи славянскаго книгопечатанія»* (стр. 10—11) пропущены: Владимировъ, Начало славянск. книгопечатанія въ XV и XVI в.; Голубинскій, Къ вопросу о началѣ книгопечатанія въ Россіи (въ «Богосл. Вѣстн.»); Николаевскій, Московск. печатн. дворъ при патр. Никонѣ («Христ. Чт.» 1890—1 г.); Бѣлокуровъ, Московскій печатный дворъ въ 1649 г.; Stan. Ptaszycki, Iwan Fedorowicz, drukarz ruski we Lwowie, z końca XVI wieku. Krak. 1886.

Между *«Очерки исторіи духовн. академій»* (№№ 298—308) нѣтъ единственнаго въ своемъ родѣ труда проф. Знаменскаго «Исторія Казанск. дух. Акад.» 1891—2, 3 вып.

Въ отд. *Библіографія періодич. духовн. литер.»* (с. 12—13) не названы: Карповъ. «Систематич. указатель статей по основному, догматическому, нравственному и сравнительн. богосл...» Спб. 1888, Указатель къ журн. «Братское Слово» (М. 1896), Указатель статей въ журн. «Вѣра и Разумъ» (Хор. 1894), Н. П. Указатель русск. книгъ и брошюръ по Богословію, вышедшихъ въ Россіи съ 1801 по 1888 г. включительно (М. 1891), такой же указатель по общей и русск. церковн. исторіи.

Большинство ученыхъ и литераторовъ, указываемыхъ въ отд. *«Библіографія трудовъ отдѣльныхъ русскихъ писателей и литературы о нихъ»* (стр. 20—21),—относится къ XIX-му столѣтію, такъ что имъ не мѣсто въ настоящемъ выпускѣ «Указателя».

Между *«Главными сочиненіями по исторіи русскаго языка и письменности»* (стр. 22—26) слѣдовало указать «Изъ лекцій по славянской кирилловской палеографіи» проф. Е. Карскаго (Варшава, 1897); подъ № 718-мъ въ томъ же отдѣлѣ значится такая книга: Шахматовъ, А. «О языкѣ Новгородскихъ грамотъ XIII—XIV в. Изслѣдованія въ области русской фонетики». Варш. 1893: здѣсь, очевидно, соединены два отдѣль-

ныхъ труда акад. А. А. Шахматова—«Изслѣдов. о языкѣ Новгородскихъ грамотъ XIII и XIV в.» Спб. 1884 (въ 1-мъ томѣ «Изслѣдованій по русск. яз.», изд. II Отд. И. Ак. Н.) и «Изслѣдованія въ области русской фонетики». Варш. 1893. Указывая на «Исторію русск. словесности» А. Галахова, нельзя умалчивать о рецензіи Тихонравова (въ «Отчетѣ о XIX присужденіи Уваровскихъ премій» и въ 1 т. «Сочин. Н. С. Тихонр.» М. 1898), которую самъ авторъ полушутя называлъ своею докторскою диссертаціею; надобно было упомянуть и рецензію проф. А. С. Архангельскаго (въ Ж. М. Н. Пр. 1898, сент.) на «Исторію русск. литер.» акад. А. Н. Пыпина.

Между «*Изслѣдованіями по славяно-русск. миѳологіи*» (стр. 36 — 38) не упомянуты: Gr. Krek, Einleitung in die slavische Literaturgeschichte; Никифоровскій, Русское язычество. Спб. 1875 г.; Мандельштамъ, Опытъ объясненія обычаевъ индо-европейскихъ народовъ, созданныхъ подъ вліяніемъ миѳа. Ч. I. Спб. 1882; А. И. Соболевскій, Волосъ и Власій, въ «Р. Фил. В.», XVI (1886); Ed. Wolter, Mythologische Skizzen, въ «Arch. f. sl. Phil.» IX, и др.

Въ литературѣ «*вопроса о происхожденіи славянск. письменъ: кириллица и глаголица*» (стр. 60—1) пропущены: *Добровскій*, Glagolitica. Ueber die glagolit. Literatur etc. Pr. 1807; *Копитаръ*, «Prolegomena» къ «Glagolita Clozianus...». V. 1836; *Ганушъ*, «Zur Glagolica-Frage» (въ «Slavische Bibliothek» v. Miklosich u. Fiedler, II Bd. W. 1858); *Миклошичъ*, «Glagolitisch» въ «Allgemeine Encyklopädie der Wissenschaften und Künste, hrsg. v. Ersch u. Gruber» (I Sect., Bd. 68, L); *Rački*, Pismo slovjensko, Zagr. 1861; *F. Dobner*, Aufwerfung einer historisch-kritischen Frage: ob das heut zu Tage sogenannte cyrillische Alphabet für eine wahre Erfindung des heil. Slawischen Apostels Cyrills zu halten sey?»; *L. Geitler*, Die albanesischen u. slavischen Schriften. Wien, 1883; *Д. Ѳ. Бѣляевъ*, Исторія алфавита и новое мнѣніе о происхожденіи глаголицы. Каз. 1886, и др.

Есть пропуски и въ литературѣ о *«славянскихъ первоучителяхъ»* (стр. 61—63): Голубинскій, Свв. Константинъ и Меѳодій, первоучители славянскіе. М. 1885; Кочубинскій, Добрый пастырь добрая и нива. Од. 1885 («Зап. Новор. Ун.», XLII); Ор. Миллеръ, Дӑръ пятидесятницы и наши первоучители. К. 1885 г.; А. И. Пономаревъ, О языкѣ въ дѣлѣ св. Кир. и Меѳ. и характеристика ихъ дѣятельности въ отношеніи къ Западу, и др.

Между *«изслѣдованіями по исторіи Библіи, Евангелія и др. каноническ. книгъ»* (стр. 63—4) не указаны: Е. Ѳ. Карскій. Западнорусскіе переводы Псалтыри въ XV—XVII в. Варш. 1896; И. Евсѣевъ: «О древне-славянскомъ переводѣ Ветх. Зав.», «Лукіановская рецензія LXX въ славянск. переводѣ», «Замѣтки по древне-слав. переводу Св. Пис. I—II и III—IV».

Отдѣлъ *«Древнѣйшіе памятники»* (стр. 64—65) требуетъ очень существенныхъ измѣненій: въ настоящемъ своемъ видѣ онъ представляетъ сплошное недоразумѣніе.

Въ общемъ обзорѣ древне-русской переводной литературы (стр. 65—6) не указанъ трудъ А. И. Соболевскаго: Особенности русскихъ переводовъ до-монгольскаго періода (во II т. «Труд. IX Археолог. съѣзда» и отд.). Въ литературѣ «Исторіи Варлаама и Іосафа царевича» (стр. 71) не указаны: Ів. Франко. Варлаам і Йоасаф (въ «Зап. науков. товар. ім. Шевченка», т. VII и отд.); St. Novaković, Barlaam u. Ioasaph. Belgrad, 1881; M. Gaster, Literatura populara romana. Bukar. 1883; Н. Марръ, Мудрость Балавара (въ «Зап. вост. отд. И. Р. Арх. Общ.», III и отд.); Джаваховъ, Мудрость Балавара (тамъ же, XI и отд. 1897) и др.

Въ литературѣ объ «апокрифахъ» (стр. 74 и д.) нѣтъ: А. Васильевъ, Anecdota graeco-byzantina, I ч.; Калитовскій, Матеріалы до русск. литературы апокрифичной. Льв. 1884; Ягичъ: Die altkirchen-slavischen Texte des Adambuches, Апокрифическ. Первоевангеліе Іакова, Апокрифич. Посланіе Пилата въ Римъ; Bonwetsch, Das slavische Henochbuch; Петровскій, «Апокрифич.

сказанія объ Апостольской проповѣди по Черноморскому побережью» (въ «Записк. И. Одесск. Общ. Ист. и Древн.», 1897—1898), и др.

Нуждаются въ дополненіяхъ и указанія литерат. о Несторѣ и его лѣтописи: Е. Н. Щепкинъ, «Zur Nestorfrage» (Arch. f. sl. Phil., XIX и отд.); А. А. Шахматовъ, Отзывъ о сочиненіи E. Šćepkin: Zur Nestorfrage (въ «Извѣст. II Отдѣл. И. А. Н.», III и отд.); Srkulj, Die Entstehung der ältesten russischen sog. Nestorchronik. 1896; М. Грушевскій, Нестор і лїтопись. 1898; А. А. Шахматовъ, Нѣсколько словъ о Несторовомъ Житіи Θеодосія («Извѣстія», I) и мое: «Къ вопросу объ источникахъ Несторова Житія прп. Θеод. Печерск.» (тамъ же, III). Не указано и изданіе Миклошича: Chronica Nestoris. 1860.

Въ разныхъ отдѣлахъ «*Собственно-русской книжной словесности*» (стр. 80 и д.) не находимъ: «Памятники древне-русск. церковно-учительной литерат.» Вып. I (Поученія Луки Жидяты, митр. Иларіона, Θеодосія Печерск. и Кирилла Туровск.) и III (I) Поученія о разныхъ истинахъ вѣры, жизни и благочестія, II) Слова на св. Четыредесятницу; III) Поученія противъ язычества и народныхъ суевѣрій); А. И. Пономаревъ, Очерки по исторіи древне-русской письменности: Несторъ лѣтоп., Кириллъ Туровск., Даніилъ Паломн. (изъ журн. «Странникъ»); Л. Н. Майковъ (Л. Н. Каймовъ), Преп. Θеодосій Печерскій—въ «Подснѣжникѣ», № 2, 79—94; Палеографическій снимокъ текста Русской Правды по Новгородск. Кормчей Книгѣ XIII в. Спб. 1888; Василь Щуратъ, Слово Данила Заточника (въ «Зап. наук. товар. ім. Шевч.»); Ом. Огоновський, Слово о пълку Игоревѣ. Льв. 1876; Ом. Партыцкій, Слово о полку Игоревѣ. Льв. 1884 и Темни мѣстця въ «Словѣ о п. Игор.» Льв. 1883; Козловскій, Палеографическія особенности погибшей рукоп. Сл. о п. Игор., и П. К. Симони, Объ Архивномъ спискѣ Слова (въ «Труд. Моск. Археол. Общ.» XIII, 2); Новый Завѣтъ. Трудъ м. Алексія. Изд. м. Леонтія. М. 1892; Муретовъ, Славяно-русскій переводъ Нов. Зав. въ трудѣ м. Алексія... 1898; Н.

Г(лубоковскій). Литературная дѣятельность м. Кипріана (въ «Чтен. Общ. люб. дух. пр.» 1891); Ep. Melchisedec, Viéța și scierile luĭ Grigorie Țamblacŭ. Bucur. 1884[1]); П. В. Владимировъ, Новыя данныя для изученія литерат. дѣятельности кн. А. Курбскаго (въ «Труд. IX Археолог. Съѣзда», т. II. М. 1897); Бракенгеймеръ, П. Ἀλεξίου Κομνηνοῦ Ποίημα Παραινετικὸν въ сравненіи съ русск. Домостроемъ. Од. 1893; Николаевскій, Рецензія на сочин. С. Бѣлокурова «Арсеній Сухановъ». (Изъ «Отчета о XXXVI присужденіи наградъ гр. Уварова»). Спб. 1895; С. Брайловскій, Каріонъ Истоминъ. Жизнь его и сочиненія. М. 1889; Г. Я. Личность и дѣятельность Симеона Полоцкаго. К. 1887; разборъ книги I. Татарскаго, Владимирова (Ж. М. Н. Пр. 1887, 4) и Брайловскаго («Фил. Зап.» 1887, 3—4); Н. Кедровъ, Николай Спаѳарій и его ариѳмологія—въ Ж. М. Н. П. 1876, 6; П. Сырку, Николай Спаѳарій до пріѣзда въ Россію. Спб. 1889 (въ «Зап. вост. отдѣл. И. Р. Археол. Общ.», III); Al. Brückner, Ivan Pososkov «Zur Geschichte der didaktischen Litteratur in Russland im 18 Jahrhundert»,—«Russische Revue», VII—VIII; Н. И. Кедровъ, Духовн. Регламентъ въ связи съ преобразовательною дѣятельностью Петра Великаго М. 1886 А. А. Димитріевъ, Предсмертное завѣщаніе В. Н. Татищева сыну—въ Ж. М. Н. Пр. 1886, апр.

Наши добавленія и поправки можно было бы еще и еще увеличить, но это заставило бы насъ выйти за предѣлы простой библіографической замѣтки.

Есть только *случайныя* ссылки на «Архивъ» Ягича (напр. № 1690 и 1908), загребскіе «Радъ» (№ 1667), «Starine» (№ 1908) и нѣкоторыя другія заграничныя изданія. Попадаются иногда странныя опечатки: «*Заграничная*» (вм. «загробная») жизнь въ народныхъ вѣрованіяхъ сѣвернаго края» (№ 1254). «Составительница надѣется, что даже при всѣхъ недостаткахъ, трудъ ея принесетъ свою долю пользы какъ для спеціалистовъ

---

1) Кіевск. митр. Григорій Цамблакъ (въ «Богосл. Вѣстн.» 1895, іюль — августъ).

ученыхъ, такъ и преподавателей русской словесности, а также и для учащихся...». (Отъ издателя). Что касается ученыхъ спеціалистовъ, то имъ трудъ г. Мезіеръ едва ли нуженъ, но для преподавателей русской словесности и для учащихся онъ, безспорно, полезенъ, только пользоваться Указателемъ надо съ нѣкоторой осторожностью, а то иногда можно стать жертвою большого недоразумѣнія...

Д. Абрамовичъ.

Къ вопросу о подлинникѣ поученій валашскаго господаря Іоанна Нягое къ своему сыну Өеодосію.

Поученія валашскаго господаря Іоанна Нягое (1512—1521 гг.) къ своему сыну Өеодосію до сего времени весьма мало извѣстны; между тѣмъ въ свое время они были по видимому весьма распространены; ихъ знали не только румыны, но и славяне, и греки. Это всего лучше видно изъ того, что эти поученія въ настоящее время найдены въ рукописяхъ на языкахъ румынскомъ, славянскомъ и греческомъ. Уже одно это обстоятельство возбуждаетъ къ нимъ интересъ и вниманіе ученыхъ, занимающихся исторіею просвѣщенія и культуры юговосточной Европы. Помимо этого, поученія Іоанна Нягое представляются фактомъ весьма важнымъ въ частности и для славянскаго ученаго не только какъ явленіе литературное, но главнымъ образомъ какъ явленіе общественнаго и культурнаго характера. Какъ извѣстно, у румынъ времени Іоанна Нягое, а также и раньше и позже, господствовала славянская литература, какъ въ церкви, такъ и въ жизни политической и общественной. Славянскій языкъ былъ языкомъ румынскихъ княжескихъ дворовъ и всѣхъ образованныхъ и интеллигентныхъ класовъ общества. Въ виду этого весьма естественно предположить, что поученія были написаны первоначально на славянскомъ языкѣ. Но рядомъ съ этимъ вопросомъ возникаютъ другіе вопросы, не менѣе важные,

а именно: по какому поводу Іоаннъ Нягое составилъ эти поученія и какіе были ихъ источники, или являются ли они вполнѣ оригинальными, или составлены на основаніи какихъ-либо данныхъ, чисто литературныхъ или литературно-политическихъ. Я не берусь рѣшать здѣсь всѣ эти вопросы; я сообщу въ данномъ случаѣ только свѣдѣнія о нѣкоторыхъ существующихъ спискахъ этихъ поученій и укажу на какихъ языкахъ они первоначально были написаны и къ какимъ временамъ ихъ можно относить.

Какъ я уже замѣтилъ выше, въ настоящее время поученія Нягое извѣстны на трехъ языкахъ: славянскомъ, румынскомъ и греческомъ. Къ сожалѣнію, славянскій списокъ этихъ поученій извѣстенъ намъ до сего времени только въ небольшихъ отрывкахъ, принадлежащихъ Софійской Народной библіотекѣ, которыми, однако, я не могъ пользовался, такъ какъ значительной части второго отрывка въ означенной библіотекѣ въ 1899 г. не оказалось[1]); отъ этого отрывка остался только листокъ. До нѣкоторой степени, можно себѣ составить понятіе о содержаніи этого отрывка по извлеченіямъ, напечатаннымъ недавно проф. П. А.

1) Эти отрывки поученій Нягое хранились и отчасти и теперь хранятся въ Софійской Народной библіотекѣ почему-то подъ двумя нумерами: 83-мъ (вставленнымъ въ папку вмѣстѣ съ рукописью № 82) и 123-мъ. Первый изъ этихъ отрывковъ состоитъ изъ восьми листковъ въ 4-ку, а другой, какъ значится въ каталогѣ библіотеки, состоялъ изъ девяноста листковъ, изъ которыхъ въ библіотекѣ хранится въ настоящее время всего только одинъ. Куда дѣвались остальные, мнѣ администрація библіотеки не могла объяснить. Бѣлградскій профессоръ, Свет. Вуловић, [«Опис словенских рукописа Софијске Народне библиотеке» въ Споменик'ѣ Српске Краљ. Академије. XXXVII, 2-и разр. 33. Беогр. 1900, стр. 44, №№ 223 (83) и 224 (123)], видѣлъ всѣ листы и второго отрывка еще въ 1877 г. Оба отрывка пренадлежатъ одной и той же рукописи, написанной одною рукою въ XVI в. довольно красивымъ среднимъ полууставнымъ почеркомъ, болгарской ред., терновскаго извода, не вездѣ послѣдовательно выдержаннаго. Почему-то проф. Вуловић (тамъ же) относитъ 1-й отрывокъ изъ 8-ми листовъ къ XV в., а второй изъ 90 листовъ—къ XVI в. По видимому, полная рукопись приготовлена была для библіотеки самого господаря, какъ можно заключить по довольно роскошной отдѣлкѣ рукописи. Объ этихъ отрывкахъ сообщилъ нѣсколько замѣтокъ проф. П. А. Лавровъ въ Чтеніяхъ въ Общ. Ист. и Др. Рос. 1896, кн. IV, смѣсь, стр. 4—16, и напечаталъ извлеченія изъ второго отрывка (стр. 7—15).

Лавровымъ[1]). Къ сожалѣнію, послѣдній не даетъ подробнаго описанія отрывковъ. Онъ сообщаетъ объ этомъ слѣдующее: «Къ сожалѣнію, ни начала, ни конца рукописи не сохранилось и каково было ея общее заглавіе, сказать нельзя. Но въ замѣнъ того въ двухъ мѣстахъ сохранились заглавія отдѣльныхъ главъ цѣлаго сочиненія, именно на об. 55 листа (по нумераціи библіотечной) идетъ заглавіе, писанное киноварью въ перемѣшку съ голубой краской: «слово наказателно іѡ нѣгое воеводы къ възлюбленному с͠нꙋ своемꙋ Ѳеѡ҇сїю и ины҇ помазанникѡ҇ б͠жїи҇ о м͠лтыни и покои». Это въ № 123»[2]). По всей вѣроятности, листки отрывковъ были перемѣшаны, судя по тому, что «о м͠лтыни и покои» какъ разъ трактуется во 2-мъ отрывкѣ, подъ № 83[3]). Конечно, теперь при отсутствіи листковъ нельзя точно опредѣлить это смѣшеніе. Этотъ второй отрывокъ начинается слѣдующими семью послѣдними строками, по всей вѣроятности, одной изъ статей того же Нягое: нїе. ꙁанѐ въсѣ б͠лгаа́ въ рѫка҇ ѥ҆гѡ̀ сѫть. то́го ра҇ да не раꙁлѫчѣе҇ мысли на́ше повъсѫ́доу. нѫ҇ тъчїю къ въсещѐдромꙋ б͠ꙋ. ѿнѫ́дꙋже въсѣкаа б͠лгть прихо́дить. ꙗ҆́ко да и҆ ц͠ртвꙋемь съ ни́мь въ вѣкы҇. За ними слѣдуетъ пятистрочное заглавіе, написанное золотыми и зелеными чернилами: Сїѐ посла́нїе іѡ҇ нѣгое воево́ды, къ мо́ще҇ м͠три своей нѣгое. и҆ с͠новѡ҇ своимь пе́трꙋ и҆ іѡа́ннꙋ и҆ дъщери ѥ҆гѡ̀ а҆ггели́ны. сло҇ оу҆миле́нно. Чтобы дать попятіе о содержаніи статьи. Привожу здѣсь начальныя строки посланія съ сохраненіемъ ихъ размѣровъ въ подлинникѣ. Статья начинается такъ:

Ѡ б͠жтвныѫ б͠лгти ѻ҆че б͠лгы҇,
и҆ оучи́телю. и҆ пр҇ѣ на́ми ѕѣ-
лѡ възлюбле́нне. тебѣ҇ и҆-
ꙁвра̀ б͠ъ ѻ҆͠че и҆ приса́ди тѧ пр҇ѣ
на́ми ꙗ҆ко свѣ҇ с͠лнчныи. да

1) См. указаніе въ предыдущемъ примѣчаніи.

2) Чтен. въ Общ. Ист. и Др. 1896, кн. IV, смѣсь, стр. 4. Ср. Вуловића Опис., стр. 44, № 224 (123).

3) Проф. Лавровъ ставитъ этотъ отрывокъ подъ № 82-мъ (тамъ же), между тѣмъ какъ онъ имѣетъ свой № 83, хотя присоединенъ къ № 82-му.

показꙋеши. на́мь бжтвныи
свѣ҃. ты же ѿче влко кѵ҃ ма-
ка́ріе. и вы ѿци бгоизбра́нны
игоу́мены ѿ сты монастырь
и лавра̀. иже любве ра̀ хвѣ оста-
влете пищж вѣка се́го. нж въ-
жела́сте оу҆лжчи́ти прѣблгое
лицѐ бжіе. и да постигнете
жи́знь и живо́ть.

Въ замѣткахъ проф. Лаврова мы находимъ сообщенія и о другихъ статьяхъ перваго или большого отрывка; онъ сообщаетъ, что «въ одномъ (т. е. первомъ) изъ отрывковъ есть начало той главы, содержаніемъ которой были совѣты, какъ государь долженъ выбирать себѣ сановниковъ. Заглавіе этой главы, начало котораго не сохранилось, слѣдующее: (помаза́)никѡмъ (?)[1]) бжіи егда хо́щеть пра́вити или посажати правителе и сано́вникы[2]) или ѿети имь са́нь противж дѣло и. Очевидно, говоритъ далѣе проф. Лавровъ, заглавіе этого слова было обращено къ Ѳеодосію или инымъ помазанникамъ Божіимъ, какъ и въ другомъ приведенномъ выше»[3]). Какъ увидимъ ниже, предположеніе это оправдывается. Несомнѣнно, «здѣсь интересны наименованія должностей: лафачіе, спатаре, кредини́чѣре, ватаси»[4]). Кромѣ того, «съ наибольшей подробностью сохранились совѣты, какъ принимать иноземныхъ пословъ, какъ выбирать и отправлять своего; особый совѣтъ дается, какъ принимать посла «агарянскаго». Далѣе любопытны наставленія, какъ быть на случай, если бы мирные переговоры не привели къ удовлетворительному результату, какъ собирать войско, гдѣ находиться во время битвы, что дѣлать въ случаѣ неблагопріятнаго исхода битвы. Здѣсь же имѣется цѣлый рядъ интересныхъ указаній на военное

---

1) Такъ у Лаврова,—тамъ же, стр. 6.
2) Тоже.
3) Тамъ же, стр. 6.
4) Тамъ же, стр. 6 и 8.

устройство. Въ румынскомъ войскѣ, по сообщенію проф. Лаврова, различались: «великая войска», «стража первая, вторая»; былъ «отрядъ 60 тѣлохранителей воеводы», существовалъ обычай единоборства» [1]). Затѣмъ проф. Лавровъ указываетъ на «интересное выраженіе: чл҃къ има҃ два҃ реда ѿ сыновъ(sic) едини с҃новъі ѿ грѣха. дроугзи же сжть с҃нѡвъі без' грѣха» [2]). Наконецъ, онъ сообщаетъ, что «въ одномъ изъ отрывковъ, въ которомъ приводятся въ большомъ количествѣ выдержки изъ книгъ свящ. писанія, интересно мѣсто изъ поученія патріарха тырновскаго Евѳимія въ честь св. Константина и Елены» [3]). Такимъ образомъ, на основаніи моего личнаго знакомства съ отрывками славянскаго текста Поученій Нягое и замѣтокъ о нихъ проф. Вуловича и Лаврова, можно указать или, вѣрнѣе, отмѣтить слѣдующія статьи:

1. Конецъ неизвѣстной статьи (въ началѣ 2-го отрывка).

2. Посланіе і҃ѡ нѣгое воеводы къ мѡщі м҃три своеи нѣгое. и с҃новѡ своимь петрȣ и іѡаннȣ и дъщери его аггелины [4]).

3. Слово наказателно Іѡ Нѣгое воеводы къ възлюбленномȣ с҃нȣ своемȣ Ѳеѡсію и иныⷨ помазанникѡмь бж҃іиⷨ. О м҃тыни и о покои [5]).

4. Слово или совѣты Нягое, какъ государь долженъ выбирать себѣ сановниковъ...... <Посланіе і҃ѡ нѣгое воеводы къ с҃ноу своемоу Ѳеѡсію и иныⷨ> [6]) помазанникѡ бж҃іиⷨ егда хощеⷮ правити или посажати правителе и сановникы или ѿети имь сань противж дѣлоⷨ и҃.

---

1) Тамъ же, стр. 6.

2) Тамъ же. Это выраженіе проф. Лавровъ сопоставляетъ съ сербскимъ выраженіемъ: «син по гриjеху», «по гриjеху родитељ», т. е. родной сынъ, отецъ; въ такомъ случаѣ, заключаетъ онъ, сынъ безъ грѣха можетъ значить «пріемный, усыновленный». Тамъ-же. Ср. и стр. 15—16.

3) Тамъ же. Проф. Лавровъ думаетъ, что это мѣсто указываетъ «на вліяніе болгарской литературы въ Валахіи». Тамъ же.

4) Ср. Вуловиħа «Опис рукописа Софиjске библиотеке» въ Споменникѣ Српске Краљ. Акад., XXXVII, други разред, 33, стр. 44.

5) Ср. у Вуловиħа, тамъ же, стр. 44—45.

6) Эти слова возстановляю я; дальнѣйшія приводитъ проф. Вуловичъ и Лавровъ.

и 5) о послахъ.

Къ сожалѣнію, проф. Лавровъ не объясняетъ, составляютъ ли совѣты Нягое о томъ, какъ принимать иноземныхъ пословъ, какъ выбирать и отправлять своего и проч., отдѣльное слово или главу, какъ онъ выражается, или все это заключается въ томъ же словѣ о выборѣ сановниковъ.

По моему разумѣнію, совѣты, какъ принимать иностранныхъ пословъ и какъ выбирать и отправлять своего, составляютъ отрывокъ отдѣльнаго слова, заглавіе котораго не сохранилось. Самъ проф. Лавровъ говоритъ, что листы въ софійской рукописи сбиты; весьма возможно послѣ этого, что листы въ софійской рукописи шли не по порядку и поэтому, тѣ листы, которые должны стоять ниже, поставлены выше или раньше и наоборотъ. Что въ этихъ совѣтахъ можно видѣть отдѣльную главу или слово, я укажу ниже.

Перехожу теперь къ румынскимъ текстамъ. Мнѣ извѣстны до сего времени двѣ румынскія рукописи Поученій Нягое, принадлежащія д-ру М. Гастеру въ Лондонѣ. Эти рукописи полныя; первая (№ 1-й) изъ нихъ имѣетъ слѣдующую замѣтку о времени ея написанія: Єаꙋ скрӣ ла лѣтꙋ ҂аѱкꙁ маи ді дни: де радꙋ лѡ-фецє де дивã, т. е. Списано въ 1727 г., мая 14 дня, Радомъ, младшимъ логофетомъ государственнаго совѣта. Она содержитъ въ себѣ слѣдующее:

α) статья безъ начала.

β) Алꙋй Нѣгое воевод' ꙟвѫцѫтꙋрѫ кѫтрѫ фїю сѫꙋ Ѳеѡдосїе ши кѫтрѫ ѧ̂ци домнй кѫтрѫ тѽцй, кꙋ̆ сѫ каде дѡмнилѡр сѫ шáꙁѫ ла мѣсе ши ла ѽспѣциле де ѽбще. (Нягое воеводы поученіе къ сыну своему Ѳеодосію и ко всѣмъ другимъ господарямъ, какъ подобаетъ господарямъ сидѣть за столомъ и на общихъ пирахъ).

γ) ꙟвѫцѫтꙋрѫ лꙋй Іѡ̃ Нѧгое воевѡ̃ кѫ̆рѫ фїю сѫꙋ̆ Ѳеѡдосїе воевод' ши кѫтрѫ ѧ̂ци дѽмни пéнтрꙋ прїимирѣ сѽлилѡр' ши пентрꙋ рѣ̃дꙋїала рѫꙁбоаелѡр'. (Поученіе Іоанна Нягое воеводы

къ сыну своему Θеодосію и къ другимъ господарямъ о пріемѣ пословъ и о порядкѣ веденія войны).

δ) Кꙋвынт' пе́нтрꙋ жꙋдека́тъ а̀лꙋй Іѡ̄ Нѣ́гѡє воєвод' кътрѣ фїю съꙋ Ѳєѡдо́сїє ши кътрѣ а̂ци до́мний ҆ѧ̂ чє ки́п' вор' жꙋдека̀. (Слово о судѣ Іоанна Нягое воеводы къ сыну своему Θеодосію и къ другимъ господарямъ, какимъ образомъ нужно производить судъ).

ε) ҆ѧ̂вѫцѫтꙋрѫ а̀лꙋй Нѣгоє воєводꙋ̑, кътрѫ фїю съꙋ̑ Ѳєѡдо́сїє во́дъ ши ка́трѣ а̂ци до́мний, ка съ фїє милости́ви ши ѿдӣхни-то́ри. (Наставленіе Нягое воеводы своему сыну Θеодосію воеводѣ и другимъ господарямъ, чтобы быть милостивыми и упокоителями другихъ).

ζ) Вїѧ̂ца ши тра́ю' сфинцїи са̂лє пъри́нтилꙋй но́стрꙋ Ни́фон' патриѧ̂рхꙋ̑ царигра́дꙋлꙋй, ка́рєлє аꙋ̆ стрълꙋли́т' ҆ѧ̂нтрꙋ мꙋ̑тє̂ па́тими ши ӥспитє ҆ѧ̂ ца́риград' ши ҆ѧ̂ цара мꙋнтєнѣ́аскъ. Скри́съ дє ки́р' Гаврїи̑ про́тꙋ̑. ӑдекъ ма́и марєлє сфєта́гѡрїи̂. (Житіе и жизнь святаго отца нашего Нифона, патріарха цареградскаго, который просіялъ во многихъ страданіяхъ и испытаніяхъ въ Цариградѣ и въ странѣ Валашской. Написано господиномъ Гавріиломъ, протомъ, т. е. старшимъ (начальникомъ) Святой Горы).

Таково содержаніе первой рукописи г. Гастера. Вторая рукопись его собранія, подъ № 8, имѣетъ такую хронологическую дату: 1817; ю' 29. Письмо ея ясно показываетъ, что она не можетъ быть старше этого года или, вѣрнѣе, этого времени. За то, по содержанію, она обширнѣе и богаче первой; въ ней заключаются слѣдующія статьи:

α) ҆ѧ̂чєпꙋтꙋ̑ ҆ѧвъцътꙋрило̑ бꙋнꙋ̆кредӣчо̑ Іѡ̄ Нѣ́гоє воєво̑ цъ̀рїи Ѹгровлахїє [1]), карєлє аꙋ̆ ҆ѧвъца̑ прє фїю съ̑ Ѳєодосїє во̑. па̑тѣ дє̑ тє'. кꙋвъ̑н. (Начало поученій благовѣрнаго Іоанна Нягое, воеводы Угровлахійской земли, который поучалъ своего сына Θеодосія воеводу. Часть первая. Слово).

β) Повѣстѣ а̀ фєри́читꙋлꙋи варлаа̑ ши Іѡсаф'. фєчорꙋ̑ лиꙋ

1) Въ рукописи: Ѹгровлахахїє.

авенир' ꙟпъра͠. (Повѣсть о блаженномъ Варлаамѣ и Іоасафѣ, сынѣ царя Авенира).

γ) Па́тѣ адꙋ̆ъа а ꙟвъцътꙋрилѡ̆ лꙋи Нѣ́гое воеводꙋ̆ бесара̂. дѡ̆нꙋ̆ църїи мꙋ̆тенѣ́щи. ка́ре аꙋ ꙟвъца͠ пе фїю съ Ѳеѡдо́сїе. аши́дерѣ ши пре а̂цїи кареи во фи̇ ꙟ ꙋ͠ма лꙋи де дꙋмнеꙁе ꙋши ꙟкорона дѡ̆ни ши серꙋито́ри църїи а̀че́щїа. пе͠трꙋ мꙋ̂те ши богате лꙋкрꙋри. кар сѧ̈ дѡ̆нилѡ фолоситоаре ши вре̂ниче де чи͠сте ши похва́ла дѡ̆нїи, аши́дерѣ ши то коѐрїи съи пе чеи ма́ри ши пе чеи ми ка́ре съ ꙟчепе пе͠трꙋ чинстѣ икоанелѡ̆. (Вторая часть Поученій Нягое воеводы Бесараба, господаря земли Валашской, который поучалъ сына своего Ѳеодосія, а также поучаетъ и тѣхъ, которые наслѣдятъ ему богопомазанные и коронованные господари и обладатели земли сей, о многихъ и важныхъ вещахъ, которыя душеполезны господарямъ и достойны уваженія и дѣлаютъ честь государству, и кромѣ того поучаетъ и всѣхъ бояръ великихъ и малыхъ. Слово, имѣющее началомъ трактатъ о почитаніи иконъ).

δ) ꙟвъцътꙋръ а̀ а̀че́лꙋ̆ Нѣгое во кътре фїю съ Ѳеодо́сїе ши кътре а̂ци дѡ̆ни, кътре тоць аши́дирѣ ши кътре патрїархи, кътре влчи, кътре е̇пи́скопи, кътре боерь ши кътре игꙋмени, кътре богаць ши кътре чеи съράчи. Спꙋнере ши ꙟкрединцаре пентрꙋ фрика ши драгостѣ лꙋи Дмнеꙁеꙋ. кꙋвѫн͠ е҃. (Поученіе того же Нягое воеводы къ сыну своему Ѳеодосію и къ другимъ господарямъ, а также и ко всѣмъ патріархамъ и владыкамъ, и епископамъ, и боярамъ, и игуменамъ, богатымъ и бѣднымъ. Сказаніе и увѣреніе о страхѣ и любви Божіей. Слово 5-е).

ε) Ка̂тѣ лꙋи Нѣгое воево кътре кир' владі́ка Макарїе, ши кътре а̂ци, ши їеромонахі̆, ши пре́ѡци, ши кътре тоць съборничі̆, кѫнд' аꙋ ꙟгропа͠ а̀доша́ръ ѡ̓аселе мꙋме<и> сале, дѡ̆ни Нѣ́гъи ши а̀ле фечо́рилор' лꙋи, Пе͠рꙋ вв҃, ши 'Іѡа̂ вв҃, и̇ а̀ Агелі̇ни ла арщ̈е ꙟ мънасти́ре кꙋ кꙋвинте ши ꙟвъ́цътꙋри де ꙋ̆мілинць. кꙋвѫн͠ ѕ҃. (Грамота Нягое воеводы господину владыкѣ Макарію и другимъ, іеромонахамъ, священникамъ и всѣмъ соборнымъ, когда вторично были погребены кости его матери, госпожи

Няги, и его сыновей, Петра и Іоанна воеводъ, и Ангелины въ Арджишѣ, въ монастырѣ, со словами и поученіями объ умиленіи. Слово 6-е).

ζ) Пилдє пєнтрȣ чѣ́ла чє фа̑ милѻ̑тѣ́нїє ши пєнтрȣ вїаца лȣ<мє>и ачєщїѧ ди̑ картѣ лȣи варлаа̃. (Примѣры тѣмъ, которые творятъ милостыню, и о жизни міра сего. Изъ книги Варлаама, т. е. изъ книги Варлаама и Іоасафа).

η) ꙟвъц<ъ>тȣръ алȣй Iѡ̃ Нѣгоє вв̑ кътрє фїю съ̑ Ѳєѡдосїє вв̑. ши кътрє а̑ци дѻ̑мни, пєнтрȣ прїимирѣ солилор̑ ши пєнтрȣ рѫндȣꙑла ръзбоалєлор̑. (Поученіе Іоанна Нягое воеводы къ сыну своему Θеодосію воеводѣ и къ другимъ господарямъ о томъ, какъ принимать пословъ и какъ вести войны).

ϑ) Кȣвѫн̃ пєнтрȣ жȣдєкатъ алȣи Iѡ̃ Нѣгоє вв̑. кътрє фїю съȣ Ѳєѡдосїє ши кътрє а̑ци дѻ̑мни ꙟ чє ки̑ вор̑ жȣдєка. (Слово о судѣ Іоанна Нягое воеводы къ сыну своему Θеодосію и къ другимъ господарямъ о томъ, какъ нужно судить).

ι) ꙟвъцътȣрє алȣи Нѣгоє воєво̑ кътрє фїю съȣ Ѳєѡдо́сїє воⷣ ши кътрє а̑ци дѻ̑мни ка съ фїє милости̑ ши ѿдин̃ътор̑ (Поученіе Нягое воеводы къ сыну своему Θеодосію воеводѣ и къ другимъ господарямъ, — чтобы быть милостивымъ и упокоителемъ).

κ) ꙟвъцътȣръ алȣи Iѡ̃ Нѣгоє вв̑, карє аȣ ꙟвъца̃ прє фїю съȣ Ѳєодосїє воєво̑, ка съ нȣ фїє пизмътарє ши ничи съ факъ ръȣ пєнтрȣ ръȣ (Поученіе Іоанна Нягое воеводы, который поучалъ сына своего Θеодосія воеводу тому, чтобы избѣгать вражды и не дѣлать зла за зло).

λ) Борба лȣи Iѡ̃ Нѣгоє вв̑ кътрє фїю съȣ Ѳєѡдо́сїє вв̑. ши кътрє а̑ци дѻ̑мни, карии вор̑ фи ꙟ ȣрма лȣи бирȣито́ри църи ачѣ́щїѧ, пє̑трȣ пєчєтлȣирѣ кърцїи ачѣ́щїѧ, къ ачѣстє кȣви̑тє са̑т̑ ꙟ ло̑ дє пєчєцъ чєщїи кърцї. Кȣва̑т̑ (Слово Іоанна Нягое воеводы сыну своему Θеодосїю воеводѣ и къ другимъ господарямъ, которые послѣ него будутъ обладателями этой страны, о напечатаніи сей книги; ибо эти слова служатъ вмѣсто печатей этой книги. Слово).

μ) Рꙋгъчю́нѣ лꙋи Нѣгое воевѡ̃ ка́ре саꙋ фъкꙋт' ла е̑ши́рѣ сꙋфлетꙋлꙋи съꙋ, кътре дѡ̃нꙋл' но́стрꙋ і͠с. х͠с. ши ертарѣ са̀ каре саꙋ ертаⷮ де кътре то́ци бое́риі съи чеи мари ши чеи ми́чи. ши де кътре а̑лте слꙋџи але сале, де кътре тоате. Кꙋвенте де ꙋмилинцъ (Молитва Нягое воеводы, который составилъ ее себѣ на исходъ души своей ко Господу Нашему Іисусу Христу и его прощаніе, которымъ онъ простился съ своими сыновьями и дочерьми и со всѣми своими, и съ другими своими слугами. Слова умилительныя).

ν) Віа́ца ши траі̆ ст҃фнціи сале пъринтелꙋи но́стрꙋ Ни́фон патріа́рхꙋл' цариградꙋлꙋи, кареле аꙋ стрълꙋчит ꙟтрꙋ мꙋлте па́тими ши испи́те ꙟ ца́ра мꙋнтенѣскъ, скри́съ де кир' гавріил' протꙋл', а̑дикъ маи ма́реле сфетагорий (Житіе и жизнь святаго отца нашего Нифона, патріарха цареградскаго, который просіялъ во многихъ страданіяхъ и испытаніяхъ въ странѣ Валашской, написанныя Гавріиломъ протомъ, т. е. старшимъ на Святой Горѣ).

ζ) Писаніа мънъстирии арџешꙋл' (Описаніе монастыря Арджешъ).

ο) Кꙋвант де ꙟвъцътꙋръ а̑ бꙋнꙋлꙋи крещин' дѡ̃нꙋ Іѡ̃ Нѣгое воевѡ̃, дѡ̃нꙋл' ꙋ̃нгровлахіеи, кътре доѡъ слꙋџи крединчоасе але сале ши драџі, карій съ лепъдаръ де лꙋме ши съ дѣдеръ віецііи кълꙋгърещі. (Поучительное слово добраго христіанина, господина Нягое воеводы, господаря Угровлахійскаго, къ двумъ своимъ вѣрнымъ и любимымъ слугамъ, которые оставили міръ и предались жизни монашеской).

Таково содержаніе второй рукописи въ собраніи г. Гастера.

Съ содержаніемъ этой рукописи довольно близко содержаніе печатнаго изданія Поученій Іоанна Нягое,—изданія, сдѣланнаго въ Букурештѣ въ 1843 г., но довольно не исправно [1]). Весьма возможно, что оригиналъ печатнаго изданія былъ такой же, какъ

1) Это изданіе озаглавлено такъ: ꙟвъцътꙋріле бꙋнꙋлꙋі ші крединчіосꙋлꙋі domн. ал църіі Ромꙟнещі, Neaгое Басараб ВВд. кътре фіꙋл съꙋ Теодосіе ВВд. Бꙋкꙋрещі ꙟ Тіпографіа лꙋі Сф. Сава. 1843.

и оригиналъ описанной много выше рукописи № 8. По сообщенію д-ра М. Гастера, существуютъ еще рукописные списки Поученій воеводы Нягое [1]).

Такъ или иначе, но изъ указаннаго выше ясно, что румынскіе тексты Поученій воеводы Нягое имѣютъ, по крайней мѣрѣ, двѣ редакціи: одну краткую, представляемую содержаніемъ рукописи д-ра Гастера № 1, по мнѣнію котораго, т. е. г. Гастера, въ ней заключается старѣйшій румынскій текстъ Поученій; вторую редакцію ихъ представляетъ содержаніе рукописи № 8 въ собраніи д-ра Гастера. Такое дѣленіе основано собственно не на содержаніи статей рукописей, которое болѣе или менѣе одинаково въ обоихъ рукописяхъ, но на составѣ рукописей или, вѣрнѣе, на количествѣ статей рукописей.

Все, это, взятое вмѣстѣ, служитъ очевиднымъ доказательствомъ, что румынскій текстъ Поученій имѣлъ уже нѣкоторую литературную исторію, т. е. имъ румынскіе книжники интересовались и его переписывали.

Прежде чѣмъ сказать что-либо объ отношеніи славянскаго текста Поученій къ румынскому, я обращаюсь къ тексту греческому Поученій воеводы Нягое, причемъ я долженъ замѣтить предварительно, что относительно греческаго текста я долженъ ограничиваться лишь тѣми указаніями, какія даетъ о нихъ профессоръ аѳинскаго университета Спир. Ламбросъ. Послѣдній первый, насколько мнѣ извѣстно, нашолъ этотъ текстъ въ одной изъ бумажныхъ рукописей XVIII в. аѳонско-діонисіатскаго монастыря, № 3755 по его каталогу греческихъ аѳонскихъ рукописей [2]), но описалъ его весьма кратко, что̀ ясно показываетъ, что этотъ текстъ не привлекъ къ себѣ особеннаго вниманія аѳин-

1) Существуютъ ли еще и другія, кромѣ этихъ, румынскія рукописи Поученій Нягое, въ настоящее время я сказать не могу. Д-ръ Гастеръ сообщилъ мнѣ, что существуютъ и что лучшія хранятся въ библіотекѣ Румынской Академіи; но библіотекарь Академіи, І. Біану, составляющій описаніе румынскихъ рукописей Академіи, утверждаетъ, что нѣтъ.

2) Catalogue of the Greek Manuscripts of Mount Athos. I. Cambridge. 1895, стр. 367.

скаго профессора. Въ своемъ каталогѣ проф. Ламбросъ приводитъ такое общее заглавіе текста или, быть можетъ, рукописи:

Ἰωάννου Νάγγοε βοεβόδα καὶ αὐτοκράτορος Οὐγγροβλαχίας λόγοι. Принадлежитъ ли это заглавіе самой греческой рукописи, или оно составлено проф. Ламбросомъ, этого сказать я не умѣю въ настоящее время. Замѣчанія описателя этой рукописи таковы:

α) Τοῦ ἐκλαμπροτάτου καὶ εὐσεβεστάτου αὐθέντου Ἰωάννου Νάγγοε μεγάλου βοεβόδα καὶ αὐτοκράτορος μεγάλης Οὐγγροβλαχίας λόγος διδακτικὸς περὶ ἀγάπης Θεοῦ πρὸς τὸν ἠγαπημένον αὐτοῦ υἱὸν Θεοδόσιον καὶ πρὸς ἑτέρους αὐθέντας καὶ ἄρχοντας, πατριάρχας τὲ καὶ ἀρχιεπισκόπους καὶ πλουσίους καὶ πένιτας. Нач.: Λέγει μὲν ἡ θεῖα Γραφή. Δίδου σοφῷ ἀφορμὴ καὶ σοφώτερος ἔσται.

β) Διδασκαλία ἑτέρα πρὸς τὸν ἠγαπημένον υἱὸν αὐτοῦ Θεοδόσιον καὶ παροιμία ψυχωφελὴς περὶ ἐλεημοσύνης καὶ περὶ τοῦ βίου τοῦ ματαίου κόσμου τούτου. Нач.: Ὑπόθες μοι πάλιν τὰς ἀκοάς μου προσεχῶς υἱὲ Θεοδόσιε καὶ ἄκουσον.

γ) Ἐπιστολὴ πρὸς τὰ λείψανα τῆς μητρὸς αὐτοῦ Νεάγγας καὶ τῶν υἱῶν αὐτοῦ Πέτρου καὶ Ἰωάννου καὶ τῆς θυγατρὸς αὐτοῦ Ἀγγελίνας καὶ λόγος θρηνητικὸς περὶ αὐτῶν. Нач.: Ἐκ τῆς θείας χάριτος πάτερ ἀγαθὲ καὶ διδάσκαλε καὶ ἐνώπιων ἡμῶν λίαν ἠγαπημένε [1]).

Слѣдующихъ за этими статей проф. Ламбросъ не перечисляетъ, какъ выше приведенныя, но только указываетъ на ихъ общее число такъ:

δʹ—ιαʹ Ἕτεραι ὀκτὼ Διδαχαὶ καὶ παρενέσεις τοῦ αὐτοῦ πρὸς τὸν υἱὸν Θεοδόσιον καὶ τοὺς λοιποὺς ἄρχοντας, и послѣ этого приводитъ послѣднее:

ιβʹ Προσευχὴ τοῦ ἐκλαμπροτάτου καὶ εὐσεβεστάτου αὐθέντου Ἰωάννου Νάγγοε βοεβόδα καὶ αὐτοκράτορος μεγάλης Οὐγγραβλαχίας πρὸς τὸν κύριον ἡμῶν Ἰησοῦν Χριστὸν εἰς τὴν ἔξοδον τῆς ψυχῆς. Нач.: Ἐλέησόν με Ἰησοῦ Χριστὲ γλυκύτατα Θεέ μου ἐλέησόν με ὅτι σὺ εἶ ἡ ἀνάστασις καὶ ἡ ζωή.

1) Ср. славянскій текстъ выше, на стр. 1286—1287.

Хотя проф. Спир. Ламбросъ не приводитъ всѣхъ статей греческой рукописи, все-таки изъ его перечня ясно, что греческая аѳонская рукопись Поученій Нягое вполнѣ соотвѣтствуетъ по содержанію румынской рукописи № 8-й д-ра Гастера или, иначе говоря, греческій текстъ Поученій принадлежитъ ко второй редакціи ихъ. 1-я статья греческой рукописи соотвѣтствуетъ 4-й статьѣ румынской № 8-й, 2-я — 6-й (= ζ), 3-е — 5-й и 12-я — 12-й (= μ); наконецъ, остальныя восемь, отмѣченныя проф. Ламбросомъ статьи соотвѣтствуютъ въ той же румынской рукописи 1-й, 3-й, 7-й (= η), 8-й (= ϑ), 9-й (= ι), 10-й (= κ), 11-й (= λ) и 15-й (= ο). Такимъ образомъ въ греческой рукописи, по видимому, нѣтъ Повѣсти о Варлаамѣ и Іоасафѣ, житія патріарха Нифона и описанія монастыря Арджеша. По всей вѣроятности, этихъ статей, кромѣ житія, не было въ первоначальной редакціи Поученій; можно думать, что онѣ были написаны и прибавлены только впослѣдствіи, быть можетъ, по желанію самого Іоанна Нягое, къ чему онъ имѣлъ особенныя побужденія.

Послѣ всего сказаннаго ясно, что славянскій списокъ Поученій Нягое намъ извѣстенъ въ настоящее время въ весьма небольшихъ отрывкахъ; мы изъ него имѣемъ только двѣ части двухъ словъ Нягое, соотвѣтствующихъ второе (2) пятому слову въ румынской рукописи д-ра Гастера, № 8-й, и третьему греческой рукописи; третье (3) девятому той же рукописи № 8 пятой рукоп. № 1; четвертому я не нахожу соотвѣтствія ни въ румынскихъ, ни въ греческой рукописяхъ. Но за то пятое, т. е. совѣты о послахъ, являются и въ однихъ и другихъ: въ рукописи румынской д-ра Гастера № 1-й это—поученіе 3-е (γ).

Прежде чѣмъ я перейду къ дальнѣйшему выясненію отношеній всѣхъ списковъ между собою, считаю нужнымъ сказать нѣсколько словъ о Нягое.

Іоаннъ или, вѣрнѣе, Іω Нягое воевода, господарь Валахіи, правилъ страною приблизительно съ 1512 г. до 1521 г. и извѣстенъ въ румынской исторіи больше подъ именемъ Іω Бесараба воды или воеводы; онъ былъ однимъ изъ самыхъ благо-

чистивыхъ господарей валашскихъ. Тѣмъ не менѣе, чтобы достигнуть валашскаго престола, онъ прошолъ по костямъ двухъ законныхъ претендентовъ на этотъ престолъ, чтобы занять послѣдній. Не нужно послѣ этого доказывать, что такой человѣкъ какъ Нягое, былъ очень озабоченъ тѣмъ, чтобы замолить свои тяжкіе грѣхи и притомъ при помощи бывшаго патріарха цареградскаго Нифона[1]). Одинъ изъ румынскихъ хронистовъ

1) Hâşdeŭ, Archiva istorică a Romăniei, I, 2, стр. 148—149; Xenopol, Istoria Romănilor. II, стр. 478—479. Греческое житіе патріарха Нифона напечатано въ Νέον Ἐκλόγιον, περιεχὸν βίους ἀξιολόγους διάφορων ἁγίων. 2-е изд. Ἐν Κωνσταντινουπόλει. 1863, стр. 333—346, и затѣмъ у Δουκάκη Μέγας συναξαριστὴς πάντων τῶν ἁγίων. Авг. Ἐν Ἀθήν. 1894, стр. 155—179. Румынскій текстъ житіе Нифона напечаталъ проф. Hâşdĕŭ, Archiva istorică a Romănieĭ I, 2, стр. 147 и слѣдд. Румынскіе списки этого житіе встрѣчаются и въ другихъ рукописяхъ. Русскій переводъ, сдѣланъ съ греческаго языка и напечатанъ въ Аѳонскомъ Патерикѣ, изд. 7-е, ч. II, М. 1897, стр. 143 и слѣд. Святогорецъ Никодимъ, Συναξαριστής. Т. γ'. Ἐν Ζακύνθῳ. 1868, стр. 237, примѣч. 1-е, говоритъ, что въ Діонисіатѣ онъ видѣлъ службу св. Нифонту, которая находится также и въ Арджешѣ въ Румыніи (Валахіи). Тамъ же. По всей вѣроятности, это та же самая служба, которая составлена Іоанномъ Комниномъ, впослѣдствіи митрополитомъ силистрійскимъ Іероѳеемъ. Аѳонскій Патерикъ, II, изд. 7-е, стр. 151. Считаю нужнымъ сообщить здѣсь нѣсколько свѣдѣній о жизни и дѣятельности Нифона, бывшаго патріархомъ константинопольскимъ не одинъ только разъ. Въ послѣдній разъ, провинившись передъ турками (Xenopol, Istoria II, стр. 466—467; ср. житіе у Δουκάκη, авг., стр. 165, и Аѳонскій Патерикъ, II, стр. 153—154), онъ былъ сосланъ въ Адріанополь, гдѣ и жилъ до отправленія своего въ Валахію. Въ житіи повѣствуется, что валашскій воевода Раду (1494—1507 гг.), который пригласилъ и привезъ Нифона въ Валахію и сдѣлалъ его митрополитомъ угровлахійскимъ, сталъ потомъ не слушаться его и притѣснять его, а Нифонъ нашолъ убѣжище и «тайно поселился въ домѣ одного дворянина изъ рода Бессарабовъ, по имени Неанка (Νεάγκος), духовнаго, своего сына», который при уходѣ Нифона изъ Валахіи съ своими учениками Макаріемъ и Іоасафомъ на Аѳонъ простился очень трогательно и даже «залился слезами и рыдалъ горько о разлукѣ съ божественнымъ своимъ пастыремъ». (Аѳонскій Патерикъ, II, 7-е, стр. 158—159). Послѣдствіями такого обращенія Раду съ Нифономъ были разныя бѣдствія въ Валахіи и наконецъ мучительная смерть перваго... «Между тѣмъ бѣдствовалъ и добрый Неанкъ, любимецъ блаженнаго Нифона; заступившій мѣсто господаря Радула, Михна, а послѣ него Владулъ жестоко тѣснили невиннаго Неанка». Но по предсказанію и молитвамъ Нифона, Нягое не погибъ, но «избраніемъ всего народа еще возведенъ въ достоинство господаря всей Угро-Влахіи» (тамъ же, стр. 165). Дальнѣйшее разсказывается, какъ выше, съ прибавленіемъ, что Нягое послѣ цѣлованія гробницы, ее «поднявъ на свои рамена, при пособіи сановниковъ, внесъ мощи въ монастырь Ντάλου (чит.: Дялу; въ другомъ спискѣ: Δαλίς) и поставилъ на мо-

говоритъ о Нягое такъ: «Басарабъ вода, желая очистить себя отъ вины за смерть Владуцы, созвалъ патріарховъ, архіепископовъ, епископовъ и граждань изъ городовъ, чтобы совершеніемъ елеосвященія смягчить гнѣвъ Божій». Цареградскій патріархъ Пахомій пріѣхалъ въ Валахію съ духовными и свѣтскими лицами и здѣсь былъ встрѣченъ весьма торжественно. Воспользовавшись этимъ пріѣздомъ патріарха, Нягое возводитъ на митрополичью каѳедру Макарія, который былъ посвященъ въ митрополиты патріархомъ. Послѣ того, какъ это желаніе Нягое было приведено въ исполненіе, онъ задумалъ перенести мощи бывшаго патріарха Нифона съ Аѳона въ Валахію, изъ монастыря Діонисіата, гдѣ Нифонъ окончилъ свою жизнь въ заточеніи. Это онъ и исполнилъ съ большою торжественностію. Нягое вышелъ встрѣчать мощи Нифона; увидѣвъ раку съ мощами, онъ бросился и обхватилъ ее и со слезами на глазахъ всенародно цѣловалъ ее. Отъ мощей св. Нифона происходило, при этомъ какъ передаетъ его житіе, множество чудесъ. Въ замѣнъ мощей Нягое приказалъ сдѣлать богато украшенную золотомъ и драгоцѣнными камнями серебряную раку, на которой изображены были Нифонъ и Нягое на колѣнахъ передъ святымъ, и отправилъ ее въ монастырь Діонисіатъ на Аѳонѣ. Обильныя и богатыя приноше-

гилу Радула. Цѣлую ночь совершалось бдѣніе; Неанкъ и весь народъ умоляли святаго Нифона о прощеніи Радула» (стр. 166—167). Отъ утомленія Нягое «погрузился въ тихій сонъ», во время котораго онъ видитъ, какъ Нифонъ омываетъ смраднаго Радула и затѣмъ обращается съ рѣчью къ Нягое, котораго наставляетъ, какъ править своимъ княжествомъ. Затѣмъ Нягое собралъ мѣстный соборъ, на которомъ Нифонъ канонизованъ и положено праздновать ему 11-го августа, въ день его кончины. Для сего была составлена ему и служба. Далѣе въ житіи разсказывается, что Нягое приготовилъ золотую раку въ видѣ многоглавой церкви; украшенную драгоцѣнными камнями и эмалью; на крышѣ ея съ внутренней стороны былъ изображенъ блаженный Нифонъ, а предъ нимъ въ молитвенномъ положеніи, на колѣнахъ—смиренный Неанкъ» (стр. 167—168). Далѣе, разсказывается тоже, что изложено и выше. Несомнѣнно, текстъ житія Нифонта, обнародованный въ Νέον Ἐκλόγιον и у Δουκάκη и его русское переложеніе, напечатанное въ Аѳонскомъ Патерикѣ, II, изд. 7-е, стр. 143—168, не представляетъ того именно текста, который вышелъ изъ-подъ пера Гавріила, прота Св. Горы. Это ясно видно изъ бѣглаго даже сравненія указанныхъ выше списковъ житія съ его румынскимъ текстомъ у Хыждеу. Было бы весьма любопытно подробно сравнить румынскій текстъ житія Нифона съ греческимъ.

нія и дары послѣдовали за этимъ почти всѣмъ аѳонскимъ монастырямъ отъ Нягое, а нѣкоторые монастыри почти вновь были перестроены. Не оставлены были безъ призрѣнія и Цареградская патріархія, Синай, Іерусалимъ съ горою Сіономъ и вообще вся Палестина и Сирія; однимъ словомъ, говорится въ житіи Нифона, всѣ православные монастыри, какіе находятся въ Европѣ,— во Ѳракіи, Элладѣ, Ахайи, Иллиріи, Кампаніи, на Геллеспонтѣ, Мизіи, Македоніи, Титуліи, въ Сирміи, Лугдуніи, Пафлагоніи, Далмаціи, и во всѣхъ краяхъ отъ востока до запада и и отъ юга до сѣвера [1]). Благотворя и монастырямъ въ Валахіи, онъ въ то же время построилъ монастырь въ Арджешѣ, въ которомъ воздвигнутая имъ церковь составляетъ одно изъ чудныхъ созданій архитектуры. Церковь была освящена въ 1517 г. Послѣ этого Нягое пожелалъ имѣть житіе Нифона, и для этого онъ пригласилъ въ Валахію прота Св. Горы Гавріила и съ нимъ игуменовъ всѣхъ аѳонскихъ монастырей: Ватопеда, Ивера, Хиландара, Ксиропотама, Каракала, церкви Алимпія, Котлумуша, считавшагося тогда румынскою лаврою, Филоѳея, Ксенофа, Зографа, Симона (Есфигмена), Дохіара, Руссика, Кастамонита, Св. Павла, Діонисіата, Григоріата и Симо-Петра. Кромѣ того, онъ пригласилъ патріарха цареградскаго Ѳеолипта и съ нимъ митрополитовъ сѣрезскаго, софійскаго, мидійскаго и митилинскаго и наконецъ созвалъ и всѣхъ игуменовъ валашскихъ монастырей со всѣмъ клиромъ. На этомъ съѣздѣ или соборѣ Нягое поручилъ проту Гавріилу написать житіе Нифона, и протъ исполнилъ желаніе господаря. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что это житіе было написано по-гречески, конечно, не безъ тенденціи, чтобы оправдать Нягое, и уже съ греческаго языка потомъ было оно переведено на славянскій или въ самой Валахіи, или на Аѳонѣ, а съ славянскаго языка, я думаю, переведено на румынскій въ Валахіи, хотя возможно допустить переводъ на румынскій языкъ и прямо съ греческаго языка. Во всякомъ случаѣ можно думать,

1) Hâşdĕŭ, Archiva istorică a României, I, 2, стр. 147; Xenopol, Istoria Românilor din Dacia Traiană. II. Iaşşi. 1889, стр. 479.

что румынскій переводъ житія явился довольно рано, быть можетъ, даже во время Нягое, который присоединилъ это житіе къ своимъ Поученіямъ, желая этимъ придавать послѣднимъ больше интереса и широкаго распространенія. Хотя во время Нягое славянскій языкъ былъ въ повсемѣстномъ употребленіи во всѣхъ румынскихъ странахъ, но тогда же его понимали уже очень плохо, судя по множеству ошибокъ и исковерканнымъ словамъ и оборотамъ, встрѣчающимися въ славянскихъ текстахъ, написанныхъ румынами того времени и въ ближайшихъ къ нему раньше и позже временахъ. Кромѣ того, въ самомъ началѣ XVI в., а можетъ быть и во второй половинѣ XV столѣтія появляются румынскіе тексты Св. Писанія и даже церковныхъ книгъ, конечно, только отрывочные. Эти румынскіе тексты являются, правда, только какъ опыты или попытки къ переложенію славянскихъ церковныхъ книгъ на румынскій языкъ и, нужно сказать, довольно робкія попытки, въ которыхъ румынскій языкъ подъ вліяніемъ славянской конструкціи и строя славянскаго языка терялъ свою типичность; тѣмъ не менѣе они служатъ доказательствомъ, что румыны чувствовали потребность въ книгахъ на своемъ языкѣ или, вѣрнѣе, потребность въ своемъ письмѣ. Въ виду сказаннаго я позволяю себѣ думать, что житіе Нифона должно было появиться на румынскомъ языкѣ уже вскорѣ послѣ его составленія и, весьма возможно, какъ я уже замѣтилъ выше, по повелѣнію самого Нягое, тѣмъ болѣе, что послѣдній былъ довѣреннымъ Нифона (сокотиторȣлъ' лȣи Нифонȣ) [1]). Проф. А. Ксенополъ утверждаетъ, что житіе впервые появилось на румынскомъ языкѣ въ 1654 г. и что это — самый старый румынскій текстъ [2]), но безъ достаточныхъ основаній. Проф. Іоаннъ Сбѣра полагаетъ, что оно даже написано впервые

1) Ср. у Xenopol'a Isloria Romånilor. III, Iaşşi. 1890, стр. 650—651. Сокотиторȣлъ' лȣи Нифонȣ всего лучше объяснить такъ: сообразовавшійся съ мнѣніями Нифона, духовный сынъ Нифона и наконецъ довѣренный Нифона. Почти въ такомъ же смыслѣ передаетъ это мѣсто и русскій переводчикъ житія въ Аѳонскомъ Патерикѣ II, стр. 158; ср. Δουχάκη, стр. 169 и 175.

2) Xenopol, тамъ же, стр. 650.:

по-румынски[1]), но, конечно, опять безъ всякаго основанія. Къ Поученіямъ житіе прибавлено было, я думаю, по желанію самого Нягое, какъ къ первой, такъ и ко второй законченной ихъ редакціи.

Мнѣ кажется, что послѣ сказаннаго представляется до нѣкоторой степени яснымъ и необходимымъ допустить, что Поученія Нягое должны были быть написаны первоначально на славянскомъ языкѣ, какъ думаетъ объ этомъ и д-ръ Гастеръ[2]). Того же мнѣнія и г. I. Біану, библіотекарь Румынской академіи, одинъ изъ лучшихъ знатоковъ литературы у румынъ[3]). Какъ ни сильно было стремленіе у румынъ конца XV и начала XVI столѣтій къ румынской письменности, все-таки послѣдняя не могла занимать тогда высокаго положенія въ духовно-нравственной и политической жизни какъ въ Валахіи, такъ и въ другихъ румынскихъ земляхъ. Извѣстные намъ румынскіе письменные памятники того времени написаны такимъ языкомъ, въ которомъ синтаксическіе обороты почти всецѣло подчиняются правиламъ языка, съ котораго сдѣланъ румынскій переводъ; даже отдѣльныя слова нерѣдко сковываются по образцамъ языка оригинала, и такъ какъ значительная часть румынскихъ переводовъ сдѣлана съ славянскаго языка, то и въ языкѣ первыхъ румынскихъ переводовъ мы находимъ довольно много славянизмовъ. Таковы Евангеліе, списанное Раду грамматикомъ, которое хранится въ Британскомъ музеѣ (Harley, № 6311 B)[4]), Воронецкій кодексъ[5])

1) Codex Voroneţean. Cernăuţ, 1885, стр. 328.

2) Literatura română populară. Bucur. 1886, стр. 40, примѣч. 2-е.

3) Г-нъ I. Біану высказалъ свое мнѣніе въ письмѣ ($^{12}/_{24}$ окт. 1899 г.) ко мнѣ; между прочимъ объ этомъ говоритъ онъ такъ: «Nicĭ nu póte fi îndoială,— după pĕrerea mea, că aceste învăţeturĭ aŭ fost scrise slavonesce, de unde se vor fi tradus romănesce după vre-un secol şi jumătute dela scrierea lor», т. е. «И не можетъ быть сомнѣнія, по моему мнѣнію, что эти поученія были написаны по-славянски, откуда они были переведены по-румынски спустя около полуторавѣка со времени ихъ написанія». Думаю, что предположеніе г. Біану относительно времени перевода нѣсколько преувеличено.

4) Объ этомъ Евангеліи см. у Успенскаго въ Журн. Мин. Нар. Просвѣщ. т. С (1896 г.), стр. 75, и у Грота въ Русск. Филологич. Вѣстн. 1889, стр. 85 у Hâşdĕŭ въ Columna luĭ Traian 1882—1883, у Gaster'a Chrestomathie Roumaine. I. Leipz.-Bucur. 1891, стр. *7—*8, и въ Archivio Glottologico Italiano. XII, стр. 197—200.

5) Изданіе Румынской Академіи подъ ред. проф. Сбѣры (Sbiera).

и Псалтырь шкейская[1]), и переводы діакона Кореси, имъ же напечатанные[2]). Во всѣхъ этихъ памятникахъ можно найти немало случаевъ, когда нельзя понимать румынскій текстъ безъ помощи славянскаго или греческаго оригинала; между тѣмъ какъ румынскій языкъ въ поученіяхъ Нягое совершенно правильный и конструкція совершенно румынская. Это ясно указываетъ на то, что извѣстные намъ румынскіе списки Поученій являются не въ первоначальныхъ спискахъ, или же переводъ Поученій на румынскій языкъ сдѣланъ сравнительно въ довольно позднее время, приблизительно въ XVII столѣтіи, или въ самомъ концѣ правленія Іω Нягое. Въ первомъ случаѣ нужно предположить широкую литературную исторію Поученій въ румынской письменности. Судя же, однако, по количеству румынскихъ списковъ ихъ, едва ли возможно допустить такое заключеніе. Въ виду сказаннаго нельзя считать правдоподобнымъ мнѣніе проф. Хыждеу[3]), а затѣмъ и мнѣніе проф. Сбѣры[4]), что поученія Нягое были написаны первоначально на румынскомъ языкѣ. Проф. А. Ксенополъ думаетъ, что Нягое написалъ свои Поученія впервые по-гречески, а потомъ уже были переведены на румынскій языкъ[5]). Это свое мнѣніе онъ основываетъ на томъ, что авторъ-господарь былъ довѣреннымъ патріарха Нифона, а слѣдовательно онъ могъ знать по-гречески[6]). Не нужно большихъ усилій, чтобы доказать, что это предположеніе, какъ голословное, не выдерживаетъ никакой критики. Я считаю это мнѣніе голословнымъ по тому именно, что г. Ксенополъ не представилъ никакихъ положительныхъ данныхъ для его подкрѣпленія, или для того, чтобы сказать, что Нягое воевода зналъ по-гречески, или что онъ написалъ что-либо на этомъ языкѣ. Единственное основаніе

1) Изданіе Румынской Академіи подъ ред. г. Біану.

2) Евангеліе Кореси перепечатано Румынскою Академіею подъ ред. проф. Хыждеу, а Псалтырь Кореси переиздана проф. Ербичану.

3) Archiva istoricá a Romȃnieĭ. I, 2, стр. 111; Кꙋвинте де̑ бътрꙋнї. II, стр. 5.

4) Codex Voroneţean, стр. 328.

5) Istoria Romȃnilor, III, стр. 650.

6) Тамъ же, стр. 650—651.

проф. Ксенопола это — невѣрно понятое имъ выраженіе житіе Нифона: сокотиторꙋл' лꙋи Нифонꙋ (довѣренный Нифона), — выраженіе, опредѣляющее только отношенія воеводы къ Нифону. Наконецъ, можно допустить, что Нягое говорилъ по-гречески; но это далеко еще не значитъ, что онъ могъ и писать и написалъ что-нибудь на этомъ языкѣ. Но кромѣ того, можно думать, что Нягое, имѣя въ виду дать своимъ Поученіямъ самое широкое распространеніе, конечно, не могъ написать ихъ на языкѣ, извѣстномъ только немногимъ въ его странѣ. Греческое вліяніе въ румынскихъ придунайскихъ княжествахъ начинается только при Нягое; раньше этого времени это вліяніе у румынъ не ощущается. Языкомъ литературнымъ, церкви, политики и интеллигенціи, какъ въ Валахіи, такъ и въ Молдавіи и Трансильваніи, былъ славянскій. На основаніи всего сказаннаго, слѣдовательно, приходится допустить, какъ достовѣрное, вмѣстѣ съ д-ромъ Гастеромъ[1]) и І. Біану[2]), что Нягое написалъ свои Поученія первоначально на славянскомъ языкѣ, какъ на языкѣ, всюду господствовавшемъ у румынъ.

Судя по составу извѣстныхъ намъ до сего времени списковъ Поученій Нягое, можно думать, что самъ авторъ или, по его желанію, кто-либо другой пополнялъ кодексъ Поученій по истеченіи нѣкотораго времени послѣ ихъ написанія новыми статьями. Но тутъ является вопросъ, какія статьи написаны Нягое раньше и какія позже и имъ ли самимъ онѣ написаны, или кѣмъ-либо другимъ отъ его имени? На этотъ вопросъ въ настоящее время сказать что нибудь опредѣленное весьма трудно и даже невозможно; этотъ вопросъ еще слишкомъ мало изслѣдованъ. Это во-первыхъ. Во-вторыхъ намъ еще неизвѣстно, какой былъ составъ славянскаго списка Поученій и въ какомъ порядкѣ тамъ Поученія слѣдовали. Изъ тѣхъ его отрывковъ, какіе дошли до насъ, мы ничего не можемъ заключить. Проф. Хыждеу, который

1) Literatura romănă popolană, стр. 40, прим. 2-е.

2) См. выше, примѣч. 3-е на стр. 1303-й.

первый изложилъ вкратцѣ содержаніе Поученій[1]), а за нимъ и проф. Ксенополъ[2]) указываютъ только на три поученія Нягое, какъ на первоначальныя а именно: 1) какъ нужно сидѣть за столомъ, 2) о милостинѣ и о упокоеніи нищихъ и 3) о наградѣ боярамъ и слугамъ за вѣрную службу. На какомъ основаніи они указываютъ только на эти три статьи, оба ученые этого не объясняютъ. Едва ли, однако, въ первоначальной редакціи Поученій были только эти три статьи. По всей вѣроятности, составъ первоначальной редакціи Поученій былъ тотъ, какой является и въ рукописи д-ра Гастера № 1-й, не исключая и житія Нифона, которое, по всей вѣроятности, прибавлено нѣсколько позже. Нужно полагать, такой же составъ статей имѣлъ и славянскій списокъ Поученій. Что въ первоначальной редакціи Поученій могло и отсутствовать житіе Нифона, это можно было бы заключить и изъ того, что его нѣтъ и въ греческомъ спискѣ Поученій, хотя это предположеніе нельзя считать обязательнымъ вполнѣ. Этотъ предполагаемый мною первоначальный списокъ представляетъ первую редакцію Поученій.

Послѣднюю, позднѣйшую редакцію Поученій представляетъ румынская рукопись д-ра Гастера № 8-й. Составлена ли эта редакція самимъ Нягое, или кѣмъ-либо другимъ, сказать съ положительностію нельзя; я предполагаю, что она составлена не безъ вліянія со стороны Нягое или, вѣрнѣе, по его порученію. Эта послѣдняя редакція представляла сводъ всѣхъ духовно-нравственныхъ подвиговъ валашскаго воеводы, которые могли бы искупить его тяжкіе грѣхи, содѣянные, такъ сказать, по пути къ господарскому престолу. По всей вѣроятности, описаніе монастыря Арджеша было составлено по порученію Нягое кѣмъ-либо изъ тогдашнихъ монастырскихъ монаховъ, если не кѣмъ-либо изъ аѳонскихъ монаховъ, гостившихъ тогда въ Валахіи. Что это описаніе явилось не безъ желанія Нягое, можно уже заключить и изъ того, что монастырь былъ возобновленъ имъ самимъ

---

1) Archiva istorică a Romăniei, I, 2, стр. 111.

2) Istoria Romănilor, III, стр. 651—653.

и что въ немъ находился фамильный склепъ господаря. Наконецъ, Нягое хотѣлъ показать міру въ этомъ описаніи одно изъ великихъ дѣлъ, имъ совершенныхъ.

Итакъ, можно признать, что основнымъ, первоначальнымъ, оригинальнымъ текстомъ былъ славянскій, за нимъ послѣдовалъ греческій и нѣсколько позже румынскій съ довольно обширными прибавленіями. Каковъ былъ полный составъ славянскаго оригинала, сказать съ точностію въ настоящее время едва ли возможно за неимѣніемъ цѣльнаго славянскаго текста. Но все-таки можно допустить предположеніе, что на славянскомъ языкѣ были почти тѣ же статьи, которыя заключаются и въ румынскомъ кодексѣ № 1 у Гастера. Такимъ образомъ, можно думать, что тамъ были слѣдующія статьи:

1) О перенесеніи останковъ матери Нягое, Няги, и его сыновей Петра и Іоанна и дочери Ангелины.

2) О мѣстничествѣ (=β у Гастера, № 1).

3) О пріемѣ пословъ (=γ у Гастера, № 1) и о выборѣ и отправленіи своихъ въ чужія страны. Эта статья въ славянскомъ оригиналѣ сохранилась только въ отрывкахъ.

4) О судѣ (=δ у Гастера, № 1).

5) О милостыни.

Я склоненъ не исключать житія патріарха Нифона изъ славянскаго кодекса Поученій Нягое не смотря на то, что оно могло быть составлено и позже составленія первой редакціи Поученій. Нужно полагать, что нѣкоторыя Поученія составлены были до созыва собора изъ аѳонскихъ и другихъ подвижниковъ, и уже послѣ собора составлено было житіе Нифона. Такъ или иначе, но я все-таки склоненъ думать, что славянскій текстъ Поученій и румынскій № 1 (у Гастера) составляютъ первую редакцію Поученій господаря Нягое. Мало того, я готовъ признать, что этотъ румынскій текстъ есть прямой переводъ съ славянскаго оригинала Поученій. Надѣюсь, что со временемъ это подтвердится, когда найденъ будетъ славянскій текстъ и сравненъ съ указаннымъ румынскимъ.

Совсѣмъ другое явленіе представляетъ другой румынскій текстъ у Гастера, № 8-й; здѣсь мы находимъ цѣлый рядъ статей, которыхъ нѣтъ въ рукописи № 1-й у Гастера. Судя по составу входящихъ въ румынскій кодексъ № 8-й статей можно думать, что этотъ кодексъ представляетъ послѣднюю, законченную редакцію Поученій, или, иначе говоря, это — послѣдній сводъ Поученій Нягое[1]). По всей вѣроятности, тѣ статьи румынскаго кодекса № 8-й, которыхъ нѣтъ въ такомъ же кодексѣ № 1-й, написаны были позже,— уже послѣ составленія первой редакціи Поученій. Были ли онѣ написаны первоначально также на славянскомъ языкѣ, или нѣтъ, въ настоящее время трудно сказать за неимѣніемъ положительныхъ данныхъ. Только относительно житія Нифона можно съ увѣренностію утверждать, что оно первоначально было написано на греческомъ языкѣ протомъ Св. Горы, Гавріиломъ, ученикомъ патріарха Нифона.

---

1) Это всего лучше можно видѣть по первой и послѣднимъ статьямъ кодекса № 8. Для большей наглядности я приведу перечень статей румынскихъ рукописей (у Гастера) № 1 и 8:

№ 1-й.	№ 8-й.
α. Статья безъ начала	Начало Поученій (Введеніе).
β. О мѣстничествѣ.	Повѣсть о Варлаамѣ и Іоасафѣ.
γ. О пріемѣ чужихъ пословъ и назначеніи и отправленіи своихъ и о веденіи войны.	О многихъ полезныхъ вещахъ и о почитаніи иконъ.
δ. О судѣ.	О страхѣ и любви Божіемъ.
ε. О милосердіи и покоѣ.	О перенесеніи останковъ.
ζ. Житіе Нифона.	О милостинѣ и о жизни міра сего изъ Варлаама.
η.	О пріемѣ пословъ и веденіи войны.
θ.	О судѣ.
ι.	О милосердіи и покоѣ.
κ	О безгнѣвіи и о недѣланіи зла.
λ.	О печатаніи книги Поученій.
μ.	Слово на исходъ души
ν.	Житіе Нифона.
ξ.	Описаніе монастыря Арджешъ.
ο.	Слово къ двумъ вѣрнымъ слугамъ I. Нягое, оставившимъ міръ сей и принявшимъ монашество.

Греческій текстъ составляетъ среднюю или вторую редакцію Поученій Іоанна Нягое. Статьи, представляющія эту редакцію, по всей вѣроятности тѣже, что и въ законченной второй румынской редакціи, но число ихъ меньше, чѣмъ тамъ; въ греческомъ кодексѣ мы находимъ 11-ть статей. Довольно странно, что между этими статьями проф. Ламбросъ не отмѣтилъ житія Нифона, если оно только есть въ кодексѣ. По всей вѣроятности, его тамъ нѣтъ; иначе трудно предположить, чтобы такая интересная часть рукописи осталась безъ его вниманія. Такъ или иначе, но изъ сказаннаго ясно, что извѣстные намъ списки Поученій Нягое можно раздѣлить на три редакціи: 1-я—славянскій и румынскій № 1 тексты, 2-я—греческій текстъ и 3-я румынскій № 8 текстъ.

Полихроній Сырку.

Лондонъ — С.-Петербургъ.
1897 и 1900 гг.

Къ исторіи русскаго стихосложенія.

(По поводу книги В. Н. Перетца. Изъ исторіи русской пѣсни Ч. I и II. Спб. 1900 г.).

1.

Въ 1755 году въ «Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ», издававшихся Г. Ф. Миллеромъ, появилось разсужденіе В. К. Тредьяковскаго: «О древнемъ, среднемъ и новомъ стихотвореніи Россійскомъ».

Остатки *древняго* россійскаго стихотворства сохранились, по мнѣнію ученаго XVIII вѣка, въ произведеніяхъ народной поэзіи. «Многодѣльное первое наше христіанство, говоритъ Тредьяковскій, хотя искоренило всѣ многобожныя служенія и пѣсненныя прославленія мнимымъ богамъ и богинямъ, однако съ пренебреженія, или за упражненіями не коснулось къ простонароднымъ обыкновеніямъ: оставило ему забаву общихъ увеселительныхъ пѣсенъ и съ ними способъ сложенія стиховъ. Сіе точно и есть перворожденное и природное наше съ самыя отдаленныя древности стихосложеніе, пребывающее и доднесь въ простонародныхъ, молодецкихъ и другихъ содержаній пѣсняхъ живо и цѣло». Какое же именно было это перворожденное и природное наше стихотворство, слѣды котораго сохранились въ народныхъ пѣсняхъ? «Количество его слоговъ было тоническое или, что тоже, въ одномъ удареніи силами слоговъ состоящее».—Названіемъ «*средняго* россійскаго стихотворенія» охватывается вся совокупность литера-

турныхъ произведеній, написанныхъ по правиламъ силлабической версификаціи, занесенной изъ Польши въ Малую Россію. «Какъ скоро завелось сіе тамъ стихотвореніе, преподалось въ училищахъ и показалось обществу примѣрами церковными и гражданскими, такъ тотчасъ всѣ употребили оное и мірскіи стихотворцы: всѣ свѣтскія ихъ пѣсни сей имѣютъ способъ въ стихахъ». Изъ Малороссіи силлабическое стихотворство перешло въ Москву. «*Новое* россійское стихотвореніе» возвращается къ системѣ тонизма, свойственнаго древней поэзіи. «Всеобщій и повсюдный грунтъ системы сея стиховъ есть тоническое количество: почитается ею тотъ слогъ долгимъ въ реченіи, который ударяется силою, а тѣ всѣ въ немъ короткими, сколько бы ихъ ни было, на коихъ нѣтъ просодіи».

Относительно русскаго народно-пѣсеннаго стихосложенія появилось въ послѣдующее время нѣсколько цѣнныхъ и интересныхъ изслѣдованій, хотя законы нашего народнаго стиха и до сихъ поръ еще не разъяснены съ полною точностью. Что же касается нашего литературнаго стихосложенія, то замѣчанія Тредьяковскаго о среднемъ и новомъ россійскомъ стихотвореніи до сихъ поръ сохраняютъ свое значеніе и повторяются во всѣхъ сочиненіяхъ, касающихся исторіи русской версификаціи.

Книга г. Перетца даетъ новый литературный матерьялъ для изученія нашего «средняго стихотворенія». Авторъ изслѣдованія о «началѣ искусственной поэзіи въ Россіи» извлекъ изъ рукописей цѣлый рядъ неизвѣстныхъ или малоизвѣстныхъ виршъ; для объясненія строя этихъ виршъ изслѣдователь изучаетъ теоріи версификаціи, изложенныя въ грамматикахъ и піитикахъ стараго времени. Результатъ этихъ изученій формулированъ такъ: «Съ первыхъ же опытовъ въ юго-западной русской литературѣ появляются два вида стиховъ: одни неправильные съ произвольнымъ числомъ слоговъ и отличающіеся отъ прозы только риѳмою; другіе—плавные, построенные по польской силлабической системѣ съ преобладаніемъ тринадцати-, двѣнадцати- и одиннадцатисложныхъ размѣровъ». Но это польско-русское стихосложеніе

утвердилось не сразу. «Исторія его *борьбы* и лишь постепеннаго завоеванія своего мѣста открывается изъ обзора *старинныхъ руководствъ къ стихосложенію* и стоитъ въ связи съ постепеннымъ проникновеніемъ польскаго вліянія въ училища Западной Руси, гдѣ первоначально преобладаютъ *славяно-эллинскія элементы*, позже берутъ перевѣсъ *новыя вѣянія* и школы перестраиваются по типу католическихъ *съ господствующимъ латинскимъ и польскимъ литературнымъ языкомъ*, учебниками и пріемами обученія» (стр. 1—2). Въ школьныхъ піитикахъ излагается теорія силлабическаго стихосложенія; въ болѣе раннихъ руководствахъ къ стихосложенію (грамматика Л. Зизанія и М. Смотрицкаго) примѣняется къ русскому языку система древне-классической версификаціи. Опредѣляются такимъ образомъ противники, борьба которыхъ закончилась побѣдой силлабизма.

Эта картина борьбы двухъ литературныхъ направленій была бы не лишена поучительности и интереса, если бы не вызывала нѣкоторыхъ сомнѣній. Гдѣ памятники этой литературной борьбы? Была ли въ дѣйствительности эта борьба? Изложивъ систему М. Смотрицкаго, г. Перетцъ спрашиваетъ: «Имѣла ли она послѣдователей? Отвѣтить на такой вопросъ, замѣчаетъ нашъ изслѣдователь, въ настоящее время кажется нѣсколько затруднительнымъ, но сомнительно, чтобы правила, предложенныя эллинославянствующими грамматиками, начиная съ Ἀδελφότης'а, кончая Смотрицкимъ, были доступны и удобны для сложенія славянскихъ и русскихъ стиховъ [1]). Интересно отмѣтить, что не только

1) Еще Тредьяковскій обратилъ вниманіе на непримѣнимость къ русскому стиху теоріи Смотрицкаго. «Коль ни достохвальное сіе тщаніе Смотрицкаго писалъ Тредьяковскій, однако ученыи наши Духовныи люди не приняли сего состава его стиховъ; остается онъ только въ его грамматикѣ на показаніе потомкамъ примѣра, а тѣ утверждались отчасу болѣе въ риѳмическихъ стихахъ средняго состава, приводя ихъ въ нѣкоторую исправность съ образца польскихъ стиховъ. Можетъ быть, что трудность долгихъ, краткихъ и общихъ литеръ природѣ, также измѣняемыхъ, обоющихъ, таемыхъ, сугубыхъ, сугубствующихъ и странныхъ, сверхъ того и познаваемыхъ слоговъ положеніемъ, наращеніемъ и окончаніемъ, а всего сего чуждаго и намъ во вѣки вѣковъ дикаго, и отвратила нашихъ люботщателей отъ стихотворнаго сего состава».

стихотворцы, но и сами составители правилъ стихосложенія пользуются данными правилами чрезвычайно рѣдко, большею частію лишь для составленія примѣровъ на правила, очень немногочисленныхъ. Большинство же, да и сами теоретики—какъ видимъ напримѣръ въ грамматикѣ Л. Зизанія—пользуются либо силлабической системой, либо просто пишутъ риѳмованной прозой» (стр. 20). Если трудно отыскать послѣдователей греко-славянской системы, если сами установители этой системы писали силлабическіе стихи, то можно ли говорить о какой-то борьбѣ двухъ литературныхъ направленій, выразившейся въ неодинаковыхъ формахъ стихосложенія, о какомъ-то «протестѣ противъ наплыва все усиливавшейся и окончательно взявшей перевѣсъ въ концѣ XVII в. волны западнаго вліянія?» Причислимъ ли къ представителямъ протеста противъ западнаго вліянія такого писателя, какъ Мелетій Смотрицкій?..

2.

Отрицая историко-литературное значеніе теоріи Смотрицкаго и др., мы не въ правѣ однако распространять это отрицаніе на ту классическую метрику, которую неудачно переводили на русскій языкъ наши старинныя грамматики; мы не можемъ утверждать, что эта метрика не играла никакой роли въ исторіи нашего стихосложенія. Напротивъ мы имѣемъ основаніе догадываться, что классическая метрика имѣла немаловажное значеніе въ исторіи и новаго и средняго россійскаго стихотворенія.

«Всѣ разсужденія о долготѣ и краткости слоговъ, замѣчаетъ г. Перетцъ, повторялись въ теченіе долгаго времени, пока перепечатывалась грамматика Смотрицкаго, но и позднѣйшія попытки создать стихосложеніе по образцу греческихъ и латинскихъ метровъ слѣдуетъ признать неудавшимися—имѣемъ въ виду опыты Востокова и переводы нѣкоторыхъ одъ Горація Фета, хотя эти послѣдніе опыты и построены по иной теоріи долготы и краткости и въ нихъ за долгій принятъ слогъ ударяемый, а не имѣющій то или дру-

гое графическое условное изображеніе» (стр. 23). Не будемъ спорить съ г. Перетцомъ о достоинствахъ и недостаткахъ переводовъ Фета и опытовъ Востокова; насъ интересуетъ другой вопросъ: когда, въ какомъ періодѣ исторіи русской поэзіи появляются первые опыты стихотвореній, построенныхъ на основаніи того метрическаго принципа, который находимъ у Востокова и Фета? На этотъ вопросъ можно отвѣчать безъ колебаній: въ періодъ «средняго россійскаго стихотворенія», въ пору общепризнаннаго господства силлабической версификаціи.

«Съ XVIII вѣка,—замѣчаетъ г. Петровъ въ изслѣдованіи «о словесныхъ наукахъ и литературныхъ занятіяхъ въ Кіевской академіи»,—являются въ Кіевской академіи частыя указанія на образцы классической элегіи и переводы ихъ на русскій языкъ». Для примѣра указывается впрочемъ не элегія, а ода, а именно переводъ, или говоря точнѣе, передѣлка одной изъ одъ Горація, помѣщенная въ сочиненіи Лаврентія Горки: Idea artis poëseos (1707 г.). Сличеніе передѣлки съ оригиналомъ указываетъ на несомнѣнное усиліе русскаго стихотворца выдержать размѣръ подлинника (Stropha sapphica):

Частѣе кедра зиблетъ вѣтръ суровый,	Saepius ventis agitatus ingens
Тяжчае падутъ возвышенни крови	Pinus et celsae graviore casu
Обично біютъ на холми високи	Decidunt turres feriuntque summas
Громы жестоки и т. д. [1]).	Fulgura montes (Od. lib. 11, X).

Этотъ отрывокъ—не первый и не единственный опытъ примѣненія классической строфы къ русскому стиху. Въ 1633 году издана была «Εὐφωνία веселобрмячая»,—панегирикъ въ стихахъ, посвященный Петру Могилѣ. Вотъ образцы стиховъ этой «Эвфоніи»:

1) Труды Кіевской дух. академіи. 1867, январь, стр. 101.

Пречъ з Роксолянскихъ смутки уступуйте
Границъ, ляменты сердца не турбуйте:
Южъ есть веселье, ахъ досытъ стогнаня,
Пречъ нареканя.
Естъ по бурливыхъ южъ Еврахъ погода:
Мысли похмурной естъ южъ охолода;
По слезныхъ рѣкахъ, по бѣдахъ окрутныхъ
По плачахъ смутныхъ.
Тріумфу зачни Еѵфрозіно смѣле
Гѵмнъ выкрикати, почни волать миле.
Што то за радость въ Россійскомъ Сіонѣ,
Въ Кіевской зонѣ и т. д. [1]).

Въ области Московской школьной литературы начала XVIII вѣка встрѣчается любопытный образецъ двойного латино-русскаго стихотворенія. Въ 1721 году напечатана въ Москвѣ «Пѣснь привѣтственная въ славномъ торжественномъ вхожденіи побѣдителя и миротворца Петра Великаго». Размѣръ пѣсни — тотъ же, какъ и въ приведенномъ выше отрывкѣ перевода Гораціевой оды. Вотъ для примѣра нѣсколько строфъ Московской пѣсни:

Quis venit lauro redimitus hospes	Кто идетъ съ войскомъ лаврами вѣнчаный
Milite instructus, celeber trophaeis,	Съ знаменми побѣдъ гость къ намъ чрезвычайный,
Fulgidis cinctus neque jam timendus	Свѣтлымъ оружьемъ предивно украшенъ,
Victor in armis?	Однакъ не страшенъ?

2.

Martius vultus sine Martis ira	Марсово лице, но весма не ратно,
Totus illius placido renidens	Все осклабленно, всѣмъ благопріятно,

1) Записки наукового товариства імени Шевченка, 1895, кн. 4, стр. 9.

Suaviter risu, veluti micat post	Яко Фебъ, егда по дождѣ сіяетъ,
Nubila Phaebus.	Любимъ бываетъ.

3.

Quae videt rident, renovatur omne,	На что посмотритъ, то отнюдь не плачетъ,
Induit laetam faciem decoris.	Но премѣнено отъ радости скачетъ.
Ornat Autumnum Ver amoenitate,	Весна цвѣтами осень украшаетъ
Cuncta virescunt.	И утѣшаетъ [1]).

Среди упражненій, приложенныхъ къ піитикѣ Георгія Конисскаго, помѣщено стихотвореніе, въ которомъ, по словамъ г. Петрова, «довольно ясно высказывается простонародный характеръ кантовъ»:

Засіяетъ тамъ не единъ въ порфирѣ,
Иже не имѣлъ и рубища въ мірѣ,
Пріиметъ на главу вѣнецъ многоцѣнній
Вмѣсто повстини.
За ризи остри, за власи велбужи
Безсмертной слави свѣтъ всего окружитъ,
За вервъ подастся, за поясъ усмянній
Весь златотканній и проч. [2]).

Въ этомъ народномъ по характеру кантѣ наблюдается тотъ же размѣръ, который мы встрѣчаемъ въ другихъ приведенныхъ выше отрывкахъ [3]).

1) Пекарскій издалъ 11—15 строфы этой пѣсни по экземпляру, сохранившемуся среди бумагъ, входящихъ въ составъ «Кабинета Петра Великаго» (Наука и литер. въ Россіи при Петрѣ В., т. II, стр. 530—531). Приведенныя нами 1—3 строфы пѣсни взяты изъ копіи, сдѣланной съ того же экземпляра, который указанъ Пекарскимъ.

2) Труды Кіевской духовной акад. 1867, январь, стр. 98.

3) Примѣненіе сапфической строфы къ русскому стиху въ періодъ господства силлабизма отмѣчено еще Тредьяковскимъ: «строфъ, кромѣ сапфической,

Историкъ русскаго стихосложенія не можетъ оставить безъ надлежащей оцѣнки этихъ и имъ подобныхъ примѣровъ примѣненія къ русскому стиху формъ классической метрики. Присматриваясь къ такимъ примѣрамъ, мы убѣждаемся, что задолго до появленія хореевъ и дактилей Тредьяковскаго и Ломоносова въ нашихъ школахъ уже слагались стихотворенія по существу тоническія, но прикрывавшіяся терминами греко-римской версификаціи. Быть можетъ, и установители нашего стихосложенія писали такіе именно тонико-метрическіе стихи, когда были воспитанниками Московской школы. Эти упражненія могли облегчить Тредьяковскому и Ломоносову переходъ къ чисто-тоническому стиху. Припомнимъ, что Тредьяковскій удерживаетъ терминологію классической метрики: онъ говоритъ о хореяхъ, ямбахъ, пиррихіяхъ, дактиляхъ, анапестахъ, о гекзаметрахъ, пентаметрахъ, тетраметрахъ, о строфахъ сапфической, гораціанской и проч.

3.

Кромѣ латинскихъ стихотвореній, слагавшихся по классическимъ образцамъ, съ давнихъ поръ извѣстны другого рода латинскіе стихи,—стихи, построенные по правиламъ такъ называемой ритмической системы, основывавшейся на числѣ слоговъ и чередованіи удареній. Образцы такого рода стихотвореній отмѣчены еще въ древне-римской литературѣ, но полный разцвѣтъ ритмической метрики относится къ позднѣйшей порѣ, когда ла-

никакихъ въ немъ нѣтъ».—«Изъ приведенныхъ въ перечисленіи у М. Смотрицкаго размѣровъ, замѣчаетъ г. Перетцъ, болѣе посчастливилось въ южнорусской, а позже и въ сѣверно-русской только двумъ: сапфическому и фалейскому стиху, и то потому, что первый совпалъ съ силлабическимъ, а второй—съ популярнѣйшимъ одиннадцати-сложнымъ размѣромъ» (стр. 20). Посчастливилось, кажется, не размѣрамъ Смотрицкаго, а тѣмъ тоническимъ стихамъ, которые слагались въ школахъ въ подражаніе формамъ классической метрики. Можно ли, въ самомъ дѣлѣ, объяснить правилами Мелетіевой грамматики всѣ приведенные выше отрывки и другіе, подобные имъ, примѣры употребленія сапфической строфы? Силлабическая строфа, о которой упоминаетъ Тредьяковскій, представляетъ блѣдное отраженіе того же классическаго размѣра, который изучался въ школахъ по образцамъ древне-римской поэзіи.

тинскій языкъ, утративъ значеніе живого народнаго языка, продолжалъ однако жить, какъ языкъ церкви и школы. Новая система оставила свой слѣдъ во множествѣ религіозныхъ гимновъ и въ рядѣ произведеній свѣтской школьной поэзіи [1]).

Вмѣстѣ съ утвержденіемъ западнаго вліянія на наши школы распространяется у насъ и знакомство съ ново-латинской ритмической поэзіей. Наши школьные стихотворцы охотно переводили произведенія западной церковной и школьной лирики. Въ этихъ переводахъ рядомъ съ стихотвореніями quasi-классическаго типа появляются и произведенія ритмическія. Вотъ примѣръ, не особенно правда удачный, такъ какъ русскій переводъ латинскаго стихотворенія («Пѣснь Богоматери надъ колыбелью Христа») изданъ по записямъ не вполнѣ удовлетворительнымъ:

Здравствуй, Іисусе сладчайшій,	Salve, Jesu dulcissime,
Здравствуй, сыне мой дражайшій!	Salve, fili pulcherrime.
Люлю, люлю, люлю,	Lili, lili, lili,
О любезный Сыне!	O dilecte fili!
Владѣющъ небомъ, о Боже,	Tu in caelis regnans Deus,
Въ яслехъ возлегъ, какъ на ложѣ,	Nunc es factus natus meus.
Ти вся звѣзды похваляютъ,	Quem alta laudant sidera
Земсти роди ублажаютъ	Nunc lactant mea ubera.
И вамъ, Ангели со неба,	Vos, o Angeli de caelo,
Миръ воспѣти нынѣ треба.	Somnum vocate puello.
Вси же пойте велегласно,	Cantate modulamina.
Въ пѣснехъ вспойте ему ясно, и т. д. [2]).	Jesu dulcia carmina.

1) Свѣдѣнія о формахъ ритмической поэзіи изложены въ статьѣ *Wilh. Meyer*: Ueber die lateinischen Rythmen (Sitzungsberichte der philos.-hist. Classe der k. b. Akademie d. W. zu München 1882. I, 41—192).

2) «Калѣки перехожіе», Безсонова, вып. 4, № 305, стр. 96—97. Тредьяковскій указываетъ на эту пѣсню, какъ на образецъ «Римскихъ христіанскихъ стиховъ».

Легкость и несложность нѣкоторыхъ формъ ритмической версификаціи дѣлала ихъ примѣнимыми даже къ польскому стиху, не смотря на однообразіе и устойчивость польскаго ударенія. Г. Перетцъ напечаталъ любопытную польскую псальму, переписанную кириллицей и принятую слѣдовательно въ репертуаръ русскихъ пѣвцовъ. Въ этой псальмѣ нельзя не замѣтить нѣкоторой правильности въ чередованіи удареній.

Весолый намъ есть дзѣнь насталъ,
Креорего з нас кожди жондалъ,
Тего дня Христу́съ з мартвыхъ всталъ.
Аллилуйя!
Кроль небески к нам завиталъ,
Яко сличный квятъ росквитніолъ и проч. (стр. 89) [1]).

Другой примѣръ:

Есть прелесть въ свѣтѣ,
Якъ въ полномъ цвѣтѣ,
Ты ту остави.
Возлюбленная
Душе грѣшная,
Отъ злобъ воспряни!
Преходитъ время,
А уѣхавъ бремя
Тя угнетаетъ.
Демонъ же смѣлы
На тебе стрѣлы
Ядъ свой пущаетъ и проч. (стр. 132).

Въ русской литературѣ, при просодической гибкости нашего языка, стихотворенія ритмическія (= тоническія) могли, конечно, появляться чаще и легче, чѣмъ въ поэзіи Польской. Въ книгѣ г. Перетца, въ главѣ: «Малорусскія пѣсни въ великорусскихъ записяхъ *начала XVIII вѣка*», помѣщена пѣсня, въ которой

1) Ср. «Калѣки перехожіе», вып. 5, № 415, стр. 19.

трудно не замѣтить слѣдовъ ритмическаго склада. Это—пѣсня о прекрасной Діанѣ:

Во печали во великой
всегда пребываю,
По тебе, милое сердце,
тяжко воздыхаю.
Нельзя мнѣ забыти тебе,
презлична Діанна:
Ты у мене, мое сердце,
паче всѣхъ избранна.
Ты мене словами, сердце,
къ себѣ прилучила,
А теперь ты, мое сердце,
прочь мя отрѣшила.
А коли же любишь, сердце,
люби же нелестно,
А колижъ ты ненавидишь,
учини мнѣ вѣстно.
Богъ тому велми не терпитъ,
кто неправду дѣетъ,
Тотъ презлѣйшій на семъ свѣтѣ,
свою душу губитъ (стр. 226).

Подобные же слѣды ритмическаго склада замѣтны въ нѣкоторыхъ стихотвореніяхъ Ѳеофана Прокоповича. Припомнимъ хоръ Прелести въ трагедокомедіи: Владиміръ, Плачъ пастушка, стихотвореніе: «Кающійся запорожецъ»:

Познай, любезне,
Кто зоветъ слезне,
Кого любиши?
Камо бѣжиши?
Въ кія идешь страны?
Откуду гнѣвъ на ны?

Плачъ тя не утолитъ,
Гласъ мой не умолитъ.
Тако еси твердій,
Тако жестосердій и проч.
(Хоръ въ «Владимірѣ»).

Что мнѣ дѣлать, я не знаю,
А безвѣстно погибаю;
Забрелъ въ лѣсы непроходны,
Въ страны гладны и безводны.
Атаманы и гетманы,
Попалъ я въ ваши обманы.
Пропадить вы за пороги,
Лишь бы не сбиться съ дороги,
Не впасть бы мнѣ въ сильны руки,
Не принять бы страшной муки и т. д.
(«Запорожецъ»).

Пѣсню о Діанѣ г. Перетцъ опредѣляетъ такъ: «Элегія обычнаго въ малорусской *искусственной и народной* поэзіи размѣра $[(4+4)+6]^2$». Видимъ, что слѣды такого же ритмизма, какой находимъ въ книжныхъ виршахъ, встрѣчаются и въ произведеніяхъ народной поэзіи. Мы подходимъ къ грани, у которой сходились элементы школьнаго и безыскусственнаго творчества. Гдѣ проходила эта грань? Въ какой средѣ школьное стихотворство дружилось съ народной пѣснью? Это — среда «школьныхъ молодиковъ», «мандрованыхъ дьяковъ» и бакаляровъ, — среда близкая къ народу, но не чуждая знакомства и съ книжной мудростью.

4.

Г. Житецкій въ книгѣ: «Мысли о малорусскихъ думахъ» далъ чрезвычайно живое описаніе быта «странствующихъ школьниковъ въ старинной Малороссіи».—Блужданія этихъ школьниковъ, ихъ тревожное житье-бытье, въ которомъ чередовались

голоданье и разгулъ, живо напоминаютъ бытъ западныхъ вагантовъ и голіардовъ, такихъ же странствующихъ пѣвцовъ и пѣснотворцевъ, какъ и наши молодики. Наши «мандрованые дьяки»—родные братья западныхъ странствующихъ клириковъ (clericus vagus) [1]).

Сходство быта отражалось и въ сходствѣ литературнаго творчества. Отъ вагантовъ остался большой запасъ пѣсенъ, представляющихъ такую же странную смѣсь серьезныхъ и шутливыхъ, благочестивыхъ и скабрезныхъ мотивовъ, какъ и вирши малороссійскихъ дьяковъ стараго времени. Разница замѣчается лишь въ томъ, что наши школьные стихотворцы слагали свои пѣсни обыкновенно на родномъ языкѣ, въ пѣсняхъ же западныхъ вагантовъ преобладаетъ латынь. Но эта разница языка не можетъ закрыть сходства содержанія. Для примѣра можно указать на два стихотворенія, взятыя изъ области нашей виршевой поэзіи.

Г. Перетцъ издалъ по рукописи XVIII вѣка шуточное стихотвореніе, названное имъ «скоморошьими виршами». Стихотвореніе начинается описаніемъ весны.

Во правду весна красна уже наступила,
Что не толко до радости насъ, но и птицъ возбудила.
Нынѣ убо всякія разныя птицы
Вмѣстѣ торжествуютъ со человѣцы;
Какъ то соловейки раненько воспѣваютъ,
Веселенько, хорошенько по садочкамъ спѣваютъ,
А маленькіе жавороночки дознаваютъ,
Со веселіемъ поюще въ гору летаютъ и т. д.

---

1) Въ Чехіи лица, соотвѣтствующія западнымъ вагантамъ, извѣстны были подъ именемъ, одинаковымъ съ нашимъ: дьякъ,—żak (см. *Feifalik*: Die altböhmischen Gedichte vom Streite zwischen Seele und Leib. Nebst Beiträgen zur Geschichte der Vaganten-Poesie in Böhmen, въ Sitzungsberichte der phil.-hist. Classe der k. Akademie zu Wien, 1861, B. 36, 119 fg.). Въ Польшѣ извѣстны были странствующіе пѣвцы—rybalty (*Wiszniewski*, Historya liter. polskiej, т. VII, стр. 9—11).

По поводу этого стихотворенія г. Перетцъ замѣчаетъ: «Если мы прослѣдимъ составъ этихъ виршъ съ самаго начала, то найдемъ не мало параллелей и въ серьезной виршевой литературѣ» (стр. 268). Примѣръ:

Весна ясна наступаетъ,
Земля травой обрастаетъ,
Веселитесь, человѣцы!
Нынѣ радость
Всѣмъ намъ сладость:
Поютъ дѣвы велегласно,
Поютъ птицы громогласно и пр. [1]).

Такимъ образомъ картина весны—поэтическій мотивъ одинаково свойственный и серьезнымъ и шуточнымъ виршамъ.

Описаніе весны—одна изъ любимѣйшихъ темъ западныхъ голіардовъ. Carmina burana представляютъ не мало образцовъ такихъ именно школьно-латинскихъ веснянокъ. Примѣры:

Tempus adest floridum,
Surgunt namque flores,
Vernales mox in omnibus
Iam mutantur mores.
Hoc, quod frigus laeserat,
Reparant calores,
Cernimus hoc fieri
Per multos colores.
Stant prata plena floribus,
In quibus nos ludamus.
Virgines cum clericis
Simul procedamus,
Per amorem Veneris
Ludum faciamus,
Ceteris virginibus
Ut hoc referamus etc.

1) Ежегодникъ Импер. театровъ 1896—1897 г. Изъ исторіи русской пѣсни, I 267—268.

Tempus transit gelidum.
Mundus renovatur,
Verque redit floridum,
Forma rebus datur,
Avis modulatur,
Modulans laetatur.
Lucidior
Et lenior
Aer jam serenatur,
Jam florea,
Jam frondea
Silva coma densatur.
Ludunt super gramina
Virgines decorae,
Quarum nova carmina
Dulci sonant ore etc.

Virent prata
Hiemata
Tersa rabie,
Florum data
Mundo grata
Rident facie.
Solis radio
Nitent, albent, rubent, candent,
Veris ritus jura pandent
Ortu vario.
Aves dulci
Melodia
Sonant garrulae.
Omni via
Voce pia
Volant sedulae

Et in memore
Frondes, flores et odores
Sunt, ardescunt juniores
Hoc in tempore etc [1]).

Въ книгѣ г. Перетца (стр. 279—281) напечатано, по рукописи половины XVIII вѣка, пѣсня объ опасностяхъ преступной любви.

1.

Добрѣ чюжую жонку любити,
Що въ любви секретъ можетъ хранити.
Сердце свободно, к любви угодно
Безъ перемѣны.
Мысли спокойны, кохать свободны
Безъ отмѣны.

Строфа 5 открываетъ иную сторону дѣла.

Ахъ, бѣда жъ мнѣ съ чюжею женою,
Що мужикъ гонитъ за мною,
Охъ, з дубиною суковатою,
По плечамъ мѣритъ;
Я присегаю, въ ноги кланѣюсь,
Онъ не вѣритъ.

6.

А щожь мнѣ бѣдному уже дѣлати,
Що чюжей жонки нелзя кохати!
Лѣпше отстати, свою сыскати
Думати стану,
На чюжомъ гумнѣ нѣтъ мнѣ пожитку,
Перестану.

1) Carmina burana (= Bibliothek des liter. Vereins in Stuttgart, B. XVI, 1847), p. 183, 191, 189. Cf. p. 117, 118, 181, 187, 146, 171, 177, 178, 179, 180, 181, 182, 184, 186, 187, 188, 193, 227.

Тема этой пѣсни повторяется и во многихъ новеллахъ, и въ школьно-латинскихъ пѣсняхъ. Вотъ для примѣра Cantio de una muliere.

Fuit una domina,
Valde pulchra femina;
Dum vir ejus laborat,
Clericum sibi advocat.

Клерикъ — въ гостяхъ у женщины. Возвращается мужъ.

Venit hospes ad domum,
Pulsat ad hostium;
Clericus perterritus
Bracas fuit oblitus.
Miserere mei, Deus,
Miserere mei, Deus!
Iste lectus non est meus,
Venit cujus est proprius [1]).

Я упомянулъ о сходствѣ быта западныхъ клериковъ и русскихъ дьяковъ,—сходствѣ, отражавшемся и въ поэзіи школьныхъ стихотворцевъ. Но, кромѣ сходства быта, нельзя не обратить вниманія и на сходство образованія. Припомнимъ господствующее положеніе латыни въ Кіевской, а позже и въ Московской школахъ, припомнимъ упражненія на латинскомъ языкѣ, которыя входили въ составъ школьнаго ученія въ западныхъ и нашихъ школахъ. Это сходство образованія, знакомство съ западными школами, съ ихъ наукой и поэзіей не могло остаться безъ вліянія на литературное творчество нашихъ стихотворцевъ. Поэтому сопоставляя наши вирши и школьно-латинскія carmina, мы въ правѣ искать въ нихъ двоякаго рода сходства: сходства, объясняемаго одинаковыми условіями быта и сходства, основаннаго на литературномъ общеніи [2]).

1) Sitzungsberichte der phil.-hist. Classe d. Wiener Akademie, B. 36, s. 166—167 (въ приложеніи къ названной выше статьѣ Фейфалика).

2) Припомнимъ еще извѣстія о русскихъ людяхъ, получившихъ образованіе за предѣлами Руси и Польши. Фр. Скорина получилъ степень доктора въ

Въ этомъ общеніи польская литература могла быть обычнымъ передаточнымъ пунктомъ, — обычнымъ, но не неизбѣжнымъ. При знакомствѣ съ латынью, распространенномъ въ нашей школьной средѣ, этотъ послѣдній передаточный пунктъ можно было въ нѣкоторыхъ случаяхъ и миновать.

Ив. Ждановъ.

Падуѣ. Мелетій Смотрицкій посѣтилъ университеты лейпцигскій, бреславскій и др. Кн. Мих. Глинскій учился въ Германіи. Въ западныхъ католическихъ коллегіяхъ были стипендіи для русскихъ юношей (*Харламповичъ*, Западнорусскія правосл. школы XVI–XVII в., стр. 197, 391, 509; *Карамзинъ*, Ист. г. р. VII, 11).

Что такое Линданиса.

Въ юбилейномъ сборникѣ въ честь Всев. Ѳед. Миллера въ Москвѣ, изданномъ его учениками и почитателями сдѣлана недавно попытка открыть реальный городъ *Леденецъ* нашей былины о Соловьѣ Будимировичѣ въ древнемъ градѣ Вирляндіи (Wiroi-ma) *Линданиса*.

М. Халанскій («Городъ Ледянъ-Леденецъ», въ Слав. Обозр. I. 1892 г., стр. 201—208) усматривалъ въ ледяной землѣ, terra glacialis у Саксона грамматика прямой переводъ Исландіи, Eisland. Но со всѣми прежними догадками относительно нахожденія «Леденецъ», Ледянъ-города въ Литвѣ, Польшѣ, Венеціи и Венгріи не соглашается г. П. Милюковъ. По его мнѣнію, Леденецъ— древнѣйшее укрѣпленіе Ревеля, построенное датскимъ королемъ Вольдемаромъ II на скалистой, Вышгородской, горѣ Domberg, носившее у Эстовъ названіе Линданиса (Lyndanissa). Чтобы попасть изъ Невы въ Ревель морскимъ путемъ, нужно было плыть моремъ Вируянскимъ или Виройскимъ. «То море, — говоритъ «г. Милюковъ, — за которымъ находится славный городъ *Леде-* «*нецъ*, носитъ названіе *Вирянскаго*» и «мѣстонахожденіе этого моря очень хорошо опредѣляется самой былиной въ словахъ сохранившихъ слѣдъ ея сѣвернаго, новгородскаго происхожденія:

Ис подъ дуба, дуба сыраго,
Ис подъ той березы сподъ накляпины,
Матушка Нева широко прошла;
Устьемъ выпадала въ сине море во *Вирянское*».

Вирянское, по другому чтенію Веряй ское, есть море или та часть Финскаго залива, которая омываетъ берега Вирландіи или Вироніи, области, обитаемой *Вируянами* Новгородскихъ лѣтописей.

Шегренъ въ своемъ изслѣдованіи «Ueber die aelteren Wohnsitze der Jemen» (Gesammmelte Schriften I, стр. 489) разъяснилъ, что финское Viro = Эстляндія, и Vironmaa, оттуда Virolainen Эстляндецъ было имя собирательное, обозначающее не только Эстляндію, но и вмѣстѣ Лифляндію.

Собственная Виронія, у Гиллепстоне *Wiroima* — Ливонія (Omnes Aesthii et Livoni Finnis synecdochice *Wiroi* vocantur et Livonia *Wiroima*), у Генриха Латышскаго была только часть нынѣшней Эстляндіи, состояла не изъ одного Гарріенскаго края (Harrien) или Ревельскаго уѣзда, но заключала въ себѣ прибрежную сѣверовосточную часть, приблизительно Везенбергскій уѣздъ и вѣроятно простиралась до границъ нынѣшней Петербургской губерніи. Расширеніе понятія Вироніи, Wiroima, произошло путемъ мореходства (durch die Schiffahrt). Сто лѣтъ тому назадъ въ Россійскомъ атласѣ 1800 года Везенбергскій назывался еще *Вирской* уѣздъ.

И такъ предположеніе о Вируянахъ и «Виройскомъ» морѣ вполнѣ подтвердилось; это море — Finnis proxima, море Эстляндское и Вирляндское. Но является сомнѣніе относительно эстонскаго происхожденія слова «Lyndanissa». Слово это встрѣчается два раза у Генриха «de Lettis», и прямого указанія на эстонское происхожденіе названія этого «каменнаго города», у нынѣшнихъ Эстовъ kiwi-küla, собственно Steindorf, камень-городъ, онъ не представляетъ. Подъ 1218 годомъ разсказывается, что Вольдемаръ II Датскій, епископъ Лундскій Андреасъ, епископъ Николай, третій епископъ, канцлеръ короля, при нихъ также были епископъ Теодорихъ и славянскій князь Венцеславъ, высадили войско свое (applicuerunt exercitum suum) въ Ревельскомъ краѣ (ad Revelensem provinciam) et resederunt in Lyndanissa, quod fuerat quondam castrum Revelensium et destruentes castrum antiquum, aliud novum aedificare coeperunt. Ревельскій древній го-

родъ назывался до прихода Вольдемара «Lyndanissa»: вотъ и все что мы здѣсь узнали. Въ 1223 г. тщетно осаждается вновь **Lydanise*, Lyndanise (какъ теперь читаютъ вм. Lyndaniense) castrum, и Lyndanise названо «Danorum castrum». Король Суздальскій (и Эсты) cum omnibus illis obsedit castrum Danorum et pugnavit cum Danis hebdomadis quatuor, но ихъ замокъ одолѣть не смогъ, такъ какъ камневержцы (Steinschleuderer) были въ немъ и убивали много Русскихъ и Эстовъ. Странно, что это, якобы эстонское, мѣсто Датчанамъ такъ понравилось, что «Lyndanise» сдѣлался Датскимъ городомъ. Но этого мало. Въ 1850-хъ годахъ, въ журналѣ «Inland», Крейцвальдъ, Шифнеръ, Нейсъ и др. знатоки эстонскаго языка печатали рядъ изслѣдованій о Ревелѣ и Линданисѣ и пришли къ такому результату, что объясненіе Крузе изъ эстонскаго отъ Линды, матери Калевидовъ, и nisa грудь (изъ слезъ Линды, по словамъ легенды, образовалось озеро на Вышгородѣ) не выдерживаетъ критики. Равнымъ образомъ невѣроятно производство названія этого отъ lind, lin, городъ и danis, датчанъ, какъ бы изъ Tānalin, Tallin на оборотъ. Не входя въ окончательное разъясненіе другого названія Ревеля у нынѣшнихъ Эстовъ, Tallin и Tal'l'ilin, какъ Видеманъ и Гуртъ выражаются «angeblich aus Tānilin», мы вспомнимъ только, что на балтійскомъ прибрежьѣ и Норвегіи есть нѣсколько названій мысовъ на näs, nes, nis, напр. *Domesnäs* (у Ливовъ Kuolka nassa мысъ ливской деревни Колки), *Tialda*-nes, *Engils*-nes, и наконецъ *Lindis*nes (южный мысъ Норвегіи). Послѣднее названіе извѣстно изъ школьной географіи, и изъ Etymologisches Wörterbuch geografischer Namen, изданнаго А. Томасомъ въ Бреславлѣ въ 1883 г., мы узнаемъ: Lindésnaes, das südlichste Kap Norwegens, bedeutet nach L. v. Buch Lindenkap т. е. мысъ липъ. Эгли, оспаривая это производство, говоритъ: «невѣроятно, чтобы на отлогихъ обрывахъ скалъ этихъ береговъ росли липы или когда нибудь обрѣтались». Болѣе древнія формы «Линдеснеса» слѣдующія: Lidandesnaes и Lidandisnaes, что объяснять слѣдуетъ отъ *lidandi* Abhang, Absturz т. е. отрывистый берегъ, обрывъ.

Возвратимся теперь къ Виройской провинціи и эсто-лифляндскому берегу. По геогр. словарю Семенова IV, 280: городъ Ревель на южномъ берегу Финскаго залива, образующаго здѣсь Ревельскую бухту... основаніемъ Ревеля считается построеніе Вольдемара II на состоящей изъ нижне-силурійскаго известняка скалистой высотѣ *Domberg* или Вышгородской горѣ.

Собственно городъ раздѣляется на вышгородъ (Dom) и нижній городъ; оба вмѣстѣ имѣютъ форму неправильнаго треугольника. Крузе въ 1850 г. (Журн. мин. нар. просв. т. 67, II, 145) описываетъ Вышгородъ какъ скалистую гору среди долины; берегъ представляетъ равнину, а за ней подымается скалистый берегъ амфитеатромъ. Не былъ ли Линданиса тогда мысомъ «lidandis», крутой скалы Вышгорода, издали виднѣющагося мореплавателю, ищущему во время бури входъ въ Ревельскую бухту.

Мореплаватели скандинавы тогда бы еще до перестройки Датчанами древняго града «Revelensis» прозвали бы «Dom» или Вышгородъ мысомъ крутой скалы lidandi, а русская форма Лѣденецъ вм. Лѣйденесъ, свидѣтельствуетъ о томъ, что первоначально носового перваго слога не было. Наконецъ еще вопросъ, есть ли Ревель Датское refle, Riff, подводный камень, утесъ, и сюда ли относится reua (super reuam) у Лаппенберга (Hamburg. Urkundenbuch) и обозначаютъ kiwi-küla, Утесъ-городъ, Dom или Klint, reua-refl; Колывань отъ латышск. Kalwa Hügel; гора и lidandi (snaes) одно и то же.

Повидимому переходъ изъ Lidandis nis или Lidandesnes въ Lidandnes, Lidandnis, lidanis возможенъ; остается объяснить n въ Lindanisa аналогіею Норвежскаго названія, безъ романтической матери Калевидовъ Линды и посадки липъ въ Вышгородѣ. До сихъ поръ не привелъ я книги Нейса «Revals sämmtliche Namen» (1849 года), но для нашей цѣли въ немъ недостаетъ топографическаго описанія ревельскаго Клинта (датск. f. klint) или Глинта (нѣм. ф. швед.) и вида его съ моря. Топографическое имя (говоритъ Я. К. Гротъ, въ своей статьѣ о мѣст-

ныхъ названіяхъ) рѣдко бываетъ случайнымъ и лишеннымъ всякаго значенія. Въ немъ по большей части выражается или какой-нибудь признакъ самаго урочища или характеристическая черта мѣстности и т. д. Лучшее объясненіе города Колывани-Ревеля, кажется, Куникъ нашелъ въ Källawa, изъ саги о конунгѣ Дидрикъ, горѣ, въ которой жили два Карла, искусные кузнеца (см. Труды Грота II. 1899, стр. 203). Характеристичнымъ для мѣстности Revelensium provincia является *скала*, мысъ, по латышски kalws, лат. kalwas — холмъ, которая до сихъ поръ называется Glint, Domberg, Вышгородская гора. До основанія болѣе искусственнаго замка Вольдемаромъ на южномъ Виройанскомъ берегу Финскаго залива этотъ мысъ уже прозванъ былъ сѣверными мореходами «lidandi-nis» или lidanis, ничего общаго не имѣющій ни съ эстон. lind птица, или lin городъ, и слѣдственно съ сагою о матери Калевипоэга, которыя питаетъ и кормитъ у этой скалы, могилы *Калевы* массу людей. (Kalewig lies *Olew* eine Stadt bei der Gruft seines Vaters aufbauen und als später eine Menge Menschen daselbst Nahrung fanden, sprach Kalewipoeg: Nährt nicht der Ort seine Einwohner, wie eine Mutter seine Kinder etc.). См. Verhandlgen d. Gel. Estn. Ges. Bd. III, I. 1854.

Г. Ф. фонъ-Кейсслеръ въ своемъ сочиненіи «Окончаніе первоначальнаго русскаго владычества въ Прибалтійскомъ краѣ въ XIII столѣтіи», 1900, стр. 67, примѣч. 151, напрасно считаетъ названіе «Lyndanise» у Гейнриха недоразумѣніемъ, «потому что это слово обозначаетъ буквально — по эстонски укрѣпленіе (отъ старинной формы linda вм. linn, т. е. городъ, укрѣпленіе). Мнѣніе это, къ сожалѣнію, не основано на точномъ знаніи эстонскаго языка; съ нимъ не согласны ни Крейцвальдъ, ни другіе знатоки его. Въ «Mythische und magische Lieder der Ehsten, gesammelt und herausgegeben von Fr. Kreutzwald und H. Neuss», мы только нашли другую Лиданису сказочную, встрѣчающую въ трехъ народныхъ пѣсняхъ, изъ которыхъ двѣ записаны на островѣ Эзелѣ г. Лагусомъ. Въ пѣснѣ же, напечатанной у Крейцвальда и

Нейса Lindanissa (Läksin läbi Lindanissa) встрѣчается въ вполнѣ сказочной обстановкѣ «золотой земли» (Kullamaa). Юноша, взлелѣянный любимыми и кроткими родителями, попадаетъ по прошествіи извѣстнаго времени въ дубовыя рощи бога «Таара» (Тора) и ѣдетъ черезъ Линданиссу, гдѣ дѣвицы на него любуются. Въ пѣсняхъ, записанныхъ Лагусомъ, корабль отъ острова Кесселайдъ (Schildau) бурею уносится къ Рихкесаари, а оттуда отплываетъ на противоположный берегъ острова Мона къ пескамъ *Лалли*, подъ защиту скалы *Лагны* (Laagna), ближе къ *Линданиссѣ*. Предположеніе о невѣрности записей,—по мнѣнію коментаторовъ, Линданисса вмѣстѣ *Лалли*, и указаніе на форму Litnanas (названіе села) въ Liber census Daniae,— не выдерживаетъ критики. Наконецъ еще тамъ же, на стр. 59, сообщается, что Латыши, говорящіе по эстонски, употребляютъ вмѣсто формы lin=городъ, форму *linda*. Латышское произношеніе ничего не доказываетъ въ пользу существованія формы *linda* вмѣсто *lin*, и оттого болѣе вѣроятнымъ должно считаться происхожденіе этого названія изъ скандинавскихъ языковъ.

Нейсъ въ своей брошюрѣ выписалъ какъ Motto, «Hübsch Kind hat viele Namen», извѣстную лифляндскую пословицу. Но если вѣрить сопоставленію г. Милюкова Лѣденецъ—Лиденесъ—Линданисса, то къ славѣ Ревеля прибавляется еще новая—о знаменитомъ Ледянъ-городѣ моря Верейскаго.

Э. Вольтеръ.

Prešernov Album 1800—1900 (Ljubljanski Zvon. 1900. XX. December).

Декабрьская книжка «Любляискаго Колокола» посвящена вся сплошь Прешерну [1]) въ память столѣтія со дня его рожденія (3 декабря н. ст. 1800 г.). Она состоитъ изъ статей, повѣстей и стихотвореній и, какъ говорится, «украшена» или, вѣрнѣе, снабжена рисунками различнаго достоинства. Изъ послѣднихъ прямо относятся къ Прешерну два его портрета и виды дома въ Вербѣ, гдѣ онъ родился, дома въ Кранѣ, гдѣ онъ умеръ, и его памятника на краньскомъ кладбищѣ. Составъ сборника слѣдующій.

1) Предварительная замѣтка редакціи о происхожденіи «Прешернова Альбома».

2) «Прешерну къ столѣтней годовщинѣ его рожденія» (Prešernu ob stoletnici njegovega rojstva)—стихотвореніе редактора, Антона Ашкерца (стр. 718—720, по счету съ начала года), изображающее судьбу и значеніе Прешерна отчасти въ тѣхъ ббразахъ, которые редакторъ-поэтъ употребилъ въ своей драматической сценѣ «Прешернъ въ гостинницѣ у Золотого Грозда».

3) «Францъ Прешернъ. 1800—1900»—рѣчь Райка Нахтигаля, сказанная на вѣнскомъ торжествѣ въ честь Прешерна 7 марта н. ст. (стр. 720—723). Прешернъ вступилъ на литературное поприще почти одновременно съ Пушкинымъ, Мицкевичемъ и Челаковскимъ. Хотя окружавшія его условія были очень неблагопріятны, онъ сразу двинулъ впередъ родную словесность, отчасти благодаря тому обстоятельству, что онъ былъ сыномъ плодотворной романтической эпохи. Онъ соединилъ въ себѣ романтизмъ нѣмецкій и байронизмъ съ чертами романскими и славянскими, широко пользуясь при этомъ народной поэзіей, и такимъ путемъ дошелъ до реализма, какъ Пушкинъ.

---

1) Прешернъ и его современники, упоминавшіе о немъ при его жизни, писали эту фамилію Preshérin или Preshérn; Левстикъ, графъ Антонъ Ауэрспергъ (Анастасій Грюнъ), Замхаберъ, П. Радичъ, Пенижекъ, Целестинъ—Preširen, Preschiren; теперь всѣ снова пишутъ Prešeren и признаютъ правописаніе и выговоръ съ і неправильными.

Отъ нѣмецкихъ романтиковъ онъ усвоилъ себѣ любовь къ разнообразію формъ, но отличается отъ нихъ болѣе глубокимъ, осмысленнымъ отношеніемъ къ каждой формѣ, особенно къ сонету. Онъ не присоединился къ иллирійцамъ не потому, чтобы былъ партикуляристомъ, а по убѣжденію въ несостоятельности ихъ мечтаній. Но онъ нисколько не чуждался славянской идеи. Во всякомъ случаѣ онъ былъ славяниномъ не менѣе, чѣмъ Пушкинъ, Мицкевичъ и Челаковскій, и своимъ сходствомъ съ ними въ этомъ отношеніи наглядно доказалъ, что славянское единство есть нѣчто реальное.

4) «Побольше Прешерна»! (Več Prešerna!) Ивана Пріятеля (стр. 724—732). Въ славянскомъ возрожденіи есть нѣчто высокое—прекрасное и трагическое. Послѣ Колларовыхъ пѣсенъ о прежнемъ и будущемъ счастьѣ Славянъ при ихъ единствѣ, за разработку и объясненіе той-же мысли дружно принялись дѣятели изъ разныхъ славянскихъ племенъ, нерѣдко соединяя въ одномъ своемъ лицѣ исторію, археологію, филологію и поэзію. Но вскорѣ обнаружилась тщетность этихъ широкихъ надеждъ на объединеніе всѣхъ славянъ, потому что интересы отдѣльныхъ племенъ были различны, да и большинство Славянъ не было готово къ выполненію такой высокой задачи. Тогда мысль о славянскомъ единствѣ вступила въ иную колею, болѣе тѣсную: русскіе славянофилы отождествили славянство съ православіемъ и потому рѣзко противоположили его инославному Западу; умѣреннѣе были иллирійцы, помышлявшіе о соединеніи лишь ближайшихъ славянскихъ племенъ относительно языка. Но и эти стремленія не привели ни къ чему осязательному, и все пошло по старому: Славяне продолжали жить внѣ общенія другъ съ другомъ, каждый народъ для себя. Но прежнее обще-славянское движеніе все-таки не пропало даромъ: оно сообщило Славянамъ одушевленіе и указало цѣль впереди. Наступилъ чередъ холоднаго разума и усиленнаго труда. Вѣрнѣе всѣхъ своей прежней точкѣ зрѣнія остались Чехи: хотя и между ними были энтузіасты, мечтавшіе о всеславянствѣ, большинство ихъ съ самаго начала было за самостоятельность отдѣльныхъ славянскихъ племенъ, что̀ объясняется ихъ исторіей. Всеславянствомъ увлекались и Словѣнцы, а еще болѣе—иллиризмомъ; но противъ послѣдняго рѣшительно высказался Прешернъ. Причины этому могли быть разныя, между прочимъ то, что онъ не владѣлъ хорватскимъ языкомъ въ такой мѣрѣ, чтобы свободно писать на немъ, да и поздно было перемѣнять языкъ своей поэзіи послѣ столькихъ произведеній на родномъ языкѣ; но одною изъ главныхъ причинъ было, конечно, ясное сознаніе приниженности Словѣнцевъ,

которые послѣ многовѣкового рабства нуждались прежде всего въ развитіи своего самосознанія, въ поднятіи своего народнаго духа, а такой переворотъ въ умственномъ и нравственномъ состояніи немыслимъ безъ самодѣятельности. Въ этомъ Прешернъ сошелся съ Чехами. Такъ какъ языкъ родной, естественный, не навязанный извнѣ, какимъ былъ бы для Словѣнцевъ иллирскій, представляетъ собою самый духъ народа, что̀ Прешернъ сознавалъ съ полною ясностью, онъ никакъ не хотѣлъ согласиться на то, чтобы его земляки отказались отъ своей рѣчи въ пользу чужой [1]). Что въ усвоеніе всѣми Славянами одного письменнаго языка онъ не вѣрилъ, высказано имъ вполнѣ опредѣленно въ письмѣ ко Вразу отъ 25 іюля 1837 г.; не вѣрилъ онъ и въ успѣшность борьбы толпами, хоть невѣжественными, какую проповѣдовали приверженцы всеславянства, и возлагалъ надежды на успѣшное сопротивленіе чужеземщинѣ только со стороны образованнаго народа, а такъ какъ, по выраженію Палацкаго, «разработка мысли безъ разработки рѣчи есть чистая безсмыслица», онъ настаивалъ прежде всего на облагороженіи родного языка, о чемъ свидѣтельствуетъ то-же письмо. Такимъ образомъ Прешернъ, опередивъ большинство своихъ современниковъ, полагалъ силу въ развитіи особи. Но взаимное общеніе славянскихъ народныхъ особей Прешернъ находилъ желательнымъ въ видахъ пользы каждой изъ нихъ. Потому онъ поощрялъ Враза къ переводамъ изъ Мицкевича, выражалъ Челаковскому свою радость по поводу горячей дѣятельности Чеховъ, высказывалъ свое сочувствіе общему славянскому дѣлу и въ стихотвореніяхъ и въ письмахъ, изъ которыхъ одно, ко Вразу, отъ 26 октября 1840 г., подписалъ такъ: «Твой и славянства искренній другъ докторъ Францъ Кс(аверій) Прешернъ». Съ удивительной прозорливостью Прешернъ разомъ сталъ на ту точку зрѣнія, что

---

1) Стоитъ отмѣтить объясненіе извѣстной Прешерновой эпиграммы на Станка Враза:

> Меньше народовъ другихъ по числу и почету Словѣнцы;
> Выгодъ и славы не здѣсь можно писателю ждать.
> Victrix causa diis placuit, sed victa Catoni:
> Станко—словѣнскій бѣглецъ, Вразъ—на изнанку Катонъ.

Авторъ статьи думаетъ, что эта злобная выходка противъ друга и даже «побратима» основана на письмѣ послѣдняго, писанномъ въ 1840 г., гдѣ онъ, уговаривая Прешерна присоединиться къ иллирійцамъ, указываетъ на малочисленность покупщиковъ словѣнскихъ книгъ. Такимъ сопоставленіемъ, если оно вѣрно,—а вѣроятно оно въ высшей степени,—опредѣляется и время этой эпиграммы.

не на смѣну будто-бы одряхлѣвшему романо-германству призваны Славяне, какъ учили тогдашніе панслависты, особенно русскіе славянофилы, а на культурную работу объ руку съ западными народами. «Я желаю (такъ заключаетъ Прешернъ это письмо) не только панславизму, но и пан-иллиризму всякаго благополучія, однако думаю, что все выросшее слѣдуетъ оставить на мѣстѣ до дня жатвы, чтобы Господь (τὸ πᾶν) могъ въ день судный отдѣлить доброе отъ злого». И такъ нужны усиленные труды въ каждомъ славянскомъ народѣ, а не мечты обо всѣхъ славянскихъ народахъ [1]).

5) Стихотвореніе Э. Гангля «Прешерну» (стр. 732): онъ—пробудитель своего народа: отправившись отъ идеала и пришедъ къ нему-же, онъ заслужилъ безсмертіе.

6) «Незамужняя мать» (Nezakonska mati) — доктора Фр. Збашника (стр. 733—735)—литературный разсказъ, выводящій Прешерново стихотвореніе подъ этимъ заглавіемъ изъ его отношеній къ возлюбленной (Аннѣ Еловшекъ).

---

1) Да не посѣтуютъ читатели на это особенно обстоятельное извлеченіе изъ статьи даровитаго Прешернова земляка: она заслуживаетъ этого не только своими достоинствами, въ которыхъ, по крайней мѣрѣ, что касается содержанія, они могли убѣдиться даже изъ сухого извлеченія, но и служитъ краснорѣчивымъ отвѣтомъ на раздающіяся противъ Прешерна обвиненія въ равнодушіи къ славянству и къ родинѣ. Правда, его собственные «Органистъ» и конецъ сатиры «Новая литературная школа» могутъ служить отвѣтомъ на упреки въ повиновеніи только личнымъ поэтическимъ наклонностямъ и въ служеніи чистому искусству безъ непосредственнаго примѣненія ко злобамъ дня, какъ и Пушкинскій разговоръ поэта съ чернью, но ни Прешерну, ни Пушкину не приходилось обороняться въ частности отъ нареканій за то, что они не принесли своего дарованія на алтарь отечества, отказавшись отъ составленія стихотворнаго руководства къ патріотизму. Въ статьѣ г. Пріятеля убѣдительно доказано, что Прешернъ стоялъ выше своихъ современниковъ и заглядывалъ въ будущее гораздо дальше, чѣмъ они; странно обвинять человѣка въ томъ, что онъ не оказался на высотѣ положенія, не принизившись до уровня большинства! Чтò обязательно учителю, даже пожилому, передъ неразумными дѣтьми (да и то не по отношенію къ ихъ желаніямъ), того такъ-же нельзя требовать отъ геніальнаго поэта, какъ отъ боговдохновеннаго пророка. Если онъ терпитъ участь Кассандры, не его вина; но больно вчужѣ,—не за него, конечно,—если онъ подвергается этой участи и тогда, когда послѣдствія вполнѣ подтвердили его прозорливость. Кто свою дѣятельность сообразуетъ съ потребностями одного настоящаго, приноситъ пользу, ограниченную даннымъ временемъ и даннымъ мѣстомъ, а кто настоящему и частному, какъ-бы то и другое ни привлекало къ себѣ его вниманіе, не позволяетъ заслонить предъ его умственнымъ взоромъ будущее и общее, тотъ сохраняетъ свое значеніе на долго, если не на всегда, и пріобрѣтаетъ своимъ сородичамъ подобающее положеніе среди человѣчества.

7) «Пѣсня молодежи 3 декабря 1900» (Pesem mladine 3 Decembra 1900)—стихотвореніе одного изъ любимѣйшихъ молодыхъ поэтовъ, Отона Зупанчича (стр. 736—737): прославленіе Прешерна, впрочемъ лишь косвенное, какъ одного изъ провозвѣстниковъ той цѣли, къ которой бодро стремится нынѣшнее молодое поколѣніе.

8) «Тоска. Безсмертнымъ манамъ Прешерновымъ посвящаетъ Фр. Кс. Мѣшко» (Hrepenenje. Nesmrtnim manom Prešernovim posvečuje Fr. Ks. Meško, стр. 738—746) — очень недурной разсказъ, соприкасающійся съ Прешерномъ, помимо посвященія, только тѣмъ, что герой, а потомъ и героиня читаютъ его сонетъ «Memento mori».

9) «Прешерново еще не напечатанное стихотвореніе и кое-что другое» (Prešernova še nenatisnjena pesem in drugo) извѣстнаго градецкаго профессора, доктора Григорія Крека (стр. 747—753). Нѣсколько лѣтъ тому назадъ этотъ ученый получилъ отъ своего тогдашняго слушателя, поляка Макса Гумплёвича, письма Корытка къ своей роднѣ, между которыми оказалось кое-что Прешерново, писанное отчасти его рукою, а именно, кромѣ уже обнародованныхъ двухъ нѣмецкихъ сонетовъ, словѣнское стихотвореніе безъ заглавія (34 Водниковскихъ двустопныхъ амфибрахіевъ), написанное 23 апрѣля 1836 г. къ какой-то юной красавицѣ Пéпицѣ; нѣмецкое стихотвореніе «Возлюбленная и я» (Die Geliebte und ich—16 осьмистопныхъ трохеевъ), гдѣ онъ поручаетъ возлюбленной отвѣчать на вопросы о немъ, что своей поэтической славой и нравственной доблестью онъ обязанъ исключительно ей, и что духъ вѣчной любви ведетъ міръ къ лучшей будущности, а самъ онъ на такіе-же вопросы о ней будетъ отвѣчать, что его возлюбленная есть свобода, за которую онъ готовъ пожертвовать жизнью; нѣмецкое стихотвореніе «Въ обществѣ» (In der Gesellschaft—20 четырехстопныхъ и трехстопныхъ ямбовъ, впрочемъ первый стихъ трохаическій) того-же года, съ помѣтой «напечатано» (abgedruckt; но гдѣ?): поэтъ, въ увлеченіи своими мечтами о высокихъ достоинствахъ рода человѣческаго, хотѣлъ прижать къ сердцу руку своего сосѣда, чѣмъ навлекъ на себя подозрѣніе въ неблагополучномъ состояніи своихъ умственныхъ способностей со стороны этого совсѣмъ не восторженнаго господина; нѣмецкій сонетъ (изъ александрійскихъ стиховъ, но съ произвольной цезурой, какъ и въ переводахъ изъ Мицкевича и Корытка) безъ заглавія, писанный 21 апрѣля 1837 г.: восхищеніе игрой и личной привлекательностью какой-то піанистки; словѣнская «Надпись на Чоповой могилѣ» (Napis na Čopovem grobu—заглавіе чуть-ли не изъ посмертныхъ изданій) въ редакціи, одинаковой по формѣ съ извѣстной

раньше, но значительно отличающейся отъ нея фразеологически, и при томъ, вѣроятно, первоначальной; почти совпадающій со стихами VI 11—14 «Сонетнаго Вѣнка» словѣнскій эпиграфъ (4 пятистопныхъ ямба) къ длинному стихотворенію въ октавахъ «Словѣнцамъ» (Slovèncam) нѣкоего Милка, вѣроятно, того самаго, который писалъ подъ псевдонимомъ «Простославъ Милко»,—то и другое, судя по правописанію (чешскому), уже напечатанное въ какомъ-нибудь хорватскомъ журналѣ, скорѣе всего—въ Гаевой «Денницѣ» [1]). Къ словѣнщинѣ относится также пѣсня «Стремленіе» (Poželjenje), полу-народная, полу-искусственная, написанная метельчицей, письмо изъ Любляны отъ 27 марта 1832 г., вѣроятно, Чопово, содержащее въ себѣ разборъ Ярникова «Опыта этимологическаго словаря словѣнскаго нарѣчія во внутренней Австріи» (Versuch eines Etymologikons der slovenischen Mundart in Inner-Oesterreich, Klagenfurt 1832) и нѣсколько незначительныхъ произведеній Я. Зупана. Для біографіи Корытка важно объявленіе объ его смерти, въ которомъ сказано, что онъ скончался 31 января 1839 г. 25 лѣтъ отъ роду; слѣдовательно онъ родился въ 1813 г., а прибылъ въ Любляну въ 1837. Сборникъ изъ котораго проф. Крекъ извлекъ эти любопытные документы, къ сожалѣнію, пропалъ безъ вѣсти.

10) «Ненапечатанные Прешерновы стихи изъ Элизія» (Nenatisnjeni Prešernovi stihi iz Elizija) Т. Доксова (стр. 754—756)—17 эпиграммъ (одна въ формѣ сонета), на-перекоръ заглавію едва-ли разсчитанныя на подражаніе Прешерну, такъ какъ онѣ не похожи на подлинныя его произведенія даже въ томъ, что̀ легко поддается подражанію,—въ стихотворной формѣ, не говоря ужь о языкѣ, особенности котораго подмѣтить труднѣе.

11) «Прешернъ въ письмахъ современниковъ»(Prešeren v pismih sodobnikov) редактора юбилейнаго изданія Прешерновыхъ стихотвореній (въ Люблянѣ, 1900, у Клейнмайра и Бамберга), Луки Пинтаря (стр. 757—768)—извлеченіе изъ Чоповой переписки, хранящейся въ Люблянской Лицейской библіотекѣ. Изъ писемъ къ Чопу наибол-

1) Изъ этого стихотворенія здѣсь сообщена лишь первая строфа, но и въ ней есть соприкосновенія съ Прешерномъ: ст. 2 «Viharji jezni silniso vtihnili»—«Сонетный Вѣнокъ» VII, 14 и VIII, 1 «Viharjev jeznih mrzle domačije»; ст. 3 «In kál poganja sème čvèrsto, krásno»—тамъ-же II 14 и III 1 «Iz sèrca svòje so kali pognale»; ст. 7: «Stebrè Slovenstva stáre de b' podpèrli»—«Крещеніе при Савицѣ» ст. 17: Na tlèh ležé Slovénstva stèbri stári» Ст. 2 можно сравнить также съ сон. 3 ст. 8 «potihne šúm vihárja» и Крещеніе при Савицѣ ст. 12 «Potihnil ti vihár ni v pèrsih bója».

шую важность представляютъ письма его младшаго брата Ивана (Ianez) отъ 1831—1833 г. изъ Милана и 1833—1834 г. изъ Вѣны; по-нѣмецки, по-итальянски и по-словѣнски. Этотъ умный и даровитый молодой человѣкъ выказываетъ живой интересъ къ «Пчелкѣ» (Zhbeliza) и къ Прешерну, котораго сонеты и газели приводятъ его въ восторгъ. Изъ его замѣчаній видно, что сонетъ «Мнѣ снилося» (Sanjalo se mi je), напечатанный лишь въ 1847 г., былъ написанъ въ началѣ 30-ыхъ годовъ [1]), а «Сонетный Вѣнокъ»—не позже 1834 г.

12) «Memento mori» Іосифа Костаньевца (стр. 769—770)—разсказъ на тему о поводѣ къ сочиненію сонета подъ этимъ заглавіемъ.

13) «Еще не напечатанная Прешернова эпиграмма» (Še nenatisnjen epigram Prešernov), варшавскаго профессора Владиміра Францева (стр. 771). Въ бумагахъ Изм. Ив. Срезневскаго оказалось написанное въ 1841 г. Прешерномъ ему на память словѣнское стихотвореніе изъ 5 четырехстопныхъ трохеевъ, въ которомъ поэтъ проситъ его вспомнить на родинѣ о «братьяхъ около Савы».

14) «Маленькая перчаточница» (Mala rokavičarica), Франа Говѣкаря (стр. 772—783)—полу-историческій, полу-беллетристическій живой разсказъ о знакомствѣ Прешерна съ Анной Еловшекъ, тогда еще дѣвочкой, состоявшей при дѣтяхъ доктора Хробата, хозяина юридической конторы, въ которой служилъ Прешернъ, о сближеніи ихъ въ 1838 г. и о судьбѣ Анны по смерти Прешерна, когда она едва снискивала себѣ пропитаніе перчаточнымъ мастерствомъ, до ея кончины въ 1875.

15) «Прешернъ у Славянъ» (Prešeren med Slovani) Янка Шлебингера (стр. 783—788). Первый за предѣлами словѣнской земли обратилъ вниманіе на Прешерна Челаковскій, указавшій въ отзывѣ о первыхъ двухъ книжкахъ «Пчелки» на его выдающееся дарованіе и переведшій нѣсколько его стихотвореній; за нимъ, у Чеховъ же, Пенижекъ, который въ 1882 г. издалъ переводъ многихъ Прешерновыхъ стихотвореній. Изъ Русскихъ М. Петровскій перевелъ два стихотворенія и Лѣсковецъ восемь, оба не вполнѣ удачно; готовится (теперь уже вышедшій) переводъ Ѳ. Корша. На сербо-хорватскій языкъ изъ Прешерна перевели Станко Вразъ три стихотво-

---

1) Такъ говоритъ авторъ статьи; но извѣстіе объ этомъ сонетѣ встрѣчается въ письмѣ отъ 2 мая 1834 г., и едва-ли можно утверждать, что онъ былъ написанъ значительно раньше, а вѣроятность его связи съ «Сонетнымъ Вѣнкомъ», существованіе котораго засвидѣтельствовано уже 1 марта 1834 г., заставляетъ думать, что онъ относится именно къ этому году.

ренія,—очень удачно, Милутинъ—одно (поэму «Крещеніе при Савицѣ»)—плохо; о жизни поэта писали по-хорватски Захарій, Целестинъ и Трстенякъ (Словѣнцы) по словѣнскимъ трудамъ, не прибавивъ къ нимъ ничего новаго.

16) «Соціальныя задачи у Прешерна» (Socialni problemi v Prešernu) доктора Ивана Жмавца (стр. 788—800). Авторъ этого очерка, обошедъ біографію и переписку, изслѣдуетъ только стихотворенія. Когда Прешернъ поступилъ въ университетъ, Нѣмцы, по примѣру Англичанъ, усиленно принялись за хозяйство въ широкомъ смыслѣ этого слова. Привыкшій въ деревнѣ къ естественному хозяйству и самымъ простымъ экономическимъ отношеніямъ, онъ былъ пораженъ въ городѣ господствомъ денегъ, бравшихъ верхъ надъ личными достоинствами. Отсюда его разочарованіе въ окружавшей его культурѣ. Но важность труда, направленнаго на поднятіе народнаго благосостоянія, онъ понималъ, какъ и необходимость обращенія капитала. Онъ сочувствовалъ ассоціаціямъ и поддержкѣ старыхъ и убогихъ членовъ общества. Однако при сильно развитыхъ соціальныхъ инстинктахъ онъ былъ, какъ Гёте, индивидуалистомъ. Потому, желая процвѣтанія всему Славянству, онъ не хотѣлъ поступиться самостоятельностью своего народа.

17) «Прешернъ у Сербовъ» (Prešeren u Srba) бѣлградскаго гимназическаго профессора Андрея Гавриловича (по-сербски — стр. 800 —804). Помимо статьи Трстеняка (см. выше 15), есть біографическіе очерки самого Гавриловича и Николая Шумони и переводъ осьми стихотвореній — «вотъ и вся жатва», заключаетъ авторъ свой перечень, прибавляя къ нему надежду на будущее...

18) «Нѣчто о текстѣ Прешерновыхъ стихотвореній» (Nekaj o tekstu Prešernovih pesmi) Ѳ. Корша (стр. 805—810). Прешерновы стихотворенія изданы до сихъ поръ три раза: самимъ поэтомъ въ 1847 г., Юрчичемъ и Стритаремъ (т. е. на самомъ дѣлѣ Левстикомъ) въ 1866 и Пинтаремъ въ 1900. Первое изданіе неполно; второе дополненное, искажено произвольными перемѣнами; третье, самое полное, приближено къ подлиннику, но непослѣдовательно. Оба послѣднія изданія держатся, повидимому, не столько рукописи (такъ называемой «цензурной»), сколько перваго изданія, въ которомъ однако встрѣчается кое-что такое, что̀ идетъ, очевидно, не отъ самого поэта. Таковы нѣкоторыя ударенія, противорѣчащія размѣру (и потому отчасти измѣненныя Левстикомъ), кромѣ двух- и трехсложныхъ прилагательныхъ передъ существительными, гдѣ Прешернъ довольствовался какъ-бы однимъ удареніемъ, именно на существительномъ,

далѣе—пропускъ стиховъ и словъ. Если даже допустимъ, что эти погрѣшности, хоть едва-ли всѣ, находятся въ рукописи [1]), все-таки странно, что о нихъ не упоминаетъ ни одинъ издатель. Введеніе новаго правописанія разстроило первый стихъ 18-й эпиграммы (Prijátelj вмѣсто Pèrjátel въ метрическомъ гекзаметрѣ). Писателей, устарѣвшихъ по языку, но все еще привлекающихъ къ себѣ своимъ содержаніемъ, слѣдуетъ издавать въ двоякомъ видѣ: для большинства—съ перемѣнами, какихъ требуетъ современный нашъ языкъ, однако не такими, которыми разрушалась бы форма, а для ученыхъ—безо всякихъ отступленій отъ подлинника [2]).

19) «Въ часъ одиночества» (V samotni uri) Эрнестины Еловшекъ, Прешерновой незаконной дочери (стр. 811—813)—воспоминанія о Прешернѣ, отчасти лирическаго характера и скудныя содержаніемъ, такъ какъ и тѣ факты, которые въ нихъ приводятся, основаны чуть-ли не на разсказахъ матери.

20) «Четыре Прешерновыхъ стихотворенія на русскомъ языкѣ» (Štiri Prešernove pesmi v ruskem jeziku) въ переводѣ В. Н. Щепкина (стр. 814—817): «Куда?» (амфибрахіями вмѣсто ямбовъ подлинника), «Ученикъ» (безъ соблюденія ассонанса), «Нетлѣнное сердце» (въ формѣ подлинника), «Утраченная вѣра» (также, но съ произвольной примѣсью женскихъ риѳмъ). Переводъ поэтиченъ и вообще по большей части удаченъ.

21) «Прешерново вліяніе на Станка Враза» (Prešernov utjecaj na Stanka Vraza) загребскаго профессора Миливоя Шрепля (по-сербохорватски, стр. 818—826). Прешернъ—поэтъ образованный, и примѣры его подражанія западнымъ образцамъ со временемъ еще умножатся, когда будутъ выяснены вполнѣ, напр. отношеніе его «Лѣкарства отъ любви» къ «Die Wallfahrt nach Kevlaar» Гейне и его «Рыбака» къ «Lorelei» [3]). Но эта доля зависимости отъ иноязыч-

---

1) Это допущеніе, по крайней мѣрѣ относительно нѣкоторыхъ мѣстъ, оказалось вѣрнымъ, но наряду съ этимъ подтвержденіемъ разсмотрѣніе «цензурной рукописи» обнаружило такія отличія перваго изданія отъ этого рукописнаго текста, что ихъ взаимное отношеніе еще подлежитъ изслѣдованію.

2) Не только въ интересѣ дѣла, но и потому, что по поводу Пинтарева изданія былъ поднятъ вопросъ о порядкѣ стихотвореній (А. Ашкерцемъ въ «Люблянскомъ Колоколѣ»), это требованіе можно было-бы пополнить замѣчаніемъ, что въ популярныхъ изданіяхъ предпочтительно расположеніе по родамъ, а въ научныхъ—по хронологіи,—конечно, если къ тому нѣтъ препятствій со стороны количества или качества матеріала.

3) На нѣкоторое, хотя весьма общее, сходство первыхъ двухъ стихотво-

ныхъ поэтовъ не мѣшала въ немъ ни народности, ни оригинальности. За то горячимъ почитателемъ Прешерна былъ молодой Вразъ. Вслѣдъ за Уландомъ и другими нѣмецкими романтиками оба они задумали дать своимъ балладамъ содержаніе изъ славянской народной поэзіи или исторіи. Матеріалъ перваго рода они оба собирали изъ народныхъ устъ, а второго—черпали изъ Валвасоря. Вразъ подражалъ Прешерну въ балладахъ; но возможно, что и сонетную форму онъ заимствовалъ у него. «Крещеніе при Савицѣ» также возбудило въ немъ соревнованіе, которое впрочемъ ни къ чему не привело. Вопросъ объ иллиризмѣ въ сущности не мѣшалъ добрымъ отношеніямъ между обоими поэтами, особенно въ началѣ; но и потомъ, послѣ злой эпиграммы на Враза, Прешернъ не только посылаетъ ему изданіе 1847 г., гдѣ она напечатана, но и указываетъ на нее по поводу опечатки во Вразовомъ имени, и дѣлаетъ это самымъ дружескимъ тономъ. Да и сочувствіе Враза всему словѣнскому было такъ очевидно, что Прешернъ не могъ считать его измѣнникомъ. Сколь ни различны были ихъ точки зрѣнія, оба они сходятся въ мысли о братствѣ всѣхъ народовъ. Какъ Вразъ смотрѣлъ на Прешерна съ великимъ уваженіемъ, такъ Хорваты почитаютъ его и въ наши дни.

22) «Прешернъ у Нѣмцевъ» (Prešeren med Nemci) доктора Фр. Видца (Vidic, стр. 826—839. Прешернъ самъ переводилъ свои стихотворенія (9) и чужія (1 Мицкевича и 1 Корытка) на нѣмецкій языкъ и даже сочинялъ по-нѣмецки (больше 20), вѣроятно, для того, чтобы найти одобреніе со стороны Нѣмцевъ, когда не нашелъ его у земляковъ. Кромѣ того переводили отдѣльныя стихотворенія Августъ Димицъ (7 и краткіе очерки жизни Водниковой и Прешерновой), его братъ Лудвигъ (11 и статья о Прешернѣ), Фунтекъ (1?), Гермоникъ (3), Мельцеръ (1), графъ Паце (17 кромѣ еще не напечатанныхъ), Пеннъ (15 и нѣсколько біографій Прешерна), Прешернова ученица, дочь Хробата, Луиза Песьякова (12), баронъ Пинно (1 ?), Рицци (3 и критическая статья), Рудольфъ (11), Замгаберъ (Samhaber), авторъ книжки «Preširenklänge» (1880 г.), состоящей изъ біографіи съ вплетенными въ нее образцами, неизвѣстный въ Laibacher Zeitung 1866 г. (1). Но число переведенныхъ стихотвореній оказывается значительно меньше суммы указанныхъ переводовъ,

---

реній указано въ русскомъ переводѣ Прешерна, но та-же черта отмѣчена и въ словѣнской народной пѣснѣ (стр. LIII); что до «Рыбака», то, какъ показано тамъ-же (стр. LIX), онъ напоминаетъ скорѣе «Рыбака» Гёте и шестую строфу его-же «Утѣшенія въ слезахъ».

потому что нѣкоторыя стихотворенія были переведены по нѣскольку разъ, одно, «Утраченная вѣра», цѣлыхъ шесть разъ. Сверхъ того по разнымъ нѣмецкимъ журналамъ, между прочимъ въ «Moskauer deutsche Zeitung» (1881 г. 71—73), попадаются статьи о Прешернѣ.

23) «Прешернова роза» (Prešernova vrtnica) Радо Мурника (стр. 839—844)—беллетристическій разсказъ, въ которомъ Прешернъ даритъ розу одной дѣвушкѣ.

24) «Прешернъ у Шведовъ» (Prešeren med Švedi) Альфреда Енсена (стр. 845). Въ «Nordisk Tidskrift» за 1895 г. помѣщена статья того-же автора о Прешернѣ съ образчиками стихотвореній (9) въ его-же переводахъ, изъ которыхъ здѣсь приведенъ «Till skalden» («Пѣвцу»), съ подмѣной мыслей середней строфы.

25) «Прешернъ и критика» (Prešeren in kritika) профессора Фр. Илешича (стр. 846—847). Прешернъ былъ чрезмѣрно строгимъ критикомъ, потому что не терпѣлъ себѣ ровни. Снисходителенъ онъ былъ къ тѣмъ, кто его хвалилъ. Впрочемъ онъ былъ строгъ и къ себѣ [1]).

26) «Прешернъ у Итальянцевъ» (Prešeren med Italijani) Рутаря (стр. 847—849). Въ книгѣ Чámполи (Ciámpoli) «Letterature slave» (1889) есть нѣсколько строкъ о Прешернѣ, написанныхъ, очевидно, безъ непосредственнаго знакомства съ его поэзіей. На итальянскій языкъ переведено 12 Прешерновыхъ стихотвореній, въ томъ числѣ одно, сонетъ «Жизнь есть тюрьма», на фріульское нарѣчіе, нѣкоторыя раза по-два, по-три.

27) «Девять Прешерновыхъ стихотвореній на итальянскомъ языкѣ» (Devet Prešernovih pesmi v italijanskem jeziku) профессора въ Видинѣ (Udine) Ивана Тринко (стр. 850—854): «Подъ окномъ», «Куда?», «Незамужняя мать» («La madre illegittima»=non maritata?), «Поэту», и первый сонетъ, изъ «Сонетнаго Вѣнка» второй, седьмой, осьмой и девятый, переданные довольно близко—по романскимъ понятіямъ.

---

1) Эта короткая замѣтка извѣстнаго знатока родной письменности производитъ какое-то неопредѣленное впечатлѣніе: словно онъ не любитъ Прешерна, какъ человѣка, но не хочетъ въ этомъ признаться. Рѣшительнѣе онъ высказывается въ своей книжкѣ «Прешернъ и славянство» (Prešeren in slovanstvo), написанной съ глубокимъ знаніемъ дѣла и очень трезво—до заключенія, гдѣ трезвость замѣняется нѣкоторой страстностью при разборѣ отношенія Прешерна къ иллиризму, который и теперь еще имѣетъ приверженцевъ между Словѣнцами, преимущественно, повидимому, въ Штиріи. Взглядъ Илешича на Прешерна, какъ патріота, вполнѣ раздѣляетъ его рецензентъ, Перушекъ,

28) «Прешернъ, намѣченный въ редакторы литературной газеты» (Prešeren določen za urednika slovstvenemu listu) градецкаго профессора К. Штрекля (стр. 855—857). Послѣ Водниковыхъ «Люблянскихъ Вѣдомостей» (Lublanske Novice) у Словѣнцевъ долго не было никакой газеты, съ начала потому, что они не чувствовали потребности въ такомъ органѣ, а позже уже вслѣдствіе отсутствія разрѣшенія со стороны правительства. Въ мартѣ 1839 г. Трстенякъ, на основаніи сообщенія изъ Любляны, полученнаго, вѣроятно, отъ какого-нибудь студента богословія изъ его сверстниковъ, писалъ Цафу, что книгопродавецъ-издатель Іосифъ Бла[illegible]къ задумалъ издавать литературную газету и въ редакторы намѣтилъ Прешерна. Впрочемъ эта попытка не привела ни къ чему, конечно, по той-же причинѣ, какъ и прежнія.

29) «Прешерновъ портретъ» (Prešernova podoba) Фр. Лѣвца (стр. 857—860). Самый ранній Прешерновъ портретъ написанъ въ 1850 г. (т. е. годъ спустя по его смерти) люблянскимъ живописцемъ Курцемъ фонъ-Гольденштейномъ и теперь принадлежитъ автору этого сообщенія. Ему онъ былъ подаренъ въ 1883 г. Фр. Поточникомъ, скончавшимся въ 1892 г. Въ письмѣ при своемъ дарѣ Поточникъ разсказываетъ, какъ онъ, узнавъ о Прешерновой смерти, еще до похоронъ звалъ въ Крань, гдѣ онъ умеръ, его пріятеля, живописца Матвѣя Лангуса, но тотъ не поѣхалъ; потому онъ былъ очень радъ, услышавъ о существованіи портрета у фонъ-Гольденштейна, и немедленно купилъ его за 12 флориновъ. Съ этого портрета Блейвейсъ изготовилъ довольно плохую литографію. Съ него-же снялъ копію Папежъ, измѣнивъ по указаніямъ купца Дебевца выраженіе лица такъ, что всякое сходство утратилось. По свидѣтельству Поточника, Гольденштейново воспроизведеніе по памяти удачно относительно чертъ лица, но что касается выраженія, то онъ всю ту грусть, которую нашелъ въ нѣкоторыхъ стихахъ Прешерна, перенесъ на его лицо и тѣмъ придалъ ему плаксивый оттѣнокъ, чуждый подлиннику, лицо

въ январской книжкѣ «Люблянскаго Колокола», ставя ему при этомъ въ заслугу убѣдительность его возраженій тѣмъ, которые видѣли въ Прешернѣ политическаго вождя своего народа и мученика за него. Этой заслуги Илешича нельзя отрицать, но съ другой стороны—развѣ Прешернъ противопоставлялъ иллиризму только свое нерасположеніе къ нему? и развѣ онъ да Копитаръ, съ которымъ онъ къ тому-же не ладилъ и который жилъ въ Вѣнѣ, т. е., по тогдашнему, довольно далеко отъ мѣста дѣятельности иллирійцевъ, могли-бы воспрепятствовать распространенію иллиризма въ Крайнѣ, если-бы почва тамъ была для него благопріятна?

котораго выражало обыкновенно добродушную насмѣшку. И такъ, заключаетъ Лѣвецъ, принадлежащій ему, автору, портретъ есть тотъ самый, который написанъ фонъ-Гольденштейномъ, а не копія, какъ подозрѣвали нѣкоторые. А самый распространенный портретъ, который приложенъ книгопродавцемъ-печатникомъ Вагнеромъ къ изданію 1866 г., есть не что иное, какъ фотографія съ Прешерновой сестры, Катерины, нѣсколько передѣланная по устнымъ описаніямъ людей, его знававшихъ, особенно того-же Дебевца.

30) «Имя «Прешернъ» въ исторіи нашей литературы» (Ime «Prešeren» v naši literarni zgodovini) П. фонъ-Радича (P. pl. Radics—стр. 861—864). Въ Крайнѣ нерѣдки цѣлые роды, дающіе художественныхъ и литературныхъ дѣятелей. Однимъ изъ первыхъ и наиболѣе уважаемыхъ членовъ люблянской Academia Operosorum, основанной въ 1693 г. и сослужившей великую службу Крайнѣ распространеніемъ въ ней знаній и вкуса къ художествамъ, былъ Іоаннъ-Креститель (Ianez Krstnik=Johannes Baptista) Прешернъ, соборный протоіерей, дѣятельный участникъ при основаніи первой въ Люблянѣ публичной библіотеки, которой онъ пожертвовалъ свое богатое собраніе книгъ. Извѣстенъ въ качествѣ профессора искусствъ и философіи другой Прешернъ того-же имени, іезуитъ, авторъ учебниковъ греческой піитики (1714) и греческой риторики (1715). Въ 1728 г. въ Люблянѣ защищалъ свою диссертацію по философіи Іосифъ Матвѣй Прешернъ; она посвящена его родственнику, Іоанну-Крестителю Прешерну фонъ-Гельденфельду (pl. Heldenfeld), доктору juris utriusque и секретарю областного суда. Въ этомъ посвященіи упоминаются Яковъ Прешернъ, воинъ, погибшій при взятіи Буды въ 1686 г., и Бенедиктъ, отличавшійся гражданскими доблестями.

31) «Прешерновы стихотворенія и наши композиторы» (Prešernove pesmi in naši skladatelji) Фр. Гербича (стр. 865—868). Положено на музыку 18 стихотвореній, изъ которыхъ нѣкоторыя по нѣскольку разъ; всѣ изъ отдѣла «Пѣсни», кромѣ отрывка изъ «Крещенія при Савицѣ».

32) «Прешернъ въ школѣ» (Prešeren v šoli) доктора Іосифа Томиншка (стр. 869—873). Въ первой словѣнской хрестоматіи для среднихъ школъ, вышедшей черезъ годъ по смерти Прешерна, нѣтъ ни одного его стихотворенія, но съ 1852 г. въ хрестоматіи для второго класса, въ Миклошичевой, Блейвейсовой, Янежичевой и двухъ Скетовыхъ помѣщено 43 стихотворенія (со включеніемъ эпиграммъ), болѣе всего изъ отдѣла «Различныя стихотворенія». Можно и должно ввести въ школьный обиходъ и еще кое-что изъ Прешерна.

33) «Прешернъ въ новѣйшемъ чешскомъ изданіи» (Prešeren v najnovejši češki izdaji) Яромира Борецкаго (стр. 873—874). Авторъ готовилъ полный переводъ къ Прешернову юбилею, но другія дѣла ему помѣшали. Стихотворенія, болѣе искусственныя, ему было легче переводить, чѣмъ простыя. По свойству чешскаго ударенія ему доставили много хлопотъ дактилическіе и анапестическіе стихи. Затрудняла его иногда и риѳма, въ которой Чехи требовательнѣе Словѣнцевъ, часто довольствующихся въ мужескомъ окончаніи тождествомъ конечной гласной. Наиболѣе нравятся ему стихотворенія, выражающія страданія отъ несчастной любви и мрачный взглядъ на жизнь. Въ идейномъ отношеніи онъ ставитъ особенно высоко «Прощанье съ юностью». Образчики своего перевода онъ помѣщаетъ въ «Славянскомъ Обозрѣніи» (Slovanský Přehled) [1]).

34) «Мелкія замѣтки» (Drobni zapiski, стр. 875—876).

а) «Мое знакомство съ Прешерномъ» (Moje znanstvo s Prešernom) Лудовика Равникаря. Авторъ, будучи въ 1845 и 1846 г. гимназистомъ 7-го и 8-го классовъ, встрѣчался съ Прешерномъ по вечерамъ въ гостинницѣ, при чемъ гимназисты пѣли словѣнскія пѣсни, а Прешернъ читалъ имъ иногда свои новыя произведенія. Съ авторомъ, съ которымъ онъ былъ ближе по своему знакомству съ его отцемъ и по его отношеніямъ къ семейству доктора Хробата, онъ хаживалъ иногда на выпивку въ предмѣстье. Прешернъ производилъ очень пріятное впечатлѣніе: онъ былъ скроменъ, кротокъ, но охотникъ до веселья и шутокъ. Съ виду онъ былъ настоящій Горенецъ. Лучшій его портретъ тотъ, который приложенъ къ изданію 1866 г. [2]).

---

1) Судя по этимъ образчикамъ, можно поздравить Чеховъ съ самымъ удачнымъ переводомъ Прешерновыхъ стихотвореній изо всѣхъ доселѣ появившихся на какихъ бы то ни было языкахъ. Борецкій переводитъ близко и съ сохраненіемъ размѣровъ подлинника. Не его вина, если трехсложныя стопы (анапесты, дактили и амфибрахіи) выходятъ у него тяжеловатыми; онъ и самъ сознаетъ этотъ недостатокъ, какъ можно заключить изъ его словъ выше.

2) т. е., какъ говоритъ проф. Лѣвецъ (см. выше подъ 29) нѣсколько измѣненный портретъ Прешерновой сестры. Къ довершенію путаницы, въ бумагахъ Матвѣя Лангуса оказался портретъ въ профиль, признаваемый за Прешерновъ (см. на стр. 843 этого сборника), мало похожій какъ на Гольденштейновскій, такъ и на помѣщенный въ изданіи 1866 г. Недавно художественный критикъ «Люблянскаго Колокола» по поводу новаго бюста Прешернова далъ художникамъ совѣтъ условиться относительно наружности поэта, чтобы не оказалось наконецъ столько-же Прешерновъ, сколько межъ Словѣнцами есть живописцевъ и ваятелей.

б) «Поточниковъ дневникъ о Прешерновой смерти» (Potočnikov dnevnik o Prešernovi smrti) Фр. Лѣвца. О кончинѣ поэта Поточникъ узналъ на командировкѣ около Кронау. Онъ пріѣхалъ въ Крань 9-го февраля, а 10-го было погребеніе. При немъ присутствовали пріѣзжіе изъ разныхъ словѣнскихъ городовъ. Затѣмъ былъ поминальный обѣдъ въ гостинницѣ, на которомъ Бучарь читалъ сонетъ «О Верба...» и плакалъ; потомъ выпили въ память усопшаго.

в) «Прешернъ въ русскомъ изданіи» (Prešern v ruski izdaji) Ашкерца. Печатается переводъ Ѳ. Корша.

г) Еще не обнародованный нѣмецкій переводъ Прешерновыхъ стихотвореній, исполненный покойнымъ Штралемъ, съ соблюденіемъ размѣровъ подлинника, какъ сообщаетъ Ашкерцъ, присланъ сыномъ переводчика въ редакцію. Вообще онъ хорошъ, какъ относительно содержанія, такъ и по формѣ.

д) «Прешерновы гостинницы» (Prešernove gostilnice) С. Рутаря. Любимыя гостинницы Прешерна въ Люблянѣ—«Ягненка» (K jagnetu), «Австрійскаго императора» (Avstrijskega cesarja) и «Сближенія» (K združenju). Водился онъ между прочимъ съ «Паценкомъ Францемъ», бойкимъ и остроумнымъ малымъ, но предосудительнаго поведенія.

е) «Югославянская академія въ Загребѣ и Прешернъ» (Jugoslovanska akademija u Zagrebu in Prešeren). Историческо-филологическій отдѣлъ академіи будетъ праздновать 3-го января Прешернову память, при чемъ дѣйствительный членъ докторъ А. Мусичъ прочтетъ статью «Прешерново Крещеніе при Савицѣ» 1).

Таково содержаніе этого сборника, важность котораго состоитъ не только въ сообщеніи до сихъ поръ неизвѣстныхъ матеріаловъ, но и въ томъ, что онъ освѣжилъ нѣкоторые старые вопросы и поставилъ новые.

Ѳ. Коршъ.

---

1) Судя по отзыву Ашкерца (Ljublanski Zvon 1901 № 1 стр. 74), профессоръ Мусичъ представилъ въ этомъ чтеніи подробный эстетическій и экзегетическій комментарій къ поэмѣ, въ которомъ особенно останавливаютъ на себѣ вниманіе два положенія, удачно доказанныя ораторомъ: 1) что «Вступленіе» и главный разсказъ независимы другъ отъ друга, и 2) что Чертоміръ есть вполнѣ послѣдовательный характеръ. Весьма любопытно узнать доказательства перваго положенія; что касается второго, то съ нимъ безъ труда согласится всякій, кто въ характеристикѣ Чертоміра допуститъ другую погрѣшность, а именно то, что приписанныя ему понятія невозможны въ VII в. (ср. стр. LXVII русскаго изданія).

Перечень относящихся къ славяновѣдѣнію университетскихъ диссертацій, гимназическихъ программъ и т. п., вышедшихъ въ Австро-Венгріи и Германіи съ 1889 по 1899 г. [1])

Во многихъ научныхъ журналахъ Австро-Венгріи и Германіи изъ года въ годъ ведется обозрѣніе университетскихъ диссертацій, гимназическихъ программъ и т. п. брошюръ, за появленіемъ которыхъ въ свѣтъ весьма трудно слѣдить отдѣльнымъ лицамъ. Имѣется и особый библіографическій ежемѣсячникъ для этого рода изданій [2]).

Въ виду отсутствія въ русской научной литературѣ подобныхъ обозрѣній, предлагаемъ, въ видѣ опыта, перечень такихъ брошюръ за послѣдніе десять лѣтъ 1889—1899, захватывая отчасти и изданія 1888 и 1900 г. При составленіи перечня мы, главнымъ образомъ, пользовались упомянутымъ ежемѣсячникомъ Фока и годичными обозрѣніями программъ въ Mittheilungen des Instituts für österreichische Geschichtsforschung [3]) и въ Archiv für slavische Philologie И. В. Ягича.

Не имѣя подъ рукою большинства самихъ сочиненій, мы могли судить объ ихъ содержаніи только по заглавіямъ. Вслѣдствіе того въ перечень могли попасть брошюры, не представляющія научной цѣнности и даже, можетъ быть, не имѣющія прямого отношенія къ славяновѣдѣнію; но въ библіографіи излишекъ лучше неполноты. Съ другой стороны, однако, кое-что могло и ускользнуть отъ нашего вниманія.

Въ нѣмецкихъ изданіяхъ весьма часто невѣрно переданы славянскія заглавія брошюръ и собственныя имена. Мы старались по возможности возстановить правильныя славянскія формы. Точно также нѣмецкія названія городовъ, въ которыхъ напечатаны бро-

1) Редакція Извѣстій охотно приметъ всякія поправки и дополненія спеціалистовъ къ этому перечню. *Ред.*

2) *Bibliographischer Monatsbericht* über neu erschienene Schul und Universitätsschriften. (Dissertationen — Programmabhandlungen — Habilitationsschriften etc.) Herausgegeben von der Zentralstelle für Dissertationen und Programme von *Gustav Fock* in Leipzig. (I Jahrg. 18⁸⁹/₉₀—Leipzig 1890)

3) Die historischen Programme der oesterreich. Mittelschulen.

шюры на славянскихъ нарѣчіяхъ, мы замѣняли славянскими — такія, конечно, въ дѣйствительности и стоятъ въ оригиналѣ. При каждой брошюрѣ мы отмѣчали годъ и мѣсто изданія, а также, по возможности, число страницъ. Обыкновенный форматъ ихъ — 8°; поэтому нами указываются только иные форматы. Условныя сокращенія: P—Programm; D—Dissertation, H—Habilitationsschrift; G—Gelegenheitschrift; S—Seite.

Adamek, O., Beiträge zur Geschichte des byzantinischen Kaisers Mauricius. (582—602). I, II. P. Graz 1890, 1891. 32 S., 73 S.

Arndt, R., Die Beziehungen König Sigmunds zu Polen bis zum Ofener Schiedspruch 1412. D. Halle. 91 S.

Arnold, R. I., Tadeusz Kosciuszko in der deutschen Literatur. Berlin 1898. 44 S.

Arras, P., Regestenbeiträge zur Geschichte König Ludwigs II v. Ungarn u. Böhmen, zusammengestellt auf Grund der Urkunden, welche sich im Bautzner Ratsarchive vorfinden. P. Bautzen 1893. 25 S. 4°.

Askenazy, S., Die letzte polnische Königswahl. D. Göttingen 1894. 158 S.

Autrata, F. V., Spisovatelská družina kalendáře «Moravana», za leta 1852—1864 v básnictví a v povídkách. P. Uherský Brod 1899.

Banasch, R., Die Niederlassung der Minoriten zwischen Weser und Elbe im XIII Jahrh. D. Erlangen 1891. 57 S.

Baran, A., Ueber die Ausbreitung des Deutsch- und Christentums im heimischen Ufernoricum. P. Krems 1888.

Bareš, F., Šlechtické a erbovní rodiny v městě Boleslava Mladého v letech 1471—1620. P. Mladá Boleslav 1893. 49 S.

Becker, A., Napoleon und Ungarn 1809. P. Wien 1899.

Beltz, R., Zur ältesten Geschichte Mecklenburgs. P. Schwerin 1893, 31 S. 4°.

Berger, A., Urkunden-Regesten aus dem alten Bistritzer Archive. I 1203—1490; II 1491—1516; III 1517—1526. P. Bistritz 1893, 1894, 1895. 58 S.; 44 S.; 45 S. 4°.

Berlet, E., Die sächsisch—böhmische Grenze im Erzgebirge. Ein Beitrag zur politischen Geographie. P. Oschatz 1899.

Bežek, V., Jezik v Mat. Ravnikarja-Sgodbah svetoga pisma za mlade ljudi. P. Novo Mesto (Rudolfswerth) 1889. 42 S.

Bielohlawek, A., Ursachen und Verlauf der Kriegsereignisse in Böhmen im Jahre 1434. P. Braunau 1894. 48 S.

Blatt, G., Gwara ludowa we wsi Pysznica w powiecie Niskim. P. Kraków 1894. 74 S.

Blatt, G., Kleine Beiträge zur slavischen Lautlehre. I Ueber k. paragogicum, vorzüglich in den Mundarten der polnischen Sprache. II Einiges zur Epenthesis. P. Brody 1895. 29 S.

Blumer, I., Die Familiennamen von Leitmeritz und Umgebung. P. Leitmeritz 1896, 1898. 43 S.; 16 S.

Blumschein, G., Ueber die Germanisierung der Länder zwischen Elbe und Oder. P. Köln 1894. 16 S. 4°.

Bostel., F., Die Piotrkower Constitution vom J. 1525. (Ein Beitrag zur Geschichte des polnischen Handels). P. Lemberg 1890. 20 S.

Bothe, F., War die Rejection Ferdinands II von Böhmen (1619) berechtigt? D. Halle 1898. 47 S.

Braniš, I., Zbytky původní stavby augustianského kláštera v Borovanech. P. České Budějovice 1888.

Breitenbach, A., Das Land Lebus unter den Piasten. I. P. Finsterwalde 1890. 45 S.

Bretholz, U., Über unbekannte und wenig bekannte polnische Dichter des XVII Jahrh. D. Breslau 1897. 97 S.

Briebrecher, R., Der gegenwärtige Stand der Frage über die Herkunft der Rumänen. P. Hermannstadt 1897. 30 S.

Budinich, M., Lussingrande. Cenni storici (1. die griechische Zeit, 2. der Ursprung von Lussingrande und die Uskoken). P. Lussinpiccolo 1898.

Całczyński, I. K., Polska pogańska. Szkic antykwaryczny. P. Rzeszów 1891.

Callier, O., Probe eines polnisch-deutschen Supplement-Wörterbuches zu den Wörterbüchern von Linde, Bandtke, Mrongovius und Trojański zunächst aus den Werken des Mickiewicz zusammengestellt. P. Görlitz 1890. 18 S. 4⁰.

Ciszewski, S., Künstliche Verwandtschaft bei den Südslaven. D. Leipzig 1897. 114 S.

Černý, I., Dobroslav. Přispěvek k dějinám literatury české v první čtvrti XIX st. P. Roudnice (Raudnik) 1893. 16 S.

Černý, K. I., Desátá kniha Slavatóvych «Pamětí». P. Pardubice 1892.

Černý, K. I., Staročeská báseň o Laurinovi u její originál. P. Pardubice 1893. 32 S.

Daszkewicz, A., Ceva din trecutul orasu lui Suceava. (Etwas aus der Vergangenheit der Stadt Suczawa). P. Suczawa. 1899. 20 S.

Decker, A., Dějiny Avarů. P. Wittingen (? Wittingau-Třeboň) 1889. 81 S.

Deybeck, F., Die Politik Bayerns in der Zeit des polnischen Thronfolgekrieges (1733—35). D. München 1897. 68 S.

Dieterich, I., Die Polenkriege Konrad II und der Friede von Merseburg. H. Giessen 1896. 46 S.

Dittrich, P., Zur Geschichte der Prämonstratenser in Schlesien. P. Breslau 1900. 15 S. 4⁰.

Dolejšek, B., Královské město Uherské Hradiště a jeho mestský archiv. (Mit Verzeichniss der Urkunden im Stadtarchiv 1257—1853). P. Brno 1898.

Dolenský, I. V., Jan Cabelický ze Soutic, mincmistr na Horách Kutných mezi lety 1437—1457. P. Kutná Hora 1888.

Domluvil, E., Listiny, týkající se dávnověkosti města Meziřící nad Bečvou a okolí jeho. P. Valašská Meziřič 1889, 1891. 83 S.; 30 S.

Drażdżyński, S., Die slavischen Ortsnamen Schlesiens. Teil I. Kreis Leobschütz. P. Leobschütz 1890. XIX S. 4⁰.

Dvořák, B., Poměr císaře Fridricha III k Uhrům za krále Ladislava Pohrobka a Matiáše Corvina až po mir Šoproňský 1453—1463. P. Brno 1889.

Erber, T., Storia della Dalmacia dal 1797 al 1814 VI u. VII. (Continuazione e fine). P. Zara 1892. 74 S.; 39 S.

Ernst, H., Mecklenburg im XIII Jahrh. I Die Vasallen. P. Langenberg 1894. 33 S. 4⁰.

Firlej, R., Die Gerichtsverfassung Polens von Kasimir dem Grossen bis Sigismund August (1333—1572) I. D. Berlin 1892. 47 S.

Fischer, T., Heinrich der Löwe von Mecklenburg. I Seine Beziehungen zu Brandenburg. II Seine Kämpfe gegen Wismar und Rostock. D. Rostock 1889. 75 S.

Flajšhans, V., Spory Dobrovského s Thamem. P. Praha 1896. 21 S.

Frana, I., Waldštein a poměr jeho k císaři Ferdinandovi II. P. Mladá Boleslav 1888, 1889.

Gawlikowski, S., Beiträge zu einer Biographie des Nikolaus Rej von Naglowice. I. Die Vorfahren des Nikolaus Rej. II. Seine Jugend-Jahre. P. Brody 1899. 44 S.

Gebauer, J., Die Publicistik über den böhmischen Aufstand von 1618. I. D. Halle 1892. 30 S.

Gelcich, G., I conti di Tuhelj con-

tributo alla storia della Marina Dalmata ne'suoi rapporta colla Spagna. P. Ragusa 1889. 175 S. genealog. Tabellen u. Abbild.

Gelcich, G., Piero Soderini profugo a Ragusa. Memorie e documenti. P. Ragusa 1894.

Goerlitzer, M., Der husitische Einfall in die Mark im Jahre 1432 und die «Husitenschlacht» bei Bernau. I u. II. 1891, 1892. P. Berlin 21 S.; 15 S.

Gorzycki, K. I., Kwestya lennego zwierzchnictwa Polski do Pomorza za rządów Kazimierza Wielkiego. P. Lwów 1895.

Groh, K., Die Kämpfe mit den Avaren und Langobarden unter der Regierung Justins II. D. Halle 1889. 30 S.

Grolig, M., Die Cimburg zur Schwedenzeit. P. Brünn 1894. 15 S.

Grudziński, S., Leonore in Polen. P. Bochnia 1890. 37 S.

Guttmann, B., Die Germanisierung der Slawen in der Mark. D. Berlin 1895. 30 S.

Hamberger, J., Die französische Invasion in Kärnten in Jahre 1809. P. Klagenfurt 1892, 1894, 1896. 48 S., 47 S., 44 S.

Hammer, W., Ortsnamen der Provinz Brandenburg. I, II. P. Berlin 1894, 1895. 32 S., 30 S.

Hampl, V., Nastoupení Leopolda II na trůn rakouský a jednáni jeho o mir s Turky. P. Pardubice 1891.

Hampl, V., Stižnosti a žadosti stavů slezských r. 1790 a 1791. P. Rakowitz (? Rakonitz-Rakovník) 1894. 27 S.

Hampl, V., Upadek Uher v letech 1520—1530. P. Pardubice 1892.

Hartmann, R., Chrám sv. Jiljí ve Třeboni. P. Třebova 1888.

Hauer, V., Sekvencionář mistra Konrada z Beneśova u Opavy. P. Opava 1890. 8 S.

Heck, Pomniejsze źródła do dziejów literatyry i cywilizacyi polskiéj w XVI i XVII st. P. Stryj 1891.

Heck., I., Źródła do dziejów literatury i cywilizacyi polskiéi w XVI i XVII st. P. Stryj 1889, 1890.

Heck, W., Archiwa miejska Księstw Oświęcima i Zatora. P. Kraków 1891. 112 S.

Heck, W., Archivum miejskie w Wadowicach. P. Wadowice 1889.

Heinrich, A., Die Chronik des Johannes Sikeliota der Wiener Hofbibliothek. P. Graz 1892.

Hejnic, O., Chrám sv. Jana Nepomuckého v Kutné Hoře. P. Kutná Hora 1896.

Hejnic, O., Mor v Kutné Hoře r. 1713 a «Boži Muká». P. Kutná Hora 1898.

Hertzberg, H., Die historische Bedeutung des Donaulaufes, besonders des Ungarischen. P. Halle 1897. 17 S. 4⁰.

Heš, G., O působení Jana Viteže ze Zredna a Jiřího z Poděbrad ve volbě Matyáše Korvina za krále Uherského. P. Jindřichův Hradec. (Neuhaus) 1893.

Hoffmann, A., Kaiser Friedrichs III (IV) Beziehungen zu Ungarn in d. Jahren 1464—1477. Teil I bis 1470. P. Glogau 1900. 16 S.

Horčička, A., Das geistige Leben in Elbogen zur Zeit der Reformation. P. Prag 1895. 46 S.

Hovedissen, H., König Albrechts I Verhältniss zu Böhmen. D. Erlangen 1891. 73 S.

Ifland, Geschichte des Bistums Camin unter Conrad III 1233—1241. P. Stettin 1896. 24 S. 4⁰.

Ilešič, F, Gramatika in slovensko slovstvo. P. Lublana 1897. 14 S.

Ilitscheff, D. C., Ein Beitrag zur Geographie von Makedonien. D. Leipzig 1899. 47 S.

Ischirkoff, A., Südbulgarien. Seine Bodengestaltung, Bevölkerung, Wirtchaft und geistige Kultur. D. Leipzig 1896. VIII+79 S.

Ive, A., Die istrianischen Mundarten. P. Innsbruck 1893. 42 S.

Jäkel, I., Zur Frage über die Entstehung der Täufergemeinden in Oberösterreich (Täufer, Waldesier, mähr. Brüder). P. Freistadt 1895.

Jakubec, I., Předzpěv ke «Slávy dcera». P. Praha 1892. 13 S.

Jakubec, I., O shodách mezi Předzpěvem a prvními třemi zpěvy Slávy Dcery. P. Praha 1893. 10 S.

Janáček, E., O vzniku rakouského Slezska. P. Pelhřimov 1891.

Jansa, F., Piariste a jejich školy v Lipníku. P. Lipník 1896.

Jezdinský, F., Z říše Svantovidovy. Nástin poměrů ostrova Rujany. P. Vysoké Mýto 1897,

Joachimsohn, P., Die Streitschrift des Minoriten Gabriel von Verona gegen den Böhmenkönig Georg Podiebrad. P. Augsburg 1896. 48 S.

Juritsch, G., Geschichtliches von der kön. Stadt Mies in Böhmen. P. Mies 1895. 83 S.

Kaindl, R. F., Die Erwerbung der Bukowina durch Oesterreich. H. Czernowitz 1894. 25 S.

Kameníček, F., O účincích válek tureckých na Čechy a Moravu okolo roku 1600. P. Brno 1889.

Kasinowski, N., Beiträge zu einem Studium des Lustspieldichters Franciszek Zabłocki. P. Brody 1897. 48 S.

Katz, E., Der Gang der Erwerbung Kärntens durch die Habsburger und die sagenhaften Heereszüge der Margaretha Maultasche. (Schluss). P. St. Paul 1898. 30 S.

Kebric, V., Příjmení česká podle tvaru a původu. P. Domažlice 1892. 22 S.

Kempf, I., Geschichte des deutschen Zwischenreichs von 1256—1273. D. Würzburg 1893. 94 S.

Khull, F., Die Geschichte Palnatokis und der Iomsburger nach der jüngsten altnordischen Bearbeitung. P. Graz 1891, 1892. 32 S., 29 S.

Klecanda, J., Polsko a Čechy za válek husitských až do odchodu Sigmunda Koributa z Čech. P. Příbram 1891. 26 S.

Klusáček, J., Stará nástěnná malba z kostela špitalného v Polné. P. Brno 1895.

Knoop, O., Plattdeutsches aus Hinterpommern. II Fremdsprachliches im Hinterpommerschen Platt. P. Rogasen 1890. 26 S. 4⁰.

Kokorudz, E., Die wechselseitigen Beziehungen der altruthenischen Rechtsdenkmäler. I u. II (ruthenisch) P. Lemberg 1898 u. 1899.

Kolář, M., Rod pánů Švihovských z Rizenberka. P. Tábor 1892. 34 S.

Kolísek, P. A., Některé vzpomínky na českou vlast v Italii. P. Hodonín 1899.

Kopietz, Die geographischen Verhältnisse Schlesiens im Altertum. P. Frankenstein. 1890. 15 S. 4⁰.

Kosan, I., Slovenischer ABC—Streit mit besonderer Berücksichtigung des Danjko'schen Alphabets. P. Marburg. 1890. 31 S.

Košťál, I., Diví lidé v názorech, pověrách a zvycích lidu českého. P. Nový Bydžov 1889.

Košťál, I., Oheň v podání prostonárodním. P. Nový Budžov 1896. 12 S.

Kozłowski, E., Mikołaj Tungen. Spór o biskupstwo Warmińskie 1467—1479. P. Kraków 1896—1897. 31 S.

Koželuha, F., Paměti o školách Prostějovských od počátku až po bitvu Bělohorskou. P. Prostějov 1889.

Králíšek, A., Die Donauvölker Altgermaniens. Nach C. Tacitus und Cl. Ptolemäus. P. Brünn 1896.

Králíček, A., Die sarmatischen Berge, der Berg Peuke und Karpates des Claudius Ptolemaeus. Ein Beitrag zur Geschichte der Völkerwanderung I. P. Kremsier 1894. 27 S.

Králíček, A., Hercynia, Fergunna, Krkonoše. Ein Beitrag zur Geschichte der Völkerwanderung. P. Kremsier 1890 25 S.

Krasiński, A., Geschichtliche Dar-

stellung der Bauern-Verhältnisse in Polen und der wirthschaftlichrechtlichen Reformen im ersten Decennium der Regierung Stanislaus Augustus. (1764—1774). I, II, G. Krakau 1898, 183 S. 165 S.

Kristyniacki, L., O języku greckim pisarzy bizantyńskich w ogólności i o ich sposobie wyrażania imion słowiańskych w czczególności. P. Lwów 1890. 51 S.

Kruske, R., Georg Israël, erster Senior und Pastor der Unität Grosspolen. Ein Beitrag zur Geschichte der Reformatio in Polen. D. Breslau 1894. 67 S.

Kubeš, A., Některé prameny k dějépisu města(?)z dobu panů Osovských z Doubravice. P. Brno 1888.

Kunstovný. F., Nejdůležitější změny v vývoji zřízení uherského II. P. Praha 1888.

Kurpiel, A. M., Polityczne i społeczne przekonania Ignacego Krasickiego. P. Jarosław 1896. 39 S.

Kušar, M., Čakavske osobine u današńem dubrovačkom dijalektu. P. Dubrovnik 1889. 46 S.

Lang, P., Jazykovědecký rozbor Euchologia Sinajského. II. Tvarosloví. P. Přibram 1890. 53 S.

Le-Juge, V, V., Das galizische Tetraevangelium v. J. 1144. Eine kritisch-palaeographische Studie auf dem Gebiete des Altrussischen. D. Breslau 42 S.+VI.

Leniek, I., Historya kollegiaty tarnowskiej. P. Tarnów 1898.

Leniek, I., Kronika O. O. Bernardynów w Tarnowie. P. Tarnów 1894. 22 S,

Leniek, I., Materyały źródłowe do dziejów miasta Tarnowa. P. Tarnów 1897. 87 S.

Levec, F., Die Einfälle der Türken in Krain und Istrien. P. Laibach 1891. 58 S.

Linhart, I., Das Praemonstratenser-Stift Strahow und seine Aebte. P. Prag 1891. 35 S.

Linhart, F., O rode Petřvaldských. P. Místek 1899.

Łopiński, Materialien zur Geschichte von Samter. III Peter von Schamotuli.— Einige auf Samter bezügliche Urkunden. P. Samter 1892. 24 S. 4⁰.

Loriš, Staročeská píseň «O Arnoštovi». P. Králové Hradec 1892. 32 S.

Luckfiel, E., Der Sozinianismus und seine Entwicklung in Grosspolen. D. Halle 1892. 73 S.

Lulvés, I., Die Summa Cancellariae des Johann von Neumarkt. Eine Handschriftenuntersuchung über die Formularbücher aus der Kanzlei Kaiser Karls IV (I). D. Berlin 1891. 26 S.

Malende, E., Ueber Benennung und Einteilung der Sudeten in früherer Zeit. D. Halle 1890. 85 S.

Mandybur. T., Krzysztof Opaliński jako satyryk. P. Iarosław 1889.

Mańkowski, L. V., Kritische Bemerkungen zu dem Texte der sogenannten zweiten Uebersetzung des Statuts von Wiślica. D. Breslau 1889. 102 S.

Marchlewsi, I., Der Physiokratismus in Polen. D. Zürich 1897. 172 S.

Marinko, I., Božji Grob pri Grmi poleg Novega mesta. P. Novo Mesto (Rudolfswerth) 1895. 16 S.

Marković, B. W., Über das serbische Schwurgericht im Vergleiche mit dem deutschen, französischen und englischen Schwurgericht. D. Freiburg 1899. 95 S.

Maskus, C., Bischof Otto I von Bamberg als Bischof, Reichsfürst und Missionär. D. Breslau 1889. 102 S.

Maślak, W., Z pamiątek po Michale Iwanowskim: a) Listy A. E. Odyńca do L. Rogalskiego. b) Listy M. Malinowskiego do L. Rogalskiego. P. Iasło 1892. 40 S.

Matzner, I., Francouzové v Písku r. 1741—1742. P. Písek 1893. 34 S.

Matzner, I., K navštevám panovníků v král. městě Písku. P. Písek 1889.

Matzner, I., Různé příspěvky k dějinám města Písku. P. Písek 1892. 36 S.

Mazanowski, M., «Anna z nadbrzeża» Seweryna Goszczyńskiego. P. Kraków 1894. 16 S.

Medini, M., Dubrovačke poklade u XVI i XVII vijeku i Čubranovićevi nasljednići. P. Dubrovnik 1898.

Metelka, I., O úvodní stati «Kroniky České» Václava Hajka z Libočan. P. Praha 1889, 1890.

Miklau, I., Franz II Rákóczy. P. Brno 1894. 48 S.

Milan, A., Oesterreichs Stellung zur polnischen Insurrection und dritten Theilung Polens. P. Wien 1894. 49 S.

Milobar, F., Das geschichtliche Verhältniss Bosniens zu Kroatien und Ungarn. D. Zürich 1898. 144 S.

Mitrovits, T., Die Kormtschaja Kniga oder Nomokanon der Slavischen morgenländischen Kirche. D. Tübingen 1899. 63 S.

Modestin, I., Kritička potraživanja i pokušaj pragmatizovanja u področju povjesti dubrovačke od 1205 do 1831 godine. P. Zagreb 1891. 102 S.

Moldoványi, St. v., Die Entstehung der Monarchie in Ungarn. D. Leipzig 1896. 45 S.

Morawski, Z., Zwierzęta w przysłowiach, przypowieściach, przenośniach i porównaniach języka polskiego. P. Tarnów 1896. 45 S.

Moritz, H., Die Zunamen bei den byzantinischen Historikern und Chronisten. I, II. P. Landshut. 1897, 1898.

Müller, A., Geschichte der Böhmischen Kur von der Wahl Rudolfs I bis zur Wahl Karls V. 1273—1519. I Teil: Von der Wahl Rudolfs v. Habsburg bis zur goldenen Bulle 1273—1356. D. Würzburg 1891. 65 S.

Návrat, V., Das Gepräge der altböhmischen Alexandreis—Fragmente mit Rücksicht auf die substantivischen o-Stämme. P. Prossnitz 1897. 32 S.

Nedoma, I., O domě Romhapovském v Karlině. P. Karlin-Praha 1898.

Nedoma, I., Zabransko v šestnáctém st. P. Praha Karlin. 1891.

Nekola, F., Příspěvek k místopisu král. města Klatov a nejbeižšího okolí. P. Klatov 1898.

Nekola, F., Topìca v Boleslavště. P. Mladá Boleslav 1892. 44 S.

Neoral, J., Jaký byl původ robot a jak vzniklo nevolnictví? P. Přerov 1888.

Nerad, F., Samo a jeho říše. P. Teltsch (? Telč) 1896.

Nesemann, F. Comenii Lesnae excidium und vindicationis famae et conscientiae calumniae tertia et quarta. Mit 3 Beilagen. P. Lissa 1894. 32 S.

Nevěřil, I., Die Gründung und Auflösung der Erzdiöcese des hl. Methodius, des Glaubensapostels der Slaven. P. Ungarisch-Hradisch. 1897, 1899. 26 S., 24 S.

Nitman, K. I., Geneza «Kwestyi oryentalnej» i jej rozwój aż do bitwy pod Mohaczem w r. 1526. P. Lwów 1896.

Novák, R., Imenné tvary adjektivné a jednoduchá praeterita ve spisech Husových. P. Praha. 1894. 32 S.

Oščádal, Význam Srbska v dějinách říše rakousko-uherské od roku 1350 do r. 1790. Přerov 1891, 1892. 28 S., 38 S.

Pakosta, V., Legenda o sv. Alžbětě, P. Praha 1890. 9 S.

Panaitescu, L., Zur Ethnologie der heutigen Rumänen. D. Zürich 1897. 42 S.

Passendorfer, A., Polityczna działalność M. Móchnackiego na emigracyi. P. Iarosław 1898.

Perušek, R., Zloženke v novej slovenščini. P. Novo Mesto (Rudolfswerth) 1890. 42 S.

Petrů, W., K dějinám města Pelhřimova. P. Pelhřimov 1894.

Poljanec, I., Črtica o romantićni poeziji srbske. Ženitev Maksima Crnojevića. Narodna peseń. P. Novo Mesto (Rudolfswerth) 1893. 18 S.

Popárić, B., Hercezi sv. Save. (50 godine povjesti Hercegovačke). P. Spljet. 106 S.

Porrath, Die Züge der Dänenkönige gegen Julin nach Saxo Grammaticus. I. P. Wollin 1894. 17 S. 4°.

Prasek, V., Klášter Sv. Kláry (nyní vládní dům) o Opavě P. Opava 1892. 48 S.

Prasek, V., Křižovníci Sv. Jana na Opavsku. P. Opava 1891. 33 S.

Prasek, V., Nápisy v Slezsku. P. Opava 1889.

Prasek, V., Nejvyšší uředníci zemšti na Krnovsku a Opavsku. P. Opava 1895.

Prasek, V., Překlad s výkladem na dílčí listy země Opavské z r. 1377. P. Opava 1890. 24 S.

Pürschel, E., Die Stadtvogtei in Schlesien unter besonderer Berücksichtigung der Breslauer Stadtvogtei. D. Breslau 1900. 65 S.

Rabski, W. v., Ueber die Satiren des Christoph Opaliński. D. Berlin 1892. 65 S.

Rademacher, Die urbs Mersburg im X Iahrh. P. Merseburg 1898. 31 S.

Reiche, R., Bausteine zur Geschichte der Stadt Königsberg in der Neumark während des Mittelalters. P. Königsberg 1898. 159 S.

Reichert, I., Přispěvek k náboženským pomerům na konci XVI st. ve Velkém Meziříci. P. Třebič 1897.

Roehl, E., Die Tracht der schlesischen Fürstinnen des 13. u. 14. Iahrh. auf Grund ihrer Siegel. P. Breslau 1895. 25 S.

Röhrich, V., Ein Bauernaufruhr in Ermlande (1440—1442). P. Rössel 1894. 16 S. 4°.

Rösener, B., Etwas von den Bolkonen. II. u. III. P. Schweidnitz 1883. 43 S; 68 S. 4°.

Roth, H., Der Siebenbürgische Fürst Gabriel Báthori von Somlyó. (1608—1613). P. Mediasch 1891. 50 S. 4°.

Rutar, S., Solin in njegove razvaline. P. Lublana 1898. 17 S.

Ružić, D., Die Bedeutung des Demetrios Chomatianos für die Gründungsgeschichte der serbischen Autokepha kirche. D. Iena 1893. 47 S.

Rychlak, J. Raj i upadek pierwszych ludzi w podaniach narodów. P. Kraków 1896.

Rychlik, J., Kościół kollegiaty Wszystkich Świętych w Jarosławiu. P. Jarosław 1893.

Rychlik, J., Księstwa Oświęcimskie Zatorskie. P. Tarnów 1889.

Rypaček, F. J., Paměti a zápisy Smila II Osovského z Doubravice a na Třebiči. P. Brno 1897.

Rypaček, J., Z Archivu města Třebiče: Kronika Eliaše Střelky a pokračovatelův. P. Třebič 1892.

Rypl, M., Die Beziehungen der Slaven und Avaren zum oströmischen Reiche unter der Regierung des Kaisers Heraklius. P. Budweis 1888.

Rypl, M., Die politischen Verhältnisse zwischen Deutschland und Böhmen während der Regierung der Könige Přemysl Otokar I und Wenzel I. P. Budweis 1889. 39 S.

Salow, W., Die Neubesiedelung Mecklenburgs im zwölften und dreizehnten Jahrhundert. P. Friedland 1896. 20 S.

Sarnes, A., Witold und Polen in den Jahren 1427—1430. I. D. Berlin 1893. 67 S.

Schindler, I., Geschichte der Begründung des Prager Bisthums. P. Prag. 1894. 11 S.

Schirmer, E., Über Johann Herburt, Castellan von Sanok und seine Chronik. P. Lemberg 1889. 15 S

Schlecht, I., Andrea Zamometić(?) I. D. München 1894. 48 S.

Schlemmer; C., Historische Erinnerungen an Rügen. P. Colberg 1891. 18 S. 4°.

Schmidt, V., Budweis und die Wittigonen bis zum Beginne der Hussitenkriege. P. Budweis 1900. 16. S.

Schuberth, G., Grozdec-Grossenhain, ein Beitrag zur ältesten Geschichte des Hauses Wettin und der Mark Meissen. P. Grossenhain 1890. 34 S.

Schubuth, H., Luxemburg, Wittelsbach und Habsburg in der Zeit von 1308—1358. P. Mährisch-Ostrau 1899.

Schuster, F., Ungarns Beziehungen zu Deutschland von 1056—1108. P. Hermannstadt 1899. 35 S. 4°.

Schwarz, S., Anfänge des Städtewesens in den Elb-und Saal-Gegenden. P. Kiel 1892. 56 S.

Sedláček, A., Ondřej z Dubé na Zlenicích, nejvyšší sudí království Českého. P. Tábor 1898. 13 S.

Sedláček, Paměti klaštera v Lounovicích. P. Tábor 1891.

Sedláček, A., Sbírka listovních pamětí města Tábor. P. Tábor 1897. 18 S.

Sedláček, A., Sedm studentských psaniček z XVII st. P. Tábor 1898.

Simzig, F., Solecismi nella parlata Goriziana. P. Görz 1889. 21 S.

Skalla, F., Der erste Přemyslide. P. Znaim 1889. 18 S.

Slavík, F. A., Moravké Slovensko v XVII st. P. Hodonín 1895.

Slavík, F. A., Obyvatelé na Hodonínsku a Břeclavsku. r. 1669—73. P. Hodonín 1896.

Slavík, F. A., O Jednotě bratrské v Čechách jihovýchodních. P. Tábor 1888.

Slavík, F. A., Okolí Brněnské před 200 lety. P. Brno 1892.

Slavík, F. A., Poměry lidu poddaného v západní části moravského Slovenska v pol. XVIII st. P. Brno 1897.

Slop, V., Die tridentinische Mundart. P. Klagenfurt 1888.

Sloupský, I., Kdy osadili Slované západní krajiny? P. Kroměřiž 1896.

Soerensen, A., Beiträge zur Geschichte der Entwicklung der Serbischen Heldendichtung. I. D. Leipzig 1892. 31 S.

Soerensen, A., Entstehung der kurzzeiligen serbo-kroatischen Liederdichtung im Küstenland. H. Leipzig 1895. 110 S.

Sommerfeld, W. v., Beziehungen zwischen den Deutschen und den pommerschen Slaven bis zur Mitte des XV Jahrh. D. Berlin 1894. 43 S.

Sommerlad, T., Matthaeus von Krakau. D. Halle 1891. 101 S.

Sowa, R. v., Die mährische Mundart der Romsprache (böhm. Sprache?) P. Brünn 1893. 19 S.

Stamm, A., Der erste Feldzug des Gabriel Bethlen, Fürsten von Siebenbürgen gegen Kaiser Ferdinand II bis zum Waffenstillstand von Pressburg in 1619. D. Iena 1894. 82 S.

Steiger, K., Johannes Hus und das Constanzer Concil. P. Wiener Neustadt 1883.

Steiner, A., «Horsztyńscy» Iuliusza Słowackiego. Szkic literacki. P. Brzeżany 1892. 42 S.

Steinwenter, A., Eine Episode aus dem Leben des Grafen Niklas von Zriny. P. Marburg 1889 30 S.

Stěpánek, I., O spiknutí a povstáních stavův uherských za císaře Leopolda I a Iosefa I. P. Kutná Hora 1892.

Stinghe, S., Die Schkejer oder Trokaren in Kronstadt. D. Leipzig 1900. 85 S.

Stippl, I., Die Herren von Landstein (die Witigonen). P. Eger 1894.

Strnad, I., Sjezdy král. měst kraje Plzeňského v letech 1530—32, 1540—41. P. Plzeň, 1889.

Strohal, R., Osebine današnjega stativskoga narječja P. Karlovac 1889, 1890. 85 S. 96 S. Zagreb 1891. 70 S.

Struve, O., Die Entstehung der Städte in der Mark Brandenburg. G. Steglitz 1891. 11 S. 4°.

Sturm, A., Die Anfänge der Habsburger in Österreich und der Widerstand der Adeligen und Wiener. P. Wien 1891. 30 S.

Sturm, A., Eine Ferienreise durch Bosnien und die Herzegowina. P. Ried 1894. 44 S.

Swoboda, H., Ein Beitrag zur krainischen Landes-Geschichte. P. Laibach 1899. 16 S.

Szafran, I., Theophil Lenartowicz. Ein Nachruf. P. Rzeszów 1893. 27 S.

Szomek, B., Genitivus u M. Reya pod względem syntaksycznym. P. Sanok 1892. 22 S.

Šafránek, J., Matouš Hosius Vysokomýtský. Literarní zpomínka. P. Kolin 1890. 13 S.

Šebesta, A., Čemu uči kniha Rožmberská o póhonech. P. Pelhřimov-1889.

Štětina, K., K dějinám kláštera kartouzského ve Valdicích. P. Iičin 1892 53 S.

Štrer, B., Rytířské a erbovní rodiny v Domažlicích v XVI u XVII st. P. Domažlice 1889.

Tanner, J., Historia urbis Pilsnae. Forts). P. Pilsen 1890, 1896. 24 S; 18 S.

Tertnik, J., O jeziku Prešernovem. P. Maribor 1892. 34 S.

Thieberger, K., Samuel von Skrzypna Twardowski. Beitrag zur Geschichte der polnischen Litteratur des XVII Jahrh. D. Breslau 1898. 57 S.

Thir, K., Hradiště Hory Tábor jako pevnost'v minulosti. I. P. Tábor 1893.

Thir, K., Kulturní obrázky z minulosti Táborské. P. Tábor 1893, 1895.

Thoma, W., Die colonisatorische Thätigkeit des Klosters Leubus im 12. u 13. Jahr. D. Leipzig 1894. 154 S.

Tomanek, E., Über den Einfluss des Čechischen auf die deutsche Umgangssprache in Österreichisch-Schlesien, besonders von Troppau und Umgebung. P. Troppau 1891. 39 S.

Tomasin, P., Die Volkstämme im Gebiete von Triest und in Istrien. P. Triest 1889. 40 S.

Tragl, A., Leipaer Familiennamen. P. Böhmisch-Leipa 1896.

Treixler, G., Gödinger Urkunden. P. Göding. 1899.

Turek, A., První tažení Ferdinanda I proti Janovi Zápolskému r. 1527 a jeho výsledek. P. Kostelec nad Orlicí 1899.

Uhlmann, P., König Sigmunds Geleit für Hus und das Geleit im Mittelalter. I. D. Halle 1893. 46 S.

Ulmann, H., Über die Memoiren des Fürsten Adam Czartoryski. G. Greifswald 1898. 48 S.

Unterforscher, A., a. Nachträge und Berichtigungen zur «Slavischen Namenforschung». b. Rätoromanisches aus Tirol. P. Eger 1890. 18 S.

Unterforscher, A., Slavische Namenreste aus dem Osten des Pusterthales. P. Leitmeritz 1888.

Unterforscher, A., Zur slavischen Namenkunde aus Ost-Pusterthal. P. Leitmeritz 1889. 30 S.

Unterforcher, A., Zur slavischen Namenforschung in Tirol;—Rätoromanisches aus Tirol. P. Eger 1892. 24 S.

Uranowicz, S., Przywileje miasta Złoczowa i okolicy. P. Złoczów 1897.

Urbas, W., Unterschiede zwischen der deutschen und slovenischen Syntax. P. Triest 1893. 30 s.

Vavra, I., Jakob Horčický z Tepence. P. Praha 1895.

Vepřek, P., Beiträge zur Geschichte des Kampfes um das Princip der böhmischen Prosodie. P. Pilsen. 54 S.

Vlček, I., Z básnické činnosti Vítězslava Hálka. P. Praha 1892. 16 S.

Vobornik, N. I., O poesii Julia Zeyera. Kritická študie. P. Litomyšle 1897. 32 S.

Votrubec, W., Kostel sv. Vavřince ve Vysokém Mýtě. P. Vysoké Mýto 1892.

Vučetić, A., Dubrovnik za Kandijskog rata. P. Dubrovnik 1895, 1896.

Vulović, S., Isprave o navali Kairadinpaše na Kotor god. 1539. P. Kotor 1892. 32 S.

Vycpalek, I., Franz Martin Pelcl. P. Rychnov 1893.

Waśkowski, W., Z przeszłości Olkusza. Aktów dyplomatycznych 43. P. Bochnia 1891. 63 S.

Weger, I., Rybnikářství a rybařství na panství Pardubickém. P. Pardubice 1890.

Weise, O., Kultureinflüsse des Orients auf Europa. P. Eisenberg 1892. 16 S. 4⁰.

Weisker, G., Slavische Sprachreste, insbesondere Ortsnamen, aus dem Havellande und den angrenzenden Gebieten. I u. II. P. Rathenow 1890, 1896. 44 S; 32 S.

Werenka, D., Die Verhandlungen Oesterreichs mit der Türkei bezüglich der Erwerbung des «Bukowiner Districts» nach der Convention v. 7. Mai 1775. P. Wien 1892. 21 S.

Werenka, D., Urkundliche Nachrichten über die Städte «Cecina» und «Tschernowitz» und deren Besitzverhältnisse im Jahre 1782 (Schluss). P. Czernowitz 1898. 46 S. u 1. Plan.

Wertheim, H., Matthaeus von Trencsin während der ungarischen Thronkämpfe von 1300—1312. P. Graz 1890.

Wierzbicki, I., Żywot Kaspra Melchiora Miaskowskiego. P. Wadowice 1893. 32 S.

Winter, S., Učitelstvo latinských škol meštakých v 16. věku. P. Praha 1891.

Wisnar, I., Die Ortsnamen der Znaimer Bezirksmannschaft. Ein toponymischer Versuch. I u. II. P. Znaim 1895, 1896. 34 S; 48 S.

Wisnar, I., Zu Brandl's Erklärung topographischer Namen. P. Znaim 1890 61 S.

Wittichen, P., Preussens polnische Politik 1788—89. D. Göttingen 1899. 41 S.

Wolff, F., Preussen und die Protestanten in Polen 1724. P. Berlin 1894. 30 S. 4⁰.

Wolff, R., Zur Geschichte der Stadt Zittau im XIV Jahrh. P. Zittau 1892. 38 S. 4⁰.

Wulf, M. v., Die husitische Wagenburg. D. Berlin 1889. 62 S.

Zagrodzki, I., Elekcya Warneńczyka na króla Węgierskiego. P. Kraków 1888.

Zarzycki, S., Stosunek księcia siedmiogrodzkiego Jérzego Rakociego II do R. P. polskiéj od początku wojny szwedzkiéj do wyprawy tegoż na Polskę w r. 1657. P. Kołomyja, 1889—1890.

Zavadlal, M., Die Sprache in Kastelec «Bratovske Buqvize S. Roshen Kranza». P. Cilli 1891. 34 S.

Zickermann, F. Die Begründung des brandenburgisch pommerschen Lehnsverhältnisses I. D. Halle 1890. 39 S.

Zipper, A., Zacharias Werner und die Familien Grocholski und Choloniewski. P. Lemberg 1896. 40 S.

Zivier, E., Studien über den Codex Suprasliensis. D. Breslau 1892. 26 u. 38 autographierte Seiten.

Zukal, I., Beiträge zur Häuser- und Bürgerchronik des Oberringens von Troppau. P. Tropau 1898.

А. Петровъ.

Изъ польской лексикографіи.

(Варшавскій «Słownik języka polskiego»; Словарные труды Карловича, Лопацинскаго и Ростафинскаго).

Въ 1889 г. редакціонный комитетъ, состоявшій изъ четырехъ лицъ: Яна Карловича, Адама Крынскаго, Владислава Недзвѣдзкаго и Іосифа Пржиборовскаго (послѣдній вскорѣ потомъ умеръ) принялся въ Варшавѣ за приготовительныя работы по изданію новаго

словаря польскаго языка. Вслѣдствіе недостатка матеріальныхъ средствъ рѣшено было издать словарь въ возможно сжатомъ видѣ, назначая его главнымъ образомъ для широкой публики, нуждающейся въ такомъ изданіи въ виду того, что Виленскаго словаря нѣтъ уже больше въ продажѣ, а словарь Линде требуетъ многихъ дополненій.

Комитетъ пригласилъ сотрудниковъ, раздѣлилъ между ними работу, разослалъ заранѣе выработанныя руководящія правила, ясно указывавшія каждому сотруднику объемъ его задачи и техническіе способы ея выполненія. Спустя 6 лѣтъ накопилось уже столько матеріала, что можно было приступить къ окончательнымъ работамъ и начать печатаніе словаря. Прежде однако, чѣмъ взяться за это дѣло, комитетъ рѣшилъ напечатать пробный листъ, чтобы дать возможность спеціалистамъ заблаговременно высказаться о недостаткахъ предпринятой работы и сдѣлать указанія, которыми редакція могла бы воспользоваться при окончательной обработкѣ словарнаго матеріала. Благодаря этому дѣйствительно въ окончательной редакціи текста были сдѣланы нѣкоторыя перемѣны, впрочемъ несущественныя. Первый томъ словаря подъ заглавіемъ Słownik języka polskiego, ułożony pod redakcją Jana Karłowicza, Adama Kryńskiego i Władysława Niedźwiedzkiego былъ изданъ въ Варшавѣ въ 1900 г. и заключаетъ въ себѣ слова до конца буквы G, расположенныя двумя столбцами на 955 страницахъ большой восьмушки.

Въ предисловіи къ пробному листу упоминается о матеріальныхъ препятствіяхъ, принудившихъ редакціонный комитетъ къ ограниченію его задачи: но все-таки рѣшено было собрать здѣсь весь словарный матеріалъ польскаго языка («zgromadzić całość zasobu mowy naszej»), т. е. включить въ словарь кромѣ наличнаго состава литературнаго языка, также всѣ извѣстные по памятникамъ архаизмы, областныя слова, всякаго рода неологизмы, заимствованія и весь составъ терминологіи по различнымъ отраслямъ науки, искусства, промышленности и т. д.

Вмѣстѣ съ тѣмъ по необходимости постановлено было ограничить выписки изъ авторовъ, причемъ однако сказано, что «будутъ приведены примѣры изъ лучшихъ новыхъ писателей». Эти слова, по своей неопредѣленности, возбуждаютъ недоумѣніе: какихъ писателей редакціонный комитетъ считаетъ лучшими, что̀ для него является основаніемъ при дѣленіи авторовъ на лучшихъ и худшихъ, почему ограничиваться только новыми писателями, и что значитъ слово «новые». Впрочемъ послѣдній пунктъ повидимому не приведенъ въ ис-

полненіе, потому что мы въ словарѣ встрѣчаемся и съ писателями XVI в., а даже изрѣдка съ памятниками XV в., которыхъ нельзя назвать новыми.

Неопредѣленность руководящаго принципа зловредно отразилась на системѣ поясненія словъ выписками изъ авторовъ. При громадномъ большинствѣ словъ, особенно старинныхъ и областныхъ, вовсе нѣтъ пояснительныхъ примѣровъ и вслѣдствіе того словарь чаще всего можетъ служить только для справокъ; по большей части онъ даетъ самыя общія указанія лишь на то, что данное слово когда то существовало или теперь существуетъ въ языкѣ. Съ другой же стороны иногда попадаются примѣры и слишкомъ многочисленные (напр. при словѣ Aleja—три примѣра, не поясняющіе ничего) или хотя и единичные, но все-таки лишніе (напр. при словѣ Biórko). Особенно такимъ ненужнымъ балластомъ страдаютъ первые листы до буквы C. Иногда примѣръ заключаетъ въ себѣ слово, употребленное не въ томъ значеніи, о которомъ говорится въ словарѣ; напр. Alembik объясняется: «аппаратъ дестиляціонный или служащій для плавленія металловъ», послѣ чего слѣдуетъ примѣръ: «Żyd, co łzy chłopskie przez alembik na złoto zamienia»... Krasz.; здѣсь alembik обозначаетъ просто водку. Очень часто приводятся примѣры безъ указанія, откуда они взяты, что̀ конечно тоже надо считать однимъ изъ недостатковъ словаря. Въ виду этого мы должны прійти къ убѣжденію, что не только вынужденная скудость пояснительныхъ примѣровъ, но и способъ ихъ представленія дѣлаютъ словарь мало пригоднымъ для людей, изучающихъ языкъ, и даже отчасти для широкой публики, которая всецѣло должна полагаться на авторитетность составителей словаря, не имѣя возможности провѣрить указанные тамъ факты.

Самой характерной и вмѣстѣ съ тѣмъ заслуживающей полнаго одобренія чертой словаря является система объясненія словъ. Только въ исключительныхъ случаяхъ даются здѣсь описательныя обясненія, вообще же принята система объясненій съ помощью синонимовъ, группируемыхъ сообразно различнымъ оттѣнкамъ ихъ значенія. Благодаря этому получается желаемая сжатость изложенія и богатство содержанія. Сверхъ того приводятся при большинствѣ словъ цѣлые ряды самыхъ употребительныхъ эпитетовъ, дополненій и всякихъ другихъ болѣе или менѣе постоянныхъ спутниковъ даннаго слова, а также изъ современнаго языка приводятся въ значительномъ числѣ характерные обороты, въ которыхъ данное слово получаетъ спеціальный оттѣнокъ значенія или же оно сочетается съ другимъ словомъ исключительно только въ одномъ или въ нѣ-

скольких подобныхъ приведенному выраженіяхъ. «Słownik» является такимъ образомъ словаремъ польскихъ синонимовъ и оборотовъ и въ этомъ отношеніи онъ несомнѣнно стоитъ выше всѣхъ другихъ до сихъ поръ изданныхъ трудовъ въ области польской лексикографіи.

Вторымъ его несомнѣннымъ и весьма важнымъ качествомъ служитъ дѣйствительно замѣчательная его полнота: въ немъ зарегистрованы слова, которыхъ нѣтъ ни у Линде, ни въ Виленскомъ словарѣ и въ этомъ отношеніи онъ составляетъ цѣнное подспорье для лингвистовъ, желающихъ навести справку относительно интересующихъ ихъ словъ и оборотовъ. Они здѣсь найдутъ на только данное слово, но и общее указаніе на его древность и распространенность, такъ какъ въ словарѣ отдѣльными знаками намѣчены слова: древнія, малоупотребительныя, областныя и варваризмы; послѣднія конечно съ цѣлью болѣе педагогическою, чѣмъ научною. Въ виду неизбѣжной ограниченности выписокъ изъ авторовъ, иногда даже такія общія указанія пріобрѣтаютъ нѣкоторую цѣнность.

Переходя къ частностямъ, мы должны прежде всего остановиться на погрѣшностяхъ относительно полноты словаря: онѣ встрѣчаются въ двухъ направленіяхъ: иногда—излишка, чаще—недостатка. Излишекъ полноты мы видимъ напр. въ отмѣткѣ слова Antydyluwjalny вм. Antedyluwjalny: здѣсь напрасно увѣковѣчена корректурная описка въ одномъ изъ романовъ Элизы Оржешко.

Пропуски замѣчаются и въ перечнѣ главныхъ словъ, и въ перечисленіи ихъ значеній. Такъ напр. пропущено слово Adamita, хотя есть Anglikanin; нѣтъ словъ: Afrykanka (домашняя птица, иначе называемая perlica), Bankuch (есть только менѣе употребительная форма Baumkuch), Fusak, заимствованное изъ нѣмецкаго Fusssack. Особенно много пропусковъ мы замѣтили по части старопольскаго языка: не подверглись пересмотру не только памятники XIV и XV в., не обработанные съ сихъ поръ лексически, но даже такіе, которые снабжены словарями, а также собранныя въ значительномъ количествѣ Брюкнеромъ глоссы, ожидающія только того, чтобы ихъ включить въ общій словарь. Возьмемъ для примѣра сочиненіе Брюкнера «Sredniowieczna poezja łacińska w Polsce», оттиски которой появились въ 1892, 1893 и 1894 гг. Въ первомъ выпускѣ этого труда, на стр. 54 и 55 находимъ перечисленныя въ алфавитномъ порядкѣ глоссы, количество которыхъ на буквы B до G доходитъ до 32. Изъ нихъ нѣтъ въ словарѣ слѣдующихъ: błotni (есть только błotny), chełstanie — sibilus, chęśnik или м. б. chaśnik — raptor, chorężny — nobilior, dłużnik — creditor (въ словарѣ это слово въ значеніи заимода-

вецъ обозначено только какъ варваризмъ). Изъ третьяго выпуска: dołęk — experimentum, gląd—contuitus, chłodniczka—scenacula. Изъ Свентокрижскихъ проповѣдей приведено одно только слово: dzińsia, и вовсе не записаны слѣдующія: cztworodla, gda, gdaż i chocieć. Изъ «Словаря древняго актоваго языка сѣверозападнаго края и Царства Польскаго» Горбачевскаго (Вильна, 1874) нѣтъ въ словарѣ словъ: abannacja, bałtusznik, berna, dusznik, въ значеніи крѣпостной человѣкъ, записанный въ даръ костелу, и т. д.

Къ сожалѣнію нигдѣ не обозначено, какіе именно источники вполнѣ исчерпаны для словаря. Правда, что приведенъ списокъ источниковъ, упоминаемыхъ въ текстѣ словаря, а между прочимъ встрѣчаемъ тамъ и Александра Брюкнера, и Kazania Swiętokrzyzkie, изъ которыхъ, какъ мы видѣли, взято далеко не все нужное. Въ виду этого трудно дѣлать дополненія къ словарю, такъ какъ для этого надо бы просмотрѣть сызнова всѣ памятники.

Мы упоминали о томъ, что и при объясненіи словъ встрѣчаются пропуски: такъ напр. при словѣ Apokryficzny пропущено: niekanoniczny, при Aljenować не приведено: wywłaszczać, при Bałwan не сказано, что это также названіе мѣры, именно 6 бочекъ соли (Горбач.), при Cyklista пропущено—kołowiec, при Cykl (велосипедъ) не упомянуто областное и весьма распространенное въ народѣ слово kółko.

Иногда попадаются неточности другого рода: слово bojał się обозначено какъ варваризмъ, между тѣмъ какъ эта форма старопольская и областная. Cosi kasi поясняется различными выраженіями въ родѣ: ni ztąd ni zowąd и т. п., вмѣсто того, чтобы привести здѣсь областное: coś kajś въ значеніи coś gdzieś. Слово Baraniec объясняется какъ заимствованное изъ среднелатинскаго Baranec; но по крайней мѣрѣ словарь Дюканжа вовсе не знаетъ такого слова. Равнымъ образомъ неизвѣстно, откуда взято слово cucidło, приведенное безъ указанія источника и отсутствующее въ словарѣ Линде.

При объясненіи значеній словъ въ словарѣ принятъ такой порядокъ, что прежде всего приводятся синонимы, имѣющіе конкретное значеніе и затѣмъ обозначаются оттѣнки значенія отвлеченные. Иногда въ этомъ отношеніи попадаются странности. Такъ напр. слово Chudoba имѣетъ по словарю слѣдующія значенія: 1) бѣда, 2) убогое имущество, 3) бѣднякъ, 4) а) скотъ, б) корова, в) худощавость, г) плохая лошадь. По какому принципу худощавость попала между коровой и лошадью, невозможно догадаться.

Иногда этимологія словъ обозначена ошибочно. Ошибочнымъ считаемъ напр. объясненіе, что первая часть слова Bartodziej род-

ственна заимствованному слову Barta — топоръ, а не исконно польскому Barć. Если къ такому предположенію побудило авторовъ обстоятельство, что въ словѣ Bartodziej имѣется основа не на — ь, а на твердое — о, то вѣдь это же не единичный случай въ сложныхъ словахъ: въ kostomłoty, kostopraw несомнѣнно kosto родственно со словомъ Kość. Если принято во вниманіе, что Barć — борть не выдѣлывалась искусственно, и что поэтому слово Bartodziej не имѣло бы смысла, то и здѣсь можно возразить, что напротивъ, борть могла быть и бывала выдѣлываема искусственно и она носила тогда наименованіе Dzienia. Надо поэтому доказать, что никогда эти два названія, т. е. Barć и Dzienia не смѣшивались, чтобы установить этимологію слова Bartodziej въ духѣ предложенной словаремъ.— Нельзя тоже согласиться съ такими сопоставленіями, какъ старопольскаго Czusz съ мѣстоименіемъ cóż.

При многихъ (но не всѣхъ) словахъ приводятся ихъ корни и въ этомъ отношеніи мы замѣтили нѣкоторую непослѣдовательность. Такъ напр. при словахъ Ciąć, Cięcie—корень ćn, при словѣ Dzień—корень dźń. Почему разница въ обозначеніи носового согласнаго, если этотъ согласный въ производныхъ словахъ одинаково появляется въ видѣ ń, n: tniesz, dzień, tnę, dzionek? Притомъ звуки ć, dź никогда не встрѣчаются и никогда не встрѣчались въ польскомъ языкѣ передъ n, ń. Затѣмъ при словѣ Dojrzeć обозначенъ корень zor, при словахъ: ciec, ciecz—кор. ciek: въ первомъ случаѣ принимается форма корня, появляющаяся въ существительныхъ, а во второмъ—въ глаголахъ. При словѣ Ciągnąć кор. cięg, при словѣ ciąża—кор. ciąg, вѣроятно по ошибкѣ, такъ какъ при Ciężar, Ciężki имѣется кор. cięg. Затѣмъ при словѣ Cielę—кор. cioł, а при Brzoza—кор. brzeź; здѣсь неясно различіе и въ гласныхъ и въ согласныхъ, хотя e и o; l, ł и z, ź появляются въ производныхъ словахъ вполнѣ симметрично: ciołek, cielę—brzoza, brzezina. При словахъ: Czwarty и Cztery обозначенъ одинаково корень cztwior; при словахъ Chwała и Chylić корни различны: chwał, chył, хотя эти слова родственны другъ другу (объ этомъ когда то въ частномъ разговорѣ упоминалъ проф. Бодуэнъ де-Куртенэ); въ виду этого слѣдовало различать формы: cztyr (czter) и cztwior или исключить одну изъ формъ: chył, chwał.

Одинъ изъ пробѣловъ Варшавскаго словаря прекрасно пополняется сочиненіемъ Яна Карловича «Słownik gwar polskich», который, какъ и Варшавскій словарь, посвященъ Краковскому Университету по случаю пятисотлѣтняго его юбилея. До сихъ поръ появился только первый томъ, заключающій въ себѣ слова отъ А до

конца буквы Е, изданный Краковской Академіей Наукъ (Краковъ, 1900, in 8°, стр. 454).

Въ предисловіи читаемъ, что словарь, хотя и является результатомъ тридцатилѣтнихъ трудовъ, тѣмъ не менѣе не можетъ претендовать на полноту. Авторъ не успѣлъ изслѣдовать многихъ источниковъ, но за то мы увѣрены, что изъ изслѣдованныхъ имъ матеріаловъ онъ извлекъ рѣшительно все, заслуживающее вниманія, а такъ какъ въ концѣ тома приложенъ полный списокъ пересмотрѣнныхъ авторомъ изданій, поэтому не трудно будетъ пополнять собранный здѣсь матеріалъ, и всѣ будущіе изслѣдователи въ этой области получаютъ здѣсь точныя указанія, значительно облегчающія ихъ задачу.

Самъ Карловичъ извлекъ матеріалъ для своего словаря приблизительно изъ 125 источниковъ, между которыми встрѣчаются многотомныя изданія и важные сборники, напр. девять томовъ «Wisły» пятнадцать томовъ изданія Краковской Академіи «Zbiór wiadomości do antropologji krajowej», важнѣйшіе труды Кольберга, „Rozprawy wydziału filologicznego Akademji umiejętności w Krakowie“, «Encyklopedja Wielka“ Оргельбранда, «Biblioteka Warszawska» и др. Въ спискѣ источниковъ находимъ сборники пѣсенъ, разсказовъ, пословицъ и другихъ произведеній народнаго творчества, областные словари напечатанные и рукописные, доставленные автору частными лицами, путевыя записки, діалектологическія изслѣдованія различныхъ польскихъ говоровъ, не исключая кашубскихъ, даже нѣкоторыя литературныя произведенія, въ которыхъ почему-либо встрѣчаются областныя слова, выраженія и обороты. Наконецъ, часть матеріала для своего словаря авторъ добылъ путемъ собственныхъ наблюденій, а также черезъ другихъ лицъ, которыя дѣлали ему устныя сообщенія по интересующему его предмету.

Въ словарь Карловича вошли прежде всего областныя народныя слова, или вовсе не употребляемыя въ литературномъ языкѣ, или отличающіяся отъ литературныхъ своеобразной формой или спеціальнымъ оттѣнкомъ значенія; далѣе здѣсь помѣщены всякаго рода идіотизмы, извлеченные изъ разговорнаго языка образованныхъ классовъ польскаго народа въ различныхъ мѣстностяхъ Польши и Литвы, изъ уличныхъ городскихъ говоровъ, особенно варшавскаго, имѣющаго много своеобразныхъ особенностей, изъ условнаго языка воровъ и т. д.

Относительно фонетической передачи записаннаго матеріала здѣсь нѣтъ, да и не можетъ быть желаемой послѣдовательности.

Дѣло въ томъ, что многіе сборники народныхъ произведеній вовсе не отмѣчаютъ фонетическихъ особенностей даннаго говора и записываютъ всѣ слова по правиламъ общепольской орѳографіи; конечно и авторъ словаря не могъ возстановлять этихъ особенностей. Второй разрядъ источниковъ, заключающихъ въ себѣ словарный областной матеріалъ, переданный въ болѣе или менѣе точной фонетической транскрипціи, страдаетъ другимъ недостаткомъ. До сихъ поръ не выработалась однообразная система передачи на письмѣ оттѣнковъ въ произношеніи звуковъ различныхъ говоровъ. Автору представлялась поэтому задача избрать для своего словаря одну изъ существующихъ системъ или создать свою собственную. Авторъ рѣшился идти по другому пути: изъ опасенія передъ излишнимъ испещреніемъ текста надстрочными значками, онъ оставилъ безъ обозначенія многія особенности выговора, и обозначилъ только болѣе рѣзкія въ акустическомъ отношеніи явленія. Для этого онъ прибѣгаетъ по большей части къ помощи самыхъ общепринятыхъ пріемовъ, которыхъ онъ даже не объясняетъ въ предисловіи, считая это дѣломъ совсѣмъ лишнимъ. По его словамъ, лица, интересующіяся этого рода фонетическими явленіями, могутъ по указанію словаря каждое слово отыскать въ данномъ изслѣдованіи, изъ котораго оно взято для словаря.

Относительно способа изложенія авторомъ принята слѣдующая система. Если слово, находится и въ литературномъ языкѣ, тогда оно на первомъ мѣстѣ обозначается въ литературной формѣ и затѣмъ слѣдуютъ его формы народныя всегда съ точнымъ обозначеніемъ заглавія, тома и страницы источника, изъ котораго оно взято. Кромѣ того народныя разновидности даннаго слова вошли также въ главную очередь словъ, но при нихъ стоитъ только указаніе, гдѣ находятся болѣе обширныя о нихъ свѣдѣнія. Слова или вовсе неизвѣстныя въ литературномъ языкѣ, или сильно измѣненныя подъ вліяніемъ народной этимологіи, тоже на первомъ мѣстѣ изображаются въ предполагаемой литературной формѣ, напр. Bokadość — кашубское bokadosc.

Значеніе словъ вездѣ, гдѣ это возможно, опредѣляется словами источника, въ другихъ случаяхъ—словами автора, причемъ всегда точно опредѣлено, когда объясненіе не возбуждаетъ сомнѣній и когда оно имѣетъ гипотетическій характеръ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ авторъ прямо заявляетъ, что данное слово непонятно.

Пояснивъ слово, авторъ приводитъ выписки изъ текстовъ, причемъ очевидно руководится желаніемъ: обозначить всѣ оттѣнки

значенія даннаго слова, указать, въ области какихъ говоровъ оно записано, представить различныя морфологическія его особенности. При выпискахъ тоже съ точностью обозначается источникъ. Относительно системы выписокъ надо еще упомянуть, что приводятся здѣсь всегда цѣлыя предложенія и даже періоды, причемъ въ скобкахъ переводятся на литературный языкъ болѣе трудныя для пониманія слова и обороты.

Этимологическихъ объясненій авторъ вовсе не дѣлаетъ, но приводитъ часто этимологіи другихъ изслѣдователей, причемъ иногда съ ними не соглашается и изрѣдка только въ тѣхъ случаяхъ прибавляетъ собственное предположеніе. При нѣкоторыхъ словахъ, замѣчательныхъ напр. по своему строенію, приводятся другія слова аналогичныя или родственныя.

Изъ вышесказаннаго видно, что словарь Карловича для изслѣдователей польскаго языка имѣетъ немаловажное значеніе, которое несомнѣнно было бы еще больше, еслибы по возможности точно были въ немъ переданы всѣ фонетическія тонкости народнаго языка. Въ виду всѣхъ остальныхъ его достоинствъ, авторъ имѣлъ полное право высказать въ предисловіи надежду, что его словарь послужитъ срубомъ для великолѣпной постройки, т. е. полнаго кодекса польскихъ говоровъ. Дѣйствительно, съ окончаніемъ словаря, путь для изслѣдователей въ этой области будетъ значительно расчищенъ и облегченъ.

Въ 1892 году Іеронимъ Лопацинскій (Рафалъ Любичъ) напечаталъ въ «Pracach Filologicznych» (томъ IV) дополненіе къ словарю польскаго языка. Спустя восемь лѣтъ онъ издалъ новыя, еще болѣе обильныя такія же дополненія, напечатанныя въ V томѣ «Prac Filologicznych» и отдѣльно подъ заглавіемъ «Przyczynki do słownika języka polskiego». Варшава, 1900, in 8⁰, стр. 296.

Здѣсь такъ-же, какъ и въ первомъ выпускѣ своего труда, авторъ даетъ намъ словарь почти исключительно областныхъ словъ, собранныхъ путемъ наблюденій надъ живою рѣчью, записанныхъ непосредственно имъ самимъ или посредствомъ другихъ лицъ. Исключеніе составляетъ около 500 охотничьихъ терминовъ, извлеченныхъ изъ рукописи начала XIX вѣка, а также небольшое количество словъ, найденныхъ г. Крчекомъ въ старыхъ повременныхъ изданіяхъ. Такимъ образомъ мы здѣсь получаемъ матеріалъ изъ первыхъ рукъ и отчасти въ первый разъ появляющійся въ печати.

Далеко не всѣ собранныя авторомъ слова до сихъ поръ были другимъ изслѣдователямъ неизвѣстны. Напротивъ того, значитель-

19*

ное ихъ большинство мы находимъ и въ общепольскихъ и въ областныхъ словаряхъ, но тѣмъ не менѣе Лопацинскій въ своемъ словарѣ не даетъ ничего лишняго. Предложенный имъ матеріалъ состоитъ изъ слѣдующихъ категорій: прежде всего изъ словъ, до сихъ поръ нигдѣ не записанныхъ; во-вторыхъ изъ словъ, хотя и помѣщенныхъ въ нѣкоторыхъ словаряхъ, но имѣющихъ тамъ другія значенія; въ-третьихъ изъ словъ, относительно которыхъ прежніе словари не даютъ указаній, что онѣ областныя или не говорятъ, изъ котораго говора взяты, или наконецъ не указываютъ на существованіе ихъ въ области, изслѣдованной Лопацинскимъ. Руководясь такимъ принципомъ, авторъ включилъ во второй выпускъ своего словаря около 7 тысячъ словъ, взятыхъ преимущественно изъ народныхъ говоровъ, изъ языка образованныхъ классовъ, отчасти изъ языка учащейся молодежи, употребляющей своеобразныя выраженія и обороты, и кромѣ того сюда же вошли охотничьи слова, о которыхъ мы упомянули выше, а также около сотни спеціальныхъ выраженій изъ терминологіи горнорабочихъ, рыбаковъ, бондарей и другихъ ремесленниковъ.

При каждомъ словѣ точно указывается мѣстность, изъ которой оно взято, и опредѣляется его значеніе. Кромѣ того часто приводятся цѣлые обороты изъ пѣсенъ или разговорнаго языка и всегда указываются областные и древнепольскіе словари или сборники, въ которыхъ данное слово находится въ томъ же, что и у Лопацинскаго, или въ другомъ значеніи. Такимъ образомъ здѣсь находимъ цѣнныя указанія на распространенность отдѣльныхъ словъ въ разныхъ говорахъ.

Слова по бóльшей части приводятся безъ всякихъ этимологическихъ объясненій, но часто авторъ сопоставляетъ ихъ съ соотвѣтственными словами другихъ родственныхъ языковъ, напр. малорусскаго и чешскаго, а иногда высказываетъ предположеніе этимологическаго характера. Наконецъ, если этимологія дана уже кѣмъ-либо другимъ, тогда Лопацинскій указываетъ только, гдѣ ее можно найти.

Изъ частныхъ объясненій автора отмѣчаемъ тѣ, которыя считаемъ неточными, или сомнительными. Непонятное слово opka, obchu (род. п. ед. ч.) въ выраженіяхъ: nie dawać opka dusze, obchu mi nie dał (Sprawozd. Kom. jęz. IV. 337) Лопацинскій объясняетъ на 139 стр., что оно произошло изъ odtcha, им. п. oddech, не смотря на то, что сочетаніе dtch, ttch, на сколько извѣстно, никогда въ польскомъ языкѣ не переходитъ въ сочетаніе pch, pk, да и авторъ въ подтвержденіе

своего объясненія не приводитъ никакого аналогичнаго случая. Для слова osadzać авторъ принимаетъ значеніе—otaczać, т. е. окружать и приводитъ примѣръ: psy osadzają odyńca; но и здѣсь возможно принять общепольское значеніе этого слова: останавливать, удерживать на мѣстѣ, заставлять кого присѣсть; о ѣздокѣ тоже говорится, что онъ osadza konia и въ совершенномъ видѣ одинаковое имѣетъ значеніе: osadzić konia, и osadzić odyńca. Синонимомъ слова otaczać, otoczyć служитъ слово: osaczać, osaczyć, но не osadzać. Въ виду цсл.-русскаго осаждать было бы интересно найти то же значеніе въ польскомъ языкѣ, но фраза, записанная авторомъ, на это не указываетъ. Въ словарѣ приведены два слова изъ одной мѣстности (Церковъ) именно: chebda и ebda растеніе, употребляемое для ванны для больного. Въ первомъ случаѣ оно сопоставляется съ литературнымъ chebd, во второмъ случаѣ съ hebd; казалось бы что авторъ принимаетъ здѣсь два отдѣльныя слова, между тѣмъ какъ обѣ народныя формы восходятъ несомнѣнно къ одному общему, которое въ др.-польс. языкѣ звучало chebd и обозначаетъ растеніе sambucus ebulus, а по средневѣковой терминологіи ebula, ebulus. (Ростафинскій, «Symbola ad historiam naturalem medii aevi» I, 311). Toje и toojeść ничего общаго не имѣютъ съ «tuja»; это древнія названія: toje,tojest, tojeść (vincetoxicum of.) — наконецъ замѣтимъ, что слово tymernie — «сейчасъ, немедленно» авторъ сопоставляетъ съ греческимъ τήμερον — сегодня, хотя такое сопоставленіе, немыслимое въ фонетическомъ отношеніи, очень трудно обосновать и исторически.

Профессоръ краковскаго университета Іосифъ Ростафинскій издалъ два сочиненія: «Słownik polskich imion rodzajów oraz wyższych skupień roślin, poprzedżony historyczną rozprawą o żródłach» (Краковъ, 1900, изданіе Краковской Академіи Наукъ, in 8°, стр. 834); и «Symbola ad historiam naturalem medii aevi» (двѣ части, изданіе Краковской Ак. Н.; Краковъ, 1900, in 8°, стр. 605 и 352).

Первое изъ этихъ сочиненій составляетъ первый томъ изданія: Materjały do historyi języka i dyalektologii polskiej и заключаетъ въ себѣ, кромѣ историческаго введенія, словарь всѣхъ существующихъ въ польскомъ языкѣ родовыхъ ботаническихъ названій. Предпринять настоящій трудъ побудило автора—по его словамъ—желаніе провести границу между родовыми и видовыми названіями. Первыя, какъ научные термины, не обозначающіе конкретныхъ предметовъ, а только отвлеченныя понятія, не должны входить въ составъ общихъ словарей, въ которые надо включить только видовыя названія, какъ обозначающія вмѣстѣ съ тѣмъ также и отдѣль-

ные предметы. По мнѣнію Ростафинскаго, ни въ одномъ изъ общихъ польскихъ словарей дѣленіе это не проведено систематически и поэтому въ нихъ перемѣшаны названія родовыя съ видовыми.

Интересными съ лингвистической точки зрѣнія представляются собранныя здѣсь историческія указанія на то, какимъ образомъ создавались въ Польшѣ ботаническія родовыя названія, т. е. ботаническая терминологія. Такъ какъ народъ о родахъ и семьяхъ растеній не имѣлъ никакого понятія и интересовался только конкретными представителями растительнаго царства, поэтому систематическая терминологія въ области ботаники могла возникнуть только въ то время, когда поляки стали систематически заниматься этой наукой, когда понадобилось познакомить соотечественниковъ съ классификаціей растеній. Такимъ образомъ ботаническая терминологія является результатомъ сознательной творческой работы отдѣльныхъ личностей. Неудивительно, что она по временамъ страдала различными недостатками: каждый авторъ придумывалъ свои собственныя названія, мало обращая вниманія на работы предшественниковъ, термины были не всегда удачны, часто не соотвѣтствовали вкусамъ польскаго общества, хотя повидимому были построены логично, другіе же, хотя на первый взглядъ казались мало выразительными, тѣмъ не менѣе навсегда удержались въ языкѣ. Оказывается, что и здѣсь происходило нѣчто въ родѣ естественнаго подбора.

Окончательно всѣ существующія теперь въ польской ботанической терминологіи родовыя названія можно раздѣлить на слѣдующія категоріи. 1. Польскія видовыя названія, перенесенныя на семью или родъ. 2. Заимствованныя иностранныя слова. 3. Польскія слова, составляющія переводъ иностранныхъ названій напр: piaskowe ziele — Arenaria, popielec — Cineraria и т. д. 4. Польскія новообразованія, построенныя по аналогіи другихъ словъ и имѣющія въ основаніи какой нибудь характерный признакъ (напр. у Клюка: dwuząb, niciennica, czepiec) или сходство съ другими растеніями: brzanka при ber. 5. Полонизованныя слова, представляющія фонетическій переводъ иностранныхъ названій: śmiałek—Schmile, gądziel — Günsel, ubiorek—Iberis, upatrek—Eupatorium, czystek—Cistus, przenęt—Prenanthus и т. д. (Клюкъ). Найдется здѣсь не одинъ интересный фактъ для изслѣдователей народной этимологіи.

Собранный здѣсь матеріалъ восходитъ не далѣе XVIII вѣка, т. е. къ крайнему предѣлу его возникновенія; онъ собранъ сполна и изложенъ въ научномъ порядкѣ. Сочиненіе, какъ мы уже упомянули, имѣетъ форму словаря и раздѣляется на двѣ части: въ первой пе-

речислены въ алфавитномъ порядкѣ латинскія родовыя названія и при каждомъ изъ нихъ собраны изъ различныхъ авторовъ соотвѣтственныя польскія слова. Вторая часть, польско-латинская, служитъ указателемъ для первой.

Второе изъ названныхъ сочиненій Ростафинскаго составляетъ VII и VIII томъ изданія «Munera saecularia Universitatis Cracoviensis». Оно состоитъ изъ слѣдующихъ частей: послѣ краткаго польскаго и латинскаго предисловій, слѣдуетъ 1) вступительная статья, въ которой говорится о древней и средневѣковой литературѣ естественныхъ наукъ вообще и о польской въ частности, и излагается характеристика польскихъ источниковъ, т. е. ботаническихъ, зоологическихъ и др. т. п. словарей. Затѣмъ 2) въ главной части своего труда авторъ даетъ собраніе средневѣковыхъ латинскихъ и польскихъ названій, отдѣльно ботаническихъ, зоологическихъ, минералогическихъ и различныхъ другихъ, употребляемыхъ въ средневѣковомъ врачебномъ искусствѣ. Весь этотъ матеріалъ расположенъ въ извѣстномъ порядкѣ, основанномъ на современной классификаціи, принятой въ естественныхъ наукахъ. Польскія названія написаны въ современной транскрипціи. Дальше 3) имѣется указатель: латинскихъ родовыхъ названій, латинскихъ средневѣковыхъ названій (неполный) и польскихъ средневѣковыхъ названій, тоже въ современной транскрипціи. Этимъ оканчивается первый томъ сочиненія. Во второмъ томѣ собранъ 4) матеріалъ изъ средневѣковыхъ памятниковъ, числомъ около 40, причемъ здѣсь не только латинскія, но и польскія слова напечатаны буквально такъ, какъ и въ источникахъ. Къ этому же тому приложены 4 таблицы снимковъ изъ рукописи Станки 1472 г.

Въ лингвистическомъ отношеніи самыми важными представляются: вторая и четвертая части. Именно во второй части имѣются средневѣковыя названія, расположенныя группами, относящимися по значенію къ одному предмету; здѣсь собраны и различные омонимы, и разновидности одного и того же названія. Особеннымъ богатствомъ омонимическихъ и разновидныхъ наименованій, имѣющихъ различное происхожденіе, отличается словарь ботаническихъ названій, который очевидно слагался въ средніе вѣка по тѣмъ же пріемамъ, къ которымъ прибѣгали болѣе поздніе творцы ботаническихъ классификаціонныхъ названій. Конечно, между средневѣковыми названіями растеній встрѣчаются очень древнія, общеславянскія, но большинство изъ нихъ носитъ отпечатокъ новаго пріобрѣтенія въ языкѣ. Для уясненія себѣ характера собраннаго здѣсь матеріала въ значи-

тельной степени помогаютъ указанія автора, изложенныя въ выше разсмотрѣнномъ нами его сочиненіи.

Авторъ старается отмѣтить здѣсь всѣ даже самыя мелкія разновидности даннаго названія: такъ напр. онъ записываетъ отдѣльно fijołkowe korzenie и fijołkowy korzeń, mieczyk и mieczyki, kosaciec biały и biały kosaciec. Но такъ какъ все здѣсь записано въ современной орѳографіи, то иногда случается, что обозначены такія разновидности, которыхъ на дѣлѣ, можетъ быть, никогда не было, напр. wylub и wyłup, стр. 272; такъ какъ въ источникахъ стоитъ: въ первомъ случаѣ wylub, а во второмъ wilup, то обѣ эти формы могутъ легко обозначать до сихъ поръ живущее въ устахъ народа слово wylub. Иногда можно спорить съ авторомъ относительно правильности чтенія даннаго слова: напр. онъ на стр. 273 пишетъ kosztywał и указываетъ на 11 источниковъ, въ которыхъ записано это слово. Изъ нихъ 10 показываютъ на kostiwał, kostywał, а не kosztywał, и только въ одномъ можно предположить, хотя тоже не съ полною увѣренностью чтеніе kosztywał. Эти недостатки, насколько ихъ можно было замѣтить, не представляются особенно важными, потому что изслѣдователь имѣетъ всегда возможность сличить чтеніе автора съ подлинной формой слова, записаннаго буквально во второмъ томѣ. Сличеніе производится очень быстро и удобно благодаря выбранному авторомъ пріему. Именно, при каждомъ названіи латинскомъ и польскомъ въ первомъ томѣ стоитъ число, соотвѣтствующее числу, поставленному при данномъ словѣ во второмъ томѣ. Такъ какъ здѣсь числа слѣдуютъ одно за другимъ по очереди отъ 1 до 9351 (латинскихъ) и 11,286 (польскихъ) поэтому найти искомое — дѣло секунды, конечно въ томъ случаѣ, если число въ первомъ томѣ обозначено безошибочно. Къ сожалѣнію ошибки встрѣчаются, и тогда нужно прибѣгать къ помощи латинскихъ обозначеній, которыя сопровождаются другими числами: поиски въ такихъ случаяхъ значительно затрудняются.

Не такъ простъ и легокъ переходъ отъ второго тома къ первому: если для какого-нибудь названія, найденнаго во второмъ томѣ, желаемъ подыскать средневѣковые синонимы, тогда мы должны прибѣгнуть къ помощи указателя и если въ немъ слово случайно пропущено или страница указана ошибочно, тогда всякій слѣдъ теряется. Но если даже допустить, что ошибокъ такихъ нѣтъ, то и въ такомъ случаѣ процессъ поисковъ представляется нѣсколько утомительнымъ.

Почти всѣ собранныя здѣсь названія (за исключеніемъ 9 словъ изъ

памятника начала XIV в.) извлечены изъ источниковъ XV и XVI в. Указанное выше общее число словъ латинскихъ и польскихъ (часто повторяющихся во многихъ памятникахъ) относится къ 1797 предметамъ, изъ которыхъ многія, особенно въ области растительнаго царства, имѣютъ по нѣсколько названій.

Вопросъ, на сколько точно Ростафинскій передаетъ въ своемъ словарѣ подлинный текстъ памятниковъ, можно рѣшить только послѣ тщательнаго сравненія его труда съ источниками. Отчасти это сдѣлалъ Эразмъ Маевскій, который въ своей рецензіи на книгу Ростафинскаго («Wisła» т. XIV, вып. 5) указываетъ допущенныя имъ въ этомъ отношеніи нѣкоторыя погрѣшности. Такъ напр. указаны здѣсь ошибки въ транскрипціи: parchewka, kichaczka, вм. parchawka, kichanica, правильно записанныхъ во второмъ томѣ (№ 462, 2535 и 4799); точно также cis вм. risz (7672); слово czyes (9833) по Маевскому относится не къ ежу, но обозначаетъ дерево cis. Ошибочно обозначены у Ростафинскаго: capia przędza (2033), между тѣмъ какъ въ рукописи стоитъ capya, т. е. kania przędza, какъ и въ другихъ источникахъ; sczyeheuki (3373)—въ рукописи sczyethenki; łapinos (3323)—въ рукописи capinos т. е. czapi nos, по справедливому объясненію Маевскаго—изъ чешскаго въ значеніи «носъ аиста», а не czapli nos, какъ это объясняетъ Ростафинскій, приводя это названіе изъ другихъ источниковъ.

Въ той же рецензіи указывается еще, что слово szczuczka (10,111) неправильно отнесено къ молодой волчицѣ, а не къ молодой щукѣ.

Въ первомъ томѣ авторъ при каждой группѣ синонимовъ обозначаетъ общій характеръ предмета, къ которому эти слова относятся. Такъ напр. здѣсь указывается, принадлежитъ ли данное растеніе къ туземнымъ дикимъ, или искусственно разводимымъ, или оно было извѣстно только по привознымъ плодамъ, или наконецъ только по наслышкѣ. Культивированныя растенія иногда носятъ повидимому польскія названія, но почти всегда можно или нужно предполагать, что эти слова передѣланы изъ иностранныхъ на польскій ладъ. Впрочемъ, то же самое можно сказать и о многихъ названіяхъ растеній хотя и туземныхъ, но имѣющихъ искони небольшое лѣчебное или экономическое значеніе. Во всякомъ случаѣ болѣе близкое опредѣленіе характера растенія не является лишнимъ и для лингвиста.

Кромѣ этихъ общихъ указаній довольно часто авторъ даетъ болѣе обширныя примѣчанія въ особенности относительно цѣлебныхъ и волшебныхъ свойствъ растеній и другихъ предметовъ, а также этимологическія объясненія ихъ названій. Жаль, что эти примѣчанія

иногда слишкомъ сжаты и поэтому нерѣдко возбуждаютъ сомнѣнія: объясняетъ ли авторъ этимологію слова, на основаніи свойствъ, приписываемыхъ предмету, или наоборотъ.

Въ этихъ объясненіяхъ мы замѣтили нѣкоторыя неточности и сомнительныя сужденія.

На стр. 147 и 309 авторъ категорически заявляетъ, что въ Польшѣ когда-то ѣли зеленые ростки хмеля, чтобы опохмелиться. Онъ въ доказательство приводитъ только двустишіе Кохановскаго:

«Chmiel jeśli dobrze smakuje,
Przeto ciem go w głowie czuję».

Но здѣсь слово chmiel скорѣе надо понимать не въ буквальномъ, а въ переносномъ значеніи хмельного напитка.

Названіе płoskunkij (145), płoskoń авторъ сопоставляетъ съ цсл. плоскъ, что въ высшей степени сомнительно въ виду русскаго посконь. Jaskier (168) по его мнѣнію называется потому, что приложенный къ кожѣ вызываетъ на ней красноту (ciało się iskrzy); такое сопоставленіе очень рискованно; скорѣе можно предположить своеобразный переводъ латинскаго flammula. Żegleń 176 (planta culta), потому что окрашиваетъ въ цвѣтъ чего-то сожженнаго (spalenizny), т. е. темно-синій,—совсѣмъ невѣроятно. Wielkierz (178), небольшое растеніе и вовсе не кустарникъ, по автору должно обозначать: duży kierz (т. е. wieli kierz); скорѣе имѣемъ здѣсь нѣмецкое заимствованіе съ wild—въ первой части (дикая капуста). Rzeżucha (175) по автору отъ рѣзать; одинъ разъ написано żerucha и это названіе кажется болѣе древнее, ср. Radożirz потомъ Radorzyż, Radoryż, чешск. Kroměžir потомъ Kroměriž, Kroměřiž, а также названіе мѣстности Zorzowek (Dlugossius. Liber Beneficiorum, III, 192 и т. д.) теперь Rzozów; такая же перестановка звуковъ могла быть и въ żerzucha; на эту же форму указываетъ и русская жеруха. Въ названіи tuczen murzyk, авторъ первое слово считаетъ существительнымъ tuczeń, не зная, что это прилагательное, и поэтому раздѣляетъ это сложное названіе на два самостоятельныя, вопреки ясному указанію источника. Tesznik и tużebnik (189) названія одного растенія: «по мнѣнію средневѣковыхъ людей — пишетъ Р. — растеніе, должнобыть, вызывало радость (uciechę)—если оно tesznik, и удаляло тоску (тужить)—если оно tużebnik». Но вѣдь оба эти слова однозначны и tesznik не имѣетъ ничего общаго съ утѣхой. Brzok (192) при brzek, brzekinia напрасно авторъ сближаетъ съ названіемъ березы. Zanowiec и żarnowiec (207) ни-

коими образомъ не могутъ восходить къ janowiec, а это послѣднее названіе нельзя соединить съ днемъ св. Яна (Ивана). Растеніе, теперь называемое janowiec, имѣетъ у Ростафинскаго много названій разнообразныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ сходныхъ, которыя ясно указываютъ на процессъ народной этимологіи. По нашему мнѣнію, первообразомъ служили латинскія названія: genista, genesta, genosta, передѣланныя въ janosiet, затѣмъ появились janowiec, sianowiec и изъ послѣдняго zanowiec и żarnowiec, а кромѣ того sianożęć, żnisiano и т. п. Рискованно тоже łub, łuby (234) выводить изъ łupić, kręczywój (235) неправильно вм. kraciwój (ср. kręczywoy (613), и kłokoczyna, т. е. kłokocina (180) szanoszącz (130), т. е. sianożąć и т. д. въ томъ же памятникѣ. Ochechulec (242) авторъ стремится объяснить какъ славянское слово, и дѣлаетъ выводъ на основаніи своей этимологіи (чешск. ochechlati-pochlebiać), что это магическое растеніе, умиротворяющее гнѣвъ и снискивающее любовь. Латинское acheloides скорѣе указываетъ на то, что польское названіе является передѣлкой латинскаго. Obieżyświat (246) авторъ очень неубѣдительно объясняетъ формой растенія; латинское garovaga, можно полагать, послужило источникомъ для польскаго новообразованія (vagus—włóczęga, obieżyświat). Непонятно, почему авторъ не довѣряетъ глоссѣ у Станки stłupik (246) и предпочитаетъ форму słupik, какъ онъ говоритъ, «потому что только это названіе имѣетъ смыслъ»; вѣдь это двѣ формы одного и того же слова. Kopr (257) и kropidło ничего общаго не имѣютъ вопреки мнѣнію автора. Названія toje, tojest по указанію автора (270) составляютъ переводъ нѣмецкаго das ist (vincetoxicum officinale), но форму tojeść авторъ считаетъ происшедшей на почвѣ народной этимологіи, хотя форма jeść 3 л. ед. ч. при je, jest встрѣчается въ старыхъ польскихъ памятникахъ. Cząbr изъ лат. timbra по автору (287). вѣроятно черезъ посредство чешск. čabr; это возможно только для эпохи, когда и чешское названіе выговаривалось съ носовымъ гласнымъ, звукомъ. Skorożrza (305) нельзя вывести изъ skorocel. Указаніе автора на различіе между włoczanki и włóczanki (306), а также убѣжденіе въ томъ, что это слово происходитъ отъ włoka (которое—замѣтимъ звучитъ также włóka) основано на такихъ тонкостяхъ, что становится совсѣмъ непонятнымъ. Zażży dur (306) не можетъ быть тѣмъ же, что zażga dur, съ łodyga нельзя сопоставлять łoczyga; скорѣе это послѣднее изъ лат. lactuca. Названіе животнаго zdbik (434) Ростафинскій выводитъ отъ глагола dbać (zwierzę dybiace), но zdbik уменьшительная форма отъ zdeb, steb, что по автору обозначало первоначально: «wspinający

się... bo ten kot, łażący po drzewach, tak się czepiał silnie kory, że zabitego musiano nieraz tyką zrzucać». Какое здѣсь отношеніе къ слову steb?

Выше указаны самые рискованные, по нашему мнѣнію, этимологическіе выводы автора; сомнительныхъ есть еще больше. Надо однако по справедливости отмѣтить одно его мнѣніе, очень вѣроятное, относительно названія мѣсяца czerwiec: онъ на стр. 475, отвергая старое объясненіе отъ насѣкомаго czerwiec (coccus polonicus), принятое между пр. и Миклошичемъ (Die slav. Monatsnamen, стр. 8), предлагаетъ другое: въ этомъ мѣсяцѣ—говоритъ—рождаются черви пчелъ, а извѣстно, что пчеловодство уже въ древности у славянъ имѣло огромное значеніе въ экономической ихъ жизни.

Остается сказать нѣсколько словъ вообще объ указанныхъ нами сочиненіяхъ. Всѣ эти труды являются богатымъ вкладомъ въ науку, благодаря многимъ несомнѣннымъ ихъ достоинствамъ. Въ критическихъ отзывахъ обыкновенно больше мѣста предоставляется указанію недостатковъ, чѣмъ достоинствъ, и иначе быть не можетъ: общіе упреки всегда кажутся несправедливыми. Но указанные нами недостатки являются ничтожными въ сравненіи съ высокими качествами всѣхъ этихъ сочиненій: Варшавскій Słownik, какъ прекрасный синонимическій словарь, по своей полнотѣ не имѣющій себѣ равнаго; трудъ Карловича, какъ систематическое собраніе отлично изложеннаго областного матеріала; цѣнное дополненіе Лопацинскаго, и важныя для изслѣдователя народной этимологіи и древнепольскаго языка, а также для этнографа работы Ростафинскаго, всѣ вмѣстѣ указываютъ, что 1900 годъ для польской лексикографіи будетъ сочтенъ самымъ благопріятнымъ. Никогда до сихъ поръ одновременно не появлялось столько многочисленныхъ и важныхъ труды въ этомъ направленіи.

Остается пожелать только одного: чтобы и для общаго древнепольскаго словаря скорѣе было сдѣлано такое начало, какое имѣется уже для областныхъ говоровъ въ словарѣ Карловича.

И. Лось.

Literární činnost Mistra Jana Husi. Napsal Dr. Václav Flajšhans. V Praze, 1900. Nákladem České Akademie Císaře Františka Josefa pro vědy, slovesnost a umění.

Чешская Академія Наукъ въ числѣ задачъ своихъ поставила изданіе выдающихся по своему значенію памятниковъ древней чешской письменности, и въ этомъ направленіи ею уже сдѣлано довольно много, если примемъ во вниманіе непродолжительность существованія этого ученаго учрежденія, крайнюю стѣсненность его въ средствахъ и другія препятствія. Къ сожалѣнію, не всѣ изданія Академіи стоятъ на высотѣ того уровня, на какомъ ученый міръ привыкъ встрѣчать изданія высшихъ ученыхъ учрежденій. Нѣкоторыя изданія чешской Академіи, представляющія собою лишь голыя перепечатки текста, по рукописямъ или рѣдкимъ изданіямъ, безъ всякихъ пояснительныхъ введеній и предисловій, безъ критическаго комментарія, вообще — безъ всего того, что̀ являлось бы результатомъ добросовѣстнаго, всесторонняго изслѣдованія извѣстнаго памятника, нельзя признать явленіями удовлетворительными и желательными. Такого рода изданія вызываютъ всегда извѣстное чувство досады: они заставляютъ только всякаго, кто интересуется даннымъ памятникомъ въ широкомъ смыслѣ и не можетъ заняться спеціальнымъ изученіемъ его, ждать долгіе годы (иногда понапрасну), когда наконецъ появится изслѣдованіе какого-либо спеціалиста по изученію произведеній того или другого писателя, или цѣлаго періода литературнаго развитія, вызванное подобнымъ изданіемъ.

Чешская Академія, насчитывающая уже довольно длинный рядъ изданій памятниковъ старой чешской письменности, имѣетъ, повидимому, своей задачей издать полное и строго-научное собраніе твореній великаго философа-педагога Яна Амоса Коменскаго.

Начало въ этомъ отношеніи уже сдѣлано, и нѣтъ никакихъ основаній сомнѣваться въ томъ, что это дѣло будетъ успѣшно подвигаться впередъ. Послѣ двухъ томовъ переписки Коменскаго, изданныхъ библіотекаремъ Чешскаго Музея А. О. Патерой (1892 г.) и проф. Юрьевскаго университета И. Квачалой (1897—98 г.), издано было А. О. Патерой и И. В. Новакомъ вновь откры-

тое сочиненіе Коменскаго: «Theatrum universitatis rerum» (См. Ж. М. Н. Пр., 1897, № 12, отд. 2), а вскорѣ затѣмъ послѣдовало снабженное обстоятельнымъ введеніемъ изданіе д-ра Іос. Миллера: «Jana Amosa Komenského na spis proti jednotě bratrské od Sam Martinia z Dražova sepsaný Ohlášení etc.» (1898 г.). Очередь и за другими великими писателями.

Недавно Академія издала въ свѣтъ въ высокой степени поучительный, чрезвычайно важный и необходимый для всякаго занимающагося чешской письменностію указатель всѣхъ произведеній Гуса, сохранившихся въ рукописяхъ, изданныхъ въ печати и даже для нашего времени погибшихъ. Единственный въ чешской литературѣ по обдуманности плана, богатству и новизнѣ указаній библіографическій трудъ этотъ составленъ д-ромъ Вячеславомъ Флайшгансомъ, пріобрѣвшимъ своими изслѣдованіями въ области древней чешской письменности и изданіями памятниковъ ея почетную извѣстность. Онъ долженъ послужить какъ бы «вступленіемъ» къ будущему полному критическому изданію сочиненій Гуса. О необходимости и способахъ осуществленія такого изданія составитель разсматриваемаго труда говоритъ подробно въ статьѣ: «O potřebě a způsobu kritického úplného vydání spisů Husových» (Desátá výroční zpráva spolku «Minerva» v Praze). Потребность въ подобномъ изданіи сочиненій Гуса чувствуется уже давно, и на нее указывалось неоднократно. Благодаря отсутствію полнаго собранія сочиненій великаго учителя, до сихъ поръ нѣтъ ни въ чешской литературѣ, ни въ другихъ литературахъ полнаго и всесторонняго изслѣдованія дѣятельности Гуса; а между тѣмъ открываются постоянно новые матеріалы, обнаруживаются все ярче и рѣзче недостатки изданій прежнихъ временъ, къ тому же приближается пятисотлѣтняя годовщина мученической смерти Гуса (6-го іюля 1915 года). Изданіе къ этому времени всѣхъ произведеній Гуса, всего огромнаго наслѣдія его, было бы лучшимъ памятникомъ «благодарнаго потомства» великому сыну чешской земли, но о такомъ монументальномъ изданіи пока позволительно только мечтать, въ виду незначительности времени, остающагося для созданія этого памятника, и малаго числа работниковъ на благодарной и богатѣйшей нивѣ изученія твореній Гуса.

Въ названной нами выше статьѣ д-ръ В. Флайшгансъ достаточно обстоятельно излагаетъ свой планъ этого обширнаго изданія, причемъ по приблизительному расчету его оно должно будетъ состоять изъ тридцати томовъ. Работа предстоитъ положительно

колоссальная. Стоитъ только просмотрѣть указатель, составленный д-ромъ В. Флайшгансомъ, чтобы наглядно представить себѣ величіе предлагаемой имъ задачи. Собрать воедино многочисленныя сочиненія Гуса, разсѣянныя по библіотекамъ Европы, начиная съ Петербурга и кончая Парижемъ и Лондономъ, и даже Америки, обработать и приготовить все это количество матеріала для печати — это, несомнѣнно, идеалъ, который возможно осуществить только при огромныхъ жертвахъ труда и капитала, но стремиться хотя бы приблизиться къ этому идеалу — это есть священный долгъ современнаго поколѣнія.

Изданіе, планъ коего выработалъ д-ръ В. Флайшгансъ, должно заключать «opera omnia» Гуса, т. е. оно должно обнимать все, что̀ по признакамъ внѣшнимъ или внутреннимъ принадлежитъ несомнѣнно Гусу. Необходимо, такимъ образомъ, произвести строгій разборъ этихъ признаковъ для рѣшенія вопроса о принадлежности того или другого произведенія Гусу; надо вообще подвигаться впередъ съ крайнею осторожностью, чтобы во всей огромной массѣ нынѣ уже накопившагося матеріала не запутаться, не растеряться, но выйти на путь яснаго и строго опредѣленнаго рѣшенія. Вѣдь еще и въ настоящее время въ чешской исторической наукѣ встрѣчаемъ труды, которые, будучи направлены противъ Гуса и его ученія, основываются на произведеніяхъ, ложно Гусу приписываемыхъ.

Указатель д-ра В. Флайшганса въ значительной степени выполняетъ эту работу. Онъ обнаруживаетъ широкое знакомство составителя съ рукописными сокровищами европейскихъ библіотекъ съ изданіями сочиненій Гуса, многочисленными изслѣдованіями, имъ посвященными, и является вообще единственнымъ по своей полнотѣ обозрѣніемъ литературнаго наслѣдія Гуса, настольной книгой для всякаго, изучающаго это богатое наслѣдіе.

Списки сочиненій Гуса составлялись уже весьма рано. Такъ въ началѣ XV столѣтія такой списокъ нѣкоторыхъ произведеній Гуса, такъ называемыхъ констанцскихъ, составленъ былъ другомъ Гуса Петромъ изъ Младеновицъ, а вслѣдъ за нимъ и Лаврентіемъ изъ Бржезовой. Къ числу такихъ указателей д-ръ В. Флайшгансъ относитъ хранящійся въ библіотекѣ Чешскаго Музея списокъ, составленный около 1550 г. и напечатанный Эрбеномъ въ III томѣ его изданія сочиненій Гуса. Это были первые опыты библіографіи твореній Гуса. Но эти источники съ теченіемъ времени расширяются и начинаютъ приписывать Гусу то, что̀ ему на самомъ дѣлѣ

не принадлежало, напримѣръ, сочиненія Виклефа, Хельчицкаго и т. п. Многія изъ произведеній Гуса погибли окончательно уже въ ближайшее къ его дѣятельности время.

Первыя печатныя изданія сочиненій Гуса стали появляться уже въ XV ст., но относительно этихъ изданій мы имѣемъ только смутныя указанія; таковы, напр., изданіе 1459 г. чешскаго перевода одного изъ констанцскихъ трудовъ Гуса, нѣсколько позже появившееся латинское изданіе сочиненія Gesta Christi (вошедшаго впослѣдствіи во II томъ Нюрнбергскаго изданія сочиненій Гуса, подъ заглавіемъ: «Historia gestorum Christi ex quattuor evangelistis in unum collecta»...) и въ 1495 году изданіе писемъ Гуса.

Первое собраніе латинскихъ сочиненій Гуса предпринялъ въ 1524 году Отто фонъ-Брунфельсъ (или Браунфельсъ), внесшій въ это изданіе и сочиненія, Гусу не принадлежащія, напр., трактаты Матвѣя изъ Янова. Вслѣдъ за Брунфельсомъ приступаетъ къ изданію сочиненій Гуса, а именно писемъ его, Мартинъ Лютеръ (1536 г.). Но значительно выше этихъ двухъ издателей стоятъ нюрнбергскіе почитатели Гуса, которые въ 1558 году издали въ видѣ двухъ большихъ фоліантовъ всѣ доступныя имъ латинскія сочиненія Гуса (Iohannis Hus et Hieronymi Pragensis, confessorum Christi, historia et monumenta... Norimbergae; второе изданіе, дополненное указателемъ, вышло въ 1715 г.), а въ 1563 г. (второе изданіе 1592 года)—главнѣйшія чешскія произведенія его, до того времени въ печати не появлявшіяся. Эти два нюрнбергскихъ изданія надолго остались краеугольнымъ камнемъ для всѣхъ дальнѣйшихъ изслѣдованій о Гусѣ, а въ отношеніи къ латинскимъ трудамъ Гуса первое изъ нихъ и донынѣ не потеряло своего значенія. Оба изданія, латинское и чешское, заключаютъ въ себѣ многое, Гусу не принадлежащее; чешское изданіе, напримѣръ, содержитъ переводы, принадлежащіе другимъ лицамъ; но при всемъ авторитетѣ лучшихъ знатоковъ твореній Гуса, отвергавшихъ авторство его, они продолжали считаться принадлежащими Гусу.

Вообще, весьма долгое время вся наличность литературнаго наслѣдія Гуса не была приведена въ извѣстность, и даже Добровскій въ первомъ изданіи своей литературы знаетъ изъ сочиненій Гуса только азбуку, переводъ библіи и пѣсни; во второмъ изданіи прибавляются къ этому гекзаметры и катехизисъ, и, наконецъ, въ третьемъ, на основаніи знакомства съ рукописнымъ матеріаломъ, онъ перечисляетъ уже болѣе значительное количество трудовъ Гуса. Юнгманнъ еще въ 1825 году, въ первомъ изданіи своей

«Исторіи чешской литературы», не далеко ушелъ отъ Добровскаго и отъ нюрнбергскихъ издателей. Значительно далѣе впередъ двинулся Палацкій въ 1845 году въ своей «Исторіи чешскаго народа» (первоначально — въ нѣмецкомъ изданіи). Надо замѣтить здѣсь, что широкому и свободному изученію и изданію произведеній Гуса препятствовали въ значительной степени и обстоятельства политическаго характера: необыкновенно строгая и придирчивая австрійская цензура, и только 1848-ой годъ принесъ въ этомъ отношеніи нѣкоторое облегченіе. Ганка, издавая въ 1825 году одинъ изъ маленькихъ трактатовъ Гуса (Dcerka), не только долженъ былъ въ немъ многое измѣнить, но не осмѣлился даже выставить на заглавномъ листѣ имя Гуса. Блестящее изложеніе дѣятельности Гуса представилъ В. В. Томекъ въ своей «Исторіи Пражскаго университета» (1849 г.); Юнгманнъ въ новомъ изданіи своей исторіи чешской литературы (1849—1851) насчитываетъ уже 38 чешскихъ сочиненій Гуса, и его библіографическія указанія въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ были единственнымъ источникомъ литературныхъ свѣдѣній о Гусѣ, къ сожалѣнію, заключающимъ большое количество ошибокъ, повторяемыхъ затѣмъ неоднократно и другими историками литературы. Нѣкоторые промахи Юнгманна исправлены были впослѣдствіи Воцелемъ въ его двухъ чтеніяхъ въ Чешскомъ ученомъ Обществѣ (21 янв. и 18 февр. 1856 г.); въ статьѣ своей о Гусѣ (въ «Словникѣ Научномъ» Ригра) Воцель отмѣчаетъ, впрочемъ, всѣхъ произведеній Гуса, латинскихъ и чешскихъ, только 27, но и тутъ вкралось еще много ошибокъ; перечисляя латинскія сочиненія Гуса, онъ тоже придерживается нюрнбергскаго изданія ихъ.

Много произведеній Гуса, извѣстныхъ дотолѣ только изъ нюрнбергскаго изданія, печатаетъ впервые по рукописямъ Гефлеръ (въ 1856 г. и сл.); въ его «Die Geschichtsschreiber der hussitischen Bewegung» (I—II) впервые представлена была съ надлежащей полнотой дѣятельность Гуса въ качествѣ профессора университета; онъ издаетъ рядъ вновь открытыхъ писемъ Гуса, первый печатаетъ въ оригинальной редакціи повѣствованіе Петра изъ Младеновицъ. Второй трудъ Гефлера: «Magister Iohannes Hus und der Abzug der Deutschen Professoren und Studenten von Prag im Jahre 1409» (1864) тоже сообщалъ рядъ новыхъ матеріаловъ для исторіи литературной дѣятельности Гуса.

На непосредственномъ изученіи источниковъ основано было и предпринятое Эрбеномъ изданіе сочиненій Гуса. Въ приложеніи къ

III-му тому Эрбенъ помѣстилъ обстоятельное изслѣдованіе «О чешскихъ сочиненіяхъ магистра I. Гуса и о ихъ нынѣшнихъ источникахъ». Онъ отмѣчаетъ здѣсь всѣ вообще извѣстныя рукописи, изданія и чешскія произведенія Гуса, коихъ онъ называетъ всего 24, а къ нимъ присоединяетъ 3 сомнительныхъ, даетъ критическую оцѣнку трудовъ своихъ предшественниковъ и называетъ 12 утраченныхъ сочиненій Гуса. Трудъ Эрбена служилъ основаніемъ для дальнѣйшихъ работъ въ этой области. Нѣсколько дальше его пошелъ I. Иречекъ въ своей «Rukovět'». Тщательно собранный и образцово изданный матеріалъ представленъ былъ Палацкимъ въ его: «Documenta»... etc. (1869). Не перечисляя здѣсь длиннаго ряда библіографическихъ трудовъ по изученію сочиненій Гуса, мы замѣтимъ только, что новые пути въ этомъ направленіи указаны были въ блестящемъ изслѣдованіи I. Лозерта (Loserth) «Hus und Wiclif» (1884 г.), гдѣ представлено не только полное обозрѣніе литературы вопроса до 1883 года, но отмѣчены и источники многихъ произведеній Гуса. Изслѣдованія его продолжались и въ послѣдующіе годы, но до сихъ поръ результаты ихъ не изданы въ цѣломъ. Обстоятельный сводъ литературы о Гусѣ присоединилъ къ чешскому переводу монографіи G. V. Lechler'a (Jan Hus. Zivotopis... V Pardubicích, 1891) Богумилъ Марешъ.

Въ послѣднее время изъ чешскихъ ученыхъ усердно занимаются изученіемъ твореній Гуса: К. Новакъ, В. Новотный и составитель разсмотрѣннаго нами указателя, В. Флайшгансъ.

Насколько результаты изслѣдованій г. Флайшганса превосходятъ данныя, сообщаемыя его предшественниками о литературномъ наслѣдіи Гуса, видно изъ сопоставленія слѣдующихъ цифръ: по подсчету Ярослава Влчка (въ его «Dějinách české literatury») ему извѣстно около 50 рукописей сочиненій Гуса; по свѣдѣніямъ К. Новака: приблизительно 20 чешскихъ и 22 латинскихъ рукописи; В. Флайшгансъ насчитываетъ въ своемъ обозрѣніи 171 рукопись сочиненій Гуса (въ нѣкоторыхъ рукописяхъ по нѣскольку произведеній), изъ нихъ: 74 латинскихъ, *одна* нѣмецкая и 36 чешскихъ; далѣе онъ отмѣчаетъ свыше ста названій сочиненій, ошибочно приписываемыхъ Гусу, 4 чешскихъ и 10 латинскихъ затерянныхъ сочиненій и, наконецъ, 6 чешскихъ и 12 латинскихъ происхожденія болѣе или менѣе сомнительнаго. Такимъ образомъ, матеріалъ, отмѣчаемый г. Флайшгансомъ, превосходитъ втрое прежнія указанія.

Распредѣленіе библіографическаго матеріала, относящагося къ

каждому изъ извѣстныхъ сочиненій Гуса, ведется въ слѣдующемъ порядкѣ:

A. Опредѣленіе текста.	1. Заглавіе (отмѣчаются всѣ вообще употребительныя и всегда титулъ рукописи).
	2. Содержаніе (здѣсь систематически дѣлается ссылка на извлеченія, сдѣланныя въ различныхъ изданіяхъ).
	3. Раздѣленіе на главы или стихи и т. п.
	4. Incipit и explicit согласно рукописи.
B. Принадлежность Гусу.	5. Авторство Гуса, обыкновенно доказываемое: а) собственнымъ его свидѣтельствомъ (т. е. на основаніи его сочиненій или какихъ-либо указаній); в) свидѣтельствомъ чужимъ, прежде всего старшихъ писателей до XVII в. и новѣйшихъ отъ XVIII ст.
	6. Время, когда сочиненіе было написано.
C. Въ какомъ видѣ сочиненіе сохранилось.	7. Рукописи перечисляются по мѣсту ихъ нахожденія; при перечисленіи рукописей указывается время ихъ происхожденія.
	8. Печатныя изданія отмѣчаются почти всѣ.
	9. Переводы указаны въ слѣдующемъ порядкѣ: чешскій, латинскій, нѣмецкій, французскій, англійскій и др.
D. Труды по изученію.	10. Источники отмѣчаются по большей части на основаніи Лозерта; гдѣ можно назвать нѣсколько источниковъ, отмѣчается обыкновенно только главный.

11. Указанія на ученыя изслѣдованія дѣлаются только существеннѣйшія, такъ чтобы видно было, кто наибольше работалъ по этому предмету.

Образцомъ такого распредѣленія библіографическихъ свѣдѣній о сочиненіяхъ Гуса послужилъ для г. Флайшганса извѣстный каталогъ сочиненій Виклефа, составленный Ширлеемъ (Schirley). Счастливому въ поискахъ и неутомимому въ изслѣдованіи памятниковъ литературной дѣятельности Гуса автору разсмотрѣнной нами книги можно только пожелать положить основаніе тому монументу, проектъ и планъ котораго онъ такъ тщательно разработалъ. Въ заключеніе замѣтимъ, что четыре письма Гуса въ русскомъ переводѣ и нѣмецкомъ оригиналѣ издалъ В. А. Бильбасовъ («Чехъ Янъ Гусъ изъ Гусинца. Письма Яна Гуса, выбранныя Мартиномъ Лютеромъ». СПБ. 1869) по рѣдкой брошюрѣ И. Публичной Библіотеки: «Etliche Brieue Iohannis Huss des Heiligen Merterers, aus dem Gefengniss zu Costenz, an die Behemen geschrīeben. Mit einer Vorrhede Doct. Mart. Luthers». Въ своемъ изданіи В. А. Бильбасовъ сдѣлалъ нѣкоторыя отступленія отъ оригинала: онъ расположилъ письма Гуса въ хронологическомъ порядкѣ, поставивъ третье письмо нѣмецкаго изданія первымъ и первое третьимъ, и опустилъ посланіе чешскихъ и моравскихъ вельможъ къ констанцскому собору, отъ 2 сент. 1416 г., какъ относящееся не столько къ Гусу, сколько къ гуситской эпохѣ вообще. Относительно рукописей трактата «Dcerka» мы можемъ сообщить указаніе на существованіе еще одной рукописи. 10 апрѣля 1828 года польскій ученый Кухарскій извѣщалъ Ганку о томъ, что онъ вмѣстѣ съ Колларомъ нашелъ рукопись «Dcerku» въ Пештѣ. Сличивъ съ нею изданіе Ганки (1825 г.), онъ замѣтилъ, что тамъ, гдѣ въ изданіи Ганки: «Tuto se počina o poznanj cesty prawé k spasenj», въ пештской рукописи стоитъ: «Tuto se počina Swatého Augustina zrcadlo». Болѣе точныхъ свѣдѣній о своей находкѣ Кухарскій не сообщаетъ.

В. Францевъ.

Молитва на дьявола. Церковно-славянскій текстъ западно-славянскаго происхожденія. Съ предисловіемъ проф. А. И. Соболевскаго. Фотолитографическое изданіе при С.-ПБ. Археологическомъ Институтѣ М. И. и В. И. Успенскихъ.

Спб. 1899. 4°. II + 24 стр.

А. И. Соболевскій. Церковнославянскіе тексты моравскаго происхожденія. Варшава. 1900. 8°. 68 стр. (Оттискъ изъ Русскаго Фил. В.).

Профессору Соболевскому посчастливилось найти цѣлый рядъ старославянскихъ памятниковъ русской, среднеболгарской и сербской редакціи), по особенностямъ своего словарнаго матеріала, очень напоминающихъ знаменитые Кіевскіе глаголическіе отрывки,—рукопись несомнѣнно моравскаго происхожденія. Эти памятники слѣдующіе:

1) «Молитва на дьявола». Она издана авторомъ отдѣльно, по рукописи ярославскаго Спасо-Преображенскаго монастыря, и представляетъ только одну изъ многихъ молитвъ пергаменнаго «Чиновника». Кромѣ именъ спеціально-западнославянскихъ святыхъ, какъ: Флуріанъ, Іеромъ, Витъ и др., языкъ этого памятника содержитъ еще «моравизмы»: *Маргарѣта, вытепѣте, вынали.*

2) «Бесѣды» (на евангеліе) папы Григорія В., несомнѣнно переведенныя съ латинскаго и изслѣдованныя авторомъ по рукописи Публ. Библ. (Погод., № 70) XIII в. Изъ многочисленныхъ «моравизмовъ», приведенныхъ г. Соболевскимъ изъ этого памятника, укажемъ на: **вароватисѧ**, ср. чешск. varovâti, **гризь**, ср. чешск. hrýz, **законьникъ**, ср. чешск. zakonník, **єдачсо**, ср. чешск. ledaco и пр.

3) «Житіе св. Бенедикта» по списку сербскаго пергаменнаго сборника Публ. Библ. (Гильф. № 90) XIV в. «Моравизмы» въ языкѣ этого также съ латинскаго переведеннаго произведенія: **вароватисѧ, рачити, молитвьница.**

4) «Никодимово Евангеліе», восходящее, какъ доказалъ еще Поливка (Č. C. M., 1891), къ латинскому оригиналу. Авторъ изслѣдовалъ два русскіе списка этого произведенія (Спб. Дух. Ак. № 1264 XIV в. и Унд. № 561 XVI в.) и нашелъ въ нихъ, между прочимъ, слѣдующіе «моравизмы»: **властьнъ** чешск. vlastní, **велика ночь** чешск. velká noc, **сльзити** чешск. slzeti и др.

5) «Толкованіе на апокалипсисъ» Андрея Кесарійскаго—пергаменная рукопись Румянцовскаго Музея XIV в. «Моравизмы»: властьныи, наглъ, крестило. Рукопись переведена съ греческаго.

6) «Житіе св. Іоанна Милостиваго» по среднеболгарскому списку Публ. Библ. 1348 г. Переведено съ греческаго. «Моравизмы»: вашинецъ срв. чешск. vašinec, гъдовабьнъ чешск. hedvabný.

7) «Толкованіе на литургію» по списку Синод. библ. (№ 262) XIII в. Моравизмы: крижьма, великая нощь.

8) «Законъ судный людемъ» по пергаменному списку XIV в. «Моравизмы»: тяжати colere terram, рачити.

9) Двѣ хорватскія глаголическія службы, изданныя Вороновымъ въ книгѣ «Кириллъ и Меѳодій», Кіевъ 1877, содержатъ «моравизмы»: вяще больше, дика (=дѣка), часто законьникъ и пр.

10) «Написаніе о правой вѣрѣ» Кирилла по среднеболгарскому списку 1348 г. имѣетъ «моравизмы»: правая вѣра, рѣснота и др.

11) Два поученія: на Рождество Хр. и Крещеніе, изданныя А. Поповымъ по сербскимъ спискамъ XIV в. въ «Библіографическихъ матеріалахъ», имѣютъ моравизмы: рѣчь (=res), лѣторасль и др.

Мы привели здѣсь только наиболѣе типичныя западнославянскія особенности словаря перечисленныхъ памятниковъ; въ книгѣ Соболевскаго любопытный найдетъ ихъ гораздо больше. Такъ какъ многія изъ нихъ встрѣчаются также въ Кіевскихъ глаголическихъ отрывкахъ, въ одной части Синайскаго Требника, въ т. н. «паннонскихъ» житіяхъ Кирилла и Меѳодія, Фрейзингенскихъ отрывкахъ, Сказаніи объ убіеніи св. Вячеслава и службѣ на перенесеніе мощей этого святого—памятникахъ, возникшихъ по обычному представленію на моравской почвѣ,—то проф. Соболевскій и рѣшается отнести указанные 11 памятниковъ вмѣстѣ съ послѣдними въ особую категорію «церковно-славянскихъ текстовъ моравскаго происхожденія».

Съ такимъ выводомъ врядъ-ли, однако, можно согласиться.

Уже одинъ тотъ фактъ, что всѣ указанные проф. Соболевскимъ памятники могутъ быть названы «моравскими» только по словарю, а не по фонетикѣ, сильно говоритъ противъ возможности ставить ихъ на одну доску съ знаменитыми Кіевскими отрывками. Присутствіе въ какомъ-либо произведеніи литературы извѣстнаго числа иностранныхъ словъ отнюдь еще не указываетъ на то, что памятникъ, хотя бы только въ своемъ первоначальномъ оригиналѣ, возникъ на территоріи того языка, слова котораго вошли въ его текстъ. Они могли проникнуть сюда и на родной почвѣ,—но не какъ

результатъ литературной традиціи, не какъ архаизмъ, но просто какъ результатъ позднѣйшаго вліянія чужихъ,—въ данномъ случаѣ, западнославянскихъ,—языковъ на старо-славянскій. Въ приложеніи къ нашимъ памятникамъ, это позднѣйшее вліяніе могло произойти трояким способомъ: или авторъ произведенія писалъ его въ области, гдѣ западно-славянскій элементъ былъ всегда силенъ, напр. въ юго-западной Россіи; или авторъ, переводя извѣстное произведеніе съ плохо знакомаго ему иностраннаго языка (напр. латинскаго), могъ пользоваться совѣтами лучше знавшихъ этотъ языкъ западнославянскихъ соплеменниковъ, попавшихъ на его родину совершенно случайно; или наконецъ, авторъ такихъ произведеній могъ быть дѣйствительно западный славянинъ, но такой, который хорошо усвоилъ литературный языкъ того народа, въ средѣ котораго онъ поселился. Только предполагая одно изъ этихъ трехъ условій, можно понять, во-первыхъ, почему между «моравскими» текстами, указанными проф. Соболевскимъ, нѣтъ совсѣмъ евангельскихъ текстовъ, хотя повидимому, ихъ-то мы и могли бы надѣяться встрѣтить въ убогой «моравской» литературѣ гораздо скорѣе, чѣмъ такіе составляющіе во всякомъ случаѣ роскошь въ литературѣ памятники, какъ «Бесѣды папы Григорія» или «Молитва на дьявола». Во-вторыхъ, понятно также, почему наиболѣе богатые «моравизмами» памятники представляютъ переводъ съ латинскаго: очевидно, малое распространеніе этого языка среди русскаго и южно-славянскихъ книжниковъ заставляло ихъ заказывать переводы нѣк. произведеній случайно поселившимся въ ихъ странѣ чехамъ или полякамъ. Въ-третьихъ, ясно, почему самые характерные «моравскіе» памятники (напр. Бесѣды папы Григорія) ведутъ свое происхожденіе, какъ признаетъ самъ Соболевскій, изъ юго-западной Россіи.

Тотъ фактъ, что многіе изъ лексическихъ «моравизмовъ» нашихъ памятниковъ хорошо извѣстны и такимъ «паннонскимъ» памятникамъ, какъ знаменитыя житія Кирилла и Меѳодія и легенда о св. Вячеславѣ, также нисколько не доказываетъ принимаемаго проф. Соболевскимъ единства территоріальнаго происхожденія нашихъ памятниковъ и Кіевскихъ отрывковъ; первыя не идутъ сюда уже вслѣдствіе самой спорности ихъ «паннонскихъ» элементовъ, а вторая — потому, что мѣсто ея составленія находилось гдѣ-то въ юго-западной Россіи, какъ это весьма правдоподобными соображеніями доказалъ, по нашему мнѣнію, Вондракъ [1]).

---

1) Zur Würdigung der altslov. Venzelslegende, Wien. 1892, стр. 23—24.

Такимъ образомъ, наши памятники ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть названы «моравскими» ни въ географическомъ, ни въ этнографическомъ отношеніи. Другими словами, это значитъ, что изслѣдованные проф. Соболевскимъ тексты представляютъ собой не остатки «моравской литературы», а просто памятники славянской взаимности на почвѣ литературной, въ частности переводческой дѣятельности.

Die Wortfolge in den slavischen Sprachen von. Dr. Erich Berneker, Privatdocenten an der Universität Berl.

Berlin 1900. 8°. XII стр. + 161.

Настоящая книга можетъ служить отличнымъ примѣромъ того, что очень несложная сама по себѣ и простая работа иногда можетъ дать въ высшей степени оригинальные результаты, если только въ основу ея положено *статистическое изученіе фактовъ цѣлаго ряда памятниковъ*. Авторъ ея поставилъ себѣ задачей выяснить характеръ славянскаго словосочиненія какъ въ современныхъ славянскихъ языкахъ, такъ и въ общеславянскомъ; но, какъ извѣстно, во всѣхъ индоевропейскихъ языкахъ словопорядокъ бываетъ различнымъ, смотря по тому, какое положеніе занимаютъ въ предложеніи: 1) глаголъ, 2) энклитики, 3) падежи, 4) аттрибутъ и 5) неопредѣленное наклоненіе. Съ этихъ пяти точекъ зрѣнія г. Бернекеръ и разсмотрѣлъ встрѣчающіеся въ славянскомъ предложеніи типы сочиненія его элементовъ, причемъ каждому изъ послѣднихъ посвящена отдѣльная глава. Всѣ главы написаны на основаніи однихъ и тѣхъ же источниковъ. Такъ, по русскому словосочиненію г. Бернекеръ постоянно пользуется лѣтописью Начальной и Ипатской, Хожденіемъ Даніила, Домостроемъ, Сказками Аѳанасьева, сочиненіями Ломоносова, Крылова, Карамзина, Пушкина, Гоголя, Тургенева и Л. Толстого; по малорусскому—собраніемъ сказокъ Рудченка и Трудами этнографическо-статистической экспедиціи въ западно-русскій край; по болгарскому—сборникомъ македонскихъсказокъ Шапкарева и министерскимъ; по сербскому—«Памятниками» Миклошича и сборниками сказокъ Караджича, Строхаля и Врчевича; по словенскому—сборниками Вальявца и Крека; по чешскому «Výbor»'омъ Эрбена и сборникомъ Кульды; по польскому—сочиненіями Рея, Сенкевича, Пруса и сборникомъ Кольберга; наконецъ, по сербо-лужицкому—сборникомъ

Гаупта и Смоляра. Въ этомъ распредѣленіи источниковъ авторъ допустилъ двѣ крупныя непослѣдовательности: 1) онъ пользуется малорусскими источниками, но оставляетъ безъ вниманія данныя языковъ кашубскаго, словацкаго и т. п.; 2) данныя современныхъ литературныхъ языковъ принимаются въ разсчетъ авторомъ только при изученіи особенностей русскаго и польскаго словосочиненія.

На основаніи такого рода источниковъ, г. Бернекеръ пришелъ къ слѣдующимъ выводамъ о характерѣ словосочиненія въ отдѣльныхъ славянскихъ языкахъ.

Такъ какъ глаголъ въ простомъ предложеніи находится или въ началѣ послѣдняго, или въ серединѣ или въ концѣ, то авторъ прежде всего попытался опредѣлить относительное распространеніе въ славянскихъ языкахъ всѣхъ трехъ типовъ словосочиненія: начальнаго (въ отношеніи глагола) срединнаго и конечнаго. Для русскаго языка результатъ оказался такой: древнерусскому языку были извѣстны, главнымъ образомъ, только два типа: начальный (въ повѣствованіи) и конечный (въ описаніи и разсужденіи), срединный же типъ встрѣчается только въ томъ случаѣ, если на субъектѣ предложенія лежитъ логическое удареніе. Въ дальнѣйшей исторіи языка, подъ вліяніемъ постепеннаго усложненія предложенія, срединное положеніе начало брать верхъ надъ начальнымъ и конечнымъ, пока въ современномъ литературномъ языкѣ не одержало рѣшительной побѣды; народный языкъ, какъ и слѣдовало ожидать, оказался болѣе консервативнымъ: и теперь начальное словорасположеніе въ немъ очень часто. Преобладаніе начальнаго словорасположенія констатируетъ авторъ и для южнославянскихъ языковъ, какъ въ древней, такъ и современной фазахъ ихъ развитія. Напротивъ, чешскій языкъ уже въ древнѣйшую эпоху своей жизни предпочиталъ конечное словорасположеніе, которое въ значительной степени удержала и современная чешская народная рѣчь. Равномѣрно распространены всѣ три вида словорасположенія только въ польскихъ народныхъ говорахъ; въ литературной рѣчи этого языка господствуетъ все-таки срединное. Такой двоякій характеръ славянскаго словорасположенія авторъ объясняетъ тѣмъ, что общеславянскому языку были извѣстны оба его типа: начальный и конечный, причемъ первый господствовалъ въ повѣствованіи, а второй въ описаніи и разсужденіи (Betrachtung). Въ пользу послѣдняго заключенія, авторъ, къ сожалѣнію, не привелъ никакихъ реальныхъ основаній.

Относительно употребленія энклитикъ всѣ славянскіе языки, по мнѣнію автора, раздѣляютъ склонность санскритскаго языка при-

соединять эти формы къ первому слову предложенія, какъ обыкновенно наиболѣе уда́ренному. Современныя великорусское и малорусское нарѣчія, въ противоположность юго- и западнославянскимъ, почти совершенно устранили изъ своего обихода энклитики, за исключеніемъ развѣ *бо ли, же.*

Въ главѣ «о падежахъ» авторъ, указавъ, что каждый изъ нихъ можетъ стоять въ началѣ предложенія, если на немъ лежитъ логическое удареніе, особенно подробно говоритъ объ относительномъ положеніи въ предложеніи падежей родительнаго и дательнаго. Послѣдній, по мнѣнію г. Бернекера, обыкновенно предшествуетъ въ славянскихъ языкахъ винительному падежу. Обратная постановка бываетъ только въ исключительныхъ случаяхъ, напр., если винительный падежъ представляетъ собой энклитику или если на немъ лежитъ главное удареніе. Что касается родительнаго падежа, то опредѣленное правило удалось установить автору только относительно genitivus possessivus. Именно, по его наблюденію, русскій и польскій языки ставятъ его обыкновенно послѣ того слова, къ которому онъ относится; въ другихъ же славянскихъ языкахъ замѣчается въ этомъ отношеніи колебаніе.

Поучительные результаты дало также изслѣдованіе положенія прилагательныхъ именъ въ славянскомъ предложеніи. Оказывается, что въ русскомъ, болгарскомъ и чешскомъ качественное прилагательное ставится обыкновенно *передъ* существительными. Польскій языкъ уже съ дальнѣйшаго времени обнаруживаетъ колебаніе между протетической и эпитетической постановкой; въ лужицкихъ нарѣчіяхъ послѣдняя не извѣстна совсѣмъ. Двоякая постановка прилагательныхъ именъ въ предложеніи восходитъ, по мнѣнію г. Бернекера, къ общеславянскому періоду.

Нѣсколько словъ посвятилъ авторъ также опредѣленію мѣста въ предложеніи неопредѣленнаго наклоненія. Если предложеніе не оканчивается verbum finitum, то неопредѣленное наклоненіе ставится обыкновенно послѣ глагола; если неопредѣленное наклоненіе имѣетъ на себѣ главное удареніе, то оно можетъ стоять и впереди. Если при неопредѣленномъ наклоненіи есть объектъ, то послѣдній ставится или послѣ неопредѣленнаго наклоненія или между нимъ и verbum finitum.

Установивъ въ общихъ чертахъ характеръ словосочиненія въ современныхъ славянскихъ языкахъ и языкѣ общеславянскомъ, авторъ въ заключеніе спрашиваетъ себя: въ какомъ отношеніи находится славянское словосочиненіе къ индо-европейскому?

Какъ извѣстно, въ санскритскомъ, греческомъ и латинскомъ языкахъ преобладаетъ конечное словорасположеніе; напротивъ, въ кельтскомъ, германскомъ и славянскомъ—начальное. Громадное большинство изслѣдователей (Дельбрюкъ, Бергэнь, Бехагель, Германъ, Вакернагель) считаютъ словорасположеніе санскритскаго языка первоначальнымъ. Но изъ широкаго распространенія въ славянскомъ языкѣ начальнаго словопорядка г. Бернекеръ справедливо заключаетъ, что индоевропейскому праязыку не въ меньшей степени былъ извѣстенъ и послѣдній типъ предложенія. А такъ какъ въ славянскихъ языкахъ конечное словорасположеніе, по наблюденію автора, встрѣчается преимущественно въ описаніи и разсужденіи, а начальное—въ повѣствованіи, и такъ какъ послѣдній видъ прозы несомнѣнно древнѣе перваго, то автору оставалось сдѣлать только одинъ шагъ дальше, чтобы придти къ выводу, что не конечный, а начальный словопорядокъ составлялъ исходную точку развитія индоевропейскаго словосочиненія.

Такъ, благодаря сравнительному изученію данныхъ *всѣхъ* славянскихъ языковъ, г. Бернекеру удалось придти къ выводу діаметрально-противоположному тому, къ которому приходили его предшественники.

Г. Ильинскій.

Archiv für slavische Philologie,

herausgegeben von V. Jagić XX, 1 — 4. Berlin. 1898, 8°, 651.

XX томъ Архива содержитъ 1) 19 болѣе или менѣе крупныхъ оригинальныхъ статей: 11 по языку, 4 по исторіи литературы (одно помѣщено подъ рубрикой «Мелкія сообщенія»), 3 по источниковѣдѣнію, 1 библіографическаго характера; 2) 16 критическихъ статей: о книгахъ по языкознанію (8), исторіи литературы (4), исторіи, этнографіи, источниковѣдѣнію и лексикографіи (по одной); 3) 34 библіографическія замѣтки: о книгахъ по языкознанію (19), исторіи литературы (5), исторіи (4), исторіи культуры (4), палеографіи (1), библіографіи (1). Такимъ образомъ языкознанію, какъ и слѣдовало ожидать, удѣлено болѣе всего мѣста. Въ отдѣлѣ мелкихъ сообщеній, кромѣ вышеупомянутой статьи по исторіи литературы, помѣщены библіографическій обзоръ славянскихъ журналовъ съ содер-

жаніемъ филологическимъ, историко-литературнымъ и этнографическимъ (всего акад. Ягичъ разсматриваетъ 48 журналовъ, между прочимъ на наши «Извѣстія» онъ возлагаетъ большія надежды, если и критико-библіографическая часть будетъ тщательно редактирована...) и замѣтка акад. Ягича о цѣляхъ и характерѣ Архива (по поводу выхода въ свѣтъ послѣдняго выпуска XX тома) съ алфавитнымъ спискомъ всѣхъ сотрудниковъ Архива (и бывшихъ и настоящихъ) и указаніемъ томовъ, въ которыхъ напечатаны ихъ статьи. Въ концѣ 4-го тома приложены 3 указателя, облегчающіе пользованіе журналомъ, а именно: предметный, собственныхъ именъ (пропущены Hancke, стр. 166 и Wołyniak, стр. 168) и словъ, которыя въ этомъ томѣ разобраны. Объ оригинальныхъ статьяхъ рѣчь будетъ ниже. Въ другихъ отдѣлахъ обращаютъ на себя вниманіе 2 статьи: критическая—Кернера о новомъ изданіи словаря Павловскаго и библіографическая — Вондрака о книгѣ Абихта: «Die Hauptschwierigkeiten der russischen Sprache. Handbuch für alle Russisch Lernenden. Leipzig und Wien» 1897. 8° 221 стр., такъ какъ это, повидимому, единственныя статьи о ненаучныхъ книгахъ въ этомъ научномъ журналѣ, и имъ врядъ ли удѣлили бы здѣсь мѣсто, если бы онѣ не касались русскаго языка. А за распространеніе русскаго языка въ Германіи Ягичъ ратуетъ (стр. 641), надѣясь, что, благодаря этому, повысится тамъ интересъ къ славянамъ, и усилятся занятія славяновѣдѣніемъ. Кернеръ сталъ на правильную точку зрѣнія: имѣя въ виду практическую цѣль словаря, онъ дѣлаетъ къ нему соотвѣтствующія поправки и дополненія. Вондракъ, правда, тоже не забываетъ практической цѣли работъ Абихта, ставитъ ему въ упрекъ ту незначительную долю теоріи, отъ которой Абихтъ не могъ воздержаться, а планъ автора одобряетъ, но послѣднія слова Вондрака: «Bei dieser praktischen Einrichtung des Buches kann man es nur wärmstens empfehlen» повергаютъ въ нѣкоторое недоумѣніе: книга предназначена для лицъ, одолѣвшихъ азы; «unser Buch», говоритъ Абихтъ, «soll dem Studierenden alles das vereinigt darbieten, was er braucht, um von jedem russischen Worte jede Form richtig bilden zu können»; казалось бы, что рецензентъ долженъ также провѣрить, какъ авторъ исполняетъ эту поставленную себѣ задачу. Вондракъ, очевидно, повѣрилъ Абихту на слово... Между тѣмъ уже при бѣгломъ просмотрѣ оказывается, что Абихтъ не различаетъ словъ и формъ, вышедшихъ изъ употребленія, отъ употребительныхъ: онъ приводитъ вниму, внимешь (стр. 8), быть моримъ (2), быть уморенъ (2), ѣдомъ (33), ложь склон. во множ. числѣ (54), побѣжду (9), убѣ-

жду (9), движу (7), бдятъ (32), впечатлятъ (32), хлопота́ въ ед. ч. (38); рекомендуетъ совсѣмъ неправильныя образованія: дудю (9), угораздю (10), каймю (10), указываетъ форму «сестръ» (38) вм. употребительной «сестеръ», только «зятей» (45) и не приводитъ «зятьевъ»; принимаетъ уморю (20) за praes. histor.; въ спискѣ словъ, имѣющихъ въ род. п. ед. ч. *у*, пропускаетъ одно изъ самыхъ употребительныхъ: отъ роду (43); не въ состояніи воздержаться отъ указанія рѣдкихъ словъ въ родѣ: возгря—возгрей (37); склоняетъ писарь во множ. ч. такъ: пи́сари, пи́сарей, пи́сарямъ, пи́сарями, пи́сaряхъ (40) и т. д. Эти промахи, къ тому же мелкая печать, отсутствіе наглядности въ грамматическомъ отдѣлѣ, обиліе правилъ, трудно запоминаемыхъ, значительно обезцѣниваютъ эту книгу, и потому горячо рекомендовать ее врядъ ли слѣдовало.

Оригинальныя работы мы разсмотримъ въ слѣдующемъ порядкѣ: 1) статья библіографическаго характера, 2) статьи по источниковѣдѣнію, 3) статьи по исторіи литературы, 4) статьи по языку.

I. Статья библіографическаго характера.

Brückner. Polonica. 2 и 3, 166—180 (продолженіе). Важнѣйшими изъ вопросовъ по польской исторіи, которые могутъ быть разрѣшены только съ помощью филологіи, проф. Брюкнеръ признаетъ слѣдующіе: 1) о происхожденіи польскаго государства, 2) о происхожденіи польскаго дворянства и его могущества, 3) о существованіи Gemeinfreien въ Польшѣ временъ Пястовъ. Указавъ на литературу по этимъ предметамъ, проф. Брюкнеръ сообщаетъ, что Пекосинскій съ большимъ знаніемъ и остроуміемъ попытался вновь обосновать признанную несостоятельной теорію о томъ, что польское государство возникло благодаря покоренію поляковъ (т.-е. простого народа) лехитами (т.-е. дворянствомъ). При этомъ Пекосинскій приписываетъ дворянству династическое происхожденіе (отъ Попела и Пяста). Не коснувшись вовсе третьяго вопроса, проф. Брюкнеръ останавливается на характерныхъ отличіяхъ польскаго дворянства отъ дворянства другихъ народовъ, именно, на общности гербовъ (до 350 семействъ имѣли одинъ гербъ) и особомъ боевомъ кликѣ каждаго рода (кликъ древнѣе герба). До заимствованія гербовъ изъ Чехіи польскіе дворяне имѣли особые знаки: это были или руны (мнѣніе Пекосинскаго) или простые знаки въ родѣ тѣхъ, которыми пользу-

ются и крестьяне и рыбаки, выжигая (печать отъ пеку) или вырѣзывая ихъ на своей собственности (мнѣніе Мелецкаго). И относительно другого вопроса учеными не достигнуто соглашенія: въ польской литературѣ есть свой «норманскій» вопросъ о лехитахъ, по которому писано много, но ничего не выяснено. Далѣе 4) проф. Брюкнеръ касается вопроса о Пястѣ: по изслѣдованію Войцѣховскаго, это слово — существительное нарицательное: piast = piastun, пѣстунъ, paedagogus или nutritor (ducis), кормилецъ (при русскихъ князьяхъ), родъ maiordomus. Одинъ изъ нихъ (отецъ Земовита) подобно франкскому майордому завладѣлъ престоломъ. Но былъ еще другой Пястъ, крестьянинъ, котораго боги любили за хорошій уходъ и гостепріимство (параллель къ классическому миѳу о Филемонѣ). Изъ смѣшенія обоихъ преданій и возникло извѣстное сказаніе о Пястѣ. Проф. Брюкнеръ отдаетъ должное остроумію и знанію автора, но заявляетъ, что не можетъ согласиться со всѣми его взглядами. Однако тутъ же подвергнуть подробной критикѣ изслѣдованіе Войцѣховскаго онъ не считаетъ возможнымъ. Въ виду такого явно библіографическаго характера этой статьи проф. Брюкнера, въ дальнѣйшемъ можно ограничиться простымъ перечисленіемъ вопросовъ, затронутыхъ имъ. Тутъ говорится 5) о (польскихъ) школахъ въ XIII и XIV вв., 6) о новомъ изданіи такъ называемыхъ гнѣзненскихъ проповѣдей, 7) о средневѣковой гомилетикѣ, 8) о вновь найденныхъ и напечатанныхъ пѣсняхъ, варіантахъ и поправкахъ къ извѣстнымъ, 9) объ изданныхъ Пекосинскимъ счетахъ по содержанію королевскаго дома, 10) объ юридическихъ памятникахъ XV в., 11) о латинско-польскомъ словарѣ XVI в., 12) о трудѣ Эстрейхера «Bibliografia polska», 13) о новыхъ выпускахъ «Biblioteka pisarzów polskich», представляющихъ работы Адальберга, 14) объ изданіи Вержбовскаго Biblioteka zapomnianych poetów i prosaików polskich XVI—XVIII вв., 15) о лучшихъ монографіяхъ, касающихся разныхъ писателей, 16) о трудахъ по грамматикѣ (учебники) и діалектологіи, 17) о словарныхъ работахъ, 18) объ отдѣльныхъ трудахъ Краковской Академіи Наукъ [съ пропускомъ трудовъ по исторіи (а выше имъ удѣлено было больше всего мѣста) и исторіи искусства, зато проф. Брюкнеръ подробно останавливается на трудахъ по школьному вопросу]; наконецъ 19) здѣсь помѣщенъ неполный обзоръ трудовъ по этнографіи. Такимъ образомъ проф. Брюкнеръ говоритъ о 19 различныхъ предметахъ, обо всѣхъ почти одинаково неполно, не придерживаясь опредѣленнаго порядка. Было бы лучше, если бы проф. Брюкнеръ распредѣлилъ труды по отдѣльнымъ рубрикамъ

(съ соотвѣтствующими заголовками) въ родѣ: языкъ, литература, исторія, школьный вопросъ и т. д., тогда всякій могъ бы легко найти, что ему нужно. Предположимъ, что кто-нибудь интересуется спеціально школьнымъ вопросомъ у славянъ: въ предметномъ указателѣ онъ Schule, Schulverhältnisse не находитъ, перечитать всю статью Polonica, имѣя лишь слабую надежду найти нужныя указанія, онъ врядъ ли рѣшится. Вслѣдствіе этого можетъ оказаться, что значительная доля труда проф. Брюкнера пропадетъ совершенно даромъ.

II. Статьи по источниковѣдѣнію.

---

1. Abicht und Reichelt. Quellennachweise zum Codex Suprasliensis IV Beitrag. 2 и 3, 181—200 (продолженіе). Въ этой части труда Абихтъ и Рейхельтъ сообщаютъ источникъ для стр. 161—172 Супрасльской рукописи, именно, текстъ житія св. чудотворца Артемона по рукописи, хранящейся въ Іерусалимѣ, въ монастырѣ св. Саввы подъ № 259. Эта рукопись написана на языкѣ новогреческомъ, но орѳографія сближена къ древнегреческой. Во введеніи этой статьи говорится объ особенностяхъ языка и письма указанной рукописи и объ отношеніи ея редакціи къ другимъ извѣстіямъ о св. мученикѣ Артемонѣ и разбирается вопросъ, какіе именно города (оказывается—сирійскіе) подразумѣвалъ авторъ подъ Лаодикеей и Кесаріей. Затѣмъ приводится текстъ и, наконецъ, обильныя примѣчанія Рейхельта.

---

2. Thallóczy. Die ungarischen Beziehungen der Chronik des Presbyter (sic!) Diocleas. 2 и 3, 201—224. Хотя хроника пресвитера Діоклеата написана на латинскомъ языкѣ, но Таллоци рѣшается причислить ее къ слав. памятникамъ на основаніи замѣчанія самого Діоклеата, что онъ перевелъ свой трудъ со славянскаго. Такимъ образомъ эта хроника можетъ дополнить славянскіе источники о завоеваніи венграми той страны, въ которой они живутъ нынѣ. Хроника Діоклеата сохранилась въ переводѣ на хорватскій языкъ: «Hrvatski Letopis» Іеронима Калетича. А съ хорватскаго былъ сдѣланъ (вольный) переводъ опять на латинскій. Таллоци даетъ всѣ три текста и дѣлаетъ слѣдующіе выводы: 1) хроника Діоклеата должна была быть извѣстна въ XVI в. въ нѣсколькихъ экземплярахъ;

2) Рачки правъ, утверждая, что эта хроника для сербской и хорватской исторіи ни съ фактической ни съ формальной стороны не имѣетъ ни малѣйшаго значенія, какъ источникъ весьма сомнительный; 3) изъ окраски, придаваемой разсказу, видно, что Діоклеатъ былъ католикъ, придерживавшійся глаголической литургіи; 4) за исключеніемъ тенденціи, хроника Діоклеата аналогична съ Anonymus Regis Belae notarius; 5) Калетичъ не переводилъ непосредственно съ вышеуказанной хроники Діоклеата; 6) въ хроникѣ Діоклеата много фантастическаго: это—сказаніе, историческую основу котораго однако можно найти; 7) литературную форму это сказаніе получило въ Дубровникѣ въ XV в.; 8) быть-можетъ, лат. переводъ сдѣланъ не съ письм. слав. памятника, а съ устной рѣчи по слуху.

---

3. Ščepkin, Wer war Pseudodemetrius I? 2 и 3, 224—301. Приложеніе (примѣчанія) 301—325 (начало). Въ помѣщенной въ этомъ томѣ Архива части этого изслѣдованія г. Щепкинъ главнымъ образомъ на основаніи изученія—1) актовъ архива города Данцига, 2) письма Бориса къ императору Рудольфу II и письма Бориса къ королю Сигизмунду, 3) реляціи Христіана Голка и д-ра Метцнера о польскомъ сеймѣ 1605 г., хранящейся въ копенгагенскомъ архивѣ, 4) трехъ писемъ іезуита-синдика Ганса Кеккербарта къ бургомистру Данцига о томъ же предметѣ и нѣкоторыхъ др. писемъ приходитъ къ гипотезѣ, что подъ Лжедимитріемъ I скрывалось 2 лица: 1) Григорій Отрепьевъ, секретарь архимандрита, и 2) слуга его Димитрій Реоровичъ. Вся путаница произошла изъ того, что одинъ назвался именемъ другого: мѣна именъ до сихъ поръ въ ходу среди арестантовъ и агентовъ тайной полиціи.

III. Статьи по исторіи литературы.

1. Soerensen, Beitrag zur Geschichte der Entwickelung der serbischen Heldendichtung. 1, 78—114 (продолженіе). Въ этой части своего труда Зеренсенъ хочетъ разсмотрѣть[1]) тѣ историческія пѣсни сборника Милутиновича, въ которыхъ говорится о черногорскихъ дѣлахъ. Отказавъ однѣмъ пѣснямъ въ правѣ называться историче-

1) Ср. Извѣстія, II, 4, стр. 1156.

скими, доказавъ принадлежность другихъ владыкѣ Петру Петровичу, Зеренсенъ въ концѣ концовъ приходитъ къ выводу, что всѣ онѣ сложены были во второй половинѣ XVIII столѣтія. На вопросъ, были ли до того времени въ Черногоріи историческія пѣсни, онъ отвѣчаетъ отрицательно. Возникновеніе ихъ въ XVIII в. легко объяснить тѣмъ политическимъ и умственнымъ подъемомъ въ Черногоріи, который явился результатомъ разгрома турецкаго могущества Австріей и Венеціей. Но это была не единственная причина. Въ Черногорію въ то время переселилось много выходцевъ изъ восточныхъ и сѣверныхъ областей Турціи, занесшихъ въ Черногорію свои пѣсни, научившихъ имъ ея коренныхъ жителей и сложившихъ затѣмъ вмѣстѣ съ ними новыя пѣсни про событія въ новомъ отечествѣ. Эту гипотезу Зеренсенъ подкрѣпляетъ ссылкой на Мандушича Вука, одного изъ героевъ разобранныхъ пѣсенъ. Онъ, дѣйствительно, жилъ въ указанное въ пѣсняхъ время (начало XVIII в.), но былъ родомъ изъ Далмаціи и тамъ же умеръ. Такъ какъ характеръ черногорскихъ пѣсенъ не позволяетъ считать ихъ цѣликомъ заимствованными, то остается предположить, что Мандушичъ Вукъ былъ извѣстенъ въ Черногоріи еще до возникновенія спеціально черногорскаго эпоса, именно, упоминался въ занесенныхъ въ Черногорію пѣсняхъ, а для позднѣйшихъ поколѣній получилъ значеніе національнаго героя. Такимъ образомъ Зеренсенъ нашелъ указаніе, гдѣ нужно искать (въ Далмаціи) родину сербскаго героическаго эпоса, предшествовавшаго черногорскому. Эта мысль доказывается въ продолженіи его изслѣдованія, вышедшемъ отдѣльной книжкой подъ заглавіемъ: «Entstehung der kurzzeiligen serbokroatischen Liederdichtung im Küstenlande».

---

2. Oblak, Ein Beitrag zur Katharina-Legende in der älteren kroatischen Literatur (посмертная работа, исправленная еще самимъ Облакомъ—помѣщена 1, 153—160 подъ рубрикой «Kleine Mittheilungen»). Какъ новое доказательство сильной распространенности легенды о св. Екатеринѣ, Облакъ приводитъ 1) старохорватскую церковную пѣсню и прозаическій текстъ, которые родомъ съ далматинскаго побережья, 2) стихи дубровницкаго поэта Нико Барнье ди Джіорджи. Статья снабжена примѣчаніями Ягича.

---

3. Lorentz, Zur älteren Kaschubischen Literatur, 4, 556—577. По мнѣнію Лорентца, собственно кашубской литературы никогда не

было. Произведенія, считаемыя кашубскими, въ сущности польскія: только отдѣльныя слова и формы являются кашубскими. Въ напечатанныхъ произведеніяхъ: катихизисѣ Михаила Понтана и книгѣ церковныхъ пѣснопѣній Симона Крофа совсѣмъ нѣтъ словъ съ кашубскимъ звуковымъ составомъ; такія слова можно найти только въ нѣкоторыхъ «handschriftlichen Schriften». Лорентцу удалось изслѣдовать 6 рукописей: 1) рукописныя приложенія къ печатной книгѣ церк. пѣснопѣній Симона Крофа, 2) рукописныя приложенія къ печатному катихизису Михаила Мостника (или Понтана, или Брюкмана), 3) собраніе текстовъ (рядовое евангеліе) для всѣхъ воскресныхъ и праздничныхъ дней въ году, 4) сборникъ молитвъ и пѣсенъ, 5) сборникъ присягъ изъ первой четверти XVIII в., 6) книга церк. пѣснопѣній въ отрывкѣ (безъ заглавія, начала и конца). Поговоривъ подробно о каждомъ памятникѣ, Лорентцъ даетъ выдержки изъ нихъ, почему-то измѣнивъ порядокъ. Впрочемъ изъ послѣдняго памятника не сдѣлано выписки, такъ какъ онъ производитъ впечатлѣніе переписанной кашубомъ польской книги церк. пѣснопѣній. Въ орѳографіи Лорентцъ ничего не мѣняетъ, имъ поправлены только явныя описки (чаще всего встрѣчается перестановка буквъ). Выводовъ о языкѣ не сдѣлано никакихъ. Недоумѣніе вызываетъ обѣщаніе Лорентца (на 558 стр.) привести въ качествѣ образцовъ *3-ю* и 2-ю пѣсни и пѣснь *1709* года, такъ какъ (на стр. 573 и 576) мы находимъ *1-ю* пѣснь и пѣснь *1703* года. Въ примѣчаніяхъ пояснены нѣкоторыя слова, смыслъ которыхъ затемненъ ихъ странной орѳографіей.

---

4. Istrin, Die griechische Version der Judas-Legende, 4, 605—619. Въ эту статью, по заявленію автора, попало кое-что изъ отчета о путешествіи за границу, помѣщеннаго въ Ж. М. Н. Пр. за 1896 г. ноябрь. Легенда о кровосмѣшеніи сильно распространена и на востокѣ и на западѣ. Однимъ изъ главныхъ лицъ легенды является Іуда [1]). Отъ другихъ кровосмѣсителей (св. Григорія, св. Албана, св. Павла Кесарійскаго, св. Андрея Критскаго) Іуда отличается тѣмъ, что для него нѣтъ прощенія, такъ какъ онъ не въ состояніи раскаяться. Всѣ западные тексты восходятъ къ одному: Legenda aurea Jacobi de Voragine XIII в. Къ этому же латинскому тексту восходятъ и всѣ

1) Извѣстна кипрская легенда, гдѣ дѣвушка становится сперва женою отца, потомъ—сына отъ этого брака. Истринъ о подобномъ варіантѣ не упоминаетъ.

русскіе и даже драгомановскій (хотя его считали переводомъ съ греч.), такъ какъ у нихъ одна редакція, сходная съ латинской, а греческіе тексты были незвѣстны. Истринъ нашелъ 2 греч. текста, но отношеніе лат. къ нимъ остается *неяснымъ*. Первый текстъ помѣщенъ въ рукописи аѳонскаго монастыря св. Діониса (подъ № 132), и названъ Истринымъ—діонисовскимъ; второй напечатанъ въ брошюрѣ, изданной въ 1889 г. монахомъ одного аѳонскаго монастыря и содержащей, кромѣ легенды, евангеліе Никодима, и названъ Истринымъ-иверскимъ. Въ приложеніи къ своей статьѣ Истринъ даетъ оба текста. Изслѣдованіе ихъ приводитъ къ слѣдующимъ выводамъ: 1) діонисовскій текстъ содержитъ легенду въ чистомъ видѣ, а иверскій имѣетъ предисловіе и заключеніе, собственно не относящіеся къ легендѣ, и проводитъ идею, что застарѣлое зло не можетъ повести къ новому добру, 2) иверскій текстъ содержитъ мотивировку поступка родителей и бѣгства Іуды, 3) въ иверскомъ, какъ и въ лат., оба родителя рѣшаются отдѣлаться отъ ребенка и потомъ оба любятъ пріемыша, не зная, что это ихъ сынъ; въ діонисовскомъ рѣчь идетъ только объ одной матери; въ этомъ случаѣ иверскій текстъ сохранилъ первоначальную редакцію, въ остальномъ же діонисовскій, 4) иверскій текстъ — новогреческій. Къ сравненію постоянно привлекаются и другіе тексты (лат., драгомановскій, порфирьевскій, погодинскій), въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ указывается сходство съ разсказами о Моисеѣ, Эдипѣ, Александрѣ-Парисѣ.

Статьи по языкознанію.

I. Вопросы принципіальные; языкъ древній церковнославянскій[1] *и вообще славянскіе вмѣстѣ.*

---

1. Jagić, Einige Streitfragen 1, 1 — 53. Академикъ Ягичъ разбираетъ три спорныхъ вопроса: 1) Zur Provenienz der Kijever glagol. Blätter 1 — 13, 2) Verwandschaftsverhältnisse innerhalb der slavischen Sprachen, 13—48, 3) Zur ort-, ert- und tort-, tert- Formel. Въ первой статьѣ акад. Ягичъ полемизируетъ съ прив.-доц. Ляпуновымъ по поводу языка кіевскихъ глаголическихъ листковъ. Г. Ляпу-

---

1) Древній церковно-славянскій (дрцслав.) = древнеславянскій = древнеболгарскій.

новъ признаетъ ихъ написанными на особомъ діалектѣ дрцслав. яз., считая неправильнымъ мнѣніе перваго, что здѣсь c и z (изъ tj и dj) вм. št и žd — моравизмъ, слѣдъ моравско-паннонской дѣятельности Меѳодія. Существованіе отдѣльныхъ діалектовъ въ дрцслав. языкѣ акад. Ягичъ готовъ признать (только терминъ Dialectgruppe онъ считаетъ неудачнымъ): давно уже онъ высказалъ взглядъ, что на обширномъ пространствѣ міра славянскихъ языковъ существуетъ непрерывная цѣпь переходныхъ діалектовъ, цѣльность которой изрѣдка нарушается здѣсь и тамъ вслѣдствіе историческихъ событій. Этихъ діалектовъ на Балканскомъ полуостровѣ и въ Панноніи могло быть сколько угодно, только дрцслав. памятники не могли быть написаны на любомъ изъ нихъ. Одинъ преобладалъ: это—(Hausdialect) родной діалектъ свв. Кирилла и Меѳодія, лежащій въ основаніи всѣхъ переводовъ современниковъ обоихъ апостоловъ и слѣдующихъ поколѣній (вслѣдствіе уваженія къ основателямъ славянской литургіи). Всѣ прочіе переходные діалекты, смотря по обстоятельствамъ, давали тотъ или другой незначительный матеріалъ для литературнаго языка, но въ полномъ объемѣ они не нашли примѣненія, такъ какъ норма была дана. Въ писанномъ языкѣ могутъ произойти совершенно другія измѣненія, чѣмъ въ устномъ. Поэтому и относительно кіевскихъ глаголическихъ листковъ нужно поставить вопросъ, производятъ ли они впечатлѣніе измѣненій, сдѣланныхъ болѣе или менѣе даровитымъ писцомъ, или представляютъ отраженіе живого народнаго говора. Принимая во вниманіе и географическія и культурныя данныя, а не только лингвистическія (какъ это дѣлаетъ г. Ляпуновъ), акад. Ягичъ доказываетъ справедливость перваго допущенія. Методъ его таковъ: гипотеза г. Ляпунова можетъ только тогда считаться доказанной, если въ точности будетъ установлено то мѣсто, гдѣ говорили на предполагаемомъ имъ діалектѣ. Кіевскіе листки — отрывокъ католическаго миссала, они переведены съ латинскаго оригинала, и потому сразу уменьшается область, гдѣ они могли быть написаны. Безусловно правильный дрцслав. языкъ, кромѣ c, z и šč (изъ skj и stj вм. št), не позволяетъ считать этотъ памятникъ словацко-моравско-чешскимъ, а заставляетъ искать его родину близъ чешско-словацкой области, въ мѣстности, гдѣ говорили почти чистымъ дрцслав. яз., другими словами, этотъ вопросъ связанъ съ паннонской теоріей происхожденія дрцслав. яз. Въ томъ видѣ, въ какомъ ее признавали Копитаръ и Миклошичъ, акад. Ягичъ ее отрицаетъ. Какъ бы то ни было, но данныя языка, извѣстныя намъ о той области, куда пришлось бы

отнести кіевскіе глаголическіе памятники, не соотвѣтствуютъ характеру ихъ. Вполнѣ выдержанное отступленіе въ одномъ пунктѣ (такихъ діалектовъ до сихъ поръ наука не знаетъ) доказываетъ, что это—сознательный поступокъ одного индивидуума, переведшаго въ Панноніи латинскій оригиналъ на языкъ славянской церкви, т.-е. дрцслав. языкъ свв. Кирилла и Меѳодія. Эту мысль акад. Ягичъ подтверждаетъ многочисленными примѣрами. Статья оканчивается культурно-историческимъ указаніемъ, въ справедливости котораго нельзя сомнѣваться: кто видитъ въ кіевскихъ листкахъ отраженіе особаго діалекта, тотъ не считается съ тогдашними воззрѣніями. Языкъ обоихъ апостоловъ, одобренный въ Римѣ, считался чѣмъ-то свыше даннымъ, неприкосновеннымъ добромъ славянской церкви. Избрать вмѣсто него другой діалектъ для перевода было дѣломъ немыслимымъ. Это доказываетъ тысячелѣтняя исторія дрцслав. яз у всѣхъ славянъ. Допускались только частичныя отступленія въ угоду живымъ окрестнымъ говорамъ.

Во второй статьѣ акад. Ягичъ касается вопроса о родствѣ отдѣльныхъ славянскихъ языковъ между собою. Приведя списокъ славянскихъ языковъ въ сравнительномъ словарѣ императрицы Екатерины, авторъ, не заботясь о библіографической полнотѣ (стр. 19), упоминаетъ разныхъ ученыхъ, пытавшихся классифицировать славянскіе языки и въ концѣ концовъ заявляетъ, что онъ по существу согласенъ съ Іоанномъ Шмидтомъ, хотя считаетъ графическое изображеніе родства слав. яз. у него недостаточно яснымъ. Къ сожалѣнію, теорія родословнаго дерева Шлейхера до того укоренилась, что до сихъ поръ говорятъ о раздѣленіи, расщепленіи, будто до извѣстнаго момента два родственныхъ діалекта могли быть совершенно одинаковы и тождественны, къ тому же діалектическія особенности выступаютъ и не въ одно время и не сразу во всей силѣ. Въ дѣйствительности не было двухъ совершенно одинаковыхъ діалектовъ (съ нѣкоторымъ объемомъ), какъ нѣтъ, строго говоря, двухъ индивидуумовъ, говорящихъ однимъ и тѣмъ же языкомъ, и нѣтъ двухъ деревень, говорящихъ тождественно. Между близкими діалектами могутъ быть самыя разнообразныя взаимоотношенія. Неясность отношеній и породила спорные вопросы. Акад. Ягичъ (на 24 стр.) обѣщаетъ заняться четырьмя изъ нихъ: 1) объ отношеніи русскихъ языковъ, или діалектовъ, между собою, 2) объ отношеніяхъ южно-славянскихъ діалектовъ между собою и о мѣстѣ, занима-

емомъ среди нихъ друслав., 3) объ отношеніи словацкаго къ чешскому и 4) объ отношеніи кашубскаго и полабскаго къ польскому, но на самомъ дѣлѣ онъ занимается еще 5) отношеніемъ верхнелужицкаго къ нижне-лужицкому. 1) Приводя мнѣнія Потебни, Огоноковскаго и г. Шахматова и игнорируя мнѣніе г. Соболевскаго (Лекціи по исторіи русскаго языка. Кіевъ, 1888, стр. 196), признающаго два нарѣчія: малорусское и великорусско-бѣлорусское, акад. Ягичъ не даетъ своей теоріи развитія русскихъ нарѣчій, а 1) указываетъ черты, общія всѣмъ русскимъ нарѣчіямъ и характеризующія ихъ какъ нѣчто цѣлое въ сравненіи съ прочими славянскими языками, 2) останавливается прежде всего на малорусскомъ нарѣчіи, какъ имѣющемъ наибольшее число типичныхъ чертъ, и приводитъ главныя особенности его (въ отличіе отъ великорусскаго и бѣлорусскаго, 3) перечисляетъ черты (всего 10), общія малорусскому нарѣчію и бѣлорусскому (отсутствующія у великорусскаго), 4) указываетъ на то, что общихъ чертъ у малорусскаго съ великорусскимъ гораздо меньше (только 4), 5) выдвигаетъ специфическія особенности бѣлорусскаго нарѣчія, изъ которыхъ дз и ц вм. т и д сближаютъ его съ польскимъ. Общій выводъ акад. Ягича таковъ: русскія нарѣчія очень постепенно переходятъ одно въ другое вполнѣ согласно съ ихъ географическимъ мѣстоположеніемъ; это свидѣтельствуетъ о томъ, что движенія позднѣйшихъ столѣтій не нанесли смертельнаго удара первоначальной группировкѣ русскихъ племенъ по ихъ діалектическимъ особенностямъ; небольшія измѣненія и расширенія рамокъ, пожалуй, произошли, но не вслѣдствіе политическихъ комбинацій, а благодаря передвиженію народной массы. 2) Въ южно-славянской группѣ словинскій языкъ акад. Ягичемъ признается стоящимъ ближе къ сербо-хорватскому, чѣмъ къ болгарскому. Относительно дрцслав. яз. допущены двѣ возможности: принадлежа къ болгаро-словинской діалектической группѣ, онъ былъ діалектомъ, отодвинувшимся или дальше на востокъ, ближе къ русскому, или дальше на юго-западъ, ближе къ сербо-хорватскому. Взвѣсивъ не только фонетическія, но и морфологическія и историческія данныя, акад. Ягичъ высказывается за второе предположеніе. Если бы удалось кому-нибудь найти въ Македоніи мѣстность—(исключаются тѣ, въ которыхъ говорятъ болѣе по сербски, чѣмъ по болгарски),—въ которой при шт, жд и прочихъ болгаро-словинскихъ особенностяхъ встрѣчается еще аористъ на ше (или даже ша), то онъ открылъ бы этимъ родину дрцслав. Дополненіемъ къ этимъ замѣчаніямъ акад. Ягича можетъ служить статья Милетича (см. ниже № 5). 3) Во-

просъ объ отношеніи чешскаго и словацкаго языковъ или нарѣчій акад. Ягичъ рѣшаетъ такимъ образомъ, что словацкій языкъ во многихъ случаяхъ имѣетъ болѣе древнія фонетическія особенности, чѣмъ яз. чешскій, и они являются равносильными вѣтвями одной языковой единицы. Имѣя одинаковое количество и удареніе, они расходятся главнымъ образомъ въ фонетикѣ. 4) Отношеніе полабскаго и кашубскаго къ польскому въ наукѣ понимается различно. Акад. Ягичъ трактуетъ объ этихъ 3 языкахъ или діалектахъ на подобіе того, какъ выше о русскихъ нарѣчіяхъ. Прежде всего онъ указываетъ тѣ общія имъ черты, которыя отдѣляютъ ихъ отъ чешско-словацкаго и лужицко-сербскаго, затѣмъ доказываетъ, что кашубскій занимаетъ средину между полабскимъ и польскимъ, что и соотвѣтствуетъ его географическому положенію. 5) Между верхне- и нижне-лужицкимъ акад. Ягичъ устанавливаетъ то же отношеніе, какое онъ установилъ между чешскимъ и словацкимъ.—Эта статья имѣетъ большое значеніе, какъ сводъ всѣхъ фактовъ, добытыхъ славянскимъ языкознаніемъ, но такъ какъ и число фактовъ можетъ увеличиться, и нѣкоторые изъ нихъ могутъ получить иное освѣщеніе, то и выводы акад. Ягича не могутъ быть признаны окончательными. Совпаденіе языковыхъ особенностей при географическомъ сосѣдствѣ, являющееся красной нитью статьи, какъ ни понятно и красиво, все-же не всегда достаточно обосновано.

Въ 3-й статьѣ акад. Ягичъ полемизируетъ главнымъ образомъ съ Торбьернсономъ, попытавшимся въ Bezzenberger's Beiträge XX, стр. 124 и т. д. одинаково объяснить всѣ случаи, которые обозначаются формулами tort-tert и ort-ert; tolt-telt и olt-elt. Подъ формулу tort подходитъ слово городъ изъ *gordъ, подъ формулу tert—дерево изъ *dervo, подъ формулу ort — рама изъ *ormę, подъ формулу ert—рѣдъкъ изъ *erdъкъ и т. д. Акад. Ягичъ настаиваетъ на томъ, что ort, ert и т. д. въ началѣ словъ (просто ort) и въ серединѣ (tort, tert) должны были испытать различныя измѣненія: изъ ort для избѣжанія неудобнаго сочетанія можно было посредствомъ простой перестановки получить удобно произносимое сочетаніе rot. Если же сдѣлать перестановку въ серединѣ слова, то tort дастъ trot, гдѣ сочетаніе tr могло оказаться не менѣе неудобнымъ, чѣмъ сочетаніе rt. Вотъ почему одна (русская) половина славянскихъ языковъ удержала to, и у нихъ получилось torot. Объясненіе акад. Ягича отличается простотой и не противорѣчитъ фактамъ. Проф. Форту-

натовъ для объясненія русскаго полногласія поставилъ его въ связь съ удареніемъ, что акад. Ягичемъ признается шагомъ впередъ послѣ Миклошича. Однако въ концѣ концовъ удареніе мало способствовало разъясненію этого вопроса, и только русскія слова во́ронъ и воро́на заставляютъ предполагать разницу въ удареніи уже въ праслав.: *vòrnъ и *voȓna. Возможно, что форма ворòна раньше развилась изъ формы voȓna, и только по аналогіи потомъ развились формы: вòронъ и сторонà (изъ *stornà). Это — послѣднія слова статьи.

№ 2. Vondrak, Die Imperative daždĭ, věždĭ u. s. w. und die Genivitive Plur. rabŭ, ženŭ, selŭ u. s. w., 1, 54—61. Объясненіе Остгофа и въ исправленномъ видѣ признается негоднымъ, такъ какъ изъ *věddhi и *vědi̯ā можно вывести лишь *vězdi или *vězdji, что въ древне-церковно-славянскомъ въ худшемъ случаѣ могло бы дать *věždi, а никакъ не věždĭ. Вондракъ исходитъ по этому отъ первоначальныхъ формъ жел. накл. *dadi̯es, *dadi̯et, а для объясненія ĭ (ь) въ концѣ дрцслав. повел. накл. прибѣгаетъ къ параллели: род. мн. им. сущ. получилъ краткое ŭ (ъ) подъ вліяніемъ измѣненія ударенія. Такъ какъ род. пад. множ. ч. часто является въ роли gen. poss., т.-е. въ роли прилаг., а по наблюденіямъ Гирта «прилаг., присоединенное къ сущ., даетъ новое понятіе или расширяетъ старое, и поэтому естественно получаетъ логич. удареніе», то Вондракъ допускаетъ вліяніе лог. удар. на удар. даннаго слова (примѣръ Σώκρατες вм. Σωκράτης въ зв. пад.) и съ помощью чешскаго яз., гдѣ слоги съ первоначальнымъ нисходящимъ удареніемъ сокращались, а съ первоначальнымъ восходящимъ удареніемъ сохраняли свою долготу, доказываетъ вышеупомянутое положеніе. Слогъ, теряющій свое удареніе, находится въ менѣе благопріятномъ положеніи, чѣмъ слогъ, никогда не имѣвшій ударенія, и потому скорѣе долженъ подвергнуться сокращенію. Вотъ почему *dadi̯ẽs, *dadi̯ẽt, перейдя въ dádi̯e, могло и безъ содѣйствія *berẽ, получившаго слабую форму beri, перейти въ *dadjĭ. Изъ dadjĭ уже не трудно вывести формы отдѣльныхъ слав. яз. [1]). Если объясненіе Вондрака будетъ признано справедливымъ, то прійдется согласиться и съ выводами изъ него: 1) не слоговое удареніе конечнаго гласнаго играетъ роль при его со-

---

1) Вкратцѣ о томъ же говоритъ Вондракъ и II и III, 409 въ критич. разборѣ сочиненія: Horák, Z konjugace souhlaskové. Příspěvek k historické mluvnici slovanské.

кращенія, а удареніе всего слова, переходящее отъ послѣдняго слога ближе къ началу; 2) если въ слав. существованіе суфф. dhi въ повел. накл. не можетъ быть доказано, то и въ літ. не слѣдуетъ его предполагать. Но какъ объяснить літ. veizd(i), Вондракъ не говоритъ. Въ своей только что вышедшей «Altkirchenslavischen Grammatik» Вондракъ не сдѣлалъ ссылки на эту статью (стр. 202) и выразился очень осторожно...

№ 3. Vondrak, Einige Bemerkungen anlässlich Meillet's «Recherches sur l'emploi du génitif-accusatif en vieux-slave» Paris, 1897, 2 и 3, 325—342. Объ этой же книгѣ помѣщена и въ критическомъ отдѣлѣ (2 и 3, 392—397) небольшая статья Зубатаго. Обѣ статьи (Вондрака и Зубатаго) другъ друга дополняютъ: у Зубатаго указано содержаніе книги по главамъ (чего нѣтъ у Вондрака); Зубатый согласенъ съ Мелье, что употребленіе формы род. пад. вм. формы вин. пад. въ языкѣ древне-славянскомъ—явленіе чисто морфологическое или точнѣе морфологико-семазіологическое, такъ какъ оно служитъ для отличія *предметовъ* одушевленныхъ отъ неодушевленныхъ (Зубатый, должно-быть, по ошибкѣ написалъ Begriffe вм. Gegenstände), далѣе Зубатый дѣлаетъ нѣсколько поправокъ и между прочимъ задаетъ вопросъ, отчего не говорили tomugo, если go въ род. и вин. пад. является прибавленной сзади частицей? Какъ бы отвѣчая на этотъ вопросъ, Вондракъ поясняетъ (на стр. 332), что всѣ падежи мѣст. къто были формы двусложныя, оттого въ род. пад. односложная форма *ka нуждалась въ приравненіи, что было достигнуто прибавленіемъ go (переходъ *kago въ kogo Вондракъ объясняетъ тутъ же). Вондракъ наперекоръ Зубатому неоднократно подчеркиваетъ роль синтаксиса въ данномъ процессѣ, и его доводы нужно признать весьма убѣдительными. По его мнѣнію, не личное мѣстоименіе, а вопросительное дало толчокъ къ отмѣченному Мелье явленію. Вондракъ говоритъ: «...было необходимо, чтобы спрашивающій съ самаго начала точно указывалъ, ставитъ ли онъ вопросъ о подлежащемъ или (прямомъ) дополненіи, а для этого первоначальный им.-вин. *къ (къто) не былъ созданъ..... при къто мы имѣемъ только одинъ вин., и это — первоначальный род. *кого*..... род.-вин. *кого* я переношу уже въ праславянскій языкъ..... этотъ процессъ распространялся отчасти и на множ. ч., ...но такого распространенія, какъ въ ед. ч., онъ не достигъ, а это служитъ для меня новымъ доказательствомъ, что мы должны исходить отъ къто, кого, каковое

мѣстоименіе собственно имѣетъ только единств. ч.». Изъ множества другихъ вопросовъ, выдвинутыхъ Вондракомъ, слѣдуетъ отмѣтить вопросъ о переходѣ *on (om) въ ъ. Вондракъ (на стр. 334) по этому поводу замѣчаетъ: «Я думаю, что я имѣю право полагать, что всякое *on (om) становится ъ», что интересно сопоставить со сказаннымъ имъ въ статьѣ, обозначенной выше № 2. О томъ, что оба критика съ большой похвалой отзываются о трудѣ Мейе, врядъ ли нужно распространяться.

№ 4. Jagić, Die slavischen Composita in ihrem sprachgeschichtlichen Auftreten, 4, 519—556 (начало). Гл. 1-я. Въ славянскихъ языкахъ сказывается сильная зависимость отъ нѣмецкаго, выразившаяся въ заимствованіи цѣлаго ряда оборотовъ, противорѣчащихъ духу славянскаго языка. На первомъ планѣ слѣдуетъ поставить сложныя слова, которыя являются потребностью современной культуры и имѣютъ цѣлью (по словамъ Миклошича) въ краткой формѣ дать богатое содержаніе. Къ сложнымъ словамъ акад. Ягичъ не причисляетъ словъ, состоящихъ изъ сущ. или глаг. и частицы *не* или предлоговъ (какъ это дѣлали Миклошичъ и Бругманъ), иначе пришлось бы и слова съ суфф. считать сложными—тѣмъ болѣе, что большинство суфф. были нѣкогда отдѣльными словами, но впослѣдствіи потеряли свое самостоятельное значеніе [такъ напр. суфф. слова кънигъчии можетъ восходить къ чи, корню слова чи-нити дѣлать, хотя акад. Ягичъ и не отрицаетъ возможности видѣть въ немъ (согласно съ Миклошичемъ) турецкое dži]. Такимъ образомъ акад. Ягичъ понимаетъ сложныя слова такъ, какъ они объясняются въ любой элементарной грамматикѣ. Разсмотрѣнію разныхъ видовъ сложныхъ словъ и посвящена эта статья. Акад. Ягичъ прежде всего (наперекоръ Миклошичу) удостовѣряетъ фактъ древности bahuvrîhi (composita possessiva) въ родѣ сербск. bjelòkos, bjelònog, bjelòvlas. Далѣе онъ указываетъ на dvandva (composita copulativa) въ родѣ сербск. klin-čorba, русск. жаръ-птица, путь-дорога, причисляя къ нимъ и слова съ удвоеннымъ корнемъ: глаголъ, колоколъ, plápol. Затѣмъ разсматриваются tatpuruša (Abhängigkeitscomposita, т.-е. такія сложныя слова, въ которыхъ первая часть представляетъ дополненіе ко второй, развившейся изъ причастія и потому называемой акад. Ягичемъ партиципіаломъ), напр. медвѣдь=иже медъ ѣстъ, popelval=валяющійся въ пеплѣ или, наоборотъ, съ глаголомъ въ первой половинѣ: Varikaša, Kalivoda, Владимиръ, Тръпимиръ. Слова въ

родѣ водостокъ, гдѣ первое слово является какъ бы подлежащимъ въ отношеніи второго (сказуемаго), акад. Ягичъ называетъ composita determinativa, т.-е. опредѣлительными. Сюда же онъ причисляетъ такія слова, какъ слѣпорожденъ, златокованъ, всѣ сложныя съ мъного-, веле- или вель-, вьсе-, само-, благо-, добро-, зѣло и т. д.

Гл. 2-я. Разницу между своей классификаціей и классификаціей Миклошича акад. Ягичъ считаетъ не такой важной, какъ разногласіе въ анализѣ формы сложныхъ словъ. Миклошичъ не хотѣлъ допустить, что синтаксическія соединенія постоянно даютъ матеріалъ къ образованію новыхъ сложныхъ словъ, а авторъ разбираемой статьи считаетъ это главнѣйшей причиной ихъ возникновенія. Миклошича поэтому форма братоучадъ поражала своимъ оу, акад. Ягичъ же видитъ въ немъ дв. ч.: братоу чада (ед. ч. этого слова— абстракція мн. ч.). Нерѣдко вторая половина слова получаетъ суфф., напр. neznàbožac = ne znà bȍga [1]). Вообще (стяженіе) сліяніе 2 или 3 рядомъ стоящихъ словъ нельзя такъ строго отдѣлять отъ сложенія, какъ это дѣлалъ Миклошичъ. И въ томъ и въ другомъ случаѣ самымъ важнымъ является единство ударенія, вызывающее иногда сокращеніе долготъ, напр. sebèznao изъ sȇbe znȃo, duvànkesa изъ dȕvȃn и kȇsa. Первая половина слова вовсе не должна являться въ видѣ чистой основы: она можетъ быть и любымъ пад., напр. bogùmio. Въ современномъ языкѣ формы съ о и е (такъ называемыми соединительными гласными) являются самыми обычными; раньше формы безъ нихъ тоже были нерѣдки: медвѣдь, домачадьць, четврѣгоубъ и др. Но уже въ дрцслав. чаще всего первая часть слова получала о, независимо отъ настоящей основы слова, такъ что между основами на гласные (i, u, ū) и согласные (s, l, n, r) разницы не дѣлалось, напр. сластолюбик, дѣтородьнъ и др. Исключенія представляютъ кръвипзлитик [синтаксическое сліяніе (стяженіе)], матередосадитель (вслѣдствіе мягкости р), по той же причинѣ звѣревидьнъ (хотя звѣрогадьць). Числит. чаще всего принимаютъ о, напр. шестодневъ. Сложныя слова въ родѣ шестилѣтьнъ акад. Ягичъ объясняетъ съ помощью род. пад., ср. двухмѣстный. Послѣ палатальныхъ въ дрцслав. о замѣняется черезъ е: лъжесъвѣдѣтель; точно такъ же поступаетъ русскій яз.: мышеловка; чешскій яз. знаетъ и е и о, польск. только о, серб. за малыми исключеніями о. Вслѣдъ за о (е) чаще всего встрѣчается соединительный гласный i,

---

1) Сюда слѣдовало бы отнести созданное Суворовымъ слово «немогузнайка», т.-е. не могу знать.

при чемъ первая половина слова представляетъ или (часто) глаголъ въ повел. накл.: nazovibrat, skôčidjevojka или другую форму: Ratimir, Božitech. Въ длинномъ спискѣ приведены важнѣйшія сложныя имена собственныя.

Гл. 3-я. Перечисливъ виды сложныхъ словъ и объяснивъ ихъ происхожденіе, авторъ переходитъ къ историческому обзору ихъ. Одни сложныя слова, напр. господь, восходятъ къ такому древнему времени, когда слав. языкъ еще не отдѣлился отъ другихъ индо-европейскихъ. Другія, напр. куропатка (коуръ+пъта, пътъка, пътица) происхожденія общеславянскаго, но такихъ словъ немного. Слѣдующими по времени образованія являются сложныя слова, встрѣчающіяся въ дрцслав. (IX в.). Часть изъ нихъ представляетъ простой переводъ съ греч.: богочьтьць — θεοσεβής. Особенный интересъ вызываютъ случаи перевода простого греч. слова на дрцслав. сложнымъ: ὑδρία—водоносъ, τέκτων—дрѣводѣлꙗ. Нѣкоторыя слова представляли для переводчика большія затрудненія и на первыхъ порахъ только транскрибировались, а потомъ замѣнялись описательными выраженіями: βλασφημία — власфимиꙗ — хоула, чаще хоульно глаголаниѥ, врѣдьно слово и т. п. Очень подробно останавливается акад. Ягичъ и на сложныхъ словахъ псалтыря и апостола. Замѣчательно, что греч. сложныя слова, съ φιλο- въ первой половинѣ, не передаются черезъ форму повел. накл. люби — въ первой половинѣ, а черезъ любьць — во второй: φιλάδελφος (не любибратъ), а братолюбьць. Попытки объяснить это явленіе въ этой статьѣ мы не находимъ [1]).

Гл. 4-я. Продолжая изслѣдованіе сложныхъ словъ въ переводѣ пророка Исайи, рѣчей Григорія Нанзіянскаго и пандектовъ Антіоха, въ Супрасльской рукописи и въ переводѣ хроники Манассіи XIV в. (только отчасти изслѣдованной), акад. Ягичъ приходитъ къ выводу, что позднѣйшіе переводчики больше зависѣли отъ своего оригинала, чѣмъ древнѣйшіе, такъ какъ они видѣли особое достоинство въ наиболѣе точной передачѣ (между прочимъ и) греч. сложныхъ словъ черезъ слав. сложныя слова. Изъ этого правила, конечно, есть исключенія, но въ общихъ чертахъ оно вѣрно.

Гл. 5-я. Изслѣдованію сложныхъ словъ, извѣстныхъ древнесербской литературѣ, по словарю Даничича посвящена цѣлая глава. Они

---

1) Быть-можетъ, на это оказала вліяніе разстановка словъ. Бернекеръ въ «Die Wortfolge im Slavischen» 1900, приходитъ (на стр. 155) къ заключенію, что слав. глаг. стоялъ или въ самомъ началѣ или въ самомъ концѣ. Мы имѣли бы здѣсь 2-й случай.

распадаются на 2 группы: слова, взятыя изъ языка образованныхъ духовныхъ лицъ (эти слова напоминаютъ дрцслав.), и слова изъ языка документовъ, въ которомъ, хотя и нѣсколько односторонне, отражается реальная жизнь народа (характеръ этихъ словъ невполнѣ выясненъ). Литература Далмаціи и Дубровника знаетъ гораздо менѣе сложныхъ словъ. Указаніемъ нѣкоторыхъ изъ нихъ и оканчивается 1-я часть этого интереснаго изслѣдованія академика Ягича.

II. Болгарскій языкъ (македонскія нарѣчія).

№ 5. Miletić, Bemerkungen zu Oblak's Macedonischen Studien, 4, 578—605. По своему характеру эта статья принадлежитъ къ числу критическихъ, и только солидный объемъ ея оправдываетъ помѣщеніе ея въ отдѣлѣ статей оригинальныхъ. Милетичъ, какъ и Облакъ, признаетъ самую близкую связь македонскихъ нарѣчій съ языкомъ болгарскимъ. Старо-славянскій (древне-болгарскій) языкъ Облакъ считаетъ однимъ изъ македонскихъ нарѣчій, а Милетичъ проводитъ границу между зап. и вост. болгарскими діалектами и черезъ всю Македонію до Эгейскаго моря и склоненъ видѣть въ старо-славянскомъ (древне-болгарскомъ) языкѣ прототипъ восточнаго болгарскаго діалекта. Большинство замѣчаній Милетича касается фонетики; морфологіи онъ удѣляетъ мало мѣста, «такъ какъ изслѣдованіе Облака въ этой области даетъ мало новаго». Подробному разбору этой критической статьи Милетича здѣсь нѣтъ мѣста, указать прійдется только на то, что въ концѣ ея помѣщено довольно пространное примѣчаніе акад. Ягича, въ которомъ онъ возражаетъ противъ допущенной Милетичемъ гипотезы о существованіи чего-то въ родѣ члена въ древне-славянскомъ уже въ X и XI вв., помимо всякаго заимствованія изъ румынскаго.

III. Сербскій языкъ.

№ 6. Novaković, Гиџа — Giǵa, 1, 61 — 64. Въ словарѣ Вука этого слова нѣтъ, а въ Загребскомъ академическомъ словарѣ оно названо турецкимъ. Значеніе его — ἄμπελος, vitis, Weinstock, виноградная лоза. Проф. Новаковичъ сообщаетъ мѣстности, гдѣ это

слово встрѣчается (большею частію восточныя), сопоставляетъ съ нимъ гиџ (въ рудницкомъ округѣ), которое означаетъ барана съ витыми рогами и ге̏џак (у Вука)—карликообразный, pusillus (хотя между значеніемъ обоихъ словъ сходства не видно). Этимологіи этого слова проф. Новаковичъ не рѣшается дать. Онъ только упоминаетъ о томъ, что оно встрѣчается уже въ Шестодневѣ Іоанна, экзарха болгарскаго, и имѣетъ навѣрно повсюду удареніе гѝџа. Пробѣлъ этой статьи восполняетъ акад. Ягичъ: онъ въ примѣчаніи разлагаетъ это слово на слѣд. составныя части: *гыз корень и ꙗ суфф. Корню *гыз соотвѣтствуетъ литовское gužůtas, сучковатый (если это же слово не заимствовано съ польскаго) и польск. guz, блр. гузъ, гузатый. Быть можетъ, была и параллельная форма *гѫзъ.

IV. Чешскій языкъ (моравскіе говоры).

№ 7. Pastrnek, Zur Characteristik der mährischen Dialecte, 1. 64—77. Эта статья представляетъ подробный разборъ слѣдующаго сочиненія: Dialektologie moravská. Druhý díl. Nářečí hanácké ač eské. Sepsal František Bartoš. V Brně, 1895. Nákladem Matice Moravské. 8°, VIII + 521. Пастрнекъ называетъ трудъ Бартоша выдающимся и одобряетъ тѣ значительныя поправки, которыя Бартошъ сдѣлалъ во 2-мъ томѣ по сравненію съ первымъ: въ юго-восточной Моравіи не слѣдуетъ различать 3 діалектовъ (какъ это первоначально дѣлалъ Бартошъ, увлекаясь костюмами и простонародными названіями), а нужно руководствоваться исключительно языковымъ критеріемъ, и тогда окажется, что мы имѣемъ дѣло съ 2 діалектами: словацкимъ и ганацкимъ (по терминологіи Бартоша) или восточнымъ и западнымъ (по терминологіи Пастрнека). Центръ тяжести статьи Пастрнека — выясненіе разницы между моравскими и чешскими діалектами. Она почти исключительно наблюдается въ вокализмѣ, консонантизмъ у нихъ общій (за небольшими исключеніями). Особенно много сонантовъ въ западно-моравскомъ (ганацкомъ) діалектѣ. Къ сожалѣнію, Бартошъ не даетъ удовлетворительнаго описанія четырехъ е и четырехъ о этого діалекта. Въ заключеніе Пастрнекъ указываетъ на синтактическій лексическій матеріалъ діалектологіи Бартоша, продолженіе начатаго въ первомъ томѣ предметнаго словаря, списокъ иностранныхъ словъ и образцовъ условнаго языка моравскихъ мясниковъ. Отсутствіе діалектической карты сильно за-

трудняетъ пользованіе книгой. Въ статьѣ Пастрнека бросается въ глаза отсутствіе обобщеній, то-есть цѣльной характеристики моравскихъ діалектовъ.

V. *Польскій (кашубскій) языкъ.*

№ 8. Brückner, Ein angebliches dialectologisches Merkmal der sog. Gnesner Predigten, 2 и 3, 161—165. Во второмъ по древности прозаическомъ памятникѣ польскаго языка вниманіе изслѣдователей привлекали главнымъ образомъ формы: vbodzy = ubogi, xǫdzy = księgi, bodzem=Bogiem, drodze=drogie и др., другими словами, изслѣдователей поражала странная передача др.-слав. gy, gъ, польск. gi, gie черезъ dzi, dzie. Полагали, что въ этомъ заключается діалектическая особенность, и спорили о звуковомъ значеніи этого написанія. Проф. Брюкнеръ въ dz діалектическаго признака не видитъ, а считаетъ это орѳографической странностью, возникновеніе которой можетъ быть удовлетворительно объяснено. Оказывается, что польская орѳографія заимствовала много у чешской. Чехи не знали звука g, а буква g, которая въ лат. gi и ge всегда читалась какъ j, пріобрѣла у нихъ значеніе j. Поэтому и въ такъ называемыхъ гнѣзненскихъ проповѣдяхъ встрѣчаются начертанія: Gan = Ian, obyczagof=obyczajow, pokog=pokoj, pefnegsze=pewniejsze и т. д. Выразить польское gi, gie для писца было очень трудно. Bogem читалось бы bojem, т.-е. совпадало бы съ твор. пад. слова boj. У одного писца въ такихъ случаяхъ на мѣстѣ g мы встрѣчаемъ k, а этотъ прибѣгнулъ къ другому средству: вставилъ послѣ g въ словѣ ogen z, т. е. написалъ (дважды) ogzen. Букву z онъ привыкъ не читать особо: для него Bedza = Beda, Iudzasz = Iudasz, wodzy=wody, rzycerof= rycerzow и т. д. Но почему въ большинствѣ случаевъ g передано не черезъ gz, а черезъ dz, у проф. Брюкнера объяснено не достаточно ясно. Окончательный выводъ автора таковъ: въ гнѣзненскихъ проповѣдяхъ встрѣчается множество описокъ и странныхъ начертаній (sgdzynǫla, т. е. gdz вм. g), но только въ dz вм. g видятъ діалектическую особенность; но «разъ языкъ этихъ проповѣдей чистѣйшій и самый обыкновенный польскій древнихъ временъ, безъ всякаго діалектическаго оттѣнка въ звукахъ или формахъ, то откуда взялось это во всемъ польскомъ неслыханное, немыслимое отступленіе въ одномъ только пунктѣ?».

№ 9. Brückner, Preussisch und Polnisch, 4, 481—515. Исторію литовскаго народа дополняетъ отчасти исторія его языка: заимствованныя и иностранныя слова даютъ много интересныхъ указаній, напр. что литовцы были культурнѣе финновъ, что христіанство у латышей одно время распространялось съ юго-востока. Нѣчто подобное можно прослѣдить и у пруссовъ. Проф. Брюкнеръ доказываетъ, что первыми распространителями христіанства и культуры у пруссовъ были не нѣмцы (тевтонскій орденъ), а поляки. Если бы поляки не призвали орденъ, то пруссы сдѣлались бы христіанами, сохранивъ подобно литовцамъ свою національность. Приведя немногочисленныя историческія данныя, проф. Брюкнеръ приступаетъ прямо къ перечисленію памятниковъ языка, изъ которыхъ самыми важными оказываются 1) словарь (рукописный) XV в. съ 802 номерами, расположенный по категоріямъ матеріала, 2) катехизисы 1545 г. (въ двухъ мало разнящихся редакціяхъ) и лютеранскій энхиридій Абеля Вилля 1561 г., составленные въ такомъ углу Пруссіи [по ту сторону Кенигсберга (Кролевца) и Прегеля], куда поляки никогда не доходили. Тѣмъ болѣе доказательными являются заимствованныя изъ польскаго слова этого діалекта, который къ тому времени уже нѣсколько столѣтій находился подъ сильнѣйшимъ нѣмецкимъ вліяніемъ. Пруссы заимствовали славянскія слова только у поляковъ [проф. Брюкнеръ только слово silkas, литовское szilkaĩ признаетъ заимствованіемъ съ русскаго языка (шелкъ)]. Къ числу заимствованныхъ словъ проф. Брюкнеръ относитъ слѣдующія: 1) peisa — pisać (писать), 2) skrizin—krzyż (крестъ), 4) sūndan (наказаніе)—sąd (судъ), 3) popeckūt—opieckować (опекать), 5) waldwico (walduico, ui = польск. y, рыцарь)—włodyka (солдатъ), 6) названіе прусскихъ витинговъ (нѣчто въ родѣ бояръ путныхъ или людей служилыхъ) проф. Брюкнеру тоже кажется польскимъ [*wicięg (*wiciędz)], но онъ на этомъ не настаиваетъ; быть-можетъ, было бы проще сопоставить это слово съ русскимъ витязь (изъ витѧзь)? 7) kumetis — kmieć (кметъ), 8) walkan (дворъ)—włoka (участокъ земли), 9) tollokinikis (вм. *talkiniks, свободный)—tłoka (маз.) (работа на помѣщика), 10) supūni (госпожа)—*żupani ж. р., żupan м. р., 11) komaters—kmotr (кумъ), 12) karczemo—karczma (корчма), 13) ludis и ludini (хозяинъ и хозяйка)—ludzie (люди), 14) tisties—cieść (тесть), 15) maldenikis, malnyks, malneyks (дитя), malnykiks (дитятко), maldūnin (юность), maldai (молодой), maldaisei (моложе, нѣм. Jünger = ученикъ), maldian (жеребенокъ) производятся отъ польскаго młody (такъ какъ въ лит. и латыш. нѣтъ корня *mold,

то и въ прусс. онъ отрицается), далѣе проф. Брюкнеръ (слѣдуя плану словаря, см. выше) приводитъ примѣры изъ христіанской терминологіи, дни недѣли, отвлеченныя понятія, нѣкоторыя слова изъ области 4 стихій, названія частей тѣла, дома и его частей, предметовъ, относящихся къ земледѣлію, коляски, булочника и его произведеній, кухонныхъ принадлежностей и мяса, напитковъ и сосудовъ, оружія, лошади, сѣдла; ткача, портного, сапожника, кузнеца, цырульника (и относящагося до ихъ ремеселъ), рыбъ, плодовыхъ деревьевъ, (названія дикихъ звѣрей, конечно, прусскія), домашнихъ звѣрей (названія молочныхъ скóповъ скорѣе тоже прусскія), охотничьихъ собакъ, птицъ, ящерицы, наконецъ отдѣльныя слова. Несмотря на то, что въ словарѣ многихъ рубрикъ нѣтъ вовсе: право, церковь, государственная служба, болѣзни, сѣти и ловушки, мѣры времени, протяженія и вѣса, игры и танцы, пѣніе и инструменты — изъ приведеннаго перечисленія видно, какъ много пруссы заимствовали у поляковъ. Поляки же у пруссовъ ничего не заимствовали: такъ велика была разница въ культурномъ уровнѣ обоихъ народовъ. На основаніи всѣхъ полонизмовъ въ прусскомъ профессоръ Брюкнеръ даетъ фонетику ихъ: польск. a > o, польск. o > a, иногда польск. a, o > u; e (т. e. ie) > e, изрѣдка > i; e (полугласный) > i или u; i, u обыкновенно не измѣняются, иногда i > ei, u > au; y > ui; ą ią > on an um, a ę ię > en in; вставка и выпаденіе гласныхъ — явленія обычныя; смягченные согласные ć dź ś ź rz соотвѣтственно > t d s(z) r, szcz > st, c и cz обыкновенно не измѣняются, но иногда c > t, a cz > k; ch > k; сочетанія ro, ło, rze допускаютъ перестановку, быть-можетъ, и нѣкоторыя другія; изрѣдка въ началѣ слова добавляется s: skrizis = skryż (польск. krzyż). Давъ попутно этимологію 4 не объясненныхъ до сихъ прусскихъ словъ, проф. Брюкнеръ возвращается къ заимствованнымъ словамъ, чтобы обобщить сдѣланныя наблюденія. Правильная замѣна польскихъ звуковъ прусскими (pikuls изъ pkieł) можетъ во многихъ случаяхъ заставить насъ отвергать заимствованіе и признавать исконное родство: покажется невѣроятнымъ, чтобы при простомъ заимствованіи были соблюдены звуковые законы, а не ограничивались только грубымъ механическимъ повтореніемъ. Проф. Брюкнеръ полагаетъ, что на первыхъ порахъ чутье языка сильно развито, контрастъ между роднымъ и чужимъ ясно чувствуется, а потому существуетъ непреодолимое стремленіе придать заимствованному слову колоритъ родного; ряды исконныхъ соотвѣтствій слу-

жать безсознательно дѣйствующей аналогіей. Отдѣльные индивидуумы, дѣлающіе заимствованія, по крайней мѣрѣ, отчасти—двуязычные, т. е. знають одинъ языкъ въ совершенствѣ, другой—въ извѣстномъ размѣрѣ; они-то и обладають чутьемъ языка: сразу воспринимають все чужое и находять правильную замѣну его. Чѣмъ дальше, тѣмъ отношенія становятся сложнѣе, чутье языка ослабляется, иностранныя слова подвергаются меньшимъ измѣненіямъ, подъ конецъ—самымъ незначительнымъ.

№ 10. Brückner, Einige slavische Lehnwörter im Litauischen und Lettischen, 4, 515—518. Признавая основательность критическихъ замѣтокъ проф. Лескина на свою книгу о славизмахъ въ литовскомъ языкѣ 1877 г., проф. Брюкнеръ указываетъ на то, что проф. Лескинъ черпалъ изъ неизвѣстныхъ ему и трудно доступныхъ источниковъ, и предлагаетъ теперь списокъ словъ (всего 14), которыя до сихъ поръ еще не были признаны заимствованными. Нѣкоторыя ошибки въ прежней работѣ произошли, по его мнѣнію, отъ того, что онъ искалъ эквиваленты литовскихъ словъ въ русскомъ языкѣ вм. польскаго.

№ 11. Wiener, Das jüdische Element im Polnischen, 4, 620—624. Въ этой статьѣ разбросаны указанія на сочиненія, гдѣ затронутъ вопросъ о еврейскомъ элементѣ въ польскомъ, указаны недостатки и достоинства ихъ и подводятся имъ итоги: еврейско-нѣмецкій діалектъ («жаргонъ» русскихъ евреевъ) русско-польскихъ евреевъ образовался изъ одного или нѣсколькихъ нѣмецкихъ діалектовъ юго-запада на польско-литовской почвѣ еще до XVI в. Словарный матеріалъ этого діалекта содержитъ 70% нѣмецкихъ словъ, 20% древне-еврейскихъ и арамейскихъ, 10% славянскихъ (польскихъ, велико-, мало- и бѣло-русскихъ). Славянское вліяніе сказалось на фонетикѣ: нѣм. ā стало у литовскихъ и нѣкоторыхъ польскихъ евреевъ ŏ, а у малорусскихъ u (собственно ó), нѣм. ü перешло въ ĭ (лит.) и ї (млр.); закрытыхъ гласныхъ, кромѣ ej, нѣтъ. Винеръ въ другомъ мѣстѣ доказалъ, что произношеніе древне-еврейскаго языка въ Россіи и Польшѣ вполнѣ согласно съ развитіемъ еврейско-нѣмецкаго изъ средне-верхне-нѣмецкаго. Вслѣдствіе этого во многихъ случаяхъ почти невозможно опредѣлить, заимствовали ли

поляки у нѣмцевъ или у евреевъ. Только тогда, когда у нѣмцевъ, сосѣдей поляковъ, были въ употребленіи другія формы и слова, чѣмъ у евреевъ, имѣется научный критерій. Пользуясь имъ, Винеръ признаетъ слова: belfer, boks, fanaberja, kreple, śtarbać, śwanc, szejnekataryпka заимствованными у евреевъ. Относительно словъ, взятыхъ съ древне-еврейскаго, Винеръ дѣлаетъ цѣнное указаніе, что нужно различать два случая: 1) они могутъ быть заимствованы прямо изъ библіи и отъ другихъ христіанскихъ народовъ, 2) отъ живущихъ въ Польшѣ евреевъ. Если эти слова въ польскомъ указываютъ на такъ называемое португальское произношеніе древнееврейскаго, то мы имѣемъ дѣло съ 1-мъ случаемъ; если же они указываютъ на средне-верхне-нѣмецкое, то со вторымъ. Поэтому aleluja, amen, gehenna, opat, pižmo, sabbat, sanhedryn, kahał принадлежатъ къ первой категоріи. Статья заканчивается указаніемъ еще пяти словъ еврейско-нѣмецкаго происхожденія.

Petsch, Formelhafte Schlüsse im Volksmärchen. Berlin, Weidman'sche Buchhandlung. 1900, XI+85.

Авторъ задался цѣлью изслѣдовать окончанія народныхъ сказокъ. Онъ различаетъ всего пять видовъ окончаній: 1) голое заключеніе: дѣйствіе просто доводится до конца, героя награждаютъ, злого наказываютъ, описывается вліяніе развязки на второстепенныхъ лицъ; 2) продолжающее (разсказъ) заключеніе: къ окончанію дѣйствія присоединяется взглядъ на будущность героя, иногда второстепенныхъ лицъ, 3) резюмирующее заключеніе: суть содержанія сказки повторяется въ заключительномъ предложеніи, нерѣдко съ присоединеніемъ морали, 4) заключительная формула: (внѣшнее) объявленіе, что сказка окончена, 5) личное заключеніе: разсказчикъ высказываетъ свой личный взглядъ на переданную только что сказку или старается поставить себя въ ближайшую связь съ ея лицами и событіями. Отдѣльныя группы, по замѣчанію автора, нерѣдко переплетаются: нигдѣ нѣтъ рѣзкой грани, всюду незамѣтные переходы, какъ вообще въ народной поэзіи. Авторъ пользуется обширной литературой (перечень занимаетъ 5 стр.) отчасти въ оригиналѣ, отчасти въ переводѣ; ссылки на славянскія сказки и цитаты изъ нихъ (въ нѣмецкомъ переводѣ)

встрѣчаются сплошь и рядомъ. Книжка согласно вышеуказанному дѣленію распадается на 5 главъ; классификаціи сказокъ нѣтъ, такъ какъ «всякій знаетъ, что въ области этнографіи строгая классификація только вредитъ». Вмѣсто оглавленія мы находимъ посвященіе невѣстѣ... Какъ бы то ни было, для сравнительнаго изученія литературы эта книжка является хорошимъ пособіемъ.

Strausz, Die Bulgaren. Ethnographische Studien. Leipzig, Th. Grieben's Verlag (L. Fernau). 1898, VII+477.

Въ предисловіи къ своему труду Штраусъ говоритъ, что, изслѣдуя сказанія болгарскаго народа, ему удалось обнаружить истину, которую ученые давно уже подозрѣвали, а именно: «болгарскій народъ въ своей прародинѣ находился въ тѣсной исторической связи съ урало-алтайскими племенами». Матеріалъ авторъ заимствовалъ изъ «Сборника за народни умотворенія наука и книжнина», издаваемаго подъ руководствомъ его «высокочтимаго друга, многосторонняго ученаго проф. д-ра» Шишманова, изъ трудовъ Драгоманова и Матова и др. Книга Штрауса распадается на 6 главъ: 1) Космогоническіе слѣды. 2) Духи. 3) Вѣра въ судьбу. 4) Праздничные обряды. 5) Народная медицина. 6) Похоронные обряды. Въ концѣ книги помѣщенъ предметный указатель (16 стр.), въ который вошли не только имена нарицательныя, но и собственныя (цитируемыхъавторовъ—обыкновенно даютъ 2 отдѣльныхъ указателя, ср. Архивъ славянской филологіи XX т.) и довольно большой списокъ опечатокъ, но тамъ не оговорено, что на стр. 416 — 417 мы находимъ дословное повтореніе сказаннаго на стр. 388 о лѣченіи туберкулёза баячкой (колдуньей). Краеугольнымъ камнемъ всего сочиненія Штрауса является начало первой главы: на ней и придется остановиться подробнѣе. Авторъ предупреждаетъ читателя, что подъ болгарами онъ подразумѣваетъ не только жителей княжества, созданнаго въ 1878 г., и жителей страны, объединенной въ 1885 г., но вообще всѣхъ болгаръ, такъ что значительную часть матеріала, надъ которымъ онъ оперируетъ, доставили жители Родопа, долины Струмы и Вардара, горъ Шаръ-Дага и Перистери. По мѣрѣ возможности авторъ намѣренъ пользоваться сравнительнымъ мето-

домъ, чтобы, указывая на одинаковыя черты въ народныхъ вѣрованіяхъ мадьяръ и вообще угорскихъ племенъ, дать новую опору доказанному новѣйшими венгерскими лингвистами и этнографами положенію, что болгары и венгры находились въ своей прародинѣ въ тѣсномъ соприкосновеніи другъ съ другомъ. Въ этомъ сказывается тенденція работы Штрауса. Извѣстно, что въ VI в. по Р. Х. на Волгѣ было основано болгарское царство. Близъ Волги же извѣстны слѣдующія географическія названія: Мадьяръ, Мадьярово, Можарово, Можарка, Мажарка, Мажары и т. д., въ древнихъ русскихъ рукописяхъ встрѣчается названіе племени: можаръ, мачаринъ, можерьянъ; значитъ, Magna Hungaria монаха Юліана вовсе не является исключительно плодомъ фантазіи. Однако прямыхъ доказательствъ, что мадьяры жили на Волгѣ, нѣтъ. Взаимодѣйствіе между болгарами и мадьярами древнѣе этой эпохи, такъ какъ слова, общія обоимъ языкамъ (названія льва, верблюда, тигра, пантеры, винограда, груши и т. д.), указываютъ на заимствованіе въ южной странѣ, а въ южной странѣ оба народа жили рядомъ (по греческимъ источникамъ) на берегу Чернаго моря еще до Р. Х. По мнѣнію Штрауса, одна часть мадьяръ во время великаго переселенія народовъ двинулась на западъ, другая, присоединившись къ болгарамъ, — на Волгу. Древній волжско-болгарскій языкъ отчасти сохранился до настоящаго времени: его прямой потомокъ — языкъ чувашей. Изслѣдованія лингвистовъ неопровержимо доказали, что турецкіе элементы въ мадьярскомъ языкѣ ближе всего подходятъ къ чувашскимъ формамъ. Такимъ образомъ установлена связь между обоими языками. Болгары оказали въ то время сильное культурное воздѣйствіе на мадьяръ. Близкое этническое соприкосновеніе придало одинаковыя черты простонароднымъ вѣрованіямъ мадьяръ и болгаръ, хотя у послѣднихъ богомильство оказало большее или меньшее вліяніе на древнія народныя вѣрованія. Однако подробное изслѣдованіе отношенія богомильства къ національному міровоззрѣнію убѣдило Штрауса, что богомильство приняло очень многое изъ народныхъ вѣрованій, а на нихъ повліяло лишь въ незначительной степени. Доказать это возможно только на основаніи сопоставленія космогоніи мадьяръ и родственныхъ имъ народовъ или состоявшихъ съ ними въ сношеніяхъ въ историческое время, съ одной стороны, и міровоззрѣнія болгаръ, съ другой стороны. Вотъ почему въ дальнѣйшемъ Штраусъ по мѣрѣ возможности прибѣгаетъ къ сравненію. Несмотря на широкое примѣненіе его и пользованіе громаднымъ матеріаломъ, Штраусъ съ своей задачей не справился: родство бол-

гаръ и мадьяръ вовсе ужъ не выступаетъ такъ очевидно. Правъ онъ, говоря въ предисловіи, что хочетъ довольствоваться ролью того земледѣльца, который около 150 лѣтъ тому назадъ при вспашкѣ поля наткнулся на куски мрамора и странной формы металлическіе предметы, далъ объ этомъ знать людямъ свѣдущимъ и былъ виновникомъ открытія развалинъ Помпеи и Геркулана...

Э. Лямбекъ.

Польская библіографія 1900 г.

Списокъ изданій по исторіи, языку и литературѣ, вышедшихъ на польскомъ языкѣ.

Въ настоящій списокъ внесены изданія, помѣченныя 1899 и 1901 годами, но вошедшія, въ дѣйствительности, въ библіографію въ 1900 г. Изданія, при которыхъ годъ не указанъ, обозначены 1900 годомъ. При сочиненіяхъ, составляющихъ оттиски журнальныхъ статей, въ скобкахъ обозначено названіе того повременнаго изданія, въ которомъ статья первоначально была напечатана.

Настоящій списокъ составленъ, главнымъ образомъ, на основаніи, издаваемаго съ 1878 г. ежемѣсячно въ Краковѣ д-ромъ В. Вислоцкимъ—Przewodnik Bibliograficzny, а послѣ его смерти, послѣдовавшей въ Краковѣ 3 іюня 1900 г., съ сентября мѣсяца краковскимъ Нумизматическо-археологическимъ обществомъ.

Abraham Władysław. Stanowisko kuryi papieskiej wobec koronacyi Łokietka. Skreślił... (Osobne odbicie z «Księgi pamiątkowej, wydanej przez Uniwersytet lwowski ku uczczeniu 500-letn. jub. Uniw. krak.). Lwów, 4⁰, стр. 34. 2 кр.

Albertus de Brudzewo mag. Commentariolum super theoricas novas planetarum Georgi Purbachii in studio generali Cracoviensi per..... diligenter corregatum a. d. 1482. Post editionem principem mediolanensem a. 1495 ad fidem codicum praes. antissimorum denuo edendum curavit Ludovicus Antonius Birkenmajer (Munera saecularia Universitatis cracoviensis, vol. IV). Cracoviae, typis et sumpt. Universitatis Jag., 8⁰, стр. LVI, 169+1. 4 кр.

Album biograficzne zasłużonych Polaków i Polek Wieku XIX. Warszawa, 4⁰, стр. 496. T. I. 10 руб.

Almanach jubileuszowy Uniwersy-

tetu Jagiellońskiego z kalendarzem na lata 1900 i 1901. Kraków, 8⁰, стр. 98. 1 кр. 20 гел.

Askenazy Szymon. Dwa stulecia. XVIII i XIX. Badania i przyczynki. I. Warszawa, Kraków, 1901, 8⁰, стр. 555, 1. 9 кр. 60 гел.

Badeni Stanisław Henryk dr. Stanisław Ciołek, biskup poznański. Szkic historyczny z XV-go wieku (Odbicie z XXXIX t. Rozpraw Akad. Um. w Krakowie). Kraków, 8⁰ w., стр. 104 (296—399). —2 кр.

Bąkowski Klem. dr. Dzieje wszechnicy krakowskiej od r. 1364 do 1400 i do r. 1400 do 1900. Z 1 ryciną (Biblioteka krak., nr. 16). Kraków, nakł. Towarzystwa, miłośników historyi i zab. Krakowa 8⁰, стр. 96. 70 гел.

Balzer Oswald. Historya porównawcza praw słowiańskich. Główne kierunki rozwoju nauki i jej istotne znaczenie, napisał... (Studya nad historyą prawa polskiego, wydawane pod redakcyą Oswalda Balzera, t. I, zesz. 5). Lwów, 8⁰, стр. 2, 64 (325—388), 8. 2 кр. 20 г.

—— W sprawie sankcyi statutu mazowieckiego pierwszego z r. 1532, napisał... (Osobne odbicie z t. XL. Rozpraw) Wydz. hist. filoz. Akad. Um. w Krakowie.. Kraków, 8⁰, стр. 94 (174—267).—2 кр.

Bersohn Mathias. O illuminowanych rękopisach polskich. Napisał... Członek komis. histor. sztuki Akad. Um, w Krakowie, Członek poznań. Tow. Przyjac. nauk. Tablic 15. (Посв.: Uniwersytetowi Jagiellońskiemu w Krakowie dla uczczenia pięćsetnej rocznicy rozkwitu pierwszej w Polsce i jednej z najstarszych w Europie Wszechnicy tę publikacyę świadczącą o umysłowym i artystycznym rozwoju naszej przeszłości z uczuciem hołdu i głębokiego uznania poświęca autor). Warszawa, 8⁰, стр. 159. 2 руб.

Biblioteka Krakowska (см. Bąkowski № 16; Bukowski-Kościoł S. Anny 17; Karbowiak-Obiady 18, Łuszczkiewicz-Sukiennice II, Rosprószenie 14; Prokesch 12; Ptaśnik 15).

Biblioteka ordynacyi Krasińskich (см. Rembowski).

Biblioteka zapomnianych poetów (см. Orzechowski, Wierzbowski).

Biegański Stanisław ks. S. P. Poczet autorów, którzy o St. Konarskim pisali, zebrał... (Na uczczenie dwusetnej rocznicy ks. Stanisława Konarskiego S. P. *30-go września 1700 roku). Kraków 8⁰, стр. 19.

Bieliński Józef. Uniwersytet wileński, 1579—1831, tom I, II i III. (Fontes et commentationes historiam scholarum superiorum in Polonia illustrantes. Посв. ad honorem quingentesimi anniversarii Almae Matris Jagellonicae, 1400—1900, Varsavia). Kraków, 1899—1900. 8⁰ стр. 485, 845, 734. Съ рис.

Birkenmajer Ludwik Ant. Mikołaj Kopernik. Część pierwsza. Studya nad pracami Kopernika oraz materyały biograficzne, opracował i zebrał.... (Посв. Uniwers. Jagiell. przez Akad. Um.). Kraków 4⁰, стр. XIII, 711. Съ рис. 20 кр.

Bilczewski Józef ks. dr. Przemówienie Rektora Uniwersytetu lwowskiego... przy otwarciu nowego roku szkolnego 1900/1 dnia 11 października 1900 roku. Lwów, 8⁰, стр. 19.

Bobrowski Tadeusz. Pamiętniki.... z przedmową Włodzimierza Spasowicza, tom I i II. Lwów, 8⁰, стр. XV, 417, 512, 12 кр.

Bogusławski E. Historya Słowian. T. II, Kraków, Warszawa, 8⁰, 1899. стр. VI, 516.

Bogusławski Wilhelm. Dzieje Słowiańszczyzny północno-zachodniej aż do wynarodowienia Słowian zaodrzańskich przez... Dzieło uwieńczone na konkursie Tow. Prz. N. w Poznaniu,... tom IV z mapą. Poznań 8⁰, стр. XI, 752, съ 2-мя картами. Ц. за 4 т. 50 кр. 40 г.

Boniecki Adam. Herbarz polski, część I: Wiadomości historyczno-genealogiczne o rodach szlacheckich, ułożył i wydał....Warszawa, 1899. tom I 8⁰, стр.

IX, 385, V. T. II. 1900; стр. 396; T. III. zrsz. 3, стр. 120 (do Chrzniewski). Съ рисунками въ текстѣ.

Brückner Aleksander. Język Wacława Potockiego. Przyczynek do historyi języka polskiego (Osobne odbicie z t. XXXI Rozpraw Wydz. filolog. Akad. Um. w Krakowie (str. 275—421). Kraków, 8⁰, стр. 157. 2 кр.

—— Tragedya moskiewska. Szkice historyczne. (Osobne odbicie z «Przeglądu polskiego»). Kraków, 8⁰, стр. 80, съ 2-мя портретами. 2 кр.

Brzozowski Bronisław. Mikołaj Rej z Nagłowic. Warszawa, Br. 8⁰, стр. 16.

Bukowski Julian ks. dr. Adam Opatovius, dawny Akademik krakowski. Kartka z dziejów uniwersytetu krakowskiego. Z portretem. (Odbitka z «Przeglądu katolickiego»). Warszawa, 8⁰, стр. 37. 25 коп.

—— Kościół akademicki św. Anny. Monografia historyczna (Biblioteka krakowska, nr. 17). Kraków, 8⁰, стр. 46,2. 40 гел. Съ 2-мя рис.

Bujak Fr. Geografia na Uniwersytecie Jagiellońskim do połowy XVI go wieku (Odbitka z Księgi pamiątkowej uczniów Uniw. Jag.) Kraków, 4⁰, стр. 48, 1 кр.

—— Kalimach i znajomość państwa tureckiego w Polsce około początku XVI w. napisał ... (Osobne odbicie z t. XL Rozpraw Wydz. histor-filoz. Akad. Um.). Kraków, 8⁰, стр. 23. 60 гел.

—— Najstarszy opis Ziemi świętej pochodzenia polskiego. Odbitka z nru 3 i 4 (45 i 46) «Wiadom. archeol.» Kraków, 8⁰, стр. 15. 1 кр.

Callimachus Philippus Buonaccorsus. Vita et mores Gregorii Sanocei archiepiscopi leopoliensis, recensuit Adam Stephanus Miodoński. Cracoviae, sumpt. Universitatis Jag., 8⁰, стр. XXXI. 3 кр.

Caro Jakób dr. Dzieje Polski, napisał ... profesor uniwersytetu wrocławskiego, przełożył z języka niemieckiego Stanisław Mieczyński, tom VI, 1481—1506. Warszawa 4⁰, стр. XII, 1, II, 431. 1 руб.

Celichowski Zygmunt dr. Przyczynki do dziejów panowania Zygmunta Starego. Zeszyt I. Reces graniczny między Wielkopolską a księstwem głogowskiem z r. 1528—1531 (Z mapą pasa granicznego).... Poznań, 8⁰, стр. 36, 1 м.

Cerchowie-Kopera. Pomniki Krakowa Maxymiliana i Stanisława Cerchów, z tekstem dra Felixa Kopery, 1. Kraków. Warszawa, F⁰. Выходитъ выпусками, вышло XIX вып., стр. 72.

Chmielowski Piotr. Historya literatury polskiej..... z przedmową Bronisława Chlebowskiego, tom IV—VI (Biblioteka dzieł wyborowych). Warszawa, 8⁰, стр. 266, 278, 319. Съ рисунками по 2 руб. томъ.

—— Metodyka historyi literatury polskiej. Napisał ... Dodatek do «Przeglądu pedagogicznego». Warszawa, 8⁰, стр. 289, X.

Chodyński Stan. ks. Szkoła katedralna włocławska, szkic historyczny, na podstawie akt kapitulnych skreślony przez X. S. Ch. (ku uczczeniu Akademii krakowskiej w pięćsetnym roku od jej wznowienia, 1400 — 1900). Włocławek, nakł. kleru dyecezyalnego, 8⁰, стр. 133, 1.

Chotkowski Wł. ks. Ostatnie lata Benedyktynów w Tyńcu. Przyczynek do dziejów Wszechnicy Jagiellońskiej pośw. Wszechnicy Jagiellońskiej w pięciowiekową rocznicę założenia Wydziału Teologicznego za Pap. Bonifacego IX poświęca przyczynek do dziejów tegoż wydziału jeden z jego członków). Kraków, 8⁰, стр. 103,3. 1 кр. 50 г.

Czermak Wiktor. Marya Kazimiera Sobieska (Odbitka z Przeglądu polskiego). Kraków, 8⁰, стр. 168.

—— Uniwersytet Jagielloński w czterech ostatnich wiekach (pośw. Uniwers. Jagiell. w 500 rocznicę wznowienia.—Osobne odbicie z Przeglądu polsk.). Kraków, 8⁰, стр. 88.

Czubek Jan. Wespazyan z Kochowa Kochowski. Studyum biograficzne. Napisał... (Osobne odbicie z t. XXXII Rozpraw. Wydz. filolog. Akad. Um. w Krak.) Kraków, 8⁰, стр. 189, съ одной родословной. 2 кр. 50 г.

Demby Stefan. Album pisarzy polskich (współczesnych). Zebrał i objaśnił... Wydawnictwo Romana Kreczmera. Warszawa, skład główny w księgarni Gebethnera i Wolffa, 1901, стр. 83, съ портретами. 2 руб.

Demetrykiewicz Włodzimierz dr. Korony bronzowe przedhistoryczne, znalezione na obszarze ziem dawnej Polski (Odbitka z Materyałów antropol.-archeol. i etnogr. Akademii umiej., IV. 1). Kraków, 8⁰, стр. 22, съ рис. въ текстѣ.

Dobrzycki Stanisław. O tak zwanem mazurowaniu w języku polskim, napisał... (z mapą) — (Osobne odbicie z t. XXXII Rozpraw Wydz. filolog. Akad. Um. w Krakowie). Kraków, 8⁰, стр. 1, 25, 1 кр.

Doleżan Wiktor. Krótki rys dziejów literatury polskiej. Opracował..... nauczyciel sem. naucz. Wydanie drugie przejrzane i powiększone. Lwów, 1901, 8⁰, стр. 4, 199. 2 кр. 40 г.

Dropiowski Władysław. Hugona Kołłątaja Porządek fizyczno-moralny. Szkic historyczno-krytyczny, napisał.... (Odbitka z Przeglądu naukow. i literackiego). Lwów, 8⁰, стр. 2, 19. 60 гел.

Dubiecki Maryan. Kudak, twierdza kresowa i jej okolice, monografia historyczna nagrodzona przez Akademią umiejętności w Krakowie, wyd. nowe przejrzane i powiększone (pośw. J. I. Kraszewskiemu). Warszawa, 8⁰, стр. 154. 1 руб.

Eljasz-Radzikowski Stanisław dr. Pogląd na Tatry. Wydanie trzecie, z mapą Tatr. Kraków. 8⁰, стр. 146.

—— Styl zakopiański, odczyt w Towarzystwie ludoznawczem we Lwowie dnia 15 lutego 1900 r. Lwów, 8⁰, стр. 22, съ рис. 1 кр.

Encyklopedja kościelna podług teologicznej encyklopedji Wetzera i Weltego z licznemi jej dopełnieniami przy współpracownictwie kilkunastu duchownych i świeckich osób wydana przez X. Michała Nowodworskiego. Tom XXIV. Rytuał — Seleucja (Посв.: Ku uczczeniu pięćsetnego jubileuszu (1400—1900) Prześwietnej Akademii krakowskiej ten tom poświęca redakcja). Warszawa, 8⁰, стр. X, 2, 626, 2.

Encyklopedya wielka powszechna ilustrowana, tom XXI i XXII (Falkland Franchomme). Warszawa, 1898—99, 8⁰, стр. 1025.

Encyklopedya wychowawcza, t. V, zeszyt III. Warszawa, (Gra-Guwerner). 8⁰, стр. 161—240.

Estreicher. Bibliografia polska tom XVIII. Lit. H. Zeszyt 1, 2. 3. Kraków, 8⁰, стр. 331. 15 кр.

Estreicher Tadeusz. Globus Biblioteki Jagiellońskiej z początku wieku XVI (Osobne odbicie z XXXII tomu Rozpraw Wydziału filolog. Akad. Um. w Krak.). Kraków, 8⁰, стр. 2, 19. 30 гел.

Fijałek Jan ks. Mistrz Jakób z Paradyża i uniwersytet krakowski w okresie soboru bazylejskiego (pośw. Uniwersyt. Jagiellońskiemu). Kraków, 8⁰, T. I, стр. 4, 448; T. II, стр. 2, 422. 12 кр.

—— Polonia apud Italos scholastica saeculum XV. Fasciculus I. Poloni apud Italos litteris studentes et laurea donati inde a Paulo Wladimiri usque ad Johannem Lasocki collecti et illustrati. (Munera saecularia Universitatis Crac. vol. VI). Cracoviae, typis et sumptibus Univ. Jag., MCM, 4⁰, стр. 8, 120. 6 кр.

—— O początkach i znaczeniu Uniwersytetu Jagiellońskiego w XIV—XV wieku podał.... Odczyt inauguracyjny, wygłoszony przy rozpoczęciu r. szk. 1899—1900 w Uniwers. lwow. dn. 10 październ. 1899 r. Nadbitka (w 50 egz.) z

księgi pamiątk. Uniw. lwow. dla Uniw, Jag. Lwów, 8⁰, стр. 12.

Finkel Ludwik dr. Bibliografia historyi polskiej. Wspólnie z dr. Henrykiem Sawczyńskim i członkami kółka historyczn. Uniwersytetu lwow. zebrał i ułożył.... Część II, zesz. III. Kraków, nakł. Akademii Um., 8⁰, стр. 849—1008. 3 кр. 60 г. Первый томъ этого изданія вышелъ въ 1891 г.

——— Memoryał Antoniego hr. Pergena pierwszego gubernatora Galicyi o stanie kraju (z roku 1773). — Osobne odbicie z Kwartalnika histor. t. XIV. Lwów 8⁰, стр. 31.

——— Polen (1897—8). Jahresberichte der Geschichtswissenschaft. Sonderdruck. Berlin, A. Gaertners Verlagsbuchhandlung, 8⁰, стр. 220—235.

——— Sprawozdanie z wycieczki konserwatorskiej. I. Krasno-puszcza.—Buszcze. (Odbitka z «Teki konserwatorskiej» rocz. II). Lwów, 4⁰, стр. 14, 7 рис.

——— Sprawy Wschodu przed soborem lateranéńskim r. 1512 (Odbicie z Księgi pam. wydanej przez Uniwer. lwowski ku uczczeniu 500-letniego jubil. Uniw. Krak.). Lwów, 8⁰, стр. 25.

Fontes et commentationes historiam scholarum superiorum in Polonia illustrantes (см. Bieliński II—III; Jabłonowski V; Szkoła Główna Warszaws, VI; Kochanowski VII; см. 1899 г. Wadowski I).

Friedberg B. Geschichte der hebräischen Typographie in Krakau von 1530 bis auf die Gegenwart von... Krakau, 8⁰, стр. 46, 2. 80 гел., заглавіе нѣмецкое, текстъ еврейскій.

Friedberg Jan. Pospolite ruszenie w Wielkopolsce w drugiej połowie XV wieku (Studya nad historyą prawa polskiego, wydawane pod redakcyą Oswalda Balzera, tom I zeszyt 3). Lwów, 8⁰, стр. 98. 3 кр.

Gawroński-Rawita Fr. Historya ruchów hajdamackich. Lwów, 901, 8⁰, T. I, стр. XXI, 269; T. II, стр. 297. 6 кр.

——— Studya i szkice historyczne, serya II (Almae Matri Jagellonicae MCD—MCM). Lwów, 8⁰, стр. 241, 2. 4 кр.

Содержаніе: Losy wielkiej fortuny na kresach ukrainnych; Filip Orlik, nieuznany hetman kozacki; Kartka z życia społeczeństwa kresowego; Prawo bartne XVI w.; Pogląd na historyę rolnictwa w Polsce; Siabrostwo jako forma władania ziemią; Ludowe sądy kupne czyli kopne na Polesiu; Przygoda Imć pana Józefa Sieńkiewicza, namiestnika chorągwi tatarskiej; Kilka słów o rodzinie i miejscu rodzinnem Tarasa Szewczenki; Ludwika Śniadecka.

——— Szczedrówki z powiatu dobromilskiego (Odbitka z czasopisma Lud). Lwów, 8⁰, стр. 30. 40 гел.

Gloger Zygm. Encyklopedya staropolska ilustrowana, Warszawa, 8⁰, выходить выпусками, вышло 6; вып. T. I. стр. 316. 3 руб.

——— Rok polski w życiu, tradycyi i pieśni, przedstawił... Z czterdziestu rycinami. Warszawa, 4⁰, стр. 4, 384, 2.

——— Zabawy, gry, zagadki, żarty i przypowieści z ust ludu i ze starych książek zebrał... Wydanie nowe. Warszawa, 8⁰, стр. 77. 10 коп.

Golichowski Norbert o. Przed nową epoką: Materyały do historyi oo. Bernardynów w Polsce, zebrał, ułożył, napisał ... gwardyan klasztoru św. Bernardyna seneńskiego w Krakowie. Kraków, 1899, 8⁰, стр. 424. 6 кр.

Gomulicki Wiktor. Opowiadania o starej Warszawie (Biblioteka dzieł wyborowych nr. 153). Warszawa, 8⁰, стр. 175. 25 коп. Съ рис.

Gonet Szymon. Opowiadania ludowe z okolic Andrychowa (Odbitka z Materyałów antrop., archeolog. i etnogr. Akademii umiej., IV 2). Kraków, 8⁰, стр. 57.

Grabowski Ambroży. Kraków i jego okolice. Opisał historycznie... b. sędzia pokoju m. Krakowa. Wydanie szóste, znacznym przyczynkiem wiado-

mości rozszerzone, z 57 drzeworytami, Kraków, 8°, стр. XI, 421. 5 кр.

Gumplowicz Max. Wyprawa pomorska Bolesława Śmiałego (Ateneum). Warszawa, 8°, стр. 16.

Hahn Wiktor dr. Bibliografia filologii klasycznej i literatury humanistycznej w Polsce za lata 1896—1898 zestawił... «Eos». Lwów, 8°, стр. 30. 1 кр.

Hahn Wiktor. Najważniejsze dezyderaty w sprawie badań nad literaturą humanistyczną w Polsce. Nadbitka z Pamiętnika III Zjazdu historyków polskich w Krakowie. Sekcya II, 8°. стр. 12.

Heck Korneli J. dr. Najnowsze publikacye o Pasku, tudzież o czasie powstania i częściach składowych jego Pamiętników (Nadbitka z Przeglądu powsz.). Kraków, 8°, стр. 96—123.

—— Szymonowiciana. I. «Naenia funebris». II. Ojciec Szymonowicza. «Eos». Lwów, 8°, стр. 21.

—— Z literatury Mickiewiczowskiej w roku jubileuszowym. (Nadbitka z Przeglądu pow.). Kraków, 8°, стр. 72.

Herrich A. & Barański Fr. Mapa Galicyi. Podziałka 1:600.000. Zarys A. Herricha. Poprawił i uzupełnił Fr. Barański. Nakładem K. Flemminga. Głogów. Lwów, księgarnia polska. 3 кр. 50 r.

Herzig Franciszek. Katedra niegdyś Kollegiata w Tarnowie wraz z krótką wzmianką o innych kościołach tarnowskich. Szkic historyczny na pamiątkę 500 rocznicy istnienia tegoż kościoła napisał na podstawie źródeł... radca Mgtu i człon. komitetu paraf. kościoła katedr. w Tarnowie (z 8 illustracyami). Tarnów, nakł. Magistratu m. Tarnowa, 8°, стр. 72, 4. 4 кр.

Hora F. A. prof. Słownik czeskopolski kieszonkowy. Praha, nakl. vlastnim, pomocí české Akademie cisaře Františka Josefa pro vědy, slovesnost a umění, Fr. Řivnač, Warszawa, E. Wende i Sp. Выходитъ выпусками. str. 48. Выпускъ по 45 гел.

Jabłonowski Alexander. Akademia kijowsko-mohilańska, zarys historyczny na tle rozwoju ogólnego cywilizacyi zachodniej na Rusi (Fontes et commentationes historiam scholarum superiorum in Polonia illustrantes, V). Kraków, 1899—1900, 8°, стр. 318.

Jankowski Czesław. Powiat oszmiański. Materyały do dziejów ziemi i ludzi, zebrał i wydał... Część czwarta. Petersburg, księg. K. Grendyszyńskiego, Kraków, 8°, стр. IV, 90; 1 р.

Jellenta Cezary. Juliusz Słowacki dzisiaj, szkic konturowy. Kraków, 8°, стр. 72, 1.

Jelski Alexander. Karciarstwo i wogóle gry zabawy hazardowe u nas w świetle tradycyi i literatury ojczystej. Petersburg, tipogr. G. A. Bernsztejna, 1899, 8°, стр. 21. 1.

Jezieniecki M. dr. Celniejne utwory łacińskie Janickiego, Kochanowskiego i Sarbiewskiego ze wstępem i objaśnieniami wydał...... profesor V. gimn. i docent Uniw. we Lwowie. Część III. Celniejsze ody Kochanowskiego i Sarbiewskiego. Lwów, 8°, стр. 123—182.

Juszkiewicz Antoni ks. Melodje ludowe litewskie, zebrane przez ś. p...., opracowywane przez ś p. Oskara Kolberga i ś. p. Izydora Kopernickiego, a ostatecznie opracowane, zredagowane i wydane przez Zygmunta Noskowskiego i Jana Baudouina de Courtenay, część I (pośw. Uniwersytetowi Jagiellońskiemu w 500-ną rocznicę). Kraków, 4°, стр. XLIV, 247, 20 кр. Съ портретами и нотами въ текстѣ.

In memoriam. Akademickie kółko literackie na jubileusz Uniwersytetu Jagiellońskiego, Kraków. MCD—MCM 8°, стр. 24. 4 кр.

Kalinka Waleryan ks. Jenerał Dezydery Chłapowski, wyd. nowe. Kraków, 8°, стр. 187. 4 кр.

—— Pisma pomniejsze. Część III. Wydanie nowe (Dzieła ks. Wal. Kalinki

t. XI). Generał Dezydery Chłapowski.— Żywot Tadeusza Tyszkiewicza.—O książce prof. M. Bobrzyńskiego «Dzieje Polski w zarysie» słów kilka. — Kraków, 8⁰, стр. 400. 4 кр.

Kałużniacki E. prof. Zur älteren Paraskevaliteratur der Griechen, Slaven und Rumänen (Оттискъ изъ Sitzungsberichte der kaiserl. Akademie der Wissenschaften). Wien, C. Gerolds Sohn, 8⁰, стр. 93.

Karbowiak Antoni dr. Obiady profesorów Uniw. Jagiellońsk. w XVI i XVII wieku (Biblioteka krakowska nr. 13). Kraków, 8⁰, стр. 63, 1. 50 гел.

—— Rozprószenie młodzieży szkolnej krakowskiej w roku 1549 (Biblioteka krakowska nr. 14). Kraków, 8⁰, стр. 38, 2. 40 гел.

—— Protokoły procesu X. Andrzeja Czarnkowskiego z 1549 i 1550 roku. Wydał... W Krakowie (Archiwum dla histor. literatury i oświaty w Polsce Akad. Um. w Krak.), 8⁰, стр. 24.

—— Szkoly dyecezyi chełmińskiej w wiekach średnich. Kraków, 8⁰, стр. 123. 8 кр.

Karłowicz Jan. Słownik gwar polskich, ułożył..... Tom pierwszy. A do E. (Pośw. Uniw. Jagiel.). Kraków, 8⁰, стр. 454. 10 кр.

Karowski Wład. Lew Tołstoj i jego «Zmartwychwstanie» (Odbicie z «Czasu»). Kraków, 8⁰, стр. 49. 1 кр.

Karwicki-Dunin Józef. Z zamglonej i niedawno minionej przeszłości. Wołyńskie opowiadanie historyczne. Warszawa, 1901, 8⁰, стр. VIII, 220. 1 р. 20 к.

Katalog dzieł treści przysłowiowej, składających bibliotekę Ignacego Bernsteina. Warszawa, czcionkami drukarni W. Drugulina w Lipsku, MDCCCC, 8⁰, T. I, стр. XX, 560. T. II, стр. 4, 650. Съ рисунками.

Katalog Wystawy zabytków epoki Jagiellońskiej w 500 rocznicę odnowienia Uniwersytetu Jagiellońskiego zorganizowanej. Kraków, 8⁰, стр. VIII, 71. 1 кр.

Kętrzyński St. Casimir I, 1034—1058 (Bulletin de l' Académie des sciences) Cracovie, imp. de l'Univ. Jag., 1899, 8⁰, стр. 430—432.

Kiliński Jan. Szewca warszawskiego, pułkownika XX regimentu piechoty Drugi pamiętnik nieznany o czasach Stanisława Augusta. Z rękopisu po raz pierwszy wydał A. Wydanie drugie. Kraków, 8⁰, стр. 294. 2 кр. 40 гел., съ рис.

Klasztory Karmelitanek Bosych w Polsce, na Litwie i Rusi, ich początek, rozwój i tułactwo w czasie rozruchów wojennych w XVII wieku. Rzecz osnuta na kronikach klasztornych. Wilno — Kraków, 4⁰, стр. IV. 168.

Klechdy czyli baśnie ludu polskiego na Śląsku, ze zbiorów wydziału literackiego w Gostyniu. Warszawa, 16⁰, стр. 82. 20 коп.

Kochanowski. Dzieje Akademii Zamojskiej (1594—1784), skreślił oraz wykazem druków zamojskich opatrzył... (Fontes et commentationes historiam scholarum superiorum in Polonia illustrantes VII). Kraków, 8⁰, 7, 354, XCVIII. Съ рис.

Kołaczkowski Klemens generał. Wspomnienia, księga III od. r. 1820 do 1830. Kraków, 8⁰, стр. 140. 2 кр. 40 гел.

Kolessa Aleksander. Ukraińska rytmika ludowa w poezyach Bohdana Zaleskiego napisał... (Odbitka z Księgi pamiątkowej uniw. lwow.). Lwów, 8⁰, стр. 78.

Komorwoski Ignacy. Wspomnienia podchorążego z czasów W. Ks. Konstantego (z illustracyami) (Biblioteka dzieł wyborowych nr. 135). Warszawa, 8⁰, стр. 124. 25 коп.

Konopacki Szymon. Moja druga młodość, z niewydanych pamiętników 1816—1826, tom I i II. (Biblioteka dzieł wyborowych nr. 130 i 131). Warszawa, 8⁰, стр. 156, 160. 50 коп.

Konopnicka Marya. Z roku Mickiewiczowskiego (O pierwszej i drugiej części Mickiewiczowskich «Dziadów»

słów kilka). Warszawa, 8⁰, стр. 254. 1 р. 50 к.

Kopera Feliks. Oprawa srebrna ewangieljarza księżnej Anastazyi żony Bolesława Kędzierzawego, w Bibliotece publicznej w Petersburgu, opisał... (Sprawozd. Komisyi hist. sztuki Akad. Um., t. VII, z. 1). Kraków, 4⁰, стр. 39—48; съ рис.

—— Spis druków epoki Jagiellońskiej w zbiorze Emeryka hrabiego Hutten-Czapskiego w Krakowie (pośw. Uniwersytetowi Jagiellońskiemu, ku uczczeniu 5 wiekowej cywilizacyjnej pracy). Kraków, 4⁰, стр. 234. Съ рис. 7 кр.

Kosiński Adam Amilkar. Opowiadania żołnierskie z wojen od r. 1799 do 1812 (Dodatek powieściowy do Reformy). Kraków, 8⁰, стр. 48.

Kozak Cornel u. Fischer Eduard. Heitmatskunde der Bukowina zum Gebrauche für Schulen und zum Selbstunterricht herausgegeben von Professor C. Kozak und Gend.-Rittm. Ed. Fischer. Mit 10 Illustrationen und 3 Landkarten. Czernowitz 1900. K. K. Universitäts-Buchhandlung H. Pardinini, Buchdruckerei E. Kanarski, 8⁰, стр. 112. 2 кр. 50 к.

Kozłowski. Listy Kniaziewicza do Dąbrowskiego i Kościuszki (Kwartalnik hist.). Lwów, 1899, 8⁰, стр. 28. I кр.

—— Rozalia Lubomirska jako ofiara terroryzmu w 1794 roku. Warszawa, 8⁰, стр. 28. 40 коп.

Krasicki Ignacy. Wybór pism. Warswawa, 16⁰, стр. 454. 1 р.

Krasiński Adam Stanisław. Wspomnienie biskupa... Kraków, 8⁰, стр. 127. 2 кр.

Krasnowolski Antoni. Słowniczek frazeologiczny, poradnik dla piszących. Warszawa, 8⁰, стр. 288. 1 руб.

Kraushar Aleksander. Książe Repnin i Polska w pierwszem czteroleciu panowania Stanisława Augusta (1764—1768) przez ... Wydanie nowe, przejrzane i poprawione, z illustracyemi. Warszawa, 8⁰, T. I, стр. 399; T. II, стр. 336. 5 руб.

—— Towarzystwo Warszawskie Przyjaciół nauk. 1800—1832. Monografja historyczna osnuta na źródłach archiwalnych. Księga I. Czasy Pruskie. 1800—1807. z ilustracjami. Warszawa i Kraków, 8⁰, стр. 407. 3 руб.

Krček Fr. dr. W sprawie bajeczki o pastuszku (Ludu). Lwów, 1899, 8⁰, стр. 8.

—— Przyczynki do drugiego wydania «Księgi przysłów» S. Adalberga (Lud.). Lwów, 8⁰, стр. 10.

Król K. i Nitowski. J. Historja literatury polskiej: Wydanie drugie poprawione. Warszawa, 8⁰, sтр. 508. 2 руб.

Krotoski Kazimierz dr. Gall scholastyk poznański, i jego kronika (Kwartalnik. histor.). Lwów, 1899, 8⁰, стр. 8. 60 гел.

Kryński Adam Ant. Gramatyka jezyka polskiego, przez ... członka koresp. Akad. Um. w Krakowie. Wydanie drugie powiększone i poprawione. Warszawa, 8⁰, стр. VII, 381. 1 р. 20 к.

Krzywda B. M. O Wiesławie Kazimierza Brodzińskiego tym, którzy czytają (Wiesław K. Brodzińskiego. — Wydawnictwo ludowe, XIX 2). Lwów, 8⁰, стр. 48. 20 гел.

Krzyżanowski Stan. O sejmikowaniu mieszczaństwa krakowskiego («Rocznik krak.»). Kraków, 1899. 4⁰, стр. 20, 60 гел.

—— Najstarsze karty metryki uniwersyteckiej («Przegląd Polski»). Kraków, 8⁰, стр. 17. 3 таб.

—— Poselstwo Kazimierza Wielkiego do Awinionu i pierwsze uniwersyteckie przywileje. Z 7 reprodukcyami w światłodruku. «Rocznik krak.» t. IV. Kraków, 4⁰, стр. 111.

—— Sprawozdanie ... dyrektora Archiwum aktów dawnych m. Krakowa za rok 1899. Nakładem gminy miasta Krakowa. Krakow, 8⁰, стр. 8.

Księga pamiątkowa uniwersytetu lwowskiego ku uczczeniu pięćsetnej rocznicy fundacyi Jagiellońskiej Uniwersytetu krakowskiego (Посв. Inclitissimae Universitati litterarum Jagellonicae,

scholarum in Polonia matri fecundissimae per quinque saeculorum spatia de litteris excolendis promovendis praeclare meritae Universitas Leopolitana et nationis et studiorum communione coniuncta novi saeculi aditum faustissimum gratulans hanc dissertationum syllogen qualiscunque est pietatis observantiae amoris ergo d. d.). Lwów. 4⁰, 24 кр. Каждая статья съ особой пагинаціей.

Содержитъ: Abraham Wład., Stanowisko kuryi papieskiej wobec koronacyi Łokietka (1—34). Balzer Oswald, Sejm mazowieckie pod rządem koronnym 1526—1540 r. (1—33). Bobrzyński Mich., Z roczników Stanisława Temberskiego, (1—13). Ćwikliński Lud., Żywot i pisma Stanisława Nigra Chrościeńskiego, humanisty i lekarza poznańskiego, w. XVI-go (1 — 27). Dembiński Bron. Oraczewski Feliks, rektor Akad. krak. jako poseł w Paryżu podczas rewolucyi w. r. 1791 i 1792 (1—30). Fijałek Jan ks., O początkach i znaczeniu Uniwersytetu krakowskiego w XIV i XV w. (1—12).—Finkel Lud., Sprawy Wschodu przed soborem lateraneńskim r. 1512, (1—25). Kolessa Aleks., Ukraińska rytmika ludowa w poezyach Bohdana Zaleskiego (1—78). Porębowicz Edward, Tryady Zygmunta Krasińskiego, (стр. 1—34). Starzyński Stan., Udział rektorów lub reprezentantów Uniwersytetów: Jagiellońskiego i lwowskiego w Sejmach porozbiorowych (1—50). Winiarz Alojzy, Sądownictwo rektora uniwersytetu krakowskiego w wiekach średnich (1—26).

Kucz Maryan. Przysłowia ludowe z okolic Witebska, Mohylewa, Smoleńska i Orła, dotyczące niektórych miejscowości w cesarstwie rosyjskiem (Materyały antrop., archeol. i etnogr. Akademii umiej., IV 2). Kraków, 8⁰, стр. 9.

Kuehnel P. Die slavischen Orts-und Flurnamen der Oberlausitz, Heft 5 (Оттисковъ изъ Neues Lausitz. Magazin). Leipzig, O. Harrassowitz, 1899, 8⁰, стр. 55, 1 м. 50 пф.

Kujot Stanislaus. Visitationes archidiaconatus Pomeraniae, Hieronymo Rozrażewski, Wladislawiensi et Pomeraniae episcopo factae, curavit ... decanus parochus in Grzybno dioec. Culmensis (Towarzystwo naukowe w Toruniu, Fontes I—III). Toruni, typ. S. Buszczyński, 1897/99, 8⁰, стр. XXXII, 656.

Kurka Antoni. Słownik mowy złodziejskiej, wyd. 2 gie zmienione i rozszerzone. Lwów, 1899, 16⁰, стр. 55. 60 гел.

Kurpiel Antoni M. dr. Podręcznik do dziejów literatury polskiej (Biblioteka powszechna, nry 287—292). Złoczów, 16⁰, стр. 324. 1 кр. 44 гел. 8⁰, стр. 48. 1 кр. 50 гел.

Lepszy Leonard. Indeks osób, miejscowości i rzeczy zawartych w tomie VI Sprawozdań Komisyi dla badania historyi sztuki w Polsce, opracował ... Kraków, 4⁰, стр. 69.

Limanowski Bolesław. Powstanie narodowe 1863 i 1864 r. przez ... Wydanie drugie, uzupełnione i poprawione. Lwów, 8⁰, стр. XV, 138. 1 кр.

Listy Dyonizyi Poniatowskiej do Bohdana i Józefa Zaleskich. Kraków, 8⁰. T. I. стр. 2, 258; T. II. стр. 2, 180.

Łopaciński Hieronim. Przyczynki do słownika języka polskiego, II (Odbitka z t. V Prac filologicznych). Warszawa, 8⁰, стр. 296.

Łukaszkiewicz J. A. ks. Dzwony w Krośnie. (Obrazek z życia). Napisał... Miejsce Piastowe, Krosno, 1900, 8⁰, стр. 247.

Łuniński Ernest. Na Stos. Karta z dziejów Jana III. Petersburg, 1901, 16⁰, стр. 93. 60 коп.

Luśnia Michał. Niepodległość Polski w programie socyalistycznym. Paryż, wydawnictwo Związku zagranicznego socyalistów polskich, 8⁰, стр. 78.

Łuszczkiewicz Władysław. Architektura romańska kościoła św. Andrzeja w Krakowie. Studyum na podstawie badań i zdjęć na miejscu dokonanych w lipcu roku 1899 przez ... (Sprawozd. Ko-

mis. histor. sztuki Ak. Um., t. VII, z. 1). Kraków, 4°, стр. 38. Съ рис.

—— Sukiennice krakowskie, dzieje gmachu i jego obecnej przebudowy (Biblioteka krakowska, nr. 11). Kraków, 1899, 8°, стр. 50. въ таб. 40 гел.

Magierowski Leon. Wzrost ludności w powiecie sanockim (Materiały antropol.-archeol. i etnogr. Akademii umiej., IV, 1). Kraków, 1899, 8°, стр. 15; съ таб.

Majewski Erazm. Przegląd literatury przed i protohistorycznej z ostatniego dziesięciolecia, wiązanka I (Wisła). Warszawa, 8°, стр. 28.

—— Rodzina Kruków (Corvinae) w mowie, pojęciach i praktykach ludu polskiego. Opracował ... przy współudziale Szczęsnego Jastrzębowskiego i dra Józefa Saneskiego («Wisła»). Warszawa, 8°, стр. 41. 40 коп.

Matejko Jan. Ubiory w dawnej Polsce. Warszawa, 8°. 3 руб.

Mazanowski Mikołaj. Charakterystyki literáckie pisarzów polskich. VII. Aleksander hr. Fredro (Biblioteka powszechna, nr. 316). Złoczów, 16°, стр. 76. 24 гел.

Miaskowski Casimir v. Erasmiana. Beiträge zur Korrespondenz des Erasmus von Rotterdam mit Polen. I. Mitgeteilt von Lic ..... Domvikar in Posen (Almae Matri Jagellonicae MCD—MCD). (Separatabdruck aus d. Jahrb. für Philosophie und spekulative Theologie, XIV — XV Jahrgang). Paderborn, Druck von Ferdinand Schönigh, 8°, стр. 31.

Mickiewicz Adam. Dzieła. Wydanie Towarzystwa literackiego im. Adama Mickiewicza. T. II gi. (Wiersze drobniejsze 1824—1855). Lwów, 8°, стр. 590, 6, съ портр. и снимками. 12 кр. Этого изданія вышли. T. I. 1896, стр. 304; T. III. 1893, стр. 284.

—— Pan Tadeusz czyli ostatni zajazd na Litwie. Historya szlachecka z. r. 1811 i 1812, we dwunastu księgach, wierszem. Wydanie nowe. Kraków, 32, стр. 430. 2 кр.

—— Wykłady o literaturach słowiańskich, wygłoszone w Kollegium francuskiem w Paryżu w latach 1840—1841, przekład Feliksa Wrotnowskiego, uzupełniony i poprawiony uwagami autora. Lwów, 8°. T. I, стр. 417. T. II, стр. 290; T. III, стр. 120.

Mierzyński Antoni. Romowe. Rozprawa archeologiczna. (Rocznik Towarz. Przyjaciół nauk w Poznaniu t. XVII). Poznań, 8°, стр. 124. 1 р. 20 к.

Monumenta historica dioeceseos Wladislaviensis. XIX. Wladislaviae, sumptibus cleri dioecesani, typis Arminii Neuman, 8°, стр. 126, 1.

Morawski Casimir. Histoire de l'université de Cracovie. Moyen age et renaissance par .... professeur a l'université, traduction de P. Rongier lecteur en langue française a l'université. Vol. 1. Paris, Alphons Picard et Fils, Cracovie, G. Gebethner et Cie, imprim. de l'Université de Cracovie, 8°, стр. 311.

—— Historya Uniwersytetu Jagiellońskiego, średnie wieki i odrodzenie, z wstępem o Uniwersytecie Kazimierza Wielkiego napisał... (Munera saecularia I—II). Kraków, 8°. T. I, стр. XVIII, 467. T. II. стр. XV, 472. 18 kp.

Munera saecularia Universitatis Cracoviensis (см. Albertus de Brudzewo IV); Fijałek (VI); Morawski (I—II); Piekosiński-Codex (V); Rostafiński - Symbola (VII); Wisłocki Incunabula (III).

Mycielski Józef. Pierwotne słowiańskie nazwiska miejscowości na Szląsku pruskim (Almae Matri Jagellonicae w roku 500-letniego jubileuszu, ofiaruje wdzięczny uczeń). Zestawił . . Poznań, 78°, стр. 97, 4. 10 коп.

Niedziałkowski K. Ks. Bp. Czemu dziś w poezyi nie mamy słowików. Studyum literackie. Wilno, 1901. 8°, стр. 273. 1 руб. 60 коп.

Nowak Konstanty X. Zabytki polskie w Rzymie. Opracował . . . Poznań, na-

kładem «Przewodnika Katolickiego», 8⁰, стр. 42, съ рис. 50 пф.

Nowiński J. Sienkiewicz. Warszawa, 1901. 8⁰, стр. 173.

Nowodworski M. См. Encyklopedya Kościelna.

Nowodworski Witold. Lata szkolne Jana Zamojskiego (Odbitka z XL tomu Rozpraw Wydziału histor. filoz. Akademii umiej.). Kraków, 8⁰, стр. 31. 70 гел.

Orzechowski Stanisław. «Fidelis subditus» w redakcyi I-ej z roku 1543 wydał Teodor Wierzbowski. (Biblioteka zapomnianych poetów i prozaików polskich XVI—XVIII w. zeszyt XIV). Wydanie z zapomogi Kasy im. dra J. Mianowskiego dla osób pracujących na polu naukowem. Warszawa, 8⁰, стр. 4, 22. 10 коп.

Ostrowski J. hr. Księga herbowa rodów polskich. Warszawa, 4⁰; выходитъ выпусками, вышло XI вып. (do Odwaga I); ч. I, стр. 404; ч. II, стр. 236.

Paciorkowski Gryf Bronisław. Opowiadanie historyczne o księstwie mazowieckiem. Podług źródeł dziejowych skreślił ... Warszawa, 8⁰, стр. 60, съ генеал. таб. 15 коп.

Pamiętnik III Zjazdu historyków polskich w Krakowie, urządzony przez Towarzystwo historyczne lwowskie w dniach 4, 5 i 6 czerwca 1900. I. Referaty. Kraków, 8⁰, 12 кр. Каждый рефератъ съ отдѣльной пагинаціей.

Papée M. Fr. La Lithuanie pendant les douze dernières années du règne de Casimir IV, 1480 — 1492 (Bulletin de l'Académie des sciences). Cracowie, impr. de l'Univ. Jag., 8⁰, стр. 56—62.

Parczewski A. J. Swanty Wid. Żywa nazwa w mowie ludu kaszubskiego (Odbitka z XXVII t. Roczn. Towarz. Prz. Nauk poznańskiego). Poznań, 8⁰, стр. 21, 1 кр.

Pasek Chryzostom Jan. Pamiętniki. Dla młodzieży skrócił i objaśnił Romuald A. Bobin. Wydanie drugie (10. Biblioteka dla młodzieży). Lwów, 8, стр. 268, 1 кр. 20 г.

Pazdro Zbigniew dr. Sądy konfederacyjne z roku 1672—1673. Epizod z dziejów sądownictwa polskiego, napisał... («Kwartalnik. hist.» t. XIV). Lwów, 8⁰, стр. 46.

—— Uczniowie i towarzysze cechów krakowskich od drugiej połowy wieku XIV do połowy wieku XVII, napisał... (Studya nad historyą prawa polskiego wydawane pod redakcyą Oswalda Balzera, t. I, zesz. 4). Lwów, 8⁰, стр. 119. 3 кр. 40 г.

Pelczar Józef ks. biskup dr., b. profesor Uniw. Jag. Zarys kaznodziejstwa w kościele katolickim. Część III. Kaznodzieje ludów słowiańskich, romańskich i germańskich. Kraków, 8⁰, стр. 15, 476. 6 кр.

Pelczar Jan prof. Mikołaj Hussowski, jego życie i pisma. Ustęp z dziejów humanizmu w Polsce, napisał ... (Sprawozdania c. k. gimn. św. Jacka w Krakowie za r. szk. 1900). Kraków, 8⁰, стр. 8.

Piekosiński Fr. dr. Al Bekri o Polakach (Odbitka z XXXIX tomu Rozpraw Wydziału histor.-filoz. Akademii umiej.). Kraków, 8⁰, стр. 13.

—— Codex diplomaticus Universitatis studii generalis cracoviensis, pars V, ab anno 1549 usque ad annum 1605. (Munera saecularia Universitatis cracoviensis vol. V). Cracoviae sumpt. et typ. Univ. Jag. 4⁰, стр. XXVIII, 308, съ таб. 8 кр.

—— Wiece, sejmiki, sejmy i przywileje ziemskie w Polsce wieków średnich (Odbitka z XXXIX tomu Rozpraw Wydziału histor.-filoz. Akademii umiej.). Kraków, 8, стр. 81.

—— Zdobycze szlachty polskiej w dziedzinie prawa publicznego w wieku XV... («Czasopismo prawnicze» rocznik I). Kraków, 8⁰, стр. 27, 60 гел.

Pini Tadeusz. Dwaj poeci filozofowie. Szkic literacki. Lwów, 8⁰, стр. 31. 80 гел.

Piórkiewicz Józef. Stanisław Sta-

szic, życiorys, zestawił ..... kierownik szkoły ludowej im. Staszica we Lwowie (Biblioteka dla młodzieży, tomik XXXVII). Lwów, 16⁰, стр. 64, съ рис. 60 гел.

Płochocki L. (St. Os... arz). Polska zakordonowa. Londyn, Printed and published by I. Kaniowski, 1901, 8⁰, стр. 56.— 40 гел.

Potęga wojenna Rosyi w świetle najnowszych danych urzędowych (Z mapą dyslokacyjną pogranicza zachodniego) (Посв.. Oficerom-Polakom pułków galicyjskich). Lwów, 8⁰, стр. II, 248. 5 кр. 50 гел.

Potkański Karol. Daty zjazdów koczyskich, 1373, 1374 i 1379 r. (Studya nad XIV w., nr. VI — Obitka z XXXIX tomu Rozpraw Wydziału histor.-filoz. Akademii umiej.). Kraków, 8⁰, стр. 31. 50 гел.

—— Granice biskupstwa krakowskiego (Odbitka z Rocznika krakowskiego, tom IV). Kraków, 4⁰, стр. 33. 1 кр.

—— Sprawa restytucyi, rok 1374 i 1381 (Studya nad XIV w., nr. VI—Odbitka z XXXIX tomu Rozpraw Wydziału histor.-filoz. Akademii umiej.). Kraków, 8⁰, стр. 20. 50 гел.

Porębowicz Edward. Tryady Zygmunta Krasińskiego napisał ... (Odbitka z Księgi pamiątkowej uniw. lwowsk.). Lwów, 8⁰, стр. 34.

Potocki Wacław. Wojna chocimska, poemat epiczny w 10 częściach w skróceniu, z wstępem i objaśnieniami przez Edmunda Bączalskiego. Lwów, 8⁰, стр. XX. 282, съ рис. и картами. 1 кр. 60 гел.

Przyborowski Walery. Historja sześciu miesięcy. Ustęp z dziejów 1862 roku. Petersburg, nakładem księgarni K. Grendyszyńskiego, 1901, 8⁰, стр. 352. 1 р. 50 к.

Pracki W. Zagadki ludowe ze wsi Turowa pow. radzyńskiego gub. siedleckiej (Materyały antrop.-archeol. i etnogr. Akademii umiej., IV, 2). Kraków, 8⁰, стр. 6.

Prokesch Władysław. Wspomnienia mieszczanina krakowskiego z lat 1768—1807 (Biblioteka krakowska nr. 12). Kraków, 8⁰, стр. 53. 40 гел.

Ptaśnik Jan. Obrazki z życia żaków krakowskich w XV i XVI w. (Biblioteka krakowska, nr. 15). Kraków, 8⁰, стр. 68. 50 гел.

Содержаніе: I. Przepisowe ubiory i opór przeciwko nim studentów; II. Depositio beanorum; III. Burdy studenckie; IV. Kilka szczegółów do moralności.

—— Z życia uczniów Krakowskich w XV i XVI wieku (Księga pamiątkowa uczniów Uniw. Jag.). Kraków. 8⁰, стр. 48.

Rembowski Alexander. Źródła do historyi pułku polskiego lekkokonnego gwardyi Napoleona I, z rękopisów oryginalnych i druków wydał i przedmową zaopatrzył ..... przedmowa tłomaczona na francuski przez pp. K. Przecławskiego i pułkow. E. Titeux (Biblioteka ordynacyi Krasińskich: Muzeum Konstantego Świdzińskiego, tomy XIV, XV, XVI, XVII i XVIII). Warszawa, nakł. Świdzińskich i ordynacyi Krasińskich, 1899. 4⁰, стр. CLXVIII, 829. Съ рисунками. 20 руб.

Rostafiński Józef. Henryk Jordan. Z powodu 30-letniej rocznicy doktoryzacyi i dnia 22 stycznia. Kraków, 8⁰, стр. 13.

—— Kraków pod względem lekarsko-przyrodniczym. Rzecz opracowana na podstawie źródłowych materiałów przez... Kraków, 8⁰, стр. 105.

—— Medycyna na Uniwersytecie Jagiellońskim w XV wieku, szkic źródłowy i krytyczny (pośw. Wydziałowi lekarskiemu Uniwersytetu Jagiellońskiego w 500-letnią rocznicę jego istnienia). Kraków, 4⁰, стр. 95; съ рис. 2 руб.

—— Słownik polskich imion rodzajów oraz wyższych skupień roślin, poprzedzony rozprawą o źródłach (Materyały do historyi języka i dyalektologii polskiej, tom I). Kraków, nakł. Akademii umiej., 8⁰, стр. IV, 834, 10 кр.

—— Symbola ad historiam naturalem medii aevi. Plantae, animalia, lapides et cetera simplicia medicamenta quae in Polonia adhibebantur inde a XII usque

ad XVI saeculum (Quattuor cum tabulis). Pars I, Collegit, ad artis rationem redegit... (Munera saecularia Univers. Cracov. vol. VII). Cracoviae, typis et sumptibus Univ. Jag., 8⁰. T. I, стр. XXI, 605. T. II, стр. 352. 14 кр.

Rostworowski Jan Nałęcz. Wspomnienia z r. 1863 i 1864. Kraków, 8⁰, стр. 105. 2 кр.

Royzii Petri Maurei Alcagnicensis carmina. Pars I, carmina maiora continens. Pars II. Carmina minora continens. Ex libris et typis excusis et manu scriptis edidit, commentariis indiceque rerum memorabilium instruxit Kruczkiewicz Bronislaus dr. (Посв. Uniw. Jag. w 500 roczn. odnowienia). Cracoviae, sumptibus Academiae litterarum, 8⁰. T. I, стр. CXXXVIII, 311. T. II, стп. X, 512, 12. кр.

Schorr M. dr. Organizacya Żydów w Polsce od najdawniejszych czasów aż do r. 1772 (Kwartalnik histor.). Lwów, 1899. 8, стр. IV, 95. 2 кр.

Semkowicz Wł. Drużyna i Śreniawa. Studyum heraldyczne, napisał... («Kwartalnika hist.» tom XIV). Lwów. 8⁰, стр. 21.

Siemiradzki Tomasz. Porozbiorowe dzieje Polski, czyli jak naród polski walczył za ojczyznę. Opowiedział..... Wydał Antoni A. Paryski. Toledo, Ohio, U. S. A., 8⁰, стр. 334, съ рис.

Skarga Piotr ks. T. J. Kazania sejmowe, także wzywanie do pokuty obywatelów Korony polskiej, z dodatkiem mowy ks. arcybiskupa Wawrzyńca Gębickiego do królewicza Władysława i odpowiedź tegoż królewicza na tęże mowę, także z dodatkiem podobizny własnoręcznego listu ks. Skargi do apostolskiego nuncyusza Caligariego. Warszawa, 8⁰, стр. XVI, 214. 80 коп.

—— Żywoty starego i nowego zakonu na każdy dzień przez cały rok, wybrane z poważnych pisarzów i doktorów kościelnych, do których przydane są niektóre duchowne obroki i nauki przeciwko kacerstwom, przytem kazania krótkie na te święta, które pewny dzień miesiącu mają, przez..... zebrane, na język polski przełożone, tom I, zeszyt 1 i 2. Łódź. Вып. по 10 коп.

Skrzycki R. (R. Dmowski). Ze studyów nad szkołą rosyjską w Polsce. Odbitka z Przeglądu Wszechpolskiego Wydawnictwo «Teki» t. I. Lwów, 8⁰, стр. 65. 70 гел.

Słowacki Juliusz. Pisma, z przedmową Piotra Chmielowskiego, tom I—IV, 16⁰, стр. 285, 318, 336, 377. 1 руб.

—— Poezye liryczne i gnomiczne... z przedmową Piotra Chmielowskiego (Biblioteka dzieł wyborowych, nr. 142). Warszawa, 8⁰, стр. 137. 25 коп.

—— Poezye, z portretem autora (Biblioteka nowa pisarzy polskich, V—VIII). Mikołów, 16, стр. 301, 363, 370, 375. 3 кр. 60 гел.

Słownik geograficzny Królestwa polskiego i innych krajów słowiańskich. Tom XV, zeszyt 169. Warszawa, 8⁰, стр. 80. Дополненія: A—B.

Słownik języka polskiego, ułożony pod redakcyą Jana Karłowicza, Adama Kryńskiego i Władysława Niedźwiedzkiego, tom. I (A—G, Посв. Almae matri Cracoviensi, MCCCC—MDCCCC). Warszawa, 4⁰, стр. 955. T. II. zesz. 7—8; стр. 320 (do Kieczusko).

Smoleński Władysław. Pisma historyczne. Tom I. Kraków, 1901, 8⁰, стр. 377. 8 кр.

Soerensen Asmus dr. Polnische Grammatik, von... Professor an den technischen Staatslehranstalten zu Chemnitz, Privatdocent für osteuropäische Sprachen, Literatur und Geschichte an der Universität Leipzig, I Hälfte. Leipzig, Verlag und Druck von E. Haberland, 1899, 8⁰, стр. VI, 256.

Spis wykładów w półroczu zimowem c. k. Uniwersytetu Jagiellońskiego w Krakowie. Rok szkolny 1900/901. W Krakowie, 8⁰, стр. 39.

Sternschuss Adolf. Godła domów

krakowskich (Rocznik krak.). Kraków, 4⁰ стр. 27, съ рис. 1 кр. 20 гел.

Stosunki kościelne na Litwie. Listy otwarte księdza do księży. Lwów, nakładem redakcyi Przeglądu Wszechpolskiego, 8⁰, стр. 53. 1 кр.

Studya nad historyą prawa polskiego (см. Balzer 5, Pazdro-Uczniowie 4).

Strzelecki Adolf. Materyały do bibliografii etnograficznej polskiej 1878—1894. (Посв. Janowi Karłowiczowi). Lwów, 1901, 4⁰, стр. 212. 3 кр.

Szajnocha karol. Dwa lata dziejów naszych 1646 i 1648, tom I i II. Warszawa, 16⁰, 160, 161.

—— Szkice historyczne: II. Matka Jagiellonów. Brody krzyżackie (Biblioteka powszechna, nr. 308). Złoczów, 16⁰, стр. 64. 24 гел.

—— Szkice historyczne: III. Jan Sobieski banitą i pielgrzymem. Wnuka króla Jana III (Biblioteka powszechna, nr. 310). Złoczów, 16⁰, стр. 83. 24 гел.

Szkoła główna warszawska, 1862—1869, tom. I: Wydział filologiczno-historyczny (Fontes et commentationes historiam scholarum superiorum in Polonia illustrantes, VI, Посв. ad honorem quingentesimi anniversarii Almae Matris Jagellonicae, 1400—1900, Varsavia). Kraków, 8⁰, стр. 309.

Szulc Fryderyk. Polska w r. 1793, według podróży ..... Warszawa, wydawnictwo Niwy, 8⁰, стр. V, 362. 1 р. 20 к.

Szydłowski Michał. Stosunek «Liryków» W. Kochanowskiego do «Ód» Horacego, napisał ... (Osobna odbitka ze Sprawozdania Dyrekcyi c. k. Gimnazyum w Bochni). Kraków, 8⁰, стр. 30.

Szymanowski. Mémoires du genéral Szymanowski (1806—1814). Traduits du polonais par Bohdane Okinczyc. Paris, Henri Charls-Lavauzelle. Editeur militaire, imprim. A. Reiff, 8⁰, стр. 74.

Tarczyński Wład. Łowicz, wiadomości historyczne, z dodaniem innych szczegółów, wydał na pamiątkę 35-letniego zamieszkania swego w Łowiczu (Посв. ks. kanonikowi Ludwikowi Czajewiczowi). Łowicz, 1899. 8, стр. 252. 1 руб.

Tarnowski St. Historya literatury polskiej (Посв. Przesławnemu Uniwersytetowi Jagiellońskiemu w pięćsetną rocznicę jego odnowienia przez króla Władysława Jagiełłę, w hołdzie czci i przywiązania z życzeniem długich wieków, zasługi i chwały ten skromny owoc pracy swojej poświęca jego niegdyś uczeń od trzydziestu lat sługa a w tym pamiętnym roku nad zasługę swoją rektor). T. I—V. Kraków, nakł. autora, druk. «Czasu», 1900, 8⁰, t. I, wiek XVI, стр. XVII, 396; t. II, wiek XVII, стр. 444; t. III, wiek XVIII, стр. 553; t. IV, wiek XIX (1800—1830), стр. 429; t. V, wiek XIX (1830—1850), стр. 505.—22 кр.

Tatiszczew S. Dyplomacya rosyjska w kwestyi polskiej (1853—1863) przez... Warszawa, 1901, 8, стр. 176. 90 коп.

Tomkowicz Stanisław. Gmach Biblioteki Jagiellońskiej, historya i opis. Ze zdjęciami arch. p. J. Zubrzyckiego i według fotografij J. Kriegera. («Rocznik krak.» t. IV). Kraków, 4⁰, стр. 69, XXI таб.

—— Przyczynek do historyi Szkotów w Krakowie i w Polsce («Rocznik krak.»). Kraków, 1899, 4⁰, стр. 151—174.

—— Włosi kupcy w Krakowie w XVII i XVIII w. (Rocznik). Tamże, 1899, 4⁰, стр. 26.

Tretiak Józef. Miedziany jeździec Puszkina, studyum polemiczne (Odbitka z XXXI tomu Rozpraw Wydziału filolog. Akademii umiej). Kraków, 8⁰, стр. 80. 1 кр. 60 гел.

—— Le cavalier d' airain de Pouchkine (Bulletin de l' Académie des sciences). Cracovie, impr. de l'Univ. Jag., 8⁰, стр. 52—56.

Udziela Seweryn. Dwanaście legend i podań z pod Krakowa (Biblioteka dla młodzieży, tomik XXXVIII). Lwów, 1899, 16⁰, стр. 46. Съ рис. 60 гел.

—— Świat nadzmysłowy ludu kra-

kowskiego, mieszkającego na prawym brzegu Wisły: Czart. Warszawa, 8⁰, стр. 54.

—— Die krakauer Gürtel (изъ Zeitschrift für österr. Volkskunde). Wien & Wieliczka, Selbstverlag des Verfassers, Buchdruckerei Helios, 4⁰, стр. 4, съ рис.

Waliszewski K. L'héritage de Pierre le grand, règne des femmes, gouvernement des favoris, 1725—1741. Paris, librairie Plon, impr. Plon, Nourrit et Cie., 8⁰, стр. XII, 388.

Waszyński Stefan dr. Adam Mickiewicz, jego historyozoficzne i społeczne poglądy (Rocznik Towarzystwa przyj. nauk poznańskiego, pośw. pamięci Michała Cassiusa). Poznań, 8⁰, стр. 96. 3 Map.

Wierzbowski Teodor. Materiały do dziejów piśmiennictwa polskiego i biografii pisarzów polskich, tom I, 1398—1600 (Посв. Uniwersytetowi Jagiellońskiemu «quinto aetatis seculo felicissime exacto»). Warszawa, z zapomogi Kasy im. Mianowskiego, 4⁰, стр XXIV, 339, 4 руб. 50 коп.

—— Смутное время въ современной ему польской литературѣ.—Варшава, 8⁰, стр. 163. Подъ такимъ заглавіемъ содержится перепечатка польскихъ брошюръ XVII в. Mars moskiewski krwawy. Przez Jana Zabczyca pisany. W Krakowie, w druk. Mikołaiá Szárfenbergerá r. p. 1605 (str. 1—33).— Poseł Moskiewski przez Jana Zabczyca pisany, Kraków, druk. Mik. Szárfenbergera 1605 (str. 34—47).— Hymenaeus Najaśn. Monarch. Dymitra Iwanowicza... przez Jana Jurkowskiego wydany, Kraków, druk. W. Kobylińskiego, 1605 (str. 49—57).— Pieśni... narodom polskiemu i moskiewskiemu przez X. Stan. Grochowskiego uczynione, Kraków, u wdowy Sybeneychera, 1606 (str. 59 — 69). — Toż, wydanie po wtórne (str. 71—84).—Żegnanie oyczyzny możney cesarzowey Moskiewskiey, przez Jana Zabczyca, Kraków, druk. Mik. Szárf., 1606 (str. 85—94).—Przyjaciel szczery Jana Danieckiego, Kraków, u wdowy J. Sybeneych, 1606 (str. 95—106).—Gody moskiewskie támże na Moskwi opisáne, przez Sebastiana Lifftela. Kraków, druk. Sym. Kępiniusa, 1607 (str. 107—128).—Pobudka sławney Korony polakiey . . . Kraków, druk. Janá Szeligi (str. 129—137).—Lament serdeczny iedney szláchetney PániBey, ktorey mąż w Moskwie zginął przy Carowey (str. 139—142). См. Orzechowski.

—— Zdanie wolnego szlachcica na sejmiki w roku 1608 na dwa punkty potrzebne wydał... (Biblioteka zapomnianych poetów i prozaików polskich XVI—XVIII w. Zeszyt XIII). Wyd. z zapomogi Kasy im. Dra J. Mianowskiego. Warszawa, 8⁰, стр. 4, 15. 20 коп.

Wilkosz Jan prof. Rozbiór Irydyona Zygmunta Krasińskiego, zastosowany do użytku młodzieży szkolnej. Nowy Sącz, 8⁰, стр. 92. 20 гел.

Winiarz Alojzy. Sądownictwo rektora uniwersytetu krakowskiego w wiekach średnich (Osobne odbicie z «Księgi pamiątkowej», wydanej przez uniwersytet lwowski ku uczczeniu 500-letniego jubileuszu uniwersytetu krakowsk.). Lwów, 8⁰, стр. 26.

Wisłocki Vladislaus dr. Incunabula typographica Bibliothecae Universitatis Jagellonicae Cracoviensis inde ab inventa arte imprimendi usque ad a. 1500 secundum Haini «Repertorium bibliographicum» una cum conspectu virorum, qui libros olim habuerant, benefactorum Bibliothecae, ligatorum Cracoviensium per ordinem alphabeti digessit . . . eiusdem c. r. Bibliothecae custos. (Munera saecularia Universitatis Cracov. vol. III). Cracoviae, typis, sumptibus Universit. Jagellon., 8⁰, стр. XXXIV, 634. 12 кр.

Wołyniak. O Bazylianach w Humaniu. Lwów, 1899, 8⁰. Nadbitka z Przewodnika nauk. i liter.(, стр. 456—464, 562—570, 657—664, 744—752, 845—858, 938—946, 1031—1043 i 1136—1182).

Wojciechowski Konstanty dr. Uniwersytet Jagielloński i jego dzieje, w pięćsetną rocznicę jego założenia (Biblio-

teka Macierzy polskiej, nr. 8). Lwów, 8⁰, стр. 106, съ рис. 30 гел.

Wojciechowski Tadeusz. Kościół katedralny w Krakowie (Посв. Uniwersytetowi krakowskiemu w 500tną rocznicę Jagiełłowego wznowienia pierwotnej fundacyi Kazimierzowskiej). Kraków, nakł. Akademii Umiejętności, стр. 4⁰, 258, съ рис. 20 кр.

Wróblewski Kazim. Skargi Jeremiego, szkic literacki. Lwów, nakł. Towarzystwa wydawniczego, 8⁰, стр. 21, 1 кр. 20 гел.

Wyspiański Stanisław. Bolesław Śmiały. Część pierwsza. Kraków, 16⁰, стр. 82. 50 гел.

—— Kazimierz Wielki. Kraków, 8⁰, стр. 64. 1 кр.

Zakrzewski Z dr. Groby przedhistoryczne w Kleszczewie. Odbitka z nru 2 (Zb. ogóln. 44) «Wiad. num.-arch.». Kraków, nakładem Towarzystwa numizmatycznego, 8⁰, стр. 15, съ рис.

—— Solid Mieczysława I bez napisu (Odbitka z Wiadomości numizm.-archeol.). Kraków, 8⁰, стр. 8.

Załęski Stanisław ks. T. J. Jezuici w Polsce. Tom. I. Walka z różnowierstwem 1555—1608. Część I—II. 1555—1608. Lwów, 8⁰, стр. XVI, 419; 12 кр.

Załęski Witold. Królestwo polskie pod względem statystycznym, część I: Ludność, rolnictwo, górnictwo i finanse. Warszawa, z zapomogi Kasy im. Mianowskiego, 8⁰, стр. VI, 194. 1 руб.

Zarys dziejów Polski porozbiorowej z dodaniem najważniejszych wiadomości z literatury i geografii polskiej, wyd. 2gie znacznie pomnożone i wielu nowemi ilustracyami ozdobione. Poznań, 8, стр. 282. 1 мар. 60 пф.

Zdziarski Stan. Stefan Witwicki, listy do Klementyny Grabowskiej (Rocznik Towarzystwa Przyjaciół Nauk, Poznańskiego tom XXVI). Lwów, 8⁰, стр. 12.

Zdziechowski M. Szkice literackie I, Warszawa, 8⁰, стр. 339. 2 руб.

Žemlapis lietuviškai latviško krašto: Karte von Littauer-Letterland. Petersburg, kartograficzeskoje zawied. A. Ilina, (1900), fol., 1: 840·000, карта.

Zenner F. Lebensgeschichte des hl. Stanislaus Kostka aus der Gesellschaft Jesu, mit einer Andacht zu Ehren dieses Heiligen, 6-te Aufl. Wien, H. Kirsch, 1899, 8⁰, стр. VI, 88, съ 4 рис.

Zjazd (II.) dziennikarzy słowiańskich w Krakowie. Kraków, nakładem Komitetu II Zjazdu dziennikarzy słow. Kraków, 8⁰, стр. 76. 3 кр. 60 гел.

Zieliński Józef. Rys historyczny medalierstwa w Polsce w XVI i XVII w. (Odbitka z Wiadomości numizm.-archeol.). Kraków, 1899, 4⁰, стр. 30.

Z ziemi pagórków leśnych, z ziemi łąk zielonych, książka zbiorowa poświęcona pamięci Adama Mickiewicza, w stuletnią rocznicę jego urodzin, 1798--1898. Warszawa, 1899, 8⁰, стр. 406.

Zimmermann Kazimierz ks. Założenie i znaczenie arcybiskupstwa gnieźnieńskiego, w dziewięćsetną rocznicę założenia tegoż. Poznań, 8⁰, стр. 78, 25 пф.

С. Л. Пташицкій.

Матеріалы для изученія великорусскихъ говоровъ. VII.

Краткія свѣдѣнія о нѣкоторыхъ говорахъ Дмитровскаго, Богородскаго и Егорьевскаго уѣздовъ.

ГОВОРЫ ОКАЮЩІЕ.

Дмитровскій уѣздъ.

Тальникѝ «Богуслоской» волости, близъ ст. Талицы Московско-Яросл. желѣзн. дор., отъ Москвы 42 версты.

Здѣсь говорятъ на о, «просто, не по московски», но въ слогахъ не предударныхъ наблюдаются черты московскихъ говоровъ. Въ извѣстныхъ случаяхъ е обращается въ о; начальное о въ слогѣ предпредударномъ обращается въ у.

Примѣры:

1) о окадѐмія (неясно), ковалѐръ (чтеніе), поску̀дная (поску̀дная, опять муха попала), въ комо̀рти (въ каморкѣ), въ роздѣ̀лѣ,

2) не на̀да, почему̀-жа, копѣ̀якъ, и бы̀ло, ма̀ло, дворѝшко, въ дерѐвни-то, то̀жо (неясно), бра̀томъ, на̀ полѣ, въ дерѐвнѣ, въ роздѣ̀лѣ, отсѐлѣ и въ дерѐвни-то, гра̀моти, сѣ̀имъ, хвата̀итъ, быва̀итъ и не умѣ̀омъ,

3) чё̀во̀, лё̀нку̀, надё̀ру̀, ё̀ршо̀ву, здѣ̀сё̀, пожова̀ть,

4) угоро̀ды, утдава̀ть, утъ отца̀.

Отмѣчены также произношенія:

абраба̀тывамъ, пшанѝца (вѣроятно, какъ слово чужое), богусло̀скай (р. п. богословской), помѐрзли (не ё), сама-пя̀та или шѐста (не ё), мажичкѝ, глыбо̀кай.

Согласные звуки прежде всего отличаются замѣной мягкихъ к, г, мягкими т, д:

по рѣтѣ, картошти, фабрити, недѣльти двѣ, рути и мн. др., безъ роздибу (жать-то согнёсса весь день безъ роздибу), бумади въ деньди купилъ;

обратно: гля вмѣсто для (гля печи), жикинка и жикница (неясно, но такъ). Можно услышать сочетаніе кы: откылѣ, прогонь кыску.

Въ словахъ хто, хресьяняфъ, хресьянствомъ, полехче видимъ х вмѣсто к; обратно: кошъ (хошь въ значеніи хотя, если; энклитика); въ словѣ грыжовникъ видимъ г вмѣсто к.

Замѣчательно с вмѣсто ц: офсы (овцы), зайса, солковай.

Слышалъ двойное твердое ш, но двойного твердаго ж не удалось слышать (обыкновенно: ж'ж').

Для группъ согласныхъ отмѣчены произношенія: лщчіе (мѣста), дашникъ, согнёсса. Случаи твердости и мягкости слѣдующіе: графыня, раньше, сь середнимъ.

Пропуски звуковъ наблюдались въ слѣдующихъ словахъ: ѣсь, есь, часъ, шесь, богуслоскай, перекувырнётца, челэкъ (человѣкъ, р. п. мн. ч.). Въ глагольныхъ формахъ есть стяженіе гласныхъ: покосничамъ.

Въ качествѣ иностранныхъ словъ отмѣчены: рендуютъ, некрута (р. п. ед. ч.).

По ударенію замѣчательны произношенія: жнива (вѣроятно, р. п.), въ каждомъ дому, борону, колосья, братьёфъ, раньше не было, при домѣ.

Склоненіе.

Въ существительныхъ укажемъ родит. падежъ на у: изъ дому, не было льну, шесь утровъ покосу, большая часъ ракитнику (к или т неясно), звательный призывной на протяжное о, за которымъ слѣдуетъ слабое о: нянькоо, предложный на у: въ каждомъ дому, родит. множ. числа на офъ: дожжёфъ, хресьяняфъ, фабрикафъ.

Названія городовъ иногда склоняются какъ прилагательныя: до города Богорòтскова (Богородска).

Въ прилагательныхъ наблюдались формы: рàзн**ыи**, моло**дыѐ**, черн**ые** грибы, **л**ут**чіе** мѣста; въ послѣдн**е**-те время. Также: сама-пят**а** или **ш**ест**à** (не ё).

Въ мѣстоименіяхъ тоже немного отличій отъ литературнаго: одноё, по-свому̀, **э̀дакай**, своѐ дрова-то, никакѐхъ.

Въ глаголахъ наблюдаемъ образованія по аналогіямъ: жгётца, **ляжѝсъ** спать, ѣздіютъ; также: извòзничутъ; глаголы 2-го спряженія на ютъ: ѣзд**ютъ**, вòз**ютъ** (ять не слыхалъ).

Въ формахъ повелительнаго наклоненія нужно указать: полòжь, не трожь, прогòнь (прогòнь кыску).

Окончаніе возвратнаго залога твердо: учѝл**са**, остàли**съ**, у̀чю**тца**, родѝ**тца**, хò**тца**.

Въ числѣ особыхъ словъ можно указать: ковдà, у̀трѣ (у̀трѣ работать пойду), откы̀лѣ, никуды̀, отсѐлѣ, нàдоть (ее нàдоть обработать), накладàть.

Изрѣдка видимъ членъ: дровà-то, ѝзъ дому-то, въ послѣдне-тѣ время.

Въ формахъ синтаксиса отмѣчены: *у̀чютца* (мн. ч.) много (т. е. многіе), копѣякъ по дватцат**ь** пят**ь**.

Говорятъ: гу**в**нò молотильное, или токъ; нѣтъ словъ: скорòдить, заку̀та.

По показаніямъ крестьянъ большая часть селеній кругомъ окаетъ: «Здѣсь мало говорятъ свысока,—все спроста». Но въ Талицахъ, рядомъ, съ версту или полторы акаютъ. Говорятъ, что аканья больше въ селеніяхъ, лежащихъ на большой дорогѣ къ Троицко-Сергіевской лаврѣ. Цоканья вблизи, кажется, нѣтъ.

Разговоръ былъ съ семьей крестьянъ, въ которой не было старыхъ людей.

Въ семьѣ одна женщина, взятая изъ сосѣдняго с. Даниловскаго, гдѣ также окаютъ.

Богородскій уѣздъ.

Ванѝсово Игнатьевской волости, на рѣкѣ Вохонкѣ, 48 верстъ отъ Москвы.

Разговоръ съ 70-лѣтнимъ старикомъ.

Здѣсь говоръ окающій, сохраняющій неударяемые звуки о, е (ѣ), я. Впрочемъ, это сохраненіе является строго выдержаннымъ только въ слогѣ предударномъ. Въ другихъ слогахъ сѣверныя фонетическія черты смѣшиваются съ московскими. Наблюдается также обращеніе звука е въ о передъ слѣдующимъ твердымъ ударяемымъ слогомъ, иногда и въ слогѣ за удареніемъ. Начальное о за слогъ до ударенія обращается въ у.

Примѣры:

1) ступа̀йте въ тоѐ (не ё) сто̀рону, ма̀ло, поку̀шайко, также: робо̀тать, робо̀тай, робо̀тають, робо̀ташь, лома̀ить, гоня̀ли, какъ же сровнѝть, россѣ̀ялъ, онба̀ръ, Онтоново, обратно: вало̀въ гоня̀ли (и въ Киржачѣ Покровск. у.: валъ, валы̀ и т. п.; вѣроятно, какъ слово перешедшее въ сѣверные говоры черезъ московскій),

но: хъ Па̀влаву, родѝтеляфъ, помоднѣ̀я, пѣту̀хъ и питуха̀, въ уса̀дьби,

2) ёму̀, ничёво̀, чёты̀ре, тепѐрьчё, стара̀ньё, двоё̀, другоё̀, та̀жо, го̀жо, невыхо̀жо; также и: у ёво̀ (не ё),

3) угоро̀ды, убучёнай, убучѝлъ (и: обучѝть), укура̀тъ (а = о = у).

Другія особенности въ употребленіи гласныхъ:

завя̀ртывай, сучѐчки (не ё), Висилево (удареніе вѣроятно на е), добродѝтель (также и въ Орефинѣ Покровскаго у. въ говорѣ не мѣняющемъ ѣ на и), опя̀ть (не опѐть, какъ во многихъ владимирскихъ говорахъ), плоха̀ (а протяжно). Наблюдаются формы глагола образованныя стяженіемъ: робо̀ташъ. Отмѣчено произношеніе: попробуу (почти такъ).

Въ произношеніи звуковъ согласныхъ можно указать слѣдующія особенности: хто, хъ Па̀влаву, хъ падатя̀мъ, брусни̇̀ка (не брусни̇̀га) и т. п.;

мягкія г, к сохраняются;

въ группахъ согласныхъ обращаютъ вниманіе произношенія: унистŏжилось, сердѐшному;

отмѣчены также: Микŏла (Николай), жа̀лозно (повели жа̀лозно: жалѣютъ человѣка; вѣроятно аналогія съ словами въ родѣ: полѐвно, бŏязно), рожŏнъ (рожденъ).

Вставки и пропуски гласныхъ и согласныхъ (различнаго происхожденія) замѣчены въ слѣдующихъ словахъ:

воздохну̀лъ (который ослапъ человѣкъ, и онъ бы воздохну̀лъ)[1]), јилова̀йскій (ясный ј), благ̇дарю̀, се (все), начитъ (энклитика; зна̀читъ), москŏскава, балоствŏ, басловѝлъ (благословилъ), отъ̀мемъ (отнимемъ), кра̀синька рубашечка, и̇̀нной.

Иногда слышимъ мягкій звукъ вмѣсто нашего твердаго: вŏсемьдесятъ, пŏльзевались (слышано не разъ, но неясно; обыкновенно, кажется: пŏльзовались).

Особое *удареніе* находимъ въ слѣдующихъ словахъ и формахъ:

обыча̀й, общества̀ (вѣроятно р. п.), тѐрфеное болото, лосѝ, выстрŏили, жимшѝ, за рѣку̀, на̀ душу (полторы мѣры на̀ душу).

Въ склоненіи существительныхъ отмѣчены формы: съ 47 гŏду, съ женŏю, родѝтеляфъ, дѣлŏвъ, за плечьмѝ (ремесло за плечьми не виснетъ, посл.). Вліяніе аканья простирается не только на формы склоненія: Миха̀илѣ, но и на родъ: учѝлища (по женскому роду: она, въ неѐ), нарѣчія друга̀я. Въ творительномъ падежѣ у старика слабо мелькало окончаніе уй вмѣсто ой.—Есть собирательныя формы: *шелковьѐ* работаютъ.

Въ формахъ прилагательныхъ нужно указать:

старѝнпа церкофь, земля была удŏбна, па̀хатна, дорŏжки (полоски) бѣ̀леньки,

---

1) Обращу вниманіе и на синтактическое строеніе этого выраженія, причемъ замѣчу, что логическое удареніе не на онъ.

добычи плохіе; на **тѣмъ** благдарю (за то),

въ мѣстоименіяхъ: тей, сей, тоѐ (не ё) сторону, энто, за имъ; всегда: **што**.

Глаголъ.

Неопредѣл. наклоненіе: сѣно трясть, плесть лапти.

Въ изъявит. накл. 3 лицо на тъ, у грамотнаго парня слышалъ итъ вмѣсто етъ; второе спряженіе на ютъ: хòдютъ, вòдютца и на ятъ: налòжатъ.

Нерѣдки образованія по аналогіямъ: рàдоваюсь (слово слышано неясно), не ѣздіимъ, намѣрютъ (можетъ быть и правильная форма отъ намѣрить; ср. измѣрить — измѣришь); ни спрошà насъ, выткетъ.

Повелительное наклон.: не могѝ (бывало старику не *могй* сказать).

Окончанія возвратнаго залога разнообразны: старàисси, тянесси, бойсси, женѝлсы (неясно), женѝлса, называѐтцы, говорѝтцы, бойтцы, не хòтцы.

Изъ особыхъ словъ въ говорѣ приведу: колѝ (когда), оттѐлѣ, возлѧ, далѐче, тудь.

Въ синтаксисѣ укажу формы члена: лѣсòк-отъ, у Сушкина-то, рядомъ-то, рòсту-ту, дòмика-ту нѣтъ (здѣсь членъ изъ формъ какъ дòму, дòмику), въ дòми-ты, въ Пàвлови-ты жѝтели-ты (неясно), крестьяни-ты, бàрски-ты;

изъ другихъ особенностей отмѣчены: яйцо смяткой (вмѣсто въ смятку), **съ** Москвы — изъ Москвы, **на** тѣмъ благдарю — за то.

Не знаютъ словъ: скородить, закута.

Въ *Аѳонасовѣ* (2 версты отсюда) акаютъ:

жанàтай, чявò; икаютъ: ни знàю, $к' = т'$; указали аканье также въ Шабановѣ и въ Стѐпновѣ. Послѣднее требуетъ

провѣрки. Аканье указано только въ этихъ трехъ деревняхъ, въ остальныхъ показывали оканье. Говорятъ, что теперь стали говорить «помоднѣя», по-московски, «стали дразнить тѣхъ, кто говоритъ по-нашему».

Нѣсколько словъ, которыя я слышалъ въ Стѐпановѣ и подъ Стѐпановымъ, заставили отмѣтить здѣсь оканье. Тутъ же я записалъ:

въ однò-мѣсту (у лица окающаго), эщò, чекѝ (не ё), дорòшкуй.

Изъ одного случайнаго разговора я узналъ, что подъ Гжелью есть *цокающіе* говоры, гдѣ говорятъ также:

оны̀, въ куфàркафъ.

Я отправился въ «Онтòново», про которое мой ванисовскій собесѣдникъ сказалъ, что тамъ «хуже нашего говорятъ».

Д. **Онтоново** (пишется: Всеволодово).

Здѣсь окаютъ: росхòду, въ Рохмàновѣ, робòта, робòтаютъ, торѐлка, разломàлъ, выгоня̀ютъ,

обратно: жалàетъ, вяршѝна, вяршѝнникъ, изъ вяршѝннику (о лѣсѣ);

нерѣдко произносятъ по-московски слогъ за удареніемъ:

нѝска, высòка (ср. р.), въ дòми, поудòбни, бòльшы и бòльшэ, посѐрѣи, втỳни; употребляютъ ё вмѣсто е: вёлòсь, ёмỳ, были бàрскіё, дорогѝё, вòвсё, врѐмё, безъ вниманіё (кажется такъ; форма могла быть вызвана употребленіемъ разныхъ произношеній одного и того-же слова въ родѣ: вниманіё и вниманія, терпѣніё и терпѣнія);

обращаютъ въ у начальное предпредударное о:

упредѣлѝть (здѣсь въ 4-мъ слогѣ отъ ударенія), усторо̀жность, устано̀въ (остановка), удина̀ково (часто слышалъ это слово).

Замѣчены также для различныхъ гласныхъ слѣдующія произношенія:

перехля̀стываетъ, до̀ржимъ, большэ̀й (р. п. ж. р.), бы̀ттобы, по слыха̀мъ, слыхѝ носютца, не сту̀ютъ (почти такъ).

Для согласныхъ отмѣчено:

хто, лѐкче; к̓, г̓ въ говорѣ удерживаются; по̀й-ка (подика), вопчѐ, нагража̀ли, слобо̀днѣе, кульѐры, чересъ (почти такъ) Москву;

группа чн обращается въ шн; въ про̀тчихъ.

Стяженіе гласныхъ отмѣчено только въ формахъ: пыма̀ютъ, надумѝлъ (надоумилъ: Богъ надумѝлъ).

Въ слѣдующихъ словахъ видимъ вставки и пропуски звуковъ гласныхъ и согласныхъ:

къ јѝхнему, на ѐтомъ пруду̀, изъ ихъ, изветоша̀ло, ро̀вы есь (рвы), пасалтырь, видите-лъ, карто̀фъ,

дѣ (гдѣ) стрѣ̀тило (встрѣтило), насквостъ (вліяніе формъ подобныхъ жись и жисть).

Въ оченъ видимъ отверденіе конечнаго зубного, бы̀лно (энклитика), вѣроятно, образовано изъ двухъ словъ: было, ино.

Особенными по ударенію являются слова:

болотѝстые мѣста, хворосто̀мъ, въ села̀хъ, въ комлѣ̀, нарушѝлось (все это нарушѝлось — кончилось, прекратилось), пролѣнѝсси, выстро̀илъ, по э̀тому случаю.

Склоненія.

Въ формахъ существительныхъ видимъ: на етомъ пруду̀, люду было меньше, зимо̀ю, семѐйствы (им. п. мн. ч.). Творительный падежъ часто на уй: ста̀ростуй, соло̀мкуй, съ полтѝнуй, за робо̀туй. Есть собирательныя формы: *лозьѐ*, изъ *лозья̀* рубятъ вѣники. Отмѣчены также: дитѐй, въ Богородскимъ былъ, така̀я нарѣчія.

Немного особенностей замѣчено и въ прилагательныхъ: лѝшненько есь, и фаянсова и фарфо̀рова фабрика, ра̀ди, пло̀ше (сравн. ст.). Въ мѣстоименіяхъ укажемъ: оны́ (и: онѣ) и онэ̀, также: одны̀, её (не ё, в. п.), по ёму̀, съ э̀стова, э̀фтова, всегда: што.

Глаголъ.

Неопредѣленное наклоненіе: свесть (свезти), плесь, итѝть.

Изъявительное наклоненіе:

1) мо̀готъ, соткòтъ, наткòтъ, 2) робòту, рощѝтыву, 3) хòдютъ покупаютъ, кòрмютца.

Записаны также формы: есь, да̀денъ, да̀дено.

Формы возвратнаго залога: кòрмимся, сбыло̀ся, занима̀имси, пролѣнѝсси, родѝтцы, нанимаитцы, кòрмютца, нòсютца, наблюдалось и окончаніе сь.

Въ синтактическихъ формахъ укажемъ: Большая часть *стали* фабришные; ни извинѝте вмѣсто извините, дворик-атъ, говорѝли—ты.

Разговаривалъ со старикомъ, можетъ быть, старообрядцемъ, который объяснилъ между прочимъ, что у нихъ нарѣчіе «владимирское». Московское нарѣчіе начинается отъ Кудинова. По дорогѣ отъ ихъ деревни до Троицко-Сергіевской лавры почти вездѣ говорятъ по-владимирски, а иногда по-московски. Своей деревнѣ онъ даетъ не болѣе ста лѣтъ.

Крестьяне дд. Ванисова и Всеволодова были барскіе.

ГОВОРЫ АКАЮЩІЕ.

У границъ Егорьевскаго уѣзда.

Ильинскій погостъ (въ Гуслицахъ) Ильинской волости.

Объясненія о говорѣ любезно даны мѣстнымъ священникомъ о. Александромъ Глаголевскимъ.

Отличительной чертой говора указывается сильное цоканье и чеканье, которое часто слышится даже и у мужиковъ. Говоръ акающій: цаво̀, глидѐть, нися̀, родит. прилаг. часто на **ыва**: до̀бр**ыва**, творит. существ. жен. рода на уй: тѐтк**уй**, па̀лк**уй**; мя̀чикъ, жара̀, князь. Мѣны у и в нѣтъ, ф также не замѣняется звуками х или хв; д не переходитъ въ j (ходѝли, не хойли); мягкія к, г сохраняются: **кислый**, нòги (не тѝслый, нòди); въ концѣ словъ только ка, ку, ко; г произносится по-московски, какъ g; двойныя ж и ш мягки: жж̀, шш̀; въ словѣ что «звукъ между ш и ч»: что, што.

Въ 3-мъ лицѣ глаголовъ всегда **тъ**; есть формы въ родѣ ска̀зы**вутъ** (эта особенность только во множ. числѣ); стяженія въ глагольныхъ формахъ не наблюдается (говорятъ: зна̀**ишь**, дѣ̀ла**ишь**).

«Мѣстоименія правильны».

Въ прилагательныхъ можно услышать формы въ родѣ: другò мѣсто, кака̀ баба, ста̀ру избу, какѐ мѣста.

Обыкновенно употребляютъ слова: свекрòфь, сосѣ̀дъ, квашня̀, шестòкъ, и не знаютъ словъ: свекры̀, шабѐръ, дежа̀, загнѣ̀та. Но знаютъ «заку̀та», всегда говорятъ «скородѝть».

«Говорятъ вообще правильно».

Вну̀ковско Ильинской волости.

Акаютъ, но не очень рѣзко, такъ что сначала затруднишься опредѣлить, настоящее здѣсь аканье или какой то средній говоръ съ аканьемъ и оканьемъ. По крайней мѣрѣ я убѣдился въ аканьѣ послѣ того какъ нѣсколько прислушался къ говору 75-лѣтняго старика, съ которымъ я бесѣдовалъ и о которомъ въ концѣ концовъ могъ отмѣтить: ясно акаетъ.

Любопытно смѣшеніе формъ стараго окающаго говора съ формами новаго акающаго. При: сòдимъ, пасòдитъ, апсòжена, пчала̀, ничяво̀ (не разъ слышанъ неясный звукъ я) глидѝшь,

придётъ (прядетъ),—наблюдаемъ еще не исчезнувшія: ничёвò и ничевò (не ё), чётыре, семь полкòвыхъ (кажется о)[1]).

Отмѣчено также: въ нàшай дерèвни, падъѣдишь, ещè (не ё), бучàла (о пчелѣ: издавала звукъ, ей свойственный; ср. др. бъчела), суравѣшки, вырабàтыватъ.

Въ глаголахъ есть формы, образованныя стяженіемъ: вырабàтыватъ.

Звуки согласные.

Г произносится по-московски, какъ g; ч произносится съ оттѣнкомъ твердости; кажется, есть двойное твердое ж, но обыкновенно: жж, шш; бруснѝчка указываетъ па бруснѝка; иногда слышатся группы шн и шл: канèшна, нàношно заведеніе, урòшливый. — Въ говорѣ, кажется, есть чеканье и цоканье; сапòжничутъ или с-цутъ. Явилось даже подозрѣніе, очень вѣроятно, неосновательное: не существуетъ ли въ говорѣ мягкаго ц: лисици?

Вмѣсто гдѣ—дѣ, вмѣсто все—се.

Конечный губной обыкновенно мягокъ: семь.

Особенностей въ удареніи словъ немного: дòбычи плохи (ср. у Крылова: дòбычь), случàю, праслàбѣе живутъ, онъ берèжытъ ево (бережотъ).

Въ падежныхъ формахъ именъ существительныхъ наблюдаемъ: берèзнику, осѝннику (родит. падежи), нàнкуй (тв. п.), болòты, маслѧ̀ты (им. падежа мн. ч.), въ лю̀дяфъ живутъ, въ деревня̀фъ, въ нашихъ памятя̀фъ, въ картуза̀фъ.

Въ прилагательныхъ можно указать: нàношно заведеніе, земля-то хорòша, бàрски (были крестьяне).

Имен. падежъ мн. числа оканчивается на іе и іи: торфя̀ные, бѣ̀лые, хорòшіи; въ формахъ сравнит. степени отмѣчено: по-простѣ̀е, усиливающая степень качества частица рос здѣсь

---

1) Отъ одного лица изъ-подъ Рудни Москов. у. я слышалъ, напримѣръ, такія несогласныя одно съ другимъ произношенія: палтары́, чёвó, верстá (не ё), покóсъ (неясно).

приставляется даже къ существительнымъ: старикѝ-рос-старикѝ.

Между мѣстоименіями замѣчательны: анѝ, на неѐ (не ё), еѐ (не ё: еѐ были мы кресьяне), атъ ней (отъ нея: ему перешло атъ ней), ей (её: было меньше ей), у евò (не у нево), какѝ-то.

Глаголъ.

Неопредѣлен. наклоненіе: извѐсь (деньги: истратить), привѐсь (привезти), соблю̀сь (соблюсти); итѝть.

Изъявительное наклоненіе: не пòльзовамси (кажется си); рабòтутъ, сапòжничутъ.

Замѣчательно: паспѣ́ютъ (поспѣваютъ: аны паспѣ́ютъ).

Записано также: владàли, ходите *видáите* (много).

Окончанія возвратнаго залога: не пòльзовамси (кажется си), занимàюсь, спрасѝсь, у̀читса, разжилсѝ, женѝлсы, избаловàлсы, не садѝтцы, кàжитцы.

Въ числѣ особыхъ словъ укажемъ: паслѝ, кудѝ, почѐсь (почти), бывàлачи (бывало; часто въ Зарайскѣ Рязан. г.).

Въ синтаксисѣ числа приведемъ:

въ нашихъ памятя̀фъ; наротъ памаложе паслàбѣе *живутъ*; пчалà не садитцы (собирательно).

Въ употребленіи предлоговъ и падежей укажемъ:

взъѣдешь въ Москву, на Гвознѣ базаръ — въ Гвознѣ, учится въ граматѣ, аны владàли эту пожню (в. п.).

Формы члена:

земля̀-то (вѣроятно, здѣсь звукъ о[а]), зѐмлю-ту, ребя̀ты-тѣ, прѐжди-ти.

Въ слѣдующемъ селеніи Слободкѣ я слышалъ на улицѣ произношенія, показывающія аканье и иканье (не сильныя). Здѣсь же: «Живетъ *надъ* колотцемъ» (противъ колодца).

Беззу́бово, *Беззубовской волости.*

Объясненія о говорѣ учителя мѣстной школы Семена Ивановича Левина, котораго еще разъ прошу принять мою благодарность за его сообщеніе.

Прежде всего указано цоканье и чеканье, какъ главная черта говора.

По объясненію наблюдателя, здѣсь приблизительно «двѣ трети словъ на а и одна треть на о». Старики окаютъ больше. Аканье явленіе заносное, вырабатывается въ силу сношеній съ акающими мѣстностями; яканья нѣтъ.

Примѣры произношеній для звуковъ гласныхъ:

до̀брыва, си̇̀нива, дѣ̀лышь, ду̀мытъ, «сыловѐй, мылодо̀й, зыхотѣ̀лъ преобладаетъ»; «све^ато̀й, но болѣе е», утопри̇̀, жера̀, мѐчикъ (исключительный случай, обыкновенно я: зять, князь и т. п.).

Г = g; телѣ̀къ, ножъ; обыкновенно: землянѝка; только кѝнуть, кѝслый, но̀ги; Ва̀нькя, чяйкю̀; пагляѝ (рѣдко); Хвѐдаръ, Ехрѐмъ, хранцусъ; ч съ оттѣнкомъ твердости; вмѣсто ч (иногда) шч (сочетаніе твердыхъ звуковъ): шчэво̀, вмѣсто что—шчо (звуки слитны и неясны) вмѣсто щ—шщ: шщи; только внукъ, давно̀; омма̀нъ (очень рѣдко); можно услышать твердое двойное ж; вмѣсто человѣкъ часто челэ̀къ; можно услышать произношеніе на ву̀лицу, другіе подобные случаи рѣдки.

Въ существительныхъ указанъ творит. на уй: тѐткуй, па̀лкуй.

Именит. падежъ мн. числа именъ прилагательныхъ оканчивается на іи, ія: сухі̀и, сухі̀я («на е почти не слыхать»). «Краткія окончанія преимуществуютъ»: друго̀ дѣло. кака̀ баба, ста̀ру избу, какѐ (?) мѣста.

Мѣстоименія литературны.

Въ глаголахъ слышатся часто: ска̀зыву, дѣ̀лышь, ду̀мытъ, ска̀зывутъ; обыкновенно хо̀дютъ (не ятъ); тъ не отбрасы-

вается; жгётца, текётъ обыкновенно; часто задіётъ, паспіётъ, надіётъ вмѣсто задѣваетъ, поспѣваетъ, надѣваетъ; возвратный залогъ обыкновенно на сы: воротѝлсы, сдѣ̀лалсы.

Въ словарѣ замѣчательны: онтэ̀лѣ, онтэ̀да.

Говорятъ: свекрòфь, сосѣдъ, квашня̀ и не знаютъ словъ: свекры̀, шабёръ, дежà; обыкновенно: скородѝть; преимущественно: клѣвъ.

Здѣшняя рѣчь оказывается вообще быстрѣе, чѣмъ рѣчь сосѣднихъ окающихъ мѣстностей. Медленность рѣчи наблюдатель объясняетъ неразвитостью населенія. Это объясненіе можно истолковать въ томъ смыслѣ, что ближайшія акающія мѣстности являются болѣе связанными съ Москвой и болѣе культурными.

Въ видѣ дополненія и поправки къ этимъ свѣдѣніямъ я могу добавить, что я слышалъ произношенія: атъ чявò, въ говорѣ одного акающаго лица замѣтилъ: цолкòвыхъ, слышалъ также произношенія: Кумарёвы, при своихъ глàзѣхъ, сухіе, дожечкỳ (записано такъ!), милòй (но, милòй [на лошадь]); слышалъ твердое ч, двойное твердое ш и ж (молодая сказала: дожжѝ, пожилая: дожжы̀).

Г. Левинъ сообщилъ также мнѣ, что въ Загàрьѣ Богор. у. окаютъ, цокаютъ; говорятъ погляй, теè, сеè. Онъ же говорилъ, что мѣны **у** и **в** нѣтъ въ Егорьевскомъ уѣздѣ.

Въ Игнатовѣ Беззубовской волости я записалъ: чавò, ч твердо, Беззỳбаськай.

Егорьевскій уѣздъ.

«Охрёмоско» *Нечаевской волости.*

Аканье и яканье: ничявò, всявò, чявò (мужикъ), цалкòвыхъ, сянòфъ, лясòфъ, пясòкъ (старуха), яму̀, вязỳтъ, цвятỳ, съ вясны̀, чяты̀ри (мужикъ), дрявà (деревà: дѣ некрись тамъ Гаспоть паслалъ всяки дрявà...), даже: кружавѝнку.

Звуки е, ѣ, я обращаются въ и: **виздѣ**, **синьцà**, **пишкòмъ**, **дитèй**, **глидѝ**.

Другіе примѣры особенностей въ употребленіи гласныхъ звуковъ:

а: **пригатàвливать**, **двоя̀шки**, **пасля̀**, о: въ **кòзну**, **дòржитъ**, **пасёву** (пасёву немного — посѣву), **тòжо** (о ясно) [1]), у: **хуть** энклитика), **супагѝ**, **кубакѝ** (казенные **кубакѝ**), **Го'спòдь** (о склонное къ у), на **нỳмерѣ**, **òчюнъ**, **Арю̀ша** (ласк. отъ Арина), э(е): **аттэль** и **аттэля**, **апѐть**, въ **Рѳзàнскай**, **сухòѳ** (сохраненіе неударяемаго звука), **ищѐ** (не ё), ни травы **нѳ хлѣ̀ба**, ы-и **ыи**: **зàтритцыть**, **басивикѝ** (босовики), **ахрѐмиски**, **си̇верна** (холодно), **си̇веръ** (холодъ).

Въ глаголахъ нерѣдки формы стяженія: **хвàсташь**, **кỳшашь**, **рабòтатъ**, **кры̀катъ** (курица: клохчетъ), **не знаимъ не вѣ̀дамъ**. Подобныя формы, кажется, не должны ставиться въ связь съ аканьемъ или оканьемъ. Онѣ указываютъ на говоръ, издавна употреблявшій твердое окончаніе 3-го лица изъявительнаго наклоненія. Современные сѣверные говоры представляютъ въ себѣ переходныя формы отъ знаетъ до знатъ: **знаэтъ-знаатъ-знатъ**, въ которыхъ на расширеніе э до а долженъ былъ оказывать вліяніе и слѣдующій твердый звукъ т.

Въ особенностяхъ употребленія *согласныхъ* звуковъ нужно прежде всего указать *цоканье* и *чеканье*. Звукъ ч произносится часто очень твердо. И ц и ч произносятся энергичнѣе обыкновеннаго, какъ бы съ слабымъ призвукомъ т впереди себя. Иногда этотъ призвукъ доходитъ до вполнѣ яснаго т. Въ слѣдующихъ записяхъ первое произношеніе я буду обозначать: ᵀц, ᵀч, второе: тц, тч: **нѐᵀцимъ** (нечѣмъ), **огурᵀчà** (старикъ), **нѐтчаво**, **тчудатвòрецъ** (мужикъ). Эти особенности произношенія относятся ко всѣмъ членамъ семьи, разговоръ съ которой записывался.

1) Вѣроятно, передъ слѣдующимъ о. Ср. въ Москов. у. всё — однó.

Употребленіе звуковъ г, к, х представляетъ мало особенностей. Записаны произношенія: Наспòдь (латинская буква; кажется такъ), дѐкоть (деготь; к изъ формы *дѐктю), хто, хъ цаму̀, брусники.

Двойныя ж, ш по временамъ тверды: дòжжыкъ, дожжэчòкъ, пѝшшу, пушшàютъ; иногда вмѣсто двухъ ш одно: ишша (еще, энклитика) имушшства. Слово нащипли̇̀ оказалось произнесеннымъ какъ-то въ родѣ натчипли̇̀, вмѣсто нашего ращётафъ я слышалъ: рашчòтафъ (почти такъ). Для слова дождь записаны произношенія: дощь, дожъ, дошшъ. Слово почти̇̀ было произнесено близко къ пасти̇̀ (мужикъ).

Замѣчены также произношенія: цѐресъ я ихъ асталса, женщина ображдòна мертва лежитъ, мàненькай, тетрàти (мн. ч.).

Есть мѣна ф и х: въ Хàустава ѣздила (Фаустово).

Есть случаи обращенія д въ j: пай (поди).

Въ говорѣ старухи (которая взята изъ Богородскаго уѣзда изъ какой-то близкой сюда мѣстности) наблюдается т близкое къ ц и звукъ средній между с и ш. Вмѣсто тея̀ она говоритъ почти цея, тёпла произноситъ близко къ цёпла; тѐсна, тётка смахиваютъ на цѐсна, цётка, тэти (вѣдь эти) почти цэти; съ воскресѐнья, слòвно почти воскрешѐнья, шлòвно.

Въ окончаніяхъ существительныхъ и прилагательныхъ часто слышатся мягкіе звуки: синьцà, каньцà, ильѝньськава, ильѝньскай, день-деньскòй, папòськава, ахрѐмиськи, карьмѝласькіе.

Конечный губной мягокъ: семь, чирназѐмь. Замѣченъ одинъ случай перестановки: гнѝльны (глиняные; произн. мужика).

Твердый звукъ вмѣсто нашего мягкаго видимъ въ словахъ: разы̀нулъ (ротъ разы̀нулъ), вынàть, вынàй, вынàитъ.

Вставки и пропуски гласныхъ и согласныхъ (различнаго происхожденія) замѣчены въ словахъ:

изапьѐтъ, мòланья, патѳревòжили (почти такъ); назьму̀ (родит. отъ наземъ) э̀ткихъ, дерво (почти нѣтъ гласной), пазàть

Егорья; за вѝнамъ (за овѝномъ), за слушѐніе (за ослушѐніе: Гасподь яму далъ [наказаніе] за слушѐніе), на тàвѣ (на отàвѣ), ни твѐрзли (не отвѐрзли: уста ни тверзли); дѣ (гдѣ), Бознатъ (Богъ знаетъ: Бознатъ это) кады̀ (когда), ахрѐмаско, карьмѝласькіе, затрѣ̀ха (застрѣха), паркѝ (портки), ты̀дишь (вотъ видишь), страмнàя вада; япòйкавай (сапокъ япòйкавай).

Особое удареніе замѣчено въ слѣдующихъ случаяхъ:

Нéльзя, дòбычи нѣтъ, ѝной (иной разъ), цѐресъ (черезъ), рашшà (роща), въ рашшàфъ, изъ дамà, названòй (только што названòй гаратъ), вымàжисси, выстрòилъ, станавѝтца (3 лицо; ср. у Крылова, въ 6. Мельникъ: А течь день ото дня сильнѣе становѝтца), приведенà.

Склоненіе.

Въ формахъ склоненія обращаетъ на себя вниманіе родит. падежъ на у: канцу̀ не будетъ, назьму̀,

творит. на уй: чѐрнуй крàскуй и др. случаи (слышаны не разъ) и òю: залòю, самъ сабòю,

предложный на у: въ гараду̀,

родительный множ. на афъ вмѣсто ъ: фàбрикафъ (муж.).

творительный множественнаго на ими: со слѝвкими,

предложный на афъ: въ рашшàфъ (муж.), въ учѝлишшафъ, въ вѣнцàфъ, въ кòчкафъ (муж.), въ дамàфъ.

Отмѣчены также формы: па желѣ̀зи (вліяніе аканья), бабушкǒо! (звательный падежъ на протяжное о, къ которому приставляется еще слабое о, при призывѣ).

Названія городовъ склоняются какъ прилагательныя: въ Егòрьевскамъ, въ Зарàйскимъ.

Въ падежныхъ формахъ прилагательныхъ обращаютъ на себя вниманіе произношенія: въ бальшу̀я (вліяніе аканья), пьяни, гада сухіе, карьмѝласькіе.

Употребительны краткія формы: Охрѐмоско, рожь харȍша, женщина абражȍна (родившая) мѐртва (лежитъ), въ сýхиньку бумашку, катȍры, гнѝльны (глиняные; мужикъ).

Сравнительная степень часто на ей вмѣсто нашего е: *плȍшей*, *стàрѣй*, *бȍльшей*, *мѐньшей*, *лýчшей* и др. Записано также: *гарѣе* этой (жизни) нѣтъ.

Въ мѣстоименіяхъ можно указать формы: *анѝ*, также: адны̀, *у тея̀*, *сеѐ*, *теѐ*, и *теэ̀*, на неѐ (не ё), еѐ (не ё), да сѐхъ поръ, э̀нта, изъ э̀става, штабы, иногда *що* вмѣсто что.

Глаголъ.

Неопредѣл. наклоненіе: патѝть (пойти), прайтѝть, дайтѝть.

Изъявительное наклоненіе: магȍтъ, магётъ (старуха); не вѣ̀ду (старуха), набалȍвывутъ, рабȍтутъ, не дѣ̀лутъ; 2-е спряженіе на утъ, ютъ: крýшутъ, хȍдютъ; въ одномъ случаѣ мнѣ показалось, что произнесли: прихȍди вмѣсто прихȍдитъ, но этотъ фактъ отмѣченъ у меня какъ сомнительный (записано: «кажется, такъ?») и долженъ быть провѣренъ; отмѣченное мной *бýде* (бýде ругàтца) нерѣдко въ говорахъ, не отбрасывающихъ тъ (таковы, напримѣръ, говоры Владим. губ.).

Формы возвратнаго залога разнообразны: рядѝся (записано такъ, но нѣтъ отмѣтки, что такъ именно слышано), затенàстилса, мàисси-мàисси, да и сшибѐсси, катàлсы, ругàтца, трȍгатцы, разливàетцы (мужикъ).

Записано также: дитей *наражȍмши* (народивши) нада растить.

Въ словоупотребленіи укажемъ:

аттэ̀ль, *аттэ̀лѣ*, *аттэ̀ля*, *кадѝ* (когда), *тàма*, *нàдать* (старуха), *либȍ-што* (гаспотски тамъ либȍ-што—либо еще што), *кой* ([яйцо], кое разбила-та), *ищинъ* (еще, энклитика), цай (чай[1]): вѣроятно).

---

1) Въ Зарайскѣ и подъ Калугой надъ этимъ словомъ смѣются. Очевидно, оно сѣверное.

Любопытно плеонастическое употребленіе мѣстоименія 2-го лица: Идетъ *теѐ* въ городъ.

Синтаксисъ.

Видимъ нѣсколько различій въ родѣ словъ (неодинаковаго происхожденія): **учы̀лишша**, **учы̀лишшу**, (в. п.), **дὸбрава здарὸвьи**, **э̀тай врѐми**, **онà** вмѣсто **онὸ**: **онà** и такъ **харашо**.

Изрѣдка, повидимому, употребляются собирательныя формы: ставятъ *катавъѐ* (котъ въ значеніи оборванецъ) въ артѐльшшыки.

Есть особенности въ управленіи словъ: Бознатъ хто ее владàетъ (землю).

Иногда слышимъ членъ: **дажжя̀-та**, въ **дерѐвни-тѣ**, **па бальшой дарὸгѣ-тѣ**.

Разстановка словъ въ предложеніи очень свободна: цѐресъ я ихъ осталса; хто разъ два, три ѣздили (т. е. два, три разъ, раза). Послѣдній примѣръ также показываетъ употребленіе сказуемаго множественнаго числа при именахъ собирательнаго значенія.

Въ Бузя̀тахъ на первый взглядъ есть черты смѣшанности въ говорѣ. У одной женщины: аканье и: **маненько** (ясно о), **учы̀лишшо** (не слишкомъ ясно, но такъ), также: твердое ч, **пишахὸткуй**, **вадὸфъ** (водъ) у насъ нѣтъ, **вазя̀**.

Въ Кормиловскомъ и слѣдующей деревнѣ передъ Егорьевскомъ я отмѣтилъ:

аканье, *иканье*, *цоканье*, также: на **фàбрикафъ**, **нàдать** (надо).

Въ *Егорьевскѣ* при аканьѣ я слышалъ **ёму̀**, почти **робὸтать** (можетъ быть, **роᵃбὸтать**). Также **ся** въ возвратномъ залогѣ, стяженіе въ глагольныхъ формахъ. Произношеніе **чьѐ** (мн. ч.) я слышалъ уже въ вагонѣ.

Василій Ивановичъ Туминъ, учитель одного изъ начальныхъ училищъ г. Егорьевска, мѣстный житель и уроженецъ, любезно сдѣлалъ мнѣ нѣсколько объясненій о говорѣ г. Егорьевска и его окрестностей по вопросамъ, которые я ему предложилъ. Воспользуюсь нѣкоторыми изъ его объясненій:

Всѣ акаютъ; довольно часто: тѐтк**уй**, па̀лк**уй**, сва̀х**уй**; мѣны у и в нѣтъ во всемъ уѣздѣ; цоканье въ деревняхъ очень распространено (особенно среди женщинъ); у крестьянъ, стариковъ, бабъ: **х**унтъ, **Х**вѐдаръ; у крестьянъ: кя, кю въ концѣ словъ; въ сѣверной части уѣзда изрѣдка: сем**ъ**, кро**ф**ъ; у крестьянъ: тея̀, сея̀, теѐ, сеѐ, 3 лицо на тъ, возвратный залогъ на си.

Въ говорѣ одного лица изъ-подъ Егорьевска я имѣлъ случай замѣтить: аканье (чаво́), очень твердое ч, двойное твердое ж, стяженіе въ глагольныхъ формахъ (ока̀зыватца, 3 лицо ед. ч.).

Г. Туминъ также сообщилъ мнѣ, что Лузга̀ринская и Красненская волости (сѣверная часть уѣзда, ближе къ Покровскому) окаютъ.

Любезности секретаря Егорьевской земской управы Александра Ивановича Альбицкаго я обязанъ объясненіями о говорѣ одной мѣстности въ южной части Егорьевскаго уѣзда. Это говоръ села Почи̇нки Починковской волости и близкихъ къ нему мѣстъ, около 20 верстъ отъ Оки.

Здѣсь акаютъ, кажется, нерѣзко. Говорятъ: со̀дишь, во̀ришь, **я**во̀, гн**я**здо̀, в**я**дро̀. Въ родит. падежѣ прилагат., можетъ быть, **ы**ва, творит. на **уй**: тѐтк**уй**, па̀лк**уй**. Говорятъ; зн**а**шь, дум**а**шь, дѣл**а**шь. Мѣны у и в и звука ў нѣтъ вовсе. Цокаютъ. Г=g. Исключительно: **к**и̇нуть, **к**и̇слый, но̀**ги**. Можно услышать: по**й**, гля**й** (впрочемъ, это показаніе дано вообще для Егорьевскаго уѣзда). Ч тверже обыкновеннаго. **Х**абрика, **х**унтъ. Сем**ъ**, кро**ф**ъ. Кя, кю, кё, въ окончаніяхъ словъ «слышатся сплошь и рядомъ». «Короткія окончанія прилагательныхъ».

Въ мѣстоименіяхъ указано: ёнъ—онъ, що—что; въ глаголахъ ть въ 3-мъ лицѣ: хо̀ди**тъ**, иду**тъ**, идѐ, несѐ вмѣсто идётъ, несётъ и др. Возврат. залогъ на **ся**.

Говорятъ: плахàя здаровья, парнàя малако.

Цоканье весьма распространено, но исчезаетъ.

Употребительны слова: скородить, закута, квашня, свекры, ба̀ить.

Я посѣтилъ данныя мѣстности лѣтомъ 1899 года по совѣту А. А. Шахматова, указывавшаго мнѣ неоднократно на особое значеніе, которое имѣетъ для діалектологіи изученіе говоровъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ проходятъ границы аканья и оканья. Въ особенности онъ рекомендовалъ мнѣ познакомиться съ говорами Егорьевскаго уѣзда и доставить о нихъ нѣсколько свѣдѣній, которыя бы могли пригодиться для сравненія говоровъ этого уѣзда съ сосѣдними Касимовскими говорами, для знакомства съ которыми имѣются богатые матеріалы въ трудѣ проф. Е. Ѳ. Будде. Но ни тогда, ни послѣ мнѣ не удалось познакомиться съ Егорьевскими говорами на столько, на сколько это необходимо для собирателя, обязаннаго дать полныя и точныя свѣдѣнія, которыя не вызывали бы у ученыхъ сожалѣнія, о томъ, что для разъясненія того или другого вопроса не имѣется данныхъ. Я сдѣлалъ нѣсколько записей проѣздомъ, не живя въ указанныхъ мѣстностяхъ; обратился съ нѣсколькими вопросами къ мѣстнымъ жителямъ и даю нѣкоторые ихъ отвѣты — вопреки требованіямъ науки—безъ провѣрки. Всетаки объ изученіи Егорьевскихъ говоровъ будетъ поднятъ вопросъ, хотя и не мною.

В. Чернышевъ.

ИЗВѢСТІЯ

ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ

ИМПЕРАТОРСКОЙ

АКАДЕМІИ НАУКЪ.

ОБЩЕЕ СОДЕРЖАНІЕ

I—V ТОМОВЪ

(1896—1900 гг.).

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
1901.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Мартъ 1901.
Непремѣнный секретарь, Академикъ *Н. Дубровинъ*.

ОБЩЕЕ СОДЕРЖАНІЕ

Извѣстій Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ

I—V томовъ (1896—1900 гг.).

ТОМЪ I (1896).

КНИЖКА ПЕРВАЯ.

КНИЖКА ВТОРАЯ.

КНИЖКА ТРЕТЬЯ.

КНИЖКА ЧЕТВЕРТАЯ.

ТОМЪ II (1897).

КНИЖКА ПЕРВАЯ.

КНИЖКА ВТОРАЯ.

КНИЖКА ТРЕТЬЯ.

КНИЖКА ЧЕТВЕРТАЯ.

СТРАН.

ТОМЪ III (1898).

КНИЖКА ПЕРВАЯ.

Объявленіе о подпискѣ на 1898 г. на духовно-академическіе журналы «Церковный Вѣстникъ» и «Христіанское Чтеніе».

КНИЖКА ВТОРАЯ.

Объявленіе о подпискѣ на 1898 годъ на духовно-академическіе журналы: «Церковный Вѣстникъ» и «Христіанское Чтеніе».

Приложенія къ III-му тому, книгѣ 2-й Извѣстій:

КНИЖКА ТРЕТЬЯ.

Приложенія *къ III-му тому, книгѣ 3-й Извѣстій*:

КНИЖКА ЧЕТВЕРТАЯ.

ТОМЪ IV (1899).

КНИЖКА ПЕРВАЯ.

Къ настоящей книжкѣ приложены *два фототипическихъ снимка съ Саввиной Книги XI вѣка,* принадлежащихъ къ Разсужденію о языкѣ этого памятника В. Н. Щепкина.

КНИЖКА ВТОРАЯ.

Къ этой книжкѣ приложены восемь автотипическихъ снимковъ съ письма Перваго Самозванца на польскомъ языкѣ и съ русскихъ грамотъ того времени на столбцахъ.

КНИЖКА ТРЕТЬЯ.

КНИЖКА ЧЕТВЕРТАЯ.

ТОМЪ V (1900).

КНИЖКА ПЕРВАЯ.

КНИЖКА ВТОРАЯ

КНИЖКА ТРЕТЬЯ.

КНИЖКА ЧЕТВЕРТАЯ.

Опечатки, дополненія и поправки: 1) къ статьѣ А. И. Белича: «Къ двойственному числу въ старославянскомъ» (Изв. IV, 4, 1899 г., стр. 1159—1191) и 2) къ статьѣ А. В. Маркова и А. Д. Григорьева: «Былинная традиція на Бѣломъ морѣ» (Изв. V, 2, 1900 г., стр. 641—653).

УКАЗАТЕЛИ:

I. — именъ авторовъ.

---

1) Здѣсь римскія цифры обозначаютъ страницы «Общаго содержанія I—V томовъ (изд. 1896—1900 гг.) Извѣстій».

II. именъ собственныхъ

(авторовъ рецензируемыхъ сочиненій и проч.).